This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at http://books.google.com/

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице http://books.google.com/

PSlav 605.10

av 605.10

P Slav 605.10

1893 7-8

РУССКАЯ

МЫСЛЬ.

ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

ІЮЛЬ.

МОСКВА.
Типо-лит. Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°,
Пименовская ул., собств. домъ.
1893.

Printed in USSR

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I. АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ ГЕРЦЕНЪ И НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА ЗАХАРЬИНА. (Ихъ переписка). *Продолженіе* . 1

II. МАЙОРЪ БОБКОВЪ И ЕГО СИРОТЫ. (Изъ «Сказокъ дѣйствительности»). *Окончаніе.*—**Вас. И. Немировича-Данченко**. . . 23

III. СТИХОТВОРЕНІЕ.—**С. Г—та**. 76

IV. ЛИШНЯЯ.—**Ек. Лѣтковой** 77

V. ТЕССЪ, НАСЛѢДНИЦА Д'ОРБЕРВИЛЕЙ. Романъ **Томаса Гарди**. Переводъ съ англійскаго. *Продолженіе* 110

VI. СОПЕРНИЦЫ. Романъ **Франсуа Коппе**. Переводъ съ французскаго **М**. 189

VII. ПОДАТЬ И НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО. *Окончаніе.* — **П. А. Голубева** 1

VII. ГЛАВНЫЯ ТЕЧЕНІЯ РУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ XVIII И XIX СТОЛѢТІЙ. *Продолженіе.*—**П. Н. Милюкова** 30

IX. РЕЛИГІОЗНО-ОБЩЕСТВЕННЫЙ ИДЕАЛЪ ЗАПАДНАГО ХРИСТІАНСТВА ВЪ V ВѢКѢ. («Міросозерцаніе блажен. Августина». Князя Евгенія Трубецкого).—**П. Г. Виноградова**. 51

X. НѢКОТОРЫЯ ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦІИ ПРОДОВОЛЬСТВЕННАГО ДѢЛА ВЪ НИЖЕГОРОДСКОМЪ КРАѢ. — **Вл. Г. Короленко**. 59

XI. ЛИЧНОЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНІЕ И ИЗМѢНЕНІЯ ОБЩЕСТВЕННЫХЪ ФОРМЪ. (По поводу новой книги Тарда: *Les transformations du Droit.* Paris, 1893).—**Л. Е. Оболенскаго** . . 74

XII. МОНТЕСКЬЁ. (*Ad. Frank:* «Réformateurs et publicist l'Europe»). *Окончаніе.*—**И. К—ной**. . . . . .

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ

НОВАЯ КНИГА:

Генрикъ Сенкевичъ:

„ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ".

Та третья.—Янко музыкантъ.—Поѣздка въ Аѳины.—Старый слуга.—Ганя.—Фонарщикъ на маякѣ.—Бартекъ Побѣдитель.—Пойдемъ за нимъ!

Въ переводѣ В. М. Лаврова, съ предисловіемъ В. А. Гольцева.

Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкою 1 р. 80 к.

Складъ изданія въ конторѣ журнала *Русская Мысль* (Москва, Леонтьевскій пер., 21).

НОВАЯ КНИГА:

Генрикъ Сенкевичъ:

„БЕЗЪ ДОГМАТА".

Современный романъ. Переводъ В. М. Лаврова.

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ.

Цѣна безъ пересылки 1 р. 50 к., съ пересылкою—1 р. 80 к. Подписчики „Русской Мысли" за пересылку не платятъ. Складъ изданія въ конторѣ редакціи журнала „Русская Мысль" (Москва, Леонтьевскій, 21).

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА:

„КОСМОПОЛИСЪ“.

РОМАНЪ

Поля Бурже.

Переводъ съ французскаго М. Н. Ремезова. Изданіе редакц журнала «Русская Мысль».

Цѣна 1 руб. 50 к., съ пересылкою 1 руб. 80 к

Складъ изданія въ конторѣ редакціи журнала «Русская Мысль (Москва, Леонтьевскій, 21).

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ:

ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ

Вл. Г. Короленко.

КНИГА ПЕРВАЯ И ВТОРАЯ.

Изданіе редакціи журнала „РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

ЦѢНА КАЖДОЙ КНИГИ 1 р. 50 к.

Складъ изданія въ конторѣ редакціи журнала «Русская Мыс (Москва, Леонтьевскій, 21).

П 5741

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

КНИГА VII.

МОСКВА.

1893.

P Slav 605.10
v

HARVARD COLLEGE LIBRARY
FROM THE
ARCHIBALD CARY COOLIDGE FUND
MAR 26 1934

Москва. Типо-литогр. Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I. АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ ГЕРЦЕНЪ И НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА ЗАХАРЬИНА. (Ихъ переписка). *Продолженіе* . 1

II. МАЙОРЪ БОБКОВЪ И ЕГО СИРОТЫ. (Изъ «Сказокъ дѣйствительности»). *Окончаніе.*—**Вас. И. Немировича-Данченко.** . . 23

III. СТИХОТВОРЕНІЕ.—**С. Г—та.** 76

IV. ЛИПНЯЯ.— **Ек. Лѣтковой.** 77

V. ТЕССЪ, НАСЛѢДНИЦА Д'ОРБЕРВИЛЕЙ. Романъ **Томаса Гарди.** Переводъ съ англійскаго. *Продолженіе* 110

VI. СОПЕРНИЦЫ. Романъ **Франсуа Коппе.** Переводъ съ французскаго **М. Н. Р.** 189

VII. ПОДАТЬ И НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО. *Окончаніе.* — **П. А. Голубева** 1

VIII. ГЛАВНЫЯ ТЕЧЕНІЯ РУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ XVIII И XIX СТОЛѢТІЙ. *Продолженіе.*—**П. Н. Милюкова** 30

IX. РЕЛИГІОЗНО-ОБЩЕСТВЕННЫЙ ИДЕАЛЪ ЗАПАДНАГО ХРИСТІАНСТВА ВЪ V ВѢКѢ. («Міросозерцаніе блажен. Августина». Князя Евгенія Трубецкого).—**П. Г. Виноградова** 51

X. НѢКОТОРЫЯ ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦІИ ПРОДОВОЛЬСТВЕННАГО ДѢЛА ВЪ НИЖЕГОРОДСКОМЪ КРАѢ. — **Вл. Г. Короленко.** 59

I. ЛИЧНОЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНІЕ И ИЗМѢНЕНІЯ ОБЩЕСТВЕННЫХЪ ФОРМЪ. (По поводу новой книги Тарда: *Les transformations du Droit.* Paris, 1893).—**Л. Е. Оболенскаго** 74

I. МОНТЕСКЬЁ. (*Ad. Frank:* «Réformateurs et publicistes de l'Europe»). *Окончаніе.*—**И. К—ной** 97

Ст.

XIII. НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ: **Коренной вопросъ антропологіи.—М. А. Мензбира** 1

XIV. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: Законопроектъ о неотчуждаемости крестьянской надѣльной земли. — Темныя стороны нашей ремесленной промышленности.—Циркуляръ г. попечителя кавказскаго учебнаго округа.—Успѣхи земской начальной школы.—По поводу излишней обидчивости одного общественнаго дѣятеля. 1

XV. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.— **В. А. Гольцева.** 1

XVI. ОЧЕРКИ ПРОВИНЦІАЛЬНОЙ ЖИЗНИ.— **И. И. Иванюкова** . . 1

XVII. ИЗЪ ИСТОРІИ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ. (Записки и дневникъ (1826—1877 гг.) А. В. Никитенка. Три тома). *Окончаніе.*—**М. А. Протопопова** 1

XVIII. ПОКРЫВАТЬ ИЛИ РАСКРЫВАТЬ РАСТРАТЫ. (По поводу «опроверженія» г. Обтяжнова).—**Провинціальнаго наблюдателя** . . . 2

XIX. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ: I. **Книги**: Беллетристика.—Публицистика.—Философія.—Исторія и біографіи.—Политическая экономія и статистика.— Юридическія книги.— Сельское хозяйство.—Естествознаніе.—Техническія книги.—Медицина.—Учебники и дѣтскія книги.—Справочныя книги. II. **Періодическія изданія**: «Вѣстникъ Европы», *іюнь*.—«Русское Богатство», *май—іюнь*. — «Русское Обозрѣніе», *іюнь*. — «Русскій Вѣстникъ», *іюнь*.—«Сѣверный Вѣстникъ», *іюнь*. — «Міръ Божій», *іюнь*.—«Русскій Архивъ», *январь—іюнь*. III. **Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 іюня по 1 іюля 1893 г.** 2

Александръ Ивановичъ Герценъ и Наталья Александровна Захарьина *).

(Ихъ переписка).

Загорье, 1836 г., іюня 8-го.

Теперь три часа (по)полудни. Я одна-одинёшенька наверху въ огромной комнатѣ, гдѣ одинъ развалившійся диванъ и ветхій столъ, но мнѣ такъ хорошо, такъ свободно, что я не промѣняла бы ея на дворецъ.

Москва почти пуста для меня, потому, когда я собиралась, грустное чувство тяготило душу; что-то слишкомъ одиноко, слишкомъ сиротливо. Но передъ тѣмъ, какъ ѣхать, пришла ко мнѣ маменька проститься, и я утѣшилась. Прощаясь, она перекрестила меня и будто тѣмъ подтвердила еще, что мы, дѣти ея, соединены навѣки. Тутъ новое наслажденіе узнала душа: такъ долго я была всѣмъ чужая, такъ долго [1])... и вдругъ родное благословеніе!

Третій день не нарадуюсь свободой, не налюбуюсь всею прелестью и красотой природы. Теперь мнѣ, кажется, хорошо здѣсь, я не жалѣю, что оставила Москву. Со мною нѣтъ никого: природа—моя подруга, ей повѣряю я любовь мою, святую тайну души, съ ней безпрерывно говорю о чудесахъ Божіихъ, которыя совершились надо мной [2]), о моемъ спасителѣ, о моемъ Александрѣ... О, пусть бы прилетѣлъ невидимкой подслушать эту тайную, священную бесѣду души съ природой, подслушать языкъ, которымъ онѣ передаютъ другъ другу блаженство и любовь, подслушать истины ихъ, ихъ молитву, тогда-бъ увидѣлъ ты, *что* ты мнѣ и какъ

---

*) *Русская Мысль*, кн. VI.

[1]) Н. А. съ 7 лѣтъ росла одиноко, безъ матери, безъ отца, не имѣя ни одного близ[кого] существа вокругъ, кромѣ няни Костеньки.

[2]) Т.-е. что исполнились ея дѣтскія мечты—полюбилъ ее А. И.

ю тебя, ангелъ мой! Тогда открылось (бы) передъ тобою все
ичное море любви моей, о которой ничто обыкновенное не
дать понятія.
-то мнѣ не вѣрится, Александръ, чтобы мы еще долго не
ись съ тобою: слишкомъ мучительна душѣ разлука, жела-
ть съ тобою такъ огромно, ему тѣсно въ моей груди; ка-
оно разлилось вокругъ меня на далекое пространство—и
мый воздухъ дышетъ грустью и тоскою, все зоветъ тебя,
етъ тебя, все трепетно ждетъ минуты свиданія. (Не) быть
ою такъ долго—выше всякаго страданія на свѣтѣ, и ког-
этимъ искупилось то пятно, о которомъ ты говоришь; я
иду еще на большія мученія; пусть малѣйшій поступокъ
алѣйшая ошибка очищаются моими страданіями; все ра-
снесу я для тебя, ангелъ мой; всему награда—твоя лю-

брази, я забыла писать и долго, долго говорила съ тобою,
и много прошло, пора разставаться. Балконъ открытъ и ка-
матическій воздухъ, какая нѣга! Когда же ты услышишь,
скажу тебѣ: ангелъ мой, посмотри, какъ хорошо?! Прости!

Середа, 10-е.

е письмо и просвиру к. [1]) получила еще въ Москвѣ [2]) и
айно была довольна. Ну, теперь, мнѣ кажется, вы не-
помирились. Впрочемъ, она замѣтила, что «что ты ду-
маешь, съ чѣмъ къ кому подъѣхать». Но это почти не-
ю: она очень сердилась на тебя, а впередъ это могло бы
ить большимъ препятствіемъ намъ видѣться. Несносно уни-
до того, чтобъ обманывать и притворяться, я знаю, какъ
носно, и потому болѣе цѣню твою жертву, это—истинно
ибо, хотя въ необходимости, но ничто такъ не трудно,
ріятно, какъ говорить то, чего не думаешь,— дѣлать то,
желаешь.
меня это стало еще болѣе невозможнымъ съ тѣхъ поръ,
ы писалъ мнѣ изъ Крутицъ, что собесѣдники мои имѣютъ
е вліяніе и научили меня притворяться.
ѣмъ ты придаешь мнѣ столько, Александръ? Не воображай
нежели есть, и, можетъ, ты увидишь, что это слишкомъ
лишкомъ бѣдно... Что же высокаго, что дивнаго тутъ, что
[3]) прощаю, что молюсь о нихъ? И что же бы я была,

---

[1]) Агния Хованская.
[2]) т. е. до отъѣзда въ деревню.
[3]) Агніи Хованской и М. С. Макашеной, ея компаньонкѣ.

еслибъ я не дѣлала этого? Онѣ жалкія, несчастныя, онѣ требуютъ вниманія и любви болѣе, нежели кто-нибудь другой, притомъ же, онѣ мнѣ не сдѣлали никакого зла; прежде, еще давно, мнѣ казалось много непріятнымъ, а теперь... Богъ съ ними, я ничего не замѣчаю и рѣшительно прощаю имъ все; и можетъ ли душа моя страдать отъ этихъ маленькихъ толчковъ? Онѣ отняли у меня многое, но ты, развѣ ты не далъ мнѣ болѣе, нежели отнято? Благословляю ихъ за все претерпѣнное мною, все это вело меня къ раю, къ небу, къ тебѣ. Правда, я бы могла погибнуть здѣсь и съ моею душой, могла-бъ умереть, но Онъ послалъ любовь, послалъ тебя, мой спаситель!...

Другъ мой, милый другъ мой Александръ, какое богатство, какое сокровище привезла я сюда съ собою! И какъ далека я была (ото) всего этого прошлаго года! Помню, какъ теперь, на этомъ мѣстѣ читала твое письмо, гдѣ ты говоришь: «о, какъ я благодарю Бога, что мы братъ и сестра, но нѣтъ, мы болѣе, мы ближе...» И въ самомъ дѣлѣ я чувствовала, что мы болѣе, ближе, и таила это отъ самой себя, и тонкій лучъ теперешняго блаженства свѣтилъ въ душу, но свѣтилъ мелькомъ, будто украдкой, и свѣтъ его болѣе пугалъ меня, нежели манилъ за собою,— такъ огромно, такъ велико казалось мнѣ тогда счастье, въ которомъ я тону теперь, какъ песчинка въ морѣ. Бывало, какъ сердилась я на Emilie за то, что она говорила мнѣ, что я люблю тебя болѣе, нежели можно любить брата; мнѣ досадно было, что она не понимаетъ меня, не понимаетъ высокой дружбы... и рѣшительно переставала говорить, когда она мнѣ скажетъ, что ей кажется даже, что и ты любишь меня болѣе, нежели сестру. Можно ли тебя понимать такъ мелко?—думала я всегда. Такъ низко поставило меня Провидѣніе въ глазахъ самой меня, чтобы во всемъ величіи дать увидѣть послѣ мое предназначеніе, чтобы заставить меня забыть себя и жить однимъ тобою. Не гони эту мысль, что ты одинъ можешь сдѣлать меня счастливою; ты правъ, да, одинъ, одинъ ты можешь быть *моимъ ангеломъ*, одному тебѣ могла я отдать свою душу, въ одномъ тебѣ могла найти жизнь свѣтъ.

(Приписка, сдѣланная карандашомъ).

Пятница, 12-е.

Каждая свободная минута посвящается тебѣ, мой ангелъ. Теперь я одна, далеко, далеко отъ дома—на горѣ. Дома мнѣ душно, тѣсно, нехорошо; тамъ даже иногда я какъ будто умаляюсь, а здѣсь нѣтъ границъ...

Здѣсь все—былинка, дубъ, земля
И небо ясное, и храмъ святой,
Любовь и жизнь—все часть меня,
Самъ Богъ—все нераздѣльно(е) со мной!

И тутъ-то еще тягостнѣе мнѣ съ тобой разлука, ибо тутъ вс силой, всею необъятною душой я люблю тебя, а ты далеко...

Знаешь ли, почему еще я люблю быть на открытомъ воздухѣ? тогда я воображаю, что и ты не дома, а душѣ отрадно и то, что подъ разными крышами, а подъ однимъ небомъ, дышемъ одни воздухомъ.

Теперь многое въ природѣ гармонируетъ съ моею душой: яс небо, но къ западу темная туча, и сквозь нее слабо свѣтитъ солн но свѣтитъ отрадно, привѣтно, съ любовью, какъ ты изъ-за 1,0 верстъ. Кругомъ унынiе, и тишина, и пустота, но средь этой п тыни стоитъ церковь—мое первое, единственное убѣжище и п бѣжище; и вѣтеръ шумитъ, и дождикъ накрапываетъ, и слезы моихъ глазахъ...

Прощай! Отсюда далеко видна дорога изъ Москвы; не полу послѣдняго твоего письма, я думала встрѣчать по ней тебя.

16-е, вторникъ.

Какъ долго не приходятъ отъ тебя письма, какъ и ты, ангелъ, долго не получаешь моихъ. Прощай, будь веселъ, здоро спокоенъ. О, скоро-ль, скоро-ль я увижу тебя такимъ? Всею шой обнимаю тебя, ангелъ мой, прощай.

Твоя *Наташа*.

Къ Emilie отослала твое письмо. Чье страданiе не умалится вдохновенныхъ, отъ святыхъ словъ твоихъ? Еще цѣлую.

Не пиши ничего Е. И. [1]) о томъ, что я писала тебѣ [2]); ост такъ,—современемъ все перемелется.

Фортепiано со мною и Rondoletto Герца со мною [3]).

11-го iюня 1836 г., Вятка.

Ангелъ мой, Наташа! Давно нѣтъ писемъ отъ тебя, и я гр тенъ. Исчезла надежда и возвратилось опять [4]) еще блестящее ск свиданiе; больно, очень больно. Какъ дерево каждымъ листомъ нется къ солнцу, протягиваетъ ему свои вѣтви, глохнетъ безъ н

---

[1]) Егору Ивановичу, брату А. И.

[2]) Т.-е. о томъ, что Егоръ Ивановичъ недоволенъ Натальей Александровн то, что не встрѣтилъ въ ней отклика на свою любовь.

[3]) Эту пьесу А. И. просилъ ее выучить.

[4]) Здѣсь вставлено потомъ: „17 iюня“. Этого числа послано въ Петер прошенiе о переводѣ А. И. въ Москву.

блѣднѣетъ, теряетъ свой зеленый цвѣтъ, цвѣтъ надежды, такъ душа моя дѣлается *хуже, мелочнѣе* отъ удаленія надежды на скорое возвращеніе. О, Наташа, Наташа! Неужели этотъ свирѣпый, неумолимый рокъ, который доселѣ управлялъ мною, требуетъ такихъ жертвъ для исполненія своихъ судебъ? Нѣтъ, тобою я не пожертвую ему! Можетъ ли быть чувство святѣе, чище, благословеннѣе имъ, какъ наша любовь? Какая глупая мечта: ежелибъ возможность была тебѣ быть въ Вяткѣ. Ну, я не знаю какъ, вдругъ бы здѣсь открылись мощи и претолстая княгиня [1]) вздумала бы помолиться о продленіи жизни на 88 годъ и ты съ нею, или... ты бы жила у насъ въ Москвѣ (разумѣется, послѣ смерти княг.) и пріѣхала бы съ маменькой сюда на мѣсяцъ. О, тогда я первый дамъ подписку, что и въ Вяткѣ рай!

Я рѣдко занимаюсь отъ всей души. Найдетъ иногда минута, день, когда я много думаю и пишу, потомъ опять дѣйствительная жизнь и пустая. Утро всякаго дня гибнетъ или въ канцеляріи [2]), или у губернатора [3]). (Чести много, а пользы мало, ибо представленіе не сдѣлано [4]). Для того, чтобъ убить (время) послѣ обѣда, также всѣ мѣры взяты. Я сдѣлался страстный охотникъ до верховой ѣзды. Часу въ шестомъ на конѣ и ѣду себѣ за нѣсколько верстъ, куда глаза глядятъ. Въ верховой ѣздѣ удивительное наслажденіе: какая-то сила сознается въ человѣкѣ, когда онъ обуздываетъ этого большаго звѣря и заставляетъ его исполнять желаніе свое, даже капризъ. Когда же въ туманный, сырой день я выѣду далеко за городъ, а самая даль останавливаетъ взоръ, тогда я опускаю поводья; лошадь идетъ шагомъ, и мечты толпою вертятся, и вдругъ глубокій вздохъ, и я, пришпоривъ лошадь, пускаюсь во весь карьеръ. Далѣе, пріѣхавъ домой усталый, я либо (иду) куда-нибудь [5])... либо спать— и *день прожитъ,* и я съ восторгомъ вижу, что днемъ ближе свиданіе съ моею Наташей.

15-е іюня.

Вчера весь вечеръ перечитывалъ твои письма. Какая прекрасная поэма любви и какъ сильно рязвивается эта страсть, которая теперь совсѣмъ захватила всю душу твою! О, какъ счастливъ я, и не долженъ ли гордиться, что любимъ такою душой? Сначала *лю-*

---

[1]) Княгиня М. А. Хованская.

[2]) Въ канцеляріи губернатора, гдѣ служилъ А. И.

[3]) У губернатора Тюфяева, который сначала былъ любезенъ съ А. И., приглашалъ к себѣ на обѣды, а потомъ, когда, вмѣсто подобострастія, встрѣтилъ въ подчиненномъ одну иронію, не взлюбилъ его.

[4]) Т.-е. представленіе о переводѣ въ Москву.

[5]) Выпущено два слова.

твоя прячется за дружбу; слово *братъ* вездѣ; потомъ ты ста-
дружбу наравнѣ съ любовью; потомъ слово дружба и братъ
мъ исчезаютъ: я для тебя *твой Александръ*. Ты сама гово-
: любовь выше дружбы, ты хочешь потонуть во мнѣ, ты хо-
быть звѣздочкой (это писано было въ декабрѣ 1835 г.), ко-
ётъ поглощается солнцемъ. О, ангелъ мой, цѣлую тебя, цѣ-
цѣлую! И чтобъ я смѣлъ роптать на судьбу, я, счастливецъ?...
ь этого чтенія я легъ спать—и вотъ мой сонъ. Вижу я, что я
алъ въ Москву. Бѣгу къ тебѣ, говорятъ, ты спишь. Вхожу въ
цу, и ты на постели спишь. Я сталъ тихо на колѣни передъ
и, сложивъ крестомъ руки, смотрѣлъ на небесныя черты
Ты проснулась, улыбка показалась на твоемъ лицѣ, и ты от-
лась, думая, что видишь меня во снѣ. Тутъ я бросился въ
объятія. Судьба, зачѣмъ это сонъ? Зачѣмъ я именно тутъ
лся?

17-е іюня 1836 г., Вятка.

аташа! перекрестись, ангелъ мой, сегодня пошло мое предста-
в въ Петербургъ [1]), и черезъ мѣсяцъ будетъ отвѣтъ. Можетъ,
ъ, но, можетъ, и свобода, и твой Александръ полетитъ, какъ
а, въ объятія своего ангела, своей Наташи. Получилъ вчера
исьма твои. Нѣтъ мѣры тому блаженству, которое ты льешь на
каждая строка заключаетъ въ себѣ счастье. И будто я заслу-
это? Ты пишешь, что я буду сердиться за то, что не писала
олинѣ [2]). Да развѣ я требую рабской покорности? Сколько разъ
прежде писалъ тебѣ: будь самобытна, мы равны. Зачѣмъ же
быть рабою моей? Нѣтъ, мнѣ понравилось твое ослушаніе. Но
бывай этого существа: оно несчастно и высоко.
е удивительны ли наши симпатіи? Ты мнѣ пишешь о моихъ
нихъ письмахъ, а я на той сторонѣ писалъ тебѣ о твоихъ пись-
. И даже то же самое замѣчаніе... И чтобъ мы не должны бы-
единиться и на вѣки? Вздоръ! Въ Егорье [3]) необходимо пріѣду.
еслибъ я возвратился въ августѣ [4]), въ день твоего ангела,
алъ бы тебя со всѣмъ бѣшенствомъ любви къ моей груди! Еже-
!... Люди, люди, не мѣшайте этому огню!
не забылъ, какъ мы были въ соборѣ съ папенькой. Нѣтъ,
ужая и тогда мнѣ была ты, мы только тогда не понимали, что
такъ тѣсно связываетъ.

Представленіе о переводѣ въ Москву.

А. И. просилъ написать нѣсколько словъ своей вятской пріятельницѣ Поли-
жинетеръ, но Н. А. отказалась.

Такъ А. И. называетъ Загорье, имѣніе кн. Хованской.

Вышущено два слова.

По-нѣмецки занимайся одна. Твое положеніе грустно, но переноси его, въ немъ развилась та прелестная душа въ тебѣ, предъ которой я повергаюсь на колѣни, которой я молюсь. На Алексѣя Александровича [1]) надѣяться нечего, я разлюбилъ его холодный умъ, но попробуй, скажи, чтобъ Е. И. написалъ ему [2]). Напрасно пишешь, ангелъ мой, предчувствіе въ *моралях* папаши. Я улыбнулся, читая это; нѣтъ, это происходитъ отъ страсти читать морали. Статьи своей по почтѣ не пошлю. Жди оказіи или, лучше, жди меня самого со статьями. Все, что только льется съ пера моего, все согрѣто любовью, вездѣ ты, какъ идеалъ изящнаго, святаго, видна.

Прощай, моя дѣва. Усталый пилигримъ придетъ же изъ обѣтованной земли на родину, изъ земли страданій Христа, съ маслиною примиренія въ рукахъ, придетъ къ своей дѣвѣ и будетъ вполнѣ счастливъ, и благословитъ (людей. . . . [3]) на землѣ. Цѣлую тебя еще... еще.

Твой *Александръ*.

Полина кланяется; я ей перевелъ писанное тобою.

19-е іюня.

Ангелъ мой! Наконецъ, ты вызвала меня на послѣднее признаніе. Тяжело мнѣ оное сдѣлать, тяжело будетъ его читать. Ты увидишь, какъ твой Александръ далекъ отъ того совершенства, которое ему придала твоя святая любовь. Слушай, Наташа, и ежели найдешь силу, не порицай меня. Ты мнѣ писала прошлый разъ: «*спаси Мед.*» [4]). Да я съ декабря мѣсяца постоянно думалъ объ этомъ, и съ тѣхъ поръ угрызеніе совѣсти не оставляетъ меня. Я уже писалъ тебѣ, что по пріѣздѣ сюда, увлеченный чувствомъ досады, я [5]) въ наслажденіяхъ грубыхъ и [6]) (желалъ) найти средство забыться. Но это скоро мнѣ опостылѣло. Твоя ангельская рука исторгла меня съ края пропасти. Въ августѣ мѣсяцѣ прошлаго года пріѣхала сюда М. [7]) съ мужемъ и остановилась въ одномъ домѣ со мною (во флигелѣ). Вездѣ говорили о ней, какъ о красавицѣ, какъ объ образованной дамѣ, которая

---

[1]) Алексѣй Александровичъ — старшій братъ Н. А., „химикъ“, который прежде им[illegible] большое вліяніе на А. И.: благодаря ему, А. И. сталъ заниматься естествен[illegible] науками.

[2]) Чтобы Егоръ Ивановичъ написалъ химику относительно судьбы „Петруши“, бр[illegible] Натальи Александровны.

[3]) Нѣсколько словъ не разобрано.

[4]) Медвѣдеву.

и [6]) Выпущено нѣсколько словъ.

[7]) Медвѣдева.

не обращаетъ ни на кого вниманія. «Такъ обратитъ же на ме-
—подумалъ я и отправился къ нимъ въ гости. Эта самолюби-
ечта, продиктованная самимъ адомъ, была замѣчена многи-
всѣ подстрекнули меня болѣе. Что же я нашелъ при бли-
емъ знакомствѣ? Юный цвѣтокъ, сорванный не для невѣсты,
я могилы. Существо, далекое отъ высокаго, идеальнаго, но на
омъ несчастія разлили какую-то поэзію. Мнѣ ее стало жаль.
ость наша вскорѣ открыла мнѣ, что она не равнодушна ко
и я, повѣришь ли, изъ шалости, изъ стремленія ко всякой
тіи, не только не остановилъ перваго порыва ея, но увлекъ ее.
дѣлъ свое торжество и вмѣстѣ съ нимъ, въ то же время, силь-
олосъ совѣсти осудилъ меня. Когда же умеръ ея мужъ, я былъ
мъ убитъ. Тутъ только я вполнѣ понялъ всю гнусность, всю
ть поступка моего. Я хотѣлъ загладить его, но какъ, чѣмъ?
пятно, о которомъ я писалъ къ тебѣ. Я знаю—и ты ужаснешь-
ого поступка, и твое сужденіе мнѣ дороже сужденія всего рода
ѣческаго. О, Наташа, какъ далеко увлекается человѣкъ, когда
аетъ волю страстямъ!

о слушай далѣе. Первая записка, въ которой я писалъ къ
о любви, когда я, перебравъ всѣ элементы бытія человѣческа-
видѣлъ, что всѣ мои страданія происходятъ именно отъ стре-
я къ тебѣ, что это чувство—любовь, и любовь самая пламен-
—эта первая записка сорвала покровъ съ глазъ моихъ. Я оста-
ся. Я оттолкнулъ отъ себя всѣ эти чудовища [1])..., которымъ
вался, я воскресъ любовью къ тебѣ. Надлежало исправить глав-
ую ошибку. Я мало-по-малу сталъ показывать равнодушіе къ
увѣрялъ, что ея душа не такъ глубока, чтобъ истинная лю-
запала въ нее; она забудетъ меня; но говорить нельзя.

отъ тебѣ моя исповѣдь! Она мрачна, ужасна. Вздумай мое по-
ніе; ты не знаешь, что такое угрызеніе совѣсти послѣ низкаго
пка. О, Наташа, будь ангеломъ благости, прости твоему из-
юму, твоему Александру! Никогда подобный поступокъ не на-
тся на сердце мое, клянусь тебѣ. Одно самолюбіе увлекало
а не любовь; могу ли я любить хотя минуту, кромѣ тебя,
ожественная? Повѣрь, не можетъ быть хуже наказанія, какъ
го я пишу къ тебѣ, въ чемъ я признаюсь тебѣ. О, какъ давно
ѣла эта тайна и какъ тщательно скрывалъ я ее отъ тебя,
аконецъ, высказался и съ трепетомъ буду ждать отвѣта.

и слова не прибавлю.

---

[1]) Не разобрано два слова.

22-е іюня.

И такъ, написано это признаніе, которое тяготило мою душу. Дорого стоило мнѣ его написать, еще труднѣе было умалчивать: между мною и тобою не должно быть ничего тайнаго. Будь же и ты откровенна. Скажи, насколько палъ твой Александръ въ душѣ твоей? Читая это письмо, можетъ быть, ты раскаешься, что такъ безвозвратно отдалась человѣку, который былъ способенъ на низость. О, Наташа, я все снесу, всякій упрекъ,—я все заслужилъ! Твоя любовь не могла разомъ поднять меня. Вспомни, первое слово любви отъ тебя было въ декабрѣ, а происшествіе, о которомъ я пишу, было въ сентябрѣ. Я проснулся, увидѣлъ гнусность этого поступка, тогда какъ писалъ тебѣ первый разъ о любви, помнишь, какое судорожное состояніе было тогда въ моей душѣ? Я очень знаю, что *толпа* не осудитъ меня, она назоветъ это шалостью, вѣтренностью весьма простительною, но я не долженъ себя судить правилами толпы. Повторяю, что увѣренъ, что у ней пройдетъ эта страсть [1])... Наташа, Наташа! пожалѣй объ Александрѣ и, ежели твое сердце такъ обширно благостью, прости ему.

Твой *Александръ*.

Вложенная при семъ записка [2]) огорчитъ тебя, мой ангелъ, но что же дѣлать: я обязанъ былъ это признаніе сдѣлать предъ тобою. *Можетъ быть,* черезъ полтора мѣсяца я въ Москвѣ,—вотъ тебѣ лучшее утѣшеніе за всю грусть той записки. Полина говоритъ, что мнѣ не надобно умирать,—такъ счастливъ я. Да, обыкновенно люди однимъ несчастіемъ хвастаютъ, но я прямо говорю, что болѣе блаженства, какъ я пью полною чашей изъ твоей души, не можетъ вмѣститься въ груди человѣка.

29-е іюня.

Ужасная тоска! Я весь болѣнъ, камень лежитъ на душѣ. Чѣмъ ближе развязка, тѣмъ страшнѣе [3]). Можетъ, прежде нежели ты будешь читать это письмо, я прочту судьбу свою. *Еще годъ ссылки или черезъ 6 недѣль я прижму тебя, мой ангелъ, къ моей груди.* Какая противуположность! Боже, Боже! Я ничего не могу дѣлать; часто мнѣ кажется, что расположенъ писать, беру перо, беру бумагу, и воображеніе чертитъ яркую картину нашего свидания. Беру книгу, и смыслъ ея мнѣ непонятенъ. Нѣтъ, нѣтъ, кля-

---

1) Выпущено нѣсколько строкъ.

2) Отъ 19 іюня, гдѣ А. И. признается въ своемъ поступкѣ съ Медвѣдевой.

3) Т.-е. чѣмъ ближе отвѣтъ на сдѣланное въ Петербургъ представленіе, тѣмъ страшнѣе, а, можетъ быть, эти слова относятся и къ ожидаемому отвѣту на сдѣланное признаніе.

нусь тебѣ, никогда ты не могла быть болѣе любима, ни ты, ни одна дѣва. Есть предѣлъ страстямъ человѣка,—я достигъ его.

Я писалъ тебѣ когда-то, что намѣренъ составить брошюрку подъ заглавіемъ *Встрѣчи;* теперь планъ этого сочиненія расширился. Все яркое, цвѣтистое моей юности я опишу отдѣльными статьями, повѣстями, вымышленными по формѣ, но истинными по чувству. Эти статейки вмѣстѣ я назову *Юность и мечты*. Теперь, когда все еще это живо, я и долженъ писать, и потому уже долженъ писать, что юность моя прошла, окончилась 1-я часть моей жизни. И какъ рѣзки эти отдѣлы! Отъ 1812 до 1825 ребячество, безсознательное состояніе, зародыши человѣка; но тутъ вмѣстѣ съ моею жизнью (сопрягается) и пожаръ Москвы [1]), гдѣ я валялся 6-ти мѣсяцевъ на улицахъ, и станъ Иловайскаго [2]), гдѣ я сосалъ молоко подъ выстрѣлами. Передъ 1825 годомъ начинается вторая эпоха; важнѣйшее происшествіе—встрѣча съ Огаревымъ. Боже, какъ мы были тогда чисты, поэты, мечтали! Эта эпоха юности своимъ девизомъ будетъ имѣть *дружбу*. Іюль мѣсяцъ 1834 [3]) окончилъ *учебные* годы жизни и началъ *годы странствованія*. Здѣсь начало мрачное, какъ бы взамѣнъ безотчетныхъ наслажденій юности; но вскорѣ мракъ превращается въ небесный свѣтъ: 9 апрѣля [4]) откровеніемъ высказано все, и это—эпоха *любви*, это—эпоха, въ которую мы составили одинъ *я*, это — эпоха твоя, эпоха моей Наташи.

1-е іюля.

Получилъ твои письма, ангелъ мой; (гони) этотъ призракъ, пугающій тебя. Что за вздоръ! Виновата ли ты, что ты хороша и что въ тебя влюбился человѣкъ [5])? Мнѣ жаль его, душевно жаль, но что же дѣлать? Надобно стараться, чтобъ онъ уѣхалъ изъ Москвы, вотъ и все. Полно же представлять себя виновной! Ты говоришь объ участи голубя; теперь эта аллегорія уничтожена, она должна пасть послѣ

---

1) А. И. какъ разъ родился въ годъ нашествія арміи Наполеона на Москву. Онъ былъ на рукахъ кормилицы Дарьи въ то время, когда войска вошли въ столицу. У кормилицы вдругъ пропало молоко, ребенокъ кричитъ, надсаживается,—ни у кого куска хлѣба. Тогда крѣпостная дѣвушка, Наталья Константиновна, которую прозвали Костенькой, „увидала, что въ углу солдаты что-то ѣдятъ“, взяла ребенка и показываетъ имъ: „маленькому, молъ, *манже*“. Они сначала было прогнали ее, а потомъ для ребенка дали хлѣба, а потомъ съ водой и сей самой краюху.

2) Козацкій генералъ Иловайскій далъ колымагу, на которой ребенокъ былъ вывезенъ изъ горящей Москвы.

2) Въ іюлѣ 1834 г. А. И. былъ арестованъ.

4) 9 апрѣля 1835 г. свиданіе съ сестрой Наташей въ Крутицахъ.

5) Рѣчь идетъ объ Егорѣ Ивановичѣ, котораго любовь не встрѣтила взаимности въ Н. А. Далѣе выпущено нѣсколько словъ.

высокихъ словъ въ твоемъ послѣднемъ письмѣ: «но существованія ихъ слиты въ одно, имъ одна гибель, одно блаженство». О, ангелъ мой, какъ ты глубоко поняла меня и любовь! Странно, ты дѣлаешь меня судьею поступка, въ коемъ ты совершенно права [1]), и, въ то же время, я пишу къ тебѣ о своемъ поступкѣ, въ коемъ я совершенно неправъ. Въ томъ, что̀ ты говорила о себѣ, я читалъ собственный приговоръ свой.

Черезъ 15 дней, можетъ быть, отвѣтъ будетъ здѣсь. О, Господи, не продляй еще эту черную разлуку, дай же мнѣ отдохнуть на груди Тобою подаренной дѣвы отъ всѣхъ этихъ волнъ, бившихъ корабль мой и грозившихъ мнѣ гибелью! Прощай, жизнь моя, моя святая, моя дѣва, прощай, цѣлую тебя.

Твой *Александръ*.

Загорье, 1836 г., іюня 22-го.

Боже мой, Александръ, какъ давно нѣтъ отъ тебя писемъ! Ангелъ мой, я знаю, ты не можешь забыть твою Наташу, но не имѣть столько времени извѣстія отъ тебя—ужасно! Право, бываютъ минуты, въ которыя я готова бѣжать въ Москву, въ Вятку, на край свѣта искать тебя,—тебя, который необходимъ мнѣ, какъ огонь и воздухъ, какъ молитва и благодать Божія! Но что же останавливаетъ меня? Ни робость,—чего бояться мнѣ, что могутъ мнѣ люди? Ни трудность предпріятія,—чего не снесу я для тебя? Ничего, нѣтъ, ничего земнаго не останавливаетъ меня, а мысль, что Провидѣніе указало мнѣ этотъ путь, что самимъ Богомъ предназначено мнѣ только прикоснуться чаши любви, полной блаженства, и выпить всю горечь до дна чаши разлуки, страшно, страшно и въ безмѣрной любви къ тебѣ, ангелъ мой, располагать своею судьбой безъ воли Его! А еслибъ не эта мысль, давно бы, давно все было презрѣно и забыто, давно-бъ исчезли всѣ преграды, и еслибъ ты самъ не презрѣлъ меня за это, давно-бъ я жила, дышала твоимъ взоромъ, твоею улыбкой, рѣчью... О, другъ мой, благодари Бога, что съ этою любовью Онъ далъ мнѣ столько мужества, моли Его, чтобъ Онъ не отнималъ десницы своей. Вѣрь, еслибъ не самъ Господь [illegible]ъ меня, любовь къ тебѣ поглотила бы все существо мое, тогда-бъ я забыла и Его, и тогда, конечно, погибла бы, исчезла. Онъ, милостивый, не покидаетъ меня ни въ восторгѣ, ни въ страданіяхъ; я чувствую при каждомъ потрясеніи, Александръ, что рука Его готова поддержать меня. Клянусь, еслибъ не та мысль, ничто-бъ въ

---

[1]) Т.-е. что не подавала никакого повода Егору Ивановичу надѣяться на взаимность, а онъ, все-таки, полюбилъ.

свѣтѣ не остановило меня идти къ тебѣ, и не знаю, чего не рѣшилась бы предпринять, чтобы скорѣе видѣть тебя! Но да будетъ Его воля, я все вручила Ему, всего жду отъ Него.

Давно уже и во снѣ не вижу тебя, милый мой, хотя часто спѣшу заснуть, чтобы хоть мечтой полюбоваться. Онъ отнялъ у меня маленькія, слабыя утѣшенія, чтобы въ Немъ одномъ искать ихъ, чтобы стремиться къ высшему, не къ земному. Но, признаюсь, для меня выше земного сны, въ которыхъ я вижу тебя, и нѣсколько бы дней отдала за одинъ этотъ часъ,—это было для меня величайшимъ, неизъяснимымъ утѣшеніемъ. Онъ отнялъ его, Онъ знаетъ, что душа моя способна найти высшее, и она обрѣла его, ангелъ мой, въ молитвѣ, въ вѣрѣ. Торжественно повторяю, я готова сносить все, что пошлетъ Онъ мнѣ въ удѣлъ. Не вполнѣ узнала я счастье, не вполнѣ узнала я блаженство, но я узнала твою любовь, и что же выше этого, чего ждать мнѣ на землѣ?... Другъ мой, я готова отдать Ему душу за твою любовь, но для тебя еще хочу жить на землѣ.

Вообрази, какъ я провожу теперь время. Б.[1]) уѣхала въ Москву къ сестрѣ на свадьбу; для компаніи мнѣ остались К. и М. С.[2]). Погода предурная, и цѣлый-то Божій день мы втроемъ. Но не думай, другъ мой, чтобъ это было мнѣ уже слишкомъ тяжко,—нѣтъ, мой ангелъ. Съ *тѣхъ поръ*[3]) ничто мелкое, окружающее меня, не можетъ имѣть вліянія на мою душу: любовь заграждаетъ всякое постороннее впечатлѣніе, и все стирается, исчезаетъ при воспоминаніи о тебѣ. Какъ же бы я узнала себя, еслибъ Богъ не послалъ мнѣ испытанія, и чѣмъ бы доказала, что могу дѣлить съ тобою твои несчастія?

Теперь я вижу сама, что *могу многое*.

Прощай, мой ангелъ, Господь съ тобою.

24-е, среда.

Сегодня я проснулась ужасно поздно, но и тутъ открыла глаза съ улыбкой и со слезами. Видѣла тебя во снѣ, мой ангелъ! Всѣ эти дни мнѣ было грустно, и какъ я ни старалась разсѣять себя, какъ душа ни прибѣгала къ молитвѣ, неизвѣстность о тебѣ, какъ камень, тяготила сердце; даже повѣришь ли, возьму читать Евангеліе, Посланія, ты безпрерывно на умѣ, и не вижу и не понимаю ничего. Погашу свѣчу и стану молиться, на мысль приходитъ, гдѣ ты теперь, что дѣлаешь, что думаешь? И каково же, мой другъ,

---

[1]) Александра Андреевна Бочкарева, дворянка. Ея мать была смотрительница въ тюремномъ замкѣ, а сестра выходила замужъ за кн. Сергѣя Оболенскаго.

[2]) Княгиня и Марья Степановна Макашева.

[3]) Съ тѣхъ поръ, какъ она знаетъ, что онъ ее любитъ.

и молитва не облегчила меня, и я ложилась не съ свѣтлою, какъ всегда, душою; словомъ, эти дни я была совершенно скудельный сосудъ. И Ему стало жаль меня, и Онъ послалъ мнѣ во снѣ тебя. Вижу, я съ тобою въ огромныхъ комнатахъ наверху какого-то незнакомаго дома, тихо ходимъ, ты молчишь, а у меня душа была такъ полна, такъ полна! Долго молча мы ходили рука съ рукой, потомъ тебѣ нужно было куда-то идти, и, цѣлуя меня, ты сказалъ: «Наташа! ты вся любовь, и какъ я люблю тебя!» Тутъ я проснулась отъ сильнаго восторга, — нѣтъ, болѣе, нежели восторгъ, я никогда на яву не испытала этого чувства. И сонъ этотъ облегчилъ меня ужасно, и цѣлый день не надивятся, отчего я такъ весела. Предъ пробужденіемъ моимъ подлѣ меня стояла дѣвушка и видѣла, какъ у сонной меня изображалась на лицѣ радость и удовольствіе. Такъ, мой ангелъ, самая мечта твоя веселитъ меня и радуетъ душу! Чего не могло сдѣлать во мнѣ чтеніе Христовой жизни, божественныхъ наставленій, чего самая молитва не могла сдѣлать, то сдѣлала мечта, оживленная тобою. Но не грѣхъ ли это? Не можетъ ли быть это противно Ему? Нѣтъ, Онъ самъ далъ мнѣ любовь, Онъ самъ послалъ мнѣ тебя, Онъ самъ отдалъ мою душу тебѣ! Бывало, когда душа моя была такъ свободна и такъ пуста, что каждую минуту готова была оставить все здѣшнее и переселиться *туда*, тогда бывало смотрю на міръ, на эту безпрерывную суету и дѣятельность людей и думаю: что можетъ заставить ихъ столько трудиться и хлопотать, къ чему все это? И что можетъ заставить ихъ жалѣть о здѣшнемъ и бояться вѣчности? А теперь, теперь, когда душа моя полна тобою, какъ вселенная Божествомъ, я дивлюсь, какъ могутъ жить безъ любви, какъ, любя, не желаютъ вѣчности, гдѣ нѣтъ разлуки!

Я теперь совершенно безумная, мой ангелъ; ты такъ живо представляешься мнѣ: куда ни пойду, кажется, все къ тебѣ иду, кто позоветъ меня, кажется, ты зовешь, каждому готова сдѣлать все, каждому готова открыть мою душу и сказать: любите его, поклоняйтесь ему, молитесь на него! Не постигаю, какъ не всѣ могутъ боготворить тебя, какъ не всѣ могутъ очиститься, освятиться воспоминаніемъ о тебѣ! Я буду святая, Александръ, когда Богъ соединитъ насъ, но мы уже и теперь соединены,—когда я буду жить съ тобою, хотѣла я сказать.

Ты сейчасъ засмѣешься: мнѣ гадаютъ о тебѣ въ карты, и выходитъ тебѣ дорога и скорое свиданіе съ червонною дамой, и *я въ*... Вѣрить картамъ можно только любя.

Я воображаю (какъ ты писалъ), теперь ты сидишь на диванѣ

и читаешь письмо мое, и твои руки дрожать, и сердце бьется, и ты громко (читаешь), и я услышала тебя, ангелъ мой, мой Александръ!

25-е, четвергъ.

Что говорю я тебѣ о любви моей? Такъ ли можно любить тебя, ангелъ мой, такой ли любви достоинъ ты? Но я чувствую, что не могу любить болѣе. Я смотрю, чувствую, дышу, живу любовью, но все мало; нѣтъ, нѣтъ, Александръ, еще мала душа моя, чтобъ вмѣстить еще бо́льшую, высшую любовь, которой ты достоинъ [1])... Я бы хотѣла, чтобъ *твоя* подруга была единственная, а я такъ мала, такъ еще низка! Прощай, мой ангелъ, всею душой обнимаю тебя, всею душой цѣлую тебя. Твоя *Наташа*.

Сегодня рожденіе маменьки [2]),—поздравляю.

1836 г., іюня 27, Загорье.

Сейчасъ пошлютъ въ Москву. Съ какимъ нетерпѣніемъ я жду,—авось привезутъ отъ тебя письмо.

Сегодня папенька [3]) именинникъ,—поздравляю тебя.

1836 г., іюня 28, воскресенье, Загорье.

Не даромъ все это время я была внѣ себя отъ нетерпѣнія, не даромъ мнѣ не спалось всю ночь эту, ангелъ мой, не даромъ сердце хотѣло вылетѣть на встрѣчу московскимъ: съ ними ѣхало твое письмо! Но какимъ терпѣніемъ безпрерывно я должна вооружаться! Только что пріѣдутъ, лечу на крыльцо: письма! И вотъ огромный пукъ писемъ. Надо отобрать, которыя можно читать к. [4]). Иду *туда* [5]), меня заставляютъ читать все, что только пишется изъ Москвы, и это продолжается такъ долго, и еще потомъ надо переждать, пока все утихнетъ, всѣ успокоятся. Тутъ я прошусь въ рощу или въ садъ. Съ восторгомъ смотрю на письмо твое, еще запечатанное, и тутъ какое-то наслажденіе,—потомъ печать долой,—и я вовсе потону въ строкахъ, писанныхъ твоею рукой, ангелъ мой!

Какъ ты грустенъ, мой Александръ! Почти каждое твое слово звучитъ уныло, томно. Ангелъ мой, Александръ! Ну, вообрази, я стою возлѣ тебя, обнимаю тебя, цѣлую, становлюсь на колѣни, держу твои руки и смотрю прямо въ твои очи и умоляю не грустить; неужели ты не утѣшишься, неужели не улыбнешься? Полно, мой милый, не тоскуй: что́ разлука, что́ разлука, когда я люб ю

---

[1]) Выпускается повтореніе о самоумаленіи передъ А. И.

[2]) Луизы Ивановны Гаагъ, матери Александра Ивановича.

[3]) Иванъ Александровичъ Яковлевъ, отецъ Александра Ивановича.

[4]) Княгинѣ М. А. Хованской.

[5]) То-есть къ княгинѣ.

тебя такъ! Не погружайся, другъ мой, въ горькія думы, не смотри такъ уныло, я съ тобою, ангелъ мой, неразлучно съ тобою, здѣсь одно тлѣнное, а душа моя безъ оболочки обитаетъ подлѣ тебя, она у твоего изголовья во время сна твоего, въ шумной бесѣдѣ, на пирушкѣ, иль когда ты въ раздумьѣ на конѣ, иль когда одинокій въ своемъ кабинетѣ, душа моя каждое мгновеніе съ тобою, всегда, вездѣ,—и ты грустишь, и ты тоскуешь?!

Больно мнѣ, что ты, Искандеръ [1]), говоришь, что «душа твоя становится *хуже, мелочнѣе*» отъ удаленія надежды на скорое возвращеніе. Моя душа *одно* съ твоею, и она *хуже*, *мелочнѣе*. О, нѣтъ, нѣтъ, мой отецъ поставитъ душу нашу выше несчастій, выше разлуки, выше насъ самихъ, вознесетъ ее до высоты Бога; каждое страданіе, каждый вздохъ—ступень лѣстницы, ведущей на небо. Построимъ же ее выше, чтобъ далѣе быть земли.

Сама придумывала я, какъ бы очутиться мнѣ въ Вяткѣ. Хочешь, я увѣрю к., что въ сновидѣніи мнѣ велѣно идти въ Кіевъ, и непремѣнно получу позволеніе и, разумѣется, явлюсь къ тебѣ, буду и въ Кіевѣ! Но подождемъ, что Богъ дастъ черезъ мѣсяцъ. Ахъ, что-то Онъ дастъ?! [2]).

Не желай смерти к., ангелъ мой: почему знать, можетъ еще есть большія препятствія нашему соединенію, и можетъ ли она быть препятствіемъ, ежели это угодно Богу? Я никогда ничего не желаю, кромѣ твоей любви, кромѣ счастья тебѣ,—иному желанію нѣтъ мѣста въ моей груди. Помнишь ли, разъ ты писалъ мнѣ: «тутъ-то и ошибка, Наташа, я счастливъ никогда не буду», а мнѣ кажется, это несправедливо, ангелъ мой, *мнѣ кажется, ты когда-нибудь* будешь счастливъ. Ахъ, а я сколько счастлива сегодня, и какъ весела! Твое письмо на груди моей, ангелъ мой. Прощай!

1-е іюля, среда.

И я увижу, и я обниму тебя, ангелъ мой, въ мои именины [3]). Глубоко въ душу запала эта мысль, и день, и ночь одно на умѣ. Боже, Боже мой! услышь мое моленье... но да будетъ Твоя воля! Теперь я все воображаю, гдѣ встрѣчу тебя, какъ увижусь съ тобою и что будетъ съ тобою, и что будетъ со мною, и убійственное положеніе быть при *нихъ* [4]); меня обливаетъ холодомъ, когда я вспомню объ эту принужденность, это притворство, къ которымъ нужно

---

[1]) Псевдонимъ Герцена.

[2]) Т.-е. какой отвѣтъ придетъ изъ Петербурга на представленіе о переводѣ въ Москву.

[3]) День именинъ Натальи Александровны—26 августа.

[4]) Т.-е. при княгинѣ Хованской и ея компаньонкѣ.

будетъ прибѣгать тогда, и пусть лучше знаютъ все, пусть гоненіе увеличится, лишь бы не скрывать небесное, святое чувство, лишь бы не бояться сказать всѣмъ, что ты *любишь меня*. Я знаю впередъ, недолго я буду въ состояніи таить мою любовь, да и зачѣмъ, мой ангелъ? Изъ каприза, изъ невѣжества нѣсколькихъ человѣкъ? Смѣшно и низко бояться людей до такой степени; пусть всѣ звуки, всякій голосъ умолкнутъ при божественномъ гимнѣ нашей любви, пусть мракъ и темнота разсѣятся при свѣтѣ ея, пусть все мелкое, ничтожное исчезнетъ при появленіи ея—необъятной! Одно меня смущаетъ: папенька такъ твердъ въ своихъ намѣреніяхъ... А надо мною не властенъ никто, при появленіи тебя, всякая власть исчезаетъ, и я вольная птица!

Когда ты уѣзжалъ изъ Москвы, и я знала день твоего отъѣзда и не знала еще, отпустятъ ли меня къ тебѣ [1]), надежда и сомнѣнье; почти такъ же трепетала тогда душая моя, какъ теперь. Почти такъ же, ангелъ мой, потому что и тогда она предчувствовала важность нашего свиданія, предугадывала великую тайну Провидѣнія. Этотъ день—единственный день въ моей жизни; и *тотъ взглядъ* твой—единственный; ты ужь никогда не будешь на меня такъ смотрѣть. Имъ промѣняли мы наши души и сердца, имъ отдали себя другъ другу, и въ немъ же излилось Божіе благословеніе.

Получила письмо отъ Emilie (на твое нѣтъ еще отвѣта). Она, кажется, спокойнѣе, не видно того отчаянія, той боли, которой стоны выходили изъ души ея съ каждымъ словомъ. О, сколько перестрадала душа моя, глядя на нее, и какъ перенесла, и какъ еще можетъ жить на свѣтѣ! Въ ней много вѣры: она одна могла спасти ее. Она пишетъ: «напиши твоему Александру, что я жду его. Я знаю, онъ принесетъ мнѣ новую жизнь и вынесетъ мою Наташу изъ ада». Мнѣ нигдѣ не будетъ рая въ разлукѣ съ тобою, и всѣ непріятности, всѣ глупости не стоитъ называть адомъ, мнѣ жаль минуты потерять имъ и обратить вниманіе, нѣтъ мысли лишней посвятить на этотъ вздоръ. Теперь все, все слито, соединено въ одномъ тебѣ. О, другъ мой, мой ангелъ, мой Александръ!

Когда бы сонъ твой сбылся на яву, когда-бъ ты пріѣхалъ и бѣжалъ ко мнѣ! Только я не хочу спать тогда, коль ты такъ близко меня,—нѣтъ, я бы сама бѣжала давно увидѣть тебя. Желала бы тебя увидѣть соннымъ, встрѣтить твой первый взглядъ, твое первое слово, твою улыбку и сказать тебѣ, ангелъ мой: «я увидѣла и услышала тебя прежде, нежели ты меня!» Но... ахъ, исполнится

---

1) На прощанье въ Крутицкія казармы.

ли когда мое желаніе? Я слишкомъ многаго хочу. Александръ, Александръ, что̀ бы я ни отдала, чтобъ взглянуть на тебя хоть на сонаго! Другъ мой, ахъ, когда же ты пріѣдешь,—ахъ, скоро ли это будетъ?

2-е, четвергъ.

Душа моя такъ полна, Александръ, что мнѣ необходимо хоть сколько-нибудь отлить въ твою душу. Цѣлые часы я бываю въ какомъ-то дивномъ состояніи, по цѣлымъ часамъ въ забвеніи всего, что окружаетъ меня, въ забвеніи всего земнаго, ангелъ мой, кромѣ тебя. Нѣтъ, необыкновенная это радость, необыкновенное желаніе,—мысль, что, можетъ быть, я скоро увижу *тебя*, услышу *твой* голосъ, буду съ тобою, *съ тобою!*... Одна эта мысль отстраняетъ все отъ души и одна владычествуетъ въ ней и, сильная, уноситъ ее высоко-высоко, показываетъ небо, рай, гдѣ мы будемъ съ тобою вмѣстѣ, и небесною пѣснью, небеснымъ благоуханіемъ обливаетъ все существо мое. Сойдя на землю, я сношу на себѣ остатки музыки небесной, и будто отъ меня ужь льется ароматъ... и долго не слышу, и не понимаю языка людей, и все такъ странно...

Это часы, въ которые душа, забывъ все рѣшительно, живетъ въ одномъ тебѣ, льетъ одну любовь твою.

Но тогда, какъ, усталая, утомленная настоящимъ и его суровостью и тяжестью, она послѣдними силами ловитъ малѣйшую надежду, а злые люди отнимаютъ и ее. Тутъ, готовая упасть, подавленная грустью и тоскою, изливаетъ все страданіе передъ Богомъ, и утихаютъ муки, и чистая молитва несется къ престолу, и, кажется, самъ Богъ сходитъ въ душу утѣшить ее, и она спо(ко)йно смотритъ на даль, раздѣляющую ее съ тобою, и на тяжелыя оковы свои.

3-е, пятница.

Какъ люблю я верховую ѣзду; ахъ, еслибъ и я ѣздила! Когда-бъ ты былъ у насъ, мы поѣхали бы вмѣстѣ. Я воображаю, какъ пріятно на закатѣ солнца, когда все утихаетъ, и птицы не такъ весело поютъ, и люди не такъ живо суетятся, и все усталое, утомленное отъ дневныхъ заботъ ждетъ успокоенія, все становится тихо и уныло, туманъ стелется на землю, и ѣхать далеко отъ деревни по полю или по большой дорогѣ съ тобою!... И зачѣмъ ничего этого намъ нельзя, почему мы лишены съ тобою всего?! Потому, что мы даны другъ другу, потому, что въ любви нашей и безъ этихъ маленькихъ удовольствій блаженство безмѣрно. Часто вечеромъ сижу на берегу одна, и думы несутся къ тебѣ, несутся толпою, какъ жаворонки, улетаютъ въ зеленые края. Иногда кажется,

ты теперь иль въ раздумьѣ на конѣ, иль стрѣлою разсѣкаешь воздухъ, иль, усталый, тихо ѣдешь домой, а дома нѣтъ никого: никто не летитъ тебѣ на встрѣчу, ничьи поцѣлуи не стираютъ пыли съ лица твоего, нѣтъ груди склонить голову... грустно тебѣ, ангелъ мой, грустно! Ну, воображай же за то, что я мыслями, душою лечу къ тебѣ и стираю пыль съ тебя, и не смѣю дохнуть, чтобъ не помѣшать заснуть тебѣ.

Александръ, милый мой Александръ! Что, еслибъ я лишилась тебя?... Этого не будетъ, этого никогда, никогда не можетъ быть, страшно стонетъ душа отъ одной мысли. Я бы не успѣла ни сойти съ ума, ни отнять жизнь у себя: въ то-жь мгновеніе разорвалось бы мое сердце и ни одного мгновенія я не была бы съ тобою розно.

Прощай, душа моя, ангелъ мой, другъ мой, цѣлую тебя, цѣлую.

Твоя *Наташа*.

Нѣтъ, вовсе *они* [1]) не такъ дурны, какъ мы о нихъ думаемъ. Я была не хороша, Александръ, потому мнѣ все казалось нехорошо, а теперь я счастлива, полна тобою, твоею любовью, слѣдственно и хороша, и они мнѣ добры и хороши.

6-е, понедѣльникъ.

Другой день мнѣ ужасно скучно. Мало-по-малу у меня все отнимается; ужь я не говорю о разлукѣ съ тобой, ангелъ мой, она убила меня, и Богъ знаетъ, когда изгладятся слѣды ея; но въ эту самую тяжкую, самую горькую эпоху моей жизни мнѣ посылались маленькія утѣшенія [2]), лишалась и ихъ одного за другимъ, но твои письма—это выше утѣшенія, это лѣкарство, мгновенно утишающее самую нестерпимую болѣзнь души, это пластырь, исцѣляющій глубокія раны, нанесенныя ей твоимъ несчастьемъ, и твоя любовь!... Но любить тебя, быть любимою тобой и такъ далеко отъ тебя, и такую жизнь вести, и не имѣть твердой, положительной надежды!... Я не смѣю роптать, ангелъ мой; тверда вѣра, твердо упованіе, и опять скажу, могу-ль жаловаться судьбою, будучи любима тобою, единственное мое счастье, жизнь моя, мой Александръ? Но я слишкомъ ничтожна, слишкомъ слаба: такъ ли должно переносить все, имѣя твою любовь? Вчера пріѣзжала къ намъ прощаться Алек. Ан. Бочк. [3]); она ужь не будетъ жить у насъ: ее берутъ Оболенскіе

---

[1]) Княгиня Хованская и Марья Степановна Макашева.

[2]) Эти утѣшенія: любовь и дружба прежней гувернантки, Эмиліи Михайловны Аксбергъ, и Александры Александровны Боборыкиной, бесѣда съ ними, въ которой Н. А. отдыхала. Но теперь и та, и другая уѣхали изъ Москвы, и неизвѣстно, когда вернутся.

[3]) Александра Андреевна Бочкарева.

на мѣсто той сестры [1]). Мы не были большими друзьями съ ней, но привыкли другъ къ другу, дѣлили все горькое; я любила ее: она начинала понимать меня и въ ужасныхъ слезахъ провела цѣлый день; я плакала и сама. Горько что-то, милый мой, какъ все покидаетъ меня, все мѣняется, одна я неизмѣнна на своемъ мѣстѣ, одна даль съ тобою неизмѣнна... Она, уѣзжая, заставила меня оглянуться на мое положеніе, и тутъ во всей убійственной красѣ представилось оно мнѣ, и взглядъ этотъ посыпалъ землею душу мою... Пусть тебѣ извѣстно каждое состояніе души моей, ангелъ мой, пусть ты видишь, что я не такъ высока, не такъ небесна, какъ воображаешь ты, и пусть ты любишь Наташу—существо слабое, жалкое, а не ту мечту, которая восхищаетъ тебя. Какъ немного надо, чтобъ убить во мнѣ силы, даже восторгъ! Всѣ эти дни я только и мечтала о свиданіи съ тобою и надѣюсь, это будетъ непремѣнно, и самыя плѣнительныя мечты вѣнкомъ обвивали больное сердце, и оно въ нѣгѣ и восторгѣ будущаго забыло минувшее и настоящее горе; но вдругъ это маловажное обстоятельство столкнуло вѣнокъ, изломало его, и всѣ мечты разсыпались; и все представляется мнѣ земною стороной,—разумѣется, не ты и не твоя любовь,—вы не имѣете ничего земнаго, вы всѣ—свѣтъ, всѣ—одно божественное, святое, одинъ рай,— но мое положеніе, разлука съ тобою. Эта громадная масса темнотъ и страданій кажется мнѣ еще огромнѣе, еще темнѣе, еще ужаснѣе, и слаба надежда... Нѣтъ, я не достойна теперь писать къ тебѣ, ангелъ мой, прости меня; я не могу, не имѣю силы побѣдить своей слабости. Теперь только и думаю, что ты не пріѣдешь, и эта мысль давитъ меня къ землѣ и сыплетъ прахъ на душу... Гдѣ-жь душа, которой поклоняется Александръ?

7-е, вторникъ.

4 часа утра. Ты, вѣрно, въ глубокомъ снѣ, мой ангелъ. Я уже давно встала и читала Посланія апостольскія и твои. Малѣйшее паденіе мое пугаетъ меня ужасно; тотчасъ придетъ въ голову: можетъ ли такъ падать духомъ и ослабѣвать вѣрою «*та, которая должна быть выше существъ простыхъ*» [2])? Я ищу всѣ средства встать, опираюсь на все, ничто не помогаетъ даже приподняться м ѣ, и все валится, рушится опять вмѣстѣ со мною, но молитва и м сль о твоей любви обновляютъ скоро душу и возносятъ ее выше, н жели она была. Теперь я совсѣмъ иная, теперь ты можешь об-

[1]) Другая сестра Александры Андреевны жила въ домѣ князей Оболенскихъ, т рь же она выходила замужъ, и ея мѣсто замѣняла Александра Андреевна.

[2]) Слова Александра Ивановича.

нять меня, цѣловать меня, теперь, ангелъ мой, я твоя, твоя Наташа! Я подъ открытымъ окномъ. Дивное утро, еще все тихо, и птицы не поютъ; все спитъ кругомъ, одна я съ тобою, другъ мой. Когда намъ суждено скорое свиданіе, хорошо, что я одна: пусть остальное время разлуки все посвящается тебѣ, я не хочу дѣлить даже послѣднія грусти, и онѣ милы, священны мнѣ. Пусть все кипитъ въ моей душѣ, дивная борьба свѣтлой надежды—обнять тебя черезъ мѣсяцъ—съ мрачною мыслью: не видаться еще долго, долго... О, ангелъ мой, что̀-бъ ни было, какъ бы ни свирѣпъ былъ мой удѣлъ, твоя любовь сохранитъ меня и спасетъ. Не пробуждайся, Александръ, если видишь меня во снѣ, а я пойду гулять или опять лягу,—можетъ, и я увижу во снѣ моего ангела...

10-е, пятница.

Ахъ, хоть бы я письмо отъ тебя получила, и если бы ты написалъ, ангелъ мой, что укладываешься, собираешься въ путь, въ возвратный путь! Надежда видѣть тебя оживитъ меня. Пиши, пиши, мой Александръ, можетъ, недолго терпѣть намъ, а тяжка неизвѣстность: я каждый часъ изнемогаю. Ты писалъ, что черезъ мѣсяцъ ждать отвѣта,—одна недѣля ужь осталась. О, ради Бога, напиши мнѣ тотчасъ и лети скорѣе самъ. Покинь все, ангелъ мой, и лети ко мнѣ, мой спаситель. Если же отказъ, пиши и то скорѣе. Теплаго времени ужь не много остается, чтобъ успѣть мнѣ придти къ тебѣ до зимы; только бы взглянуть на тебя, только бы услышать твой голосъ, и я опять радостно буду переносить все. Когда судьбы Его требуютъ нашей разлуки, нашихъ страданій, да совершится воля Его, но только мнѣ нужны силы, нужна твердость, а ихъ можетъ только дать твой взглядъ, твое слово. Повидавшись съ тобой, я готова хоть на смерть. И такъ, прощай, мой Александръ, прощай, милый мой, ангелъ ты мой, обнимаю тебя, цѣлую. Дай Господи скорѣй сказать тебѣ: здравствуй, мой неоцѣненный, дивный, прелестный Александръ. Прощай!

Твоя *Наташа*.

Не пріѣдетъ ли Полина [1]) когда въ Москву? Кланяйся ей. Право, мнѣ кажется, еслибъ мы встрѣтились съ ней, то стали бы друзьями. Тебя, мой ангелъ, еще обнимаю. Господь съ тобою, будь веселъ и здоровъ. Лети-жь ко мнѣ, лети!

---

[1]) Пріятельница жены аптекаря въ Вяткѣ, съ которой былъ друженъ А. П., Полина Тромпетеръ.

9-е іюля 1836 г., Вятка.

Ангелъ мой, ты давно не получала моихъ писемъ,—пишешь ты отъ 24 іюня. Точно я не писалъ тогда долго, не желая передать грусть, которая наполняла мою душу, но съ тѣхъ поръ ты, вѣрно, получила нѣсколько записокъ отъ меня. Тебя тяготитъ наша разлука. ^, Наташа, собери всѣ силы, пострадай за будущее благоденствіе. Мы будемъ счастливы, клянусь тебѣ. И мнѣ ужь черезъ силу эта разлука. Дружба, широка ея грудь, она помогаетъ мнѣ много, но не дружбы ищетъ душа, а любви. Страшно! Я былъ, по крайней мѣрѣ, беззаботенъ по наружности, теперь, ожидая такъ скоро рѣшенія [1]), я перемѣнился, и самъ вижу это: я сталъ мраченъ, задумчивъ, разсѣянъ. Ничто меня не веселитъ, и моя иронія стала ядовитѣе, и мой смѣхъ злѣе. Нѣтъ, Наташа, не могу жить (безъ тебя): эта жертва ужасна. За одинъ взглядъ, за одинъ поцѣлуй я далъ бы теперь нѣсколько лѣтъ жизни. Ты не знаешь, что такое поцѣлуй,—мой поцѣлуй будетъ первымъ на твоихъ губахъ; я горжусь этимъ. Да, ты мое созданіе, моя олицетворенная мечта, одна ты и можешь меня сдѣлать счастливымъ.

Дружба! Въ ней есть что-то холодное, эгоистическое; это два круга (пересѣкшіеся), какъ говоритъ Огаревъ. Но любовь—чувство, оживившее меня, приведшее меня къ религіи, отдавшее мнѣ тебя,—это два круга, изъ коихъ одинъ поглощенъ другимъ, какъ будто внутренняя часть другого [2]). Одно средоточіе! Отчего же, видаясь съ друзьями, я только радуюсь, но при одной мысли свиданія съ тобой—трепещу? Можно ли намъ надѣяться на соединеніе вѣчное при жизни всѣхъ нашихъ? Наташа, вѣдь, страшно основывать свое счастье на смерти другихъ, страшно какъ воронъ заглядывать (въ глаза) и накликать смерть. Но врядъ ли это возможно иначе. Впрочемъ, если бы мы были вмѣстѣ, лишь бы могли хоть разъ въ недѣлю видѣться, и тогда уже счастье неизмѣримое,—и развѣ мы тогда уже не соединены? Предоставимъ остальное Провидѣнію. Не понятны иногда Его пути, но я вѣрю въ нихъ и слѣпо повинуюсь. Можетъ, все устроится легче, нежели ты думаешь—и я думаю.

15-е іюля.

Впрочемъ, со стороны папеньки не будетъ большихъ препятствій. Но княгиня... Я ее поздравилъ съ именинами.

Ангелъ мой, сегодня 15 іюля. 20 будетъ два года нашей прогулки

---

[1]) Т.-е. отвѣта изъ Петербурга на представленіе о переводѣ въ Москву.

[2]) Далѣе слѣдуетъ графическое изображеніе такихъ двухъ круговъ.

на скачкѣ [1]). Тогда уже мы были близки другъ другу, тогда уже вся душа открывалась тебѣ. А послѣ — разъ видѣлись и какъ сблизились, какъ слились наши существованія!

20 іюля ждутъ отвѣта изъ Петербурга. Странное число! Оно начало самыхъ бѣдствій [2]), оно начнетъ, *можетъ быть*, время счастья [3]). Но отчего же я боюсь этого *можетъ быть*, отчего проклятое *можетъ быть и нѣтъ* морозомъ обливаетъ сердце? Нѣтъ, нѣтъ, довольно страданій, довольно опыта! Полина кланяется тебѣ. Она тебя любитъ отъ всей души. Желалъ бы, чтобъ вы познакомились: прекрасная душа и пренесчастная. Какъ будто нѣтъ земного счастья для души небесной? Что-то наша Emilie? Статья моя *Мысль и откровеніе* пишется и первая часть хороша. Прощай, ангелъ мой, прощай, цѣлую тебя!

Твой на вѣки *Александръ*.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

1) Въ этотъ день, т.-е. 20 іюля, а не 19, какъ говорится въ „Запискахъ“ 1834 г., на Ходынскомъ полѣ были скачки; туда ѣхала вся Москва. Княгиня отпустила въ каретѣ и Н. А. вмѣстѣ съ Марьей Степановной, компаньонкой, и поповной—Сашей Кліентовой. Съ Ходынскаго поля онѣ поѣхали на Ваганьковское кладбище вмѣстѣ съ А. И., какъ припоминаетъ далѣе Н. А., а въ „Запискахъ“ говорится: „*Мы встрѣтились на кладбищѣ*. Она стояла, опершись на надгробный памятникъ, и говорила объ Огаревѣ, и грусть моя улеглась.

„— До завтра,—сказала она и подала мнѣ руку, улыбаясь сквозь слезы.

„— До завтра,—отвѣтилъ я... и долго смотрѣлъ вслѣдъ за исчезнувшимъ образомъ“.

Въ ночь на слѣдующій день А. И. былъ взятъ, и братъ и сестра не видались до 9 апрѣля 1835 г.

2) 20 іюля 1834 года, въ ночь, А. И. былъ арестованъ.

3) 20 іюля 1836 г. думалъ получить благопріятный отвѣтъ на представленіе, посланное въ Петербургъ о переводѣ въ Москву.

МАЙОРЪ БОБКОВЪ И ЕГО СИРОТЫ *).

(Изъ „Сказокъ дѣйствительности“).

(Памяти Зои).

XXI.

У судьбы и для Ольги Степановны было припасено нѣчто неожиданное.

Года полтора прошло, какъ я присматривался къ этому своеобразному уголку, и на моихъ глазахъ милая дѣвушка крѣпла до неузнаваемости. Выросла, какъ будто, округлилась. Въ голосѣ послышались такія бодрыя нотки, что я имъ невольно порадовался. Тихая улыбка ея, къ которой уже привыкли, теперь порой разрѣшалась такимъ громкимъ и искреннимъ смѣхомъ, въ немъ было столько беззавѣтной веселости, что всѣмъ кругомъ становилось какъ-то на душѣ свѣтлѣе.

Сила Сампсоновичъ, тотъ чуть ли не на небесахъ себя чувствовалъ.

— Совсѣмъ у меня Ольга Степановна козыремъ стала!—говорилъ онъ.

— Вотъ бы вамъ теперь жениться на ней!—замѣчали ему.

— Старому псу, да на такой кралѣ!—изумлялся майоръ.—Моя невѣста по мнѣ въ землѣ плачетъ. Куда ужь жениться! И такъ у меня семья на отборъ.

Разъ какъ-то прихожу я къ нимъ и, къ изумленію моему, за- ю Ольгу Степановну совсѣмъ не въ себѣ. Лица на ней не было.

— Что съ вами, голубушка? Дѣти у васъ больны?

— Нѣтъ, слава Богу, всѣ здоровы.

— А сами вы?

Русская Мысль, кн. VI.

— И сама ничего, какъ обыкновенно.

И сейчасъ отвернулась и прочь пошла. Сдѣлала нѣсколько шаговъ и будто къ землѣ приросла—задумалась. Потомъ головой встряхнула, отгоняя какую-то назойливую мысль, и заставила себя даже улыбнуться. Только не удалась у нея улыбка, какая-то болѣзненная, смятенная, почти виноватая. Я уже сталъ уходить, но она въ дверяхъ остановила меня.

— Я недавно ваши военныя воспоминанія читала.

— Ну?

— Тамъ есть одно мѣсто. Этотъ Горталовъ, который остался одинъ умирать въ редутѣ. Не хотѣлъ своего мѣста оставить. По-моему, всѣмъ надо такъ.

— Съ чего это вамъ въ голову пришло?

— Такъ. Не сразу, вѣдь, поймешь, что истинное счастье въ сознаніи исполненнаго долга.

— Фу, Ольга Степановна, какъ вы это по-прописному, даже не похоже на васъ.

— Да? Однако, это такъ. И ради личнаго счастья никогда нельзя бросать своего дѣла.

— Опять! Вы бы толкомъ, а то все какіе-то максимы. Что это вы одну изъ классныхъ дамъ институтскихъ вспомнили, что ли?

— Нѣтъ, въ институтѣ насъ этому не учили. Это ужь жизнь...

И опять засмотрѣлась въ окно и, навѣрное, не видѣла ни безлюдной улицы съ заборами направо, ни зеленыхъ вѣтвей, рвавшихся изъ-за этого забора, ни голубя, прилетѣвшаго сюда и чистившаго себѣ крылья.

— Съ вами что-нибудь да случилось.

— Послѣ я вамъ разскажу. Случилось, дѣйствительно. Негаданное... Я не знала, какъ мнѣ...

— А вы посовѣтовались бы.

— Нѣтъ... Такія дѣла надо самой. По душѣ и по совѣсти. А то, что-жь, вѣчно по чужимъ указкамъ?

— Вамъ легче будетъ, если выскажетесь.

— Да я и не мучусь. Я только какъ на распутьѣ. Не знаю, направо или налѣво. И тамъ, и тамъ есть кое-что.

— Ну, вы сегодня совсѣмъ неудобопонятны!

— Подождите, потомъ.

Черезъ нѣсколько дней мы встрѣтились опять.

Она уже была спокойна и ровна, какъ обыкновенно.

— Рѣшили: направо или налѣво?

— Да,—улыбнулась она,—рѣшила и—ужь разъ навсегда.

— Можете теперь разсказать?

— Только не сегодня.

— Торопитесь?

— Нѣтъ. Въ изломѣ еще болитъ. Послѣ.

Это послѣ, наконецъ, пришло. Но до него еще многое случилось. Я познакомился съ другими лицами, такъ или иначе вліявшими на судьбу Ольги Степановны, и разскажу уже самъ отъ себя, что съ ней было.

XXII.

Она, какъ всѣ наши институтки, кончивъ курсъ и получивъ даже шифръ, отлично была знакома съ Навуходоносоромъ, Мстиславомъ Удалымъ, Петромъ Пустынникомъ и многими Лудовиками, не ошибаясь, могла назвать всѣ города Франціи и даже отмѣтить тѣ изъ нихъ, въ которыхъ находятся канатныя фабрики, была посвящена и въ то, что сумма квадратовъ катетовъ равна квадрату гипотенузы, отлично говорила по-французски, разыгрывала всякіе reveries на фортепіано и даже съ грѣхомъ пополамъ пѣла: «Не искушай меня безъ нужды»,—но дѣйствительная жизнь являлась для нея чѣмъ-то вродѣ уравненія... ну, хоть съ тремя неизвѣстными. Бѣдная сирота, выйдя изъ института, никакъ не могла примирить съ ожидавшею ее обстановкой ни Нехао, ни Фридриха Барбароссу, ни *Просьбу птички*, которую она такъ эффектно декламировала на выпускномъ актѣ. Она, къ счастью, не была брошена на произволъ судьбы. Ее устроили гувернанткой въ семьѣ большого барина, въ которой она заняла нѣсколько странное положеніе. Ей говорили «вы», называли ее «mademoiselle», но старшая горничная, Аѳанасія, несомнѣнно пользовалась бо́льшимъ вниманіемъ и уваженіемъ, чѣмъ шифрованная затворница и институтка. Первое время она не замѣчала этого. Слишкомъ уже ново было все окружающее и она со дня своего выхода не успѣла еще закрыть рта, раскрытаго отъ удивленія. Семью посѣщалъ одинъ изъ кузеновъ, носившій блестящій мундиръ и ловко закручивавшій усы. Онъ слылъ въ своемъ кружкѣ замѣчательно умнымъ человѣкомъ, потому что въ рѣшительныя минуты умѣлъ дѣлать необыкновенно «глубокіе» глаза и значительно молчать. Сверхъ того, у него было что-то «демоническое» въ улыбкѣ и онъ слушалъ всѣхъ съ такимъ видомъ собственнаго превосходства, что семья на него возлагала громадныя ожиданія. Онъ первый разъяснилъ Ольгѣ Степановнѣ странность ея положенія. И не только разъяснилъ, но съ

такимъ благороднымъ негодованіемъ говорилъ объ этомъ, такъ разъ вступился за нее, что она скоро начала видѣть въ немъ какого-то рыцаря, не то Айвенго, не то Ричарда Львиное-Сердце, не то обоихъ вмѣстѣ. Ей казалось, что всѣ, и она въ томъ числѣ, находятся гдѣ-то внизу, а этотъ паладинъ надъ всѣми паритъ въ недосягаемой высотѣ, что каждый его взглядъ—уже милость остальному обыкновенному человѣчеству. Слово его для нея становилось закономъ, а всякое малѣйшее вниманіе заставляло высоко подымать голову и гордиться собой. Лѣтомъ, особенно на дачѣ, имъ часто приводилось быть вмѣстѣ. Дѣтей, порученныхъ ея надзору, увозили къ роднымъ и она цѣлые дни оставалась свободною. Ричардъ Львиное-Сердце въ это время неимовѣрно скучалъ. Онъ проигрался или, какъ разсказывалъ своимъ пріятелямъ, «продулся» въ карты и поневолѣ поселился у родныхъ на дачѣ. Его бы совсѣмъ одолѣла меланхолія и наставленія «ma tante», если бы не слѣпое поклоненіе Ольги Степановны. Въ этомъ отношеніи всѣ мы одинаковы. Достаточно, чтобы кто-нибудь увлекся нами, и мы сами уже поддаемся этому. Беллетристы въ оправданіе этого изобрѣли «заразительность искренняго чувства», хотя тутъ, кромѣ распущенности и желанія пріятно наполнить чѣмъ-нибудь скучный досугъ, съ одной стороны, и глупой угнетенности—съ другой, ничего нѣтъ. Разумѣется, ей о картахъ онъ не разсказывалъ. Ольга Степановна съ его словъ вѣрила, что ея рыцарь задался какимъ-то невѣроятно глубокомысленнымъ планомъ и уединился тутъ для его выполненія. Ричардъ Львиное-Сердце гулялъ съ нею по Каменному острову и такъ часто слышалъ отъ нея, что онъ исключительная, избранная натура, что уже не притворно, а на самомъ дѣлѣ сталъ различать надъ собой какой-то таинственный, прямо на него указующій «перстъ судьбы». И самъ уже говорилъ ей про себя:

— Я—«человѣкъ рока».

Подъ наитіемъ этихъ соображеній и подъ вліяніемъ перста, онъ обратилъ особенное вниманіе на скромную гувернантку.

— Вы однѣ угадали во мнѣ предназначеніе!

И онъ устремлялъ вдаль «роковой» взглядъ.

Кончилось это тѣмъ, чѣмъ обыкновенно такія отношенія кончаются. Ольга Степановна должна была оставить семью, гдѣ она жила, поселилась въ меблированныхъ квартирахъ у какого-то Котикова, отысканныхъ для нея все тѣмъ же рыцаремъ, и усердно занялась пріисканіемъ новыхъ занятій. Записалась во всѣ адресныя конторы, ходила съ тѣмъ же ко всѣмъ знакомымъ. Ея паладинъ,—отношенія ихъ были еще чисты,— въ это время часто посѣ-

щалъ ее, причемъ каждый разъ убѣждался все больше и больше въ томъ, что она тоже удивительная натура, предопредѣленная самимъ провидѣніемъ для него, и именно ни для чего иного, какъ для услажденія его «гордаго» одиночества. Дни шли за днями, уроковъ не было, а рыцарь въ ея глазахъ принималъ все болѣе и болѣе колоссальные размѣры. Когда онъ, наконецъ, выпалилъ: «Вы будете моя Жанна д'Аркъ»—она окончательно почувствовала себя завоеванной и зима застала ихъ на одной квартирѣ.

XXIII.

Счастье Ольги Степановны было очень недолго.

Есть «часовики»,—бабочки, живущія одинъ день только: освободится изъ кокона, покупается въ солнечномъ свѣтѣ, въ теплѣ, полетаетъ съ одного ароматнаго цвѣтка на другой и съ прощальными лучами заката гаснетъ, такъ что ей не приходится даже видѣть и знать темную ночь съ ея холодомъ и сыростью. Счастье Ольги Степановны было похоже на день часовика, только бабочка умираетъ, а Ольга Степановна не умерла, и ночь окутала ее и тьмой, и стужей. Сначала она не понимала, въ чемъ дѣло. Рыцарь сталъ брюжжать, какъ старая баба, капризничалъ, являлся домой недовольный, швырялъ палашъ въ уголъ, находилъ все кругомъ скверными и отвратительнымъ... Вмѣсто высокихъ разговоровъ съ нею, онъ принимался отдѣлывать себѣ ногти,—занятіе, на которое уходило часа два, причемъ все кругомъ должно было хранить нерушимое безмолвіе. Причесалась Ольга Степановна — «что ты прилизалась?» Распустила волосы—«ты, кажется, на вѣдьму хочешь быть похожа». Холодны ея руки—«точно лягушку берешь въ руки». Горячи—«что это съ тобою, противно брать,—такъ и жжетъ, и суха, какъ... какъ змѣиная кожа». Станетъ Ольга Степановна ласкаться къ нему—«оставь, надоѣли эти мѣщанскія нѣжности... Отстань! Это хорошо для табачной лавочки!» Оставитъ его, попробуетъ сдержаться—«всѣ русскія женщины никуда не годятся, около нихъ простудишься, насморкъ схватишь; то ли дѣло француженки» и т. д. Какъ-то пріѣхалъ Ричардъ Львиное-Сердце въ заведеніе съ пѣніемъ и пляской. Хозяинъ его, современный молодой человѣкъ изъ образованныхъ, вступилъ въ состязаніе съ Поляковыми и Омонами и захотѣлъ перещеголять ихъ, поставивъ дѣло согласно послѣднему слову науки. Онъ выписалъ французскаго куплетиста, противнаго, циничнаго. Въ тотъ вечеръ, когда «человѣкъ рока» былъ здѣсь, этотъ каботинъ явился на бисъ съ наклееннымъ носомъ,

морда-мордой, но смѣшнымъ до послѣдней крайности. И вдругъ Ричардъ Львиное-Сердце былъ пораженъ его сходствомъ съ Ольгой Степановной. Бываютъ такія совпаденія. Ничего общаго, а сходства, между тѣмъ, удивительны. У нея и носъ не такой, и губы другія, а, все-таки, есть что-то неотразимо сближающее ее съ оголтѣлымъ паршивцемъ, и даже до такой степени, что потомъ, вернувшись домой, не могъ цѣлую недѣлю смотрѣть ея паладинъ на свою Жанну д'Аркъ безъ смѣха. Ему въ ней чудился исподличавшійся и намазанный шутъ, такъ что впослѣдствіи онъ уже не могъ пожать руку Ольгѣ Степановнѣ безъ видимаго отвращенія.

Она стала болѣть и худѣть, а для такихъ, какъ она, это было еще хуже.

«Кошка драная!»—думалъ онъ про себя, глядя на ея блѣдное личико и угловатыя, выдавшіяся плечи.

— Я, вѣдь, не сидѣлка! — оправдываются подобные господа.

Въ концѣ-концовъ, онъ выпросилъ себѣ командировку и, получивъ ее, уѣхалъ, забывъ предупредить Ольгу.

Только изъ Москвы онъ прислалъ телеграмму, обѣщая «подробности письмомъ». Измученная, изстрадавшаяся женщина долго ожидала этихъ подробностей. Мѣсяцъ прошелъ, а подробностей все еще не было. Наконецъ, только къ сроку, когда оканчивалась командировка, подробности явились хотя краткія, но выразительныя: Ричардъ Львиное-Сердце не безъ орѳографическихъ вольностей сообщалъ ей, что ихъ связь была ошибкою съ обѣихъ сторонъ, что *онъ* давно видитъ ея холодность и даже отвращеніе *къ нему* и, привыкнувъ во всемъ приносить себя въ жертву и дѣйствовать благородно, освобождаетъ ее отъ себя, что онъ, какъ «дворянинъ и офицеръ», разумѣется, не оставитъ ее, а будетъ помогать въ предѣлахъ его средствъ, что передъ нею вся жизнь, что онъ желаетъ ей счастья и проситъ забыть о самомъ его существованіи, что пусть его призракъ не тревожитъ *ея* совѣсти, что онъ прощаетъ ей *все, все, все* (что все— пояснено не было)... «Будьте спокойны, я не потревожу васъ упреками. Міръ Божій великъ, намъ есть гдѣ разойтись, чтобы не встрѣчаться больше... Я гордъ и съумѣю молчать о ранахъ моей души» и т. д. Квартиру съ мебелью онъ отдавалъ ей и просилъ уложить только его личныя вещи, за которыми обѣщалъ прислать денщика... Прочтя эти «подробности», Ольга Степановна долго оставалась въ уголку дивана. Она ничего не понимала, рѣшительно ничего. Передъ глазами ея дрожали какіе-то огненныя спирали, въ ушахъ шумѣло, въ вискахъ ныло, темя давило мозгъ свинцовою тяжестью... Ногамъ было холодно и она поджимала ихъ, кутаясь въ

плодъ. Холодъ пробѣгалъ по спинѣ, а сердце съ такою болью колотилось о грудную клѣтку, что Ольгѣ казалось: еще минута—и оно или разобьетъ ребра, или само разобьется о нихъ. Вся даль, вся ея жизнь сдвинулась и скучилась такъ, что выхода не представлялось вовсе. Ни впередъ, ни въ сторону. И тьма давила, непроглядная тьма. Ни одной звѣздочки въ ней. Все, что было за душою у несчастной, все она вложила въ любовь свою, все отдала ему. И теперь она чувствовала, что ей рѣшительно не за чѣмъ и не чѣмъ жить, не въ смыслѣ средствъ, а такъ-таки не чѣмъ: ни мозгу, ни крови, ни нервовъ, ни силъ,—ничего, все отнялъ онъ, все онъ бросилъ въ грязь, затопталъ въ нее, и теперь она, точно какой-то пустой шаръ, глупо и невѣдомо зачѣмъ плаваетъ въ пространствѣ, виситъ въ немъ. Къ ночи ее охватило отчаяніе, близкое къ сумасшествію. Что оставалось? «Умереть»,—точно кто-то подсказывалъ ей, кто-то таинственный и неотступный, но скрывавшійся во мракѣ, кто-то, близость котораго она чувствовала. Умереть!... Онъ толкалъ ее, казалось, бралъ за плечи, одѣлъ во что-то, выкинулъ на улицу и къ замерзшей Невѣ. Утопиться, утопиться во что бы то ни стало... И все холоднѣе становилось и въ ней, и кругомъ.

Тутъ-то ее и встрѣтилъ Сила Сампсоновичъ.

Она не долго проболѣла, а выздоровѣвъ, узнала, что жизнь вовсе не вся сосредоточилась въ ея любви, что за предѣлами этого чувства лежатъ неизмѣримыя, полныя свѣта и тепла, дали, что вотъ тутъ, у самой ея постели, возятся брошенныя маленькія существа, которыя словно цвѣтки раскрылись и какъ росы животворящей ждутъ ея любви, ласки и нѣжности.

Ольга Степановна оправилась.

«Шифрованная» институтка навсегда умерла въ ней. Воскресла настоящая женщина, съ силами, не истощенными на добро. Жизнь ея осмыслилась, она не хотѣла ничего другого и вдругъ прошлое нежданно-негаданно потянуло къ себѣ...

XXIV.

Большею частью негодяи бываютъ съ одной стороны, а съ другой на него взглянешь—и непремѣнно образъ и подобіе Божіе въ немъ отыроешь. Кристаллизуются въ однообразныя и однородныя формы минералы. Съ людьми иначе. Часто одинъ и тотъ же человѣкъ способенъ и на величайшій подвигъ, и на необъяснимую гадость. По волѣ волнъ! Въ хорошую сторону исключенія встрѣчаются, въ дурную мнѣ не случалось видѣть. Обыкновенно куда его унесетъ сна-

чала, пока онъ еще не сложился, тамъ онъ и застрянетъ. Да и законченные характеры поразительны въ этомъ отношеніи иногда своими противорѣчіями. То же случилось и съ Ричардомъ Львиное-Сердце. Прошло нѣсколько лѣтъ. Вѣроятно, въ это время онъ сталкивался не съ одною женщиной, и любилъ, и былъ любимъ. По мѣрѣ того какъ умножались его впечатлѣнія, чѣмъ больше въ памяти сердца запечатлѣвалось «милыхъ образовъ», изъ-за нихъ все яснѣе и яснѣе, опредѣленнѣе и привлекательнѣе выступало кроткое и нѣжное личико далеко не красивой Ольги Степановны. И чѣмъ далѣе, тѣмъ чаще и чаще, такъ что оно, наконецъ, заслонило передъ его глазами всѣхъ остальныхъ. Точно никто, кромѣ нея, не пытался дать ему настоящаго счастья. Ольга Степановна стала ему застить весь міръ и впереди, и позади. Особенно послѣ одного вечера, когда противъ обыкновенія онъ остался дома одинъ. Шелъ дождь. Льву Александровичу лѣнь было двигаться съ мѣста, и онъ рѣшился надѣть на себя пальто попросторнѣе, затопилъ каминъ и передъ его ласковымъ огонькомъ плотно усѣлся въ кресло, да въ немъ и пробылъ до самой ночи. Въ извѣстномъ возрастѣ являются такія потребности. Все больше и больше начинаютъ любить свои «были» и оставаться съ ними наединѣ. Потому что, вѣдь, *одинъ* никогда и никто не остается. Изъ безчисленныхъ могилъ позади встаютъ дорогіе люди, и вы цѣлые часы проводите въ обществѣ, гдѣ вы больше свой, чѣмъ среди окружающихъ васъ новыхъ друзей и знакомыхъ. Слышатся нѣжные голоса, отъ которыхъ когда-то такъ трепетало и радостно, и нетерпѣливо сердце. И вы въ прошломъ и охотно отдаетесь волнамъ, уносящимъ васъ далеко-далеко, въ счастливый міръ пережитаго, когда, казалось, и солнце свѣтило ярче, и краски на все ложились гуще, и теплѣе было, и цвѣты лучше пахли, и дышалось очень легко и свободно, и сердце у людей шире и привѣтливѣе раскрывалось вамъ на встрѣчу. Остался наединѣ съ этимъ міромъ безмолвныхъ свидѣтелей и Левъ Александровичъ и, разумѣется, передъ нимъ тотчасъ же въявь всталъ свѣтлый образъ Ольги Степановны. Опять, на зло разлукѣ и разстоянію, неудавшійся паладинъ почувствовалъ крѣпкую нѣжность ея цѣломудренной ласки, услышалъ ея голосъ, вздрагивающій отъ волненія,—голосъ, такъ могуче застучавшійся въ его сердце, что Льва Александровича вдругъ охватило непонятною тоской... И взглядъ ея опять остановился на немъ, не тотъ, что у нея явился впослѣдствіи,—недоумѣвающій и удивленный, когда она узнала всю горечь, весь обманъ ихъ неудавшейся любви,—нѣтъ, довѣрчивый и преданный, въ которомъ сказывалась вся ея безхитростная и чистая душа.

Онъ всталъ и взялъ ея письма.

Они еще хранились у него, онъ ихъ давно не развертывалъ и Богъ знаетъ какъ обрадовался, что не уничтожилъ ихъ вмѣстѣ съ другими...

Онъ началъ ихъ перечитывать...

Какою прелестью повѣяло на него отъ этихъ мелко исписанныхъ листковъ! Точно легкій весенній вѣтерокъ издали донесъ тонкое дыханіе только что распустившихся фіалокъ. Какая искренность! Благодаря ей, эти письма жили. Ему чудилось, что въ каждомъ пожелтѣвшемъ ихъ словѣ бьетъ едва-едва слышно пульсъ. Какъ она была не похожа на тѣхъ, что потомъ прошли длинною вереницей черезъ его жизнь, на эту галлерею эффектныхъ, великолѣпныхъ, но холодныхъ женщинъ, которымъ были дороги только ихъ покойная жизнь, ихъ наслажденіе!... Онѣ и на него смотрѣли какъ на источникъ этого наслажденія, и только... Что имъ за дѣло было до того, что̀ *онъ* самъ чувствовалъ? Онѣ не давали ему ничего, брали у него все — и его деньги, и его время, и его будущее. А у этой какъ все просто, повидимому, и слова самыя обыкновенныя... Нѣтъ этого фейерверка страсти, который его плѣнялъ въ письмахъ другихъ женщинъ, а самыя обыкновенныя слова, но они и сами теплятся, и его грѣютъ... Его голову окутывало сладкимъ одурманивающимъ туманомъ, ему казалось, что она, Ольга Степановна, здѣсь, около, онъ различалъ легкій шорохъ ея платья. Онъ зажмуривался и думалъ, что стоитъ ему только открыть глаза, чтобъ ее увидѣть, позвать, чтобъ она подошла, протянуть руку, чтобы коснуться ея руки, трепетной, холодной и блѣдной, за одно пожатіе которой теперь онъ отдалъ бы всѣ свои послѣдующія привязанности и восторгъ, всѣхъ этихъ женщинъ, которыя и ему клялись, и которымъ онъ клялся въ любви. Онъ взялъ ея портретъ и началъ въ него всматриваться. Какъ онъ былъ тогда глупъ, что не оцѣнилъ этой внутренней красоты, такъ понятной ему теперь, этой души, сіявшей въ ея всепрощающемъ взглядѣ, въ ея грустной улыбкѣ! Вѣдь, эти губы цѣловали его. Онѣ принадлежали ему, какъ и она вся, вся безъ остатка; онъ у нея, не спрашиваясь, не согласуясь съ ея желаніями, бралъ когда и что хотѣлъ,—и вся ея забота при этомъ была въ томъ, чтобъ онъ только чувствовалъ себя счастливымъ, удовлетвореннымъ, довольнымъ... И онъ самъ, своими руками разбилъ ее... Ихъ отношенія—свободныя, вѣрныя, чудныя—онъ какъ идола сбросилъ въ грязь и затопталъ въ нее...

Ему вдругъ стало и жутко, и душно.

Онъ одѣлся на-скоро и вышелъ подъ дождь на стужу. Ему каза-

залось, что дома, наединѣ съ своими воспоминаніями, онъ задохнется...

XXV.

На улицахъ было скверно.

Дождь не лился, а точно хлесталъ все, имѣвшее несчастіе оказаться внѣ теплой комнаты. По панелямъ бѣжали цѣлые ручьи воды, на площадяхъ уже тускнѣли чуть не озера. Нельзя было различить, откуда,—скорѣе со всѣхъ сторонъ налеталъ вѣтеръ и съ злобнымъ свистомъ и стономъ уносился дальше, чтобы тотчасъ же вернуться, напасть на васъ невзначай, растрепать васъ всего, бросить вамъ черезъ голову полу вашей шинели, и опять ее скинуть, и все лицо вмигъ залить какими-то сѣкущими до боли струями холодной воды, столкнуть васъ въ шумный, только что образовавшійся у тротуара потокъ и оставить усталаго, ослѣпленнаго. Какой-то хаосъ брызгъ окутывалъ фонари. Пламя газа въ нихъ отчаянно металось вокругъ рожковъ, точно кто-то со всѣхъ сторонъ накидывался на него. И люди, и лошади одинаково страдали въ это время. Злобная, хриплая ругань извощиковъ уносилась съ вѣтромъ куда-то. Безотвѣтно встряхивали мокрыми и усталыми головами кони, измученно тормошась по мостовой. Пройдя нѣсколько улицъ, Левъ Александровичъ позвонился къ какимъ-то знакомымъ, но ихъ не оказалось дома. Другіе—уже легли спать. За дверями у перваго слышался веселый смѣхъ и топотня дѣтей, и онъ невольно позавидовалъ тому, надъ чѣмъ до сихъ поръ смѣялся. Когда-то онъ всякую семью называлъ голубятней и въ тайнѣ презиралъ тѣхъ, кто ихъ себѣ устраивалъ. А теперь какъ ему бы хотѣлось посидѣть въ такой голубятнѣ, приласкать этихъ замарашекъ и послушать счастливые, еще ни отъ какого горя не надтреснувшіе голоса!... О, ему такъ хорошо и легко было бы съ ними!

Собственно говоря (онъ опять съ головою утонулъ въ своемъ прошломъ и разбирался въ немъ, пересматривая и встряхивая каждую мелочь), Ольга Степановна была виновата, во всемъ виновата. Она была лучше его,—зачѣмъ же она оставила и ушла, зачѣмъ она послушалась его письма? Мало ли такихъ писемъ пишутъ люди, а потомъ раскаиваются въ нихъ и все устраивается отлично? Что, въ самомъ дѣлѣ, за голубиная кротость! Сейчасъ же вонъ, только ее и видѣли. Или самолюбіе? Но самолюбію въ этихъ дѣлахъ нѣтъ мѣста! Она должна была вынести все и заставить его опомниться. Ей слѣдовало отстоять мѣсто у его очага, не допустить никакую другую женщину занять его сердце и мысли. У нея на это есть

энергія. У всѣхъ женщинъ она есть. Терпѣніе—это ихъ оружіе, имъ онѣ цѣлый міръ побѣждаютъ. Онѣ ждутъ и умѣютъ ждать. Отчего же она не ждала? Что это за любовь, когда дорогого человѣка легко уступаютъ кому попало? А сама сейчасъ въ сторону. Это хорошо было Пилату умывать руки... Въ самомъ дѣлѣ, развѣ она права? Сказала ли она хотя когда-нибудь одно слово за себя и за свои интересы? Если бы она хоть разъ сдѣлала ему сцену, а то возвращался онъ чуть не утромъ,—она такъ же ласкова и не спроситъ, бывало, гдѣ ты прошатался столько времени? Цѣлые вечера остается одна и не жалуется на скуку... Разумѣется, ей слѣдовало дѣйствовать иначе...

Но онъ сейчасъ же вспомнилъ, каковъ онъ былъ тогда, и опустилъ голову, соображая, что иначе она и поступить не могла, не имѣла права, если не хотѣла разъ навсегда утратить свое достоинство, загубить въ себѣ живую душу. Силой милымъ не будешь. И онъ опять минуты за минутами безсознательно шлепалъ по грязи, не замѣчая, что забрался Богъ знаетъ куда. Домой онъ вернулся поздно ночью, усталый, съ больною головой и взбудораженными чувствами. Онъ долго не спалъ. Одѣяло казалось ему тяжелымъ, подушка слишкомъ мягкой и горячей, кровь отъ нея еще сильнѣе приливала къ темени, туфякъ былъ жестокъ, кровать коротка... И опять онъ минута за минутой назойливо и упорно переживалъ свое прошлое. Какъ теперь его бы успокоила ея ласка, какъ она умѣло, живо и незамѣтно приводила его въ себя. Прижмется, бывало, къ нему и шепчетъ что-то нѣжное-нѣжное, и рука ея на его плечо ляжетъ легко, точно цвѣтокъ упадетъ на него... Когда онъ, наконецъ, заснулъ, ему снились какія-то змѣи, кто-то черный, мохнатый, съ злобно сверкавшими будто изъ какого-то клубка красными глазами, садился къ нему на грудь и давилъ ее. Онъ выбивался изъ силъ, старался крикнуть и не могъ, а гдѣ-то въ сторонѣ мелькало личико Ольги Степановны — грустное-грустное. Ему слышалось, какъ ея голосъ тихо шепталъ:

— До чего ты довелъ себя, бѣдный-бѣдный?

И ему во снѣ самому хотѣлось плакать надъ собою.

Утромъ, проснувшись, онъ послалъ въ адресный столъ узнать, гд живетъ Ольга Степановна.

Потомъ позвалъ посыльнаго.

— Узнай, что дѣлаетъ эта особа, въ какихъ она обстоятельст ахъ, какія у нея средства. Разспроси тамъ. Только смотри, чтобы она сама не провѣдала объ этомъ. Боже тебя сохрани попасться ей на глаза.

— Безъ букету прикажете? — совсѣмъ ужь глупо спросилъ посыльный.

— Какого букета?

— Потому господа при этомъ обыкновенно букеты деликатно посылаютъ, либо конфеты...

Онъ обругалъ посыльнаго и не безъ труда втолковалъ ему, что̀ надо было сдѣлать.

Посыльный поѣхалъ на извощикѣ, но пропадалъ три часа.

Все это время Левъ Александровичъ просидѣлъ дома, какъ въ лихорадкѣ. Ходилъ по комнатамъ, бранился съ денщикомъ, перебиралъ книги и швырялъ ихъ на полъ. Наконецъ, тотъ вернулся.

— Ну?

— Все-съ въ наличности.

— То-есть?

— На своемъ мѣстѣ какъ есть. Первымъ дѣломъ—проживаютъ при майорѣ Бобковѣ.

— Что ты врешь, дуракъ!

— Точно такъ-съ, — въ дѣвицахъ... Но только благородно, какъ у иныхъ прочихъ «бонны». Намъ врать не приходится. У насъ это и въ инструкціи...

— Постой, постой!—успокоился Левъ Александровичъ. — У майора, значитъ, есть дѣти?

— Точно такъ-съ, тридцать два младенца бѣгаютъ.

— Какъ тридцать два?

— Счетомъ-съ. Какъ по списку. Потому майоръ этотъ собираетъ вездѣ младенцевъ. Кому не нужно. Вродѣ воспитательнаго дома у него. И при этихъ самыхъ младенцахъ—Крохотова, которая Ольга Степановна. Я довольно хорошо освѣдомился, какъ приказывали. Ведетъ себя одобрительно, дворникъ ничего такого не видѣли за ней, и въ участкѣ на хорошемъ счету, ни въ чемъ не замѣчена. Я самъ прежде былъ писцомъ въ участкѣ, знаю эти дѣла. Завсегда въ трезвости и при своемъ мѣстѣ. Никакихъ подозрительныхъ кавалеровъ у нея не бываетъ. Строго себя держитъ.

— На жалованьи, значитъ? Что она получаетъ?

— Какое жалованье! Майоръ-то этотъ особенный. Онъ младенцевъ милостыней пропитываетъ.

На этотъ разъ Левъ Александровичъ ничего не понялъ.

Пришлось рѣшиться все это узнать самому.

XXVI.

Рѣшиться рѣшился, но, все-таки, поѣхалъ не сразу.

Ему страшнѣе всего казалось встрѣтиться съ кроткимъ и всепрощающимъ взглядомъ дѣвушки. Еслибъ онъ зналъ, что у нея готовы для него самые жесткіе упреки, даже оскорбленія, ему было бы несравненно легче. Но онъ слишкомъ хорошо понималъ Ольгу Степановну. Онъ впередъ представлялъ себѣ, какъ она, его Оля, вспыхнетъ сначала, поблѣднѣетъ потомъ и вся въ слезахъ подастъ ему руку. И лицо у нея будетъ смятенное, разстроенное и взглядъ робкій-робкій, жалкій даже. Разумѣется, примириться съ нею не будетъ никакого труда. Она не продастъ себя, но, все-таки, вѣрно утомлена своею жизнью. Ей, должно быть, надоѣла эта полузависимость отъ какого-то Бобкова—майора и уже понятно бурбона; въ самомъ дѣлѣ, и сегодня проголодь, завтра—проголодь и гдѣ же?—въ концѣ города, близь огородовъ, у чорта на куличкахъ! При такихъ условіяхъ—какъ ни тяжело ей было съ нимъ, съ Львомъ Александровичемъ, но все же раемъ покажется старое. Ее разомъ потянетъ къ прежнему. Стоитъ ему явиться, и она пойдетъ за нимъ на край свѣта. Особенно когда онъ выскажетъ ей свои «благородныя намѣренія». Что было, того не воротишь, но, вѣдь, все можно покрыть вѣнцомъ. Еще какъ обрадуется-то! Всѣ, вѣдь, онѣ однимъ мірромъ мазаны. Помани ихъ «Исаіемъ-ликуй»—и кончено. Но вотъ первыя минуты, когда передъ нею воскреснутъ всѣ ея тогдашнія муки, все ихъ общее прошлое. Этого онъ и стыдился, и боялся и со дня на день откладывалъ свою поѣздку, хотя его тянуло къ Ольгѣ Степановнѣ, непостижимо тянуло. Онъ грезилъ о ней цѣлые дни, представлялъ себѣ ее около, засыпалъ и просыпался съ мыслью о ней и долго не хотѣлъ открывать глазъ, воображая ее тутъ же, съ нѣмымъ свѣтомъ ея очей, съ нѣжнымъ, стыдливымъ прикосновеніемъ ея маленькой руки, съ нервнымъ трепетомъ ея подкупающаго голоса, съ этою худенькою грудью, съ полудѣтскими плечиками, такъ неувѣренно искавшими защиты и ласки въ его объятіяхъ, когда, увы, онѣ, эти ласки, были еще горячи и искренни. Когда онъ, наконецъ, рѣшился и поѣхалъ «къ огородамъ», его самого трясло, какъ въ лихорадкѣ.

– Неужели она живетъ здѣсь?

онъ пристально, съ сильно бившимся сердцемъ всматривался сн[illegible]жки въ невзрачный домикъ, вросшій въ землю.

– Я и не думалъ, что въ Петербургѣ еще водятся такіе дома.

[illegible]ъ-за двойныхъ рамъ на улицу не выносился веселый го-

монъ дѣтскихъ голосовъ, хотя можно было замѣтить, какъ къ тускло-мъ, почти дымчатымъ стекламъ оконъ любопытно припали чьи-то маленькія мордашки, при чемъ у нѣкоторыхъ носы прижались къ стеклу пятачками. Вотъ эта дверь, вѣрно. Фу, какая захватанная и грязная! И клеенка виситъ лохмами, мочало торчитъ наружу, какъ вата изъ стараго изодраннаго халата... Тутъ ужь слышны голоса. Суматоха, возня за дверями. Звонка нѣтъ. Стучаться ли? Не лучше ли въ другой разъ, когда онъ будетъ спокойнѣе?... И потомъ тамъ вѣрно дурно пахнетъ, соръ вездѣ. Въ немъ заговорила брезгливость и онъ съ отвращеніемъ попятился отъ двери. Какъ всѣмъ малодушнымъ людямъ, ему казалось, что все это завтра онъ сдѣлаетъ несравненно легче, и лучше, и разумнѣе, что даже для пользы дѣла ему слѣдуетъ отложить. Именно отложить. Онъ все обдумаетъ, а то вотъ сейчасъ, сію минуту онъ даже не знаетъ, что сказать. Онъ такъ взволнованъ; у него ничего, ничего не выйдетъ. Еще напутаетъ. Захочетъ одно, а языкъ, помимо его— другое. Вѣдь, все зависитъ у нея отъ перваго впечатлѣнія. Пожалуй, его первыя фразы рѣшатъ дѣло въ одну или другую сторону. Онъ уже забылъ, что вчера былъ вполнѣ убѣжденъ въ восторгѣ Ольги Степановны при первой встрѣчѣ съ нимъ. Теперь ужь онъ не думалъ, что она сейчасъ же подымется, пойдетъ съ нимъ. Когда онъ былъ у цѣли, дѣло вдругъ представилось труднымъ, да еще такимъ труднымъ, что рука его, поднявшаяся было постучаться, вдругъ отяжелѣла, точно свинцомъ налилась и опустилась. Онъ уже повернулся было и на первую ступеньку назадъ попробовалъ, какъ вдругъ дверь съ шумомъ откинулась и въ ней показался какой-то взъерошенный, въ громадныхъ сапогахъ ребенокъ, съ раскосыми глазами и такимъ ртомъ, которому было бы мѣсто на гораздо большей головѣ, а никакъ не на такомъ маленькомъ личикѣ. Вылетѣлъ куда-то, и къ землѣ приросъ, и уставился на чужого. Палецъ въ ротъ сунулъ и засопѣлъ и сталъ переминаться съ ноги на ногу... Видимо, мозгъ у него работалъ: чего надо этому странному чужому дядѣ, который и въ комнаты не входитъ, и назадъ не думаетъ? За нимъ показался курносый мальчикъ, должно быть, побольше, потому что сейчасъ же, не долго думая, приступилъ къ формальному опросу:

— Ты къ намъ?

Левъ Александровичъ не успѣлъ еще отвѣтить, какъ вдали, тоненькая, стройная и гибкая, обрисовалась фигура Ольги Степановны. Онъ замѣтилъ, что ея бюстъ, какъ прежде, колышется надъ «муравьиною» таліей, какъ шутя обзывалъ ее онъ когда-то.

Ему такъ захотѣлось изо всѣхъ силъ кинуться внизъ, бѣжать отъ нея на улицу, до тѣхъ поръ, пока самый домъ этотъ съ огородами не исчезнетъ вдали. Но было уже поздно.

Оля, всегда близорукая, пристально всмотрѣлась въ него и вдругъ узнала. Узнала, вѣрно, узнала, потому что кровь отлила отъ ея лица. Она остановилась. Онъ потомъ уже вспомнилъ, какъ ее шатнуло, такъ что она оперлась ладонью о косякъ двери, а другую протянула впередъ, точно защищаясь отъ него.

— Это вы... вы?

Онъ молчалъ. Все вылетѣло изъ головы. Онъ не зналъ, что сказать ей. Куда дѣвались всѣ эти прекрасныя слова и мысли?... Разсыпались, какъ стая воробьевъ, нежданно вспугнутая съ малиноваго куста.

— Вы... здѣсь?

Что же это? Она вовсе не смущается.

Оправилась. Глаза приняли спокойное выраженіе. Ни гнѣва, ничего. Что-то равнодушное. Онъ ожидалъ смятенія, робости—и признака незамѣтно. И брови строго сдвинула, между ними на лбу морщинка вверхъ прорѣзалась, а прежде ея не было. Только грудь выдаетъ,—часто-часто дышетъ.

— Зачѣмъ, зачѣмъ вы здѣсь?

И голосъ ея звучитъ уже равнодушно, не ластится къ сердцу, какъ когда-то.

— Вы... вы очень перемѣнились, Ольга Степановна.

— Я?...— удивилась она.— Я надѣюсь, вы не за этимъ пришли, чтобы подѣлиться со мной этою новостью.

— Я говорю, перемѣнились къ лучшему.

И самъ почувствовалъ, до чего это глупо, да такъ, что покраснѣлъ отъ досады.

Она улыбнулась. Улыбка прежняя, совсѣмъ прежняя. Даже тѣ же ямочки у рта. Онъ всегда любилъ ея улыбку.

Она, Ольга Степановна, замѣтила его растерянность и ей вдругъ стало его жалко. Не такимъ она привыкла его видѣть прежде. Да и въ сердцѣ шевельнулось что-то теплое. Точно въ золѣ какая-то искорка вспыхнула, какъ сама она признавалась потомъ.

— И вы тоже, Левъ Александровичъ, повидимому, не тотъ, что то[illegible].

Ольга Степановна, поддаваясь все тому же медленно подымавшемуся въ ея душѣ чувству, протянула ему руку.

Онъ взялъ ее и удержалъ...

Рука была спокойна, не дрожала, какъ прежде.

— Да, и я... да, и я...—вдругъ заторопился онъ, точно сейчасъ и времени не будетъ сказать это.—Да, да и я... Я тоже очень... И совсѣмъ... Могу васъ увѣрить... Я не тотъ, ей-Богу, не тотъ.

«Зачѣмъ это я побожился?—негодовалъ онъ на себя.—Господи! что она обо мнѣ подумаетъ?»—и разомъ осилилъ свое волненіе и взялъ себя въ руки.

Она все это отлично поняла, потому что по ея лицу скользнула добрая улыбка. Левъ Александровичъ уловилъ ее и понялъ, что въ этой ясной душѣ не осталось ничего противъ него, что онъ давно прощенъ, что Ольга Степановна примирилась съ своимъ прошлымъ, а значитъ и съ нимъ, съ Львомъ Александровичемъ.

— Я пришелъ просить васъ подарить мнѣ полчаса. Мнѣ необходимо, такъ необходимо много сказать вамъ... Только полчаса. Вамъ, вѣдь, это ничего не стоитъ.

Она уловила оттѣнокъ страданія въ его голосѣ, и ей еще болѣе стало его жаль.

«Какой онъ былъ прежде гордый!»—думала она.

— Право, мнѣ такъ много, много...о чемъ я думалъ... все это время.

— Что-жь, въ самомъ дѣлѣ, — ужь совершенно оправилась она, — мы съ вами толкуемъ на лѣстницѣ... Войдите... Дѣти, не путайтесь подъ ногами. Это не къ вамъ.

Какая шумная гурьба малышей облѣпила ихъ отовсюду! Левъ Александровичъ оглядывалъ ихъ, и ему казалось, что они всѣ на одно лицо и ничѣмъ не отличаются одинъ отъ другого. Какъ сапоги на одну колодку.

— У васъ есть своя комната?

— Дѣти, вы будете тихо вести себя, а? Не станете шумѣть, пока чужой дядя побудетъ у меня?

Она повернулась въ боковую дверь и въ другой комнатѣ показала Льву Александровичу узенькую деревянную лѣстницу вверхъ.

— Я тамъ...

Левъ Александровичъ опять отдался волненію. У него точно отяжелѣли ноги. Казалось, что его подошвы прилипали къ ступенямъ,—такъ ему трудно было подниматься.

«Да, Оля совсѣмъ не та, не та! — шевелились въ его головѣ новыя мысли.—Не узнаваема стала. Съ этой такъ скоро не справиться. Да полно и удастся ли все это? Напрасно я и пріѣхалъ сюда... Но какъ же я безъ нея буду?...»

И вдругъ онъ почувствовалъ, что ему не жить безъ нея, что эта тоненькая женщина, что стоитъ уже вверху и съ удивленіемъ

наблюдаетъ всѣ его колебанія, какъ-то разомъ приросла къ его сердцу. Съ кровью не оторвешь ее теперь.

— Что же вы, Левъ Александровичъ?

И улыбнулась даже... Ему стало совѣстно.

«Точно кадета сѣчь ведутъ!»—мелькнуло у него въ головѣ.

Маленькая, низенькая горенка, такъ что онъ даже головою въ потолокъ стукнулся.

— Виновата, я васъ не предупредила. Мнѣ она какъ разъ,— я, вѣдь, не велика... Я маленькая!

О, какъ бы онъ эту маленькую, улыбающуюся женщину схватилъ теперь на руки и прижалъ къ своей груди!... Какъ бы радостно онъ унесъ ее прочь отсюда къ себѣ!...

— Соня!...

Худенькая и блѣдная дѣвочка, шившая что-то у окна, встала и отложила работу на столикъ. Потомъ она, строго сдвинувъ брови и крѣпко сжавъ губы, обернулась къ Ольгѣ Степановнѣ.

— Соня, милая, поди въ кухню къ Лупочкѣ и помоги ей.

Ребенокъ вскинулъ глазами на посторонняго «дядю» и, еще строже сдвинувъ брови, съ тѣмъ же дѣловымъ видомъ направился въ дверь.

Левъ Александровичъ затворилъ ихъ за дѣвочкой.

— Садитесь, стулъ у меня одинъ...

Онъ сѣлъ къ окну.

Она стояла передъ гостемъ, не безъ любопытства глядя на него, точно изучая, насколько онъ за это время измѣнился. Левъ Александровичъ повернулъ голову къ окну. Оно выходило на выступъ крыши,—комната оказывалась въ мезонинѣ. По кровлѣ ходила и топорщилась ворона, постукивая крѣпкимъ чернымъ клювомъ въ гнилое дерево. Вонъ сѣрая кошка пробирается куда-то по самому рубчику карниза. Ворона было встревожилась, даже раза два крыльями взмахнула, но кошка не обратила на нее вниманія и исчезла за трубою.

Левъ Александровичъ чувствовалъ, что молчать неловко. Она ждала его вопроса. Но у него какъ-то все вертѣлось въ головѣ, безтолково вертѣлось. Онъ оглянулся—въ комнаткѣ было бѣдно. Тощ[illegible] постель, жидкая подушка, старенькое, вытертое байковое одѣя[illegible] ... У его денщика лучше... Образъ, безъ оклада, въ углу. У об[illegible]аза чуть-чуть за розовымъ стекломъ лампадки вздрагиваетъ ог[illegible]екъ. Точно и ему было страшно за этого растерявшагося челов[illegible]а: нѣтъ-нѣтъ, да и припадетъ къ поплавку. Голый полъ чисто вы[illegible]метенъ.

— Сами моете?—ни съ того, ни съ сего спросилъ Левъ Александровичъ.

— Нѣтъ, а что?

— Такъ, ничего...

И стѣна голая. Разорвавшіеся обои подклеены газетами, вонъ заплата изъ какой-то афиши,—глаза деретъ. Ни одной книжки, ни цвѣтка,—ничего, что̀ бы скрашивало эту келью. Въ монастырѣ уютнѣе и привѣтливѣе.

— Здѣсь и живете?

Она ничего на это не отвѣтила,— ужь очень былъ глупъ вопросъ.

— Вы меня простите, Левъ Александровичъ, но я дѣтей никогда надолго однихъ не оставляю. Если вамъ нужно что передать мнѣ, поторопитесь.

— Какая вы стали спокойная!

— Спокойная?—Она улыбнулась чуть-чуть. Одни глаза улыбнулись.

— Да, и увѣренная!

— Пора,—все, вѣдь, старое давно перегорѣло въ душѣ.

Не удержалась-таки отъ намека, и не только не удержалась, но ему послышалось въ этомъ намекѣ нѣчто отозвавшееся прежнею болью. Эти нѣсколько словъ его точно хлыстомъ ударили, но ему не было больно, онъ даже имъ обрадовался. Во-первыхъ, они его выводили на дорогу, а, во-вторыхъ, зачѣмъ у нея что-то затрепетало въ горлѣ, въ голосѣ, когда она произносила ихъ? Нѣтъ, значитъ, еще не все, не все перегорѣло. Значитъ, еще есть надежда. Есть, есть...

И онъ встрепенулся ей на встрѣчу.

XXVII.

Все старое перегорѣло въ душѣ. Нѣтъ, еще теплится что-то подъ золою, иначе она не посмотрѣла бы на него такъ, когда онъ повернулся къ окну. Это не была прежняя нѣжность. Что-то другое, но теплѣе простого участія. Должно быть, и съ нимъ что-то случилось,—думала она,—ишь, бѣлыя пряди въ вискахъ... На лбу морщины прорѣзались. И его жизнь помяла, да и въ глазахъ не то выраженіе. Отъ этой противной, старой самоувѣренности слѣда не осталось. Даже приниженность какая-то. И вдругъ ей стало безконечно жаль его,—такъ жаль, что какая-то, будто посторонняя, внѣшняя дѣйствовавшая сила толкнула ее къ нему. Она подошла и не могла

удержаться, положила ему руку на плечо. Онъ вздрогнулъ... Какъ ему памятно было это движеніе! Она всегда это дѣлала, когда онъ казался ей чѣмъ-то разстроеннымъ. Его всего обдало теплomъ, и ни онъ, ни она не могли потомъ дать себѣ отчета, какъ это случилось, что онъ вдругъ оказался у ея ногъ, весь трепетавшій отъ рыданій, внезапно подступившихъ къ его горлу, а она въ одуряющемъ туманѣ старыхъ, еще дорогихъ ей ощущеній не трогалась съ мѣста и про себя что-то шептала ему, но такъ, что онъ уловилъ нѣсколько ласковыхъ словъ, отъ которыхъ она давнымъ-давно отвыкла... Какъ налетѣло, такъ и ушло разомъ. Она опомнилась первая. Ей стало точно стыдно чего-то. Она съ трудомъ оторвалась, ушла за дверь, побыла тамъ, глядя сверху на игравшихъ дѣтей, даже приказала имъ:

— Потише, потише!... Что это вы, дѣти, разшумѣлись? Неужели нельзя васъ на минуту оставить?

И, наконецъ, осиливъ свое волненіе, вернулась уже спокойная. Онъ тупо смотрѣлъ въ окно, прислонясь горячимъ лбомъ къ стеклу.

— Левъ Александровичъ, это не должно повторяться больше. Слышите вы меня?

— Сейчасъ, я сейчасъ...

Его плечи еще вздрагивали. Ему труднѣе, чѣмъ ей, было взять себя въ руки.

— Сейчасъ, вотъ только...

Когда онъ повернулся къ ней, все его лицо было въ какихъ-то красныхъ пятнахъ. Вспухнувшія вѣки почему-то особенно врѣзались ей въ память. Разсказывая потомъ все случившееся, она останавливалась на нихъ съ такимъ видомъ, что всѣ понимали, какъ у нея сердце щемитъ при этомъ. Она сама, впрочемъ, признавалась: въ груди ноетъ, какъ представлю его себѣ такимъ жалкимъ и уничтоженнымъ.

— Ну, Левъ Александровичъ, говорите же, что васъ привело сюда? Я уже не думала встрѣтиться съ вами еще разъ въ жизни. Дорогъ много... Мы разошлись по разнымъ. Трудно было опять свидѣться.

— Я... я... вотъ только теперь... то-есть не теперь даже, а сколько мѣсяцевъ назадъ... понялъ... понялъ, что вы... что ... Постойте, такъ нельзя, минуту...

Онъ налилъ воды; рука его, державшая стаканъ, дрожала, и ъ расплескалъ воду. Съ трудомъ сдѣлалъ нѣсколько глотковъ.

— Я понялъ, что вы такое для меня. Въ васъ вся жизнь моя, счастье. Безъ васъ—потемки, я не могу безъ васъ. Я съ ума

схожу... И сойду, или наложу на себя руки. Я не могу больше. Я терпѣлъ много и не могу... не могу!... Зачѣмъ вы... тогда оставили меня?

Какъ онъ смѣлъ напомнить это?... Что-то точно приподняло ее и къ горлу тѣснымъ порывомъ подступило, такъ что она даже чуть было не задохнулась, когда хотѣла отвѣтить ему, и ничего у нея не вышло, захрипѣла только, но онъ и не разслышалъ этого.

— Зачѣмъ вы тогда послушались меня и ушли? Развѣ можно было такъ? Я былъ безумецъ, негодяй,—все, что хотите,—но вамъ слѣдовало...да, слѣдовало остаться! И мы были бы счастливы. Ахъ, да, я былъ или мерзавецъ, или дуракъ... Я самъ не знаю.

— Или то, или другое! — жестко повторила она. — Не оправдывайтесь, Левъ Александровичъ,—у меня цѣло ваше письмо.

— Я и не оправдываюсь. Развѣ такъ оправдываются? Господи! да я и не думаю этого. Я бы цѣною жизни готовъ. Скажите: умри—умру! Развѣ я тогда что понималъ? Ну, негодяй, ну, мерзавецъ. А вы, все-таки, не должны были уходить. Вы умнѣе, честнѣе, лучше меня... Да... Вамъ бы понять, что все это пройдетъ... Что я теперь безъ васъ... когда я люблю, пойми, одну тебя люблю, и понялъ, что только и было одно это искренно и сильно во всю мою жизнь?... Вѣришь ли, ни сна, ни покоя. Весь день о васъ... о тебѣ... всю ночь... Глаза сомкну—ты, открою—ты. Каждая мысль... Милая, дорогая!...

И его такъ толкнуло къ ней, что она и не опомнилась, какъ сильныя руки Льва Александровича сжали ее. Она съ трудомъ высвободилась изъ рукъ.

— Милая, милая!...

— Оставьте это, или я уйду.

Она вполнѣ оправилась наружно. Сердце все еще колотилось въ груди, какъ испуганная птица въ клѣткѣ.

— Левъ Александровичъ, я васъ прошу, чтобы такихъ порывовъ больше не было. Слышите вы меня?

— Да, да, слышу... только, простите, не могу...

— Прошлое отошло назадъ, къ нему мы никогда не вернемся

— Напротивъ, напротивъ... Пусть все будетъ забыто и навсегда. Женщины умѣютъ прощать и забывать, забудьте и вы. Бросьте прошлое. Мы еще, можетъ быть, и будемъ счастливы. Вся жизнь впереди. Какое угодно испытаніе—я готовъ. Но только уйдемъ отсюда... Уйдемъ вмѣстѣ... Уйдемъ изъ этого грязнаго, бѣднаго уголка. Какъ вы, *вы* не понимаете всего ужаса этой обста

новки?... Уйдемъ, Оля. Разумѣется, не такъ, какъ прежде, — женою, вы понимаете,—женою, и чтобъ уже никогда, никогда...

Голосъ у него опять оборвался, но она теперь не только казалась, но и стала другою.

Вся блѣдная, Ольга Степановна тихо опустилась на стулъ.

Онъ ждалъ ея отвѣта. Она, видимо, не хотѣла говорить, о чемъ думала въ эти мгновенія, но это оказалось сильнѣе ея, и вдругъ поспѣшно, сбиваясь, но все больше и больше поддаваясь охватывавшему ее волненію, она стала говорить сначала тихо, а потомъ все громче, рѣзче, рѣшительнѣе. Кровь кинулась ей въ лицо, глаза загорѣлись незнакомымъ ему гнѣвнымъ огонькомъ... Уже не было недавней жалости. Она ненавидѣла его въ эту минуту. Даже его жалкій и приниженный видъ сейчасъ раздражалъ ее и дѣлалъ безпощаднѣе...

XXVIII.

— Зачѣмъ я оставила васъ?... Скажите, пожалуйста!... Вотъ именно вопросъ, какого я не ожидала... И вы смѣли задать его?... Нѣтъ, Богъ знаетъ что такое, до чего нравственно слѣпы вы... Вы вспомните, вы взяли меня, когда я молилась на васъ. Для меня и вы, и Богъ были однимъ и тѣмъ же. Цѣлый міръ въ васъ однихъ. Я не забыла этого и не могу забыть, хоть и рада бы. Кромѣ вашего желанія, вашей воли, для меня другого закона не было. Вспомните, хотѣла ли я чего-нибудь? Требовала ли? А, вѣдь, жизнь шла за жизнь и я могла бы... Я не только вѣрила вамъ,— я жила вами, думала вашими мыслями, чувствовала вашимъ сердцемъ... Зачѣмъ я оставила васъ? Зачѣмъ?... И вы, вы это смѣли...

Она заторопилась и раскашлялась.

— Зачѣмъ я оставила васъ? — рѣзко подчеркнула она.—Скажите вы мнѣ тогда: Оля, бросься въ огонь—я бы не задумалась. Что я такое была? — даже не раба, собака ваша. Собака — и та огрызнется, а я нѣтъ... У васъ дурная память, Левъ Александровичъ, дурная, скверная память... Вы помните, что я ушла. Тоесть, не помните, а вспомнили, когда вамъ тяжко и грустно стало, гда вы одиночества испугались... Я уже не та, что прежде, я помаю людей и васъ насквозь... А вы забыли, что̀ случилось пеъ тѣмъ, какъ я ушла, забыли? Господи, что̀ я тогда пережила! меня, вѣдь, другой жизни, какъ съ вами, не было, я все броа, все... Простить?... Да я давно простила, будьте счастливы... забыть не могу. Отъ души говорю, не могу, не могу. Если бы

я не любила васъ такъ, можетъ быть, и забыла бы. Но... но... этого не требуйте, не просите... Умирать буду, а память не уйдетъ, не погаснетъ. Зла вамъ — никогда, напротивъ. Только не забуду, не забуду... Никогда. Это грѣшно? Не знаю. Но какъ же иначе, развѣ можно это вычеркнуть? Вы спрашиваете, *зачѣмъ* я ушла тогда? И въ этомъ вашъ эгоизмъ сказался,—вы все о себѣ, о себѣ. Отчего вы не спросили меня, *куда* я тогда ушла отъ васъ? Именно *куда*... Вамъ это не пришло въ голову, разумѣется. Еще бы!... Да я думаю, тогда вы и не заботились объ этомъ... Куда бы ни ушла, лишь бы ушла, лишь бы ея не было около. И только? А я, сама себя не помня, Левъ Александровичъ, побѣжала отъ васъ топиться въ прорубь... Чего вы вздрагиваете, скажите? Тогда и не поинтересовались: что съ нею? Да-съ, Левъ Александровичъ, душу свою чуть не погубила, за одно ужь... Топиться... И если бы не благородный человѣкъ, рѣдкій, рѣдкій... лучшій, чѣмъ всѣ вы вмѣстѣ... человѣкъ безъ фразъ, безъ притворства, безъ обмана,— такъ меня бы давно, давно не было на свѣтѣ... А вы въ тѣ дни хоть разъ вспомнили обо мнѣ? Душа у васъ шевельнулась ли сожалѣніемъ? Гдѣ я, что со мною? Хоть во снѣ-то вы видали ли меня?... Ахъ, какъ противно, какъ гадко мнѣ, когда я вспоминаю ту жизнь! Господи! такъ обманывать, такъ издѣваться надъ довѣрчивымъ ребенкомъ! Вѣдь, я именно такимъ была... И если бы еще обманывать. Иногда обманываютъ изъ жалости. Нѣтъ ласки въ душѣ, такъ хоть притворяются. И неизвѣстно еще, что сильнѣе, любовь или жалость. А вы подъ конецъ и притворяться не удостоивали. Я не понимала тогда,—теперь за то все поняла. Вы прямо показывали мнѣ свое отвращеніе. За что? Зачѣмъ вы подняли все это? Я ужь и не думала больше... Уйдите, уйдите!...

Она уронила голову на руки и заплакала.

Левъ Александровичъ молча стоялъ около. Онъ только сейчасъ узналъ, что съ нею было, и похолодѣлъ даже.

— Я не имѣлъ понятія, никогда не воображалъ даже...

— Чего вы не воображали?—подняла она на него полные слезъ глаза.— Чего вы не воображали? А вы искали меня? Вы у старика, у Силы Самсоновича, когда онъ явился къ вамъ за моими бумагами, спросили, гдѣ я, что я? Вы съ денщикомъ вашимъ выслали ихъ, да кстати и деньги, которыя майоръ,— слава Богу, за меня онъ понялъ,— растопталъ ногами въ вашей прихожей. А онъ, вѣдь, для насъ милостыню ходилъ просить. Да, вы и не поинтересовались, куда я попала. Хуже чѣмъ въ прорубь могла, что вамъ за дѣло было тогда?... На первыхъ порахъ онъ щадилъ меня, не ска-

залъ, а потомъ я выспросила. У васъ ужь въ это время другая была. Изъ-за дверей смѣялась, хохотала, можетъ быть, надо мною.

— Нѣтъ, она такъ приходила, она о васъ и понятія не имѣла...

— Да мнѣ, вѣдь, все равно. Что мнѣ было за дѣло послѣ того, что случилось?... И теперь все равно... Все равно. Ну, смѣялась, въ глупомъ видѣ вы ей меня представляли... Что до этого? Та жизнь далеко отошла... Что я еще хотѣла... постойте... Да, вы этотъ уголокъ называете жалкимъ, эту обстановку — ужасною; поймите, что я тутъ только счастье узнала, привыкла гордиться собою, считать свою жизнь нужною и дорогою этимъ вотъ жалкимъ, брошеннымъ дѣтямъ. Если есть на свѣтѣ подвигъ, такъ онъ именно здѣсь... Впрочемъ, что я! Развѣ вы поймете, развѣ вы поймете?... И точно такая я... любила! И долго еще любила.

Она на минуту смолкла. Хотѣла что-то сказать и не рѣшалась. Точно стыдилась. Но потомъ съ новымъ порывомъ продолжала:

— И тогда... еще и тогда, о, Господи, какъ я васъ любила, какъ любила! Да придите вы тогда, послѣ той проруби даже, скажите: «пойдемъ, Оля»,— а вы умѣли это, у васъ былъ ласковый голосъ, когда вы хотѣли,— и я бы, какъ побитая собака, какъ ваша Джальма — за вами, хотя бы и знала, что завтра опять бы въ прорубь пришлось! Какъ я васъ любила!... А что Джальма? — вдругъ некстати спросила она.

— Ея нѣтъ... Взбѣсилась...

— И она васъ любила... тоже... Вы ее хлыстомъ часто били. Все лучше, чѣмъ какъ меня — словами. Слово больнѣе. Рубецъ заживетъ, обида — никогда. Какъ я васъ любила! Годы проходили,— я не могла васъ выгнать изъ головы и сердца. Бывало, одна останусь — вы передо мною. И ни зла, ни желанія мести — ничего, ничего! Молилась, чтобы вы были счастливы, чтобы все хорошо у васъ тамъ... За *нее* даже молилась, чтобъ она дала вамъ больше радости, чѣмъ могла я... Нужно было долго отрезвляться, чтобы понять, кто вы... Да и поняла, а, все-таки...

— Что все-таки? — быстро спросилъ онъ.

— Развѣ,— страстно вырвалось у нея,— развѣ сейчасъ, сію минуту, вчера, третьяго дня, утромъ, до вашего прихода я не люла и не люблю васъ? Развѣ, когда вы уйдете, я не буду любить ъ? Завтра, послѣ-завтра, черезъ годъ, всю жизнь? Развѣ съ мъ можно совладать? Старайся — не одолѣешь. Развѣ во всю мою альную жизнь у меня будетъ что-нибудь такое?... Да вы пойе, что безъ этого я бы теперь была совсѣмъ, совсѣмъ счастлиудайся только мнѣ выбросить васъ изъ памяти... Что же мнѣ

дѣлать, что дѣлать,— ломала она руки,— если я не могу, если я... гадкая, безъ самолюбія, безъ гордости?... Любить васъ послѣ всего, что было... Да... и люблю, люблю... Иначе не могу, у меня на всю жизнь это... на всю...

Она забылась и не опомнилась даже, когда онъ взялъ ее за руки, притянулъ къ себѣ и сталъ цѣловать ея заплаканное лицо, влажные глаза. Какой-то туманъ окуталъ ее. Она разомъ ослабѣла. У нея отнялись руки... Да еслибъ и могла, она бы не защищалась... Она уже вся отдавалась его поцѣлуямъ. Отъ нихъ по всему ея тѣлу пробѣгали какія-то нѣжныя, теплыя струи... Вся забываясь, она уже сама цѣловалала его, словно во мракѣ, ощупью находя своими губами его губы... И прошло много счастливыхъ мгновеній, прежде чѣмъ сознаніе вернулось къ ней, прежде чѣмъ она могла упереться ему въ грудь обѣими руками и съ силою, которой онъ не ожидалъ отъ нея въ эту минуту, отбросить его отъ себя... Съ какимъ-то обезумѣвшимъ лицомъ пошла она къ дверямъ...

— Оля, милая, сердце мое! — послышалось за нею.

— Постой...— Она схватилась за кровать. Она бы упала иначе. Ее шатало всю.— Постой... Постойте, что это случилось? Неужели опять? Опять... Нѣтъ...

— Оля, дорогая жена... Брось все это, брось... уйдемъ отсюда. Сколько счастья ждетъ насъ... Неужели же всю жизнь здѣсь... здѣсь...

— Такъ нельзя, Лева...

Столько нѣжности вложила она въ это имя, что у него закружило голову.

Онъ уже не слышалъ, или слышалъ въ какомъ-то туманѣ, какъ она, отбиваясь, говорила ему:

— Такъ нельзя, Лева, нельзя... Пойми, у меня здѣсь свое дѣло... большое... большое... Бѣдныя, брошенныя дѣти... Такъ нельзя, надо одуматься. Ты видишь, сейчасъ, сію минуту, я ничего не могу, я безсильна... Я какъ слѣпая... Я вся въ твоихъ рукахъ. Ты что хочешь, то и сдѣлаешь... Погоди, дай мнѣ одуматься...

Но онъ уже не слушалъ ее... Сопротивленіе ея слабѣло.

И вдругъ что-то точно подняло и отбросило ее прочь.

Въ дверь стучали.

— Кто тамъ?

Неужели это ея голосъ?... Какъ онъ хрипло и странно звучитъ!

— Я... Соня...

Держась рукой за голову, она подошла къ дверямъ.

— Что тебѣ?

— Лупочка говоритъ, масло и картошку пожалуйте...

— Что? Какое масло?...

— Которое скоромное... Для обѣда...

— Сейчасъ.

У двери стоялъ стулъ. Она опустилась на него, схватилась за голову опять и нѣсколько мгновеній просидѣла такъ.

— Оля, забудь все это... уйдемъ...

— Постой, такъ нельзя... Еще минута, и мы бы сдѣлали дурное, да... дурное дѣло... Такъ нельзя, надо одуматься... Умоляю тебя, милый... Уѣзжай сейчасъ, если у тебя есть хоть капля уваженія ко мнѣ... Не показывайся сюда больше. У меня голова кружится... Завтра... Нѣтъ не завтра, черезъ недѣлю пріѣзжай... Нѣтъ, я сама къ тебѣ или напишу. Вѣдь, это на всю жизнь. Оставь мнѣ хоть немного увѣренности въ самоё себя. Лева, уйди... сейчасъ... Ты видишь, здѣсь своя жизнь. Я тутъ нужна каждую минуту...

Въ немъ даже послѣ недавняго взрыва все точно захолонуло.

Онъ подошелъ къ ней, взялъ ее за голову, поцѣловалъ и она ему отвѣтила поцѣлуемъ на поцѣлуй. Улыбнулась даже растерянно и смятенно. Потомъ поправила сбившіеся волосы.

— Уѣзжай, Лева. Я напишу тебѣ, когда... Потомъ мы сами бы себѣ не простили этого.

Онъ теперь весь былъ полонъ надежды.

Радостный и взволнованный онъ уходилъ отъ нея. Земля горѣла подъ его ногами.

«Неужели начинается новая жизнь, новое счастье?»

И дернуло же эту дѣвчонку постучаться!... Теперь та, Оля, была бы уже его рабой, его вещью... Онъ бы увозилъ ее къ себѣ... Противный, противный ребенокъ! И всѣ у нея тамъ противные... крикливые, надоѣдливые. Какъ она могла до сихъ поръ удовлетворяться этою жизнью?

А Ольга Степановна, упавъ въ подушку лицомъ, лежала неподвижно.

Въ дверь къ ней опять застучали.

Она съ трудомъ подняла голову.

— Войди!

Большеглазая Лупочка сама появилась изъ кухни.

— Чего тебѣ?

Ольга Степановна уже забыла, что за нею приходили.

— И говядину тоже... Пора жарить.

— Ахъ, да, въ самомъ дѣлѣ!

Она встала. Сѣрый день скучно смотрѣлъ въ окно. Дѣтскіе голоса звучали внизу. Они ей были противны въ эту минуту. Надоѣдали. Словно молотками стучали въ ея больную голову. Опять начинались будни.

— Я кашу въ духовую печь поставила.

— Какую кашу, Лупочка?

— Ячную. Сегодня ячная, вѣдь.

«Что такое ячная? — словно въ полуобморочномъ состояніи соображала Ольга Степановна.—И чего онѣ всѣ ко мнѣ? Развѣ хоть на сегодня нельзя было обойтись безъ меня?»

— По вторникамъ всегда ячная,—резонно сообщала дѣловитая Лупочка,—а по средамъ—гречишная...

— Въ самомъ дѣлѣ?

«Она, вѣдь, не виновата!» — вглядывалась Ольга Степановна въ вѣчно удивленные глаза Лупочки.

— Въ самомъ дѣлѣ... Спасибо, Лупочка, у меня голова болитъ немного...

А внизу новыя хлопоты.

Сенька подрался съ Оськой, да такъ впился въ его кудлатыя лохмы, что хоть водой разливай.

— Господи, что вы со мной дѣлаете? — расплакалась вдругъ Ольга Степановна.—Уйду я отъ васъ, силы моей нѣтъ.

Дѣти разомъ притихли и съежились и изъ угловъ смотрятъ на нее испуганно, какъ загнанные звѣрята. Еще никогда съ нею этого не было, хоть и не такія драки случались между ними.

Тишина стояла кругомъ, какъ въ тотъ день, когда умеръ Ерошка-Моргунъ.

Ольга Степановна замѣтила это. Ей стало еще больнѣе.

— Что же вы теперь примолкли? То деретесь, то точно всѣ остолбенѣли... Играйте, дѣти...

А дѣти еще недовѣрчивѣе смотрѣли на нее.

— Братцы,— шепталъ Оська товарищамъ,— безпремѣнно сегодня насъ сѣчь будутъ.

— Не... — отвергалъ это его недавній врагъ Сенька. — Здѣсь не сѣкутъ.

— Ужь я тебѣ говорю, будь спокоенъ... Придетъ майоръ, наломаетъ лозы...

— Здѣсь негдѣ и наломать-то.

— Найдетъ... Чего-чего, а лозу всегда найтпть можно.

XXIX.

Бѣдная Ольга Степановна нѣсколько дней ходила сама на себя не похожая. Одна изъ тѣхъ глубокихъ натуръ, у которыхъ разъ въ душу запало какое-нибудь чувство, такъ ужь на всю жизнь неизмѣнно, она только теперь поняла, что на зло всему прошлому никогда не переставала любить Льва Александровича и до сихъ поръ сильно любитъ. Годы только своею золой едва-едва прикрыли этотъ огонекъ. Достаточно было встрѣчи, чтобы она словно вѣтромъ раскинула эту золу и раздула огонекъ цѣлымъ пожарищемъ. Для нея разомъ стали неинтересны всѣ эти набранныя по улицамъ безпріютныя дѣти. Она замѣтила и то, чего не видѣла прежде: убожество, окружающее ее, уродливость нѣкоторыхъ изъ этихъ личиковъ, еще вчера такъ нравившихся ей своею наивностью и дѣтскою простотой. Едва ли не впервые за все это время ее стали утомлять ихъ вопросы, и то, что прежде она дѣлала съ такою страстною преданностью ко всему этому обездоленному міру, теперь она исполняла все такъ же, но уже сердце ея, занятое другимъ, молчало, точно отсутствовало. Она при этомъ чувствовала какую-то неловкость, испытывала необходимость самопринужденія, должна была заставлять себя. Она не разъ ловила себя на фразѣ: ахъ, какъ все это скучно!

Она никогда не была разсѣянною, нынѣ стала такою. Прежде ей казался милъ веселый шумъ этихъ дѣтскихъ голосовъ. Теперь онъ раздражалъ ее, у нея болѣла отъ него голова. Нечего и говорить о сердцѣ. Оно все время ныло, точно въ немъ обнаружилась старая трещина и стала ширяться. Ольга Степановна въ первые два дня не хотѣла думать, какъ ей поступить. Ей надо было сначала успокоиться, обсудить все это на досугѣ, хотя именно спокойствіе и было теперь для нея недоступно. Ждать его можно было, не зная самой себя, своей души. Она стала вдругъ бояться безсонницы и старалась съ вечера утомить себя такъ, чтобы заснуть крѣпко и безпробудно до утра. Ей это удалось въ первые два дня, но на третью ночь точно кто-то толкнулъ ее въ бокъ. Она разомъ п поднялась на локтѣ и всмотрѣлась въ окружающую ее тьму. Б гомъ царила тишина. Только въ углу дышала тихо Лупочка, с вшая въ ея комнатѣ. Это Ольгу Степановну успокоило. Она о ть легла, но тутъ уже мысль за мыслью, воспоминаніе за вос- п инаніемъ, сомнѣніе за сомнѣніемъ назойливо окутали ее такимъ о манивающимъ чадомъ, что она нѣсколько разъ бралась за вис- к щупала себя за голову. Въ самомъ дѣлѣ, ну, зачѣмъ онъ отыч.

скалъ ее, пришелъ? Зачѣмъ онъ разбилъ опять ея новую жизнь, нарушилъ кроткій миръ ея существованія, незамѣтнаго и тихаго, сочившагося, какъ оставшійся послѣ весенняго разлива ручеекъ, по дну поросшаго лозникомъ оврага. И, въ то же время, урывками она испытывала какое-то странное опьяняющее счастье. Нахлынетъ и опять отхлынетъ. Заворожитъ всю и она, уже смыкая глаза, повторяетъ: «Нѣтъ, онъ хорошо сдѣлалъ. Значитъ, и онъ любилъ, и стоитъ мнѣ только рѣшиться, только рѣшиться и все опять будетъ отлично. Все, что было прежде, все это прошло и не вернется, и мало ли какіе вообще кошмары случаются. Онъ самъ столько выстрадалъ, онъ кается, а покаяніе смываетъ все, все. Не я же буду и судить, и карать его». И она протягивала руки въ темноту, словно отыскивая въ ней кого-то. Что же дѣлать, что дѣлать? Послушаться сердца и пойти за этимъ человѣкомъ?... Ему тоже нужна она. Она принадлежала ему раньше, чѣмъ этимъ дѣтямъ. Онъ имѣетъ право на ея любовь и преданность. Что же, что тогда онъ чуть-чуть не загубилъ ее? Развѣ это освобождаетъ ее? Развѣ онъ тѣмъ самымъ утратилъ свои права? Этакъ легко разсуждать, а въ чемъ же окажется преданность ея, самоотверженіе?... Потомъ она, не замѣчая, что всѣ эти соображенія подсказывались ей лицемѣрнымъ эгоизмомъ, рисовала себѣ картину за картиной, какъ она пріѣдетъ къ нему, какъ онъ ее встрѣтитъ, обрадуется, какъ свѣтло, тихо и радостно пойдетъ въ новой... нѣтъ, то-есть, въ старой обстановкѣ ея жизнь. Она слишкомъ была женщиной, чтобы рѣшить все безъ борьбы, безъ колебаній. И ей такъ жадно, такъ страстно хотѣлось счастья, что явись Левъ Александровичъ въ такую именно минуту, и все было бы кончено, и онъ увезъ бы любимую дѣвушку съ собою. Но одна мысль смѣнялась другою, радужныя мечты тревожными сомнѣніями, сквозь полымя и одурь неудовлетворенныхъ инстинктовъ пробивался укоръ просыпающейся совѣсти, и радостныя встрѣчи, счастливые ожидающіе ее дни вдвоемъ съ нимъ, безоблачные, теплые, съ солнцемъ любви, съ ея чуднымъ небомъ, вдругъ заслонялись строгою и суровою дѣйствительностью, неумолимо требовавшею, прежде всего, ее, ее всю, со всею ея страстною преданностью, со всею ея энергіей и волей. Она опять уходила въ свое сегодня и начинала безпокоиться о томъ, что у Оси второй день болитъ спина, а Соня жалуется на голову. Оставит этихъ! Она видѣла уже бобковское гнѣздо разореннымъ, дѣтей шекъ этихъ осиротѣвшими, грязными, одичавшими. Бобкову с мому нѣкогда присмотрѣть за ними. Они, разумѣется, останут предоставленными себѣ самимъ. Начнутся ссоры, драки. Наслѣд

бродяжничества — дурныя наклонности, мало-по-малу сглаживающіяся здѣсь ея вліяніемъ, опять скажутся въ этихъ наивныхъ и еще неустановившихся характерахъ, и тихій, и ласковый пріютъ такъ любившихъ и любящихъ ее дѣтишекъ обратится въ какой-то разбойничій вертепъ. Что выйдетъ тогда изъ нихъ? Разумѣется, что вышло бы, еслибъ ихъ Сила Сампсоновичъ не подобралъ, а она не воспитывала: воры, нищіе, тунеядцы. А что станется съ Бобковымъ,—вѣдь, онъ понимаетъ это? И ей становилось такъ холодно, такъ жутко.

Но, вѣдь, и Левъ Александровичъ говоритъ, что ему пропасть безъ нея?... И, сверхъ того, каждый, а, слѣдовательно, она тоже имѣетъ право на свою долю счастья? Гдѣ она взяла эту фразу? Прочла, вѣрно, когда-то. Что же ей дѣлать, что дѣлать? Она пристально допрашивалась у мрака рокового отвѣта, но ночь молчала, торжественная и спокойная,—ей не было дѣла до страданій и сомнѣній, волновавшихъ человѣческую душу, и только ровно дышали дѣти внизу, да Лупочка что-то со сна бормотала.

Что же ей дѣлать, что дѣлать? И часы тянулись за часами и блѣдный разсвѣтъ за окномъ не приносилъ желаннаго покоя. Что дѣлать?

Силѣ Сампсоновичу она разсказала о томъ, что у нея былъ Левъ Александровичъ и зачѣмъ.

— Какъ вы думаете?—спросила она.

— Я... я?...

Бобковъ совершенно сбился съ толку. «Точно меня она молоткомъ въ самое темя!»—разсказывалъ онъ потомъ.

— Я... что-жь... я... Я думаю...

И вдругъ онъ всхлипнулъ какъ-то, по-бабьи, отмахнулся, высморкался въ Германскую имперію и, поспѣшно надѣвъ шинель, выскочилъ за дверь.

Вернулся онъ поздно вечеромъ и, видимо, старался быть спокойнымъ. Подошелъ къ ней и самъ началъ:

— Что я-то думаю?... Какъ вы... У самихъ совѣсть есть... Какъ вы, такъ и будетъ хорошо... Потому у васъ и умъ, и сердце... Найте какъ знаете... Вамъ тоже что-жь—въ чужомъ дѣлѣ. Я тутъ судья. Всякому свое. Я старъ, мнѣ одно кажется, а вы по-моему разсуждаете. У васъ своя жизнь, никто въ ней не воленъ. тишекъ, понимаю, жалко... А, впрочемъ, что-жь тутъ? Все же свои... Вѣдь, не свои, говорю?—горько вырвалось у него.

— Какъ не свои? Развѣ я ихъ не своими считала?

— Да, Ольга Степановна, *считали*... А какъ будете считать,

ы знаемъ. Все станется, какъ Богъ велитъ... А только
о—помните, я противъ васъ ни слова. Самъ былъ молодъ,
семьѣ мечталъ. Какъ я смѣю говорить тутъ? Въ чужую ду-
е влѣзешь, не разберешься въ ней. Какъ Господь вамъ
е, такъ и поступайте. Подите, помолитесь, да сами и рѣшай-
, вѣдь, а не кому другому и жить, и за все про все отвѣть
Что-жь голодную-то жизнь вести?
ъ самъ не замѣчалъ, что противорѣчитъ себѣ на каждомъ

ть съ Сенькой случилось что-то.
ечеру головка разгорѣлась, всю ночь пробредилъ. До утра
Ольга Степановна съ нимъ. Онъ, въ забытьи, схватывал-
дѣтскою рученкой за ея палецъ и крѣпко держалъ его,
ялся, что она уйдетъ и оставитъ его одного. Къ разсвѣту
окоился. Дѣло окончилось пустяками, только Ольга Степа-
эту ночь какъ будто вдругъ стихла, даже «застыла», какъ
ъ мнѣ майоръ.
Застыла, а я только вижу, что внутри-то у нея работа
голова, и сердце не въ покоѣ. Нѣтъ, не въ покоѣ. Все ду-
се думаетъ.
рудно вамъ будетъ безъ нея.
схватился за голову.
трашно!... А вы какъ?... По-вашему, уйдетъ?
а какъ же иначе, если любитъ того?
юбить—любитъ. Самъ вижу.
у, такъ прикиньте сами.
очно что... Никакъ ей нельзя не уйти... Къ своему пре-
етъ. Своихъ дѣтей хочется. Я ее сквозь знаю, прирожден-
.
у, вотъ видите.
дѣ Богъ-то?—вдругъ поднялъ онъ обѣ руки.
то?
дѣ Богъ, спрашиваю?... Младенцы-то чѣмъ виноваты, а?...
, ропщу, вотъ что. Никогда не ропталъ, а теперь ропщу.
явъ шапку, онъ, не простясь, выскочилъ за дверь.

XXX.

е такое участіе принималъ во всѣхъ маленькихъ трево-
олненіяхъ бобковскаго гнѣзда, что меня сильно безпоко-
дѣлаетъ и на что рѣшится Ольга Степановна. Я заѣзжалъ

къ ней нѣсколько разъ и мало-по-малу во мнѣ родилась увѣренность, что дѣло, все-таки, окончится отлично и малыши отъ этого не пострадаютъ. Всю эту недѣлю она была очень нервна и неровна съ ними. То ласкаетъ, чуть не плача, то вдругъ застынетъ. Она даже кричала на нихъ, чего прежде не случалось, и дѣти, ранѣе, у себя дома, привыкшіе къ скалкамъ, утюгамъ и затрещинамъ «не глядя во что», теперь, вѣроятно, по необычайности такого обращенія именно со стороны Ольги Степановны, пугались не на шутку, разбѣгались по угламъ и кучились тамъ, перешептываясь между собою, и сторожко, какъ встревоженные звѣрки, поглядывали на нее. Она замѣчала это и ей дѣлалось болѣзненно-стыдно за себя. Она уходила наверхъ и плакала тамъ. Какъ потомъ она разсказывала, сама боялась за это время потерять довѣріе и любовь дѣтей. Всего больше ее смущали вытаращенные глаза Лупочки. Они за это время стали еще удивленнѣе. Оставаясь съ Ольгой Степановной, она ихъ не сводила съ нея, и когда та ходила изъ угла въ уголъ, Лупочка неотступно слѣдовала за нею взглядомъ. «Она точно моя совѣсть была!»

Лупочка, впрочемъ, по-своему поняла состояніе Ольги Степановны. Когда дѣти начинали шумѣть, дѣвочка строго останавливала ихъ, еще пуще тараща глазенки.

— Чего вы? Видите, что у тёти грудка болитъ.

— Ты почемъ знаешь, лукавка?—тормошили ее малыши.

— А ишь она ручкой за грудку все хватается. Я ужь знаю, что болитъ, за то и хватаются. Ужь это такъ.

«Лукавкою» дѣтл прозвали Лупочку за то, что раньше положеннаго часу у нея въ кухнѣ нельзя было допроситься лакомаго куска.

— Небось ты ѣшь?—приставали къ ней.

— А ты видѣлъ? И сама эстолькова кусочка не съѣмъ, и другимъ не дамъ.

Она дѣйствительно въ этомъ отношеніи была свыше всякой мѣры добросовѣстна, но малыши никакъ не могли понять, какъ она одолѣваетъ соблазнъ. Они подсматривали за нею—и напрасно.

— Это она нарочно такъ-то!—рѣшили они.

И имя «лукавки» еще прочнѣе утвердилось за Лупочкой.

Прежде, по вечерамъ, Ольга Степановна читала дѣтямъ, по утамъ ихъ учила, теперь книги лежали въ шкафу не тронутыя и ки были отмѣнены. Цѣлые часы она ходила изъ угла въ уголъ се думала, все думала. Прошелъ назначенный срокъ, она напиа Льву Александровичу, что проситъ его подождать еще нѣ-

сколько дней, что она пока ничего не рѣшила. И странно, послѣ этого она какъ-то разомъ успокоилась. На ея лицѣ опять показалась улыбка, хотя вмѣстѣ съ нею часто на глазахъ проступали слезы. Въ голосѣ ея, когда она говорила съ дѣтьми, опять зазвучали нѣжныя нотки, даже смѣхъ послышался. А вечеромъ она раскрыла какую-то книжку и стала дѣтямъ читать. Сила Сампсоновичъ явился какъ разъ въ эту минуту и очень обрадовался, но побоялся слишкомъ явно выразить это и бочкомъ-бочкомъ, ссылаясь на усталость, пробрался къ себѣ. Послѣ чтенія Ольга Степановна уложила дѣтей, взяла къ себѣ наверхъ платье, у кого разорвалось, и занялась починкой, все время хмуря брови и, видимо, думая о вещахъ, ничего общаго съ продранными штанишками не имѣющихъ. Лупочка, было улегшаяся, подняла голову съ подушки.

— Что ты, милая?—спросила Ольга Степановна.

— Ничего... А только я думаю такъ: отчего это Гришка, не глядя, дрова съ улицы носитъ на кухню?

— Не пойму я тебя сегодня, Лупочка.

— Потому вы съ жару, а онъ сейчасъ дверь настежь.

— Ну?—подняла брови Ольга Степановна.

— Оттого и грудка у васъ заболѣла... У насъ еще та малина, которою вы Оську поили, есть въ шкапу.

Она, наконецъ, сообразила, о чемъ заботилась Лупочка, засмѣялась, потомъ чуть не расплакалась, подошла къ ней и поцѣловала ее.

— Нѣтъ, это я не отъ Гришки,—тихо, точно сама себѣ, проговорила Ольга Степановна.—Гришка тутъ не причемъ.

— А я думала, онъ... Я уже ему говорила сегодня.

— Гришка, да не тотъ!

Лупочка всполошилась.

— Большой, значитъ, столяръ который?

Онъ былъ ея особеннымъ любимцемъ.

Но задумавшаяся Ольга Степановна уже не отвѣтила ей.

Лупочка долго соображала, чѣмъ бы это Гришка - столяръ или, какъ она называла, столарь могъ простудить тётю. Уже засыпая, она рѣшила, что это отъ кровати, которую тотъ, исполняя свою давнюю мечту, сдѣлалъ-таки Ольгѣ Степановнѣ.

— Неужели отъ птицъ?—раскрывала Лупочка слипавшіеся глазки.

Гришка-столяръ надъ спинкою этой кровати въ головахъ изобразилъ двухъ голубковъ и листья.

— Если отъ птицъ, то какъ же это?...

Лупочка сегодня безпокойно спала. Она опять скоро проснулась, поднялась и увидѣла Ольгу Степановну сидящею на постели. Около была зажжена свѣча,—очевидно, Крохотова давно уже не спала. Лупочка поднялась тоже. Она замѣтила, что Ольга Степановна какъ-то странно смотритъ, точно черезъ нее.

— Что же ты не спишь?

Лупочка не отвѣтила сразу.

— Больна, что ли?

— Нѣтъ, здорова.

Она себѣ даже обѣими руками лобъ пощупала.

— Отъ чего мнѣ болѣть?

— Вотъ что, Лупочка, что бы вы стали дѣлать безъ меня?

— Какъ это безъ васъ?

— Ну, напримѣръ, еслибъ я уѣхала.

— Къ этому чужому дядѣ?

— Къ какому дядѣ?—Ольга Степановна вся вспыхнула.

— А что пріѣзжалъ?... Вы еще плакали послѣ...

— Нѣтъ... а еслибъ я такъ уѣхала.

— Совсѣмъ?

— Ну, да... Какая ты безпонятная.

Лупочка опустила голову и долго молчала.

— Что-жь бы вы дѣлали безъ меня?— неудавшимся ей веселымъ тономъ опять спросила Ольга Степановна.

— А я знаю, что.

— Ну, говори же!

— Извѣстно... Божинька бы насъ всѣхъ померъ...

И Лупочка вдругъ уронила маленькую свою головку на подушку и заплакала.

Ольга Степановна и не утѣшала ее.

Она точно застыла, сидя въ постели.

Лупочка такъ, плача, и заснула. Потомъ уже сквозь сонъ ей чудилось, что Ольга Степановна встала съ постели, подошла къ дѣвочкѣ, перекрестила ее, потомъ сѣла къ столу и что-то долго, очень долго писала.

XXXI.

Судьба меня впослѣдствіи столкнула съ Львомъ Александровичъ.

Какое это было печальное и кроткое письмо! Какою нѣжностью шало каждое его слово! Вся душа Ольги Степановны, наивно-са-

моотверженная, выражалась въ этихъ простыхъ строчкахъ, и дѣй-
о, только прочтя ихъ, можно было измѣрить всю горечь
кой женщины, весь ужасъ жизни человѣка, любимаго ею,
же время, обреченнаго на одиночество.
къ вы съ самаго начала не могли оцѣнить ее? — вырва-
ія.
звѣ мы что-нибудь сразу понимаемъ? Мелочи заслоняютъ
о похоронивъ или иначе потерявъ такое сокровище, со-
чего лишился. И потомъ мы всѣ гастрономы въ любви!
о было длинное.
ось, Ольга Степановна все не могла подойти къ рѣшитель-
сненію. Она сначала говорила о прошломъ, и ни одного
а не вырвалось у нея при этомъ. Весь ея гнѣвъ, гнѣвъ
, поруганной и брошенной женщины, вылился при ихъ
свиданіи. Теперь ужь она не находила горечи въ душѣ,
пережитое. Воспоминанія вѣяли на нее грустью, но не
въ ней обиды. Она уже оправдывала любимаго человѣка,
ла ему извиненія и, разумѣется, онъ самъ, какъ ни была
а его совѣсть, не нашелъ бы ихъ, не угадалъ того, что
о ему великодушіе любящей женщины.
ла для васъ слишкомъ безцвѣтна. Вы впечатлительны
и и, разумѣется, не могли и не должны были притворять-
мкнута, невесела, даже холодна для васъ. Понятно, что
но должны были поддаться инымъ вліяніямъ,— сказала
ъ», еслибъ это слово не было ужь слишкомъ пошло. Мнѣ
лко моего прошлаго; видитъ Богъ, чего бы я ни отдала,
нуть его, но я не боюсь и своего будущаго. Я знаю те-
вы меня любите, и искренно, но я ничего, ничего уже не
ать. Поймите, не *не хочу*, а *не могу*. Я не своя,—я со-
всѣмъ чужая. Этотъ дѣтскій міръ крѣпко держитъ меня.
ыряхъ даютъ обѣты, но тутъ и безъ обѣтовъ я каждымъ
воимъ привязана, и не только привязана, но срослась съ
окурыми головками, съ этими брошенными другими без-
и существами, жизнь которыхъ вся на мнѣ, на моей
е могу быть счастлива, я не могу сдѣлать счастливымъ
, что это милое маленькое гнѣздышко разорено моимъ
что эти бѣдныя, покинутыя дѣти, узнавъ на нѣсколько
у и радость, опять выброшены въ большой, холодный и
ный міръ на произволъ судьбы. Я сейчасъ видѣла спо-
чики спящихъ ребятокъ. Ну, развѣ я, *я* могу осудить
кое великое горе? Каждая минута нашей общей жизни съ

вами была бы отравлена этою мыслью. Я стала бы вамъ въ тягость, а, вѣдь, и вы тоже нуждаетесь въ покоѣ и ласкѣ... У васъ впереди такъ много. Вы еще молоды, красивы, богаты. Попробуйте полюбить другую... И васъ полюбятъ тоже. Мнѣ горька эта мысль, я, все-таки, женщина и вовсе не такая ужь христіанка, какъ мнѣ бы самой хотѣлось... Я знаю и муки ревности, и не скоро забываю обиды... Но, вѣдь, надо же прямо смотрѣть въ глаза жизни. Это, вѣдь, такъ. Не можете же, ради меня, вы отказаться отъ всѣхъ ея радостей... Сохрани меня Всевышній отъ такой претензіи! Сберегите обо мнѣ воспоминаніе, какъ о вашей сестрѣ, какъ о другѣ,—я на большее и не разсчитываю. Думайте обо мнѣ иногда съ нѣжностью, какъ я всегда буду думать о васъ. Только не слишкомъ много отдавайте мнѣ мѣста въ вашемъ сердцѣ, чтобы эти воспоминанія не заслонили передъ вами образа другой женщины, которая, полюбивъ, попытается сдѣлать васъ счастливымъ... Помните, что самое тяжкое для насъ, женщинъ, это—знать, что, лаская тебя, любимый человѣкъ мысленно ласкаетъ другую. Съ этимъ никто и никогда не мирится. Лучшія изъ насъ—и тѣ готовы разбить изъ-за этого и свою, и чужую жизнь. Это отравляетъ все, каждый день, каждый мигъ, это сокрушаетъ сердце, а разъ оскорбленное такъ, оно уже никогда, никогда не забьется въ отвѣтъ вамъ съ тихимъ и яснымъ довѣріемъ,—съ тѣмъ довѣріемъ, которое одно даетъ настоящее счастье. Лучше ужь забудьте меня! Я часто и много буду думать о васъ. Тогда, въ прошлую нашу встрѣчу, ваши слезы смыли все, что было между нами горькаго, обиднаго. Вы, какъ мужчина, можетъ быть, стыдитесь ихъ. Гордитесь ими! Плачутъ только честные и хорошіе люди. Послѣ этихъ слезъ въ памяти у меня остались одни безоблачные дни,—дни, когда мнѣ казалось, что я безраздѣльно любима вами... Пройдутъ годы безцвѣтнаго, тихаго существованія и я все буду оглядываться назадъ, на это такъ быстро пронесшееся для меня счастье. Какъ далекій огонекъ ночью, онъ, все-таки, поможетъ мнѣ въ моихъ потемкахъ. Если бы вы знали, какъ страстно, какъ неудержимо хочу я, чтобы ваша жизнь отъ сихъ поръ была покойна, чтобы вы нашли душевный миръ!...Если бы знали, какъ вы дороги мнѣ, какъ близки! Но, ы! Именно «увы!» Я теперь уже не та раба, что пошла бы на е за вами. Можетъ быть, лично я была бы счастливѣе, если бы алась такою, какъ тогда. Еще въ прошлое наше свиданіе, когда очувствовала себя въ вашихъ рукахъ, когда на моемъ лицѣ бы- ваши губы, на минуту вернулось старое. Я благодарю Бога, что ъ далъ мнѣ силу оттолкнуть васъ. Возьмите вы меня тогда — и

все было бы кончено, и я бы слѣпо послѣдовала за вами на всю жизнь. Но, скажите, за что бы пострадали всѣ эти крошки? Неужели мы вдвоемъ могли бы быть счастливы, зная, что за это безвинно расплачивается нѣсколько десятковъ жизней? Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Провидѣнію извѣстно, куда и зачѣмъ оно ведетъ насъ. Вы всегда, помните, смѣялись надъ наивною вѣрой моей молодости. Я сберегла ее, эту наивную вѣру, и какъ бы я была счастлива, если бы могла передать ее вамъ, если бы мой Богъ сдѣлался и вашимъ Богомъ! Вы меня когда-то шутя называли монахиней. О, я далеко не монахиня! Я слишкомъ люблю жизнь съ ея тихими материнскими радостями! Но въ этой вѣрѣ мое успокоеніе, въ ней мое оправданіе, весь источникъ моихъ силъ...

«Думайте обо мнѣ, какъ о сестрѣ, и только какъ о сестрѣ... А я... я, все-таки, женщина и, клянусь вамъ, что издали буду также неизмѣнно любить васъ, что никогда, никогда, никто другой не заступитъ въ моемъ сердцѣ вашего мѣста. Почемъ знать, не здѣсь, такъ, можетъ быть, *тамъ*, мы будемъ счастливы. Намъ нужны эти испытанія. Впрочемъ, я боюсь, чтобы вы невольно не улыбнулись надъ тѣмъ, что всегда вы называли моими снами и фантазіями. Пора кончить письмо, а такъ больно, такъ трудно оторваться отъ него. Точно отъ васъ. Прощайте, дорогой, милый! Прощайте, родной мой, прощайте! И не мучьте больше ни меня, ни себя. Вѣрьте, намъ не надо видѣться. Это нехорошо, этого не слѣдуетъ... Да это бы, вѣдь, и не измѣнило моего рѣшенія. Я молюсь, чтобы васъ полюбила лучшая, чѣмъ я, чтобъ она заставила васъ забыть Олю, бѣдную и безцвѣтную, въ которой только и есть, что беззавѣтная преданность къ вамъ... Прощай, когда-то мой Лева... Пойми, какъ ты мнѣ дорогъ... Но, помни, нельзя, нельзя, и не мучь меня больше. Я теперь плачу, но завтра я уже буду спокойна и прошлое станетъ для меня только прошлымъ. Прощай, моя радость, мое счастье, мое *все*!...»

XXXII.

— Вы, разумѣется, получивъ такое письмо, сейчасъ же поѣхали къ ней?—спросилъ я у Льва Александровича.

— Почему «разумѣется»?

— Какъ почему? Да, вѣдь, яснѣе Божьяго дня, что она никогда еще не любила васъ такъ сильно, какъ въ этотъ разъ.

— Да... Ужь если признаваться, я такъ и сдѣлалъ... Только... знаете, женщины сильнѣе насъ гораздо.

— Это еще что за афоризмъ?

— Поставьте каждаго изъ вашихъ знакомыхъ, себя, кого хотите, на ея мѣсто.

— Ну, поставилъ, хотя это и трудно.

— Вы не смѣйтесь! Развѣ нашелся бы хоть одинъ, чтобъ отказаться отъ личнаго счастья?

— Думаю, во всякомъ случаѣ, такихъ было бы мало.

— Ну, вотъ именно. Очень, очень сильные характеры у женщинъ... Чѣмъ она слабѣе физически, тѣмъ у нея больше самообладанія. Вотъ вы о сестрахъ милосердія писали. Вѣдь, тоже, еле-еле душа въ тѣлѣ, а какіе подвиги совершали онѣ! Мы на такой героизмъ, пожалуй, и не способны. Куда намъ! Мы все порывами. На редутъ, на пушку... А вы такъ вотъ покойно, незамѣтно попробуйте. Изо дня въ день. И чтобъ ужь не жаловаться, не киснуть. Нѣтъ, разумѣется, женщины способнѣе насъ, сильнѣе, упорнѣе!

— Что же она вамъ сказала?

— Она?... Она, все-таки, побоялась за себя. Увидѣла меня, вся какъ стояла побѣлѣла.

— Зачѣмъ вы пришли?—спрашиваетъ.

— Я прошу у васъ какъ милости послѣдняго свиданія.

Она взялась это за голову, а кругомъ противная дѣтвора обступила, таращится, перешептывается.

— Хорошо, говоритъ... Только съ однимъ условіемъ. Наединѣ я не согласна.

Я было сталъ убѣждать ее, а она крикнула какую-то Лупочку... знаете у нихъ дѣвочку? Сама—отъ земли не видно, а глаза, какъ ложка. Именно Лупочка... И пошла наверхъ. Я ей:

— Отошлите дѣвочку, вѣдь, не могу же я при ней.

А она:

— Мы по-французски можемъ говорить... Она насъ не пойметъ.

Поставила мнѣ стулъ, черезъ столъ сѣла сама, опустила голову на руки. Часъ битый я толковалъ. Казалось, грудь разорвется,— такъ тяжело было. Она внимательно выслушала все. Только глаза на меня вскинетъ и потупится, а потомъ тихо такъ, вы, вѣдь, знаете ея манеру:

— Я уже вамъ писала. Я ничего больше сказать не могу, Левъ Александровичъ. Я рѣшилась, и кончено. Зачѣмъ вы станете мучиться и меня мучить? Тамъ, въ этомъ письмѣ, все, все. Я опять поворяться не хочу.

Она поднялась, прошла нервно по комнатѣ и остановилась про-

ьно намъ, не о чемъ больше, все ясно. Будьте счастли-
въ послѣдній разъ руки другъ другу и дай намъ Богъ
грѣчаться. Не зачѣмъ, вѣдь. Мы вмѣстѣ вышли, только
зрозь теперь. И чѣмъ дальше, тѣмъ между нами боль-
і. Можетъ быть, и совсѣмъ потеряемъ другъ друга изъ
ися этому. Вы еще будете жить... а я... Меня оставь-
осила совсѣмъ забыть меня. Исполните это. Просьбы
всегда святы... А я для васъ съ завтрашняго дня—
теперь, простите, я не могу съ вами сидѣть... Мнѣ

ержалъ ее на нѣсколько минутъ.
ратительная Лупочка, какъ часовой, стоитъ у стола.
ея надъ нимъ торчитъ. Таращится на меня и чему-то

сегда такъ,—замѣтилъ я.
жь я тамъ не знаю, всегда или не всегда. Я говорю
ановнѣ: Вы должны сдѣлать для меня одно...Вы дайте
ость загладить прошлое... Позвольте мнѣ обвѣнчаться
айте потомъ, что хотите. Вы уйдете сюда, а я домой,
клянусь, правъ на васъ заявлять не стану... Но я не
.. вы понимаете?... Вы должны носить мое имя».
спыхнула, благодарно такъ посмотрѣла на меня. Про-
ько разъ, видимо, волнуясь. Я знаю, вѣдь, у нея всякій
о-нибудь ее заживо захватитъ, виски краснѣютъ. На-
зяла себя въ руки и отвѣчаетъ:
бо вамъ, Левъ Александровичъ, за это желаніе... Толь-
ть этого не могу и не хочу. Бога не обманешь... а
тъ... Себя тѣшить? Къ чему?... Жили мы тогда невѣн-
теперь, когда рѣшили разъ навсегда не встрѣчаться
ъ взяли, да и обвѣнчались. Это, простите меня, было
ей стороны не честно... Грѣха,—если это былъ *грѣхъ*
что я, вѣдь, любила васъ и была и душою, и тѣломъ
—грѣха не покроешь. Къ тому же, вы полюбите еще и
ь. Зачѣмъ же я свяжу васъ? И она, и вы измучитесь.
Вѣдь, это когда переболитъ—ничего!... Помните, Левъ
чъ, вамъ—ничего, а насъ, женщинъ, ложное положеніе
няетъ. Нѣтъ ужь, Богъ съ вами, будемъ свободны и,
ѣе выкиньте меня изъ памяти, чтобъ я не застила

— Ну?—вырвалось у меня.

— Что «ну»? Тѣмъ и кончилось все... Больше я ее не видѣлъ. То-есть, если хотите, еще раза два я былъ тамъ, но она встрѣчала меня окруженная всѣми дѣтьми, не до разговора съ нею было, а потомъ я уѣхалъ.

Ольга Степановна совсѣмъ успокоилась послѣ этого.

Какія усилія она употребила для этого надъ собою, объ этомъ допроситесь у *слабыхъ*, какими мы ихъ считаемъ, женщинъ. Она была нѣсколько блѣднѣе обыкновеннаго. Видимо, въ изломѣ опять болѣло. Немного разсѣяннѣе, раздраженнѣе. Но съ каждымъ днемъ близкое дѣло захватывало ее все больше и больше... Скоро она опять была прежнею «тётей Олей». Буря прошла. Она оправилась и только больше вѣры въ себя вынесла изъ борьбы съ нежданно налетѣвшимъ ураганомъ. И пріютъ точно разцвѣлъ. Сила Сампсоновичъ ходилъ именинникомъ. Только у нея въ вискахъ пробилась прядка сѣдыхъ волосъ.

— Что это вы?—вырвалось у меня, когда я впервый разъ ихъ замѣтилъ.

— И слава Богу. Скоро совсѣмъ старухою стану... Глупостей въ головѣ не будетъ.

Сила Сампсоновичъ какъ-то зашелъ ко мнѣ.

— Ну, что у васъ?

— Теперь все по-старому. Нѣтъ, батюшка, отъ нашего дѣла не уйдешь. Живое... Всего человѣка требуетъ. Такою петлей захлестнетъ, что до смерти изъ нея не вымотаешься.

Только иногда я замѣчалъ, что ея взглядъ уходитъ куда-то далеко-далеко. Сквозь стѣны уносится куда-то. И лицо ея въ эти минуты дѣлалось скорбнымъ. Что она видѣла въ этой дали? Возможное, но отринутое ею самою счастье? Любимаго человѣка? Потому что онъ для нея навсегда остался любимымъ. Она не ошиблась, когда говорила ему: «У меня что разъ въ душу западетъ, до смерти останется въ ней»... Но она быстро приходила въ себя и еще милѣе, ласковѣе, нѣжнѣе обращалась съ дѣтьми. Пережитое горе грустный отсвѣтъ бросило на ея ласки. Она теперь вся была перепо[л]нена жалостью и къ себѣ, и къ маленькимъ созданіямъ. Часто, [к]огда ея рука ложилась на ихъ головки, мнѣ казалось, по трепету [е]й руки и по печальному выраженію ея глазъ, что, увы, она не [у]ласкаетъ въ эти минуты... Я ловилъ ея вздохъ и видѣлъ, что [к] подвигъ достается ей тяжкою цѣной.

XXXIII.

Прошло нѣсколько лѣтъ.

Я уѣзжалъ далеко-далеко, къ голубымъ теплымъ морямъ, подъ жаркія, чистыя, какъ персидская бирюза, небеса юга. Сѣрыя будни родины уходили назадъ, смѣняясь яркимъ и веселымъ праздникомъ чужой жизни и природы. Я какъ-то очень скоро забылъ и майора Бобкова, и значительно-таки полинявшую въ своемъ незамѣтномъ и утомительномъ подвигѣ самоотреченія Ольгу Степановну. Не до нея совсѣмъ было. Какъ-то мнѣ добрые друзья писали о ней, но среди новыхъ впечатлѣній я даже не могъ представить себѣ ея блѣднаго личика. Оно какъ-то слилось въ одинъ общій фонъ съ русскими туманами и уже не выступало изъ нихъ. Силу Сампсоновича я больше помнилъ и искренно радовался тому, что задача его стала полегче. Нашлись добрые люди, заинтересовавшіеся его малышами, и ему уже рѣдко приходилось питать ихъ Христовымъ именемъ. Но, въ концѣ-концовъ, и онъ ушелъ въ какую-то смутную глубь, куда сколько ни заглядывай, ничего въ ней не разберешь.

Какъ-то гулялъ я по террасамъ Монте-Карло.

Направо весь въ сіяющемъ царствѣ лазурнаго полудня, далеко вдвинувшись во влюбленное въ него море, заласканный солнцемъ, зацѣлованный благоуханнымъ вѣтромъ (цвѣли апельсинныя и лимонныя деревья), лежалъ, словно въ голубой безднѣ, стройный утесъ Монако. Чуть замѣтно серебряная кайма прибоя раскидывала свои тонкія, бѣлыя, сквозныя кружева на отмеляхъ Кондамина. Налѣво,—Богъ вѣсть въ какой дали, не то въ небѣ пропадалъ, не то въ воздухѣ мерещился,—веселый, бѣлый миражъ Бордигеры, такъ художественно заканчивавшій идиллическую поэму этихъ несравненныхъ береговъ. Желтые голые утесы сторожили позади поэтическій уголокъ, а солнце безпощадно жгло ихъ изорванное, расщелившееся темя. На одной изъ скалъ орлинымъ гнѣздомъ повисъ средневѣковый Рокбрюнъ, на другой грозно усѣлась, хищнически поглядывая на мерцающій просторъ, Тюрбійская башня императора Августа. Въ этомъ свѣтѣ, среди эмалевыхъ красокъ, невольно мирился я даже съ нелѣпою громадой пестраго, какъ кокотка, и завѣшаннаго всевозможными архитектурными брелоками, какъ разбухшій биржевой заяцъ, игорнаго дома. Я оперся о балюстраду Богъ знаетъ о чемъ думалось. Какіе-то лучезарные образы роились въ головѣ, воскресали въ памяти, стучались въ сердцѣ, сливаясь въ свѣтлую, сквозную, радужную дымку... И вдругъ, близко-близко, рядомъ, знакомый голосъ и русскій говоръ.

— Ты напрасно меня упрекаешь. Я всего-на-все пропгралъ двѣ тысячи франковъ.

— Сегодня двѣ тысячи... вчера—двѣ, завтра—двѣ... Свое все спустилъ, теперь за мои принялся... Чужого, разумѣется, не жалко...

Я пристально всмотрѣлся.

Это былъ, несомнѣнно, Левъ Александровичъ, съ фіалками въ петличкѣ, лоснящійся, блестящій, я бы сказалъ — лакированный. Несмотря на безцеремонный упрекъ, который онъ только что услышалъ, онъ счастливо улыбался и преувеличенно-нѣжно пожималъ руку дамѣ, очевидно, старше его, кислой, какъ только можетъ быть кисла русская женщина извѣстнаго возраста, начавшая подводить себѣ брови и подкрашивать щеки. Я вспомнилъ, что видѣлъ ее наканунѣ въ Ниццѣ на Promenade des Anglais и тогда уже подумалъ: должно быть, соотечественница,— ужь очень кидались въ глаза и «безпокойная ласковость взгляда», свойственная нашимъ дамамъ за границей, и щеголянье дѣланнымъ французскимъ языкомъ, съ разными финессами, какихъ даже парижане не употребляютъ. Только тогда она была съ какими-то невѣроятными интернаціональными шенапанами... Для супруга, очевидно, у нея была въ запасѣ только эта кислятина истасканнаго лица и недовольное брюзжанье довольно-таки хриплаго голоса.

— Я, кажется, прикажу Жоржу все уложить и увезу тебя.

Левъ Александровичъ внимательно посмотрѣлъ на свои желтые ботинки, даже носокъ вытянулъ, будто любуясь имъ, и зѣвнулъ.

— Вѣдь, я здѣсь для твоего здоровья только. По мнѣ — хоть сейчасъ въ Парижъ.

— Нѣтъ, домой, домой... Я, вѣдь, знаю, что и кто тебя въ Парижъ тянетъ. Стыдись. Пора въ Петербургъ, и тебѣ пора за дѣло приниматься. И, во-первыхъ, позволь тебѣ замѣтить, что твоя Jeanne никуда не годится. Даже въ этомъ у тебя вкуса не оказалось. Фи!... Толстая, косолапая, boulotte! Такъ отъ нея бульваромъ за версту и разитъ.

— Какую еще Jeanne ты выдумала? — встрепенулся онъ.

– А которая на Avenue Mac-Mahon № 11 живетъ...

– Ты почему это знаешь? — неосторожно вырвалось у него.

- Ну, вотъ, самъ себя выдалъ... Мерзавецъ!...

- Какое выраженіе!...— поморщился онъ.

мнѣ разомъ вспомнилась Ольга Степановна.

ѣдная, еслибъ она видѣла и слышала это! Она бы измучила се Она бы рѣшила, что не ея Левъ Александровичъ дрянь, а что

мѣется, довела его своимъ отказомъ до подобнаго позора.
лась бы... Какъ она казалась хороша и мила рядомъ съ
аврированною барыней!... Я рѣшилъ тутъ же, встрѣтясь
ургѣ, ни слова не говорить ей о Львѣ Александровичѣ;
думаетъ, что онъ порядочный человѣкъ и что она его
ила своимъ отказомъ. На этотъ разъ я дождался, когда
вся располыхавшись, вскочила и, вѣроятно, для успокое-
нованныхъ чувствъ, сама полетѣла играть въ казино...
ксандровичъ, какъ ни въ чемъ не бывало, вынулъ тонкій
стряхнулъ пыль съ желтыхъ ботинокъ, закрутилъ усы,
лодѣйскій взглядъ на проходившую мимо дѣвицу и, фаль-
ѣвая что-то, направился за нею.
ерезъ два я опять нежданно встрѣтилъ его въ купэ же-
роги.
отъ разъ онъ всмотрѣлся и узналъ меня. Вздохнулъ даже.
помнилъ.
днако, вы постарѣли! — утѣшилъ онъ меня.
и вы не помолодѣли... Что это у васъ усы-то фіолето-
ваютъ противъ солнца?
конфузился... Въ тѣнь откинулся.
гъ духовъ, вѣрно! Скверные духи попались... Eau d'Es-
и гусиныя лапки у глазъ... Ой-ой-ой!... Пожили вы,
знаете,— точно вспомнилъ онъ сейчасъ,— тогда все это
ышло. Хорошо сдѣлала *та,* что прогнала меня.
акая *та?*
Ольга... Ольга Степановна. Я былъ въ такомъ сантимен-
трансѣ, что надѣлалъ бы пропасть глупостей... Нѣтъ,
отлично!...
очему? — невольно удивился я, приведя себѣ на память
Льва Александровича, покаяннаго Льва Александровича
ени.
этому... Я, знаете, очень ее уважаю... глубоко уважаю.
оемъ родѣ героиня... Но, вы понимаете... для людей на-
га, нашего общественнаго положенія нужны не героини.
роль ей пришлось играть...
алъ ему говорить и прервалъ его:
ы не женаты еще?
очно поперхнулся.

— Нѣтъ... Я, знаете... Я женился потомъ... Вы слышали въ Москвѣ фамилію ***?

И онъ назвалъ очень громкое имя.

— Да, какъ же, слышалъ.

— Ну, такъ на его дочери... и... я очень счастливъ.

Надо отдать ему справедливость, онъ потупился, говоря это.

— Отъ души поздравляю васъ. Нынче такъ рѣдко встрѣчаются счастливые браки.

«Боже мой, Боже мой! — думалъ я. — Милая, простая, нѣжная Ольга для его круга не годится, а эта морда съ злыми глазами и губами въ ниточку какъ разъ на своемъ мѣстѣ! Какъ онъ можетъ слышать ея хриплый, раздраженный голосъ послѣ тихаго и ласковаго голоса Ольги Степановны? Гдѣ у этого человѣка глаза и уши? Я уже не говорю о сердцѣ. Оно у такихъ сказывается рѣдко. Да и то они потомъ вспоминаютъ объ этомъ нѣсколько конфузясь, какъ о смѣшномъ «сантиментальномъ трансѣ». И этого-то «Ричарда Львиное-сердце», на котораго та, далекая и чудная дѣвушка, чуть не молится, безобразная чумичка «его круга» называетъ попросту «мерзавцемъ!»

«Ну, погоди же, — пришло мнѣ въ голову, — я тебѣ устрою бенефисъ».

— Она очень хороша, вѣрно?

— Кто?

— Ваша жена.

— Да... Нѣтъ... то-есть, знаете... Вѣдь, это совсѣмъ не нужно. Она очень изящна... очень изящна! Понимаете, воспитаніе... très-distingnée... Въ такомъ кругу выросла...

— Ну, разумѣется, и хороша собою... Мужья всегда въ этомъ отношеніи плохіе цѣнители. И, понятно, совсѣмъ еще молоденькая... Страшно добра, молится на васъ, а? И вы дѣлаете все, что вамъ угодно? Султанъ, совсѣмъ султанъ! Право, вамъ позавидуешь, — добивалъ я его, похлопывая по его колѣну.

Онъ нѣсколько разъ подозрительно взглянулъ на меня.

— Разумѣется... разумѣется... Знаете, когда каждый день видишь — не цѣнишь... Вы играете въ Монте-Карло?

— Кто сему не подверженъ въ этомъ pays des enchantements?

— Выигрываете или проигрываете? — сводилъ онъ разговоръ на другую тему, но я не поддался этому.

— Да... Я понимаю... разумѣется, мужья всегда небрежно относятся къ своимъ женамъ... Я убѣжденъ, что ваша — красавица и, понятно, добрѣе, лучше, симпатичнѣе Ольги Степанов-

Иначе вы бы и не женились, вѣдь. Въ самомъ дѣлѣ, зная
хорошую женщину, всегда всѣхъ остальныхъ на нее при-
пь. Не такъ ли? Сама прелесть, вѣрно... Завидую ва-
счастью... И, должно быть, простота какая! Если это
соединить съ изяществомъ!... Я здѣсь столько встрѣчалъ
й дряни съ подведенными бровями и крашеными щеками,
раво, какъ объ отдыхѣ мечтаешь о встрѣчѣ съ хорошею рус-
женщиной. Я надѣюсь, вы сдѣлаете мнѣ честь и представите
ашей супругѣ, да?
ъ вдругъ заторопился и ни съ того, ни съ сего высмор-

Да, да, непремѣнно... Я польщенъ. И она будетъ рада. Толь-
завтра ѣдемъ.
Куда?
Въ Петербургъ. Она, знаете, хотѣла еще здѣсь остаться.
астоялъ. Пора, столько дѣла дома!... Я приказалъ уп
ce уложить. Надоѣло по заграницамъ околачиваться.
подъѣзжали къ Больё.
ъ выскочилъ изъ купе, отирая потъ со лба и даже
ь мнѣ руку.
ена его шла ему на встрѣчу злая-презлая.
высунулся въ окно и крикнулъ ему:
Левъ Александровичъ, пожалуйста, помните же, вы
дставить меня вашей женѣ. Хоть въ Петербургѣ... Я е
разскажу... Воображаю, какъ вы, счастливецъ, полъ
ой и кротостью, надуваете ее!
а пижона на шляпкѣ его жены съѣхали набокъ.
а грозно взглянула на мужа.
шъ поѣздъ тронулся и торжественно прошелъ мим
ея перекошенному лицу и по его остолбенѣлости
сти я понялъ, что у нихъ начинается одна изъ сценъ
мистки.
еще разъ издали раскланялся ему и послалъ воздуш

дная, бѣдная Ольга Степановна! И это твой богъ, вѣ
жизни! И этому малодушному статисту обычной коме
руга» ты отдала всю свою любовь, всю свою нѣжно
лло,—все, что у тебя было своего!
дная, бѣдная Ольга Степановна!...

XXXIV.

Вскорѣ и мнѣ пришлось вернуться въ Петербургъ.

Я уже упоминалъ, что дѣла Силы Сампсоновича поправились, нашлась и у Ольги Степановны помощница изъ старыхъ дѣвъ, потерявшая надежду имѣть своихъ дѣтей и потому привязавшаяся къ чужимъ. Крохотова теперь уже не такъ уставала и имѣла нѣсколько часовъ въ день досуга и свободы. Я ее уже встрѣчалъ кое-гдѣ. Она поправилась, окрѣпла и точно выросла. Такое впечатлѣніе, по крайней мѣрѣ, она произвела на первыхъ порахъ. На нее стало пріятно смотрѣть, только когда она задумывалась или, оставаясь въ уголкѣ одна, воображала, что ее никто не видитъ, глаза ея принимали почти печальное выраженіе. Я ей какъ-то сказалъ, что встрѣтилъ за границей Льва Александровича. Разумѣется, умолчалъ, при какихъ это условіяхъ было.

— Что-жь онъ?...—какъ-то особенно нервно заговорила она.— Грустный, а?

— Н-нѣтъ... Скорѣе, лакированный...

— Что?

— Лоснится весь, видимо, доволенъ.

— Счастливъ, значитъ?

— Да. Думаю, по крайней мѣрѣ. Каждый, вѣдь, по-своему понимаетъ счастье.

— Ну, слава Богу!

И это вырвалось у нея такъ обрадованно, такъ искренно, ясно, что, право, я едва удержался,— такъ и хотѣлось разцѣловать эту прелестную женщину.

«Милая, милая, какая хорошая!»—повторялъ я мысленно, глядя на нее.

— Какъ я хорошо сдѣлала, что тогда отказала ему!

— Да, вы, разумѣется, отлично сдѣлали.

На этотъ разъ я выразилъ именно то, что думалъ.

— Такъ онъ счастливъ?... Женатъ?

— Не знаю, право.

Скажи я правду, она начала бы разспрашивать, а я при этомъ м[ъ] проговориться.

— Какъ я рада, какъ рада! А то, знаете, меня не разъ томил[а] Думала: «бѣдный, теперь онъ мучится, всю ему жизнь я испо[р]тила». Только почему вы его лакированнымъ назвали? Это къ н[е]му не подходитъ. Онъ всегда, вѣдь, былъ уменъ и благороденъ.

аете его. Въ немъ никогда я не находила ничего пошлаго.
онъ уменъ!... Это, вѣдь, совсѣмъ рыцарь.
уже забыла все, чѣмъ ее подарилъ этотъ герой ея молодо-
олезная жертва! Но, вѣдь, такая именно безполезная жерт-
асиѣе всего. Если она проходитъ безплодно для того, ради
носится, если она его не поддерживаетъ, не спасаетъ, то
и поддерживаетъ самыя начала добра и красоты въ
немся обществѣ. Безъ нихъ, безъ этихъ безполезныхъ
и вѣра въ будущее погасла бы, и Бога не стало бы въ
все кругомъ оскотинѣло бы. Да? Но рядомъ съ этимъ Ольга
на показала себя совсѣмъ женщиной. Вѣдь, женщина, если
то, благодаря какому-то обману зрѣнія, всѣ недостатки ея
ка кажутся ей величайшими достоинствами. Даже въ оре-
мъ-то мерещутся. Кривой глазъ?... Да, но у многихъ ли
какое особенное выраженіе придаетъ онъ *его* лицу! Хромыя
Но развѣ вы не замѣчаете въ этомъ чего-то демоническа-
? Значитъ, вы просто слѣпы. И сама увѣрится, да такъ,
алуй, и другихъ увѣритъ. Лучшимъ адвокатомъ была бы
енщина. Ея ложь всегда искренна. Она за эту ложь на кос-
детъ, потому что первая ей вѣритъ. Ея ложь не отъ ума,
рдца,—слѣдовательно, всего могущественнѣе дѣйствуетъ
а сердце. Никто такъ не лжетъ. Мужчина лжетъ умно,
—правдиво. А иногда это—гордость. Женщина думаетъ,
не можетъ полюбить обыкновеннаго человѣка, отдаться но-
ому-то «въ томъ числѣ». Я думаю, что и кухарка Агра-
пожарномъ Ефимѣ, прежде всего, видитъ героя. Гордость—
нщины. Гордость часто спасаетъ ее отъ униженія. Иногда
женщину можно, не завоевавъ ея любовь, но сломавъ сна-
ордость. Она всегда, впрочемъ, будетъ права въ собствен-
захъ, потому что какъ бы онъ ни былъ въ дѣйствительно-
оженъ, въ ея глазахъ онъ великъ, неотразимъ. Если онъ
а снабдитъ его своимъ умомъ, безсердечнаго—своею добро-
ностью, кротостью, уродливъ—вообразитъ его исключи-
красавцемъ. И отыщетъ эту красоту, и подкрѣпитъ ее, и
те не согласиться,—возненавидитъ васъ. Въ этомъ отно-
ьга Степановна была какъ и всѣ, не составляла исклю-

-то я гулялъ съ ней по набережной Невы.
весенній день. Въ Петербургѣ въ маѣ мѣсяцѣ удаются та-
обыкновенною чистотой воздуха, не яркостью, но ясностью
жизненностью. Чахоточная сѣверная природа точно вспы-

хиваетъ и, собирая послѣднія усилія, стремится взять все, что можетъ, у «сегодня», потому что завтра ее ожидаетъ опять «ледяной подарокъ» Ладожскаго озера, стужа, насморкъ, плевритъ, бронхитъ и другія прелести нашего милаго климата.

Я встрѣтился съ Ольгой Степановной случайно.

Она мнѣ очень обрадовалась.

— Вотъ какъ вы, по набережнымъ нынче?

— А вы какъ думаете? Знай нашихъ!

И она весело засмѣялась.

Давно я у нея такого счастливаго смѣха не слышалъ.

— Смотрите, еще «шляпу съ бутономъ» заведу, какъ говоритъ Сила Самсоновичъ.

— Ну, что-жь, и отлично.

— День-то, день какой, а? На небо посмотрите: насквозь рай видишь.

— Покажите его и мнѣ кстати.

— Вамъ нельзя.

— Почему?

— Вы—грѣшникъ. Вы сначала заслужите.

— Радъ стараться!

— Вѣдь, что такое стѣны петербургскаго дома? Что въ нихъ поэтическаго, а посмотрите вдаль подъ этимъ освѣщеніемъ—эмалевыя. Жить хочется въ такіе дни, и какъ жить: вдвойнѣ, втройнѣ.

Мы уже прошли за Лѣтній садъ, окутанный первымъ нѣжнымъ налетомъ весенней зелени, какъ вдругъ Ольга Степановна вздрогнула, схватила меня за руку и поблѣднѣла.

Вдали противъ насъ, только по другую сторону, шелъ Левъ Александровичъ.

Къ счастью, онъ насъ не замѣтилъ.

Теперь онъ казался еще лакированнѣе. Разстояніе между нами все уменьшалось. Ольга Степановна пристально, почти пронзительно всматривалась въ него, но онъ неожиданно остановился у подъѣзда и только что хотѣлъ войти въ него, какъ оттуда распахнулись двери и въ нихъ показались двое дѣтей: мальчикъ и дѣвочка съ бонной,—дѣти того петербургскаго типа, въ которомъ никакъ не разберешься: сдѣланы ли они изъ папье-маше въ хорошей игрушечной мастерской, или всамомдѣлишнія. Все такъ же аккуратно подобрано, нафрировано, подвито, подведено. Тѣ же механическія движенія по одной мѣркѣ, безъ всякой фантазіи, какъ выражается одинъ мой приятель, и ничего-ничего своего, ничего отъ себя. Такой же щегольской и пестрый костюмчикъ и такое же отсутствіе дѣтскаго по-

рыва. Левъ Александровичъ что-то сказалъ боннѣ, взялъ мальчика слегка за ухо, дѣвочку ущипнулъ за щечку и вообще продѣлалъ все то, что въ такихъ случаяхъ считаютъ себя обязанными исполнить петербургскіе отцы, такъ же, какъ и дѣти, изъ папье-маше и изъ одной фабрики. Ни нѣжности, ни любви не было въ этомъ. Точно казенную гербовую марку наклеилъ и торжественно вошелъ въ широко-распахнутую монументальнымъ швейцаромъ дверь.

— Послушайте,—заторопилась Ольга Александровна,—вѣдь, это *его*... понимаете ли?... *его* дѣти!

— Почему вы думаете?

— Сердце чуетъ.

Она прибавила шагу, догнала бонну и съ неожиданною живостью воскликнула:

— Какія прелестныя дѣтки!

Бонна, очевидно, была «изъ первыхъ домовъ». Только вздернула носъ и презрительно, какъ-то вкось, взглянула на Ольгу Степановну.

— Чьи они?—не унималась та.

— Генеральскіе...—коротко отрѣзала бонна.

— Давно ли это Левъ Александровичъ генераломъ сталъ?—засмѣялся я.

— У папы бѣлые штаны съ золотымъ лампасомъ! — вдругъ объяснилъ мальчикъ, и объяснилъ съ такимъ видомъ, что намъ сразу ясно стало: не будь у папы штановъ съ лампасомъ, онъ бы не пользовался въ такой степени уваженіемъ этого карапуза.

— И крестъ тутъ!—ткнула себя въ шейку дѣвочка.

И затѣмъ достойное тріо медленно двинулось дальше, причемъ до насъ донеслось наставленіе бонны:

— А вамъ, какъ генеральскимъ дѣтямъ, не слѣдуетъ на улицѣ со всякою чернедью разговаривать. Вотъ я скажу мамѣ...

— Не правда ли, какая прелесть? — съ блистающими глазами спросила меня Ольга Степановна.

— Кто?—даже крикнулъ я отъ удивленія.

— А эти дѣти... *Его* дѣти...

— Дѣти?... Дѣти вообще... — попробовалъ было я отдѣлаться отъ прямого отвѣта.—Блѣдныя... хилыя немножко...

— И *его* глаза у обоихъ...

Она задумалась о чемъ-то, лицо ея разомъ потемнѣло. Она отвернулась отъ меня, но я уже замѣтилъ, что она едва удерживается, чтобы не заплакать. Я сдѣлалъ видъ, что не замѣчаю этого, и спокойно шелъ дальше. Такъ мы молча добрались до Литейнаго мо-

ста. Я видѣлъ, что она не разъ провела платкомъ по лицу. Шедшій намъ на встрѣчу чиновникъ съ удивленіемъ оглянулся на нее даже. У моста она пріостановилась.

— Все-таки... это не такъ легко, какъ я думала

— Что именно?

— А вотъ все это... И эти дѣти... и онъ...

Мы поднялись на мостъ.

— Право, трудно... Пережить трудно!—пояснила она.— Когда вспомнишь, что у меня, то-есть у насъ съ нимъ, могли быть такія же... И я бы ласкала ихъ... Они были бы моими... моими...

Черезъ нѣсколько дней зашелъ ко мнѣ Сила Сампсоновичъ и, еще не сказавъ «здравствуйте», объявилъ въ двери, растопыривъ руки:

— Загрустила!

— Ольга Степановна?

— А то кому же?... Коммиссія! Да никакъ не могу дознаться, почему такому? Плачетъ по ночамъ... Днемъ ходитъ — лица на ней нѣтъ... Случилось, видно, что-нибудь, только отъ нея слова не добьешься.

— Случилось... У бѣлыхъ штановъ съ лампасами игрушечки-дѣти изъ папье-маше оказались...

Сила Сампсоновичъ подозрительно посмотрѣлъ на меня.

— Неудобопонятно.

Я ему разсказалъ встрѣчу съ Львомъ Александровичемъ на невской набережной.

— Вотъ оно что!... То-то вчера она это: почему однимъ судьба много даетъ, а другимъ ничего? Гдѣ же справедливость? А я ей на это: справедливости здѣсь искать нечего. Она тамъ будетъ! — ткнулъ онъ въ потолокъ, надъ которымъ у меня оказывались консерваторскія квартиры.

XXXV.

Впрочемъ, не все здѣсь шло такъ печально. Бывали и въ бобковскомъ гнѣздѣ свои дни торжества и радости. Я какъ разъ поспѣлъ на одинъ такой. Сережа кончилъ корпусъ и былъ произведенъ. Разумѣется, первымъ дѣломъ онъ явился сюда въ новенькомъ мундирчикѣ, чистенькій, щеголеватый, сіяющій.

— Это не то, что я!—радовался на него Сила Сампсоновичъ.— Я въ гарнизу пузатую! А, впрочемъ, нынче отъ гарнизы этой и лоскутка не осталось. Въ мое время гарниза въ фалдочкахъ щего-

Гутъ же въ строю подымутъ фалдочки, да по
оватъ, Ольга Степановна... Ну, будь здоровъ,
ръ!
Сережу и пучили на него глаза, благоговѣйно
рикасались къ его саблѣ и спрашивали при
трѣляетъ?» Приходили въ восторгъ отъ эпо-
етырнадцатилѣтняя дѣвочка, застыла въ две-
иколѣпіемъ товарища ея дѣтства. Самъ онъ,
ный, счастливый и сконфуженный, поворачи-
, позволяя разглядывать себя. Наконецъ, явил-
это ужь былъ Григорій Силычъ (по Бобкову),
нъ открылъ маленькую столярную мастерскую
личко. Григорій Силычъ щеголялъ въ черномъ
, не глядя даже на то, что въ комнатѣ было
ый гарусный шарфъ. Онъ степенно разцѣло-

обоимъ! — тихо проговорилъ онъ и перекре-
ывай смотри!
всѣмъ уже стыдился молодой офицеръ.
ѣмъ. Ну, давай еще разокъ.
овались.

онъ отвелъ Сережу въ сторону.—Какъ ты те-
агородной линіи... ваше благородіе, вѣдь?...
ся еще счастливѣе Сережѣ.
ь, на офицерскомъ положеніи первымъ дѣломъ
удутъ. Безъ денегъ, братъ, ничего не подѣла-
, тебѣ это!
сунулъ ему въ карманъ что-то.
ла, что ты?
йсь... Настоящее, заработанное. Пятьдесятъ,
шь... а не будутъ, авось не пропадемъ! Мы,
что братья. Не считаться намъ.
, а такъ-таки и есть братья.
чины произойдешь, генераломъ будешь: про-
ата, приголубь, не обижай... Ну, давай тебѣ
ій сундукъ-то есть ли?

.
мъ покупать? Выбирай у меня. Приходи утреч-
чайку попьемъ и бери любой. Думаешь, мнѣ

ѣ Сережа уѣзжалъ.

На вокзалъ его проводили Сила Сампсоновичъ, Ольга Степановна, Гриша и я. Какая это оказывалась прочная, крѣпко-на-крѣпко сбитая семья, сердечная и искренняя! Лучше и тѣснѣе, чѣмъ настоящая, гдѣ, кромѣ метрическихъ свидѣтельствъ, ничто не связываетъ людей. Сережа, прощаясь, разрыдался какъ ребенокъ и долго не могъ оторваться отъ руки Ольги Степановны.

— Благословите меня, батюшка,—обратился онъ, глотая слезы, къ Силѣ Сампсоновичу.

Тотъ снялъ шапку, перекрестился и благословилъ его.

Одинъ Григорій Силычъ въ великолѣпномъ гарусномъ шарфѣ еще крѣпился, но когда Сережа подошелъ къ нему съ словами: «Прощай, братъ, твоего добра вѣкъ не забуду»,—и тотъ не выдержалъ, всхлипнулъ, вытеръ концами шарфа глаза, отмахнулся и пошелъ въ сторону. Съ Сережей ѣхали товарищи. Мнѣ понравилось, что юношѣ и въ голову не приходило стѣсняться присутствіемъ простого мастерового. Напротивъ, онъ съ нѣкоторою гордостью познакомилъ его съ ними и, очевидно, они уже знали его по разсказамъ Сережи, потому что на ихъ лицахъ помимо любопытства выразилось что-то теплое, хорошее, доброе, что-то столь прекрасное, когда оно освѣщаетъ своими лучами молодые глаза, еще не привыкшіе къ притворству и холодному равнодушію.

— А это мой второй отецъ, перваго я совсѣмъ не зналъ!— указалъ онъ на Силу Сампсоновича.

Вдругъ изъ толпы товарищей отдѣлился одинъ и подошелъ къ Бобкову.

— Мы васъ знаемъ, Сила Сампсоновичъ. Я тоже круглый сирота. У меня—никого. Благословите и меня, какъ отецъ.

Потомъ поцѣловалъ руку Ольгѣ Степановнѣ и другіе потянулись за нимъ.

Весело, ясно было на душѣ послѣ этого. Вѣрилось, что и остальные питомцы этого страннаго гнѣзда найдутъ свою дорогу и честно пойдутъ по ней къ труду и счастью, благословляя память добрыхъ людей, пригрѣвшихъ ихъ дѣтство.

— Хорошій, хорошій народъ ростетъ у меня...— повторялъ Б ковъ.— А помните, какъ вы мнѣ тогда на улицѣ: грѣшно де и стыдно офицеру милостыню просить?— засмѣялся онъ.

Сколько лѣтъ прошло, а я невольно покраснѣлъ.

Поди, отличи другого, зачѣмъ онъ руку протягиваетъ. Осудишь, а потомъ радъ будешь Богъ знаетъ чѣмъ заставить позабыть эту оби ду. Нѣтъ, ужь лучше всякому, кто проситъ, дай, если можешь Е ли хоть десятый изъ нихъ поистинѣ нуждается, вся твоя ми-

мъ. Девятеро въ кабакъ понесутъ, что же
и концертовъ, ни театровъ, ни общества
весности нѣтъ. Нужно же гдѣ-нибудь душѣ

XXXVI.

галъ ужь глохнуть отъ старости, но, не же-
не слышитъ, притворяется задумавшим-
посѣдѣла, но бѣлые волосы очень идутъ
ва Александровича она все еще любитъ,
емъ свое прошлое, свою печальную моло-
расторговался и цѣлую дюжину малышей
ими—отецъ. Не мучитъ ихъ и не утомля-
о его выраженію. Кормитъ хорошо и они
ми и довольными. Сережа давно ему при-
бывалъ писать, что Гришу очень радова-
и Сережа самъ вдругъ объявился въ Пе-
штабсъ-капитаномъ и шелъ вообще по
онъ привезъ дочь какого-то офицера, си-
невѣсты. Ему непремѣнно хотѣлось вѣн-
саженнымъ отцомъ былъ Сила Сампсоно-
тепановна. Однимъ изъ шаферовъ Григо-
ѣнившій своему красному гарусному шар-
зъ церкви, къ Сережѣ онъ подошелъ какъ-
и вдругъ удивилъ насъ всѣхъ.
я-то не уѣзжай!

е... И я вѣнчаться буду.
ышалось со всѣхъ сторонъ.
и конфузливо отмалчивался. Ольга Степа-
азывалось, была давно посвящена въ эту

ился Гриша, точно стараясь оправдать-
ая. И жена будетъ, напримѣръ, какъ слѣ-
истинѣ — супруга, то-есть подруга жиз-
евскаго дома купчиху сватали. На фор-
талу у нея пять тысячъ. Но только я

такъ полагаю, эти фортепьяны у меня вотъ бы гдѣ загремѣли!—ткнулъ онъ себя въ затылокъ.—А тысячамъ тоже не очень чтобы обрадуешься. А съ Лупочкой мы отлично. Не привыкать другъ къ другу... Ужь коли на то, она мнѣ и этотъ красный шарфъ связала сама!...

Я посмотрѣлъ на радостное лицо Силы Самсоновича.

Оно теперь все было въ морщинахъ и вокругъ глазъ онѣ лучились мелкія, мелкія. Отъ нихъ онъ еще добрѣе высматривалъ какъ-то. Вотъ жизнь,—подумалъ я,—не даромъ прошла. Обыкновенные, самые обыкновенные люди, а что они сдѣлали съ Ольгой Степановной! Незамѣтно, какъ ручеекъ въ лѣсу, просочились ихъ годы, а сколько молодыхъ деревцовъ напиталъ и поднялъ этотъ ручей! Скоро онъ истощится и пропадетъ. А лѣсъ будетъ стоять и крѣпнуть подъ солнцемъ и тучами. Радуясь Божьей правдѣ и негодуя на людскую кривду, пойдутъ подрастать отъ здоровыхъ корней новыя поколѣнія...

Истинно живоносный ручей.

И не шумѣлъ ни разу, не пучился, а тишкомъ какое дѣло оборудовалъ!

Вас. Немировичъ-Данченко.

Ницца.
Мартъ 1893 г.

Война.

(Изъ Гюйо).

ь десять лѣтъ прошло... Живутъ воспоминанья
мрачныхъ, зимнихъ дняхъ, о долгихъ дняхъ страданья,
гда, казалось, все, что мы любили нѣжно,—
ободa, Франція,—все гибло безнадежно.
вѣстью вѣсть неслась и въ сердце словно мечъ
изалась... Снова бой... и снова пораженье!...
съ неба сѣраго дождемъ лилась картечь
насъ, измученныхъ и блѣдныхъ отъ смущенья.

былъ почти дитя... Я видѣлъ, какъ солдаты
зъ счету мимо шли, скрываясь, какъ рѣка,
темный горизонтъ, гдѣ таяли войска,
куда вѣтра шумъ глухіе несъ раскаты,—
мнѣ тѣснила грудь безумная тоска.
страстно я въ душѣ твердилъ, какъ стихъ молитвы:
Пусть съ этою войной навѣкъ исчезнутъ битвы!
Франція! своей послѣдней, страшной казнью
ути сердца людей, исполни ихъ боязнью!»

, десять лѣтъ... Теперь я самъ не знаю, право,
ѣяться-ль, плакать ли надъ дѣтской просьбой той?
вѣчно ли ей быть ребяческой мечтой?
дь, ненависти въ насъ живуча такъ отрава!...
притѣсненьемъ вновь родится притѣсненье
зло рождаетъ зло... Печальное рожденье!...
кой же вѣкъ порветъ волшебный этотъ кругъ?
кой народъ, презрѣвъ побѣды наслажденье,
сь міръ соединитъ въ одну семью вокругъ?

знаю... Нѣтъ еще великаго народа,
сердцемъ я давно благословилъ тебя...
визъ твой будетъ—миръ, терпимость и свобода,
я служу тебѣ, страдая и любя...
тебѣ, въ тебѣ одномъ вся будущность тается
человѣчество тобою возродится...

С. Г—тъ.

ЛИШНЯЯ.

I.

— Вы уже здѣсь? Здравствуйте, Софья Николаевна... Ну-съ, отведемъ душу, побранимъ Ниццу еще разъ,— громко и съ какимъ-то болѣзненнымъ смѣхомъ сказалъ высокій и худой господинъ, усаживаясь на одну изъ скамеекъ Promenade des Anglais.

Софья Николаевна молча пожала протянутую ей руку и подвинулась на скамьѣ, чтобы дать мѣсто.

— Какое возмутительное синее небо! — продолжалъ подошедшій. — А море-то! Глазамъ больно... И какъ вамъ не надоѣстъ смотрѣть на него? Браните, браните, а все приходите... И то сказать: не все же на кладбищѣ...

Послѣднія слова вырвались у него точно помимо его воли и онъ пытливо взглянулъ на сосѣдку. Ея маленькое личико было очень блѣдно, вся миніатюрная фигура съежилась точно подъ непосильною тяжестью. Ему стало страшно, что онъ сдѣлалъ ей больно, и онъ сейчасъ же заговорилъ въ прежнемъ шутливомъ тонѣ:

— А вы-то думаете:

«... Жалкій человѣкъ!
Чего онъ хочетъ?... Небо ясно:
Подъ небомъ мѣста много всѣмъ,
Но безпрестанно и напрасно
Одинъ враждуетъ онъ... Зачѣмъ?»

В ъ, думаете?

— Пожалуй... Только не относительно васъ, а вообще...

— Да что вы сегодня какая блѣдная? Здоровы?—спросилъ о ее.

— Прочтите,— едва слышно проговорила она, подавая ему р скую газету и указывая на корреспонденцію изъ Н.

днихъ весь городъ былъ опечаленъ смер
дныхъ дѣятелей. Умеръ директоръ гимна
цевъ. За останками честнаго труженика
бъ покойника утопалъ въ вѣнкахъ...»
Ловцевъ?—проносилось въ головѣ читав
банальное описаніе пышныхъ провинціа
. Это ея первый мужъ... Онъ былъ дирек
ъ губерніяхъ... Да... Мужъ!... Ну, чт
ь не видались... Горе не большое».
передалъ ей газету, не зная, что и въ к

у,—грустно и рѣшительно проговорила

сію... въ Н. Тамъ двѣ дочери...
ъ, опять не зная, что сказать ей.
ь Петровичъ Водолазовъ, познакомился
офроновой здѣсь же, въ Ниццѣ, лѣтъ п
езла сюда своего больного мужа. Водол
. въ Ниццу спасаться отъ смерти, какъ го
фроновымъ, о которомъ онъ такъ много
ила его, «чахоточнаго недоросля изъ дво
Егоръ Петровичъ. Все въ этомъ человѣк
за: и взгляды, и стремленія, и товарище
Софьѣ Николаевнѣ, и мучительная любо
ная работа: Софроновъ не разрѣшалъ с
ложительно сжигалъ себя своею трепет
ъ Россіи. И сжегъ.
черезъ четыре года послѣ его смерти, Е
итъ его худую, сгорбленную фигуру, его
льными чертами, его горящіе глаза и м
итъ его хриплый, нервный голосъ съ визг
въ любилъ море и Софья Николаевна в
больного, почти умирающаго, на наберея
мни у его кресла. Начиналась бесѣда.
гровичъ то значеніе, какое имѣлъ Софрон
смерти Водолазовъ продолжалъ встрѣчат
й, они говорили о «немъ», объ «его» дѣл
казывала она иногда объ ихъ жизни въ
омъ въ Ниццу, но никогда, ни однимъ
о себѣ. Водолазовъ видѣлъ, что она ж

могилы мужа, думой о немъ и воспоминаніями о немъ, видѣлъ, что своя, личная жизнь для нея не существуетъ, и никогда не рѣшался заговорить съ нею о ней самой.

Разъ, года два назадъ, на этой же Promenade des Anglais, одинъ русскій, случайно заѣхавшій въ Ниццу и случайно познакомившійся съ Водолазовымъ, спросилъ его:

— Скажите, пожалуйста, съ кѣмъ вы сейчасъ говорили?

— Съ Софьей Николаевной Софроновой.

— Такъ и есть... Это Ловцева?

— Какая Ловцева?

— Ну, да, Ловцева. Она не была вѣнчана съ Софроновымъ... Мужъ не далъ ей развода...

— А онъ живъ?

— Должно быть... Я еще недавно читалъ о производствѣ въ дѣйствительные статскіе директора Н-ской гимназіи Ловцева... Должно быть, это онъ... Тогда, въ Петербургѣ, онъ былъ учителемъ... Какъ она измѣнилась!... Я вижу что-то знакомое... Не могъ припомнить. А, вѣдь, часто встрѣчался, когда былъ молодъ, недуренъ собою и увлекался разными «вопросами». Мы всѣ молились на Софронова. Ну, и ее идеализировали... Помилуйте: героиня! Бросила мужа, дѣтей, ушла на свободную любовь, на широкое дѣло... «Люби не меня, а идею»... Какіе дураки были! Вспомнить стыдно... А она, небось, все старую пѣсню тянетъ... По наружности видно... Стриженая, въ пиджакѣ какомъ-то... Вѣдь, ужь, слава Богу, не молода, лѣтъ сорокъ съ хвостикомъ... Пора бы одуматься... Какъ ей не совѣстно? Особенно здѣсь, въ Ниццѣ... Какъ все кругомъ элегантно... Смотрите, какая прелесть... Не знаете, кто: изъ общества или...

Егоръ Петровичъ ничего не отвѣтилъ и отошелъ. У него не хватило духу дальше говорить о Софьѣ Николаевнѣ въ такомъ тонѣ, хотя ея прошлое очень интересовало его. Теперь она сама заговорила, и Водолазовъ ждалъ, что она скажетъ дальше.

Голубыя волны лѣниво всплывали на отлогій берегъ и точно не-хотя скатывались съ него. Слѣва летѣли звуки пѣвучаго вальса. Нарядныя женщины, веселые голоса, беззаботный смѣхъ, цѣлы толпы празднаго и богатаго люда давали ликующій видъ ярко у ницскому утру. Водолазовъ взглянулъ на сосѣдку и точно въ пе вый разъ увидѣлъ ее. Она, въ своемъ черномъ, короткомъ пл тьѣ, сшитомъ на мужской ладъ, показалась ему совсѣмъ юною. Ко отко остриженные волосы, большіе сѣрые глаза, блѣдныя, худы щеки, большой красивый ротъ съ бѣлыми зубами, — всего

одазовъ точно не видалъ никогда. Раньше онъ не замѣчалъ
Николаевну изъ-за Софронова; потомъ она точно «потухла».
ь и сказалъ про себя «потухла», а теперь вдругъ опять
рѣлась какимъ- то внутреннимъ огнемъ.
Когда же вы ѣдете? — наконецъ, послѣ долгаго молчанія,
, Егоръ Петровичъ.
Еще не знаю... Хоть сегодня.
Счастливая!
я Николаевна грустно улыбнулась.
Конечно, счастливая... Я не рисуюсь ни въ патріотизмъ,
кія высокія чувства. А тянетъ меня домой, чортъ знаетъ
нетъ... Вѣдь, шесть лѣтъ эту больничную ссылку выдер-
зимой—Ривьера, лѣтомъ—Энгадина... На слѣдующій годъ
Иногда думаю: хоть умру, да поѣду домой... Не выноситъ
уша этихъ лазурныхъ небесъ... Хочу къ себѣ, въ Яро-
о губернію, въ березки... А какъ доктора начнутъ говорить
дости... ну, и подлъ,—струсишь... Думаешь: хоть въ боль-
живъ... А что въ этой жизни?..
закашлялся.
Не волнуйтесь, Егоръ Петровичъ... Вамъ вредно.
Да, вѣдь, это ужасно... Вѣчно жить среди балетныхъ деко
. Эти неподвижныя, пропыленныя пальмы, эта торжеству
ирода, это праздничное море, это вѣчно ликующее небо..
тельно!
А эта праздная толпа, сутолока ничего не дѣлающихъ, са
ныхъ людей? — невольно переходя въ его тонъ, сказал
Николаевна.— И какъ я могла переносить все это так

Вы уѣдете въ Россію и я переѣду... хоть въ Санъ - Ремо
—сказалъ Водолазовъ и опять закашлялся.
я Николаевна съ тревогой взглянула на него. Она знал
ступы злого кашля, изучила ихъ въ долгіе дни и ночи уха
за умирающимъ Софроновымъ и теперь сразу поняла, чт
зову не долго страдать отъ нихъ.
Вамъ воды надо,—сказала она, стараясь быть спокойною
ыми, легкими шагами отправилась къ буфету, устроенном
у морскихъ купаленъ.
та о несчастномъ чахоточномъ не надолго заслонила дум
иколаевны о газетномъ извѣстіи, но когда она очутилас
ысли и воспоминанія такъ и хлынули на нее.

II.

Софья Николаевна занимала маленькую комнату въ четвертомъ этажѣ. Въ этой комнаткѣ была, по ея словамъ, и спальня, и гостиная, и кабинетъ. Спальня занимала самую большую часть комнаты: широкая французская кровать, покрытая ситцемъ, расползлась по всей правой сторонѣ; налѣво помѣщался круглый столъ съ лампой и большимъ кресломъ—гостиная, а прямо, между оконъ, стоялъ письменный столъ, на половину заложенный книгами. Книги лежали всюду: на коммодѣ, на подоконникахъ, даже на полу; весь лѣвый уголъ былъ занятъ книгами, уложенными правильными рядами.

Софья Николаевна сидѣла у письменнаго стола, зажавъ виски обѣими руками. Она не отрывала глазъ отъ стоявшаго передъ ней портрета. Двѣ дѣвочки, въ бѣлыхъ платьяхъ, сидѣли рядомъ на диванѣ и широко раскрытыми глазами смотрѣли изъ деревянной рамки. Одной изъ нихъ было лѣтъ пять, другой три года.

Какъ живо помнитъ Софья Николаевна тотъ день, когда она съ мужемъ поѣхала къ фотографу снимать дѣтей. Алексѣй Петровичъ раньше хотѣлъ снять ихъ тайкомъ отъ матери, чтобы сдѣлать ей сюрпризъ къ 17 сентября, а потомъ рѣшилъ сказать ей, и поѣхали всѣ вмѣстѣ. Помнитъ она, какъ дѣти радовались, когда ихъ одѣли въ самыя лучшія платья, какъ возбужденно прыгали и громко болтали, какъ долго не могли ихъ усадить спокойно. Еще со старшей, съ Соней, скоро сладили; она была очень разсудительная и сейчасъ же поняла, чего отъ нея требовали; но Лилю никакъ не могли усадить: она вертѣлась, смѣялась и волновалась страшно. Тогда Алексѣй Петровичъ сказалъ ей, что если она будетъ сидѣть спокойно, то изъ отверстія аппарата вылетитъ необыкновенная птичка. Лиля вся замерла, разинула ротъ, широко раскрыла глаза и стала ждать, да такъ и вышла на фотографіи. Очень это забавило тогда Софью Николаевну. И день былъ такой веселый, солнечный, не петербургскій... Лѣтъ семнадцать прошло съ тѣхъ поръ... Да. Это было ровно за годъ до «того». Сонѣ теперь двадцать два, Лилѣ ужь двадцать лѣтъ... Какія онѣ?

Ужь болѣе десяти лѣтъ Софья Николаевна ничего не знаетъ о нихъ. Въ эти десять лѣтъ онѣ изъ дѣтей стали людьми. Она даже не можетъ себѣ представить ихъ наружности, потому что ужь почти пятнадцать лѣтъ не видала ихъ. Только одинъ годъ послѣ разлуки она могла встрѣчаться съ ними. Она знала, что ея дѣвочки гуляли каждый день въ Таврическомъ саду, и ходила туда тоже

ій день. Но это продолжалось не долго. Скоро нянька долоей, что Алексѣй Петровичъ узналъ про это и «страсть разлся».

– Ты, говоритъ, не должна подпускать къ дѣтямъ эту жен-, да и все тутъ! А какъ не подпустишь? Вѣдь, мать родная... лѣдующіе дни дѣтей въ Таврическомъ саду не было. Софья аевна уже голову теряла, воображала всевозможные ужасы, получила по городской почтѣ открытое письмо. На бланкѣ крупно написано: «въ летнимъ саду». Она узнала нянькинъ къ и на другое же утро побѣжала въ Лѣтній садъ. Когда дѣти ли съ няней, онѣ бросились къ ней, стали цѣловать ее и ла-

...

– Ничего не подѣлаешь съ ними, глупы, малы,—сказала нянькъ только дѣвочки отошли играть съ другими дѣтьми.—Жужучила я ихъ въ тотъ разъ, когда мы изъ Таврическаго сада не говорите... Куды тебѣ? Лиленька войти не успѣли, ужь тъ: мама! мама!... Ну, и Сонечка за ними... Все какъ есть кили, и какъ вы Лиленьку на колѣни къ себѣ посадили, касловами называли, какъ у васъ слезы капали...

– А онъ что?

– Ужь, барыня, и не спрашивайте. Вотъ кричали, вотъ ру-ь!... И-и!... Сгоню тебя, старая, говоритъ, если пойдешь еще врическій садъ... Ходи въ Лѣтній... Ну, и ходимъ... А назы насъ—ваше счастье... Господи!... Мать!...

бѣ замолчали.

– Ужь вы сами накажите имъ, барыня, не сказывать Алек-Петровичу, что васъ видѣли... Можетъ, васъ и послуша-

..

– Нѣтъ, няня, не надо... Не могу я приказывать имъ лгать...

– Матушка, барыня! Да, вѣдь, хуже: увезетъ онъ ихъ далеко... розится изъ Петербурга уѣхать, если еще дѣти съ вами вия будутъ. Да и барышень противъ васъ наставляетъ... А Со-, вѣдь, ужь седьмой годокъ... Все понимаетъ...

коро Софья Николаевна стала замѣчать, что дѣйствительно ая начинаетъ что-то понимать и скрывать. Ребенокъ въ лѣтъ далеко не такъ глупъ, какъ о немъ думаютъ обыкно-. Прежде, когда Софья Николаевна прощалась съ дѣтьми, нѣ удерживали ее, звали съ собой; потомъ Соня стала остаивать Лилю.

– Мама, пойдемъ съ нами, пойдемъ!—разъ пристала къ ней ькая.

— Лиля! Лиля!—окрикнула ее Соня такимъ тономъ, точно говорила: «помнишь?»

Да, вотъ эта самая дѣвочка съ толстыми ножонками и большими сѣрыми глазами, которые такъ ясно смотрятъ на Софью Николаевну изъ деревянной рамки, эта самая дѣвочка черезъ годъ съ небольшимъ уже что-то скрывала отъ нея. Софья Николаевна поняла это изъ тона ея голоса, поняла и ужаснулась. Надо было отказаться отъ радости свиданія съ дѣтьми, отказаться сейчасъ же.

Жить въ одномъ городѣ, знать, что дѣти здѣсь, близко, что можно пойти расцѣловать ихъ и отказаться отъ этого... хуже такой пытки, кажется, и выдумать нельзя. Но Софья Николаевна отказалась; отказалась ради того, чтобы не теребить дѣтскія души, не коверкать ихъ, не пріучать ко лжи, къ скрытности. Одна она знаетъ, чего стоило ей это.

Помнитъ она, какъ разъ не выдержала, пошла въ садъ взглянуть хоть издали на дѣтей. Дѣвочки играли у памятника Крылова въ большомъ обществѣ и были, казалось, очень увлечены игрой. Сонины косы, которыя такъ любила и холила Софья Николаевна, распустились по спинѣ; Лиля разгорѣлась и вся трепетала отъ того, поймаетъ ли «кошка» «мышку», или нѣтъ. Софьѣ Николаевнѣ неудержимо захотѣлось подойти поближе, чтобъ услышать хоть голоса дочерей. Она пробиралась боковою дорожкой, пряталась за кусты, совершенно искренне боясь, чтобы дѣти не увидали ее; но когда быстроглазая Лиля весело закричала: «Мама!»—она все забыла, бросилась къ дѣвочкамъ, цѣловала ихъ, плакала, сама не помнитъ, что говорила и какъ держала себя.

Вскорѣ послѣ этого дѣвочекъ увезли изъ Петербурга.

Няня въ безграмотномъ, но тепломъ письмѣ «отписывала» барынѣ, какъ она и дѣти «спромту» очутились въ Н. Софья Николаевна знала, что нянино «спромту» означаетъ «экспромтомъ», и не могла себѣ представить, какъ Алексѣй Петровичъ, всегда дорожившій своею службой и положеніемъ, могъ все бросить и уѣхать въ глушь... Значитъ же сильно въ немъ было желаніе увезти дѣтей отъ нея. Изъ дальнѣйшихъ писемъ няни выяснилось, что Алексѣй Петровичъ тайкомъ отъ всѣхъ хлопоталъ о переводѣ въ провинцію, айкомъ сдалъ квартиру, устроилъ всѣ дѣла и уѣхалъ съ дѣтьми а мѣсто учителя исторіи въ н-ской гимназіи.

Софья Николаевна какъ сейчасъ видитъ большіе конверты со тарческими крупными буквами и безграмотнымъ адресомъ. Няня чсала ей каждую недѣлю, писала длинно, возвышеннымъ слогомъ, ь отчаянными ошибками и съ неизмѣнною подписью: «по гропъ

инья Сударкина». Изъ донесеній «вѣрной рабы» узнала, что Сонюша заболѣла корью, а Лиленьотому все равно должна корь быть», узнала, что ма собой выучила, что у Сони зубы передніе вы- называютъ «старухой». Няня подробно и тро-, какъ старшая въ первый разъ говѣла и какъ Лилѣ и она плакала, что ее не пустили исповѣ- не хотѣли въ толкъ взять, что ей года не вынянька. Потомъ Соня заболѣла тифомъ и начаданій, что-то напишетъ няня. Она писала не раза въ недѣлю. Какъ невыносимы были эти для Софьи Николаевны! Няня описала, какъ Соня, какъ убивался Алексѣй Петровичъ, ко-: «надежды мало», какъ онъ цѣлыя ночи не ой. Еще черезъ недѣлю она сообщила, что Соню енку и она очень похорошѣла, что у нея гро- ѣсть ей даютъ понемногу.

на могла слѣдить шагъ за шагомъ за жизнью тать ей, сколько слезъ пролила она надъ безгра- и своей «верной рабы». Няня обстоятельно опи- сѣй Петровичъ самъ училъ дочерей, гулялъ съ , все свободное время, какъ хорошо учились дѣюша, какъ много книгъ дарилъ имъ отецъ.

олнилось одиннадцать лѣтъ, а Лилѣ девять, Алеолучилъ переводъ директоромъ въ Н.» и здѣсь гимназію, такъ какъ у него оставалось слишдля дѣтей. Только по вечерамъ онъ занимался уроки».

ія «верной рабы» и прекратились. Няня, должначе Софья Николаевна не могла объяснить ея ъ ей, что̀ перенесла она, когда оборвались эти ческія донесенія, какъ ждала она отвѣта на осы къ нянѣ, не забыть, что перестрадала, когсать Алексѣю Петровичу. На первое письмо не е вернулось къ ней нераспечатаннымъ. Писать олаевна не рѣшилась, не считала себя вправу ними и отцомъ, отдавшимъ имъ всю жизнь,

ло что-то. Она взяла дѣтскій потретъ въ руки дѣвшись въ него, подумала, какъ могла она рѣхъ двухъ дѣвчурокъ, какъ могла позволить се-

бѣ увлечься до того, чтобы забыть семью, какъ не сошла съ ума, разставаясь съ этими дорогими ей дѣтками, какъ не умерла отъ отчаянія, цѣлуя ихъ въ послѣдній разъ? Она взглянула направо, на другой портретъ, въ такой же деревянной рамкѣ, и всѣ эти вопросы разрѣшились сами собой.

«Если бы вернуть все старое, я бы не могла поступить иначе»,—прошептала Софья Николаевна.

III.

Жидкіе темнорусые волосы были откинуты назадъ и открывали громадный, выпуклый лобъ. Изъ-подъ нависшихъ бровей смотрѣли небольшіе сѣрые глаза; толстый носъ, повисшіе внизъ усы и небольшая густая борода давали лицу старческій видъ. Софья Николаевна и теперь, какъ и прежде, сознавала, что Софроновъ некрасивъ, но какъ тогда, такъ и теперь, всматриваясь въ его фотографію, она чувствовала, какъ безконечно мила ей каждая черта этого некрасиваго лица, какъ безпредѣльно дорогъ ей этотъ человѣкъ.

Софья Николаевна была уже лѣтъ пять-шесть замужемъ, когда встрѣтилась съ Софроновымъ. До тѣхъ поръ ея жизнь шла тихо, въ приличной сытости и въ полудремотѣ. Мужъ былъ «хорошій человѣкъ», спокойно любилъ свою Сонюшку, много работалъ, очень заботился объ устройствѣ своего гнѣзда, дѣлалъ на Рождествѣ подарки женѣ и елку дѣтямъ, былъ домосѣдомъ и отличнымъ хозяиномъ. Онъ неустанно хлопоталъ о благосостояніи жены, исполнялъ очень многія изъ ея желаній, любилъ, чтобы она была одѣта «не хуже другихъ», «возилъ» ее въ театръ, и не только не измѣнялъ ей, но даже и не смотрѣлъ на другихъ женщинъ. Всѣ называли его примѣрнымъ семьяниномъ, а Софью Николаевну счастливѣйшею изъ женщинъ. И Алексѣй Петровичъ первый считалъ ее счастливѣйшею изъ женщинъ; онъ зналъ, что у нея есть все необходимое, даже нѣкоторый комфортъ, есть милыя дѣти, есть заботливый и добрый мужъ. Чего же больше желать порядочной женщинѣ? Онъ и мысли не допускалъ, чтобы у жены могли появиться какія-нибудь стремленія. Софья Николаевна не помнитъ ни одного разу, чтобъ мужъ пожелалъ войти въ ея душу, узнать, о чемъ она думаетъ, чего ей недостаетъ, отъ чего она грустная. Тогда, въ сущности, и Софья Николаевна не сознавала этого и только позже поняла, какъ мужъ просмотрѣлъ ея душевную жизнь.

Имя Софронова она, конечно, знала давно, читала его статьи, слыхала о его значеніи для молодежи, но никогда не стремилась по-

ся съ нимъ. Какъ-то мужъ «взялъ» ее съ собою къ одно-
ому доктору, гдѣ долженъ былъ быть знаменитый Софро-
этого вечера вся жизнь Софьи Николаевны измѣнилась.
а прежде только чуяла, она теперь услыхала въ яркихъ
ихъ, и ей стали ясны ея неясныя стремленія, стали несо-
и сомнѣнія, опредѣлился тотъ путь, куда давно тянуло ее.
нился Софьѣ Николаевнѣ Петербургъ начала семидеся-
въ, и опять ее кольнуло точно такъ же, какъ при воспо-
милыхъ ей дѣтяхъ.
има 1874 года, когда она познакомилась съ Софроновымъ,
игзагомъ, точно молнія, промелькнула передъ ней.

. . . . . .

ьй Петровичъ зналъ, что жена часто встрѣчается съ Со-
ъ у знакомыхъ, зналъ, что у нихъ существуетъ какой-то
слышалъ, что тамъ читаютъ что-то, и ничего не имѣлъ
этого. Онъ не придавалъ никакого значенія «либеральни-
ены, считалъ его духомъ времени, говорилъ: «чѣмъ бы
ышилось, лишь бы не плакало»,—и только не желалъ,
фроновъ бывалъ у него въ домѣ, такъ какъ это могло
по службѣ.
Николаевна и теперь, черезъ шестнадцать лѣтъ, видитъ,
дъ глазами, кабинетъ мужа въ тотъ вечеръ, когда она рѣ-
зать ему всю правду. Она пришла отъ Софронова, послѣ
ечера искренней бесѣды, гдѣ не было ни одного слова не-
и одной мысли утаенной. Она почувствовала, что должна
же правдиво и искренно обо всемъ сказать мужу, почув-
что она не имѣетъ права жить подъ его кровомъ, поль-
его благами, когда вся она: и мыслями, и сердцемъ, и
ми, и стремленіями, и дѣйствіями не только чужая ему,
рагъ, уже человѣкъ другого, противуположнаго ему лаге-
вствомъ къ Софронову ей, казалось, еще возможно бо-
ужь съ тѣмъ, на что она должна была отдать всѣ свои
разстаться не могла; не могла она и жить попрежнему:
стало стыдно оставаться въ прежней обстановкѣ, когда
а другую жизнь; она поняла, что ей ужь немыслимо жить
того, чтобы вкусно ѣсть и покойно «проводить время»,
быть женою одного, любя другого, немыслимо сидѣть
и, когда знаешь, какъ и что надо дѣлать... И она пришла
съ глубокою рѣшимостью покаяться передъ нимъ, какъ
мымъ близкимъ ей человѣкомъ, пришла вся наполненная
къ нему, сознаніемъ своей вины передъ нимъ и передъ

дѣтьми и вмѣстѣ съ этимъ сознаніемъ своего долга сказать ему всю правду.

Лампа съ зеленымъ абажуромъ спокойно и уныло освѣщала кабинетъ Алексѣя Петровича. Все было прибрано, все на своемъ мѣстѣ, ничего лишняго, ничего не подходящаго. Алексѣй Петровичъ говорилъ про себя, что онъ аккуратенъ, какъ нѣмецъ, и самъ заботился о чистотѣ квартиры, а, главное, о своемъ кабинетѣ. Письменный столъ съ бронзовою чернильницей и бронзовыми подсвѣчниками, въ которыхъ стояли никогда не зажигавшіяся зеленыя свѣчи (подъ цвѣтъ мебели), широкій турецкій диванъ, большія кресла, обитыя темно-зеленою шерстяною матеріей, столикъ съ приборомъ для куренія, книжный шкафъ,—все это собиралось долгими годами и не малыми хлопотами Алексѣя Петровича. Онъ долго выискивалъ какую-нибудь вещь «по случаю», потомъ ее приторговывалъ, возвращался по нѣскольку разъ, прибавлялъ по рублю, по два, и когда покупалъ, считалъ долгомъ разсказывать всю исторію пріобрѣтенія каждому изъ знакомыхъ. Софья Николаевна наизусть знала исторію восточнаго дивана, исторію столика съ приборомъ для куренія, исторію ковра. Алексѣй Петровичъ покупалъ все самъ, зная, что жена «не домовитая», не любитъ заботиться объ обстановкѣ и не сочувствуетъ въ этихъ заботахъ мужу. Помнитъ Софья Николаевна исторію съ ковромъ: Алексѣй Петровичъ «присмотрѣлъ» въ аукціонномъ залѣ большой восточный коверъ. Давно ему хотѣлось купить въ кабинетъ хорошій коверъ, но не подвертывалось ничего подходящаго. И этотъ былъ дорогъ. Безъ серьезнаго размышленія нельзя было рѣшиться на покупку его. Онъ пришелъ звать жену поѣхать съ нимъ въ аукціонный залъ и рѣшить. Софья Николаевна отказалась.

— Что же, тебѣ тяжело или трудно хоть въ этомъ быть помощницей мужа?—раздраженно спросилъ ее Алексѣй Петровичъ.

— Мнѣ противно видѣть, какъ много времени, словъ, думъ и сомнѣній расточается на эти пустяки,—отвѣтила Софья Николаевна.—Не въ этомъ счастье...

— Да... Конечно... По-вашему, все это «буржуазно»... Надо, чтобы вакса, колбаса, окурки, чай,—все въ одномъ мѣстѣ валялось...

— Тебѣ нуженъ коверъ? — коротко спросила Софья Николаевна.

— Нуженъ, не нуженъ... а полагается въ благоустроенномъ кабинетѣ коверъ...

— Ну, и купи.

Легко сказать... Если бы ты сама деньги зараба-
ворила бы такъ просто... Знала бы, что значитъ

негъ, о чемъ же говорить?—искренно воскликну-
вна.
овичъ разсердился и съ тѣхъ поръ совершенно
утъ домашнихъ заботъ; она, впрочемъ, и всегда
нихъ. Но никогда она не была такъ чужда все-
тотъ вечеръ, когда она пришла къ мужу со сво-
шла въ кабинетъ и сѣла у письменнаго стола.
къ читалъ и зеленая лампа бросала спокойный
ій матовый лобъ, свѣжія щеки и красивую боро-
вая глазъ отъ книги, очевидно, желая дочитать
лъ женѣ руку. Какъ утопающій за соломенку,
эту руку и горячо проговорила:
ослушай, пожалуйста... Необходимо... Пожалуй-

вичъ съ изумленіемъ взглянулъ на нее.
ось?—спросилъ онъ.
и долженъ помочь мнѣ... Намъ нужно устроить
существованіе честно и чисто... Никого не оби-
никого...
?—съ холодною и злою усмѣшкой спросилъ Але-

олжаться не можетъ... Я не могу, да и не хочу
разстаться...
ли Алексѣй Петровичъ, или не хотѣлъ понять,
почти шутливо сказалъ ей:
тѣяла? Ступай-ка спать... Мы завтра погово-

талъ, чтобъ проводить жену, когда у нея сорва-
Софронова; она только успѣла проговорить:
ргѣй Николаевичъ...
ударило что-то. Онъ метнулся въ сторону; въ
тельная злоба отразилась на его лицѣ, въ гла-
рѣ. Онъ все забылъ, забылъ, что передъ нимъ
дѣтей, забылъ, что эти дѣти спятъ тутъ же ря-
ыпать его. Онъ кричалъ до визгу, бранился,
не находя достаточно сильныхъ выраженій, чтобы
. И эта злоба облегчила положеніе Софьи Нико-
къ мужу какъ не бывало; осталось желаніе по-

скорѣе окончить безобразную сцену, поскорѣе стать свободной и независимой отъ этого звѣря.

— Вонъ! Вонъ изъ-подъ моего крова!—кричалъ Алексѣй Петровичъ.

— Хоть сейчасъ,—искренно проговорила Софья Николаевна.

— Не сейчасъ, а сію секунду! Багажъ у васъ небольшой: приданое не Богъ знаетъ какое принесли! Завтра все будетъ вамъ отослано... А теперь убирайтесь къ своему...

Онъ замялся, пріискивая какое-нибудь оскорбительное выраженіе.

— Намъ надо сговориться о дѣтяхъ,—съ достоинствомъ проговорила Софья Николаевна.

— О дѣтяхъ? Вы смѣете заикаться о дѣтяхъ?

— Я не могу оставить ихъ... Не могу!... Надо сговориться, какъ мы устроимся...

— Послѣ... Послѣ обо всемъ переговоримъ...— прошепталъ, задыхаясь отъ злобы, Алексѣй Петровичъ.—А теперь вонъ отсюда!... Вонъ!...

Софья Николаевна помнитъ, какъ сверкнуло обручальное кольцо на сжатомъ кулакѣ мужа, съ какимъ звѣрскимъ рычаніемъ онъ бросился къ ней. Въ глазахъ у нея все помутилось, она какъ безумная рванулась отъ него, накинула на плечи тальму и выбѣжала на улицу.

IV.

Гдѣ блуждала Софья Николаевна въ ту ужасную ночь, она ужь не помнитъ, да едва ли помнила и тогда. Было свѣтло, тѣмъ блѣднымъ свѣтомъ петербургской весенней ночи, когда всѣ лица кажутся или болѣзненными, или преступными, было, кажется, сыро, кто-то, кажется, заговаривалъ съ нею. Одно осталось на всю жизнь въ памяти: жгучее, почти физическое страданіе при воспоминаніи о дѣтяхъ. До тѣхъ поръ Софья Николаевна не разставалась съ ними ни на одинъ день: сама ихъ купала, сама шила для нихъ и бѣлье, и платья, и шляпы, и шубки. Только башмаки заказывала, а то все сама дѣлала. Утромъ никто не смѣлъ одѣть ихъ, кромѣ нея. А другъ завтра... Она металась, какъ звѣрь въ клѣткѣ, изъ улицы въ улицу, не въ силахъ дождаться утра. Онъ сказалъ: «послѣ обо всемъ переговоримъ...» Къ утру злоба уляжется и можно будетъ все устроить. Только бы скорѣе дождаться утра, а то дѣти встанутъ, а ея нѣтъ. И опять жгучая боль вырвала у нея стонъ. Ей ка-

евыносимо-долгой эта ночь блужданія по петербургскимъ
. Не мало ночей безъ сна пришлось провести ей позднѣе,
на изъ нихъ не была такъ томительно долга, какъ эта.
а верхніе этажи домовъ порозовѣли и гдѣ-то взошло соли-
ья Николаевна уже простила всѣ оскорбленія, рѣшила за-
, лишь бы увидаться съ мужемъ и мирно переговорить о

онъ разсердился, — думала она. — Это естественно. Онъ
бить.., ну, и не ожидалъ... Только зачѣмъ такъ кричалъ,
... Впрочемъ, не машина же!... Бѣдный! Его жалко...
ы къ утру успокоился... Рѣшить надо какъ можно скорѣе».
» рѣшить, Софья Николаевна еще не уяснила себѣ, но со-
что рѣшить надо, и сейчасъ рѣшить.
осемь часовъ утра она позвонила у дверей своей квартиры.
инуту дверь отворилась и сейчасъ же захлопнулась опять.
ла разсмотрѣть, что дверь отперъ Алексѣй Петровичъ, что
тотъ же халатъ, тотъ же жилетъ со свѣтлыми пуговицами,
омъ онъ былъ вчера вечеромъ. Успѣла она увидать и его
разстроенное лицо. Она не сомнѣвалась, что и онъ ви-

ья Николаевна позвонила второй разъ, затѣмъ третій, чет-
Ее не впускали въ квартиру. Больше часу стояла она у
ся дрожа отъ горя и безсильной злобы. Она слышала, какъ
тирѣ ходили, суетились; ей представилось, что Сонюша
наканунѣ у нея глаза какіе-то грустные были), она опять
и, какъ собака, не могла оторваться отъ порога. Наконецъ,
шала, что кто-то подошелъ къ двери. У нея духъ захва-
елкнула задвижка, въ пріотворенную дверь высунулась ру-
накомыми Софьѣ Николаевнѣ короткими пальцами и блес-
ь вчера обручальнымъ кольцомъ. Ей сунули письмо. Дверь
улась такъ крѣпко, точно навсегда.
ци будутъ доставлены вамъ сегодня же, вмѣстѣ съ видомъ
ьство. Сообщите письменно вашъ адресъ. Въ мою квартиру не вламываться. Это ни къ чему не поведетъ».
» все, что Софья Николаевна нашла въ запискѣ мужа. А дѣ-
слова о нихъ. Неужели она навсегда разлучена съ ними?
е можетъ этого быть.
вышла на улицу. Былъ десятый часъ. Она знала, что Со-
работаетъ по ночамъ и встаетъ поздно, но какое-то слож-
ство: безъисходной тоски по дѣтямъ, потребности слова ласшенія въ этомъ страшномъ горѣ, сознанія, что есть чело-

вѣкъ, готовый и приласкать, и утѣшить, готовый жизнь ей отдать, и, наконецъ, сознанія, что свободна, можетъ любить кого хочетъ, а не кого «нужно», что можетъ, наконецъ, открыто сказать, что любитъ,—толкнуло ее и она, ни минуты не колеблясь, поѣхала къ Софронову.

Онъ сидѣлъ въ своей скромной «меблированной» комнатѣ и быстро писалъ что-то,когда къ нему постучались.

— Войдите, — сказалъ онъ, не повертываясь и не отрывая глазъ отъ бумаги.

Софья Николаевна помнитъ, какъ мелькнула передъ ея глазами его сгорбленная фигура въ рабочей блузѣ, прядь волосъ, спустившаяся надъ правымъ глазомъ, испуганно-радостное выраженіе его милаго лица. Не успѣлъ онъ встать съ мѣста, какъ она уже опустилась передъ нимъ на колѣни. Словъ не было, были одни рыданія.

Вечеромъ посыльный принесъ Софьѣ Николаевнѣ вещи и отвѣтъ на ея сдержанно-настойчивое письмо къ мужу относительно дѣвочекъ. Этотъ отвѣтъ былъ всего въ одной строчкѣ: «Падшія женщины не могутъ имѣть дѣтей».

Здѣсь въ воспоминаніяхъ Софьи Николаевны является какой-то провалъ. Она не можетъ дать себѣ яснаго отчета въ первыхъ мѣсяцахъ жизни съ Софроновымъ. Жгучее горе отъ разлуки съ дѣтьми, оскорбленное самолюбіе и рядомъ съ этимъ невѣданное до тѣхъ поръ яркое счастье и яркое дѣло опьянили ее. Она помнитъ, что минуты не было свободной, помнитъ, что все куда-нибудь торопилась, что жизнь была биткомъ набита впечатлѣніями и самыми разнообразными волненіями; сама она, Софья Николаевна, точно вспыхнула вся полнымъ пламенемъ. До тѣхъ поръ она только тлѣла; тлѣли и замыслы, и стремленія, и желанія. Теперь все вспыхнуло и загорѣлось яркимъ, веселымъ огнемъ. Будничная, тусклая жизнь смѣнилась лихорадочною дѣятельностью, длинные ненастные дни—золотистымъ, солнечнымъ утромъ; именно —утромъ. Казалось, что еще солнце свѣтитъ не во всю, что настоящее-то, самое хорошее еще впереди. Прежнее, тихое существованіе въ пристани, безъ надеждъ и волненій, съ единственными заботами о хлѣбѣ насущ-
мъ, смѣнилось тревожными, но бодрыми ожиданіями чего-то такого
рошаго, что духъ захватитъ. И эти ожиданія веселили и окрыляли.

Только тоска по дѣтямъ и потребность видѣться съ ними порой
водили Софью Николаевну просто до отчаянія. Пока была воз-
жность видѣть ихъ, пока тлѣла надежда сговориться съ Але-
емъ Петровичемъ, она еще не падала духомъ. Она знала, что

ь огорчаютъ ея слезы и думы о дѣтяхъ, и стара-
ихъ.
лся съ тѣмъ, что я у тебя вторымъ номеромъ въ
къ разъ Сергѣй Николаевичъ.— Мать,— ничего не

ла такую грусть въ его глазахъ при этомъ полу-
ѣчаніи, что рѣшила прятать далеко-далеко свои
ямъ. Это была ея единственная тайна отъ Софро-
вала свои встрѣчи съ дѣтьми въ саду, скрывала
скрывала свои частыя, тихія слезы. Но когда Лов-
зъ Петербурга и увезъ ея дѣвочекъ, она не могла
ъ свое горе. Она заболѣла. Сергѣй Николаевичъ
ь ея кровати, ухаживалъ за ней, какъ за ребен-
ie зная, но догадываясь о причинѣ ея болѣзни.
з Софьѣ Николаевнѣ стало лучше, она, увидя какъ
оновъ за время ея болѣзни, прошептала:
прости!... Не могла я...
. За что прощать?
а я тебя... Незачѣмъ мнѣ было врываться въ твою

Софья... Себя измучила, правда... Вотъ попра-
троимъ вмѣстѣ... Ему оставимъ Соню, а Лильку—

, что онъ прочелъ въ ея душѣ всю правду, и скры-
могла. Съ этихъ поръ они вмѣстѣ горевали о
читали нянины письма, вмѣстѣ строили планы,
ть къ себѣ дѣвочекъ.
ла няня и прекратились всякія свѣдѣнія о дѣтяхъ,
на опять страшно затосковала. Но тутъ налетѣли
ть Софронова, ссылка, побѣгъ за границу, тре-
ливая дѣятельность. Кругомъ надвинулись такія
ь несправедливостей, жестокостей, такъ обступило
е горе, что свое личное отошло на задній планъ.
заслонились толстою стѣной, и Софья Николаев-
ицей могла и думать, и говорить о нихъ почти
о чемъ-то миломъ, но очень далекомъ.
бенно любилъ эту маленькую, —подумала Софья
въ опять портретъ въ руки.—Соня ему не нравил
а: вылитый Алексѣй Петровичъ».
поставить рамку на мѣсто, но подумала, что надо
орогу и, прежде всего, завернуть портретъ дочерей.

Она никогда не разставалась съ нимъ. Безъ этихъ двухъ «рожицъ» она и представить себѣ не можетъ «студенческой кельи», какъ называетъ ея комнату Водолазовъ. Студенческой! Она оглянулась кругомъ. Только пальмы подъ окнами, да сильный запахъ померанцевыхъ цвѣтовъ и говорятъ, что эта комната не на Пескахъ или Васильевскомъ островѣ, а на одной изъ ницскихъ улицъ. И толстая хозяйка, у которой она нанимаетъ комнату, добрая, мелочная и заботливая, точь-въ-точь такая, какихъ много знавала Софья Николаевна въ Петербургѣ.

Четыре года прожила она въ этой комнаткѣ. Длинные годы, мучительные дни, безконечные часы въ этихъ четырехъ стѣнахъ. Ни одной радости, ни одной свѣтлой минуты. Со смертью Софронова все померкло вокругъ. Осталась одна могила. Когда умеръ Сергѣй Николаевичъ, ей показалось, что все умерло вмѣстѣ съ нимъ. Да и событія такъ сложились, будто заснуло все. Съ родины, уже и въ послѣдніе годы его жизни, приходили странныя вѣсти, точно все тамъ стало «не то», люди не тѣ, слова не тѣ. Это, можетъ быть, и добило Софронова. А сама-то она, Софья Николаевна, та ли? Да, конечно, та. Усталая, измученная, но та же, что и «тогда», съ тѣми же симпатіями, съ тѣми же убѣжденіями, съ тѣмъ же символомъ вѣры, съ тою же страстною жаждой разумной жертвы, даже подвига. Эта жажда не умерла вмѣстѣ съ ея любовью, а только заглохла. Тогда ей показалось, что все кончено и надо «дожить» какъ-нибудь. И она осталась доживать въ Ниццѣ. Но нарядная, блестящая Ницца, куда со всѣхъ угловъ міра собирается на зиму праздный и богатый людъ, для нея не существовала. Изъ ея окна видно кладбище на горѣ; вонъ темная пирамида памятника Гамбетты, а лѣвѣе, не далеко отъ бронзовой статуи русскаго изгнанника, лежитъ и онъ, ея дорогой Сережа. Ради этой могилы и жила Софья Николаевна въ Ниццѣ.

Цѣлыхъ четыре года она точно спала тяжелымъ, мучительнымъ сномъ, никуда не стремясь, ничего не желая. И вдругъ это извѣстіе: Ловцевъ умеръ. Ея дочери остались однѣ. Между ними и ею уже нѣтъ озлобленнаго человѣка, всю жизнь не хотѣвшаго забыть своего оскорбленнаго чувства мужчины, своей попранной власти мужа. Теперь сама жизнь подсказываетъ ей, что̀ надо дѣлать, куда помѣстить и свои силы, и свою любовь, кому передать свои убѣжденія и вѣру въ свое дѣло.

Софья Николаевна быстро вскочила съ мѣста. Надо ѣхать въ Россію, и ѣхать сейчасъ же. Ей вдругъ показалось немыслимымъ промедлить хоть одинъ день, хоть одинъ день прожить тою томи-

ою, безполезною жизнью, какою она жила все это время. ъ стало стыдно, что она цѣлыхъ четыре года просидѣла въ тномъ ничегонедѣланіи, вдали отъ родины, одна, всѣмъ безъ обязанностей, безъ общественнаго долга, безъ заботъ нибудь—этой красы жизни. Рѣшила «доживать»! Съ тридца-ями лѣтъ доживать! Говорятъ, счастье дѣлаетъ человѣка ъ. Софья Николаевна подумала, что ее сдѣлало эгоисткой теря любимаго человѣка, пришибленная дѣятельность, из-трудниковъ,—все совпало въ одно время. Софья Николаев-ила руки и прижалась въ уголкѣ, ожидая конца.

рь, когда извѣстіе о смерти Ловцева, разбудило ее, она ожетъ жить попрежнему. Надо сейчасъ же собираться въ щей у нея мало, часть ихъ она оставитъ хозяйкѣ, съ со-метъ только самое необходимое. Главное—книги и рукопи-она заберетъ непремѣнно. Она отвезетъ ихъ туда, доче-стъ имъ прочесть, покажетъ, чѣмъ она жила, что наполняло ствованіе. Онѣ молодыя, чуткія, поймутъ,—не могутъ не не проникнуться всѣмъ этимъ. Разскажетъ она имъ всю знь, все свое прошлое. Всего было довольно въ этомъ про-и страданій матери, и любви женщины, и жгучаго счастья, ныхъ слезъ, и безсонныхъ ночей, и разумной работы, и матеріальныхъ невзгодъ, и постояннаго страха за дорогого . Все это она разскажетъ дочерямъ безъ утайки, не щадя а знаетъ, что краснѣть ей не за что. Семь лѣтъ честной ъ мужемъ, затѣмъ любовь къ Софронову безъ пошлаго безъ лжи; тринадцать лѣтъ беззавѣтной преданности и сидѣлкой у постели, а затѣмъ четыре года полнаго одино-круглаго сиротства,—вотъ вся ея жизнь по пальцамъ. Она ъ всѣ подробности, каждую минуту этой жизни—и отдастъ удъ дочерямъ. Тогда онѣ все поймутъ.

ймутъ—простятъ.

V.

дъ неспѣшно катился по безконечнымъ сѣрымъ полямъ. ебо, сѣрая земля, сѣрая обивка вагоновъ гипнотизировали Николаевну. Она ѣхала уже третьи сутки, нигдѣ не отды-дѣ не останавливаясь. Скоро и Н. Она не устала, а исто-ожиданіемъ, измучилась отъ разныхъ встрѣчъ и разгово-горыхъ безъ конца можно наслушаться на русскихъ желѣз-рогахъ. Софья Николаевна не ожидала ихъ, а, можетъ быть,

и отвыкла. Она ѣхала въ Россію съ раскрытымъ сердцемъ для всѣхъ русскихъ. Она торопилась, боялась опоздать на день, точно «тамъ» ее ждутъ не дождутся. Она не замѣтила, какъ поѣздъ промчался красивымъ побережьемъ Средиземнаго моря, не слышала, какъ ахали кругомъ ея, когда изъ темнаго туннеля поѣздъ вылеталъ почти къ самымъ волнамъ, не видѣла цвѣтущихъ апельсинныхъ рощъ, приводившихъ въ шумный восторгъ ея спутницъ-англичанокъ. Она точно во снѣ перелетѣла черезъ Италію и Австрію и только когда поѣздъ отошелъ отъ станціи Граница, она весело сказала:

— Вотъ и Россія милая!

Ея спутникъ, не молодой русскій, отъ самой Вѣны ѣхалъ въ одномъ вагонѣ съ нею. Онъ нѣсколько разъ пытался заговорить съ Софьей Николаевной, но всѣ его обычныя заговариванья: «Не дуетъ ли вамъ? Не безпокоитъ ли моя папироса?»—кончались на первомъ же отвѣтѣ. Софья Николаевна такъ глубоко зарылась въ свои мысли, что ничего не видала, ничего не слыхала. А тутъ ей вдругъ стало такъ радостно, что она сама первая обратилась къ нему:

— Вотъ и Россія милая!

— Россія!—насмѣшливо проговорилъ спутникъ.—Скажите—жидовія! Смотрите, какіе Шмульки стоятъ! Пархатые! Видѣть не могу!

Софья Николаевна съ изумленіемъ взглянула на него и подумала: «Неужели начинается?»

Тамъ, въ Ниццѣ, ея пріятель Егоръ Петровичъ, провожая ее, предсказывалъ, что не мало придется ей поволноваться по пріѣздѣ домой.

— Завидую вамъ, что ѣдете въ Россію, и боюсь за васъ... Ужь очень много прелестей васъ тамъ ждетъ...

Она не вѣрила. Ей казалось, что все идетъ или должно идти по тѣмъ же рельсамъ, которые были положены «тогда». Въ сущности, давно ли это все было? И неужели все могло такъ измѣниться, какъ говорилъ Егоръ Петровичъ и что̀ сама Софья Николаевна не могла не видѣть изъ русскихъ газетъ и журналовъ? Она не хотѣла, не могла вѣрить. Она взглянула на спутника и подумала: «Кто онъ?» Холенная борода, дорожный костюмъ, безукоризненныя дорожныя принадлежности говорили только, что это человѣкъ зажиточный.

— Пейсы какіе закрутили и лабсердаки распустили,—со смѣхомъ сказалъ онъ, пока поѣздъ ползъ у платформы.

— Вѣдь, они видятъ, что вы смѣетесь,—невольно вырвалось у Софьи Николаевны.

й вай миръ! Габенъ-зигевидэлъ?—крикнулъ
окошка.
предѣленнаго званія, сидѣвшіе рядомъ съ
зсмѣялись. Въ углу вагона пріютилась мо-
ымъ носомъ и толстыми губами. Одинъ изъ
го и подмигнулъ на нее.
одолѣли насъ здѣсь, въ Западномъ краѣ,—
въ Аргентину ихъ поскорѣе.
не выдержала, но стоило ей сказать одно
сыпались грубыя шутки, плоскіе анекдоты,
сконные враги христіанъ», «кагалъ», «ге-

это по теоріи,—снисходительнымъ тономъ
тираду одинъ изъ юношей.—Барыни всегда
и... А какъ бы столкнулись съ этими мер-
удь дѣлѣ, иначе заговорили бы.
котѣла отвѣтить, но случайно взглянула въ
сидѣла дѣвушка съ толстыми губами, и
апли застряли на ея длинныхъ рѣсницахъ.
онми доводами вызвать новыя нападки и
я еще признать, что ея единственное ору-

а вагона смѣнялась нѣсколько разъ. Только
Софьей Николаевной отъ Вѣны, оставался
ворилъ безъ умолку. Хотѣлъ ли онъ наверы до Границы, что онъ былъ обреченъ на
какъ нѣкоторые вопросы волнуютъ Софью
нимала. Она слышала его голосъ, слышала
какъ отъ кошмара. Задыхалась, конечно,
ъ. Какое ей, въ сущности, дѣло, какъ ду-
ея случайный спутникъ? Она мучилась отъ
онъ находилъ въ вагонѣ, отъ той стѣны,
ждый разъ, когда ей приходилось отстан-

ъ одного предмета на другой. Каждый куп-
давалъ новую тему, каждое общественное
вызывало споръ, и Софья Николаевна разомъ шагу. Когда дѣло дошло до громкаго про-
равшагося въ Варшавѣ, и Софья Николаев-
о говорили кругомъ нея о судѣ, она горячо

— *Тогда* положительно не посмѣли бы говорить такъ!...

На нее посмотрѣли съ усмѣшкой, почти съ жалостью. Она замолчала, боялась разрыдаться. Все, что она привыкла чтить, попиралось самымъ безцеремоннымъ образомъ. Защищались дѣла и поступки, которые она привыкла считать гнусными, и все это съ полною беззастѣнчивостью и какимъ-то наглымъ торжествомъ.

— Побѣдителей не судятъ,—сказалъ ей одинъ изъ спутниковъ, молодой человѣкъ въ формѣ.

Да, не судятъ...

Въ И. надо было мѣнять вагонъ. Софья Николаевна, совершенно измученная, сѣла въ уголокъ и рѣшила ничего не видѣть, ничего не слышать, а «думать о своемъ». Что волноваться изъ-за случайныхъ мнѣній случайныхъ спутниковъ? Не всѣ же такіе. Есть и «настоящіе». Теперь главное—увидать скорѣе Соню и Лилю. Черезъ четыре часа уже Н. Сегодня же надо отыскать дочерей, сегодня же рѣшить, какъ жить дальше, что дѣлать, гдѣ поселиться. И нацѣлуются и наплачутся вдоволь... Только бы поскорѣе доѣхать... И она не отрывала глазъ отъ сѣрыхъ полей, по которымъ катился поѣздъ. А мысли все вертѣлись около одного и того же. «Сегодня же все покончимъ... Все имъ разскажу... Да прямо выну имъ мое сердце и отдамъ... Дѣлайте что хотите... Милыя!»

Ее начало убаюкивать. Она точно сквозь сонъ видѣла, что противъ нея сѣла толстая дама съ молодою блондинкой, одѣтою слишкомъ нарядно для дороги. Рядомъ съ Софьей Николаевной помѣстился плотный господинъ, какъ потомъ оказалось, докторъ изъ Варшавы. Софья Николаевна слышала, какъ разсказывала дама, что она съ дочерью гостила въ И. у старшаго сына и теперь возвращалась домой, что у сына очень красивая жена, «первая дама въ И.», слышала, какъ плотный господинъ тономъ стараго ухаживателя поддразнивалъ «барышню», но все это скользило по Софьѣ Николаевнѣ и не мѣшало думать «о своемъ».

Вдругъ она вздрогнула. У нея въ ушахъ ясно прозвучало названіе Н., произнесенное кѣмъ-то изъ спутниковъ.

— Какъ же!—говорила барышня.—У насъ два клуба: польскій и русскій... Театръ хорошій... Всю зиму оперетка была. Правда, п ьская... Но голоса хорошіе...

— Воображаю!—поддразнивалъ докторъ.

— Да что вы думаете о нашемъ Н.?—вступилась мамаша.—Ко- н но, не Варшава... Городокъ маленькій... Ну, провинція... А за т какое общество... И потомъ два полка... это всегда оживляетъ...

ганцуютъ, конечно?
ть... Больше винтимъ,—серьезно отвѣтила дѣвушка.

меня первая винтерка,—со смѣхомъ сказала мать.
хъ-то лѣтъ?
не говорите... У насъ всѣ барышни въ винтъ игракакая-то! Чуть собралось четверо, сейчасъ зеленое
..
олаевна нервно вертѣла перчатку. Ей во что бы то было заговорить и разспросить о дочеряхъ, но она начать, боясь выдать себя. Никакихъ подходовъ и никогда не признавала, да и не умѣла хитрить. Воспервымъ молчаніемъ, она прямо обратилась къ пол-

ловцевыхъ въ Н. знаете?
ыхъ? Да какъ же не знать? Ихъ весь городъ знаетъ...

. Ничего...
ь знакомая?
Я слышала о нихъ много... Очень ихъ хвалятъ,—
Николаевна и покраснѣла отъ своей невинной

ы! Такія дѣльныя, такія порядочныя дѣвушки...
лышали, вѣдь, Алексѣй Петровичъ умеръ недавно,—
Софьѣ Николаевнѣ барышня.
А что же онѣ? остаются въ Н.?
о... Имъ обѣщаютъ выхлопотать приличную пен-
Петровичъ былъ на такомъ хорошемъ счету... Да у
ено кое-что... Дочерямъ бѣдствовать не придется...
ботала только для туалетовъ...
и одѣвается куколкой,—подхватила барышня.
олаевна съ недоумѣніемъ посмотрѣла на мать и дочь

Соня дѣлаетъ?
ьница. При покойномъ-то Алексѣѣ Петровичѣ ей, кобло мѣсто получить...
, трехъ первыхъ классахъ гимназіи русскій языкъ перебила мамашу дѣвушка.
но, хотѣлось самой все разсказать о Ловцевыхъ.
ыхъ уроковъ много у нея... Хорошія деньги зара-

батываетъ, — опять заговорила мать. — Одѣваетъ себя сама... Умница!

— У нея очень много ученицъ. И какъ хорошо платятъ! Правда, она очень добросовѣстно занимается,—сказала дѣвушка.—Никогда не только не пропуститъ урока, не опоздаетъ на пять минутъ.

— А Лиля?... — начала Софья Николаевна, но у нея сжалось горло и она не могла договорить.

— Лиля?—подхватила словоохотливая дѣвушка, не замѣчая волненія Софьи Николаевны.—Лиля—рукодѣльница большая!

— Училась она не важно,—перебила ее мать.—Она съ Зиночкой одного выпуска,—прибавила она, кивнувъ на дочь.

— Нѣтъ, Лиля хорошо шла,—вступилась дѣвушка.—Конечно, не такъ, какъ Соня... Та первая золотая, а Лилѣ только книгу...

— А руки золотыя у нея,—продолжала мать.—Вы бы посмотрѣли у нихъ въ квартирѣ... Гостиная... салфеточки, антимакасары, гардины, покрышечки... все Лилиными руками связано... И какое вязанье: ровное, тонкое!

— Глазъ-то не жалко!—иронически замѣтилъ докторъ.

«И времени,—добавила про себя Софья Николаевна.—*Тогда* бы сказать!... На сонъ жаль было жизнь тратить. Въ гробу наспимся, говорили... Каждые полчаса ловили... Ночи на пролетъ сидѣли, говорили, спорили, учились...Работали, а не зарабатывали... Впрочемъ, и теперь много такихъ... Мнѣ писали... И «мои» очнутся... Навѣрное, очнутся».

Разговоръ пошелъ въ другую сторону. Докторъ сталъ смѣяться надъ вязаньемъ крючкомъ, барышня отстаивала, говорила, что это очень красиво, когда «вродѣ венеціанскихъ кружевъ выходитъ». Мамаша поддерживала дочку.

Для Софьи Николаевны все это были чужія слова и ей вдругъ стало ужасно жаль дочерей, принужденныхъ жить въ Н.

«Скорѣе увезти ихъ надо,—думала она.—Поселимся въ Петербургѣ. Пусть поучатся, позаймутся... Бѣдныя мои! Какъ имъ, должно быть, тяжело и скучно съ такими»...

Она не нашла подходящаго слова и только взглянула на толстую д ту. Та, очевидно, ждала ея взгляда, чтобы заговорить.

— А вы тоже въ Н. ѣдете?—спросила она.

— Да.

— Надолго?

— Не знаю... Нѣтъ...

— Погостить?

ла Софья Николаевна и, чтобы пре
'жь скоро?
Вы гдѣ остановитесь? У Ловцевыхъ'
ицѣ... У васъ есть?
«Петербургской» еще получше...

ѣлось опять навести разговоръ на
о сдѣлать. Толстая барыня заинтере
зспросами.
:е знать о Лилѣ и о Сонѣ и отчего-то
:ъ. Но она не утерпѣла и спросила:
ювья?
ицевы?

,? Не хвораютъ... Блѣдныя очень... Ду-
нь много выѣзжаютъ... Конечно, не

гъ?
Куда! Ихъ все общество принимаетъ
і премиленькіе... Мало ли...
кой успѣхъ,—опять прервала дочка.—
уѣдутъ... За ними очень ухаживаютъ
..
чало коробить не на шутку и она уно
ивыя спутницы совсѣмъ опошлятъ ея

ь съ ними изъ Н.!»—заключила она

VI.

низко ходили надъ городомъ. На улиц
о ливня. На бульварахъ не было ни
лъ. Маленькіе домишки, деревянные мо
олые сучья деревьевъ, безконечные
но ждали новаго ливня. Мартовскіе
имъ, унылымъ свѣтомъ.
этажныхъ домовъ, выходящихъ окн
й комнатѣ, бесѣдовали двѣ дѣвушки.
ъ, широко обшитыхъ крепомъ, обѣ бі
онкими таліями и одинаковыми причес

ми. Старшая сидѣла у окна и распарывала черную креповую шляпу. Младшая стояла передъ зеркаломъ, поставленнымъ на коммодѣ, и горячими щипцами завивала волосы надо лбомъ.

— А вычеты? А всякіе поборы? Разные полковые праздники?... Посчитай-ка, много останется?—продолжала старшая какой-то горячій споръ съ сестрой.

— Знаю, Соня, знаю. Онъ и самъ говоритъ, что слишкомъ бѣденъ, чтобы жениться... Вотъ выйдетъ изъ полка, найдетъ какое-нибудь мѣсто...

— Мѣсто! Легко сказать: найти мѣсто!

— У него дядя на желѣзной дорогѣ служитъ. Онъ ему обѣщалъ...

— Нынче и инженеры безъ хлѣба сидятъ...

— Такъ что же?—задорно проговорила младшая.—А онъ получитъ... У него протекція...

— Дай Богъ. Тогда и можно будетъ говорить серьезно, а теперь ты обязана сказать ему, чтобъ онъ не бывалъ у насъ. Слышишь, Лиля?

Лиля вспыхнула, оставила щипцы и подошла къ сестрѣ.

— Соня, опять ты съ принципами!...

— Конечно. Ты и сама не малолѣтняя, понимаешь... Сама первая не признаешь «съ милымъ рая въ шалашѣ». Если сегодня Волковъ сдѣлаетъ тебѣ предложеніе, что ты скажешь?

Лиля молчала.

— А если не хочешь выходить за него, то безчестно завлекать, подавать надежды...

— Мнѣ съ нимъ весело,—вотъ и все.

— Тебѣ не шестнадцать лѣтъ, чтобы разсуждать такъ... Весело! А выйти замужъ и бѣдствовать всю жизнь весело? Дѣти, болѣзни, мамки, няньки, бѣднота, дрожаніе надъ каждою копѣйкой—весело?

— Да я и не думаю выходить за него, пока... Что же тебѣ надо?

— Надо, чтобы ты до мелочей, до пустяковъ была пряма и честна... Уясни свое отношеніе къ Волкову, да такъ и дѣйствуй... то всѣ въ городѣ считаютъ его за жениха... И все изъ-за твоего ведушія... Замужъ за него не пойдешь, бѣдности боишься, а отвикнуть жаль... Это нечестно! Недостойно!...

Лиля сѣла у стола и грустно подперла голову рукой.

— Ты не забыла, что тебѣ надо къ батюшкѣ?—обратилась къ ней старшая сестра.

ыла,—отвѣтила Лиля, не отрывая руки ото лба.
тупай, а то не застанешь.
тану,—завтра прямо поѣдемъ и закажемъ.
Лиля! Ну, что ты говоришь? Во-первыхъ, заупокой-
егда заказывается заранѣе... Во-вторыхъ, надо, что-
о нашъ батюшка служилъ... Папа такъ не любилъ
, отца Василія... Ужь лучше совсѣмъ не надо, чѣмъ

? Какъ не надо? Вѣдь, двадцатый день, — сказала,
ь, Лиля и стала торопливо надѣвать шляпу.—А ты

адо освѣжить крепъ на шляпѣ... Завтра въ церковь
удетъ... Потомъ распорядиться насчетъ завтрака...
паннихиды придутъ, папу вспомнить.
ю, Иванъ Ивановичъ съ Анной Васильевной ужь бу-

грій Петровичъ придетъ, и Андрей Андреевичъ съ
ты Волкова не зови, пожалуйста.
о фразу Соня сказала тихо и ласково взглянула па
ала, что красивый офицеръ нравился Лилѣ, видѣла,
но всю зиму принимала его ухаживанія, какъ ожив-
присутствіи, и ей стало жалко сестренку. Но Лиля
беззаботно улыбнулась ей въ отвѣтъ, что Соня сей-
лась и вспомнила, какъ недавно сестра повторила
его отца: «выходить за бѣдняка—плодить нищихъ».
ы копаешься! Опять дождешься ливня,—сказала Со-
а въ окно.—Лиля, посмотри, пожалуйста, кто это?
о...
ежала къ окну.
е н-ская...
странная... Платье-то какое короткое...
то? Мужское... Кажется, стриженая, не видно...
ь, Лиля, кто это? Тетка Мани Кашиной. Она говори-
одна изъ тетокъ—нигилистка... Навѣрное, она. Чего
ь разсматриваетъ? Понравился.
ю расхохоталась.
детъ... право. Въ ворота вошла,—сказала Соня, при-
бомъ къ стеклу.
ѣ, должно быть, насчетъ уроковъ...
ужь спасибо... Съ меня достаточно...

— А если цѣну настоящую дастъ? Заяви ей: три рубля въ часъ и никакихъ.

— Лиля!—строго проговорила сестра.—Когда ты бросишь твои офицерскія словечки?

Въ прихожей задребезжалъ звонокъ. Дѣвушки весело переглянулись.

— Она. Посмотримъ, что за субъектъ,—дѣловитымъ тономъ сказала Соня.

Вошла франтоватая горничная-полька и доложила на ломаномъ русскомъ языкѣ (Алексѣй Петровичъ требовалъ отъ прислуги обязательнаго знанія русскаго языка), что какая-то «пани» хочетъ ихъ видѣть.

— Скажи, сейчасъ выйдемъ. Лиля, ты въ шляпѣ, пойди къ ней. Увидитъ, ты собираешься уходить, скорѣе дѣло изложитъ... Меньше двухъ я не возьму.

— И никакихъ!—со смѣхомъ поддразнила Лиля сестру и скрылась за дверью.

VII.

Софья Николаевна вошла въ гостиную и присѣла на первый же стулъ. Ноги не держали ее. Въ головѣ вдругъ все опустѣло, не осталось ни одной мысли. Она осмотрѣлась кругомъ и въ ея ушахъ зазвучали слова толстой спутницы: «салфеточки, антимакасары, гардины, покрышечки...» Въ глазахъ рябило отъ вязаныхъ кружковъ и звѣздъ. Спинки креселъ и дивана, столъ, тумбы съ дешевыми канделябрами,—все было покрыто бѣлымъ вязаньемъ. Подъ лампой, передъ диваномъ, лежало какое-то многодѣльное «плато», абажуръ изъ шелковой матеріи былъ украшенъ бантиками и искуственными цвѣтами; на окнахъ висѣли занавѣси изъ связанныхъ полосъ и какой-то прозрачной ткани. На всемъ лежалъ отпечатокъ женской заботливости, мелкаго франтовства и мелкаго трудолюбія.

«Золотыя руки!»—вспомнила опять Софья Николаевна. Ужь до бисерныхъ кошельковъ и башмачковъ подъ часы не далеко.

Надъ диваномъ вся стѣна была увѣшана фотографіями: гимнастическія группы, вытянутыя лица, бѣлыя перелинки, искусственныя позы, застывшія выраженія.

«Найду ли я моихъ?»—подумала Софья Николаевна и подошла къ дивану.

Ей вдругъ бросился въ глаза черный креповый бантъ. Издали она не разглядѣла его. Концы банта почти совсѣмъ закрывали бле-

серьезное лицо Ловцева. Софья Никола-
. Онъ былъ снятъ въ мундирѣ и съ кре-
ней окладистой бороды, появились бакн;
ткрыли громадный лобъ; отъ носа спол-
ладки.
ить себѣ,—подумала Софья Николаев-
ѣка мнѣ никого не было когда-то».
дался сзади Софьи Николаевны молодой

ла дѣвушку въ большой черной шляпѣ,
улыбающуюся ей.
Лиля?—въ одну секунду пронеслось у
Лиля, конечно».
. не замѣтила этого.
та,—оффиціально проговорила она.—

а.
ицо было круглое, какъ рѣпка, а теперь
гой, только глазки...»
-то, но слова не вылетали изъ сжатаго

сестрѣ? Насчетъ уроковъ?—спросила

мѣсто отвѣта, вырвался какой-то стонъ.
шла къ ней и, низко склонившись надъ

хорошо? Не хотите ли воды?
ласковый голосъ Лили напомнили Софьѣ
лекое, родное, что у нея духъ захвати-
она схватила обѣ руки дочери и, цѣлуя
шептала:
нимаешь: мать... Ты, вѣдь, моя... Ли-

столбенѣлая.
Здорова? Гдѣ она?
и слова, вырвала руки и бросилась изъ

она, вбѣжавъ къ сестрѣ.
на сошла?
ъ мать пришла... Софья Николаевна

— Софья Николаевна?!—съ ужасомъ вскрикнула Соня и поблѣднѣла, какъ полотно.—Не можетъ быть!...

— Она, Соня, она!

— Зачѣмъ? Откуда?

— Не знаю... Ничего не знаю... Я убѣжала... — отвѣтила Лиля.

Она вся дрожала, какъ въ лихорадкѣ. Соня вскочила съ мѣста и заметалась по комнатѣ.

— Господи! Пріѣхала... Нашла!... Зачѣмъ?...

— Она тамъ, въ гостиной,—сказала Лиля.—Выйди къ ней, Соня.

— Ни за что!...

— Я не знаю, какъ съ ней говорить,—прошептала Лиля.

У нея горло перехватило и зубы стучали.

— Да нечего и говорить,мы не должны съ ней разговаривать... А! Явилась!... Того недоставало, Господи!...

— Ты только выйди, Соня... Ты съумѣешь ей отвѣтить... Она такая худенькая...

— Пожалуйста безъ сантиментальностей, Лиля,— строго сказала старшая сестра.— Ты очень хорошо знаешь, что это за женщина...

Она подошла къ коммоду и отсчитала себѣ въ стаканъ валеріановыхъ капель. Руки ея дрожали. Это раздражало ее.

— Мы не должны на порогъ пускать ее!... Пріѣхала! Кто приглашалъ?... Господи!... Пріѣхала!...

Соня совсѣмъ растерялась. Она ходила изъ угла въ уголъ, стараясь успокоиться, и не умѣла совладѣть съ собой.

— Ага!... Явилась!... Вотъ не ждали!... Слышали: наслаждается прекраснымъ климатомъ... И продолжала бы!... Зачѣмъ пожаловала? Только разстраивать... Жестокая! Злая! Выслать Зосю выгнать ее...

— Что ты?— съ испугомъ проговорила Лиля.

— Неужели ты можешь простить? Бѣдный папа!

— Нѣтъ, Соня... Конечно, нѣтъ... Я знаю... Она ужасная... Невозможная... Но ты выйди... Она такая блѣдная, худенькая...

— Чуть не двадцать лѣтъ знать не хотѣла... Сто разъ ужь вернуть могли... Бросила!... Собака такъ щенятъ не броситъ!... Ей только четыре года было... Хороша мать!... А папу какъ оскорбила... Имя его въ грязь втоптала... Чуть не убила измѣной... Всю жизнь ему испортила... Все изъ-за своей прихоти, изъ-за разврата...

произнесла сестра.
.. Надо называть вещи своимъ име-
бодная любовь! Честное признаніе!»...
е развратъ!...
лобно и громко произнесла послѣднее

мъ она явилась? — сказала Лиля.— Не
. Пусть бы жила попрежнему... а мы

ѣдва говорила.

она сестрѣ.
Соня... Она такая худенькая...
ожешь такъ говорить? Вспомни папу...
Въ ней ничего святого нѣтъ... Ничего,
е существуетъ... Помягче!... Я и раз-
'...
веріановыхъ капель и съ дѣловымъ ви-

ла на прежнемъ мѣстѣ; она вся похо-
къ мертвая. Уже лѣтъ двѣнадцать не
яснаго представленія той радости, ка-
и родителямъ. Это не счастье, а именно
на увидѣла Лилю, услыхала ея голосъ,
сть, какую она испытала въ Лѣтнемъ
ва деревья, а дѣти увидали ее и броси-
въ жизни вспоминала она эту сцену и
режила ее снова. Отъ этой радости у
ердце точно остановилось биться. Она
ымъ своимъ существомъ поняла, что ей
бовь, необходимо жить не для себя, не-
езъ остатка, и отдать безъ всякой награ-
сти.
она, какъ только увидала въ дверяхъ
очери, и бросилась къ ней на встрѣчу
ами.
— взволнованно, но сдержанно загово-
ъ... пожалуйста, оставьте насъ...
илась на стулъ у стѣны. Соня встала
тановилась въ дверяхъ.
ня...— начала Софья Николаевна.

— Я не могу... Мы не должны... Софья Николаевна... Отцу было бы очень тяжело знать, что вы здѣсь.

— Соня! Лиля!... Да вы только выслушайте... Выслушайте какъ друга, какъ мать вашу...

— У насъ нѣтъ матери,—стараясь быть спокойной и хладнокровной, проговорила Соня.

— Кто виноватъ? Я развѣ?

— А то кто же? Если замужняя женщина позволитъ себѣ влюбиться и ради личнаго счастья и любовныхъ наслажденій...

— Соня! — отчаяннымъ голосомъ вскрикнула Софья Николаевна.

— Дайте мнѣ кончить,— раздраженно и уже теряя самообладаніе проговорила дочь.—...И ради любовныхъ наслажденій броситъ семью, то она разъ навсегда отказывается отъ этой семьи... и не имѣетъ на нее никакихъ правъ.

— Да не о правахъ я и пришла говорить съ вами... Я ѣхала сюда, чтобы отдать вамъ всю душу, все сердце открыть передъ вами... Вы молоды... Можетъ быть, полюбите кого-нибудь... А можетъ и полюбили уже... Вы поймете... простите...

— Софья Николаевна, о какомъ пониманіи, о какомъ прощеніи можетъ быть рѣчь? Вы намъ чужая... Мы не имѣемъ ни права, ни желанія прощать васъ... И только просимъ оставить насъ въ покоѣ...

Всѣ замолчали. Стало тихо, какъ почью. Ни съ улицы, ни изъ другихъ комнатъ не доносилось ни малѣйшаго звука. Софью Николаевну придавила эта тишина, точно надъ ней опустили крышку гроба. Не было силы ни заговорить, ни встать и уйти.

Прошло нѣсколько минутъ. Всѣ точно ждали чего-то. Лилѣ, какъ дѣвушкѣ свѣтской и общительной, было немыслимо не прервать эту тишину.

— Вы сегодня пріѣхали?— спросила она мать, точно занимая гостью.

Софья Николаевна съ благодарностью взглянула на нее и сказала:

— Да, часъ тому назадъ.

— Откуда?

— Изъ Ниццы.

Чувство злобной обиды опять забилось въ сердцѣ Сони.

— Воображаю: послѣ бирюзоваго моря и ницскихъ пальмъ — и въ жидовскій городишко!... Вы дня не прожили бы здѣсь послѣ т роскоши...

ей придается значеніе?! — горячо и
олаевна.
ь, что нѣтъ?

..— съ насмѣшкой проговорила Соня.
жество именъ назвать... Все отдавали
!...
. Да и знать не желаемъ этихъ...
съ полнымъ отчаяніемъ вскрикнула

ть,—вступилась Лиля.—Могутъ услы-

ить,—сказала Соня.—Ему,—она ука-
овымъ бантомъ,—больно видѣть насъ
вѣрите въ загробную жизнь... Но поз-
больно... Уходите отъ насъ, Софья Ни-

еня!...

хочешь признать во мнѣ мать, выслу-

е хотимъ васъ слушать... Понимаете?
все болѣе и болѣе раздражаясь Соня.—
.. Не заставляйте же насъ быть гру-

ь... Видно, вамъ мало одного разу въ

затряслась. Какой-то глухой крикъ
за нимъ другой порѣзче и рыданія жа-
ь комнатѣ.
слышно прошептала Соня.
омъ отрезвило. И этотъ шепотъ, и ка-
и холодный взглядъ прищуренныхъ
очери вызвали въ головѣ Софьи Нико-
ль, когда, шестнадцать лѣтъ тому на-
ь такъ безчеловѣчно выгналъ ее.
же всѣ такія? — мелькнуло на минуту
ы.—Нѣтъ, нѣтъ... Есть и настоящія...
ъ».

рѣшительными шагами вышла изъ комнаты.

[illegible] лочьями тучи низко ползли надъ землей. Софья Николаевна вышла изъ воротъ и оглянулась кругомъ. На улицѣ не было ни души. Какая-то измокшая собака прижалась къ стѣнѣ дома Ловцевыхъ. Дождь лилъ сплошною сѣткой. Крупныя, частыя капли тяжело шлепали по размытой мостовой. Только гдѣ-то вда- [illegible] алѣла яркая полоска заката.

Ек. Лѣтнова.

», НАСЛѢДНИЦА д'ОРБЕРВИЛЕЙ *).

Романъ Томаса Гарди.

ФАЗА ПЯТАЯ.

Искупленіе.

XXXV.

азъ былъ конченъ; были сдѣланы всѣ объясненія, Голоса Тессъ почти не возвышала, не оправдывалась . Все кругомъ нихъ, казалось, измѣнялось по мѣрѣ то-вигалась ея исповѣдь. Огонь въ каминѣ будто адски нодушный къ ея бѣдамъ; чайникъ пѣлъ свою безко-ю, всѣ предметы спѣшили выказать свою полную ть ко всему происшедшему. А, между тѣмъ, ничего, не измѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ онъ цѣловалъ ее, ѣшности, но самая суть всего измѣнилась.

і кончила, то само воспоминаніе о недавнихъ ласкахъ о, только въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ ихъ души послѣдніе отголоски ихъ недавней нѣжности.

олчалъ, какъ бы не хорошо вслушиваясь въ то, что правивъ огонь, онъ выпрямился; казалось, только те-чувствовалъ ужасное значеніе ея словъ. Онъ весь ь лицѣ. Безсознательно онъ ударялъ ногой объ полъ; еланіи думать о чемъ-нибудь связно, онъ не могъ и производилъ это нетерпѣливое движеніе ногой. Когда къ, то голосъ его звучалъ какъ-то странно-спокойно:

», неужели я долженъ вѣрить этому? Судя по васъ, я ь вѣрить. Вѣдь, вы въ здравомъ умѣ, къ несчастью. его нѣтъ похожаго на сумасшествіе.

Онъ замолчалъ; смыслъ словъ его былъ таковъ: «Зачѣмъ вы не сказали мнѣ объ этомъ раньше? Ахъ, да, впрочемъ, вы хотѣли мнѣ сказать,—я самъ помѣшалъ вамъ, я помню».

Онъ говорилъ, плохо сознавая свои слова; все внутри его замерло. Онъ отвернулся, наклонился надъ стуломъ, опять выпрямился. Она пошла за нимъ въ глубь комнаты, смотря на него съ мольбой, но безъ слезъ. Вдругъ неожиданнымъ порывомъ она опустилась передъ нимъ на колѣни.

— Во имя нашей любви, прости меня!—прошептала она пересохшими губами.—Я, вѣдь, тебя простила за то же самое.

Она продолжала, видя, что онъ молчитъ:

— Прэсти меня, какъ и я тебя простила. Вѣдь, я тебя простила, Энджель.

— Да, вы, вы-то меня простили.

— А ты меня нѣтъ?

— Тутъ дѣло не въ прощеніи. Вы были раньше одна, теперь стали другой. Какое тутъ прощеніе при такомъ невѣроятномъ обманѣ?

Онъ остановился, затѣмъ вдругъ разразился ужаснымъ смѣхомъ, какимъ-то неестественно-дикимъ, адскимъ.

— Перестань, перестань! Это меня убиваетъ!— пронзительно вскрикнула она.—Сжалься, сжалься надо мной!

Онъ не отвѣчалъ. Тогда она вскочила съ колѣнъ, блѣдная, какъ смерть.

— Энджель, Энджель, что это значитъ?—воскликнула она.—Знаешь ли ты, каково мнѣ это?

Онъ въ глубокой задумчивости покачалъ головой.

— Я надѣялась, молилась; я жаждала сдѣлать васъ счастливымъ. Я мечтала о томъ, какая радость была бы мнѣ это, какою недостойною женой я была бы, если бы не составила ваше счастье. Вотъ каковы были мои чувства, Энджель.

— Я знаю.

— Я думала, Энджель, что вы любите меня, меня самоё. Если это такъ, то какъ вы можете такъ смотрѣть на меня и говорить со мной? Меня пугаетъ это. Разъ я васъ полюбила, я полюбила навѣ[illegible], какъ бы вы ни измѣнились, какъ бы ни стояли низко, потом что вы были бы все тѣмъ же для меня. Для меня больше ничег не нужно. Такъ какъ же можете вы перестать любить меня, мой супругъ?

— Я повторяю, та женщина, которую я любилъ, были не вы.

— А кто же?

енщина въ вашемъ образѣ.
вдались ея прежнія неясныя предчувствія. Онъ
, какъ на обманщицу, какъ на падшую женщину,
емой имъ на ея мѣстѣ чистой дѣвушки. Ее объ-
изившійся на ея блѣдномъ лицѣ. Его ужасное мнѣ-
іоразило ее, что она зашаталась, и онъ сдѣлалъ
умая, что она сейчасъ упадетъ.
ядьте, — сказалъ онъ съ состраданіемъ.—Вамъ
іонятно.
сознавая, гдѣ она находится; взоръ ея блуждалъ.
ъ тронуло бы всякаго.
уже не ваша, не такъ ли, Энджель? — с

ъ призракъ заставилъ ее пожалѣть себя, как
га; ея глаза наполнились слезами и, отверну
слезами сожалѣнія къ себѣ самой.
ъ почувствовалъ облегченіе при видѣ ея сле
ожалѣніе къ ней какъ бы уменьшило его со
ерпѣливо, апатично ждалъ, пока успокоил
ія и потокъ слезъ замѣнился рѣдкими вс

—сказала она вдругъ обыкновеннымъ голос
енный, рѣзкій тонъ, которымъ она говорила
Энджель, я слишкомъ дурная, мы не буде

у теперь ни о чемъ думать.
у просить, чтобы вы мнѣ позволили жить с
гѣю на то права и не напишу о нашей сва
амъ, какъ обѣщала, я не буду кончать раб
і квартиры.
в?
ничего не буду дѣлать, кромѣ того, что
вы уѣдете отъ меня, я не послѣдую за вами
е не будете говорить со мною, я не буду
этого, пока вы сами не разрѣшите гово

вамъ прикажу исполнить что-нибудь?
овиноваться вамъ какъ рабыня, даже если
и умереть.
кновенно добры. Меня поражаетъ несоот

между вашимъ теперешнимъ стремленіемъ къ самопожертвованію и прежнимъ инстинктомъ самосохраненія.

Но обращаться теперь къ Тессъ съ изощренными сарказмами было все равно, какъ обращаться съ ними къ животному. Она совершенно не оцѣнила ихъ утонченности; она слышала только какіе-то враждебные звуки отъ разгнѣваннаго господина. Она продолжала молчать, не зная, что онъ отчаянно старался побороть въ себѣ любовь къ ней. Она не видѣла, какъ крупная слеза медленно катилась по его щекѣ. Но внезапно сознаніе о томъ ужасномъ и совершенномъ переворотѣ, который дѣлала въ его жизни ея исповѣдь, вернулось къ нему и онъ всѣми силами старался рѣшиться на что-нибудь. Нужно было что-нибудь сдѣлать, но что именно?

— Тессъ,—сказалъ онъ насколько могъ ласково,—я не могу оставаться долѣе въ одной комнатѣ съ вами, я пройдусь немного.

Онъ спокойно вышелъ изъ комнаты, а на столѣ остались нетронутыми два стакана вина, налитые имъ для ужина—одинъ для нея, другой для себя. Вотъ какъ кончилась ихъ «вечеря любви».

За чаемъ, нѣсколько часовъ тому назадъ, они, полные любви, пили изъ одной чашки.

Шумъ затворяемой двери, хотя и очень тихій, вывелъ Тессъ изъ ея оцѣпенѣнія. Онъ ушелъ—она тоже не можетъ оставаться здѣсь. Наскоро набросивъ на себя пальто, она отворила дверь и пошла за нимъ, потушивъ свѣчи, какъ будто рѣшила не возвращаться болѣе назадъ. Дождь пересталъ, и ночь была свѣтлая. Она скоро догнала его, такъ какъ Клэръ прохаживался медленно. Его фигура рядомъ съ ея маленькою сѣрою фигуркой казалась черной, мрачной и ужасной; она даже забыла снять драгоцѣнности, которыми такъ горда была она на нѣсколько мгновеній. Клэръ обернулся, услыхавъ ея шаги, но, казалось, остался равнодушнымъ къ ея присутствію и продолжалъ ходить взадъ и впередъ по мосту передъ домомъ. Слѣды лошадиныхъ копытъ на дорогѣ были полны водой. Въ этихъ лужицахъ отражались спокойныя звѣзды; она не замѣтила бы, что онѣ сіяютъ надъ ней, если бы не увидала ихъ подъ собой,—величайшее въ мірѣ отражалось въ жалкой лужѣ.

Мѣсто, куда они пріѣхали сегодня, лежало въ той же долинѣ, ка ь и Тальботъ, но на нѣсколько миль внизъ по рѣкѣ. Далѣ дорога шла по лугамъ, и Тессъ все слѣдовала за Клэромъ, не дѣ ая даже попытки идти рядомъ съ нимъ или обратить на себя ег вниманіе, но съ какою-то тупою и безсмысленною покорностью.

Наконецъ, она подошла совсѣмъ близко къ нему, и, тѣмъ не ме е, онъ ничего не говорилъ ей. Человѣкъ бываетъ часто жестокъ,

узнаетъ, что былъ обманутъ, и Клэръ чувствовалъ въ только одинъ безпощадный гнѣвъ. Свѣжій воздухъ нѣ- успокоилъ его; она знала, что у него нѣтъ болѣе иллюзій тельно нея,—онъ видитъ всю ея порочность. Онъ продол- осредоточенно думать, и его подруга была безсильна прер- ить его мыслей или отвлечь его. Какъ мало значило для него ея присутствіе! Наконецъ, она не выдержала:

Что я тебѣ сдѣлала, что? Я ничего не сдѣлала такого, что ньшало мою любовь къ тебѣ. Ты не можешь сомнѣваться въ ы, вѣдь, не думаешь, что я подстроила все это? Не за что ердиться на меня, Энджель, я все та же. Я вовсе не та лжи- ищина, за которую ты меня считаешь.

Гм... хорошо! Не лживая, но все же другая... да, другая. Но авляйте меня упрекать васъ. Я поклялся, что не буду дѣ- того, и всячески стараюсь сдержать себя.

она все шла, произнося несвязныя оправданія, и говорила такого, о чемъ лучше было бы молчать.

Энджель, Энджель! Вѣдь, я была ребенкомъ, ребенкомъ, ког- случилось! Я совсѣмъ не знала мужчинъ!

Да, я согласенъ, что вы здѣсь были жертвой.

Такъ прощаете ли вы меня?

Я васъ прощаю. Но что же въ этомъ прощеніи?

И любите меня?

этотъ вопросъ онъ не далъ отвѣта.

О, Энджель! Моя мать говоритъ, что такіе случаи бываютъ . Она знаетъ женщинъ еще хуже меня, а мужья продолжали ихъ и прощали имъ. А можетъ ли какая-нибудь женщина такъ, какъ я васъ люблю?

Перестаньте, Тессъ, перестаньте. Различные классы обще- азличные и нравы. Вы простая крестьянка и не можете по- се различіе нашихъ взглядовъ. Вы сами не знаете, что го-

Я крестьянка только по положенію, но не по происхожденію.

Тѣмъ хуже для васъ. Мнѣ кажется, что пасторъ, разыскав- какихъ-то старыхъ документахъ вашу родословную, сдѣ- ы гораздо лучше, еслибъ удержалъ свой языкъ. Вырожденіе рода отразилось на вашей нравственности и на всемъ пове- – это общій законъ. Боже! зачѣмъ вы заставили меня еще презирать васъ, сказавъ мнѣ о своемъ происхожденіи? Я ду- айти невинное дитя природы, а вы — чахлый отпрыскъ вы- ейся аристократіи.

— Многія семьи таковы же! Предки Ретти были когда-то богатыми землевладѣльцами; также и фермеръ Биллетъ. Деббигоузы, извощики, были нѣкогда Де-Байе. Такихъ, какъ я, много здѣсь. Это особенность нашего графства: я тутъ не виновата.

— Тѣмъ хуже для графства.

Она не понимала всей язвительности его упрековъ. Онъ не любилъ ее болѣе такъ, какъ раньше,—ко всему остальному она была совершенно равнодушна.

Они молча шли рядомъ. Впослѣдствіи одинъ крестьянинъ изъ Вельбриджа разсказывалъ, что, когда онъ поздно ночью ѣхалъ въ городъ за докторомъ, то на дорогѣ встрѣтилъ двухъ влюбленныхъ, гулявшихъ медленно и молча по лугамъ, одинъ за другимъ, какъ будто на похоронной процессіи, и ему показалось, что у нихъ на лицахъ были написаны печаль и забота. Возвращаясь позднѣе, онъ ихъ опять встрѣтилъ на тѣхъ же лугахъ, такъ же медленно подвигавшихся, не заботясь о времени и о ночномъ холодѣ. Только въ виду озабоченности о своемъ больномъ, онъ не обратилъ особеннаго вниманія на эту удивительную встрѣчу, но онъ вспомнилъ о ней уже долго спустя.

Пока крестьянинъ ѣздилъ за докторомъ, она сказала мужу:

— Я не знаю, что мнѣ сдѣлать, чтобы не причинять вамъ непріятностей въ жизни. Внизу рѣка. Я могу покончить съ собой, я не боюсь.

— Я вовсе не хочу прибавить убійства ко всѣмъ другимъ безумствамъ,—отвѣчалъ онъ.

— Я могу оставить что-нибудь на берегу, чтобы видѣли, что я сдѣлала это сама, боясь позора. Никто не будетъ васъ тогда порицать.

— Не говорите этого, я не хочу слушать. Нелѣпо думать о такихъ вещахъ. Вы совсѣмъ не понимаете, что мое положеніе не столько трагично, сколько смѣшно. Я послужилъ бы посмѣшищемъ для большинства. Вы бы сдѣлали мнѣ большое удовольстіе, если бы вернулись домой и легли спать.

— Сейчасъ,—сказала она послушно.

Они все время бродили кругомъ по дорогѣ, шедшей къ хорошо
вѣстнымъ руинамъ Цистеріанскаго аббатства около мельницы,
горая нѣсколько столѣтій тому назадъ составляла часть мона-
ырскихъ зданій. Мельница продолжала работать, такъ какъ ѣда
обходима во всѣ вѣка; аббатство же было упразднено, такъ какъ
ра преходяща. Нерѣдко замѣчали, что служить земнымъ дѣламъ
зывалось гораздо надежнѣе, чѣмъ вѣчнымъ, небеснымъ. Такъ

ія ходили кругомъ, то были недалеко отъ дома, и
до него, надо было, подвигаясь по его направле-
зъ каменный мостъ и пройти по дорогѣ около ста
ись домой, она все нашла въ томъ же положеніи,
ла, даже огонь еще теплился. Внизу она недолго
пла наверхъ въ ихъ комнату, куда отнесли вещи.
постели, безсознательно осматриваясь, и начала

на бѣлый канифасный пологъ надъ кроватью; по-
ю: она всмотрѣлась—это была вѣтвь омелы. Это
, ее—она сейчасъ догадалась. Такъ вотъ что было
еномъ сверткѣ, который онъ такъ старательно
ъ ни за что не хотѣлъ ей сказать, что въ немъ;
жетъ ей, говорилъ онъ. Полный бодрости и ве-
лъ омелу здѣсь. Какъ странно и неумѣстно каза-

ю болѣе опасаться, почти не на что надѣяться—
ы; чтобы онъ смягчился. Она съ грустью легла.
уется настроеніемъ, когда горе особенно остро;
счастья сонъ бѣжитъ отъ глазъ. Теперь же оди-
гро потеряла представленіе объ окружающемъ и
ная благовоннымъ безмолвіемъ комнаты, которая,
а нѣкогда брачнымъ покоемъ ея предковъ.

Клэръ вернулся домой. Осторожно взойдя въ го-
ъ свѣчу и, съ видомъ человѣка, обдуманно дѣй-
алъ одѣяло на старый волосяной диванъ, стоявшій
изъ него нѣчто похожее на постель. Затѣмъ онъ,
крался наверхъ и сталъ слушать у двери ея ком-
ѣрное дыханіе указывало на то, что она крѣпко

у!—прошепталъ Клэръ; но къ этому примѣшива-
чи: мелькнула мысль, что, передавъ ему тя-
ее, она теперь спала беззаботно.
ся, чтобы уходить, но остановился въ нерѣши-
лъ вернуться назадъ. При этомъ движеніи ему
портретъ одной изъ дамъ д'Орбервиль, который
надъ дверью въ комнату Тессъ. При свѣчкѣ кар-
отталкивающее впечатлѣніе. На чертахъ портрета
й-то затаенный мрачный замыселъ, желаніе ото-
ь,—такъ ему показалось. У портрета лифъ былъ
акъ у Тессъ, когда онъ примѣрялъ на нее оже-

релье. Опять его непріятно поразило ихъ сходство. Этого ничтожнаго обстоятельства было достаточно.

Онъ рѣшительно повернулся и сошелъ внизъ.

По наружности онъ оставался спокоенъ и холоденъ; его небольшой сжатый ротъ показывалъ на его самообладаніе, на лицѣ осталось все то же ужасное, сухое выраженіе, какъ и во время ея разсказа. Это было лицо человѣка, который не былъ болѣе рабомъ страсти, но и не радовался своей свободѣ. Онъ, какъ посторонній зритель, размышлялъ, какъ все непрочно на свѣтѣ и какъ все можетъ сразу измѣниться. Никто не казался ему такою чистою, нѣжною, дѣвственною, какъ Тессъ, но «пустякъ—и все перемѣнилось». Ему казалось теперь, что ея лицо обмануло его. Какъ могли ея глаза смотрѣть такъ прямо и честно, когда въ душѣ ея скрывался такой міръ лжи и обмана? Онъ легъ на диванъ и потушилъ огонь. Ночь воцарилась здѣсь равнодушная и безучастная. Она пришла и поглотила его счастье и теперь наслаждалась своею властью, и готова была еще уничтожить счастье тысячи другихъ людей съ такимъ же равнодушіемъ.

XXXVI.

Энджель проснулся при сумрачномъ и робкомъ свѣтѣ зари. Онъ видѣлъ передъ собой каминъ съ холоднымъ пепломъ; разложенный для ужина столъ, на которомъ стояли два нетронутые стакана вина; вотъ его стулъ, вотъ ея; дальше вся остальная мебель, хранившая все тотъ же видъ, говорившій: мы ни въ чемъ не можемъ помочь здѣсь, но что вы намѣрены предпринять? Сверху не доносилось ни звука; черезъ нѣсколько минутъ послышался стукъ въ дверь. Онъ вспомнилъ, что должна придти женщина, которая была нанята служить имъ во время ихъ пребыванія на фермѣ. Присутствіе третьяго лица въ домѣ крайне неудобно теперь, а потому онъ, уже одѣтый, открылъ окно и сказалъ ей, что они утромъ обойдутся безъ ея помощи.

У нея былъ въ рукахъ кувшинъ молока, который онъ велѣлъ ей поставить у двери. Когда она ушла, онъ принялся искать въ сараѣ топлива и поспѣшно развелъ огонь. Въ кладовой онъ нашелъ много яицъ, масла, хлѣбъ, такъ что Клэръ, освоившійся съ хозяйствомъ на фермѣ, гдѣ жилъ раньше, безъ труда приготовилъ завтракъ. Дымъ повалилъ изъ каминной трубы, а мѣстные жители, проходившіе мимо, завидовали счастью новобрачныхъ.

Энджель, бросивъ на все бѣглый взоръ, пошелъ къ лѣстницѣ и сказалъ звучнымъ голосомъ:

— Завтракъ готовъ.

Онъ открылъ входную дверь и прошелся немного. Затѣмъ, че-
нѣсколько времени онъ вернулся въ домъ и увидѣлъ, что Тессъ
сидитъ за столомъ, машинально передвигая и приводя въ по-
къ тарелки и все стоявшее на столѣ. Она была совсѣмъ одѣта
вероятно, была готова еще раньше того, какъ онъ позвалъ ее,
му что съ тѣхъ поръ прошло всего двѣ-три минуты. Ея волосы
скручены въ одинъ большой узелъ на затылкѣ; на ней было
го одно изъ ея новыхъ платьевъ: блѣдно-голубое шерстяное съ
евнымъ воротникомъ. Судя по лицу и рукамъ, ей было холод-
вѣроятно, она долго просидѣла одѣтая въ спальнѣ безъ огня.
овый тонъ Клэра, когда онъ позвалъ ее, внушилъ ей минут-
проблескъ надежды, но онъ опять погасъ при взглядѣ на него.
Они представляли изъ себя только тѣни тѣхъ людей, которыми
раньше. Пламя угасло, остался лишь пепелъ. Унынiе засту-
мѣсто вчерашней вспышки горя. Казалось, чувство умерло въ

Онъ вѣжливо говорилъ съ ней и она такъ же отвѣчала ему. Нако-
, она подошла къ нему, пристально смотря ему въ лицо.

— Энджель!—сказала она и остановилась, коснувшись его,
будто не вѣря, что передъ ней сидитъ живой человѣкъ, когда-
юбившiй ее. Ея глаза были широко раскрыты, на блѣдныхъ
хъ остались слѣды не высохшихъ слезъ; обыкновенно крас-
губы были блѣдны. Хотя жизнь и билась еще въ ней, согнув-
я подъ тяжестью горя, но билась такъ прерывисто, что еще
ь толчокъ—и она замретъ. Она могла дѣйствительно заболѣть
этого горя: ея чудные глаза потускнѣютъ, ея щеки ввалятся.
Она казалась въ эту минуту дѣвственно-чистой. Весь ея видъ
лъ такой отпечатокъ невинности, что Клэръ невольно съ удив
емъ посмотрѣлъ на нее.

— Тессъ, скажите, что это не правда, не правда!

— Нѣтъ, это правда.

— Каждое слово?

— Каждое слово.

Онъ умоляюще смотрѣлъ на нее; казалось, онъ охотно приня
изъ ея устъ завѣдомую ложь и путемъ софизмовъ сталъ бы
ать за непреложную истину. Тѣмъ не менѣе, она повторила:

— Это правда.

— Онъ живъ?—спросилъ Энджель.

— Ребенокъ умеръ.

— А онъ?

— Живъ.

Отчаяніе отразилось на лицѣ Клэра.

— Онъ въ Англіи?

— Да.

Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ.

— Мое положеніе вотъ каково,—сказалъ онъ неожиданно:—я думалъ такъ и всякій на мѣстѣ моемъ думалъ бы, что, отказавшись отъ честолюбивыхъ замысловъ имѣть жену съ хорошимъ общественнымъ положеніемъ, богатую, свѣтскую, я найду натуру простую, не знающую фальши, но я не такой человѣкъ, чтобы упрекать васъ,—я замолчу.

Тессъ вполнѣ поняла его; ей не нужно было никакихъ дальнѣйшихъ словъ. Все несчастье заключалось въ томъ, что онъ не зналъ теперь, за что ухватиться.

— Энджель, я никогда не допустила бы, чтобы дѣло дошло до свадьбы, если бы не знала, что у васъ всегда останется выходъ; хотя я надѣялась, что вы никогда...

Ея голосъ дрогнулъ.

— Какой выходъ?

— Чтобы освободиться отъ меня. Вы можете это сдѣлать.

— Какъ же?

— Разведясь со мной.

— Боже! Какъ вы можете быть такъ просты! Какъ же я могу развестись съ вами?

— Развѣ вы не можете послѣ того, что я вамъ разсказала? Я думала, что у васъ есть право на это.

— О, Тессъ, вы ребенокъ, ничего не смыслящій. Я не понимаю, что̀ вы такое. Вы не знаете законовъ и сами не понимаете смысла вашихъ словъ.

— Какъ, вы не можете?

— Да, никакъ не могу.

— А я думала...—прошептала она.—Ахъ, теперь я вижу, какою дурной я кажусь вамъ. Повѣрьте мнѣ, мистеръ Клэръ, клянусь жизнью, я всегда думала, что разводъ со мной возможенъ! Хотя я ч надѣялась, что вы не прибѣгнете къ нему, но я все же была .вердо убѣждена, что вы могли бросить меня, если бы рѣшили сдѣлать такъ и если бы нисколько меня... меня не любили.

— Вы ошиблись,—холодно сказалъ онъ.

— Ахъ, тогда я должна была бы исполнить то, что хотѣла рошлою ночью. Но у меня не хватило мужества,—это такъ на меня охоже.

для чего?
ла. Тогда онъ взялъ ее за руку.
тѣли сдѣлать?—спросилъ онъ.
съ собой.

ь его инквизиторскаго допроса.
ю,—отвѣчала она.

ой.
Богъ мой?—сурово спросилъ онъ.
кажу, только не сердитесь,—вздрогнувъ сказала
тъ чемодана. Но я не могла, я боялась, что это
для вашего имени.
признаніе, насильно вырванное у нея, глубоко по-
все держалъ ее и, опустивъ глаза въ землю, про-

ь слушайте. Если вы не хотите пасть еще ниже
ь, вы должны обѣщать мнѣ, что не будете болѣе
къ попытокъ.
обѣщать. Я теперь вижу, какъ это было дурно.
ого мало. Меня безконечно возмущаетъ такой по-

ль,—продолжала она, широко раскрытыми глаза-
о,—вѣдь, я подумала объ этомъ исключительно
сдѣлать васъ свободнымъ и избѣжать скандала
себя мнѣ и во снѣ не пригрезилось бы это. Хотя
и жизни, отъ своей руки умереть, было бы слиш-
меня. Вы, мой бывшій, обманутый супругъ, вы
нанести ударъ. Мнѣ кажется, я любила бы васъ
это возможно, если бы вы рѣшились на это, разъ
о способа избавиться отъ меня. Вѣдь, я такая не-
стою вамъ на дорогѣ!
те!
ы не хотите, я замолчу. Мои желанія во всемъ со-
і.
о это такъ и было. Со времени отчаяннаго намѣре-
собой она ничего не предпринимала болѣе и мож-
ося съ ея стороны никакого рѣшительнаго шага.
обираніемъ посуды и приготовленіями къ завтра-
ли оба по одну сторону стола, чтобы ихъ взгляды
Сначала имъ было странно видѣть себя за ѣдой и

питьемъ, но этого нельзя было избѣжать; и съ той, и съ другой стороны было мало желанія ѣсть. Послѣ завтрака онъ всталъ и, сказавъ ей, въ которомъ часу ждать его къ обѣду, пошелъ къ мельницѣ, машинально приводя въ исполненіе планъ, ради котораго собственно онъ былъ здѣсь.

Когда онъ ушелъ, Тессъ стояла у окна и видѣла, какъ онъ перешелъ большой каменный мостъ, ведшій къ землѣ около мельницы. Онъ спустился съ него, перешагнулъ черезъ рельсы и скрылся изъ вида.

Вскорѣ пришла поденщица. Ея присутствіе было сначала непріятно для Тессъ, но потомъ даже послужило облегченіемъ. Въ половинѣ перваго она оставила свою помощницу въ кухнѣ и, вернувшись въ переднюю комнату, стала ждать появленія Энджеля за мостомъ.

Около часа онъ показался вдали. Ея лицо вспыхнуло, хотя онъ былъ еще за четверть мили. Она побѣжала въ кухню распоряжаться, чтобы обѣдъ былъ поданъ къ тому времени, какъ онъ войдетъ. Онъ вошелъ сначала въ комнату, гдѣ они въ день пріѣзда мыли руки, а когда вошелъ въ столовую, то, какъ бы по мановенію его руки, съ суповой чашки была снята крышка.

— Какъ аккуратно!—сказалъ онъ.

— Да. Я видѣла, какъ вы шли черезъ мостъ,—сказала она.

Обѣдъ прошелъ въ пустыхъ разговорахъ о томъ, что онъ дѣлалъ сегодня утромъ на мельницѣ; онъ сказалъ ей, что работы производились тамъ по очень старой системѣ, которая едва ли могла дать ему понятіе о новыхъ испытанныхъ системахъ. Потомъ онъ вскорѣ опять ушелъ и вернулся, когда стемнѣло, все же остальное время занимался своими бумагами. Она, боясь, что мѣшаетъ ему, ушла въ кухню и болѣе часа занималась разною уборкой.

Въ дверяхъ показалась фигура Клэра.

— Вы не должны такъ много работать,—сказалъ онъ.—Вы не служанка, вы—моя жена.

Она не подняла глазъ, но вся просіяла.

— Я могу себя считать ею?—прошептала она съ горькою усмешкой.—Вы хотите сказать—по имени? Да, впрочемъ, мнѣ больше и не нужно ничего.

— Вы можете считать себя моею женой, вы — жена моя. Что вы хотѣли сказать?

— Я не знаю, — быстро проговорила она со слезами на глазахъ.—Я думала, что такъ какъ я недостойна уваженія... Я, вѣдь,

не стою васъ, что не хочу выходить за васъ,

отвернулась отъ него. Всякій другой на мѣ-
гчился бы, видя это. Но, несмотря на всю
вость Клэра, въ глубинѣ его души таилась
ть, подчинявшаяся только логическимъ дово-
глинѣ встрѣчается желѣзная руда, о которую
в можетъ проникнуть глубже. Этотъ свой-
ескій анализъ положилъ преграду между ре-
очно также отдалилъ его отъ Тессъ. Его лю-
грасть, а идеализація чувства, а разъ онъ
цинѣ, онъ оставлялъ ее. Въ этомъ онъ пред-
тѣми впечатлительными натурами, которыя
себѣ любовь, несмотря на презрѣніе къ лю-
подождалъ, пока ея рыданія смолкли.
ы добрая половина женщинъ въ Англіи были
какъ вы,—сказалъ онъ съ внезапнымъ при-
ъ женщинамъ вообще.—Тутъ вопросъ не въ
инципѣ.
говорить въ такомъ духѣ, увлекаемый пото-
рое такъ часто овладѣваетъ честными людь-
что были обмануты наружнымъ видомъ ве-
гими словами чувствовалась любовь къ ней;
цина съумѣла бы воспользоваться этимъ и
Тессъ и не думала объ этомъ: она все прини-
и не смѣла возражать. Ея поклоненіе ему
; несмотря на всѣ его упреки, она все тер-
въ голову не приходило, что онъ былъ же-

шелъ совершенно такъ же, какъ и предъ-
разъ Тессъ, такъ просто и довѣрчиво отно-
нему, попыталась сдѣлать шагъ къ сближе-
нъ всталъ изъ-за стола и снова собирался

ь ей:

гѣмъ же и протянула губы. Но онъ не обра-
л, быстро отвернувшись, сказалъ:
й, какъ всегда.
какъ будто отъ полученнаго удара. Бы-
въ ея воли старался поцѣловать ея губки,

часто говаривалъ, что ея ротикъ и дыханіе пропитаны запахомъ масла, яицъ, молока, меда,—всего, около чего она жила, что онъ можетъ насытиться ея поцѣлуями и тому подобныя шутки. Теперь же онъ не хочетъ. Онъ замѣтилъ, какъ она вздрогнула, и сказалъ ей ласково:

— Вы знаете, мнѣ нужно подумать объ отъѣздѣ. Намъ необходимо было остаться вмѣстѣ нѣсколько времени, чтобъ избѣжать скандала отъ немедленнаго отъѣзда. Но это нужно было только для соблюденія приличій.

— Да,—сказала Тессъ безучастно.

Онъ вышелъ и по дорогѣ на мельницу не разъ останавливался, раскаиваясь временами, зачѣмъ онъ не отвѣтилъ ей ласковѣе и не поцѣловалъ ее хотя разъ на прощаніе.

Такъ они продолжали жить нѣсколько дней, правда, въ одномъ домѣ, но болѣе далекіе другъ отъ друга, чѣмъ когда не были женаты. Она ясно видѣла, что онъ живетъ, не будучи въ состояніи заниматься чѣмъ-нибудь, а все стараясь обдумать планъ дѣйствій. Для нея было страшнымъ ударомъ увидѣть, что онъ такъ непреклоненъ, хотя по виду кажется уступчивымъ. Прощенія она болѣе не ждала. Нѣсколько разъ она задумывала уйти во время его отсутствія, но боялась, что это нисколько не облегчитъ его положенія, а только еще болѣе запутаетъ и ухудшитъ его, если всѣ узнаютъ объ ея исчезновеніи.

Между тѣмъ, Клэръ все думалъ и чуть не заболѣлъ отъ напряженія,—его заѣла, замучила одна дума, убила въ немъ всѣ другіе жизненные органы. Онъ все ходилъ и говорилъ самъ съ собой: что дѣлать? что надо дѣлать? По счастью, она услыхала это. Его слова помогли ей заговорить о будущемъ, котораго они какъ бы боялись касаться.

— Я думаю, вы не будете долго жить со мною, Энджель?— спросила она.

Опущенные углы рта показывали, какого труда стоило ей удержать на своемъ лицѣ выраженіе спокойствія.

— Я не могу поступить иначе, — сказалъ онъ, — а то буду презирать себя, а еще хуже—васъ. Я хочу сказать, что не могу жить съ вами въ обыкновенномъ значеніи этого слова. Пока, каковы бы ни были мои чувства, я васъ не презираю. Разъ я уже началъ говорить, Тессъ, дайте мнѣ высказаться вполнѣ, а то вы не поймете всей затруднительности моего положенія. Какъ можемъ мы жить вмѣстѣ, пока тотъ человѣкъ живъ? Я вамъ предоставляю это рѣшить. Оставьте въ сторонѣ себя и меня, мои и ваши чувства. Не

рудненіе; тутъ надо принять въ соображеніе буду-
ествъ, не наше. Подумайте, что пройдутъ годы, у
и, и прошлое станетъ всѣмъ извѣстнымъ, потому
ется скрытымъ. Нѣтъ такого отдаленнаго уголка
е приходятъ люди изъ другихъ мѣстъ. Подумайте
ашихъ дѣтяхъ, которыя будутъ рости подъ гнетомъ
; чѣмъ старше они будутъ становиться, тѣмъ тя-
ь выносить это. Что за жизнь для нихъ! Что за
жете ли вы сказать мнѣ по чести «останься», если
такую перспективу? Не лучше ли терпѣливо не-
щее несчастіе, чѣмъ увеличивать его еще новыми

е могу сказать вамъ «останься»,—отвѣчала она.—
да не вдумывалась въ будущее.
я способность—вѣчно надѣяться—все не покида-
ставилась несбыточная картина семейной жизни,
емъ времени, даже вопреки ея разсудку, побѣдить
ъ этой хотя нелогичной мечтѣ была доля вѣроя-
настоящая женщина, инстинктивно чувствовала,
ается въ ежедневной близости. Еслибъ это ей не
, все напрасно. Напрасны были бы всѣ стратеги-
но она надѣялась на постепенное сближеніе. Онъ
ткрылъ передъ ней новый горизонтъ. Она дѣй-
да не заглядывала такъ далеко. Его живо нарисо-
какъ дѣти будутъ презирать ее, заставило ее,
ую, принять убійственное для нея рѣшеніе. По
нала она, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ есть нѣчто
жизни, это—вовсе не жить. Подобно всѣмъ, кто
ъ жизни, она видѣла въ словахъ Сюлли Прюдома:
жизнь»,—смертный приговоръ для своихъ дѣтей.
ъ поръ была такъ поглощена своимъ личнымъ
эру, что ей ни разу не приходило въ голову, что
ь пятномъ, быть можетъ, на ихъ дѣтяхъ.
ве, она не могла ничего возразить ему. Въ головѣ
то бываетъ, что первый человѣкъ склоненъ оспари-
ія,—возникло возраженіе, котораго онъ самъ испу-
ое возраженіе могло и у нея возникнуть,—думалъ
казать: «На какомъ-нибудь австралійскомъ плоско-
асской равнинѣ кому будетъ дѣло до моихъ несча-
упрекать меня въ нихъ?» Но, какъ и большинство
шила поступить такъ, какъ ей подсказывало ея

чувство. Она была, быть можетъ, права. Женское сердце можетъ чувствовать не только свое горе, но и горе мужа; если бы даже никто и не обратился къ ней или къ нему съ какими-нибудь упреками, то его подозрительный умъ могъ бы самъ изобрѣсти ихъ.

Насталъ третій день ихъ отчужденія другъ отъ друга.

Любовь Клэра была слишкомъ идеальна, слишкомъ непримѣнима къ жизни. Для такихъ натуръ присутствіе любимаго существа можетъ даже уменьшить любовь, тогда какъ отсутствіе усиливаетъ ее, заставляя забывать ихъ недостатки.

Она увидала, что ея присутствіе не оказываетъ на него того смягчающаго дѣйствія, какъ она ожидала. Его аллегорическія слова оказывались справедливыми: она была не та женщина, которую онъ желалъ имѣть.

— Я обдумала то, что вы мнѣ сказали,—сказала она ему, водя мизинцемъ по скатерти; ея другая рука съ кольцомъ—горькая иронія!—поддерживала ея голову.—Все это совершенно вѣрно; такъ и должно быть. Вы должны уѣхать отъ меня.

— Что же вы намѣрены дѣлать?

— Я уѣду домой.

Клэръ не подумалъ объ этомъ.

— Вы увѣрены, что можете уѣхать домой?—спросилъ онъ.

— Да, вполнѣ увѣрена. Мы, вѣдь, хотѣли ѣхать путешествовать,—ну, такъ пускай всѣ думаютъ, что мы уже окончили нашу поѣздку. Вы какъ-то сказали, что я въ состояніи заставить человѣка измѣнить твердо принятое рѣшеніе; если я буду постоянно находиться передъ вашими глазами, то, пожалуй, вы измѣните ваши планы наперекоръ вашему разсудку и желанію, а потомъ ваше раскаяніе и мое огорченіе будутъ ужасны.

— А вамъ хотѣлось бы ѣхать домой?—спросилъ онъ.

— Я хочу оставить васъ и уѣхать домой.

— Ну, пускай такъ и будетъ.

Она не поднимала на него глазъ. Она почувствовала, какъ трудно ей будетъ исполнить это намѣреніе.

— Я боялась всегда, что дѣло кончится этимъ,—произнесла она, безцѣльно смотря въ пространство.—Я не жалуюсь, Энджель. Такъ будетъ лучше. Ваши слова вполнѣ убѣдили меня. И даже если бы никто не сталъ порицать меня, останься я съ вами, то, быть можетъ, вы сами много лѣтъ спустя, разсердившись на меня за что-нибудь, упрекнете меня въ этомъ, и мои дѣти могутъ услыхать это. О, это убило бы меня тогда! Я уѣду завтра.

— И я не останусь здѣсь. Хотя я не хотѣлъ первый предла-

гать вамъ уѣхать, но думаю, что это будетъ лучше всего,—на время, по крайней мѣрѣ, пока я не соображу, какъ дальше поступать. Тогда я напишу вамъ.

Тессъ бросила взглядъ на своего супруга. Онъ былъ блѣденъ, почти дрожалъ. Но, какъ и раньше, она была поражена непреклонною рѣшимостью того, кто былъ ея мужемъ, желѣзною его волей, которая могла побороть какъ сильное, такъ и слабое душевное движеніе; у него умъ господствовалъ надъ тѣломъ; ради принципа онъ готовъ былъ пожертвовать всѣмъ: чувствомъ, привязанностями, привычками,—все покорялъ онъ разсудку.

Онъ, вѣроятно, замѣтилъ ея взглядъ и сказалъ:

— Я мягче отношусь къ людямъ, когда далеко отъ нихъ.—Затѣмъ онъ прибавилъ:—Богъ знаетъ, быть можетъ, насъ потянетъ снова другъ къ другу послѣ разлуки; со многими такъ бываетъ въ жизни.

Въ тотъ же день они, каждый у себя, принялись укладываться. Оба чувствовали, что всѣ ихъ мысли полны тѣмъ, что они завтра разстанутся, быть можетъ, навсегда. Разлука казалась для нихъ мучительна. Оба они знали, что любовь, которую они чувствовали другъ къ другу, еще увеличится въ первые дни разлуки, а затѣмъ постепенно сила ея ослабнетъ. Онъ будетъ себя считать еще болѣе правымъ и не захочетъ принять ее, какъ свою жену. Тѣмъ болѣе, что когда люди разстаются, покидаютъ общій семейный очагъ, то незамѣтно между ними становятся преградой новыя событія, новый міръ воззрѣній, и старые планы забываются.

XXXVII.

Полночь прошла спокойно; ничего новаго не случилось въ долинѣ Варъ.

Около часу ночи вдругъ послышался въ домѣ легкій трескъ. Тессъ услыхала его и проснулась. Заскрипѣла ступенька лѣстницы. Затѣмъ отворилась дверь ея спальни, и показалась фигура ея мужа, который, осторожно ступая, перешагнулъ черезъ полосу падавшаго на полъ луннаго свѣта. Онъ былъ полуодѣтъ; ея радость исчезла, когда она замѣтила, что онъ упорно смотритъ куда-то въ пространство. Дойдя до середины комнаты, онъ остановился и принялся бормотать съ невыразимымъ горемъ:

— Умерла! умерла! умерла!

Подъ вліяніемъ какого-нибудь сильнаго аффекта Клэръ не разъ принимался ходить по ночамъ во снѣ и даже продѣлывалъ разныя

штуки, напримѣръ, въ ту ночь, когда они вернулись съ ярмарки, онъ во снѣ воспроизвелъ сцену драки съ оскорбителемъ Тессъ. Очевидно было, что глубокое нравственное потрясеніе вызвало въ немъ и теперь припадокъ лунатизма.

Вѣра въ него была такъ глубока въ ней, что на яву или во снѣ онъ не внушалъ ей никакого страха. Войди онъ даже съ пистолетомъ въ рукѣ, и то едва ли бы онъ пошатнулъ ея увѣренность, что онъ ея защитникъ.

Клэръ подошелъ близко и нагнулся къ ней: «Умерла, умерла»,—шепталъ онъ.

Пристально поглядѣвъ на нее нѣсколько минутъ съ выраженіемъ безконечнаго горя, онъ нагнулся еще ниже, обвилъ ее руками и закуталъ простыней, какъ саваномъ. Затѣмъ поднявъ ее съ постели съ такимъ же благоговѣніемъ, какъ если бы она была мертва, онъ сталъ носить ее по комнатѣ, бормоча:

— Моя бѣдная, бѣдная Тессъ... дорогая, милая Тессъ! Такая нѣжная, добрая, правдивая!

Нѣжныя слова, которыя онъ сурово сдерживалъ днемъ, были невыразимо сладки ея осиротѣлому, жаждущему ласки сердцу. Еслибъ ей нужно было спасти свою жалкую жизнь, то и тогда она ни движеніемъ, ни крикомъ не захотѣла бы прервать положеніе, въ которомъ находилась теперь. Она лежала совершенно неподвижно, едва дыша, и чувствовала, что онъ несетъ ее на крыльцо.

— Жена моя... умерла, умерла!—говорилъ онъ.

Онъ остановился съ ней на минуту около перилъ лѣстницы, и ея нога перевѣсилась черезъ нихъ. Собирается ли онъ бросить ее туда внизъ? Самосохраненіе почти замерло въ ней и горькое сознаніе, что завтра утромъ они, быть можетъ, разстанутся навсегда, заставило ее лежать спокойно на его рукахъ; она даже испытывала какое-то сладостное чувство. Какъ хорошо бы, какъ отрадно бы было упасть вмѣстѣ и разбиться на смерть! Ей не хотѣлось спастись одной.

Но онъ не бросилъ ее, а прислонилъ ее къ периламъ и напечатлѣлъ поцѣлуй на ея губахъ, отъ которыхъ отворачивался днемъ. Потомъ онъ сжалъ ее съ новою силой и пошелъ внизъ по лѣстницѣ. Скрипъ ступеней не пробудилъ его, и они благополучно сошли внизъ. Освободивъ одну руку, онъ отодвинулъ дверной засовъ и вышелъ наружу, слегка ударившись ногой о дверь. Но онъ не почувствовалъ удара и понесъ ее по направленію къ рѣкѣ.

Она не могла понять, что онъ собирается дѣлать, и, какъ будто третье непричастное лицо, раздумывала объ этомъ. Она

і легко вся отдавалась ему; ей пріятна была мысль,
ритъ на нее, какъ на свою собственность, что онъ
ею по желанію. Для нея было утѣшеніемъ, въ виду
рашней разлуки, чувствовать, что онъ ее признаетъ
, а не прогоняетъ; пусть даже онъ присвоитъ себѣ
ь надъ ней, что хочетъ.

ла поняла, что ему снилось: ему грезилось одно воск-
когда онъ переносилъ ее и служанокъ черезъ рѣку,—
юбившихъ его почти такъ же, какъ и она, что, впро-
съ трудомъ допускала. Клэръ не перешелъ съ ней
прошелъ нѣсколько шаговъ дальше къ мельницѣ и
на краю рѣки.

отекая по луговымъ пространствамъ, часто должна
ваться, течь изгибами, обтекая маленькіе островки
змъ снова соединяясь въ одинъ широкій ручей. Какъ
ь мѣстѣ, гдѣ онъ стоялъ, рѣка была довольно глу-
ка, образуя одно только теченіе. Черезъ нее былъ
узкій мостокъ; но осенніе дожди унесли перила, оста-
доски; онъ едва возвышался надъ бурными водами,
реходъ былъ очень опасенъ. Тессъ изъ окна видѣла
молодые парни переходили по мосту, стараясь со-
ювѣсіе и балансируя на одной ногѣ. Ея мужъ, вѣ-
обратилъ на это вниманіе; тѣмъ не менѣе, онъ по-
камъ, медленно подвигаясь впередъ.

ь ли онъ ее утопить? Вѣроятно. Мѣсто было глухое;
о широка и глубока — планъ этотъ легко было вы-
кай же онъ ее утопитъ; это лучше, чѣмъ влачить жал-
ваніе съ завтрашняго дня.

и крутился и билъ бурный ручей; въ немъ отражался
нный свѣтъ. Вокругъ разлетались брызги пѣны; подъ
ли подводныя растенія. Ахъ, если бы было возможно
ъ теперь въ водоворотъ; ихъ руки были такъ крѣпко
спастись одному безъ другого было невозможно; они
другой міръ безъ страданія, и тогда никто не ста-
ь его или ее, зачѣмъ они женились. Послѣднія ми-
зни были полны любовью къ ней, а если онъ оста-
и проснется, то возвратится его отвращеніе къ ней,
минутахъ ей останется вспоминать, какъ о минув-
вніи.

ніе все росло въ ней, хотя она не смѣла сдѣлать
орое увлекло бы ихъ въ пропасть. Своею жизнью она

нисколько не дорожила, но она не имѣла никакого права распоряжаться его жизнью. Онъ благополучно перебрался съ ней на другую сторону.

Недалеко была ограда, служившая границей монастырскихъ земель. Онъ остановился, перешагнулъ черезъ нее и, снова взявъ Тессъ на руки, взошелъ на полуразвалившіеся хоры монастырской церкви. Около сѣверной стѣны была пустая гробница какого-то аббата; крышки надъ ней не было. Туда-то онъ положилъ ее. Вторично поцѣловавъ ее въ губы, онъ глубоко вздохнулъ, какъ будто исполнилъ какое-то желанное намѣреніе. Затѣмъ Клэръ легъ около нея и мгновенно отъ истощенія силъ впалъ въ глубокій мертвый сонъ, неподвижно, какъ трупъ, лежа на землѣ. Нравственный подъемъ духа далъ ему силы; теперь же онѣ оставили его.

Тессъ привстала въ гробу. Ночь, довольно, впрочемъ, мягкая и сухая по времени года, была все же довольно холодна, такъ что ему, полуодѣтому, было опасно долго оставаться на воздухѣ. Если его предоставить самому себѣ, то онъ навѣрное бы остался здѣсь до утра и поплатился бы за это жизнью. Она слыхала, что иногда послѣ припадка лунатизма наступаетъ смерть. Но какъ ей рѣшиться разбудить его и сказать ему, что онъ дѣлалъ?—ему было бы совѣстно за свои поступки. Тѣмъ не менѣе, Тессъ, выйдя изъ гробницы, стала его слегка трясти, но увидала, что этого было слишкомъ мало, чтобы разбудить его. Необходимо было что-нибудь предпринять, такъ какъ она уже стала дрогнуть, потому что простыня плохо защищала ее. Ей было до сихъ поръ тепло отъ внутренняго возбужденія, теперь же она стала дрогнуть.

Часто удавалось ей дѣйствовать на него убѣжденіемъ, и въ данномъ случаѣ она шепнула ему на ухо, стараясь говорить какъ можно увѣреннѣе и убѣдительнѣе:

— Пойдемъ, дорогой,— и взяла его за руку въ то же время. Къ ея радости, онъ согласился безо всякаго протеста; ея слова казались ему продолженіемъ сна, который теперь вступалъ въ новый фазисъ развитія: ему казалось, что онъ духъ и ведетъ ее на небо. Она его вела за руку прочь отъ руинъ по направленію къ ихъ жилищу; они перешли каменный мостъ и остановились у двери фермы. Ноги Тессъ были босы, и камни рѣзали ихъ и леденили до костей; но Клэръ былъ обутъ въ шерстяные чулки и, казалось, не испытывалъ никакого неудобства.

Теперь все трудное было окончено. Она его уложила на диванъ и тепло укутала, разведя хорошій огонь, чтобы дать ему

гься. Она думала и даже втайнѣ надѣялась, что
дять его; но таково было его нравственное пере-
ть не проснулся.
рѣтились на другое утро, Тессъ сейчасъ же уви-
не подозрѣвалъ, что сдѣлалъ ее соучастницей
урсіи, хотя, что касается себя, онъ, быть можетъ,
не лежалъ всю ночь спокойно. Дѣйствительно,
громъ послѣ сна, похожаго на небытіе; въ пер-
уженія, когда мозгъ, сбрасывая съ себя, подобно
сна, пробуетъ свои силы, онъ упорно старался
которая занимала его умъ; онъ нѣсколько разъ
ни рѣшеніе, принятое имъ съ вечера, не испа-
зга при дневномъ свѣтѣ, значитъ оно было осно-
размышленіи и было разумно, хотя бы рѣшеніе и
подъ импульсомъ чувства. Значитъ, ему можно
такому рѣшенію.
дневномъ свѣтѣ онъ сохранилъ рѣшимость раз-
Онъ дѣйствовалъ тутъ не подъ вліяніемъ страст-
ованія, но совершенно спокойно отдаваясь этому
ое проникло въ его плоть и кровь.
ъ и когда они укладывали оставшіяся вещи, онъ
изнуреннымъ послѣ ночного напряженія, что
зсказала ему все; но ее снова остановило раз-
его разсердитъ, огорчитъ, сдѣлаетъ смѣшнымъ;
ятно узнать, что онъ невольно выказалъ свою
, что это расположеніе къ ней унижало его са-
ю бы все равно, какъ смѣяться надъ трезвымъ
, что онъ дѣлалъ во время опьяненія.
ула мысль, что онъ, быть можетъ, сохранилъ нѣ-
аніе о своей нѣжной выходкѣ, и рѣшилась не на-
удучи убѣждена, что ей на основаніи происшед-
е уговорить его не уѣзжать.
ь, чтобы ему прислали изъ ближайшаго города
и пріѣхалъ вскорѣ послѣ завтрака. Въ этомъ
ю конца,— временнаго, быть можетъ, такъ какъ
еніе его нѣжности ночью снова воскресило въ ней
ъ. Багажъ положили наверхъ и кучеръ тронулъ
ъ и старая поденщица выразили нѣкоторое удив-
ихъ торопливаго отъѣзда. Клэръ объяснилъ это
видалъ, что работы на мельницѣ производились
му способу, который онъ хотѣлъ изучить, что

Въ ихъ отъѣздѣ не было, впрочемъ, ничего,
а *фіаско*, — можно было подумать, что они
ѣдутъ съ визитами къ знакомымъ.

Ихъ путь лежалъ мимо фермы, изъ которой они нѣсколько дней тому назадъ уѣхали полные торжественно-радостнаго чувства. Такъ какъ Клэръ хотѣлъ покончить дѣла съ мистеромъ Крикъ, то и Тессъ пришлось зайти къ мистрисъ Крикъ, иначе она возбудила бы подозрѣнія въ ихъ несогласіи.

Чтобы какъ можно проще обставить свое посѣщеніе, они оставили карету у дальнихъ воротъ фермы и пошли пѣшкомъ. Ивы были срублены, и они могли различить издали то мѣсто, гдѣ Клэръ упрашивалъ ее быть его женой; налѣво — ограду, гдѣ онъ ее очаровалъ своею игрой на арфѣ, а далеко вдали, сзади коровниковъ, лугъ, на которомъ они впервые поцѣловались. Осенній золотой цвѣтъ листьевъ замѣнился сѣрымъ, земля, роскошно одѣтая прежде травой, была грязна, рѣка была холодна.

Фермеръ увидалъ ихъ со скотнаго двора и пошелъ къ нимъ а встрѣчу, изображая на своемъ лицѣ радость, которую считали олгомъ выразить всѣ мѣстные обитатели при появленіи новобрачныхъ. Затѣмъ вышла изъ дому мистрисъ Крикъ и нѣсколько другихъ старыхъ знакомыхъ, въ числѣ которыхъ, впрочемъ, не было и Маріанны, ни Ретти.

Тессъ мужественно вынесла ихъ лукавые намеки и дружественныя шутки, которыя ей были, впрочемъ, очень тяжелы. Между ужемъ и женой было молчаливое соглашеніе скрыть разрывъ ежду ними и потому они держали себя какъ слѣдовало въ данномъ случаѣ. Ей пришлось въ деталяхъ выслушать всю исторію ь Маріанной и Ретти. Послѣдняя отправилась домой къ отцу, а Маріанна ушла искать мѣста въ другія селенія. Они всѣ боялись, го она дурно кончитъ.

Чтобы разсѣять грустное впечатлѣніе, Тессъ пошла попрощаться съ своими любимицами коровами, каждую погладивъ рукой. на и Клэръ стояли рядомъ, прощаясь, какъ двое нѣжныхъ супруовъ, но всякій, кто зналъ бы горькую истину, навѣрное бы тяжело вздохнулъ о несоотвѣтствіи ихъ внѣшняго вида и внутренго состоянія души: казалось, что они живутъ другъ для друга, сно и неразрывно, что они идутъ въ жизни рука объ руку; ощаясь, они говорили про себя «мы», а, между тѣмъ, они были къ далеко другъ отъ друга, какъ два полюса. Но, вѣроятно, е же была видна какая-то неловкость и натянутость въ ихъ нерѣ держать себя, отличающейся отъ обычной спокойной ра-

рачныхъ, потому что послѣ ихъ отъѣзда мистрисъ
ла своему мужу:
у нея странные, широко раскрытые глаза; и какъ
и похожи на восковыя фигуры, когда стояли рядомъ;
и-то они точно во снѣ. Тебя это не поразило? Правда,
сегда была какая-то странная и не похожа она теперь
кену, гордую своимъ мужемъ.
въ экипажъ и черезъ Везербюри и Стегфутъ-Лэнъ до-
длебюри, гдѣ Клэръ оставилъ экипажъ. Они здѣсь от-
ого и дальше поѣхали уже къ ея дому съ незнакомымъ
торый не зналъ ихъ взаимныхъ отношеній. На пере-
гъ Клэръ остановилъ экипажъ и сказалъ ей, что здѣсь
тъ ее, такъ какъ здѣсь, если она хочетъ ѣхать къ ма-
жны разстаться. Такъ какъ имъ неловко было гово-
утствіи кучера, то онъ попросилъ ее сдѣлать съ нимъ
аговъ; кучеру сказали подождать немного.
емъ же другъ друга,—сказалъ онъ ей ласково.—Мы
езъ злобы другъ на друга, хотя я не могу еще въ дан-
покойно относиться къ вамъ. Но я постараюсь переси-
асъ извѣщу, когда у меня будетъ опредѣленное мѣсто-
И если мнѣ будетъ возможно, я пріѣду къ вамъ. Но
кайте попытокъ пріѣхать ко мнѣ, пока я самъ не пri-

ь его приговора была ужасна для Тессъ; она видѣла,
трѣлъ на нее, какъ на обманщицу. Неужели она за-
Но спорить съ нимъ она не хотѣла. Она повторила за
ва:
вы сами не пріѣдете, мнѣ не надо пытаться пріѣхать

я писать вамъ?
сли вы будете больны или вамъ что-нибудь будетъ
оятно, этого не случится, такъ что я первый напишу.
ласна, Энджель; вы лучше меня знаете, какое наказа-
ь на меня; только пусть оно не будетъ выше моихъ

бъ этомъ ничего не было сказано.
Тессъ была болѣе искусна, если бы она сдѣлала ему
бы истерично рыдать, не обращая вниманія на его ста-
я неприступнымъ, онъ, навѣрное, не смогъ бы устоять.
ость облегчала ему путь, она сама помогала ему. Она

была такъ безотвѣтна, покорность судьбѣ была отличительною чертой всей фимиліи д'Орбервилей, что не съумѣла затронуть тѣ струны, которыя вызвали бы въ немъ отзвучіе.

Остальной ихъ разговоръ былъ посвященъ исключительно матеріальнымъ вопросамъ. Онъ подалъ ей бумажникъ съ довольно крупною суммой денегъ, высланныхъ ему для этого банкиромъ. Брилліанты, пользоваться которыми Тессъ могла только пожизненно (если онъ хорошо понялъ волю завѣщательницы), онъ посовѣтовалъ ей отослать на сохраненіе въ банкъ, на что она охотно согласилась.

Окончивъ дѣла, онъ съ Тессъ пошелъ обратно къ экипажу и помогъ ей сѣсть въ него; кучеру было заплачено и объяснено, куда надо везти ее. Затѣмъ, взявъ свой дорожный мѣшокъ и зонтикъ, единственныя вещи, которыя онъ бралъ съ собой, онъ пожелалъ ей всего хорошаго и оба они разстались.

Экипажъ медленно потащился въ гору, а Клэръ все смотрѣлъ, не высунется ли Тессъ изъ окна. Но она и не думала и не осмѣлилась бы сдѣлать это, лежа почти безъ сознанія. Онъ уже смотрѣлъ ей вслѣдъ и въ его больной душѣ прозвучали слова поэта, въ которыя онъ внесъ нѣкоторое измѣненіе:

«Бога *нѣтъ* въ небесахъ. Нѣтъ правды на землѣ».

Тессъ скрылась за горой и онъ пошелъ своею дорогой, самъ не сознавая, какъ сильна въ немъ любовь къ ней.

XXXVIII.

Только когда она доѣхала до Блакмурской долины и передъ нею открылся ландшафтъ ея юности, Тессъ очнулась отъ охватившаго ее оцѣпенѣнія. Первая ея мысль была, какъ она покажется на глаза родителей.

У заставы ее встрѣтилъ не старикъ, знавшій ее съ дѣтства и уже много лѣтъ отворявшій ворота для всѣхъ проходящихъ, а какой-то другой неизвѣстный ей человѣкъ. Должно быть, онъ замѣнилъ старика съ новаго года, когда вообще производилась смѣна служащихъ. Она давно не получала извѣстій изъ дома и спросила у сторожа, нѣтъ ли какихъ новостей.

— О, нѣтъ, миссъ,—отвѣчалъ онъ.—Марлоттъ—все тотъ же Марлоттъ. Только умерло немного народа, вотъ и все. Да еще Джонъ Дарбифильдъ выдалъ недавно замужъ дочь за джентльмена фермера. Свадьба была не здѣсь, джентльменъ очень знатнаго рода и, должно быть, не хотѣлъ, чтобы семья Джона была на свадьбѣ. Онъ

ъ, конечно, что Джонъ тоже происходитъ отъ древней дво-
і фамиліи, предки его покоятся въ фамильныхъ склепахъ,
герялъ только всѣ свои владѣнія. Все же сэръ Джонъ, какъ
зовемъ теперь, отпраздновалъ день вѣнчанія на славу,
ъ приходѣ не остался безъ угощенія, а его жена пѣла пѣс-
Чистомъ Хмѣлю» до двѣнадцатаго часа ночи.
ессъ защемило на сердцѣ при этомъ разсказѣ и она не рѣ-
въѣхать въ деревню открыто со всѣмъ своимъ богажомъ.
юсила сторожа, нельзя ли на время поставить вещи къ нему
, и, получивъ согласіе, отпустила экипажъ и пошла въ де-
адворками.
ца передъ нею показался домъ ея отца, она спросила себя,
ойдетъ она туда? Всѣ въ этомъ коттэджѣ думаютъ, что она
въ свадебномъ путешествіи съ богатымъ человѣкомъ, а она
инокая и покинутая крадется къ старой двери, не имѣя въ
мірѣ иного мѣста, гдѣ бы найти пріютъ.
не удалось войти въ домъ никѣмъ незамѣченной. Какъ разъ
адоваго плетня она встрѣтилась съ молодою дѣвушкой, своею
ою подругой. Послѣ нѣсколькихъ вопросовъ о томъ, какъ
ала сюда, ея подруга, замѣтивъ ея трагическое лицо, спро-
:

А гдѣ же твой джентльменъ, Тессъ?

съ поспѣшно объяснила ей, что онъ отозванъ по дѣлу, и,
ъ ее, перелѣзла черезъ плетень и такимъ образомъ явилась
домъ.

по садовой тропинкѣ, Тессъ услыхала пѣніе своей матери
го крыльца, и вскорѣ увидала м-съ Дорбифильдъ на поро-
ростыней въ рукахъ, которую она усердно выжимала. Окон-
о дѣло, она вошла въ комнату, не замѣтивъ дочери, и Тессъ
вала за нею.
ыто стояло все на томъ же старомъ мѣстѣ, на той же ста-
кѣ, и м-съ Дорбифильдъ, отложивъ простыню въ сторону,
ась опять опустить руки въ мыльную воду.

Какъ, Тессъ, дитя мое! Я думала, что ты замужемъ, на
азъ уже дѣйствительно замужемъ, мы послали вамъ сидръ...

Я замужемъ, мама.

Выходишь замужъ?

Я уже вышла замужъ.

Ты замужемъ? Такъ гдѣ же твой мужъ?

Онъ уѣхалъ на время.

Уѣхалъ! Когда же была ваша свадьба? Въ какой день?

— Во вторникъ, мама.

— А теперь только суббота, и онъ уже уѣхалъ?

— Да, уѣхалъ.

— Что-жь это значитъ? Надо держаться, я думаю, за такого мужа, какъ твой.

— Мама!—Тессъ подошла къ Джоаннѣ Дербифильдъ, спрятала лицо на ея груди и зарыдала.—Я не знаю, какъ сказать тебѣ, мама! Ты говорила мнѣ и писала, чтобъ я ничего не разсказывала ему. Но я сказала ему, я не могла выдержать, и онъ ушелъ.

— Ахъ ты дурочка, дурочка! — вскричала м-съ Дербифильдъ и въ своемъ волненіи забрызгала водой Тессъ и себя.—Боже мой! Ну, могла ли бы я когда-нибудь разсказать это? Нѣтъ, ты просто дурочка!

Тессъ конвульсивно рыдала; послѣ стольких дней душевнаго напряженія силы оставили ее.

— Я знаю, знаю, знаю! — говорила она между рыданіями. — Но, мама, я не могла молчать! Онъ былъ такъ добръ, и мнѣ казалось преступленіемъ обмануть его, скрыть отъ него то, что случилось. Если бы... если бы... все это повторилось, я бы поступила такъ же. Я не могла, я не имѣла силъ согрѣшить противъ него.

— Но, вѣдь, ты уже согрѣшила, выйдя за него замужъ.

— Да, да; въ этомъ-то и есть мое несчастіе. Но я думала, что онъ можетъ развестись со мною по закону, если онъ не вынесетъ этого. Но если бы ты знала, если бы ты могла только знать, какъ я любила его, какъ я боялась быть его женой и какъ страдала я отъ любви къ нему и отъ желанія, чтобъ и онъ любилъ меня!

Тессъ была такъ взволнована, что не могла продолжать дальше; она безпомощно опустилась на стулъ.

— Хорошо ужь, хорошо; что сдѣлано, того не воротишь, я только никакъ не пойму, почему мои дѣти такія глупыя сравнительно съ другими,—не придумать ничего лучшаго, какъ выболтать такую вещь!—Тутъ м-съ Дорбифильдъ стала проливать слезы сожалѣнія къ себѣ самой, какъ матери такихъ дѣтей.—Что скажетъ твой отецъ, ужь не знаю,—продолжала она,—онъ разсказалъ о свадьбѣ въ тотъ же день у Ролливера и въ «Чистомъ Хмѣлю», онъ говорилъ также, что, благодаря этому, его семья займетъ прежнее блестящее положеніе,—бѣдный человѣкъ!—а теперь ты заварила такую кашу... Создатель ты мой небесный!

Къ довершенію всего, въ это время послышался голосъ отца Тессъ. Такъ какъ онъ еще не вошелъ, мистрисъ Дорбифильдъ рѣшила сама сообщить ему печальную новость и сказала Тессъ,

юкуда ушла. Послѣ перваго взрыва горя Джоанна успо-
тнеслась къ этому новому событію такъ же, какъ къ
счастію Тессъ; точно такъ же отнеслась бы она къ дожд-
здничному дню или къ неурожаю картофеля, какъ къ
ству, вызванному чисто-внѣшними условіями, незави-
ловѣческихъ достоинствъ или недостатковъ; надо было
о къ свѣдѣнію, но никакого нравственнаго урока изъ
текало.

взошла наверхъ и замѣтила, между прочимъ, что въ ея
произошли перемѣны. Ея старая кровать была отдана
ъ младшимъ дѣтямъ. Для нея здѣсь уже не было мѣста.
а внизу не затворялась и она могла слышать, что̀ тамъ
ь. Вошелъ ея отецъ, повидимому, съ курицей въ рукахъ.
ъ былъ продать свою вторую лошадь и ходилъ теперь
ь корзиной въ рукахъ. Курицу онъ взялъ утромъ, какъ
перь часто дѣлалъ, чтобы показать людямъ, что онъ
ъ дѣла, а она болѣе часа пролежала съ связанными но-
столомъ у Ролливера.

ia у насъ тамъ исторія, — началъ Дорбифильдъ, и по-
жилъ своей женѣ споръ въ трактирѣ относительно духо-
изванный тѣмъ обстоятельствомъ, что дочь его вышла
семью духовнаго званія. — Они имѣютъ такое же право
«сэръ», какъ и мои предки, хотя теперь собственно они
тъ уже къ духовному званію.

акъ Тессъ не хотѣла, чтобы объ этомъ много гово-
ъ умолчалъ объ имени. Но онъ надѣется, что скоро
тъ возмѣстить и этотъ пробѣлъ. Онъ думаетъ, что мо-
приметъ фамилію Тессъ безъ искаженія д'Орбервиль.
чѣмъ фамилія ея мужа. Онъ спросилъ также, не было
ъ письма.

съ Дорбифильдъ сообщила ему, что письма не было, но,
ю, Тессъ сама пришла къ нимъ.

ина разсказала ему, въ чемъ дѣло, м-ръ Дорбифильдъ
пораженъ неожиданнымъ ударомъ, что даже выпитое
ло надъ нимъ всякую власть. Его волновало, главнымъ
е несчастіе само по себѣ, а мнѣніе другихъ по этому

ерь конецъ всему,—сказалъ сэръ Джонъ.—Я потомокъ
ы которой покоятся въ склепахъ Кингсбюри, такихъ же
, какъ пивной погребъ сквайра Джанеара, тамъ покоятся
ги и мозги графства, кости величайшихъ людей, о кото-

рыхъ когда-либо упоминала исторія. А теперь я знаю, что̀ скажутъ мнѣ всѣ эти дровосѣки у Ролливера и въ «Чистомъ Хмелю»; я знаю, какъ они будутъ перемигиваться и посмѣиваться, какъ они будутъ говорить: «Этотъ-то вашъ хваленый бракъ... Такъ-то вы достигли положенія вашихъ предковъ во времена норманскихъ завоеваній?» Я хорошо знаю это, Джоанна, я покончу съ собой, и съ титуломъ, и со всѣмъ... Я не могу вынести этого!... Но она можетъ заставить его взять ее къ себѣ, если онъ женился на ней.

— Да, конечно. Но она и думать объ этомъ не хочетъ.

— Ты думаешь, онъ въ самомъ дѣлѣ женился на ней? Или, можетъ быть, какъ въ первый разъ...

Бѣдная Тессъ слышала эти слова, но дальше она не хотѣла слушать. Сознаніе, что въ ея словахъ сомнѣваются даже здѣсь, въ домѣ ея родителей, снова заставило ее почувствовать весь позоръ ея безчестія. Какъ неожиданны были удары судьбы! Если даже родной отецъ сомнѣвается въ ней, то какъ же повѣрятъ ей всѣ остальные? О, больше она не могла оставаться дома!

Черезъ нѣсколько дней, какъ было условлено, Тессъ получила письмо отъ Клэра, въ которомъ онъ извѣщалъ ее, что ѣдетъ на сѣверъ Англіи смотрѣть ферму. Чтобъ убѣдить своихъ родителей, что она дѣйствительно его жена, и скрыть отъ нихъ всю глубину ихъ разрыва, она воспользовалась этимъ письмомъ, чтобъ объявить имъ свой отъѣздъ, оставивъ ихъ въ убѣжденіи, что она ѣдетъ къ нему. Чтобы не навлечь на него упрека въ дурномъ отношеніи къ ней, она взяла изъ пятидесяти фунтовъ, которые онъ далъ ей, двадцать пять и передала ихъ своей матери, какъ должна была сдѣлать жена такого человѣка, какъ Энджель Клэръ, говоря, что она хочетъ хоть немного вознаградить ихъ за то горе и безпокойство, которое она имъ доставила. Сдѣлавъ, такимъ образомъ, все для поддержанія своего достоинства, Тессъ уѣхала. Послѣ ея отъѣзда въ семьѣ Дорбифильдъ, благодаря щедрости Тессъ, жизнь пошла весело. Ея мать говорила и вѣрила, что разладъ между супругами не могъ продолжаться, потому что они слишкомъ любили другъ друга и не могли жить одинъ безъ другого.

XXXIX.

Три недѣли спустя послѣ свадьбы Клэръ спускался съ холма к такъ хорошо знакомому ему пасторату его отца. По мѣрѣ того, к къ онъ спускался, передъ нимъ выростала въ вечернемъ сумракѣ п ковная колокольня, какъ бы спрашивая его, зачѣмъ онъ при-

і одно живое существо, казалось, не обращало на него
никто не ожидалъ его. Онъ пришелъ сюда подобно при-
и звукъ его собственныхъ шаговъ тяжелымъ бременемъ
на его душу.

ць его на жизнь измѣнился теперь. До сихъ поръ онъ
на нее съ теоретической точки зрѣнія, теперь ему каза-
онъ пріобрѣлъ практическій опытъ, хотя онъ далеко еще
практическимъ человѣкомъ.

бразъ дѣйствій въ эти первыя недѣли былъ лишенъ вся-
довательности. Сначала онъ хотѣлъ было совершенно ме-
і приняться за осуществленіе своихъ агрикультурныхъ
какъ будто бы ничего особеннаго не случилось въ его
ъ хотѣлъ въ данномъ случаѣ руководиться совѣтами ве-
мудрыхъ людей всѣхъ вѣковъ, но скоро убѣдился, что,
, ни одинъ изъ этихъ мудрецовъ никогда не испыталъ ни-
льнаго нравственнаго потрясенія и не могъ провѣрить на
омъ опытѣ всю непригодность своихъ совѣтовъ. «Главная
когда не смущаться», сказалъ языческій моралистъ. Та-
о и мнѣніе Клэра, но сердце его, тѣмъ не менѣе, было
Какъ бы хотѣлъ онъ поговорить съ этими мыслителями
ъ ихъ, какъ братъ спрашиваетъ брата, въ чемъ состояла
да.

владѣлъ мрачный индифферентизмъ, онъ смотрѣлъ на свое
ое существованіе съ пассивнымъ равнодушіемъ посторон-
юдателя.

нно больно было ему сознавать, что все произошло по его
ой винѣ. Когда онъ узналъ, что Тессъ происходитъ не
гого народа, какъ онъ думалъ, а изъ знатной фамиліи,
ъ не остался вѣренъ своему принципу, зачѣмъ онъ не
ее? Онъ заслужилъ это наказаніе за свое отступничество.
ждымъ днемъ онъ становился все мрачнѣе, тоска грызла
безпокоила мысль, не слишкомъ ли жестоко онъ обошелся
нъ потерялъ всякій вкусъ къ пищѣ и къ питью. По мѣрѣ
ь проходили дни, онъ сознавалъ все яснѣе, какъ тѣсно
заны всѣ его планы и мечты о будущемъ съ мыслью о
ой жизни съ Тессъ.

оихъ странствованіяхъ онъ обратилъ какъ-то вниманіе въ
ьяхъ одного маленькаго города на громадныя голубыя и
объявленія о важныхъ преимуществахъ Бразильской им-
эмигрантовъ-земледѣльцевъ. Земли предлагались тамъ на
ыгодныхъ условіяхъ. Бразилія стала привлекать его, какъ

, среди чуждыхъ имъ людей, въ новыхъ условіяхъ
ла бы соединиться съ нимъ. То, что казалось ему
дѣсь, могло легко осуществиться тамъ.

планомъ въ головѣ онъ возвратился въ Эймин-стеръ, чтобы сообщить о немъ роднымъ и по возможности объ-яснить, почему онъ пріѣхалъ безъ Тессъ. Когда онъ подходилъ къ дверямъ, свѣтъ молодого мѣсяца ударилъ ему прямо въ лицо, какъ въ то раннее утро, когда онъ несъ свою жену на рукахъ черезъ рѣку на монастырское кладбище; но его лицо еще похудѣло съ того времени.

Клэръ не предупредилъ своихъ родителей о своемъ пріѣздѣ, и его появленіе произвело въ ихъ домѣ такое волненіе, какъ внезапное нападеніе хищной птицы на мирныхъ обитателей водъ. Его отецъ и мать были въ гостиной, братьевъ не было дома. Энджель вошелъ и спокойно затворилъ за собою дверь.

— Но гдѣ же твоя жена, дорогой Энджель? — вскричала его мать.—Какъ ты насъ поразилъ!

— Она временно находится у своей матери. Я поспѣшилъ пріѣхать къ вамъ, чтобы сообщить о своемъ намѣреніи ѣхать въ Бразилію.

— Въ Бразилію! Но, вѣдь, тамъ все одни католики, навѣрное.

— Да? Я и не подумалъ объ этомъ.

Но даже эта непріятная для мистера и мистрисъ Клэръ новость, что сынъ ихъ ѣдетъ въ папскую землю, не отвлекла ихъ ь любопытныхъ разспросовъ относительно его женитьбы.

— Мы получили твое короткое письмецо съ извѣщеніемъ, что адьба состоялась три недѣли тому назадъ,—сказала мистрисъ эръ,—и отецъ твой послалъ ей подарокъ отъ твоей крестной тери. Конечно, вышло гораздо лучше, что никто изъ насъ не исутствовалъ тамъ, особенно, такъ какъ ты пожелалъ вѣнчаться ней прямо съ фермы, а не изъ ея дома. Наше присутствіе Ѣснило бы васъ, да и намъ мало доставило бы удовольствія. он братья поняли это. Разъ ужь это совершилось, мы не ста-ъ упрекать тебя, тѣмъ болѣе, если она будетъ хорошею по-щицей въ избранной тобою дѣятельности; ты, вѣдь отказал-отъ духовнаго сана. Но мнѣ все же жаль, Энджель, что я не ала ее и ничего не знаю о ней. Отъ себя мы не послали ей акого подарка, потому что не знаю, что ей доставитъ удоволь-ie, но, конечно, мы сдѣлаемъ это. Энджель, ни твой отецъ, ни я олько не сердимся на тебя за эту женитьбу, но, прежде чѣмъ

, мы хотимъ повидать ее. А теперь ты не при-
странно. Что случилось?
го они рѣшили между собой, что ей лучше по-
хъ, пока онъ съѣздитъ сюда.
обирался всегда держать ее въ отдаленіи отъ
пока не сочту ее достойной пріѣхать къ вамъ.
Бразиліи совершенно новъ для меня. Если я
благоразумно брать ее съ собой въ такое дол-
а останется у своей матери до моего возвра-

ея до твоего отъѣзда?
сь этого. Его оригинальный планъ, говорилъ
ъ, чтобы отсрочить ея появленіе среди нихъ,
ть ихъ чувства и заведенные порядки,—нѣтъ,
ичины. Онъ въ этомъ же году снова вернется
ожетъ, увидятъ ее, когда онъ снова поѣдетъ
и уже съ нею вмѣстѣ.
ленный ужинъ былъ готовъ. Клэръ сталъ да-
сненія своего плана. Его мать не могла скрыть
видитъ у себя его жены. Недавно она рев-
бовь къ этой незнакомой ей дѣвушкѣ, но вос-
ло ее, наконецъ, и она подумала, что и изъ
ь что-нибудь доброе—и изъ Талботэйской фер-

смотрѣла на сына, пока онъ ужиналъ.
и ты описать ее? Я увѣрена, что она очень

него и говорить!—сказалъ онъ съ внезапнымъ

бродѣтельна, безъ сомнѣнія?

чень ясно представить ее. Ты недавно гово-
я чёрты лица, пышная фигура, полныя крас-
сницы и брови, длинные волосы и большіе

ее. И, живя въ такомъ уединеніи, она мало ко-
хъ людей, пока не увидала тебя?
ого,
ервою любовью?

ъ простыхъ, сильныхъ, краснощекихъ дѣвушекъ
жены. Конечно, я могла бы желать, но разъ мой
ъ земледѣльцемъ, то и лучше, если его жена бу-
жизни на воздухѣ.
рашивалъ его, но когда настало время прочесть
, какъ обыкновенно дѣлалось передъ вечернею мо-
амѣтилъ мистрисъ Клэръ:
что вслѣдствіе пріѣзда Энджеля намъ будетъ болѣе
у мѣста прочесть тридцать первую главу изъ Притчей, чѣмъ ту,
которую мы хотѣли.

— Да, конечно,—сказала мистрисъ Клэръ.—Слова короля Лемуэля (она могла цитировать главу и стихъ, какъ и ея мужъ).—Дорогой сынъ, твой отецъ рѣшилъ, что мы прочтемъ главу о похвалѣ доброй женѣ. Мы эти слова относимъ къ отсутствующей. Да благословитъ ее небо во всѣхъ путяхъ ея!

У Клэра что-то дрогнуло въ горлѣ. Небольшой аналой былъ поставленъ на середину около камина, вошли двѣ старыя служанки, и отецъ Клэра началъ чтеніе съ десятаго стиха вышеназванной главы.

— Кто можетъ найти добрую жену? Цѣна ея выше рубиновъ. Она встаетъ ночью и выдаетъ припасы для хозяйства. Она крѣпко опоясываетъ свои чресла и руки. Она смотритъ за тѣмъ, чтобы ея товаръ былъ хорошъ; ея свѣча не горитъ по ночамъ. Она хорошо
а хозяйствомъ и не вкушаетъ хлѣба праздности. Ея дѣ-
ъ и благословляютъ ея имя; супругъ также хвалитъ
дщерей было добрыхъ, но ты лучше ихъ всѣхъ.
кончилось чтеніе, мать сказала ему:
невольно подумала, какъ удачно было примѣненіе этой
частности къ женщинѣ, избранной тобою. Совершенная
какъ ты видишь, это работящая женщина; не лѣнивая,
я лэди, но такая, которая употребляетъ и руки, и голо-
це для блага другихъ... Ея дѣти встаютъ и благословля-
; мужъ ея также хвалитъ ее. Много дщерей было доб-
ье ея, но она лучше ихъ всѣхъ. Я хотѣла бы видѣть ее,
Если она чиста и невинна, она понравилась бы мнѣ.
не могъ долѣе сносить этого. Его глаза были полны слезъ,
лзались каплями свинца. Онъ наскоро пожелалъ спокой-
этимъ искреннимъ и простымъ людямъ, столь имъ
, не знавшимъ ни свѣта, ни грѣха плотского, ни злого
рдцахъ,—для нихъ это было что-то чужое, смутное. Онъ
свою комнату.

его пошла за нимъ и постучала въ дверь. Клэръ отворилъ
ъ безпокойство на ея лицѣ.
нджель,—спросила она,—что-нибудь не такъ, что ты ушелъ
тро. Тебѣ не по себѣ, я вижу.
[а, не совсѣмъ, мама,—сказалъ онъ.
Изъ-за нея? Да, сынъ мой, я увѣрена, что изъ-за нея. Ты
ся съ ней въ эти три недѣли?
Не совсѣмъ поссорились,—сказалъ онъ.—Но у насъ вышло
лasie.
Энджель, въ ея жизни ей не надо ничего скрывать?
атеринскимъ инстинктомъ мистрисъ Клэръ именно угачину смущенія ея сына.
Она не запятнана ничѣмъ!—отвѣчалъ онъ. Даже если бы за
должевъ былъ быть осужденъ на муки, онъ все же отвѣ
такъ.
Такъ все остальное—пустяки. Вѣдь, всякая крестьянская
при всей своей чистотѣ не можетъ быть идеально-невинкость ея манеръ, которая оскорбляетъ сначала человѣка
наго, вскорѣ, безъ сомнѣнія, сгладится подъ вліяніемъ твоявленій и совмѣстной жизни.
ія этого слѣпого великодушія снова пробудила въ душѣ
знаніе, что онъ разбилъ свою будущность этимъ бракомъ;
онъ не думалъ объ этомъ. Правда, что лично для себя онъ
отился о карьерѣ, но онъ хотѣлъ достигнуть положенія раотца и братьевъ. Онъ смотрѣлъ на пламя свѣчи и ему
, что оно хочетъ ему сказать, что оно свѣтитъ для поралюдей, а не для обманутаго неудачника.
а его волненіе улеглось, онъ все же продолжалъ думать о
ной женѣ, но съ раздраженіемъ за то, что она его постанеобходимость лгать роднымъ. Онъ даже съ гнѣвомъ говоней, какъ будто она была съ нимъ въ комнатѣ. Затѣмъ
въ темнотѣ прозвучалъ ея воркующій голосокъ, жалобно
ій что-то, къ его лбу прикоснулись ея нѣжныя губки и
почувствовалъ теплоту ея дыханія.
гу ночь предметъ его гнѣва—его жена—все думала о томъ,
икъ и добръ ея мужъ. Но надъ ними обоими висѣло густое
–болѣе густое, чѣмъ онъ думалъ,—его собственный узкій
на вещи. При всемъ стараніи казаться свободнымъ въ своеніяхъ, онъ все же былъ рабомъ привычекъ и условій
никакой пророкъ не могъ сказать ему, а онъ самъ не былъ
вцемъ, чтобы увидать, что именно его молодая жена была

достойна похвалъ короля Лемуэля по своему отвращенію отъ дурного; цѣнить ея нравственныя качества нужно было не по дѣламъ, а по склонностямъ. Лица близкія къ намъ много теряютъ при оцѣнкѣ, такъ какъ мы ясно видимъ ихъ недостатки; между тѣмъ какъ люди далекіе отъ насъ выигрываютъ при этомъ, такъ какъ разстояніе само заставляетъ ихъ недостатки казаться добродѣтелями. Думая о томъ, чѣмъ Тессъ могла бы быть, онъ проглядѣлъ, чѣмъ она была въ дѣйствительности.

XL.

За завтракомъ темой разговора была Бразилія, и всѣ старались смотрѣть съ надеждой на планы Клэра попытать почву этой страны, вопреки обезкураживающимъ разсказамъ землевладѣльцевъ, эмигрировавшихъ туда и вернувшихся назадъ черезъ годъ. Послѣ завтрака Клэръ пошелъ въ маленькій городокъ купить нѣкоторыя мелочи, нужныя ему въ путешествіи, и взять изъ мѣстнаго банка всѣ свои деньги. На возвратномъ пути онъ встрѣтилъ миссъ Мерси Чантъ около церкви, которой она была непремѣннымъ членомъ. Она несла большую кипу библій для своего класса. Ея характеръ воззрѣній былъ противуположенъ обычнымъ людскимъ воззрѣніямъ: то, что вызывало боль въ другихъ, вызывало лишь блаженную улыбку на ея лицѣ; по мнѣнію Энджеля, такого результата можно было добиться только благодаря преобладанію мистическаго элемента надъ человѣческою природой.

Она слышала, что онъ покидаетъ Англію, и сказала, что она считаетъ такой планъ прекраснымъ и многообѣщающимъ.

— Да, это хорошій планъ съ коммерческой стороны,—отвѣчалъ онъ.—Но, дорогая Мерси, это все же жизнь на людяхъ. Можетъ быть, монастырь былъ бы лучше для меня.

— Монастырь?! О, Энджель Клэръ! Какже, ужасный человѣкъ, вѣдь, съ монастыремъ неразрывно и монашество, а монахъ значитъ римско-католическій. А быть католикомъ грѣхъ, а за грѣхъ—осужденіе. Ты на скользкомъ пути, Энджель Клэръ. Я горжусь тѣмъ, что я — протестантка,—сказала она строго.

Тогда Клэръ, приведенный своимъ горемъ въ такое демоническое настроеніе, когда человѣкъ отрекается отъ своихъ истинныхъ убѣжденій, подозвалъ ее ближе къ себѣ и, какъ демонъ-искуситель, сталъ ей шептать на ухо самыя еретическія рѣчи, какія только ему пришли на умъ. Его минутный смѣхъ надъ ужасомъ, выразившимся на ея лицѣ, сейчасъ же прекратился, когда онъ увидалъ, что она скорбитъ о немъ и боится за его разсудокъ.

ргая Мерси,— сказалъ онъ,— простите меня. Мнѣ ка-
кожу съ ума.
а такъ подумала. Такъ кончилось ихъ свиданіе, и Клэръ
викаріатъ. У банкира онъ оставилъ драгоцѣнныя вещи,
ступятъ болѣе счастливые дни. Онъ внесъ также въ
дать фунтовъ, чтобъ ихъ переслали Тессъ черезъ нѣ-
сяцевъ по ея требованію; потомъ онъ написалъ ей о
распорядился. Эту сумму въ совокупности съ суммой,
, онъ считалъ достаточною для ея потребностей въ на-
мя; въ случаѣ чего непредвидѣннаго, она могла обра-
его отцу.
къ за лучшее, чтобы его родители не имѣли съ ней пря-
ія, не далъ имъ ея адреса; родители же его, не зная о
ду супругами, сами не попросили его объ этомъ.
отъѣздомъ изъ Англіи ему предстояла еще тяжелая обя-
сѣтить Веллъбриджскую ферму, гдѣ онъ провелъ съ Тессъ
дня послѣ свадьбы; надо было заплатить деньги, отдать
двухъ комнатъ, которыя они занимали, и взять кое-какія
вещи. Подъ кровлей этого дома ему пришлось испытать
разочарованіе. Но когда онъ отперъ дверь въ первую
ему, прежде всего, вспомнился ихъ счастливый пріѣздъ
ру дня, первое свѣжее чувство совмѣстнаго обитанія,
нъ съ ней, сумерничаніе передъ огнемъ рука въ

, и его жена были въ полѣ, когда онъ пріѣхалъ, такъ
лъ одинъ нѣсколько времени. Въ немъ снова пробуди-
жнія чувства, когда онъ пошелъ наверхъ въ ея комнату.
ла гладко постлана, какъ она постлала ее въ день отъ-
висѣла надъ пологомъ, какъ онъ повѣсилъ ее. Цвѣтъ
лъ, листья и ягоды сморщились отъ трехнедѣльнаго
здѣсь.
лъ ее оттуда и выбросилъ за окно. Стоя здѣсь, онъ пер-
юмнился, дѣйствительно ли онъ разумно и великодушно
Но, вѣдь, онъ былъ жестоко обманутъ? Полный разно-
ущеній, онъ опустился на колѣни передъ ея постелью
:

, Тессъ, если бы ты мнѣ раньше сказала, я простилъ
сказалъ онъ.
въ шаги внизу, онъ всталъ и пошелъ къ лѣстницѣ. Вни-
енщина; когда она повернула къ нему лицо, онъ узналъ
ерноокую Иццъ Гюэттъ.

— Мистеръ Клэръ,—сказала она,—я пришла навѣстить васъ и мистрисъ Клэръ, узнать, все ли у васъ хорошо.

Онъ зналъ тайну этой дѣвушки, но она еще не знала его тайны; она была честная дѣвушка, любившая его, изъ которой могла бы выйти такая же хорошая или почти такая же умѣлая жена фермера, какъ и Тессъ.

— Я здѣсь одинъ,— сказалъ онъ, — мы теперь не живемъ здѣсь.

Затѣмъ, объяснивъ, зачѣмъ онъ сюда пріѣхалъ, онъ спросилъ:

— Какою дорогой вы пойдете домой, Иццъ?

— Я не живу больше въ Талботэйской фермѣ, сэръ,— сказала она.

— Почему же?

Иццъ опустила глаза.

— Безъ васъ было тамъ такъ скучно, что я ушла. Я живу тамъ.

Она показала въ ту сторону, куда онъ ѣхалъ.

— Вы идете теперь туда? Я могу васъ довезти немного.

Она покраснѣла.

— Благодарю васъ, мистеръ Клэръ,—сказала она.

Онъ вскорѣ нашелъ фермера и заплатилъ ему свою ренту и неустойку за внезапный отъѣздъ съ квартиры. Когда Клэръ вернулся и сѣлъ въ свой кабріолетъ, Иццъ сѣла рядомъ съ нимъ.

— Я собираюсь уѣхать изъ Англіи, Иццъ,—сказалъ онъ, когда они отъѣхали.—Уѣзжаю въ Бразилію.

— А нравится мистрисъ Клэръ такое путешествіе?—спросила она.

— Она теперь не поѣдетъ; быть можетъ, черезъ годъ. Я ѣду, чтобы разузнать, какъ тамъ живутъ.

Довольно долго Иццъ молчала.

— Какъ поживаютъ другія?—спросилъ онъ.—Что Ретти?

— Она въ какомъ-то нервномъ состояніи; стала худа, щеки впали, такъ что она похожа на умирающую. Никто ужь не влюбится въ нее болѣе,—сказала она разсѣянно.

— А Маріанна?

Иццъ понизила голосъ.

— Маріанна пьетъ.

— Правда?

— Да. Фермеръ хочетъ прогнать ее.

— А вы?

— Я не пью и не умираю. Но мнѣ не о чемъ думать, развѣ

о ѣдѣ.

Какже? Помните, какъ вы хорошо пѣли *Это было въ са-Тупидона*, когда утромъ доили коровъ?

Ахъ, да! Это было когда вы только пріѣхали, а потомъ, когпобыли немного, этого уже не было.

Почему же такое уныніе?

черные глаза блеснули въ отвѣтъ на его слова.

Да, Ицъ, я понимаю,—сказалъ онъ ласково и впалъ въ заость.—Такъ предположите, что я бы вамъ предложилъ выйменя...

Я бы сказала «да» и у васъ была бы любящая жена.

Въ самомъ дѣлѣ?

Точно сейчасъ на свѣтъ родился,—прошептала она.—Богъ еужели вы никогда этого не замѣчали?

вду тѣмъ, они подъѣхали къ проселочной дорогѣ, ведущей вню.

Я должна здѣсь выйти. Я живу тамъ,—сказала отрывисто впервые заговорившая послѣ своего признанія.

ръ замедлилъ шагъ лошади. Онъ негодовалъ на свою судьалъ съ горечью о предписаніяхъ свѣта; они его завели въ абиринтъ, откуда не было выхода. Почему не вознаградить не устроить себѣ семейную жизнь, не имѣющую ничего объ кодексомъ свѣтскихъ приличій?

Я ѣду въ Бразилію одинъ, Ицъ,—сказалъ онъ.—Я разоъ моею женой по исключительнымъ причинамъ, ничего не нимъ общаго съ путешествіемъ. Можетъ быть, я никогда не ить съ ней. Хотите ли вы ѣхать со мной, вмѣсто нея?

Вы дѣйствительно хотите, чтобъ я ѣхала?...

XLI.

енесемся теперь къ октябрьскимъ днямъ восемь мѣсяцевъ послѣ разлуки Тессъ и Клэра. Мы находимъ Тессъ въ соно измѣнившихся условіяхъ жизни. Она уже болѣе не неъ ящиками и чемоданами, которые несутъ для нея другіе, а я женщина съ узломъ и корзиной въ рукахъ, какъ въ давшія времена ея жизни, когда она еще не была невѣстой; довольно большихъ средствъ, которыя оставилъ ей мужъ время, въ ея распоряженіи весьма скудный кошелекъ, і она должна пополнять трудами рукъ своихъ.

авивъ Марлоттъ, свой домъ, она поступила на мызу близъ ѣреди, на западъ отъ Блакмуркской долины, въ одинаковомъ

разстоянiи отъ мѣста ея рожденiя и отъ Тальботэйса. Она предпочитала лучше работать, чѣмъ жить на средства мужа. Мысленно она продолжала жить своею прежнею жизнью; она видѣла передъ собою другую ферму, другiе дни, гдѣ съ ней впервые встрѣтился ея возлюбленный, который исчезъ подобно видѣнiю въ тотъ моментъ, когда она хотѣла назвать его своимъ.

Она должна была оставить ферму, какъ только у коровъ стало пропадать молоко, такъ какъ здѣсь она занимала мѣсто сверхштатной работницы. Но въ это время наступила жатва, такъ что она сейчасъ же нашла себѣ работу, перемѣнивъ только пастбище на жниво. Такъ продолжалось, пока не окончилась жатва.

Изъ двадцати пяти фунтовъ, которые оставались у нея, до сихъ поръ она истратила очень мало, но теперь наступилъ для нея печальный перiодъ съ цѣлымъ рядомъ неудачъ, и она поневолѣ должна была обратиться къ своимъ соверенамъ.

Ей тяжело было тратить ихъ. Энджель передалъ ей ихъ новенькими и блестящими, прямо изъ банка. Его прикосновенiе какъ бы освятило ихъ въ ея глазахъ и разставаться съ ними было для нея то же, что разставаться со святыней. Но она должна была тратить ихъ и одинъ за другимъ они уходили изъ ея рукъ.

Время отъ времени она посылала матери свой адресъ, но скрывала отъ нея условiя своей жизни. Когда она истратила всѣ свои деньги, она получила отъ нея письмо. Джоанна писала ей, что она находится въ большомъ затрудненiи. Осенние дожди совершенно размыли крышу ихъ дома и необходимо перекрыть ее заново, а этого нельзя было сдѣлать, такъ какъ они не заплатили еще за прежнюю солому. Кромѣ того, требовались еще новыя балки и новый потолокъ и на все это вмѣстѣ съ прежнимъ долгомъ нужно было не менѣе двадцати фунтовъ. Такъ какъ у ея мужа были средства и онъ, по всему вѣроятiю, уже вернулся теперь, то не можетъ ли она прислать имъ эти деньги?

Тессъ какъ разъ въ это время должна была получить традцать фунтовъ отъ банкира Энджеля, и какъ только пришли къ ней эти деньги, она послала двадцать фунтовъ. Часть изъ оставшихся денегъ она истратила на зимнюю одежду и оставила себѣ самую незначительную сумму на весь суровый зимнiй сезонъ. Наконецъ, вышелъ послѣдniй фунтъ и ей оставалось теперь хорошенько обдумать предложенiе Энджеля обратиться къ его родителямъ, когда у ней не будетъ денегъ.

Но чѣмъ больше думала Тессъ объ этомъ, тѣмъ болѣе она колебалась. Та же деликатность, гордость или ложный стыдъ, какъ

алось это чувство, которое мѣшало ей сознаться сво-
имъ, что она продолжаетъ жить въ разлукѣ съ мужемъ,
ь ей сознаться ему, что у ней уже не было денегъ, не-
ставленную имъ сумму. Можетъ быть, они презираютъ
ько же увеличится еще ихъ презрѣніе, если она явится
къ нищая? И она не могла заставить себя обратиться
къ своего мужа.
къ родителямъ она тоже не могла вернуться. Уѣзжая
она послѣ своего послѣдняго краткаго пребыванія, она
къ въ убѣжденіи, что ѣдетъ къ мужу; съ тѣхъ
ли увѣрены, что она живетъ въ полномъ комфортѣ,
о возвращенія, и думали, что его пребываніе въ Бра-
жится недолго и онъ скоро вернется къ ней или выпи-
себѣ; во всякомъ случаѣ, они скоро соединятся и пред-
стѣ передъ своими родными и передъ всѣмъ свѣтомъ.
кивала эту надежду. Признаться своимъ родителямъ,
нутая женщина и должна теперь, послѣ оказанной имъ
ть трудами рукъ своихъ, она не могла, тѣмъ болѣе,
ество надѣлало столько шуму и должно было загладить
ости.
одила въ голову мысль о брилліантахъ. Она не знала,
ль ихъ Клэръ, но еслибъ она и знала, то все равно
воспользоваться ими для продажи, такъ какъ они да-
только въ пожизненную собственность. Будь они от-
полное распоряженіе, и тогда она не продала бы ихъ,
е могла бы смотрѣть на нихъ какъ на свою собствен-

еменемъ жизнь ея мужа тоже подвергалась разнаго ро-
нимъ. Онъ лежалъ больной лихорадкою въ плодоносныхъ
зиліи, послѣ страшной бури на морѣ и разнаго рода
оторыя преслѣдовали его и другихъ англійскихъ земле-
рельстившихся, какъ и онъ, заманчивыми обѣщаніями
о правительства.
ратимся къ Тессъ. Когда исчезъ послѣдній соверенъ,
была искать себѣ снова занятія, а найти какую-нибудь
го время года было очень трудно. Несмотря на свой умъ,
ровье и способность ко всякаго рода труду, она ни за
ла идти въ прислуги; она боялась городовъ, большихъ
й этой богатой и искусственной жизни, такъ не похо-
скую простоту. Общество было, конечно, гораздо луч-
ла думала о немъ, но у ней не было никакой опытности

а инстинктъ заставлялъ ее сторониться город-
ыхъ условій жизни.

Небольшія мызы, гдѣ она служила сверхштатною работницей весной и лѣтомъ, не нуждались теперь въ ея услугахъ. Жатва окончилась. Въ Тальботэйсѣ она, по всему вѣроятію, могла бы найти себѣ мѣсто; но какъ ни хорошо жилось ей тамъ, она не могла вернуться туда. Жизнь тамъ теперь была бы ей невыносима, да, кромѣ того, ея возвращеніе могло бы навлечь упреки на обожаемаго ею мужа. Она не могла бы выносить ихъ состраданія, ихъ перешептываній насчетъ ея страннаго положенія.

Теперь она направлялась къ одной фермѣ въ гористой мѣстности, въ глубинѣ страны, куда звала ее письмомъ Маріанна. Маріанна слышала отъ кого-то, что Тессъ разсталась съ мужемъ,—можетъ быть, отъ Ицц Гюэттъ,—и добрая отъ природы дѣвушка, предполагая, что Тессъ находится теперь въ затрудненіи, поспѣшила извѣстить ее, что она, оставивъ мызу, перешла въ эту гористую мѣстность и что на той фермѣ, гдѣ она живетъ, хватитъ работы и для другихъ, и если правда, что Тессъ принялась попрежнему за работу, то она будетъ очень рада видѣть ее здѣсь.

По мѣрѣ того, какъ уменьшались дни, надежда получить прощеніе своего мужа мало-по-малу оставляла ее; она цѣплялась теперь за жизнь съ безсознательнымъ инстинктомъ дикаго животнаго, старалась отрѣшиться отъ своего прошедшаго, забыть свое миолетное счастье и вернуться къ своему прежнему существованію.

Много затрудненій въ ея одинокомъ положеніи доставляла ей ея
ность, нѣкотораго рода изящество, которое она заимствовала
ва и которое еще усиливало ея природную привлекатель-
Покуда она носила платья, оставшіяся отъ свадьбы, ни-
которое она обращала на себя, не доставляло ей особенныхъ
тностей. Но когда она должна была надѣть простую одежду
й женщины, она часто слышала грубыя любезности, обра-
ія къ ней, а въ одинъ изъ ноябрьскихъ вечеровъ она испыта-
то-физическій приступъ страха.

ссъ предпочла ферму, рекомендованную ей Маріанной, плоымъ мѣстностямъ юго-запада потому, что она была ближе
у родителей ея мужа, и мысль, что она будетъ жить тамъ
у неизвѣстная и, можетъ быть, когда-нибудь рѣшится пойти
каріать, доставляла ей удовольствіе. И теперь, рѣшившись
іовать это высокое и мало плодородное плоскогорье, она спѣойти до деревни Чалькъ-Ньютона, гдѣ хотѣла провести ночь.
рога была длинная и однообразная и, благодаря коротким

мерки наступили гораздо раньше, чѣмъ она разсчитыва-
остигла вершины холма, откуда змѣей спускалась внизъ
гда услышала шаги сзади себя и черезъ нѣсколько ми-
агналъ какой-то человѣкъ. Поровнявшись съ Тессъ, онъ
й:
равствуй, моя красавица!— на что она вѣжливо отвѣ-

еще достаточно свѣтло наверху, чтобы разглядѣть ея ли-
внизу все исчезало во мракѣ. Незнакомецъ повернулся къ
стально посмотрѣлъ на нее.
. это та самая дѣвушка, которая когда-то была въ Тран-
другой молодого сквайра д'Орбервилля! Я былъ тамъ въ
, хотя теперь я больше тамъ не живу.
знала въ немъ здороваго мужика, котораго Энджель уда-
остиницѣ за грубый отзывъ о ней. Острая боль сжала ей
она ничего не отвѣтила ему.
дь же настолько честна, чтобы сознаться, что то, что я
ь городѣ, правда, хотя твой франтъ и взъѣлся на меня,
вка? Ты должна была бы попросить у меня прощенія за
ь.

, попрежнему, ничего не отвѣчала. Для ея робкой души
лся только одинъ исходъ. Она вдругъ бросилась бѣжать
со скоростью вѣтра всю дорогу, покуда не добѣжала до
торыя вели въ какой-то паркъ. Она бросилась туда и до
не останавливалась, пока не забралась въ самую глубь
ствовала себя въ полной безопасности.
истьями было сухо, а листва кустовъ остролистника,
росли между обнаженными деревьями, достаточно густа,
итить ее отъ вѣтра. Она сгребла въ одну большую кучу
истья, сдѣлала въ серединѣ родъ гнѣзда, куда и спря-

она была спокойна отъ преслѣдованія. Она думала о сво-
въ далекой странѣ, въ жаркомъ климатѣ, тогда какъ она
дѣсь на холодѣ. Былъ ли кто-нибудь несчастнѣе ея въ
спрашивала себя Тессъ, и, думая о своей разбитой жизни,
ла: «Все суета». Она машинально повторяла эти слова,
е пришло на мысль, что, пожалуй, они не подходятъ къ
ой жизни. Соломонъ думалъ такъ болѣе чѣмъ двѣ тысячи
у назадъ; она же хотя и не принадлежала къ мыслите-
ла гораздо дальше. Если бы все было суета, то кто бы
ней? Но, увы, все было много хуже, чѣмъ суета. Жена

Энджеля Клэра подняла руку ко лбу, потрогала свои брови и рѣсницы и подумала, что будетъ время, когда все это исчезнетъ подъ землею.

— Хорошо, если бы это было теперь,—сказала она.

Наступило утро. Тессъ вылѣзла изъ своего гнѣзда и пошла, осторожно поглядывая на дорогу. Но ей нечего было бояться,— на дорогѣ никого не было видно. Такъ дошла она до Чалькъ-Ньютона и позавтракала тамъ въ гостиницѣ. Нѣсколько молодыхъ людей опять смутили ее тамъ грубыми комплиментами. Иногда надежда, что, можетъ быть, ея мужъ позоветъ ее снова, охватывала ее. Въ ожиданіи этого она должна была строго слѣдить за собой и не допускать никакихъ ухаживаній.

Тессъ рѣшила не подвергать больше себя риску своею наружностью. Какъ только она оставила деревню, она забралась въ чащу, вынула изъ корзины одно изъ самыхъ старыхъ платьевъ, которое она никогда не надѣвала даже на мызѣ,— ни разу съ тѣхъ поръ, какъ она работала на полѣ въ Марлоттѣ. Ей пришла также счастливая мысль обвязать свое лицо носовымъ платкомъ, какъ бы отъ зубной боли. Потомъ достала маленькія ножницы и съ помощью карманнаго зеркальца безжалостно срѣзала свои брови. И, такимъ образомъ, обезпечивъ себя отъ назойливаго восхищенія, она пошла дальше.

— Какая безобразная дѣвушка! — сказалъ первый встрѣтившійся ей человѣкъ своему товарищу.

Слезы сожалѣнія къ себѣ самой выступили у нея на глазахъ, когда она услышала эти слова.

— Я не должна обращать на это вниманіе,— сказала она себѣ.—Я хочу теперь быть безобразною потому, что Энджеля нѣтъ со мной и некому защитить меня. Мой мужъ далеко и никогда больше не полюбитъ меня; но я люблю его такъ же и ненавижу всѣхъ другихъ мужчинъ; пусть они думаютъ обо мнѣ, что хотятъ!

Такъ шла она дальше; ея фигура составляла какъ бы нераздѣльную часть съ ландшафтомъ; простая крестьянка въ зимней одеждѣ; сѣрый капоръ изъ саржи, красный шерстяной шарфъ, шерстяная юбка, покрытая сѣровато-коричневымъ грубымъ плащомъ, и перчатки изъ бычачьей кожи. Каждая нитка этой старой одежды износилась подъ потоками дождя, подъ лучами солнца и порывами вѣтра. Подъ этою внѣшностью, на которой развѣ мимолетно остановился бы чей-нибудь взглядъ, какъ на вещи недостойной вниманія, почти неодушевленной, билась цѣлая жизнь съ прожитыми

теченіе которыхъ она успѣла уже познакомиться съ ни-
ъ всего земного, съ жестокостью чувственныхъ желаній
чностью любви.
дующій день погода была очень дурная, но Тессъ продол-
ться впередъ. Суровость, непреложность и безпристра-
ебной стихіи мало дѣйствовали на нее. Она должна была
ту и помѣщеніе, и ей некогда было терять времени. Она
же, что значатъ временныя занятія, и не хотѣла больше
ихъ.
пла она отъ фермы до фермы, по направленію къ тому
уда писала ей Маріанна и гдѣ она снова должна была
въ борьбу съ превратностями судьбы. Начавъ съ болѣе
оты, она за неимѣніемъ ея должна была перейти къ болѣе
окуда, наконецъ, отъ мызы и отъ птичьяго двора,—на-
бимыхъ ею занятій,—она не перешла къ наиболѣе труд-
именѣе любимымъ полевымъ работамъ,—настолько труд-
прежде она никогда бы добровольно не согласилась на

ицу второго вечера она достигла неправильной мѣловой
усѣянной полукруглыми бугорками, которая простира-
у долиной ея рожденія и долиной ея любви.
ъ здѣсь былъ рѣзкій и холодный; передъ ней простира-
и уже пыльная дорога, несмотря на недавно выпавшій
ъ и сямъ виднѣлось нѣсколько деревьевъ, случайно уцѣ-
отъ безжалостнаго топора арендатора, природнаго врага
и кустарниковъ. На небольшомъ разстояніи виднѣлись
ельбарро и Нетлькондъ-Таутъ, которыя дружески смотрѣ-
Онѣ казались такими низкими и скромными съ этой воз-
ти, а въ ея дѣтствѣ, когда она подходила къ нимъ съ
роны Блакмурской долины, онѣ съ надменною гордостью
ъ бастіоновъ возносились къ небесамъ. Южнѣе, на нѣ-
илей разстоянія черезъ холмы и береговой хребетъ, она
лядѣть ровную поверхность, подобную блестящей, полиро-
ли,—это былъ Англійскій проливъ.
ъ ней на небольшомъ склонѣ лежала деревня. Она дошла,
до Флинткомбъ-Аша, мѣстопребыванія Маріанны. Она
ла придти сюда,—больше ей некуда было дѣваться. Каме-
чва вокругъ нея говорила ясно, что здѣсь требовалась
ная работа, но ей надо было кончить свои скитанія и она
таться здѣсь, тѣмъ болѣе, что сталъ накрапывать дождь.
въ деревню стоялъ коттэжъ, крыша котораго выдавалась

на улицу, и, прежде чѣмъ попросить себѣ пріютъ на ночь, она стала подъ ея защиту, дожидаясь, когда наступитъ вечеръ.

— Кто бы могъ подумать, что я мистрисъ Энджель Клэръ!— сказала она.

Стѣна грѣла ей спину и плечи, и она замѣтила скоро, что, должно быть, около этой стѣны помѣщается печка въ коттэджѣ и тепло проходитъ сквозь кирпичи. Она погрѣла около нихъ свои руки и потомъ приложила къ нимъ свои покраснѣвшія и мокрыя отъ дождя щеки. Стѣна, казалось, была ея единственнымъ другомъ. И ей такъ не хотѣлось уходить отсюда, что она готова была простоять здѣсь всю ночь.

Тессъ могла слышать, что происходило въ коттэджѣ. Обитатели его разговаривали между собою послѣ трудового дня; слышно было также, что они ужинали. Но на деревенской улицѣ не видно было ни души. Наконецъ, ея уединеніе было нарушено приближеніемъ какой-то женской фигуры въ лѣтнемъ платьѣ, несмотря на холодный вечеръ. Тессъ инстинктомъ почувствовала, что это, должно быть, Маріанна, и когда женщина приблизилась настолько, что ее можно было разглядѣть, она оказалась дѣйствительно Маріанной. Лицо Маріанны стало толще и краснѣе, чѣмъ прежде, и она была очень небрежно одѣта. Въ болѣе счастливый періодъ своей жизни Тессъ врядъ ли возобновила бы знакомство при такихъ условіяхъ, но теперь она была совершенно одинока и сейчасъ же отвѣтила на привѣтствіе Маріанны.

Маріанна была очень сдержанна въ своихъ разспросахъ; ее, повидимому, больше всего трогало то обстоятельство, что Тессъ принуждена была вести прежнюю трудовую жизнь, хотя она уже слышала мелькомъ, что Клэръ оставилъ ее.

— Тессъ, м-съ Клэръ, дорогая жена дорогого м-ра Клэра! Такъ тебѣ, правда, такъ плохо приходится, дитя мое? И почему ты обвязала свое милое личико? Кто-нибудь прибилъ тебя? Не *онъ* ли?

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Никто не билъ меня, Маріанна.

Она сорвала повязку, возбудившую такія дикія предположенія.

— У тебя нѣтъ воротничка?

На мызѣ Тессъ привыкла носить маленькій бѣлый воротничекъ.

— Да, я знаю.

— Ты потеряла его дорогой?

— Я не потеряла его. Но я не хотѣла обращать на себя особеннаго вниманія, и поэтому я должна была снять его.

— И ты не носишь обручальнаго кольца?

— Нѣтъ, я ношу, но только не на пальцѣ, а на ленточкѣ, на

не хотѣла, чтобы кто-нибудь узналъ, за кѣмъ я замужемъ, бще, что я замужемъ; мнѣ было бы это слишкомъ больно, жизни, которую я должна вести теперь.

ішин помолчали немного.

Но ты жена джентльмена, и это очень дурно, что ты должна акую жизнь.

Да, это очень дурно и поэтому я такъ несчастна.

Да, да! *Онъ* женился на тебѣ—и ты можешь быть несчастна! Жены бываютъ иногда несчастны не отъ недостатковъ свокей, но отъ своихъ недостатковъ.

У тебя нѣтъ недостатковъ, дорогая моя, я увѣрена въ и у него также. Это было что-нибудь такое, что не зависѣвасъ обоихъ.

Маріанна, дорогая Маріанна, будь добра, не мучай меня сами. Мой мужъ уѣхалъ, а я, чтобы прокормить себя, должна ернуться къ прежней работѣ. Не называй меня м-съ Клэръ, ъ, какъ прежде. Нужна здѣсь работница?

О, да; они очень рады будутъ всякой работницѣ, такъ какъ ало охотницъ работать. Земля-то здѣсь точно камень. И акъ я уже испробовала здѣшней работы, меня беретъ жакогда сюда приходятъ такія, какъ ты.

Но на мызѣ ты считалась такою же хорошею работницей, я.

Да, но я не годилась тамъ больше, потому что стала пить. й, теперь это мое единственное счастье. Если ты наймешьь, тебя поставятъ копать свеклу, это и моя работа, но для а будетъ слишкомъ трудна.

О, все равно! Замолви за меня словечко.

Ты лучше сдѣлаешь, если сама поговоришь за себя.

Хорошо. А теперь, Маріанна, помни, пожалуйста,—ни слоъ. Я не хочу, чтобы его имя всюду трепали.

іанна была дѣвушкой заслуживающею довѣрія, хотя болѣе чѣмъ Тессъ; она обѣщала исполнить ея просьбу.

Сегодня вечеромъ выдаютъ разсчетъ,— сказала она,— и пойдешь со мной, ты можешь наняться. Мнѣ очень грустты несчастна, но это потому, что онъ далеко отъ тебя. ъ здѣсь, ты не могла бы быть несчастна, даже еслибъ онъ лъ тебѣ денегъ, даже еслибъ онъ обращался съ тобой какъ ней.

Да, это правда. Я не была бы несчастна.

пошли вмѣстѣ и скоро пришли къ фермѣ, которая поража-

ъ видомъ. Кругомъ не было ни деревца, ни кустика; не видно было, благодаря зимнему времени, зеленыхъ луговъ. Куда ни обращался взоръ, всюду виднѣлись только земля, оставленная подъ паромъ, и поля свеклы. Ровныя поля, разгороженныя заборами, тянулись на безконечныя пространства.

Тессъ подождала на улицѣ, около фермы, пока работники и работницы получили свою плату, и тогда Маріанна ввела ее. Самого фермера не было дома, но хозяйка, которая замѣняла его, ничего не имѣла противъ того, чтобы оставить ее, если только она согласится пробыть до Благовѣщенія. Женщины рѣдко предлагали теперь свои услуги для полевой работы, а дешевизна женскаго труда заставляла предпочитать ихъ мужчинамъ.

Подписавъ условіе, Тессъ пошла искать себѣ помѣщеніе и нашла его въ томъ домѣ, около стѣны котораго она грѣлась. Ей предстояло довольно жалкое существованіе, но она все же могла кое-какъ провести зиму.

Ночью она написала своимъ родителямъ, чтобы сообщить имъ свой новый адресъ, но ни слова не сказала имъ о своей печальной жизни: она не хотѣла навлечь упрековъ на него.

XLIII.

Маріанна нисколько не преувеличивала, дурно отзываясь о почвѣ Флинткомбъ-Аша. Единственнымъ жирнымъ существомъ здѣсь была сама Маріанна, но и она не была продуктомъ здѣшней мѣстности. Флинткомбъ-Ашъ была одной изъ самыхъ бѣднѣйшихъ деревень.

Тессъ принялась за работу. Терпѣніе, эта смѣсь нравственнаго мужества съ физическою робостью, составляло отличительную черту м-съ Энджель Клэръ, и оно поддерживало ее теперь.

Поле, въ которомъ работала она и ея подруга, простиралось болѣе чѣмъ на сто акровъ въ одномъ кускѣ, въ самой возвышенной мѣстности фермы, съ кремнистою почвой мѣловой фармаціи, усыпанной массой плоскихъ, круглыхъ и заостренныхъ кремней.

Верхняя часть растенія была съѣдена скотомъ и обѣ женщины должны были выкапывать корни съ помощью особыхъ крючковатыхъ вилъ. Вся зелень была уничтожена и поле представляло самый безотрадный видъ, какъ лицо, лишенное опредѣленныхъ очертаній. Небо смотрѣло также уныло и отличалось отъ земли только другимъ цвѣтомъ.

Обѣ онѣ были молоды и разговаривали о томъ времени, когда

на Тальботэйской мызѣ и любили, о томъ счастливомъ
уголкѣ, гдѣ лѣто раздавало такъ щедро свои дары. Тессъ
говорить съ Маріаной о человѣкѣ, который все же былъ
законнымъ мужемъ, но непреодолимая увлекательность
заставляла ее помимо воли принимать участіе въ воспо-
Маріанны.
ясный день можно видѣть отсюда холмы Фрумской доли-
ала Маріанна.
Ты видѣла?—сказала Тессъ, обрадованная неожиданнымъ
зомъ этой мѣстности.
ильно въ каждомъ существѣ стремленіе къ счастью, что
, за этою тяжелою работой, обѣ женщины жили мечтами
ихъ радостяхъ. Маріанна время отъ времени вынимала
на бутылку, заткнутую тряпкой, и предлагала Тессъ вы-
подкрѣпленія силъ. Но Тессъ такъ была погружена въ
ошедшемъ, что не замѣчала печальнаго настоящаго, она
, сдѣлавъ только маленькій глотокъ, и Маріанна одна по-
водку.
привыкла къ ней,—говорила она,—и не могу уже оста-
перь. Это моя единственная роскошь. Видишь ли, для меня
инъ навсегда, а для тебя нѣтъ, поэтому ты и можешь об-
безъ водки.
думала, что ея потеря была еще больше, чѣмъ потеря
но поддерживаемая сознаніемъ, что она жена Энджеля
молча согласилась съ ней.
этой печальной природы Тессъ работала и въ утреннiе
въ послѣобѣденные дожди. Прежде чѣмъ выкопать свеклу,
и рѣзакомъ мерзлую землю и волокна; отъ дождя онѣ за-
соломенными плетенками; но морозъ былъ такъ силенъ,
овчинныя перчатки не спасали ихъ пальцевъ, когда онѣ
ли рыться въ мерзлой землѣ. Тессъ все надѣялась. Она
рена, что рано или поздно великодушiе, отличительная
ра, какъ она думала, заставитъ его вернуться къ ней, и
ля нея зима и эта трудная работа, когда впереди ей сіяла
надежда?
асто смотрѣли въ ту сторону, гдѣ лежала Фрумская доли-
не могли видѣть ее; и, устремивъ взоры на нависшій сѣ-
ъ, онѣ вспомнили то время, когда жили тамъ.
ъ,—сказала Маріанна,—мнѣ бы хотѣлось, чтобы кто-
ь нашихъ прежнихъ подругъ пришелъ къ намъ. Тогда
мы возобновили тальботэйскiе дни. Мы говорили бы о

какъ мы жили тамъ, какъ мы проводили тамъ время, и все это опять вернулось бы къ намъ въ воспоминаніи.—Глаза Маріанны наполнились слезами и голосъ ея сдѣлался тише, какъ будто бы передъ ней проносились видѣнія прежнихъ дней. — Я напишу Иццъ Гюэттъ,—сказала она.—Она живетъ теперь дома и ничего не дѣлаетъ, я знаю это. Я напишу ей, что мы здѣсь, и попрошу ее придти; можетъ быть, и Ретти теперь поправилась.

Тессъ ничего не могла возражать противъ этого предложенія и нѣсколько дней спустя Маріанна сообщила ей, что Иццъ отвѣтила на ея письмо и обѣщала скоро придти сюда.

Давно уже не стояла такая зима. Она подвигалась медленными, но вѣрными шагами, подобно шахматамъ, разставленнымъ искусною рукой опытнаго игрока. Однажды утромъ деревья и кустарники, служившіе вмѣсто забора, какъ бы превратились вдругъ изъ растеній въ какихъ-то чудныхъ животныхъ. Каждая вѣтвь была покрыта бѣлымъ покровомъ, похожимъ на пухъ. На сѣрыхъ мрачныхъ небесахъ эти деревья и кустарники представляли блестящую бѣлую массу съ причудливыми очертаніями.

Однажды наступила особенно странная погода. Сверху падала какая-то влага, хотя это не былъ дождь, и было холодно. Сырость пронизывала ихъ до костей, отъ холода у нихъ болѣли головы и глаза. Онѣ предполагали, что долженъ пойти снѣгъ, и ночью снѣгъ дѣйствительно выпалъ. Тессъ, которая продолжала жить въ коттеджѣ, стѣна котораго такъ тепло пригрѣла ее, когда она остановилась подъ ней, спасаясь отъ дождя, проснулась ночью и услыхала надъ головой такой шумъ, какъ будто бы вѣтеръ срывалъ крышу дома. Когда она рано утромъ зажгла лампу, она увидала, что снѣгъ проникъ сквозь трещины въ жилище и бѣлымъ налетомъ покрывалъ стѣны; онъ прошелъ также сквозь каминную трубу и слоемъ лежалъ на полу, такъ что башмаки Тессъ, когда она двигалась, оставляли на немъ слѣды. Снаружи бушевала буря и въ кухнѣ клубился туманъ, но было слишкомъ темно, чтобы разглядѣть, что дѣлалось на дворѣ.

Тессъ знала, что въ такую погоду невозможно идти въ поле, и когда она кончала завтракать при свѣтѣ маленькой лампочки, вошла Маріанна и сказала, что сегодня онѣ будутъ работать на гумнѣ вмѣстѣ съ другими женщинами, пока не утихнетъ погода. Когда только нависшій мракъ нѣсколько разсѣялся и смѣнился однообразнымъ сѣрымъ свѣтомъ, онѣ затушили лампу, надѣли самыя теплыя платья, обвязали голову, шею и щеки шерстяными платками и пошли къ гумну. Онѣ согнувшись пробирались впе-

сь держаться около плетней, которые, впрочемъ, по-
скорѣе на сито и мало защищали ихъ отъ непогоды.
лавшись совсѣмъ бѣлымъ отъ миріадъ снѣжинокъ,
тилъ съ такою бѣшеною яростью, какъ будто бы хо-
ить все въ непроглядный хаосъ. Но обѣ молодыя дѣ-
въ прекрасномъ настроеніи; такая погода въ суровомъ
ie наводитъ унынія на душу.
ли, наконецъ, до риги и вошли въ нее. Одинъ конецъ
нія былъ наполненъ зерномъ. Въ серединѣ на очищен-
стояла молотилка и около нея лежали по равнымъ ку-
сноповъ пшеницы, сколько могла остарновать въ день
дина.
, Иццъ уже здѣсь?—сказала Маріанна.
ствительно была Иццъ и она пришла еще раньше ихъ.
наканунѣ послѣ обѣда и, не думая, что разстояніе такое
ла на дорогѣ застигнута ночью, пришла какъ разъ пе-
о и переночевала въ трактирѣ. Фермеръ, встрѣтив-
рѣ съ ея матерью, сказалъ, что возьметъ ее, если она
дня, и она боялась, что онъ откажетъ ей, если она

ссъ, Маріанны и Иццъ, здѣсь были еще двѣ сестры изъ
евни, и Тессъ къ своему ужаса узнала въ нихъ смуг-
«Королеву лопатъ», и ея сестру, «Королеву брилліан-
ъ самыхъ, которыя хотѣли вступить въ драку съ нею
антриджѣ. Онѣ сдѣлали видъ, что не узнаютъ ее, а,
, и въ самомъ дѣлѣ не узнали, такъ какъ по случаю
работы были уже подъ вліяніемъ спиртныхъ напит-
сполняли преимущественно всѣ мужскія работы до
ючительно, городили плетни, рыли канавы и колодцы,
никогда ни малѣйшей усталости. Онѣ славились, какъ
ботницы, и съ видомъ превосходства смотрѣли на
грехъ женщинъ.
ъ день, но свѣтъ поднимался къ нимъ сквозь откры-
земли, вмѣсто того, чтобы спускаться съ неба. Дѣ-
но работали. Но, благодаря, присутствію постороннихъ
льзовавшихся дурною репутаціей, Маріанна и Иццъ не
ть о прежнихъ временахъ, какъ онѣ хотѣли. Скоро
и мягкій топотъ лошадиныхъ копытъ и къ ригѣ подъ-
ръ. Онъ слѣзъ съ лошади, направился къ Тессъ, сталъ
нея и смотрѣлъ ей прямо въ лицо. Тессъ сначала не
ь, но его упорный взглядъ заставилъ ее повернуть го-

лову, и она увидала, что ея хозяинъ былъ тотъ самый человѣкъ, родомъ изъ Трантриджа, отъ котораго она недавно спасалась бѣгствомъ.

Онъ дождался, покуда она отнесла охапку соломы, и сказалъ ей:

— Такъ ты та самая молодая женщина, которая такъ дурно отнеслась ко мнѣ, несмотря на мою вѣжливость? Я сейчасъ же догадался, что это та самая, когда узналъ, что ты нанялась къ намъ! Да, ты думала, что ты хорошо насмѣялась надо мною тамъ на постояломъ дворѣ съ твоимъ франтомъ и здѣсь на дорогѣ, когда ты убѣжала отъ меня, ну, а теперь, я думаю, я могу потѣшиться надъ тобою,—заключилъ онъ съ грубымъ смѣхомъ.

Тессъ, между двумя служанками и фермеромъ, была похожа на пойманную птичку. Она ничего не отвѣчала и молча продолжала работать. Она видѣла теперь, что ей нечего бояться ухаживанья со стороны хозяина. У него была скорѣе злоба противъ нея за то оскорбленіе, которое нанесъ ему Клэръ, и ему хотѣлось отомстить ей. Но она предпочитала лучше такое отношеніе къ ней со стороны этого человѣка и чувствовала себя достаточно мужественной, что бы выдержать его преслѣдованія.

— Ты, кажется, вообразила, что я влюбился въ тебя? Многія женщины такъ глупы, что воображаютъ, будто каждый, кто посмотритъ на нихъ, влюбленъ въ нихъ. Зимняя работа въ полѣ выбиваетъ изъ головы весь этотъ вздоръ; ты подписала условіе до Благовѣщенья. Ну, что же, теперь ты попросишь у меня прощенія?

— Мнѣ кажется, что вамъ скорѣе надо просить прощенія у меня.

— Хорошо, какъ хочешь. Но мы увидимъ, кто здѣсь хозяинъ. Это все, что ты сдѣлала сегодня?

— Да, сэръ.

— Маловато, нечего сказать. Посмотри, сколько онѣ наработали,—и онъ указалъ на двухъ здоровенныхъ дѣвушекъ.—И другія всѣ сдѣлали больше, чѣмъ ты.

— Онѣ всѣ уже привыкли къ этой работѣ, а я еще ни разу не пробовала. Но я думаю, что для васъ это все равно,—мы работаемъ сдѣльно, и намъ платятъ только за то, что мы сдѣлали.

— Положимъ, что такъ, но я хочу поскорѣе очистить ригу.

— Я буду работать послѣ обѣда, вмѣсто того, чтобы уйти въ два часа, какъ другія.

Онъ мрачно посмотрѣлъ на нее и отошелъ.

Тессъ чувствовала, что болѣе плохого мѣста трудно было отыскать, но все же это было лучше, чѣмъ ухаживанье. Когда про-

а, двѣ сестры работницы допили послѣдній глотокъ изъ
локъ, положили свои рѣзаки, связали послѣдніе снопы
ь и Маріанна хотѣли тоже уйти, но, услышавъ, что Тессъ
обы лишними часами работы возмѣстить недостатокъ
гѣ рѣшили остаться съ ней. Посмотрѣвъ на снѣгъ, ко-
родолжалъ падать, Маріанна воскликнула:
, теперь мы остались совсѣмъ однѣ!
' нии завязался, наконецъ, разговоръ объ ихъ жизни
само собой, конечно, объ ихъ любви къ Энджелю Клэру.
ь и Маріанна,— сказала м-съ Энджель Клэръ съ досто-
особенно трогательнымъ въ виду того, что она такъ ма-
женой.— Я не могу какъ прежде говорить съ вами о
вы сами должны знать, что я не могу; хотя теперь
ветъ со мною, но все же онъ мой мужъ.
ь природы была самая грубая и деракая изъ всѣхъ четы-
ѣкъ, любившихъ Клэра.
былъ, безъ сомнѣнія, прекраснымъ женихомъ,— ска;
но я не думаю, чтобы онъ былъ очень любящимъ му-
гакъ скоро бросилъ тебя.
надо было ѣхать, онъ долженъ былъ уѣхать, чтобы по-
мъ земли,— защищала его Тессъ.
могъ поѣхать туда послѣ зимы.
но тутъ былъ одинъ случай, одно недоразумѣніе, мы
бвинять его,— говорила Тессъ со слезами къ голосѣ.—
его нельзя сказать, кромѣ хорошаго. Онъ не уѣхалъ,
мужья, ничего не сказавъ мнѣ. Я всегда могу узнать,
одится.
того онѣ нѣкоторое время работали молча, погруженныя
свои мечты. Онѣ вытаскивали солому, клали ее подъ
ромъ рѣзака отрубали колосья. Было слышно только
оломы и удары рѣзака. Вдругъ Тессъ пошатнулась и
на кучу пшеничныхъ колосьевъ у ея ногъ.
ала, что тебѣ не выдержать! — вскричала Маріанна.—
больше силы, чѣмъ у тебя.
зъ въ эту минуту вошелъ фермеръ.
акъ-то ты работаешь, когда меня нѣтъ? — сказалъ

ъ убыткѣ, вѣдь, буду только я,— защищалась она,—

чу, чтобы все это было кончено,— сурово проговорилъ
я черезъ ригу, вышелъ въ другія двери.

ія него вниманія, дорогая моя,— сказала Ма-
тала здѣсь. Ты иди и ложись, а Ицъ и я кон-
боту.
ся, чтобы вы работали за меня.

тѣмъ не менѣе, она была такъ измучена, что согласилась лечь въ другомъ углу риги на кучу соломы, чтобы немного отдохнуть.

Ея слабость была вызвана скорѣе нравственнымъ волненіемъ сначала отъ этого разговора объ ея мужѣ, а потомъ отъ грубыхъ словъ фермера. Она лежала въ какомъ-то странномъ нервномъ состояніи, лишенная всякой воли; шуршанье соломы и стукъ рѣзака въ рукахъ дѣвушекъ причиняли ей почти физическую боль.

Вмѣстѣ съ этими звуками до нея долеталъ шепотъ ихъ голосовъ. Она была увѣрена, что онѣ продолжаютъ прерванный разговоръ, но онѣ говорили такъ тихо, что она не могла уловить слова. Безпокойное желаніе узнать, что̀ онѣ говорили, подъ конецъ такъ стало мучить ее, что она не могла больше лежать, и, увѣривъ себя, что она достаточно отдохнула, встала и опять принялась за работу.

Но теперь силы оставили Ицъ Гюэттъ. Наканунѣ она прошла болѣе чѣмъ двѣнадцать миль, легла спать въ полночь, а въ пять часовъ уже была опять на ногахъ. Одна только Маріанна, благодаря бутылкѣ водки и крѣпкому сложенію, была все такъ же бодра и не чувствовала усталости ни въ спинѣ, ни въ рукахъ. Тессъ уговорила Ицъ уйти, обѣщая ей, если будетъ хорошо себя чувствовать, поработать и за нее, такъ чтобъ у нихъ осталось одинаковое
сло сноповъ.

Ицъ съ благодарностью приняла ея предложеніе и скрылась въ
ьшую дверь риги, по снѣжной дорогѣ къ дому. Маріан-
, какъ это часто съ ней случалось послѣ обѣда, благодаря бутыл-
, впала въ романическое настроеніе.

— Я никакъ не ожидала этого отъ него, никакъ,— говорила
печальнымъ голосомъ.— А я такъ любила его! Я не сердилась
него за тебя. Но съ Ицъ онъ поступилъ очень дурно.

Тессъ, испуганная ея словами, чуть не отрубила себѣ рѣзакомъ
лецъ.

— Ты говоришь про моего мужа?— простонала она.

— Да, про него. Ицъ просила не говорить тебѣ этого, но я не
у удержаться. Ты знаешь, что онъ предлагалъ ей? Онъ просилъ
поѣхать съ нимъ въ Бразилію.

Лицо Тессъ сдѣлалось бѣлѣе снѣга и губы ея дрогнули.

— А Ицъ отказалась поѣхать съ нимъ?— спросила она.

— Не знаю. Но онъ измѣнилъ свое намѣреніе.

— О, значитъ, онъ не серьезно говорилъ это. Это была просто шутка съ его стороны.

— Нѣтъ, онъ серьезно предлагалъ ей, и даже проѣхалъ съ ней нѣсколько миль къ станціи.

— Онъ бы не взялъ ее.

Онѣ работали нѣкоторое время въ молчаніи, какъ вдругъ Тессъ внезапно разрыдалась.

— Ну, вотъ!—сказала Маріанна.—Я жалѣю теперь, что сказала тебѣ.

— Нѣтъ, ты хорошо сдѣлала, что сказала. Я шла по совершенно ложному пути и не замѣчала, куда онъ можетъ привести меня. Я должна была чаще писать къ нему. Онъ сказалъ мнѣ, что я не должна пріѣзжать къ нему, но не запрещалъ мнѣ писать сколько я хочу. Теперь я буду поступать по-другому. Я была очень виновата, что не воспользовалась всѣмъ, что онъ разрѣшилъ мнѣ, и пренебрегла его позволеніемъ.

Слабый свѣтъ, проникавшій въ ригу, становился все слабѣе и онѣ не могли больше работать.

Когда Тессъ вечеромъ пришла домой и вошла въ свою маленькую, опушенную снѣгомъ комнату, она сейчасъ же стала писать Клэру. Но скоро сомнѣнія овладѣли ею и она не могла кончить письма. Она сняла обручальное кольцо съ ленты, на которой носила его около своего сердца, надѣла его на палецъ и такъ оставила его на ночь, какъ бы для того, чтобы лучше убѣдить себя, что она дѣйствительно жена любимаго человѣка, который сейчасъ же послѣ разлуки съ нею могъ предложить Иццъ поѣхать съ нимъ въ Бразилію. Зная это, какъ могла она теперь обращаться къ нему съ просьбами и говорить ему, что она любитъ его еще больше прежняго?

XLIV.

Послѣ неожиданнаго сообщенія Маріанны въ ригѣ мысли Тессъ все чаще и чаще направлялись къ отдаленному викаріату въ Эминстерѣ, о которомъ она часто думала и раньше. Клэръ сказалъ ей, чтобъ она посылала ему письма черезъ его родителей, если пожелаетъ писать ему; къ нимъ же она должна была обратиться въ случаѣ разныхъ затрудненій. Но сознаніе, что она не имѣетъ на него нравственнаго права, мѣшало Тессъ писать ему, а для его родителей, также какъ и для ея собственныхъ, послѣ замужства она какъ бы перестала существовать. Это отчужденіе отъ обѣихъ семей

происходило отъ ея независимаго характера и отъ нежеланія пользоваться чьею-нибудь добротой и состраданіемъ. Она хотѣла добиваться всего своими личными качествами и не хотѣла пользоваться этою чисто-внѣшнею связью, возникшею между ней и незнакомою ей семьей, только потому, что одинъ изъ членовъ этой семьи въ минуту увлеченія сдѣлалъ опрометчивый поступокъ, поставивъ въ церковной книгѣ рядовъ съ ея именемъ свое.

Но теперь разсказъ Ицъ ужалилъ ее въ самое сердце и положилъ предѣлъ ея самоотверженію. Почему ея мужъ не писалъ къ ней? Онъ, вѣдь, говорилъ, что сообщитъ ей названіе мѣстности, куда онъ отправился, а, между тѣмъ, до сихъ поръ не написалъ ни строчки, чтобы хотя сообщить свой адресъ. Можетъ быть, правда, онъ равнодушенъ къ ней? Можетъ быть, онъ болѣнъ? Можетъ быть, она должна была сдѣлать первые шаги? Конечно, она должна имѣть мужество, пойти въ викаріатъ, чтобъ узнать о немъ и выразить свое горе по поводу его молчанія. Если отецъ Энджеля былъ дѣйствительно добрый человѣкъ, какъ онъ говорилъ ей, онъ войдетъ въ ея положеніе, пойметъ, какъ страдаетъ ея измученное сердце. Она можетъ скрыть отъ него свое бѣдственное положеніе и тяжелую работу, которою она вынуждена заниматься.

Оставить ферму на недѣлѣ она не могла; воскресенье былъ единственный возможный для этого день. Флинткомбъ-Ашъ лежалъ на серединѣ мѣлового плоскогорья, желѣзная дорога еще не была проложена черезъ него, и ей надо было идти пѣшкомъ. Разстояніе въ одинъ конецъ равнялось пятнадцати милямъ и она должна была встать очень рано, чтобъ успѣть во-время вернуться.

Двѣ недѣли спустя послѣ снѣжной метели, вслѣдъ за которой наступили сильные морозы, она рѣшила, наконецъ, попробовать счастья и пуститься въ путь.

Въ воскресенье, въ три часа утра, она спустилась съ лѣстницы и вышла на улицу подъ открытое звѣздное небо. Погода была тихая; ея шаги стучали по землѣ, какъ по наковальнѣ.

Маріанна и Ицъ были очень заинтересованы этою экскурсіей, зная, что она касается ея мужа. Онѣ жили недалеко отъ коттэджа и пришли снарядить Тессъ для этого путешествія, уговаривая ее надѣть самое хорошенькое платье, чтобы побѣдить сердца родителей ея мужа; но она, зная суровыя кальвинистскія правила старой м-съ Кларъ, выразила на этотъ счетъ свои сомнѣнія. Прошелъ уже годъ со времени ея замужства, но, несмотря на ея бѣдность, у нея все же сохранились кое-какіе остатки отъ ея прежняго богатаго гардероба, и она одѣлась очень мило, хотя безъ всякой пре-

и подобало простой крестьянской дѣвушкѣ:
гье сѣраго цвѣта, бѣлый креповый шарфъ,
енькое личико, черная бархатная жакетка и

о твой мужъ не можетъ видѣть тебя теперь:
цею красавицей!—сказала Ицци Гюэттъ, лю-
она стояла озаренная мерцаніемъ звѣздъ.
великодушнымъ самозабвеніемъ. Въ присут-
ла враждебно относиться къ ней,—такъ ве-
съ даже на существа женскаго пола; ея кро-
ія нравственная сила побѣждали даже самыя
ества—зависть и соперничество.
слѣднія складочки, одернувъ ее съ той и съ
наконецъ, отпустили ее и она исчезла въ чи-
звѣтныхъ сумерокъ. Онѣ слышали, какъ въ
звучали ея шаги по твердой дорогѣ. Даже
путешествіе ея принесетъ ей счастье, и безъ
аженія къ своимъ собственнымъ добродѣте-
что случай помѣшалъ ей причинить горе
встрѣчѣ съ Клэромъ.

ода съ тѣхъ поръ, какъ Клэръ женился на
ше года съ тѣхъ поръ, какъ они разстались.
какъ Тессъ, эта ходьба по мѣловымъ горамъ
имняго утра не могла быть утомительною, и
впередъ. Безъ сомнѣнія, она мечтала доро-
атери своего мужа, разсказать этой лэди всю
ь ее на свою сторону и вернуть съ ея по-

вершины горы, внизу которой простиралась
жая долина, теперь окутанная туманомъ и

оздуха плоскогорія, внизу разстилался сине-
Вмѣсто большихъ полей въ сотни акровъ, на
аботала, передъ ней лежали маленькія поля,
акровъ, и въ такомъ многочисленномъ коли-
возвышенности они казались петлями на рас-
эти поля казались сѣровато-коричневыми, а
а зелеными, какъ въ Фрумской долинѣ. Въ
ея несчастіе и она не любила ее теперь, какъ
ея, какъ и для всѣхъ несчастныхъ людей,

лежала не въ вещи самой по себѣ, но въ томъ, что̀ символизировала собой эта вещь.

Оставивъ долину съ правой стороны, она продолжала идти по направленію къ западу, перешла черезъ Хинтоксъ, пересѣкла горную дорогу отъ Шершонъ-Аббаса до Кастербриджа и прошла мимо Хай-Стой и Ребдонъ-Хила. Все продолжая идти по горной дорогѣ, она дошла до Кроссъ-ин-Ханда, гдѣ большія каменныя скалы стояли молча и одиноко, какъ памятники какого-нибудь чуда или преступленія, а можетъ быть того и другого. Три мили дальше она пересѣкла длинную и пустынную Романскую дорогу и спустилась съ холма по поперечной дорогѣ къ маленькому городу или деревнѣ Эверхидъ, пройдя около половины всего пути. Здѣсь она остановилась и сытно позавтракала не въ трактирѣ,—она избѣгала ихъ теперь,—а въ коттэджѣ около церкви.

Вторая половина ея путешествія шла по болѣе веселымъ мѣстамъ. Но по мѣрѣ того, какъ сокращались мили, отдѣлявшія ее отъ цѣли ея экскурсіи, вѣра ея уменьшалась и предпріятіе казалось ей теперь безумнымъ. Ея намѣреніе представлялось ей въ такихъ ужасныхъ чертахъ, что она съ трудомъ разбирала окружающія ее мѣстности и чуть не сбилась съ дороги. Наконецъ, около полудня она остановилась у воротъ въ концѣ пруда, гдѣ находился Эминстеръ и викаріатъ.

Четырехъугольный домъ, въ которомъ теперь, по ея мнѣнію, долженъ былъ находиться пасторъ и ея семья, имѣлъ мрачный видъ. Она жалѣла, что не могла придти въ будни. Онъ, навѣрное, будетъ предубѣжденъ противъ нея за то, что она выбрала воскресенье, не зная, что̀ заставило ее выбрать этотъ день. Но теперь она все же должна была идти туда. Она сняла толстые сапоги, въ которыхъ шла, надѣла хорошенькіе сапожки изъ тонкаго сафьяна и, положивъ первые около забора, надѣясь взять ихъ тамъ, когда будетъ возвращаться, спустилась съ холма. Свѣжій воздухъ разрумянилъ ея щеки, но онѣ быстро блѣднѣли по мѣрѣ того, какъ она приближалась къ аббатству.

Тессъ надѣялась, что какой-нибудь счастливый случай поможетъ ей, но такого случая не представилось. Кусты на лужайкѣ, около викаріата, непривѣтливо шумѣли подъ дуновеніемъ холоднаго вѣтра; какъ она ни старалась возбудить свое воображеніе, она никакъ не могла заставить себя почувствовать, что въ этомъ домѣ живутъ ея близкіе родные. Она сдѣлала надъ собой усиліе, открыла калитку палисадника, подошла къ двери и постучала въ молотокъ. Шагъ былъ сдѣланъ, отступленіе казалось невозможнымъ. Но

в отвѣтилъ на ея стукъ. Она снова должна была сдѣлать
бой усиліе и постучала еще разъ. Волненіе отъ тѣхъ уси-
рыя она должна была дѣлать надъ собой, мучительное ожи-
усталость отъ пройденныхъ пятнадцати миль такъ обезси-
, что она должна была ухватиться за косякъ двери, чтобы
ть, и прислонилась къ стѣнѣ. Вѣтеръ былъ такой холодный,
тья плюща съежились и побѣлѣли; ихъ непрестанный шо-
ло ея ушей болѣзненно отзывался на ея нервахъ. Кусокъ
инной кровью бумаги, прилетѣвшій сюда изъ какой-нибудь
лавки, катался взадъ и впередъ по дорогѣ около дверей,
ъ легкій, чтобы улетѣть, и слишкомъ тяжелый, чтобы ле-
подвижно; нѣсколько пучковъ соломы носились вмѣстѣ съ

бой ударъ молотка былъ сильнѣе, но, попрежнему, никто
лъ. Тогда она отошла отъ двери и, хотя нерѣшительно, по-
ала на домъ, точно думала вернуться, но все же почувство-
легченіе, когда затворила за собой калитку. Ей вдругъ при-
мысль, что, можетъ быть, ее узнали здѣсь (какъ, она не
ы сказать) и отдали приказаніе не принимать.
сдѣлала все, что могла, но, рѣшившись не отступать те-
смотря на испытываемый ею страхъ, чтобы не раскаивать-
ъ, она вернулась опять, хотя дошла уже до угла и прошла
есь домъ, посматривая на окна.
она нашла объясненіе: они, конечно, всѣ до одного были те-
церкви. Она вспомнила, что ея мужъ говорилъ ей, какъ его
ребовалъ всегда, чтобы всѣ въ его домѣ до слугъ включи-
ходили къ обѣднѣ, а потомъ, по возвращеніи домой, они ѣли
ю пищу. Ей надо было только подождать, пока окончится
Но она не хотѣла обратить на себя вниманіе, дожидаясь на
и рѣшила выждать на дорогѣ, пока всѣ выйдутъ изъ церк-
когда она подошла къ церковной оградѣ, народъ сталъ вы-
ттуда и она очутилась среди толпы. Эминстерскіе прихо-
отрѣли на нее, какъ только могутъ смотрѣть жители ма-
о городка на женщину не ихъ прихода и, по всему вѣроя-
тому незнакомую. Она ускорила шаги и поднялась опять по
по которой пришла, чтобы переждать тамъ около изгороди,
мья викарія позавтракаетъ и будетъ въ состояніи принять
скоро оставила далеко за собой всю толпу, за исключеніемъ
олодыхъ людей, которые, взявшись подъ руку, быстро шли
за ней.
да они подошли ближе, она могла слышать ихъ голоса и съ

женскою чуткостью уловила въ нихъ сходство съ голосомъ ея мужа. Это были два его брата. Забывъ всѣ свои планы, она думала только объ одномъ, какъ бы они не нагнали ее теперь, когда она совсѣмъ не была приготовлена къ этой встрѣчѣ, и хотя сознавала, что они никакъ не могутъ узнать ее, она инстинктивно боялась ихъ. Чѣмъ скорѣе двигались они, тѣмъ скорѣе шла она. Они хотѣли, передъ тѣмъ, какъ идти домой обѣдать, нѣсколько согрѣться быстрою ходьбой, такъ какъ озябли во время длинной службы.

Только одно лицо опередило Тессъ—молодая женщина, повидимому, лэди, довольно интересная, хотя, можетъ быть, немного напыщенная и жеманная.

Тессъ почти нагнала ее, и въ это время шаги двухъ братьевъ раздались такъ близко за нею, что она могла слышать каждое ихъ слово. До сихъ поръ они ничего не говорили, что могло бы заинтересовать ее, но вдругъ одинъ изъ нихъ замѣтилъ молодую лэди, которая продолжала идти впереди, и сказалъ: «Это Мэрси Чантъ. Догонимъ ее».

Тессъ знала это имя. Эту молодую дѣвушку родители Энджеля прочили ему въ жены, и онъ, по всему вѣроятію, женился бы на ней, если бы не встрѣтился съ Тессъ. Одинъ изъ братьевъ продолжалъ: «Ахъ, бѣдный, бѣдный Энджель! Каждый разъ, какъ я вижу эту дѣвушку, я все болѣе сожалѣю, что онъ такъ поспѣшно женился на этой молочницѣ, или кто тамъ она была. Повидимому, во всей этой исторіи есть что-то странное. Я не знаю, уѣхала ли она теперь къ нему, или нѣтъ, но нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, когда я слышалъ о немъ, ея еще не было съ нимъ.

— Я тоже не знаю. Онъ теперь никогда ничего не говоритъ мнѣ. Его отчужденіе отъ меня началось еще давно вмѣстѣ съ его странными воззрѣніями, а этотъ печальный бракъ, повидимому, совсѣмъ оттолкнулъ его отъ меня.

Тессъ все быстрѣе и быстрѣе поднималась по холму, но она не могла все идти впереди нихъ, не обративъ на себя вниманія. Наконецъ, оба брата догнали ее и прошли мимо нея. Молодая лэди, услыхавъ сзади себя ихъ шаги, обернулась. Начались поклоны и привѣтствія, потомъ всѣ трое пошли вмѣстѣ.

Скоро они достигли вершины холма, что, повидимому, и было цѣлью ихъ прогулки. Здѣсь они замедлили шаги и подошли къ воротамъ, около которыхъ Тессъ стояла часъ тому назадъ и смотрѣла на разстилавшійся передъ ней городъ. Одинъ изъ братьевъ, разговаривая, водилъ зонтикомъ около забора и вдругъ вытащилъ на свѣтъ какой-то предметъ.

отрите, пара старыхъ сапогъ,—сказалъ онъ,—брошен-
ь, навѣрное, какимъ-нибудь бродягой.
кой-нибудь обманщикъ нарочно оставилъ ихъ здѣсь,
йти въ городъ босымъ и возбудить наше состраданіе,—
ссъ Чантъ.—Это, навѣрное, такъ, потому что сапоги пре-
совсѣмъ не изношены. Какъ это дурно! Я возьму ихъ съ
дамъ какому-нибудь бѣдняку.
съ Клэръ прицѣпилъ ихъ къ рукояткѣ своего зонтика, и
разомъ Тессъ лишилась своихъ сапогъ.
ышала все это, проходя мимо съ лицомъ, закрытымъ шер-
алью, и теперь, оглянувшись назадъ, увидала, что маленъ-
нія оставила ворота и спускалась съ холма вмѣстѣ съ ея

героиня все продолжала идти. Слезы, горькія слезы ли-
я лицу. Она знала, что только крайняя чувствительность
ть заставляютъ ее перетолковывать въ дурную для себя
е слышанное ею, но она не могла совладать съ собою;
душа была подавлена всѣми этими зловѣщими предзна-
ми. Она чувствовала, что эти элегантные люди относятся
къ къ какому-то презрѣнному существу. Къ ея несчастью,
тила братьевъ Энджеля, а не его отца, который, несмотря
нѣшнюю суровость, былъ далеко не такъ гордъ и высоко-
акъ они, и обладалъ неисчерпаемымъ источникомъ мило-
а вспомнила о своихъ пыльныхъ сапогахъ и пожалѣла
ольше за то пренебреженіе, съ которымъ они отнеслись къ
и, и вдругъ ей представилась вся горькая безнадежность
й жизни. Она плакала, плакала и о себѣ, и о своемъ му-
взсудки котораго принесли ей столько горя. Она не созна-
главное несчастіе ея жизни произошло отъ свойственнаго
нщинамъ недостатка мужества въ послѣднюю критиче-
уту. Ея одинокое положеніе, навѣрное, вызвало бы состра-
м-съ Клэръ. Какъ истинные христіане, они всегда съ
относились къ человѣческимъ страданіямъ и сердца ихъ
бы для любви къ этому бѣдному, покинутому существу.
возвращалась назадъ по длинной дорогѣ, по которой она
ла полная надежды и сознанія, что въ ея жизни наступа-
съ. Но никакого кризиса не произошло, и она, попрежне-
а проводить зиму въ мрачной фермѣ. Она подняла свой
къ бы для того, чтобы показать природѣ, что Мэрси Чантъ
ь спорить съ нею красотой. Но при этой мысли она.не-
качала головой. «Не все ли равно, не все ли равно?—го-

е любитъ меня, никто не видитъ меня! Кому какое дѣло до такого отверженнаго созданія, какъ я?»

Обратный путь казался ей страшно тяжелымъ. На Бенвильской дорогѣ она такъ устала, что сѣла отдохнуть на камни, около шлетня. До сихъ поръ она не входила еще ни въ одинъ домъ; послѣ семи-восьми миль ходьбы она спустилась, наконецъ, съ высокаго холма, у подошвы котораго лежала деревня Эверхидъ, гдѣ она съ такимъ аппетитомъ позавтракала утромъ. Коттэджъ около церкви, гдѣ она остановилась, стоялъ первымъ съ этого конца деревни; когда старуха подала ей молоко, Тессъ поглядѣла въ окно и замѣтила, что улица была совершенно пустынна.

— Народъ пошелъ къ вечерней службѣ, должно быть?—сказала она.

— Нѣтъ, голубушка,—отвѣчала старуха.—Теперь еще слишкомъ рано для вечерни, не звонили еще. Они всѣ пошли слушать проповѣдь въ ригу. Здѣсь одинъ проповѣдникъ говоритъ проповѣди между службами,—говорятъ, прекрасный человѣкъ и ревностный христіанинъ. Но я все же не хожу слушать его. Съ меня довольно проповѣдей въ церкви.

Тессъ скоро вышла изъ коттэджа и пошла по деревнѣ. Ея шаги звучали по пустынной улицѣ, какъ по кладбищу. Когда она прошла половину деревни, до нея стали долетать какіе-то звуки; увидѣвъ передъ собою ригу, она догадалась, что здѣсь происходитъ проповѣдь.

Голосъ проповѣдника звучалъ такъ отчетливо въ тихомъ ясномъ воздухѣ, что она могла слышать его слова, хотя она стояла за стѣной риги. Проповѣдникъ говорилъ проповѣдь объ оправданіи вѣрою пылкимъ энтузіазмомъ, хотя ему недоставало искусства діалекти и въ манерѣ его было много декламаторскаго. Хотя Тессъ не ихала начала, но она узнала текстъ, на который онъ говорилъ поповѣдь, благодаря его частому повторенію: «О, несмысленные аты! Кто прельстилъ васъ не покориться истинѣ,—*васъ*, у которъ предъ глазами предначертанъ Іисусъ Христосъ, *какъ бы* въ ъ распятый?»

Тессъ все болѣе и болѣе заинтересовывалась проповѣдью, такъ ъ въ доктринѣ, съ такою горячностью развиваемой проповѣдникъ, она узнавала взгляды отца Клэра. Ея вниманіе усилилось еще ѣе, когда онъ сталъ говорить, какимъ путемъ дошелъ до этихъ ядовъ. Онъ былъ, говорилъ онъ, величайшимъ изъ грѣшниковъ; смѣялся надъ всѣмъ, онъ погрязъ въ распутствѣ и порокахъ. настадъ день пробужденія, съ человѣческой точки зрѣнія спа-

му принесъ одинъ пасторъ, котораго онъ грубо оскорбилъ. ва проникли ему въ душу и жили въ немъ, пока, благодаря е совершили въ немъ душевнаго переворота и не сдѣлали о то, что они видятъ.

Тессъ болѣе, чѣмъ доктрина, интересовалъ голосъ проповѣд- ъ которомъ, какъ это ни казалось невозможнымъ, она узнала Алека д'Орбервиля. Ея лицо приняло страдальческое выра- она обошла ригу и стала около двустворчатыхъ дверей. Одна ія двери была открыта, такъ что лучи солнца падали на вдника и на его аудиторію. Всѣ слушатели были простые не и между ними она узнала человѣка, который когда-то грѣчѣ писалъ красною краской изреченія на заборахъ. Но вниманіе привлекла центральная фигура проповѣдника, ко- стоялъ на мѣшкѣ съ зерномъ лицомъ къ двери. Солнце па- ямо на него,—сомнѣнія больше не было: передъ нею былъ ьститель Алекъ д'Орбервиль.

ФАЗА ШЕСТАЯ.

Обращеніе.

XLV.

съ, съ тѣхъ поръ какъ ушла изъ Трантриджа до этой ми- ги разу не видала д'Орбервиля и ничего не слышала о немъ. рѣча пришлась въ тяжелую минуту, въ одну изъ тѣхъ ми- когда даже ничтожный случай можетъ вызвать сильное ду- потрясеніе. И такова сила неразсуждающей привычки, что ѣсь передъ ней стоялъ совершенно измѣнившійся человѣкъ, но скорбѣвшій о своихъ прошлыхъ заблужденіяхъ, ею овла- трахъ, парализовавшій ее до такой степени, что она не мог- гуться съ мѣста.

думать только, кто онъ былъ, когда она видѣла его въ по- разъ, и кого видѣла она передъ собою теперь! Все то же е, но непріятное лицо, только черные усы исчезли и, вмѣсто онъ носилъ теперь красиво расчесанные бакенбарды по ста- модѣ; одежда его была полудуховная и это такъ измѣнило ужность, что прежняго дэнди не осталось и слѣда; одну ми- ессъ даже усомнилась, дѣйствительно ли онъ стоялъ не- ю.

ъ-то странно и мрачно звучали въ ушахъ Тессъ торже- ыя слова Писанія, исходившія изъ устъ этого человѣка.

Этотъ слишкомъ хорошо знакомый голосъ говорилъ ей четыре года тому назадъ совсѣмъ другія слова, и сердце ея болѣзненно сжималось отъ этой злой иронiи судьбы. И все же передъ нею былъ въ самомъ дѣлѣ переродившійся человѣкъ.

Впрочемъ, перемѣну, происшедшую въ немъ, еще нельзя было назвать перерожденіемъ. Прежде чувственныя линiи его лица выражали теперь страстную набожность; щеки его горѣли теперь румянцемъ религiознаго энтузiазма, животность обратилась въ фанатизмъ, паганизмъ въ поклоненіе апостолу Павлу. Его глаза, горѣвшіе прежде огнемъ страсти и сознаніемъ собственнаго превосходства, теперь горѣли неукротимою энергiей фанатика. Бурныя вспышки, овладѣвавшія имъ прежде, когда не исполнялись его желанія, теперь находили себѣ исходъ въ описаніяхъ неисправимыхъ вѣроотступниковъ, коснѣющихъ во мракѣ своего безвѣрія.

Но это новое выраженіе какъ-то не шло къ очертаніямъ его лица. Странно, его возвышенность казалась неумѣстной, его стремленіе подняться—фальшью.

Но было ли это въ самомъ дѣлѣ такъ? Тессъ старалась побѣдить свое недовѣріе къ нему. Развѣ мало было порочныхъ людей, раскаявшихся въ своей грѣховности и захотѣвшихъ спасти свою душу, почему же такое стремленіе кажется ей неестественнымъ въ немъ? Великій грѣшникъ дѣлается часто великимъ святымъ. Не надо было слишкомъ углубляться въ исторiю христiанства, чтобы сдѣлать такое открытіе.

Всѣ эти чувства смутно волновали ее. Какъ только нервное потрясеніе, вызванное неожиданною встрѣчей, улеглось нѣсколько, она поспѣшила уйти. Конечно, онъ не могъ разглядѣть ее, такъ какъ она стояла спиной къ солнцу.

Но въ ту минуту, когда она сдѣлала движеніе, чтобы уйти, онъ узналъ ее. И волненіе, овладѣвшее ея бывшимъ любовникомъ при видѣ ея, было еще сильнѣе, чѣмъ у ней. Огонь и бурная страстность его краснорѣчія вдругъ потухли. Его губы вздрогнули и задрожали. Онъ не могъ продолжать при видѣ ея; сдѣлавъ усиліе надъ собою, онъ рѣшительно повелъ глаза въ противуположную сторону, но черезъ секунду взглядъ его, съ выраженіемъ отчаянія, опять остановился на ней. Все это продолжалось не болѣе минуты. Силы вернулись къ Тессъ, она быстро вышла изъ риги и скоро оставила за собой деревню.

Она шла не оборачиваясь. Она чувствовала еще на себѣ его взглядъ, который преслѣдовалъ ее и теперь, далеко за предѣлами риги. Всю дорогу, до этой встрѣчи, она была полна пассивнымъ

перь горе ея усилилось, но въ немъ произошла перемѣна.
лась, что ея прошедшее умретъ навсегда, но этого не
; прошлое не могло умереть, потому что она сама носила
о прошлое.
кенная въ свои мысли и чувства, она дошла до дороги на
ѣ, по которой ей надо было пройти остатокъ пути. Тессъ
поднималась по пустынной, однообразной дорогѣ, когда
сзади себя шаги; она быстро обернулась и увидѣла, что
иближается хорошо знакомая ей фигура, одѣтая въ чуж-
ежду методиста,—единственное лицо въ свѣтѣ, съ кото-
не хотѣла бы встрѣчаться на землѣ.
лишкомъ поздно для того, чтобы избѣжать этой встрѣчи,
ралась только овладѣть собой и какъ можно спокойнѣе
его. Она видѣла, что онъ очень возбужденъ и не столько
, сколько отъ волновавшихъ его чувствъ.
ссъ!—сказалъ онъ.
медлила шаги, но не обернулась.
ссъ!—повторилъ онъ.—Это я, Алекъ д'Орбервиль.
вернулась къ нему и онъ подошелъ къ ней.
вижу, что это вы,—холодно сказала она.
это все? Впрочемъ, я не заслуживаю бо́льшаго!... Я слы-
вы ушли, но никто не зналъ куда. Тессъ, вы удивляе-
пошелъ за вами?
, конечно. Я не знаю, зачѣмъ вамъ надо было идти

. можете говорить все это,—серьезно сказалъ онъ, когда
пошли впередъ вмѣстѣ на этотъ разъ.—Но вы ошибае-
ѣ; вы должны ошибаться во мнѣ, потому что вы не мо-
, какъ потрясло меня сейчасъ ваше неожиданное появ-
весьма понятно, если вспомнить, чѣмъ вы были для ме-
ъ помогъ мнѣ, и я почувствовалъ, что изъ всѣхъ людей
, прежде всего, долженъ спасти отъ ненависти женщи-
ю я когда-то такъ оскорбилъ. Я пришелъ только съ
ѣреніемъ.
ловахъ былъ оттѣнокъ презрѣнія, когда она сказала ему:
спасли ли вы себя? Говорятъ, что надо начинать съ себя.
ничего не сдѣлалъ! — страстно отвѣтилъ онъ.—Какъ я
лъ моимъ слушателямъ, все сдѣлали небеса. Все то пре-
горымъ вы хотите облить меня, Тессъ, ничто въ сравне-
съ презрѣніемъ, которое чувствовалъ къ себѣ я самъ. Я
азать вамъ, какъ совершилось мое обращеніе,—я над-

юсь, что вы все же немного интересуетесь мною и не откажетесь выслушать меня. Слыхали ли вы когда-нибудь объ эмминстерскомъ пасторѣ, старомъ м-ръ Клэръ,—навѣрное, слыхали? Одинъ изъ самыхъ серьезныхъ представителей своей школы, одинъ изъ самыхъ ревностныхъ христіанъ, оставшихся въ церкви, не такой ревностный, какъ тѣ вѣрующіе христіане, къ которымъ принадлежу я, но все же онъ составляетъ исключеніе между духовенствомъ, молодые представители котораго своими софизмами такъ искажаютъ настоящій смыслъ ученія, что скоро отъ него не останется и тѣни. Я расхожусь съ нимъ только по вопросу о церкви и государствѣ относительно толкованія текста: «Изыдите изъ среды ихъ и отдѣлитесь отъ нихъ», — сказалъ Господь. Онъ служитъ скромнымъ орудіемъ для спасенія душъ въ этой мѣстности. Вы слышали о немъ?

— Да, слышала,—сказала она.

— Два или три года тому назадъ онъ пришелъ въ Трантриджъ говорить проповѣдь въ пользу какого-то миссіонерскаго общества, а я, погибшій человѣкъ, какимъ я былъ, оскорбилъ его, когда онъ хотѣлъ пробудить мой разумъ и указать мнѣ путь. Онъ не разсердился на меня, онъ только сказалъ мнѣ, что наступитъ день, когда я получу первыя указанія отъ Св. Духа, что люди, которые смѣются, часто потомъ раскаиваются. Его слова глубоко запали въ мою душу, хотя тогда я не обратилъ на нихъ вниманія, и мало-по-малу свѣтъ озарилъ меня. Съ тѣхъ поръ единственное мое желаніе—наставлять на путь спасенія другихъ. Это я пробовалъ дѣлать и сегодня. Но я не сразу сталъ проповѣдывать здѣсь. Первые мѣсяцы моего служенія я провелъ на сѣверѣ Англіи, въ незнакомой мнѣ мѣстности. Тамъ начались мои первые робкіе шаги на этомъ поприщѣ, мнѣ надо было набраться мужества, прежде чѣмъ выступить здѣсь передъ людьми, знавшими меня прежде, передъ бывшими товарищами моей грѣховной жизни. Если бы вы могли знать, Тессъ, это чувство спокойствія, увѣренности, вы бы, я знаю...

— Оставьте меня въ покоѣ!—вдругъ вскричала она и, отойдя отъ него въ сторону, облокотилась на плетень около дороги. — Я не могу вѣрить въ эти внезапныя превращенія! Я чувствую негодованіе противъ васъ за то, что вы смѣете говорить мнѣ все это,— вы, сдѣлавшій мнѣ столько зла! Вы и всѣ подобные вамъ берутъ отъ жизни всѣ наслажденія, которыя только можно взять, наполняя отчаяніемъ и горемъ жизнь такихъ несчастныхъ существъ, какъ я, а потомъ, когда имъ надоѣстъ все это, они стараются обезпечить себѣ спасеніе на небесахъ, заплатить за всѣ свои наслаж-

денія обращеніемъ. Подите прочь отъ меня, я не вѣрю вамъ, я ненавижу васъ!

— Тессъ,—продолжалъ онъ,—не говорите такъ! Вѣра озарила меня какъ внезапный свѣтъ! Вы не вѣрите мнѣ? Но почему же вы не вѣрите мнѣ?

Она понизила свой голосъ.

— Потому что человѣкъ лучше, чѣмъ вы, не вѣритъ всему этому.

— Вотъ женская логика! Но кто же этотъ лучшій человѣкъ?

— Я не могу сказать вамъ.

— Хорошо,—сказалъ онъ, стараясь скрыть свою досаду при этомъ отвѣтѣ.—Господь не позволяетъ мнѣ сказать про себя, что я хорошій человѣкъ, и вы знаете, что я никогда не скажу ничего подобнаго. Правда, я только что вступилъ на путь добра, но новообращенные видятъ иногда очень далеко.

— Да,—отвѣчала она,—но я не вѣрю вашему обращенію на путь истинный. Я боюсь, Алекъ, что свѣтъ, озарившій васъ, не долго останется съ вами.

Она повернулась отъ плетня, на который облокотилась, и посмотрѣла на него. Его глаза упали на знакомыя ему формы и лицо и не могли оторваться отъ нея. Низменный человѣкъ былъ спокоенъ въ немъ теперь, но онъ не только не былъ искорененъ, но даже подчиненъ.

— Не смотрите на меня такъ,—отрывисто сказалъ онъ.

Тессъ, смотрѣвшая на него совершенно безсознательно, покраснѣла и пробормотала: «Извините меня!» Ею опять овладѣло чувство, которое она испытывала и раньше,—чувство какъ бы своей виновности въ томъ, что природа одарила ее такою привлекательною наружностью.

— Нѣтъ, нѣтъ! Не просите у меня извиненія. Но если вы носите вуаль, чтобы скрывать ваши чудные глаза, то почему вы не спустите ее теперь?

Она поспѣшно спустила вуаль, проговоривъ:

— Я надѣла ее отъ вѣтра.

— Съ моей стороны, можетъ быть, слишкомъ грубо дѣлать вамъ подобнаго рода предложеніе, но для меня лучше не смотрѣть на васъ слишкомъ часто. Это можетъ быть опасно. Женскія лица имѣли слишкомъ большую власть надо мною, я не могу ихъ не бояться. Евангелистъ не долженъ обращать на нихъ вниманіе, но они напоминаютъ мнѣ о старыхъ временахъ, которыя я хотѣлъ бы забыть.

Послѣ этого бесѣда ихъ ограничилась только краткими замѣчаніями, которыми они обмѣнивались время отъ времени. Они продолжали подниматься впередъ и Тессъ внутренно удивлялась, что онъ идетъ съ ней такъ далеко, но не имѣла духу отослать его назадъ какимъ-нибудь рѣшительнымъ словомъ. По дорогѣ имъ часто попадались на заборахъ и на воротахъ изреченія св. Писанія, написанныя красными буквами, и Тессъ спросила его, не знаетъ ли онъ, кто трудится надъ этою работой. Онъ сказалъ ей, что этотъ человѣкъ принадлежитъ къ ихъ общинѣ и они поручаютъ ему писать изреченія, потому что надо пользоваться всѣми средствами, чтобы дѣйствовать на сердца погибающаго поколѣнія.

Наконецъ, они дошли до дороги, называемой «Крестъ въ рукѣ» (Cross-in-Hand). Изъ всѣхъ дорогъ блѣднаго и безлюднаго плоскогорія эта дорога была самая пустынная. Она была такъ чужда всѣхъ тѣхъ прелестей, которыхъ ищутъ въ пейзажѣ художники и любители видовъ, что приближалась къ новому виду красоты,—къ отрицательной красотѣ трагической мрачности. Мѣсто получило свое названіе отъ каменнаго столба, стоявшаго здѣсь, страннаго монолита, неизвѣстнаго въ здѣшнихъ каменоломняхъ, на которомъ была отпечатана человѣческая рука. О происхожденіи и назначеніи этого камня ходили разные разсказы. Одни говорили, что этотъ камень — остатокъ прежней святыни, стоявшей на этомъ мѣстѣ; другіе—что камень всегда былъ такимъ же и его поставили здѣсь для обозначенія границы, или, можетъ быть, здѣсь собирались для митинговъ. Но, каково бы ни было происхожденіе камня, онъ придавалъ еще больше мрачности и торжественности окружающей его мѣстности; было въ немъ что-то такое, что дѣйствовало на самыхъ флегматичныхъ путниковъ.

— Здѣсь я долженъ оставить васъ,— сказалъ онъ, когда они подошли къ дорогѣ.— Мнѣ надо говорить проповѣдь въ аббатствѣ Сернель въ шесть часовъ вечера и моя дорога идетъ направо. Вы слишкомъ взволновали меня, Тесси,— я не могу и не хочу сказать почему. Я долженъ уйти и овладѣть собою... Отчего вы такъ хорошо стали говорить? Кто научилъ васъ такому хорошему англійскому языку?

— Я многому научилась во время моихъ несчастій,— уклончиво отвѣчала она.

— Какія же несчастія были у васъ?

Она разсказала ему про первое,— единственное, имѣвшее отношеніе къ нему.

! — сказалъ д'Орбервиль.— И до сихъ поръ я ни-
ь этомъ! Почему вы не написали ко мнѣ?
е отвѣчала, и онъ прервалъ молчаніе, сказавъ:
мы снова увидимся.
отвѣчала она.— Никогда больше не приходите ко

ію. Но, прежде чѣмъ мы разстанемся, подойдите
ошелъ къ столбу.— Здѣсь когда-то стоялъ святой
ію въ святыни, но я иногда боюсь васъ гораздо
можете бояться меня, и чтобы избавить меня отъ
ложите вашу руку на камень и поклянитесь, что
гдете искушать меня ни вашею красотой, ни ка-
гимъ способомъ.
! Какъ вы можете просить объ этомъ? Я никогда
не имѣла въ мысляхъ!
все же клянитесь, клянитесь! — отчаянно про-

Гессъ уступила его просьбамъ, положила руку на
ясь.
ь жаль, что вы не вѣрите,— продолжалъ онъ,—
кой-то невѣрующій овладѣлъ вашею душой и раз-
ъ. Но ни слова больше объ этомъ. Въ концѣ-кон-
молиться за васъ дома; я помолюсь за васъ, и кто
можетъ случиться? Я ухожу. Прощайте!
ися, подошелъ къ забору, перелѣзъ черезъ него и,
, сталъ спускаться по направленію къ аббатству.
видно было волненіе. Скоро, какъ бы побуждаемый
слью, онъ вынулъ изъ кармана маленькую библію,
которой лежало письмо, смятое и запачканное отъ
о чтенія. Д'Орбервиль развернулъ письмо. Оно бы-
колькими мѣсяцами раньше и въ концѣ стояла под-
пера.
налось выраженіемъ глубокой радости пастора по
я д'Орбервиля и благодарности за его письмо къ
ъ увѣрялъ, что давно п остилъ ему прежнее пове-
тересуется планами молодого человѣка на будущее.
», былъ бы очень радъ видѣть д'Орбервиля въ чис-
церкви, къ которымъ онъ самъ принадлежитъ, и по-
тупить въ духовный колледжъ для этой цѣли. Но
ется этого въ виду того, что это отниметъ много
не будетъ настаивать. Каждый человѣкъ долженъ

работать, какъ онъ находитъ лучшимъ и какъ ему указываетъ Св. Духъ.

Д'Орбервиль читалъ и перечитывалъ письмо и, казалось, это чтеніе укрѣпляло его. Потомъ онъ прочелъ нѣсколько страницъ изъ библіи; его лицо приняло, наконецъ, спокойное выраженіе и образъ Тессъ, повидимому, больше не смущалъ его душу.

Тессъ, между тѣмъ, шла домой кратчайшимъ путемъ по крутому спуску холма. Пройдя милю, она встрѣтила одинокаго пастуха.

— Что означаетъ этотъ камень, мимо котораго я прошла?— спросила она его.—Тамъ былъ когда-то святой крестъ?

— Крестъ? Нѣтъ, тамъ не было креста! Это дурное мѣсто, миссъ. Камень положили тамъ давно тому назадъ родственники одного злодѣя, который былъ замученъ на томъ мѣстѣ; сначала его руки пригвоздили къ камню, а потомъ повѣсили. Подъ камнемъ лежатъ его кости. Говорятъ, что онъ продалъ свою душу чорту и время отъ времени выходитъ изъ могилы.

Тессъ почувствовала, какъ дрожь пробѣжала по ней при этомъ неожиданномъ разсказѣ. Она оставила за собой пастуха и пошла дальше. Было уже поздно, когда она пришла къ Флинткомбъ-Ашу. При входѣ въ деревню она нагнала молодую дѣвушку и ея возлюбленнаго, незамѣченная ими. Между ними, повидимому, не было тайны. Чистый голосокъ молодой дѣвушки въ отвѣтъ на горячія увѣренія молодого человѣка нѣжными ласкающими нотами разносился въ свѣжемъ воздухѣ надъ мрачнымъ горизонтомъ, окутаннымъ мглою. На одну минуту эти голоса согрѣли бѣдное сердце Тессъ, но она сейчасъ же подумала, что это свиданіе такъ или иначе служитъ началомъ того же влеченія, которое принесло ей такъ много несчастія. Когда она подошла совсѣмъ близко, молодая дѣвушка спокойно обернулась и узнала ее; молодой человѣкъ въ смущеніи отошелъ. Дѣвушка была Иццъ Гюэттъ и ея интересъ къ путешествію подруги сейчасъ же взялъ верхъ надъ ея собственными дѣлами. Но Тессъ довольно неясно разсказала ей о результатахъ своей экскурсіи, и Иццъ съ свойственнымъ ей тактомъ перевела разговоръ на свое собственное маленькое дѣло.

— Это Эмби Сидангъ, парень, который, помнишь, приходилъ иногда помогать въ Тальботэйсъ,—спокойно объяснила она.—Онъ искалъ меня, узналъ, что я здѣсь, и пришелъ за мной. Онъ говоритъ, что уже два года влюбленъ въ меня. Но я не могла сказать ему ничего хорошаго.

XLVI.

Нѣсколько дней прошло послѣ напраснаго путешествія. Тессъ снова была въ полѣ. Суровый зимній вѣтеръ дулъ попрежнему, но она была защищена отъ него плетнемъ. Съ защищенной отъ вѣтра стороны стояла рѣзальная машина; недавно окрашенная въ яркій голубой цвѣтъ, она была единственнымъ яркимъ предметомъ въ ровномъ безцвѣтномъ пространствѣ. Противъ нея находилась большая яма, гдѣ съ ранней зимы сохранялась свекловица. Тессъ брала свекловицу, очищала ее своимъ ножемъ отъ земли и отъ волоконъ, потомъ бросала ее въ рѣзалку. Рабочій вертѣлъ ручку машины и ея рѣзкій звукъ смѣшивался со звукомъ ножа Тессъ.

Широкое ровное пространство земли, откуда выкопали свекловицу, теперь было все изрыто темными бороздами. Съ одного конца поля на другой медленно и ровно двигалась пара лошадей, впряженныхъ въ плугъ, которымъ управлялъ рабочій; онъ пахалъ землю для весенняго сѣва.

Часы шли за часами и ничто не нарушало монотонную работу. Вдругъ далеко за плугомъ показалось черное пятно. Оно появилось изъ-за угла огорода и двигалось по направленію къ машинѣ. Наконецъ, можно было разглядѣть, что это человѣкъ, одѣтый въ черное, который шелъ, повидимому, изъ Флинткомбъ-Аша. Рабочій, вертѣвшій ручку машины, не спускалъ глазъ съ путника, но Тессъ, глаза которой были заняты работой, не замѣтила его, покуда ея товарищъ не обратилъ на него ея вниманія.

Это не былъ ея грубый хозяинъ-фермеръ Гроби; это былъ человѣкъ въ полудуховной одеждѣ, который представлялъ теперь прежняго порочнаго Алека д'Орбервиля. Присутствіе рабочаго, повидимому, смутило его. Лицо Тессъ было все также грустно и блѣдно, она опустила голову и глубже надвинула на лобъ свой капоръ.

Д'Орбервиль подошелъ и тихо сказалъ ей:

— Мнѣ надо поговорить съ вами, Тессъ.

— Вы не могли исполнить послѣдней моей просьбы, не приходить ко мнѣ!—сказала она.

— Я пришелъ по важному дѣлу.

— Такъ скажите, въ чемъ оно состоитъ?

— Это гораздо серьезнѣе, чѣмъ вы предполагаете.

Онъ оглянулся, не слышитъ ли его кто-нибудь. Они были въ нѣкоторомъ разстояніи отъ рабочаго, вертѣвшаго ручку, а стукъ машины настолько заглушалъ голосъ Алека, что никто, кромѣ Тесс ,

иль сталъ противъ Тессъ спиною къ
могъ видѣть ее.

родолжалъ онъ съ порывомъ душев-
наго раскаянія. — Думая о спасеніи вашей и моей души, когда мы разставались, я совершенно забылъ спросить васъ объ условіяхъ вашего земного существованія. Вы были хорошо одѣты и я не подумалъ объ этомъ. Теперь я вижу, что вамъ очень плохо живется, гораздо хуже, чѣмъ прежде, хуже, чѣмъ вы этого заслуживаете. Можетъ быть, и здѣсь во многомъ моя вина.

Онъ пытливо смотрѣлъ на нее. Она молча продолжала чистить свекловицу. Голова ея была, попрежнему, опущена, лица не было видно изъ-за капора. За работой она легче могла совладать съ своимъ волненіемъ.

— Тессъ,—прибавилъ онъ со вздохомъ, похожимъ на стонъ,— самое мое большое преступленіе было противъ васъ. Я не зналъ о томъ, что случилось, пока вы не сказали мнѣ. Я былъ подлецомъ, потому что изъ-за меня погибла жизнь невиннаго существа. Весь позоръ, вся тяжесть грѣха лежитъ на мнѣ. Вы были такое чистое, невинное созданіе. Я думаю совершенно серьезно, что родители не должны воспитывать своихъ дочерей въ такомъ полномъ невѣдѣніи тѣхъ опасностей, которымъ онѣ могутъ подвергаться со стороны порочныхъ людей.

Тессъ продолжала молчать; съ автоматическою правильностью она бросала въ машину очищенную свекловицу и брала другую.

— Но я пришелъ сюда не для того, чтобы говорить все это,— началъ д'Орбервиль.—Дѣло вотъ въ чемъ. Съ тѣхъ поръ, вы оставили Трантриджъ, моя мать умерла и имѣніе принадлъ мнѣ. Но я хочу продать его и посвятить себя миссіонердѣятельности въ Африкѣ. Теперь я спрошу васъ, хотите вы мнѣ возможность исполнить мой долгъ, искупить мой грѣхъ съ вами единственнымъ возможнымъ для меня способомъ, хобыть моею женой и уѣхать со мной? За это время я вотъ что лъ выхлопотать.

Онъ вынулъ изъ кармана свертокъ пергамента.

— Что это?—спросила она.

— Разрѣшеніе на женитьбу.

— О нѣтъ, сэръ, нѣтъ!—быстро сказала она, отодвигаясь отъ

— Вы не хотите? Почему же?

Разочарованіе, выразившееся на его лицѣ при этомъ вопросѣ, не похоже на разочарованіе отъ невозможности исполнить свой

ияя страсть опять ожила въ его сердцѣ; обязан-
шли рука объ руку.
чему, что этотъ джентльменъ пришелъ къ ней и
немного прогуляться съ нимъ, Тессъ пошла съ
изрытому полю. Когда они дошли до только что
и, онъ протянулъ руку, чтобы помочь ей, но она
о не замѣтила его движенія.
утите выдти за меня замужъ, Тессъ, и дать мнѣ
за уважать себя?—говорилъ онъ, когда они про-
ды.
г.
у?
е, что я не люблю васъ.
жете полюбить меня современемъ, тогда, когда вы

акъ рѣшительно?
другого.
ивили его.
те?—вскричалъ онъ.—Другого? Но развѣ вы не
не имѣете нравственнаго права принадлежать дру-

тъ, нѣтъ, не говорите этого!
быть, ваша любовь къ этому другому человѣку
е увлеченіе и вы можете побѣдить это чувство?
ѣтъ.
нѣтъ?
у сказать вамъ.
ны, непремѣнно!
ъ... Я замужемъ за нимъ.
кликнулъ онъ и остановился, внезапно поблѣднѣвъ

тѣла говорить, я не должна была говорить!—про-
Это тайна, я не могу всего разсказать. Я прошу
шу, не разспрашивайте меня. Помните, что мы те-
ь другу.
е? Чужіе!
нуту въ его глазахъ блеснула прежняя иронія, но
бой.
ли вашъ мужъ?—спросилъ онъ машинально, у ка-
го, вертѣвшаго машину.

казала она.—Конечно, нѣтъ!

ге, я не могу сказать вамъ,—просила она и,
ицо, съ мольбою подняла на него свои глу-
бокіе, оттѣненные черными рѣсницами глаза.

Д'Орбервиль былъ растроганъ.

— Я спрашиваю для вашей пользы,—снова началъ онъ.—Промятіе!—Богъ да проститъ мнѣ это выраженіе,—я шелъ сюда, кляпусь, съ однимъ только желаніемъ сдѣлать для васъ только одно хорошее. Тессъ, не смотрите на меня такъ, я не могу выносить вашего взгляда. Никогда не было такихъ глазъ ни до христіанства, ни послѣ него. Я не могу терять голову ради нихъ, я не могу. При видѣ васъ во мнѣ снова пробудилась любовь къ вамъ, которая, я думалъ, давно уже исчезла. Я думалъ, что наша женитьба освѣтитъ насъ обоихъ. Я говорилъ себѣ: «Невѣрующій мужъ освящается женою вѣрующею, а невѣрующая жена освящается мужемъ вѣрующимъ». Но мой планъ разрушенъ... Какое тяжелое разочарованіе!

Онъ опустилъ глаза въ землю и задумался.

— Замужемъ, замужемъ!... Хорошо,—прибавилъ онъ почти спокойно и, медленно свернувъ разрѣшеніе, спряталъ его опять въ карманъ,—хорошо; если такъ, то я, все-таки, хочу сдѣлать что-нибудь для васъ и для вашего мужа, кто бы онъ ни былъ. Мнѣ хотѣлось бы предложить вамъ много вопросовъ, но я не могу, потому что вы не желаете это. Если бы я зналъ вашего мужа, я могъ бы многое сдѣлать для него и для васъ. Онъ живетъ на этой же фермѣ?

-прошептала она,—онъ далеко отсюда.

отсюда, отъ васъ? Что же это за мужъ?

оворите ничего противъ него! Это черезъ васъ. Онъ

что!... Это очень дурно, Тессъ!

ать отъ васъ, заставлять васъ такъ работать!

заставляетъ меня работать!—воскликнула она, сей
ячностью вступаясь за него.—Онъ не знаетъ этого.
обственной волѣ.

пишетъ вамъ?

не могу сказать вамъ. Есть вещи, о которыхъ не

ичитъ, что онъ не пишетъ вамъ. Моя бѣдная Тессъ,
тая жена!

орывѣ нѣжности онъ взялъ ея руку. Но рука была въ
рчаткѣ и онъ схватилъ только кожаные пальцы.
не смѣете, не смѣете! — закричала она въ испугѣ и,
ку, она вынула ее изъ перчатки, какъ изъ кармана.—
ста, уходите, ради меня, ради моего мужа, ради вашей

ошо, хорошо, я уйду, — сказалъ онъ и, отдавъ ей пер-
повернулся, чтобы уйти, но остановился опять и ска-
ессъ, видитъ Богъ, я не думалъ ничего дурного, когда
за руку.
лошадиныхъ копытъ, которыхъ они не слышали въ пы-
а, замолкъ около нихъ и они услыхали голосъ:
за чортъ! Какъ смѣешь ты бросать работу въ это вре-

ь Гроби увидѣлъ издали двѣ фигуры въ своемъ полѣ и
узнать, что они тамъ дѣлаютъ.
смѣйте такъ обращаться съ ней! —сказалъ д'Орбервиль
потемнѣло отъ гнѣва, какъ врядъ ли могло потемнѣть
ного христіанина.
самомъ дѣлѣ, мистеръ? А что надо отъ нея пастору-
смѣю я спросить?
это за человѣкъ?—спросилъ д'Орбервиль, оберяувшись

зко подошла къ нему.
дите, прошу васъ! —молила она.
ь? И оставить васъ съ этимъ тираномъ? Я по его лицу
то за грубое животное.
не тронетъ меня. *Онъ* не влюбленъ въ меня. Я могу
говѣщенье.
ошо, я долженъ повиноваться вамъ. Ну... хорошо, до

и защитникъ, котораго она боялась болѣе, чѣмъ оскор-
хотно удалился, фермеръ продожалъ свою брань, но
ушивала ее съ величайшимъ хладнокровіемъ. Имѣть хо-
ого грубаго человѣка, который ударилъ бы ее, если бы
для нея своего рода утѣшеніемъ послѣ ея перваго тяже-
Она молча шла къ верхнему концу поля, гдѣ происхо-
ь, всецѣло погруженная въ свои мысли о только чт
ся свиданіи, почти не замѣчая, что морда фермерской
стоянно толкала ее въ плечи.
и ты взялась работать на меня до Благовѣщенья, то и

на свой уговоръ,—ворчалъ онъ.—Негодная
завтра другой! Но я положу этому конецъ!
ю женщиной онъ не посмѣлъ бы такъ грубо
ей, и что онъ мститъ ей за полученный
ть себѣ картину своего будущаго, если бы
атою женой Алека. Тогда бы она навсегда
ненаго положенія какъ по отношенію къ
, такъ и ко всѣмъ другимъ, которые теперь
небреженіемъ.
· говорила она, задыхась,—я не могла бы
жъ! Онъ мнѣ такъ не нравится!
принялась опять за письмо къ Клэру, скры-
е положеніе и увѣряя его въ своей неиз-
кто съумѣлъ бы прочесть между строкъ,
еликою любовью скрывается ужасъ, почти
то тайнымъ обстоятельствомъ, которое она
исьмо опять не было окончено; онъ про-
мъ, можетъ, онъ болѣе не любитъ ее. Она
икъ.
та на фермѣ сдѣлалась для нея еще тяже-
я срѣтенская ярмарка, очень важный день
той ярмаркѣ нанимались обыкновенно на
чиная отъ Благовѣщенья, и недовольные
въ этотъ день въ городъ, гдѣ происходила
чее населеніе Флинткомбъ-Аша намѣрева-
мъ начался своего рода библейскій исходъ
у въ девяти или двѣнадцати миляхъ отъ
хотѣла оставить ферму, но она все же не
ая-то смутная надежда говорила ей, что
иться и помѣшаетъ ей исполнить новое

кій день, необыкновенно теплый для этого
ю подумать, что зима уже прошла. Тессъ
ть, когда лицо д'Орбервиля заслонило окно
ельницей котораго она была на сегодняш-

ая гость уже стучалъ въ дверь и она не
я походкѣ д'Орбервиля со времени ихъ по-
лась какая-то неуловимая перемѣна. Она
открывать двери, но такъ какъ это не
а, отодвинула задвижку и быстро отошла.

смотрѣлъ на нее и опустился на стулъ, прежде
рить.
не могъ больше!—началъ онъ съ отчаяніемъ въ
свое разгоряченное лицо съ выраженіемъ крайняго
долженъ былъ придти узнать, какъ вы живете.
не думалъ о васъ до того воскресенья, когда я уви-
ь я не могу отдѣлаться отъ вашего образа, не-
ои усилія. Странно, не правда ли, что хорошая
принести такъ много вреда дурному человѣку,
го такъ. Если бы вы могли помолиться за меня,

возбуждало жалость, но къ нему Тессъ не чув-
анія.
ногу молиться за васъ,— сказала она,— когда я
еликая сила, управляющая мірами, могла бы что-
ради меня?
момъ дѣлѣ такъ думаете?
навсегда излечилась отъ того, чтобы думать по-

нились? Кто же излечилъ васъ?
ь, какъ я вамъ уже говорила.
гъ мужъ, вашъ мужъ!... Какъ странно это зву-
аю, вы говорили что-то въ этомъ родѣ въ тотъ
же состоитъ ваша вѣра, Тессъ?—спросилъ онъ.—
, совсѣмъ нѣтъ религіи, или, можетъ быть, я

меня есть религія. Только я не вѣрю ни во что
ное.
недовѣрчиво посмотрѣлъ на нее.
думаете, значитъ, что я избралъ невѣрный путь?
тельной степени.
й... а я такъ былъ увѣренъ въ немъ! — печально
.
съ *смыслз* нагорной проповѣди, въ это же вѣритъ
жъ... Но я не вѣрю...
на ему, что она отрицаетъ.
томъ,— сказалъ д'Орбервиль,— что вы вѣрите .о
тъ вашъ мужъ, и отрицаете все, что отрицаетъ
провѣрки съ вашей стороны. Таковы всѣ вы, же -
ботилъ вашъ умъ.
му, что онъ все знаетъ,— сказала она съ тако ю

юй въ Энджеля Клэра, которую онъ врядъ ли

тъ кого другого вы не приняли бы такъ всецѣло
. Хорошъ долженъ быть вашъ мужъ, если онъ
ой скептицизмъ!

нуждалъ меня думать, какъ онъ. Онъ никогда
не спорилъ со мной по этому поводу. Но я разсуждала такъ: если онъ пришелъ къ такому убѣжденію послѣ тщательнаго изслѣдованія доктрины, то его вѣра должна быть, конечно, лучше моей, потому что я никогда не вдумывалась въ нее.

— Но что же онъ говорилъ вамъ? Вѣдь, онъ долженъ былъ что-нибудь говорить?

Она задумалась. И съ свойственною ей воспріимчивостью ко всему, что говорилъ Энджель Клэръ, она передала почти слово въ слово все, что ей приходилось слышать отъ него, когда онъ при ней, какъ это часто съ нимъ случалось, вслухъ развивалъ свои мысли. Многое, конечно, осталось для нея непонятнымъ, но она запомнила все съ удивительною точностью, передавая даже его голосъ и манеру говорить.

— Повторите еще разъ,— попросилъ д'Орбервиль, выслушавъ ее съ большимъ вниманіемъ.

Она повторила свои аргументы и д'Орбервиль задумчиво повторилъ за нею слова.

— Еще что онъ говорилъ вамъ? — спросилъ онъ потомъ.

— Иногда онъ говорилъ что-то въ этомъ родѣ,— и она повторила ему разсужденія, заимствованныя, по всему вѣроятію, изъ какого рода работъ, начиная отъ *Dictionnaire Philosophique* и кончая *Опытомъ* Гёксли.

— А-а! Но какъ вы запомнили все это?

— Я хотѣла вѣрить такъ, какъ вѣритъ онъ, хотя онъ и не особенно желалъ этого. Я упрашивала его разсказать мнѣ хоть немного изъ того, что онъ думаетъ. Я не могу сказать, чтобъ я все понимала, но я знаю, что это правда.

— Гм... Вы, пожалуй, научите меня тому, чего вы сами не понимаете.

Онъ задумался.

— Я отдала ему въ руки и свою душу,— добавила она,— что насъ постигнетъ одинаковая судьба. Я ни въ чемъ не хочу отличаться отъ него. Что хорошо для него, достаточно хорошо и для меня.

— Зналъ онъ, что вы такой же скептикъ, какъ и онъ?

ıкогда не говорила ему, что я скептикъ.
лучше меня, Тессъ, несмотря ни на что. Вы не
ıто вѣрю я, и совѣсть ваша чиста и спокойна. Я
ıроповѣдывать то, во что я вѣрю, и, подобно дья-
трепещу, потому что я не могу больше проповѣ-
къ вамъ овладѣла мною.

ю дорогу, думая о томъ, какъ бы мнѣ увидать
ıворилъ онъ съ измученнымъ видомъ.—Но я вы-
тѣмъ, чтобы идти на ярмарку въ Кастербриджъ,
ъ говорить проповѣдь сегодня въ половинѣ треть-
ıня теперь братія. Вотъ объявленіе.
зъ бокового кармана объявленіе, въ которомъ бы-
ıь, часъ и мѣсто митинга, на которомъ онъ, д'Ор-
ıылъ проповѣдывать слово Божіе.
е вы поспѣете туда?—спросила Тессъ, взгля-

поспѣть туда. Я пришелъ сюда.
ıамомъ дѣлѣ назначили проповѣдь и...
лъ проповѣдь, но не буду говорить ее, потому
страстное желаніе видѣть женщину, которую я
ı. Нѣтъ, клянусь небомъ, я никогда не презиралъ
ıезиралъ васъ, я не могъ бы любить васъ те-
ıезирать васъ, благодаря вашей душевной чисто-
ı что. Вы такъ быстро и рѣшительно ушли отъ
ли настоящее положеніе вещей; вы не захотѣли
ıго удовольствія. Вы были единственною жерт-
не чувствовалъ презрѣнія. Но вы теперь можете
думалъ, что служу Господу, а я все еще во
Ха, ха!
д'Орбервиль! Что это все значитъ? Что же я

ѣлали?—спросилъ онъ съ злою насмѣшкой надъ
ичего съ намѣреніемъ. Но вы послужили ору-
ь орудіемъ,—къ моему отступничеству, какъ они
спрашиваю себя, не принадлежу ли я къ тѣмъ
ıоторые, избѣгнувъ сквернъ міра, опять запуты-
ıобѣждаются ими, и конецъ которыхъ хуже нача-
ь руку на ея плечо.—Тессъ, Тессъ, я стоялъ на
пока я снова не увидалъ васъ!—говорилъ онъ,
ее, какъ ребенка.—Зачѣмъ вамъ надо было ис-

кушать меня? Я былъ такъ твердъ, какъ только можетъ быть твердъ человѣкъ, пока я снова не увидалъ этихъ глазъ, этого рта... Со времени Евы не было такого очаровательнаго ротика! — Его голосъ сталъ тише и молніи зажглись въ его черныхъ глазахъ. — Вы искусительница, Тессъ; вы — милая вавилонская чародѣйка, — я не могъ устоять противъ васъ, когда снова увидалъ васъ!

— Не моя вина, что вы снова увидали меня, — сказала Тессъ, отодвигаясь отъ него.

— Я знаю это и повторяю, что ни въ чемъ не могу упрекать васъ. Но фактъ остается фактомъ. Когда я увидалъ, какому грубому обращенію вы подвергаетесь на фермѣ, я чуть не сошелъ съ ума отъ мысли, что я не имѣю законнаго права стать вашимъ защитникомъ, что я не могу имѣть этого права, а тотъ, кто имѣетъ его, пренебрегаетъ имъ!

— Не говорите ничего противъ него, его нѣтъ здѣсь! — вскричала она. — Относитесь къ нему съ уваженіемъ, онъ ничего не сдѣлалъ вамъ дурного! Онъ оставилъ свою жену во избѣжаніе скандала, который могъ бы наложить пятно на его честное имя!

— Хорошо, хорошо, — говорилъ д'Орбервиль, точно человѣкъ, пробудившійся отъ тяжелаго сна. — Я нарушилъ свое обѣщаніе сказать проповѣдь этимъ бѣднымъ несчастнымъ грѣшникамъ на ярмаркѣ, — въ первый разъ со мной случилась такая ужасная вещь! Мѣсяцъ тому назадъ я ужаснулся бы, если бы только могъ предположить возможность такого проступка. Я уйду, я скроюсь куда-нибудь. Ахъ! еслибъ я могъ... молиться! — Потомъ онъ прибавилъ вдругъ: — Одинъ поцѣлуй, Тессъ, одинъ только!... Во имя нашей прежней дружбы...

— Я беззащитна, Алекъ! Въ моихъ рукахъ честь моего мужа, подумайте и постыдитесь!

— Ахъ, да, да! Боже мой!

Онъ до боли прикусилъ свои губы, какъ бы желая побѣдить свою слабость. Въ его глазахъ потускнѣло, въ нихъ не было ни любви, ни религіозной надежды. Остатки его прежнихъ страстей, неподвижно застывшія на его лицѣ со времени его обращенія, теперь снова пробудились и стремились къ возрожденію. Онъ нерѣшительно вышелъ вонъ, какъ бы не сознавая того, что онъ дѣлаетъ.

Хотя д'Орбервиль и говорилъ, что, нарушивъ свое обѣщаніе сказать сегодня проповѣдь, онъ совершилъ отступничество *впрягающаго*, но слова Тессъ, бывшія отголоскомъ образа мыслей Энджеля Клэра, сдѣлали на него глубокое впечатлѣніе и продолжали свою работу послѣ того, какъ онъ оставилъ ее. Онъ шелъ молча; вся его

тавила его; онъ начиналъ сознавать, чт
ть своего служенія; еще недавно мыс
своему дѣлу не могла даже возникнут
ивала его силы. Разумъ не участвова
ько капель логики, которыя Тессъ
сразу остановили его бурное теченіе.
лся къ тѣмъ яснымъ, какъ кристалъ,
ала ему, и говорилъ себѣ: «Если бы т
, поучая ее такимъ вещамъ, онъ облег
ней!»

(Окончаніе слѣдуетъ).

ОПЕРНИЦЫ.

Романъ Франсуа Коппе.

I.

ъ и Эспланада представляютъ въ общемъ одинъ изъ самыхъ величественныхъ видовъ Парижа. Обширная площадь, старыя деревья, а тамъ, дальше, за показными для парада рвами и за тріумфальнымъ рядомъ пушекъ, золотой куполъ, подъ которымъ покоится легендарный гробъ, привезенный съ Святой Елены,—не найти ничего, болѣе благороднаго, болѣе внушительнаго. Наименѣе впечатлительный изъ привозимыхъ агентствомъ Кука туристовъ съ Бедекеромъ въ рукѣ, въ долгополомъ клѣтчатомъ пальто, поддается здѣсь благоговѣйному волненію, вспоминаетъ о великомъ королѣ и о великомъ императорѣ. Иноземецъ восхищается, иногда завидуетъ. Объ этой-то старой Франціи, имѣющей такія незыблемыя и поразительныя свидѣтельства славы, долженъ былъ думать господинъ онъ-Бисмаркъ въ Ферьерѣ, когда адвокату Жюлю Фавру, молившему о мирѣ отъ имени республики и довольно глуповато спросившему: «Да съ кѣмъ же вы, наконецъ, ведете войну?»—злобный нѣмецъ отвѣтилъ: «Съ Людовикомъ XIV».

Что же касается парижанина, то на его взглядъ, давно привыкшій къ этому величію, въ Эспланадѣ Инвалидовъ найдется много подробностей, весьма меланхолическихъ. Близехонько лежащій кварталъ Гро-Кальу населенъ бѣднотой, и въ теплую погоду, или просто только сносную, на фонѣ этой роскошной декораціи высыпаютъ изъ него толпы жалкихъ, праздныхъ людей нищенскихъ лохмотьяхъ. Потѣшный Филемонъ, старый служака, увѣшанный медалями и въ форменной фуражкѣ съ кокардой, ляетъ на деревянной ногѣ рядомъ съ ужасною Бавкидой въ нѣйшей кофтѣ. Скрюченная годами и немощами старуха тащитъ

за собою двухъ или трехъ испитыхъ ребятишекъ. Растянувшись на скамьѣ, лежитъ бездомный ночной бродяга, спитъ тревожнымъ сномъ, надвинувши на глаза драную, прогнившую шляпу, быть можетъ, видитъ во снѣ какое-нибудь злодѣйство.

Контрастъ между грязною нищетой и царственною роскошью производилъ на меня всегда тяжелое впечатлѣніе.

Въ Венеціи женщины въ длинныхъ платкахъ, шмыгающія стоптанными башмаками и почесывающія свои рыжія космы, портили мнѣ Святого Марка и дворецъ дожей, а въ Лондонѣ, въ Гайдъ-Паркѣ, босоногіе оборванцы, валяющіеся по газонамъ, дѣлали мнѣ отвратительными вереницы дорогихъ экипажей и щегольство бѣлокурыхъ амазонокъ.

А съ другой стороны, народъ привлекаетъ меня, я люблю мѣшаться въ его толпу. Вотъ почему я часто брожу отъ нечего дѣлать по Эспланадѣ и Гро-Кальу. Отъ такой близости къ бѣдному люду въ моемъ сердцѣ сохранилась добрая искра жалости. Большая вина будетъ на томъ, кто дастъ ей угаснуть въ душѣ своей. Помните это вы, видящіе нужду только издали и сверху, сквозь стекла вашей кареты.

Такимъ-то образомъ прогуливаясь подъ высокими деревьями Эспланады Инвалидовъ, я обратилъ вниманіе на двухъ старухъ.

Февраль подходилъ къ концу, солнце начинало пригрѣвать, и подъ его лучами на вѣтвяхъ уже блестѣли почки бронзовымъ отли вомъ. Боясь сырости, вѣроятно, обѣ старухи не рѣшались сѣсть и плелись тихонько шагъ за шагомъ. Та, что постарше, сгорбленная едва волочила ноги и грузно опиралась на руку спутницы, худой некрупной женщины, шедшей прямо, однако же, и, повидимому полной энергіи. Обѣ были одѣты бѣдно, но чисто. Черныя шали тщательно заколоты, бѣлые чепцы безукоризненны. Чтобы дряхлая могла отдохнуть при малѣйшемъ утомленіи, болѣе бодрая несла въ рукѣ складной табуретъ. Она терпѣливо соразмѣряла свои шаги съ медленными движеніями подруги и безпрестанно окидывала ее любящимъ, внимательнымъ взглядомъ. На видъ она казалась годами десятью моложе другой, совершенно немощной, по меньшей мѣрѣ шестидесятилѣтней; она одна сохранила немного силы и здоровья и этого хватало на обѣихъ. При взглядѣ на нихъ, приходили на мять деревенскія парныя запряжки, въ которыхъ одна лошадь кр вая, другая слѣпая, и, все-таки, какъ-никакъ тащутся.

Эти женщины заинтересовали меня сразу, и я сталъ наблюда за ними.

Болѣе дряхлая, несомнѣнно, была когда-то очень красива.

пецъ едва сдерживалъ роскошную массу волосъ, совершенно побѣлѣвшихъ. Черты лица, желтаго и паралитически-неподвижнаго, были замѣчательно правильны, а изъ-подъ бровей, оставшихся черными, глаза такъ и сверкали лихорадочнымъ блескомъ.

Другая старуха, смолоду рыжая, съ нѣжнымъ цвѣтомъ лица, была, вѣроятно, тоже хорошенькою. Но время безпощадно къ блондинкамъ, къ этимъ милымъ, очаровательнымъ куколкамъ. Ничего оно не оставило, кромѣ морщинъ и красныхъ пятенъ. И, тѣмъ не менѣе, это несчастное, увядшее лицо все еще было привлекательно ласковостью взгляда и добротою улыбки.

Онѣ не были сестрами, сходства между ними—ни малѣйшаго.

Меня растрогалъ видъ этихъ бѣдныхъ старушекъ, не покидающихъ другъ друга, хилыхъ и дряхлыхъ. Ранняя весна, заглянувшая на нѣсколько дней, заманивала меня опять и опять въ эти мѣста, и я нѣсколько разъ встрѣчалъ моихъ старушенокъ.

По нѣкоторымъ признакамъ, по приличнымъ сѣрымъ фильдекосовымъ перчаткамъ на рукахъ, по извѣстной, хотя и неопредѣлимой, порядочности во всей фигурѣ, я счелъ себя вправѣ заключить, что не всегда носили онѣ эти бѣдныя платья и, какъ говорится, знали когда-то лучшія времена. Ихъ стремленіе пользоваться каждымъ теплымъ лучомъ солнца, выходить на воздухъ, несмотря на года и немощи, наводила меня на догадку, что во всю длинную зиму сидятъ онѣ взаперти, въ какой-нибудь жалкой комнаткѣ Гро-Кальу, однѣ-одинешеньки съ своими воспоминаніями. Съ каждою встрѣчей онѣ все болѣе и болѣе возбуждали мое сочувствіе и, признаться долженъ, мое любопытство тоже.

И онѣ успѣли уже ко мнѣ присмотрѣться. Однажды, когда необыкновенное тепло дало имъ возможность присѣсть на скамью, я помѣстился рядомъ съ ними, и между нами тотчасъ же завязался разговоръ. Женскій инстинктъ, всегда болѣе чуткій и безошибочный, чѣмъ у мужчинъ, внушилъ имъ довѣріе ко мнѣ, и не прошло часа, какъ я уже зналъ ихъ исторію.

Она трогательна, и я передамъ вамъ ее.

II.

йдется ли въ живыхъ теперь кто-нибудь изъ обычныхъ посѣт елей театра *Водевиля*, кто бы помнилъ Нелли Робенъ?

ьма возможно, что нѣтъ. А въ зиму 1859 года она была одн изъ прелестнѣйшихъ гурій мусульманскаго рая, каковымъ был тогда труппа этой сцены. Разница съ обѣщанною пророкомъ

ою обителью состояла лишь въ томъ, что всѣ тамошнія
актрисы имѣли крайне сомнительное право на титулъ «ma-
le», право вѣчно неотъемлемое отъ гурій, если вѣрить Ко-

нетка съ мраморнымъ цвѣтомъ кожи, съ темными волосами,
и тонкая, но стройная и не худая,— съ таліей, которую,
сической гиперболѣ, можно обхватить двумя руками, но съ
ѣпными плечами и всѣмъ инымъ, что полагается гуріямъ,
ими глазами, полными нѣги,—такова была Нелли Робенъ.
ивная красота, поразительное сочетаніе величія и граціи,
бы въ восторгъ флорентинскихъ художниковъ эпохи Воз-
т. Была же Нелли просто-на-просто дочерью бѣднаго ра-
удрученнаго большою семьей, и все дѣтство свое про-
а уличною дѣвчонкой на тротуарахъ Шаронны. Насиль-
почти насильно, досталась она одному сосѣду, машинисту
ьскаго театра, сдѣлалась ничтожною фигурантkой и моло-
ровела въ томъ, что варила супъ и мела полъ въ конурѣ
яницы, колотившаго ее очень исправно. Ей шелъ уже двад-
орой годъ, когда первый актеръ труппы, г. Ламорльеръ, за-
ій паша, несмотря на свои пятьдесятъ лѣтъ, на морщинки
и на мало правдоподобный черный цвѣтъ усовъ, соблаго-
обратить на нее вниманіе и бросить ей платокъ. Воспитан-
ицы предмѣстья прониклась величайшимъ къ нему почте-
ъ тотъ вечеръ, когда въ первый разъ вошла въ скромную
ку артиста, изукрашенную старыми афишами и вѣнками
оченой бумаги, торжественно свидѣтельствовавшими о бы-
го успѣхахъ въ разныхъ городахъ юга Франціи. Едва ли
смущеніе, чѣмъ она, испытала бы гризетка Новаго Моста,
ная Лебелемъ и приведенная въ Parc-aux-Cerfs къ короли
ку XV въ голубой орденской лентѣ и съ бриллiантовою звѣз-
груди. Провинціальный актеръ былъ, конечно, набалован
ами. Во время оно, въ провинціи, не разъ удавалось ем
ть покой мирныхъ семей. Изъ-за него чуть не разошлась с
жена одного чиновника въ департаментѣ Тарна-и-Гаронны
ерсѣ онъ скомпрометировалъ супругу подпрефекта. Тѣм
е, наивное поклоненіе бѣдной дѣвушки польстило, все-таки
ію стараго мотылька, уставшаго порхать отъ цвѣтка к
Условлено было, что на слѣдующее утро онъ отправитъ е
си, но прошла недѣля, и Нелли уже штопала его бѣлье.
зь стала прочною. Нелли жила у «премьера» труппы въ по
й тревогѣ, звала его не иначе, какъ «мосье Ламорльеръ»

даже въ разговорахъ съ сосѣдками, служила ему, какъ влюбленная рабыня, ухаживала за нимъ, узнала самыя интимныя тайны его туалета, выучилась красить его волосы, видала, какъ, подъ вліяніемъ разныхъ водъ и фиксативовъ, ихъ фіолетовый цвѣтъ превращается въ угольно-черный, и изъ-за такихъ пустяковъ не переставала считать господина Ламорльера самымъ молодымъ и самымъ красивымъ изъ смертныхъ.

Въ сущности, это былъ доброй души человѣкъ. Его тронуло такое обожаніе дѣвушки, разнѣжили ея услуги, и онъ серьезно заинтересовался ею, призналъ, что она далеко не глупа, несмотря на полное свое невѣжество, далъ ей нѣсколько уроковъ декламаціи, устроилъ дебюты въ маленькихъ роляхъ. Черезъ полгода она уже недурно играла кокетокъ.

Ламорльеру, нѣсколько лѣтъ трепавшемуся по захолустнымъ театрикамъ, невзначай повезло. Его пригласили на сцену Большого театра въ Лиллѣ, гдѣ старая его провинціальная слава вспыхнула послѣднимъ блескомъ. Кто не видалъ его тогда въ *Пиратахъ Саваны*, въ знаменитой сценѣ сумасшествія, гдѣ онъ съ ужасающимъ хохотомъ умираетъ отравленный ядомъ съ острова Явы, тотъ понятія не можетъ имѣть о «настоящей старой игрѣ», о высокомъ въ мелодрамѣ. Какъ разъ въ это время онъ получилъ маленькое наслѣдство, и это дало возможность Нелли дебютировать рядомъ съ нимъ въ довольно пристойномъ туалетѣ. Она была, да и навсегда осталась, очень посредственною актрисой, за то вполнѣ разцвѣла ея красота, и успѣхъ ея, какъ женщины, былъ необычаенъ. Сразу воспылали сердца всѣхъ богатыхъ жуировъ. Толку, однако, изъ этого не вышло никакого. Нелли, обезумѣвшая отъ восторга и благодарности Ламорльеру, осталась безукоризненно вѣрна ему, и въ продолженіе трехъ лѣтъ обыватели города Лилля надивиться не могли тому, что такая-то чудеснѣйшая женщина появляется на сцену въ стразахъ, вмѣсто брилліантовъ, и въ театръ приходитъ, по-супружески, подъ руку съ старымъ актеромъ.

Но въ одинъ прекрасный день,—какъ разъ въ день своего бенефиса,—Ламорльеръ, сильно разгоряченный ролью *Гаспардо рыбака*, простудился, возвращаясь домой, и черезъ нѣсколько дней умеръ отъ воспаленія легкихъ. Непритворно было горе Нелли Робенъ, но неизбѣжно было и то, что утѣшилась она въ очень скоромъ времени, благодаря одному мѣстному тузу, фабриканту-милліонеру, который въ теченіе трехъ лѣтъ протиралъ стекла своего бинокля лишь въ тѣ минуты, когда появлялась на сцену эта восхитительная женщина. Былъ онъ человѣкъ со вкусомъ и понималъ,

стоящіе брилліанты необходимы для такого матоваго тѣла и
акихъ темныхъ волосъ. По милости тщеславія туза, Нелли
ась въ квартирѣ, отдѣланной шелками и бархатами, стала
» въ каретѣ.
» силу какого-то диковиннаго превращенія, возможнаго толь-
женщины, бывшая уличная дѣвочка, когда-то сплошь и ря-
завтракавшая въ закусочной за десять сантимовъ, отнеслась
скоши какъ къ совершенно естественной рамкѣ и не сдѣла-
ли алчною, ни скупою. Въ дѣйствительности, новое ея поло-
не было ей даже особенно пріятнымъ. Въ обществѣ милліо-
провинціальнаго сорокалѣтняго «красавца», необыкновенно
шагося своею бѣлокурою бородой безъ единаго серебристаго
, Нелли, имѣвшая отъ его щедротъ кучера, кухарку и гор-
ю, почти съ сожалѣніемъ вспоминала то время, когда она
е утро молодила и подкрашивала «господина» Ламорльера,
вечерамъ, вернувшись съ репетиціи, своими руками стряпала
его незатѣйливый обѣдъ.
равда, Ламорльеръ относился къ ней съ высоты величія перво-
наго артиста, покровительственнымъ тономъ любимца публи-
не боящагося никого» на амплуа Мелинга и Фредерика и ни
не сыгравшаго *Тридцать лѣтъ или жизнь игрока* безъ то-
обы не вызывали его послѣ каждаго акта, но за то Ламорль-
лъ всегда и неизмѣнно снисходителенъ къ своей скромной по-
. Онъ не ставилъ ей въ вину ея низкаго происхожденія, изви-
нѣкоторыя простонародныя привычки, громкій смѣхъ и кое-
выраженьица, романсы, которые она распѣвала тягучимъ го-
ъ, зашивая прорѣхи въ его не блестящемъ гардеробѣ. Къ ста-
актеру было у нея въ душѣ своеобразное, но очень искреннее
во, сложившееся изъ благодарности и дружеской привязанно-
огда какъ, попавши къ г. Малле-Дешомъ,—такова фамилія
канта,—она чувствовала только гнетъ.
Ѣсколько излишне торжественъ былъ этотъ провинціальный
вецъ и очень ужь озабоченъ тѣмъ, чтобъ его дама не уронила
стоинства, умѣла бы держать себя,—молодую женщину не-
но раздражала его манера ежеминутно повторять: «Милая
этого не говорятъ, этого не дѣлаютъ»...—и неизмѣнно расче-
ъ свою золотистую бороду черепаховою гребеночкой, съ кото-
нъ никогда не разставался. Такимъ-то образомъ, вышколивае-
четыре года своимъ слишкомъ корректнымъ джентльменомъ,
Робенъ скучала вкрѣпкую, но вышколилась, стала настоя-

щею «дамой», причемъ, къ счастью, не утратила ничуть своей врожденной веселости.

А тутъ пріѣхалъ въ Лилль директоръ *Водевиля* посмотрѣть комика, пользовавшагося большимъ успѣхомъ, по милости своего носа, на два сантиметра болѣе длиннаго, чѣмъ у знаменитаго смѣхотворца Гіацинта. Увидалъ директоръ Нелли Робенъ и обезумѣлъ отъ восторга. Ей было двадцать восемь лѣтъ, года наибольшаго блеска для настоящихъ красавицъ. И какъ разъ въ это время импрессаріо набиралъ цѣлый гаремъ, такъ какъ готовилъ къ постановкѣ новую пьесу *Les drôlesses*, одну изъ комедій-сатиръ, направленныхъ противъ роскоши полусвѣта, бывшей тогда въ большомъ ходу, и въ пьесѣ этой, для оправданія обличительныхъ тирадъ резонера, слѣдовало выставить на показъ нѣсколькихъ хорошенькихъ женщинъ, осыпанныхъ брилліантами. Директоръ вошелъ въ уборную Нелли съ готовымъ контрактомъ въ рукахъ.—Перо, чернилъ скорѣе!—И природная парижанка подписала гербовый листъ тутъ же на своемъ туалетномъ столикѣ, загроможденномъ баночками и флаконами. Ей уже до-одури опротивѣли и провинція, и лильскіе жуиры, толкующіе за ужинами о повышеніи цѣнъ на хлопокъ, и г. Малле-Дешомъ съ своею картинною бородой.

Въ тотъ же вечеръ она распростилась съ милліонеромъ-фабрикантомъ и, шесть недѣль спустя, дебютировала въ комедіи *Drôlesses*.

Роль была не изъ крупныхъ, всего двадцать пять строкъ, да и то лишь въ третьемъ актѣ. Но на первомъ же представленіи по коридорамъ только и слышно было: «Вотъ такъ красавица»! «Парижане второй имперіи совсѣмъ потеряли головы. Въ фойе цѣлая толпа господъ въ бѣлыхъ галстукахъ окружала Нелли Робенъ, а директоръ, немножко сродни троянскому Пандару, былъ въ восторгѣ, порхалъ среди нахлынувшихъ поклонниковъ.—«Ma chère amie, представляю вамъ г. Гауптмана».—И банкиръ еврей выдвигалъ свой животъ, обвѣшанный брелоками.—«Полковникъ Саже, командиръ гвардейскихъ кирасиръ»...—И полковникъ, сухой, какъ жердь, продѣлывалъ свои курбеты. Вдругъ всѣ разступились передъ господиномъ лѣтъ шестидесяти, съ отвисшею губой, съ потухшимъ взглядомъ стараго развратника. Директоръ такъ и рванулся ему на встрѣчу. «Ваше сіятельство!...»—Это былъ графъ Б., одинъ изъ ближайшихъ совѣтниковъ императора. Онъ отвелъ актрису въ сторону, чуть не припалъ губами къ ея шеѣ, шепталъ ей на ухо неизвѣстно что, заставлявшее ее опускать глаза.

Наконецъ-то она освободилась и пошла раздѣваться, но и тутъ

ался каждую минуту стукъ въ двери, служанка вносила въ
ю одни за другими карточки и букеты. Въ этотъ вечеръ
шіе цвѣточные магазины оказались буквально опустошен-

ли сдѣлалась царицей полусвѣта, великолѣпною куртизан-
знающею цѣны деньгамъ. Были у нея отель и туалеты бе-
роскоши, каталась она по Булонскому лѣсу на парѣ лоша-
ющей тридцать тысячъ франковъ. Всѣ витрины были зава-
я фотографіями. Кокотки зеленѣли отъ зависти, свѣтскія да-
нея брали моды. Ловкій водевилистъ состряпалъ для нея двѣ
и мелкихъ роли, которыя она сыграла почти талантливо и
лные сборы театру. По ея милости, Гауптманъ вылетѣлъ въ
и убѣжалъ въ Бельгію, а старая герцогиня д'Эмонъ принуж-
ла продать свои послѣднія фермы и отдать подъ опеку сво-
на, молодого человѣка, разореннаго красавицей-актрисой въ
сяца. И съ тѣмъ вмѣстѣ, изъ-за каприза, изъ-за простаго
тва, она отвѣчала «нѣтъ» и постоянно «нѣтъ» одному прии-
ви, красивому, какъ Адонисъ, ради нея зажившемуся въ Па-
изнывавшему, любуясь ею изъ темнаго угла бенуара. И не
, впрочемъ, имѣла она такой успѣхъ. Добрая и умная, есте-
ая безъ малѣйшихъ гримасъ и одаренная драгоцѣннѣйшимъ
вомъ для женщины ея сорта—веселостью, она привлекала и
ывала контрастомъ между дивною патриціанскою красотой и
тнымъ расположеніемъ духа, какою-то неизмѣнною жизне-
ностью. Она точно околдовывала своихъ любовниковъ. Раз-
али, будто полковникъ Саже, за котораго императоръ запла-
то тысячъ долга, сдѣланнаго ради нея, искалъ смерти съ от-
отъ того, что ея лишился, и былъ убитъ при Сольферино.
авилась ли такая жизнь Нелли? Была ли она счастлива? Ко-
да! Ей уже на умъ не приходило сожалѣть о томъ времени,
она тихохонько жила съ Ламорльеромъ. Да и какъ бы могла
ружиться голова отъ такого диковиннаго счастья у простой,
дѣвушки, не получившей никакого нравственнаго воспита-
ь дѣтства не видавшей ничего, кромѣ порока?

два года смѣнилось у нея четыре или пять любовниковъ, и
лась она къ нимъ безъ отвращенія, была даже очень мила
и, оставила у всѣхъ самую лучшую память по себѣ, но
ихъ довела, сама того не желая, до необходимости продать
ніе сапоги... Это было уже у нея въ натурѣ. Золото улету-
сь въ ея рукахъ, какъ брызги воды, падающія на раскален-
еталлъ. Она растрачивала очень крупныя суммы съ такою

же невозмутимою, инстинктивною безсознательностью, съ какою животное исполняетъ свое назначеніе, съ какою охотничья собака гоняется за дичью. Людей, разоренныхъ ею, она даже не жалѣла и была совершенно права. Ни одинъ изъ нихъ не любилъ ее, и не любви ея они искали, а наслажденій и удовлетворенія собственнаго тщеславія. На громадномъ пиршествѣ императорскаго Парижа,—въ самое блестящее время, на другой день послѣ громкихъ побѣдъ,—красавицѣ-актрисѣ жилось—какъ жилось, въ одурманивающей мечтѣ, что и она одинъ изъ цвѣтковъ этой оргіи, въ опьяненіи—точно отъ вальса, и безъ признака сознанія, что и у нея есть, быть можетъ, сердце.

III.

Разъ ноябрьскимъ вечеромъ, около пяти часовъ, Нелли Робенъ вернулась домой немного утомленная долгою репетиціей. Прежде чѣмъ переодѣться къ обѣду, она прилегла на кушетку въ своемъ будуарѣ и закурила русскую папиросу. Вошла горничная и съ презрительною гримаской подала очень нещегольскую карточку, на которой актриса прочла знакомое имя:

Сенъ-Фирменъ, второй режиссеръ императорскаго театра Одеона (второй французскій театръ).

— Какъ! Бѣдняга живъ еще?... Ведите его скорѣй сюда,— воскликнула Нелли съ радостною улыбкой.

Это напомнило ей прошедшіе годы юности. Сенъ-Фирменъ, комикъ, игралъ когда-то въ Бельвилѣ съ Нелли и Ламорльеромъ.

Онъ вошелъ въ комнату и раскланялся очень почтительно и претенціозно. И хотя много лѣтъ они не видались, Нелли сразу узнала этого маленькаго человѣка по его лицу, цвѣта варенаго картофеля въ «мундирѣ», по чернымъ волосамъ, прилизаннымъ, какъ парикъ. Старый актеръ былъ одѣтъ въ черную пару лавочнаго «готоваго» платья, а на черномъ атласномъ галстукѣ сверкалъ брилліантъ въ четыре су.

Сенъ-Фирменъ, казалось, не постарѣлъ даже, и лѣтъ его нельзя было опредѣлить, какъ у большинства актеровъ, увядающихъ очень быстро и долго потомъ остающихся, какъ говорится, въ одной порѣ.

— Здравствуй, Сенъ-Фирменъ,—дружески встрѣтила его Нелли.—Какъ поживаешь? Что подѣлываешь?... Очень рада, что ты вздумался повидаться съ старою товаркой!

Жалкое лицо бывшаго комика просіяло. По непріязненнымъ

меристки и по роскошной обстановкѣ прихожей, онъ
ершенно иного пріема.
рменъ прибодрился, выпрямился во весь свой малень-
еатральнымъ жестомъ протянулъ Нелли руку.
адъ... Вижу, что и ты осталась такою же доброю ду-
времена Ламорльера.
ь, преувеличивая свое волненіе и со слезою на гла-
готовою къ услугамъ актера, онъ добавилъ:
то тамъ ни говори... а на свѣтѣ только и людей, что

адила его около себя въ большое, широкое кресло.
и чудесно, Сенъ-Фирменъ, говори, что могу я для тебя
твоей карточкѣ я видѣла, что ты служишь теперь въ
мператорскомъ театрѣ... Вотъ, вѣдь, какъ, нами не
ы ты тамъ режиссеромъ. Стало быть, самъ уже не

,—отвѣтилъ онъ,—на время я отказался отъ сцены...
о въ администраціи.
вительности же, главныя его обязанности состояли въ
а тишиною за кулисами, да еще въ томъ, чтобы хо-
ницамъ и корридорамъ и звонить въ колокольчикъ.
онъ же продѣлывалъ раскаты грома за сценой и
и порывы дождя, грохотъ отъѣзжающей кареты, крикъ
ой дамы, звонъ разбитой посуды, бой полночнаго ча-
ющій появленіе злодѣя, выстрѣлъ изъ пистолета, кото-
гный кончаетъ счеты съ жизнью не на виду у публи-
одаря силѣ иллюзіи, свойственной актерамъ, ихъ спо-
возвеличить, онъ проговорилъ слова «въ администра-
тономъ, будто занималъ мѣсто главноуправляющаго
предсѣдателя желѣзно-дорожнаго правленія.
маю, — сказала Нелли, сочувственно смѣясь, — сто
ъ франковъ въ мѣсяцъ... Такъ, вѣдь? Знаешь, если въ
инуту ты затрудненъ по денежной части, пожалуйста,
...
й комикъ, при всей своей бѣдности, былъ человѣкъ
по-своему гордый. Онъ сдѣлалъ классическій жестъ,
отказъ, жестъ Гиппократа, отвергающаго дары Ар-
чуть не обижаясь, даже тронутый дружескимъ пред-
елли, онъ отвѣтилъ:
одарю, Робенъ. Я ни въ чемъ не нуждаюсь. Живется
концы съ концами кое-какъ сходятся... Нѣтъ, я при-

шелъ просить тебя кое-о-чемъ болѣе важномъ... Я взялъ подъ свое покровительство одного молодого поэта и рѣшилъ провести на сцену его первую пьесу.

Нелли знала театральные порядки и понимала, что вліяніе второго режиссера не можетъ идти дальше предоставленія мѣста фигурантки дочери какой-нибудь знакомой привратницы, и передъ жалкою фигуркой выцвѣтшаго комика хозяйка не осилила скрыть невольной улыбки.

— Не смѣйся надо мною, — продолжалъ Сенъ-Фирменъ, — и удивляйся еще больше. Дѣло идетъ не о роли для тебя, не о пьесѣ, годной для *Водевиля*... Я добиваюсь того, чтобы пьеса моего поэта была разыграна артистами императорской труппы въ театрѣ Французской Комедіи. И она того стоитъ... У тебя великолѣпнѣйшія связи,—намъ извѣстно это, моя красавица,—связи въ министерствахъ и даже въ Тюльери, и если ты примешь участіе въ молодомъ человѣкѣ, то можешь многое для него сдѣлать... Какъ видишь, милая моя Робенъ, я жду отъ тебя совершенно безкорыстной помощи. Прими къ свѣдѣнію, что я говорю не о большущей машинѣ,—добавилъ онъ, вынимая изъ кармана сюртука тоненькую тетрадку. — Всего одинъ актъ въ стихахъ, но прелесть необыкновенная... или я уже совсѣмъ не знаю въ этомъ толка. А толкъ я знаю... Помнишь, въ Бельвилѣ... Меня звали преподавателемъ за то, что я поправлялъ бормотанье перваго любовника, бывшаго рѣзчика... Ну, скажи, Робенъ, правъ ли я былъ, что разсчитывалъ на твою доброту?

На этотъ разъ Нелли была очень польщена. До сихъ поръ всѣ, директоръ, ея товарищи по сценѣ, даже ея поклонники, относились къ ней, какъ къ хорошенькой женщинѣ—и только. Въ глазахъ франта, говорившаго ей съ дѣланнымъ восторгомъ: «Какъ восхитительно вы сыграли сегодня второй актъ!» — она видѣла вспышки желаній, не имѣющихъ никакого отношенія къ искусству. Говоря съ нею, какъ съ настоящею артисткой, старикъ Сенъ-Фирменъ сладко затрогивалъ тщеславіе красавицы. Она тотчасъ обѣщала помочь ему, стала разспрашивать про молодого человѣка, взятаго вторымъ режиссеромъ подъ свое покровительство.

— Разскажи мнѣ теперь, старина, — говорила она весело, — какъ ты съ нимъ познакомился? Гдѣ его откопалъ?

— Да очень просто, въ кабачкѣ,— отвѣтилъ добродушно комикъ.—Сама ты можешь догадаться, что обѣдаю я не въ Café Anglais и не приказываю послѣ перваго глотка перемѣнить бутылку кло-вужо подъ тѣмъ предлогомъ, что вино пахнетъ пробкой. Тра-

пезую я у одного виноторговца улицы Вожираръ, только во второй комнатѣ, куда ходятъ порядочные люди, кучера фіакровъ. Тамъ-то я и замѣтилъ моего маленькаго поэтика, который, прошу вѣрить мнѣ на слово, не позволялъ себѣ кушать бифштексы съ картофелемъ и спрашивать вино въ запечатанныхъ бутылкахъ. Бѣдняга, на это капиталовъ у него не хватаетъ. Довольствуется онъ тѣмъ, что̀ даютъ за пятьдесятъ сантимовъ, а даютъ хлѣбъ, бульонъ, говядину и свѣтленькій шато-лапомпъ въ графинѣ. Юноша мнѣ сразу понравился. Сюртучокъ потертый, но чистенькій, бѣлокурые волосы блестятъ на солнцѣ, бородка чуть-чуть двоится, робкіе темные глазки опускаются отъ одного пристальнаго взгляда, выраженіе грустное и кроткое милаго мальчика, пришедшаго заложить фамильные часы луковицей... И дичёкъ при этомъ... Сколько ни передавалъ я ему то горчицу, то масло, разговора такъ и не удалось завязать. Только когда я сообщилъ ему, наконецъ, что я старый артистъ, тридцать лѣтъ на сценѣ, служу теперь въ Одеонѣ, юноша осмѣлился и заговорилъ... Пошли мы съ нимъ въ Люксембургскій, стали прогуливаться вокругъ бассейна, и тутъ-то онъ продекламировалъ мнѣ на память свою чудеснѣйшую пьеску. На двадцатомъ кругѣ онъ уже дочитывалъ послѣдніе стихи. Я себя не помнилъ... расцѣловалъ его противъ лебединаго домика... Но побоялся того, что не черезъ мѣру ли я увлекся. Юноша далъ рукопись, и я ее перечиталъ. Прелесть! Однако, сама ты понимаешь, что же бы могъ я сдѣлать? Поговорить о пьесѣ съ директоромъ Одеона? Мнѣ-то, второму режиссеру! Онъ бы и отвѣтилъ: «Да, да, хорошо», бросилъ бы тетрадку въ столъ и приказалъ бы вывѣсить въ фойе, что оштрафована на двадцать франковъ дурёха Дебора, являющаяся аккуратно на репетиціи лишь въ тѣ дни, когда ея подпоручикъ сидитъ подъ арестомъ... А затѣмъ я и порѣшилъ: «Надо попытать счастья, не удастся ли моему душкѣ поэту взять приступомъ великую сцену?... Лишь бы найти кого, кто бы лѣстницу ему подержалъ»... Тутъ я и подумалъ о тебѣ, моя красавица. Я зналъ, что тебѣ везетъ, слышалъ, что ты знакома съ главноуправляющимъ отдѣломъ изящныхъ искусствъ, со множествомъ самыхъ большихъ «шишекъ»... И хорошо я сдѣлалъ, что пришелъ къ тебѣ,—такая же ты добрая, какою была въ доброе старое время. Какъ бы я радъ былъ, если бы тебѣ удалось это устроить! Надо правду сказать, полюбилъ я этого мальченку всею душой. Ему столько лѣтъ, сколько было бы моему сыну, котораго я могъ бы имѣть, если бы въ свое время женился или сошелся бы съ женщиной по-настоящему. Но, ты сама знаешь жизнь, все—тѣмъ, что на первыхъ роляхъ,

а на долю комика выпадаютъ только капризы. Вотъ такъ-то я и состарѣлся одинъ-одинёшенекъ, какъ закулисная крыса... Ну, да что тамъ толковать, рукопись я тебѣ передалъ, на ней имя и адресъ автора. Улаживай, какъ знаешь, а будутъ какія-нибудь вѣсти, напиши мнѣ, и я пришлю къ тебѣ моего поэтика. Ему я пока ничего не говорилъ на случай, если дѣло не выгоритъ.

— А какъ зовутъ твоего любимчика? — спросила Нелли Робенъ, задумавшаяся во время разсказа комика и замечтавшаяся о бѣдномъ поэтѣ, неизвѣстномъ и такомъ миломъ.

— Жанъ Дели... и ручаюсь тебѣ, имя это будетъ знаменитымъ.

— Завтра же,—продолжала Нелли,—я примусь хлопотать за твоего молодого человѣка. Мнѣ какъ разъ предстоитъ ужинать съ двумя или тремя сильными міра сего... И я надѣюсь, старина, что скоро ты получишь хорошія вѣсти. А теперь, извини, мнѣ надо переодѣться,—я ѣду на обѣдъ.

Она протянула руку старому режиссеру. Онъ поднесъ ее къ губамъ по всѣмъ правиламъ сценическаго искусства и удалился съ самыми радужными надеждами.

IV.

Вдова офицера, умершаго въ Крыму отъ холеры, госпожа Дели выхлопотала себѣ право содержать табачную лавочку въ Бове и самолично въ ней торговала, не имѣя никакихъ иныхъ средствъ къ жизни. Единственный сынъ ея, принятый пансіонеромъ въ мѣстный лицей, учился недурно, хотя былъ мальчикомъ разсѣяннымъ, мечтательнымъ и довольно слабымъ. Девятнадцати лѣтъ онъ лишился матери и, расплатившись за похороны, остался съ сотнею франковъ въ карманѣ. Получилъ онъ ни къ чему непригодный дипломъ баккалавра ès-lettres и, полный смутныхъ надеждъ и радужныхъ мечтаній, перебрался въ Парижъ, гдѣ и нашелъ лишь самый нищенскій заработокъ. Несчастный юноша, въ которомъ горѣло пламя чистыхъ вдохновеній, вынужденъ былъ переписывать счета подрядчиковъ-строителей, перебиваться ничтожными уроками. Поэтъ въ душѣ, съ изящными и утонченными вкусами, онъ носилъ башмаки, купленные по случаю у чинильщика обуви, питался грубою пищей каменщиковъ въ смрадныхъ харчевняхъ. Родныхъ у него не было. Его отецъ, выслужившійся изъ солдатъ, потерялъ изъ вида задолго до своей смерти всѣхъ родственниковъ, крестьянъ дальнихъ мѣстностей. Мать Жана была чьею-то незаконною до-

і женившійся на ней по любви офицеръ не иначе могъ всту- бракъ съ нею, какъ устроивши какой-то обходъ военныхъ ь, требующихъ, какъ извѣстно, приданаго. За время школь- ни Жанъ Дели подружился съ нѣсколькими товарищами, и ство его однокашниковъ жило теперь въ Парижѣ. Но всѣ ли изъ состоятельныхъ семей, и поэтъ не поддерживалъ і прежнихъ отношеній, даже сторонился отъ нихъ изъ чув- одости бѣдняка.

акъ, въ теченіе трехъ лѣтъ онъ жилъ въ страшномъ одино- занимая въ одномъ старомъ домѣ улицы Сенъ-Мишель чу- нсарду, гдѣ лѣтомъ можно было задохнуться отъ жары, а ода замерзала въ кружкѣ. Помѣщеніе было такъ мрачно, нъ Дели заходилъ въ него только выспаться чудеснымъ олодости. Скука одолѣвала его жестокая. Невыносимо тяну- гіе часы за перепиской у подрядчиковъ въ обществѣ грязо- рванцевъ, полупьяныхъ писцовъ, и, чтобы заработать три приходилось сидѣть, не разгибаясь, до поздней ночи, стро- трочить страницу за страницей до ломоты въ спинѣ, до су- ъ пальцахъ. Челюсть можно было вывихнуть отъ скрытой за уроками по два франка въ семьяхъ мелкихъ торговцевъ, вшись гдѣ-нибудь на углу обѣденнаго стола рядомъ съ не- мъ мальчишкой, запускающимъ себѣ пальцы въ носъ и щимъ перья о свою косматую голову.

ъ еще за счастье почиталъ, когда было что переписывать ывались уроки. Часы безъ работы,—увы, слишкомъ много- ле,—онъ проводилъ за чтеніемъ въ библіотекѣ Святой Же- ли тратилъ на бездѣльныя прогулки по набережнымъ и нымъ бульварамъ, по которымъ онъ медленно бродилъ, за- сь и ничего не видя, отдаваясь изнуряющимъ мечтамъ.

такой жалкой, безцвѣтной жизни бѣдняга поэтъ, вѣроятно, бы въ концѣ-концовъ. Онъ уже почти ничего не писалъ оки не прибавлялъ къ сборнику коротенькихъ и нѣжныхъ очиненныхъ, несмотря ни на что, въ наименѣе тяжелые ь, молодое вдохновеніе такъ же сильно, какъ весна, засы- цвѣтами истоптанныя подгородныя поля, заваленныя уст- раковинами и осколками бутылокъ.

ь Дели начиналъ уже доходить до отчаянія,—любовь спас-

цно изъ воскресеній іюня мѣсяца, теплое и влажное послѣ олодой человѣкъ бродилъ по Зоологическому саду. Въ воз- ило, отъ взбрызгнутой зелени вѣяло ароматомъ. Изъ звѣ-

ринца доносились странные крики птицъ. Замѣшавшись въ народную толпу, Жанъ любовался кистями розовыхъ цвѣтовъ на деревьяхъ Палестины, посаженныхъ Бюффономъ,—всѣ они теперь погибли,— и тутъ-то встрѣтилъ ту, которой суждено было стать его подругой.

Перчаточки не первой свѣжести, ботиночки потерты, черненькое платьице,—въ іюнѣ-то мѣсяцѣ!—плохенькая соломенная шляпочка, подновленная нѣсколькими васильками... за то какой блескъ, какая прелесть молодости этой блондинки съ причудливымъ каскадомъ ярко-мѣдныхъ волосъ, съ глазами кофейнаго цвѣта, съ румянцемъ весенней зари на щекахъ! Знатокъ женской красоты угадалъ бы подъ бѣднымъ платьицемъ этой стройной дѣвушки скульптурныя формы à la Жанъ Гужонъ. А сантиментальный Жанъ Дели только и видѣлъ что глаза кофейнаго цвѣта, кротко смотрѣвшіе на него.

То была, очевидно, какая-нибудь скромная мастерица, пришедшая сюда скоротать свой воскресный досугъ. Безъ всякаго желанія, какъ бы инстинктивно, молодой человѣкъ пошелъ слѣдомъ за нею въ нѣсколькихъ шагахъ. Она вошла въ звѣринецъ, остановилась передъ зебрами. Остановился и онъ невдалекѣ, и вторично глаза хорошенькой рыжей дѣвушки встрѣтились со взглядомъ красиваго блондина и отвернулись отъ него не такъ уже быстро. И благо простымъ, искреннимъ людямъ, не растягивающимъ своихъ идиллій! Скоро молодые люди стояли почти рядомъ, опершись о балюстраду у медвѣжьяго рва, робость почти исчезла, въ глазахъ свѣтилась ясность, предвѣстница улыбки. Минуту спустя, у загородки антилопъ, Жанъ Дели, краснѣя и запинаясь, осмѣлился сказать: «Какія прекрасныя животныя... Не правда ли, мадемуазель?»... И они разговорились, пошли рядомъ, близко другъ отъ друга. Передъ дворцомъ обезьянъ они обоюдно сказали свои имена, и черезъ часъ, когда прихотливые изгибы дорожекъ въ десятый разъ привели ихъ къ слону, молодые люди шли подъ руку, вели такую оживленную бесѣду, что не подумали даже угостить булкой африканскаго узника, протягивавшаго къ нимъ свой хоботъ такъ терпѣливо, что вознаградить его за это слѣдовало.

Боюсь я васъ шокировать, прекрасная читательница, мѣняющая по три туалета въ день, если въ руки ваши попадетъ мой разсказъ. Начать съ того, что никогда вы не удостоите замѣтить красивыхъ глазъ молодого человѣка, не принадлежащаго въ вашему обществу и не представленнаго вамъ по всѣмъ правиламъ свѣтскаго обихода. А за тѣмъ, прежде чѣмъ дать ему понять вашу слабость къ чему, вы, несомнѣнно, заставите его пройти черезъ длинный и

ный рядъ испытаній. Влюбленному въ васъ пришлось бы встрѣ-
я съ вами на множествѣ обѣдовъ, «чашекъ чая» и абонемент-
вечеровъ въ Оперѣ и во Французской Комедіи. Онъ былъ бы
ждень пять или шесть разъ сполна проглотить *Фаворитку*,
въ глубинѣ вашей ложи, прежде чѣмъ въ моментъ знаменита-
эта: «Ah! viens! viens! Je cède, éperdu»— вы соблаговолите
ть ему ободряющій взглядъ. И только послѣ трехъ баловъ и
ны вальсовъ ваша рука можетъ выразительно отвѣтить на его
ie. И не потому это, прекрасная дама, что вы совершенно не-
упны, а лишь потому, что вы требуете цѣлаго любовнаго
а отъ своего обожателя. За вами ухаживать — почти то же,
ройти академическій курсъ, и маленькіе знаки вашего распо-
ія пріобрѣтаются такъ же, какъ переходы съ одного курса на
й. Простите ли вы бѣдной дѣвушкѣ, встрѣченной Жаномъ Дели
ологическомъ саду, ея отступленія отъ указанныхъ путей и
гатокъ выдержанности? Я опасаюсь, что вы сочтете ее дѣвуш-
потерявшею стыдъ. На самомъ же дѣлѣ она была только иск-
и наивна. Во время этой прогулки по саду подъ руку съ ми-
поэтомъ, говорившимъ очаровательно-нѣжно и смотрѣвшимъ
гельно-грустно, Маріетта,—такъ звали скромную дѣвушку,—
рдцѣ своемъ обрывала лепестки таинственной маргаритки, и
дній лепестокъ пришелся на слово «безумно». Жанъ сообщилъ
гтѣ, что онъ одинокъ и несчастливъ, и у Маріетты явилось
съ же великодушное желаніе сдѣлаться его подругой и дать
немножко счастья. Не тревожьтесь, однако, прекрасная чита-
ица, Маріетта не такъ уже скоро поддалась увлекавшимъ ее
ости и состраданію. Такая же она была женщина, какъ и вы,
же точно, какъ вы, она была стыдлива и даже немного кокет-
Понадобилось восемь дней и три свиданія вечерами въ мир-
лицѣ Кювье на то, чтобы она рѣшилась пойти съ Жаномъ
въ его чуланъ улицы Сенъ-Мишель. Но въ эту лѣтнюю ночь,
пескѣ луны, освѣщавшей мансарду, былъ тамъ такой празд-
слезъ и поцѣлуевъ, какого я только могу пожелать всякой
вицѣ, когда она найдетъ, что обожатель ея претерпѣлъ доста-
и прошелъ съ успѣхомъ весь курсъ любовнаго искуса.
ставшись десятилѣтнею сиротой, Маріетта воспитывалась,—
обенно тщательно, какъ Богъ на душу положитъ,—у родного
посыльнаго на станціи восточной желѣзной дороги, бездѣтнаго
а, не молодого, грубоватого, но хорошаго человѣка. Взялъ онъ
ѣ племянницу изъ жалости, въ минуту добраго порыва, по-
нашелъ, что много удобнѣе ѣсть не внѣ дома, по кабачкамъ, а

нѣть каждый вечеръ у себя горячій супъ, сваренный дѣвочкой, и ложиться въ постель, приготовленную ея же руками. Дѣвочка подросла, была отдана въ ученье, впослѣдствіи стала мастерицей у мадамъ Индіана, извѣстной въ то время модистки. Жалованье она получала небольшое, такъ какъ мастерицей оказалась неважною, и по большей части разносила по домамъ заказы и счета. Старый дядя не могъ наблюдать за ней, и жила она безъ присмотра на полной свободѣ. А тамъ, въ мастерской,—дрянные грязные разговоры дѣвчонокъ. Въ пятнадцать лѣтъ ее соблазнилъ и скоро бросилъ какой-то мелкій прикащикъ. Съ тѣхъ поръ Маріетта жила безукоризненно; почувствовала глубокое отвращеніе къ любви. Но нѣжная ласка поэта, деликатнаго и скромнаго, боящагося оскорбить женщину движеніемъ и словомъ, опьянила ее, привязала къ нему навсегда. И два бѣдныхъ, юныхъ созданія, у которыхъ только и было радости въ жизни, что ихъ поцѣлуи, неизмѣнно боготворили другъ друга. Ничего, кромѣ ея милаго, не было въ мысляхъ Маріетты, шила ли она иголкой, бѣгала ли на посылкахъ по городу, прятала ли голову въ подушку, видѣла ли сладкій сонъ. И юный поэтъ жилъ только въ ожиданіи минуты, когда Маріетта забѣжитъ къ нему съ картонкой въ рукахъ, съ восторгомъ въ сердцѣ и во взорѣ. Подъ вліяніемъ любви, Жанъ принялся опять за работу и тогда-то, въ нѣсколько часовъ сладкаго упоенія, написалъ прелестную идиллію-діалогъ *Звѣздная ночь*, за которую впослѣдствіи, когда она была поставлена на сценѣ Французскаго театра, онъ удостоился названія парижскаго Θеокрита.

Жанъ читалъ иногда свои стихи Маріеттѣ. Она слушала его съ восхищеніемъ, не все понимая, быть можетъ, но въ мистическомъ очарованіи беззавѣтно любящаго сердца. Не чуждый тщеславія,—недостатка, общаго всѣмъ сочинителямъ стиховъ,—Жанъ былъ на верху блаженства отъ наивнаго поклоненія своей возлюбленной, и его любовь къ Маріеттѣ становилась отъ того еще сильнѣе. Любилъ онъ, конечно, не такъ страстно, какъ былъ любимъ. Въ музыкѣ этого рода не существуетъ полнаго аккорда. Жанъ былъ добръ, но не безъ той доли эгоизма, которая присуща всѣмъ людямъ, въ дѣйствительности отдающимся искусству. Тѣмъ не менѣе, онъ не могъ безъ умиленія, а также безъ нѣкотораго внутренно и лестно щекочущаго самодовольства, смотрѣть на простосердечную свою подругу, отдавшуюся ему настолько полно, кинувшуюся въ его объятія, какъ люди бросаются въ пропасть. Ему немыслимою представлялась жизнь безъ Маріетты. Другихъ женщинъ для него не существовало и, по натурѣ своей справедливый и чуждый неблагодарности, онъ во всѣхъ мечтахъ своихъ объ успѣхахъ и счастьи

дѣлалъ непремѣнною соучастницей ту, которая облегчала и скрашивала его настоящее горькое положеніе.

Такъ-то въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ Жанъ и Маріетта, видавшіеся настолько часто, насколько это было можно, мысленно—неразлучные всегда, любили другъ друга, какъ только способны любить бѣдняки, не имѣющіе ни иныхъ радостей, ни иныхъ развлеченій. Робкій отъ природы и совершенно лишенный иниціативы, молодой человѣкъ жилъ со дня на день, писалъ немножко, ничего не предпринимая, чтобы выбиться изъ своей темной доли, когда случай свелъ его въ кабачкѣ, гдѣ онъ обѣдалъ, съ старикомъ Сенъ-Фирменомъ. Жанъ Дели совсѣмъ не думалъ о сценѣ, когда писалъ *Звѣздную ночь*, и восторгъ актера удивилъ его. Рукопись онъ передалъ своему недавнему знакомцу безъ особенной надежды на успѣхъ. Что могъ сдѣлать несчастный второй режиссеръ Одеона? А потому радость поэта далеко не была настолько сильною, какъ его изумленіе, когда, двѣ недѣли спустя, онъ получилъ отъ управляющаго театромъ Французской Комедіи очень любезное письмо, полное похвалъ его пьесѣ и приглашавшее его неотложно придти для личныхъ переговоровъ.

М.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Подать и народное хозяйство *).

III.

Гдѣ же беретъ крестьянское населеніе средства для уплаты какъ прямыхъ налоговъ, такъ и еще болѣе значительныхъ косвенныхъ, а также и для расходовъ на свои хозяйственныя и бытовыя нужды? Всѣ эти нужды требуютъ отъ населенія средствъ въ нѣсколько разъ болѣе, чѣмъ уплата прямыхъ окладныхъ сборовъ. Если хлѣбъ не можетъ быть такимъ источникомъ, то еще менѣе могутъ быть въ качествѣ такого источника другіе продукты сельскаго хозяйства—отъ скотоводства и разведенія техническихъ и промышленныхъ растеній. Скотоводство не составляетъ у крестьянъ независимаго промысла и является лишь въ качествѣ необходимаго занятія при земледѣліи; его размѣры, какъ показываетъ статистика, значительно ниже тѣхъ потребностей, которыя предъявляетъ ему даже настоящее низкое состояніе земледѣльческой культуры. Въ южныхъ и юго-восточныхъ губерніяхъ скотъ составляетъ лишь рабочую силу и продуктивность его чрезвычайно мала; въ средней и сѣверной полосѣ онъ поддерживается еще и для удобренія. Въ виду этого крестьянское хозяйство терпитъ скорѣе недостатки, чѣмъ имѣетъ излишки въ продуктахъ отъ своего скуднаго скотоводства. Еще менѣе размѣры культуры не-хлѣбныхъ растеній въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Разведеніе табака и свекловицы, а также картофеля спеціально для винокуренія преобладаетъ во владѣльческомъ хозяйствѣ, а въ крестьянскомъ по незначительности его землевладѣнія распространено чрезвычайно мало и лишь въ нѣкоторыхъ губерніяхъ. Разведеніе льна и конопли, составлявшее въ прежнее время при натуральной системѣ хозяйства почти такую же необходимую отрасль его, какъ нынѣ продолжаетъ быть еще скотоводство (при отсутствіи иной болѣе дешевой рабочей силы), теперь уже выводится, дѣлаясь занятіемъ торгово-промышленныхъ владѣльческихъ хозяйствъ (преимущественно купеческихъ и крупно-крестьянскихъ).

---

*) *Русская Мысль*, кн. VI.

къ образомъ, у крестьянина въ его собственном
гся уже сколько-нибудь значительныхъ источн
на прямые и косвенные платежи и даже для с
ина при все болѣе сокращающемся его собств
однѣ лишь рабочія руки, которыя все болѣе и б
къ наемнаго труда. Этотъ экономическій проце
крестьянина отъ своего собственнаго хозяйства
наго рабочаго есть процессъ громадный важнос
себѣ заслуживаетъ самостоятельнаго и серьезн
ящее время мы лишь укажемъ на него, кос
ина отъ собственнаго хозяйства къ наемному тр
этого требуетъ наша задача намѣтить нынѣшніе
ьскаго населенія.

звитія наемнаго труда, или, по крайней мѣрѣ, отхожи
режде всего, намъ дастъ нѣкоторое понятіе исторія п
слѣ закона 9 ноября 1839 г. паспортный сборъ оста
ѣненія. Цѣны на паспорты и билеты были на серебро:

На плакатные паспорты.	По закону 1839 г.	Тепер
на 3 года	4 р. 35 к.	4 р. 3
» 2 »	2 » 90 »	2 » 9
» 1 »	1 » — »	1 » 4
» ½ »	— » 80 »	— » 8
На билеты.		
3-хъ мѣсячные.	— » 60 »	— » 6
2 »	— » 30 »	— »
1 »	— » 15 »	— » 1

ительное измѣненіе цѣны произошло лишь на годовые
о поступленіи паспортнаго сбора по имперіи у насъ и
*), а за болѣе ранній періодъ—лишь свѣдѣнія о поступ
съ государственныхъ крестьянъ по имперіи (за врем.
гг.) **). Колебанія въ поступленіи этихъ сборовъ буду
ть и колебаніе отхожихъ промысловъ. Движеніе паспорт
ше можетъ быть представлено по среднегодовому его п
ее десятилѣтіе.

	Сред. годов. поступленіе.	Maximum.	Въ годы.	Minim
	Р У Б Л Е			
гіе 1854—60 г.	1.710,400	1.988,040	1860	1.479,2
1861—70 »	1.921,450	2.362,492	1870	1.665,2
1871—80 »	2.728,793	3.341,723	1879	2.463,3
1881—90 »	3.526,132	4.135,890	1890	3.270,7

—

четы министерства финансовъ.

ъ *Журнала министерства государственныхъ имуществъ* за 1845

одовой сборъ за паспорты въ первое поре-
ичился всего на 200 съ небольшимъ тысячъ
:лѣдующее десятилѣтіе увеличеніе составляетъ
42%, а противъ дореформеннаго времени уве-
болѣе 1 милл. р. или почти на 60%. Въ по-
отивъ предъидущаго увеличился еще почти на
%, а противъ дореформеннаго 10-тилѣтія на
%.

ртамъ за это время оставалась почти одина-
иченіе сбора происходило лишь отъ увеличе-
аработки. Такимъ образомъ, это движеніе въ
ервое 10-тилѣтіе послѣ крестьянской реформы увеличилось на 12,4%,
орое—на 60%, въ третье—на 106%. Это движеніе въ нѣсколько
превосходитъ естественный ростъ населенія, который по даннымъ цен-
наго статистическаго комитета въ 50 европейскихъ губерніяхъ Россіи
-тилѣтіе съ 1858 по 1878 г. увеличилось лишь на 20,8%. Сравне-
ихъ данныхъ говоритъ, что измѣнившіяся условія пореформеннаго
ни въ первое десятилѣтіе вынудили обратиться къ отхожимъ (даль-
промысламъ противъ предъидущаго времени всего на 2,4% больше
ъ того, что уходило въ прежнее время; въ слѣдующее десятилѣтіе
ходъ пошли уже не 20%, какъ бы слѣдовало по естественному росту
нія, а 60%, т.-е. уже втрое болѣе, а въ третье десятилѣтіе на ры-
отхожаго труда выкинуто было уже 106%, вмѣсто 30%, или болѣе
въ 3½ раза. Отсюда видимъ, что главный кризисъ въ крестьянской
, обусловившій выходъ крестьянина, дотолѣ самостоятельнаго хо-
, къ наемному труду, наступилъ во второе или, вѣрнѣе, въ концѣ пер-
десятилѣтія по реформѣ. Сдѣлавъ краткую справку въ ежегодныхъ бюд-
ъ нашихъ окладныхъ сборовъ, мы поймемъ и самую причину этого
ія. Годовой окладъ прямыхъ казенныхъ налоговъ росъ такимъ обра-
(въ тысячахъ рублей) *):

Годы.	Окладъ.	Годы.	Окладъ.	Годы.	Окладъ.
на 1860 г.	69,860	1870	150,658	1880	170,349
» 1861 »	72,962	1871	157,038	1881	171,268
» 1862 »	74,706	1872	161,492	1882	172,919
» 1863 »	84,583	1873	163,246	1883	172,484
» 1864 »	89,419	1874	164,364	1884	162,098
» 1865 »	90,566	1875	164,389	1885	165,079
» 1866 »	127,390	1876	163,913	1886	142,100
» 1867 »	133,473	1877	168,455	1887	142,682
» 1868 »	141,286	1878	169,001	1888	145,089
» 1869 »	137,120	1879	169,872	1889	143,879

*) За десятилѣтіе 1860—69 г. данныя заимствованы изъ *Ежегодника* министерства финансовъ, за остальное 20-тилѣтіе изъ отчетовъ государственнаго контроля.

ины 60-хъ годовъ прямые налоги ростутъ,
сразу возростаютъ на 40% и непрерывны
о 1884 г.; съ этого времени начинается за
ы приведемъ погодное поступленіе паспортна
годовъ, то увидимъ, что только чрезвычай
нуждалъ населеніе обращаться къ отхожимъ заработкамъ. По-
спортнаго сбора было:

1859—1.921,206	1866—1.728,462
1860—1.988,040	1867—1.842,708
1861—1.937,176	1868—1.949,787
1862—1.904,033	1869—2.291,640
1863—1.746,381	1870—2.362,493
1864—1.665,236	1871—2.463,982
1865—1.786,583	1872—2.531,334

онять значительное пониженіе паспортнаго сбора къ
нужно сказать, что большая часть этого сбора (около
идимъ ниже, взималась до того времени съ крѣпостно
ивъ въ 1861 г. свободу, оно начинаетъ возвращаться
стремленіе къ собственному хозяйству и семьѣ особени
въ постепенномъ уменьшеніи отхожихъ промысловъ вт
портный сборъ въ 1864 г. уменьшился противъ 18(
65 годъ былъ неурожайный и это совпало съ значит
податей, — въ этомъ году паспортный сборъ сразу
на 120 тыс. руб.; въ слѣдующемъ урожайномъ году ч
пытается остаться дома, но значительное повышеніе
ихъ въ собственномъ хозяйствѣ не долго; съ 1867 г. у
ке постоянно ростетъ, увеличивая паспортный сборъ е
ичъ рублей.

е понятіе о томъ, какая категорія крестьянскаго н
идетъ въ отхожіе промыслы, даетъ намъ сравненіе за
еннаго времени (1854—56 гг.) объ общемъ поступле
ра съ поступленіемъ части этого сбора въ министерст
ь имуществъ съ однихъ государственныхъ крестьянъ.

	Общее количество паспорти. сбора.	Паспорт. сборъ съ однихъ гусуд. крестьянъ.	% къ общему поступлен.
854	1.593,905	548,496	34,4
855	1.479,299	518,437	35,0
856	1.555,495	558,031	35,9

бразомъ, въ дореформенное время въ отхожихъ про
ные крестьяне составляли немного болѣе трети всѣхъ
порты и билеты. А такъ какъ за имѣющееся у насъ
–1856) паспортный сборъ съ нихъ почти не возр

505,878 р., въ 1856—558,031 р. и его мак-
ся на 1848 и 1853 гг.) и такъ какъ въ эко-
жизни этой категоріи сельскаго населенія не
мѣнъ, кромѣ общаго наравнѣ съ другими возвы-
го нужно думать, что и нынѣ въ отхожихъ про-
ь и прежде, главнымъ образомъ, бывшіе помѣ-
гьяне, какъ владѣющіе меньшимъ количествомъ

Паспортная статистика у насъ почти совсѣмъ отсутствуетъ; наиболѣе подробныя свѣдѣнія о количествѣ и родѣ выдаваемыхъ ежегодно паспортовъ отдѣльно по губерніямъ мы встрѣчаемъ только въ первыхъ отчетахъ (до 1846 г.) министра государственныхъ имуществъ, графа Киселева. Затѣмъ, свѣдѣній объ этомъ мы не находимъ нигдѣ въ отчетахъ ни прежнихъ министерствъ, ни нынѣшнихъ. Въ отчетахъ департамента неокладныхъ
въ министерства финансовъ лишь съ 1884 г. начинаютъ появляться
итоги количеству выданныхъ паспортовъ и билетовъ съ примѣрными
ліями на губерніи, дающія наибольшій сборъ съ паспортовъ. Эти
ія за дореформенное и послѣднее время дадутъ намъ нѣкоторое поня-
родѣ промысловъ, на которые уходило и теперь уходитъ населеніе.
вспредѣленіе выданныхъ паспортовъ по ихъ достоинству было слѣ-
ее у государственныхъ крестьянъ въ 1844 и 5 гг., а съ 1884 г. для
ьянъ всѣхъ категорій *):

Всѣхъ внутреннихъ паспорт. и бил.	Годовыхъ. Число.	Годовыхъ. % къ общем.	Полугодовыхъ. Число.	Полугодовыхъ. % къ общем.	Мѣсячныхъ (на 1, 2 и 3) билетовъ. Число.	Мѣсячныхъ (на 1, 2 и 3) билетовъ. % къ общем.
965,491	164,381	17,0	183,759	19,0	616,377	63,9
990,069	157,635	15,8	113,161	11,4	718,378	72,6
	По имперіи для крестьянъ всѣхъ категорій.					
4.935,166	1.173,218	23,8	1.265,485	25,7	2.479,791	50,0
4.952,686	1.162,004	23,5	1.291,769	26,1	2.482,039	50,1
4.951,027	1.184,748	24,0	1.294,120	26,2	2.455,876	49,4
5.134,274	1.288,591	24,6	1.383,287	26,4	2.545,396	48,6
5.511,644	1.400,531	25,4	1.533,084	27,8	2.554,750	46,4
5.740,004	1.420,216	24,7	1.548,497	27,0	2.760,331	48,1
6.107,489	1.431,992	23,5	1.622,467	26,6	3.039,470	49,7

одовые и полугодовые паспорты берутся тѣми, для которыхъ отхожіе
ыслы (въ особенности жизнь на фабрикахъ и въ услуженіи по горо-
) составляютъ постоянное занятіе; этотъ классъ сельскаго населенія
о считать уже вполнѣ потеряннымъ для деревни. Въ дореформенное

*) О количествѣ паспортовъ 2 и 3 годовыхъ свѣдѣній не приводимъ, такъ какъ
"ло и до, и въ пореформенное время ничтожно—отъ 0,1 до 0,5%.

енныхъ крестьянъ на такіе промыслы ух
ъ берущихъ паспорты. Въ послѣднее 7-ми
дящихъ изъ деревни лицъ становится зн
овыхъ паспортовъ въ 1884 г. было 49,
1888 г. это число возросло до 53,2%;
хотя и продолжаетъ постоянно расти, но,
тро ростетъ и число краткосрочныхъ билет
з % долгосрочныхъ паспортовъ нѣсколько
і берутся, въ большинствѣ случаевъ, отпра
ыйственныя работы; изъ такихъ билетовъ і
мѣсячные. Опубликованныя за два послѣдн
і этихъ билетовъ показываютъ, что подавля
даетъ на 1 мѣсячные билеты; изъ всѣхъ
овъ въ 1889 г. было 3-хъ мѣсячныхъ толы
ьные составляютъ 1 мѣсячные билеты; то
263,800, а 1-мѣсячныхъ—2.775,670).

енное время распредѣленіе паспортовъ (
ъмъ такое же, какое и у государственныхъ крестьянъ
и составляли отъ 27 до 36%), то необходимо при-
ное время, выгоняя болѣе чѣмъ втрое населенія про-
ни въ отхожіе промыслы, вмѣстѣ съ тѣмъ, заставля-
ольшее число лицъ покидать свою родину на продол-
го обстоятельство, какъ и самый ростъ движенія въ
инадлежитъ, конечно, къ самымъ нежелательнымъ яв-
[redacted]

гѣ паспортовъ не представляютъ еще точно
) труда у насъ; это лишь картина *отхожа*
30 верстъ отъ мѣста родины). Мѣстные з
кахъ, въ услуженіи, въ работникахъ, въ не
сти заработки во время полевыхъ работъ въ нѣсколь-
отхожіе промыслы. Изъ этихъ заработковъ
числу постоянныхъ, отвлекающихъ населеніе
на цѣлый годъ или значительную часть го,
довые работники и работницы въ экономіях
олько временные (плотничество, извозъ, к
пр.). Произвести общій учетъ этого рода
возможности. Однако, попробуемъ это сдѣла
ной заводской промышленности; отнесемъ къ
всѣхъ постоянныхъ рабочихъ на фабрика
болѣе вѣрно, чѣмъ относить фабричныхъ
шлому населенію, такъ какъ въ существую
ыкновенно показывается только число тѣхъ
, мастеровыхъ, отъ которыхъ требуется и
а, вырабатываемая годами. Такихъ рабочи

мѣстнаго населенія, а пришлыхъ мастеровыхъ приписывать къ ближайшимъ мѣстнымъ сельгвамъ.

Историческое развитіе нашего фабричнаго труда представляется въ та-
дѣ по оффиціальнымъ отчетамъ за все время существованія фаб-
промышленности. До Екатерины II всѣхъ заводовъ было 948; при
нія на престолъ императора Павла I заводовъ было уже 3,129; о
абочихъ и суммѣ производства этихъ заводовъ тогдашняя стати-
е даетъ свѣдѣній. Регистрація фабричному рабочему начинается съ
и мы приведемъ здѣсь всѣ цифровыя данныя относительно числа
заводовъ и рабочихъ на нихъ, какія намъ удалось только собрать изъ
оффиціальныхъ изданій (*Сборники* свѣдѣній и матеріаловъ и *Ежегодники* министерства финансовъ, а за 80-е годы изданія центральнаго статистическаго комитета). Данныя касаются лишь 50 европейскихъ губерній Россіи *).

Годы.	Число заводовъ.	Рабочихъ.	Сумма производства въ тыс. руб.
	Періодъ I.		
1812	2,322	119,093	
1815	4,189	172,882	Свѣ-
1818	4,457	178,419	
1820	4,567	179,696	дѣ-
1825	5,257	210,128	
1830	5,450	253,893	ній
1835	6,332	324,203	
1839	6,894	454,980	нѣтъ.
1844	7,399	469,211	
. . . .	9,172	495,364	106,065
. . . .	10,388	470,914	162,152
. . . .	9,944	459,637	151,985
. . . .	10,664	493,704	192,390
. . . .	14,135	539,446	270,966
	Періодъ II.		
. . . .	7,092	316,659	239,356
. . . .	7,238	331,127	253,229
. . . .	7,488	344,368	287,568
. . . .	7,853	355,678	318,527
. . . .	8,149	372,769	334,609

.885 гг. есть свѣдѣнія и еще о 10 привислянскихъ губерніяхъ, гдѣ
ло въ 1883 г. 116,415, въ 1885 г. — 139,652; въ 1887 г., кромѣ
было рабочихъ 105,868, даны свѣдѣнія о фабричной промышлен-
ѣ (рабоч. 16,360), и въ Сибири съ Туркестаномъ (рабоч. 10,135);
къ съ производительностью менѣе 1,000 было рабочихъ всего по
имъ вышеозначенныхъ.

1872	8,194	402,365	364,221
1873	8,245	406,966	351,455
1874	7,612	411,054	374,991
1875	7,662	424,131	392,166
1876	7,419	412,178	387,787
1877	7,671	419,414	398,627
1878	8,261	447,858	495,293
1879	8,628	482,177	576,458
	Періодъ III.		
1882	56,905	954,972	1.126,033
1883	60,734	925,109	1.135,406
1885	62,801	994,787	1.121,040
	Періодъ IV.		
1887	16,667	651,393	911,018

овѣрность этихъ данныхъ министерскіе отчеты подвергаютъ боль-
мнѣнію, тѣмъ болѣе, что за каждый годъ, кромѣ означенныхъ за-
приводятся свѣдѣнія о числѣ такихъ (считаемыхъ сотнями и даже
и), которые хотя и дѣйствовали въ отчетный періодъ, но свѣдѣ-
оставили. Однако, за неимѣніемъ другихъ данныхъ, приблизитель-
тіе хотя бы только объ относительномъ ростѣ фабричнаго насе-
ставить по нимъ, все-таки, возможно. По неоднородности статисти-
данныхъ разсматриваемое 75-тилѣтіе должно быть раздѣлено на нѣ-
періодовъ. Свѣдѣнія за дореформенный періодъ касаются, повиди-
нородныхъ фабричныхъ заведеній; кромѣ крупныхъ, здѣсь вклю-
мелкія, если не вполнѣ относящіяся къ кустарной и ремесленной
ленности, то составляющія переходъ къ нимъ. Свѣдѣнія, относящі-
II-му періоду (1867 — 1879 гг.) и IV-му за 1887 г., обнимаютъ
крупную промышленность, о чемъ говорятъ отчеты министерства,
ыя цифры, показывающія, что послѣ 1860 г. произошло сокра-
водовъ, ихъ суммы производства и числа рабочихъ. Свѣдѣнія за
ріодъ получались и публиковались по вполнѣ однороднымъ про-
ь, и въ этомъ отношеніи они представляютъ наибольшую цѣнность
актеристики роста рабочаго населенія. Въ слѣдующій періодъ до
свѣдѣнія наравнѣ съ крупною промышленностью обнимаютъ со-
ть и часть кустарной и мелкой заводской производительности. На-
за 1887 г. данныя относятся только къ заводамъ, сумма произ-
которыхъ не менѣе 1,000 руб. Такимъ образомъ, болѣе или менѣе
ыми данными между собою можно признать, съ одной стороны,
періодовъ I-го (1812—1860 гг.) и III-го (1882—1885 гг.), об-
я собою крупную и мелкую заводскую промышленность, а съ дру-
ныя періодовъ II-го (1867—1879 гг.) и IV-го (за одинъ 1887 г.),
ясь лишь крупной заводской промышленности.

ореформенное время ростъ заводской промышленности предста-

ляется такимъ образомъ: число заводовъ съ 1812 г. черезъ 49 лѣтъ болѣе чѣмъ ушестерилось (увеличеніе на 509% или среднее ежегодное увеличеніе болѣе 10%), число же рабочихъ за это время увеличилось только въ 4½ раза или возросло на 353%; средній ежегодный приростъ рабочихъ составляетъ болѣе 7%. Въ пореформенное время однородными съ этими данными являются данныя III-го періода; сравнивъ ихъ за 1860 и 1885 гг., мы видимъ, что число заводовъ за это 26-тилѣтіе увеличилось на 344,3% или ежегодно на 17,7%, а число рабочихъ всего на 110,3% или ежегодное приращеніе было на 4,3%. Опредѣляя же этотъ ежегодный % прироста заводовъ и рабочихъ только по даннымъ послѣдняго 4-лѣтія (1882—1885 гг.) этого періода, то годовой % прироста заводовъ получится всего 2,5%, а % прироста рабочихъ—4,7%, т.-е. почти тотъ же, что̀ получили и изъ 26-тилѣтія. Что касается только крупныхъ заводовъ, то за 21 годъ, съ 1867 по 1887 г., количество ихъ возросло на 57,5% или средній ежегодный приростъ 2,3%, число же рабочихъ увеличилось на 105,7% или среднее ежегодное увеличеніе составляетъ 5%. Отдѣльно по десятилѣтіямъ % прироста рабочихъ на крупныхъ заводахъ былъ различный: въ первое десятилѣтіе—3,24%, а во второе—5,53%. Такимъ образомъ, за послѣднее время фабрика отвлекаетъ къ себѣ все большее и большее число рабочихъ.

Однако, зарегистрованное число рабочихъ, помимо неточности въ самой регистраціи, значительно уменьшающей дѣйствительность, еще далеко не представляетъ всего числа лицъ, тѣмъ или инымъ путемъ промышляющихъ около заводовъ. Сторожа, нижніе служители, возчики, большая часть поденщиковъ, занимающихся общими, но не спеціальными на заводахъ работами, обыкновенно не входятъ въ регистрацію заводскихъ рабочихъ и мастеровыхъ. Между тѣмъ, этотъ классъ промышляющаго около заводовъ населенія очень значителенъ; приблизительное понятіе о заработкахъ этого класса можно видѣть изъ слѣдующаго.

Рабочая плата находится въ болѣе или менѣе опредѣленномъ и постоянномъ отношеніи къ суммѣ производства въ каждой отдѣльной промышленности. Въ суммѣ производства промышленности, обрабатывающей не цѣнные сырые матеріалы, наиболѣе значительную долю будетъ составлять рабочая плата, и обратно—на рабочую плату падетъ меньшій %, чѣмъ на матеріалъ при обработкѣ цѣнныхъ продуктовъ; процентъ на основной капиталъ хотя также величина не постоянная, но подвергается уже незначительнымъ колебаніямъ. Если бы по каждой промышленности были опредѣлены нормальные проценты каждаго изъ этихъ факторовъ въ суммѣ производства, то, имѣя послѣднюю, легко было бы опредѣлить, что̀ получается населеніемъ въ видѣ рабочей платы. Такихъ нормальныхъ процентовъ для каждой промышленности въ ея совокупности пока не существуетъ, и потому приходится дѣлать относительно этого лишь различныя предположенія. Такъ какъ главная масса нашихъ заводовъ обрабатываетъ лишь сырые продукты, то въ суммѣ ея производства на рабочую плату долженъ идти значительный процентъ. Принявъ же во вниманіе, что самыя показанія о суммѣ про-

ь въ нашей статистикѣ принадлежатъ къ наиболѣе невѣрнымъ и
инымъ изъ всѣхъ данныхъ въ ней, процентъ на рабочую плату
быть еще болѣе повышенъ, чтобы имѣть понятіе хоть сколько-ни-
изкое къ дѣйствительности. На основаніи этихъ соображеній, от-
1/8 изъ стоимости производства нашей промышленности на рабочую
детъ скорѣе мало, чѣмъ много. Общая сумма производства въ 1885 г.
берніямъ Европейской Россіи была 1.306.862,483 р., слѣдовательно,
ую плату здѣсь должно быть отчислено 435,6 мил. рублей. Посто-
ое рабочихъ на заводахъ тогда числилось 1.134,439; распредѣляя
плату только между этими рабочими, пришлось бы допустить сред-
ой заработокъ ихъ въ 384 руб., чего, разумѣется, нѣтъ въ дѣй-
ности. Среднюю годовую плату постоянному рабочему во всѣхъ
ь промышленности нельзя допустить выше 150 руб., а при такомъ
женіи зарегистрированное число рабочихъ (1.134,439) получитъ
70,166 тыс. руб., и изъ общей рабочей платы остается еще 265,466
., которые и будутъ выражать собою рабочую плату остальныхъ
истрованныхъ рабочихъ на заводахъ. Если допустить, что годовой
ъ этихъ не достигаетъ выше 100 руб., то нужно будетъ допустить,
о заводовъ достаютъ себѣ средства, по крайней мѣрѣ, еще около
человѣкъ. Если изъ всей суммы производства на рабочую плату
, не треть, а только четверть, то и тогда, оставляя предположен-
и заработки постоянныхъ (150 руб.) и не за
.) рабочихъ, получается, что около заводовъ, вр
бочихъ, добывали себѣ средства 1.566 тыс. чело
ю, ни паспортная, ни фабричная статистика еще
собою всей картины наемнаго труда у насъ. Ро
я еще преимущественно страною земледѣльческой; на ряду съ
скимъ земледѣльческимъ хозяйствомъ существуетъ в
дѣлую треть въ общемъ сборѣ хлѣбовъ. Мы уже
йство принадлежитъ къ типу торгово-промышленных
ихъ исключительно наемнымъ трудомъ и только
ая статистика касается развѣ только ничтожной доли
орые достаютъ здѣсь себѣ заработокъ. Владѣльческ
ѣло если не исключительно, то преимущественно то
стьянами, которые, уходя сюда на работы (въ боль
ише 30 верстъ), разумѣется, никакихъ ни паспорто
летовъ не выправляютъ, нанимаются здѣсь или на
лѣтнія работы. Сдѣлать хотя бы приблизительный уч
селенію, нанимающемуся на полевыя работы во в.
ь, нѣтъ возможности, но за то центральный статист
ъ намъ возможность хотя бы приблизительно опред
о наемнаго труда. Въ своемъ *Опытѣ разсчета сто
ки, овса и ячменя въ производствѣ и въ отноше
мъ* (*Временникъ* 1889 г., № 12) комитетъ вычисля

:ія стоимость обработки всей земли подъ этими
владѣльческомъ, такъ и въ крестьянскомъ хо-
[illegible] произведена по порученію предсѣдателя высочайше утвержденной при министерствѣ внутреннимъ дѣлъ коммиссіи по поводу паденія цѣнъ на сельско-хозяйственныя произведенія. Въ этомъ трудѣ стоимость одной обработки земли, безъ сѣмянъ, во владѣльческихъ хозяйствахъ 46 губерній опредѣлена подъ четыре главные хлѣба въ 194.752,278 руб. Для этого опредѣлялись по низшимъ цѣнамъ на рабочія руки (пѣшихъ, конныхъ и воловыхъ рабочихъ) слѣдующіе сельско-хозяйственные моменты: 1) вспашка, 2) бороньба, 3) посѣвъ, 4) жатва съ корня и укладка сноповъ на мѣстѣ, 5) возка сноповъ и укладка ихъ на гумно, 6) сушка, молотьба и вѣянье, 7) заготовленіе топлива для сушки, 8) стоимость удобренія и 9) вывозъ его. Всѣ эти расходы владѣльческаго хозяйства, кромѣ стоимости топлива и удобренія, которыя, какъ это видно изъ *Временника* 1889 г., № 10, употребляются не во всѣхъ губерніяхъ, составляютъ доходъ наемнаго рабочаго. А такъ какъ цѣны при вычисленіи комитетомъ приняты низшія, то безъ большой ошибки можно отнести весь расходъ владѣльческаго хозяйства въ 194.752,278 руб. полностью въ доходъ наемнаго рабочаго. Прибавя сюда по тому же разсчету расходъ на обработку владѣльческой земли и подъ остальными хлѣбами и картофелемъ, составляющіе здѣсь $^1/_8$ часть всѣхъ посѣвовъ, мы найдемъ общій доходъ наемнаго
аго отъ земледѣльческихъ отхожихъ промысловъ въ 243,440 тыс. руб.
за сѣна на владѣльческихъ лугахъ даетъ также еще нѣсколько милъ руб. наемному рабочему, но для спеціальнаго опредѣленія этого
а у насъ нѣтъ данныхъ, и мы въ общемъ сводѣ наемныхъ заработ-
этотъ доходъ отнесемъ на тѣхъ, кто беретъ краткосрочные билеты
для ухода на полевыя и преимущественно сѣнокосныя работы.

Здѣсь необходимо сдѣлать еще небольшую оговорку. Въ своемъ вычис-
ія центральный статистическій комитетъ, а вмѣстѣ съ нимъ и мы при-
емъ, что вся владѣльческая пашня обрабатывается ими самими. Въ
ствительности, какъ извѣстно, значительная часть владѣльческихъ зе-
ь сдается въ краткосрочную аренду крестьянамъ или за деньги, или ис-
ьно. Но это обстоятельство нимало не измѣняетъ нашихъ выводовъ.
дная плата есть выраженіе чистой прибыли отъ земледѣлія; землевла-
ецъ предпочитаетъ сдачу своей земли собственной обработкѣ, или обра-
руководствуясь только своими выгодами. Иногда у насъ слышатся мнѣ-
что аренда для помѣщичьяго хозяйства не выгодна, и если къ ней
ѣгаютъ, то по необходимости, вслѣдствіе враждебности сосѣднихъ
ьянъ къ владѣльческому хозяйству. Это врядъ ли справедливо; не-
ря на замѣтное увеличеніе во владѣльческомъ хозяйствѣ сдачи земли
ренду, чистая прибыль отъ земледѣлія во владѣльческомъ хозяйствѣ
льно высока и значительно выше средне-русской прибыли. Въ томъ же
ѣ (*Временникъ* 1889 г., № 12) центральный статистическій комитетъ
ислилъ чистую прибыль съ общей пашни крестьянской и владѣльче-

руб. или 1,5% на земельный капиталъ; въ частности озяйство имѣетъ чистой прибыли 36.033,687 руб. или ное—убытокъ въ 10.151,435 руб. или 0,9% на земель- го еще при очевидно невѣрномъ опредѣленіи расходовъ млю, а именно: комитетомъ исключены изъ земельныхъ ь всѣ выкупные платежи, которые въ общемъ состав- или. рублей.

ь общій итогъ наемному труду, какъ относительно ко- тыхъ имъ, такъ и общаго заработка отъ этого труда. ій годовой заработокъ лицъ, берущихъ годовые и полу- по преимуществу городская, желѣзно-дорожная и паро- рабочіе и пр.), въ 100 руб., а уходящихъ по кратко- (въ большинствѣ на лѣтнія земледѣльческія работы и каждаго и принявъ расходъ фабричной промышленности олько въ 25% стоимости производства (по 1885 г.), мы годовой доходъ наемнаго рабочаго:

абричной промышленности (за 1885 г.):

	Число лицъ.	Плата.	Общій заработокъ.
чіе . . .	1.134,439	× 150 руб.	= 170,166 тыс. руб.
ie . . .	1.566,000	× 100 »	= 156,600 » »

промысловъ (по паспортамъ и билетамъ за 1890 г.):

спортамъ	1.431,992	× 100 руб.	= 143,199 тыс. руб.
»	1.622,467	× 50 »	= 81,123 » »
билетамъ	3.039,470	× 15 »	= 45,592 » »

владѣльческомъ хозяйствѣ сосѣднихъ крестьянъ *):

12.172,000 × 20 руб. = 243,440 тыс. руб.

о . . . 20.966,368 = 840,120 тыс. руб.

й трудъ отнимаетъ около 21 мил. человѣкъ, главную ько на 1—2 мѣсяца въ году, и даетъ имъ заработокъ то только наемный трудъ. Если бы остальная часть изъ селенія Россіи и большая часть вошедшаго въ нашъ ел., нанимающихся только на полевую работу во вла- твѣ) даже ничѣмъ, кромѣ земледѣлія, не промышляла, аботка болѣе чѣмъ достаточна для покрытія не только освенныхъ налоговъ, вмѣстѣ взятыхъ, но даже и для

*) личество наемныхъ рабочихъ во владѣльческомъ хозяйствѣ о по такому разсчету: если большинство отправляющихся на я работы берутъ только одномѣсячные билеты, то нѣтъ осно- мѣстные рабочіе удѣляли въ разное время (весной, лѣтомъ и болѣе мѣсяца на наемныя работы во владѣльческомъ хозяйствѣ. тѣляютъ $1^1/_2$ мѣсяца, въ которые при низкихъ мѣстныхъ цѣнахъ болѣе 20 руб., мы найдемъ число этихъ рабочихъ не менѣе

покрытія всего государственнаго бюджета *). Однако, всякій знаетъ, что земледѣліе, да и вообще сельское хозяйство, не составляетъ единственнаго занятія крестьянскаго населенія, не говоря уже о городскомъ. Земледѣліе отнимаетъ у населенія не болѣе 4 мѣсяцевъ и, какъ мы видѣли, не обезпечиваетъ вполнѣ даже продовольствіе его. Что же дѣлаетъ оно остальные 8 мѣсяцевъ? Изслѣдованія крестьянской жизни констатируютъ факты широкаго развитія самостоятельныхъ крестьянскихъ промысловъ. Крупная фабричная промышленность встрѣчаетъ сильнаго конкуррента въ кустарной промышленности. Авторъ *Очерковъ кустарной промышленности* въ Россіи г. В. В. ставитъ даже въ прямую связь широкое распространеніе крестьянской мелкой промышленности, съ одной стороны, и весьма слабое развитіе крупнаго фабричнаго производства—съ другой. Для изслѣдованія спеціально кустарной промышленности съ 1877 года при министерствѣ финансовъ учреждена особая коммиссія, которая къ 1886 г. издала 13 томовъ, изслѣдовавъ, хотя совершенно случайно, болѣе 100 уѣздовъ. На основаніи этихъ не полныхъ и случайныхъ изслѣдованій г. Харизоменовъ опредѣляетъ число кустарей около 4 мил., а членъ означенной коммиссіи г. Андреевъ это число опредѣляетъ въ 7½ мил. Въ упомянутыхъ выше *Очеркахъ* г. В. В. признаетъ, что предположенія г. Андреева ближе къ истинѣ; къ этому онъ приходитъ сравненіемъ въ нѣкоторыхъ обслѣдованныхъ губерніяхъ числа кустарей съ числомъ фабричныхъ рабочихъ; эти отношенія имъ выражены въ слѣдующей таблицѣ:

Губерніи:	Фабрич. рабоч.	Мелкихъ промышлен.	Отношеніе.
Московская	40,000	180,000	1 : 4½
Костромская	25,000	140,000	1 : 5½
Тверская	43,000	200,000	1 : 5
Вятская (6 уѣзд.) . .	16,000	100,000	1 : 6
Курская (5 уѣзд.) . .	2,000	20,000	1 : 10
Тамбовская (6 уѣзд.) .	1,200	10,000	1 : 16
Полтавская (2 уѣзд.) .	200	8,500	1 : 42

«Таблица эта показываетъ,—говоритъ г. В. В.,—что населеніе наиболѣе

---

*) Такъ, напримѣръ, дѣйствительное поступленіе всѣхъ окладныхъ и неокладныхъ сборовъ не только по министерству финансовъ, но и по другимъ вѣдомствамъ, и, наконецъ, исполненіе государственной росписи было въ тысячахъ рублей:

	Окладныхъ сборовъ.		Неокладныхъ.			
	Казенныхъ.	Земскихъ.	Казенныхъ.	Премій страховыхъ по обяз. страхованію.	Всего.	Поступленіе всѣхъ госуд. доходовъ.
882 . . .	157,972	29,133	444,768	10,151	642,024	706,048
883 . . .	157,371	38,199	458,978	10,848	665,396	700,412
884 . . .	148,713	39,855	461,418	13,467	663,453	706,266
886 . . .	132,062	44,411	479,076	12,899	668,448	770,546
887 . . .	146,802	47,291	524,346	13,677	733,116	829,661

Кромѣ того, мірскихъ расходовъ по смѣтамъ 1881 г. въ 46 губерніяхъ было 32,478 тыс. руб.

ностей отдаетъ мелкому промыслу въ 4—5 разъ боль-
ю съ крупнымъ; въ земледѣльческой полосѣ (за исклю-
—4 губерній съ сильно развитымъ сахароваренiемъ),
ше». На основанiи этого онъ приходитъ къ общему
ь промысломъ въ Россiи занято, по крайней мѣрѣ, въ
къ, чѣмъ крупнымъ». И это лишь число профессiо-
которые выносятъ свой трудъ или искусство на ры-
ятiя населенiя оставлены нами въ сторонѣ,—говоритъ
е домашнихъ промышленниковъ, насколько это можно
ерской губернiи, Александровскаго уѣзда, Херсонской,
, Вятской, вѣроятно, въ 3 и больше разъ превосхо-
нальныхъ кустарей; если даже предполагаемое ихъ ко-
двое (?), то и въ этомъ случаѣ мы получимъ гораздо
., которые принимаетъ г. Андреевъ, какъ приблизи-
сла рукъ, занятыхъ мелкимъ промысломъ въ Россiи»

нихъ занятiй, которыми, разумѣется, занято не 20
какъ предполагаетъ г. В. В., а все крестьянское насе-
вободныхъ отъ сельско-хозяйственныхъ работъ, мы
гельно, какой доходъ получается отъ кустарной про-
цiей свои продукты для рынка. Кустарь уже не про-
цiйся на рынокъ лишь съ предложенiемъ однѣхъ сво-
хозяинъ и собственникъ продуктовъ своего промысла;
ждъ его значительно выше дохода простого рабочаго,
и съ фабричною промышленностью продукты кустар-
ь заключать въ себѣ всѣ составные элементы произ-
ъ такихъ отношенiяхъ, а именно: въ суммѣ кустар-
детъ заключаться и стоимость матерiала, и рабочая
ный %, на основной и оборотный капиталы. Собствен-
старя при низкой цѣнѣ на кустарныя произведенiя
ниже платы фабричнаго рабочаго; въ большинствѣ
ствъ весь чистый заработокъ кустаря колеблется между
немъ 50 руб. въ сезонъ *). Всего же по Россiи кус-
етъ населенiю до 375 милл. руб., если считать число
7½ милл. человѣкъ, какъ это дѣлаетъ г. Андреевъ.
цiй бюджетъ наемнаго и кустарнаго заработка, намъ
въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы принимаемъ доходъ одного
ва раза; напримѣръ, на фабрикахъ есть рабочiе, жи-
, точно также по паспортамъ и краткосрочнымъ би-
во владѣльческихъ хозяйствахъ, и въ нѣкоторыхъ
ь промысловъ; въ этихъ случаяхъ доходъ одного и

данныя по этому вопросу можно найти въ *Трудахъ* ком. по
старныхъ промысловъ.

того же рабочаго фигурируетъ у насъ два раза. Будучи по существу вѣрнымъ, такое замѣчаніе, однако, не можетъ поколебать общаго итога бюджета, такъ какъ, имѣя это въ виду, съ одной стороны, мы вездѣ уменьшали наемную плату, съ другой—помнили, что число выдаваемыхъ ежегодно паспортовъ далеко меньше числа лицъ, проживающихъ по этимъ паспортамъ. Знакомые съ практикой полученія годовыхъ или полугодовыхъ паспортовъ, а также полученія краткосрочныхъ билетовъ знаютъ, что, въ большинствѣ случаевъ, живущіе по годовымъ паспортамъ пользуются ими значительно болѣе года и никакъ не менѣе $1^1/_4$ и даже $1^1/_2$ годовъ; особенно это нужно сказать про паспорта лицамъ женскаго пола, которыя по годовому паспорту часто живутъ по 3—5 лѣтъ. Точно также по мѣсячнымъ билетамъ уходятъ въ отлучку обыкновенно на 2—3 мѣсяца и болѣе и практика въ этомъ случаѣ установила такой обычай: берущій мѣсячный билетъ проситъ волостное правленіе приписать на немъ, что предъявитель имѣетъ право получить новый мѣсячный билетъ въ какомъ угодно казначействѣ безъ особаго на то удостовѣренія со стороны волостного правленія. Билеты съ такими приписками рѣдко обмѣниваются на новые, но служатъ для рабочаго 2—3 и болѣе мѣсяцевъ. Въ силу этого, взятый нами доходъ отхожихъ рабочихъ по паспортамъ уменьшенъ нами, по крайней мѣрѣ, на 25%, а по билетамъ даже вдвое; да, наконецъ, въ доходъ отъ земледѣльческаго наемнаго промысла нами не внесенъ доходъ по сѣнокошенію на владѣльческихъ земляхъ.

Такимъ образомъ, весь наемный и самостоятельный заработокъ ежегодно доставляетъ населенію до 1,200 милл. руб. Этотъ доходъ, покрывая всѣ прямые и косвенные налоги, оставляетъ населенію еще весьма значительную часть для удовлетворенія его собственныхъ нуждъ по хозяйству и поддержкѣ культурныхъ потребностей. Чтобы хотя отчасти оріентироваться въ томъ, насколько достаточно этого заработка на покрытіе податей и хозяйственныхъ расходовъ (продовольствіе и прокормъ скота отнесены на земледѣліе), мы опять воспользуемся воронежскими примѣрными бюджетами 67 типическихъ семей. Валовой расходъ ихъ опредѣленъ въ 29,075 р. 26 к. (53 р. на 1 челов.), изъ нихъ на пищу—40,4% (по 22 р. 44 к. на чел.), на прокормъ скоту—22,5% и на прочіе расходы по содержанію хозяйства и поддержкѣ своихъ культурныхъ потребностей 10,798 р. или 37,1% (почти 20 р. на чел.); въ этомъ расходѣ наибольшій (2,340 р. или 4 р .27 к. на человѣка) идетъ на арендованіе земли, затѣмъ 1,864 р. 93 к. (по 3 р. 50 к. на чел.)—на подати, 1,213 р. 85 (2 р. 22 к. на чел.)—на обувь и одежду, духовенству за требы по 75 к. на человѣка, свадьбы, крестины и по- хо оны по 1 р. на чел. и проч. Если бы воронежскій бюджетъ прикинуть к 50 губерніямъ Россіи, то оказалось бы, что всѣ расходы сельскаго на- се нія (кромѣ своей пищи и содержанія скота) составляютъ 1,400 милл. р. Т чмъ образомъ, 1,200 милл. руб., найденные нами отъ заработковъ на- се нія, не покроютъ всѣхъ нуждъ населенія, исчисленныхъ по воронеж- с у бюджету всего лишь на 200 милл. руб. или 14,3%. Эта или дру-

гая цифра разности между дѣйствительными заработками, опредѣляемыми рынкомъ, съ одной стороны, и валовымъ расходомъ—съ другой, и будетъ составлять то, что̀ населеніе ежегодно зарабатываетъ въ видѣ домашнихъ занятій для собственныхъ хозяйственныхъ нуждъ. По воронежскимъ бюджетамъ эта разность показана въ 7%. Очевидно, что для различныхъ губерній эта разность крайне различна, такъ какъ въ однѣхъ населеніе еще исключительно пользуется въ своемъ хозяйствѣ только продуктами своихъ домашнихъ занятій (одежда, обувь, инвентарь, ремонтъ построекъ и проч.), въ другихъ—по большей части удовлетворяетъ хозяйственныя потребности уже только покупными предметами.

И такъ, общій взглядъ на народное хозяйство въ Россіи приводитъ насъ къ слѣдующимъ выводамъ:

1) Крестьянское земледѣліе не обезпечиваетъ нужды крестьянъ даже въ продовольствіи.

2) Владѣльческое хозяйство, производя треть всего собираемаго въ Россіи хлѣба, удовлетворяетъ имъ потребности всѣхъ, какъ заграничныхъ, такъ и внутреннихъ, рынковъ съ излишкомъ, который, очевидно, поступаетъ только на пополненіе крестьянскаго дефицита въ хлѣбѣ.

3) Слѣдовательно, крестьянинъ на хлѣбномъ рынкѣ является только покупщикомъ, но не продавцомъ хлѣба; иначе сказать, крестьянскій хлѣбъ, не являясь на рынокъ, не можетъ служить и источникомъ къ уплатѣ податей.

4) Съ другой стороны, ежегодные заработки отъ наемнаго труда и только кустарныхъ промысловъ ежегодно доставляютъ населенію доходъ, покрывающій не только всѣ подати, косвенные налоги, но и всю ту хозяйственныхъ нуждъ его, которая удовлетворяется денежнымъ об а не продуктами собственнаго хозяйства.

Такимъ образомъ, не только главный, но и единственный источ сельскаго населенія къ уплатѣ лежащихъ на немъ податей есть зара главнѣйше, отъ найма, а потомъ и отъ самостоятельныхъ неземле скихъ промысловъ. Природа этихъ податныхъ источниковъ въ кажд дѣльномъ случаѣ должна указывать и наиболѣе благопріятное и н тительное для населенія время для установленія сроковъ взиманія п По крайнему разнообразію этихъ заработковъ было бы трудно здѣс зывать для каждой полосы Россіи наиболѣе соотвѣтствующіе податн ки безъ спеціальнаго для этой цѣли изслѣдованія. Во всякомъ слу щая доходная таблица о заработкахъ говоритъ, что наибольшая дохода получается не отъ земледѣльческихъ наемныхъ заработковъ главный доходъ отъ этихъ послѣднихъ у наемнаго работника не с етъ съ прежними податными сроками, разсчитанными на земледѣліе главный источникъ къ уплатѣ податей.

IV.

И, тѣмъ не менѣе, фактъ продажи крестьянами хлѣба, и продаж совой, не подлежитъ никакому сомнѣнію. Объ этомъ прекрасно знае

кій, объ этомъ свидѣтельствуетъ приведенная нами таблица ежемѣсячныхъ поступленій окладныхъ сборовъ; объ этомъ же, наконецъ, говорятъ и правительственныя сообщенія и распоряженія, указывающія на хлѣбъ, какъ на главный источникъ для крестьянъ въ платежѣ ими сборовъ. Гдѣ искать объясненія этому странному противорѣчію?

Массовая продажа крестьянами хлѣба оказывается очевидною для всѣхъ потому, что она, являясь вынужденною подъ вліяніемъ взысканія податей, происходитъ періодически, а тамъ, гдѣ крестьянскаго хлѣба недостаточно на продовольствіе, даже одновременно осенью. Тотчасъ же послѣ жатвы начинаются взысканія податей сначала простымъ напоминаніемъ, а затѣмъ и установленными въ законѣ мѣрами понужденія, а, наконецъ, и аукціонною продажей крестьянскаго имущества. Принятіе мѣръ понужденія и продажа крестьянскаго имущества осенью дѣлается тѣмъ неукоснительнѣе, что теперь началась вторая податная половина, въ которую долженъ быть обязательно взысканъ какъ окладъ этой половины, такъ и оставшаяся недоимка отъ первой. А мы видѣли, что въ первую половину взимается только отъ $^1/_4$ до $^1/_3$ годового оклада; слѣдовательно, на вторую падаетъ взысканіе отъ $^2/_3$ до $^3/_4$ его, и теперь уже допущенная снисходительность при взысканіи первой половины оклада не можетъ повториться. Сельское и волостное начальство, всего строже подвергающееся отвѣтственности за несвоевременный сборъ годоваго оклада, тотчасъ же послѣ жатвы проявляютъ особенную энергію, такъ какъ въ это время каждый крестьянинъ имѣетъ хлѣбъ, за которымъ легко услѣдить и который можно реализировать въ деньги.

И вотъ въ то время, какъ во владѣльческомъ хозяйствѣ еще ждутъ окончательныхъ свѣдѣній о результатахъ общаго по Россіи урожая, справляются съ бюллетенями о заграничныхъ цѣнахъ на хлѣбъ, масса крестьянскаго хлѣба, большею частію даже сыромолотомъ, поступаетъ на мѣстные рынки. О правильной хлѣбной торговлѣ здѣсь, разумѣется, не можетъ идти рѣчи. За отсутствіемъ еще пока установившихся зимнихъ путей хлѣбъ сбывается гдѣ попало, на ближайшихъ базарахъ, а чаще мѣстнымъ деревенскимъ скупщикамъ; торговыя фирмы въ это время еще не открываютъ своихъ конторъ въ удаленныхъ мѣстахъ отъ устроенныхъ путей сообщенія. Само собою разумѣется, что и объ установленіи какихъ-либо нормальныхъ, соотвѣтствующихъ потребительскому спросу цѣнахъ здѣсь также не можетъ быть рѣчи. Задолженность нашихъ крестьянъ извѣстна всѣмъ, какъ извѣстно и то, что долговыя обязательства чаще всего заключаются на расплату хлѣбомъ. И вотъ начинается расплата по долгамъ и продажа хлѣба, какія у[illegible]новитъ прежній заимодавецъ. Въ другія руки или въ центральный р[illegible]окъ везти нельзя не потому только, что нѣтъ хорошихъ дорогъ, а, главн[illegible]ь образомъ, потому, что къ прежнему кредитору въ ближайшемъ же в[illegible]ени предстоитъ обратиться за хлѣбною ссудой.

[illegible]та-то сторона крестьянской хлѣбной торговли, когда почти одновре[illegible]о на всѣ базары и рынки поступаетъ масса крестьянскаго хлѣба, и

, глаза. Не видѣть этой массовой продажи
за то большинство, и, притомъ, очень зрячихъ, не замѣ-
мента въ этой торговлѣ. Многія крестьянскія хозяйства,
тѣнокъ свой хлѣбъ, часто даже и сѣмянной, уже съ Рожде-
во уже непремѣнно съ масляницы, начинаютъ покупать
мѣтить эту покупку, пожалуй, и не легко,—она совер-
озами, какъ происходила продажа, а мѣшками, пудами
и. И происходитъ это не открыто у всѣхъ на глазахъ
ынкахъ, а на домахъ у мѣстныхъ скупщиковъ, на мел
лавчонкахъ и въ помѣщичьихъ экономіяхъ, гдѣ береть
лгъ подъ какую-нибудь работу.
оданный осенью и зимой возами, крестьянскій хлѣбъ с
же зимой, начинаетъ снова стягиваться къ тѣмъ же про
ть, но уже по мелочамъ, начинаетъ покупаться тогда
выходитъ оставленный ими запасъ продовольствія. Раз
ой покупки проданнаго первоначально хлѣба намъ уж
ализа владѣльческаго и крестьянскаго хозяйствъ и по
ичнаго экспорта и внутренняго потребленія. Крестьян
весь хлѣбъ, проданный ими, но и тѣ излишки владѣль
остались во владѣльческомъ хозяйствѣ. Такой процесс
обственнаго своего хлѣба назвать хлѣбною торговле
вая операція: подъ залогъ хлѣба получаются деньги да
о взносѣ которыхъ хлѣбъ выкупается на деньги от
имѣющихъ еще быть заработковъ, т.-е. опять въ долгъ

ся эта своеобразная и извѣстная развѣ только у нас
крестьянскому хозяйству, понять не трудно, если при
ій дешевый кредитъ крестьянамъ у насъ стоитъ в
процентъ уплачивается или при продажѣ-куплѣ на раз
къ и весенихъ, изъ которыхъ первыя бываютъ вполтор
з послѣднихъ, или при непосредственномъ займѣ хлѣб
ятской губерніи, гдѣ, при многоземельномъ крестьянском
ъ продажи-купли крестьянами хлѣба не можетъ прини
ь размѣровъ, хлѣбныя цѣны только между осенними (не
ими (удобными для продажи) мѣсяцами колеблются н
оду этого глазовское уѣздное земство, ходатайствовавше
ѣненіи установленныхъ губернаторомъ чрезвычайно ран
сканія осенью податей, говоритъ, напримѣръ, слѣдующе
ы *) требованія объ уплатѣ податныхъ сборовъ стали р
нѣе; такъ, напримѣръ, въ текущемъ году уѣзднымъ
къ началѣ августа сдѣлано настоятельное распоряжен
рой половины сего года былъ непремѣнно оконченъ

*) о времени установленія здѣсь новыхъ податныхъ сроковъ.

разъ въ то время, когда крестьянинъ лишенъ
ботать и продать продукты своего хозяйства и
ваній на мѣстныхъ базарахъ, не имѣется пра-
ѣнъ на эти продукты. Отсюда весьма понятно,
что, при строгомъ требованіи уплаты сборовъ, усиливается сбытъ наскоро обдѣланныхъ продуктовъ сельскаго хозяйства, а при невозможности обработать ихъ — скота и другихъ даже необходимыхъ въ хозяйствѣ предметовъ. А торговый классъ, въ свою очередь не зная опредѣленно, будетъ ли сбытъ продаваемыхъ продуктовъ и въ виду значительнаго предложенія, до крайности воздерживается въ цѣнахъ, которыя вслѣдствіе этого и падаютъ до невозможности. Къ примѣру возьмемъ какъ прошлую, такъ и настоящую осени: въ 1888 г. въ осеннее время цѣны на овесъ были 25—30 к. пудъ, а съ установленіемъ зимы онѣ поднялись до 40 к. и даже болѣе. Въ настоящую осень въ текущемъ сентябрѣ цѣны пали на овесъ еще ниже прошлогоднаго до 20—25 к. за пудъ, а на льняное сѣмя, главный продуктъ, съ котораго крестьяне разсчитываютъ получить большую выручку, до 65 к. за пудъ, тогда какъ нормальная цѣна на него въ прежніе годы была отъ 90 до 1 р. При такомъ ненормальномъ сбытѣ хлѣба и прочихъ продуктовъ сельскаго хозяйства населеніе уѣзда несетъ неисчислимыя потери: во-первыхъ, отъ недовыручки при продажѣ отъ 20 до 50%; во-вторыхъ, отъ продажи не только излишнихъ, но даже и необходимыхъ въ хозяйствѣ хлѣба, скота и другихъ предметовъ, и, въ-третьихъ, отъ покупки затѣмъ впослѣдствіи для пополненія своего хозяйственнаго инвентаря нужныхъ предметовъ по высокимъ цѣнамъ. Такія потери невольно влекутъ къ постепенному обѣдненію населеніе уѣзда» (*Журналы мал. увзд. зем. собранія XXIII очередной сессіи 1889 г.*).

Еще нагляднѣе этотъ процессъ продажи-купли крестьянами хлѣба и потери отъ него въ крестьянскомъ хозяйствѣ представлены въ докладѣ пред-
я особой комиссіи, образованной губернаторомъ для обсужденія
енныхъ министромъ внутреннихъ дѣлъ вопросовъ по продоволь-
му дѣлу, вятскаго вице-губернатора Ратькова-Рожнова. Въ своемъ
онъ говоритъ: «Осенью, когда убирается хлѣбъ съ поля, у крест-
вляется много разныхъ надобностей: выплачивать долги, сдѣланные
до уборки хлѣба, отдавать подати, проводить новобранцевъ, справ-
еревенскіе праздники, свадьбы и т. п. И такъ какъ у огромнаго
ства крестьянъ нѣтъ никакихъ запасныхъ денегъ, и далеко не
ютъ лѣтомъ заработки, то для покрытія всѣхъ этихъ надобностей
хъ есть только одно средство — продать часть собраннаго хлѣба.
осенью вездѣ много крестьянскаго хлѣба идетъ на продажу, а
къ въ это время въ хлѣбѣ мало кто нуждается, то онъ и продается
мъ низкимъ цѣнамъ. Потомъ, даже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ или
полгода—съ новаго года, съ масляной или съ весны, нерѣдко тѣ
же крестьяне *должны жить покупнымъ хлѣбомъ*, потому что своего
ѣли, и вотъ они начинаютъ покупать его, и покупаютъ до новаго

но уже не по прежней цѣнѣ, а *въ полтора, два и*
На такомъ оборотѣ крестьяне теряютъ навѣрно не меньше
олько они въ годъ уплачиваютъ разныхъ повинностей» (*Труды*,
—33).

оффиціальное заявленіе представителя губернской администраціи,
знакомаго съ практикой податного дѣла въ своей губерніи и знаю-
точники къ уплатѣ крестьянами податей, въ данномъ случаѣ имѣетъ
значеніе. Даже въ Вятской губерніи, населеніе которой достаточно
но землей, въ среднемъ 6,6 дес. на рев. душу, такъ какъ здѣсь
)%, государственныхъ крестьянъ, даже въ ней отъ продажа-купли
рестьяне теряютъ *не меньше того, сколько они въ годъ уплачива-*
ныхъ повинностей (казенныхъ около 5 милл. р., земскихъ около
р. и мірскихъ въ 1881 г.—320 тыс.). Сколько же теряется при такой
торговлѣ въ остальныхъ губерніяхъ, гдѣ вслѣдствіе незначительныхъ
ихъ надѣловъ населеніе не обезпечено своимъ хлѣбомъ даже на
ное продовольствіе? Во всякомъ случаѣ также не менѣе того, сколь
ется населеніемъ податей и сборовъ. Въ одной изъ своихъ статей *
али попытку подробнаго разсчета потерямъ крестьянъ при этой
продажи-купли ими хлѣба и пришли буквально къ тому же вы
къ и въ своемъ докладѣ вятскій вице-губернаторъ. Эти потери дл
составляли отъ 90 до 115 милл. руб., т.-е. то же, что составлял
душная и оброчная подати и выкупные платежи, вмѣстѣ взятые.
я потеря нами вычислена еще въ предположеніяхъ, что изъ всѣхъ
къ сборовъ хлѣбомъ уплачивается лишь половина, что колебані
ныхъ цѣнахъ при продажѣ и обратной покупкѣ крестьянами хлѣ
гаетъ лишь 20% и что при замѣнѣ пшеницы рожью, причемъ пред
ѣсь продажа всей пшеницы, крестьяне получали значительную вы
иведенная нами въ I главѣ таблица № 1 объ ежемѣсячныхъ по
ихъ окладныхъ сборовъ говоритъ, что хлѣбомъ уплачивается зна
› болѣе половины окладныхъ сборовъ; только на вторую податну
у, уплачиваемую едва не исключительно хлѣбомъ, падаетъ ³/₄ всѣхъ
ь платежей, или въ среднемъ за 10-тилѣтіе на вторую податну
у приходилось ежегодно 89 милл. руб., а на первую только 40
агая, что первая половина вся безъ исключенія выплачивается за
ги и средствами, добываемыми отъ продажи другихъ сельско-хо
ныхъ продуктовъ, то и тогда на хлѣбъ падаетъ уплата около 8
уб. только казенныхъ окладныхъ платежей; но извѣстно, что одно
› съ казенными платежами собираются и земскіе и мірскіе оклад
ры, а также продовольственные долги (въ общеимперскій и губер
окладнымъ листамъ) и страховые платежи. Только годовой окла
ь (17,8 милл.), мірскихъ (32,5 милл.) и страховыхъ (11,1 мил

› *вопросу о причинахъ экономическаго упадка сельскаго населенія и помѣщичь*
ъ. *Юр. Вѣстн.* 1892 г., кн. 10.

ъ 50 губерній въ 1885 г. составлялъ 61,4
ще изъ этого оклада на хлѣбъ падетъ уплата
ельно, хлѣбомъ всего ежегодно уплачивается
словамъ глазовскаго земства, разница въ хлѣб-
0—50% только между осенними (неудобными
ными) мѣсяцами; разница же между осенними
и весенними, когда, главнымъ образомъ, происходитъ обратная скупка крестьянами своего хлѣба, будетъ, разумѣется, значительно больше этой. Вятскій вице-губернаторъ прямо говоритъ, что крестьяне покупаютъ хлѣбъ уже по цѣнѣ въ полтора, два и три раза высшей противъ того, за что они сами принуждены были при неотложности во взносахъ податей осенью продавать свой хлѣбъ. Допустивъ двойную покупную цѣну противъ продажной, ежегодныя потери крестьянъ на этой операціи выразятся въ 130 милл. руб., а при полуторной цѣнѣ эта потеря составитъ 65 милл. руб. При колебаніи цѣнъ только на 25%, что составляетъ обычное явленіе даже только между осенними и зимними цѣнами, потери крестьянъ достигнутъ 33 милл. руб. Въ сущности, это не всѣ расходы при крестьянской хлѣбной торговлѣ; это есть лишь % по займу денегъ подъ залогъ хлѣба. Но крестьянинъ еще обязанъ привезти этотъ хлѣбъ на рынки или къ скупщикамъ и затѣмъ снова перевезти его домой. Въ названной нами статьѣ своей мы подробно высчитали расходы крестьянъ за провозъ при продажѣ и покупкѣ хлѣба. Каждый пудъ проданнаго и затѣмъ вновь купленнаго долженъ дѣлать непремѣнно два рейса: къ скупщику или на рынокъ тно къ крестьянину. Полагая средній радіусъ такихъ рейсовъ въ 5 верстъ и предполагая продажу и покупку хлѣба только возами не 20 пуд. каждый и конную поденщину въ 50 к. и опуская всѣ расіа тару (мѣшки, полога и проч.), мы опредѣлили стоимость провоза , въ одинъ рейсъ въ $2^1/_2$ к., а въ оба рейса—въ 5 коп.; это слишезначительный расходъ на перевозку, особенно если принять во іе, что какъ первый, такъ и второй рейсъ крестьянскій хлѣбъ дѣво время, наиболѣе дорогое для перевозки—осенью въ распутицу, и лѣтомъ въ рабочую пору и также чаще въ распутицу.

имъ образомъ, всѣ потери крестьянъ при ихъ хлѣбной торговлѣ вы- отъ 75 милл. р., если при обратной покупкѣ будутъ платиться полуторныя цѣны за хлѣбъ до 140 милл. р., если хлѣбъ будетъ ться по двойной цѣнѣ противъ той, за которую они сами продали. ція (двойныя) цѣны болѣе вѣроятны, если принять во вниманіе, что покупается чаще въ долгъ подъ весеннія или лѣтнія работы или же ательствомъ уплаты изъ перваго урожая 2 пуда за пудъ.

и милліонныя потери есть уже исключительно слѣдствіе только по- нашей системы, которая при установленіи сроковъ взноса подаибочно разсчитываетъ на хлѣбъ, какъ на главный источникъ упла- стьянами податей. Одна несвоевременность сроковъ взысканія поаноситъ крестьянскому хозяйству ущербъ, равняющійся по величи-

окладу казенныхъ платежей. И, что всего пе
дно обезсиливая плательщика, не идутъ въ казну, а, попадая
ихъ эксплуататоровъ народнаго хозяйства, еще сильнѣе стя-
вую петлю на шеѣ крестьянина.
ивое явленіе нашей общественно-государственной жизни ска-
ѣдующихъ народныхъ пословицахъ: «Не тужи, матушка рожь-
ла въ городъ дорожка,—ужо перевлачу, да назадъ ворочу»,
и овесъ, что въ Москву повезъ,—весной въ тридорога запла-
ь ворочу», или еще: «не плачь, мучка, что теперь продаю,—
гу, да весной ворочу». Явленіе продажи-купли крестьянами
хлѣба уже давно обратило на себя вниманіе и нѣкоторыхъ
него общественнаго самоуправленія. Еще въ 1867 г., на вто-
его существованія, одно изъ уѣздныхъ земствъ Новгородской
остецкое, приступило къ борьбѣ если не съ самымъ зломъ и
я, что, очевидно, и не по силамъ, и не во власти земскихъ уч-
съ пагубными его результатами. Не имѣя возможности пре-
ынужденную во время сбора податей продажу крестьянами
имъ самимъ хлѣба, который они потомъ снова покупаютъ,
емство рѣшило само взять на себя роль крестьянскаго скуп
одавца, но, разумѣется, уже на болѣе выгодныхъ для кресть
ъ. Оно открыло нуждающимся въ деньгахъ на уплату пода
подъ залогъ хлѣба, который въ этихъ случаяхъ до того вре
ине продавали на сторону, а потомъ снова покупали. Подъ
янамъ выдается отъ 60 до 85% установленной земствомъ цѣ
съ обязанностью этотъ хлѣбъ снова взять по той же цѣнѣ
весъ—15 мая, рожь—1 іюля. Черезъ двѣ недѣли послѣ этихъ
ва имѣетъ право продать заложенный у нея хлѣбъ по воль
ачавъ эту операцію съ 4,500 рублями, крестецкое земство
ило отъ новгородскаго земскаго собранія ссуду безъ процен
тыс. руб., которыми и оперировало, прибавляя къ нимъ часть
запаснаго капитала. Въ минувшемъ 1889 г. для этой цѣли
аго земства было выдано уже 75 тыс. руб. безъ процентовъ
заложеннаго хлѣба крестьяне до 1891 г. уплачивали 10% ком
изъ которыхъ 6% шло въ доходъ земства, а 4%—на воз
лицъ, завѣдующихъ пріемомъ и обратною выдачей хлѣба. С
а ссуду уменьшенъ до 8, изъ которыхъ 4% шло попрежнему
леніе завѣдующихъ операціею и 4%—земству за ссуду. Вы
дѣлается по приговорамъ сельскихъ обществъ, засвидѣтель-
установленнымъ порядкомъ въ волостныхъ правленіяхъ.
ды заложеннаго хлѣба находились во всѣхъ селеніяхъ, обр
ссудой, а нынѣ для удобства храненія и выдачи его учре-
стямъ особые пункты.
ѣнія, избранный крестецкимъ земствомъ путь уменьшить,
шить, а не уничтожить вредное вліяніе существующихъ та

податей, разсчитанныхъ, главнымъ образомъ, на хлѣбъ, юсти, не можетъ быть податнымъ источникомъ, наиболѣе -этотъ путь есть тотъ же самый, что установила сама податная практика, заставивъ плательщика обращаться къ продажѣ нужнаго ему самому хлѣба. Земство само взяло на себя роль скупщика, и, подобно этому послѣднему, оно, разумѣется, должно брать и комиссіонный процентъ, чтобы вести самую операцію. Вся разница между земствомъ и скупщикомъ заключается лишь въ величинѣ взимаемаго процента. Въ послѣднюю тяжелую для земледѣльческаго населенія годину этотъ примѣръ крестецкаго земства обратилъ на себя вниманіе и другихъ земствъ. Вятское губернское земское собраніе въ очередную сессію 1891 года постановило открыть по всей губерніи подобную же операцію подъ залогъ крестьянскаго хлѣба, для чего ходатайствовало передъ правительствомъ о ссудѣ въ 1 милл. руб. для постройки 40 хлѣбныхъ складовъ-ломбардовъ, которые бы вмѣщали въ себѣ, по крайней мѣрѣ, до 8 милл. пудовъ хлѣба. Здѣсь предполагается поставить дѣло уже на широкую ногу.

Однако, какъ бы широки эти начинанія ни были, какъ бы скоро они ни осуществились, хотя бы даже одновременно во всѣхъ земскихъ и неземскихъ губерніяхъ, но послѣ всего нами выясненнаго всякій пойметъ, что это не коренное рѣшеніе вопроса, а палліативъ, и, притомъ, такой, за который плательщикъ податей, все-таки, дорого платится. Этотъ палліативъ нисколько не избавляетъ плательщика отъ самой продажи или залога хлѣба; онъ понижаетъ лишь % залоговой операціи. Уничтожить этотъ % не можетъ никакая кредитная операція. Крестецкое земство взимало 10% по ссудѣ; если бы вся часть окладныхъ платежей (до 130 мил. р.), уплачиваемая нынѣ хлѣбомъ и другими необходимыми въ крестьянскомъ хозяйствѣ земледѣльческими продуктами, уплачивалась земскими ссудами подъ залогъ хлѣба, то и тогда населеніе ежегодно понесло бы до 13 милл. руб. на однихъ только процентахъ; но это не всѣ потери. Уже крестецство въ послѣднее время пришло къ мысли учредить склады хлѣба всѣхъ селеніяхъ, гдѣ находятся заемщики, а лишь въ нѣкоторыхъ ъ уѣзда, подвозъ къ которымъ хлѣба туда и обратно крестьянамъ ся, какъ мы видѣли, до 5 коп. за пудъ. Вятское земство проектиакихъ хлѣбныхъ складовъ-ломбардовъ на всю губернію всего тольа при такомъ разсчетѣ накладные расходы для крестьянъ при подлѣба еще болѣе увеличатся.

сожалѣнію, и самая мысль о совершенномъ устраненіи ростовщикака отъ покупки крестьянскаго хлѣба чрезъ повсемѣстное заведеніе ъ складовъ-ломбардовъ не осуществима въ своемъ основаніи. Для ребуется, какъ мы видѣли, операціонный капиталъ, по меньшей мѣ130 милл. руб., а, между тѣмъ, весь доходный бюджетъ всѣхъ наземствъ не простирается и до 50 милл. руб. (въ 1887 году всѣхъ ъ поступило 47,3 милл. руб.). Если же для своихъ хлѣбныхъ опеемство обратится къ банкамъ, то земская ссуда крестьянамъ обой-

Отсюда очевидно, что земскій кредитъ пр
отя и въ высшей степени мѣра симпатичн
опроса объ изъятіи крестьянина изъ рукъ
вопроса и новый законъ 18 іюня 1892 г.
ескій хлѣбъ, находящійся на корню и ещ
ъ направленъ лишь противъ такого вида
кредита, которая является уже, такъ сказ
і крестьянскаго хозяйства, послѣ чего изт
ется въ батрацкое и даже кабальное. Но
угой не можетъ остановить ту скупку у
которая на обыкновенномъ языкѣ называе
о, въ сущности, есть ничто иное, какъ
, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ нес
ты податей.
ный путь для рѣшенія этого важнаго во
3 мая 1878 г. и 22 декабря 1880 г., ко
къ сроковъ взноса податей, предоставляю
бернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ прис
овіи, чтобы сроки сообразовались съ мѣс
не только губерніи или уѣздовъ, а даж
самымъ дается губернскому начальству во
ленію установленіемъ болѣе своевременны
ымъ условіямъ сроковъ взноса податей. Е
тотъ разсчитанный на облегченіе плательщ
гается для большей части имперіи мертво
бразомъ податные сроки лишь въ первую
іе во второй податной половинѣ или сов
ъ ихъ, какъ это видно изъ первой напе
гупленія окладныхъ сборовъ, даже въ не
ковъ, то земства въ этомъ случаѣ обязан
зученіемъ мѣстныхъ условій, выясненіемъ
у населенія и взять на себя, какъ это дѣ
тва Вятской губерніи (глазовское и мал
ниціативу ходатайства объ измѣненіи част
нѣшняго законодательства о срокахъ в
юмъ смыслѣ, а именно: въ привлеченіи з
ія податныхъ сроковъ и въ предоставленіи
для обязательнаго руководства мѣстной по

ромадное вліяніе оказываетъ на всю эконо
ъ взноса податей и насколько сильно и бы
еся цѣлыми десятилѣтіями и даже вѣками
жетъ показать примѣръ многоземельной Вя
ельныхъ земельныхъ надѣлахъ значитель

ивается въ большинствѣ волостей еще хлѣбомъ
венными продуктами. Для Вятской губерніи хлѣб-
атей, въ противность большинству нашихъ ев-
значительными крестьянскими надѣлами, имѣютъ
гакъ какъ отъ нихъ въ прямой зависимости по-
ость населенія: при высокихъ цѣнахъ и платеже-
атно; точно также и казна, взыскивая платежи
аселеніе, при установившихся, а не случайныхъ
ость продавать свой хлѣбъ для уплаты податей
одой, получитъ съ населенія платежей больше,
къ, и при этомъ безъ особеннаго отягощенія са-
атной практикѣ Вятской губерніи при установ-
два рѣзкихъ момента: во вторую податную по-
ь $^2/_3$ до $^3/_4$ всего годового оклада, вначалѣ были
вшіеся лишь съ ноября мѣсяца. Но со средины
губернатора, сроки были перенесены съ зимнихъ
о обстоятельство не замедлило тотчасъ же от-
кономической жизни населенія. Прежде при зим-
одатей населеніе въ продажѣ своего хлѣба сто-
рупными хлѣботорговцами, открывающими свои
хо съ установленія зимняго пути. Теперь хлѣб-
ершенно иной характеръ; во времени открытія
ьяне уже спускаютъ едва не весь свой хлѣбъ,
й, мѣстнымъ скупщикамъ и ростовщикамъ, отъ
конторы и скупаютъ хлѣбъ партіями. Въ осен-
возъ хлѣба дѣлается возможнымъ лишь на не-
когда вслѣдствіе этого центральные хлѣбные
ершенно пусты, или съ незначительнымъ подво-
ь хлѣботорговческихъ фирмъ нѣтъ никакой воз-
съ мѣстными скупщиками, разсѣянными повсе-
величеніе противъ прежняго самыхъ конторъ
ось бы новымъ накладнымъ расходомъ на хлѣбъ.
мѣстной хлѣбной торговлѣ создало необходи-
а между крупными хлѣбными фирмами, экспор-
ѣлы губерніи, и между крестьяниномъ, вынуж-
раннею осенью, по распутицѣ.
ѣненію сроковъ, произошелъ настоящій перево-
й культуры. Уборка хлѣба въ большей части
ется поздно; жнитво озимей начинается лишь
я) и тянется весь августъ; яровое нигдѣ ранѣе
въ средней и сѣверной полосѣ губерніи уборка
я только въ концѣ сентября и началѣ октября.
тановленныхъ срокахъ сентябрь по поступленію
ь мѣсяцемъ; значительная часть ихъ въ послѣд-

я начала поступать даже въ августѣ. Это крестьянъ торопиться съ жатвой и молот еперь большая часть хлѣба поступаетъ на льно низшаго качества, чѣмъ прежде; от а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и выходитъ из ективнымъ показателемъ происшедшаго пе ізни губерніи служитъ колебаніе хлѣбны въ колебаніи среднегодовыхъ цѣнъ не за къ, а зависитъ отъ колебанія общерусских ередь въ зависимости отъ заграничныхъ, , цѣнъ зависитъ исключительно уже отъ зъ своихъ статей *), разсматривая эконом нтской губерніи въ связи съ успѣшностью й (казенныхъ и земскихъ), мы показали, ч ная съ 1887 г., въ мѣсячныхъ колебаніях ла рѣзкая перемѣна. До этого года осенні е зимнихъ, и это вполнѣ естественно, такъ ка хлѣба еще въ полномъ разгарѣ и самы распутицею почти невозможенъ. Съ 1887 зимнихъ цѣнъ наступаетъ рѣзкій поворотъ гда ниже зимнихъ. До какой степени это з ть нижеслѣдующая таблица о среднихъ ос губернскихъ цѣнахъ на ржаную муку и ы за три мѣсяца—августъ, сентябрь и ок рь и декабрь **).

наглядности и удобства сравненій мы пр сенними и зимними цѣнами за каждый годъ е знаковъ этой разности особенно краснор , рѣзкомъ измѣненіи экономическихъ отнош 1887 г. До этого года осеннія цѣны на о родолженіе всего 6-тилѣтія постоянно выше

одати и недоимки Вятской губерніи. Каз. Бирж 6, 71.

елающіе видѣть подробную таблицу цѣнъ за каж ъ найти ее въ указанной выше нашей статьѣ №

			На ржаную муку.			
1881	1882	1883	1884	1885	1886	1887
95,9	92,3	90,0	78,5	69,1	55,6	43,6
92,0	81,6	88,5	72,4	63,6	49,9	44,0
+3,9	+10,7	+1,5	+6,1	+5,6	+6,9	—0,8
			На овесъ.			
52,3	48,7	46,2	52,4	47,7	40,3	27,6
48,5	45,0	44,5	49,3	46,2	35,5	31,5
+2,8	+ 3,7	+1,7	+3,1	+1,5	+4,8	—3,9

продажа хлѣба, чрезвычайно невыгодная для
ьна. Съ 1887 г. отношеніе хлѣбныхъ цѣнъ
ісе время ниже зимнихъ цѣнъ, что указываетъ
ыта крестьянами своего хлѣба; главная про-
ь уже осенью. А такъ какъ за это время не
ній ни въ сельско-хозяйственной культурѣ, ни
ичина въ измѣненіи отношеній между осенними
тся лишь въ происшедшемъ съ 1887 г. измѣ-
ысканія податей.
овъ въ связи съ небывалымъ до того времени
она о круговой порукѣ при продажѣ крестьян-
ъ къ сроку податей сказался въ Вятской гу-
ыло ожидать. Въ то время, какъ подъ вліяні-
ѣ податей прежнія недоимки казенныхъ и зем-
ньшались (къ 1887 г. казенныхъ недоимокъ
% окладѣ, а къ 1891 г. ихъ осталось 250,340 р.
ыло 1.442,674 р., а осталось къ 1891 г. всего
яйство губерніи пошло быстро подъ гору. Это,
выдачѣ продовольственныхъ ссудъ, которыя,
по сбору податей, стали возростать за по-
ною быстротой. Такъ, если сравнить въ этомъ
, пятнадцатилѣтіе 1871—1885 гг., въ которое
значительный неурожай 1874 г., непрерывный
—5 годовъ, наконецъ, чрезвычайный неурожай
мъ не уступавшій неурожаю минувшаго 1891
вся по урожаю четырехлѣтіе 1887—1890 гг.,
одовая выдача продовольственныхъ ссудъ въ
ется таковой же во второй періодъ. Всего вы-
днемъ ежегодно продовольственныхъ ссудъ:

	Деньгами изъ губерн. капит.	Хлѣбами изъ магазиновъ въ четвертяхъ. Озими.	Ярового.
5 гг.) . .	101,450 р.	35,957,5	28,481
0 ») . .	79,851 »	35,757	31,233

и въ глаза несоотвѣтствіе податныхъ успѣховъ,
ческаго положенія населенія губерніи—съ дру-
ду собою всѣ годы, выдающіеся въ податной
. Такихъ годовъ съ переборами противъ окла-
въ Вятской губерніи было 9. И вотъ въ ка-
кономическое положеніе населенія въ эти годы

Годы.	% переб. къ годов. окладу.	Выдано ссудъ. Деньгами. Руб.	Озими. Четвертей.	Яроваго. Четвертей.
Первый періодъ.				
1872	0,67	4,981	12,213	26,282
1878 *)	3,25	356,762	184,143	114,166
1879	5,2	6,983	3,715	11,976
1880	0,9	4,262	3,696	5,566
1881	0,4	3,224	4,695	7,092
Второй періодъ.				
1887	11,5	35,558	14,787	7,962
1888	11,1	103,708	7,482	8,313
1889	9,0	95,282	33,008	27,856
1890	2,0	84,825	87,752	84,401

ика весьма наглядно показываетъ всю разницу
ценіи населенія въ годы податныхъ успѣховъ
». Въ первый періодъ переборы въ податяхъ (
выдачами продовольственныхъ ссудъ, что гов
еборы не легли тяжелымъ бременемъ на пла
ядимъ во второй періодъ, когда, съ одной сто
ле переборы въ податяхъ, съ другой—пониже
стоянія, выразившееся въ значительномъ тре
ссудъ, которыя, какъ это видно изъ журнал
омъ же выдавались по настоянію губернато
ихъ случаяхъ, и ходатайства уѣздныхъ земст
сь губернскимъ собраніемъ лишь на половину
ѣздныхъ земствъ въ 1887 г. было ассигнован
ной ими ссуды, въ 1888 г.—57%, въ 1889 г
. Рѣзкое пониженіе экономическаго благососто
въ уменьшеніи скота. По свѣдѣніямъ губерне
ета, общее количество скота въ 1881 году бы
рогатаго—1.150,704; послѣ трехлѣтняго неп
—5 гг. численность его уменьшилась и въ 18
дей и 945,440 рогатаго скота; но послѣ этого
выдающихся урожая 1887 и 1888 гг. и сред
ѣтъ, численность скота падала:

	Лошадей.	Рогатаго скота.
1886	709,820	945,440
1887	688,106	898,801
1888	674,275	906,144

резвычайнаго неурожая 1877 г. главная выдача про
ла въ началѣ слѣдующаго за нимъ 1878 года.

657,317	915,834
755,015 *)	934,368

экономическомъ упадкѣ населенія этой гу-
891 года, относительно степени неурожая
ахъ губерній произошло рѣзкое разногла-
палатой, по донесенію податныхъ инспекто-
асить . съ экстраординарными мѣрами губер-
ней торговли хлѣбомъ и вывозѣ его за пре-
зомъ, потому, что неурожай не былъ и по-
езвычайнымъ. Въ 1877 г. неурожаемъ было
въ, чѣмъ нынѣ, и населеніе справилось съ
дующій годъ окладные платежи даже съ из-
оклада. Въ 1891 году, несмотря на то,
лъ только въ 5 изъ 11 уѣздовъ, и несмотря
средства къ началу 1891 г. были почти
и къ началу 1877 г. **), населеніе многихъ
правительство вынуждено было отпустить
гда какъ въ 1877 г. земство обошлось соб-
редствами.

становились долго потому, что исторія по-
учительна въ томъ отношеніи, что даже и
атныхъ источниковъ (въ Вятской губерніи
точникомъ къ уплатѣ податей), но при не-
нія податей, хотя бы только на два или на
ъ установившихся экономическихъ условій
акія потери, которыя, по словамъ одного изъ
министраціи, вице-губернатора, равняются

П. Голубевъ.

очна; по даннымъ земства, которыя въ иные годы
начительно выше исчисленій комитета, за этотъ
ол.

м.	Въ магазинахъ.	Четверт. хлѣба.
6	332,586 озими,	212,140 ярового.
2	270,438 „	252,710 „

кія теченія русской исторической
и XIX столѣтій *).

III. Итоги исторической работы XVIII столѣ

I.

ончивъ съ общею характеристикой историковъ п
ходимъ теперь къ обзору итоговъ ихъ ученой р
тся, что мы не имѣемъ здѣсь возможности п
али историки XVIII вѣка по каждому отдѣльно
, но въ этомъ для нашихъ цѣлей нѣтъ и никак
изложенія мы ограничимся сопоставленіемъ добыт
вка по тремъ наиболѣе существеннымъ пунктамъ
мала эта исторіографія, во-первыхъ, для разра
атеріала, во-вторыхъ, для разработки лѣтописей
тки актовъ. Познакомившись съ итогами специа
по этимъ тремъ пунктамъ, мы подведемъ затѣм
ъ историковъ XVIII в. на цѣли, пріемы и общ
ческой исторіи.
выдѣляемъ въ особую рубрику вопросы истори
что вопросы эти въ изслѣдовательской работѣ
очень видное мѣсто; у нѣкоторыхъ писателей ра
-географическихъ вопросовъ даже вполнѣ, или по
я содержаніе ихъ работъ. И самые пріемы рѣш
высшей степени характерны для движенія и
I.
ій смыслъ этого движенія заключается въ протес
ъ средневѣковой этнографіи *Синопсиса*, противъ
народовъ къ библейскому времени путемъ наси
менъ по созвучію или по смыслу. Историческая
ать на болѣе твердое основаніе, чѣмъ невѣжест

*) *Русская Мысль*. кн. VI.

ь этомъ дѣлѣ, безспорно, принадлежитъ Бай-
казать на самый источникъ безграничнаго
нихъ писателей. *Эфоръ*, распредѣливши свое
ъ свѣта, къ каждой странѣ пріурочилъ на-
ждающагося народа. Такимъ образомъ, жители
сѣвера получили названіе *скиѳовъ*, жители Запада—*кельтовъ*, Юга—*эѳіо-*
Востока—*индовъ*. Этнографическія имена получили, такимъ образомъ,
ный, чисто-географическій смыслъ, и, однако же, продолжали употреб-
ь въ смыслѣ этнографическомъ: отъ этого неосторожнаго употребле-
рминовъ и произошла вся путаница. Масса народовъ самаго разно-
заго происхожденія получила отъ сожительства въ одной странѣ имя
ъ. Съ теченіемъ времени это единство географическаго названія было
то за единство племенное,— единство происхожденія. «Такимъ обра-
зомъ, дѣянія киммерійцевъ смѣшались со скиѳскими, скиѳскія съ сармат-
скими, гуннскими, татарскими» *). Мы спокойно употребляемъ тер-
канцы, сибиряки; но, конечно, никому не придетъ въ голову
ъ американскомъ или сибирскомъ языкѣ, или племени, такъ какъ
цѣлый міръ совершенно независимыхъ другъ отъ друга амери-
сибирскихъ языковъ и племенъ **). Точно такое же значеніе,
ое, а не этнографическое, долженъ имѣть и терминъ «скиѳы».
го не только генеалогіи отъ Мосоха должны были теперь пре-
ю изслѣдователь получалъ право не повѣрить даже византійцу
, случаѣ, продолжателю Ѳеофана), когда тотъ утверждалъ, что
юдъ скиѳскій». Этому свидѣтельству можно было теперь про-
ть византійское же разъясненіе (Анастасія Синанта): «Скиѳіей
ыкли называть всю сѣверную полосу, гдѣ живутъ и готы, и

прерывность названія не свидѣтельствовала, стало быть, о не-
пребыванія одного и того же племени въ странѣ, которую
бозначать этимъ названіемъ, то отсюда самъ собой слѣдовалъ
исторію русскаго племени нельзя начинать изслѣдованіями о
даже о киммерійцахъ—за 1000 лѣтъ до Дарія. Origines russicae

mtarii academiae petropolitanae, 1723, t. I. Ephorus in quarto historiarum
errarum inter Scythas, Indos, Acthiopas et Celtas divisit... Video igitur
locorum positus per certa captta distribuere et explicare constitueret,
omina gentium vastiorilus spatiis adhibuisse. Igitur tot tamque diversae
non modo intra communem quamdam regionem detinitae, unum omnes
men his auctorilus subierunt, sed etiam ab illa regionis apellatione in
iem sunt confiatae.

авненіе принадлежитъ Миллеру и Шлецеру, вполнѣ принявшимъ мысль
киѳы, сарматы и т. д. суть названія географическія, а не этнографи-
родахъ издревле въ Россіи обитавшихъ, статья Миллера, написанная въ
анная въ переводѣ Долинскаго въ Спб., 1788 г., стр. 2. *Schlözer:*
eschichte", стр. 211, 289. *Несторъ*, I, стр. 422—23.
, въ *Comment. acad.*, t. VIII, 1741 г., origines russicae.

ближе къ намъ, чѣмъ тѣ време
самъ Байеръ. Этотъ выводъ въ
церомъ. «Сѣверъ до своего открыті
овныхъ положеній.—Странствующ
ихъ вещахъ, которыя случались
камчадальскія сказки не лучше в
тобы означать столѣтія». «Сколько мнѣ извѣстно,—
Шлецеръ,—онѣ не удостоились еще гл
того ученаго въ запискахъ какой-нибу
ться и ребячествомъ древнихъ дикихъ
дикихъ». «Русская исторія начинает
винѣ IX столѣтія»; до этого же време
нографическое вступленіе въ исторію,
зянахъ (съ VI столѣтія послѣ Р. Х.)
совъ одинъ Болтинъ усвоилъ себѣ вы
ый результатъ работы нѣмецкихъ изс
говоритъ онъ въ примѣчаніяхъ на Щерб
аго народа... Происхожденіе племенъ
совъ стекшихся составляютъ рѣчку» (
:Въ разсужденіи всѣхъ сихъ обстоятел
исторію и терять время въ тщетны
ъ вещей, для насъ не принадлежащ
езполезно; не знаемъ даже и того, вс
ой стороны, тѣмъ менѣе о дѣяніяхъ
слѣдователи шли своею дорогой. Татищ
комъ въ свой вступительный томъ, п
фическому введенію ***); но помимо ни
ныя цѣли. Исторія должна была об
очему, вмѣсто того, чтобъ искать свя
историческаго времени, онъ предпоче
астоящаго и сдѣлалъ смѣлую попытку
въ современномъ этнографическомъ
ахъ онъ искалъ и нашелъ своихъ с
киръ, съ которыми пришлось ему столь
славныхъ имени, всего чаще повтор
и ученыхъ изслѣдованіяхъ, которыя

§ 14 и прибавл. III (стр. 417 и слѣд.). Л

стр. 177—213: „изъ Константина Порфирог
и народахъ, собранное Сигфридомъ". I,
ніе Сигфрида Беера", стр. 225—260. „Пр
сочиненное Ѳеофиломъ Сигфридъ Байер
нія Сигфрида Байера о варягахъ", стр.

для своей исторіи, были *скиѳы* и *сарматы*. Двѣ ихъ инородцевъ были *татары* и *финны*. И такъ, татары: къ тому же тѣ и другіе—кочевники. Сартерминъ «сарматскій языкъ» вмѣсто «финскій» стаупотребленіи Татищева. Что же касается самихъ славѣтопись открыла ему древнее имя ихъ—*амазоны*. этнографіи имя это должно имѣть тотъ же смыслъ, цевъ не затрудняется найти и это тождество смысла. амазоны» терминъ испорченный изъ «алазоны», а одъ на греческій языкъ слова «славяне» (отъ славы): симъ образомъ, этнографическая классификація была готова: скиѳы, сарматы, амазоны или татары, финны, славяне. При всей произвольности, въ ней было одно несомнѣнное достоинство: эта классификація была первою попыткой дать книжнымъ терминамъ реальный смыслъ. атковъ, разумѣется, въ ней было масса, и самыхъ капитальныхъ. татарами и финнами эта классификація не указывала единства расы; вся классификація была сдвинута на востокъ, къ Азіи, къ мѣстамъ, знакомымъ Татищеву; вслѣдствіе этого на западѣ пропали литовскія (голяды, семгола, летты, жмудь, пруссы, ятвяги). Восточные славѣтописи (сѣверяне, кривичи, дреговичи, вятичи, уличи) очутились, какъ и литовцы, среди финновъ—сматъ. Наконецъ, эта исключить финнскаго элемента на сѣверѣ Россіи какъ нельзя лучше гармоировала съ выведеніемъ и руссовъ (=сарматовъ) изъ Финляндіи.

Ломоносовъ съ Щербатовымъ здѣсь представляютъ мутную струю въ ографіи XVIII в.: первый—вслѣдствіе патріотическо-панегирическаго вленія, второй—вслѣдствіе невѣжества въ вопросахъ древней исторіи. осовъ уступаетъ скиѳовъ Байеру, отожествляя ихъ съ чудью; но сарь онъ рѣшительно причисляетъ къ славянамъ. Онъ пользуется также ой Татищева, смѣшеніемъ литвы съ финнами, чтобы, въ противупоесть ему, прямо отожествить и литву съ славянами. Сдѣлавъ литву нами, онъ оттуда, отъ руссовъ, выводитъ и *славянскую* династію ка. Извѣстно также, что, опровергая Байера и Миллера, Ломоносовъ на точку зрѣнія Синопсиса въ вопросѣ о происхожденіи руссовъ, ыхъ онъ считалъ также славянами и отожествлялъ съ южными рокавами и западными пруссами **). О Щербатовѣ нечего и говорить: еще ie знакомый съ этнографіей, чѣмъ съ географіей Россіи, не будучи

Исторія, т. I, 31, 42, 425.

Опроверженія Ломоносова на извѣстную рѣчь Миллера см. у *Пекарскаго:* „Ист. ук“. Въ существованіи южной Руси, независимой отъ варяговъ-норманновъ, впрочемъ, убѣжденъ и Байеръ. Сомнѣвался, чтобъ руссы жили на Днѣпрѣ уже востокѣ Андрея, Байеръ, однако, доказываетъ, что они были здѣсь *раньше* а, и *слѣдовательно* не были норманнами. Имя Руси онъ сперва (de orig. Scyt-) производилъ отъ *Rha* (Волги), а потомъ отъ разсѣянія (Origines Russicae): ores seu boreales slavi, tum gelicis reliquiis, tum Fennis permixti, et reges sibi nerunt e Getico corpore, et ab hoc dispersione nomen Rossicum.

въ состояніи оріентироваться среди извѣстій древнихъ писателей, онъ просто излагаетъ эти извѣстія по французскимъ руководствамъ. Закончивъ это изложеніе, онъ тутъ же чистосердечно признается, что самъ не могъ въ немъ добраться до смысла. Все въ собранныхъ имъ свѣдѣніяхъ, по его словамъ, «толь смутно и безпорядочно, что изъ сего никакого слѣдствія исторіи сочинить невозможно» *). Противъ этого безполезнаго пересказа, мы видѣли, возстаетъ Болтинъ, какъ не относящагося къ русской исторіи. Надо, впрочемъ, прибавить, что въ своемъ послѣднемъ произведеніи, *Примѣчаніяхъ на отвѣтъ Г. М. Болтина,* Щербатовъ является въ историко-этнографическихъ вопросахъ гораздо болѣе свѣдущимъ и часто болѣе осторожнымъ, чѣмъ Болтинъ. Относясь самостоятельно къ мнѣніямъ Татищева, онъ не соглашается сарматовъ считать финнами, указываетъ на ихъ происхожденіе изъ Азіи и отъ нихъ выводитъ славянъ. Финновъ же (чудь) онъ сближаетъ, подобно Байеру и Ломоносову, со скиѳами. Тюрко-татарскіе народы онъ отдѣляетъ и отъ сармать-славянъ и отъ скиѳовъ-чуди. Наконецъ, руссовъ онъ считаетъ безспорно норманнами и отказывается отъ сопоставленія ихъ съ роксаланами **). Что касается этнографическихъ взглядовъ самого Болтина, то, зная его зависимость отъ Татищева, мы не будемъ искать у него чего-либо новаго. Онъ вполнѣ принимаетъ какъ классификацію, такъ и самую терминологію Татищева, оправдывая и въ этомъ случаѣ шутливую эпиграмму, приспособленную къ нему Щербатовымъ ***):

„Когда Татищевой не стало ужь отрады,
Пропалъ писатель сей, какъ Троя безъ Паллады".

Между тѣмъ, во время Болтина уже существовала иная классификація, опиравшаяся, подобно татищевской, на современную этнографію и даже построенная, въ концѣ-концовъ, на данныхъ, собранныхъ Татищевымъ, но несравненно болѣе научная: классификація Шлецера. Основой этой классификаціи послужила не одинаковость мѣста, занимавшагося древними и новыми народами, не сходство ихъ названій или легенды объ общихъ родоначальникахъ, а *языкъ*. «Основное правило Лейбница,—замѣчаетъ Шлецеръ въ своей автобіографіи, — отыскивать origines populorum по ихъ языкамъ давно мнѣ было извѣстно» ****). Классификація Шлецера и была первою попыткой примѣнить къ области русской этнографіи этотъ лингвистическій принципъ. «Да позволено будетъ мнѣ,—писалъ онъ уже въ *Probe russischer Annalen* *****),—ввести въ исторію народовъ языкъ величайшаго изъ естествоиспытателей. Я не вижу лучшаго средства устранить путаницу древнѣйшей и средней исторіи и объяснить темныя мѣста въ нихъ, какъ нѣкоторая Systema populorum, in classes et ordines, genera et species redactorum. Воз-

*) *Исторія Щербатова,* т. I (2 изд.), стр. 87.
**) *Примѣчанія на отвѣтъ,* стр. 210—368, 548—567.
***) *Примѣчанія на отвѣтъ,* стр. 165.
****) *Сборникъ отд. р. слов.,* т. XIII, стр. 171. Миллеръ въ сочиненіи *О народахъ* принимаетъ этотъ принципъ, очевидно, подъ вліяніемъ Шлецера.
*****) Стр. 72.

можность существуетъ. Какъ Линней дѣлитъ животныхъ по зубамъ, а растенія по тычинкамъ, такъ историкъ долженъ бы былъ классифицировать народы по языкамъ».

Къ счастью для Шлецера, нѣкоторый запасъ матеріала для лингвистическихъ сопоставленій онъ нашелъ готовымъ. Татищевъ черезъ воеводъ сибирскихъ городовъ составилъ сборникъ словъ различныхъ сибирскихъ инородцевъ. Часть этого словаря попала въ руки академика Фишера, который въ свою очередь передалъ его Шлецеру, сперва для его личнаго пользованія, а затѣмъ въ даръ Геттингенскому историческому институту. «Изъ этого словаря,—разсказываетъ намъ Шлецеръ,—я первый составилъ классификацію всѣхъ русскихъ племенъ, которая изъ моей *Probe rusischer Annalen* и *Nordische Geschichte* перешла къ большой публикѣ и съ тѣхъ поръ была принимаема всѣми писателями внутри и внѣ Россіи безъ всякихъ существенныхъ видоизмѣненій (mit nicht einer wesentlichen Veränderung)» *). Дѣйствительно, вплоть до настоящаго времени сохраняется установленное Шлецеромъ дѣленіе урало-алтайской расы на пять группъ: финскую, татарскую (тюркскую), монгольскую, тунгузскую (или манджурскую) и самоѣдскую **). Почти тѣми же остаются и шлецеровскія подраздѣленія этихъ группъ. Кромѣ правильной классификаціи урало-алтайскихъ племенъ, Шлецеръ далъ съ помощью своихъ пріемовъ и еще одно важное исправленіе: онъ первый поставилъ литовцевъ на то мѣсто, ближайшее къ славянамъ, какое они занимаютъ въ современной классификаціи. «Я тщательно изучилъ этотъ языкъ,—такъ разсказываетъ онъ объ этомъ въ *Probe r. Ann.* ***).—Грамматика его, т.-е. склоненіе, спряженіе и флексированіе,—славянская; изъ коренныхъ словъ болѣе половины тоже чисто-славянскія; но четвертая часть—очевидные остатки праязыка, изъ котораго развились греческій, латинскій и нѣмецкій. Остальная четверть—происхожденія мнѣ въ настоящее время неизвѣстнаго (можетъ, быть финскаго)».

Нельзя не видѣть, что между этими взглядами, предвосхитившими выводы сравнительнаго языкознанія, и этнографіей Синопсиса лежитъ огромное разстояніе, пройденное нашею исторіографіей только съ помощью иностранныхъ ученыхъ и, можетъ быть, именно поэтому,—пройденное, какъ не разъ показывалъ опытъ послѣдующаго времени, далеко не безвозвратно и не окончательно.

Переходимъ къ исторіи обработки лѣтописей въ XVIII вѣкѣ. Татищевъ

---

*) *Пекарскій*: „Ист. ак.“, т. I, стр. 631—632. Сб. т. XIII, стр. 171—172. Цѣлыя со ки словъ приводятся Шлецеромъ въ доказательство этой классификаціи въ *Nordische Geschichte*, стр. 297—300, 308—315, 402, 418, 422—424, 431—433. Миллеръ, независимо отъ Татищева и Фишера, также составилъ свой словарь сибирскихъ нарѣчій и также пользовался имъ для установленія классификаціи народовъ. См. портфели Миллера № 513 (словарь) и № 365, 2 (вопросы о коренныхъ языкахъ).

**) *Probe russischer Annalen*, стр. 101—124. Вмѣсто самоѣдской, встрѣчаемъ здѣсь терминъ „скиѳской или неизвѣстныхъ“ народовъ; но названіе „самоѣдской“ принялъ уже самъ Шлецеръ въ *Nordische Geschichte*, стр. 292—300.

Стр. 112—113.

ъ, Щербатовъ и Шлецеръ въ концѣ вѣка являются здѣсь глав-
телями.

съ о пользованіи лѣтописями Татищевымъ много разъ поднимался
поръ не получилъ окончательнаго разрѣшенія. Въ настоящее
нако же, г. Сениговъ если не рѣшилъ, то, во всякомъ случаѣ, со-
еріалы для удовлетворительнаго рѣшенія вопроса. Чтобы защи-
щева отъ обвиненій въ недобросовѣстности и въ умышленной
аціи лѣтописныхъ текстовъ, г. Сениговъ предпринялъ самое кро-
буквальное сличеніе печатной исторіи съ рукописями ея въ ре-
1739 и 1749 гг. и съ лѣтописями *). Оказалось, что въ осно-
текста Татищевъ положилъ Кенигсбергскій списокъ и попол-
изъ другихъ лѣтописныхъ списковъ, тщательно выписывая всѣ
Добросовѣстность Татищева безусловно доказана г. Сениго-
тѣхъ, въ глазахъ которыхъ она еще нуждалась въ дока-
ахъ. Но, кромѣ вопроса о добросовѣстности, существуетъ еще во-
достовѣрности Татищева, т.-е. о возможности положиться на него
довольно многочисленныхъ случаяхъ, когда свидѣтельства его
яются единственными намъ извѣстными и не подтверждаются ни
ъ существующихъ списковъ лѣтописи. По вопросу о достовѣр-
ь же изслѣдователь собралъ, повидимому, самъ того не подозрѣ-
ьный матеріалъ, свидѣтельствующій противъ Татищева. Сопостав-
оденія, сдѣланныя г. Сениговымъ, можно придти къ заключенію,
евъ не ограничивался въ своей работѣ простымъ составленіемъ
текста, а вводилъ въ этотъ текстъ свои поправки, дополненія и
. Такъ, онъ 1) исправляетъ, и не всегда удачно, собственныя
2) переводитъ ихъ на свой языкъ ***); 3) подставляетъ свои тол-
поправки ****); 4) пополняетъ извѣстія лѣтописи своими толко-
***); 5) составляетъ извѣстія, подобныя лѣтописнымъ, изъ дан-
орыя кажутся ему достовѣрными: напримѣръ, изъ возраста кня-
емя ихъ смерти—заключаетъ о годѣ ихъ рожденія и вставляетъ
объ этихъ рожденіяхъ въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ. Иногда та-
инированныя самимъ Татищевымъ извѣстія бываютъ и еще слож-
имѣръ, подъ 6543 годомъ находимъ извѣстіе ******): «просиша нов-
Ярослава), да дастъ имъ грамоту, како судити и дань даяти;

—

енія въ Общ. Ист. и Др. Р. 1887 г., IV.

примѣръ, вмѣсто „Вручей" онъ ставитъ „Обручъ"; вм. „Рши"—„Орши",
нъ"—„Снятинъ", что совсѣмъ не одно и то же. *Сениговъ*, стр. 219—2?1.
уси-Боруси; Огаряне-Срацыне, ibid., стр. 283.

Ладогу—городъ старый Ладогу; вм. Угріи бѣліи—Угри великіе; вм. Чер-
—Черніи, или Болгаре; вм. Бѣлбережи—Бѣловежи; вм. въ Суду—въ Сну-
Нѣмизѣ—Нѣмоню; вм. черезъ лѣсъ—черезъ рѣку Лесію, стр. 287.

примѣръ, объ убійствѣ Глѣба *въ Ени*, которая, по его предположенію,
а жить въ мѣстѣ убійства,—въ Заволочьѣ; о заселеніи суздальскаго края—
гр. 293—299.

ниговъ, стр. 395.

прежняя) имъ не укромна; онъ же *повелѣ сыновомъ своимъ* Изяславу и Святославу созвати люди предніи отъ кіевлянъ, новгородцовъ и иныхъ городовъ, написавъ даде има грамоты, како судити и дани давати, заповѣдая по всѣмъ градомъ тако ходити и не преступати». Всего этого извѣстія мы не найдемъ ни въ какихъ лѣтописяхъ; Татищевъ просто внесъ въ лѣтопись свое предположеніе, основанное на (ошибочномъ, по нашему мнѣнію) толкованіи извѣстной статьи *Русской Правды* *).

Объясняя себѣ такое произвольное обращеніе Татищева съ текстомъ лѣтописи, мы прежде всего должны помнить, что редакція 1749 года и не претендовала быть точнымъ воспроизведеніемъ лѣтописнаго текста,—это, по показанію самого Татищева, текстъ переложенный на современное нарѣчіе и изъясненный съ помощью другихъ источниковъ **). Однако же, одного этого объясненія недостаточно. *Первая* редакція *Исторіи* (1739 г.) не предназначалась для перевода на иностранный языкъ и была составлена на «нарѣчіи древнемъ»; и однако же и тамъ, хотя въ меньшей степени, можно встрѣтить тѣ же пріемы Татищева ***). Причина подобнаго обращенія съ лѣтописью должна была заключаться въ самомъ представленіи Татищева о задачахъ и пріемахъ историческаго труда,—въ томъ, что самая разница между источникомъ и изслѣдованіемъ была для него, какъ скоро увидимъ, не совсѣмъ ясна. Ученые пріемы Татищева при разработкѣ лѣтописей, въ сущности, немногимъ отличались отъ пріемовъ неизвѣстныхъ намъ составителей древнихъ лѣтописныхъ сводовъ. Пре-

слѣдуя ту же цѣль съ тѣми же средствами — дать наиболѣе полный сборникъ историческихъ фактовъ, безъ предварительной критики и сравнительной оцѣнки разныхъ источниковъ и почти безъ указаній, откуда что взято ****),—Татищевъ представилъ намъ въ своей исторіи не исторію, и

*) „По Ярославѣ же *нами* совкупившеся сыновѣ" и т. д. Слово *нами* давало основаніе предполагать, что и при жизни Ярослава его сыновья собирались на законодательный съѣздъ. Такъ понимали это мѣсто и многіе позднѣйшіе изслѣдователи Ср. *Исторію Татищева*, прим. 225 и 240 (т. II).

**) Пріемы передачи первой редакціи на современное нарѣчіе выясняются изъ матеріаловъ, собранныхъ *Сениговымъ*, стр. 262–307, 400—435.

***) *Сенигов*, стр. 211—237. Къ сожалѣнію, наиболѣе важную часть своей работы, разъисканіе источниковъ добавочныхъ извѣстій Татищева, г. Сениговъ произвелъ наименѣе обстоятельно. Онъ не далъ себѣ даже труда поискать этихъ источниковъ въ произведеніяхъ, указываемыхъ самимъ Татищевымъ. Фактъ знакомства Т. со Стрыйковскимъ онъ прямо отрицаетъ, хотя заимствованія изъ Стрыйковскаго указываются самимъ Т. (II, прим. 245, ср. прим. 285 и стр. 330—331, 395, 387 труда Сенигова). Сходство нѣкоторыхъ мѣстъ Т. съ лѣтописью Львова, по нашему мнѣнію, можетъ объясняться тѣмъ, что Львовъ заимствовалъ ихъ изъ Татищева (стр. 309—310). Сходныя мѣста съ другими лѣтописными списками указаны слишкомъ сумрачно (313—316). Упоминаніе о Гостомыслѣ имѣется не только въ *Воскр. лет.*, а также въ *Синопсисѣ*.

****) Въ своихъ „примѣчаніяхъ" Татищевъ дѣлаетъ исключеніе только для тѣхъ извѣстій, которыя взяты изъ польскихъ источниковъ; а какому изъ его 15 списковъ надлежатъ введенные имъ въ текстъ варіанты,—объ этомъ сообщается въ „примѣчаніяхъ" очень рѣдко.

ю ученую разработку матеріала для будущей исто-
въ новомъ *Татищевскомъ* сводѣ. Такимъ образомъ,
ателямъ она не могла пригодиться ни для какого
сли только не приходилось смотрѣть на нее какъ
ь этомъ случаѣ и возникали безконечные споры о
стовѣрности Татищева. Дальнѣйшую обработку лѣ-
чаѣ, приходилось производить съизнова, по подлин-
ю Татищева, пользуясь его текстомъ и примѣчанія-
ательными средствами для толкованія лѣтописи.

соображенія были, однако же, причиной того, что
свою работу надъ собранными имъ лѣтописными
зависимо отъ Татищева. Несомнѣнно, это произо-

Щербатовъ не принадлежалъ къ числу счастлив-
ость пользоваться *Исторіей Татищева* въ рукописи,
ано было какъ разъ въ то время, когда собствен-
надъ дотатарскимъ періодомъ уже оканчивалась
Миллеръ, знакомый съ рукописями Татищева, ни-
ѣлалъ для того, чтобы познакомить съ ними Щер-
натное изданіе перваго тома *Россійской исторіи*,
собрался послать Щербатову только въ 1773 го-
бы Щербатовъ своевременно ознакомился съ Та-
лѣтописи и съ его историко-географическими и
ваніями,—это, конечно, спасло бы его отъ массы
на которыя потомъ, по Татищеву же, указалъ ему

ть Миллера за присылку перваго тома Татищева въ пись-
Портфели Миллера, № 546, IX. На другіе печатные не-
тсбергскій и Никоновскій списки лѣтописи, Синопсисъ,
Ломоносова и Скиѳскую исторію Лызлова, на статьи въ
батовъ дѣлаетъ постоянныя ссылки въ примѣчаніяхъ. На
кодимъ только одну (I, 253 стр. 2 изд.), а на Татищева
ъ первыхъ томахъ; притомъ одна изъ нихъ—на его изда-
другой ссылка на „собраніе господина Татищева“ прямо
стр. 268, I тома *Библіотеки Россійской* (изданіе Кенигс-
въ трехъ же остальныхъ Щербатовъ ссылается на „предъ-
изъ этихъ ссылокъ тоже сдѣлана по другому источнику:
жденія *означены* въ первой части, гл. IV, въ предъизвѣ-
омъ прибавлена здѣсь и точная ссылка на печатное из-
Въ двухъ остальныхъ мѣстахъ ссылка на „предъизвѣщеніе“
тоже по другому источнику (II, 7, 378). Такимъ образомъ.
редисловіи (XIV), что онъ „елико возможно было удалять
Россійской исторіи писателей, В. Н. Татищева и г. Ломо
ь ними но мнѣніяхъ, онъ сохраняетъ „почтеніе“ къ нимъ
должно вводить въ заблужденіе, будто Щербатовъ зналъ,
тищева.

батовъ довольно ясно показуетъ, что есть ли бы тогда
Татищева, онъ многое бы могъ изъ нея занять для улуч-

рупные промахи, въ которыхъ уличилъ Щербатова
нную неподготовленность его къ занятіямъ лѣто-
писью, исторія Щербатова все же представляетъ въ двухъ отношеніяхъ шагъ впередъ въ обработкѣ лѣтописей сравнительно съ исторіей Татищева. Во-первыхъ, Щербатовъ ввелъ въ ученый оборотъ новые и очень важные списки лѣтописи: онъ нашелъ и съумѣлъ оцѣнить синодальный списокъ новгородской лѣтописи (XIII—XIV ст.), и до сихъ поръ остающійся самымъ древнимъ изъ всѣхъ извѣстныхъ; онъ же первый воспользовался воскресенскимъ сводомъ, царственною книгой и другими списками синодальной и типографской библіотекъ. Во-вторыхъ, въ исторіи Щербатова встрѣчаемъ впервые правильное ученое пользованіе лѣтописями. Онъ не сливаетъ показаній разныхъ списковъ въ одинъ сводный текстъ; составляя исторію, а не лѣтопись, онъ поневолѣ отличаетъ свой текстъ отъ текста источниковъ и всѣ данныя, введенныя въ текстъ, подкрѣпляетъ точными ссылками на печатныя изданія и рукописи *). Но если отъ этой разницы въ формѣ обращенія съ источниками перейдемъ къ внутренней оцѣнкѣ показаній источниковъ Щербатовымъ, то не только не найдемъ большой разницы съ Татищевымъ, но, напротивъ, часто должны будемъ отдать послѣднему преимущество въ критическомъ тактѣ. Сравнительная цѣна древняго списка лѣтописи и позднѣйшаго свода, русскаго источника и польскаго, лѣтописи и *Синопсиса*—далеко не всегда ясна Щербатову. Польскимъ «просвѣщен-
ымъ» писателямъ онъ не прочь иногда отдать преимущество передъ «на-
шими монахами»; и даже *Синопсисъ*, «хотя его сравнять съ почтенны-
ми польскими сочинителями и не можно», все же нельзя, по мнѣнію Щербатова, признать «лишеннымъ всякаго благоразумія»: его составляли не «неученые» монахи, «понеже въ Кіевѣ науки гораздо прежде зачали быть извѣстны, нежели внутри Россіи» **). И такъ, несмотря на всѣ успѣхи исторіографіи въ XVIII в., русскій изслѣдователь на исходѣ столѣ-
одолжалъ смѣшивать первоисточникъ съ ученой обработкой
въ смотрѣть на исторію какъ на лѣтопись, продолжалъ
ь—своего рода исторіей, требующей отъ составителя «про-
лагоразумія». Чтобы провести между тѣмъ и другимъ, между
рвоисточникомъ и его болѣе или менѣе ученою обработкой,
скую черту, чтобъ установить твердую мѣрку для сравнитель-
очниковъ, нуженъ былъ человѣкъ, прошедшій европейскую
Это дѣло суждено было сдѣлать Шлецеру.

й книгѣ Кояловича мы встрѣчаемъ, однако, неожиданное
Шлецеръ «взялъ въ основу» своей «постановки» вопроса

ія". *Примѣчанія* (Щербатова) *на отвѣтъ г.-м. Болтина*, стр. 118, *Письмо къ нѣкоему пріятелю*, стр. 9.
батовъ видитъ въ этомъ свое преимущество передъ Татищевымъ,
тр. 84, и *Примѣч. на отвѣтъ*, стр. 161.
а отвѣтъ, стр. 117, 129.

втописей «чужую работу,—именно Татищева» *). Нечего и акое утвержденіе совершенно противуположно истинѣ. Все постановки Шлецеръ какъ разъ видѣлъ именно въ томъ, что *южна* татищевской. Татищевъ ставилъ своей задачей *свод* ыхъ извѣстій; Шлецеръ, напротивъ, утверждалъ, что такая что нанизанными такимъ образомъ данными нельзя пользо- ду необходимо должна предшествовать критическая оцѣнка исныхъ списковъ и разныхъ сообщаемыхъ только нѣкото- ь извѣстій; потому что не всякое данное извѣстіе любого орника равноцѣнно всякому другому. Такимъ образомъ, не ь, не всякихъ, а только *критически провѣренныхъ* извѣстій ѣлью Шлецеръ **).

этой цѣли чрезвычайно упрощалось въ глазахъ Шлецера ьствомъ, что выборъ критически провѣренныхъ извѣстій его равнялся возстановленію первоначальнаго текста лѣто- вялъ въ этомъ отношеніи заблужденіе Татищева, что лѣ- ературное произведеніе одного лица, сперва Нестора, по- жателей. Съ этой точки зрѣнія, вопросъ, сколько было у жателей и гдѣ кончилъ каждый изъ нихъ,—былъ чрезвы- возбудилъ оживленные споры въ ученой литературѣ. И зрѣнія критическое изданіе лѣтописи должно было представ- нно такою же задачей, какъ критическое изданіе библіи или классическаго автора. Приступая къ дѣлу «à la Миха- лецеръ этимъ самымъ предрѣшалъ, что всѣ разночтенія спи- ыть устранены изъ «очищеннаго Нестора», какъ ошибки пере- са варіантовъ въ русскихъ лѣтописяхъ,—говоритъ онъ въ *nalen*,—происходитъ изъ трехъ обычныхъ источниковъ: они стью умышленно, частью по небрежности, частью по невѣ- ое положеніе, изъ котораго вытекаетъ десятокъ другихъ, отъ одного словечка. Отъ этого словечка, слѣдовательно, иситъ все. Положимъ, оно стоитъ въ одной лѣтописи, а хъ его нѣтъ: долженъ ли я ему вѣрить? Если оно принад- цу,—я построю на немъ цѣлую систему. Если оно принад- переписчику..., то положеніе падаетъ само собой» ****).

„Исторія русскаго самосознанія", стр. 123.

, XIX: „хотѣлось мнѣ издать очищеннаго Нестора, а не своднаго". *д* Нестора можетъ сдѣлать и неученый человѣкъ, если только бу- оборимое прилежаніе... Такой *сводъ* я очень отличаю отъ *очищен*- ораго изъ свода можетъ составить одинъ только искусный въ исто-

ріи, стр. 61—62.

Annalen, стр. 194—209. Опасность подобнаго пріема наглядно дока- ацією самого Шлецера, въ его „Мыслях о способѣ обработки руо- данныхъ Академіи въ 1764 году (*Сборн. отд. р. я.* XIII, прил., стр. наприм., въ законахъ Ярослава слово *колбять*" (теперь вполнѣ

Для русскихъ изслѣдователей лѣтописи, болѣе знакомыхъ съ количествомъ и значительностью варіантовъ различныхъ лѣтописныхъ списковъ, подобная задача,—возстановленія первоначальнаго Нестора,—не могла возникнуть, хотя они и вѣрили въ его существованіе. Дѣло въ томъ, что они не могли бы никоимъ образомъ объяснить варіантовъ одними искаженіями переписчиковъ. У Щербатова встрѣчаемъ для этихъ варіантовъ иное и болѣе близкое къ современному объясненію. «Лѣтописецъ Несторовъ, по его мнѣнію, отъ самыхъ первыхъ временъ его сочиненія былъ сыскиваемъ всѣми любящими исторію; онъ списками своими разсѣялся по всѣмъ областямъ россійскимъ, и *вездѣ почти вмѣщали въ него обстоятельства и дѣянія всѣхъ странъ, гдѣ его переписывали.* Отъ сего произошли лѣтописцы новгородскій, псковскій и прочіе, въ которыхъ находятся не въ важныхъ дѣлахъ малыя разницы, но главныя приключенія есть однаки». «И нѣтъ невозможности,—прибавляетъ однако же Щербатовъ,—чтобы между великаго числа таковыхъ лѣтописцевъ не нашелся таковой, который и прибавокъ не имѣетъ, хотя еще сего и не примѣтили» *).

Знакомый премущественно съ началомъ лѣтописи, наиболѣе однообразнымъ, Шлецеръ не предвидѣлъ трудностей своего предпріятія и смѣло принялся за дѣло. Вскорѣ, однако же, сличеніе варіантовъ должно было его убѣдить, что не всѣ они объясняются ошибками переписчиковъ. «Я увидѣлъ при сличеніи, что ошибся», замѣчаетъ онъ уже въ 1768 г. **). Это наблюденіе не остановило, впрочемъ, Шлецера. Никоновскій, воскресенскій списки скоро могли быть признаны имъ за *своды*; но относительно древнѣйшихъ списковъ ошибка продолжала существовать. «Я надѣюсь,—утверждалъ, все-таки, Шлецеръ,—открыть въ какой-нибудь рукописи подлиннаго Нестора; но еслибъ онъ и оказался безвозвратно потерянным, то потеря могла бы еще быть восполнена. Рукописей существуетъ невѣроятное множество; они измѣнены весьма не одинаково; нѣкоторыя очень древни. Нельзя ли изъ всѣхъ вмѣстѣ, посредствомъ сличенія и критики, со-

---

объясненное: финскіе жители мѣстности по р. Колпи въ Бѣжецкой Вятинѣ; скандинавскіе источники называютъ ихъ Кильфингами, Kilfingar, а византійскіе—Κουλπιγγοι); „я изслѣдую его значеніе, истощаюсь въ догадкахъ и, наконецъ нахожу, что это слово не Ярослава, а небрежнаго переписчика, и въ другихъ спискахъ нахожу другое, понятное слово". Мы видѣли, что такимъ образомъ онъ нашелъ въ спискѣ Полетики „Θива и Лювіа" вм. „Θивулии". Однако, надо замѣтить, что даже и такія очевидныя искаженія—не всегда должны считаться ошибками переписчика и подвергаться исправленію. Такъ, Шлецеръ,—и даже еще археографическая коммиссія въ изданіи *Лавр. списка*, 1872 г.,—поправили безсмысленное выраженіе „часть всячьска страны"—на „часть Азійскыя страны",—Шлецеръ по догадкѣ, а арх. ком. на основаніи греческаго текста Амартола (μέρος η'Ασίας). А оказывается, что „всячески страны" стоитъ уже въ славянскомъ текстѣ Амартола (рк. м. дух. акад.); слѣдовательно, перенесено въ лѣтопись уже въ безсмысленномъ видѣ. Стбитъ принять поправку Шлецера,—и мы сами лишимъ себя возможности съ помощью этой ошибки отыскать непосредственный источникъ составителя *Повести временныхъ лѣтъ*.

*) *Примѣчанія на опытъ*, стр. 60, 86.
Probe russ. Annalen, стр. 201.

Nestoris? Нельзя ли возродить его та
ыли г. Гоммелемъ изъ остатковъ римск
надеждой принялся Шлецеръ двадцать лѣтъ спустя
За двадцатилѣтній промежутокъ онъ успѣлъ такъ
текстъ лѣтописи, что наприм., отвергая въ пер-
казку объ основаніи Кіева тремя братьями и относя
ремени, когда Кіевъ былъ столицей, онъ и не по-
юмъ томѣ (II гл.) ему встрѣтится въ самой лѣто-
яне разсказываютъ эту сказку Аскольду и Диру.
такъ стара,—замѣчаетъ онъ при этомъ?—Я думалъ,
тогда, когда Олегъ сдѣлалъ Кіевъ престольнымъ
е, уже издавая два первые тома и разобравши до-
ми, онъ не зналъ еще хорошенько содержанія Иго-
казываетъ, что, составляя въ Германіи текстъ «Не-
по тѣмъ же параллельнымъ выпискамъ изъ разныхъ
гавилъ еще въ Россіи *).
невозможность очищеннаго текста выяснилась только
. Уже при разсказѣ о взятіи Кіева Олегомъ, Шле-
ризнаться въ томъ, что нельзя ссылаться на «Не-
ра по такой-то рукописи,—а прямо на самую ру-
пору не знаемъ мы совершенно, что принадлежитъ
го писцамъ-поддѣльщикамъ. Съ какою тщательностію
ялъ я критику, чтобы вытащить изъ кучи писцовъ
ступленіе въ русскую исторію, но все еще не рѣ-
адачи возстановить чистаго Нестора,—и *не могъ рѣ-*
ремя понятно, почему Шлецеръ, дѣйствительно, не
ачи. Чистаго Нестора не существовало: наши списки
тію изъ различныхъ, частію изъ однихъ и тѣхъ
разныхъ сочетаніяхъ и съ разною степенью по
возстановлять пришлось бы не лѣтопись, а ея
, что невозможно; возможно только возстано
цій. Шлецеръ не знаетъ этой причины неудач
еня было слишкомъ мало списковъ» **). А н
Шлецера не шли дальше 1054 г., такъ что если
йти приблизительно одинаковый текстъ, такъ и
ихъ частяхъ лѣтописи,—въ *Повѣсти времен*
вители сборниковъ постоянно пользуются не в
отовымъ началомъ для своихъ трудовъ» ***). В
сю лѣтопись по спискамъ, былъ осторожнѣе.
аніяхъ лѣтописей «лучшій списокъ напечатать
ихъ привести варіанты»—съ точнымъ обозначені

*, стр. 180—182.
*.
къ общ. ист. и др.* V, стр. 23.

совѣту и послѣдовала археологическая ком-
я, послѣ того какъ попытка слить всѣ тексты
інъ потерпѣла въ первомъ изданіи совершен-

И такъ, критическая обработка лѣтописи не удалась XVIII вѣку, потому что обработка Татищева и даже Щербатова не была критическою, а Шлецеръ, со всею своею эрудиціей и критическимъ чутьемъ, пошелъ по ложной дорогѣ. Не достигнувъ главной цѣли своей работы, онъ все же установилъ въ общихъ чертахъ критическую оцѣнку русскихъ лѣтописныхъ источниковъ; съ вліяніемъ этой оцѣнки намъ еще придется встрѣтиться.

Какъ въ обработкѣ лѣтописей Татищевъ и Шлецеръ, такъ въ обрактовъ Миллеръ и Щербатовъ были главными дѣятелями историграшлаго вѣка. Издательская дѣятельность Миллера начинается съ ціи нѣмецкаго сборника *Sammlung russischer Geschichte* **), къ косъ 1755 года присоединяется редактированіе академическаго журмемьсячныя *Сочиненія* ***). Ученыя статьи обоихъ изданій въ знай степени общія ****). Съ переѣздомъ Миллера въ Москву (1765 г.), *Ежемѣсячныхъ Сочиненій* прекращается и издательская дѣятельность Миллера принимаетъ новый характеръ, спеціализируясь на архивномъ матеріалѣ. Собственно говоря, матеріалъ этотъ подлежалъ храненію въ величайшей тайнѣ; самая пустая справка въ архивѣ могла быть сдѣлана не иначе, какъ съ особаго разрѣшенія иностранной коллегіи. Для того, чтобы матеріаламъ архива открыть доступъ въ печать, нужно было случиться особымъ обстоятельствамъ. Такимъ обстоятельствомъ, давшимъ толчокъ къ изданію архивныхъ документовъ, сдѣлалось изданіе Щербатовымъ его исторіи.

Убѣждая Щербатова заняться русскою исторіей, Миллеръ, какъ мы ви-

---

*) Идея—раздѣлить текстъ лѣтописи на „начальный", „средній" — была идеей, вшей отъ Шлецера.

) Первый томъ и половина второго S. R. G. вышли въ 1732—37 гг. (всего 9 ковъ). Затѣмъ изданіе было возобновлено въ 1758 г. и продолжалось до 1764 е. до переѣзда Миллера въ Москву. Всѣхъ вышло въ свѣтъ 9 томовъ, каждый 6-ти выпусковъ, отдѣльныхъ или соединенныхъ.

) О *Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ* см. *В. А. Милютина:* „Очерки русской журнаки" въ *Современникѣ* 1851 г., тт. XXV, XXVI. *И. Некрасова:* „Редакторъ, соники и цензура въ русскомъ журналѣ 1755—1764 годовъ". Спб, 1867 г. Указатей *Ежемѣс. соч.* см. у *Неустроева:* „Историческое розысканіе о русскихъ менныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802 гг.". Спб., 1875 г.

) Такъ, здѣсь и тамъ помѣщены работы Миллера о торгахъ сибирскихъ и женіе сибирской исторіи, опытъ новѣйшей исторіи Россіи, исторія о странахъ, Амурѣ лежащихъ, описаніе морскихъ путешествій по Ледовитому и Восточнорю, извѣстіе о ландкартахъ, касающихся до Росс. государства, краткое извѣсначеніе Новгорода, о запорожскихъ казакахъ, ихъ началѣ и происхожденіи, съ провинціямъ, описаніе черемисевъ, чувашей и вотяковъ, работа Соймонова йскомъ морѣ, записки Гербера о народахъ и земляхъ на западъ отъ Каспій-ря и т. д

сѣмъ не спѣшилъ знакомить его съ ея источниками
ельно Щербатовъ занялся лѣтописями; такъ же ск
къ и до мысли о необходимости заняться актами ар
ъ онъ писалъ объ этомъ Миллеру: *) «Вотъ я и у к
й исторіи, доведенной до смерти в. к. Юрія Всевол
: Батыя. Мнѣ предстоитъ, слѣдовательно, перейти къ новому пе-
ской исторіи, гдѣ мнѣ могутъ пригодиться ввѣренные вамъ архи-
аю, конечно, что вы мнѣ не можете сообщить ничего б
разрѣшенія, которое я надѣюсь получить, когда понадоб
васъ объ одной услугѣ, въ чемъ, я думаю, нѣтъ ниче
нно сообщить мнѣ, съ котораго года начинаются наши
ѣ не пришлось просить о томъ, чего не существуетъ».
цѣлый мѣсяцъ отвѣта и повторивъ просьбу, Щербатовъ
ера, повидимому, уклончивое письмо,— по крайней мѣр
чаетъ слѣдующее: «Я очень хорошо понимаю всю силу
вы приводите въ своемъ письмѣ, но я, все-таки, думаю,
ѣры, чтобы архивъ не понесъ никакой потери»; и он
сывать для него копіи съ нужныхъ документовъ, какіе
акіе Миллеръ найдетъ «сколько-нибудь полезными для
анія надобности (черезъ 7—8 дней), онъ будетъ эти в
«Car enfin, monsieur,— такъ кончаетъ Щербатовъ это
trop raisonnable pour vouloir, qu'en écrivant l'histoire de
schapper l'occasion de profiter des archives». 22 января
ъ добылъ отъ Екатерины формальное приказаніе Миллер
и, «которыя помянутой князь *для меня* (императрицы)
Послѣ этого Миллеръ уже не могъ отказать Щербатов
но заставилъ его дать для переписки своего человѣка.
тно, началась еще до разрѣшенія, такъ какъ 25 янв.
ъ уже представлялъ императрицѣ духовныя грамоты
ія напечатанія на счетъ кабинета. Вмѣстѣ съ тѣмъ, он
ніи съ грамотъ Дмитрія Донского и, «замѣтивъ, что въ о
овъ, касающихся внѣшнихъ сношеній Россіи съ иностра
ми», спрашиваетъ, составлена ли эта опись, и проситъ
остоянно упоминая, что все это предназначается для п
архивѣ. Этимъ способомъ онъ отнималъ у Миллера вс
сопротивленія. Къ концу 1772 и началу 1773 г. всѣ
коть великихъ князей архива иностранной коллегіи бы
пересланы Щербатову. Теперь наступила очередь нова
овъ. «Я работаю теперь надъ четвертымъ томомъ,— пис
гъ 17 декабря 1772 г.,— и пишу исторію царствованія
силія Дмитріевича». Въ виду приближенія царствованія
ъ, предстояло ознакомленіе съ дипломатическими докумен

*) Дальнѣйшія подробности взяты изъ портфелей Миллера.

тейными списками посольствъ. Щербатовъ проситъ нанять для этого переписчика, «такъ какъ вы слишкомъ свѣдущи, м. г., чтобы не видѣть, что невозможно писать исторію этого царя, не будучи снабженнымъ этими матеріалами, и я не пожалѣю издержекъ на это, хотя приказаніе императрицы, казалось бы, освобождаетъ меня» отъ необходимости *заказывать* копіи. Миллеръ счелъ, очевидно, болѣе удобнымъ не понять послѣдняго намека, и отъ 13 февраля 1773 г. Щербатовъ снова пишетъ ему: «вы предлагаете мнѣ сдѣлать извлеченіе изъ статейныхъ списковъ; признаюсь вамъ, они мнѣ были бы очень нужны, но я долженъ признаться вамъ также, м. г., что я не намѣренъ входить въ значительныя издержки, тѣмъ болѣе, что меня не особенно хорошо вознаграждаютъ за всѣ мои труды, уже подорвавшіе мое здоровье. Я подумаю, однако, о томъ, что дѣлать, и поговорю съ государыней, такъ какъ, въ самомъ дѣлѣ, если я буду писать исторію Ивана Васильевича, которая должна составить пятый томъ моей исторіи, эти документы мнѣ будутъ совершенно необходимы». Наконецъ, послѣ переговоровъ съ гр. Н. И. Панинымъ, исходъ былъ найденъ; 22 декабря 1775 г. былъ посланъ Миллеру новый указъ о Щербатовѣ: «Нынѣ онъ, кн. Щ., имѣя также надобность и въ разныхъ хранящихся въ архивѣ статейныхъ спискахъ и тому подобныхъ древнихъ сочиненіяхъ для сдѣланія изъ нихъ нѣкоторыхъ справокъ и выписокъ къ составленію сочиняемой имъ исторіи, желаетъ ихъ взять къ себѣ. И какъ они въ разсужденіи ихъ пространства и обширности признаются быть неудобными къ списанію съ нихъ копій, то и надлежитъ вамъ требуемыя имъ помянутыя книги отдать ему въ оригиналахъ, съ обстоятельнымъ и потребнымъ ихъ описаніемъ и перенумерованіемъ всѣхъ ихъ страницъ подъ собственную его росписку, съ прописаніемъ въ ней, притомъ, условія, чтобъ онъ, к. Щ., возвращалъ ихъ къ вамъ одну за другой, какъ скоро онъ въ которой изъ нихъ болѣе надобности предвидѣть не будетъ». Получивъ это разрѣшеніе, Щербатовъ немедленно выписалъ себѣ всѣ первые нумера документовъ архива, заключающихъ наши древнѣйшія дипломатическія сношенія съ разными государствами и начинающихся съ послѣдней четверти XV столѣтія *). Съ этимъ обиліемъ матеріала и при такомъ способѣ ихъ доставки, естественно, Щербатовъ пересталъ нуждаться въ посредничествѣ Миллера, чѣмъ, вѣроятно и объясняется, что съ этихъ поръ прекращается переписка его съ Миллеромъ, давшая намъ возможность присутствовать при первыхъ шагахъ ученой разработки нашихъ архивовъ.

Само собою разумѣется, что Щербатовъ воспользовался полученными изъ архива документами для своей *Исторіи* и, такимъ образомъ, впервые ввелъ въ ученый оборотъ всѣ главнѣйшіе источники для внѣшней исторіи древняго періода. Но за эксплуатаціей этихъ источниковъ естественно возникалъ вопросъ объ ихъ изданіи. Издавая въ свѣтъ III-й томъ (1774 г.),

*) Именно первые №№ польскаго, прусскаго, турецкаго двора и греческихъ духовныхъ особъ, №№ 1 и 2 цесарскаго двора, №№ 1—5 дѣлъ крымскихъ и ногайскихъ. Эти предъидущія свѣдѣнія см. въ портфеляхъ Миллера № 389, I и II, и № 546, IX.

лся объ этомъ слѣдующимъ образомъ: «
имъ подлинникомъ, ибо *сіе бы было д*
достойно быть особливо напечатано, да
знаемъ, что подлинники Щ. началъ пол
венно *принадлежитъ тому, кто въ .*
мотѣ имѣетъ». Очевидно, лишивъ Миллера преимуще-
ить публикѣ о матеріалахъ архива, онъ не хотѣлъ ли-
ть первымъ издателемъ ихъ. Въ бумагахъ Миллера со-
ніе объ изданіи «дипломатическаго корпуса». помѣчен-
мъ. Поступая въ архивъ въ 1766 г., он
мѣстивъ его въ числѣ обѣщаній, данны
Приведенный выше намекъ Щербатова по
ки архивныхъ актовъ для *Исторіи* объ
ии, можетъ быть, напомнилъ и самъ Мил
1769 году обѣщалъ «ничего не дѣлать
». Предложенію на этотъ разъ (т.-е. ког
, къ которому относились первые диплом
ходъ, и 28 января 1779 г. Миллеру бы
я россійской исторіи старались вы учи
древнихъ и новыхъ публичныхъ трактат
ихъ тому актовъ, по примѣру Дюмонов
мая 1779 г. Миллеръ доносилъ, что по
пялъ я въ сіе преполезное дѣло...; но, чув
старости во мнѣ слабость и опасаясь,
де, нежели в. в. изволите увидѣть въ сем
моихъ, за должность нахожу в. и. в. в
ь въ помощники Стриттера съ званіемъ
профессора...; онъ можетъ остаться послѣ
рина согласилась и 5 ноября 1779 г. Ст
ѣ, впрочемъ, на первый разъ получилъ
Миллера, жертвуемую въ архивъ. Однако,
корпуса» шло своимъ чередомъ: 20 апр
гъ императрицѣ «начало собранія трактат
дворомъ (1486 — 1519 гг.). За ними п

I предполагаю,—писалъ онъ Голицыну (кон
составить собраніе трактатовъ, конвенцій, со
ціальныхъ актовъ, заключенныхъ между Рос
употребленія тѣхъ, которые предназначаютс
ministere). Если будетъ угодно, я присоединю
ім историческое введеніе и примѣчанія, въ кот
ь объясненіяхъ. Можетъ быть, было бы такж
ревнихъ временъ, какъ это обыкновенно дѣла
это сокровища для исторіи и еще болѣе для
и т. д. Въ письмѣ къ Голицыну отъ 9 янв. 1
ложенію составить un corps diplomatique.

тическое собраніе дѣлъ между россійскимъ и [illegible] дворами, [illegible]ое краткимъ перечнемъ изъ польскихъ статейныхъ списковъ и столбцовъ» Н. Н. Бантышъ-Каменскимъ, а 18 марта 1781 г. Миллеръ послалъ новое «собраніе между россійскимъ и первымъ герцогомъ прусскимъ и слѣдующихъ по немъ курфурстовъ бранденбургскихъ дворами трактаты и переписки» (1517 — 1701 гг.). Наконецъ, 12 мая 1782 года онъ отправляетъ въ Петербургъ «новый опытъ дипломатическаго корпуса, содержащій дѣла между россійскимъ и датскимъ дворами, по примѣру прежнихъ сочиненный», и обѣщаетъ закончить весь корпусъ въ пять лѣтъ, «хотя меня уже и на свѣтѣ не будетъ». Предчувствіе не обмануло Миллера: въ слѣдующемъ году онъ умеръ, успѣвъ, однако, передъ смертью выхлопотать указъ (14 янв. 1783 г.): «для печатанія сочиняемаго по указу нашему отъ 28 янв. 1779 г. собранія древнихъ и новыхъ трактатовъ..., тако-жъ и прочаго, что до россійской исторіи касается *), повелѣваемъ завести въ Москвѣ при архивѣ... особую типографію» въ вѣдѣніи Миллера. Со смертью Миллера устройство типографіи остановилось совсѣмъ, и печатаніе «дипломатическаго корпуса» затянулось на много времени.

Такимъ образомъ, Миллеру не пришлось увидѣть въ печати своего «дого собранія». Способъ печатанія архивныхъ документовъ онъ о же, и другой, и, притомъ, раньше разрѣшенія проекта «дого собранія». Способъ этотъ, какъ и только что упомянутый, ыбранъ вмѣстѣ съ Щербатовымъ и разрѣшенъ императрицей.

Въ 1773 г. Новиковъ началъ издавать *Древнюю Россійскую Вивліоѳику;* императрица помогала этому изданію и деньгами, и матеріалами *). Щербатовъ, ближайшій въ тѣ годы исполнитель ея распоряженій по отношенію къ русской исторіи **), принялъ съ самаго начала изданія живѣйшее участіе въ Вивліоѳикѣ. Уже въ первомъ томѣ ея (іюнь) напечатаны ярлыки ордынскихъ царей митрополитамъ, несомнѣнно сообщенные [illegible]батовымъ, такъ какъ онъ ихъ нашелъ въ Патріаршей библіотекѣ, въ [illegible]вѣ ***). Содержаніе второго тома почти сплошь заимствовано изъ ар[illegible] иностранной коллегіи, и значительная часть этого содержанія была [illegible]о время у кн. Щербатова въ копіяхъ. Мы видѣли, что онъ стѣснялся [illegible]тать эти документы «подлинникомъ», предоставляя сдѣлать это Мил[illegible]по оригиналамъ. Вѣроятно, по этой причинѣ, во второй части Вивліо-

---

*) Миллеръ мечталъ напечатать въ этой типографіи, между прочимъ, *den ganzen Scheff.*

**) *Лонгинов*: „Новиковъ и московскіе мартинисты". М., 1867 г., стр. 37 — 38. [illegible]ись содержанія Вивліоѳики см. у *Неустроева*: „Истор. изысканіе", стр. 185 и слѣд.

***) Vous savez, M-r,—пишетъ онъ Миллеру 24 февр. 1774 г.,—quel confiance sa [illegible]sté daigne avoir pour moi dans les matieres, qui regardent les antiquités de [illegible]ie.

[illegible]) Въ книгѣ № 555, см. предисловіе къ III тому *Исторіи*. Такимъ образомъ [illegible]чается недоумѣніе *Григорьева*: „Россія и Азія", стр. 170.

ны были не самыя грамоты, а только «росписи»
йти Миллера оказывалось неудобнымъ, и 26 октября 1773 года
слано повелѣніе императрицы «о сообщеніи г. Новикову конiй
ь, разныхъ обрядовъ и другихъ достопамятныхъ и любопыт-
. Съ третьяго тома (1774) матеріалъ Вивліоѳики доставляется,
вомъ, Щербатовымъ и Миллеромъ: первый печатаетъ собраніе
Патріаршей библіотеки, второй сообщаетъ матеріалы для біо-
Голицына. Такой же двоякій характеръ имѣетъ и содержаніе
а съ 6 тома Миллеръ начинаетъ печатать уже «подлинникомъ»
роспись и выдержки изъ которыхъ раньше помѣщены были
». Остальныя четыре части перваго изданія Вивліоѳики напол-
лами этого и иного рода, сообщенными Миллеромъ (7—10
г.).

бразомъ, обработка важнѣйшихъ документовъ архива иностран-
и ихъ изданіе шли рука объ руку; первое вызывало второе.
и Миллера Щербатовъ уже отъ своего имени издавалъ даль-
тные ему документы архива. Такъ, во второмъ изданіи Вивліо-
– 91) онъ началъ издавать статейные списки; а затѣмъ, при
изданіи своей исторіи, прямо сталъ печатать документы, пре-
) дипломатическіе, и извлеченія изъ нихъ въ приложеніяхъ *).
исторіи Щербатова и *Вивліоѳики* Новикова, русская истори-
овладѣла такими первостепенными источниками, какъ духов-
ріныя грамоты князей, памятники дипломатическихъ
списки посольствъ. Съ помощью этихъ и другихъ п
впервые являлась возможность основать историческое
нихъ лѣтописныхъ пересказахъ событій, а также на
руки, на актахъ. Эмансипируя исторію отъ лѣтоп
ѣ съ тѣмъ возможность распространить историческое
ія эпохи, гдѣ показанія лѣтописи оскудѣвали или п
Первый, кто понялъ значеніе актовъ, какъ историческа
ръ, естественно, долженъ былъ сдѣлаться и первым
времени. Такъ и понималъ Миллеръ свою задачу и
ись начать тамъ, гдѣ думалъ кончить Татищевъ,
ка. Но ему не удалось осуществить своего намѣренi
йшей исторіи Россіи вызвалъ нареканія, отбившія
у повторять подобные опыты. Ломоносовъ находилъ,
) занимается «самой мрачной частью россійской истор
нова и самозванцевъ, чтобъ отыскать «пятна на оде

ѣнія эти составляютъ три цѣлыхъ тома изъ 15-ти (т. IV, 1
занимаютъ значительное мѣсто въ четырехъ другихъ (т. III,
стр. 487—555; т. VI, 2, стр. 119—296; т. VII, 1, стр. 281—
вія объ изданіи архивныхъ документовъ въ XVIII стол
Опытъ русской исторіографіи", т. I, 1, стр. 112—131, 290—

ского тѣла» и сообщить иностранцамъ худыя понятія «о нашей славѣ» *). *Новѣйшая исторія* такъ и кончилась на смерти царя Бориса; Миллеръ боялся печатать ея продолженіе, хотя въ портфеляхъ его и были собраны для нея матеріалы **).

Но если нельзя было писать исторіи XVII и XVIII в., то все же можно было издавать для нея матеріалы. Особенно работали въ этомъ отношеніи Щербатовъ и Миллеръ надъ временемъ Петра. Миллеръ составилъ собраніе писемъ Петра по матеріаламъ архива; Щербатовъ сдѣлалъ тоже по болѣе богатому матеріалу кабинета Петра (теперь въ государств. архивѣ мин. иностр. дѣлъ). Издавъ изъ кабинетныхъ бумагъ исторію свейской войны (*Журналъ Петра Великаго*), съ присоединеніемъ оправдательныхъ документовъ, почерпнутыхъ изъ архива Миллера, Щербатовъ задумалъ изданіе всѣхъ писемъ Петра, въ 5 или 6 томахъ, «съ примѣчаніями объ обстоятельствахъ, при которыхъ эти письма были писаны, и съ исторіей всѣхъ тѣхъ, къ кому они были адресованы» ***). Изданіе это было уже начато, и
сты отпечатаны ****); но, вѣроятно, отчасти за недосугомъ имп
оторая непремѣнно хотѣла сама просматривать всѣ листы, пред
конца доведено не было и возобновлено было только въ наше

ь, по обстоятельствамъ времени, разработка русской исторіи въ
вѣкѣ вышла неполная; до конца вѣка *Ядро* Манкіева оставалось
нымъ историческимъ разсказомъ, доведеннымъ до XVIII столѣтія.
жъ другого рода эта обработка вышла въ то же время одно-
Употреблены были въ дѣло только матеріалы архива иностран-
гіи, наиболѣе важные для составленія внѣшней исторіи Россіи.
разработкѣ ученымъ образомъ *внутренней* исторіи Россіи еще
не былъ поставленъ въ очередь. Мы видѣли, что человѣкъ, наиболѣе призвшійся къ пониманію внутренней исторіи,—Болтинъ былъ въ то же
мя человѣкомъ наиболѣе чуждымъ ученой разработкѣ ея; онъ не понялъ, что̀ можетъ дать изученіе источниковъ—больше того, что давала
ая традиція.

Естественно, что и важность разработки матеріала другихъ московскихъ
ивовъ была понятна въ прошломъ вѣкѣ немногимъ. Эту важность
нималъ, или скорѣе предчувствовалъ Миллеръ, и онъ сдѣлалъ все возможное, чтобы овладѣть содержаніемъ и этихъ архивовъ. Едва переселившись въ Москву, онъ добываетъ (1767 г., 28 сент.) разрѣшеніе кн. А. Вяземскаго: «ежели колл. сов. Миллеръ придетъ когда въ сенатской разрядный архивъ и пожелаетъ тамо смотрѣть хранящіяся дѣла,—ему дозволять». Долго до смерти (3 дек. 1782 г.), по поводу учрежденія при сенатѣ

*) *Пекарскій:* „Редакторъ, сотрудники и цензура въ русскомъ журналѣ", стр. 52—56.
**) Особенно см. №№ 21, 23, 35, 55, 65, 139, 140, 151, 152.
***) Письмо къ Миллеру отъ 19 авг. 1773 г.
****) При письмѣ отъ 14 марта 1774 г. Щербатовъ посылалъ Миллеру нѣсколько отпечатанныхъ листовъ писемъ Петра Великаго.

архива—старыхъ дѣлъ, онъ хлопочетъ о передачѣ изъ него въ ар иностранной коллегіи—грамотъ упраздненной коллегіи экономіи, «по оныя для исторіи Россійской имперіи... необходимо нужны»*). А, между историческое значеніе этихъ грамотъ, составляющихъ единственное емъ родѣ собраніе монастырскихъ актовъ XIV и XV в. (не говоря лѣдующемъ времени) и въ наше время сознается слишкомъ немно- *).

ъ грамотъ коллегіи экономіи ничего, впрочемъ, не успѣло попасть въ ли Миллера, и изъ матеріаловъ разряднаго архива попало сравни- немногое. Однако же, и то немногое, чѣмъ воспользовался Миллеръ, ось крупнымъ вкладомъ въ изученіе нашей внутренней исторіи. До но сказать, что изученіе разрядныхъ книгъ дало возможность впер становить составныя части, «чины» нашего служилаго сословія, и въ основу миллеровскихъ работъ по исторіи русскаго дворянства, а ныя выписки изъ записныхъ книгъ разряднаго (и посольскаго) при послужили необходимымъ матеріаломъ для составленія превосходной о старинныхъ московскихъ приказахъ (20-й т. *Виліоѳики*). Во всякомъ случаѣ, упомянутыя работы составляютъ блестящее исключеніе и ько отличаются отъ общаго характера исторической литературы того ни, что скорѣе всего вызываютъ удивленіе, какъ могли подобныя ра явиться въ XVIII столѣтіи. Изученіе подспудной ученой работы, остав въ рукописяхъ и портфеляхъ, можетъ, конечно, ослабить это удив но не можетъ измѣнить общаго впечатлѣнія, производимаго итогами льной ученой работы прошлаго вѣка.

П. Милюковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Портфели № 389, т. I и II. На мѣстѣ точекъ прибавлено въ подлинникѣ (с для большей внушительности просьбы): „паче же для дипломатическаго и Оба архива, разрядный и старыхъ дѣлъ, соединены въ теперешнемъ архи ерства юстиціи.

Описаніе грамотъ XIV и XV вв. (неполное) сдѣлано г. *Мейчикомъ* въ 4 т ія документовъ и бумагъ, хранящихся въ московскомъ архивѣ мин. юстиці льное количество правыхъ грамотъ изъ этого собранія напечатано *А. П.* ъ-Чеховскимъ въ его Актахъ, относящихся до гражданской расправы древ , 2 тома, Кіевъ, 18, безъ указанія источника.

Религіозно-общественный идеалъ западнаго христіанства въ V вѣкѣ.

(«Міросозерцаніе блажен. Августина». Князя Евгенія Трубецкого).

Книга князя Трубецкого займетъ почетное мѣсто въ русской философской и исторической литературѣ. Представленная, какъ диссертація на степень магистра по юридическому факультету, она, тѣмъ не менѣе, не относится къ разряду спеціальныхъ изслѣдователей, строго пріуроченныхъ къ требованіямъ отдѣльнаго факультетскаго предмета. Философія права становится въ тѣсную связь съ общею философіей, богословіемъ и всемірною исторіей. При этомъ самое изложеніе совершенно отвѣчаетъ широкой постановкѣ задачи: оно не затруднено громоздкимъ аппаратомъ школьной учености, стремится не только къ ясности, но къ силѣ и красотѣ выраженія, проникнуто искреннимъ, горячимъ интересомъ къ дѣлу, дѣйствительно отличается стройностью, соотвѣтствіемъ между богатымъ содержаніемъ и изящною формой.

Задумана работа не ради проведенія той или другой излюбленной идеи, того или другого заранѣе установленнаго направленія. «Цѣль безпристрастнаго изслѣдованія именно въ томъ и заключается, чтобы, вникнувъ въ сущность каждаго частнаго явленія, понять его въ его отношеніи ко всемірно-историческому цѣлому и лишь постольку дать ему ту или другую оцѣнку; послѣдняя, такимъ образомъ, является концомъ и результатомъ, а отнюдь не предположеніемъ и исходною точкой историческаго изученія» (VI). Но тема избрана и работа ведена ради достиженія крупнаго *догматическаго* результата. Особенности латинскаго пониманія церкви, какъ міроваго дѣятеля, подвергаются разбору и оцѣнкѣ для того, чтобы тѣмъ яснѣе выдвинуть общія положенія христіанства, которыя латинство частью проводило, частью искажало.

Введеніе даетъ общую картину состоянія римскаго міра и христіанской церкви въ IV и V вв. Особенное вниманіе обращено на противуположность между Востокомъ и Западомъ. На Востокѣ императорская власть, догматически выступя на переустройство общества, создаетъ себѣ новую

шивается въ церковную жизнь и стремится руководить ею.
ной стороны, императоръ стремится къ главенству въ дѣлахъ
другой стороны, и іерархія стремится обратить церковные
принудительныя юридическія нормы» (стр. 6). На Западѣ свѣт-
разлагается, церковь не только предоставлена себѣ самой въ
ычествомъ, но даже призвана къ опекѣ надъ ослабѣвающимъ
ь. «Представителемъ христіанскаго единства является папа, а
ъ, и возростающій авторитетъ римскихъ первосвященниковъ
ддерживается тѣмъ, что они на Востокѣ вновь и вновь явля-
лями православія въ борьбѣ съ разнообразными «император-
ми. Своеобразное теченіе западной жизни издалека подготов-
юкратіи. Тертулліанъ, Кипріанъ, Амвросій подготовляютъ дѣло

щихъ условій западнаго развитія, на послѣднее могущественн
ближайшая африканская обстановка. На «вулканической» поч-
Африки идеальныя стремленія лучшихъ людей принимали
о, принудительнаго обузданія человѣческой природы. И сама
стина «раздирается контрастомъ между превозмогающею силой
щенной человѣческой природѣ и неодолимою силой благодати,
въ состояніи сломить это зло. Между этими двумя полюсами
ито: его свобода всецѣло поглощаемся снизу или сверху, вся
рѣхъ или въ болѣзнь». Авторъ отмѣчаетъ вкратцѣ главныя
рьбы съ самимъ собою и съ окружающими направленіями,
ь неподражаемо переданы въ *Confessiones*. «Свѣтъ истины не
ь какомъ-либо мѣстѣ; между тѣмъ, я взиралъ на вещи, содер-
ѣстѣ, и не находилъ въ нихъ мѣста для покоя; и они не при-
въ себя, такъ, чтобы я могъ сказать: теперь довольно, то-
рошо». «Въ бѣгѣ временъ мы ищемъ настоящаго и не нахо-
переходъ отъ будущаго къ прошедшему абсолютно лишенъ
«Намъ не на чѣмъ успокоиться, такъ какъ настоящаго нѣтъ;
нно умираемъ и безпрестанно внутренно тревожимся». Въ ре-
го пламеннаго исканія, этой жажды наивчается идеалъ Авгус-
вселенная, какъ единство всеобщаго покоя». Оглядываясь
свои среди манихеевъ, скептиковъ, неоплатониковъ, Авгус-
обращеніе къ христіанству смотритъ какъ на насиліе бла-
немощнымъ человѣческимъ существомъ, подобнымъ «великому
ста» надъ апостоломъ Павломъ. Время, прожитое въ зависи-
ыческихъ направленій, не прошло безслѣдно для Августина:
тва онъ унаслѣдовалъ глубоко-пессимистическое отношеніе
изни. Мало того, самое представленіе о торжествѣ Бога надъ
ено нѣкоторою не-христіанскою примѣсью. Зло, тварный
побѣждается внутренно, а втискивается наслѣдственно въ мі-
служа необходимымъ средствомъ чуждой ему цѣли добра.
въ перешло смиреніе ума, сознаніе неспособности человѣка

одѣми своими силами познать истину. Наконецъ, отъ неоплатониковъ ведетъ свое начало мистическій идеализмъ, отнесеніе всѣхъ единичныхъ вещей къ ихъ вѣчной сверхчувственной идеѣ.

Но еще важнѣе, нежели элементы связи между этими направленіями и идеями Августина, развитіе его апологетической дѣятельности, которая стремилась раскрыть и устранить ложныя ученія манихеевъ, фанатиковъ и пелагіанъ. Въ этой борьбѣ окончательно выработалась его система. Въ противуположность нѣмецкимъ историкамъ (Гарнакъ, Рёйтеръ) приходится говорить именно о системѣ, потому что, несмотря на всѣ колебанія и противорѣчія, безъ которыхъ не обходится, въ сущности, ни одно сколько-нибудь обширное созданіе человѣческой мысли, ученіе Августина «проникнуто единымъ идеаломъ или принципомъ, а не представляетъ механическую комбинацію разнородныхъ началъ. Ученіе это раскололось въ рукахъ нѣмецкихъ историковъ, потому что они искали въ немъ, прежде всего, подкрѣпленія своихъ вѣроисповѣдныхъ взглядовъ. Многія ученія Августина, какъ, наприм., его ученіе о благодати, въ которомъ онъ является до извѣстной степени предшественникомъ Лютера, признаются ими постольку за ученія евангельскія и превозносятся ими. Къ другимъ его ученіямъ, наприм., къ его ученію о церкви, гдѣ онъ является предтечей католицизма, они относятся чрезвычайно враждебно, какъ къ элемену вульгарно-католическому». Съ этой точки зрѣнія «все ученіе великаго отца церкви и произвольно, и искусственно разсѣкается на элементы евангелическія и не-евангелическія».

Въ полемикѣ съ манихеями Августинъ со всею энергіей проводитъ принципъ основного *единства* міра, какъ необходимую форму самого сознанія нашего. Изъ этого высшаго принципа производится многообразіе міровыхъ явленій при помощи пиѳагорейской идеи *числа*. Единство является не только метафизическимъ и психологическимъ основаніемъ, но нравственнымъ. Въ глазахъ Августина самое благо есть ничто иное, какъ единство и вытекающій изъ него порядокъ. Зло, которому манихеи придавали такое великое и самостоятельное значеніе, не можетъ разрушить этого единства мірозданія, хотя оно несомнѣнно существуетъ и составляетъ контрастъ съ добромъ. Оно, вѣдь, необходимо для красоты и полноты цѣлаго, и даже то, что называется зломъ, будучи упорядочено и поставлено на своемъ мѣстѣ, въ большей степени выставляетъ добро, чтобъ оно больше нравилось и представлялось болѣе достойнымъ похвалы по сравненію со зломъ, но Богъ не есть виновникъ зла. Откуда же оно? Самый вопросъ о положительной причинѣ зла, по мнѣнію Августина, неумѣстенъ, ибо зло не имѣетъ положительной причины, а только чисто-отрицательную—движеніе воли отъ вѣчныхъ благъ къ временному. Это отношеніе къ злу, какъ пропорціональному элементу мірозданія, нисколько не мѣшаетъ Августину чувствовать и подчеркивать его реальную силу въ практической жизни. Земная дѣйствительность представляется то какъ прекрасный, величественный домъ, въ которомъ обитаетъ Богъ, то какъ мѣсто казни. Его не особенно смущаетъ необходимость жестокаго осужденія и каръ. То и другое при-

вычно юридическому складу мысли римлянина. «Душа не можетъ не заплатить своего долга... Если же она не отдастъ должнаго, творя справедливость, то она заплатитъ свой долгъ, страдая несчастіемъ, такъ какъ въ томъ и другомъ звучитъ это слово долга». Съ этой точки зрѣнія самое Боговоплощеніе есть своего рода юридическій актъ. Человѣкъ былъ подчиненъ діаволу въ наказаніе за грѣхъ, и въ силу самаго факта грѣхопаденія послѣдній пріобрѣлъ нѣкоторое законное надъ ними право. Это правомѣрное и законное господство діавола надъ потомствомъ Адама должно было продолжаться до тѣхъ поръ, пока, убивъ одного праведнаго и безгрѣшнаго, діаволъ тѣмъ самымъ не нарушилъ закона, въ силу котораго онъ господствуетъ.

Проводя противъ манихеевъ идею единства устроеннаго Богомъ міра, Августинъ защищаетъ противъ донатистовъ единство церкви, поставленной руководствовать міромъ. «Съ точки зрѣнія донатистовъ, земная церковь не есть всемірное зданіе, а общество святыхъ. Характеристическій признакъ истинной церкви не есть объективная, вселенская организація, а святость, выражающаяся въ личномъ совершенствѣ ея святителей: истинная церковь не можетъ терпѣть въ своей средѣ порочныхъ святителей, иначе она оскверняется ихъ пороками и перестаетъ быть церковью». Всего характеристичнѣе для донатистовъ то, что святость церкви представляется для нихъ чѣмъ-то географически-опредѣленнымъ. Весь міръ отпалъ отъ церкви. Церковь заморская (ecclesia transmarina), какъ называютъ донатисты церковь вселенскую, утратила свою чистоту, превратившись изъ невѣсты Христовой въ блудницу. Церковь, какъ общество святыхъ, сохранилась только въ Африкѣ, совпадая съ территоріальными предѣлами донатической общины. Этотъ африканскій сепаратизмъ осложнялся соціальнымъ броженіемъ. Къ донатистамъ примыкали такъ называемые циркумцелліоны, бродячій людъ, набиравшійся изъ низшихъ классовъ, недовольный правительствомъ и богатыми людьми, угрожавшій постоянно всему строенію сложившагося общества. Случалось, что циркумцелліоны грабили по дорогамъ, издѣвались надъ состоятельными людьми, останавливали экипажи, высаживали оттуда господъ, сажая вмѣсто нихъ рабовъ. Случалось, что, въ порывѣ религіознаго фанатизма и отчаянія, они сожигали сами себя цѣлыми толпами, подобно нѣкоторымъ изъ нашихъ русскихъ сектантовъ. Полемика Августина идетъ по слѣдамъ дѣятельности африканскаго епископа IV вѣка Оптата Милевскаго. Истинная церковь не можетъ быть мѣстною и самая каѳоличность общепринятыхъ христіанскихъ воззрѣній ручается за ихъ истинность. Притомъ, въ соединеніи церковномъ важна связь цѣлаго съ Христомъ посредствомъ таинствъ и іерархіи, а не личныя свойства вѣрующихъ или даже священствующихъ. Люди порочны, грѣховны, способны заблуждаться и постоянно заблуждаются. Тѣмъ не менѣе, чрезъ посредство этихъ грѣховныхъ и колеблющихся людей постоянно дѣйствуетъ благодать Божія, распространеніе которой не зависитъ отъ личныхъ особенностей посредниковъ. Таинство не теряетъ своей силы потому, что совершается недостойнымъ священни-

комъ. Основанная на хаотическомъ общеніи съ Христомъ, церковь, единая, цѣлая и вселенская, обязана всѣми средствами заботиться о сохраненіи своего единства. Принудительныя мѣры по отношенію къ еретикамъ для нея не только не предосудительны, но обязательны.

Въ борьбѣ съ пелагіанствомъ опредѣляется третья сторона ученія Августина — его взглядъ на отношеніе между Богомъ и человѣческою личностью, его знаменитая теорія предопредѣляющей благодати. Надо замѣтить, что «пелагіане не отрицаютъ благодати, какъ такой, но они отрицаютъ какое бы то ни было соціальное ея дѣйствіе. Какъ не существуетъ грѣха коллективнаго, родового, такъ же точно и благодать не есть принципъ коллективной организаціи. Благодать раздробляется на множество мелкихъ, единичныхъ актовъ божественнаго произвола, представляется имъ рядомъ чисто-внѣшнихъ, механическихъ воздѣйствій Бога на единичнаго человѣка». Самый крайній и во многихъ отношеніяхъ самый любопытный изъ пелагіанцевъ—Ѳаліонъ Экланскій—признаетъ естественную человѣческую добродѣтель достаточною для спасенія. Самая принадлежность или непринадлежность къ церкви есть для него, въ сущности, фактъ безразличный. Праведность какого-нибудь Фабриція, Сципіона или Фабія такъ же спасаетъ, какъ праведность въ христіанскомъ смыслѣ слова. Сущность ученія Августина сводится къ тому, что въ благодати, дѣйствующей черезъ церковь, и не иначе, какъ черезъ церковь, заключается орудіе для спасенія людей и для организаціи рода человѣческаго. Церковь не просто борется съ грѣховностью отдѣльныхъ индивидуумовъ, а врачуетъ первородный наслѣдственный грѣхъ, сообщаетъ спасеніе не какъ награду за опредѣленныя заслуги, а какъ даръ Божій, свободный и ничѣмъ не обусловленный. Спастись поэтому могутъ не всѣ, а только члены церкви, и спасаются они не самостоятельно, а черезъ Христа и связанную съ ними церковь. Капитальная ошибка протестантскихъ историковъ въ томъ и заключается, что они разсматриваютъ взгляды Августина на благодать и церковь какъ противорѣчивые, между тѣмъ какъ они тѣснѣйшимъ образомъ связаны, чужды всякаго индивидуализма и развились въ борьбѣ съ индивидуализмомъ.

Завершеніе своего ученія Августинъ находилъ въ томъ построеніи всемірной исторіи, которое дано знаменитою книгой о градѣ Божіемъ. Эта книга также полемическая по формѣ и мотивамъ, какъ и остальная работа Августина, но, въ сущности, она также систематическое произведеніе. Она отвѣчаетъ внутренней послѣдовательности мыслей, которая вызывалась діалектическими требованіями, даже помимо прямой апологіи и борьбы. Вслѣдъ за еретиками Августинъ обращается противъ язычниковъ, изъ отдѣльныхъ ихъ воззрѣній и положеній строитъ для нихъ извѣстную объединяющую философію исторіи, доказываетъ ея внутреннее безсиліе и заканчиваетъ возведеніемъ новаго зданія—христіанскаго пониманія всемірно-историческаго процесса. Содержаніе знаменитаго трактата «de Civitate Dei» слишкомъ извѣстно, чтобы необходимо было излагать его въ данномъ случаѣ. Автору разбираемой нами книги не трудно показать, какъ оно тѣс-

предъидущими трудами великаго отца церкви и съ исторі
кой его времени.

нѣтъ правоваго порядка; поэтому государство, чуждое цер
отличается отъ шайки разбойниковъ. Любопытно, однако,
кая имперія послѣднихъ вѣковъ не удовлетворяетъ мысли
умалчиваетъ о ней. Типичнымъ государствомъ для него
кая республика и имперія римлянъ, а идеальная связь го
рковью сводится на совершенное поглощеніе перваго по
Божій не есть только религіозный факторъ жизни чело
есть вѣнецъ всей космической организаціи: въ немъ Богъ
дъ преображеннымъ веществомъ чрезъ обновленнаго че
ство Божіе не есть только новое небо, но новая земля».
градѣ человѣчество найдетъ тотъ внутренній покой, тотъ
го оно постоянно ищетъ и отсутствіе котораго есть ко
и несчастія.

бщихъ чертахъ главныя положенія новой книги объ Авгу
ея преимущество состоитъ въ необычной ширинѣ взгляда
новкѣ задачи. Мы не привыкли у юристовъ и историковъ
интересъ къ богословскому матеріалу и такое хорошее
нимъ; у философовъ и богослововъ не часто встрѣчает
а отъ предвзятой тенденціи, такое вниманіе къ самостоя
у данныхъ. Перекрестное освѣщеніе главныхъ вопросовъ
ненiяхъ, основное направленіе и взаимная связь этихъ
ему мнѣнію, характеризованы правильно и содержатель
шо знакомъ съ дѣломъ и знакомство это не навязанное,
и можно такъ выразиться. Вездѣ чувствуется мысль, съ
дая за всѣми извилинами сложнаго апологетическаго изло
свести разнообразные элементы къ системѣ представляется
удачною. Противорѣчій, развитія и авторъ не отрицаетъ,
го заслугъ является какъ разъ то, что онъ указалъ на
взглядовъ, которые, въ угоду вѣроисповѣднымъ точкамъ
нвались какъ раздѣльные и даже непримиримые. Безъ со
зъ съ этой стороны изложеніе кн. Трубецкого можетъ вы
много возраженій. Легко утверждать, что, положимъ, ученіе
вездѣ выдержано одинаково, колеблется между крайностя
ь авторъ отмѣчаетъ на стр. 267, и что, съ другой стороны,
ницахъ 195—200, ученіе это подведено слишкомъ без
спасенія черезъ церковь, а не черезъ личное общеніе съ
всѣ подобныя возраженія будутъ, все-таки, скорѣе словес
ли же обратятся въ не особенно существенный споръ объ
пеняхъ въ признаніи положеній, которыя по существу не
ересиѣе другая сторона дѣла. Помимо личныхъ колебаній
съ несовершенствъ, противорѣчія, а мѣстами преувеличенія
и вытекали, по мысли автора, изъ отраженія на Августина

пройденныхъ имъ и побѣжденныхъ отчасти еретическихъ направленій, вытекали затѣмъ изъ особенностей его положенія въ средѣ латинской, африканской, въ средѣ мірового распаденія V вѣка. Не совсѣмъ удачная теодицея объясняется невольною реакціей манихейства, внѣшнее пониманіе порядка, грѣха, искупленія сводится на юридическую стихію латинства, безпощадный и произвольный характеръ благодати, спасающей насиліемъ, до нѣкоторой степени поставленъ въ связь съ рѣзкими контрастами африканской природы, общества и т. п. Въ противуположность этимъ временнымъ и мѣстнымъ увлеченіямъ, искаженіямъ, противорѣчіямъ, выдвигается въ цѣломъ рядѣ случаевъ истинная, универсальная, всемірно-историческая идея христіанства. Выдвигается она, однако, въ намекахъ, ссылкахъ, экскурсахъ, но нигдѣ не оговаривается съ достаточною ясностью и полнотой, чтобы сдѣлаться тѣмъ мѣриломъ общаго не преходящаго въ ученіи Августина, какимъ она должна быть по мысли автора. Вслѣдствіе этого, внимательный читатель можетъ иногда спросить: не лежитъ ли корень затрудненій, противорѣчій, несообразностей въ неразрѣшимости самыхъ вопросовъ, изъ-за которыхъ происходили споры? Происхожденіе зла плохо объяснено у Августина; его ученіе устранило внѣшнее противуположеніе добраго и злого начала, но затѣмъ лишь «втиснуло» злое въ единый порядокъ міра, не побѣдивъ его внутренно. Авторъ думаетъ, что вина въ безсознательной реакціи манихейства. Но будто приблема такъ легко разрѣшается, если устранить манихейство? Конечно, авторъ не богословъ по спеціальности, а подобныя задачи по праву принадлежатъ вѣдѣнію богослововъ. Положимъ, но въ такомъ случаѣ постановка темы, которая заставила охватить, прежде всего, богословскій матеріалъ и вызвала столько интересныхъ соображеній относительно связи политическихъ взглядовъ Августина и его вѣроученія, имѣетъ и коренное неудобство: она предполагаетъ установленіе общаго богословскаго мѣрила, которое авторъ установитъ не въ состояніи. Подобныя же, хотя гораздо менѣе существенныя, возраженія можно сдѣлать по поводу другихъ сторонъ, которыми эта философская работа соприкасается со смежными науками права и исторіи. Въ концѣ есть глава объ отношеніи между jus naturale римскихъ юристовъ и основными взглядами Августина: результатъ этой главы,—мысль, что связь самая непосредственная и тѣсная,—кажется намъ недоказаннымъ и страннымъ. Сопоставленія не идутъ дальше нѣкоторыхъ не особенно характерныхъ общихъ мѣстъ. Болѣе подробное разсмотрѣніе, по нашему убѣжденію, разрушило бы главный выводъ. Что касается исторической перспективы, то она намѣчена въ общемъ, конечно, правильно, но дѣло выиграло бы при болѣе подробной и обстоятельной характеристикѣ общества и государства того времени. Стоило заглянуть въ дѣянія помѣстныхъ соборовъ, чтобы усилить характеристику вмѣшательства церкви въ общественную жизнь. Можно было даже сдѣлать это по богатой и чрезвычайно интересной литературѣ. Интересное движеніе циркумцелліоновъ, напримѣръ, вы-

этомъ изъ чисто мѣстной, африканской обстановки и съ галльской багаддой, признакомъ соціальной анар-ла имперію на западѣ и коснулась также востока. ор не совсѣмъ избѣгъ недостатковъ, связанныхъ съ ествами. Интересъ книги заключается въ томъ, что въ изъ разныхъ областей знанія: не мудрено, что тому ету можетъ показаться, что по его части слѣдовало и сказать иначе.

П. Виноградовъ.

Нѣкоторыя особенности организаціи продовольственнаго дѣла въ Нижегородскомъ краѣ.

I.

Прежде всего, маленькая историческая справка.

Встарину, во времена крѣпостного права, у насъ дѣйствовалъ уставъ о народномъ продовольствіи, устанавливавшій, между прочимъ, существованіе особыхъ *коммиссій продовольствія*. Такъ какъ населеніе мужицкой крѣпостной Руси распадалось на нѣсколько различныхъ категорій, сообразно съ тѣмъ, кто владѣлъ крѣпостными душами, то и коммиссіи были смѣшанныя и отражали на себѣ явные слѣды крѣпостной структуры тогдашней русской жизни. Состояли онѣ, конечно, подъ предсѣдательствомъ губернатора. Помѣстное дворянство, за которымъ стояла темная и безличная крѣпостная масса, имѣло своего представителя въ лицѣ губернскаго предводителя и, по особому приглашенію, предводителей уѣздныхъ. Интересы крестьянъ государственныхъ представлялись управляющимъ палатой государственныхъ имуществъ (удѣльные въ продовольственномъ дѣлѣ стояли особо). Кромѣ того, въ коммиссіи присутствовалъ губернскій прокуроръ, а дворянство могло выбирать отъ себя еще непремѣнныхъ членовъ съ жалованьемъ по штату.

Великая реформа, уничтожившая рабство, съ одной стороны, сглаживала перегородки между сословіями, съ другой — совершенно уничтожала ихъ въ средѣ самихъ крестьянъ. Понятно, что съ этимъ вмѣстѣ исчезала всякая надобность въ дореформенныхъ смѣшанныхъ коммиссіяхъ. И дѣйствительно, новый законъ упразднилъ ихъ во всѣхъ земскихъ губерніяхъ, а *завѣдываніе дѣломъ по обезпеченію народнаго продовольствія и оказаніе пособій нуждающемуся населенію* отнесено къ предметамъ вѣдѣнія земскихъ учрежденій. *Главный мѣстный надзоръ* за соблюденіемъ предписанныхъ закономъ правилъ для обезпеченія народнаго продовольствія возложенъ на главныхъ начальниковъ губерній и областей. Наконецъ, общее попеченіе о народномъ продовольствіи принадлежитъ къ предметамъ вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ *).

*) См. уставъ о народномъ продовольствіи, изд. 1889 года, ст. 2, 3 и 4, и по-

ть образомъ, если бы законы имѣли должну
программа борьбы съ послѣдствіями неурожая
въ очень опредѣленныхъ и твердыхъ очертанія
тнаго управленія оставалось бы только сразу
свое мѣсто и взяться за свое дѣло. Хозяйстве
ъ законною отвѣтственностью за его веденіе, ло
во. Но, быть можетъ, это не по силамъ нали
гановъ? Законъ это предвидѣлъ, и потому земст
сширять наличныя силы своихъ управъ нужн
членовъ. Оставалось это исполнить, раздѣлить
и приступить прямо къ дѣлу. На мѣстную же
бязанность наблюденія и контроля: охрана ин
ссуду на извѣстныхъ условіяхъ съ одной
отъ возможныхъ посягательствъ и злоупотреб
держаніе того «мѣстнаго надзора», о которомъ т
ѣ.

жалѣнію, какъ это мнѣ приходилось указывать
обитыхъ засухою нивъ и ихъ обездоленнаго
пострадавшимъ отъ неурожая является именно
аконъ. Одна изъ прискорбнѣйшихъ фикцій, гу
е время по обширнымъ пажитямъ провинціальн
помъ представленіи, будто «сила власти» выра
номъ и неукоснительномъ осуществленіи высши
ъ томъ, чтобы всюду въ мѣстной жизни адмни
ію. Даже и тогда, когда это не требуется вовс
у ходу исполняемой въ данное время пьесы.
могу забыть небольшого и проскользнувшаго поч
й взглядъ очень характернаго эпизода, котор
дѣтелемъ въ началѣ продовольственнаго криз
ственной комиссіи. Одинъ изъ уѣздныхъ пре
ложилъ комиссіи поддержать его ходатайство
и очень немалая сумма была отпущена мини
въ непосредственное его распоряженіе для осу
го продовольственнаго плана. На скромное замѣ
й земской управы, что такой порядокъ совер
бы требованіямъ закона, ораторъ, безпечно игр

ѣ тоже нѣсколько извѣстны статьи, на которы
й Александръ Васильевичъ. Но, господа, неуж
того, чтобы заниматься *теоретическими сооб*

земскихъ учрежд. 12 іюня 1890 г., ст. 2, III. Цитиру
о, внесенной въ нижегородскую губ. продовольственну

Это превосходное изреченіе, отводящее закону скромное мѣстечко среди *теоретическихъ соображеній*, которыя обязаны безпрекословно сторониться передъ великолѣпіемъ личнаго творчества любого уѣзднаго «практика»,—я тогда же занесъ въ свою записную книжку, какъ сжатую, ясную и во всѣхъ отношеніяхъ неподражаемую характеристику въ двухъ словахъ цѣлаго теченія.

Законъ—это просто *теоретическое соображеніе!*

Хуже того: законъ—это бюрократическая мертвечина, это лишь канцелярская переписка, это №№ «входящихъ и исходящихъ!» Какое прискорбное недоразумѣніе и какъ ярко сказалось оно, напримѣръ, въ пресловутомъ лукояновскомъ инцидентѣ. Пренебреженіе къ закону, какъ извѣстно, простерлось здѣсь до возникновенія какой-то особенной уѣздной диктатуры, неизвѣстно на какомъ основаніи возникшей и невѣдомо къ чему устремлявшей свои поползновенія. И мы имѣли случай наблюдать при этомъ, какъ живое дѣло глохло здѣсь подъ канцелярскими «запросами» и «отписками» самаго мертвящаго свойства, какъ даже самая благотворительность замкнулась въ своего рода полицейскій участокъ. И это доказываетъ ясно, что *законность* и *канцелярщина*—два понятія совершенно различныя. Законъ, проводящій строгое раздѣленіе труда и указывающій каждому его мѣсто,—не помѣха живому дѣлу, отсутствіе законности не освобождаетъ отъ формализма и мертвечины...

Прошу у читателя прощенія за это отступленіе, состоящее, притомъ, изъ сплошныхъ трюизмовъ. Но что же дѣлать, если всѣ эти вопросы, давно порѣшенные и занесенные въ «уставы», дремавшіе на полкахъ и ни въ комъ не возбуждавшіе сомнѣній,— внезапно, въ самое горячее время, воскресли не въ видѣ трюизмовъ, а въ формѣ новыхъ проблемъ! И, вмѣсто того, чтобы сразу думать, какъ нужно дѣлать настоятельное дѣло, мы принялись рѣшать старый и давно порѣшенный вопросъ: кто его долженъ дѣлать?

II.

Характерная черта исторіи «голоднаго года» въ нашемъ краѣ состоитъ въ томъ, что первые громкіе возгласы о грозящемъ голодѣ раздались изъ консервативнаго лагеря. Земская управа собирала еще точныя свѣдѣнія, подготовляла матеріалы, въ уѣздахъ созывались экстренныя собранія, чтобы обсудить мѣры борьбы съ надвигающимся бѣдствіемъ и степень предстоящей нужды,—какъ уже изъ Васильскаго уѣзда, пріюта нашего воинствующаго консерватизма, были посланы губернатору ген. Баранову категорическія заявленія, что голодъ уже тутъ, на мѣстѣ, и именно тотъ голодъ, «когда матери пожираютъ младенцевъ». Не знаю, въ какой мѣрѣ участвовало въ этомъ «авторское самолюбіе», но только избранныя мѣста изъ этихъ «васильскихъ писемъ» сдѣлались достояніемъ молвы, передавались изъ устъ въ уста и при этомъ прибавлялось: «ну, и достается же

земству»! И дѣйствительно, бѣдное земство, стоящее нынѣ въ томъ мѣстѣ, куда именно валятся всѣ шишки, очутилось въ данномъ случаѣ въ положеніи бѣднаго Макара. Перевернешься—бьютъ, и не довернешься—бьютъ. Извѣстно, что пессимизмъ и «крики о голодѣ» составляютъ исконную вину «либераловъ» литературы и земства, и въ томъ же Васильскомъ уѣздѣ относились къ нимъ столь высокомѣрно, что на всѣ предупрежденія еще полгода назадъ отвѣчали очень опредѣленно: не дадимъ ни зерна и никто не умретъ. Все это давно уже было признано только теоріей и, за назойливое повтореніе этой унылой теоріи, во многихъ мѣстахъ была стерта съ лица земли земская статистика. Практика же увѣряла въ радостной истинѣ, что «онъ еще достанетъ». Понятно, поэтому, что земству весьма и весьма надлежало собраться съ духомъ прежде, чѣмъ вновь затягивать унылую пѣсню. Но пока оно собиралось съ духомъ, вооружалось данными и цифрами,—васильскіе «консерваливы», которымъ не требовалось ни цифръ, ни данныхъ и которые, поэтому, могли выступить въ походъ налегкѣ,—уже заскакали много впередъ и имъ доставляла не малое удовольствіе блестящая идея: повернуть обычную, по ихъ мнѣнію, земскую артиллерію противъ самого земства: земство прозѣвало голодъ! Они его открывали.

Это отразилось на первыхъ мѣрахъ борьбы съ голодомъ и наложило на нихъ специфическій отпечатокъ. Когда, вслѣдствіе васильскаго набата, ген. Барановымъ были закуплены первыя партіи хлѣба (впослѣдствіи введенныя въ общую цифру земскаго долга), то распоряженіе этимъ хлѣбомъ фактически попало въ руки П. П. Зубова, васильскяго предводителя дворянства, и остальнымъ, даже отдаленнымъ уѣздамъ было предложено обращаться къ нему за указаніями и инструкціями по продовольственной части. Тогда появился первый прецедентъ своеобразной уѣздной продовольственной диктатуры, распространявшейся далеко за васильскіе предѣлы. Если вѣрить (не опровергнутымъ, впрочемъ) газетнымъ извѣстіямъ и разсказамъ мѣстныхъ жителей, то «личная система» васильскаго предводителя никакими особенными достоинствами не блистала и подтвердила еще разъ, что la critique est aisée, но что никакими личными, наскоро съимпровизированными системами нельзя замѣнить закономѣрной коллективной работы общественныхъ учрежденій. Между прочимъ, здѣсь же впервые выступило то печальное явленіе, съ которымъ пришлось впослѣдствіи бороться: гг. предводители наскоро выдавали, а «міръ» еще быстрѣе, съ точностью уравнительной машины, дѣлилъ «способіе по душамъ»... «Шло на распылъ», доставалось по 5 фунтовъ на мірскую душу, богатымъ и бѣднымъ одинаково...

Тѣмъ не менѣе, если результаты этой «системы» въ уѣздахъ не сказались чѣмъ-нибудь замѣтнымъ, за то въ командующихъ уѣздныхъ и губернскихъ слояхъ породили немалое смущеніе. Нѣсколько сконфуженное и значительно дискредитированное земство стояло совершенно въ сторонѣ во всемъ этомъ предварительномъ продовольственномъ эпизодѣ, играя, такъ сказать, роль свидѣтеля въ дѣлѣ, гдѣ отвѣтственность все-таки возлагалась

лась на него и на его плательщиковъ. Въ обществѣ, точно пчелы, жужжали всевозможные толки и слухи о близкомъ и полномъ отстраненіи земства отъ всего продовольственнаго дѣла. Если читатель припомнитъ, что это совпало съ переходнымъ періодомъ, на закатѣ стараго земства, то станетъ понятнымъ и настроеніе, среди котораго открылось, въ началѣ іюля 1891 года, экстренное засѣданіе губернскаго земскаго собранія.

Уже наканунѣ появились совершенно опредѣленные слухи о какомъ-то (не существовавшемъ въ дѣйствительности) «циркулярѣ», которымъ доживавшее послѣдніе дни старое земство будто бы рѣшительно устранялось отъ дѣла. Гласные, собиравшіеся въ колонную залу дворянскаго дома, обсуждали, въ смущенныхъ кучкахъ, вѣроятность этого «циркуляра», и удивительно ли, что, при описанныхъ обстоятельствахъ, унизительные для земства толки встрѣчали болѣе или менѣе довѣрчивыхъ слушателей...

Съ давнихъ поръ, быть можетъ, даже съ самаго открытія земскихъ учрежденій, собраніе гласныхъ не вслушивалось съ такимъ глубокимъ, съ такимъ захватывающимъ вниманіемъ въ каждое слово губернаторской рѣчи при открытіи сессіи. Минута была изъ тѣхъ, въ которыхъ чувствуется драма, и воспоминаніе о первыхъ годахъ земства возникало невольно въ умѣ. Мнѣ навсегда врѣзалась въ память эта кучка черныхъ сюртуковъ, столпившихся вокругъ эффектной фигуры ген. Баранова, въ военномъ мундирѣ. Много ли здѣсь было людей, сохранившихъ въ чистотѣ земскія традиціи? Старыхъ земцевъ было не мало, но очень мало старыхъ традицій и прежней вѣры... Не однѣ уста, произносившія много лѣтъ пылкія рѣчи въ той же залѣ,—теперь раскрываются лишь для того, чтобы уничтожать плоды прежней работы и въ земскомъ собраніи подрывать земскія начала... Но все же, я увѣренъ, даже и въ этихъ сердцахъ не могли не отозваться тупою болью самые толки объ отнятіи у учрежденія его законныхъ функцій наканунѣ общенародной бѣды...

И странно: въ рѣчи губернатора всѣ услышали подтвержденіе тревожныхъ слуховъ. Какъ это случилось, сказать трудно, но только и гласные, и публика на хорахъ, и представители мѣстной прессы—всѣ подверглись этой слуховой галлюцинаціи, предрасположеніе къ которой носилось въ воздухѣ. Всѣмъ показалось, что губернаторъ сообщилъ объ образованіи, подъ его предсѣдательствомъ, особой коммиссіи «для помощи нуждающимся и для исходатайствованія у правительства необходимыхъ для этого средствъ», т.-е. именно для того, что должно дѣлать земство...

До какой степени доходило это, какъ говорятъ французы,—malentendu général,—видно изъ одной рѣчи, которую я цитирую здѣсь изъ мѣстной газеты. Когда былъ прочитанъ въ собраніи докладъ губ. управы, предлагавшей выработать мѣры борьбы съ послѣдствіями неурожая, то одинъ изъ членовъ той же управы, гласный Михайловъ, сказалъ, что послѣ рѣчи г. губернатора «для земскаго собранія какія бы то ни было мѣропріятія являются излишними, или, по крайней мѣрѣ, съ ними надо обождать до выясненія рѣшеній упомянутаго комитета». Г. Михайловъ находилъ образо-

омиссіи не нужнымъ, «такъ какъ земство, очевидно, устра-
адлежащей ему роли» *).
ена управы и убѣжденнаго земца характеризуетъ настрое-
ı. Однако, изъ недоумѣлаго смятенія, водворившагося въ
югу стали выдѣляться голоса, напоминавшіе, что на зем-
ѣстныя обязанности и, пока онѣ не сняты ко
нѣ сохраняютъ силу закона, до тѣхъ поръ оно
себя и обязано ихъ выполнить до конца. Мнѣні
ило положеніе, и хотя и тутъ голосъ васильск
Демидова, пытался ограничить роль земства одни
епени нужды», но стало все-таки очевидно, чт
задачу въ ея полномъ объемѣ.
дѣло объяснилось въ томъ смыслѣ, что министе
етъ для совмѣстнаго съ земствомъ труда по прод
губернаторѣ особое продовольственное *совѣщаніе*
но было, по смыслу циркуляра, умалять финанс
петенцію земства. Въ этомъ тѣсномъ смыслѣ бы
енъ напечатанный въ газетѣ текстъ губернатор
ли по этому поводу, что компетенція земства
легко можетъ сорваться. Какъ бы то ни было
ы, рѣшило образовать комиссію, въ помощь сво
тановлено пригласить и г-на губернатора... И т
о двѣ комиссіи. Въ виду этого комитетъ при гу
ылся и образовалась губернская *земская* продо
йствовавшая съ іюля по октябрь мѣсяцы и и
ѣданій.
ноябрѣ г. губернаторъ счелъ необходимымъ в
«совѣщаніе», и съ ноября оно возникаетъ вновь
нымъ названіемъ. За то, въ декабрѣ, новое земс
земскую комиссію, и такимъ образомъ на аре
операцій остаются: съ одной стороны—губернск
аконными правами, связанными съ законною о
ой—новая комиссія, смѣшаннаго характера, съ
нчивымъ составомъ, въ которомъ собственно зе
овершенно.
Нижегородская губернская продовольственная
свое время громкую и въ нѣкоторыхъ отношеніях
ность... Впрочемъ, во всѣхъ бумагахъ, приходя
на именовалась гораздо скромнѣе: «продовольств
нижегородскомъ губернаторѣ».
Ѣнки въ названіяхъ указываютъ на нѣкоторую
орѣ учрежденія,—двойственность, которая вызыва

Биржевой Листокъ, 4 іюля 1891 г., № 151.

дѣленность и спутанность отношеній. Я не имѣю надежды исчерпать здѣсь любопытные матеріалы, которыми мы обязаны просвѣщенной гласности, допущенной во всѣ работы продовольственной коммиссіи. Тому, кто возьмется современемъ за эту интересную работу, придется отмѣтить не мало хорошихъ и даже блестящихъ страницъ, которыми, сказать правду, коммиссія обязана, главнымъ образомъ, блестящимъ способностямъ и энергіи своего предсѣдателя. Однако, несомнѣнно, что подъ этимъ цвѣтами и блескомъ скрывалась старая и давно упраздненная жизнью дореформенная сущность. Коренная ошибка легла въ основу учрежденія, и потому всѣ его дѣйствія отмѣчены печатью двойственности и колебаній между противуположными началами... Съ одной стороны, это было только *совѣщаніе*, безъ рѣшающаго исполнительнаго характера, съ другой — оно стремилось возродить компетенцію дореформенныхъ коммиссій продовольствія. Являясь какъ бы продолженіемъ земской коммиссіи и вмѣщая въ себѣ земскую управу, оно не разъ заявляло притязаніе на всю компетенцію земскихъ учрежденій. Въ то же время, само земство, закрывъ свою коммиссію, подчеркнуло этимъ актомъ, что оно оставляетъ всѣ права и всю отвѣтственность цѣликомъ на управѣ, которая въ коммиссіи всегда должна была являться ничтожнымъ меньшинствомъ. Положеніе выходило въ краткихъ чертахъ такое: отвѣтственность ложилась на управу, состоявшую изъ 4-хъ человѣкъ. Распоряжаться могли бы нѣсколько десятковъ людей случайныхъ и никакою отвѣтственностью не обремененныхъ. Очевидно, рѣшенія этого измѣнчиваго и зависимаго *большинства* обращались въ какую-то фикцію и совершенно отпадали, а въ полѣ дѣйствія оставались двѣ реальности: земская управа и глава мѣстной администраціи.

III.

Обыкновенно принято думать, что эти столкновенія между земцами и администраціей имѣютъ чисто-опереточный характеръ, опредѣляемый тщеславіемъ, и не заслуживаютъ ничего, кромѣ ироніи. Въ данномъ случаѣ это было далеко не такъ: на очереди стояли вопросы огромной и самой осязательной, самой «практической» важности, и по одному изъ такихъ именно вопросовъ произошло разногласіе: земская управа рѣшила перенести центръ тяжести хлѣбныхъ закупокъ на дальніе рынки и для этого командировала своихъ агентовъ, преимущественно статистиковъ-агрономовъ, на югъ и на Кавказъ, а также завязала связи на мѣстахъ съ общественными и земскими учрежденіями. Управа справедливо опасалась обрушить всю тяжесть огромнаго спроса на мѣстные рынки, боясь страшнаго поднятія цѣнъ въ губерніи, а также отчасти опасаясь очутиться во власти мѣстныхъ крупныхъ торговцевъ. При выполненіи своего плана управа разсчитывала на земскую взаимность, на строгій выборъ и извѣстный нравственный цензъ своихъ агентовъ и на содѣйствіе общественныхъ учрежденій на мѣстныхъ закупокъ. Генералъ Барановъ являлся, наоборотъ, сторонникомъ

оказались совершенно удовлетворительными и, при-
обошлись земству дешевле той части, которая про-
рговцами-коммиссіонерами... Если же прибавить къ
ми общее количество хлѣба въ губерніи и, такимъ
альнѣйшее повышеніе цѣнъ на мѣстныхъ рынкахъ,
нымъ, что въ этомъ вопросѣ земская управа ока-
мную услугу.

ь. А въ то время было далеко не такъ ясно, и
въ коммиссіи безформеннымъ и безответственнымъ
нной довольно-таки пристрастными заключеніями
порой въ обличительномъ усердіи доходившей до
пришлось апеллировать къ своимъ законнымъ пра-
аконною ответственностью. Твердость, съ какою, на-
эта апелляція, разрѣшила и на этотъ разъ запу-
танное положеніе. Съ этихъ поръ коммиссія вводится въ свои настоящіе
дѣлы и дѣло идетъ нормальнымъ порядкомъ. Самая критика закупокъ
стороны «экспертовъ» въ общемъ приноситъ несомнѣнную пользу,
ъ всякая критика: нѣсколько несомнѣнныхъ промаховъ земской упра-
исправлено, а за то общій характеръ ея дѣятельности, послѣ стро-
испытанія, выступаетъ съ полною ясностью: старое земство, въ
ѣ председателя А. В. Баженова, получило въ новой губернаторской
и, открывавшей (въ 1893 г.) первое засѣданіе уже реформированнаго
скаго собранія, полное и блестящее удовлетвореніе.

Этимъ короткимъ очеркомъ взаимныхъ отношеній губернскаго земства
министраціи въ продовольственномъ дѣлѣ я до нѣкоторой степени
ачиваю долгъ печати по отношенію къ органу нашего земства, надъ
орымъ одно время тяготѣли тяжелыя и незаслуженныя обвиненія, до
ъ поръ еще кое-гдѣ повторяемыя въ печати. Это не мѣшаетъ, однако,
знать, что внѣ этого и нѣкоторыхъ еще «недоразумѣній» продоволь-
енная коммиссія, какъ совѣщаніе, оказала дѣлу значительныя услуги.
е одна гласность всего продовольственнаго дѣла является чертой, за-
живающей и подражанія, и благодарности. Затѣмъ—привлеченіе обще-
енныхъ силъ и нравственная поддержка всякаго добраго почина, на-
ецъ, умѣніе пользоваться истиннымъ знаніемъ и статистикой—таковы
альныя черты этого учрежденія. Послѣ того, какъ разноголосыя и пест-
показанія людей, которые «видѣли сами», были сведены съ матеріа-
и земской статистики,—коммиссія твердо установила свою точку зрѣнія
стаивала ее до конца, безъ колебаній и уступокъ. Заслуга огромная,
принять во вниманіе отмѣченную уже выше шаткость нашихъ мнѣ-
потрясаемыхъ до основанія каждымъ рѣшительнымъ заявленіемъ от-
наго факта, претендующимъ на немедленное обобщеніе.

IV.

въ губерніи законный хозяйственный органъ, въ
лъ свою компетенцію, и губернская продовольствен-
и представила въ значительной мѣрѣ «пережитокъ»
а, но все же это былъ пережитокъ блестящій и,
ценный»,—настолько блестящій и просвѣщенный, что
) проницательные люди разныхъ лагерей приписы-
характеръ либерализма. Одни говорили это въ по-
кденіе, но намъ кажется, что и тѣ, и другіе были
лификація...
здахъ, и здѣсь, по большей части, не было мѣста
имъ.
ю замѣтною чертой нашего времени слѣдуетъ при-
ь знанію и наукѣ, ко всякой теоріи и правильному
что только выдвигается изъ уровня такъ называемой
ромъ и самомъ непосредственномъ видѣ. Просмотрите
йняго, нынѣ торжествующаго почему-то направленія,
обиліемъ практическихъ псевдонимовъ. Практиче-
ческій хозяинъ, *истинно*-практическій человѣкъ и
хозяинъ, наконецъ, истинно-практическій и вдоба-
овѣкъ и таковой же хозяинъ!... Таковъ этотъ свое-
еремѣщающій центръ тяжести всей аргументаціи въ
сь. Дорогу практическому человѣку, потому что
вропейскихъ теорій и пренебрегъ всѣ законы!—
этого отряда, заполоняющаго прессу и выступа-
современности. Большаго ругательства, какъ «чело-
», для нихъ не существуетъ, но при этомъ каждый
несетъ свою собственную теорію, только это теорія
также, что эта практичная теорія тотчасъ же и на
галкивается неизбѣжно съ другою теоріей, уже не-
ѣ онѣ подвергаются натиску со стороны третьей
русской, вооруженной всѣми эпитетами, которы
юбѣду и одолѣніе... Хаосъ получается, конечно, не
ный читатель улыбается и проходитъ мимо. Въ са
кажется такъ невинно: если эти забавные практи
» друга, то очевидно, что общее имъ всѣмъ притя
ложку всего существующаго во имя ихъ собстве
бразомъ не можетъ подлежать удовлетворенію.
о такъ кажется, читатель! А мы-то, провинціал
рактичныхъ и истинно-практичныхъ господъ въ ви
представляется забавною игрой въ теорію, мы во
ili. «Въ моемъ уѣздѣ я дѣлаю то-то и такъ-то»,-
является намъ эта истинно-практичная мудрос

ѣтномъ столбцѣ, эти мудрости уже поѣдаются взаим-
ѣздѣ каждая мудрость царитъ на всей своей волѣ и
вустоять ея творческой силѣ, пока уѣздъ этотъ «мой»
ъ имѣетъ лишь силу просто какого-то чужого теоре-
... Разумѣется, трудно требовать, чтобъ «я» отдалъ
предпочтительное вниманіе передъ своими.

рацію къ сказанному представляетъ, напримѣръ, тотъ
первый носитель продовольственной диктатуры. У
же есть свои «практики», а у этихъ практиковъ
енная, очень законченная и цѣльная теорія или даже
асти обсѣмененія она провозглашала замѣну остальь. Не такъ давно и уже въ нынѣшнемъ (1893) г. осѣянная теорія» доставила ея автору, васильскому ва, довольно широкую фельетонную извѣстность... Но была ярко отмѣчена указанными выше типическими чертами. Отчего мы обѣднѣли? На этотъ вопросъ еще не такъ давно древніе практически-мудрые старцы отвѣчали: оттого, что перестали считать деньги на ассигнаціи. Оно и понятно: денегъ тогда на счету было больше, а теперь стало менѣе. А въ чемъ же богатство, какъ не въ обиліи денегъ? Отчего у насъ неурожай?—спрашиваетъ авторъ васильскаго проекта, и отвѣчаетъ: оттого, что мы сѣемъ хлѣба, не дающіе большихъ урожаевъ. Просо же родится самъ 20,—«мы были бы давно богаты, если бы сѣяли одно просо!»

Этого мало. Мы видѣли уже, какъ нехитрая деревенская мудрость ъясняла причины недавняго бѣдствія. Телеграфная проволока, винь, генеральское межеваніе... Но самое распространенное и самое «строе» объясненіе касается роскоши, распространившейся въ народѣ.

— Твой дѣдъ ходилъ въ лаптяхъ?—спрашивалъ при мнѣ одинъ строй человѣкъ у переминавшагося съ ноги на ногу мужика.— И хлѣбъ у го родился?...

— Это точно.

— А на тебѣ сапоги?...

— Плохіе, ваше благородіе! Одна только слава, что сапоги будто...

— А, все-таки, сапоги есть, а хлѣба нѣтъ... Понимай теперь самъ!

— Какъ не понять!...

Деревня, въ своемъ смущеніи, сама не прочь порой согласиться съ этимъ ъясненіемъ. Дѣйствительно, прежде ходили въ лаптяхъ и земля родила тьнѣе. Теперь—сапоги, ситцы—и неурожаи...

— Такъ неужто, братецъ ты мой, ежели теперича снять сапоги, земля ть родить лучше?—недоумѣвалъ послѣ этого разговора нашъ простоый собесѣдникъ.

му, конечно, можно простить, тѣмъ болѣе, что его недоумѣніе саможенно и безкорыстно: дѣло шло объ его собственной роскоши (и сапоки-то, дѣйствительно, были совсѣмъ плохіе). Гораздо менѣе прости-

юди, сами щеголяющіе въ ботинкахъ, и говорятъ
въ этомъ *разувательномъ* и *обнажающемъ* напр
сильская продовольственная комиссія почувст
рѣлищемъ народной роскоши.
—говорилъ васильскій предводитель дворянства, авторъ про-
юги со сборами, гармоніи, самовары...
слѣдовалъ выводъ:
родаетъ сапоги, самовары, сарафаны и гармоніи, и только
ераціи васильская продовольственная комиссія признаетъ
ющимъ помощи. Но и затѣмъ, такъ какъ *онъ* пьяница и лѣнтяй,
зорко смотрѣть, чтобы *онъ* не уклонялся отъ работы: хлѣбъ
наче, какъ подъ особыя квитанціи землевладѣльцевъ-нани-
е же заявленіе о томъ, что *онъ* отказался отъ приглашенія
условіяхъ не говорилось,—предполагалось, что условія бу-
никодушныя), должно лишить просителя всякой надежды на

кой комиссіи эта своеобразная теорія потерпѣла жестокое
росѣ даже не спорили. Но затѣмъ: сколько можно выручить
рмоніи,—не послужитъ ли это на пользу однимъ кулакамъ,
давленіемъ уѣздной продовольственной комиссіи, скупятъ
ство» за безцѣнокъ? Наконецъ, что же это за теорія, стре-
о бы то ни стало *раздѣть* и *разуть*?... Не должна ли, на-
но-практичная и, притомъ, самая русская мудрость стре-
, чтобы русскій народъ не только сохранилъ свою обувь
ъ бы современемъ возможность одѣваться не хуже любог
ѣ эти вопросы представители Васильскаго уѣзда не дал
удовлетворительнаго отвѣта, и теорія осталась... для своей
й, Боже мой, сколько должно быть проса насѣяно на ва
хъ! А проповѣдь раздѣванія нашла свою благодарную почв
ши и Рудни, и въ Лукояновскомъ уѣздѣ облеклась въ зл
такъ это называлось впослѣдствіи: «вымаривать» у мужик
тво (не исключая и лишней скотины)...
знако, могло случиться, что система, потерпѣвшая фіаско в
довольственной комиссіи, т.-е. въ центрѣ, все-таки, возь
йствіе на мѣстахъ? Это обстоятельство объясняется опят
обенностями нашей продовольственной организаціи въ «г
Дѣло въ томъ, что уже вскорѣ послѣ возникновенія губер
подъ шумъ борьбы, которую мы описывали выше, въ уѣ
ственное дѣло совершенно ускользнуло изъ рукъ земств
ычайно интересно прослѣдить причины этого явленія,
ишь констатировать фактъ: въ то время, какъ губернск
ало за собой существеннѣйшія продовольственныя функці
ы почти всюду потонули въ составѣ уѣздныхъ коммиссі
зъ подавляющаго большинства земскихъ начальниковъ, по

дного предводителя дворянства. Безъ сомнѣнія, въ зія представляла довольно-таки пеструю картину: дѣ предводители дворянства были также пред- управъ, это перемѣщеніе компетенціи не было осо- хъ—во главѣ дѣла встали совершенно новыя лица, елями коммиссій оказались земскіе начальники, по- вскомъ уѣздѣ, даже изъ другихъ уѣздовъ. И, въ земскія управы являлись лишь передаточными ин- и отъ губернскаго земства хлѣбъ и деньги и тот- ь въ продовольственную коммиссію, которая въ видѣ гг. земскимъ начальникамъ. Все продовольственное вленіе списковъ, опредѣленіе нужды и раздача, т.-е. , существенная часть продовольственныхъ операцій на земскихъ начальникахъ.

довольно неожиданное съ точки зрѣнія закона и Земскія управы, отвѣтственныя и обязанныя по за- фактически. Тѣ, кто велъ дѣло, не были обязаны могли во всякое данное время отказаться и «бро- ь въ Лукояновскомъ уѣздѣ), наконецъ, что самое главное, какъ добровольцы, они не считали себя связанными никакою об- щею системой.

На этой-то почвѣ «практическое знаніе уѣзда» выступило въ Лукояновѣ Починкахъ противъ признанной прежде земской смѣты. Вмѣсто цифръ и актовъ, уѣздная продовольственная коммиссія выдвигала свою неземскую компетентность, а въ качествѣ самаго сильнаго аргумента поражала про- вниковъ соображеніями о «спокойствіи уѣзда», которому, какъ это уже совершенно очевидно въ настоящее время, рѣшительно ничто не угрожало.

Шашки оказались смѣшанными радикально. Въ настоящее время губер- ская управа сдала уже свой отчетъ въ той части операцій, которую вы- полнялъ центральный земскій органъ. Но другая и существеннѣйшая поло- вина операцій до сихъ поръ еще не поддается никакому учету. Въ нѣкото- рыхъ уѣздахъ гг. земскіе начальники, закончивъ необязательную для нихъ работу, связали всѣ относящіеся сюда документы и сдали въ управы. На требованіе отчета получается резонный отвѣтъ, что въ кругѣ обязанностей, начертанныхъ въ уставѣ о земскихъ начальникахъ, составленія отчетовъ для земства не значится. Это, конечно, совершенная правда, и можно лишь пожалѣть, что это обстоятельство упущено изъ вида нѣсколько ранѣе.

V.

Одно время вопросъ о лучшей организаціи продовольственнаго дѣла, давленный министерствомъ, горячо обсуждался въ провинціи не только оффиціальныхъ учрежденіяхъ, но и въ частныхъ кружкахъ. Въ томъ , конечно, и кардинальный вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ въ

администраціи и земства. Мнѣ пришлось присутс
ихъ разговоровъ въ одномъ изъ дальнихъ уѣздо
казываемыхъ собесѣдниками, лежала та печать
ній, которая такъ характерна для нашего перех
о твердыя и недавно еще общепризнанныя т
о и совершенно не на чемъ остановиться. Земство?... Ну, мы
что въ земствѣ не все святые, не все одни только «обще-
ели, сгорающіе желаніемъ общаго блага». Такіе же люди!
Но, во-первыхъ, вѣдь, это чисто-хозяйственныя функціи, а,
ь, и въ полиціи, и въ присутствіяхъ, и въ губернскихъ
въ средѣ земскихъ начальниковъ—тоже люди, а не сплошь
святцы... Гдѣ же выходъ?...
е говорите мнѣ, все-таки, о земствѣ,—сказалъ молодой че-
ій корреспондентъ большой столичной газеты.—Я недавно
губерніи, гдѣ, какъ извѣстно, существуетъ складъ земскаго
е ли: администраціей составлено было при мнѣ 75 прото-
мъ качествѣ приходящихъ по желѣзной дорогѣ партій...
эту исторію,—вмѣшался другой.—Въ нынѣшнемъ году хлѣбъ
орный, и протоколы эти означаютъ только, что хлѣбъ не-
ить, о чемъ предупреждали и земскіе агенты... Однако, если
наличность злоупотребленій... не думаете ли вы, что ваши
говорятъ именно въ пользу оставленія этого дѣла въ ру-
съ?
. Кто же, въ самомъ дѣлѣ, составилъ бы 75 протоколовъ,
былъ закупленъ... тою же администраціей?
не послѣдовало. Въ самомъ дѣлѣ: мы слышимъ теперь такъ
по адресу земства, что порой кажется, будто всѣ грѣхи
напали себѣ мѣсто въ земскихъ управахъ. Ну, а всѣ добро-
вятость неужто пріютились въ канцеляріяхъ и присутствен-
Этого никто не утверждаетъ; наоборотъ, наиболѣе сильны
дресу «бюрократіи» мы слышимъ изъ того же лагеря, к
земство.
я, поэтому, что вмѣсто сравнительныхъ изысканій о людско
тѣхъ или другихъ сословіяхъ и учрежденіяхъ,—изысканій
и количественному учету (ибо число газетныхъ обличен
ько на то, кого въ данное время дозволяется обличать пр
передъ другими),—самый вопросъ нужно бы поставить иначе
не нуженъ въ продовольственномъ дѣлѣ *мѣстный надзор*
мѣстный и широкій, отъ котораго не ускользнули бы подро
только на бумагѣ, но и въ послѣднемъ селѣ или деревн
ь онъ безспорно нуженъ, то кто его долженъ вести?
что для этого необходимы два элемента: одинъ — подлеж
другой — контролирующій и въ дѣлѣ не заинтересованны

йте эти два элемента въ одно,—и смѣшанное учреж-
ованнымъ, станетъ контролировать само себя.

твіи прихотливыя и неожиданныя формы, въ какія отливалась у насъ по временамъ продовольственная организація, я часто думалъ о томъ, какую пользу этому дѣлу могли бы принести тѣ же земскіе начальники, если бы они оставались въ роли, отводимой имъ закономъ. Это не лишало бы ихъ возможности помогать и своимъ совѣщательнымъ голосомъ, и «знаніемъ мѣстной жизни» (гдѣ такое знаніе дѣйствительно было), но, вмѣстѣ съ тѣмъ, между получающимъ ссуду крестьяниномъ и выдающимъ ее земскимъ агентомъ стояло бы еще третье незаинтересованное лицо, ничего не получающее и ничего не выдающее. Тутъ даже легкій антагонизмъ, несомнѣнно проявляющійся по временамъ между двумя учрежденіями, пошелъ бы въ дѣло, и всякія неправильныя и корыстныя дѣйствія того или другого земца находили бы скорѣе даже придирчивую, а въ среднемъ, все-таки, очень полезную критику.

Теперь представьте себѣ того же земскаго начальника въ навязанной ему хозяйственно-исполнительной роли и допустите, что онъ грѣшникъ и стяжатель (возможно, вѣдь, и это!). Сколько у этого грѣшника средствъ подавить всякую жалобу въ самомъ зародышѣ, не говоря уже о томъ, что все сельское начальство находится отъ него въ полной зависимости. Любой старшина или староста не побоится сдѣлать заявленіе о злоупотребленіяхъ земскаго агента, члена управы, порой изъ тѣхъ же крестьянъ. А если грѣшникомъ окажется начальникъ, тогда, по мѣткому предсказанію Петра Великаго, «первѣе станетъ тщиться всю коллегію въ свой фарватеръ сводить... А видя то, подчиненные въ какой роспускъ впадутъ»...

Бывало, къ сожалѣнію, бывало въ «голодный годъ» и это.

Вл. Короленко.

ре совершенствованіе и измѣненія общественныхъ формъ.

ду новой книги Тарда: *Les transformations du Droit.* Paris, 1893).

I.

торіи человѣчества эпохи высшаго напряженія энергіи и дѣятельноляются періодами покоя, который по наружности можетъ казаться ью. Но это сравненіе цѣлаго общества съ отдѣльною личностью и поверхностно. Усталость отдѣльной личности объясняется истомускульной и нервной силы, употребленной на работу, и необхобозстановить эту затрату. Въ обществѣ же, гдѣ работа однихъ смѣняется работой другихъ, такая физіологическая причина не играть существенной роли, за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ: внѣшней и гражданской войны, гдѣ расходуются силы обширссъ, теряющихъ безчисленныя жертвы. Періоды покоя или застоя инаго можно бы объяснить тѣмъ, что временный подъемъ энергіи остиженію извѣстной цѣли, именно той цѣли, которая вызвала дъемъ. Таковъ, напримѣръ, религіозный подъемъ въ эпох XVI в. Но часто періодъ покоя или застоя наступаетъ ь достигнута, а, наоборотъ, когда она отодвинулась ещ была до подъема.

дно, что въ такихъ случаяхъ причины лежатъ глубже, ь болѣе интеллектуальный или психическій, т.-е. вызванъ зочарованіемъ, утратой вѣры въ свои силы или въ ятно, что и леченіе такой апатіи должно быть интеллект кое, т.-е. болѣе тщательный, сдѣланный на-ново разборъ аловъ, ихъ реабилитація, или же ихъ переработка и про ихъ значеніе—въ цѣломъ, или же въ нѣкоторыхъ частя бы тамъ ни было, но въ такія эпохи особенное вліяніе аоборотъ, не бодрящія и возбуждающія увѣренность м теоріи успокоенія (квіетизма), вообще міросозерцанія, то езности личныхъ усилій, о «суетности міра сего» и е

общую апатію, подкрѣпляя теоретическою, а вѣдью, то самочувствіе безсилія и слабости, которое и безъ того влечетъ къ покою, къ инерціи.

Обыкновенно, эта теоретическая санкція застоя является въ двухъ формахъ и дѣйствуетъ, такъ сказать, «въ два кнута», которыми и загоняетъ успѣшно человѣческое стадо въ его мрачныя стойла. Одинъ кнутъ, являясь въ видѣ обширныхъ міровыхъ системъ, прямо или косвенно отрицаетъ значеніе личности въ исторіи, которую сводитъ на какой-нибудь процессъ, не зависящій отъ воли человѣка, наприм., на развитіе «міровой воли» и «безсознательнаго», какъ у Шопенгауэра и Гартмана, или на какую-нибудь одностороннюю и узкую формулу механической эволюціи, вродѣ *дифференціаціи* Спенсера, по которой явленія общественной жизни сами собой плывутъ впередъ по извѣстному ложу. Это ложе постоянно развѣтвляется, раздѣляется, дифференцируется. Личность тутъ почти не причемъ.

Это одинъ кнутъ. Онъ созданъ иногда на совершенно иной почвѣ, въ иную эпоху и могъ имѣть самъ по себѣ иное назначеніе, но въ эпоху застоя и апатіи онъ съ жадностью подхватывается, какъ удобное средство самоуспокоенія, хотя еще наканунѣ на него никто не обращалъ вниманія. Изъ предмета равнодушія и насмѣшливыхъ улыбокъ онъ становится силой, предметомъ поклоненія, съ которымъ нужно считаться, противъ котораго слѣдуетъ бороться.

Другой кнутъ направляется уже прямо на личность: онъ тоже представляетъ теорію, но теорію, не касающуюся общества и законовъ его развитія, а теорію, имѣющую дѣло съ личностью; эта теорія говоритъ, о общественныя формы—ничто, что ихъ даже и не существуетъ въ реальной дѣйствительности, что онѣ только наша абстракція отъ нашихъ же ношеній другъ къ другу. Поэтому надо думать только о личности, о бственномъ усовершенствованіи и добродѣтельной жизни.

Какъ реакція противъ этого второго кнута,—реакція весьма понятная вызванная хорошимъ, энергичнымъ чувствомъ, — является обратя крайность — полное игнорированіе, а иногда даже отрицаніе *личй выработки* или самосовершенствованія. Все вниманіе обращается на щественное совершенствованіе и по большей части вовсе не потому, бы не признавалось значеніе личной выработки и нравственной вы-ты въ общественной работѣ, а просто въ жару спора, въ увлеченіи растью, вызываемой боязнью успѣха противниковъ, успѣха, грозящаго большимъ застоемъ. Лукъ перегибается свыше мѣры.

нтересно сравнить отношеніе къ вопросу о личной выработкѣ въ усталости и покоя и въ эпоху подъема энергіи. За примѣрами хоне далеко. Извѣстно, что 60-е годы были у насъ эпохой подъема и энергіи, и посмотрите, какъ относился къ этому вопросу одинъ выдающихся представителей той эпохи: идеальный герой его романа ько «ригористъ», самымъ точнымъ образомъ опредѣлившій весь свой

жизни, даже свою пищу такъ, чтобы они не превыша
жизни и режима обыкновеннаго рабочаго, но онъ, кромѣ того,
чѣмъ приняться за общественную работу, занять выработкой
ми, своей выносливости, онъ «спитъ на гвоздяхъ». Конечно, это
на гвоздяхъ»—только аллегорія, которой авторъ хотѣлъ пока-
акой трудный предварительный искусъ «самосовершенствованія»
, пройти каждый, кто желаетъ посвятить себя серьезной обще-
дѣятельности.

отримъ теперь, какъ въ наше время относятся къ тому же само-
нствованію. Правда, надо оговориться: самосовершенствованіе
мянутаго идеальнаго героя имѣло прямою цѣлью общественную
а то самосовершенствованіе, противъ котораго борятся те-
ть, до извѣстной степени, искусство для искусства: его цѣль въ
совершенствованіи. И такъ, условія задачи различны. Но и въ пре-
этихъ различныхъ условій перегибаніе лука опасно. Преслѣдуя
аго зайца, иногда можно вытоптать поле. Борясь противъ второго
казаннаго нами выше, т.-е. противъ проповѣди самосовершенство-
акъ искусства для искусства,—не опасно ли нападать *вообще* на
ку и самосовершенствованіе личности? Не нужно ли, наоборот
ивать это стремленіе, но только указывая ему его истинныя цѣл
-дняхъ, въ одной довольно симпатичной газетѣ, *всѣ* личности
личія, стремящіяся къ самосовершенствованію, названы «ренег
Въ одномъ очень симпатичномъ журналѣ и очень симпатичны
мъ сдѣлана попытка заступиться за этихъ «bêtes noires» наш
ю это такая защита, отъ которой не поздоровится. Авторъ гов
о не стоитъ черезъ-чуръ нападать на этихъ людей (дѣло идет
ляющихся въ такъ называемыя «колоніи» или «интеллигентны
, что эти люди и безъ того (т.-е. и оставаясь «въ міру») не о
бы своихъ силъ общественному служенію, а сидѣли бы въ канц
и конторахъ, строча бумаги и получая болѣе или менѣе крупн
ніе. Почему же бичевать ихъ за то, что они предпочли такой г
жизни сельскую и такому безплодному труду, вредному для зд
Болѣе здоровый и производительный трудъ въ деревнѣ? Эта пер
ке потому полезнѣе, что жизнь этихъ людей дешевле стоитъ общ
ли мы допустимъ даже, что ихъ трудъ будетъ настолько непро
нъ, что не покроетъ даже и части ихъ деревенскаго режима.

ечно, въ извѣстныхъ предѣлахъ, авторъ правъ, и нападеніе н
юдей можно объяснить только причинами, упомянутыми выше.
не вполнѣ правъ: изъ его словъ выходитъ, что самосовершенств
могутъ быть заняты только люди, которые и безъ того ничего б
ли въ городѣ, т.-е. онъ заноситъ всѣхъ безъ различія людей это
одну группу, жалкую и неспособную ни къ чему другому, кро
«стушеваться», спрятаться и избавить общество отъ лишня
къ какъ при этомъ не указывается значеніе личной выработк

ственнаго дѣла, то статья можетъ быть понята
аденія на самосовершенствованіе вообще.
ихъ недоразумѣній, не мѣшаетъ вновь пересмо-
трѣть старый вопросъ о томъ, съ чего нужно начинать,—съ личной ли выработки для общественной работы, или можно прямо приниматься за эту работу, не заботясь о выработкѣ, или же, наконецъ, возможенъ и третій выходъ—соединеніе и той, и другой задачи вмѣстѣ.

Во всякомъ случаѣ, чтобы придти даже къ этому третьему рѣшенію, которое можетъ считаться наименѣе спорнымъ, необходимо сперва реабилитировать вообще задачу личнаго совершенствованія (конечно, не какъ искусства для искусства). Необходимо показать его настоятельную необходимость именно для общественнаго совершенствованія. Повторяемъ, въ жару спора, въ невольномъ увлеченіи весьма почтенными побужденіями, сознаніе этой необходимости значительно пошатнулось въ умахъ. А это далеко не безопасно и, особенно, въ эпохи общей апатіи, когда именно бодрость личности, ея нравственный подъемъ, ея энтузіазмъ и выдержка только одни и могутъ устоять противъ усыпляющаго дѣйствія тѣхъ двухъ кнутовъ, о которыхъ говорилось выше. При такихъ условіяхъ, полное игнорированіе, а тѣмъ болѣе униженіе въ глазахъ людей личнаго совершенствованія (безъ оговорокъ), можетъ само явиться третьимъ кнутомъ, поддерживающимъ общую апатію. Но для реабилитаціи личнаго совершенствованія необходимо сперва реабилитировать самое значеніе личности въ
торіи и въ общественномъ процессѣ.

II.

Посмотримъ, съ этою цѣлью, какъ, т.-е. какими путями, совершается огрессъ права или общественныхъ формъ. Давно стало безпорнымъ, что дѣйствіяхъ человѣка играетъ могучую роль «увѣренность» или, говоря ще, вѣра въ то, *можетъ* ли онъ сдѣлать то-то и то-то. «Вѣра сдвиетъ горы съ мѣста»,—говоритъ вѣковая мудрость. «Вѣра исцѣляетъ бозни»,—говорятъ изслѣдователи гипнотическихъ явленій. «Вѣра въ свою зо или цѣль создаетъ успѣхъ и въ частныхъ дѣлахъ, и въ общественъ прогрессѣ»,—говорятъ многіе соціологи. Но если такъ, то теоріи, подствующія въ ту или иную эпоху относительно прогресса и тѣхъ пу, какими онъ совершается, должны играть важную роль въ быстротѣ замедленіи самого прогресса,—конечно, въ томъ случаѣ, если человѣкая личность играетъ въ немъ какую-нибудь роль.

Повидимому, въ этой роли личности никто не сомнѣвается. Однако, не вполнѣ такъ. Есть міросозерцанія и направленія мысли, которыя мо или косвенно уничтожаютъ значеніе личности въ процессѣ общеинаго развитія. И вотъ эти-то теоріи или міросозерцанія, подрывая у во вліятельность (или эффективность) личныхъ усилій, являются одизъ существенныхъ причинъ застоя или замедленія прогресса въ нѣные эпохи.

Это вліяніе міровоззрѣній, порождающихъ личную апатію, было бы еще сильнѣе, если бы рядомъ съ ними не было другихъ, противуположныхъ, и если бы человѣчество жило только подъ вліяніемъ теорій, а не возбуждалось къ дѣятельности неудовлетворенными и непреоборимыми потребностями, ломающими всякія теоретическія предубѣжденія.

Но хотя, въ концѣ-концовъ, потребности и могутъ побѣдить теоріи или міросозерцанія, порождающія застой, однако, каждому ясно, что эти теоріи—тормазъ очень могучій, который можетъ иногда сдерживать и парализировать потребности на цѣлыя столѣтія. Вотъ почему критическая борьба со всѣми подобными міросозерцаніями въ высшей степени плодотворна. Здѣсь было бы весьма не безполезно сдѣлать краткій и общедоступный разборъ основныхъ міросозерцаній этого типа, но я боюсь, что моя статья черезъчуръ растянется. Въ виду этого, займусь краткимъ изложеніемъ того интереснаго фактическаго матеріала, который даетъ намъ Тардъ въ своей новой книгѣ, борясь, главнымъ образомъ, съ новѣйшею теоріей *однолинейной, механической эволюціи общества.*

Эта теорія, которую Тардъ приписываетъ послѣдователямъ Спенсера (не самому Спенсеру), является опасной для прогресса по своей распространенности и внѣшнимъ научнымъ пріемамъ. Тардъ довольно успѣшно разбиваетъ на спеціальной юридической почвѣ призрачную ученость этой школы. «Съ нѣкоторыхъ поръ,—говоритъ онъ на стр. 2 своего «вступленія»,—введеніе въ уголовное право дрожжей дарвинистическихъ, эволюціонистскихъ и антропологическихъ породило кризисъ, который распространяется съ крайнею быстротой и уже достигъ до самаго гражданскаго пра

Тардъ борется не съ самыми изслѣдованіями древняго права, онъ примѣръ, ставитъ высоко Мэна и цѣлый рядъ серьезныхъ историческихъ работъ, раскрывшихъ намъ прошедшее развитіе права у египтянъ, ассирійцевъ, семитовъ, германцевъ, славянъ и т. д. Но эти изслѣдованія породили скороспѣлую школу съ торопливыми обобщеніями, имѣющими только по внѣшности научный характеръ.

«Къ несчастью,—говоритъ Тардъ,—исторія и археологія, повидимому всего менѣе озабочиваютъ послѣдователей Герберта Спенсера: они, принявъ здѣсь какую-нибудь общую формулу эволюціи,—этотъ магическій ключъ отъ вселенной,—считаютъ *объясненіемъ* свое чистое и простое *примѣненіе*.

«Здѣсь, какъ отчасти всюду въ соціологіи, много злоупотребляютъ картами; начиная съ Спенсера, который, главнымъ образомъ, пользовался эксплуатаціей этого рудника съ весьма неочищенными минералами, существуетъ нѣсколько анекдотовъ, всегда однихъ и тѣхъ же, приписываемыхъ нѣсколькимъ американскимъ, африканскимъ и океанійскимъ племенамъ; эти анекдоты путешествовали въ соціологической прессѣ и будутъ еще долго появляться въ ней подъ различными этикетами. Безъ малѣйшей тѣни доказательствъ,—если не считать доказательствами поверхностныя наблюденія,—эволюціонисты добились полнаго довѣрія къ апріорной идеѣ, что *примитивное общественное состояніе* (или точка отправленія и

одинакова у всѣхъ дикарей. Между тѣмъ, нѣтъ глаза на глубокія несходства, представляемыя теже самыми низшими; словесные корни, грамматическіе обороты ихъ языковъ, ихъ обряды и вѣрованія, зародыши ихъ деспотическаго или патріархальнаго управленія, ихъ мирные или воинственные нравы,—то кроткіе, то кровожадные, то честные, то развращенные,—ихъ музыкальныя мелодіи, зародыши ихъ живописи,—различны вполнѣ и во всемъ».

Но даже и эти различія выставляютъ какъ доводъ эволюціи, видя въ нихъ только различныя ступени ея. Наоборотъ, замѣчаемыя сходства между племенами объясняютъ самостоятельнымъ и самопроизвольнымъ развитіемъ, одинаковымъ въ разныхъ мѣстахъ; при этомъ не дѣлаютъ даже попытки провѣрить, не образовались ли эти сходства путемъ столкновеній и заимствованій, а вовсе не обязаны «пресловутой формулѣ *единой и необходимой* эволюціи» (стр. 8).

Однако, самъ авторъ признаетъ эволюцію. Цѣль его книги именно въ томъ и состоитъ, чтобы «набросать или указать основныя черты эволюціи права, *но понимаемой, какъ высшая и сложная работа соціальной логики*» (стр. 10). Далѣе мы увидимъ, что̀ понимаетъ Тардъ подъ терминомъ «соціальная логика», а теперь опредѣлимъ точнѣе его разногласія съ «эволюціонною юриспруденціей». Онъ обвиняетъ ея представителей въ томъ, что, «поглощенные своей idée fixe, они подъ вліяніемъ ея должны неизбѣжно: во-первыхъ, преувеличивать число и значеніе случаевъ совпаденія явленій права въ разныхъ мѣстахъ; во-вторыхъ, они должны относить эти сходства, вѣрныя или ошибочныя, къ самопроизвольному (спонтанному) процессу эволюціи, не пытаясь объяснить нѣкоторую законную часть ихъ подражаніемъ или заимствованіемъ».

Такимъ образомъ, работа Тарда особенно дорога намъ именно потому, мъ рядомъ тщательно и фактически провѣренныхъ данныхъ она ъ весьма популярную теорію «спонтанной» или самопроизвольной права или общественныхъ формъ. Тардъ ставитъ на мѣсто этой неизбѣжности *человѣческую*, разумную инициативу, «соціальную т.-е. расчищаетъ мѣсто для личности и ея дѣятельности, узурпи- «роковыми» формулами эволюціонистовъ.

III.

не будемъ утомлять читателей-неспеціалистовъ подробнымъ изловсѣхъ частей книги Тарда, разбирающаго постепенно сперва трансуголовнаго права, затѣмъ—процессуальной стороны, далѣе—юри- положенія личности, въ томъ числѣ—различныхъ формъ семьи, затѣмъ права собственности и, наконецъ, правъ по обязатель- Изъ всѣхъ этихъ отдѣловъ читателю-неспеціалисту, вѣроятно, ин- другихъ сдѣланный Тардомъ разборъ нѣкоторыхъ теорій относи-

семьи и права собственности. Им
но въ остальныхъ отдѣлахъ Тар
ъяснить простыми заимствованіям
народовъ, въ которыхъ эволюц
самостоятельнаго и независимаго
ть указываетъ на преувеличеніе с
ность той смѣны различныхъ ф
установить эволюціонисты, польз
ностнымъ отношеніемъ къ фактам

увидятъ сейчасъ наглядно его пр
, къ которымъ я и перейду теперь.
давно явилось нѣсколько изслѣ
рыя изъ этихъ изслѣдованій, благо
татьямъ, дошли въ общихъ чертах
вѣроятно, слыхали о трудахъ Б
оря уже о Гербертѣ Спенсерѣ и М
ь, работа Штаркэ, весьма мало ра
я по своей обширной эрудиціи и
нутыхъ выше. Всѣ эти теоріи м
ны другъ съ другомъ, и, тѣмъ не
аются, опираясь на нихъ, выстав
я и развитія семьи,—гипотезу, ста
: въ началѣ семьи лежало смѣше
ля выраженія научнаго понятія,
), затѣмъ слѣдовало материнское
матери въ семейномъ правѣ, и, на
Разсмотримъ сперва, на какихъ
Джіузеппе д'Агуанно, въ своей к
анскаго права на основаніи резу
ико-соціальной науки *), опирается
ное общество должно было до изв
шло это потому, что пещерная жи
водиться отдѣльными хозяйствами.
ежды, ни собственности, ни посто

сперва эти соображенія. Прежде
лодиты не имѣли постоянныхъ во
ютъ, Ларте (Lartet), Ратто и многі
я въ пещерахъ изваянныя палки
верстій на этихъ палкахъ объясня

* *l'evoluzione del diritto civile secondo le
sociale* (Turin, 1890).

троглодитовъ различныхъ степеней власти, т.-е. іерархіи. Раздѣленіе труда доказывается разнородностью предметовъ ихъ каменной утвари, и, кромѣ того, можно считать доказаннымъ существованіе среди нихъ обмѣна съ отдаленными мѣстами, такъ какъ въ пещерахъ встрѣчаются предметы, сдѣланные изъ такихъ камней, какихъ нѣтъ по близости въ окружающихъ горныхъ породахъ. Они имѣли и одежду, такъ какъ въ пещерахъ найдены орудія для рѣзанія кожъ и костяныя иглы для ихъ сшиванія. Такимъ образомъ, можно допустить, что у нихъ была и собственность. Наконецъ, пещерная жизнь не могла мѣшать устройству отдѣльныхъ хозяйствъ или семей, которыя могли помѣщаться въ отдѣльныхъ пещерахъ.

Мысль о смѣшеніи половъ, т.-е. общности женъ или «гетеризмѣ», развивалась еще ранѣе Бахофеномъ. Въ доказательство всеобщности и первобытности этого состоянія семьи указываютъ, наприм., на индусское племя наировъ. Но ихъ общественное положеніе крайне далеко отъ примитивнаго: у нихъ, наприм., есть каста «благородныхъ». Штаркэ, о которомъ мы упомянули выше, доказываетъ въ своей книгѣ *Примитивная семья*, что состояніе, въ какомъ мы находимъ наировъ, есть результатъ долгой эволюціи.

Другой фактъ—священная проституція въ Вавилонѣ, обязательная для всѣхъ женщинъ разъ въ жизни,—приводится также какъ остатокъ болѣе древняго состоянія, когда всѣ вавилонянки принадлежали всѣмъ мужчинамъ Вавилона. Но, по этому религіозному обычаю, женщины должны были отдаваться *только иностранцамъ*, и этотъ обычай былъ культомъ богини любви.

Тардъ почему-то не воспользовался этимъ фактомъ, чтобы извлечь изъ него доказательства противъ оспариваемой имъ теоріи. Но очевидно, что этотъ культъ есть остатокъ крайняго развитія мужской власти и такого рабскаго состоянія женщины, когда она считалась собственностью и предлагалась гостямъ, какъ вещь, на ряду съ другими предметами угощенія. Этотъ обычай—предлагать гостю жену—и до сихъ поръ сохранился въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Остаткомъ-то именно этого обычая и былъ, очевидно, вавилонскій религіозный обрядъ.

Подобное состояніе женщины рѣшительно несовмѣстимо съ ея предполагаемымъ первобытнымъ главенствомъ или матріархатомъ. Единственнымъ мотивомъ, который могъ бы заставить воинственнаго и звѣрскаго дикаря подчиниться женщинѣ, могла быть только страстная любовь. Но ее нельзя предположить при такомъ положеніи женщины, когда она не возбуждала даже того простого чувства ревности, какое испытываетъ арабъ къ своей любимой лошади. Онъ не предложитъ ее первому встрѣчному, хотя дастъ лошадь изъ табуна. Чувство ревности и любви, очевидно, могло возникнуть только позднѣе, когда женщина стала цѣниться больше, чѣмъ обыкновенная домашняя утварь. Понятно, что о какой-нибудь столь сильной любви, которая могла бы подчинять, здѣсь не можетъ быть и рѣчи. А переходъ отъ такого состоянія къ матріархату совершенно немыслимъ.

е больше говорить въ пользу первобытнаго матріархата обычай, из-
ый подъ именемъ *кувады;* онъ состоитъ въ томъ, что отецъ ребен-
ослѣ родовъ своей жены, долженъ лечь въ постель и продѣлывать
ѣ болѣзненные симптомы, которые пережила супруга, причемъ его
ргаютъ самому мучительному леченію.
ь этомъ обычаѣ видѣли остатокъ обряда, который долженъ былъ со-
ить мужъ, чтобы получить семейную власть, будто бы принадлежав-
прежде матери. Иными словами, когда матріархатъ смѣнился патріар-
ъ, отецъ долженъ былъ сперва дѣлаться фиктивно матерью, чтобы
ому перешла ея власть.
о Штаркэ объясняетъ этотъ обычай гораздо проще: этимъ обычаемъ
ли передать ребенку отцовскія качества, наприм., храбрость.
аконецъ, одною изъ главныхъ опоръ теоріи первобытной общности
является существованіе у нѣкоторыхъ народовъ наслѣдованія по ма-
а также и названія дѣтей по имени матери. При главенствѣ отца
теперь у насъ, наприм.), мы называемся по отцу Иванычами, Юрь-
ми, Михайловичами, а не по матери—Елизаветичами, Марьичами и т. д.
ывали обычаи и въ этомъ послѣднемъ родѣ. Однако, что же они до-
ваютъ? Никакъ не многомужество, а, наоборотъ, многоженство, т.-е.
ствованіе патріархата, когда отцу, имѣвшему нѣсколько женъ и мно-
о дѣтей отъ нихъ, нужно было обозначать, отъ какой изъ матерей
ся тотъ или иной ребенокъ.

ерейдемъ теперь къ общимъ соображеніямъ, опровергающимъ изложен-
ыше взгляды.
странно предполагать смѣшеніе половъ у первобытнаго человѣка, когда
у многихъ высшихъ животныхъ мы видимъ жизнь парами и семью.
ромѣ того, процессъ, рисуемый Бахофеномъ, является совершенною про-
оложностью тому, что мы наблюдаемъ въ исторіи: женщина лишь по-
ино, и особенно въ наше время, пріобрѣтаетъ лучшее положеніе и нѣ-
ое равенство съ мужчиной. И понятно почему: въ первобытныя эпохи
ась больше всего физическая сила, необходимая на войнѣ; она же
ь и право. Совершенно невѣроятно, чтобы дикій и хищный воинъ
бытныхъ временъ подчинился слабой женщинѣ. Еще болѣе невѣро-
такое предположеніе въ виду униженнаго состоянія женщины, какъ
ой собственности, о чемъ мы говорили раньше.
оборотъ, съ развитіемъ единобрачія и любви, соединенной съ нимъ,
вится понятнымъ и лучшее положеніе женщины. Кромѣ того, про-
енный строй общества ставитъ физическую силу на задній планъ,
гая впередъ силы умственныя и нравственныя. При такихъ услові-
возвышеніе женщины не только понятно, но и необходимо. Есть еще
весьма курьезная попытка объяснить измышленное главенство жен-
въ первобытныя времена — ихъ умѣньемъ *колдовать*. Это умѣнье
наводить на мужчинъ такой страхъ, что они передавали своимъ
гамъ бразды правленія и, такимъ путемъ, образовался матріархатъ.

Но читатель, конечно, не потребуетъ отъ меня опроверженія этой дѣтской фантазіи.

Необходимо добавить, что изрѣдка у дикихъ племенъ, наприм., у нѣкоторыхъ африканскихъ бечуановъ, мать семейства присутствуетъ въ совѣтѣ, дѣти обожаютъ ее, какъ у насъ въ Европѣ, и, вообще, она участвуетъ въ правахъ мужа. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ женщина можетъ даже быть главою племени, но все это не доказываетъ существованія въ древности матріархата, совершенно такъ же, какъ его не доказываетъ правленіе въ Англіи королевы.

Въ Азіи есть племя кокчи или кукчи, съ разслабленными, лѣнивыми и подчиненными мужчинами, а между тѣмъ женщины этого племени храбры, энергичны, трудолюбивы. Но такіе исключительные случаи извращенія нельзя, конечно, обобщать на первобытное состояніе всего человѣчества, тѣмъ болѣе, что у дикарей, считающихся теперь самыми низшими,— у бушменовъ и готтентотовъ,— нѣтъ никакихъ признаковъ матріархата.

И такъ, сравнительно высокое положеніе женщины не есть продуктъ первобытнаго состоянія человѣка или состоянія его дикости. Оно, наоборотъ, есть продуктъ общаго прогресса и усовершенствованій жизни и общества.

Но и тутъ Тардъ, слѣдуя своему пріему, предостерегаетъ отъ торопливыхъ обобщеній: «Не вѣрно было бы сказать, что прогрессъ права всегда совершается въ направленіи полнаго освобожденія женщины, постепенно уравниваемой съ мужчиной. Исторія египетскаго права, начиная отъ Птоломеевъ, противорѣчитъ этому черезъ-чуръ общему утвержденію». Здѣсь женщина съ давнихъ временъ пользовалась значительными правами и была очень свободна, но со времени заимствованія египтянами права у грековъ, юридическое и семейное положеніе женщинъ сильно понизилось, согласно греческому образцу. А, между тѣмъ, въ другихъ формахъ жизни Египта греческое право служило дѣлу прогресса.

Віолле указываетъ нѣчто подобное во Франціи, сравнительно съ XIII вѣкомъ.

Общій выводъ, который дѣлаетъ Тардъ изъ этой полемики, таковъ: примитивныя брачныя отношенія были сами по себѣ очень различны: въ одномъ мѣстѣ было единобрачіе, въ другомъ — многоженство, въ третьемъ, можетъ быть, и поліандрія. Если выдвинулось и побѣдило единобрачіе, то вовсе не потому, что къ этому неизбѣжно ведетъ какая-то роковая и неизбѣжная эволюція. Дѣло объясняется, по Тарду, побѣдой надъ другими націями тѣхъ націй, которыя приняли эту высшую форму брака. Трудно сказать, восторжествовала ли бы моногамія, если бы завоеваніе полигамическихъ арабовъ охватило всю Европу.

Вѣроятно, такъ же было и въ первобытныхъ обществахъ: рядомъ могли существовать самыя разнообразныя формы отношеній, какія только была способна придумать человѣческая изобрѣтательность, но, подъ вліяніемъ различныхъ условій, одна форма брала верхъ, вызывая подражаніе и дѣлалась господствующей.

олько разнообразны были формы отношеній, показываетъ самое чіе, которое въ Египтѣ представляло общественный договоръ между ; въ Аравіи, Персіи и въ древній греко-римскій періодъ, а также овъ и китайцевъ, оно было договоромъ купли. Въ Полинезіи, у въ, это — договоръ займа или срочнаго найма; у красновожихъ, у ь евреевъ, это — услуженіе зятя у тестя...

мъ образомъ, жизнь человѣка пробуетъ всѣ пути, какіе можно во- себѣ, а единообразіе достигается только подражаніемъ, сперва въ ъ племени, а затѣмъ и внѣ его.

IV.

ядный примѣръ того же даетъ Тардъ, набрасывая очеркъ возник- и развитія дворянства (тамъ же, глава III, *Regime des Personnes*) видоизмѣненій, какія пережилъ «возрастъ», требующійся въ раз- время и у разныхъ народовъ для совершеннолѣтія.

сительно дворянства Тардъ указываетъ, что въ Римѣ родовое дво- уступило служилому, а во Франціи, во времена Меровинговъ и наоборотъ, служилое дворянство дѣлается родовымъ. Иными сло- олюція можетъ совершаться и такъ, и иначе, смотря по обстоя- мъ и нуждамъ.

особенно любопытна иллюстрація съ возрастами совершеннолѣтія. расты крайне разнообразны: въ примитивномъ Римѣ совершенно- стигалось въ 14 лѣтъ; то же у рипуарскихъ франковъ, вестготовъ, овъ; у англо-саксовъ оно начиналось уже въ 12 лѣтъ. Но, по мѣрѣ цивилизаціи, возрастъ, требуемый для зрѣлости, увеличивается, о у римлянъ достигаетъ современемъ до 25 лѣтъ, у другихъ выше- тыхъ народовъ — до 20 и 21 года. При этомъ замѣчателенъ фактъ: мъ и томъ же мѣстѣ возрастъ, требуемый для совершеннолѣтія, у классовъ значительно ниже, чѣмъ у высшихъ классовъ; наприм., въ нѣкоторыхъ частяхъ Франціи XIII в. крестьянка считалась взрослой ть, а дѣвушка дворянскаго происхожденія — только 15-ти лѣтъ. То же тельно юношей въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Франціи и въ Англіи XVI в ъ объясняетъ эту эволюцію такъ: съ развитіемъ и усложненіемъ ребуется и большая подготовка къ ней, а потому увеличивается , при которомъ можно «выпустить въ жизнь». Оставляя оконча выводы изъ всѣхъ этихъ фактовъ до слѣдующей главы, разсмот зникновеніе и развитіе собственности.

V.

рь стало общимъ мѣстомъ, что первоначально собственность имѣл ъ коммунистическій. Этотъ взглядъ опирается на сохранившееся общинное землевладѣніе въ нѣкоторыхъ горныхъ мѣстностяхъ Швей въ Пиренеяхъ, въ индусскихъ деревняхъ, у насъ въ Россіи, и

Сербіи. Такъ какъ подобныя же явленія встрѣчаются среди дикихъ племенъ Африки, Америки, Океаніи, то было возможно придти къ заключенію о первобытности этой формы и о ея «переживаніи», въ видѣ остатковъ древности, у болѣе цивилизованныхъ народовъ.

Тардъ, на основаніи вѣскихъ данныхъ и соображеній, доказываетъ, что хотя общину и можно считать довольно древнею формой, но, во-первыхъ, не первобытною, а тѣмъ болѣе не повсемѣстною, т.-е. не всеобщею, а, во-вторыхъ, она, какъ и всѣ другія явленія соціальныя, появлялась подъ вліяніемъ самыхъ различныхъ условій, иногда позже, иногда раньше другихъ формъ владѣнія, т.-е. въ ней нѣтъ и не было чего-то обязательнаго для какихъ-либо опредѣленныхъ періодовъ жизни и развитія людей.

Условія, при какихъ могло возникать владѣніе коллективное, общественное или, въ частности, общинное, укладываются приблизительно въ слѣдующія группы: 1) необходимость коллективной борьбы съ природой, когда населеніе еще не велико, изобрѣтеній мало и каждый шагъ въ борьбѣ за существованіе требуетъ соединенныхъ усилій; 2) охотничій и пастушескій образъ жизни, неудобный для личнаго владѣнія землей; 3) вообще малое значеніе личности въ племенахъ, жившихъ тѣсною семейною или родовою жизнью, но въ этихъ случаяхъ общинное владѣніе можно скорѣе считать личнымъ владѣніемъ главы семьи или рода, или племени; 4) наконецъ, въ новѣйшее время, наприм., общее владѣніе посредствомъ компаній имѣетъ огромное распространеніе, соединяя для какого-либо грандіознаго предпріятія (устройства желѣзной дороги, мостовъ, прорытія канала и т. д.) множество отдѣльныхъ капиталовъ при посредствѣ акцій. Къ этому же типу относятся всѣ государственныя сооруженія, служащія для общей пользы гражданъ, включая сюда не только каналы и казенныя желѣзныя дороги, но также крѣпости, пушки, броненосцы и т. д. Всѣ граждане косвенно являются участниками этой общей собственности, стоющей милліарды.

О нашей русской общинѣ Тардъ думаетъ, что она явилась позднѣйшимъ продуктомъ крѣпостного права. О французскихъ общинахъ, весьма распространенныхъ въ XII и XIII столѣтіи и называемыхъ *menages nivernais*, онъ полагаетъ, что онѣ возникли изъ подражанія монастырямъ, какъ разъ въ это время чрезвычайно распространившимся во Франціи. Трудно допустить,—говоритъ онъ,—чтобъ эти общины, какъ и сербская «задруга», могли быть остаткомъ древности, такъ какъ Европа пережила цѣлое тысячелѣтіе вліянія римскаго права, съ его личнымъ владѣніемъ. Римъ же дѣйствовалъ не только своими указами, но и своимъ престижемъ, своимъ очарованіемъ, заставлявшимъ подражать всѣмъ формамъ его жизни.

Добавимъ еще, что попутно Тардъ разбиваетъ и другое общепринятое мнѣніе, будто бы земледѣльческій періодъ человѣчества имѣетъ неизбѣжно своимъ предшественникомъ пастушескій, а пастушескій образуется изъ охотничьяго или рыболовнаго. Могло быть и такъ, и иначе. Напримѣръ, краснокожіе американцы сдѣлались земледѣльцами еще до прихода европейцевъ, не испытавъ пастушеской стадіи, т.-е. перешли къ земледѣлію прямо

яція охотниковъ. У нихъ не было никакихъ домашнихъ живот-
омѣ собакъ, а, между тѣмъ, кругомъ не было недостатка въ жи-
способныхъ къ прирученію. «Почему же на этомъ континентѣ,—
етъ Тардъ,—было такъ мало, а, быть можетъ, и вовсе не было
ъ? Почему, наоборотъ, въ Азіи и Африкѣ пастушеская жизнь
овала и господствуетъ теперь?»—и вотъ что отвѣчаетъ на это:
ная важность историческихъ особенностей (accidents)—*индивиду-*
ригинальность въ дѣлѣ изобрѣтательности здѣсь обнаруживается
ясно». Совершенно то же мы видимъ у полинезійцевъ: они рыбо-
немножко земледѣльцы, но не вѣдаютъ пастушескаго быта и не
никакихъ домашнихъ животныхъ. Интересное соображеніе выска-
Тардъ относительно разныхъ формъ коллективизма, вызывавшихся
самыми разнообразными. Наприм., въ жизни охотниковъ и рыбо-
примѣненіе коллективныхъ усилій требовалось въ весьма различной
смотря по тому, были ли это охотники на слоновъ, буйволовъ и
или на какихъ-нибудь несчастныхъ зайцевъ и козъ; ловили ли
китовъ, или карповъ. Точно также дѣйствовалъ и характеръ
я, смотря по тому, было ли оно интензивное или экстензивное,
ли искусственнаго орошенія, или нѣтъ.

ъ, двѣ основныя причины должны были заставлять режимъ соб-
и значительно измѣняться (все равно, была ли то собственность
ная или личная), это — *прогрессъ изобрѣтеній и прогрессъ по-*
льности среди людей.

орція и характеръ этихъ двухъ причинъ обусловливали разно-
бормъ собственности.

жательность создавала, прежде всего, безпрерывное расширеніе
или соціальныхъ группъ, увеличивая число членовъ, объединен-
вѣстнымъ чувствомъ моральнаго согражданства, которое въ свою
порождалось «продолжительнымъ и сочувственнымъ обмѣномъ по-
(exemples)». Съ другой стороны, постоянное накопленіе изобрѣ-
сающихся прирученія животныхъ и воздѣлыванія растеній, изо-
металлической утвари, вмѣсто каменной, и т. д., вплоть до совре-
величайшихъ научныхъ изобрѣтеній нашего времени,—все вліяло
и косвенно на формы собственности и владѣнія.

горыя иллюстраціи, приводимыя Тардомъ по этому поводу, такъ
ы, что мы не можемъ не подѣлиться ими съ читателемъ.

редварительно, введемъ еще одно маленькое поясненіе взглядовъ
арда: «Слѣдуетъ ли изъ всего сказаннаго,—спрашиваетъ онъ,—
мость *всеобщей однообразной эволюціи права собственности?*
ишь по мѣрѣ того, насколько расширеніе соціальныхъ группъ не-
въ силу закона подражательности и *насколько усиливается про-*
обрѣтательности въ извѣстномъ направленіи, смутно опредѣ-
я потребностями организма и законами человѣческаго ума въ
ъ внѣшними силами» (стр. 92).

Но мы обѣщали привести любопытные примѣры измѣненія различныхъ формъ владѣнія подъ вліяніемъ изобрѣтеній. Возьмемъ, наприм., время, которое требуется для владѣнія какимъ-либо участкомъ земли или иною собственностью, чтобъ это владѣніе перешло въ право собственности *). Это время весьма различно, и чѣмъ народъ менѣе цивилизованъ, тѣмъ оно короче: «у германцевъ, — говоритъ Віолле, — до введенія у нихъ римскихъ идей, оно равнялось одному году. У самихъ римлянъ первоначально оно было отъ одного года до двухъ; позднѣе оно возростаетъ до десяти, двадцати, тридцати и даже сорока лѣтъ». «Я не буду отыскивать всѣхъ причинъ этой эволюціи,—говоритъ Тардъ,—но не очевидно ли, что одною изъ главныхъ былъ прогрессъ искусства и привычка *писать*?» У первобытныхъ, неграмотныхъ людей можно было подтверждать или опровергать давность *только* посредствомъ словесныхъ доказательствъ, а характеръ этихъ доказательствъ становится тѣмъ менѣе достовѣрнымъ, чѣмъ отдаленнѣе время, о которомъ идетъ дѣло.

Ограничимся этимъ примѣромъ, которымъ можно и закончить нашъ бѣглый обзоръ эволюціи собственности, и возвратимся снова къ общимъ взглядамъ и выводамъ Тарда.

VI.

Мы видѣли, что онъ объясняетъ разнообразіе явленій развитія двумя факторами: прогрессомъ изобрѣтательности и прогрессомъ подражанія. Но нельзя ли сказать, что рядъ самихъ изобрѣтеній, слѣдующихъ другъ за другомъ, повидимому, безсвязно и капризно, на самомъ дѣлѣ подчиненъ фатальному пути, хотя по внѣшности этого и не видно? «Трудно найти задачу болѣе неразрѣшимую, — говоритъ Тардъ, — несомнѣнно, наприм., что рѣки движутся впередъ и развиваются; но какой географъ,—если его соединить съ геологомъ,—можетъ подвести подъ одну формулу ихъ безконечные изгибы?»

Въ числѣ разныхъ гипотезъ возможно даже допустить, что за процессомъ эволюціи скрывается руководящій разумъ, невидимо заставляющій изобрѣтенія попадать рано или поздно на неизбѣжныя тропинки, но не тѣмъ, что эти пути прадположены впередъ во всемъ своемъ цѣломъ, въ видѣ единой дороги, а тѣмъ, что онѣ вѣчно разсѣеваются по всѣмъ возможнымъ путямъ «въ безконечномъ пространствѣ осуществимыхъ и не осуществимыхъ возможностей»... Однако, это никоимъ образомъ не значитъ, что потоку открытій навязано единое и неизмѣнное ложе, и что только по этому же ложу должны были течь всѣ удавшіяся начинанія, отъ ихъ далекаго истока и до послѣднихъ устьевъ ультрацивилизаціи. Но это-то и нужно доказать, чтобъ имѣть право утверждать единую формулу юридической эволюціи» (стр. 94). Въ другомъ мѣстѣ онъ добавляетъ: «Міръ, въ своемъ цѣломъ, представляется разсуждающей (человѣческой) волѣ только

*) Владѣніе на основаніи давности, prescripcio.

безмѣрнымъ полемъ *средствъ*, а ей самой принадлежало созданіе *цѣлей*.
ала и создаетъ ихъ, не взирая ни на небо, ни на землю, но при-
лишь къ себѣ самой... и выражается *общественно* въ борьбѣ
зоть откуда черпаются, изъ глубины сердца, то честолюбивыя,
то деспотическія, то героическія вдохновенія».

ности Тардъ касается въ послѣдней главѣ особенно интерес-
ія Спенсера, по которому эволюція вообще и въ частности со-
вершается путемъ дифференціаціи. Противъ примѣненія къ об-
она дифференціаціи у насъ, съ другой точки зрѣнія и задолго
писалъ г. Михайловскій. Тардъ даетъ интересные факты, пока-
историческую неточность этой формулы.

априм., сравнивая исторію французскаго и нѣмецкаго права,
видимому, придти къ заключенію, согласному съ закономъ Спен-
и изъ одного и того же юридическаго состоянія, свойственнаго
анковъ, эти два права разошлись, дифференцировались подъ вли-
ва римскаго и каноническаго, проникшихъ сюда въ очень не-
озахъ. Это расхожденіе было такъ сильно, что, несмотря на
щіяся усилія обоихъ къ законодательной централизаціи, ничего
не произошло въ ихъ движеніи. Приведя еще два-три подобныхъ
какъ будто подтверждающихъ всеобщность закона Спенсера,
зываетъ, что ничего подобнаго не могло бы случиться безъ
ей причины, т.-е. вмѣшательства образца, пришедшаго извнѣ и
) подражаніе. «Какая-нибудь соціальная форма,—говоритъ онъ,—
игія, право, когда она *установилась* (est fixé), т.-е. уравновѣ-
жизнью, способна на безконечную продолжительность, *если ос-
кализированной и замкнутой отъ вторженій: наприм., на
ъ островъ*. Поэтому-то канарскіе берберы, гуанхи сохраняли
когда они были открыты (или вновь открыты), общественное
роглодитовъ эпохи полированнаго камня». Африканскіе берберы,
подвергаясь не однажды воздѣйствіямъ египетской, финикій-
ой и арабской цивилизаціи, преобразовались во всемъ и совер-
частности женщины туарегова пользуются, наприм., такимъ
ь, что господствуютъ въ своемъ семейномъ кругу почти какъ
. дамы, тогда какъ у гуанховъ онѣ остались въ рабскомъ со-
, встати, едва ли способно подтвердить теорію *матріархата*».
ъ мѣстѣ, какъ я полагаю, Тардъ нѣсколько противорѣчитъ се-
шись борьбой съ противниками: онъ говоритъ, что, при условіяхъ
и отъ вліяній другихъ общественныхъ формъ, данная, устано-
форма можетъ господствовать *безконечно*. Но куда же исчезла
гельность? Въ другихъ мѣстахъ книги не видно, чтобъ она
ла исходить отъ какой-либо иной націи непремѣнно: она можетъ
среди того же самаго народа, разъ для этого является та
потребность, о которой мы упоминали ранѣе. Гораздо проще при-
сь вышеприведенную формулу самого Тарда, по которой про-

грессъ юридическихъ формъ зависитъ отъ пропорціи между прогрессомъ изобрѣтательности и подражательности. Очевидно, не одна замкнутость была причиной остановки развитія у гуанховъ: замкнутость мѣшала только притоку изобрѣтеній *извнѣ*. Но она не препятствовала притоку *внутреннихъ* изобрѣтеній. Этого-то элемента и не было, очевидно, у гуанховъ.

Опредѣлить точно взгляды Тарда на этотъ вопросъ не совсѣмъ легко: онъ высказываетъ ихъ осторожно и въ условной формѣ. Такъ, на стр. 172 онъ говоритъ: «Многіе ученые нисколько не затрудняются признать, что потребность перемѣны слаба или совершенно отсутствуетъ у дикарей; нѣкоторые доходятъ даже до того, что приписываютъ имъ «естественный ужасъ» отъ какой-либо перемѣны (фактъ весьма экстраординарный). Но, взамѣнъ этого, ступени цивилизаціи хотятъ измѣрять жаждой новшествъ. Отсюда слѣдуетъ, что общественная эволюція должна быть чрезвычайно медленна въ началѣ и ускоряться съ каждымъ шагомъ впередъ. Однако, если прикладывать эту мѣрку къ каждой отдѣльной отрасли явленій соціальной жизни, напримѣръ, въ частности къ эволюціи языка и религіи, то замѣчается, что истина лежитъ скорѣе въ положеніи противуположномъ этому философскому предразсудку. Въ самомъ дѣлѣ, рождающіеся языки,—наприм., французскій въ X вѣкѣ,—представляются самыми неустойчивыми, наиболѣе перемѣнчивыми; быстрота ихъ возростанія замедляется только въ зрѣломъ ихъ возрастѣ, когда оно останавливается. Не измѣнился ли французскій языкъ гораздо сильнѣе отъ X до XII вв., т.-е. въ двѣсти лѣтъ, чѣмъ потомъ съ XIII по XIX вѣкъ? А послѣ этихъ двухъ съ половиной столѣтій, какія же важныя перемѣны испытала его, такъ сказать, *окостенѣвшая* грамматика?»

Подобное же явленіе быстраго роста вначалѣ и замедленнаго потомъ, когда устанавливается равновѣсіе, Тардъ видитъ и въ христіанствѣ до и послѣ Никейскаго собора, и въ живописи (отъ XV до XVI в. и послѣ XVI в.), и въ трагедіи греческой V в. и т. д., и т. д. «Наше время не представляетъ исключенія: XIX в. обращаетъ, главнымъ образомъ, свой изобрѣтательный геній на промышленность, какъ предшествовавшіяся эпохи направляли его, по преимуществу, на юриспруденцію, теологію, поэзію, архитектуру, живопись, выработку языка... Но не слѣдуетъ думать, что эта горячка будетъ продолжаться всегда. Уже и теперь во многихъ спеціальныхъ производствахъ, достигшихъ сравнительнаго совершенства, почти прекратились изобрѣтенія, не замѣтно улучшеній, — довольствуются только производствомъ и воспроизведеніемъ. Теперь происходятъ, наприм., въ желѣзно-дорожномъ дѣлѣ, только второстепенныя улучшенія».

«Все это объяснимо,—говоритъ авторъ,—если признать, что каждое преобразованіе обязано приливу мелкихъ или крупныхъ изобрѣтеній, такъ сказать, эксплуатаціи новооткрытаго рудника изобрѣтеній. Вѣдь, и этого сорта рудники (т.-е. рудники новыхъ открытій), какъ и всякіе иные, не неистощимы, а, наоборотъ, извлеченіе минераловъ, изобильныхъ въ началѣ, дѣлается, наконецъ, все болѣе и болѣе труднымъ и неблагодарнымъ.

«Этимъ же объясняется, почему у дикарей такъ быстро заканчивается начальный періодъ прогресса: ихъ бѣдныя, маленькія копи, филологическаго и миѳологическаго сорта, насколько они доступны слабому воображенію дикарей, уже давно исчерпаны ихъ предками, извлекшими изъ этихъ рудниковъ свои идіомы, свой культъ, свой соціальный багажъ» (стр. 172—174).

Эти весьма удачныя сравненія не рѣшаютъ, однако, основного вопроса о томъ, могутъ ли, черезъ извѣстный періодъ покоя, вновь возникать эпохи изобрѣтеній, хотя бы въ иномъ направленіи, но безъ вліянія изобрѣтеній, пришедшихъ извнѣ? Или же, исчертавъ свой «маленькій рудникъ», каждое племя навсегда осталось бы затѣмъ въ томъ же состояніи, если бы другое племя, совершившее рядъ открытій въ иномъ направленіи, не пришло ему на помощь?

Впрочемъ, въ ранѣе приведенной формулѣ Тардъ видитъ условіе застоя не въ одной только изолированности данной группы людей, но еще и въ ихъ *локализаціи*, т.-е. отсюда надо заключить, что перемѣна мѣста или внѣшнихъ условій жизни можетъ вызвать и новую изобрѣтательность, а, стало быть, и дальнѣйшій прогрессъ, безъ столкновенія съ другими племенами или, говоря точнѣе, ихъ изобрѣтеніями.

Но почти этотъ же взглядъ проводитъ и Гербертъ Спенсеръ, опредѣляя причины остановки развитія древнихъ цивилизацій. Данное племя, при извѣстныхъ климатическихъ и географическихъ условіяхъ, создаетъ извѣстную цивилизацію, наприм., въ жаркомъ климатѣ. Изобрѣтенія этой цивилизаціи позволяютъ нѣкоторымъ піонерамъ этой цивилизаціи,—или этихъ цивилизацій,—перебраться сѣвернѣе, въ менѣе благопріятныя условія внѣшней обстановки, борьба съ которыми вызываетъ дальнѣйшій, своеобразный прогрессъ.

Въ настоящее время можно сказать, что этотъ прогрессъ, наприм., европейскій, возвращается снова на югъ, т.-е., по закону Тарда, служитъ предметомъ подражанія въ Японіи, Китаѣ и т. п., гдѣ онъ можетъ развить совершенно новыя и неожиданныя формы и, въ свою очередь, вліять на дальнѣйшій прогрессъ сѣверныхъ народовъ.

Мы не вполнѣ передали бы идеи Тарда, если бы не сказали въ заключеніе нѣсколькихъ словъ о томъ, что онъ понимаетъ подъ «соціальной логикой», что ранѣе обѣщали сдѣлать.

VII.

Если человѣкъ есть существо подражательное,—говоритъ авторъ,—*то это потому, что онъ изобрѣтателенъ.* Въ самомъ дѣлѣ, если бы онъ не изобрѣталъ, то и подражать было бы не чему. Но менѣе очевидно другое положеніе Тарда: *если человѣкъ изобрѣтателенъ, то это потому, что онъ логиченъ.* Пояснимъ эту мысль: изобрѣтательность и логика, по мнѣнію Тарда,—одно и то же. Что такое изобрѣтеніе или открытіе, какъ не отвѣтъ на задачу? И этотъ отвѣтъ состоитъ всегда въ томъ, чтобы свя-

или способы дѣйствія, бывшіе до тѣхъ поръ раздѣльными и безплодными, но которыя становятся плодотворными, разъ они приводятся въ отношеніе *средства къ цѣли*, или же мы связываемъ между собою идеи и понятія, которыя, казалось, не имѣли до тѣхъ поръ ничего общаго (наприм., паденіе тѣлъ на землю и тяготѣніе луны къ землѣ, связанныя Ньютономъ), а теперь приводятся въ не менѣе плодотворное отношеніе причины къ слѣдствію.

Правда, случается и такъ, что новое открытіе, стремясь подтвердить или укрѣпить взаимно какія-либо идеи или дѣйствія, или вѣрованія, или желанія, достигаетъ обратнаго результата, т.-е. дѣлаетъ или безполезными, или неудобными предъидущія открытія и, такимъ образомъ, создаетъ новыя противорѣчія. Но тогда заставляетъ себя чувствовать, — болѣе или менѣе сильно, смотря по мѣсту и времени, — потребность лечить эту болѣзнь, согласовать между собою эти частные аккорды. Тутъ наступаетъ работа основателей религій или философовъ—въ области ума, моралистовъ и законодателей—въ сферѣ дѣятельности. И не есть ли эта новая логическая работа въ свою очередь великое изобрѣтеніе, высшее открытіе?

По мѣрѣ того, какъ данный народъ испытываетъ потребность открывать и изобрѣтать, въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова, онъ чувствуетъ также и потребность оригинально связывать, соподчинять свои открытія и тѣ потребности, которыя они въ немъ возбудили. И эти философскія системы, а также и его правовые кодексы представляются грандіозными машинами, дѣлающими такую же честь человѣческому генію, какъ электрическій телеграфъ или формула тяготѣнія. Законодатель по отношенію къ инженеру есть то же, что философъ по отношенію къ ученому. И тѣ, и другіе суть различные работники логики: каждый изъ нихъ отвѣчаетъ по своему предмету на ту могучую задачу, которая, какъ и всѣ другія задачи,

денныя изъ нашихъ потребностей, вновь рождаются изъ этихъ же самыхъ
леній, становятся страстью, затѣмъ ослабѣваютъ, успокаиваются и воз-
даются вновь съ еще большею возбужденностью, а иногда и тревогой
). 191).

Говоря иначе, это значитъ, что «человѣкъ есть существо логическое» и
его потребность систематической координаціи (связи, соподчиненія) об-
аетъ то избыткомъ возбужденія, то слѣдующимъ за нимъ періодомъ
ія, «когда онъ питается нѣкоторое время этими самыми удовлетворе-
ми своими». Среди данныхъ не связанныхъ взаимно понятій примитив-
: арабъ, индусъ, еврей искали ощупью согласія. Вотъ они думаютъ,
нашли его, благодаря религіозному открытію человѣка, считающагося
мъ или полубогомъ, и тотчасъ же ихъ жажда истины, называемая си-
матизированными вѣрованіями, изъ слабой,— какой она была ранѣе,—
новится очень сильной. Логическая работа, произведшая это божествен-
слово, не останавливается на немъ; она продолжаетъ работать надъ
ь, такъ какъ это слово представляетъ нѣкоторыя неясности и, примѣ-
ное къ фактамъ, заставляетъ чувствовать тысячи затрудненій, совершен-

Нужно разсѣять эти сомнѣнія, дополнить гармонію; надъ этимъ
ологи. Они продолжаютъ дѣло основателя своей религіи; какъ
оворятъ только о соглашеніи противорѣчивыхъ данныхъ; эти
нихъ, какъ и для него, суть, съ одной стороны, тексты, а
факты. Затѣмъ, когда всевозможныя средства согласованія
огда лучшія изъ нихъ приняты, теологическій монументъ ка-
дшимъ къ своему увѣнчанію. Но, однако, такъ ли это? Мы
скоро вторгнутся новыя данныя, научныя наблюденія и опы-
в идеи, возбужденныя соприкосновеніемъ съ чужестранными
гсюда возникаютъ новыя усилія для рѣшенія новыхъ задачъ.
в (стр. 194).
исходитъ, когда дѣло идетъ не о вѣрованіяхъ, а о желаніяхъ,
но привести въ гармонію. Желанія, рождающіяся въ человѣкѣ,
язаны, какъ и его идеи. Сдѣлать изъ этого хаоса міръ, пре-
ту безсвязность во взаимную зависимость,—все равно, въ серд-
человѣка или затѣмъ въ соціальной группѣ,— вотъ задача,
вять себѣ первые законодатели, соединяясь часто съ основа-
овъ.

VIII.

кили основныя положенія и доводы Тарда.
о томъ, что они не исчерпываютъ всѣхъ условій прогресса,
имъ даже нужнымъ: вопросъ этотъ такъ великъ и сложенъ,
его окончательнаго рѣшенія теперь было бы болѣе чѣмъ на-
есятки лѣтъ онъ будетъ открытымъ. Но работа Тарда, во вся-
вноситъ въ него новый свѣтъ, даетъ гипотезу, расширяю-
пониманіе общественнаго процесса, а, главное, какъ мы уже
началѣ, она очищаетъ дорогу личному человѣческому творче-
лаетъ человѣка, т.-е. его личность, настоящимъ центральнымъ
прогресса, не исключая изъ этой работы даже и самыхъ ма-
ртныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, если возбудителями прогресса явля-
гатели во всѣхъ сферахъ умственной, нравственной и эконо-
зни, то совершителями прогресса являются массы, которыя
гъ, перенимаютъ, подражаютъ.
ніе, по Тарду, не есть обезьянство. Нѣтъ, мы видѣли, что оно,
твѣ случаевъ, должно быть разумно, потому что руководится
ъ, хотя иногда и смутною, т.-е. двигающеюся ощупью. Несо-
въ исторіи мы можемъ отыскать тысячи примѣровъ, гдѣ, бла-
смутности, этому исканію ощупью, человѣчество перенимало
нужными и необходимыми ему вещами множество не только
, но и вредныхъ примѣровъ. Оно увлекалось иногда не одними
а, правды и мира, но и геніями разрушенія; рядомъ съ Симеи-
ютономъ оно шло за Наполеонами и Бисмарками, но это-то

всего лучше доказываетъ, что въ прогрессѣ есть еще одинъ важный элементъ, который почти не замѣтенъ у Тарда: кромѣ изобрѣтателей и подражателей, есть люди, подготовляющіе и хорошихъ изобрѣтателей, и хорошихъ подражателей. Это—апостолы религіи или популяризаторы лучшихъ философскихъ идей и, наконецъ, научныхъ истинъ и открытій. Ихъ заслуги для прогресса огромны: безъ нихъ и изобрѣтенія могли бы идти въ сторону, не имѣющую ничего общаго съ благомъ большинства, клонясь въ сторону личныхъ эгоистическихъ цѣлей; безъ нихъ — подражательность массъ направлялась бы на явленія уродливыя и вредныя. Здѣсь мы приходимъ снова къ тому, съ чего начали нашу статью: прогрессъ обществъ и ихъ формъ немыслимъ безъ совершенствованія личностей и въ умственномъ, и въ моральномъ отношеніи: моральные идеалы и инстинкты направляютъ изобрѣтательность и популяризацію на благо большинства *) и тѣ же моральные идеалы и инстинкты руководятъ массами въ выборѣ предмета подражанія. Выработка мысли, интеллекта, конечно, не менѣе необходима. Но и то, и другое есть, разумѣется, въ началѣ—личное совершенствованіе.

Чтобы задуматься о какомъ-либо улучшеніи, имѣющемъ цѣлью не личное, а общее благо большинства, а тѣмъ болѣе, чтобы посвятить ему свои силы, свою жизнь, необходимо имѣть и нѣкоторое мужество, и самоотверженіе, и любовь къ людямъ, и сильную волю, и, наконецъ, извѣстные нравственные идеалы или инстинкты, которые заставляли бы не удовлетвориться даннымъ состояніемъ.

И этого мало: общественнымъ состояніемъ можно быть недовольнымъ въ двухъ противуположныхъ направленіяхъ: американскій плантаторъ тоже недоволенъ, но его идеалъ — рабство чернокожаго работника. Онъ также готовъ усиленно дѣйствовать для «улучшенія» общественныхъ формъ (конечно, съ точки зрѣнія его идеаловъ и инстинктовъ). А развѣ какой-нибудь князь Мещерскій—не общественный дѣятель и не «мальконтентъ»? Развѣ онъ не пропагандируетъ «улучшенія» общества сообразно своему идеалу лучшаго, т.-е. всеобщаго господства розогъ?

Не ясно ли изъ этихъ двухъ примѣровъ, что не только самая работа щественная требуетъ предварительной нравственной выработки личности, и направленіе этой работы. У одного нравственная выработка такова, ея идеаломъ становится розга, а вся общественная изобрѣтательность ѣятельность, при таковой выработкѣ, направляется въ сторону идеала, ществленнаго на практикѣ земскимъ начальникомъ Протопоповымъ; у гого нравственная выработка даетъ и другіе идеалы, и другія чувства; ихъ идеаловъ, такихъ чувствъ много, цѣлая лѣстница. Внизу этой лѣстницы—маленькіе идеалы обычно-честной жизни, съ наименьшею суммой зла и да (идеалъ большинства «колонистовъ»), а на вершинѣ болѣе крупные алы общественной дѣятельности и подвиговъ.

---

*) Искусство я считаю отчасти также популяризаціей религіозныхъ, философскихъ, этическихъ и научныхъ идей.

IX.

видѣли, что общественныя или правовыя формы могутъ мѣняться
аботой *личности* или личностей, дѣйствующихъ въ качествѣ изоб-
й, популяризаторовъ и перенимателей. Вліяніе внѣшней природы
себѣ не создаетъ прогресса. Скорѣе можно сказать, что природа
дѣлаетъ, что стремится подавить всякій прогрессъ и самого чело-
о это вызываетъ въ человѣкѣ противодѣйствіе, изобрѣтательность,
съ природой воли, вооружающейся сперва разумомъ, а затѣмъ его
юстающими орудіями—наукой и практическими искусствами.
мы видѣли случаи, когда прогрессъ, повидимому, останавливался,—
ированности и локализаціи племени,—исчерпавъ небогатый рудъ
обрѣтательности даннаго племени. Въ то же время, очевидно, усло-
ы и выработавшіяся формы общества до такой степени отливали
по своему образцу, что она уже не могла идти впередъ, не мог-
рѣтать, или же большинство доходило до такой окоченѣлости, что
воспринимать изобрѣтеній.
бы такой случай повторялся постоянно, то мы очутились бы въ
мъ кругѣ (circulus viciosus), гдѣ личность не могла бы развиться,
измѣнится среда, а среда не можетъ измѣниться безъ измѣненія
. Но этотъ замкнутый кругъ только кажущійся: вѣдь, подобный
южетъ быть, какъ мы видѣли, только при полной изолированно-
вліяній другихъ народовъ, а въ настоящее время это—случай
тельный, почти невозможный: сообщеніе между людьми распростра-
ю всему земному шару. Стало быть, въ нашемъ замкнутомъ кругѣ
олько одна половина: общество не можетъ прогрессировать помимо
ности личности, но личность можетъ прогрессировать и среди не-
шихся формъ, напримѣръ, подъ вліяніемъ извнѣ, благодаря зна-
съ другимъ племенемъ, его литературой и т. п.
мъ словомъ, хотя вліяніе среды и общественныхъ формъ на лич-
есомнѣнно, но оно не абсолютно, тогда какъ измѣненіе обществен-
рмъ зависитъ исключительно отъ личности (если, конечно, устра-
кія вліянія природы, которыя независимы отъ человѣка, но и они,
видѣли, дѣйствуютъ на общество только черезъ личность).
бсолютное дѣйствіе среды и общественныхъ формъ на личность
ается еще и тѣмъ, что при однихъ и тѣхъ же условіяхъ среды и
енныхъ формахъ являются самые разнообразные типы личностей:
и трусы, и мыслители-мудрецы и идіоты. И возникаютъ они не
въ одномъ и томъ же обществѣ, но и въ одной и той же кастѣ,
, профессіи. Очевидно, что условія возникновенія того или иного
личностей не исчерпываются вліяніемъ среды и общественныхъ

да одинъ выводъ: въ дѣлѣ улучшенія общественной среды нельзя
съ общества, не начавъ съ личности. Значитъ, самосовершенство-

ваніе или усовершенствованіе личности есть условіе sine qua non общественнаго прогресса.

Такимъ образомъ, вопросъ можетъ быть только о томъ, какія цѣли должно преслѣдовать самосовершенствованіе личности и ея выработка.

На этомъ можно бы было покончить; однако, мы еще должны отвѣтить защитникамъ противуположнаго мнѣнія, утверждающимъ, будто бы формы общества не существуютъ de facto или отдѣльно отъ личностей, что онѣ будто бы только наше же обобщеніе или, вѣрнѣе, абстракція, отвлеченіе отъ установившихся отношеній.

Этотъ взглядъ на общественныя формы не выдерживаетъ критики. Нѣкоторое подобіе истины у него есть, если мы ограничимся однимъ обычаемъ или *обычнымъ правомъ*. Но и тутъ отождествленіе этого права съ личностью есть только игра словами, и вотъ почему: такъ какъ общество состоитъ изъ личностей, то, конечно, всѣ его невещественныя произведенія, напримѣръ, языкъ, религія, обычное право, вмѣщаются въ личностяхъ, въ ихъ умахъ, привычкахъ, чувствахъ, инстинктахъ, въ ихъ мозгахъ и нервахъ. Но даже первобытный языкъ, какъ и первобытное право, вовсе не есть свободное выраженіе личной воли каждаго. Нѣтъ. Какъ справедливо замѣчаетъ Тардъ,—у котораго мы и заимствуемъ наше сравненіе языка съ правомъ,—слова и формы рѣчи изобрѣтаются единицами и затѣмъ заимствуются массами путемъ подражанія (стр. 204 и слѣд.). Разъ языкъ установился, онъ, какъ и право, становится обязательнымъ, навязывается каждому невольно, съ колыбели. Только этимъ путемъ возможно единство языка, какъ и единство права.

Каждой отдѣльной личности тутъ приходится подчиняться тому, что принято всѣми, или изобрѣсти что-нибудь такое новое, что было бы принято всѣми. Пока изобрѣтеніе, напримѣръ, выдуманное слово, не принято,—оно звукъ пустой, оно не достигаетъ никакой цѣли, такъ какъ цѣль слова есть взаимное пониманіе, а словъ не принятыхъ никто понять не въ состояніи.

Посмотримъ же, сколько условій требуется выполнить, чтобы новое слово или новая правовая форма были приняты.

«Какъ извѣстно,—говоритъ Тардъ,—право и языкъ суть предметы подражательные и рутинные по преимуществу. Здѣсь все происходитъ только вѣчною и сложною игрой трехъ формъ подражанія: подражанія другому, подъ двумя видами — путемъ копированія современнаго образца (*мода*), древняго образца (*обычай*) и, наконецъ, путемъ подражанія себѣ самому (*привычка*)».

Это наглядно показываетъ читателю, что формы общества,—которыя суть ничто иное, какъ *право* или законодательство данной страны,—далеко не составляютъ свободнаго и произвольнаго проявленія или выраженія каждой личности. Говорить, поэтому, о томъ, что хорошіе люди могутъ превосходно жить при всякихъ правовыхъ формахъ, это все равно, что

утверждать, будто бы хорошіе люди могутъ обойтись безъ
ваній въ языкѣ, безъ введенія въ него новыхъ словъ и
соотвѣтствующихъ появленію среди людей новыхъ предмет
нятій, новыхъ отношеній. Конечно, хорошіе люди, да и не
жить» могутъ, но обмѣнъ мыслей и чувствъ между ними
затрудненъ недостаткомъ средствъ выраженія. А это на
будетъ порождать недоразумѣнія и практическія неудобст
жизнь, мѣшающія ея полнотѣ и развитію.

Только въ одномъ смыслѣ,—да и то переносномъ,—моя
нято положеніе, что право или общественныя формы суть
это—въ томъ смыслѣ, что, достигая извѣстной моральной
сти не вынесутъ и формъ, лежащихъ ниже этого уровня
мораль котораго переросла форму рабства, не будетъ вы
какъ общественной формы. Могутъ сказать, что, наоборот
переспіе формы, напримѣръ, рабства, будутъ оставаться
отношеніяхъ рабами еще долго послѣ уничтоженія формы,
жена преждевременно. Но что же изъ этого? Можно сказ
ностью, что даже при своевременномъ уничтоженіи извѣст
торую переросло большинство, прежнія отношенія, напримѣ
освобожденнаго крѣпостного, будутъ продолжаться нѣкот
привычкѣ. Но чтобы уничтожилась привычка, нѣтъ иного
прекратить ея *упражненіе*, т.-е. дѣятельность формы, пост
щей ее вновь и вновь. Съ уничтоженіемъ формы постепенн
привычка. Не измѣняя формы, мы и привычку могли бы
лодой человѣкъ, выросшій подъ строгою семейною властью,
учится жить самостоятельно, если его не перестануть де
чахъ. Выпущенный въ самостоятельную жизнь, онъ сперва
и почувствуетъ себя неловко. Но нѣтъ иного способа сдѣла
(въ практическомъ отношеніи) человѣка зрѣлаго (въ этомъ
А, между тѣмъ, искусственное сохраненіе положенія, которо
зрѣвающія потребности, грозитъ неисчислимыми бѣдами.

Такимъ образомъ, общественныя формы хотя и имѣют
телями личность, но, въ совокупности личностей, называем
они образуютъ какъ бы особую общую всѣмъ ткань. И
ветъ, до извѣстной степени, своею особою жизнью, хотя
общею жизнью, но все же настолько самостоятельно, что не
узка, тѣсна и стѣснительна; иногда, наоборотъ, она дѣлаетс
ностей цѣлаго. Таковы почти всѣ невещественные продукты
виситъ это отъ того, повторяю, что выростаютъ они не
дѣльной личности, а изъ немногихъ, болѣе изобрѣтательны
гими же только перенимаются или помимовольно прививаю

Л. І

Монтескьё *).

(*Ad. Frank:* «Réformateurs et publicistes de l'Europe»).

Духъ законовъ, несомнѣнно, самое великое произведеніе Монтескьё Много ума, таланта, знанія, было потрачено на этотъ трудъ, — громадная эрудиція автора просто поразила его современниковъ. Онъ работалъ надъ нимъ въ теченіе двадцати лѣтъ, то падая духомъ, то снова вѣря, что это ъ его произведеній. Полуслѣпой, онъ уже не былъ въ состояніи диктовалъ большую часть текста. Наконецъ, въ ноябрѣ 1748 г. показалъ міру свое дѣтище, трудъ всей своей жизни, какъ онъ я самъ. Пріемъ, оказанный *Духу Законовъ* во Франціи, не былъ блистателенъ. О немъ заговорили въ парижскихъ салонахъ, но заговорили довольно отрицательно; за то въ Европѣ онъ произвелъ всеобщую сенсацію и вскорѣ былъ переведенъ на всѣ европейскіе языки. Въ енности ополчились на книгу Монтескьё янсенисты. Они подняли цѣбурю, окрестили *Духъ законовъ* названіемъ безнравственной книги, подющей основы государства и религіи. Философамъ XVIII в. она также онравилась. Безусловно вѣря въ непогрѣшимость разума, они готовились создать весь міръ однимъ взмахомъ своего генія и презирали все, что о хоть какое-нибудь соприкосновеніе съ прошедшимъ или настоящимъ. заклеймили Монтескьё именемъ партизана феодализма и стараго порядотступника, который сжегъ все, чему поклонялся когда-то. Во главѣ былъ Гельвецій. Онъ видѣлъ въ книгѣ Монтескьё защиту отживь предразсудковъ, измѣну свободѣ и философіи. Онъ удивлялся, какъ й геній, какъ авторъ *Персидскихъ писемъ*, могъ рыться въ пыли вѣковъ, ламѣ вестготскихъ и вандальскихъ законодательствъ, сравнивалъ его вроемъ Мильтона, блуждающимъ среди хаоса, и предсказывалъ ги- его славѣ. Настанетъ время, говорилъ онъ, и «другъ нашъ Монтескьё, тивъ права на званіе мудреца и законодателя, останется все тѣмъ же яниномъ и человѣкомъ остроумнымъ. Вотъ что печалитъ меня,—онъ бы принести гораздо больше пользы человѣчеству». Мнѣніе Гельвеція

---

*) *Русская Мысль*, кн. VI.

и другіе философы, въ особенности крайніе революціонеры. Но
венные люди и юристы всѣхъ странъ съ Вольтеромъ во главѣ
на *Духъ законовъ*, какъ на *кодексъ разума и свободы*. Какую
преслѣдовалъ Монтескьё въ своей книгѣ? Онъ не шелъ по избит-
дамъ, не подражалъ ни Платону, ни Гаррингтону, ни Кампанеллѣ,
«мудрому» Локку, не стремился найти наилучшую форму правле-
сводъ идеальныхъ законовъ. Онъ не былъ также партизаномъ
порядка, и если авторъ *Духа законовъ* отводилъ такое большое
ударственному строю, законамъ и учрежденіямъ отжившихъ па-
только потому, что старался объяснить ихъ raison d'être въ связи
ающими условіями времени и мѣста. «Я изучалъ людей,—гово-
, — и увидѣлъ, что они руководились не однѣми прихотями въ
омъ разнообразіи своихъ законовъ и нравовъ. Я установилъ прин-
стные случаи подошли къ нимъ, исторіи всѣхъ націй явились
ытатами и каждый особый законъ пришелъ въ связь съ другими
инился еще болѣе общему закону. Мои принципы извлечены не
ъ предразсудковъ, а изъ самой природы вещей». Всѣ міровыя яв-
чинены строгимъ, опредѣленнымъ законамъ: эти законы въ самомъ
, смыслѣ слова суть «необходимыя отношенія, вытекающія изъ
ироды вещей». Всѣ существа духовнаго и реальнаго міра имѣютъ
бенные законы; божество—свои; природа и человѣкъ—свои. Они
ны предвѣчнымъ разумомъ и носятъ безусловный ненарушимый
ь. Но, кромѣ этихъ вѣчныхъ, неизмѣнныхъ законовъ, есть еще
оложительные, которые являются дѣломъ человѣческихъ рукъ,
мъ проявленіемъ человѣческаго разума. Они могутъ быть такъ же
зны, какъ разнообразны цѣли, преслѣдуемыя людьми, какъ разно-
условія ихъ жизни. Человѣкъ въ одно и то же время и продуктъ
самостоятельный факторъ общественной жизни: какъ существо
ое, онъ подчиненъ законамъ природы, какъ существо духовное—
разума и страсти. Онъ оказываетъ извѣстное вліяніе на
законодательство, но въ свою очередь зависитъ отъ у
щей среды. Слѣдовательно, и законы должны находиться въ с
этими условіями, съ климатомъ, почвой и размѣрами стран
жизни народовъ, со степенью ихъ свободы, допускаемою к
ь ихъ религіей, нравами, обычаями, богатствомъ, численно
, съ принципомъ и сущностью ихъ правленія. Я разсмотри
пеніи,—говоритъ Монтескьё,—они и составляютъ то, что
духомъ законовъ.

основная идея его великаго труда. Указать праву каждаг
специфическій характеръ, поставивъ его въ зависимости
кружающей среды, было геніальною мыслью въ вѣкъ раціона
ественнаго права. Правда, не все было ново въ системѣ Монт
до него Гиппократъ и Аристотель развивали мысль о вліяніи
складъ народныхъ нравовъ и учрежденій. Правда, много бы

ва построеннаго и ошибочнаго, но это была первая попытка научнаго изслѣдованія общественной жизни, первый фундаментъ исторической школы права. Многіе упрекаютъ Монтескьё за дѣленіе его книги, изъ котораго трудно понять, чего хотѣлъ авторъ. «Но я согласенъ съ мнѣніемъ Даламбера,—говоритъ Франкъ,—что подъ кажущимся безпорядкомъ царитъ истинный порядокъ». «Изъ тридцати одной книги *Духа законовъ* восемь первыя посвящены внутренней политикѣ, отношеніямъ законовъ и формъ правленія; IX и X — внѣшней политикѣ и международному праву; XI и XII — общей политикѣ, обусловленной свободою гражданъ, политической и гражданской; XIII—свободѣ въ связи съ налогами; XIV—XIX—отношеніямъ законовъ и условій климата, почвы, образа жизни и характера народа; XX—XXII—торговлѣ, промышленности и государственному кредиту; XXIII—вліянію народонаселенія; XXIV и XXV—вліянію религіи на законы и законовъ на религію; XXVI—различнымъ родамъ законовъ, обусловленныхъ природой вещей; XXIX—практическимъ указаніямъ, какъ составлять законы, какъ судить объ ихъ цѣляхъ и послѣдствіяхъ, чѣмъ руководиться при ихъ составленіи; XXVII и XXVIII — исторіи римскаго законодательства; XXX и XXXI—исторіи феодальнаго права. Четыре послѣднія книги носятъ чисто историческій характеръ. Это дѣленіе ясно указываетъ намъ, что Монтескьё имѣлъ въ виду изучить право различныхъ народовъ въ связи съ окружающими условіями среды, пространства и времени. Изложить подробно содержаніе *Духа законовъ* въ рамкахъ небольшой статьи слишкомъ мудреная задача, и потому мы ограничимся только основными принципами его системы права. Начнемъ съ классификаціи различныхъ государственныхъ формъ, которая представляетъ извѣстную оригинальность. Всѣ философы и публицисты, начиная съ Аристотеля, Макіавелли и кончая Вико, признавали три формы правленія: абсолютную монархію, аристократію и демократію; въ первой носителемъ верховной власти является одно лицо, второй — привилегированное меньшинство и въ третьей—весь народъ и большая его часть. Монтескьё нѣсколько видоизмѣнилъ эту классификацію; онъ раздѣлилъ формы правленія на *республиканскую*, подъ видомъ горой объединилъ аристократію и демократію на *монархическую* и *деспотическую*. Въ республикѣ верховная власть принадлежитъ всему наду или части его; въ монархіи—одному лицу, управляющему на основніи установленныхъ законовъ, въ деспотіи—личному произволу одного ца. Деспотизмъ, какъ его понимаетъ Монтескьё, говоритъ Франкъ, не могъ даже названія формы правленія: это какой-то грубый произволъ, возтный какъ временное явленіе, но не какъ прочная форма человѣческаго цежитія. Тотъ же деспотизмъ, который существуетъ въ дѣйствительности я бы на Востокѣ, мало чѣмъ отличается отъ абсолютной монархіи. У о есть также свои законы, являющіеся продуктомъ воли монарха; онъ , далъ, онъ можетъ ихъ взять. Вольтеръ правъ, когда говоритъ, монархія и деспотія — два близнеца, до того похожіе другъ на а, что невозможно ихъ отличить. Но еще болѣе грубую ошибку

ьё, когда сливаетъ демократію и аристократію въ одну
шкомъ различны по духу: первая основана на актив-
одныхъ массъ въ дѣлахъ правленія, вторая на привиле-
рочемъ, онъ самъ вскорѣ замѣтилъ свою ошибку и, хотя
вти формы, но каждой въ отдѣльности посвятилъ особый
образомъ, вмѣсто трехъ государственныхъ формъ у него
ре. Что побудило автора *Духа законовъ* отвергнуть прекрас-
ію Аристотеля и замѣнить ее своею? Лабуле старается дать
ь этотъ вопросъ. *Персидскія письма*, говоритъ онъ, мо-
мъ поясненіемъ къ *Духу законовъ*. Они самый надежный
послѣднему сочиненію Монтескьё и не по одному только
Въ CXXXI письмѣ, писанномъ въ 1719 г., т.-е. за 29 лѣтъ
законовъ, Рэди пишетъ изъ Венеціи къ своему другу Ри-
«Болѣе всего возбудило мое любопытство по прибытіи въ
и происхожденіе республикъ. Любовь къ свободѣ и нена-
сохранили за Греціей надолго независимость и содѣйство-
ненію республиканскаго правленія. Греческіе города нашли
Малой Азіи; они высылали туда колоніи, пользовавшіяся
и они, свободою, и послужившія имъ оплотомъ противъ
персидскихъ царей на ихъ независимость. Но это еще не
лила Италію; Италія—Испанію и, можетъ быть, Галлію.
несли съ собою духъ свободы, заимствованный ими въ
въ эти отдаленныя времена мы и не встрѣчаемъ монархій
и въ Испаніи, ни въ Галліи. Все это было только въ
и Африка всегда находились подъ игомъ деспотизма, за
которыхъ городовъ Малой Азіи, о которыхъ мы говорили,
республики въ Африкѣ. *Повидимому, свобода свойственна
ъ народовъ, а рабство духу азіатскихъ.* Цезарь пода-
еспубдику и подчинилъ ее произволу власти. Европа дол-
военнымъ и насильственнымъ правленіемъ,—римская мяг
жестокимъ угнетѣніемъ. Между тѣмъ, съ сѣвера пришл
невѣдомыхъ народовъ, которые, какъ потокъ, нахлынул
инціи, и, найдя столь же легкимъ дѣлать завоеванія, как
рабежи, они подѣлили между собою римскую имперію
евства. Эти народы были свободны; власть ихъ короле
ничена, что эти послѣдніе были, собственно говоря, н
водители или генералы. Такимъ образомъ, эти королевства
ыя при помощи силы, не чувствовали однако же надъ с
геля. Народы Азіи, напримѣръ, турки и татары, будуч
одного завоевателя, думали о покореніи подъ власть эт
ъ подданныхъ и объ утвержденіи надъ ними помощью ор
гвенной власти; народы же Сѣвера Европы, будучи сам
время, когда они заняли римскія провинціи, не дава
ику слишкомъ много власти. Нѣкоторые изъ этихъ нар

..., ..., вандалы въ Африкѣ и готы въ Испаніи, низлагали своихъ королей при первомъ же недовольствѣ ими; другіе стѣсняли власть государей множествомъ различныхъ ограниченій. Многіе изъ знатныхъ пользовались властью, равною съ властью государя; войны предпринимались только съ ихъ согласія; добыча дѣлилась между вождемъ (начальникомъ) и солдатами; въ пользу государя не существовало никакого налога; законы составлялись въ народныхъ собраніяхъ. Вотъ основной принципъ всѣхъ этихъ государствъ, образовавшихся на развалинахъ римской имперіи». «Нельзя безусловно принять, говоритъ Лабуле, нѣкоторые историческіе взгляды, высказанные въ этомъ письмѣ; надо быть персомъ, чтобы думать, что Греція населила Италію, и чтобы говорить *о мягкости римскаго правленія*. Но сущность идеи вѣрна. Республику надо искать только у грековъ и римлянъ; деспотизмъ всегда господствовалъ на Востокѣ, и только въ Европѣ, и притомъ послѣ германскаго нашествія, начинаютъ появляться ограниченныя монархіи. Вотъ три рода правительствъ, о которыхъ говорится въ *Духѣ законовъ*. Классификація Монтескьё не есть классификація философская, какую мы видимъ у Аристотеля, но историческая. Древній міръ, Востокъ, новѣйшая Европа составляютъ три большія массы, на которыхъ онъ сосредоточилъ свое изученіе» *). Два вида монархіи, абсолютную и ограниченную, Монтескьё обособилъ въ самостоятельныя формы правленія,—вотъ въ чемъ его ошибка.

Изложивъ отличительные признаки основныхъ типовъ государствъ, изучивъ ихъ природу, какъ выражается Монтескьё, онъ приступаетъ къ разсмотрѣнію принциповъ, которые должны быть положены въ основу каждаго изъ нихъ. Коренясь въ психическихъ свойствахъ человѣческой натуры, они обусловливаютъ прочность каждой данной формы. Принципъ демократіи—добродѣтель, аристократіи—умѣренность, монархіи—честь, деспотіи—страхъ. Современники Монтескьё сильно упрекали его за слово *добродѣтель*. Онъ принужденъ былъ даже защищаться и объяснять, что имѣлъ виду вовсе не христіанскую, а *политическую добродѣтель* въ духѣ античнаго міра, которая сливается въ представленіи Монтескьё съ патріотизмомъ. И такъ, добродѣтель или патріотизмъ первое и необходимое условіе жизни республиканскихъ государствъ. Законы, являясь при данномъ климѣ продуктомъ народной воли, носятъ на себѣ отпечатокъ всѣхъ хорошихъ и дурныхъ ея сторонъ. Если нація будетъ исполнена патріотизма, если интересы отечества будутъ стоять въ ея глазахъ выше личныхъ интересовъ и справедливость выше мелкихъ страстей, то и законы, изданные ею, будутъ хороши. Если же эти чувства ослабѣютъ, государство придетъ въ упадокъ и на мѣстѣ добродѣтели восторжествуетъ грубый произволъ. Республиканскій принципъ можетъ быть также положенъ въ основу аристократическихъ государствъ: здѣсь роль народа играетъ привиле-

---

*) *Эд. Лабуле:* „О „Духѣ законовъ" Монтескьё". *Историко-политическій и юридическій сборникъ*, изд. Н. И. Лаппанскаго, 1869 г.

являлась носительницей верховной власти; но это не
аристократіи. Она отличалась всегда крайнимъ высоко-
гла огромную пропасть между патриціями и плебеями,
изительнаго состоянія. Она можетъ устоять подъ на-
ыхъ массъ, можетъ существовать лишь тогда, когда
визомъ: умѣренность. Основой монархіи служитъ дру-
имѣющій ничего общаго ни съ добродѣтелью, ни съ
честь. Какъ планетная система, находясь подъ влія-
и центростремительной силы, сохраняетъ полную гар-
рхическое государство ростетъ и крѣпнетъ, если его
итъ чувство чести. Возбуждая въ нихъ стремленіе от-
какъ можно выше по общественной лѣстницѣ, оно
ѣхъ частяхъ государственнаго организма жизненность
овлетворяя личнымъ интересомъ въ то же время со-
благу. Пусть философы и моралисты называютъ это
чести, — не все ли равно, если она ведетъ къ обще-
, деспотіи честь уступаетъ мѣсто страху—единствен-
ь. Передъ деспотами всѣ равны; всѣ склоняются пе-
ѣпномъ молчаніи и трепещутъ за свою жизнь. Вотъ
ринципа, обусловливающіе развитіе и прочность госу-
. Безъ сомнѣнія, говоритъ Франкъ, они являются не-
ми общественной жизни, руководящими началами тѣхъ
льствъ. Но Монтескьё придаетъ имъ слишкомъ безу-
ный характеръ. Возьмемъ для примѣра принципъ до-
бродѣтель составляетъ ея основу: на ряду съ ней сто-
бода. Даже въ республикахъ древности очень часто
лась въ жертву равенству. Стоитъ только вспомнить
смыслъ котораго былъ таковъ: лучше отказаться отъ
овѣка, лишить страну ея лучшаго защитника, чѣмъ
выситься надъ толпой. Новѣйшія демократіи присоеди-
равенства принципъ свободы. Блестящимъ примѣромъ
мъ Америка. Личность, подавленная въ республикахъ
осударства, получила здѣсь свои права. Но въ эпох
ще не существовала и ему пришлось ограничиться в
только сферой республикъ античнаго міра. Что же ка
то ее не мѣшало бы порекомендовать всѣмъ родам
падаютъ въ большинствѣ случаевъ благодаря злоупо
стью.

лассификація Монтескьё, ни принципы, установленны
въ наукѣ. Но въ свое время они имѣли большое зн
законовъ выставлялъ не абстрактную теорію госуда
дую для всѣхъ народовъ, а стремился изучить хара
аждой конкретной формы со всѣми ея особенностя
, и развитіе этихъ формъ, продолжаетъ онъ, об

ловливаются принципами, лежащими въ ихъ основѣ, то и об направленіе законодательства, и система воспитанія должны стро сообразоваться съ ними,—въ этомъ залогъ ихъ прочности. Въ особенности большое мѣсто отводитъ Монтескьё воспитанію, и потому мы остановимся на немъ. Основываясь на историческомъ прошломъ и на своихъ личныхъ наблюденіяхъ надъ настоящимъ, авторъ *Духа законовъ* пришелъ къ заключенію, что каждое государство имѣетъ свою систему воспитанія, которая необходимо должна сообразоваться съ сущностью и принципомъ его правленія. Въ общемъ его идея вѣрна,—говоритъ Франкъ,— государство, конечно, имѣетъ вліяніе на характеръ воспитанія,—но развѣ существуетъ въ дѣйствительности система воспитанія, основанная на одномъ страхѣ, на одномъ чувствѣ чести, на одной добродѣтели? Жизнь показываетъ намъ совсѣмъ другое. Возьмемъ для примѣра хотя бы деспотію. Самый ужасный деспотъ, если, конечно, онъ живетъ не въ дремучемъ лѣсу, не можетъ оградить своихъ подданныхъ отъ вліянія наукъ и искусствъ, проникающихъ въ его владѣнія изъ сосѣднихъ странъ. Онъ не можетъ закрыть доступъ идеямъ свободы и справедливости, не можетъ держать умы и сердца въ полномъ порабощеніи и невѣжествѣ,—а это необходимое условіе деспотизма, какъ говоритъ намъ Монтескьё. Относительно демократіи онъ дѣлаетъ ту же ошибку: онъ требуетъ, чтобы система ея воспитанія строго согласовалась съ принципомъ добродѣтели. А такъ какъ добродѣтель въ его глазахъ есть жертва личныхъ интересовъ, семейныхъ, классовыхъ, общественныхъ, то и воспитаніе должно носить чисто-государственный характеръ. Франція провела эту идею въ жизнь во времена революціи. Конвентъ впервые положилъ основаніе государственному образованію. Бельгія, Пьемонтъ и Испанія послѣдовали примѣру Франціи и вмѣстѣ съ принципами 1789 года переняли и систему воспитанія. Хотя взглядъ Монтескьё и оправдала жизнь, тѣмъ не менѣе, ему можно сдѣлать не мало возраженій, говоритъ Франкъ:—Почему воспитаніе при демократическомъ режимѣ должно быть исключительно государственнымъ? Почему граждане лишены свободы выбора? Неужели коллективный деспотизмъ долженъ явиться на смѣну личному? Да, Монтескьё считаетъ это даже необходимымъ; первое условіе республиканскаго режима—государственное воспитаніе юношества, хотя бы и путемъ насилія: личные интересы должны быть принесены въ жертву общимъ. И въ подтвержденіе своихъ словъ онъ приводитъ намъ Спарту и Критъ. Но онъ забываетъ, что обѣ эти аристократическія республики преслѣдовали одну цѣль—войну, даже не добродѣтель, а жажду славы. Между тѣмъ какъ Аѳины, гдѣ демократическій принципъ былъ развитъ до крайнихъ предѣловъ, не имѣли государственнаго воспитанія.

Промышленныя демократіи, которыя занимаются не исключительно войной, обязаны допустить крайнее разнообразіе въ системахъ своего воспитанія, такъ какъ въ зависимости отъ количества ремеслъ и искусствъ питается успѣхъ изъ торговли и промышленности. Что же касается монархіямъ воспитаніе, по мнѣнію Монтескьё, должно сообразоваться съ прин-

имѣетъ въ виду развитіе скорѣе блестящихъ, чѣ
уши, гордости, тщеславія, внѣшняго изящества, и
т. п. Если бы Монтескьё говорилъ объ одномъ
ъ аристократіи, онъ былъ бы правъ, говоритъ
ого участія въ дѣлахъ правленія въ абсолютной мо
ого, чтобъ отличиться при дворѣ, должна посвящ
ву нравиться, блеснуть остроуміемъ, изяществомъ,
и праздная жизнь Версаля носитъ именно такой
кьё примѣняетъ свои взгляды ко всѣмъ классам
о грѣшитъ противъ дѣйствительности. Даже въ
духовенство, ни буржуазія, ни крестьянство не
мы воспитанія. А англійская аристократія вмѣст
я передъ королемъ, диктовала ему свои законы
ться съ мнѣніемъ палаты лордовъ.
въ Монтескьё, продолжаетъ авторъ книги, кот
для существованія демократіи необходима неб
численнымъ населеніемъ, для монархіи—умѣре
озримое пространство земли. Блистательнымъ о
въ могутъ служить Соединенные Штаты, госуда
орыхъ равна по объему Европѣ. Англія владѣе
іями съ населеніемъ въ двѣсти милліоновъ душ
, крошечную деспотію. Ошибочность взглядовъ Мо
-таки, тѣмъ же, что авторъ *Духа законовъ* былъ
ликами древности и дѣлалъ свои обобщенія на
Но не будемъ останавливаться на критикѣ дет
—онѣ не скажутъ намъ ничего новаго; приведемъ
на причины упадка различныхъ государственныхъ
хъ, когда государства дѣйствуютъ несогласно съ
въ ихъ основу, а во-вторыхъ, когда они злоупотре
о крайности. Если республика уступаетъ мѣсто ра
венству, а монархія оскорбляетъ чувство чести
эти формы гибнутъ въ самомъ скоромъ времени,
—она носитъ въ самой себѣ зародышъ гибели.
гуетъ на ихъ судьбы вторая причина. Если рес
ичества и свободы до полнаго своеволія, а монархі
изма, до взгляда Людовика XIV: l'Etat c'est mo
ю гибель. Государства могутъ процвѣтать и со
огда, когда въ нихъ царитъ добродѣтель на ряду
ръ Монтескьё не упоминалъ ни разу о свободѣ,
ивающемъ жизнь и развитіе государствъ; она н
ъ перечисленныхъ имъ формахъ правленія. Чѣмъ
чиненіе принципа свободы? Дѣло въ томъ,
ъ не считаетъ ни одну изъ помянутыхъ формъ
одного государства. Это вполнѣ понятно,— г

Франкъ,—относительно деспотіи и монархіи, даже относительно аристократіи, которая представляетъ собой замкнутую касту, господствующую надъ порабощеннымъ народомъ; но республику всѣ считаютъ свободнымъ государствомъ, одинъ Монтескьё расходится съ общимъ мнѣніемъ.

Власть народа, говоритъ онъ, не есть его свобода. Политическая свобода состоитъ не въ томъ, чтобы дѣлать то, что хочешь, а въ томъ, чтобъ имѣть возможность дѣлать то, что должно хотѣть, и не дѣлать того, чего не должно. Должно хотѣть всего разумнаго и справедливаго и, наоборотъ, не должно—всего неразумнаго и несправедливаго. Истинная свобода требуетъ, чтобы человѣческія дѣйствія сообразовались съ принципами разума и справедливости, со своимъ правомъ и правами другихъ лицъ, чтобы законы являлись живымъ отраженіемъ этихъ принциповъ и отношеній, а власть—ихъ покорнымъ орудіемъ. Такой порядокъ возможенъ лишь тамъ, гдѣ существуетъ раздѣленіе властей, гдѣ онѣ взаимно контролируютъ другъ друга и такимъ образомъ поддерживаютъ свое равновѣсіе. Есть такая страна, говоритъ Монтескьё, которая поставила своею задачей «осуществленіе политической свободы», и въ подтвержденіе своихъ словъ онъ указываетъ на англійскую конституцію. Для автора *Духа законовъ* она представляетъ высшій идеалъ, вѣчный типъ свободнаго государства, кодексъ разума и свободы. Его взгляды и симпатіи сквозятъ слишкомъ явно сквозь маску равнодушнаго изслѣдованія, когда онъ развертываетъ передъ нами сложный механизмъ государственнаго строя Англіи.

Нужно удивляться, сколько ума и проницательности было у этого человѣка! Понять смыслъ и духъ англійской конституціи, философски обосновать ея принципъ было далеко не легкою задачей: она никогда не была писанной и въ XVIII вѣкѣ ее едва знали въ Европѣ. Монтескьё превзошелъ всѣ трудности и потому его книга имѣла такой блестящій успѣхъ въ Англіи. Извѣстно, какое мѣсто удѣлилъ ей Блэкстонъ, признанный знатокъ англійской конституціи,—въ своихъ *комментаріяхъ на англійское право*.

Отличительный характеръ англійскаго государственнаго строя составляетъ, по мнѣнію Монтескьё, принципъ раздѣленія властей на законодательную, исполнительную и судебную,— это первое и необходимое условіе политической свободы. Принципъ раздѣленія властей далеко не новъ; онъ ведетъ свое начало со временъ *Политики* Аристотеля. Существуетъ даже мнѣніе, будто Монтескьё позаимствовалъ свою теорію раздѣленія властей у Свифта изъ его *Discourse of the Contests and Dissensions between N-bles and the Commons in Athens and Rome*, появившагося за 44 года до изданія *Духа законовъ*. Сходство, дѣйствительно, поразительное, но нѣтъ никакихъ прямыхъ указаній на то, чтобы Монтескьё былъ знакомъ со Свифтомъ, хотя было бы довольно странно, какъ справедливо замѣчаетъ Янзенъ, еслибъ онъ не поинтересовался въ теченіе своего двухлѣтняго пребыванія въ Англіи сочиненіями этого писателя, который пользовался тогда громкою славой. Но для насъ не важно, кто былъ истиннымъ

творцомъ этой теоріи; новѣйшая постановка вопроса о раздѣленіи властей, правда, въ нѣсколько видоизмѣненномъ видѣ, взята не у Свифта, а у автора *Духа законовъ*, и съ нею тѣсно связано не имя англійскаго писателя, а имя Монтескьё. Теорія раздѣленія властей изложена въ XI книгѣ *Духа законовъ*. Вотъ приблизительно ея содержаніе: Въ каждомъ государствѣ существуетъ три рода власти, законодательная, исполнительная и судебная. Въ силу первой издаются законы временные или постоянные; въ силу второй проводятся они въ жизнь; въ силу третьей—наказуются преступленія и рѣшаются тяжбы частныхъ лицъ. Если законодательная и исполнительная власть сосредоточены въ рукахъ одного лица или учрежденія, тогда нѣтъ свободы, ибо всякій разъ можно опасаться изданія тираническихъ законовъ, которые будутъ тирански исполнены. Если судебная власть соединена съ законодательной, тогда нѣтъ мѣста правосудію: судья становится полнымъ господиномъ жизни подсудимыхъ, производя свой судъ надъ ними на основаніи своихъ же законовъ. Если же она соединена съ исполнительной, тогда господствуетъ произволъ: разъ судьѣ дано право примѣнять законъ по своему усмотрѣнію, онъ обращается въ притѣснителя. Исторія прошлаго показываетъ намъ, что les cours prévôtales и commissions extraordinaires старой монархіи, уполномоченные судить лицъ, попавшихъ въ немилость къ монарху, носили именно такой характеръ. И, наконецъ, если всѣ три власти: законодательная, исполнительная и судебная—находятся въ однихъ рукахъ, въ рукахъ ли одного лица или собранія, тогда все гибнетъ и наступаетъ царство тиранніи. Но, къ счастью, подобный режимъ представляетъ исключеніе; онъ существуетъ только въ чисто-деспотическихъ государствахъ. Въ старыхъ же монархіяхъ Европы и въ особенности Франціи монархъ ограничивался всегда однимъ изданіемъ и исполненіемъ законовъ, предоставляя судебную власть особому учрежденію. Такъ какъ всѣ эти власти имѣютъ различныя функціи, то необходимо, чтобы каждая изъ нихъ была вручена спеціальному органу, имѣющему свою организацію. Такъ, судебная власть должна принадлежать учрежденію, состоящему изъ выборныхъ націи, которые сзываются на время суда и смѣняются черезъ опредѣленные сроки. Обвиняемый долженъ имѣть право отвода тѣхъ изъ судей, которыхъ онъ можетъ заподозрить въ пристрастіи и враждѣ. Это—основныя черты суда присяжныхъ, который практиковался въ Англіи съ незапамятныхъ временъ и былъ перенесенъ во Францію послѣ революціи 1789 г. Авторъ *Духа законовъ* только оформилъ его принципъ. И такъ, судебная власть не должна быть вручена постоянному учрежденію изъ коронныхъ судей, а временному собранію лицъ, призванныхъ изъ среды народа. Законодательная власть должна принадлежать всему народу. «Какъ каждый человѣкъ, имѣющій свободную душу, долженъ управлять самъ собой, такъ и весь народъ,— говоритъ Монтескьё,— долженъ располагать функціей законодательной власти». Но такъ какъ это представляетъ извѣстныя неудобства какъ въ большихъ, такъ и въ маленькихъ государствахъ, то этотъ вопросъ долженъ быть рѣшенъ нѣсколько инымъ путемъ:

ласть можетъ быть вручена представителямъ націи, воплощающимъ народную волю. Идея политической свободы неразрывно связана съ идеей представительнаго образа правленія. Вотъ основная черта, отличающая типъ свободнаго государства новѣйшей эпохи отъ республикъ древности и среднихъ вѣковъ. Только при такихъ условіяхъ возможна, по мнѣнію Монтескьё, свобода безъ рабства, только при такихъ условіяхъ она не уступитъ мѣста анархіи и насилію.

Право голоса въ выборѣ представителей должно принадлежать всѣмъ гражданамъ, иначе какой-нибудь классъ общества возьметъ верхъ надъ другими и подавитъ ихъ своею властью. Политическое голосованіе — несомнѣнное право каждаго человѣка, каждаго, «кто не дошелъ до такой степени низости, что даже не въ состояніи имѣть своей воли». Избиратели вправѣ давать своимъ представителямъ инструкціи въ общей формѣ, но отнюдь не въ формѣ велѣній. Желательно, даже необходимо, чтобы послѣдніе были хорошо знакомы съ нуждами и потребностями области, интересы которой они представляютъ; но эти интересы не должны стоять у нихъ на первомъ планѣ и мѣшать ихъ взаимному соглашенію.

И такъ, законодательная власть есть неотъемлемое право народа въ лицѣ его представителей. Но когда осуществленіе этой власти совершается безъ всякаго контроля, она легко можетъ обратиться въ абсолютную власть и для ея регулированія необходима какая-то другая сила, которая была бы въ состояніи удержать ее въ границахъ; роль этой силы и играетъ исполнительная власть. Вполнѣ законно, — замѣчаетъ Монтескьё,— что послѣдней предоставлено право налагать свое veto на законы, изданные первою, и предлагать другіе. Исполнительная власть должна быть сосредоточена въ рукахъ одного наслѣдственнаго монарха, такъ какъ она требуетъ единства и быстроты дѣйствій. Во имя этого же принципа личность короля неприкосновенна.

Въ случаяхъ конфликта между монархомъ и народными представителями, когда первый рѣшительно отвергаетъ законы, проведенія которыхъ настоятельно требуютъ послѣдніе, посредникомъ между ними является спеціальный органъ—верхняя палата. Она такъ же, какъ и палата представителей, раздѣляетъ полномочія законодательной власти, но далеко не въ такомъ объемѣ: ей не принадлежитъ ни право инціативы, ни право утвержденія законовъ,—это непосредственное дѣло націи; она скорѣе играетъ роль тормозящаго начала, связующаго звена между законодательною и исполнительною властью. Такъ какъ авторъ *Духа законовъ* дѣлалъ свои наблюденія надъ англійскими порядками, то вполнѣ естественно, — говоритъ онъ,— что его идеаломъ верхней палаты явилась палата лордовъ, которая съ такимъ тактомъ и умѣньемъ выполняла свою роль. Членами этой палаты должны быть, по мнѣнію Монтескьё, представители древней знати и богатства. Если они не отправляютъ никакой функціи въ государственномъ организмѣ,—замѣчаетъ онъ,—они могутъ быть подавлены народнымъ большинствомъ: «общая свобода будетъ ихъ рабствомъ». Поэтому необхо-

они имѣли право сдерживать поползновенія народа,
оползновенія. Исключая изъ общаго правила палату л
остойною представительницей власти, Франкъ дѣлае
кьё по поводу послѣдняго пункта. Англійскій наро
увствуетъ глубокую признательность къ своей аристо
і большинствомъ своихъ правъ; но не слѣдуетъ сми
ески развитую аристократію, съ придворною знатью
общее правило, взглядъ Монтескьё не выдерживаетъ
нно ей, а никому другому, должна принадлежать
дарствѣ?—вотъ въ чемъ вопросъ. Одно изъ двухъ: и
чается отъ другихъ классовъ общества, кромѣ г
вныхъ традицій, или же она дѣйствительно обладае
ми и наслѣдственными прерогативами, къ которы
тносится авторъ *Духа законовъ*. Въ первомъ слу
о цѣлаго. Законы націи и ея законы, общая свобо
же, наоборотъ, она представляетъ собою обосо
ва, привилегированную касту, то это противно дух
ообходимо устранить ее отъ власти. Это вовсе не зна
анкъ,—что всѣ страны, кромѣ Англіи, должны отк
верхней палаты, — нѣтъ, но ея составъ должен
мало другихъ способовъ разрѣшить этотъ вопросъ,
атель можетъ избрать любой, конечно, сообразуясь
ромъ своего народа. Но не будемъ дольше останавл
ключаетъ Франкъ, — а послушаемъ лучше, что г
е совѣты преподаетъ онъ конституціоннымъ государ
одимое условіе политической свободы, учитъ онъ
сіе властей: ни одна изъ нихъ не должна злоупот
ніями, возвышаться надъ другими и производить и

дставительнаго собранія долженъ смѣняться черезъ
ые сроки: тогда лишь онъ будетъ являться истинн
ественнаго мнѣнія. Такова въ общихъ чертахъ тео
овѣсія властей. Она имѣла громадный успѣхъ въ конц
оложена въ основу современной конституціонной тѣ
права. Но въ началѣ нынѣшняго вѣка обозначилас
и подвергли ее критикѣ, доказывая, что подобная
немыслима на практикѣ. И на примѣрѣ той же Ан
ися Монтескьё, легко убѣдиться, что ея никогда не
йствительности. Члены англійскаго кабинета должн
нами парламента,—вотъ основное требованіе анг
но далеко не совмѣстимо съ принципомъ безусловна
. Министры здѣсь являются въ одно и то же время
ьной, и участниками законодательной власти, совмѣ
Неудачной также оказалась попытка провести стро

французскихъ конституціяхъ 1791 года. Напрасно Мирабо старался убѣдить національное собраніе взглянуть на примѣръ Англіи и отказаться отъ теоретическихъ построеній; оно слишкомъ слѣпо держалось буквы *Духа законовъ*, слишкомъ узко поняло ученіе Монтескьё. Министрамъ былъ закрытъ доступъ въ члены парламента, какъ ни настаивалъ Мирабо на противномъ, и такимъ образомъ министерство очутилось внѣ парламента. Всякая связь была нарушена между исполнительной и законодательною властью и, благодаря тому, что король не имѣлъ права veto, послѣдняя получила перевѣсъ надъ первой и стала къ ней въ оппозицію. Подобное положеніе не могло долго продолжаться и разрѣшилось государственнымъ крахомъ. Конституція VIII года дала слишкомъ большой перевѣсъ исполнительной власти надъ законодательной и достаточно было генія Наполеона, чтобы положить ей конецъ. Но не слѣдуетъ забывать также, какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ былъ нарушенъ принципъ равновѣсія властей, а Монтескьё, считалъ его краеугольнымъ камнемъ политической свободы. Разумѣется, безусловное раздѣленіе властей представляетъ извѣстныя неудобства, разумѣется, оно никогда не существовало въ Англіи,—авторъ *Духа законовъ* ошибался, но это только частность; въ общемъ, въ основѣ его теорія вѣрна, потому-то она и имѣла такой блестящій успѣхъ, потому-то и послужила фундаментомъ современнаго конституціоннаго права. На этомъ собственно и кончается политическая часть *Духа законовъ*. Остается упомянуть еще о гражданской свободѣ, которой Монтескьё придавалъ большое значеніе. Свобода, которою долженъ пользоваться каждый человѣкъ въ организованномъ обществѣ,—говоритъ онъ, облекается въ форму отношеній между гражданами и государствомъ и отношеній гражданъ другъ къ другу; первая носитъ названіе политической свободы, вторая—гражданской. Одна обусловливаетъ другую, хотя и не всегда: бываютъ случаи, когда учрежденія хороши, а законы плохи, и наоборотъ, когда учрежденія плохи, а законы хороши. Несмотря общую зависимость гражданской свободы отъ политической, она подчится еще своимъ, особымъ законамъ. Безъ хорошаго уголовнаго кодекса ыслима гражданская свобода: ея нѣтъ тамъ, гдѣ не обезпечены ни личть, ни имущество гражданъ. Подъ хорошимъ уголовнымъ кодексомъ Монкьё разумѣетъ то законодательство, которое удовлетворяетъ требованіо справедливости. Если, во-первыхъ, наказаніе соотвѣтствуетъ характепреступленія, если, во-вторыхъ, оно пропорціонально размѣру преступія и, наконецъ, въ-третьихъ, если изъ двухъ наказаній, ведущихъ къ й и той же цѣли, отдается предпочтеніе болѣе мягкому, нравственнопередъ физическимъ, тогда оно можетъ быть названо справедливымъ. ь на примѣръ несоотвѣтствія наказанія съ характеромъ преступленія, ръ *Духа законовъ* указываетъ на жестокое преслѣдованіе религіозъ преступниковъ. Интересенъ его взглядъ на эту категорію преступле" потому мы остановимся на немъ. Правда, онъ не оригиналенъ: Монвоспроизвелъ здѣсь только доктрину Локка, но его блестящая ар-

общила ей новую прелесть и силу. Религіозныя преступле-
онъ, существующія только въ идеѣ, должны подвергаться
й карѣ; государство не вправѣ карать ихъ, не вправѣ мстить
Если человѣческіе законы облекутся въ роль мстителей за
право, они утратятъ свой характеръ человѣчности, переставъ
слабостями и несовершенствами человѣческой натуры. И для
свонхъ словъ Монтескьё приводитъ примѣръ жестокой рас-
нымъ провансальскимъ евреемъ, который, по утвержденію
богохульствовалъ надъ Богородицей. Извѣстно, какое влія-
горъ *Духа законовъ* на смягченіе уголовнаго законодательства.
сти онъ является иниціаторомъ: Беккарія и послѣдующая
аторовъ—только его ученики, развивающіе принципы учителя.
никъ свободы и гуманности Монтескьё былъ послѣдовате-
хъ взглядахъ и требовалъ эмансипаціи негровъ. Освобож-
французскихъ колоніяхъ совершилось по указаніямъ *Ду-*
Но это еще не все: Монтескьё не могъ ограничиться одною
ческихъ и юридическихъ отношеній, его обширный умъ за-
едметы со всѣхъ сторонъ и экономическіе вопросы не ус-
его вниманія; онъ отвелъ имъ большое мѣсто въ своемъ
той области былъ такъ же великъ, какъ и въ другихъ. Ла-
иво считаетъ его однимъ изъ основателей политической эко-
акъ онъ первый обратилъ должное вниманіе на значеніе про-
и торговли.

–говоритъ Лабуле,—онъ во многомъ ошибался и раздѣлялъ
своего вѣка: такъ, онъ защищалъ систему протекціонизма и
свобода торговли будетъ ея порабощеніемъ; но, кромѣ пре-
лавъ о *Мнѣ* и ея вліяніи на политику, онъ понялъ, что
ь торговлѣ влекутъ за собою перемѣны во всемъ обществен-
измѣняютъ понятія общества и его учрежденія *). *Духъ*
ался всѣхъ областей знанія. Хотя наше краткое изложе-
олько слабое представленіе о его содержаніи, тѣмъ не ме-
мъ даже и здѣсь, какъ грандіозенъ былъ замыселъ этого ве-
Монтескьё съумѣлъ объединить въ одно стройное цѣлое те-
ику, философію и жизнь, право и исторію,—и тѣмъ положилъ
чному изслѣдованію общественныхъ явленій. Есть, впрочемъ,
й недостатокъ, вслѣдствіе котораго *Духъ законовъ* устарѣлъ
ремени. Лабуле намъ указываетъ на него: «Почти вслѣдъ за
ха законовъ возникла въ мірѣ новая идея и обновила съ-
я прогресса, или лучше—идея развитія и жизни. *Духъ за* »-
въ печати въ 1748 году, а въ 1750 году Тюрго произнесъ
свою *рѣчь о послѣдовательныхъ успѣхахъ человѣческаго у.* г.

лэ: „О „Духѣ законовъ "Монтескьё". *Историко-политическій и юри* -
изд. Ламанскаго, 1869 г.

олодого человѣка высказывается совершенно новая мысль, указывается методъ до него неизвѣстный и проводится линія, раздѣляющая старую науку отъ науки XIX вѣка. Конечно, и Монтескьё зналъ о движеніи человѣчества впередъ; даже древніе подмѣтили, что народы переживаютъ дѣтство, зрѣлый возрастъ и старость. Но Монтескьё не могъ понимать того, что развитіе учрежденій именно и есть жизнь народовъ, и что хорошее вчера можетъ быть дурно сегодня. Отсюда становится яснымъ, почему Монтескьё такъ мало обращаетъ вниманія на время зарожденія идей, обновлявшихъ міръ, и не указываетъ на послѣдовательность ихъ появленія. Оттого въ его книгѣ такъ много абстрактнаго, призрачнаго. При чтеніи ея кажется, что религія, правительство и его виды: республика, деспотизмъ и монархія — составляютъ нѣчто безусловное, суть неизмѣнныя формы, постоянныя силы, носящія въ самихъ себѣ условія какъ величія, такъ и упадка народовъ; а, между тѣмъ, между ними существуютъ рѣзкія различія: Аѳинская республика нисколько не похожа на Спартанскую или Римскую; патріархальное правленіе Китая не то, что турецкій деспотизмъ; французская монархія XVIII вѣка не имѣетъ ничего общаго, кромѣ имени, съ монархіею англійскою, и королевская власть Людовика XIV не походитъ на королевскую власть Людовика XI или Людовика Святого. На это ешеніе временъ, на это непризнаніе законовъ развитія мы теперь смоъ какъ на большой недостатокъ *Духа законовъ*. Но справедливость, ко, заставляетъ насъ замѣтить, что именно произведенія этого велиписателя указали намъ путь и что онъ, различая въ крупныхъ чертахъ ы цивилизаціи, необходимо заставилъ насъ смотрѣть на вещи гораздо е и обратилъ вниманіе на изученіе внутренняго развитія каждаго нан каждаго учрежденія. Каковы бы ни были недостатки въ сочиненіи з *законовъ*, едва ли можно оцѣнить по достоинству услуги, оказанныя человѣчеству и свободѣ. Монтескьё ошибался, конечно, ошибался льно часто, но никто изъ мыслителей XVIII вѣка не завѣщалъ наукѣ много вѣрныхъ взглядовъ и геніальныхъ обобщеній, какъ авторъ з *законовъ*.

И. К—ва.

НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ.

Коренной вопросъ антропологіи.

I.

лѣ августа 1889 года на съѣздѣ германскихъ
Вирховъ произнесъ рѣчь, имѣвшую своею зад
ствующихъ съ тѣмъ, что было сдѣлано антропол
шихъ лѣтъ. Эта рѣчь носила на себѣ странный
ъ одной стороны, крайняго скептицизма съ другой
ее, невозможно получить хоть какое-нибудь удо
акъ то можно видѣть изъ конца рѣчи, отлично со
она должна была произвести на слушателей. П
было положено чисто-научное стремленіе отдѣл
но знаемъ, отъ того, что намъ остается неизвѣстн
и осталось стремленіемъ, потому что многое изъ
но знаемъ, Вирхову угодно было обойти молчаніе
накомства съ этимъ, или по какимъ другимъ при
ть, и, низведя, такимъ образомъ, до минимума и
гвъ, Вирховъ сосредоточился на томъ, чтобы
и до такихъ предѣловъ, которые выводятъ эту
общенія съ идеями эволюціонистовъ или дарв
яетъ въ 1889 году, что вопросъ о происхожденіи
кореннымъ вопросомъ антропологіи; утверждаетъ
ось не найденъ (никто этого и не оспариваетъ), н
нно безнадежно (этого никто не можетъ утверж
на взять перевѣсъ надъ антропологіей собстве
я величайшею задачей является объяснить, какимъ
вѣческія расы и по какимъ причинамъ онѣ пріобрѣ
обенности, сохраняя, въ то же время, ихъ наслѣдс
днее ясно указываетъ, что Вирховъ, подобно м
совмѣстить измѣнчивость организаціи съ постоя
аковъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, изъ многихъ мѣстъ и

то, что Вирховъ не отрицаетъ эволюціоннаго ученія
париваетъ того, что организація человѣка по существу
есть организація животнаго, только говоритъ, что пока у насъ нѣтъ доказательствъ въ пользу близкаго родства человѣка съ какимъ-нибудь *опредѣленнымъ* животнымъ. Тѣмъ не менѣе, рѣчь Вирхова была истолкована, на что и давала нѣкоторое право, въ смыслѣ протеста противъ дарвинизма, и натуралисты, не обладающіе собственными мнѣніями, стали ссылаться на авторитетъ Вирхова въ дѣлѣ отрицанія эволюціоннаго ученія. Еще обильнѣе стали эти ссылки, когда Вирховъ, съ значительными сокращеніями, повторилъ свою вѣнскую рѣчь въ Москвѣ, придавъ своимъ выраженіямъ отчасти характеръ положеній, не подлежащихъ обсужденію, отчасти пророчествъ будущаго. Протекшіе три года, повидимому, еще болѣе усилили убѣжденіе Вирхова, что нечего надѣяться найти промежуточную форму между человѣкомъ и другими животными и что на вопросъ о происхожденіи человѣка
будемъ получать въ отвѣтъ только гипотезы. Къ этому Вирховъ
вилъ еще свои крайне туманныя соображенія о наслѣдственности, на
въ недавнее время остановился болѣе спеціально. Но, само собою раз-
ся, кто бы ни говорилъ о наслѣдственности и что бы ни говорилось
для насъ это никогда не будетъ имѣть такого значенія, какъ мнѣ-
ысказанное даже не особенно авторитетнымъ лицомъ по вопросу о
хожденіи человѣка. Научное значеніе вопроса о наслѣдственности,
ю, неизмѣримо важнѣе значенія вопроса о происхожденіи человѣка;
й есть общій вопросъ, примѣнимый ко всему организованному міру,
—частный, рѣшеніе котораго связано съ господствующимъ взглядомъ
щее развитіе организованнаго міра. Но этотъ частный вопросъ всегда
и еще долго будетъ для насъ имѣть первостепенное значеніе, и по-
мы хотимъ остановиться на немъ здѣсь подробнѣе. Наша задача со-
ь въ томъ, чтобъ изложить первую рѣчь Вирхова, указать поставлен-
ъ ней вопросы и оцѣнить выраженныя въ ней сомнѣнія; далѣе, мы
имъ современное состояніе вопроса о происхожденіи человѣка, при-
нѣнія объ этомъ наиболѣе компетентныхъ зоологовъ, и сообщимъ въ
й формѣ то, что добыто наукой о соотношеніи человѣческихъ расъ.
режде чѣмъ приступить къ нашему изложенію, мы отмѣтимъ то, что
ъ о происхожденіи человѣка, конечно, не подлежитъ рѣшенію антро-
въ: оставаясь кореннымъ вопросомъ антропологіи, онъ можетъ быть
ъ только зоологами и палеонтологами, такъ какъ только въ рукахъ
нихъ можетъ быть необходимый матеріалъ для рѣшенія вопроса о
хожденіи какой бы то ни было группы животныхъ. И если до сихъ
связующія звенья между человѣкомъ и низшими формами не найдены,
имѣемъ никакого права утверждать, что ихъ не будетъ найдено,
неожиданныя блестящія открытія палеонтологіи, о чемъ, кажется,
юлоги забыли.

рховъ начинаетъ антропологическій отдѣлъ своей вѣнской рѣчи съ
ія на то, что за двадцать лѣтъ передъ тѣмъ, когда антропологи со-
чи.

а съѣздъ въ Инсбрукѣ, они всецѣло находились подъ вліяніемъ
инизма и вопросъ о происхожденіи человѣка фигурировалъ на
ѣстѣ. Одни говорили за него, другіе противъ, но всѣ считали его
ішую проблему, рѣшать которую предстоитъ антропологамъ. Но
напоминаетъ, что пока естествознаніе остается естествознаніемъ,
ъ дѣло только съ дѣйствительными предметами. Конечно, извѣст-
еза можетъ обсуждаться, но значеніе она пріобрѣтаетъ только
да за нее приводятся фактическія данныя. Этого,—говоритъ Вир-
э крайней мѣрѣ, по отношенію къ антропологіи, дарвинизму не
остигнуть. Тщетно искали тѣхъ промежуточныхъ членовъ, которые
вязать человѣка съ обезьянами; такъ называемый проантропосъ
ижаетъ оставаться не найденнымъ и потому не подлежитъ изуче-
надежда на его открытіе утрачена въ такой мѣрѣ, что объ этомъ
о говорить, такъ какъ мы живемъ не въ фантастическомъ, а въ
ьномъ мірѣ. Вирховъ заходитъ даже такъ далеко, что прибав-
нашему огорченію, мы ни разу не имѣли возможности д
еніе отдѣльныхъ расъ другъ отъ друга. Тѣмъ не менѣе, п
соотношеніе племенъ дѣлались многократно и путемъ и
въ пещерахъ череповъ и скелетовъ пытались возстанови
торическаго періода. Одни относили первобытнаго челов
ому, другіе къ австралійскому типу, смотря по тому, как
ался за ниже организованный; но какъ тогда, такъ и теп
Бстно ни одного остатка человѣка, стоящаго ближе къ обезья-
ъ современные люди. А въ настоящее время мы настолько хорошо
ъ организаціей человѣка, взятаго изъ любого племени д
ителя Огненной Земли, эскимосы, бушмены и пр., что
но утверждать, что нѣтъ ни одного современнаго племе
ое стояло бы ближе къ обезьянамъ, чѣмъ европейцы. Н
ъ Вирховъ, достаточно, чтобы, пользуясь извѣстнымъ
овъ, устанавливающихъ виды и роды, отдѣлить челов
Вирховъ считаетъ большимъ прогрессомъ въ знаніи и б
современнаго направленія отъ прошлаго—установленіе у
нной линіи, но, признаемся, для насъ во всемъ этомъ ест
о. Начать съ того, что въ видовой, родовой и даже
ческой обособленности какой-нибудь группы нѣтъ ничт
ело бы предположенію объ ея происхожденіи путемъ и
ппы. Если все животное царство разсматривается какъ
ьныхъ формъ, связанныхъ узами кровнаго родства, и, в
шаетъ дарвинистамъ признавать возможность классифика
съ распредѣленіемъ ихъ по отрядамъ, классамъ и тип
что они не могутъ имѣть ничего противъ болѣе или мен
мѣста въ системѣ, занимаемаго человѣкомъ. Одно дѣло—
ивотныхъ нынѣ существующихъ, другое—построеніе гене
а. Даже для признанія видовой самостоятельности того и

имо вымираніе членовъ, связывающихъ его съ
[illegible] необходима прерывчатость въ признакахъ. При отдѣленіи рода отъ рода перерывъ въ признакахъ нуженъ еще большій, а по мѣрѣ того, какъ мы переходимъ къ семействамъ, отрядамъ и типамъ, мы встрѣчаемся все съ меньшимъ и меньшимъ количествомъ общихъ признаковъ, т.-е. съ все большимъ и большимъ возростаніемъ въ перерывѣ общихъ изучаемымъ животнымъ признаковъ. Тѣмъ не менѣе, мы не затрудняемся признать кровное родство животныхъ разныхъ отрядовъ, и это не простое допущеніе: во многихъ случаяхъ такое родство является доказаннымъ неопровержимымъ рядомъ фактовъ. Вирховъ говоритъ, что антропологіи ни разу не удалось доказать даже происхожденіе одной расы отъ другой; что же касается зоологовъ, то они счастливѣе и могутъ считать доказаннымъ фактами не только образованіе расъ, но и группъ высшаго таксономическаго значенія. Поэтому, если бы человѣкъ, по свойственнымъ ему признакамъ организаціи, былъ выдѣленъ даже въ особый типъ, то это оставалось бы безъ всякаго значенія въ вопросѣ о его происхожденіи съ принципіальной стороны; иными словами, намъ приходится совершенно одинаково рѣшать вопросъ, произошелъ ли человѣкъ независимо отъ другихъ животныхъ, или такъ же, какъ они, и даже отъ одной изъ ихъ группъ, все равно, представляетъ ли онъ собой особый видъ или особый типъ. Къ чему же въ такомъ случаѣ утверждать, что установленіе демаркаціонной линіи между человѣкомъ и обезьянами—такой большой прогрессъ? Она всегда была съ тѣхъ поръ, какъ человѣкъ пріобрѣлъ характерныя для него особенности; никто никогда не считалъ человѣка за обезьяну, а что касается того, насколько велики отличія человѣка отъ обезьяны, то съ этимъ мы познакомимся въ слѣдующемъ отдѣлѣ этого очерка. Слѣдовательно, Вирховъ увидалъ прогрессъ антропологіи въ томъ, въ чемъ его нѣтъ возможности ви-
[illegible] же касается ироническаго отношенія Вирхова къ тому, что во-
происхожденіи человѣка считался основнымъ, то едва ли всѣ антро-
аздѣлятъ это ироническое отношеніе. Къ этому вопросу сводятся
ныя изысканія въ области антропологіи, но, конечно, если антро-
осредоточатся исключительно на изученіи человѣка и его остатковъ,
гда не въ состояніи будутъ рѣшить названный вопросъ и должны
ать зоологамъ и палеонтологамъ. Но, само собою разумѣется, кто
рѣшалъ извѣстный вопросъ, онъ не перестаетъ отъ этого суще-

отому остановились такъ долго на первыхъ словахъ извѣстнаго
азбираемой рѣчи, что они намѣчаютъ собою характеръ всей рѣчи.
дается цѣлая программа, состоящая въ томъ, чтобы свести антро-
съ воображаемаго пути фантазіи, введя ихъ въ область строго-
изслѣдованія, и важнѣйшимъ основаніемъ къ этому выставляется,
хъ, то, что мы не знаемъ ископаемыхъ предковъ человѣка, и, во-
, то, что мы знаемъ всѣ существующія племена земного шара и
утверждать, что между ними нѣтъ ни одного, которое бы стояло

езьянамъ, нежели современные европейцы.
второго, мы, тѣмъ не менѣе, не видимъ пол
ъ оставить въ сторонѣ вопросъ о происхо
содержаніе рѣчи Вирхова указываетъ, ч
организаціи человѣка и въ глазахъ предс
достаточно важна, чтобъ остановиться на
— появленіе питекоидныхъ, т.-е. животныхъ
второмъ отдѣлѣ нашего очерка мы увиди
ностей вмѣстѣ съ другими явленіями сл
овъ несомнѣннымъ доказательствомъ прои
формы. Вирховъ на другихъ явленіяхъ не о
ыми особенностями видитъ себя вынужден
хъ на одномъ примѣрѣ довольно подробно.
а, мы въ свою очередь изложимъ это мѣст
ку и сдѣлаемъ на него необходимыя замѣча
однако, замѣтить,— говоритъ Вирховъ,— что
особенностей, которыя можно назвать обез
мъ никогда не оставался слѣпымъ относите
особенностей, которыя не могли быть пон
и простая задержка въ развитіи. Такъ, на
о опредѣленное, у высшихъ обезьянъ част
въ строеніи черепа, собственно височной об
овѣка, здѣсь, подъ мускулами, сходятся
ости. Снизу лежитъ большое крыло клиновы
верхнимъ краемъ примыкаетъ къ теменной;
ешуей височной кости, которой принадлежит
ю. Всѣ четыре кости сходятся другъ съ дру
ѣянная и крыло клиновидной кости, сходясь
лобную и височную, внѣдряясь между ними
ю. Но у высшихъ обезьянъ височная кость
отростокъ, который доходитъ до лобной к
юмъ теменную отъ крыла клиновидной. Эта
ени рѣзкая особенность имѣетъ большое зн
ея не бываетъ у человѣка. Но и среди ли
орыхъ особенность, обыкновенная у высши
мъ существуетъ. Слѣдя за ней въ большомъ
атистику, можно найти, что у нѣкоторыхъ
рѣчается чаще, чѣмъ у другихъ. Насколько п
наемъ три расы, у которыхъ она встрѣчает
мѣстѣ это—австралійская и африканская, с
атѣмъ желтая раса Малайскаго архипелага
нная на той цѣпи острововъ, которая соеди
ромъ и къ которой съ сѣвера примыкаютъ
ралія. Я еще недавно говорилъ о серіи аль

эта особенность встрѣчалась многократно. При этомъ
ся еще одна черта, на которую я хочу коротко указать:
ктіе челюстей, выражающееся по преимуществу въ очень
челюстныхъ дугъ и зубахъ. Съ этимъ выпячиваніемъ
рогнотизмъ) въ большинствѣ случаевъ соединена вдав-
енность носа, нерѣдко съ чрезмѣрнымъ приплюснутіемъ его, причемъ но-
совыя кости иногда срастаются въ одну кость, что едва ли бываетъ у
человѣка въ другихъ случаяхъ. Все это особенности, свойственныя обезь-
янамъ, именно обезьянамъ узконосымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ такой носъ пред-
ставляетъ собою элементъ питекоидной организаціи (звѣроподобіе). Въ из-
вѣстныхъ областяхъ эта особенность встрѣчается чаще и на этомъ осно-
ваніи можно бы думать, что, быть можетъ, тамъ и существовала бо́льшая
близость человѣка съ обезьянами. Не лишено также значенія и то, что изъ
человѣкоподобныхъ обезьянъ горилла и шимпанзе живутъ въ Африкѣ, а
ангъ и гиббоны—на Индійскомъ архипелагѣ.

«Но если вы затѣмъ спросите, не могутъ ли австралійскіе и африкан-
е черные люди, малайцы и альфуры сами быть отыскиваемыми промежу-
ными членами, которые бы приводили къ мосту между человѣкомъ и
зьянами, то на это никогда нельзя отвѣтить рѣшительнымъ отрицаніемъ.
ему бы этого не могло быть? Но для того, чтобы возможность стала
ствительностью, недостаетъ еще очень многаго; недостаетъ всего, что
остальномъ дѣлаетъ обезьяну, такъ какъ обезьяну дѣлаетъ не только
очный отростокъ, характерное строеніе носа и выдающіяся челюсти, но
кны еще многія другія особенности, чтобы представить обезьяну. Обезь-
можно узнать даже по каждому куску кожи, въ чемъ еще не сомнѣ-
ся ни одинъ анатомъ. Разница между человѣкомъ и обезьяной настолько
ика, что почти любого кусочка достаточно, чтобы дать діагнозу. Такимъ
азомъ недостаетъ очень многаго для доказательства эволюціоннаго уче-
. Если затѣмъ я остановлюсь на задачахъ будущаго, то я долженъ обра-
ь вниманіе на то, насколько необходимо, чтобы въ предѣлахъ указан-
областей были произведены гораздо болѣе широкія изслѣдованія, ка-
ющіяся болѣе ранняго періода. Какъ первое и самое важное требованіе,
олженъ поставить то, что надо начать въ большихъ размѣрахъ изслѣ-
анія о доисторическомъ человѣкѣ въ Австраліи. Также и въ области
ійскаго архипелага еще предстоятъ обширныя изысканія. Если бы тамъ
тоянно находились и производили изслѣдованія антропологически-обра-
анные врачи, то, быть можетъ, у насъ и не было бы недостатка въ
ственныхъ и достойныхъ вниманія данныхъ. Но пока этого нѣтъ и
му мы принуждены изучать исторію человѣка, основываясь на старыхъ
лахъ, немногихъ пещерахъ, свайныхъ постройкахъ и его современномъ
оянін».

ва ли этотъ отрывокъ можно считать за такое мѣсто, въ которомъ
ь рѣчи высказывается противъ возможности происхожденія человѣка
зшей формы. Скорѣе напротивъ, такъ какъ здѣсь указывается даже

та географическая область, гдѣ слѣдуетъ производить изысканія для вы-
отношенія человѣка къ антропоморфнымъ обезьянамъ, но преобла-
характеръ всей рѣчи рѣзко выраженъ и въ приведенномъ отрывкѣ:
айнее недовѣріе къ значенію уже добытыхъ фактическихъ данныхъ
ое стремленіе доказать, что въ вопросѣ о происхожденіи человѣка
мъ дѣло только съ гипотезами и предположеніями. Послѣдующее
ие рѣчи еще болѣе усиливаетъ впечатлѣніе, что Вирховъ всѣ свои
правилъ на то, чтобы доказать, что наши знанія о человѣкѣ равны
цѣсь говорится и о томъ, что мы не можемъ отвѣтить на вопросъ,
ялъ ли человѣкъ отъ одной пары или нѣсколькихъ, и разбирается
тво органическихъ особенностей египтянъ въ теченіе 35 столѣтій,
азательство постоянства расъ вообще, и дается рядъ отрицательныхъ
, на рядъ вопросовъ о томъ, каковъ былъ первобытный человѣкъ,
нецъ, все заканчивается бѣглымъ замѣчаніемъ о томъ, что Вирховъ
ино не согласенъ съ дарвинистами во взглядѣ на наслѣдственность.
ая пока этого вопроса, мы должны отмѣтить, что въ концѣ рѣчи
самъ отмѣчаетъ, что по его словамъ выходитъ, что мы теперь
еньше, нежели знали 20 лѣтъ тому назадъ, и старается смягчить
ь, что мы теперь гораздо увѣреннѣе можемъ говорить о томъ, чего
твительно не знаемъ и что мы дѣйствительно знаемъ. Несомнѣнно,
вѣнской рѣчи Вирховъ черезъ-чуръ односторонне отнесся къ вопросу
что указываетъ на близость человѣка къ другимъ животнымъ, ума-
ченіе относящихся сюда фактовъ и всячески старался доказать,
виново ученіе есть чистѣйшая гипотеза. Но противъ этого ученія,
отивъ гипотезы, онъ не высказывается. Онъ даже сожалѣетъ, что
ено такъ мало антропологическихъ изслѣдованій о прошломъ чело-
австралійской и индо-малайской области, хотя этимъ сожалѣніемъ
етъ на свое незнакомство съ данными зоологической географіи и
огіи, которыя говорятъ, что намъ нечего ждать какихъ-нибудь
ь находокъ въ названныхъ областяхъ, такъ какъ нѣтъ никакого
я думать, что здѣсь могутъ быть найдены переходы отъ современ-
овѣка къ первобытному. Точно также странна, но извинительна,
на Египетъ въ доказательство постоянства расъ, потому что на
ссылались въ свое время и для доказательства все того же посто-
признаковъ даже зоологи. Все это, заставляя оспаривать многія
ія Вирхова, нисколько не вызывало къ его рѣчи какого-либо от
ошенія. Но когда Вирховъ произнесъ ту же рѣчь въ сокращенномъ
въ измѣненной редакціи въ Москвѣ, отношеніе къ ней натура.
ожно было измѣниться. Вирховъ измѣнилъ свой взглядъ на эт
текоидныхъ особенностей за три года, протекшіе между его ві
московской рѣчью, и говоритъ, что костяной отростокъ височн
на которомъ онъ опять останавливается, есть ничто иное, ка
е спеціальная, то индивидуальная, то родовая особенность, как
рунообразные волоса. Вмѣстѣ съ тѣмъ Вирховъ въ болѣе рѣш

жаетъ свой скептицизмъ по отношенію къ рѣшенію вопроса о происхожденіи человѣка и, не отрицая возможности доказать сходство человѣка съ животными, замѣчаетъ объ этомъ настолько вскользь, что при бѣгломъ чтеніи его рѣчи это мѣсто совершенно теряется среди многихъ заявленій отрицательнаго характера.

Вирховъ опять начинаетъ съ того, что отмѣчаетъ разницу въ задачахъ, которыя преслѣдовала и преслѣдуетъ антропологія. Указавши на то, что среди поднятыхъ антропологіей вопросовъ главное мѣсто занималъ вопросъ о происхожденіи и первобытной колыбели человѣка, онъ сейчасъ же заявляетъ, что рѣшеніе этихъ вопросовъ подвинулось впередъ лишь въ очень незначительной степени. Затѣмъ слѣдуетъ оригинальное мѣсто рѣчи, гдѣ говорится о томъ, какъ членовъ лиссабонскаго конгресса водили на равнину Отта, чтобъ отыскать на этомъ мѣстѣ слѣды третичнаго человѣка. Неудачи этихъ изслѣдованій вмѣстѣ съ отрицательными результатами другихъ попытокъ найти остатки третичнаго человѣка или произведеній его рукъ заставляютъ Вирхова заявить, что ученые не считаютъ возможнымъ допустить, чтобы человѣкъ уже жилъ во время третичной эпохи,—заключеніе, которое не могло не вызвать всеобщаго удивленія среди зоологовъ и палеонтологовъ. Но Вирховъ идетъ еще далѣе и, замѣтивъ попутно, что щетно ищутъ недостающаго звена, которое соединило бы человѣка съ безьяной или съ какимъ-нибудь другимъ видомъ животныхъ, дѣлаетъ урьезное замѣчаніе, что, несмотря на единообразіе въ строеніи и отправеніяхъ человѣческаго и животнаго организма, существуетъ весьма ясная ерта, которая отдѣляетъ человѣка отъ животныхъ: это—наслѣдственность. Никогда мы не видѣли, чтобъ отъ обезьяны родился человѣкъ или обезьяа отъ человѣка»—вотъ классическая фраза всей рѣчи, формулирующая нѣнія Вирхова по вопросу о наслѣдственности.

Признаемся, никто не могъ ожидать, что наслѣдственность, которая, о общепризнанному мнѣнію, связываетъ животныхъ разныхъ группъ меду собою, вдругъ окажется признакомъ, по которому таксономическія диницы и группы различаются между собою. Начать съ того, что наслѣдственность не можетъ быть діагностическимъ признакомъ, такъ какъ это войство—общее всѣмъ организмамъ и состоящее въ томъ, что признаки дѣхъ особей въ рядѣ поколѣній передаются другимъ особямъ. Наслѣдственною передачей объясняется то, что животнымъ весьма различныхъ рупъ, но общаго происхожденія, свойственны въ большемъ или меньемъ количествѣ извѣстныя особенности. Указаніемъ на наслѣдственность ользуются, когда, характеризуя видъ, говорятъ, что виды составляютъ и настолько похожія другъ на друга, насколько похожи между собою з однихъ родителей. Вездѣ говорится о наслѣдственности, когда надо ясить сходство, и никто не станетъ наслѣдственностью объяснять разе признаковъ. Съ другой стороны, признавая наслѣдственность необымъ факторомъ въ объясненіи передачи признаковъ отъ однихъ осокъ другимъ, дарвинисты уже тѣмъ самымъ не могли допустить, что

вида можетъ вдругъ родиться отъ животнаго другаго вида
въ такомъ случаѣ приведенная фраза, когда даже противники
никогда не теряли изъ вида, что, возражая Дарвину, на-
тивъ возможности постепеннаго накопленія признаковъ, по-
лѣдственно и сортируемыхъ естественнымъ подборомъ. Явле-
ости еще до сихъ поръ во многомъ темны и загадочны, никто
о отрицать самыхъ фактовъ наслѣдственности. Но именно
хъ, которые содержатъ много темнаго и загадочнаго, и
нно осторожнымъ. Говоря о происхожденіи человѣка, мы
предметомъ, относительно котораго разногласіе не есть
во мнѣній, вызванное различною степенью знанія или ка-
зсудками. Вопросъ слишкомъ серьезенъ и потому все то,
ia или противъ происхожденія человѣка отъ низшей фор-
взвѣшено и устранено отъ возможныхъ ошибокъ; что же
судковъ, то спеціалисты должны быть чужды ихъ, какъ
ны быть свободны отъ предвзятыхъ мнѣній. Но, къ сожа-
въ своей московской рѣчи совершенно забываетъ свою
ется слишкомъ ораторскихъ пріемовъ. Послѣ одной бой-
переходитъ къ вопросу о значеніи эмбріональныхъ дан-
что человѣческій организмъ, въ особенности во время за-
, отличается многими чертами заимствованными не только
у другихъ животныхъ, и сейчасъ же послѣ этого какъ
чтожить впечатлѣніе этого дѣйствительно научнаго замѣ-
то значеніе этихъ заимствованныхъ чертъ вовсе не вели-
больше значенія рунообразныхъ волосъ, которые суще-
, овцы и пуделя, но существованіе которыхъ не прини-
казательство того, что негры произошли отъ пуделя или
задаешься вопросомъ, неужели можно серьез
придавать имъ значеніе? Сравнивая вѣнску
и видимъ, что отношеніе его къ одной и той
ервомъ и второмъ случаѣ различно: въ перв
еніе отростку височной кости, относитъ е
стей, на которыя онъ никогда не закры
е этого отростка для Вирхова уже не бол
къ волосъ на головѣ негра и на пуделѣ.
то человѣкъ, хорошо знающій анатомію
щественныя черты сходства и несходства
случаѣ, поверхностныхъ. Наконецъ, и сх
ается или ослабляется соотвѣтствующими ч
анизаціи, и спеціалисту при обсужденіи во
овѣка и низшихъ животныхъ ни въ ка
напоминать, что негра нельзя произве

однако, что за негромъ, пуделемъ и овцой

къ затронутому имъ вопросу и говоритъ, между про-
Мы, конечно, не будемъ упускать изъ вида, что организація человѣческаго тѣла по своему существу есть организація животная и что появляющіяся иногда теріоморфическія (звѣрообразныя) особенности могутъ разсматриваться какъ послѣдствія атавизма; *но мы будемъ требовать болѣе убѣдительныхъ доводовъ, чтобы допустить близкое родство человѣка съ какимъ-нибудь опредѣленнымъ животнымъ*». Слѣдовательно, вопросъ и для Вирхова не въ томъ, произошелъ ли человѣкъ отъ какой другой животной формы, или явился инымъ путемъ, а въ томъ, отъ *какой* животной формы онъ произошелъ. Вирховъ, повидимому, пересталъ вѣрить въ возможность рѣшенія этого вопроса, хотя еще три года тому назадъ относился къ этому вопросу иначе. «Мы отброшены по всей линіи», говоритъ онъ въ концѣ своей рѣчи, и эта фраза принимается большинствомъ вовсе не за простое констатированіе факта, что пока наши изслѣдованія о происхожденіи человѣка отъ опредѣленной животной формы не дали опредѣленнаго положительнаго результата, а за авторитетное осужденіе даже самой постановки вопроса. И большинство право, потому что если не копаться въ рѣчахъ Вирхова и не вытаскивать изъ нихъ отдѣльъ кусочковъ, которые говорятъ намъ, что Вирховъ вовсе не противъ эволюціоннаго ученія, то по общему тону послѣдней рѣчи мы должны знать, что Вирховъ не только не поощряетъ изслѣдованій, направленъ на выясненіе вопроса о происхожденіи человѣка, но даже предостетъ противъ нихъ, какъ противъ пустой траты времени. Такое непоаніе научнаго значенія коренной задачи антропологіи поразительно, и ольно задаешься вопросомъ, какъ оно могло произойти. Понятно стремie натуралиста возможно болѣе держаться фактовъ; понятно его желаизбѣгать гипотезъ тамъ, гдѣ безъ нихъ можно обойтись, но отъ всего го еще далеко до скептицизма, который облекается въ научную доктри- Вредно излишнее увлеченіе, вреденъ и крайній спектицизмъ, и что днѣе—рѣшить трудно. Гипотезы не разъ оказывали неоцѣнимыя услуги риводили къ теоріямъ и даже въ исторіи эволюціоннаго ученія значеихъ вовсе не маловажно. Если объясненіе происхожденія видовъ пуъ естественнаго подбора съ самаго начала имѣло значеніе теоріи, то остальная часть эволюціоннаго ученія долго была гипотезой. Однако, ыя данныя изъ области эмбріологіи, зоологической географіи и особенналеонтологіи возвели въ теорію и гипотетическую часть ученія и дали можность предугадывать находки нѣкоторыхъ формъ, т.-е. придали теоя отличительное свойство отъ гипотезы. При этомъ мы не можемъ упуь изъ вида того обстоятельства, что наиболѣе цѣнныя открытія были аны не тѣми, кто предавался скептицизму, а тѣми, кто вѣрилъ въ справедть ученія.

Скептицизмъ необходимъ во всякомъ серьезномъ научномъ вопросѣ, но лицизмъ, который влечетъ за собою только критику, а не крайній скептиотворачивающійся отъ фактовъ и тормазящій дѣло изученія. Вотъ по-

визъ многихъ нѣмецкихъ ученыхъ: «не познаемъ»—плохой стимулъ з пріобрѣтенія новыхъ свѣдѣній. Вирхову будто жаль было этихъ слепыхъ антропологовъ, которые въ разныхъ мѣстахъ копались цахъ земной коры, стремясь отыскать остатки человѣка, его предроизведенія его рукъ и пр., и долгое время находили лишь очень е, что онъ захотѣлъ остановить ихъ убѣжденіемъ, что они ничего утъ. Но говорить такъ онъ не имѣлъ никакого права, потому что гками лѣтъ безплодныхъ усилій можетъ настать день величайшихъ къ открытій, а если труженики науки отступятъ отъ своихъ попыоникнутъ въ прошлое человѣка или примутся за другое, то, конечно, й вопросъ антропологіи не подвинется впередъ въ своемъ рѣшеніи. измъ Вирхова, въ своей крайности дѣлающій ученаго защитникомъ странныхъ положеній, невольно заставляетъ вспомнить, что Гер- вообще представляетъ собою страну контрастовъ: съ одной стороны, очвѣ развивается пышная фантазія Эрнста Геккеля съ его ученіемъ идулахъ и безграничною увѣренностью въ необъятности человѣченія, съ другой—такіе скептики, какъ Дюбуа Реймонъ, Вирховъ, , въ противность тому, что говорятъ, буквально закрываютъ глаза ое, что несомнѣнно добыто наукой, и поставили себѣ девизомъ: «не ь». Не развивается ли даже этотъ безграничный скептицизмъ въ акціи противъ геккелизма, замѣнившаго собою на долго въ Герма- винизмъ и исказившій послѣдній? Но справедливость требуетъ ска- о геккелизмъ, при всѣхъ его недостаткахъ, все-таки, оказалъ пользу о естествознанія въ Германіи. Онъ далъ ему толчокъ, оживилъ стремучать природу, создалъ сотни наблюдателей и если породилъ безмножество подчасъ весьма нелѣпыхъ теорій, то далъ также мно- дѣльныхъ наблюденій, значеніе которыхъ никогда не умалится. нчный скептицизмъ не могъ вызвать такого движенія. Въ безгра- скептицизмѣ уже нѣтъ мѣста критики, а остается одно отрицаніе, іе и значенія сдѣланнаго и возможности что-нибудь сдѣлать, что олько въ ироническомъ смыслѣ можетъ быть названо плодотворною ля изслѣдованій, по крайней мѣрѣ, въ такой области, какъ палеонтоѣ спеціалисту безъ глубокой увѣренности въ возможность драгоцѣнаходокъ положительно невозможно работать, до того велика случай го открытій. Повторяемъ, Вирховъ не имѣлъ права останавливат антропологовъ отыскать предковъ человѣка, потому что на рав та не увидалъ кремней, сдѣланныхъ проантропосомъ. Но Вирхов навливается на этомъ. Ему мало отвлечь антропологовъ отъ тог считаетъ безплодными попытками. Съ антропологіи онъ переходи угія отрасли біологіи и затрогиваетъ такіе основные вопросы, ка о явленіяхъ наслѣдственности, о значеніи патологіи для эвол ученія и проч. Пока я оставляю эти вопросы въ сторонѣ, что иться къ нимъ въ ближайшемъ будущемъ въ связи съ изложеніе въ па явленія наслѣдственности одного изъ наиболѣе замѣчательны

листовъ Авг. Вейсмана. Въ этомъ очеркѣ я не касаюсь
ого вопроса антропологіи, чтобы показать, насколько
вирховъ неправъ, говоря, что вопросъ о происхожденіи человѣка не до-
ступенъ нашему рѣшенію. Долженъ оговориться при этомъ, что въ даль-
нѣйшемъ изложеніи я останавливаюсь только на организаціи человѣка,
потому что, безъ сомнѣнія, вопросъ о кровномъ родствѣ отдѣльныхъ формъ
долженъ быть разрѣшенъ, прежде всего, на этой почвѣ, и какъ ни велики
успѣхи сравнительной психологіи, эта область, все-таки, содержитъ значи-
тельные пробѣлы. Идя путемъ аналогій, слѣдя за развитіемъ душевныхъ
способностей человѣка въ теченіе его индивидуальной жизни и на разныхъ
племенахъ, начиная съ дикарей и кончая американцами и европейцами, мы,
конечно, вырабатываемъ въ себѣ взглядъ, готовый перейти въ увѣренность,
что и самыя сложныя явленія психической и умственной дѣятельности че-
ловѣка развились путемъ послѣдовательнаго совершенствованія извѣстныхъ
способностей, въ простѣйшемъ видѣ находимыхъ у болѣе низко организо-
ванныхъ представителей животнаго царства, но что̀ можетъ перейти въ
увѣренность, не есть увѣренность. Достаточно вспомнить, что два величай-
ie защитника эволюціоннаго ученія, Дарвинъ и Уоллэсъ, рѣзко расхо-
тся между собою въ этомъ отношеніи: въ то время, какъ Дарвинъ по-
ѣдовательно связываетъ въ одно цѣлое психическую и умственную жизнь
ивотныхъ и человѣка, Уоллэсъ выдѣляетъ человѣка въ этомъ отношеніи,
совершенно согласенъ съ Дарвиномъ во всемъ, что касается вопроса
кровномъ родствѣ организма человѣка съ организмомъ другихъ живот-
ихъ. Очень возможно, что Уоллэсъ при нѣкоторыхъ условіяхъ измѣнилъ
свой взглядъ, но мы считали себя не вправѣ обойти молчаніемъ два
зныя рѣшенія одного и того же вопроса, изъ которыхъ одно влечетъ за
бой обвиненіе въ матеріализмѣ, тогда какъ другое удачно уживается съ
учнымъ матеріализмомъ съ одной стороны и общепринятыми мнѣніями
другой.

II.

Отвѣтомъ на скептицизмъ Вирхова пускай будетъ, прежде всего, изложеніе
глядовъ по вопросу о происхожденіи человѣка, высказанныхъ Уоллэсомъ.
Кто бы ни знакомился съ строеніемъ человѣческаго тѣла, — говоритъ
ллэсъ, — даже при самомъ поверхностномъ изученіи его могъ бы убѣ-
ться, что имѣетъ дѣло съ тѣломъ животнаго, которое, правда, во мно-
отношеніяхъ отличается отъ другихъ животныхъ, но и сходно съ ними
сѣхъ существенныхъ чертахъ. По устройству скелета человѣкъ отно-
я къ позвоночнымъ, по способу выкармливанія дѣтей къ классу млеко-
ющихъ; кровеносная система, мышцы и нервы, сердце съ его венами
еріями, легкія и вся дыхательная система,—все не только соотвѣтству-
ѣмъ же системамъ у другихъ млекопитающихъ, но во многихъ слу-
ичѣмъ отъ нихъ не отличается. Число конечностей и число паль-

ающихъ ихъ, одно и то же и можетъ быть названо основ-
ca млекопитающихъ. Чувства человѣка и животнаго тѣ же
ы чувствъ ничѣмъ не разнятся по числу и по ихъ относи-
женію. Каждая особенность въ строеніи, присущая классу
ъ, можетъ быть найдена и у человѣка, и если онъ отли-
ихъ, то тѣмъ же и въ такой же степени, чѣмъ виды или
итающихъ отличаются другъ отъ друга. Если затѣмъ мы имѣ-
е основаніе думать, что каждая существующая группа жи-
ошла отъ нѣкоторой общей прародительской формы, что съ
льною очевидностью доказано, наприм., для лошадей, и что
тво, каждый отрядъ и даже цѣлый классъ могъ произойти
древняго и общаго типа, то было бы въ высшей степени
столько невѣроятно, что это становится даже почти недо-
человѣкъ, столь сходный съ животными по своему строе-
иной способъ происхожденія. Рядъ другихъ доказательствъ
итать идею объ общности происхожденія человѣка и живот-
о вѣроятной, но даже достовѣрной.

животныя обладаютъ зачатками органовъ, которые, будучи
ихъ, являются полезными въ нѣкоторыхъ родственныхъ
едполагаются унаслѣдованными отъ общаго предка, у кото-
езными. Такъ у жвачныхъ существуютъ зачаточные рѣзцы,
видовъ не прорѣзывающіеся сквозь десны; у многихъ яще-
очныя конечности; у нѣкоторыхъ птицъ—зачаточныя крылья.
ачаточные органы имѣетъ и человѣкъ, либо существующіе
о появляющіеся у нѣкоторыхъ особей, и они въ свою оче-
тъ на тѣсную связь, существующую между организмомъ че-
вотныхъ. Такъ у многихъ животныхъ существуютъ особыя
иженія кожею головы; у человѣка отъ нихъ нормально со-
ько остатки, именно на передней части головы, служащіе д
ями, но у нѣкоторыхъ особей эти мышцы представлены
ми, приводящими въ движеніе всю кожу головы, и даже д
мышцы могутъ передаваться наслѣдственно. Кому нем
существованіе въ нашемъ ухѣ небольшого выступа, соотвѣ
своему положенію острой вершинѣ уха другихъ животныхъ
орой онъ считается анатомами. Въ пищеварительномъ канал
аточный органъ—червеобразный отростокъ слѣпой кишки-
олезный, но даже вредный для человѣка, такъ какъ нерѣд
лѣванію и даже смерти. Но у многихъ растительноядны
отъ придатокъ очень длиненъ и имѣетъ значеніе полезна
у орангъ-утана еще достигаетъ значительной длины. Кро
ка есть зачаточныя хвостовыя косточки, скрытыя подъ к
оторыхъ случаяхъ образующія даже зачаточный наружн
атокъ.

ть любой части человѣческаго тѣла очень велика и нѣко

ѣненій приближаются къ строенію другихъ животныхъ.
асположенія артерій очень велики и для хирургическихъ
ыхъ необходимо даже опредѣлить вѣроятный процентъ каждаго уклоненія.
Мышцы также представляютъ большія колебанія, такъ что у 36 лицъ было
найдено не менѣе 558 мышечныхъ уклоненій. У одной особи наблюдалось
не менѣе 7 мышечныхъ уклоненій, которыя всѣ представляли собою рас-
положеніе мышцъ, свойственное различнымъ породамъ обезьянъ. Дарвинъ,
какъ извѣстно, объяснилъ это возвратомъ къ первоначальному типу распо-
ложенія, и сдѣлалъ по этому поводу замѣчаніе, что объяснить такое при-
ближеніе къ обезьяньему типу случайностью совершенно невозможно. Съ
другой стороны, если человѣкъ произошелъ отъ какого-либо обезьяноподо-
бнаго существа, то нѣтъ никакой причины, почему извѣстное располо-
женіе мышцъ не могло бы проявиться даже спустя весьма продолжитель-
ное время, подобно тому, какъ появляются же теперь черныя полосы на
плечахъ и бедрахъ лошадей, ословъ и муловъ.

Еще важнѣе данныя, доставляемыя исторіей развитія животныхъ. Раз-
витіе любого позвоночнаго животнаго представляетъ послѣдовательное рас-
паденіе яйца, т.-е. клѣтки, на части, или новыя клѣтки, пока не обра-
зуется масса клѣточекъ, изъ которыхъ и формируется тѣло зародыша.
При этомъ, прежде всего, появляется такъ называемая первичная борозда,
дающая начало центральной нервной системѣ, а затѣмъ послѣдовательно
развиваются и другіе органы. Чтобы не останавливаться на этомъ очень
подробно, мы приведемъ замѣчаніе проф. Гёксли, которое онъ дѣлаетъ от-
носительно развитія различныхъ позвоночныхъ. Исторія развитія любого
позвоночнаго, читаемъ мы у этого величайшаго авторитета по вопро-
самъ біологіи, будетъ ли это развитіе собаки, ящерицы, змѣи, лягушки
ставляетъ намъ одно и то же. Дѣло всегда начинает-
й яйца, имѣющаго у всѣхъ животныхъ одинъ и тѣ же
особенности; желтокъ яйца претерпѣваетъ дѣленіе или
ъ результатѣ чего получается матеріалъ для построенія
. Затѣмъ въ развитіи зародыша наступаетъ періодъ, ког-
всѣхъ животныхъ походятъ другъ на друга не только
жному виду, но и по существеннымъ особенностямъ ор-
а какъ позднѣе они все больше и больше не походятъ
. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы замѣчаемъ, какъ общій законъ, что
одятъ другъ на друга животныя во взросломъ состояніи,
тельнѣе періодъ ихъ сходства и тѣмъ поразительнѣе ихъ
ніе развитія. Такъ, наприм., зародыши ящерицы и змѣи болѣе
ежду собою, нежели зародыши змѣи и птицы; точно также
и и собаки гораздо болѣе продолжительное время остают-
жду собою, нежели зародыши собаки и птицы, или собаки
и собаки и мартышки. Такимъ образомъ, исторія развитія
азательство въ пользу близости или родства животныхъ, по
у не похожихъ другъ на друга, и мы естественно должны

опросомъ, насколько это прилагается къ человѣку. Развивается
ьче, нежели другія млекопитающія, какъ этого можно ожидать,
происхожденіе совершенно самостоятельно? Ничего подобнаго
ворить Гёксли,—и внѣ всякаго сомнѣнія раннія стадіи развитія
овершенно сходны съ соотвѣтствующими стадіями развитія жи-
стоящихъ непосредственно ниже его въ системѣ. И именно тѣмъ,
ышъ человѣка отличается отъ зародыша какого-либо хищнаго
щаго, наприм. собаки, онъ походитъ на зародышъ обезьяны,
го начинаетъ отличаться только гораздо позднѣе. Съ этой сто-
ловательно, единство въ строеніи человѣка и другихъ животныхъ
ть сомнѣнію, и особенно велико сходство между нимъ и обезь-
мянемъ нѣкоторыя наиболѣе поразительныя особенности, общія
азвитія человѣку и другимъ, низшимъ, животнымъ. На извѣст-
кобчиковая кость выдается подобно настоящему хвосту далеко
и зачатковъ конечностей. На седьмомъ мѣсяцѣ головной мозгъ
извилинамъ сходенъ съ головнымъ мозгомъ взрослаго павіана.
алецъ ноги въ раннихъ стадіяхъ развитія короче другихъ паль-
лежитъ параллельно съ ними, а отходитъ съ боку ступни подъ
ответствуя постоянному положенію большого пальца ноги у че-
къ.

ъ, въ высшей степени замѣчательный рядъ фактовъ, подтверж-
юдство человѣка съ низшими животными, представляютъ бо-
орыя передаются отъ животныхъ человѣку, чѣмъ доказывается
ь тончайшемъ строеніи тканей, въ составѣ крови и пр. Водо-
къ, холера, лишаи передаются отъ животныхъ человѣку и об-
ьяны страдаютъ тѣми же самыми незаразными болѣзнями, ко-
вержены и человѣкъ, наприм., апоплексіей, воспаленіемъ ки-
рактомъ глазъ и пр., и медикаменты оказываютъ на нихъ то
что и на человѣка. Многія обезьяны любятъ кофе, чай, спирт-
и и даже табакъ, что доказываетъ сходство въ строеніи органа
ъ животныхъ и нашего. Даже паразиты, какъ внутренніе, такъ
е, отъ которыхъ терпятъ человѣкъ и другія животныя, от
ые, отчасти очень близкіе, принадлежащіе къ однимъ с
аже однимъ родамъ. Всѣ эти факты вмѣстѣ съ другими,
ранѣе, никоимъ образомъ не могутъ быть объяснены, есл
я человѣка происхожденіе отличное отъ другихъ животны
понятны, если допустить, что человѣкъ произошелъ и
отъ общаго для него съ другими животными предка. Т
Вирховъ игнорировалъ длинный рядъ фактовъ, доказываю
ловѣка съ низшими животными, и потому его утвержденіе
этого родства есть чистая гипотеза, настолько же без
какъ и другое утвержденіе, что безполезно отстаивать
вѣкомъ и какимъ-либо другимъ опредѣленнымъ животным
пять за Уоллэсомъ въ его обсужденіи вопроса о томъ, к

животныхъ считать ближайшими къ человѣку по строенію, развитію и психической дѣятельности, чтобы затѣмъ разъяснить, почему до сихъ поръ попытки найти связующее звено между человѣкомъ и низшими животными остались безуспѣшны.

На обезьянъ обыкновенно смотрятъ какъ на каррикатуру человѣка; ихъ лицо, руки, движенія и мимика представляютъ поразительное сходство съ нашими собственными; но между всѣми обезьянами одна группа представляетъ съ нами наибольшее сходство и получила названіе антропоморфныхъ или человѣкоподобныхъ. Ихъ очень немного, всѣ онѣ жители тропическихъ странъ Азіи и Африки, гдѣ климатъ отличается своею равномѣрностью, и непроходимые дѣвственные лѣса доставляютъ изобильный плодовый кормъ въ теченіе всего года. Въ настоящее время мы хорошо знаемъ этихъ животныхъ, представляемыхъ орангъ-утаномъ Борнео и Суматры, шимпанзе и гориллою западной и центральной Африки и группою гиббоновъ или длиннорукихъ обезьянъ юго-восточной Азіи и большихъ острововъ Малайскаго архипелага. Послѣдніе менѣе похожи на человѣка, нежели три другія, изъ которыхъ то та, то другая считалась наиболѣе человѣкоподобною и наиболѣе близкою къ нему изъ всѣхъ остальныхъ животныхъ. Вопросъ о степени сходства этихъ животныхъ съ человѣкомъ представляетъ величайшій интересъ и приводитъ къ нѣкоторымъ заключеніямъ относительно происхожденія человѣка и его геологической древности, почему мы и ознакомимся съ нимъ здѣсь, конечно, въ краткой формѣ.

Сравнивая скелеты оранга и шимпанзе съ человѣческимъ, мы находимъ въ нихъ снимки съ одной модели,—снимки, въ которыхъ почти всѣ кости соотвѣтствуютъ другъ другу, но отличаются по размѣрамъ, относительному развитію и положенію. Сходство настолько велико, что величайшій авторитетъ среди анатомовъ, недавно умершій проф. Р. Оуэнъ, замѣчаетъ по этому поводу: «я не могу закрыть глаза на значеніе всепроникающаго сходства строенія; каждый зубъ, каждая кость гомологичны, и это представляетъ для анатома затрудненіе при опредѣленіи различія между родомъ Homo и родомъ Pithecus».

Существующая разница между скелетомъ обезьянъ и человѣка, т.-е. разница, выражающаяся въ присутствіи или отсутствіи извѣстныхъ костей, а не въ ихъ формѣ или положеніи, резюмируется Мивартомъ въ слѣдующемъ:

1) По строенію грудины человѣкъ сходенъ съ гиббонами, у нихъ грудина состоитъ изъ двухъ костей, у шимпанзе и гориллы семь костей грудины расположены въ одинъ рядъ, у оранга десять въ парный рядъ; 2) нормальное количество реберъ у оранга и нѣкоторыхъ гиббоновъ двѣнадцать паръ, какъ у человѣка, у шимпанзе и гориллы тринадцать паръ; 3) орангъ и гиббоны сходны съ человѣкомъ также и въ томъ, что у нихъ пять поясничныхъ позвонковъ, тогда какъ у гориллы и шимпанзе ихъ только четыре и иногда даже три; 4) у гориллы и шимпанзе, какъ и у человѣка, восемь косточекъ запястья, тогда какъ у оранга, гиббоновъ и

ь девять. Что касается разницы в
ія какъ различныхъ костей, такъ
ь отношеніи варіаціи настолько
ой видъ антропоморфныхъ обезь
ляя въ общемъ большое сходст
ію. Исходя изъ строенія скелета,
е и горилла ближе къ человѣку, в
е низкое мѣсто и по нѣкоторымъ у
ѣе человѣкоподобна горилла, по
желудка и печени наиболѣе близк
ъ орангъ и шимпанзе; у гориллы
рганъ у мартышекъ и павіановъ.
ательно нужно, конечно, отнестис
ь части организма, по которой чел
тныхъ. Въ этомъ отношеніи, по
человѣку занимаетъ орангъ. Разм
пропорціонально больше, нежели
овной мозгъ человѣка съ головны
мы видимъ постепенное уменьшен
ой. Вмѣстѣ съ тѣмъ, у шимпанзе
выя извилины, лежащія между лоб
оранга онѣ различимы. Абсолютны
ольше у шимпанзе, нежели у оран
льные размѣры средней части моз
у оранга выше; что касается гор
на не только ниже оранга, но ни
ленія важнѣйшихъ фактическихъ
ъ большихъ или антропоморфныхъ
аиболѣе близкой къ человѣку. Ка
о нѣкоторымъ особенностямъ, но
возможное для каждаго дарвини
я къ тому, что и обезьяны и че
льской формы. Однако, обращаясь
ія къ частностямъ внѣшней форм
ря на измѣняемость этихъ частно
ходятъ въ этомъ отношеніи друг
что иными словами, онѣ болѣе у
гъ друга. Вотъ коротко эти общія

ьшіе выдающіеся клыки, тогда ка
зубовъ, рѣзцовъ и коренныхъ, вм
дъ. Руки обезьянъ пропорціональн
ъ ноги пропорціонально короче. I
совершенно прямо, въ положеніи

ъ руки у человѣка сравнительно больше и совер-
и остальными. Ступня человѣка значительно отли-
нъ горизонтальною подошвой, выдающеюся пят-
ю, короткими пальцами и большимъ пальцемъ, который лежитъ парал-
льно съ другими; все въ совершенствѣ приспособлено къ вертикальному
оложенію тѣла и свободному движенію безъ помощи рукъ. У обезьянъ
ступня представляетъ почти точную копію съ кисти руки человѣка: боль-
ой палецъ свободенъ и можетъ противуполагаться другимъ, вмѣстѣ съ
оторыми образуетъ хватающую руку; подошва не можетъ быть постав-
ена плашмя на землю, а когда обезьяна стоитъ, то опирается на внѣш-
ій край ступни, сгибая нѣсколько пальцы, и на согнутыя кисти рукъ.
Иными словами, у обезьянъ руки и ноги приспособлены къ древесному
образу жизни, принадлежатъ животному, которое сходитъ на землю только
случайно; руки и ноги употребляются одинаково. Все это указываетъ на
весьма значительную отдаленность того періода, когда отъ общаго ствола,
продолжавшаго собою развитіе животнаго типа, отдѣлилась вѣтвь, въ кон-
цѣ-концовъ, развившаяся въ человѣка. Но всѣ приведенные факты, оче-
рятъ за то, что по своей организаціи человѣкъ произошелъ отъ
вотной формы. Существованіе у него въ зачаточномъ состояніи
функціонирующихъ у другихъ млекопитающихъ; многочисленныя
мышцъ и другихъ органовъ въ томъ направленіи, въ какомъ они
ть у нѣкоторыхъ обезьянъ; эмбріональное развитіе, въ общемъ
развитіемъ другихъ животныхъ и въ подробностяхъ весьма
развитіемъ высшихъ четырерукихъ; болѣзни, общія человѣку
животными; убѣдительное сходство въ строеніи скелета съ тою
формой изъ антропоморфныхъ обезьянъ,—все это поддается толь-
объясненію, которое и даютъ дарвинисты. Отбросивъ это объ-
я совершенно не въ состояніи понять всѣхъ этихъ поразитель-
енностей, сближающихъ организацію человѣка съ организаціей
ивотныхъ. Простая логика заставляетъ насъ признать, что тща-
ученіе фактовъ, взятыхъ изъ организаціи животныхъ, и явленій
е можетъ привести насъ къ выводамъ діаметрально-противупо-
ъ истиной. Поэтому мы еще разъ повторяемъ, что убѣжденіе дар-
въ единствѣ происхожденія человѣка съ остальнымъ животнымъ
ісе не есть фантазія или гипотеза: напротивъ, это единственное
зрѣшеніе вопроса величайшей важности. Вирховъ говоритъ, что
итъ, почему бы человѣкъ не могъ произойти отъ какой-либо
рмы, равно какъ не видитъ, почему онъ долженъ произойти отъ
я. Это сопоставленіе не совсѣмъ вѣрно, потому что первое яв-
только постулатомъ извѣстнаго научнаго воззрѣнія на соверша-
природѣ явленія, но и находитъ себѣ подтвержденіе въ длин-
фактовъ, которые безъ того являются какою-то безсмыслицей.
о, анатомія опредѣленно указываетъ на ту группу животныхъ,
ки человѣкъ сходенъ по устройству своего тѣла, и это сходство

ѣчено еще основателемъ систематическ
ино ли, если извѣстная школа біологог
ющее большинство среди современныхъ
одной формы отъ другой, что она и
руппами наиболѣе близкими? Нелѣпо у
никогда этого и не утверждали, хотя
ь навязать имъ это, что человѣкъ про
должны воздержаться отъ предсказаній
ормъ разныхъ группъ, такъ какъ пале
которыхъ не могла создать самая пы
ъ археоптерикса и его исторію, чтобъ
логіей. Но если мы не знаемъ той стр
ни формы, отъ которой произошелъ
слѣдуетъ, что ее не надо искать. То,
ныхъ слѣдовъ существа, которое усло
ровно ничего не доказываетъ. Къ чему
роантропосѣ? Вѣдь, всякому спеціалист
къ долженъ разумѣться длинный рядъ
цію человѣка съ организаціей низшихъ
туровъ, и неужели же гг. антропологи
мали найти тамъ кости *проантропоса*
сразу рѣшить вопросъ величайшей важ
е отношеніе къ дѣлу, съ которымъ ру
ьное доказательство того, что человѣк
ими животными, какъ фраза Вирхова: *м*
обезьяны родился человѣкъ или обезья
просить г. Вирхова, неужели онъ знал
подобное чудо? Невольно изумляешься,
рваться такая фраза, такъ какъ невѣ
бной эволюціи видѣлъ то объясненіе и
горое даютъ современные эволюціонист
ке популярномъ изложеніи ученія Дарв
даже небольшихъ, но постоянныхъ отл
тей отъ вида, нуждается въ большомъ
раго извѣстное уловимое отличіе склад
ныхъ. Все это такъ общеизвѣстно, что
ирхова можно или тѣмъ, что она у не
ршенно превратно понялъ основныя п
ознакомившись съ ними только въ иска
Скептицизмъ, вызывавшій критику, ча
, но почти безграничный скептицизмъ
ъ тому, къ чему онъ привелъ знаменит
ые горшки и проржавѣвшія металличе
ежели пытаться рѣшить вопросъ о пр

ie Вирхова къ палеонтологическимъ даннымъ. То,
ющаго звена между человѣкомъ и низшими живот-
ляетъ его сказать: *мы отброшены по всей линіи*
е и искать нечего. Позволимъ себѣ остановиться
леонтологическихъ данныхъ, сдѣлавъ ихъ общую
рые частные примѣры.

Не надо быть ни натуралистомъ вообще, ни зоологомъ въ частности, чтобы знать тотъ простой фактъ, что количество скелетовъ, остающихся ности почвы послѣ смерти дико-живущихъ животныхъ, совер- чтожно сравнительно съ количествомъ умирающихъ животныхъ. тновъ уничтожается хищными звѣрями и птицами, и остающіеся къ скелеты растаскиваются, другая часть разрушается подъ вліздуха и атмосферныхъ осадковъ, и за правило надо принять, что большинство какъ позвоночныхъ, такъ и безпозвоночныхъ исчеоставляя по себѣ никакихъ слѣдовъ. Поразительнѣе всего въ чаѣ то, что̀ намъ представляютъ моря и океаны. Въ этихъ безъ водныхъ областяхъ живутъ неисчислимыя количества существъ ихъ такіе колоссы животнаго міра, какъ нѣкоторыя акулы и кивду тѣмъ, что мы находимъ на днѣ моря? Отъ акулъ остаются бы, по своему строенію достаточно сопротивляющіяся вліянію льнаго дѣйствія морской воды, отъ китовъ кости ушной обить-таки наиболѣе массивныя и наиболѣе трудно-разрушаюя остальная масса пропитанныхъ известью хрящей и костей, уже о мягкихъ частяхъ, разрушается совершенно, весь вонько во времени. Точно также и на поверхности земли даже ыхъ позвоночныхъ не остается ничего. Сначала на ихъ трюютъ полчища безпозвоночныхъ и позвоночныхъ хищниковъ, заразрушенія продолжаютъ солнце, дождь и вѣтеръ, и нужны агопріятныя и совершенно исключительныя условія, чтобы даъ крупнаго животнаго могъ сохраниться. Эти условія состоятъ что или трупъ, или скелетъ долженъ быть такъ или иначе .-е. засыпанъ пескомъ, покрытъ иломъ, окруженъ льдомъ и т. п. ь могутъ въ теченіе тысячелѣтій сохраняться не только ске- и цѣлыя туши животныхъ, но, само собою разумѣется, только особи не исчезаютъ безслѣдно. Бизоны и антилопы, погибая во его бѣга черезъ безплодныя песчаныя пустыни, заносятся песслѣдующемъ же вѣтрѣ, и ихъ скелеты сохраняются до тѣхъ а тотъ же вѣтеръ не снесетъ наметенныя на нихъ массы песка; животныя, погибая за предѣлами пустыни, пропадаютъ безслѣдно. лошади могутъ отъ времени до времени гибнуть на водопоѣхъ трупы затягиваются иломъ и не разрушаются совершенно, и, и лошади, погибая въ лѣсу или степи, не оставляютъ по себѣ т. д. Этихъ примѣровъ достаточно, чтобъ убѣдить каждаго въ мы можемъ предъявлять палеонтологіи только самыя скромныя

это достаточно было оцѣнено и поставлено на видъ Ля-
омъ, которые настоятельно указывали въ своихъ трудахъ
ходимость въ неполнотѣ палеонтологическихъ данныхъ.
ется, почему отсутствіе переходныхъ формъ между мно-
ивотныхъ не имѣетъ никакого значенія въ дѣлѣ опро-
оннаго ученія послѣ того, какъ для другихъ группъ па-
неоцѣнимыя доказательства постепеннаго развитія въ
ряда вѣковъ. Надо ли опять упоминать объ открытіяхъ
рикѣ, о послѣдовательномъ рядѣ формъ копытнъ
ющемся пятипалою и кончающемся однопалою со
цѣломъ рядѣ поразительныхъ пресмыкающихся, к
ы, приводятъ къ современнымъ гадамъ, съ другой-
ъ? О многочисленныхъ птицахъ съ челюстями, во
страннымъ устройствомъ хвоста, конечностей и
, все это, скажутъ намъ, давно успѣло надоѣсть, но,
ть, не могло утратить своего научнаго значенія. Да и
общеизвѣстные факты, когда ихъ легко можно замѣнить
есь къ южной Европѣ, перенеситесь въ область Сивалик-
ъ подножіямъ Гималая, проникните въ центральны
гаетъ ли вездѣ передъ вами прошлый міръ жи
ослѣдовательныхъ замѣнъ однѣхъ формъ другими
ющему насъ міру организмовъ? Не находимъ л
вымершихъ двуутробокъ, которыя являются пра
находимъ ли въ южной Европѣ африканскій я
нами, львами, жирафами и антилопами; въ Юж
овляется ли передъ нами фауна, исчезнувшая
олоссальныхъ прародичей тѣхъ же неполнозубых
отъ собой Южную Америку нынѣ? Палеонтолог
лась на находки въ нѣкоторыхъ случаяхъ и да
слѣдить исторію нѣкоторыхъ группъ до самаго их
какимъ путемъ шли натуралисты въ своихъ изсл
прищѣ, мы видимъ длинный тернистый путь, про
масса труда погибла задаромъ, потому что п
пути тамъ, гдѣ его не было. Чтобы понять всю
являемыхъ палеонтологамъ, когда отъ нихъ т
казательствъ въ подтвержденіе исторіи той или
олько представятъ себѣ палеонтолога за пятьдес
да, начиная работать, онъ не зналъ, почему он
другомъ мѣстѣ, почему онъ выбираетъ Амери
не Африку. Теперь обстоятельства, конечно, изм
рою долей вѣроятія можно ожидать находокъ изъ
ранѣ и другого въ другой, но, все-таки, случа
играютъ громадную роль въ развитіи палеонтоло
ожительный фактъ, одна находка значатъ болѣе,

тысяча отрицательныхъ. Вотъ почему, найдя несомнѣнныя доказательства и для развитія нѣкоторыхъ группъ организмовъ, можно надѣяться найти подобныя же доказательства и для другихъ группъ и не слѣдуетъ отказываться отъ этихъ попытокъ передъ временными неудачами.

Но Вирховъ идетъ, повидимому, инымъ путемъ. Онъ вовсе не упоминаетъ о принципіальной неполнотѣ палеонтологической лѣтописи,—нѣтъ, онъ говоритъ: мы искали, искали много и ничего не нашли, *отброшены по всей линіи;* мы искали до того, что болѣе искать нечего, а потому займемся тѣмъ, что̀ передъ нами, откажемся отъ всякой попытки приподнять завѣсу, скрывающую наше прошлое, наши первые шаги. Противъ этого-то мы и возражаемъ. Весьма возможно, что рѣшеніе вопроса о происхожденіи человѣка никогда не получитъ палеонтологическихъ доказательствъ въ пользу мнѣнія дарвинистовъ, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы отказываться отъ попытокъ рѣшить вопросъ палеонтологическимъ путемъ, къ чему бы эти попытки ни привели. Мы настаиваемъ на продолженіи попытокъ отыскать древнѣйшихъ предковъ человѣка вовсе не потому, что мы надѣемся найти того или другаго представителя сборнаго образа—проантропоса, а потому, что вопросъ, дѣйствительно, не можетъ считаться исчерпаннымъ. Конечно, знаніе человѣка ограничено, но бѣда для науки, если человѣкъ самъ начнетъ класть предѣлы своему знанію, тогда онъ добровольно будетъ знать менѣе, чѣмъ можетъ, и, кто знаетъ, можетъ быть, такимъ образомъ добровольно откажется отъ величайшихъ научныхъ пріобрѣтеній. Съ предсказаніями, а тѣмъ болѣе съ предложеніями прекратить изысканія въ извѣстной области, надо быть осторожнымъ. Вѣдь, Кювье имѣлъ бы право сказать въ свое время, одержавъ верхъ надъ Ж. С.-Иллеромъ: не пытайтесь искать переходныхъ формъ между видами, и если бы всѣ натуралисты повиновались ему, то что имѣли бы мы вмѣсто современной біологіи? Правда, Вирховъ говоритъ, что дарвинисты ушли немного впередъ сравнительно съ древнѣйшими защитниками идеи эволюціоннаго развитія въ дѣлѣ объясненія измѣненій органическаго міра, но противъ этого нечего и возражать,—настолько такое заявленіе не вяжется съ фактами. Вообще рѣчь Вирхова, резюмирующая его многолѣтніе труды на поприщѣ антропологическихъ изысканій, воочію убѣждаетъ насъ, что величайшій практикъ можетъ высказывать весьма странныя идеи тамъ, гдѣ сталкивается съ теоріей. Изъ всего, что когда-нибудь было говорено о наслѣдственности, замѣчанія о наслѣдственности, сдѣланныя Вирховымъ, являются самыми туманными. Никто не станетъ отрицать, что Вирховъ является величайшимъ авторитетомъ, если надо рѣшить вопросъ о нормальномъ или ненормальномъ строеніи черепа, о соотношеніи брахицефальнаго и долихоцефальнаго типа, дать сравненіе остатковъ человѣка и его произведеній, взятыхъ изъ самыхъ различныхъ странъ и эпохъ, но когда Вирховъ начинаетъ говорить о томъ, чего можно ждать отъ палеонтологіи, или берется за рѣшеніе вопроса, всецѣло принадлежащаго біологамъ и зоологамъ, онъ берется не за свое дѣло. У насъ привыкли во всемъ пре-

і передъ человѣкомъ, если онъ достоинъ преклоненія въ чемъ-
едва ли любой фанатическій поклонникъ могъ преклоняться пе-
виномъ, какъ музыкантомъ, хотя то, что Дарвинъ не имѣлъ ни-
узыкальнаго слуха, конечно, не имѣло никакого отношенія къ
онъ сдѣлалъ въ біологіи. Заслуги Вирхова въ медицинѣ гро-
в маловажны его заслуги и какъ антрополога, такъ какъ полезно
ени до времени вылить ушатъ холодной воды на слишкомъ увле-
і спеціалистовъ, посылающихъ полчища брахи- и долихоцефаловъ
граны свѣта. Одинъ изъ такихъ ушатовъ былъ, конечно, поле-
. Геккелю, когда послѣдній требовалъ введенія своихъ фантасти-
исторій міросданія въ преподаваніе въ начальныхъ школахъ. Но
нтологи, ни зоологи, ни ботаники,—будутъ ли они дарвинисты или
инисты,—не нуждаются въ этомъ проявленіи заботливости, такъ
койно работаютъ, оставаясь въ области фактовъ и воздерживаясь
ихъ поспѣшныхъ заключеній, но не закрываютъ глаза тамъ, гдѣ
видѣть. Отношеніе Вирхова къ палеонтологіи несправедливо ни
ъ случаѣ,—нельзя безусловно вѣрить ея отрицательнымъ даннымъ,
и же не вѣрить и тому, что ею добыто. Познакомимся теперь съ
логическими данными, относящимися къ древности человѣка, хотя
ѣлью показать, что не все же могла рѣшить въ этомъ направле-
ина Отта.

го выше было сказано о соотношеніи человѣка и обезьянъ, ко-
жетъ быть резюмировано такимъ образомъ, что по нѣкоторымъ
онъ сходенъ со всею группой, тогда какъ по другимъ, свойствен-
, онъ и отличается отъ всей группы, т.-е. отдѣлился отъ общей
вьской формы прежде, чѣмъ существующіе типы антропоидныхъ
обособились другъ отъ друга. Это обособленіе, какъ можно ду-
изошло, по крайней мѣрѣ, въ міоценовый періодъ, потому что въ
оценовыхъ отложеніяхъ Западной Европы найдены остатки двухъ
, близкихъ къ гиббонамъ, изъ которыхъ одна, дріопитекъ, была
съ человѣка и имѣла зубы болѣе похожіе на зубы человѣка,
ременныя обезьяны. Слѣдовательно, едва ли въ эпоху верхняго
ы достигли того періода, когда жила общая прародн
ловѣка и антропоида.

асается остатковъ самого человѣка, то и они крайне
и позволяютъ намъ проникнуть только недалеко въ
мъ ясныя доказательства существованія человѣка въ Ев
і періодъ ледниковой эпохи и нѣкоторыя указанія на е
въ межледниковую и даже до-ледниковую эпоху. В
атки человѣка и его произведеній, найденные въ золот
алифорніи подъ потокомъ пліоценовой лавы, ясно указыва
существовалъ въ Новомъ Свѣтѣ такъ же рано, какъ и
мѣчательно также то, что, по словамъ проф. Гёксли, энг
ьскій черепа—самые древніе изъ извѣстныхъ въ Европ

ь питекоидной формѣ, изъ измѣненія которой могъ человѣкъ. Калифорнійскіе остатки также не даютъ
ю форму человѣка,—слѣдовательно, мы должны пока опредѣленно остановиться на томъ, что не имѣемъ остатковъ человѣка или только человѣкоподобнаго существа почти изъ всей пліоценовой и питекоидной формы изъ пліоценовой и міоценовой или только міоценовой эпохи. Въ виду этого, нѣкоторые ученые, какъ, наприм., Давкинсъ, высказывали даже такое предположеніе, что человѣкъ совсѣмъ не существовалъ въ пліоценовую эпоху, и старались подтвердить это тѣмъ, что млекопитающія пліоценовой эпохи принадлежали къ видамъ, отличнымъ отъ нынѣшнихъ, и что тѣ же самыя внѣшнія условія, которыя произвели вырожденіе однихъ видовъ животныхъ въ другіе, могли привести и къ образованію изъ низшей формы человѣка. Но выше мы указали, что у насъ нѣтъ основанія предполагать, что это совершилось позднѣе міоцена. Кромѣ того, можно дать весьма вѣроятное объясненіе, почему измѣнились одни виды животныхъ въ другіе, тогда какъ человѣкъ остался неизмѣненнымъ. Все дѣло въ томъ, что приспособленіе животныхъ къ окружающимъ условіямъ совершается исключительно измѣненіями въ ихъ организмѣ, тогда какъ человѣкъ можетъ приспособляться даже къ гораздо большимъ измѣненіямъ въ средѣ путемъ умственнаго развитія, давшаго ему возможность пользоваться огнемъ, различными орудіями, одеждой, усовершенствованными жилищами, рыболовными и охотничьими принадлежностями и земледѣліемъ. Съ этого онъ могъ разселиться по всему земному шару безъ
ественныхъ измѣненій въ строеніи своего тѣла; приспосо- въ лѣсахъ, равнинахъ и на горахъ; населить пустыни и ъ себя отъ дикихъ звѣрей и добыть кормъ даже тамъ, гдѣ овіяхъ былъ бы безпомощнымъ. Слѣдовательно, можно скахъ поръ, какъ прародительская форма человѣка пріобрѣла вертикальному положенію безъ активнаго участія рукъ при мозговая дѣятельность оказалась достаточной для того, пользоваться руками для добыванія огня, выдѣлыванія , постройки жилищъ, посѣва злаковъ,—естественный подборъ ь на измѣненія въ строеніи тѣла и проявивъ постоянное мозгъ и мозговую дѣятельность. Человѣкъ могъ сдѣлаться, ь, человѣкомъ, homo sapiens, даже въ міоценовую эпоху, и другія млекопитающія постепенно измѣнялись подъ вліяющихся физическихъ и біологическихъ условій, человѣкъ могъ только въ умственномъ развитіи, подчиняя себѣ все болѣе ь животныхъ и занимая все болѣе и болѣе обширное про- тивъ предположеніемъ стоитъ въ полномъ согласіи наиболѣе между человѣкомъ и антропоморфными обезьянами, выразмѣрахъ и сложности головного мозга. Тогда какъ головѣка при нормальныхъ условіяхъ едва ли вѣситъ менѣе 31 , головной мозгъ гориллы едва ли превышаетъ 20 унцовъ,

юслая горилла значительно тяжелѣе человѣка.
, что средній вѣсъ мозга человѣка отъ 48 до 49 унцовъ, то даже
и, что средній вѣсъ головного мозга обезьянъ только на 2 унца
вѣса головного мозга гориллы, мы еще яснѣе видимъ, какое огром-
итіе этого органа у человѣка совершилось съ тѣхъ поръ, какъ его
гельская форма отдѣлилась отъ вѣтви, приведшей къ обезьянамъ.
имая все это во вниманіе, мы должны придти къ заключенію, что
» пріобрѣлъ свои характерныя особенности, давшія ему господство
тальными животными и позволившія подчинить окружающія усло-
очень давно. Мы должны также допустить, что пока головной
разумъ человѣка развивались все болѣе и болѣе, человѣческое
ѣличивалось въ числѣ, такъ какъ иначе ему едва ли удалось бы
ся съ многочисленными хищными животными, существовавшими въ
I. Въ многочисленномъ населеніи, конечно, скорѣе могли намѣтиться
енія головного мозга, наиболѣе пригодныя къ дальнѣйшему разви-
.отя это нѣсколько затрудняетъ рѣшеніе вопроса, почему до сихъ
| знаемъ такъ мало остатковъ человѣка въ ископаемомъ состояніи,
менѣе, можно думать, что именно болѣе высокое умственное раз-
редохранило человѣка отъ той случайной гибели, при которой
, подобно остаткамъ животныхъ, могло попасть въ илъ или дру-
сы. Кромѣ того, мы рѣшительно не можемъ сказать, [illegible]
наменуетъ себя палеонтологія въ ближайшемъ буду
эсъ, котораго мы продолжаемъ держаться въ изло
анныхъ, свидѣтельствующихъ въ пользу мнѣнія Дар
кожденіи человѣка, не оставляетъ въ сторонѣ вопр
скать коренную родину человѣка. Обыкновенно п
гельская форма человѣка появилась подъ тропиками
аиболѣе роскошна и климатъ отличается наиболы
Но противъ этого можно сдѣлать нѣсколько серье
ропоморфныя обезьяны, да и большинство обезьянъ,
всному образу жизни, но человѣкъ отличается свои
юбленіемъ къ передвиженію по землѣ. Поэтому едва
, что онъ появился въ лѣсной области, гдѣ пище
ѣемый плодами, могъ бы добываться только при лаз
роятнѣе, что онъ началъ свое существованіе на от
и плоскогоріяхъ умѣренной или подтропической зо
| травоядными млекопитающими и грызунами, птиц
ами. Въ такой мѣстности онъ могъ сначала добывать
лей и охотой, а потомъ какъ земледѣлецъ, что предс
ѣдовательность, которую намъ указываетъ палеолит
| раса въ Европѣ.
ался далѣе опредѣлить болѣе точно ту область, гд
айти древнѣйшіе слѣды существованія человѣка, ес
| на восточномъ полушаріи, такъ какъ антропоморф

ствовали только здѣсь. При этомъ Африка должна быть
го мы навѣрное знаемъ, что она была отдѣлена отъ
ь въ раннюю третичную эпоху и пріобрѣла современ-
ную фауну высшихъ млекопитающихъ послѣ соединенія съ этимъ континентомъ и послѣ того, какъ отъ нея отдѣлился Мадагаскаръ, сохранившій намъ болѣе раннюю африканскую фауну млекопитающихъ, среди которыхъ нѣтъ ни антропоморфныхъ обезьянъ, ни другихъ высшихъ четырерукихъ. Остается, слѣдовательно, обширный европейско-азіатскій материкъ и весьма возможно, что его плоскогорія, простирающіяся отъ Персіи до Манчжуріи, представляли въ концѣ міоценоваго или въ началѣ пліоценоваго періода условія, подходящія для развитія прародителей человѣка. Именно въ этой области мы находимъ племена монгольскаго типа, цвѣтъ кожи которыхъ занимаетъ среднее мѣсто между чернымъ или черно-бурымъ цвѣтомъ негра и красноватымъ или оливково-бѣлымъ цвѣтомъ кавказскихъ племенъ; этотъ цвѣтъ и теперь преобладаетъ во всей сѣверной Азіи, на Американскомъ материкѣ и въ значительной мѣрѣ даже въ Полинезіи. Изъ этого первоначальнаго типа окраски, подъ вліяніемъ измѣнявшихся условій существованія и, вѣроятно, въ соотношеніи съ органическими измѣненіями, являвшимися приспособленіемъ къ особенностямъ того или другого климата, могли развиться различные оттѣнки окраски, которые характеризуютъ собою и теперь различныя племена. Если соображенія, путемъ которыхъ мы пришли къ этому выводу, справедливы и развитіе человѣка изъ низшей формы произошло въ указанной области, тогда намъ становится понятно, почему мы не добыли до сихъ поръ остатковъ человѣка или близкой къ нему формы изъ отложеній третичной эпохи, такъ какъ область плоскогорій центральной Азіи совершенно не изслѣдована геологами. Эта область достаточно обширна и разнообразна въ разныхъ своихъ частяхъ, чтобы допустить для нашихъ отдаленныхъ предковъ возможность размножиться въ обширное на-
селеніе и пріобрѣсти въ полномъ объемѣ характерныя для человѣка осо-
сти прежде, чѣмъ началось ихъ разселеніе за предѣлы этой области.
изъ древнѣйшихъ переселеній, вѣроятно, произошло въ Африку, гдѣ,
рѣ движенія человѣка на западъ, мѣнялась окраска его кожи и стро-
олосъ, въ связи съ физіологическими измѣненіями, приспособлявшими
ганизмъ къ климату тропическихъ низменностей. Переселеніе въ Европу
рымъ и холоднымъ климатомъ могло привести къ противуположному
нію и такимъ образомъ могли въ столь отдаленную отъ насъ эпоху
иться три главные типа человѣческихъ племенъ. Нѣсколько позднѣе,
гно, человѣкъ проникъ въ сѣверо-западную Америку, откуда разсе-
въ скоромъ времени по всему материку. И все это могло произойти
ь ранній, или въ средній періодъ пліоценовой эпохи. А съ теченіемъ
и человѣкъ проникъ во всѣ части обитаемаго міра, и смѣшеніемъ
ь племенъ, поглощеніемъ при столкновеніяхъ одного племени другимъ
вать, въ концѣ-концовъ, ту безконечную градацію между племенами,
ой напрасно стараются разобраться этнологи.

въ немногихъ словахъ богатая содержаніем
картина появленія человѣка и разселенія е
нѣтъ на вопросъ, почему изученіе самыхъ ди
ъ племенъ не даетъ ничего въ рѣшеніи воп
Вирховъ безусловно правъ, когда говоритъ
в время всѣ племена земного шара, но ме
оторое не было бы, все-таки, высоко орган
зко выраженныхъ человѣческихъ особенно
огда утверждаетъ, что не слѣдуетъ преувели
особенностей, появляющихся у различныхъ
инности, даже понимаемыя нами, противно и
ческія, слишкомъ общи и случайны и дѣйст
ія къ выясненію соотношеній человѣчески
асъ нѣтъ палеонтологическихъ доказательст
одства человѣка и низшихъ животныхъ, но
нтологическія доказательства составляютъ
твъ, а вовсе не исчерпываютъ собою всѣ. Ч
и физіологическихъ доказательствъ, то ихъ с
ъ упомянутаго взгляда неопровержимо и Вир
своей рѣчи, произнесенной въ 1887 г. въ
всякой другой группѣ животныхъ мы счит
ьства въ широкомъ смыслѣ этого слова (о
и данныя) совершенно достаточными, чтобы
о группъ генетическими узами, почему же та
примѣненія къ человѣку? Обратимъ внима
то палеонтологическія данныя, во всякомъ с
ченію о кровномъ родствѣ человѣка съ
то нѣтъ, какъ нѣтъ для сотенъ другихъ гру
полные ряды палеонтологическихъ доказате
ествуютъ всего для немногихъ десятковъ
Но, повторяемъ, одного ряда было бы дост
нѣсколькихъ болѣе, чѣмъ достаточно, чтобы с
ьное значеніе отсутствія палеонтологическихъ
рожденіи человѣка, какъ бы это ни задѣвало
частный и не отвѣтъ на него подсказывает
и всего органическаго міра, а обратно—нау
ческаго міра подсказываетъ отвѣтъ на воп
Конечно, можно совершенно раздѣлить эти
ихъ самостоятельно, но это не научно, а
научными попытками освѣтить какую бы
лѣдованную область.
первый рядъ возраженій, которыя мы нах
на основную рѣчь Вирхова, все болѣе и бо
по мѣрѣ того, какъ она произносится во

ожетъ быть, что путемъ эволюціи, которую Вир-
·орой подчиняется, его рѣчь, въ концѣ-концовъ,
да мы не видѣли, чтобы отъ обезьяны родился человѣкъ или обезьяна отъ человѣка, но, выигравши, такимъ образомъ, въ краткости и силѣ, знаменитая рѣчь едва ли выиграетъ въ убѣдительности. «Практическая антропологія,—говоритъ Вирховъ въ 1887 г.,— начинается только съ четвертичной или ледниковой эпохи», и на этомъ пока можно остановиться, отдавъ не только кремни, глину, бронзу и желѣзо, но и безчисленные курганы антропологамъ и сохранивъ всѣ попытки выяснить прошлое человѣка въ рукахъ зоологовъ и палеонтологовъ. До сихъ поръ мы привели возраженія на положенія Вирхова, придерживаясь Уоллэса, который въ вопросѣ о физическомъ сходствѣ человѣка съ низшими животными до мелочей сходится съ Дарвиномъ, но, помимо Уоллэса, многіе знаменитые натуралисты касались интересующаго насъ вопроса. Не приводя всего, что говорилось по этому поводу, мы остановимся только на замѣчаніяхъ лучшаго знатока млекопитающихъ, проф. Флоуэра.

Останавливаясь только на строеніи тѣла человѣка, — говоритъ Флоу-
ожно съ очевидностью показать, что тѣ черты, которыми онъ от-
:я отъ наиболѣе близкихъ къ нему обезьянъ, не важнѣе тѣхъ, ко-
сейчасъ названныя обезьяны отличаются отъ другихъ общепри-
хъ членовъ группы, и потому въ любой естественной системѣ, если
изъ человѣка сдѣлать предметъ естественной классификаціи на тѣхъ
ованіяхъ, которыя прилагаются въ другихъ случаяхъ, онъ долженъ
ключенъ въ одинъ отрядъ съ обезьянами. Разсматривая человѣка съ
ческой точки зрѣнія, мы должны включить его въ отрядъ прима-
аже если изъ него выдѣлить полуобезьянъ или лемуровъ, такъ какъ
строенію гораздо ближе къ обезьянамъ, нежели полуобезьяны. Мы
ожемъ пойти далѣе и сказать, что разница между человѣкомъ и ан-
рфными обезьянами не такъ велика, какъ между послѣдними и ами-
ими представителями группы. Принимая это во вниманіе, можетъ
анлучшимъ опредѣленіемъ мѣста, занимаемаго человѣкомъ въ систе-
етъ выдѣленіе его только въ особое семейство отряда, что наибо-
твѣтствуетъ линнеевскому взгляду, по которому человѣкъ состав-
олько особый отъ обезьянъ родъ.

ъ извѣстно, много споровъ было о томъ, разсматривать ли всѣхъ
вителей человѣческаго рода, какъ относящихся къ одному или нѣ-
имъ видамъ. Въ настоящее время вопросъ этотъ имѣетъ менѣе зна-
тѣмъ прежде, когда съ представленіемъ объ особомъ видѣ соединя-
едставленіе и объ особомъ происхожденіи; тѣмъ не менѣе, если попы-
отвѣчать на него, то нельзя не видѣть, что самымъ большимъ опро-
іемъ того, что существуетъ нѣсколько видовъ человѣческаго рода,
:я крайнее разнообразіе мнѣній объ этомъ предметѣ, тогда какъ
итаютъ три, другіе насчитываютъ двадцать видовъ. Если бы видо-
·знаки были хорошо выражены, то едва ли бы могло существовать

ообразіе въ мнѣніяхъ. Съ этой стороны къ человѣку приложима
ча, которую зоологи преслѣдуютъ при изученіи всякой другой
становленіе естественной классификаціи, которая выражала бы
ашихъ свѣдѣній о кровномъ родствѣ различныхъ формъ. Выяс-
лѣе и болѣе соотношеніе тѣхъ или другихъ племенъ, мы мо-
нецъ, нарисовать картину и распредѣленія человѣческихъ пле-
рошломъ, и послѣдовательность ихъ происхожденія одного отъ
о съ человѣкомъ въ этомъ случаѣ гораздо болѣе затрудненій.
группы животныхъ, расходясь въ своихъ признакахъ, утра-
ее болѣе и болѣе способность давать при скрещиваніи плодущее
разновидности человѣка при скрещиваніи остаются плодущими,
ть быть, и въ различной степени.
ая древность происхожденія человѣка сравнительно со всѣмъ
имъ періодомъ не подлежитъ сомнѣнію. Въ продолженіе крайне
емени, когда человѣкъ находился въ дикомъ состояніи,—времени
олгаго, что весь историческій періодъ кажется передъ нимъ
инимъ днемъ,—человѣкъ находился подъ вліяніемъ тѣхъ же есте-
законовъ, которые вызываютъ измѣненія и въ другихъ отдѣ-
ической природы. Въ высшей степени вѣроятно, что первые
или другъ на друга, но, разселяясь по землѣ и
зличныхъ внѣшнихъ условій, климата, пищи, борьб
и своего собственнаго вида или съ дикими животны
яться и путемъ подбора мелочныхъ индивидуальны
выработаться въ различныя племена, такъ какъ эт
избѣжать ни одна группа живыхъ существъ. Но ес
приложеніи къ человѣку охватываетъ гораздо болѣ
не только вліяетъ на образованіе внѣшнихъ особен
умственной дѣятельности. Флоуэръ заключаетъ сво
объ исторіи человѣка замѣчаніемъ, что исторія эта
и пестра, но что въ ней можно замѣтить два глав
иняющія себѣ остальныя: съ одной стороны, стре
роваться, съ другой—стремленіе къ скитію. Само
го борьба этихъ двухъ совершенно противуположны
айности запутала всю исторію образованія и разс
верхности земного шара, но если бы мы добыли по
кія данныя, то могли бы ее возстановить, несмотря
нію, палеонтологическія данныя, пока имѣющіяся
райне неполны и мы не знаемъ, въ какой степени
удущемъ.
Видерсгеймъ посвятилъ сравненію организаціи человѣ
щихъ животныхъ особый трудъ, гдѣ собралъ гораз
фактовъ, доказывающихъ однообразіе въ строеніи
и животныхъ, чѣмъ то, которое мы могли упомянут

нскій палеонтологъ Копъ считаетъ, что организмъ
должаетъ измѣняться, и находитъ возможнымъ до-
пустить, что современемъ образуются двѣ особыя группы, которыя будутъ характеризоваться различными зубными формулами: у одной отличіе отъ зубной формулы современнаго человѣка выразится въ уменьшеніи числа верхнихъ рѣзцовъ до двухъ, у другой — уменьшеніемъ истинныхъ коренныхъ въ верхней и нижней челюсти съ трехъ на два,—слѣдовательно, у одной группы общее число зубовъ будетъ 30, у другой—28, тогда какъ, судя по зубной формулѣ нѣкоторыхъ племенъ, именно по личнымъ уклоненіямъ въ зубной формулѣ ново-каледонійцевъ, тасманійцевъ (вымерш.), австралійцевъ и негровъ, мы имѣемъ полное основаніе думать, что у предковъ современнаго человѣка число зубовъ доходило до 36 и даже до 40.

Мы привели здѣсь мнѣнія наиболѣе выдающихся натуралистовъ всѣхъ странъ свѣта о происхожденіи человѣка и его соотношеніи съ низшими
ми. Всѣ они сходны между собою въ томъ, что со стороны орга-
человѣкъ долженъ быть разсматриваемъ вмѣстѣ съ другими живот-
нѣтъ ни малѣйшаго основанія отрицать его общность про-
ія съ остальнымъ животнымъ міромъ. Оставаясь на строго-факти-
чвѣ, мы должны признать, что *пока* въ нашихъ рукахъ нѣтъ
огическихъ доказательствъ родства человѣка съ близкими форма-
сѣ другія доказательства налицо; кромѣ того, мы видѣли, что
ьное значеніе палеонтологическихъ данныхъ не велико. Такимъ
, всѣ зоологи идутъ далѣе Вирхова, и, относясь къ мнѣніямъ послѣд-
ъ всякаго предубѣжденія и безъ всякаго увлеченія въ какую бы
ло сторону, мы, все-таки, не видимъ никакого научнаго основанія
, чтобъ онъ могъ выбрасывать изъ программы антропологическихъ
коренные вопросы этой отрасли знанія и утверждать, что по-
рѣшенію этого вопроса не приведутъ ни къ чему. Можетъ быть,
сказать, что пускай антропологи не берутся за рѣшеніе вопроса,
доступенъ для рѣшенія при совмѣстныхъ трудахъ различныхъ
товъ, но утверждать, что антропологамъ нѣтъ дѣла до рѣшенія
проса, по меньшей мѣрѣ странно. Однако, отрицательная сторона
рхова лежитъ не въ этомъ, а въ апломбѣ, съ которымъ въ нихъ
рѣшительно обо всемъ, начиная съ того, что отъ бѣлаго чело-
родится черный, и кончая тѣмъ, что отъ человѣка не родится
и отъ обезьяны не родится человѣкъ. Апломбъ всегда даетъ ора-
ѣхъ и дѣйствуетъ на слушателей, но въ научныхъ рѣчахъ вели-
ученыхъ мы привыкли встрѣчать не апломбъ, а скромность и
ость. Тамъ, гдѣ есть наука, непремѣнно есть и сомнѣніе. Чѣмъ
ловѣкъ знаетъ, тѣмъ въ большемъ онъ сомнѣвается. Сомнѣвается
ъ, сомнѣвается не въ какой-либо частности, а въ цѣлой отрасли
азываемой біологіей, но это не мѣшаетъ ему не сомнѣваться въ
ъ археологіи, хотя, можетъ быть, здѣсь позволительно будетъ сдѣ-
омное напоминаніе объ исторіи вопроса о нефритѣ, чтобы хотя

нѣсколько поколебать увѣренность Вирхова въ непогрѣшимости археологіи. Благодаря этому-то апломбу, Вирховъ и имѣлъ такой шумный успѣхъ среди публики и фельетонистовъ, но едва ли онъ сказалъ что-нибудь новое скромнымъ труженикамъ науки. Послѣдніе не могли найти ни въ одной его рѣчи даже того, что увидѣла публика, т.-е. возмущенія противъ матеріализма, такъ какъ, допустивши даже, что Вирховъ не соглашается съ Дарвиномъ въ его основныхъ положеніяхъ, изъ этого нельзя выводить ни того, что Вирховъ не допускаетъ эволюціи, ни какого-либо заключенія о томъ, матеріалистичны его возрѣнія или нѣтъ. Публика захотѣла подвести воззрѣнія Вирхова къ своимъ, и неопредѣленная форма рѣчи знаменитаго патолога дала ей въ общемъ на это право, хотя, какъ мы видѣли, относясь къ содержанію рѣчи внимательно, едва ли можно найти въ ней право на что-либо подобное; банальная фраза объ обезьянѣ закончила собою все, какъ такая формулировка нѣкоторыхъ воззрѣній, которая наиболѣе подходитъ къ уровню пониманія научно-философскихъ идей въ массѣ. И, тѣмъ не менѣе, научный матеріализмъ, какъ извѣстное философское направленіе, все-таки, остается въ силѣ, независимо отъ того, подходитъ ли онъ къ господствующимъ въ массѣ воззрѣніямъ, или нѣтъ. Это направленіе создалось не случайно, а тысячелѣтіями, и у насъ нѣтъ поводовъ предполагать, что оно будетъ отринуто ex abrupto. Во всякомъ случаѣ, оно, какъ и всякое другое научное міровоззрѣніе, имѣетъ право свободнаго обсужденія и не отвѣтственно за ложныя примѣненія его къ жизни со стороны лицъ, мало знакомыхъ съ наукой.

И такъ, кончая съ изложеніемъ соображеній, вызванныхъ рѣчью Вирхова, мы видимъ, что, съ одной стороны, она не имѣетъ и не им того значенія, которое ей придали въ обществѣ, съ другой—в многаго того, что увидѣли лица, незнакомыя съ естественны наконецъ, съ третьей—это не есть рѣчь ученаго, а рѣчь публ тора, который желаетъ произвести наибольшее впечатлѣніе, п обычнымъ въ такихъ случаяхъ пріемамъ, не допускаемымъ въ о научныхъ рѣчахъ.

М. И

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Законопроектъ о неотчуждаемости крестьянской надѣльной земли.— Темныя стороны нашей ремесленной промышленности.— Циркуляръ г. попечителя кавказскаго учебнаго округа.— Успѣхи земской начальной школы.— По поводу излишней обидчивости одного общественнаго дѣятеля.

Въ ряду законодательныхъ работъ послѣдняго времени проектъ о неотчуждаемости крестьянскихъ надѣловъ занимаетъ очень выдающееся мѣсто. Предположено разсмотрѣть этотъ важный проектъ въ законодательномъ порядкѣ еще осенью нынѣшняго года, а потому своевременно ознакомиться съ мотивами, которыми руководствовалось министерство внутреннихъ дѣлъ при разработкѣ этого вопроса.

Въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ уже давно накоплялись свѣдѣнія о томъ, что крестьянскія земли все чаще и чаще отчуждаются въ сторонніе руки по мѣрѣ того, какъ уменьшается капитальная сумма долга, падающаго на надѣльную землю. Этому особенно способствуетъ 165-я статья положенія о выкупѣ, въ силу которой каждый крестьянинъ имѣетъ право выкупать изъ состава земли сельскаго общества состоящій въ его пользованіи участокъ. Эта статья помогаетъ ловкимъ скупщикамъ пріобрѣтать крестьянскія земли. Въ очень многихъ случаяхъ 165-ю статьей пользуются бѣднѣйшіе домохозяева: они занимаютъ деньги у скупщиковъ, выкупаютъ свои надѣлы и тотчасъ же продаютъ ихъ лицамъ, которыя дали имъ ссуды для совершенія выкупа. Посредствомъ этой операціи обезземеленіе отдѣльныхъ крестьянъ и цѣлыхъ сельскихъ обществъ совершается съ поразительною быстротой. Есть много примѣровъ, что скупщики, не входящіе въ составъ даннаго общества, пріобрѣтали въ немъ десятки и даже сотни душевыхъ надѣловъ. Эти факты оказываютъ очень вредное вліяніе и на отдѣльныхъ к тьянъ, и на цѣлыя сельскія общества. Домохозяева, продавшіе свои н лы, разоряются. Общества несутъ крупныя потери вслѣдствіе того, что в хъ составъ входятъ люди, которые не имѣютъ съ ними ничего общаго, н тбываютъ повинностей вмѣстѣ съ членами міра и не подчиняются об- п венному управленію. Съ тѣмъ вмѣстѣ возростаютъ тягости, которыя л ть на членахъ сельскаго общества: при существованіи круговой по-

я и мірскія повинности за крестьянъ, продавшихъ надѣлы,
сти наличнымъ членамъ сельскихъ обществъ; сельское обще-
призрѣвать своихъ членовъ, неспособныхъ къ труду; обеззе-
къ крестьянъ легко можетъ увеличить число людей, которые
помощи.

ы, на которые уже давно указываютъ земства, на которыхъ
и эксперты, призванные еще въ 1881 году для обсужденія
ниженіи выкупныхъ платежей и о крестьянскихъ переселе-
му матеріалу слѣдуетъ пріобщить и отзывы губернаторовъ,
министерствомъ. Большинство губернаторовъ изъ разныхъ
періи высказались за необходимость признать крестьянскую
лю неотчуждаемою. Во всѣхъ этихъ отзывахъ можно подмѣ-
браженія, въ силу которыхъ 165-я статья была предметомъ
нападокъ: земства и земскіе эксперты, участвовавшіе въ ра-
тельственныхъ коммиссій, указывали на противорѣчіе 165-й
ованіями, на которыхъ зиждется весь строй мірского владѣ-
губернаторы собрали множество фактовъ въ доказательство
упъ крестьянами участковъ по 165-й статьѣ почти всегда
перепродажу участковъ скупщикамъ. Въ отзывахъ губерна-
подмѣтить очень пессимистическій взглядъ на это явленіе:
ршается до сихъ поръ сравнительно не въ очень большихъ
о, объясняютъ нѣкоторые губернаторы, лишь
многихъ мѣстахъ еще не ознакомились со свои
выкупа земли. Но дальнѣйшее ознакомленіе съ
авляетъ законъ, не заставитъ себя долго ждать,
20 лѣтъ, если противъ этого зла не будутъ при
, мірская земля перейдетъ въ собственность небо
которые сдѣлаютъ массу населенія своими батра
торы считаютъ также обоюдоострымъ оружіемъ
въ продавать, по уплатѣ выкупной ссуды, всю
: это право также можетъ стать источникомъ

ъ матеріалъ и послужитъ министерству внутр
при выработкѣ его законопроекта. Было предпо
на за руководящее начало тотъ принципъ, что
Ѣлому сельскому обществу, что обществамъ д
тчуждать земли лицамъ, которыя не принадлеж
новляя, какъ общее правило, неотчуждаемость к
руки лицъ, не принадлежащихъ къ составу общ
однако, допустить слѣдующія исключенія: въ
ля устройства фабрикъ и заводовъ; въ случаѣ с
естьянскихъ надѣльныхъ земель для обществен
надобностей; въ случаѣ отвода этихъ земель
ъ устраиваемыхъ приходовъ и въ случаѣ обмѣ

гельномъ разграниченіи крестьянскаго надѣла. Было предположено также воспрещеніе залога этихъ земель. Дабы, при наслѣдованіи этихъ земель, не нарушился принципъ, проведенный въ законопроектѣ, было рѣшено предоставить наслѣднику право вступить во владѣніе доставшимся ему участкомъ лишь въ томъ случаѣ, если общество изъявитъ готовность принять его, а онъ согласится приписаться къ обществу. Было также предусмотрѣно, что надѣльныя земли могутъ переходить въ сторонніе руки на основаніи давности, а потому было предположено установить правило, что дѣйствіе земской давности не распространяется на эти земли. Всѣ эти ограниченія могли бы воспрепятствовать переходу надѣльныхъ земель въ руки людей, сторонникъ сельскимъ обществамъ, но не помѣшали бы обезземеленію однихъ крестьянъ и сосредоточенію многихъ надѣловъ въ рукахъ другихъ общинниковъ. Многія вѣдомства, дававшія заключенія министерству внутреннихъ дѣлъ, особенно возставали противъ 165 статьи, которая ведетъ къ неравномѣрному распредѣленію земли въ средѣ сельскаго общества, и требовали отмѣны этой статьи. Во многихъ изъ отзывовъ, поданныхъ министерству внутреннихъ дѣлъ, высказывалась мысль о необходимости установить въ законѣ высшую и низ-

ормы землевладѣнія крестьянскихъ дворовъ. Была проведена также ль, что на надѣльныя земли не должны быть обращаемы взысканія къ долговъ. А министерство юстиціи предлагало дополнить законоь тѣмъ, чтобы всѣ начертанныя правила были распространены такземли, пріобрѣтенныя крестьянами на основаніи 143 ст. общаго по-, причемъ пріобрѣтатель получаетъ право приписаться къ обществу гласія послѣдняго. Подобная мѣра можетъ быть оправдана тѣмъ ніемъ, что и эти участки входятъ въ составъ площади земли, кообезпечиваетъ крестьянамъ средства къ исправному отбыванію поей предъ государствомъ. Въ связи съ этимъ проводилась, особенно роны министерства юстиціи, та мысль, что принципъ неотчуждаемости ъ быть распространенъ на земли, купленныя при помощи ссуды изъ нскаго земельнаго банка, и что то же начало должно быть соблюпри всякаго рода мѣропріятіяхъ, которыми правительство будетъ совать пріобрѣтенію крестьянами недвижимой собственности.

прочитаетъ довольно подробно изложенный нами проектъ министернутреннихъ дѣлъ, направленный къ закрѣпленію за крестьянами неой собственности, тотъ согласится, что министерство усвоило наоторыми должно быть проникнуто это важное законодательное мѣро-. Во-первыхъ, министерство стремится обнять всѣ формы отчужденія ныхъ земель и остановить процессъ обезземеленія, какова бы ни была а въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Крестьянскій надѣлъ можетъ ужденъ посредствомъ продажи, залога, передачи по наслѣдству; ть перейти въ другія руки въ силу давности владѣнія; онъ моть проданъ за долги или недоимки по податямъ. Памятуя о разноспособовъ обезземеленія крестьянъ, законопроектъ ставитъ себѣ

борьбу со всѣми этими способами. Во-вторыхъ, законопроектъ не
я давнишняго и до сихъ поръ не окончившагося спора о сравни-
къ достоинствахъ и недостаткахъ общиннаго и участковаго земле-
я и старается равномѣрно охранить отъ обезземеленія и крестьянъ,
щихъ подворными участками, и членовъ сельскихъ общинъ. Нако-
ъ-третьихъ, въ основаніи законопроекта лежитъ мысль, что ограж-
ьскихъ обществъ отъ сторонннхъ лицъ не мѣшаетъ крайней неравно-
ти въ распредѣленіи земли между членами общества, росту благосо-
однихъ общинниковъ и обѣдненію другихъ; отсюда истекаетъ пред-
ніе установить высшую и низшую нормы надѣла. Словомъ, намѣче
іятія, посредствомъ которыхъ Иванъ, Василій, Петръ, Михаилъ, Е
ладѣющіе надѣльною землей, могутъ остаться собственниками свои
въ даже при наступленіи условій, которыя въ настоящее время
но дѣлаютъ этихъ крестьянъ безземельными.

дварительно одна оговорка: положеніе о томъ, что допускается
іе надѣльной земли для устройства фабрикъ и заводовъ, легко
ослужить причиной обезземеленія цѣлаго сельскаго общества. Е
еще нѣтъ большой бѣды, если сельское общество продастъ и
лощади своей земли 3, 5, 10 десятинъ подъ устройство ф
хъ зданій и жилищъ для рабочихъ. Законопроектъ, предполагая р
продажу надѣльной земли съ этою цѣлью, руководствуется тѣ
веніемъ, что промышленникъ избираетъ особенно удобное мѣсто д
ія фабричнаго заведенія, что пріобрѣтаемые для этого участки опл
ся обыкновенно дорого и что продавецъ (сельское общество), с
ъ выгодную сдѣлку, выручивъ хорошія деньги, будетъ очень дале
ззземеленія. Однако, эти сдѣлки могутъ отличаться и инымъ хара

Сельское общество можетъ продать всю свою землю подъ устр
харовареннаго или крахмальнаго завода, причемъ небольшая час
и будетъ застроена фабричными зданіями, а остальная часть буде
ь мѣстомъ для воздѣлыванія перерабатываемыхъ матеріаловъ,
ь случаѣ свекловицы, во второмъ—картофеля. Подобныя явле
ставляютъ чего-либо невѣроятнаго. Ростъ населенія, отсталос
льческихъ пріемовъ, истощеніе почвы въ нашей черноземной по
ютъ съ каждымъ годомъ все менѣе выгоднымъ веденіе хозяйст
ихъ размѣрахъ, какъ оно ведется крестьянами общинниками; и
ъ годомъ крупный хозяинъ, вооруженный машинами и искусств
уками, можетъ съ выгодою воздѣлывать ту землю, которая бы
роизводительна въ рукахъ крестьянъ. Вотъ причины, въ силу ко
апиталистъ можетъ заплатить высокую цѣну за большую площ
нской земли для воздѣлыванія на ней продуктовъ, которые пе
ваются его фабрикой. Въ подобномъ случаѣ земля будетъ прод
ройства фабрики или завода. Однако, продажа значительной п
аже по очень высокой цѣнѣ не помѣшаетъ отдѣльнымъ домохоз
, иногда и всѣмъ крестьянамъ даннаго сельскаго общества,— р

ными,—постепенно спуститься въ ряды сельскаго про-
ображеніе, которое побуждаетъ насъ высказаться за то, чтобы въ законѣ были съ большою осторожностью перечислены и съ большою точностью редактированы условія, при которыхъ крестьянамъ разрѣшается отчуждать надѣльную землю.

Но это—частный случай. Насъ же занимаетъ общій вопросъ, вопросъ о цѣли, которую преслѣдуетъ правительство, вырабатывая законопроектъ о неотчуждаемости надѣльной земли и о томъ, насколько это мѣропріятіе можетъ приблизить къ намѣченной цѣли. Странно было бы предполагать, что надѣются достигнуть этимъ закономъ только формальной цѣли—обезпечить нашему отечеству опредѣленное число крестьянъ-собственниковъ, безъ вниманія къ тому, пользуются ли они благосостояніемъ или же не имѣютъ возможности даже впроголодь прокормить семью отъ укрѣпленнаго за ними земельнаго надѣла. Конечно, формальная цѣль можетъ быть достигнута безъ большихъ затрудненій: для этого нужно только изложить намѣченный законъ съ достаточною полнотой и опредѣленностью. Но онъ вовсе не содѣйствуетъ достиженію цѣли, которую ставитъ себѣ правительство,—не охраняетъ русской деревни отъ дальнѣйшаго обѣднѣнія, тѣмъ болѣе, не создаетъ условій, которыя способствовали бы росту народнаго богатства.

Любовь къ землѣ, которую, относительно французскихъ поселянъ, Мишснорѣчиво изобразилъ въ своей книгѣ *Le peuple*, отличаетъ и стьянина. Изслѣдователи нашей народной жизни отмѣтили любѣ и сельско-хозяйственному труду со стороны всѣхъ нашихъ ыхъ «исправныхъ» крестьянъ. Разъ земледѣліе находится въ ельномъ состояніи, разъ есть промыселъ, хотя бы сельское ло и малодоходно, то крестьянинъ дорожитъ своею землей, ѣлать въ ней посильныя улучшенія и далекъ отъ мысли продѣлъ. Отчужденіе надѣла совершается только тогда, когда хозяйство въ состояніе упадка, когда накопились недоимки, когда лги, которые, возростая изъ года въ годъ, образуютъ для дотвую петлю. Способно ли одно постановленіе закона о неи надѣльныхъ земель устранить условія, которыя вынуждаютъ отчужденію надѣловъ?

невзгода, поражающая русскую деревню, будетъ и впредь свое губительное дѣйствіе, если пріемы и успѣшность труи безъ измѣненія. Многочисленные и разнообразные невзиваясь на крестьянскую среду, будутъ, какъ и въ настоянаходить въ ней домохозяйства, обладающія значительною ивленія. Эти хозяйства, болѣе устойчивыя, не отчуждающія ъ надѣловъ, вовсе не будутъ испытывать вліянія со стороны ма. Остается вторая группа, группа слабосильныхъ хозяйствъ, верь легко становятся на путь, постепенно ведущій къ обезредставимъ себѣ, что такое хозяйство ослаблено неурожаемъ,

ота, уменьшеніемъ рабочей силы сем
я къ дорогому деревенскому кредиту
агопріятныхъ условіяхъ, можетъ сов
ш. Невозможность продать землю до.
ь осторожными при выдачѣ ссудъ. А
большую невзгоду, не можетъ обой
гласію деревенскихъ ростовщиковъ
редитомъ изъ этого источника, вы
ь, которыя, по существу своему, яв
ш. Кредитная сдѣлка будетъ облек
причемъ арендаторомъ будетъ рос
а, взятая въ долгъ, арендуемою зе
ѣеднымъ срокомъ—срокъ, на который
отчужденіе надѣловъ будетъ соверша
ростовщикамъ, и самостоятельные хо
переходить въ разрядъ батраковъ, о
у свои надѣлы въ пользу арендатор
ра о народномъ кредитѣ и теперь д
тношенія между заимодавцами и дс
отчужденію надѣльной земли, сдѣлаю
прасно было бы утѣшать себя надея
жить предѣлъ всѣмъ сдѣлкамъ этого
ныхъ сдѣлокъ въ письменной формѣ,
ачальствомъ всѣхъ договоровъ, кот
ъ на фактическое отчужденіе надѣл
аться преимущественно словесныя. И
стьянъ отъ болѣе зажиточныхъ и сил
и впредь можетъ понадобиться «по
точному исполненію словесныхъ сдѣ
ость оформленной бумаги облегчаетъ
атываютъ разнообразные способы о
, еще многочисленную группу кресть
ости надѣловъ можетъ поставить въ
малоземельные; ихъ насчитывается до
ь сельскихъ обществахъ, гдѣ надѣлъ
изскую душу. Въ этой массѣ можно
дѣлами менѣе 1 десятины на душу. В
ь селеніяхъ есть отдѣльные домохоз
ятковъ. Но въ общемъ мы находимъ
оторое заставляетъ желать сосредото
немногихъ рукахъ. Если сельское о
і и 200 домохозяевъ, то, конечно, з
ощади въ рукахъ 40—50. Такому с
тга не закрѣпленіемъ за всѣми крест

і содѣйствіемъ переселенію; если на 300 десятинахъ —50 семей, а 150—160 получатъ возможность пере- ги въ другомъ мѣстѣ достаточное земельное обезпеченіе, то все сельское общество будетъ избавлено отъ малоземелья; если же лечить его хозяйственные недуги запрещеніемъ отчуждать надѣльныя земли, то малоземелье, развившись до крайнихъ предѣловъ, сдѣлаетъ его населеніе почти безземельнымъ.

И такъ, этотъ законъ, отдѣльно взятый, ни на волосъ не улучшитъ положенія русской деревни. Какъ торжественное, краснорѣчивое воззваніе къ связанному по рукамъ и ногамъ, чтобъ онъ пользовался своею личною свободой, еще не дѣлаетъ человѣка свободнымъ, такъ и запрещеніе отчуждать надѣльныя земли не внесетъ новыхъ и животворныхъ началъ въ русское народное хозяйство. Но этотъ законъ получитъ большое значеніе, если на ряду съ нимъ будутъ приняты серьезныя мѣры къ расширенію крестьянскаго землевладѣнія и устройству народнаго кредита. Полезно не запрещеніе отчуждать надѣльную землю, а созданіе такихъ условій, при которыхъ крестьчувствуетъ потребности продавать свой надѣлъ или обременять его А потому мы не раздѣляемъ пока восторга тѣхъ органовъ печаые усматриваютъ въ этомъ законѣ очень крупный шагъ въ обномическаго законодательства. Превознося подобное мѣропріятіе, г на неотчуждаемость участковъ въ Сѣверной Америкѣ, но прибываютъ, что тамъ законъ о home-stead'ахъ является въ ряду аконодательныхъ мѣропріятій, обезпечивающихъ гражданамъ личоду, широкое самоуправленіе, облегчающихъ имъ возможность песя по территоріи государства въ поискахъ за наиболѣе благопріусловіями внѣшней природы. И въ Россіи законъ о неотчуждаемоьныхъ земель, вмѣстѣ съ крупными юридико-экономическими ребылъ бы способенъ оказать благотворное вліяніе, какъ въ великанскомъ государствѣ.

нѣсколько мѣсяцевъ работаетъ образованная при департаментѣ и мануфактуръ комиссія по вопросу объ устраненіи стѣсненій кденіи и устройствѣ промышленныхъ предпріятій. Еще въ одномъ ыхъ засѣданій этой комиссіи было сдѣлано заявленіе, которое, віяхъ времени и мѣста, когда оно было сказано, не можетъ не лыбки. Представитель одной изъ крупныхъ московскихъ фабрикъ ювъ заявилъ, что главнымъ стѣсненіемъ для промышленныхъ ій является требованіе спускать въ рѣки отработанную воду. Ни нейское законодательство не выработало еще, по мнѣнію г. Прорѣръ, которыя способствовали бы спуску въ рѣки отработанной и спускъ такой невозможенъ. А потому предъявленіе такого тре-ко вновь возникающимъ фабрикамъ и заводамъ равносильно ню ихъ открытія. Это мнѣніе было поддержано многими членами . Мы говоримъ, что нельзя читать безъ улыбки такого заявленія,

Несомнѣнно, спускъ въ рѣки отработанной воды совершенно
труденъ. Но наша администрація требуетъ только такихъ мѣръ, которыя препятствовали бы загрязненію рѣкъ фабриками, а промышленники упорно воздерживаются отъ расходовъ, которые мѣшаютъ окончательному загрязненію. Такимъ образомъ, подобная жалоба со стороны крупнаго промышленника, поддержанная и другими представителями крупнаго производства, доказываетъ въ дѣйствительности, что крупные фабрики и заводы не встрѣчаютъ въ нашемъ отечествѣ серьезныхъ препятствій къ возникновенію и развитію. Капиталистъ, полагающій начало крупному промышленному заведенію, обладаетъ средствами для обхода препятствій, которыя могутъ встрѣтиться ему на пути. Въ смѣту расходовъ, съ которыми сопряжено основаніе фабрики, обыкновенно входятъ и затраты на хлопоты, предшествующія началу предпріятія. Если даже на окраинѣ Россіи возникаетъ предпріятіе, разсчитывающее на милліонный или хотя бы полумилліонный оборотъ, и нужно хлопотать о разрѣшеніи его въ столицѣ и истратить 5—10,000 рублей, то на хлопоты найдутся и деньги, и подходящіе люди. Иначе поставлены мелкія предпріятія: отдаленность пунктовъ, въ которыхъ дается разрѣшеніе на открытіе фабрикъ и заводовъ, причиняетъ небогатымъ промышленникамъ чувствительные, а иногда и непосильные расходы. Сознаніе тяжеловѣсности канцелярской волокиты, съ которою связано открытіе промышленныхъ предпріятій, и повело въ названной комми
выработкѣ особаго проекта, который имѣетъ цѣлью объединить
за промышленными предпріятіями. Сущность этого проекта своди
тому, чтобъ учредить при министерствѣ финансовъ особые орга
Петербургѣ долженъ состоять высшій промышленный совѣтъ, сос
чивающій промышленныя дѣла всей Россіи; въ губернскихъ городахъ
состоять губернскіе совѣты, сосредоточивающіе заботы о мѣстной п
ленности. Членами высшаго совѣта должны быть представители
страціи, санитарнаго, техническаго и строительнаго надзора, фаб
инспекціи, а также представители интересовъ промышленности. В
совѣту будетъ предоставлено: объединеніе промышленнаго законодат
путемъ его кодификаціи, разсмотрѣніе всѣхъ законопроектовъ, касы
промышленныхъ предпріятій, и выработка новыхъ законопроектовъ
ственной иниціативѣ, дабы согласовать промышленное законодатель
всѣми запросами, которые выдвигаетъ сама жизнь. Мѣстные совѣты
быть облечены властью разрѣшать учрежденіе промышленныхъ пред
которыя высшій совѣтъ отнесетъ къ немогущимъ быть вредными, оп
или неудобными. При обсужденіи вопроса о томъ, какой мѣстный
долженъ давать разрѣшеніе на открытіе фабрикъ и заводовъ, была
дена мысль, что такимъ органомъ могло бы быть столичное и губ
присутствіе по фабричнымъ дѣламъ съ тѣмъ, чтобы составъ этихъ
ствій былъ пополненъ представителями отъ земства и городовъ и
постоянными членами этихъ присутствій были непремѣнный членъ
ричнымъ дѣламъ, губернскій инженеръ и проч.

асмъ полезности такого порядка, при которомъ особые
дать интересы промышленности, при которомъ открытіе
ребовать меньше времени, усилій и денегъ. Но мы воз-
ставимъ противъ нерѣдко высказываемаго мнѣнія, будто неупорядоченность въ этомъ отношеніи служитъ главною причиной медленныхъ успѣховъ и даже застоя нашей промышленности. Рѣшеніе самыхъ сложныхъ общественныхъ вопросовъ стало бы легкою и пріятною забавой, если бы можно было рѣшать ихъ назначеніемъ сотни другой новыхъ чиновниковъ и устройствомъ особаго присутственнаго мѣста. Не въ томъ главная бѣда, что нѣтъ особаго административнаго учрежденія, которое завѣдуетъ данною отраслью народнаго хозяйства, но въ томъ, что, при обсужденіи причинъ, отъ которыхъ зависитъ какое-либо неустройство общественной жизни, намѣренно или по недомыслію, обходятъ главныя условія, забываютъ о существенномъ и довольствуются установленіемъ или поддержаніемъ одного внѣшняго порядка. И въ данномъ случаѣ мы находимъ эту чисто-внѣшнюю заботливость. Но попробуемъ объяснить причины, которымъ должна быть приписана, наприм., крайняя захудалость нашего ремесла, которое, по числу рабочихъ рукъ и по своему соціальному значенію, занимаетъ очень видное мѣсто въ народномъ хозяйствѣ.

сказать, чтобы наше законодательство относилось безъ вниманія
иной промышленности. Мы имѣемъ для нея особый уставъ, ко-
соотвѣтствуя во многомъ современному состоянію промышлен-
, содержитъ очень важныя положенія, и до нынѣ сохранившія
ыгодность и цѣлесообразность. Когда упоминаютъ объ этомъ
обыкновенно отмѣчаютъ безполезность статей, узаконяющихъ
тройство. Многіе съ улыбкой упоминаютъ о цехахъ вѣчныхъ и
ь, о ремесленныхъ, цеховыхъ и подмастерскихъ управахъ, какъ
ныхъ созданіяхъ», какъ «слѣпомъ подражаніи западно-европей-
зцамъ». Можно согласиться, что законъ искусственно подраздѣ-
сленниковъ на разряды; можно признать тяжеловѣснымъ цеховое
Но идея, которую законодатель вложилъ въ духъ ремесленни-
ь глубокаго смысла, какъ идея, которая предоставляетъ извѣст-
твенной группѣ довольно широкое самоуправленіе въ дѣлахъ,
ся до ея хозяйственныхъ интересовъ. Такое самоуправленіе пре-
не только всему сословію ремесленниковъ, не только мастерамъ,
стерьямъ. Они избираютъ своихъ уполномоченныхъ, имѣютъ свою
собую кассу. Вмѣсто того, чтобы подсмѣиваться надъ «искусствен-
ыхъ цеховъ, слѣдовало бы отмѣтить ту пользу, которую мо-
теріальномъ, умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ полу-
я группы ремесленнаго сословія вслѣдствіе значительныхъ обще-
правъ, которыя предоставлены имъ закономъ; слѣдовало бы
ь цѣлесообразность этой организаціи уже потому, что изъ нея
степенно выработаться новое учрежденіе—суды посредниковъ для
многочисленныхъ распрей между хозяевами и работниками. Вмѣсто

ядъ отсталостью закона, слѣдовало бы
бѣйшихъ признаковъ корпоративной я
арность между товарищами по ремесл
а не замѣнена чѣмъ-нибудь болѣе со
которое является великимъ бѣдствіе
зни. Кромѣ полезныхъ указаній, котор
ехахъ, уставъ для ремесленниковъ сод
римою гуманностью и практичностью
себя благочинно и поведеніемъ сво
рьямъ и ученикамъ добрые примѣры и
Мастеру вмѣняется въ обязанность на
ера, такъ и подмастерья обязуются об
ихо». Мы находимъ также вполнѣ цѣл
такъ: «ремесленные рабочіе часы в
ра до шести часовъ вечера, исключая
на обѣдъ и отдыхъ». Законодатель
сть о здоровьи членовъ ремесленнаго
такимъ количествомъ рабочаго време
рому истощенію рабочей силы.

что столь разумныя законоположенія
) и безостановочнаго развитія нашего
ду тѣмъ, изъ этой среды раздается гр
енія. Хозяева жалуются на крайнюю
въ и учениковъ; подмастерья жалуютс
труда, на частую прерываемость раб
ности, истощающей рабочую силу, вре
можности заработать даже кусокъ хл
ають отъ жестокаго обращенія хозяе
времени предаются гласности и явля
ованія, доказываютъ крайнюю безчел
ми, которыхъ родители ввѣряли ихъ
казалъ года два тому назадъ о слу
бывалъ у верстака своего ученика дл
; дабы усилить страданія ученика,
томъ. Конечно, такой случай, къ сча
одна возможность его доказываетъ
извола мастера; и много другихъ случа
хъ до суда, свидѣтельствуютъ, что
ованія началамъ, которыми, по духу и б
я отношенія мастера къ его питомцамъ
ковъ не составляютъ общаго правила.
и дурное ихъ содержаніе. Прежде, ког
озяевъ, пища приготовлялась для боль
чества и болѣе обильна. Теперь подма

квартирахъ, и хозяева готовятъ пищу для однихъ
етъ и такъ, что мастеръ даетъ ученикамъ на харчи по
, и мальчикъ живетъ на сухомъ хлѣбѣ и чаѣ, такъ
къ за эти деньги нельзя имѣть даже самую скудную горячую пищу. Отвратительно грязныя помѣщенія безъ кроватей, одежда изъ лохмотьевъ—такова обычная обстановка учениковъ. Къ этому присоединяются пагубные примѣры, которые часто получаютъ ученики со стороны взрослыхъ ремесленниковъ. Подмастерья, нерѣдко преданные пьянству, похваляются безобразными поступками, которые совершаются въ кабакахъ и другихъ притонахъ. Мастера обманываютъ заказчиковъ и подмастерьевъ. И ученикъ съ самаго ранняго возраста находится изо-дня въ день подъ вліяніемъ этой нравственной заразы. Немудрено, что въ 16 лѣтъ онъ носитъ въ себѣ зародыши самыхъ дурныхъ инстинктовъ.

Люди, удѣляющіе мало вниманія вопросамъ общественной нравственности и выдвигающіе на первое мѣсто успѣхи производства, могли бы ся съ этою невеселою картиной, если бы мастера исполняли свои относительно учениковъ, обучали ихъ ремеслу, и если бы ремескусство совершенствовалось съ каждымъ поколѣніемъ. Но всѣмъ ито объ обученіи въ дѣйствительности нѣтъ и рѣчи: мальчикъ уподля побѣгушекъ; онъ исполняетъ въ семьѣ мастера разныя работы аетъ срокъ ученья крайне неопытнымъ въ своемъ ремеслѣ. Есть націо и техническія условія, которыя ставятъ современное ученичество въ неормальное положеніе. Теперь въ производствѣ ремесленныхъ работъ явилось такое раздѣленіе труда, что многія операціи безъ особеннаго затрудненія няются малолѣтними, а потому хозяева, набирая учениковъ, вмѣсто взрос- работниковъ, не считаютъ нужнымъ обучать ихъ ремеслу, и мальчикъ, въ у хозяина 3 — 5 лѣтъ, выходитъ отъ него знакомымъ только съ й-двумя ремесленными операціями, не изучивъ ремесла въ цѣломъ.

акое худосочіе всего ремесленнаго производства вызываетъ необходиь самаго энергическаго воздѣйствія общественной власти. Если послуремесленниковъ-мастеровъ, то окажутся виновниками такого хаотичеположенія дѣлъ подмастерья и ученики, которые оставляютъ хозяевъ теченія срока, перебѣгаютъ къ другимъ мастерамъ и причиняютъ перъ большіе убытки. По мнѣнію ремесленниковъ-хозяевъ, главнымъ средъ, которое могло бы вдохнуть въ русское ремесленное производство ю жизнь, служатъ разсчетныя книжки. Въ книжкахъ должны быть ены отмѣтки о томъ, что подмастерье отпущенъ своимъ хозяиномъ; инъ мастеръ не долженъ, подъ страхомъ высокой денежной пени, принять подмастерьевъ, въ книжкахъ которыхъ нѣтъ помѣтокъ, что они щены первымъ хозяиномъ. Затѣмъ хозяева - ремесленники ратуютъ за чтобъ администрація препятствовала досрочному уходу отъ нихъ учевъ. Наконецъ, они возстаютъ противъ примѣненія къ нимъ санитарныхъ илъ, которыя считаются обязательными для фабрикъ и для жилыхъ шеній рабочихъ. Словомъ, ремесленники-хозяева требуютъ окончатель-

юдмастерьевъ и учениковъ. Глуб
:ла, мы видимъ, что здѣсь, какъ во многихъ другихъ
ія слабѣйшихъ членовъ ремесленнаго сословія болѣе
во вредъ и послѣднимъ: хозяева, жалуясь на неопыт
ихъ лѣность, неточное исполненіе ими обязанностей,
ству, должны были бы подумать, что сами они,
кто относятся къ ученикамъ, такъ послѣдовательно
дурные инстинкты, что должны признать себя винов-
къ явленій, о преслѣдованіи которыхъ они взываютъ къ
судебной власти. Сѣтуя на значительные расходы, ко-
нимѣненіе санитарныхъ правилъ, установленныхъ для
ій, и ссылаясь при этомъ на крайній упадокъ цѣнъ,
должны были бы подумать, что они сами виновники
ства и очень низкихъ, убыточныхъ цѣнъ на ремеслен-
устанавливаетъ для ремесленниковъ 10-ти часовой ра-
за удлиняютъ его до 15, иногда до 18 часовъ. Не-
силенное производство даетъ въ результатѣ слишкомъ
ювъ, порождаетъ неестественную конкурренцію и ве-
ь. Мы находимъ здѣсь, какъ и въ разныхъ
пониманіе собственныхъ ихъ интересовъ. Так
ной ущербъ бѣднѣйшимъ членамъ ремесленнаг
е должно спокойно ожидать того времени, ко
облаговолятъ установить въ ремеслѣ болѣе ра
) теперь же принять мѣры къ тому, чтобъ и
ремесленномъ трудѣ относительно числа рабоч
аботы мастеровъ объ ученикахъ, относительно
лѣднихъ. Было бы своевременно теперь же, так
ь вопросъ о преобразованіи фабричной инспекц
оровъ до такой нормы, чтобъ ихъ дѣятельност
на мастерскія ремесленниковъ. Было бы такж
въ каждой мастерской тѣ статьи ремесленнаго
. отношенія мастеровъ къ ученикамъ. Съ тѣмъ
ть о томъ, чтобъ ученичество у мастеровъ бы
мѣнено, чтобъ оно было согласовано съ новыми
жизни. Старое ремесло, какъ область господст
и первобытныхъ орудій, во многихъ отрасля
. Введеніе многихъ мелкихъ машинъ приближа
фабричной промышленности. Въ другихъ же,
оцессы труда, потребитель все болѣе настоятел
и разнообразія въ изготовляемыхъ товарахъ. Д
ество почти не нужно, для вторыхъ же ремес
ить гораздо болѣе соотвѣтствующимъ мѣстомъ
скія. Провести 3—4 года въ возрастѣ между
ой школѣ, а не въ мастерской—значитъ напр

ать юные годы для полнаго ознакомленія съ ремесломъ
ь вредныхъ вліяній, которыя мастерскія оказываютъ на воспріимчивую душу дѣтей. Слѣдуетъ, поэтому, позаботиться о повсемѣстномъ открытіи ремесленныхъ школъ по разнымъ отраслямъ производства и о томъ, чтобы школы эти были доступны даже для бѣднѣйшихъ членовъ этого сословія. Этимъ будетъ оказана бо́льшая услуга русской промышленности, гораздо бо́льшая, нежели формальною стройностью и законченностью, которыя надѣются водворить въ правительственныхъ учрежденіяхъ, завѣдующихъ интересами промышленной жизни.

Обращаясь къ хроникѣ нашего школьнаго дѣла, отмѣтимъ напечатанный недавно въ *Кубанскихъ Вѣдомостяхъ* циркуляръ попечителя кавказскаго учебнаго округа. Г. попечитель напоминаетъ, что нѣкоторые преподаватели считаютъ отмѣтки особымъ, универсальнымъ средствомъ, служащимъ и для подъема успѣховъ учениковъ, и для развитія вниманія и уменьшенія лѣни. Значительное число неудовлетворительныхъ балловъ преподаватели объясняютъ иногда своею требовательностью, а также неподготовленностью и лѣнью учениковъ. «Но такой взглядъ требуетъ со стороны начальника заведенія и педагогическаго совѣта тщательной повѣрки. Отмѣтка должна выражать собою справедливое сужденіе учителя о степени усвоенія ученикомъ сообщенныхъ ему познаній. Помимо индивидуальныхъ свойствъ учащагося, для составленія такого сужденія учитель долженъ опредѣленно знать, что слѣдуетъ считать удовлетворительнымъ, нормальнымъ отвѣтомъ, и принять во вниманіе, какимъ путемъ сообщены были учащемуся тѣ или другія свѣдѣнія. Учебно-воспитательное заведеніе имѣетъ цѣлью не только сообщить учащимся извѣстную сумму знаній, но при этомъ укрѣпить духовныя силы воспитанниковъ, развить и укоренить въ нихъ стремленіе къ истинѣ, къ добру, сообщить прочный навыкъ добросовѣстно
полнять данную имъ работу». Въ циркулярѣ г. попечителя кавказскаго
ебнаго округа эти благія пожеланія не имѣютъ исключительно платоническаго характера. Онъ ставитъ вопросъ. какими же средствами можетъ
ть достигнута эта конечная цѣль воспитанія? Цѣль будетъ достигнута,
ли учащіеся не обременяются учебнымъ матеріаломъ до тѣхъ предѣловъ,
гда юныя силы отказываются совладать съ предлагаемыми знаніями,
гда пытливость ума ослабѣваетъ и учащійся смотритъ на ученье, какъ
мучительную тяготу, безъ которой, увы, нельзя прожить въ современномъ общественномъ порядкѣ. Въ этихъ видахъ циркуляръ предлагаетъ
подавателямъ «опредѣлить наименьшую сумму существенныхъ знаній,
орая считается необходимой и достаточной для образовательныхъ и
спитательныхъ цѣлей заведенія. Учебные планы указываютъ общія рамки
ма, а существенное ядро послѣдняго должно быть опредѣлено учебнымъ
веденіемъ». Отмѣчая чрезмѣрность матеріала, который нынѣ преподается
учебныхъ заведеніяхъ, и поверхностность, съ которою этотъ матеріалъ
ѣко излагается преподавателями и усвоивается учащимися, циркуляръ

ику задаютъ грамматическія правила, разныя, иногда весьма
ключенія изъ этихъ правилъ, цѣлые ряды именъ, годовъ, на-
не знаетъ, что̀ во всемъ этомъ главное, существенное, что
что̀ онъ долженъ безусловно знать и что можетъ не знать,—
» разбрасывается, не сосредоточивается, схватываетъ только
ыя послѣдствія всего этого очевидны: поверхностное отно-
самомнѣніе, недомысліе». Но г. попечитель не ограничивается
ходимости опредѣлить наименьшее количество учебнаго ма-
, какъ существенное, должно быть обязательно усвоиваемо
» обращаетъ вниманіе также на пріемы и методы обученія.
и чувство любви къ дѣтямъ, на которыхъ должна основы-
аждаго учебнаго заведенія, всегда подсказываютъ препода-
даже очень ограниченное количество учебнаго матеріала мо-
менительно, если, при передачѣ его, не пользуются наиболѣе
и пріемами и методами. Если многіе ученики неудовлетво-
нили заданную имъ работу, то причинъ слѣдуетъ искать не
чествѣ и обширности уроковъ, но и въ томъ, что знаніе,
сообщено было неправильно, ученики не были предвари-
лены къ воспріятію его. Такое явленіе служитъ лишь ука-
, что имъ сдѣлано упущеніе въ преподаваніи, что необхо-
и иной формѣ еще разъ переработать пройденное». Возста-
мѣтокъ, какъ средства, способнаго, будто бы, искоренять
лонности учащихся, циркуляръ говоритъ: «Строгое отноше-
справедливое къ дѣтямъ благодѣтельно подѣйствуютъ на
сю внутреннюю жизнь учебнаго заведенія. Легкій же взглядъ
къ на средство, восполняющія недостатки преподаванія,
къ гибельнымъ послѣдствіямъ. Не видя справедливаго отно-
усматривая въ отмѣткѣ угрозу оставленія въ томъ же
ой годъ и даже исключенія изъ заведенія, учащіеся, по не-
» могутъ обратиться къ средствамъ низкимъ, безнравствен-
сти, подлогамъ, лжи, обману, къ лицемѣрію».
гакъ ясенъ и поучителенъ, что вовсе не нуждается въ ком
ивая къ лучшимъ душевнымъ свойствамъ учащихъ, пригля
теля кавказскаго учебнаго округа идеализируетъ отношені
питомцевъ и стремится поднять ихъ на ту высоту, котора
ъ великимъ цѣлямъ воспитанія. Другимъ важнымъ достоин
ра является правильная оцѣнка выгодъ, которыя *свобод*
ожетъ доставить и среднимъ учебнымъ заведеніямъ. В
и среднія учебныя заведенія регулируются уставами и пр
во въ существенныхъ особенностяхъ своей жизни, не толь
стностяхъ, но и въ мельчайшихъ подробностяхъ, до наи
ыхъ грамматическихъ правилъ и притоковъ какой-нибу
и включительно. Съ какимъ стараніемъ и съ какою обд
были бы составлены эти правила, они, исходя изъ центра

которое дѣйствуетъ вдали отъ обучаемыхъ дѣтей, не мо-
инировлены къ духовнымъ средствамъ учащихся, какъ то въ состоянiи сдѣлать преподаватель. Вотъ почему, говоря словами циркуляра г. попечителя кавказскаго учебнаго округа, желательно, «чтобы учебные планы начертывались только въ общемъ и чтобы преподаватели сами отличали существенное отъ менѣе важнаго». Обращеніе преподавателя изъ машины, которая только выполняетъ программу, выработанную для нея во всѣхъ частностяхъ, въ живого, творящаго дѣятеля не только облегчитъ дѣтямъ усвоеніе программы учебнаго заведенія, но и позволитъ извлечь изъ духовныхъ силъ учащаго персонала гораздо большую пользу, нежели то достигается въ настоящее время. Сознаніе, что можно не только примѣнять къ дѣтямъ всѣ мелочныя правила, которыя лежатъ въ основѣ учебныхъ программъ, но и внести въ нихъ измѣненія и улучшенія, которыхъ требуетъ практика, придаетъ бодрость и тѣмъ, которые мертвенно-вяло относятся къ своимъ обязанностямъ. За послѣднее время въ вѣдомство министерства народнаго просвѣщенія внесенъ новый элементъ, который можетъ способствовать цѣлесообразному измѣненію программъ среднихъ учебныхъ заведеній. Мы говоримъ о должности «профессоровъ-наблюдателей» въ гимназіяхъ. Въ прошломъ году изъ состава профессоровъ Петербургскаго университета и филологическаго института избрано нѣсколько лицъ, которымъ и поручено наблюденіе за преподаваніемъ древнихъ языковъ въ петербургскихъ гимназіяхъ. На этихъ лицъ возложена обязанность ознакомиться съ дѣломъ преподаванія классическихъ языковъ въ столичныхъ гимназіяхъ и съ качествами преподавателей. Профессора-наблюдатели могутъ быть очень полезными совѣтниками преподавательскому персоналу. Первые, спеціально знакомые съ отдѣльными отраслями знанія, являются наилучшими судьями того, насколько въ программу преподаванія извѣстнаго предмета внесено то, что составляетъ его существо; преподаватели же, болѣе богатые педагогическимъ опытомъ, нежели первые, всегда могутъ судить, въ какой мѣрѣ , что является необходимою составною частью программы, доступно дѣмъ даннаго класса при извѣстныхъ условіяхъ умственнаго развитія. Нѣтъ нованія, чтобъ институтъ профессоровъ-наблюдателей ограничивался тольлатинскимъ и греческимъ языками: было бы полезно произвести подобе изслѣдованіе преподаванія и другихъ предметовъ въ нашихъ гимнаихъ. Желательно при этомъ, чтобы профессора-наблюдатели не принимал себя роли начальства, не считали себя безошибочными судьями всего ла преподаванія, не видѣли себя призванными только произносить прры о томъ, что преподаваніе идетъ хорошо въ этой гимназіи и плохо— той, что этотъ учитель знаетъ свое дѣло, а тотъ—еще не успѣлъ освося съ нимъ,—желательно, чтобы профессора-наблюдатели сближались съ телями, поддерживали оживленный обмѣнъ мнѣній, обогащали ихъ своего запаса научныхъ знаній и сами учились изъ ихъ педагогической ности. Разъ дѣло пойдетъ такимъ образомъ, то наблюденіе за препоiемъ въ гимназіяхъ принесетъ учащимся значительную пользу.

Мы очень рады возможности сообщить нашимъ читат
свѣдѣнія объ успѣхахъ земской школы. Состоявшееся въ концѣ мая елисаветградское земское собраніе обнаружило отрадные факты относительно развитія въ уѣздѣ народнаго образованія. Несмотря на два неурожайные года, школьное дѣло подвигается впередъ, число школъ и учащихся увеличивается. Въ настоящее время въ Елисаветградскомъ уѣздѣ находится 287 училищъ, изъ коихъ 69 земскихъ. Число учащихся достигло 14,572 душъ обоего пола. Сравнительно съ 1891 годомъ число училищъ увеличилось на 3,2%, а число учащихся—на 10,5%. И все же безъ обученія остаются еще до 19,000 дѣтей, $^1/_3$ мальчиковъ и $^1/_3$ дѣвочекъ. Стремленіе учиться настолько велико, что непринятые въ ближайшія школы за недостаткомъ мѣста идутъ учиться въ другія школы, нерѣдко отдаленныя на десятки верстъ отъ родной деревни. Отмѣтимъ для характеристики дѣятельности елисаветградскаго земства также рвеніе, которое оно обнаружило въ устройствѣ библіотекъ. Ученическія библіотеки существуютъ при 65 земскихъ школахъ, а теперь постановлено открыть въ 10 пунктах уѣзда библіотеки для учителей и учительницъ. Для начала дѣла на ка дую ассигновано 50 рублей. Еще болѣе ободряющія извѣстія находимъ и въ Гжатскомъ уѣздѣ. По словамъ *Смоленскаго Вѣстника*, тамъ нѣтъ ни одн земской школы, гдѣ учитель получалъ бы меньше 300 рублей въ годъ, п готовой квартирѣ съ отопленіемъ и освѣщеніемъ. Ставя учителей въ сра нительно выгодныя условія, гжатское земство привлекаетъ изъ других уѣздовъ лучшія преподавательскія силы. Если во многихъ уѣздахъ д народнаго образованія сдѣлано гораздо меньше, то, главнымъ образом за недостаткомъ средствъ. Газета *Земскій Врачъ*, описывая состоян народныхъ школъ въ Ставропольскомъ уѣздѣ, Самарской губерніи, указ ваетъ вліяніе, которое экономическое положеніе деревни имѣетъ на разв тіе грамотности. Если раздѣлить всѣ волости уѣзда на 4 разряда, то ок жется, что болѣе зажиточныя волости имѣютъ больше школъ и учащихс нежели волости, менѣе обезпеченныя. Въ волостяхъ первой группы съ десятинами земли на 1 ревизскую душу и 4 головами скота на 1 дво мы находимъ 17 школъ и на 100 жителей 1,4 до 4,2 учащихся; въ в лостяхъ четвертаго разряда съ надѣломъ въ 5,4 десятины на душу и 3 головы скота на дворъ школъ вовсе нѣтъ.

Параллельно фактамъ, доказывающимъ безостановочное развитіе зе скихъ школъ, мы встрѣчаемъ явленія, которыя свидѣтельствуютъ о мал успѣшности церковно-приходскихъ училищъ. Таково положеніе дѣлъ въ К мышловскомъ уѣздѣ. Епархіальное начальство принимаетъ строгія мѣры распространенію этихъ школъ, но его старанія не увѣнчиваются успѣхом Діаконы приходскихъ церквей, обязанные быть учителями въ церковн приходскихъ школахъ, уклоняются отъ этого, хотя ихъ наказываютъ в четомъ 10% изъ получаемой части доходовъ въ пользу существующи церковно-приходскихъ школъ. И это понятно, такъ какъ нѣтъ средст для найма помѣщенія, пріобрѣтенія классныхъ принадлежностей и учебны

10%-го вычета, діаконы набираютъ 5—6 кресть-
ла и понемногу учатъ ихъ чтенію и письму у
себя на дому. Немудрено, если, въ виду малыхъ успѣховъ этихъ школъ,
земства удерживаются отъ передачи училищъ въ руки духовенства. На по-
слѣднемъ гжатскомъ земскомъ собраніи нашлись гласные, которые готовы
были отстаивать передачу части земскихъ школъ въ руки духовенства.
Подобное предложеніе мотивировалось, главнымъ образомъ, доводами въ
пользу дешевизны этихъ школъ. Но собраніе отклонило это предложеніе:
было постановлено благодарить мѣстнаго отца благочиннаго за обширный
о пользѣ церковно-приходскихъ школъ и подождать съ ассигно-
на нихъ земскихъ денегъ. Вопросъ о дороговизнѣ земскихъ школъ
авно обстоятельно разсмотрѣнъ *Русскими Вѣдомостями*. Отмѣ-
нною бережливость земства въ дѣлѣ народнаго образованія, не-
ьное жалованье учителей, которые получаютъ отъ 80 до 400 руб-
одъ, и ничтожные расходы на учебныя пособія отъ 10 до 60 руб.
у, почтенная московская газета говоритъ: «Для успѣха дѣла нужно
е пониженія уровня требованій отъ учителя, а, напротивъ, повы-
ъ, а это неизбѣжно связано и съ увеличеніемъ учительскаго со-
, особенно тамъ, гдѣ оно теперь ниже средней нормы. Учитель-
ъ довольно тяжелый, и справедливость, равно какъ и польза
буютъ вознаграждать этотъ трудъ такъ, чтобы давать учителю
и менѣе обезпеченное положеніе... Что касается стоимости школь-
мѣщеній, едва ли кому-нибудь приходилось видѣть или слышать,
помѣщенія черезъ-чуръ роскошны и могутъ быть замѣнены болѣе
ми; напротивъ, даже въ большихъ городахъ, въ обѣихъ нашихъ
ъ помѣщенія начальныхъ школъ оставляютъ желать многаго..
ѣдуетъ сказать и о школьной мебели: въ большинствѣ начальныхъ
на и недостаточна, и крайне неудобна. Учебныя пособія такъ не
ны, что мѣстами многія дѣти, за неимѣніемъ аспидныхъ досокъ,
ть на желѣзныхъ листахъ. Такимъ образомъ, нелѣпы всѣ утверж-
о земская школа стоитъ слишкомъ дорого. А если она, при болѣе
дныхъ затратахъ, сдѣлала уже много для развитія на Руси гра-
и возбужденія въ народѣ любознательности, то, скажемъ мы
Русскихъ Вѣдомостей, «отъ добра добра не ищутъ», а потому
ованія отстаивать преимущества церковно-приходскихъ школъ.

ъизвѣстный общественный дѣятель казанскій городской голова
нко заявилъ себя гонителемъ гласности. Недовольный тѣмъ, что
и газеты, особенно нововозникшій *Казанскій Телеграфъ*, «безпо-
ородское самоуправленіе», г. Дьяченко просилъ казанскаго губерна-
адить органы городского самоуправленія... отъ порицанія и глум-
въ случаѣ невозможности огражденія здѣсь, на мѣстѣ, просилъ
ія отъ незаслуженныхъ оскорбленій дорогого ему учрежденія чрезъ
во г. министра внутреннихъ дѣлъ. Въ письмѣ г. Дьяченко (оно

нскомъ Вѣстникѣ), откуда заимствованы послѣднія
ь указанія и на тѣ обиды, которыя мѣстная печать
городскому головѣ. Обиды состояли въ обвиненіи думы
становку санитарнаго дѣла, за то, что, будто бы, го-
ды разнымъ лицамъ, среди которыхъ были и подверг-
сти по суду; казанскій городской голова, обиженный
рда-мера», жалуется, что не было «ни одного нумера
было порицанія или глумленія надъ городскими поряд-
надъ городскою управой и надо мной». Г. Дьяченко,
сти порицанія и насмѣшки и продолжая работать надъ
ихъ порядковъ, доказалъ бы всѣмъ порядочнымъ лю-
, быть можетъ, и всѣ нападки мѣстныхъ газетъ не-
зъ онъ обращался къ административнымъ мѣрамъ про-
ъ самъ осудилъ себя, самъ призналъ многія порицанія
лался въ своемъ безсиліи защититься отъ однихъ и
съ презрительнымъ равнодушіемъ. Рѣшившись зажать
и, которая и безъ того находится въ крайне стѣснен-
Дьяченко пріобщилъ себя къ общественнымъ дѣя-
ленная въ Россіи типа, которые нахо
чно», какъ скоро удается положить
тождествляющей благополучія съ выну
говорить о достоинствѣ, съ какимъ з
дѣятели переносятъ нападки и глумл
изъ русской жизни. Когда противъ Н.
нистерствомъ финансовъ, появилась а
былъ, однако, всѣмъ извѣстенъ), въ о
я обидная, г. Бунге не закричалъ
ея изъ продажи, а съ достоинствомъ
ленія. Конечно, эта брошюра забыта, и
ѣсто въ исторіи русскихъ финансовъ п
емъ этотъ примѣръ общественнымъ дѣя
гойнымъ отношеніемъ къ гласности, несо
о будутъ указывать, какъ на гонителя

новинки послѣдняго времени: установле
1894 года и двойного таможеннаго т
ъ для насъ предметомъ обсужденія

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

слѣдила съ напряженнымъ вниманіемъ за парламентскими выборами въ Германіи. Важнѣйшими ихъ результатами является разгромъ партіи свободномыслящихъ и усиленіе соціалъ-демократовъ. Послѣднее произошло въ значительной степени въ ущербъ представительству свободномыслящихъ, отъ которыхъ нѣсколько мѣстъ перешло и къ національ-либераламъ. Группа свободномыслящихъ, отдалившаяся въ вопросѣ о военномъ законопроектѣ отъ Рихтера, теперь довольно тѣсно примыкаетъ къ національ-либераламъ.

innige Zeitung *), признавая всю важность постигшей партію (партія эта теперь носитъ названіе *свободномыслящая, народная die freisinnige Volkspartei*), настаиваетъ на томъ, что разрывъ съ ками военнаго законопроекта былъ необходимъ. Несмотря на со- депутатскихъ полномочій партіи болѣе чѣмъ на половину, ея пар- ая роль, полагаетъ *Freisinnige Zeitung,* будетъ значительна, если мыслящіе получатъ прочную организацію.

ионной рѣчи при открытіи новаго рейхстага императоръ Виль- говорилъ, что со времени отклоненія военнаго законопроекта рейхстагомъ положеніе вещей въ Европѣ не измѣнилось и отно- рманіи къ иностраннымъ государствамъ продолжаютъ быть друже- и, ничѣмъ не омраченными. Тѣмъ не менѣе, императоръ утвержда- усилить нѣмецкую армію необходимо, что соотношеніе германскихъ силъ къ военнымъ силамъ сосѣдей неблагопріятно.

ремя преній о законопроектѣ (правительство уменьшило свои тре- Либкнехтъ справедливо замѣтилъ, что желаемое Вильгельмомъ II ство въ вооруженіяхъ вовсе не ведетъ къ сохраненію мира. Мы,— вождь соціалъ-демократовъ,—предпринимаемъ въ настоящее время леніе милитаризма, черезъ полгода Россія и Франція постараются насъ, и эта безумная скачка сама, въ концѣ-концовъ, поведетъ ъ. Въ такомъ же духѣ говорилъ и клерикалъ Греберъ. Почему не-

---

* *eisinnige Zeitung,* № 143.

› такъ спѣшить съ утвержденіемъ военнаго законопроекта,—спра-
ораторъ,—когда само правительство признаетъ, что нѣтъ никакого
къ тревогѣ, что Германіи никто не угрожаетъ? Канцлеръ мотиви-
оспѣшность необходимостью дать, наконецъ, странѣ покой. Я тоже
окоя,—возразилъ Греберъ,—но не того, который связанъ съ посто-
тущими вооруженіями, а хорошаго, мирнаго существованія госу-
при которомъ народъ могъ бы работать спокойно и пользоваться
тами своего труда. «И потому, что мы, центръ, *этою* желаемъ,—
отъ ораторъ,—мы хотимъ положить конецъ вооруженіямъ. Мы про-
зусловно противъ военнаго законопроекта».

тоянный ростъ милитаризма,— говорилъ Греберъ,— ведетъ къ са-
асными послѣдствіями для страны: опасна эта страшная власть
къ военныхъ, опасна привычка заниматься войной, но еще опаснѣе
еніе народа. Кто во время послѣдней избирательной борьбы при-
лся къ народному пульсу, тотъ не можетъ отрицать, что злоба и
ство ростутъ, что глухой ропотъ все больше принимаетъ опредѣ-
выраженіе: это—ропотъ противъ высшихъ руководящихъ лицъ, ро-
главенство Пруссіи, ропотъ на существующій порядокъ». Какъ мо-
ь и противникъ партикуляризма, депутатъ сожалѣетъ, что ему при-
констатировать такіе факты, но онъ увѣренъ, что раздраженіе на-
де усилится, если военный проектъ будетъ принятъ ничтожнымъ
ствомъ *).

ительство, защищая военный законопроектъ, совершенно отдѣлило
жденіе отъ рѣшенія вопроса, съ нимъ неразрывно связаннаго: на
е средства должно быть осуществлено усиленіе германской арміи?
ихъ новыхъ источниковъ покроются новые и столь значительные
? Графъ Каприви неопредѣленно заявилъ, что интересы труда не
ютъ отъ проектируемыхъ налоговъ. Имѣется въ виду, между про-
ложеніе биржевыхъ сдѣлокъ. Послѣдняя мѣра не можетъ не воз-
сочувствія: пусть милитаризмъ питается капитализмомъ. Но, во-
, биржевые дѣльцы могутъ найти способы переложить налогъ
лицъ, хоть до нѣкоторой степени; этого налога, во-вторыхъ, б
всякомъ случаѣ, недостаточно для осуществленія военнаго зако
виду непрекращающихся вооруженій во всѣхъ европейскихъ гос
къ, правительственныя лица и практическіе люди вправѣ назыв
стремленіе ко всеобщему миру и разоруженію. Не менѣе пра
и люди, для которыхъ война является печальнымъ и грозны
къ варварства, всѣми силами содѣйствовать распространенію здр
ь этомъ отношеніи взглядовъ и гуманныхъ чувствъ. Конгрессъ С
ериканскихъ Соединенныхъ Штатовъ постановилъ, что онъ дае
на заключеніе договоровъ о третейскомъ судѣ со всѣми госуда
которыя этого пожелаютъ. Въ англійскую палату общинъ 16 ію

---

*) *Русскія Вѣдомости*, № 178, *Изъ залы рейхстага*.

нынѣшняго года Кремеръ внесъ предложеніе, въ которомъ выражается надежда, что британское правительство вступитъ по этому поводу въ соглашеніе съ великою американскою республикой. Предложеніе Кремера было поддержано Леббокомъ *). Отвѣчая на это предложеніе, Гладстонъ призналъ, что милитаризмъ является величайшимъ проклятіемъ цивилизаціи. Англія за послѣднія шестьдесятъ лѣтъ четырнадцать разъ отдавала спорные вопросы на рѣшеніе третейскаго суда. Договоръ съ Соединенными Штатами можетъ быть заключенъ въ скоромъ времени, но запутанное положеніе вещей въ Европѣ не даетъ надежды на такое же скорое учрежденіе третейскаго суда при столкновеніяхъ между европейскими государствами. Формальное заявленіе въ пользу учрежденія такого суда несомнѣнно оказало бы содѣйствіе ослабленію милитаризма; но существуетъ и другой способъ вліять на сохраненіе мира: Гладстонъ считаетъ желательнымъ и возможнымъ созданіе центральнаго совѣта великихъ государствъ, въ которомъ сдерживались бы эгоистическія стремленія каждаго отдѣльнаго государства. Всего болѣе надеждъ великій государственный человѣкъ возлагаетъ на развитіе общественнаго самосознанія, на такое политическое воспитаніе народа, которое пріучало бы его руководствоваться въ сношеніяхъ съ другими народами требованіями справедливости. Въ заключеніе Гладстонъ предложилъ резолюцію, незначительно отличающуюся отъ предложенія Кремера:

«Палата съ удовольствіемъ узнала, что конгрессъ Соединенныхъ Штатовъ уполномочилъ президента обращаться, когда къ тому представится случай, къ другимъ правительствамъ съ приглашеніемъ подвергать спорные вопросы на разсмотрѣніе третейскаго суда. Палата серьезно сочувствуетъ цѣли, которая имѣется въ виду, и выражаетъ надежду, что англійское правительство съ готовностью окажетъ содѣйствіе на этой почвѣ правительству Соединенныхъ Штатовъ». Предложеніе Кремера въ формулировкѣ Гладстона принято англійскимъ парламентомъ единогласно.

Въ засѣданіяхъ австрійскихъ делегацій буковинскій депутатъ Лупутъ также поднялъ голосъ въ пользу всеобщаго разоруженія. Мы съ удовольствіемъ слышали,— сказалъ Лупутъ,— что отношенія Австріи къ другимъ странамъ не только хороши, но даже дружественны (рѣчь Кальноки). Къ сожалѣнію, поддержаніе мира, какъ оно практикуется теперь, обходится народу очень дорого и пагубно отражается на его благосостояніи. Если бы, полагаетъ делегатъ, австрійская дипломатія взяла на себя починъ въ дѣлѣ всеобщаго разоруженія, хотя бы оно шло въ скромныхъ размѣрахъ и медленно, то этимъ была бы оказана великая услуга и Австро-Венгріи, и всему человѣчеству. Графъ Кальноки въ своемъ отвѣтѣ призналъ предложеніе Лупута, при нынѣшнихъ условіяхъ европейской жизни, утопіей; но не подлежитъ сомнѣнію, что мирныя международныя связи все болѣе и болѣе крѣпнутъ въ Европѣ. Число международныхъ конференцій и съѣздовъ увеличивается. На этихъ собраніяхъ принимаются не только рѣшенія,

*) *Journal de St.-Pétersbourg*, № 151.

ъ выражаются гуманныя желанія, но и прямо практическія по-
, часть которыхъ непосредственно переходитъ въ жизнь. Влія-
конференцій, какъ недавняя международная санитарная конфе-
Дрезденѣ, ясно показываетъ, что наука и справедливость въ
ныхъ отношеніяхъ далеко не пустыя слова. Отмѣтимъ кстати
ю рѣчь, которую произнесъ герцогъ де-Брольи на ежегодномъ
щества дипломатической исторіи (Société d'histoire diploma-
помянувъ о томъ, что въ это время въ Парижѣ, въ предсѣда-
-Курселя, происходятъ совѣщанія международнаго третейскаго
просу о рыбныхъ ловляхъ и морскихъ промыслахъ въ Берингo-
де-Брольи замѣтилъ, что въ былыя времена и менѣе важныя
я вели къ войнамъ, причемъ нерѣдко сила оказывалась побѣ-
о права. Придавать въ настоящее время преувеличенное значе-
имъ судамъ, конечно, не слѣдуетъ. Многіе вопросы такимъ пу-
огутъ быть разрѣшены: на это не согласятся либо обѣ, либо
заинтересованныхъ сторонъ; но было бы ошибкою уменьшать
народныхъ трибуналовъ на томъ основаніи, что на ихъ рѣше-
я, сравнительно говоря, не существенно важные вопросы. Де-
оминаетъ, что споръ между Англіей и Франціей изъ-за канад-
былъ не важнѣе спора изъ-за ловли въ Беринговомъ морѣ, а
обою страшную войну (семилѣтнюю) и разрушеніе европейскаго
Подобный споръ между простыми промышленниками, замѣтилъ
ръ, былъ бы умиротворенъ въ два часа; но между двумя коро-
точно честолюбія или дурного расположенія духа какого-нибудь
чтобъ опрокинуть двадцать государствъ. Сколько зла было бы
воскликаетъ де-Брольи, если бы война сведена была лишь на
чан, еслибъ на долю сраженій было бы отведено лишь то, чего
уступить народная честь и независимость!

ѣ іюня и въ началѣ іюля Парижъ переживалъ тревожные и
ни. На улицахъ великаго историческаго города происходило
невиданное тамъ *возмущеніе*. Толпа вступала въ рукопашный
щіей и войсками, было много раненыхъ, нѣсколько человѣкъ
Многіе обвиняютъ парижскую полицію въ безтактности и же
) стороны и издалека разобраться довольно мудрено, но нам
гся несомнѣннымъ, во-первыхъ, что демонстраціи начались п
іоводу и что въ уличныхъ безпорядкахъ, во-вторыхъ, дѣло и
ѣзъ грабежа и безсмысленнаго разрушенія. Народу, у котораг
)дача голосовъ, не пристало жаловаться на *буржуазный по*
о всякомъ случаѣ, не подобаетъ стремиться къ его измѣненію
разнымъ путемъ.
ижѣ существуетъ общество, поставившее себѣ цѣлью боротьс

al des Débats, 29 mai.

съ общественными проявленіями безнравственности. Во главѣ этого общества стоятъ лица, во всякомъ случаѣ, почтенныя: сенаторы Бераже и Жюль Симонъ. Бераже извѣстенъ, между прочимъ, тѣмъ, что онъ провелъ законъ, носящій его имя, по которому, въ опредѣленныхъ преступленіяхъ, обвиненный освобождается на первый разъ отъ наказанія (въ случаѣ вторичнаго преступленія онъ судится, какъ рецидивистъ). И вотъ, на одномъ изъ вечеровъ, устроенныхъ учениками *Школы изящныхъ искусствъ*, названному обществу пришлось обратиться къ судебной власти. Главнымъ *украшеніемъ* этого вечера были безстыдныя живыя картины, въ которыхъ участвовали почти совсѣмъ обнаженныя женщины. Судъ приговорилъ ученика-распорядителя и натурщицъ къ штрафу по 100 франковъ, но примѣнилъ къ нимъ упомянутый законъ Бераже. Ученики *Школы изящныхъ искусствъ*, къ которымъ присоединились многіе студенты другихъ заведеній, произвели передъ квартирами Бераже и Жюля Симона шумныя демонстраціи, къ нимъ присоединились охотники побуянить, а при случаѣ и пограбить, вмѣшалась полиція,—и дѣло приняло тревожный характеръ. Безпорядки возобновились, когда правительство закрыло *Биржу труда*, въ которой засѣдали рабочіе синдикаты, не исполнившіе нѣкоторыхъ требуемыхъ закономъ формальностей для своего правильнаго существованія.

Когда пишутся эти строки, телеграфъ принесъ извѣстіе, что Парижъ успокоился. Опасаются, однако, сильнаго неудовольствія рабочихъ вслѣдствіе закрытія *Биржи труда* и полагаютъ, что значительная часть парижскаго населенія не приметъ на этотъ разъ участія въ національномъ праздникѣ 12 іюля. Намъ эти тревожныя предположенія кажутся весьма преувеличенными.

Должно замѣтить, что лучшая часть парижскаго студенчества, главнымъ образомъ, молодежь, входящая въ *Общую ассоціацію студентовъ*, за свободу публичнаго демонстрированія обнаженнаго женскаго тѣла не вступалась и въ уличныхъ безпорядкахъ никакого участія не принимала. На недавнемъ банкетѣ этой ассоціаціи предсѣдательствовалъ, по выбору, конечно, студентовъ, Эмиль Золя, который произнесъ при этомъ замѣчательную рѣчь. Утверждаютъ,—говорилъ знаменитый авторъ *Жерминаля*,—обращаясь къ студентамъ, что ваше поколѣніе порвало съ нашимъ. Вы будто бы не кладете всей вашей надежды въ науку... Если еще не осмѣливаются предлагать молодежи бросить книги и покинуть своихъ наставниковъ, то уже появляются святые и пророки, которые проповѣдуютъ добродѣтель невѣжества. Золя признаетъ, что европейское общество переживаетъ кризисъ, что многіе утомлены отъ напряженной умственной жизни, а другіе близки къ отчаянію, потому что наука, разрушившая такъ много суевѣрій и жестокостей, созидаетъ такъ медленно, не заполняетъ у многихъ душевной пустоты, которую образовалъ быстрый потокъ сомнѣнія и точнаго знанія. Къ чему идти, если цѣль всегда удаляется? Лучше сохранять чистую простоту, дѣтское счастливое невѣдѣніе.

Но развѣ наука обѣщала намъ счастье?—спрашиваетъ Золя, и отвѣчаетъ

ѣщала истину, и вопросъ лишь въ томъ, дастъ ли остигнуть счастья. Страданій много на землѣ, много оля говоритъ, что его глубоко трогаютъ голоса, ко-гимъ и ищутъ отрады въ мистическомъ... Для меня,— ія закоренѣлаго позитивиста,—всѣ эти явленія, вся лишь понятною и скоропреходящею остановкой на и остановки нѣтъ, потому что музеи, библіотеки, ь пустыни, научная работа кипитъ во всѣхъ на-нилась и демократическая почва новаго европейскаго ѣкъ будетъ торжествовать новыя и еще болѣе рѣ-уки и демократіи.

ысшей степени симпатично слѣдующее покаяніе са-гурѣ,—сказалъ онъ,—мы слишкомъ съузили круго-ѣю, что былъ сектантомъ, желая, чтобъ искусство ко доказанныхъ истинъ. Золя заключаетъ горячимъ, звомъ къ труду. Онъ говоритъ, что ему пришлось много тяжелыхъ испытаній, но трудъ всегда спасалъ кое нравственное наслажденіе. Народъ силенъ лишь дится, и трудъ даетъ мужество, миръ и свободу *). тно напомнить о другой рѣчи, произнесенной также ихъ студентовъ (*Cercle démocratique des écoles*) ромъ Оляромъ весной нынѣшняго года. Это обще-клубъ. Студенты собираются для того, чтобы въ ѣдахъ, подъ руководствомъ компетентныхъ людей, справить недочеты своего міропониманія и воспитать крѣпкія политическія убѣжденія.

еподаетъ въ Сорбоннѣ исторію французской револю-призывавшая къ знанію и труду, была съ восторг-студентами (она напечатана въ *Justice*, подъ загла-*нео, религія*). На основаніи всѣхъ этихъ признаковъ, ъ, будто реакція завладѣла западно-европейскою уча-дто проповѣдь неокатоликовъ сдѣлала (или сдѣла-пѣхи. Разумѣется, правильный ходъ образованія и хъ учебныхъ заведеніяхъ въ весьма значительной сте-авильной постановки средне-учебныхъ заведеній. Въ Европѣ еще крѣпко держится рутина, но свѣжій духъ іяхъ, лицеяхъ и колледжахъ Западной Ев[illegible]

, извѣстіе, что первая статья военнаго за[illegible]
тенія большинствомъ одиннадцати голосо[illegible]
проекта подали голоса консерваторы, на[illegible]
Рихтера свободномыслящіе, антисемиты

:тво, образовавшееся при такомъ странномъ сочетаніи парламентскихъ партій, сильно компрометируетъ побѣду графа Каприви. Половина рейхстага, представляющая половину германскаго народа, твердо и настойчиво высказывается противъ новаго усиленія милитаризма.

Обсуждая положеніе партій въ парламентѣ, *National-Zeitung* говоритъ, что главною въ немъ представительницей либерализма является національ-либеральная партія. Газета вновь нападаетъ на свободномыслящихъ и въ особенности на Рихтера за то, что они своею оппозиціей военному законопроекту довели дѣло до распущенія прежняго рейхстага. *National-Zeitung* ужасается успѣхами соціалъ-демократіи и полагаетъ, что теперь невозможна тираннія сверху, за то весьма возможна тираннія снизу *). Программою національ-либеральной партіи ея главный органъ выставляетъ слѣдующія положенія: охраненіе личной свободы, какъ правило, необходимость каждаго уклоненія отъ котораго должна быть доказана; поддержаніе конституціонныхъ правъ всѣхъ гражданъ Германіи; отпоръ всѣмъ стремленіямъ получить выгоды лицамъ, группамъ или классамъ въ ущербъ общихъ интересовъ; открытая критика ошибокъ и недостатковъ въ дѣятельности правительства.

Эта программа заключаетъ болѣе отрицательныхъ, чѣмъ положительныхъ указаній. Несомнѣнно, что свободномыслящіе, борясь съ военнымъ законопроектомъ, имѣли въ виду общіе интересы народа. Иначе понимаемые и оцѣниваемые общіе же интересы побуждали національ-либераловъ подавать голосъ за усиленіе арміи. Когда правительство внесетъ проектъ новыхъ налоговъ для осуществленія военнаго закона, то національ-либераламъ представится хорошій случай доказать, что они дѣйствительно будутъ противъ всякаго несправедливаго облегченія одного класса въ ущербъ всему народу.

National-Zeitung отчасти права, упрекая бывшихъ свободномыслящихъ за то, что они были глухи къ нѣкоторымъ важнымъ вопросамъ жизни. Это справедливо по отношенію къ ихъ экономической программѣ, которая была близка къ теоріи полнаго невмѣшательства государства въ отношенія между трудомъ и капиталомъ. Быть можетъ, жестокій урокъ научитъ Рихтера и его единомышленниковъ, что разумное регулированіе этихъ отношеній со стороны парламента и правительства вовсе не нарушаетъ основныхъ требованій либерализма,—наоборотъ, требуется ими, такъ какъ иначе индивидуальная свобода можетъ явиться пустымъ словомъ. Много лѣтъ тому назадъ намъ приходилось приводить историческія справки, свидѣтельствующія о правильности именно этой точки зрѣнія **).

Свободномыслящая народная партія не теряетъ бодрости. Въ счастьи не ковать, въ несчастьи не впадать въ отчаяніе, — выставляетъ девизомъ *reisinnige-Zeitung*. Надо собрать вновь, организовать побѣжденную ар-ію. Прогрессивная партія въ Германіи переживала еще болѣе тяжелыя по-

---

*) *National-Zeitung*, 27 Juni.

**) *Государство и самоуправленіе* (*Русская Мысль* 1892 г.).

выходила изъ нихъ возрожденною. На послѣднихъ выборахъ, по
Freisinnige Zeitung, за свободномыслящихъ кандидатовъ подали
700 до 800 тысячъ избирателей. Цифра весьма почтенная и
щая, что партія не потеряла почвы. Рихтеръ предполагаетъ со-
дъ представителей партіи для точнаго опредѣленія ея програм-
шенія организаціи.
ая въ соображеніе всѣ результаты недавней избирательной борь-
манія, можно съ увѣренностью сказать, что всякое ограниченіе
избирательнаго права въ этой странѣ встрѣтитъ непреодолимое
ствіе. На этотъ разъ мы можемъ указать, что движеніе въ поль-
й подачи голосовъ распространяется и въ Австріи (теперь из-
ожденъ платить не менѣе пяти флориновъ прямыхъ налоговъ).
наютъ изъ газетъ, что въ послѣднее время въ большихъ аз-
городахъ (въ Вѣнѣ, Прагѣ и др.) происходили внушительные
бочныхъ, на которыхъ выражались требованія измѣнить въ этомъ
нѣ дѣйствующій законъ. Движеніе начинается съ Цислейтаніи,
культурной половины имперіи, съ сильно развитою фабрично-
промышленностью, но, конечно, оно перейдетъ и въ Венгрію.
тересны слѣдующія данныя о распредѣленіи въ этой послѣдней
й собственности. Изъ почти семидесяти милліоновъ акровъ *)
равняется 28 милліонамъ гектаровъ) въ частной собственности
46 милліоновъ, въ общественной (городской и сельской)—12,339,
ственной—3,963, въ церковной—3,229 (главнымъ образомъ, у
олической церкви—2.183,950 акровъ, у православной—505,580,
нтской—308,178). Изъ общаго числа семидесяти милліоновъ ак-
кѣсами въ Венгріи находится 18.722,000 и 9.214,000 подъ

В. Г.

26,170 акровъ.

ки провинціальной жизни.

ваніе,— говоритъ кн. Васильчиковъ,— есть вопросъ жизни и смерти для народовъ нашего вѣка, и величіе современныхъ державъ зависитъ отъ числа грамотныхъ болѣе, чѣмъ отъ числа солдатъ. Пока въ Россіи существовало крѣпостное право, эта истина не только не понималась, но если бы и была понята, не могла быть осуществлена. Грамотный народъ и крѣпостной народъ — два состоянія, другъ друга исключающія. Вотъ почему въ крѣпостной Россіи народъ былъ сплошь безграмотный. Только съ отмѣной рабства народное образованіе могло сдѣлаться предметомъ общественной дѣятельности. И надо правду сказать, ни для какой народной потребности не сдѣлано обществомъ такъ много, какъ для дѣла народнаго образованія. Тѣмъ не менѣе, и эта потребность удовлетворена еще слишкомъ мало. Требуется несравненно больше матеріальныхъ средствъ и усилій, чтобы хотя сколько-нибудь догнать намъ культурные народы Европы и войти въ тѣ блага общежитія, которыя необходимо вы-

ъ распространенія образованія въ народѣ».

ею зимой печать наша, какъ столичная, такъ и провинціаль-ечью сообщала обществу то неутѣшительное впечатлѣніе, кото-ь не испытать каждый истинный патріотъ отъ доклада г. Стран-, прочитаннаго имъ въ петербургскомъ комитетѣ грамотности и го обзору состоянія народнаго образованія въ Россіи. Дѣйствировыя данныя этого доклада въ высшей степени непріятны. Мы только важнѣйшія изъ нихъ.

га 1880 года, по распоряженію правительства, сдѣлана была перепись народныхъ училищъ и обучавшихся въ нихъ мальчиковъ. Матеріалы, добытые этою переписью, дали слѣдующіе

Въ день переписи народныхъ училищъ въ Европейской Россіи, ніемъ Царства Польскаго, Финляндіи и Остзейскихъ губерній, всего 18,230 и въ нихъ учащихся нѣсколько болѣе 800 тыс., а ьчиковъ—718 тыс. и дѣвочекъ—135 тыс. Изъ этихъ данныхъ одно училище приходилось на 231 кв. версту или на 14 селе-олько 12,1 мальчика и 2,2 дѣвочки обучались въ этихъ шко-.00 человѣкъ народонаселенія Россіи обоего пола.

призыву 1886 года, изъ общаго числа 195 тыс. призванныхъ
ду молодыхъ людей безграмотныхъ оказалось 145 тыс., т.-е.
.. Если же выдѣлить изъ числа призванныхъ грамотныхъ лицъ,
жащихъ къ крестьянскому сословію, то окажется, что общая
ивныхъ 1886 года дала безграмотныхъ болѣе 75 процентовъ.
ослѣднимъ даннымъ можно судить объ общемъ образовательномъ
аго народа. И дѣйствительно, болѣе всесторонніе изслѣдованія
ь, что въ 1888 году число учащихся въ сельскихъ школахъ
ло 13 процентовъ изъ общаго числа народонаселенія, находив-
ги поголовно безъ всякаго образованія. Въ частности негра-
нщинъ въ 1886 году равнялась 95 процентамъ. Такова въ об-
къ картина нашего народнаго образованія.
ючение своего обширнаго доклада г. Страннолюбскій привелъ
по если каждый годъ мы будемъ учреждать по 3,250 школъ,
резъ 260 лѣтъ населеніе Россіи получитъ возможность сдѣ-
мотнымъ. Между тѣмъ, число ежегодно учреждаемыхъ у насъ
о приближается даже къ указанной цифрѣ.
ю учащихся въ школахъ Германіи, Франціи, Англіи и Соеди-
татовъ несравненно выше, чѣмъ у насъ,— это знаетъ всякій.
ъ, немногихъ удивитъ превосходство передъ нами въ этомъ от-
гая и Японіи. Но что Турція обогнала насъ въ дѣлѣ
— это, полагаемъ, сюрпризъ для очень многихъ. У
ихся 2,2, въ Турціи — 2,6.
тво наше слишкомъ мало даетъ средствъ на первон
лія, при населеніи вчетверо меньше Россіи, расходуетъ
иліоновъ рублей, а мы изъ милліарднаго бюджета от
ѣдметъ лишь 5 милліоновъ рублей. Въ Соединенныхъ
и населеніи въ 62 милліона, ежегодныя издержки на
достигаютъ 265 милліоновъ рублей. Въ среднемъ на
жителя Европейской Россіи приходится 17 копѣекъ
въ Соединенныхъ Штатахъ тратится на школьное дѣ
Англіи—3 руб., во Франціи слишкомъ 2 руб. на ду
овательно, Соединенные Штаты даютъ на народное об
больше сравнительно съ Европейскою Россіей, Англі
Франція—въ 12 разъ болѣе.
остояніе народнаго образованія въ Европейской Росс
ѣе за Ураломъ. Тамъ до сихъ поръ встрѣчаются безг
жденія. Недавно еще *Енисейскія Губернскія Вѣдом*
плошной безграмотности ачинской городской думы. Пс
этой думы отъ 9 января 1893 года за № 1 напечат
голова Патюковъ, гласные: М. Ивановъ, П. Заевъ, О.
ъ, Ф. Илѣшинъ, Д. Киселевъ, Ф. Безпрозванный и М
безграмотству ихъ росписался Н. Киселевъ».
ъ большая еще безграмотность русскаго народа и э

ская его немощность составляютъ тѣ два явленія, которыя наиболѣе заставляютъ скорбѣть просвѣщенныхъ и добрыхъ людей. Печалованіями объ этихъ явленіяхъ ежедневно наполнены десятки органовъ всероссійской прессы. Что-жь, можетъ быть, это признакъ недалекихъ лучшихъ дней?... Сознаніе темныхъ сторонъ жизни, соединенное съ вѣрою въ ихъ исправленіе, съ призывомъ на борьбу съ ними, представляетъ вѣрнѣйшій признакъ готовности общества на энергичную работу. Въ печати нашей, какъ и въ обществѣ, нѣтъ пессимизма отчаянія. Когда указываютъ на зло, на необходимость борьбы съ нимъ, то этимъ выражается наличность нравственныхъ требованій, свидѣтельствующая о жизненныхъ силахъ организма. Быть пессимистомъ въ этомъ смыслѣ значитъ имѣть идеалъ, видѣть въ грядущемъ человѣчество и лучшимъ, и болѣе счастливымъ.

Среди множества замѣтокъ, сообщеній, корреспонденцій и статей въ провинціальной прессѣ о состояніи и движеніи народнаго образованія въ нашемъ отечествѣ, намъ очень понравился воскресный фельетонъ» въ № 94 *Астраханскаго Листка,* озаглавленный *Свѣта, свѣта!* Написанъ фельетонъ просто, тепло и чувствуется въ немъ неподдѣльная скорбь автора о томъ, что такой умный и способный народъ, какъ народъ русскій, пребываетъ до сихъ поръ въ умственной темнотѣ.

Русскій народъ,—говоритъ авторъ,—умѣлъ захватить чуть не полміра, отстоялъ свою добычу отъ безчисленныхъ и могущественныхъ враговъ, проявлялъ, при всякихъ сколько-нибудь благопріятныхъ обстоятельствахъ, большую способность къ культурѣ, а ,между тѣмъ, такъ мало еще дано ему было средствъ пріобщиться къ ней. Русскій народъ представляетъ превосходнѣйшій матеріалъ, способный выливаться въ наилучшія формы, принимать черты высоко-художественныя, поэтическія, почти идеальныя, и какой контрастъ представляютъ тѣ жизненныя условія, въ какія онъ поставленъ! До сихъ поръ ему приходится жить въ безпросвѣтной тьмѣ, утопать въ грязи, быть пожираемому недугами бѣдности.

Пока тянешь свою лямку изо дня въ день,— продолжаетъ авторъ,— свыкаешься какъ бы съ окружающимъ, родныя перспективы не слишкомъ колятъ глаза, не волнуютъ сильно чувство. Но нерѣдко достаточно какого-либо, повидимому, неважнаго обстоятельства, чтобы впасть въ грустное душевное состояніе. Такое состояніе вызвала въ авторѣ одна журнальная статья, гдѣ въ скромныхъ выраженіяхъ сведены нѣкоторыя цифры, какъ показатели заботъ американцевъ о народномъ образованіи. Прежде чѣмъ сообщить читателю эти цифры, фельетонистъ напоминаетъ, что, по свѣдѣніямъ 1891 года, въ г. Астрахани, при населеніи 95,000 человѣкъ, числилось 40 учебныхъ заведеній казенныхъ, общественныхъ и частныхъ; въ нихъ всего обучалось до 2,500 чел., а на ихъ обученіе израсходовано около 130 т. р. Сравнительно съ тождественнымъ по назначенію расходомъ другихъ городовъ эта сумма такъ велика, что Астрахань, какъ принято говорить, «вправѣ гордиться своими жертвами на пользу народнаго образованія». Но какъ ничтожна оказывается эта дѣятельность одного изъ са-

евностныхъ въ дѣлѣ образованія русскихъ городовъ сравнительно
ь самымъ бѣднѣйшимъ штатомъ Сѣверной Америки! Штатъ Сѣвер-
кота—одинъ изъ бѣднѣйшихъ и самыхъ молодыхъ; онъ принятъ въ
всего только 2 ноября 1889 года, а до этого времени состоялъ лишь
ени территоріи, то-есть мѣстности недостаточно населенной, чтобы
самостоятельное административное управленіе. Населенъ этотъ штатъ
ь очень рѣдко. При своихъ размѣрахъ въ 70,195 кв. миль, онъ
по переписи 1890 года всего 182,719 жителей. Только небольшая
го заселена уже лѣтъ двадцать пять, остальное же пространство
вственная пустыня, бѣдная, неустроенная. По своимъ климатическимъ
нымъ условіямъ Сѣверная Дакота совершенно напоминаетъ земле-
кую полосу нашей матушки Руси. Понятно, что въ новомъ штатѣ,
пѣвшемъ получить правильное управленіе, существуетъ множество
ь въ гражданскомъ благоустройствѣ. И вотъ управляющій учебною
штата въ своемъ отчетѣ за первые два года существованія штата,
ноября 1889 г. и за 1890 г., приводитъ цѣлый рядъ оправданій
ь, что то и то не сдѣлано въ дѣлѣ народнаго образованія въ Сѣ-
Дакотѣ, то и то не окончено, — словомъ, признается предъ обще-
мъ мнѣніемъ, предъ согражданами, что въ Сѣверной Дакотѣ народ-
азованіе пока еще стоитъ неудовлетворительно и во много

мой выводъ отсюда, что съ точки зрѣнія янки сѣверодакот
два года мало.
го же они сдѣлали въ эти два года?—спрашиваетъ авторъ
отвѣчаетъ приведеніемъ слѣдующихъ данныхъ.
ва года со времени образованія штата въ Сѣверной Дак
университетъ съ четырьмя факультетами, 11 профессорам
ами, земледѣльческая академія, горный институтъ, лѣсной и
чительскихъ института. Всѣ эти высшія учебныя заведен
ѣчнымъ фондомъ на ихъ содержаніе. Это—высшія учебныя
родныхъ школъ за отчетные два года въ Сѣверной Дакот
я тысяча шестьсотъ восемьдесятъ двѣ, и въ нихъ 557 у
чительницъ и 35,543 учащихся. Стоимость школьнаго и
ь штатахъ опредѣлялась за 1890 г. въ 3.000,000 рублей
е этихъ школъ израсходовано около 1.270,000 рублей.
ъ читатель,—говоритъ авторъ фельетона,—сравнитъ эти
фры «неблагоустроеннаго», «только что заселеннаго», «
нскаго штата съ данными, взятыми даже изъ центра наш
омышленной губерніи, изъ г. Астрахани. Вотъ это сравнен
икъ въ Сѣверной Дакотѣ приходится на каждые 4 человѣ
, на каждую школу—27 школьниковъ. Согласно той же п
страхани, въ нашемъ городѣ должно бы быть теперь н
школьниковъ и болѣе 900 школъ и на ихъ содержаніе с
ходовать 675,000 руб. А у насъ школьниковъ, повторяю,

школъ 40, на ихъ содержаніе расходуется 80 т. руб. А университетъ, а институты, академіи?... Мой согражданинъ,— продолжаетъ авторъ фельетона,—саркастически улыбнется надъ этими необъятными цифрами и этимъ внушительнымъ перечнемъ и тотчасъ найдетъ себѣ оправданіе и утѣшеніе.

— То Америка, а то Астрахань,— и отвернется, довольный, что рѣшилъ вопросъ.

Между тѣмъ, фельетонистъ не даетъ успокоиться на этомъ самоутѣшеніи. Онъ указываетъ, что С. Дакота страна бѣдная, только еще заселяемая. И если она тратитъ такія огромныя для нея суммы на народное образованіе, то только потому, что считаетъ это важнѣйшимъ дѣломъ общежитія, первѣйшею его обязанностью. Далѣе онъ указываетъ на большое число частныхъ пожертвованій въ пользу народнаго образованія. Пожертвованія эти, по своимъ размѣрамъ, достигаютъ нерѣдко десятковъ милліоновъ долларовъ. Богатый американецъ,— говоритъ въ заключеніе авторъ фельетона,— прекрасно понимаетъ, какое плодотворное дѣло употребить свои средства на народное просвѣщеніе, принять участіе въ возведеніи того фундамента, безъ котораго невозможно благополучіе народа.

У насъ дѣлу просвѣщенія народа всего болѣе послужили земства. На первоначальныя школы земства даютъ до одной пятой своихъ бюджетовъ. Къ сожалѣнію, бюджеты земствъ весьма скудны, а потому, несмотря на ихъ рвеніе къ дѣлу народнаго просвѣщенія, число учреждаемыхъ ими школъ далеко не соотвѣтствуетъ требованію на нихъ. Неурожаи послѣднихъ лѣтъ еще болѣе ослабили земскіе финансы. Изъ значительнаго числа мѣстъ приходятъ извѣстія о чрезвычайномъ оскудѣніи земскихъ кассъ, о невозможности покрыть, безъ экстраординарныхъ полученій, текущіе расходы, и о ходатайствахъ земствъ предъ правительствомъ объ открытіи имъ кредита, который далъ бы возможность справиться съ переживаемымъ ими труднымъ временемъ. Въ этихъ ходатайствахъ земства особенно выставляютъ на видъ необходимость поддержать хотя бы существующія школы, такъ какъ, по ихъ справедливому заявленію, вредъ отъ закрытія школъ былъ бы громаденъ.

Въ то же время, отовсюду идутъ сообщенія о быстромъ ростѣ среди народа потребности въ образованіи. И если народъ не удовлетворяетъ своими средствами таковой потребности, то причина тому та же, какая задерживаетъ и дѣятельность земства въ этомъ дѣлѣ,—причина эта—экономическая бѣдность. Земская статистика показала, что чѣмъ состоятельнѣе районъ, тѣмъ больше онъ имѣетъ школъ. Въ февральской книжкѣ нашего журнала за текущій годъ напечатана поучительная статья г. Григорьева *О крестьянской колонизаціи въ Сыръ-Дарьинской области*. Полученные поселенцами здѣсь достаточные надѣлы дали имъ возможность примѣнить производительно свой трудъ, раскрыть вполнѣ свои способности; и они дѣйствительно проявили чрезвычайную энергію и достигли блестящихъ результатовъ. Прошло не болѣе десяти лѣтъ, какъ образовались въ этомъ краю русскіе поселки, а уже нѣтъ ни одного селенія, гдѣ крестьяне не устроили

у. «Матеріальное довольство крестьянъ и, как
покойствіе,—заявляетъ военный губернаторъ
вызываетъ въ нихъ стремленіе къ обученію д
лейской Россіи, гдѣ, въ среднемъ выводѣ, нар
Ураломъ, крестьяне нерѣдко изъ послѣднихъ
ѣть школу и обучить грамотѣ своихъ дѣтей.
кая губернская управа собрала довольно пол
426 начальныхъ народныхъ училищъ въ гу
бін земства. Оказалось, что въ постройкѣ шко
лавное участіе крестьянскія общества; ими за
ими и губернскими земствами всего 71,514 р.
, что постройка школьныхъ зданій почти везд
второй половины 70-хъ годовъ и особенно
1889 гг., именно въ то время, когда сель
обострился, когда паденіе крестьянскаго хозя
ескаго, обнаружилось вполнѣ, т.-е. когда сре
», добываемыя исключительно отъ земли, у
крестьяне открываютъ также на свой счетъ
ивая ежедневно почти всю провинціальную пр
шь въ той или другой газетѣ сообщенія объ
ами библіотеки. Вотъ образцы этихъ сообщені
товской губерніи, мѣстное крестьянское общес
бліотеку. Для этого рѣшено обложить всѣхъ о
съ человѣка. Попечителемъ будущей библіоте
икъ, библіотекаремъ — врачъ. Сластухинское об
книжный складъ саратовскаго губернскаго зем
каталога разрѣшенныхъ въ сельскихъ библі
ело Сластуха находится въ трехъ верстахъ
ой ж. д. Это—большое село въ 482 двора, и
обоего пола» (*Сельскій Вѣстникъ*). Въ Бор
ской губерніи, открылась вторая *сельская пу*
ея возникновенія въ общихъ чертахъ такова.
а волостной сходъ въ с. Уваровѣ приговоромъ
ри мѣстномъ земскомъ училищѣ публичную
содержаніе ея изъ волостныхъ суммъ по 10 ру
айствомъ въ мѣстный уѣздный училищный с
тіе библіотеки и 4) выбрать такихъ-то лиц
ву ея. Въ попечители были выбраны мѣстный
щенника, два учителя земскаго училища и один
иговоръ былъ препровожденъ въ борисоглѣб
куда восходилъ до министерства народнаго п
шенію съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ,
рѣшеніе на открытіе библіотеки.

видитъ читатель, газетныя сообщенія объ от

библіотекъ весьма скромны. Въ большинствѣ случаевъ, ими констатируется только фактъ, и лишь изрѣдка попадаются комментаріи къ нему. А, между тѣмъ, какое важное культурное значеніе таится въ этомъ скромномъ газетномъ сообщеніи! Крестьянинъ читаетъ книгу не ради времяпрожденія. Онъ смотритъ на чтеніе, какъ на дѣло. Онъ ищетъ въ книгѣ полезныхъ свѣдѣній, свѣта, удовлетворенія своимъ нравственнымъ потребностямъ. Хорошею иллюстраціей можетъ служить отвѣтъ одного крестьянина, по фамиліи Журавлева, помѣщенный въ *Смоленскомъ Вѣстникѣ*. Здѣсь крестьянинъ отвѣчаетъ на вопросы о томъ, что онъ читалъ и какую пользу принесли ему книги. Прочиталъ, напримѣръ, онъ книгу о томъ, какъ надо ходить за огородомъ, устроилъ по этой книгѣ свой огородъ и сталъ отъ него получать хорошій доходъ. Прочиталъ потомъ Журавлевъ книгу о пчеловодствѣ, завелъ и устроилъ по этой книгѣ пчельникъ, и пчелы стали доставлять ему отличный медъ. По книгѣ онъ научился прививать оспу и сдѣлался мѣстнымъ оспопрививателемъ, чѣмъ принесъ населенію большую пользу; по книгѣ онъ выучился «землемѣрію» и научилъ тому же своихъ односельчанъ. Журавлевъ пошелъ далѣе. Съ разрѣшенія губернатора онъ открылъ сельскую публичную библіотеку, завелъ въ церковной сторожкѣ и крестьянскихъ избахъ чтенія вслухъ, открылъ школу. Далѣе, Журавлевъ сталъ выписывать лѣчебники и теперь лечитъ людей и скотъ въ своей мѣстности, такъ какъ тамъ нѣтъ лѣкаря и больницы. Подростаютъ у Журавлева дѣти, онъ выписываетъ книги о томъ, какъ воспитывать лучше дѣтей, и въ нихъ находитъ много полезныхъ для себя указаній.

Директора народныхъ училищъ свидѣтельствуютъ о чрезвычайно благотворномъ значеніи библіотекъ въ сельскомъ быту. Такъ, въ изданныхъ на-дняхъ екатеринославскимъ губернскимъ земствомъ «постановленіяхъ XXVII очередной сессіи земскаго собранія» мы находимъ, между прочимъ, донесеніе директора народныхъ училищъ Екатеринославской губерніи, г. Малевинскаго, губернской земской управѣ о народныхъ библіотекахъ Вотъ что сообщаетъ г. Малевинскій: «Благодаря назначенію со стороны екатеринославскаго губернскаго земскаго собранія въ 1885 г. 2,000 руб. на открытіе 32 библіотекъ, такія библіотеки были открыты съ начала 1889 года. Уже черезъ годъ послѣ того онѣ успѣли заинтересовать сельское населеніе и начали приносить значительную пользу какъ подросткамъ, обучавшимся въ народныхъ школахъ, такъ и другихъ возрастовъ крестьянамъ не только грамотнымъ, но даже неграмотнымъ, которые охотно прислушиваются къ чтенію грамотныхъ. Теперь, т.-е. въ 1892 году, со времени открытія общественныхъ сельскихъ библіотекъ прошло четыре года и благодѣтельное вліяніе ихъ на крестьянскую среду весьма усилилось. Чтобы не быть голословнымъ, я привожу отзывы объ этихъ библіотекахъ гг. инспекторовъ ввѣренной мнѣ дирекціи, помѣщенныя ими въ отчетахъ по осмотру училищъ. Инспекторъ, завѣдующій Александровскимъ и Маріупольскимъ уѣздами, пишетъ: «Публичныя библіотеки даютъ хоро-

ьтатъ, онѣ поддерживаютъ связь между п
никами, которые охотно берутъ отсюда к
-нравственнаго и историческаго содержані
библіотекахъ отъ частаго употребленія ц
ки, вслѣдствіе утери книгъ, въ разстрой
уѣздами Павлоградскимъ, Бахмутскимъ и
ивы: «Библіотека, составленная спеціальн
я, интересуетъ взрослое населеніе и нас
ъ въ расширеніи библіотеки книгами
вской публичной библіотекѣ уже истр
ъ, и взрослые крестьяне постоянно про
ыно публичныхъ библіотекъ вообще замѣ
что крестьяне и въ одиночку, и компанія
осятъ учителя почитать. Неоспоримо, что
народа и при умѣньи учителя руководи
въ недалекомъ будущемъ явятся правст
на нравственную и экономическую сторо
торъ 1-го района по поводу народной б
ывается такъ: «Мѣстное населеніе поль
размѣрахъ. Сравнивъ за нѣсколько лѣтъ
числѣ лицъ читающихъ и о числѣ книгъ
тить, что какъ то, такъ и другое числ
величивается. Въ числѣ читателей посл
акихъ, которые давно окончили ученіе, ка
ь съ книгой и школой, а теперь опять я
и взять книгу для чтенія. Благодаря ж
а къ распространенію книжнаго чтенія в
тека уже перечитана и требуетъ пополне
ъ дѣлѣ народныхъ школъ, такъ и въ дѣ
ельскихъ библіотекъ, земство является гл
ромъ. Въ Костромской губерніи, напримѣ
же почти во всѣхъ сельскихъ училищахъ
. Къ Костромской губерніи приближают
гихъ губерній. *Новороссійскій Телеграфъ*
о дѣятельность по народному образованію
еринославской губерніи, и бердянскаго,
отъ казны,—говорится въ газетѣ,—лишь
ченикахъ, со школьнымъ бюджетомъ въ
рдянское земство съ 1869 г. съумѣло п
лищъ въ уѣздѣ. Бюджетъ бердянскаго
зованія достигаетъ 100,000 руб. въ годъ.
одскія и сельскія общества Бердянскаг
дѣ и въ трехъ его городахъ: Бердянскѣ,
бюджетъ далеко превышаетъ 250 тысяч

колахъ достигаетъ почти 9,000 душъ, въ томъ
яютъ ученицы-дѣвочки. Въ число это не вошли
ковныхъ школахъ нѣмцевъ, которыхъ насчи-
душъ обоего пола. Большинство школъ поль-
ніями. Есть училищныя зданія, стоимость коихъ
Ново-Спасскомъ, достигаетъ почти 10,000 руб.
олномъ комплектѣ пособіями для учебнаго дѣ-
одобранъ весьма тщательно и толково. Въ бер-
тишь добровольца-учителя, относящагося свы-
ке учителя поневолѣ, видящаго въ званіи на-
ожность избѣжать воинской повинности.
ціей ревниваго отношенія земства къ дѣлу про-
ужить слѣдующій эпизодъ.
шняго года мнѣ случайно довелось присутство-
губернскаго земскаго собранія. Между прочими
ался также вопросъ о матеріальной поддержкѣ
авлѣ. Въ семидесятыхъ годахъ, одинъ изъ ро-
отказалъ, по духовному завѣщанію, слишкомъ
ъ Рославлѣ прогимназіи. Этихъ средствъ хва-
прогимназію. Новымъ циркуляромъ министра
ставлено требованіе, чтобы прогимназія имѣла
акого циркуляра, гласные отъ рославльскаго
аніе внести въ бюджетъ сумму, необходимую
ассовъ. Они указывали, что прогимназія дѣй-
будетъ крайне прискорбно лишиться учебнаго
раздѣляло стремленіе рославльскихъ гласныхъ
, но не сочло себя вправѣ расходовать на
состояніи удѣлить на народное образованіе,—
бранія,—должно всецѣло идти на школы для
джетъ отпускаетъ слишкомъ ничтожную сумму
ніе. Высшее и среднее образованіе находятъ у
ьшую матеріальную поддержку, чѣмъ народныя
ства, необходимо, насколько только возможно,
ость въ распредѣленіи средствъ. А потому, какъ
съ гласными отъ Рославльскаго уѣзда, воз-
пѣшно дѣйствующаго учебнаго заведенія, но
шего скромнаго бюджета мы нравственно не
собраніе можетъ сдѣлать, это—просить мини-
авлѣ четырехъ-классную прогимназію. Мы про-
аго предводителя дворянства ходатайствовать
истерствомъ.—Оба эти предложенія были при-

дѣлѣ просвѣщенія народа приходитъ частная
дѣльныхъ лицъ. Дѣятельность эта проявляется

въ многоразличныхъ формахъ. Общества и отдѣльныя лица открываютъ на собственныя средства школы обыкновенныя, воскресныя, вечернія; устраиваютъ народныя чтенія, народныя библіотеки, книжные склады и заботятся о распространеніи хорошихъ книгъ среди народа. По широтѣ
сти особенно выдаются московскій и петербургскій комитеты
и, нижегородское общество распространенія начальнаго образо-
ческое славянское общество.
ьность московскаго и петербургскаго комитетовъ грамотности
ся, главнымъ образомъ, въ учрежденіи школъ, въ выборѣ книгъ
а, въ устройствѣ сельскихъ и училищныхъ библіотекъ и въ
ненія лучшихъ народныхъ изданій изъ сочиненій русскихъ клас-
также книгъ по исторіи, географіи, естествознанію, земледѣлію,
нію и т. под.
нныя въ Петербургѣ, при участіи техническаго общества, вечер-
ы для рабочихъ посѣщаются съ необычайнымъ усердіемъ. По
тву *Правительственнаго Вѣстника*, рабочіе нерѣдко отказы-
ъ участія въ дополнительныхъ работахъ, отъ такъ называемой
платы, чтобы не отстать отъ школы и не пропустить урока.
имѣры, и ихъ не мало, хожденія въ школу издалека, когда уча-
иходится почти бѣжать и являться въ школу крайне усталымъ
минутъ на 15 опоздать къ уроку. Есть школы, которыя поль-
обымъ довѣріемъ рабочихъ, и у нихъ, такъ сказать, «на слуху»,
асть въ такую, они стараются найти себѣ раб
го района, гдѣ школа эта находится. Такой ж
ія чтенія въ Петербургѣ. Въ теченіе пяти п
92 гг., коммиссіею устраивались народныя чтен
Петербургѣ, Царскомъ Селѣ, Гатчинѣ, Кронш
лпинѣ. Всѣхъ чтеній за этотъ періодъ времени
лушателяхъ. Центральною аудиторіею коммиссі
тербургской думы. Съ 1887 по 1892 гг. изъ
13,637 экземпляровъ изданныхъ ею 70 назван
чтенія, всего на сумму 43,604 рубля.
екшую зиму значительную матеріальную помощь
мотности оказали многіе московскіе представите
которые, по иниціативѣ члена комитета Д. И. Ти
ичныхъ лекцій. Сборъ съ лекцій пошелъ на ус
скихъ библіотекъ.
о вышелъ *Отчетъ совѣта общества распрост
ованія въ Нижегородской губерніи за 1892 годъ.*
етомъ данныя заставляютъ признать нижегород
ведливо замѣчаетъ *Волжскій Вѣстникъ*,—одни
ыхъ по своимъ задачамъ и плодотворныхъ по р
учрежденій Поволжскаго края. Общество сущест
ѣтъ и въ теченіе этого времени успѣло сдѣлать

дѣлъ распространенія грамоты и полезныхъ знаній въ средѣ крестьянскаго и рабочаго населенія. За послѣдній годъ въ обществѣ состояло 354 члена. Обычная его дѣятельность выражалась: 1) въ распространеніи полезныхъ книгъ въ народѣ путемъ продажи при посредствѣ книжныхъ складовъ; 2) въ устройствѣ школьныхъ библіотекъ для безплатнаго внѣ-класснаго чтенія въ бѣднѣйшихъ училищахъ Нижегородской губерніи; 3) въ устройствѣ народныхъ чтеній и 4) въ поддержаніи уличной библіотеки въ населенныхъ частяхъ города. Къ 1 января текущаго года всѣхъ отдѣленій общества для продажи книгъ было 166; сравнительно съ предшествовавшимъ годомъ число ихъ почти удвоилось. Въ эти отдѣленія въ теченіе года было отправлено для продажи 36,408 экземпляровъ книгъ. Наиболѣе успѣшно распространялись изданія комитетовъ грамотности, общества распространенія полезныхъ книгъ, народныя изданія сочиненій Гоголя, Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Островскаго и друг. Изъ новыхъ изданій признаются особенно удачными народныя книжки изданія харьковскаго общества распространенія грамотности.

Не меньшаго вниманія заслуживаетъ уличная библіотека общества, которая въ прошломъ году была размѣщена въ двѣнадцати наиболѣе людныхъ пунктахъ Нижняго-Новгорода и состояла изъ двадцати витринъ. Здѣсь выставлялись для чтенія картины съ текстомъ историческаго содержанія изъ изданій Золотова, Рождественскаго и Сытина. Вмѣстѣ съ картинами вывѣшивались тексты разсказовъ русскихъ писателей и статьи научнаго содержанія. Каждая картина и текстъ мѣнялись приблизительно че-

ней.

аничиваясь организаціей книжныхъ складовъ и библіотекъ, ни-ое общество распространенія начальнаго образованія занимается ъ вновь выходящихъ въ свѣтъ народныхъ книгъ и картинъ. цѣлью при обществѣ существуетъ коммиссія. Почти всѣ изъ прохъ коммиссіей лубочныхъ изданій признаются невыдерживающи-непритязательной критики. О каждой прочитанной книгѣ давался й отзывъ; если при этомъ возникали сомнѣнія въ правильности другого отзыва, книги разсматривались вновь другими членами

чная дѣятельность общества проявилась также въ устройствѣ чтеній. Отчетъ общества останавливается на отрадномъ для него ученія впервые въ прошломъ году отъ народныхъ чтеній чистой прибыли. Явленіе это говоритъ, конечно, объ успѣхѣ чтеній и ть объяснено постоянными улучшеніями въ ихъ постановкѣ. По тчета, наплывъ посѣтителей чтеній былъ такъ великъ, что приногимъ изъ нихъ отказывать за недостаткомъ мѣстъ. Продажа чтеніяхъ въ отчетномъ году также стала замѣтно развиваться. ваясь чтеніями въ самомъ городѣ, общество нашло возможнымъ ихъ и въ другихъ мѣстностяхъ губерніи; такъ, чтенія уже идутъ Сергачѣ и предположены въ селѣ Починкахъ.

шительна дѣятельность одесскаго славянскаго общества
а и Меѳодія. Недавно появившійся отчетъ общества за
ѣтіе (1882—1892 гг.). свидѣтельствуетъ о весьма значи-
ı въ Одессѣ и другихъ городахъ народныхъ чтеній и на-
ь. За указанный періодъ было исполнено 479 чтеній, на
ствовало 199,086 человѣкъ, т.-е. среднимъ числомъ по 415
домъ. Кромѣ того, въ 1891 г. было устроено еще для сол-
ıа которыхъ было 9,482 чел., а всего — 499 чтеній, съ
. нихъ: 59 чтеній было по священной исторіи и присут-
ь чтеніяхъ—28,405 чел.; 137 чтеній по русской исторіи,
59,796 чел.; 99 чтеній по географіи—посѣтителей 38,860
о естественной исторіи—посѣтителей 10,113 чел.; 175
ости—посѣтителей 71,394 чел.

:кое общество устроило складъ и продажу дешевыхъ из-
ıго за шесть лѣтъ продано болѣе полмилліона книгъ. Въ
стали обращаться съ заказами не только частныя лица,
жденія, города и земства; были заказы для школъ, пріі-
тюремъ,—такія симпатіи и довѣріе вызвалъ къ себѣ Ки-
й складъ. При складѣ уже въ 1885 г. была составлена
тека для безплатной выдачи книгъ для чтенія на домъ.
ыло 2,157 абонентовъ, взявшихъ для прочтенія 35,622

есятъ процентовъ читателей составляли учащіеся въ го-
ь. Заказы шли въ книжный складъ общества изъ раз-
ıи. Библіотеки посылались даже въ Ташкентъ и Влади-

ое общество оказываетъ поддержку вновь открываемымъ
мъ въ другихъ городахъ. Высылались во временное поль-
ıля волшебнаго фонаря, причемъ иногородные уплачивали
су. Въ 1888 году была открыта вторая аудиторія въ пред
слободѣ Романовкѣ. Объ аудиторіи посѣщаютъ кажды
Съ 1887 года въ аудиторіи начали устраиваться общедо
рно-музыкальные вечера. Пятьдесятъ пять вечеровъ, ус
гвомъ, привлекли 29,743 посѣтителей (540 человѣкъ в
кассѣ народныхъ чтеній, при платѣ около 20 копѣек
847 руб. 43 к.

самодѣятельность въ дѣлѣ просвѣщенія народа прояв
ихъ другихъ городахъ и селеніяхъ. За послѣдніе два мѣ
ъ газетахъ слѣдующія заявленія по этому предмету.
путь въ *Русскія Вѣдомости*, что тамъ открыта *воскр*
умя отдѣленіями: для мужчинъ и для женщинъ. По р
ельствамъ школа открыта не въ центрѣ города, а
юменской церковно-приходской школѣ. Учащихъ 19 ч
и учительницы гимназій и народныхъ училищъ, закон
ько частныхъ лицъ). Несмотря на отдаленность отъ ц

тра города и кратковременное существованіе школы, учащихся теперь уже болѣе восьмидесяти человѣкъ (50 мужчинъ и 32 женщины). Число желающихъ учить и желающихъ учиться все увеличивается. Занятія производятся на двѣ смѣны: отъ 10 часовъ до 2 занимаются съ женщинами, а отъ 3 до 7 — съ мужчинами. Среди послѣднихъ преобладаютъ мальчики-подростки, начиная съ 13-ти лѣтъ (большею частью дѣти фабричныхъ и ремесленниковъ). Въ женскомъ отдѣленіи почти всѣ ученицы взрослыя; это большею частью работницы съ табачныхъ, гильзовыхъ и корсетныхъ фабрикъ, а также и прислуга. Среди учащихся обоихъ отдѣленій есть много грамотныхъ; они посѣщаютъ школу для того, чтобы продолжать свое образованіе. Учащіеся раздѣлены на группы, сообразно ихъ познаніямъ. Съ каждою группой занимается отдѣльный учитель или учительница. Отъ города школа субсидіи не получаетъ, а существуетъ на частныя пожертвованія.

Совершенно такой же характеръ извѣстій объ открытіи воскресныхъ школъ въ Оренбургѣ, Рязани и Новгородсѣверскѣ.

Всѣ сообщенія о *народныхъ чтеніяхъ*, устраиваемыхъ въ провинціальныхъ городахъ, свидѣтельствуютъ о переполненіи ихъ слушателями. Такъ, изъ отчета о народныхъ чтеніяхъ въ городѣ Ставрополѣ, напечатаннаго въ № 32 газеты *Сѣверный Кавказъ*, мы узнаемъ, что на 19 чтеніяхъ, устроенныхъ въ началѣ текущаго года, посѣтителей было 11,628. На третье чтеніе слушателей явилось 1,058. Воздухъ былъ настолько спертъ, что начали гаснуть лампы. Поэтому было сдѣлано распоряженіе, чтобы на будущее чтеніе допускать не болѣе 600 человѣкъ. На чтеніе, кромѣ воспитанниковъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, идетъ больше простой людъ. Не было ни одного чтенія, на которомъ остались бы пустующія мѣста, и, несмотря на это, толпа въ нѣсколько сотъ человѣкъ всегда
тишину. Если кто изъ запоздавшихъ являлся во время чтенія,
о входилъ въ комнату и скромно занималъ мѣсто у дверей.
, слушателей послѣ чтеній приносили выраженія глубокой при-
ги чтецамъ. Слова: «спасибо, спасибо, благодаримъ» оглашали
зъ залу по окончаніи чтенія.
дуюся дѣятельность въ дѣлѣ устройства народныхъ чтеній пред-
астраханскій комитетъ. Вотъ уже болѣе десяти лѣтъ, какъ онъ
ъ годомъ расширяетъ свою симпатичную, просвѣтительную ра-
хъ дѣла зависитъ, главнымъ образомъ, отъ энергіи и опытно-
ружка мѣстной интеллигенціи, который входитъ въ составъ ко-
тоящій преимущественно изъ представителей педагогическаго
итря на сравнительную скудость матеріальныхъ средствъ, комит
ь въ разныхъ концахъ города три аудиторіи для народныхъ
платную народную библіотеку и книжный складъ для продажи
вольно дешевыхъ изданій. Что просвѣтительная дѣятельность
стрѣтила полное сочувствіе среди мѣстнаго простонародья, свиѣтъ общее число посѣтителей чтеній за десять лѣтъ, достигшее

нтересъ публики къ народнымъ чтеніямъ возростаетъ
съ 5,000 (въ 1882 г.) число посѣтителей въ теку-
до 17,000. Судя «по внѣшности» посѣщающихъ чте-
торыя находились въ центрѣ города, какъ, наприм.,
дѣ, посѣщались мелкими приказчиками, ремесленника-
ріяхъ, расположенныхъ по окраинамъ города, глав-
контингентъ посѣтителей составляютъ чернорабочіе.
чтенія малолѣтнихъ, вслѣдствіе тѣсноты помѣщенія
тетъ, однако, поспѣшилъ и для подростающаго пово-
бтственно своимъ денежнымъ средствамъ, разумныя
зываемыя «дѣтскія утра». Программа «утра» обыкно-
тенія прозаическихъ и поэтическихъ произведеній луч-
авторовъ и исполненія вокальныхъ нумеровъ хорами
училища и ученицъ женской ремесленной школы.
аются тѣневыя картины и играетъ бальный оркестръ
ръ» громаденъ: зала реальнаго училища, гдѣ они про-
еполняется публикой. Сверхъ того, комитетъ устроилъ
родажи дешевыхъ книгъ народу. Книжный складъ тор-
гъ тысячные обороты въ годъ. По городу, для про-
рахъ народнаго скопленія, имѣются частныя отдѣле-
книжнаго склада навелъ комитетъ на мысль устроить
склада въ уѣздныхъ городахъ: въ Енотаевскѣ, Чер-
Яру.

ѣ праздновалось десятилѣтіе существованія «народ-
ославлѣ. За этотъ періодъ времени было исполнено
безплатно до 24,000 экземпляровъ различныхъ книгъ
шателей на каждомъ чтеніи бываетъ отъ 400 до 600

лицъ, состоящій частью изъ врачей, педагоговъ и др
арѣ народныя чтенія съ туманными и живыми ка
перваго же раза удались хорошо. Первое чтеніе бы
ой залѣ городской думы, гдѣ могло помѣститься
затѣмъ слѣдующія чтенія дума разрѣшила устра
театрѣ, куда на второе чтеніе народа сразу набрало
етье чтеніе—664 человѣка, на четвертое—614 чел
ается на чтенія большею частью изъ мѣщанъ, част
ольшого числа мѣстной интеллигенціи, въ ложи—и
дума единогласно постановила выдавать на чтенія у
ть по 300 рублей ежегодно.

го уѣзда, Самарской губерніи, сообщаютъ, что на-дни
олучено разрѣшеніе губернатора на открытіе обще
при мѣстномъ мужскомъ училищѣ. Мысль объ этс
давно и иниціаторами ея были жена покойнаго з
вгеньева, ветеринарный врачъ М. Н. Карнѣевъ и

чецъ В. В. Голованов. Лица эти еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ устроили два концерта, сборъ съ которыхъ предназначался именно на устройство библіотеки. Денегъ пока еще имѣется немного (съ двухъ концертовъ было собрано 210 руб., съ процентами будетъ около 250 р.), но учредители, тѣмъ не менѣе, теперь же приступаютъ къ выпискѣ книгъ.

По такому же гуманному почину нѣсколькихъ лицъ открыта весьма оригинальная школа для дѣтей обоего пола въ селеніи Фарфороваго завода, невдалекѣ отъ Петербурга. Исторія этой школы разсказана въ газетѣ *Русская Жизнь*. Школа эта, открытая однимъ бывшимъ сельскимъ учителемъ, существуетъ рѣшительно безъ всякихъ средствъ, какъ мы привыкли ихъ понимать. При основаніи школы, если не считать готоваго помѣщенія (домикъ учителя), не было ни копѣйки у иниціатора дѣла. Но посмотрите, какъ началось и пошло дѣло. Учащіеся—нищенствующія дѣти. Многія изъ нихъ не имѣютъ ни отца, ни матери; тѣ же, кто и имѣетъ кого-либо изъ родителей, поставлены ничуть не лучше: родители ихъ или сами нищіе, или потерянные люди, какихъ вы встрѣтите у любого питейнаго заведенія, въ любой трущобѣ. Школа, устроенная для такихъ дѣтей, нуждается не только въ одномъ умственномъ хлѣбѣ, но и въ хлѣбѣ насущномъ. Школа открыта въ первыхъ числахъ сентября 1891 г., въ квартирѣ, занимаемой учителемъ. Предпочтеніе оказано (при поступленіи) дѣтямъ самыхъ бѣдныхъ родителей; большая часть дѣтей до поступленія въ школу занималась прошеніемъ милостыни... Большая часть учащихъ (всѣ, кромѣ учителя грамоты) изъявили желаніе заниматься съ дѣтьми безплатно. Въ школѣ обучаютъ: священникъ, учитель грамоты, 2 преподавателя столярнаго ремесла, 1 переплетнаго, 1 сапожнаго, 1 преподавательница рукодѣлія, 1 учитель пѣнія, 1 докторъ.

Далѣе въ отчетѣ подробно разъясняется, откуда школа получала матеріальныя средства.

Хлѣбомъ снабжалъ школу Н. Т. Тимоѳеевъ, мясо 3 раза въ недѣлю отпускалъ Ѳ. А. Мартьяновъ и одинъ разъ въ недѣлю Д. Н. Ложниковъ, а въ постъ вышеозначенныя лица отпускали, вмѣсто мяса, постную провизію. Дрова для отопленія квартиры-школы и варки кушанья, а также уголья для самовара отпускалъ, по мѣрѣ надобности, И. Е. Ивановъ. Письменныя принадлежности школа получала отъ А. О. Башкова, а книги отъ Н. А. Суворина. На содержаніе школы собиралось, среднимъ числомъ, до 20 рублей въ мѣсяцъ, преимущественно отъ фабрикантовъ и заводчиковъ.

Кушанья для дѣтей варилъ одинъ изъ знакомыхъ главнаго иниціатора [illegible]олы... Поступали еще пожертвованія чаемъ и сахаромъ; пожертвованъ ку[illegible]ъ на счастье дѣтей... Хозяйка желѣзной лавки пожертвовала четыре ножа [illegible]южину карандашей. Сапожникъ С. Я. Вороновъ пожертвовалъ къ Пасхѣ 2 [illegible]ы сапогъ и двѣ пары башмаковъ. Вдова сапожника Андреянова пода[illegible]а 1 пару башмаковъ; отъ А. К. Морозова поступило такое же пожерт[illegible]вованіе съ прибавленіемъ пары чулокъ... Матеріалы: щетина, пряжа, варъ,

, гвозди пріобрѣтены пожертвованіями... Ученическихъ блузъ
ь нимъ 11, парусиновыхъ фартуковъ 6, мѣшковъ для рукодѣ-
же шапки для мальчиковъ, платки и платья для дѣвочекъ,
ередники для нихъ, сшитыя самими ученицами и пожертвованыя...
до 2 назначалось въ школѣ на обѣдъ и отдыхъ, а въ 4 дѣти
кускомъ хлѣба. Младшіе уходили домой, а старшіе, числомъ
ь заниматься ремеслами до 7 часовъ... Многіе изъ младшихъ
сто обращались съ просьбою остаться въ школѣ долѣе назна-
а, т.-е. 4 часа, и, обыкновенно, получали позволеніе... Боль-
чащихся проживаетъ за 2½ версты отъ школы въ селѣ Ско-
) въ школу почти всѣ ходили довольно аккуратно, и случаи
ѣтей или опаздыванія сравнительно рѣдки.

энергіи нужно было затратить на устройство и поддержаніе
! Здѣсь потребовалась бездна хлопотливаго труда и терпѣнія.
ніе и любовь къ несчастнымъ малюткамъ преодолѣли всѣ пре-
затрудненія.

в вниманія, по своему устройству, заслуживаетъ школа въ
инѣ, Подольской губерніи. Вотъ что сообщаетъ о ней коррес-
едѣли:

» мнѣ привелось быть на экзаменѣ учениковъ знаменитой въ
ы М. М. Львовой въ селѣ Чернятинѣ. Школа, дѣйствительно,
роша, что о ней слѣдуетъ разсказать въ «примѣръ и поуче
она исключительно на средства г-жи Львовой, уже 25 .
ь ней ежегодно отъ 40 до 60 крестьянскихъ дѣтей. К
t. Кромѣ общеобразовательныхъ предметовъ: закона Б
ка, ариѳметики съ яснымъ понятіемъ о дробяхъ, кратко
ечественной исторіи, преподаются первоначальныя прак
я, необходимыя въ «несчастныхъ случаяхъ». Учителемъ с
омъ содержаніи г-жи Львовой, нѣкто Т—въ, съ обра
нзомъ, человѣкъ горячо преданный школьному дѣлу и
ведущій. Мнѣ приходилось посѣщать много приходскихъ п
вать въ нихъ на экзаменахъ; но такую блестящую подго
ску и вообще такую хорошую внутреннюю и внѣшнюю о
» найти не только въ низшей школѣ, но даже въ ср
ѣденіи. Что же касается знаній учащихся, то ясность,
вленность въ отвѣтахъ ихъ поразительны сравнительно
лами того же типа. Надо прибавить, что заботливость
итомцахъ ея школы не останавливается на полпути, но
на дальнѣйшую судьбу тѣхъ изъ нихъ, которые по ка
ь не могутъ «оставаться на землѣ»; такихъ г-жа Львова
спеціальныя заведенія въ Москву,—ремесленныя, фельд
скія семинаріи и проч.».

дніе дни газеты сообщили возникновеніе двухъ новыхъ
содѣйствія народному просвѣщенію. Одно общество имѣетъ

имъ райономъ Донскую область, другое — Ярославскую губернію. Задача донского общества—пріобрѣтеніе и распространеніе полезныхъ и дешевыхъ книгъ въ массѣ донского населенія какъ козачьяго, такъ и крестьянскаго. Войсковому наказному атаману и епархіальному архіепископу присвоивается званіе почетныхъ попечителей общества. Средства общества составляются изъ взносовъ дѣйствительныхъ членовъ и пожертвованій въ пользу общества. Годовые отчеты о дѣятельности общества представляются войсковому наказному атаману и попечителю учебнаго округа.

Ярославское общество предполагаетъ обратить главное вниманіе на укрѣпленіе и развитіе знаній дѣтей и взрослыхъ, прошедшихъ уже начальную школу, путемъ устройства по губерніи народныхъ библіотекъ, складовъ, чтеній и т. п. учрежденій, а также заняться распространеніемъ въ народѣ практическихъ знаній путемъ устройства ремесленныхъ и сельскохозяйственныхъ школъ и заведеній, образцовыхъ фермъ, питомниковъ и пр.

Мы привели лишь нѣсколько данныхъ о работѣ интеллигенціи на дѣло народнаго просвѣщенія. Число ихъ можно было бы увеличить во много разъ. Несомнѣнно, что въ обществѣ, по всему пространству обширной Россіи, пробиваются многочисленные живые родники. И эти живые родники всего болѣе выразились въ настоящее время въ стремленіи къ образованію народа. Своею работой на пользу народнаго просвѣщенія они идутъ рука объ руку съ земствомъ и значительнымъ числомъ городскихъ самоуправленій, дѣйствующихъ усердно и добросовѣстно въ этомъ великомъ дѣлѣ. Къ сожалѣнію, бюджеты учрежденій мѣстнаго самоуправленія слишкомъ скудны, вслѣдствіе чего ихъ просвѣтительная дѣятельность далеко не соотвѣтствуетъ народившейся въ народѣ потребности въ образованіи. А такъ какъ матеріальные рессурсы земствъ всецѣло зависятъ отъ экономическаго положенія народа, то, поэтому, всѣ мѣры къ поднятію народнаго благосостоянія будутъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и мѣрами къ распространенію просвѣщенія въ народѣ. При настоящемъ же состояніи разстроеннаго народнаго хозяйства, единственное средство ускорить въ надлежащей мѣрѣ ходъ народнаго просвѣщенія состоитъ въ увеличеніи суммы государственнаго бюджета на образованіе. Условія жизни цивилизованныхъ государствъ указали, въ настоящее время, народное образованіе важнѣйшею государственною задачей; не только національное честолюбіе, но и самосохраненіе требуютъ, чтобы расходы на просвѣщеніе народа заняли въ бюджетѣ одно изъ первыхъ мѣстъ. По справедливому замѣчанію Жюль Симона, «народъ, который имѣетъ самыя лучшія школы, непремѣнно сдѣлается, если не сегодня, то завтра, первенствующимъ народомъ въ мірѣ».

И. Ивановъ.

сторіи нашей общественности *).

ъ (1826—1877 гг.) А. В. Никитенка. Три тома. Спб., 1893 г.).

III.

къ *Запискамъ и дневнику* Никитенка редакція изданія ючимъ, слѣдующее: «Мы полагаемъ, что и въ настоя- видѣ онѣ *(Записки)* представляютъ много интереснаго писанные подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ, факты, безъ ис- ровки и субъективныхъ выводовъ, часто говорятъ здѣсь ъ краснорѣчивыхъ комментаріевъ и въ своей неприкос- ти представляютъ драгоцѣнный матеріалъ для будущаго охи».

невѣрно. Вѣрно, что *Записки* представляютъ собою орическій матеріалъ, но совсѣмъ невѣрно, что онѣ ою *сырой* матеріалъ, лишенный всякаго субъекти ршенно наоборотъ. *Дневникъ* самымъ происхожденіе вно субъективному чувству его автора,— чувству, н себя внѣшняго выраженія и не могло найти друг ы, какъ форма интимнаго дневника. Не для того, что вать, а для того, чтобъ изливаться и судить писа невникъ. Въ *Дневникѣ* масса фактовъ, но еще бол омментаріевъ» къ нимъ, и это понятно. Самый сдерж твуетъ временами потребность въ нѣкоторой экспанс о слово дано намъ не затѣмъ, чтобы скрывать с ждалъ Талейранъ, а затѣмъ, чтобы выражать мыс ма Никитенка къ осторожности, выработала въ немъ юсть по отношенію къ людямъ, но не подавила въ н анализу, ни чувства справедливости и негодованія я него тѣмъ собесѣдникомъ, которому онъ могъ бе результаты «ума холодныхъ наблюденій и сердца

рестныхъ замѣтъ». Вопреки мнѣнію редакціи изданія, отличительною чертой *Дневника* является именно доходящій до страстности субъективизмъ, какъ правдивое отраженіе умственной и нравственной личности автора.

Это обстоятельство имѣетъ свою важность. Выше, разсуждая о *личности* Никитенка, мы могли пользоваться субъективнымъ элементомъ *Дневника*, какъ самымъ подходящимъ матеріаломъ для характеристики автора: субъективность не то же ли почти самое, что искренность? Теперь, переходя къ тому, чему Никитенко «свидѣтель въ жизни былъ», мы должны остерегаться именно этого субъективизма, который кладетъ особый отпечатокъ на всѣ сужденія Никитенка, а во многихъ случаяхъ даже на его чисто-фактическія свидѣтельства. «Что прошло, то будетъ мило», — это, можно сказать, психологическій законъ,—по крайней мѣрѣ, это самое обычное психологическое явленіе: въ дымкѣ прошлаго, въ далекой перспективѣ пережитаго, *милыми* представляются даже былыя страданія, не говоря уже о людяхъ.

И, сбросивъ лѣтъ тяжелыхъ бремя,
Съ любовью вызываю вновь
Изъ праха призрачное племя
Когда-то близкихъ мертвецовъ.
Въ туманѣ прошлаго они
Мелькаютъ блѣдными тѣнями,
И вамъ, младенческіе дни,
Я улыбаюсь со слезами!

Никитенку было около пятидесяти лѣтъ отъ роду, когда онъ началъ писать *Повѣсть о самомъ себѣ и о томъ, чему свидѣтель въ жизни былъ*. Въ эти годы человѣкъ живетъ болѣе воспоминаніями, чѣмъ надеждами; не только *младенческіе дни*, но и дни молодости представляются ему въ нѣкоторомъ поэтическомъ освѣщеніи, такъ что извѣстная доза идеализаціи почти неизбѣжна въ его воспоминаніяхъ о тѣхъ дняхъ. Никитенко не избѣжалъ этой опасности, и это именно тотъ пунктъ, который мы хотѣли отмѣтить прежде всего. Въ *Дневникѣ*, который писался по горячимъ слѣдамъ, подъ живымъ впечатлѣніемъ фактовъ, Никитенко является то горячимъ апологетомъ, то желчнымъ порицателемъ, но въ *Повѣсти*, предшествующей *Дневнику* и, какъ сказано, написанной очень долго спустя послѣ событій, составляющихъ ея содержаніе, Никитенко снисходителенъ и благодушенъ почти до всепрощенія. Между тѣмъ, онъ характеризуетъ въ *Повѣсти* явленія, имѣющія историческое значеніе, нашу общественную среду первой четверти текущаго столѣтія,—ту самую среду, изображеніемъ которой занялись и Пушкинъ (*Евгеній Онѣгинъ*), и Грибоѣдовъ (*Горе отъ ума*), и Гоголь (*Мертвыя души* и *Ревизоръ*). Выводы, которые можетъ сдѣлать историкъ или критикъ, на основаніи данныхъ, представляемыхъ Никитенко, далеко не совпадаютъ съ тѣми общеизвѣстными выводами, которые давно уже сдѣланы въ нашей литературѣ на основаніи типовъ Пушкина и въ особенности Грибоѣдова и Гоголя. Читатель согласится, что это обстоятельство имѣетъ серьезное значеніе, и вотъ почему мы указывали на не-

звѣстной доли идеализаціи въ ретроспе
ихъ Никитенка. Однако, разсказы Ники
и отличаются такою обстоятельностью
, и точныя даты, что отрицать ихъ п
кѣе, что, при случаѣ, Никитенко ни ма
факты, передъ которыми блѣднѣютъ по
ихъ героевъ. Вотъ, наприм., одинъ изъ
ційся къ эпохѣ двадцатыхъ годовъ и о
орядки нашей тогдашней провинціи. Рѣ
ожскѣ, Воронежской губерніи, въ кото
рогожскимъ городничимъ былъ Григорій
къ военныхъ. Этотъ былъ буйнаго нра
братьевъ, извѣстныхъ Сергѣя и Ѳедора
ащеніи съ мелкими и небогатыми горож
языку и рукамъ, безжалостно облагал
егъ бо́льшую часть города. Случилось
ую взятку съ одного мѣщанина, влад
ему, въ видѣ постоя, полковую пекар
ный, крыть камышомъ и стоялъ въ ц
непрерывной и усиленной топки печей.
ь квартиры для пекаренъ въ густо-нас
значитъ законъ для нашего лихого го
а засуха. Печь въ домѣ никогда не от
покоя, ожидая, что вотъ-вотъ она лоп
, ни сосѣдямъ. Онъ слезно молилъ горо
въ болѣе безопасное мѣсто. Тотъ, но
зіемъ такой взятки, которая была рѣш
владѣльцу. День за днемъ, печь все бо
онецъ, не выдержала: въ пекарнѣ, дѣй
было на половинѣ, день знойный, но
ь сосѣднія зданія и потокомъ разлилс
наряды у насъ ограничивались четыры
ли ничего не могли сдѣлать для прекр
ченіе, истребилъ больше трехсотъ дом
треть Острогожска обратилась въ груд
— по крайней мѣрѣ, на моихъ глазахъ.
гдѣ я жилъ, на мое счастье, уцѣлѣл
ахъ и не избѣгли потерь. Преступлен
зо, чтобы скрыть его. Но, вѣрно, у
покровители: онъ ничѣмъ не поплатил
дничимъ же, въ другой городъ, а имен
й Сквозникъ-Дмухановскій могъ бы съ
аго въ его служебной дѣятельности н
нестаковъ, предполагаемый ревизоръ, уз

отчаяніемъ воскликнулъ: «Двѣ недѣли! Батюшки, свa-
тушки, выносите святые угодники! Въ эти двѣ недѣли высѣчена унтеръ-
офицерская жена, арестантамъ не выдавали провизіи! На улицахъ кабакъ,
а! Позоръ! Поношенье!» Если гоголевскій герой *это* считаетъ по-
поношеніемъ, то, конечно, онъ агнецъ въ сравненіи съ героемъ
ка. Конечно, онъ тоже бралъ взятки, но, «ей-Богу, безъ всякой не-
, а, главное, городничій Никитенка выпутался изъ дѣла совершен-
но благополучно, тогда какъ Гоголь даетъ понять въ заключительной сце-
нѣ, что его героя постигла кара правосудія. Ясно, что краски Никитенка
гораздо мрачнѣе красокъ Гоголя, что дѣйствительность, о которой съ доб-
ою снисходительностью разсказываетъ очевидецъ, Никитенко, далеко
дила своимъ безобразіемъ художественную картину Гоголя, обви-
ся, однако, въ злобной карикатурности своихъ образовъ. Тѣмъ же
омъ и такимъ же смысломъ проникнутъ другой разсказъ Никитен-
ка, касающійся другихъ общественныхъ сферъ. Рѣчь идетъ о священникѣ
мъ, о которомъ Никитенко говоритъ, что онъ «могъ бы занять
мѣсто въ какомъ угодно образованномъ обществѣ». Судьба этого
наго священника была очень поучительна. «Сцепинскій кончилъ
с.-петербургской духовной академіи, зналъ Сперанскаго и могъ
ы достигнуть высшихъ духовныхъ степеней, если бы согласился, какъ его
ли, принять монашество. Но его влекла обратно на родину любовь
, а, можетъ быть, и какія-нибудь другія юношескія стремленія. Въ
жскѣ Сцепинскій скоро достигъ первенствующей роли: онъ былъ
ь благочиннымъ. Его осыпали почестями и наградами: онъ имѣлъ
наперсный крестъ, камилавку, набедренникъ и даже,—рѣдкое среди
духовенства отличіе,—посохъ. Впослѣдствіи онъ получилъ еще ор-
з. Анны. Казалось, его поняли и оцѣнили. Но дорого заплатилъ бѣд-
гецъ Симеонъ (Сцепинскій) за всѣ эти первоначальные успѣхи. У
ла воронежскаго Антонія былъ братъ, тоже священникъ, но недо-
шій изъ всѣхъ носителей этого сана. Онъ не былъ ни плутъ, ни
ловѣкъ, но горькій пьяница и велъ себя непристойно. Его-то, этого
ѣйшаго изъ смертныхъ, вздумалъ Антоній сдѣлать благочиннымъ въ
жскѣ, спихнувъ предварительно съ мѣста Сцепинскаго. И таковъ
въ тѣ времена, произволъ архіерейской власти, что Антоній могъ
это безнаказанно. Городъ, правда, протестовалъ, былъ пораженъ,
въ пользу Сцепинскаго демонстрацію, но это ни къ чему не пове-
лутный Николай Соколовъ нѣсколько лѣтъ оставался благочиннымъ,
казнь своей паствы и на позоръ самому себѣ. О немъ ходило много
овъ, разсказывали выходки, которыя показались бы неприличными
еловѣкѣ свѣтскомъ. Много шума, между прочимъ, надѣлалъ эпизодъ
стьянкой, которая, за непрошенныя любезности, сняла съ ноги баш-
отдула имъ батюшку по щекамъ. Отецъ Николай не одинъ весе-
У него былъ товарищъ или, вѣрнѣе, ментеръ, въ лицѣ дьячка
ки. Послѣдній оставался трезвъ, когда отецъ Николай напивался,

ихъ случаяхъ расправлялся съ нимъ по-просту. Если батюшка на-
буянитъ, онъ его безцеремонно укрощалъ побоями. Но какъ могло
ально развитое острогожское общество такъ долго терпѣть среди
инаго и степеннаго духовенства этого безпутнаго гуляку? Къ со-
, у насъ часто такъ: погорячатся, пошумятъ и въ заключеніе ко
ривыкнутъ. О Симеонѣ Сцепинскомъ сожалѣли, даже отваживались
ствовать за него, дѣлали отцу Николаю разныя каверзы, но въ за-
устали сожалѣть, перестали возмущаться и уже безъ злобы про-
только при случаѣ глумиться надъ недостойнымъ попомъ. За то
го Сцепинскаго нанесенное ему оскорбленіе произвело неизгладимое
зніе и гибелью отразилось на его здоровьѣ».

бы Гоголь беллетристически обработалъ подобную исторію, хотя
съ такими смягченіями, съ какими онъ разсказалъ намъ о капи-
пейкинѣ, онъ, безъ сомнѣнія, навлекъ бы на себя упреки въ пре-
іи, въ карикатурности и даже въ отсутствіи патріотизма и въ
Относительно важнѣйшаго факта тогдашней общественной жизни—
ного права—мы также находимъ у Никитенка нѣсколько иллюстра-
которыхъ остановимся только на одной. Никитенко разсказываетъ
ь отцѣ: «Съ умиленіемъ и благодарностью вспоминалъ онъ впослѣд-
вниманіи и ласкахъ, которыя оказывалъ ему знаменитый и несчаст-
тяревскій, немного позднѣе угасшій среди глубокихъ, никѣмъ не
ъ и никѣмъ не раздѣленныхъ страданій. Это была одна изъ жертвъ
аснаго положенія вещей на землѣ, когда высокія дарованія и пре-
ва духа выпадаютъ на долю человѣка только какъ бы въ
ъ позоръ ему. Дегтяревскаго погубили талантъ и рабство.
ъ рѣшительнымъ призваніемъ къ искусству: онъ былъ и
роды. Необыкновенный талантъ рано обратилъ на него
зъ, и властелинъ его, графъ Шереметевъ, далъ ему средс
. Дегтяревскаго учили музыкѣ лучшіе учителя. Онъ былъ
вершенствованія въ Италію. Его музыкальныя сочиненія
ъ почетную извѣстность. Но, возвратясь въ отечество, он
деспота, который, по ревизскому праву на душу геніал
захотѣлъ присвоить себѣ безусловно и вдохновенія ея: о
ъ него желѣзную руку. Дегтяревскій написалъ много пре
ремущественно для духовнаго пѣнія. Онъ думалъ, что он
отъ ему свободу. Онъ жаждалъ, просилъ только свобод
ее, сталъ въ винѣ искать забвенія страданій. Онъ пилъ
одвергался оскорбительнымъ наказаніямъ, снова пилъ и, в
Это только одинъ изъ многихъ однородныхъ фактовъ тогда
ности, но, передавая его, даже Никитенко измѣнилъ своей
ну повѣствованія и въ его разсказѣ вы чувствуете и не
ь. Мы не запомнимъ, чтобы эта тема была когда-нибудь
жественной литературѣ нашей сколько-нибудь достойнымъ
лутни какого-нибудь Чичикова или взяточничество какого

го были чистыми пустяками въ сравненіи съ ужа-
и, тѣмъ не менѣе, помѣщики Собакевичъ, Ноздрёвъ, Плюшкинъ, Маниловъ и пр., *какъ помѣщики*, являются въ довольно патріархальномъ и во всякомъ случаѣ безобидномъ видѣ, и если они ничего, кромѣ презрѣнія, не внушаютъ намъ, то это, конечно, только въ силу психологическихъ причинъ, вслѣдствіе своихъ личныхъ, чисто-человѣческихъ свойствъ. Такимъ образомъ, и по этому пункту свидѣтельства Никитенка не противорѣчатъ нашему общему представленію о характерѣ той эпохи и даже усиливаютъ его.

Но на ряду съ такими картинами Никитенко рисуетъ намъ совершенно иныя, черпая матеріалъ для нихъ изъ жизни того же Острогожска. А что такое Острогожскъ? Это заурядный провинціальный городокъ, какихъ у насъ въ Россіи сотни, городокъ не хуже и не лучше другихъ, такъ что мы вправѣ смотрѣть на него, какъ на типическаго представителя нашей захолустной провинціи двадцатыхъ годовъ. И вотъ въ этой-то средѣ, въ которой Гоголь, при самомъ пламенномъ желаніи, не могъ найти ни одного свѣтлаго образа, и принужденъ былъ прибѣгнуть для этой цѣли къ явному и неловкому сочинительству, — въ этой средѣ Никитенку посчастливилось обрѣсти цѣлую серію не просто хорошихъ, добрыхъ, а въ полномъ смыслѣ
тельныхъ людей. Никитенко вспоминаетъ о нихъ съ такимъ горячимъ
ъ чувствомъ, которое именно и заставляетъ насъ опасаться идеали-
съ его стороны. «Никого изъ нихъ,—говоритъ Никитенко,—уже нѣтъ
тѣ, но память о нихъ жива въ моемъ сердцѣ. Ихъ теплому участію,
ому забвенію моего гражданскаго ничтожества, ихъ снисхожденію
ихъ юношескимъ, часто невоздержнымъ стремленіямъ и, наконецъ,
душному содѣйствію и отрезвляющему вліянію обязанъ я тѣмъ, что
могъ въ борьбѣ съ судьбою, не утратилъ вѣры въ добро, въ людей,
ого себя. Я жилъ въ ихъ средѣ. Ихъ общество было моимъ. И те-
а склонѣ лѣтъ, проходя мысленно совершенный мною съ тѣхъ поръ
й путь, я съ умиленіемъ и съ благодарностью вспоминаю, какъ много
ъ мнѣ. Они первые протянули мнѣ руку помощи и помогли поднять-
тѣ ступени общественной лѣстницы, гдѣ я, наконецъ, могъ безна-
о считать себя человѣкомъ». О Собакевичахъ и Ноздревыхъ такъ не
ть и не вспоминаютъ. Сбавьте отсюда все то, что могло быть про-
ано личнымъ чувствомъ благодарности въ соединеніи съ тою симпа-
ью какою мы обыкновенно вспоминаемъ о давно прошедшемъ, и, все-
станется много. Дальше Никитенко говоритъ объ этихъ людяхъ съ
ичной точки зрѣнія и указываетъ прямо на ихъ общественныя до-
ва, на ихъ гражданскія доблести: «щедро надѣливъ ихъ умомъ и
ами сердца, природа не позаботилась помѣстить ихъ въ соотвѣт-
ую ихъ наклонностямъ среду. Ихъ честныя натуры не могли мирить-
бюрократическою грязью и крѣпостническимъ произволомъ, этими
язвами ихъ современнаго общества. Въ нихъ закипалъ протестъ, а
гнѣздилось сознаніе полнаго безсилія измѣнить къ лучшему суще-

порядокъ вещей. Отсюда внутренній разл
ірсто о добрыхъ людяхъ, не о добродуш
всякаго гостепріимно встрѣтить, но о людя
къ условіяхъ быть замѣчательными дѣятел
этихъ людей совершенно опредѣленными
к читателю несравненно правдоподобнѣе, не
орыстнаго генералъ-губернатора, добродѣте
и диковиннаго заводчика и отца-помѣщика
коллекцію Никитенка, найденную имъ,—оп
ителю, — въ обыкновеннѣйшемъ русскомъ
ь годовъ.

хоть, напримѣръ, Астафьевъ. Стараго дворя
къ аристократамъ уѣзда. Высшее образова
, гдѣ у него были связи, и тамъ же нач
му блестящую карьеру: онъ всего двадцат
ежскимъ ассесоромъ. И вдругъ, безъ всяко
ъ службу, связи и скрылся въ родную пр
приняли съ распростертыми объятіями и изб
. Тѣсныя рамки провинціальной жизни ск
ой натуры Астафьева. Общественная служ
его, какъ и государственная. Онъ былъ в
претила всякая фальшь, а ея не обобрать
водительскихъ обязанностей и въ столкновен
Неспособный кривить душой, онъ предпочелъ
ѣла безъисходная тоска и онъ предался ра
рвый экземпляръ коллекціи, представитель в
овія. Представителя духовенства, священн
и. А вотъ представитель тогдашняго ученаг
ща Ферранскій: «Ѳедоръ Ѳедоровичъ Ферр
звать многострадальнымъ. Ему приходило
ми содержать большую семью. Училище, во
нскій, было въ плохомъ состояніи. Штат
ричемъ: онъ, напротивъ, являлся главнымъ
былъ однимъ изъ лучшихъ людей, какихъ
съ такимъ трезвымъ, просвѣщеннымъ умом
и на жизнь и на общество, съ такимъ, как
можно бы и въ наше прогрессивное врем
только штатныхъ смотрителей, но и д
заведеній». Напомнимъ читателю, что Ник
лхъ и вліятельныхъ чиновниковъ министе
, довелось видѣть на своемъ вѣку всяких
ѣніе, въ данномъ случаѣ, особенно компе
купечества—купецъ Должниковъ, самый за
удивительной коллекціи Никитенка: «Васил

жиковъ учился въ харьковскомъ коллегіумѣ, откуда вынесъ, кромѣ знанія латинскаго языка, и еще кое-какія свѣдѣнія. Но откуда взялъ онъ этотъ благородный тонъ, этотъ замѣчательный тактъ, эти величественныя манеры и видъ мудреца, спокойно и сознательно совершающаго свой путь въ жизни? Толкуйте послѣ того о преимуществахъ, будто бы прирожденныхъ той или другой кастѣ! Василій Алексѣевичъ былъ либералъ и прогрессистъ, хотя ни онъ, ни кто другой тогда этихъ словъ не употреблялъ. Онъ ненавидѣлъ рабство и жаждалъ коренного измѣненія въ нашемъ государственномъ строѣ, сочувствовалъ либеральному движенію въ Европѣ, скорбѣлъ о неудачныхъ попыткахъ итальянскихъ патріотовъ и радостно привѣтствовалъ первые порывы къ свободѣ въ Греціи. Я не отставалъ отъ него—по части энтузіазма, конечно, а не осмысленности взглядовъ и стремленій. Послѣ одной изъ бесѣдъ съ нимъ, воодушевленный послѣдними вѣстями изъ Греціи, я провелъ ночь въ сочиненіи проекта воззванія къ возставшимъ грекамъ отъ имени ихъ героя, вождя Ипсиланти. На слѣдующее утро я прочелъ воззваніе Василію Алексѣевичу. Онъ съ простодушіемъ юноши увлекся моею мечтой и въ свою очередь предлагалъ разныя дополненія и измѣненія къ моему проекту». Восемнадцатилѣтній крѣпостной мальчикъ и провинціальный сѣдобородый купецъ, совмѣстно сочиняющіе воззваніе къ борцамъ за свободу, эта картина до того необыкновенна, до того противорѣчитъ нашему представленію о тогдашней жизни вообще и о жизни «архиплутовъ, протобестій, самоварниковъ, надувалъ морскихъ» въ особенности, что намъ трудно ей вѣрить. И это происходило семьдесятъ лѣтъ назадъ, когда еще не родился или только что родился будущій живописатель сословія Китъ Китычей! Однако, приходится повѣрить Никитенку: онъ рисуетъ судьбу Должикова такъ, что мы находимъ въ его разсказѣ опять-таки не опроверженіе, а новое подтвержденіе нашихъ взглядовъ. «Должиковъ былъ одно время городскимъ головой въ Острогожскѣ и успѣлъ сдѣлать много полезнаго. Онъ особенно заботился объ улучшеніи быта бѣднѣйшихъ жителей. Кому была нужда въ помощи или защитѣ, никогда не прибѣгалъ къ нему напрасно. За то и любили же его бѣдные и угнетенные! Но среди собственнаго купеческаго сословія у него было много враговъ. Не ласково смотрѣли на него и губернскія власти: онъ съ ними былъ въ открытой оппозиціи, ратуя за интересы города. Въ заключеніе эти двѣ темныя силы—купеческій и чиновничій людъ—соединились, чтобы сломить его. Съ помощью клеветы и разныхъ каверзъ имъ удалось притянуть Должикова къ суду. Онъ долженъ былъ сложить съ себя званіе головы, но не смирился и, когда отчаялся въ правосудіи воронежскихъ и рязанскихъ судей, производившихъ его дѣло, перенесъ послѣднее въ Москву». Городничій, сжегшій треть города, былъ переведенъ въ другой городъ городничимъ же, а городской голова, отстаивавшій интересы города, попалъ подъ судъ,—ну, наконецъ-то!

Чудная картина!
Какъ ты мнѣ родна!

Очевидно, мы можемъ вернуть Никитенку все на
если и допустить нѣкоторую идеализацію въ его
ныхъ людей, онъ, все-таки, не идеализируетъ нисколь
ни. Но Никитенко, кромѣ того, вообще трезво смот
мыхъ имъ людей,—по крайней мѣрѣ, старается такъ

гожцевъ онъ былъ едва ли не болѣе всѣхъ об
ой дивизіи генералъ-маіору Юзефовичу, котора
ажаетъ въ тепломъ, но вовсе не въ яркомъ с
Ферранскаго, или Сцепинскаго. Характеристикѣ
лаетъ характеристику общаго типа «генерала
лѣднихъ лѣтъ царствованія императора Алекса
извѣстнаго. «Нельзя сказать,—продолжаетъ
генералъ-маіоръ Юзефовичъ близко подходилъ
овъ-распекателей. Но отличительныя свойства
въ нравы, что генералъ, вполнѣ свободный
о немыслимъ. Дмитрій Михайловичъ (Юзефовичъ
ъ къ числу борцовъ за свободу Россіи и Ев
новенія съ Западомъ не мало гуманныхъ идей
, вообще мало извѣстную его сверстникамъ. В
или во Францію, онъ былъ назначенъ генералъ
авилъ тамъ отличную память по себѣ. Но умѣ
ельствамъ и, въ силу своего ума и образованія
влеченія, онъ все же не былъ лишенъ деспо
рѣдко, но прорывалось и въ личныхъ его, и
ихъ». Умъ, образованіе, гуманныя идеи, сдерж
то черты мало обычныя для того времени и
среды, такъ что генералъ Юзефовичъ имѣетъ
въ коллекціи Никитенка. Однако, хваленое «у
ятельствамъ» на ряду съ гуманными идеями
: онъ кончилъ сумасшествіемъ, въ которомъ ви
тимъ мы можетъ ограничиться. Мнѣ удалось,
стно Никитенка такую выборку фактовъ, кото
кденія. Въ самомъ дѣлѣ, о чемъ тутъ говорить?
ой мужикъ Дегтяревскій: онъ умираетъ отъ
ованный, независимый и гордый дворянинъ Ас
ваетъ, бросаетъ и государственную, и общес
я у себя и—спивается съ кругу. Вотъ учен
учшихъ намѣреній священникъ Сцепинскій: онъ
ь отъ того здоровье и умираетъ преждевре
ища Ферранскій, который гораздо образованнѣе
начальниковъ: онъ, какъ некрасовскій герой, пр
, пресмыкается въ нищетѣ. Вотъ умный, безко
, образованный купецъ, городской голова До
судъ. Вотъ гуманный и либеральный генералъ

чаетъ свою карьеру сумасшествіемъ. Какая смѣсь одеждъ, лицъ, состояній и какой мартирологъ, какая одинаковость трагическаго конца! Въ то же время, скандальныя дебоширства священниковъ Соколовыхъ и возмутительныя преступленія разныхъ господъ Глинокъ остаются не только не наказанными, но какъ бы даже поощряются.

Выводы отсюда ясны и просты. Когда мы, въ стотысячный разъ, вѣроятно, услышимъ или прочтемъ жалобу на то, что «нѣтъ людей», вспомнимъ Никитенка, который въ глухомъ провинціальномъ городѣ, семьдесятъ лѣтъ назадъ, встрѣтилъ цѣлый рядъ *людей,* въ высшемъ и лучшемъ значеніи этого слова. Когда, далѣе, намъ говорятъ, что каждое общество управляется такъ, какъ оно того заслуживаетъ, вспомнимъ этого градоправителя, сжегшаго треть города, и спросимъ себя: неужели острогожцы *заслуживали* быть сожженными заживо или разоренными? Или они ли виноваты въ томъ, что, несмотря на всѣ ихъ протесты, во главѣ ихъ духовныхъ отцовъ былъ поставленъ многократно-битый пьяница? Допустимъ, что свѣтлыя личности, описанныя Никитенко, составляли исключеніе изъ общаго правила, хотя, какъ мы видѣли, этихъ исключеній было не мало. Каковъ былъ средній уровень городского населенія? Прочтите разсказъ Никитенка о томъ, какъ его провожали острогожцы въ Петербургъ учиться: «Насталъ день отъѣзда. Домъ мой съ утра представлялъ оживленное зрѣлище. Онъ не могъ вмѣстить всѣхъ, пришедшихъ въ послѣдній разъ пожать мнѣ руку. Посѣтители толпились въ горницѣ, въ сѣняхъ, на улицѣ. А когда я вышелъ садиться въ кибитку, то не могъ пробраться къ ней. Ей приказали двинуться шагомъ. Кибитка едва ползла, ее, къ тому же, ежеминутно останавливали: то изъ того, то изъ другого дома выходили хозяева съ кульками, узелками, пакетами,—и все это нагружали въ повозку, мнѣ на дорогу. Тутъ были и жареныя птицы, цѣлыя окорока ветчины, пироги, варенья въ банкахъ, бутылки съ наливками и т. д. Кто-то сунулъ между подушками цѣлую бутыль сладкаго морсу...» Съ такимъ трогательнымъ и безкорыстнымъ участіемъ провожали острогожцы *крѣпостного* мальчика, который ѣхалъ учиться и отъ котораго имъ ждать, конечно, было нечего. Неужели эти добродушные люди *заслуживали,* чтобы ими управляли не иначе, какъ посредствомъ щедринскихъ *ранъ и скорпіоновъ?*

VI.

Характеризуя генерала Юзефовича, Никитенко, между прочимъ, употребилъ такую фразу: «онъ не даромъ принадлежалъ къ числу борцовъ за свободу Россіи и Европы. Онъ вынесъ изъ столкновенія съ Западомъ не мало гуманныхъ идей и сдержанность обращенія, вообще мало извѣстную его сверстникамъ». Въ этихъ словахъ слышится отголосокъ того, очень популярнаго у насъ мнѣнія, что наши заграничные походы и войны съ Наполеономъ были причиною зарожденія въ передовой части общества гуманныхъ и освободительныхъ стремленій. Едва ли простой поводъ не подстав-

ляется здѣсь вмѣсто дѣйствительной причины. Генералъ Юзефовичъ участ-
въ столкновеніи съ Западомъ и воочію видѣлъ заграничную жизнь
ичные порядки, но купецъ Должиковъ, штатный смотритель учи-
рранскій, священникъ Сцепинскій, помѣщикъ Астафьевъ никогда
жали изъ Россіи, однако, ихъ стремленія были пошире и взгляды
е, нежели стремленія и взгляды командира драгунской дивизіи. От-
эти люди набрались «завиральныхъ идей»?
поясненія дѣла напомню читателю одинъ анекдотъ или дѣйстви-
фактъ, разсказанный у Берне. Въ 1848 году какой-то крупный
юнкеръ обратился къ одному профессору съ просьбою пріискать
дѣтей учителя, «человѣка порядочнаго и не либерала». «Къ сожа-
-отвѣчалъ профессоръ,—не могу исполнить вашей просьбы, потому
настоящее время всѣ порядочные люди—либералы». Отвѣтъ профес-
лъ не только остроуменъ и ядовитъ, но и заключалъ въ себѣ серь-
ысль. Да, бываютъ времена, когда достаточно памятовать разныя
я слова», чтобы навлечь на себя почти общую вражду, когда вѣр-
ементарнымъ нравственнымъ принципамъ сама собою превращается
ю-то продерзостную оппозицію, которая ставитъ человѣка въ ряды
думцевъ». Припомнимъ нашего классическаго вольнодумца Чацкаго.
заключалось его вольнодумство? Чѣмъ возстановилъ онъ противъ
щество? Отнюдь не какими-нибудь политическими те

льно своею нравственною порядочностью, независ
ра.

Хоть есть охотники поподличать вездѣ,
Да нынче смѣхъ страшитъ и держитъ стыдъ въ уздѣ,

Чацкій Фамусову, который восклицаетъ на это: «
бонарій! Опасный человѣкъ!»

Вольнѣе всякій дышетъ
И не торопится вписаться въ полкъ шутовъ,—

етъ Чацкій, и Фамусовъ, съ неподдѣльнымъ ужас
о говоритъ!» Чацкій начинаетъ иронизировать:

У покровителей зѣвать на потолокъ,
Явиться помолчать, пошаркать, пообѣдать,
Подставить стулъ, поднять платокъ...

льность хочетъ проповѣдать, да онъ властей не при
мусовъ.—Кто служитъ дѣлу, а не лицамъ,—опять
Фамусовъ перебиваетъ его:

Строжайше-бъ запретилъ я этимъ господамъ
На выстрѣлъ подъѣзжать къ столицамъ.

а, какъ извѣстно, заканчивается тѣмъ, что Фамус
и и кричитъ: «Не слушаю,—подъ судъ! подъ судъ!»
дія Грибоѣдова — одна изъ драгоцѣннѣйшихъ жемч
ры, а приведенная нами сцена едва ли не лучшая

дій по широтѣ и опредѣленности заключающейся въ ней мысли. На что разгнѣвался Фамусовъ? Въ чемъ выразилось зловредное вольнодумство Чацкаго? Не нужно подличать, заискивать, строить изъ себя шута или лакея, нужно служить дѣлу, а не прислуживать лицамъ,—вотъ и вся несложная философія Чацкаго, за которую, однако, онъ попадаетъ въ карбонаріи, въ опасные люди, въ проповѣдники вольности, чуть не въ бунтовщики. Это совсѣмъ не столкновеніе представителя либерализма съ представителемъ консерватизма, это — борьба двухъ *чисто-нравственныхъ* міросозерцаній, это—антагонизмъ противуположныхъ натуръ, благородной и низкой, человѣческой и животной. Въ параллель къ грибоѣдовской сценѣ, припомнимъ гоголевскую сцену изъ *Мертвыхъ душъ,* когда Чичиковъ пріѣхалъ къ Тентентникову съ цѣлью помирить его съ генераломъ Бетрищевымъ. Что же обиднаго, если почтенный, старый генералъ сказалъ вамъ *ты?*—спрашиваетъ Чичиковъ. Тентентниковъ объясняетъ, что никакой обиды не было бы, еслибъ это сказалъ ему не генералъ, а какой-нибудь простой человѣкъ. Чичиковъ не понимаетъ. «Какой странный человѣкъ этотъ Тентентниковъ»,—думаетъ онъ. «Какой странный человѣкъ этотъ Чичиковъ»,—думаетъ Тентентниковъ. Какая тутъ политика, гдѣ тутъ либерализмъ и консерватизмъ, при чемъ тутъ какіе бы то ни было теоретическіе принципы? Это простая встрѣча людей, стоящихъ на различныхъ нравственныхъ уровняхъ, совершенно такъ же, какъ это мы видѣли и у Грибоѣдова. Не можетъ быть и сомнѣнія, что безобиднѣйшій лежебокъ и лѣнтяй Тентентниковъ слылъ между своими сосѣдями, Коробочками и Собакевичами, вольнодумцемъ не за какія-нибудь въ самомъ дѣлѣ *вольныя думы,* а за нежеланіе являться къ генералу Бетрищеву, чтобы помолчать, пошаркать, пообѣдать. Горе Чацкаго, также какъ и горе Тентентникова, было совсѣмъ не *горе отъ ума*,—никакого такого особеннаго ума въ Чацкомъ и не замѣчается,—а горе отъ благороднаго характера, отъ независимой натуры, вслѣдствіе которыхъ онъ органически *не могъ* войти въ общую колею, слиться съ деморализованнымъ въ конецъ обществомъ. Все, что съ такою горячностью проповѣдуетъ Чацкій, элементарно, какъ прописныя истины. Это нравственныя аксіомы, противъ которыхъ нельзя спорить, какъ и противъ математическихъ аксіомъ. Ни Фамусовъ, ни Чичиковъ, въ сущности, не отрицаютъ ихъ: Чичиковъ, напримѣръ, прямо похвалялся тѣмъ, что онъ, будто бы, «пострадалъ за правду» и за то, что защищалъ вдовицъ и утиралъ слезы сиротъ. Но дѣло въ томъ, что у этихъ практическихъ людей мораль—сама по себѣ, а жизнь—сама по себѣ. Пока мораль пребываетъ въ видѣ отвлеченныхъ и безсильныхъ сентенцій, пока она не предъявляетъ никакихъ серьезныхъ требованій, она пользуется полнымъ, хотя совершенно платоническимъ, уваженіемъ всевозможныхъ Чичиковыхъ. Ритуалъ, предписываемый моралью, исполнить нетрудно. Въ концѣ-концовъ, это сводится къ вопросу формы и простыхъ приличій, и вотъ почему Фамусовъ такой формалистъ, а Чичиковъ такой блюститель приличій. Чацкій требуетъ согласованія практики и теоріи, жизни и мо-

пали не только проповѣдуетъ нравственные принципы, но и пос
,— вотъ что возмутительно въ немъ въ глазахъ Ф
ря стилемъ Чичикова, не «пролить слезу» передъ добро
инъ любилъ «душеспасительное слово» и говорилъ,
е устоишь». Но слеза слезою, а дѣло дѣломъ,—вотъ
амусовъ съ Чичиковымъ и вотъ чего не хочетъ понят
не умѣющій лгать и лицемѣрить. Отсюда—антагони
глубокій и острый, нежели какая-нибудь политическа
очва этого антагонизма чисто-нравственная.
ясь къ нашей первоначальной темѣ, мы спросимъ:
вѣнія у насъ *такого* либерализма необходимо было и
віе? Неужели для того, чтобы понять глубокую истину, что
дѣлу, а не лицамъ, Чацкому необходимо было побывать за
ужели для того, чтобы почувствовать весь ужасъ и всю не-
стного права, недостаточно было посмотрѣть хоть на измучен-
вскаго, а необходимо было освѣдомиться объ этомъ у фран-
ицъ Должиковъ былъ очень мало образованный человѣкъ, но
модушный, съ живымъ чувствомъ добра и справедливости, и
онъ былъ, по справедливому замѣчанію Никитенка, «прогрес-
бераломъ», самъ того не подозрѣвая и даже
акихъ людей въ нашемъ обществѣ всегда был
гавляли тѣ кадры, изъ которыхъ формировали
ольнодумцы», либералы и прогрессисты. Этотъ
ьнѣйшихъ и любопытнѣйшихъ фактовъ наш
хъ поръ не утратившій своего значенія. Кодек
либерализма почти исчерпывается тѣми немногочи
ыя Салтыковъ называлъ «забытыми», а кодек
и тридцатыхъ годовъ заключался просто въ
дяхъ. Восьмая заповѣдь гласитъ: «не украд
ь проповѣдью этой заповѣди въ обществѣ,
ство и казнокрадство были совершенно обыч
ли доказательствомъ «ума», и вы будете при
Шестая заповѣдь гласитъ: «не убій». Вооружив
что засѣкать и забивать людей преступно,
число «потрясателей основъ». Развратнымъ
тему «не прелюбы сотвори», и вы очень ск
человѣкомъ.
ѣ Толстого *Война и миръ* есть любопытная с
ющая причины возникновенія нашего такъ на
женія двадцатыхъ годовъ. Вернувшійся изъ П
Безухій разсказываетъ своимъ друзьямъ о но
вою программу: «Вотъ что. Положеніе въ Петер
ь ни во что не входитъ. Онъ весь преданъ эт
только спокойствія, и спокойствіе ему могутъ

люди, безъ вѣры и совѣсти, которые рубятъ и душатъ все сплеча: Магницкій, Аракчеевъ и tutti quanti... Ты согласенъ, что ежели бы ты самъ не занимался хозяйствомъ, а хотѣлъ только спокойствія, то чѣмъ жесточе былъ бы твой бурмистръ, тѣмъ скорѣе ты бы достигъ цѣли. Ну, и все гибнетъ. Въ судахъ воровство, въ арміи одна палка: шагистика, поселенія, мучатъ народъ; просвѣщеніе душатъ. Что молодо, честно, то губятъ. Все слишкомъ натянуто и непремѣнно лопнетъ. Все молодое, сильное притягивается туда и развращается. Одного соблазняютъ женщины, другого почести, третьяго тщеславіе, деньги, и они переходятъ въ тотъ лагерь. Независимыхъ, свободныхъ людей, какъ вы и я, совсѣмъ не остается». Выходъ изъ этого положенія Пьеръ видитъ въ основаніи нѣкотораго тайнаго общества, и на вопросъ Николая Ростовцева: «въ какія отношенія станете вы къ правительству?»—отвѣчаетъ: «Въ отношенія помощниковъ. Общество можетъ быть и не тайное, ежели правительство его допуститъ. Оно не только не враждебное правительству, но это общество настоящихъ консерваторовъ. Общество джентльменовъ въ полномъ значеніи этого слова. Мы только для того, чтобы Пугачовъ не пришелъ зарѣзать и моихъ, и твоихъ дѣтей и чтобы Аракчеевъ не послалъ меня въ военное поселеніе,—мы только для этого беремся рука съ рукой, съ одною цѣлью общаго блага и общей безопасности». Такова была *политическая* программа Пьера и его друзей. Какъ видитъ читатель, настоящаго политическаго элемента въ ней не было и тѣни и все дѣло сводилось къ вопросу нравственнаго и отчасти физическаго самосохраненія. Говоря о своемъ будущемъ обществѣ, какъ объ обществѣ *джентльменовъ*, Пьеръ былъ правъ, если, конечно, подъ джентльменами подразумѣвать не внѣшне, а внутренно-порядочныхъ людей, къ которымъ принадлежалъ, наприм., и купецъ Должиковъ, человѣкъ въ свѣтскомъ смыслѣ мало цивилизованный. Либерализмъ двадцатыхъ годовъ былъ чистонравственнымъ протестомъ честныхъ людей противъ деморализующихъ условій жизни, и съ этой точки зрѣнія Пьеръ былъ опять правъ, называя себя и своихъ друзей *настоящими консерваторами:* истинный консерватизмъ сохраняетъ въ человѣкѣ его лучшія свойства, а не извращаетъ и не заглушаетъ ихъ.

Тотъ же характеръ нравственнаго протеста сохранилъ нашъ либерализмъ и въ эпоху тридцатыхъ годовъ, значительно выигравши при этомъ относительно своей осмысленности и сознательности. Трудно указать болѣе характерный историческій документъ, свидѣтельствующій о подспудномъ, скрытомъ развитіи у насъ либерализма въ ту эпоху, нежели одна запись Никитенка въ дневникѣ за 1832 годъ. Вотъ что разсказываетъ Никитенко: «Недавно выслушалъ я прелюбопытную лекцію опытной психологіи—у квартальнаго надзирателя. Онъ пришелъ въ канцелярію по какому-то дѣлу. Я началъ съ нимъ разговоръ о предметахъ его званія. По его словамъ, величайшій развратъ царствуетъ въ классѣ низшихъ чиновниковъ, мѣщанъ и купцовъ, которые позажиточнѣе. Мой квартальный надзиратель полагаетъ этому двѣ причины: необразованность и жажду роскоши. Каковъ! Не

правъ ли онъ? Молодая женщина,—говоритъ онъ,—спокойно продае
за новую шляпку, платье или другое болѣе или менѣе цѣнное укр
Мужъ ея, съ своей стороны, несетъ, куда не слѣдуетъ, свои деньги и зд
Опытныя старухи стерегутъ молоденькихъ, невинныхъ дѣвушекъ,
ютъ ихъ и бросаютъ въ объятія тому, кто дастъ за нихъ дороже.
у насъ также правосудіе и администрація,—продолжалъ квартальный.
хоть бы у меня въ кварталѣ есть нѣсколько отъявленныхъ воровъ
рые уже раза по три оправданы уголовною палатой, куда предс
ихъ полиція. Есть нѣсколько другихъ воришекъ, которые испра
ремесло шпіоновъ. Есть нѣсколько промышленниковъ, доставляющи
ятное развлеченіе превосходительнымъ особамъ: промышленники сіи
пользуются большими льготами. А какова полиція?—спросилъ я.—
ей и быть надлежитъ при общемъ положеніи у насъ дѣлъ (отвѣчал
тальный). Надо удивляться искусству, съ какимъ она умѣетъ, смо
обстоятельствамъ, изворачивать полицейскіе уставы. Мы обыкновен
чинаемъ нашу службу въ полиціи совершенными невѣждами. Но
есть смыслъ, тотъ въ два, три года сдѣлается отмѣннымъ чинов
Онъ отлично будетъ умѣть соблюдать собственныя выгоды и рад
уклоняться отъ самыхъ прямыхъ своихъ обязанностей, или же, нап
смотря по обстоятельствамъ, со всею строгостью примѣнять законы
гдѣ, казалось бы, они не примѣнимы. И при этомъ они не подвер
ни малѣйшей отвѣтственности. Да и что же прикажете намъ, полиц
лать, когда нигдѣ нѣтъ правды? И онъ подтвердилъ все сказанное
и весьма краснорѣчивыми фактами».

Никитенко не приводитъ этихъ *краснорѣчивыхъ фактовъ*, но,
ся, врядъ ли можетъ быть что-нибудь краснорѣчивѣе того фак
квартальный надзиратель тридцатыхъ годовъ заявляетъ, что у насъ
нѣтъ правды». Это было вольнодумство посильнѣе вольнодумства Ч
который, все-таки, находилъ, что теперь «вольнѣе всякій дышетъ».
эпизодъ съ квартальнымъ доказываетъ, что «сенчкинъ ядъ» (по и
скому выраженію) свободомыслія и критики сталъ проникать въ
казалось бы, недоступныя для него мѣста, а что касается успѣх
знательности нашего либерализма въ тридцатыхъ годахъ по сра
съ предшествовавшею эпохой, то объ этомъ свидѣтельствуетъ п
самого Никитенки. Никитенко, еще недавно говорившій и думавш
достаточно быть честнымъ человѣкомъ, чтобы быть полезнымъ дѣя
въ половинѣ тридцатыхъ годовъ уже судитъ иначе, а именно вот
«Нравственное безчиніе, цинизмъ обуялъ души до того, что о бл
номъ, о великомъ говорятъ съ насмѣшкой даже въ книгахъ. Можетъ
и всегда такъ было, но отъ иныхъ причинъ. Причина нынѣшняг
ственнаго паденія у насъ, по моему наблюденію, въ политическом
вещей. Настоящее поколѣніе людей мыслящихъ не было таково,
исполненное свѣжей юношеской силы, оно впервые вступало на п
ственной дѣятельности. Оно не было проникнуто такимъ глубоки

вѣріемъ, не относилось такъ цинично ко всему благому и прекрасному. Но власти объявили себя врагами всякаго умственнаго развитія, всякой свободной дѣятельности духа. Не уничтожая ни наукъ, ни ученой администраціи, они, однако, до того затруднили насъ цензурой, частными преслѣдованіями и общимъ направленіемъ къ жизни, чуждой всякаго нравственнаго самопознанія, что мы вдругъ увидѣли себя въ глубинѣ души какъ бы запертыми со всѣхъ сторонъ, отторженными отъ той почвы, гдѣ духовныя силы развиваются и совершенствуются. Сначала мы судорожно рвались на свѣтъ. Но когда увидѣли, что съ нами не шутятъ, что отъ насъ требуютъ безмолвія и бездѣйствія, что талантъ и умъ осуждены въ насъ цѣпенѣть и гноиться на днѣ души, обратившейся для нихъ въ тюрьму; что всякая свѣтлая мысль является преступленіемъ противъ общественнаго порядка, когда, однимъ словомъ, намъ объявили, что люди образованные считаются въ нашемъ обществѣ паріями, что оно пріемлетъ въ свои нѣдра одну бездушную покорность, а солдатская дисциплина признается единственнымъ началомъ, на основаніи котораго позволено дѣйствовать, тогда все юное поколѣніе вдругъ нравственно оскудѣло. Всѣ его высокія чувства, всѣ идеи, согрѣвавшія его сердце, воодушевлявшія его къ добру, къ истинѣ, сдѣлались мечтами безъ всякаго практическаго значенія, а мечтать людямъ умнымъ смѣшно».

Утвердившись на этой точкѣ зрѣнія, гораздо, разумѣется, болѣе правильной, нежели та, съ которой казалось удобнымъ и возможнымъ либеральничать въ одиночку и за свой собственный страхъ, Никитенко, очевидно, почувствовалъ себя и свободнѣе, и спокойнѣе. Его дневникъ за сороковые годы далеко не въ такой степени нервенъ и раздражителенъ, какъ дневникъ за предшествовавшее десятилѣтіе. Унынія и грусти не мало и тутъ, но много и простой ироніи, свободной ироніи человѣка, наблюдающаго какъ бы со стороны и не принимающаго на себя никакой отвѣтственности за все совершающееся у него на глазахъ. Никитенко довольно весело и уже безъ всякихъ комментарій записываетъ происшествія, которыя десятокъ лѣтъ назадъ вызвали бы съ его стороны горячія филиппики. Такъ, въ 1844 году онъ записалъ такой фактъ: «Недавно въ цензурѣ случилось громкое происшествіе. Кто-то, подъ вымышленнымъ именемъ, написалъ книгу подъ заглавіемъ *Продѣлки на Кавказѣ*. Въ ней довольно рѣзко описаны безпорядки въ управленіи на Кавказѣ и разныя административныя мерзости. Книгу пропустилъ московскій цензоръ Крыловъ. Военный министръ прочелъ книгу и ужаснулся. Онъ указалъ на нее Дуббельту и сказалъ: книга эта тѣмъ вреднѣе, что въ ней—что строчка, то правда». Преисполненный опытомъ Никитенко спокойно ставитъ точку, разсказываетъ фактъ и не пускается въ ламентаціи. Спустя еще года два, онъ начинаетъ умно иронизировать въ такомъ, напримѣръ, родѣ: «Напрасно мы жалуемся на безсодержательность нашей общественной жизни. У насъ есть свои общественные событія и вопросы. У насъ умы тоже напрягаются въ суждениѣ и важныхъ задачахъ. Вотъ, напримѣръ, теперь весь городъ занятъ

казенныхъ воровствахъ. Наши администраторы поднялн
тво по Россіи. Высшая власть стала ихъ унимать, а о
омъ оппозиціи, заворовали еще сильнѣе. Комедія, да и т
же ироніей говоритъ Никитенко и о литературѣ, сужде
режнее время у него всегда были проникнуты горечью:
1847 г.) все по-старому. Булгаринъ продолжаетъ дѣлать
я. Къ концу года похотливая страсть къ нимъ у него
усиливается. Въ это время начинается подписка. Всякій
на журналъ, не имъ издаваемый, вызываетъ въ немъ
свое сердце у этого человѣка! Онъ говоритъ печатно о
хъ такъ, что еслибъ ему повѣрили, ихъ слѣдовало б
ѣпость, а изданія ихъ запретить. Тогда во всей Россі
на *Сѣверная Пчела*, которую, разумѣется, уже одну
Общественное презрѣніе заклеймило Булгарина, но это
У него своего рода величіе: онъ никого и ничего не
а, а какъ кнутъ теперь не въ употребленіи, то онъ и
лной безопасности». Только съ наступленіемъ 1848 год
имаетъ опять желчный характеръ, до того желчный, чт
видно, слишкомъ рѣзкія выходки даже въ настоящемъ
е могли быть напечатаны и замѣнены рядами скромныхъ
ь поръ, до крымской войны, мы могли съ полнымъ
а Никитенка, какъ на одного изъ довольно яркихъ пр
го теоретическаго и практическаго либерализма. Никит
былъ, что называется, *передовымъ* человѣкомъ, но онъ
ящимъ человѣкомъ и находился въ постоянномъ общені
ми людьми эпохи, такъ что, даже помимо рессурсовъ с
яной самодѣятельности, онъ не могъ быть чуждъ вліян
денцій. Но затѣмъ роль Никитенки измѣняется. Онъ н
ничему и не научился, и шестидесятые годы застали
е азахъ и вокабулахъ либеральнаго вѣроученія, котор
езнымъ дѣломъ въ свое время, но теперь потеряли свой п
у надъ і, приходится сказать, что Никитенко оказался просто
мъ для новой, проснувшейся жизни. Прогрессистъ 20, 30 и 40
азался однимъ изъ ярыхъ порицателей прогрессистовъ шестиде-
ковъ, причемъ—и это самая печальная сторона дѣла—порицаніе
ивалось сколько-нибудь серьезнымъ изученіемъ и пониманіемъ.
одно изученномъ имъ административномъ мірѣ Никитенко продол-
ить съ прежнею проницательностью, его замѣчанія и характер-
тому предмету мѣтки попрежнему, но за этими предѣлами, в
инаго передоваго движенія, Никитенко теряется, перестаетъ по
бранится. Вотъ почему его дневникъ за это время имѣетъ зна
біографіи, также, пожалуй, имѣетъ значеніе исторической хро
не можетъ служить матеріаломъ для характеристики историче
нтія идей, для изображенія нашего умственнаго движенія.

Такимъ образомъ, мы здѣсь должны остановиться. Содержаніе дневника, конечно, нами не исчерпано,—мы, напримѣръ, пропустили множество блестящихъ, хотя, по нашему мнѣнію, не всегда вѣрныхъ характеристикъ разнаго рода дѣятелей нашихъ, но это и не составляло нашей цѣли. На основаніи того, что *видѣлъ* Никитенко и чему онъ *свидѣтелемъ былъ*, мы могли сдѣлать два вывода, не лишенные значенія и для современности. Первый изъ этихъ выводовъ состоитъ въ томъ, что происхожденіе нашего либерализма не искусственное, а естественное, что онъ отнюдь не наносная зараза со стороны отравленнаго Запада, а явленіе органическое, произведеніе русской почвы и русской жизни. Второй выводъ состоитъ въ томъ, что нашъ либерализмъ, въ отличіе отъ западнаго, имѣлъ характеръ болѣе нравственнаго ученія, нежели политической теоріи. Читатель не затруднится сдѣлать изъ этихъ выводовъ практическія заключенія, напрашивающіяся сами собою.

М. Протопоповъ.

рывать или раскрывать растра

(По поводу „опроверженія“ г. Обтяжнова).

в книжкѣ *Русской Мысли* г. Обтяжнову угод
рженіе», направленное противъ одного изъ мо
ми. Собственно говоря, опроверженіе это при
торымъ въ журналистикѣ издавна присвоено
олученіи». Въ самомъ дѣлѣ, положеніе г. Об
занесшаго на скрижали горбатовскаго земств
етомъ моего посильнаго обсужденія,—есть одно
и деликатныхъ положеній, въ которыхъ, ка
проверженій» не остается мѣста... И, однако,
. Что же именно? «Я долженъ сознаться,—го
обраніи,—что въ качествѣ члена ревизіонной
, и бездѣйствіе мое объясняется *исключите*
въ, *исключительно!*) моими личными отношені
взненному С. Т. Погуляеву». И далѣе: «Я при
умѣю обнять дѣло и рѣшительно высказатьс
, если бы *не мои личныя отношенія* къ г.
его болѣзненности, то докладъ комиссіи об
управы, за которыя часть ея членовъ была
Все это говоритъ г. Обтяжновъ именно такъ
венноручно. И теперь тотъ же г. Обтяжновъ
умовство? Боже мой! Да вотъ здѣсь, въ этихъ
сь, я до извѣстной степени обязанъ г. Обтяж
натное «опроверженіе», подтверждающее факт
юсылокъ. Вслѣдъ за появленіемъ моей стать
хъ выражали опасеніе, не сдѣлался ли я въ
либо, враждебной г. Обтяжнову, мистификаці
ловѣрить, чтобы человѣкъ такъ откровенно и
обномъ отношеніи къ общественному дѣлу, да
нялъ объ этомъ собственноручные протоколы.
г. Обтяжнова, всѣ сомнѣнія должны исчез
рѣдкій: г. Обтяжновъ не только «росписался»
тался»...

Это положительно становится интересно. Очевидно, въ нашемъ отечествѣ есть теперь люди, которые такъ и не могутъ понять, въ чемъ печальный смыслъ подобныхъ удивительныхъ откровенностей. Г. Обтяжновъ и не думаетъ отрицать факта. Онъ просто—ставитъ его себѣ въ заслугу. Правда, дѣло тутъ не обходится безъ нѣкотораго лукавства. Во-первыхъ, г. Обтяжновъ обвиняетъ меня въ томъ, что я намѣренно и въ цѣляхъ инсинуаціи умолчалъ о другихъ, по его мнѣнію, болѣе драгоцѣнныхъ чертахъ его дѣятельности, въ томъ числѣ о журналѣ ревизіонной коммиссіи, въ коемъ, по его словамъ, «нѣтъ любезныхъ фразъ, а есть хотя и смягченные («до невозможности»,—по собственному признанію г. Обтяжнова),—но, все-таки, факты, удостовѣренные подписомъ его, г. Обтяжнова, и трехъ другихъ членовъ коммиссіи...» Не смѣю спорить. Но г. Обтяжновъ упускаетъ изъ вида, что у меня не было намѣренія разбирать по существу дѣятельность горбатовской управы, ни тѣмъ болѣе—писать всестороннюю біографію г. Обтяжнова, для которой, быть можетъ, всѣ эти протоколы могутъ доставить обильные матеріалы. Поэтому меня мало интересовали указываемые г. Обтяжновымъ журналы, въ особенности же послѣ того, какъ онъ самъ «завѣрилъ» собраніе, что журналы эти, все-таки, смягчены (да еще до «невозможности») и что въ нихъ скрыты и замолчаны дѣянія уголовнаго характера, за которыя виновныхъ слѣдовало бы предать суду. Полагаю, самъ г. Обтяжновъ согласится, что столь экстраординарное заявленіе невольнымъ образомъ переноситъ вниманіе сторонняго наблюдателя съ того, что г. Обтяжновъ излагаетъ «въ невозможно-смягченномъ» видѣ, на то, что онъ скрываетъ отъ собранія, по его собственному сознанію.

«Я бездѣйствовалъ,—печатаетъ теперь г. Обтяжновъ,—и это вѣрно» (спасибо за новое признаніе!): «во-первыхъ,—объясняетъ онъ далѣе,—я такъ занятъ своимъ дѣломъ, въ качествѣ земскаго начальника, что не могу посвящать много времени земству...» Я былъ бы очень радъ принять хоть это объясненіе, если бы, къ сожалѣнію, значеніе его не ослаблялось въ весьма значительной степени цитированными выше словами самого г. Обтяжнова: «бездѣйствіе мое объясняется *исключительно* моими личными отношеніями...» (исклю-чи-тельно, г. Обтяжновъ,—увы!—это слово имѣетъ совершенно опредѣленное значеніе). Если уже самъ г. Обтяжновъ «завѣряетъ» насъ, что «если бы не его личныя отношенія къ С. Т. Погуляеву», то... кое-кто были бы подъ судомъ,—то скажите на милость, какое же основаніе имѣлъ я, Провинціальный наблюдатель, не вѣрить г. Обтяжнову и искать другихъ объясненій, кромѣ того, что въ просторѣчіи именуется «кумовствомъ» (и что г. Обтяжновъ напрасно отождествляетъ съ «родственными» связями)? Кто же изъ насъ правъ: г. Обтяжновъ, обвиняющій меня въ какихъ-то «инсинуаціяхъ», или же я, видящій во всемъ этомъ «кумовство», а въ самодовольной и публичной откровенности, съ какою г. Обтяжновъ заявляетъ обо всемъ этомъ,—отсутствіе гражданскаго стыда и [illegible]ное непониманіе своихъ обязанностей, какъ члена ревизіонныхъ коми[illegible]ссій?

Однако, г. Обтяжнову всего вышеизложеннаго показалось мало, и онъ пускается въ «опроверженія» (хорошо опроверженіе!) еще въ новыя откровенности. «Отношенія мои къ С. Т. Погуляеву,—пишетъ онъ,—возникли не на родствѣ или свойствѣ, а на почвѣ сознательнаго уваженія и увѣренности въ его безкорыстіи, такъ какъ до сихъ поръ онъ *за растраты платилъ изъ своего кармана* (!). По разнымъ обстоятельствамъ (?) мы мирился съ тѣмъ предсѣдателемъ, при которомъ касса цѣла... (кажется, это г. Обтяжновъ пытается иронизировать по адресу земства!...). Но все до поры до времени, и неоскорбленное самолюбіе, какъ инсинуируетъ (?) г. Наблюдатель, а нѣчто болѣе существенное заставило меня измѣнить взглядъ... Зная *все возростающую довѣрчивость* г. Погуляева, но не зная его кредитоспособности (!!), я невольно задавался вопросомъ: что, если очевидно повторяющіяся растраты членовъ въ будущемъ достигнутъ, наконецъ, такой суммы, которая для г. Погуляева окажется не по силамъ?...» Вотъ тутъ-то г. Обтяжновъ и рѣшился (и то въ отвѣтъ на укоръ его въ придирчивости) дать понять собранію, что С. Т. Погуляевъ не соотвѣтствуетъ роли предсѣдателя.

На все это я позволю себѣ замѣтить, во-первыхъ, что г. Обтяжновъ, видимо, не понимаетъ значенія нѣкоторыхъ словъ, которыя, однако, не стѣсняется употреблять. Когда въ подкрѣпленіе извѣстныхъ, хотя бы и очень печальныхъ заключеній о чьей-либо дѣятельности приводятся столь ясныя, документальныя и даже «собственноручныя» доказательства, какими г. О

снабдилъ меня въ своей замѣчательной рѣчи, то, очевидно, здѣс
жетъ быть мѣста инсинуаціямъ. Инсинуировать значитъ дѣлать
намеки, осторожно избѣгая точныхъ опредѣленій лица или пост
какъ разъ то, что дѣлаетъ г. Обтяжновъ въ управѣ, обвиняя
рыхъ членовъ» въ какихъ-то дѣйствительно или *якобы* скрытыхъ
мимъ проступкахъ уголовнаго характера.

Далѣе, если все это цитированное выше новое объясненіе г.
ва имѣетъ какое-либо значеніе, то, очевидно, его слѣдуетъ пони
какъ. Кто-то изъ управы производилъ хищенія, а г. Обтяжновъ
членомъ ревизіонной комиссіи, вмѣсто того, чтобы *раскрывать* и
это ему вмѣняетъ прямая обязанность, заглядывалъ въ карманъ
дателя: можетъ еще г. Погуляевъ *покроетъ* чужія растраты,—и г
новъ «бездѣйствуетъ изъ личныхъ отношеній». Нельзя,—тогда он
«смягчаетъ до невозможности».

Конечно, я опять могу только благодарить г. Обтяжнова за
разоблаченіе взглядовъ на общественное дѣло, которые въ Горба
жется, имѣютъ право гражданства. И дѣйствительно, я смотрю на
вую откровенность какъ на сверхсмѣтный подарокъ мнѣ, для по
нія моихъ грустныхъ заключеній. Думаю, однако, что это не так
ды, съ которыми слѣдовало выступать публично, и едва ли он
своему писателю право иронизировать по адресу земства, какъ
тается въ своемъ якобы опроверженіи г. Обтяжновъ.

Провинц. наблюдат

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Іюль. **1893 года.**

Содержаніе. I. **Книги:** Беллетристика.— Публицистика.— Философія.—Исторія и біографіи. — Политическая экономія и статистика. — Юридическія книги.—Сельское хозяйство.—Естествознаніе.—Техническія книги.—Медицина.—Учебники и дѣтскія книги.—Справочныя книги. II. **Періодическія изданія:** «Вѣстникъ Европы», *іюнь*.—«Русское Богатство», *май—іюнь*.—«Русское Обозрѣніе», *іюнь*.—«Русскій Вѣстникъ», *іюнь*.—Сѣверный Вѣстникъ», *іюнь*.—«Міръ Божій», *іюнь*.—«Русскій Архивъ», *январь—іюнь*. III. **Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 іюня по 1 іюля 1893 г.**

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

„Собраніе сочиненій“ *Н. С. Лѣскова.*—**„Армянскіе беллетристы“,** *изд. Ю. Веселовскаго и М. Берберьяна.* — **„Фламандскія народныя сказки“,** *изд. М. М. Ледерле.*— **„Шварцвальдскіе разсказы“,** *Бертольда Ауэрбаха.*

Собраніе сочиненій Н. С. Лѣскова. Томъ одиннадцатый. Спб., 1893 г. Цѣна 3 руб. Наибольшій интересъ въ этомъ томѣ представляютъ повѣствованія, озаглавленныя: *Юдоль*, *Импровизаторы* и *Пустоплясы*, имѣющія очень близкое отношеніе къ недавно пережитымъ Россіей бѣдствіямъ голода и холерной эпидеміи. Въ разсказѣ *Юдоль* авторъ передаетъ воспоминанія своего дѣтства, отчасти по личнымъ впечатлѣніямъ, отчасти со словъ близкихъ ему людей, о давно забытомъ голодѣ 1840 года, болѣе ужасномъ, чѣмъ тотъ, который мы недавно видѣли своими глазами, въ борьбѣ съ которымъ лично или черезъ пожертвованія принимало участіе большинство образованныхъ русскихъ людей. Послѣдній голодъ не забудется, послѣ него остался въ литературѣ крупный и яркій слѣдъ въ описаніяхъ и въ отчетахъ, составленныхъ выдающимися писателями, изложенныхъ правдиво и напечатанныхъ во многихъ журналахъ и газетахъ. Теперь ни голода, ни иного народнаго бѣдствія нельзя „замолчать“, и не молчитъ уже сама страдающая отъ бѣдствія народная масса, самолично заявляющая о себѣ въ періодической печати. Да и правительство не желаетъ „замалчивать“ общественныхъ несчастій, прямо и довѣрчиво обращается ко всѣмъ слоямъ общества, призываетъ ихъ къ дѣятельному и дружному участію въ борьбѣ съ бѣдою. Не такъ было полстолѣтія назадъ, къ то время, которое, по словамъ Н. С. Лѣскова, „принято именовать *...хою порой*“. Страшное бѣдствіе 1840 г., неизмѣримо болѣе ужасн..., чѣмъ голодъ 1892 года, прошло „молчанкою“, и было оно потому у...снѣе, что въ Россіи все молчало, и страдавшіе, и умиравшіе, и в...ѣвшіе, какъ люди гибнутъ совершенно безпомощно. И въ то время б... ч... добрыя души, свѣтлыя личности, о которыхъ говоритъ г. Лѣс-

по милости всеобщей „молчанки“, были всѣ разрознены, каж-
гвовалъ въ одиночку, а огромное большинство бездѣйствова-
кѣясь на свои силы въ убѣжденіи, что „одинъ въ полѣ не
ъ боязни своими дѣйствіями накликать на себя очень суще-
непріятности. Въ воспоминаніяхъ г. Лѣскова отмѣченъ любо-
актъ участія англичанки „квакерши“ въ помощи голоднымъ
ъ крестьянамъ. Въ *О „квакершахъ“ (Post-scriptum* къ *Юдо-*
ръ возражаетъ лицамъ, высказывавшимъ сомнѣніе въ томъ,
и 40 годахъ могла оказаться квакерша въ русскомъ дво-
домѣ. Возраженія г. Лѣскова мы считаемъ достаточно убѣди-
и, по личнымъ нашимъ воспоминаніямъ, считаемъ себя впра-
рдить точность его разсказа про семью „стараго Шкота“
ковлевича), имѣвшую несомнѣнное вліяніе на умственное и
ное развитіе во многихъ дворянскихъ домахъ черезъ рекo-
ыхъ въ качествѣ воспитательницъ англичанокъ, между кото-
вали и методистки, и квакерки“. Воспоминаніямъ о голодѣ,
замъ старика крестьянина, посвящено повѣствованіе, озаглав-
устоплясы, которое могло бы занять видное мѣсто среди из-
„народа“ и принести народу не малую пользу такъ же точ-
и разсказъ *Дурачокъ*. Оба эти небольшія по объему произве-
никнуты высокою гуманною идеей и производятъ сильное и
ное впечатлѣніе на читателей какого бы то ни было круга. Въ
съ натуры“ *Импровизаторы* авторъ передаетъ видѣнное и
е имъ во время прошлогодней холерной эпидеміи. Г. Лѣсковъ
„Когда лѣтомъ 1892 г., въ самомъ концѣ девятнадцатаго вѣ-
лась въ нашей странѣ холера, немедленно же появилось и
іе, что надо дѣлать. Врачи говорили, что надо убить за-
народъ думалъ, что надо убить врачей. Слѣдуетъ добавить,
съ не только такъ „думалъ“, но онъ пробовалъ и приводить
ѣйствіе“... Авторъ въ живомъ, мастерскомъ разсказѣ пере-
къ складывались и развивались среди низшихъ классовъ вѣ-
ъ то, что „въ Петербургѣ уже народъ отравляютъ“, при чемъ
ю-міру“ легенда о „генеральскомъ камердинерѣ“, котораго
„умирать увезли“. Далѣе легенда въ различныхъ редакціяхъ
дно и то же: генералъ своего камердинера спасъ, врачей
ъ моренiи людей и за то двоихъ перестрѣлялъ, а третьяго
„съ щеки на щеку“ и выгналъ: „Иди теперь, жалуйся“...
легенда, и раздувается, и всѣ ей вѣрятъ въ кухнѣ и въ
на рынкѣ и на фабрикѣ, никто не вѣритъ въ „запятую“ и
ятъ, что „ждутъ генерала Баранова и полкъ артиллеріи“. Къ
рибавляется угроза: „Вонъ графъ Абрамовъ наступаетъ съ
ей, онъ тебя удовольствуетъ!“ Выходитъ сумбуръ всеобщій и
имый, въ который „всего менѣе попало злого намѣренія и
, говоритъ авторъ. „Никакого перваго заводчика пѣсни и
я легенды нѣтъ“... А если „нѣтъ“, то и разыскивать тако-
его, и грозить „графомъ Абрамовымъ съ публикацыей“
ванія. Что же дѣлать, однако? Г. Лѣсковъ такъ заканчива-
разсказъ объ импровизаторахъ: „Изъ всѣхъ „запятыхъ“ са-
ныя—тѣ, которыя скрываются во тьмѣ суевѣрій“. А, слѣдо-
и дѣлать надо то, что требуется для уничтоженія среды, въ
азвиваются и скрываются подобныя „запятыя“, весьма небезс-
ія общественнаго организма: надо стараться тьму освѣтить и
„суевѣрій“ водворить настоящую вѣру... А сколь еще вели-

ка „тьма суевѣрій“ и какъ она вліяетъ не на кухарокъ, лавочниковъ, извощиковъ, фабричныхъ и босяковъ, но и на людей классовъ состоятельныхъ и вліятельныхъ, то можно уразумѣть изъ разсказа *Полунощники*,—разсказа, на нашъ взглядъ, слишкомъ вычурнаго по языку, но правдиваго по существу. Чрезмѣрное обиліе придуманныхъ и исковерканныхъ словъ, мѣстами нанизанныхъ въ одну фразу и часто повторяющихся въ разсчетѣ вызывать смѣхъ, портитъ общее впечатлѣніе и тѣмъ самымъ умаляетъ значеніе повѣствованія, передающаго совершенно вѣрно нѣкій „пейзажъ и жанръ“, весьма характерный для нашего времени, для „конца девятнадцатаго вѣка“. Тутъ въ разсказанныхъ г. Лѣсковымъ фактахъ даетъ себя знать уже не физическій голодъ бѣдственнаго года и не какая-нибудь „запятая“ съ порождаемыми ею легендами, тутъ проявляется хроническое умственное оскудѣніе и отощаніе нравственное, что и заставляетъ людей цѣлыми толпами ждать и требовать чудесъ и пророчествъ, вѣрить въ изгнанія бѣсовъ и въ прорицанія, поклоняться не святынямъ, а живому человѣку. Въ старые годы, въ „глухую пору“, замоскворѣцкія купчихи, чиновныя салопницы и благочестивыя помѣщицы направлялись за предсказаніями и исцѣленіями въ домъ умалишенныхъ, къ знаменитому Ивану Яковлевичу Корейшѣ, и онъ чудилъ и безобразничалъ, продѣлывалъ то, что отъ него требовалось, въ такихъ формахъ, которыя вполнѣ подходили къ мѣсту его жительства, къ дому сумасшедшихъ. Но къ Ивану Яковлевичу, въ „глухую пору“, ѣздили, все-таки, не многіе, при самомъ расцвѣтѣ его славы въ корридорахъ и пріемныхъ его резиденціи не бывало давки и „толпучки“,—по выраженію г. Лѣскова,—и самого Ивана Яковлевича не развозили по домамъ и по городамъ, изъза него не дрались. А въ „наше просвѣщенное время“ все это продѣлывается именно такъ, какъ описано Н. С. Лѣсковымъ въ его *Полунощникахъ*, причемъ вокругъ описанной авторомъ „Ажидаціи“ разыгрываются весьма позорныя комедіи и кишатъ самыя низменныя страсти. „Пейзажъ и жанръ“ г. Лѣскова останется интереснѣйшимъ документомъ для исторіи „суевѣрій“ въ Россіи. Разсказъ *Часъ воли Божіей* написанъ своеобразнымъ языкомъ, напоминающимъ стародавнія сказанія, на что Н. С. Лѣсковъ, какъ извѣстно, большой мастеръ. Сущность разсказа въ томъ состоитъ, что нѣкій король по имени Доброхотъ желаетъ осчастливить своихъ подданныхъ, но это ему не удастся,—„все у него не спорится и не ладится“. Послѣ долгихъ исканій король Доброхотъ получаетъ такія наставленія, что для успѣха его дѣла надо узнать: „какой часъ важнѣе всѣхъ, какой человѣкъ нужнѣе всѣхъ и какое дѣло дороже всѣхъ“. На эти вопросы мудрая дѣвица даетъ слѣдующіе отвѣты: важнѣе всѣхъ—часъ *теперешній*, нужнѣе всѣхъ—человѣкъ, *съ которымъ сейчасъ дѣло имѣешь*, дороже всѣхъ дѣлъ—*добро, которое ты въ сей часъ этому человѣку поспѣешь сдѣлать*. „Захотѣлъ было король Доброхотъ править по всей этой простой, явленной ему мудрости, чтобы было въ его землѣ добро каждому въ настоящій часъ, въ теперешній, безъ метанья очей въ непроглядныя отдаленности“, но исполнить этого не рѣшился, и въ его королевствѣ „все опять не спорится и не ладится“. Признаемся, и мы на мѣстѣ этого короля не рискнули бы слѣдовать указаніямъ „этой простой мудрости, безъ метанія очей въ непроглядныя отдаленности“,—не рискнули бы, прежде всего, изъ опасенія, какъ бы, живя съ часу на часъ одними *теперешними*, не поставить народъ и себя въ очень трагическое положеніе своею непредусмотрительностью, хотя бы въ томъ слу-

„въ отдаленности“ насъ повстрѣчаетъ голодны
ь. *Теперешній* часъ, несомнѣнно, очень важе
ть добро въ настоящемъ и, по мѣрѣ силъ св
упленіе бѣдъ въ самыхъ „непроглядныхъ отда
доброе и полезное не только человѣкамъ, „
)“, но и грядущимъ поколѣніямъ на ближайші
ь. Разсказъ *Невинный Пруденцій* принадлеж
заній, который нашимъ читателямъ знакомъ
Русской Мысли повѣствованій: *Теодоръ христі
инъ*, *Аскалонскій злодѣй*. Довольно длинная с
ктеры составлена изъ сокращенныхъ перес
изъ такъ называемыхъ „отреченныхъ“ *Пром*
ругъ церковныхъ книгъ.

**ie беллетристы. Сборникъ, изданный под
овскаго и Минаса Берберьяна. Томъ перв**
. р. 75 к. Этотъ *Сборникъ* во многихъ отнош
До сихъ поръ русскимъ, не только просто об
и ученымъ, если только они не занимались сп
ературой, почти ничего не было извѣстно о с
кой литературы и весьма немного было извѣ
ародѣ. Наша публика знаетъ армянъ купцовъ,
остигающихъ иногда высокихъ степеней, армя
понятія не имѣетъ объ армянахъ писателяхъ, с
на армянскомъ языкѣ для армянскаго народа,
ограничиваются для большинства публики рѣ
ніями о неисполненіи турецкимъ правительств
нскаго трактата и о притѣсненіяхъ, чинимых
какихъ-то округахъ Малой Азіи. О папуасах
льной Африки мы знаемъ больше, чѣмъ о е
очти единовѣрномъ), высокодаровитомъ и кул
котораго живетъ въ предѣлахъ Россіи, а двѣ
оизволъ мусульманскихъ чиновниковъ и дико
ихъ гг. Веселовскаго и Берберьяна открыва
трану. Изъ него читатели узнаютъ, что когд
итература на древне-армянскомъ языкѣ сов
арода, такъ какъ „древній, классическій арм
гличающ'ѣся необыкновеннымъ богатствомъ
силою, еще до начала XIX столѣтія отжилъ
языкомъ церкви и богослуженія, а также на
ходъ уже не говоритъ на немъ и даже не вп
освобожденіемъ русскимъ оружіемъ части ар
бства подъ властью Персіи и Турціи возродило
наніе въ лучшихъ представителяхъ народа и
„создать новый литературный языкъ, который
ражать всѣ понятія современнаго общества и, "
ъ и для простого народа“... безъ чего не
въ народную массу ни возникающаго самосс
хъ и освободительныхъ идей нашего вре
каго народа взялись за это, по почину высо
чатура Абовьяна, впервые раскрывшаго
романѣ, носящемъ это названіе. Руководя
необходимости пробужденія и всесторонняго
ца—сдѣлалась впослѣдствіи девизомъ значи

армянскихъ беллетристовъ". Въ этомъ направленіи самымъ сильнымъ и энергичнымъ послѣдователемъ Абовьяна былъ Раффи, настоящее имя котораго Акопъ Меликъ-Акопьянъ, а наиболѣе характерное и замѣчательное, по идеѣ и оригинальности, произведеніе—романъ *Искры*. Это цѣлая программа возрожденія армянскаго народа, призывающая интеллигенцію націи „идти въ народъ", поднять духъ народа, приниженнаго рабствомъ, подготовить матеріальныя средства для борьбы съ угнетателями... Гибель независимой Арменіи произошла вслѣдствіе розни и вражды изъ-за честолюбивыхъ и корыстныхъ цѣлей между князьками-правителями (историческіе романы Раффи: *Самуэль* и *Давидъ-бекъ*), нынѣ продолжающееся угнетеніе армянскаго народа въ значительной мѣрѣ поддерживается религіозною рознью между армяно-грегоріанами и армяно-католиками (біографическій очеркъ *Дзеренца*) и предательствами самихъ же армянъ-карьеристовъ, состоящихъ на турецкой службѣ, и кулаковъ-пріобрѣтателей, грабящихъ своихъ соплеменниковъ за одно съ турками. Подъ псевдонимомъ Дзеренецъ писалъ константинопольскій докторъ Шишманьянъ, авторъ романа *Муки IX вѣка*. Идея романа заключается въ томъ, что „для общей пользы, для защиты общихъ, т.-е. національныхъ, интересовъ нужно сплотиться, дѣйствовать заодно. Благодаря княжескимъ междоусобіямъ, розни между знатью и народомъ, Арменія не разъ подпадала подъ власть иноземцевъ"... А теперь „нѣтъ самаго лучшаго, что встрѣчалось порой въ прошлой жизни, — солидарности, общности интересовъ. Константинопольскіе армяне живутъ своими интересами и подчасъ не знаютъ даже, что творится въ Ванѣ или Мушѣ... Духовенство тоже живетъ обособленно и не оправдываетъ тѣхъ надеждъ, какія вправѣ возлагать на него народъ. Отдѣльно живетъ купечество, чиновничество и т. д. Въ этой розни, въ этомъ отсутствіи общихъ интересовъ, въ равнодушіи къ національнымъ вопросамъ и заключается,—по мнѣнію Дзеренца,—главная причина того положенія армянъ, какое мы видимъ и до сихъ поръ"... Положеніе ужасное, потрясающе и правдиво изображенное въ романахъ Раффи. Талантливый армянскій сатирикъ Пароньянъ, отлично знавшій Константинополь, такъ выразился про партію армяно-католиковъ: „она больше желаетъ видѣть свои національныя права въ туфляхъ папы, чѣмъ въ своихъ рукахъ". А д-ръ Шишманьянъ, самъ армяно-католикъ, „прямо и категорически заявлялъ, что армяне не должны признавать никакихъ папскихъ притязаній потому, что эти притязанія прямо противорѣчатъ національнымъ интересамъ".

Такимъ образомъ, передъ нами происходитъ историческое явленіе большой важности: первый, такъ сказать, актъ возрожденія цѣлаго народа,—возрожденія, начавшагося съ того, что народъ этотъ, силою дарованій лучшихъ людей своихъ, нашелъ новый языкъ, долженствующій объединить и сплотить его въ одну массу, открыть этой массѣ доступъ къ современной культурѣ, провести въ массу идеи гуманности — свободы, поднять ее умственно и нравственно, сдѣлать способною ряхнуть съ себя рабскую апатію и идти за своими вождями по пути, ‹дущему ко всѣмъ благамъ цивилизаціи... Съ этимъ началомъ прожденія цѣлаго народа знакомитъ насъ *Сборникъ* какъ нельзя лучше кромѣ того, онъ развертываетъ передъ нами замѣчательно яркія, Ьстами блестяще, художественно написанныя картины народнаго быта страшныхъ угнетеній, жестокостей, звѣрствъ, которыя выноситъ армянскій народъ подъ мусульманскимъ игомъ и которыя позорнымъ пятномъ лежатъ на державахъ, гарантировавшихъ исполненіе 61-й статьи

Берлинскаго трактата, подтвердившей добытую русскою кровью статью Санъ-Стефанскаго договора.

Въ заключеніе мы долгомъ считаемъ сказать, что *Сборникъ* с ленъ превосходно, отъ души желаемъ ему полнаго успѣха и съ нет ніемъ ждемъ выхода слѣдующихъ томовъ.

Фламандскія народныя сказки („Моя библіотека", №№ 27). Переводъ А. Н. Галибина. Изданіе М. М. Ледерле. Спб. г. Цѣна 1 р. 20 коп. Почти во всѣхъ 23 сказкахъ этого сбо видно стародавнее народное творчество добродушной и простос ной Фландріи. Нѣкоторыя изъ нихъ заимствованы изъ древнѣй сказаній, такъ какъ въ русскихъ и въ нѣмецкихъ народныхъ ска встрѣчаются одинаковые съ фламандскими повѣствованія. Въ н сохранились слѣды средне-вѣковыхъ религіозныхъ вѣрованій и н ныхъ суевѣрій. Въ большинствѣ серьезная и честная мысль обл ся въ живую форму, прикрашенную забавными бытовыми подроб ми и часто неподдѣльнымъ веселымъ юморомъ. Очень многія изъ сказокъ могутъ быть прочитаны дѣтямъ-подросткамъ, хотя всю сполна мы не считаемъ пригодною для дѣтей. Переводъ сдѣлан вдохновительно, но не безъ погрѣшностей въ такомъ родѣ, напри „Старики, обремененные недугами, лишенные *чувствъ*, вкуса, осяза *запаха*..." Слово „чувствъ" слѣдовало выпустить, а слово „за замѣнить „обоняніемъ". „Слуги, отпущенные королемъ на *дюка* Что такое „дюкассы"—не объяснено, да и совсѣмъ не нужно эт раженіе, такъ какъ во Фландріи такъ называютъ народные праз и сказать надлежало: „слуги отпущены на праздникъ въ Себу „Его связали... онъ разорвалъ *свои узы*". Почему не просто „вер „Мы одни, и Господь Богъ ничего, кромѣ огня, не увидитъ". П ски въ этой фразѣ нѣтъ смысла, и чтобы добраться до него, на ревести обратно на французскій языкъ,—получится: „et le bon n'y vera que du feu", т.-е. и Господа Бога мы пречудесно над Несмотря на такіе промахи, не особенно многочисленные, впр книжка читается легко, благодаря увлекательной прелести содер

Шварцвальдскіе разсказы. Бертольда Ауэрбаха. Т. I. ножка. Перев. А. П. Шелгуновой („Моя библіотека", №№ 28 Изданіе М. М. Ледерле. Спб., 1893 г. Цѣна 40 коп. Берт Ауэрбахъ писатель весьма извѣстный и, надо отдать ему спра вость, писатель очень скучный, а *Шварцвальдскіе разсказы* при жать къ числу наискучнѣйшихъ его произведеній. Все досто ихъ заключается въ томъ, что они даютъ вѣрное понятіе о крестьянъ въ Шварцвальдѣ, что̀ едва ли можетъ интересоват скихъ читателей, особливо же въ длинномъ, тягучемъ разсказѣ совершенно неудовлетворительномъ переводѣ, въ которомъ на к страницѣ попадаются фразы такого рода: „У дѣвочки же начина является смутное безпокойство; ожиданіе отца и матери казалс не совсѣмъ вѣрно..." Чье ожиданіе невѣрно, ожиданіе отца и м или ожиданіе дѣвочки? „Я не могла дышать, покуда вы мнѣ разсказывали". „Она разорвала его, и насказала ей много серд рѣчей..." „Разсѣявшійся по утру туманъ разлился къ полудню ливнымъ дождемъ". „Когда я умру, тогда смотри, не оставляй моихъ и займи для нихъ мѣсто матери". Можно сказать, чт книжка написана не по-русски, а на какомъ-то полу-чухонскомъ гонѣ.

ПУБЛИЦИСТИКА.

„Объ учрежденіи страхованія отъ огня дворянскихъ имуществъ". *Е. М. Баранцевича.*

Объ учрежденіи страхованія отъ огня дворянскихъ имуществъ и къ вопросу объ участіи дворянства въ банковыхъ земельныхъ оборотахъ и въ земствѣ. Е. М. Баранцевича. М., 1893 г. Этотъ обширный трудъ, основанный на источникахъ, причемъ авторъ воспользовался и иностраннымъ законодательствомъ, и литературою предмета, заключаетъ въ себѣ много вѣрныхъ и полезныхъ соображеній, хотя г. Баранцевичу и вредитъ сословно-дворянская точка зрѣнія. Авторъ справедливо указываетъ на тѣ громадныя деньги, которыя понапрасну переплачиваются страховымъ обществамъ, во главѣ которыхъ у насъ стоитъ такъ много иностранцевъ. Само собою разумѣется, это происходитъ отъ нашей косности, отъ апатіи и слабаго распространенія образованія: не насильно же намъ навязываютъ иностранцы свои услуги и не запрещать же имъ вкладывать свои капиталы въ промышленныя предпріятія. Впрочемъ, наши протекціонисты могутъ додуматься и до такой нелѣпости.

Г. Баранцевичъ проектируетъ учрежденіе страхованія отъ огня дворянскихъ имуществъ при государственномъ дворянскомъ земельномъ банкѣ, обязательное представительство въ уѣздной земской управѣ одного лица изъ потомственныхъ дворянъ (это архаическое требованіе не имѣетъ никакого отношенія собственно къ страхованію) и нѣкоторыя измѣненія въ уставѣ и дѣлопроизводствѣ дворянскаго банка.

Во многихъ таблицахъ г. Баранцевичъ сгруппировалъ свѣдѣнія о колоссальныхъ барышахъ, получаемыхъ у насъ страховыми обществами. Такъ, въ неблагопріятный для нихъ 1891 годъ валовой сборъ премій пятнадцати обществъ равнялся 34.228,089 рублямъ, чистой преміи—13.946,943 р. За десятилѣтіе съ 1882 по 1891 годъ включительно общая сумма брутто премій достигла 332.778,309 р., нетто—123.655,700 р. Цифры такъ краснорѣчивы, что къ нимъ нечего прибавлять. Мы не видимъ только никакого основанія придавать страхованію отъ огня сословную постановку. Если допустить это, отчего же тогда не страховать отдѣльно дворянскую жизнь, дворянскій скотъ и т. д.? Справедливо указывая на необходимость устранить барыши посредниковъ, безъ которыхъ, взявшись за умъ, легко обойтись, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, весьма значительно понизить страховую премію, г. Баранцевичъ самъ тому противорѣчитъ, ограничивая страхованіе сословнымъ принципомъ. Безсословное и взаимное страхованіе—вотъ къ чему слѣдуетъ стремиться. Кромѣ того, Россіи давно пора перестать періодически выгорать, т.-е. необходимо принять энергическія мѣры для превращенія деревянной Россіи въ каменную. Г. Баранцевичъ признаетъ, что *страхованіе есть взаимность*,—зачѣмъ же онъ проектируетъ разрушить эту взаимность между сословіями?

ФИЛОСОФІЯ.

„Пессимизмъ". *Джемса Сёлли.*

Исторія и критика. Джемса Сёлли. Спб., 1893 г. [illegible] 1 р. 50 к. Въ предисловіи къ переводу этой умной и полезной [illegible]ти г. Яковенко говоритъ, что пессимистическое настроеніе сильно

распространено и у насъ и что оно составляетъ, конечно, бо
зло. Переводъ сочиненія Сёлли сдѣланъ въ видахъ противодѣ
ы не думаемъ, чтобы большинство нашихъ пессими
рочитавши книгу. Для жизнерадостнаго настроенія л
обрыя общественныя условія, широкій просторъ д
ги. Немногіе углубляются въ великіе философскіе во
юособны доходить до отчаянія, если ихъ мысль замѣ
пективы, но, повторяемъ, сочиненіе Сёлли во всякомъ
о и полезно.
ное мѣсто Сёлли удѣляетъ Шопенгауэру и Гар
:кія замѣчанія поражаютъ ученія этихъ мыслител
йскій писатель не принадлежитъ къ числу легковѣ
но настаиваетъ на томъ, что между интересами и
коллективными существуетъ примиряющее начало.
ловѣкъ, полагаетъ Сёлли, можетъ относиться къ интере-
людей до весьма значительной степени, какъ къ одному
или факторовъ своего собственнаго счастья. Не подлежитъ
прогрессъ человѣчества совершается въ направленіи соз-
оллективнаго преслѣдованія счастья. Между прочимъ, раз-
ыхъ политическихъ учрежденій въ Западной Европѣ, какъ
оно ни совершалось, вело къ установленію справедливаго
ства для важнѣйшихъ интересовъ всѣхъ членовъ обще-
ческій прогрессъ не только стремился устранить препят-
бодному развитію индивидуальной жизни, уничтожая такія
ь старинныя привилегіи высшихъ классовъ или другія
дныя, какъ, напримѣръ, различныя стѣсненія, принимав-
ту заразительныхъ болѣзней, и т. д., но также создавая
ложительныя условія, напримѣръ, всеобщее элементарное
общедоступность различныхъ общественныхъ учрежденій,
ъ музеевъ и т. д.
чаетъ, что пессимизмъ поддерживается и развивается не
ми особенностями политической и соціальной жизни. Та
ръ, печальною особенностью является для Германіи страш
милитаризма.
дсказываетъ, что „дальнѣйшія усилія человѣчества бу
ѣе и болѣе опредѣляться не интересами существующаго
ѣнія, а пониманіемъ интересовъ человѣческаго рода вооб
который будетъ вдохновлять на общественную дѣятель
заключаться въ прочномъ улучшеніи человѣческой жизни
соціальныхъ и другихъ условій".

ИСТОРІЯ И БІОГРАФІИ.

і исторіи женскаго образованія въ Россіи". *Е. Лихачевой*.—„Записк
ча Неплюева".— „Жизнь замѣчательныхъ людей". *Изд. Ф. Павленк*
юминанія" *Юрія Арнольда*.—„Stendhal", *par Casimir Stryenski*.

ы для исторіи женскаго образованія въ Россіи (ст
328 г.). Время императрицы Маріи Ѳеодоровны. Е. Ли
б., 1893 г. Ненормальная и крайне односторонняя поста
аго образованія въ Россіи вызывала не разъ горячіе толк
страстныя нападки лучшихъ представителей нашей интел
обенно ярко былъ выдвинутъ этотъ вопросъ въ начал

шестидесятыхъ годовъ. Эпоха реформъ, гуманныхъ стремленій, всеобщаго духовнаго подъема не могла не отразиться и на этой сторонѣ жизни. Женскому образованію были тогда предъявлены новыя требованія. Необходимо было вырвать женщину изъ узкой сферы семейныхъ интересовъ, поднять ее на ноги, образовать изъ нея общественнаго дѣятеля. А единственнымъ средствомъ въ борьбѣ за свое человѣческое достоинство могло быть у нея только образованіе, и потому-то партизаны женскаго вопроса такъ страстно обрушились на ту систему воспитанія, которому подвергалась женщина въ теченіе столькихъ вѣковъ. Какъ сложилась и развилась эта система, на этотъ вопросъ даетъ намъ отвѣтъ г-жа Лихачева. Своимъ серьезнымъ трудомъ авторъ еще разъ цѣлымъ рядомъ историческихъ документовъ доказываетъ, что вопросъ женскаго образованія не есть случайное, выдвинувшееся исключительно только подъ вліяніемъ новѣйшихъ вѣяній явленіе, а наоборотъ—толки о немъ имѣли мѣсто еще въ прошломъ столѣтіи и непригодность системы, ставящей краеугольнымъ камнемъ женскаго просвѣщенія одно воспитаніе, сказалась съ особенною рельефностью на практикѣ еще въ началѣ нѣнѣшняго вѣка. Разсматриваемый г-жею Лихачевой періодъ времени, обнимая собой тридцать слишкомъ лѣтъ, относится къ дѣятельности императрицы Маріи Ѳеодоровны, съ личностью которой такъ тѣсно связанъ этотъ важный вопросъ.

Взявъ подъ свое покровительство, по смерти Екатерины II, дѣло женскаго образованія и ознаменовавъ свое вступленіе на новую дѣятельность щедрою матеріальною помощью, императрица не ограничилась только этою стороной дѣла, а пошла по пути обновленія гораздо дальше. Прежняя точка зрѣнія, господствовавшая при Екатеринѣ, которая смотрѣла на женское образованіе исключительно со стороны общегосударственныхъ интересовъ и хотѣла перевоспитать весь народъ на началахъ, ею самой начертанныхъ, должна была уступить новому взгляду, вслѣдствіе иного воспитанія и образованія императрицы Маріи Ѳеодоровны. Воспитанная въ сантиментальномъ духѣ Руссо и строгихъ нравственныхъ правилахъ, съ дѣтства пріученная къ соблюденію строгаго внѣшняго этикета, Марія Ѳеодоровна ставила выше всего семейныя начала. Привитые ей въ семьѣ принципы и взгляды навсегда запечатлѣлись въ ея умѣ и характерѣ и отразились на всей послѣдующей общественной дѣятельности ея въ Россіи. Она выдвигаетъ на первый планъ вопросъ о воспитаніи, и логическимъ слѣдствіемъ такого положенія является стремленіе избѣжать смѣшенія благородныхъ дѣвицъ съ мѣщанскими. При такой постановкѣ вопроса ясно, что государственная и общественная идея, руководившая Екатериной, была совершенно забыта; на сцену выдвинулся вопросъ о сословіяхъ и воспитаніи, какъ главномъ центрѣ въ дѣлѣ женскаго образованія. Мало того, вопросъ женскаго образованія выдѣлился изъ общей для всего юношества системы образованія въ особую, совершенно самостоятельную, часть. Такое разграниченіе сохранилось отчасти и до нынѣшняго времени и вызываетъ массу справедливыхъ нападокъ.

Для осуществленія намѣченныхъ цѣлей явилось учрежденіе институтовъ для благородныхъ дѣвицъ, кромѣ Москвы и Петербурга, въ Казани, Одессѣ, Харьковѣ и Кіевѣ, доступъ въ которые былъ возможенъ только дворянкамъ; дѣвицамъ же изъ мѣщанъ предоставлено было право поступать въ сиротскій домъ, переименованный съ 1800 г. въ Маріинскій институтъ.

переходитъ далѣе къ разбору самой системы образованія,
характеръ строгой замкнутости и полнѣйшей изолирован-
дѣйствительной жизни. Строгая дисциплина, внушеніе по-
и скромности, какъ главнѣйшихъ и исключительныхъ до-
женщины, при полномъ отсутствіи какого бы то ни было
образованія, должны были убить въ воспитанницахъ ин-
всякую личную инціативу и приблизить ихъ къ идеалу,
ому извѣстнымъ рекомендованнымъ для чтенія институтокъ
юдъ названіемъ *Отеческіе совѣты моей дочери*. По по-
сочиненія г-жа Лихачева замѣчаетъ: „Теперь кажется не-
, какъ могла такая книга быть допущенной къ чтенію вос-
. Не говоря о томъ, что она полна противорѣчій, многіе со-
емые авторомъ дочери, просто безнравственны".
нцѣ своей дѣятельности императрица измѣнила нѣсколько
ды. Вотъ что пишетъ она въ одномъ изъ своихъ циркуля-
ошо учить—это первая наша обязанность". Впрочемъ, вся-
еденія въ области женскаго образованія вводились съ боль-
омъ; императрица нерѣдко шла въ разрѣзъ съ мѣропріяті-
либеральнаго правительства. Примѣромъ можетъ послужить
поставить русскій языкъ главнымъ предметомъ препода-

характеристику всего женскаго образовані
отношенія правительства и общества къ
литературу, какъ на область, въ которо
ле и симпатичные взгляды на женское обра
Кто-нибудь отъ бездѣлья на досугъ едва ли
въ то время отрицалъ способность жен

омивъ читателя съ содержаніемъ труда г-
мъ его вниманію читающей публики. Для б
й матеріалъ, обнаруживающій большую нач
овеннаго читателя это интересная, легко и
звертываетъ передъ нимъ картину безобраз
постановки женскаго образованія въ Россі
ьезныхъ реформъ въ этой области.
и Ивана Ивановича Неплюева (1693—1'
ніе, съ примѣчаніями. Спб., 1893 г. Цѣна
еплюева, извѣстнаго устроителя Оренбург
е въ *Отечественныхъ Запискахъ* П. П. Се
аніе ихъ появилось въ *Русскомъ Архивѣ* 1
примѣчаніями Л. Н. Майкова. Настоящее из
сти любительское, повторяетъ, за нѣкотор
хъ, текстъ *Русскаго Архива* и можетъ с
ъ для чтенія большой публики. Неплюевъ—
эпохи, благоговѣвшій предъ памятью Преоб
онъ учился послѣдовательно въ новгородско
ваній математики", въ нарвской навигаторс
и морской гвардіи, послѣ чего для усовершен
ѣ въ числѣ 27 гардемариновъ онъ былъ отпр
. Описаніе этого заграничнаго путешествія
ужебномъ поприщѣ занимаетъ большую ча
хихъ, дѣльныхъ, сжатыхъ. Новгородскій дв
нявшійся въ монастырь, потомъ исколесив

ропу, пожившій въ Константинополѣ, служившій въ разгаръ реформъ, видѣвшій ихъ результаты и начало Екатерининской эпохи и кончившій жизнь почти въ монастырскомъ обособленіи отъ міра (см. стр. 180),—Неплюевъ является для русскаго историка очень любопытною для изученія личностью XVIII в. Неплюевъ съ товарищами—люди, пріобрѣтшіе до нѣкоторой степени европейскую физіономію. Съ большимъ сочувствіемъ отзывается Неплюевъ въ своихъ *Запискахъ* о Г. П. Чернышевѣ, который принялъ подъ свое покровительство вернувшихся изъ-за границы гардемариновъ: „Мы всѣ,—пишетъ Неплюевъ (стр. 96),—какъ неимущіе никакого покровительства, а по нашему отлученію отъ отечества не токмо отъ равныхъ намъ возненавидѣны, но и отъ свойственниковъ нашихъ при первомъ случаѣ *насмѣшкою и ругательствами* по европейскому обычаю, въ насъ примѣченному, осмѣянному, благодарили Григорія Петровича со слезами". Разсказъ о Неплюевѣ, засидѣвшемся въ гостяхъ и явившемся на другой день на верфь послѣ государя, да такъ прямо и признавшемся въ причинѣ опозданія,—особенно извѣстное мѣсто изъ его *Записокъ*. Когда умеръ Петръ, Неплюевъ высказался такъ (стр. 122; срв. стр. 98—103, 106, 110): „Сей монархъ отечество наше привелъ въ сравненіе съ прочими; научилъ узнавать, что и мы люди; *однимъ* словомъ, на что въ Россіи ни взгляни, все его началомъ имѣетъ, и что бы впредь ни дѣлалось, отъ сего источника черпать будутъ". Таково восторженное свидѣтельство умнаго современника о Петрѣ. Свѣдѣній объ устроеніи Оренбургскаго края въ *Запискахъ* (стр. 134—164) сравнительно немного, и для ознакомленія съ этою стороной дѣятельности Неплюева многое можетъ дать монографія г. Витевскаго *И. И. Неплюевъ и Оренбургскій край въ прежнемъ его составѣ до 1759 г.* въ трехъ выпускахъ и съ особымъ популярнымъ извлеченіемъ изъ нея въ видѣ небольшой брошюры.

Жизнь замѣчательныхъ людей. Біографическая библіотека Ф. Павленкова (Канкринъ—г. Сементковскаго, Пироговъ—г. Малиса, Юмъ—г-жи Сабининой, Андерсенъ—г-жи Бекетовой). По поводу этихъ четырехъ книжекъ снова приходится возвратиться къ тому, что̀ уже много разъ говорилось въ печати о *Библіотекѣ* г. Павленкова: главнымъ ея недостаткомъ оказывается отсутствіе общаго плана. Авторы отдѣльныхъ біографій сообразуются не съ общею цѣлью изданія и не съ умственнымъ уровнемъ публики, для которой предпринято послѣднее, а лишь съ собственными силами, съ количествомъ находящихся подъ руками матеріаловъ, со сложившеюся у каждаго изъ нихъ привычкой имѣть дѣло только съ извѣстнымъ кругомъ читателей. Поэтому чрезвычайно трудно примѣнять къ нимъ общій критерій. Въ данномъ случаѣ, напримѣръ, біографіи Канкрина и Пирогова будутъ не безъ интереса просмотрѣны даже и спеціалистами, тогда какъ жизнеописанія Юма и Андерсена, повидимому, приспособлены для дѣтей старшаго возраста. Первое мѣсто среди перечисленныхъ біографій безспорно принадлежитъ труду г. Сементковскаго: фигура Канкрина, умѣло и литературно начертанная, встаетъ какъ живая предъ читателемъ; значеніе его выяснено обстоятельно и съ знаніемъ дѣла. Мы только не совсѣмъ поняли, что хочетъ сказать г. Сементковскій параллелью между дѣятельностью Сперанскаго и своего героя. Если не ошибаемся, рѣчь снова идетъ о сравнительномъ достоинствѣ „хорошихъ людей" и хорошихъ учрежденій. Повидимому, г. Сементковскій ставитъ Канкрину въ заслугу его равнодушное отношеніе къ учрежденіямъ и осуждаетъ вѣру Сперанскаго въ силу послѣднихъ. Намъ кажется, однако, что вся жизнь

именно въ томъ видѣ, какъ из
ьствуетъ противъ такого возз
рованные хорошими учрежденія
безъ нихъ онъ оставался один
кому не оставилъ своихъ завѣ
съ такимъ трудомъ и съ так
послѣ его смерти рухнуло, по
о кампанію правительство рас
хъ людей и вынуждено было, н
всего государственнаго строя, в
рогова составлена обстоятельно
намъ манера автора вездѣ, гдѣ
знаменитому хирургу высказыва
гатель, незнакомый съ сочиненія
новится на оригинальныхъ, глу
дняго. Къ сожалѣнію, г. Малис
о героя, и мы имѣемъ дѣло съ
мало знакомясь съ частною жиз
замѣчательнаго человѣка. Г-ж
аетъ жизнь Юма и даетъ крат
іи. Послѣдняя біографія, состав
наименѣе удачной. Жизнь Анд
ная сказка, которую онъ такъ
омъ утекъ; жаль, что сказка
сса мелкихъ подробностей затем
, а попадающіяся то тутъ, т
къ дѣлу. Такъ, наприм., на ст
ю правописанія дается не всѣмъ;
изни пишутъ съ ошибками". Ед
и интересны для публики.

нанія Юрія Арнольда. Выпус
и выпуска 5 руб. О первыхъ
ое время говорили. Третій выпу
ествовавшіе, а мѣстами даже бо
главѣ сорокъ третьей маститы
ику Франца Листа, какъ человѣ
съ которымъ Ю. К. Арнольдъ б
назадъ (въ 1843 г.) и оставал
о самой его смерти (въ 1869 г.
ть свои встрѣчи и знакомства с
енѣе извѣстными людьми музык
почти вплоть до нашихъ дней,
инскимъ изреченіемъ: „de vivis,
t" (о живыхъ, хотя бы и хорош
акъ музыкантъ, композиторъ, п
ольдъ зналъ всѣхъ русскихъ
минаетъ большинство заѣзжихъ
пѣвцовъ и пѣвицъ, высказывае
ствахъ и недостаткахъ каждаго
ивается любопытнѣйшая, хотя н
ея артистовъ, концертировавшихъ
дъ времени. Съ большими подр
Саргомыжскомъ, А. Ѳ. Львовѣ,

его отношенія имѣли то характеръ доброй, почти пріятельской короткости, то обострялись до недружелюбія и вражды. Съ особенною горечью передаетъ г. Арнольдъ про свои столкновенія съ московскою консерваторіей, ея директоромъ Н. Гр. Рубинштейномъ и съ профессорами, изъ которыхъ иные и по днесь еще живы, а, слѣдовательно, имѣютъ возможность возражать Ю. К. Арнольду, если въ его разказы вкрались какія-либо неточности. Отсутствіе таковыхъ возраженій, и, притомъ, достаточно убѣдительныхъ, дастъ полное основаніе русскому обществу стать въ этой „консерваторской исторіи“ на сторону г. Арнольда, апеллирующаго въ своихъ *Воспоминаніяхъ* къ суду „общественному“ (гл. 52, стр. 189—190). Въ противовѣсъ этимъ, поистинѣ, печальнымъ страницамъ, мы можемъ отмѣтить полные добродушнаго юмора, вызывающіе невольныя улыбки, разсказы автора про знаменитаго въ началѣ сороковыхъ годовъ „абиссинскаго маэстро“, А. В. Лазарева, печатавшаго на своихъ визитныхъ карточкахъ „M-r Alexandre de Lazareff ami de Rossini“. Этотъ диковинный „маэстро“ вызвалъ своею музыкой небывалый хохотъ въ Россіи и въ Германіи и произвелъ грандіозный скандалъ концертомъ, даннымъ въ Москвѣ, въ благородномъ собраніи. Было это въ 1856 году; концертъ оборвался на первомъ антрактѣ, сначала неистовою руганью, потомъ перестрѣлкой подушками отъ стульевъ и ногтными пюпитрами и, наконецъ, вмѣшательствомъ полиціи, которая забрала самого „маэстро“, Сѣрова и еще нѣсколькихъ воителей и отвела въ надлежащее мѣсто. Всѣхъ ихъ продержали нѣсколько дней на гауптвахтѣ, а Лазарева выслали изъ Москвы. Но „amico di Rossini“ не унялся и далъ еще концерты въ Дрезденѣ, гдѣ публика немного похохотала надъ первымъ нумеромъ и спокойно разошлась, не дожидаясь второго, и въ Берлинѣ, гдѣ публика тоже ушла, а оставшіеся музыканты оркестра поколотили композитора за неуплату имъ денегъ. Фигура этого „маэстро“ имѣетъ не мало общаго съ другимъ, временъ новѣйшихъ „абиссинцемъ“. Лазаревъ хотѣлъ тоже быть „вольнымъ казакомъ“ въ музыкѣ... Общее впечатлѣніе отъ *Воспоминаній* Ю. К. Арнольда получается такое, что онъ „русскій“ человѣкъ, много потрудившійся для „русской“ музыки, какъ писатель и композиторъ, по заслугамъ оцѣненъ въ чужихъ краяхъ, а въ Россіи, со стороны русскихъ людей и учрежденій, ничего не встрѣчалъ, кромѣ недоброжелательства и ненавистничества. Какая тому причина—судить не беремся. Что же касается книги г. Арнольда, то ее считаемъ весьма интересною и живо характеризующею описываемое авторомъ время.

Stendhal (Henri Beyle). „Souvenirs d'égotisme“. Autobiographie et lettres inédites, publies par Casimir Stryenski. Paris. Bibliothéque Charpentier. 1893. Казиміръ Стрыенскій издаетъ уже не первую книгу, посвященную своему любимому писателю. Пять лѣтъ тому назадъ былъ опубликованъ *Journal de Stendhal,* два года спустя вышла *Vie de Henri Bruland* и, наконецъ, въ будущемъ Стрыенскій обѣщаетъ еще выпустить собственное сочиненіе — біографическій и критическій этюдъ о Стендалѣ. Предъидущія изданія также служатъ главнымъ образомъ выясненію личности писателя. Сочиненіе это являются какъ нельзя болѣе кстати. Литературная дѣятельность Стендаля признана, по крайней мѣрѣ, оцѣнена въ первый разъ, не менѣе четверти вѣка назадъ. Тэнъ въ предисловіи къ *Исторіи англійской литературы* указалъ на заслуги несправедливо забытаго автора, выставилъ на видъ его необыкновенный психологическій геній, его рѣдкую способность съ одинаковымъ искусствомъ анализировать жизнь личности и основы обще-

ственныхъ явленій. Съ тѣхъ поръ этюды о Стендалѣ, какъ писателѣ, появлялись безпрестанно: ему отдали справедливость знаменитѣйшіе современные представители художественной литературы, вродѣ Бурже и Золя. Но всѣ эти оцѣнки должны остаться неполными и мало убѣдительными до тѣхъ поръ, пока не будетъ возможно точно объяснена
› Стендаля и освѣщена до мельчайшихъ подробностей его бі-
Именно у Стендаля больше, чѣмъ у кого-либо другаго, твор-
вязано съ личнымъ характеромъ и личнымъ опытомъ. Стендаль-
гъ, это, въ сущности, автобіографъ, и не только содержаніе
ценій Стендаля, но и ихъ внѣшняя судьба объясняются только
эй и личностью автора. Судьба эта въ высшей степени любо-
Стендаля при его жизни не читали, онъ самъ насчитывалъ у
болѣе сотни читателей, а долго спустя послѣ смерти его объ-
цнимъ изъ замѣчательнѣйшихъ авторовъ нашего вѣка.
enirs d'égotisme даютъ очень много интересныхъ и — что важ-
о—совершенно искреннихъ и точныхъ данныхъ относительно
жизни Стендаля. Эти воспоминанія вносятъ не мало существен-
правокъ въ популярнѣйшую біографію Стендаля, написанную Эду-
Родомъ (въ собраніи *Les grands écrivains français*). Записки писа-
ндалемъ съ іюня 1832 г., но относятся къ гораздо болѣе раннему
къ 1821 году. Авторъ переживалъ тогда очень тяжелое на-
и даже вспоминать о немъ ему, повидимому, подчасъ больно.
даль хочетъ работать надъ чѣмъ бы то ни было; кромѣ того,
считываетъ, что его записки встрѣтятъ когда-либо благосклон-
ръ читателя. Это будетъ не скоро, лѣтъ черезъ 10 или 12, по
мъ автора, но онъ не избалованъ популярностью и охотно
писать для самаго отдаленнаго потомства.
юнѣ 1821 года Стендаль пріѣхалъ изъ Италіи въ Парижъ. Его
изъ Милана итальянское правительство, заподозрившее его въ
въ заговорахъ карбонаріевъ. Для Стендаля это было страш-
аромъ. Онъ страстно любилъ Италію, Миланъ считалъ своимъ
мъ отечествомъ съ дѣтства,—мать Стендаля была итальянка,—
итальянскимъ солнцемъ, и теперь онъ долженъ былъ ѣхать въ
ный Парижъ. Онъ никогда не цѣнилъ этотъ городъ,—даже въ
наполеоновской славы, которую онъ такъ высоко ставилъ въ
всей жизни. Онъ совершилъ походъ съ „великою арміей", при-
алъ при пожарѣ Москвы, былъ свидѣтелемъ міровыхъ событій
трагическаго окончанія бонапартовской эпопеи навсегда поки-
анцію. Здѣсь въ немъ все возбуждало глубокое отвращеніе.
о и правительство реставраціи были его личными врагами. О
къ онъ не могъ говорить безъ раздраженія.
даль появился въ салонахъ своихъ старыхъ знакомыхъ, но на
порахъ почувствовалъ, что попалъ въ среду людей совершенно
Онъ произвелъ крайне неблагопріятное впечатлѣніе на хозя-
ікосвѣтскихъ гостиныхъ—и *Воспоминанія* въ достаточной сте-
ьясняютъ намъ причину. Стендаль не сходился рѣшительно ни
съ „новыми людьми". Онъ съ дѣтства привыкъ къ напряжен-
ичивости, къ всестороннему анализу окружающихъ явленій. Но
іонность явилась совершенно не кстати въ среду людей, стре-
я возможно пріятнѣе отдохнуть отъ пережитыхъ бурь. Стен-
обы не казаться смѣшнымъ, долженъ всѣми силами маскиро-
ю мысль и свою наблюдательность. Онъ пускается въ пустое
острословіе и быстро пріобрѣтаетъ репутацію зауряднаго са-

лоннаго bel-esprit. Но еще больше мученій должна была доставлять Стендалю другая черта его характера, страннымъ образомъ уживавшаяся съ аналитическими способностями его ума. Стендаль наслѣдовалъ отъ матери страстный темпераментъ и жгучая жажда любви преслѣдовала Стендаля всю жизнь,—любви глубокой, искренной, поэтической. Такое чувство менѣе всего гармонировало съ парижскими нравами эпохи реставраціи, и Стендаль всѣми силами долженъ былъ казаться другимъ человѣкомъ. Въ результатѣ къ репутаціи острослова-болтуна присоединилась дурная слава развратника, „чудовища безнравственности", по выраженію самого Стендаля. Можно представить, въ какую муку превращалось существованіе Стендаля при такихъ условіяхъ и сколько тайнаго презрѣнія и ненависти онъ долженъ былъ испытывать къ окружавшей дѣйствительности!

Воспоминанія переполнены желчными отзывами о французахъ, въ особенности о Парижѣ, о парижанахъ и парижанкахъ. Преобладающія черты въ характерѣ французовъ, по представленію Стендаля,—фатовство и наклонность къ реторикѣ. Рядомъ съ этимъ удручающая узость идей, стремленіе къ перфектаціи и внѣшнимъ эффектамъ и отсутствіе вдумчивости и опредѣленнаго міросозерцанія. Это относительно мужчинъ. Женщины не лучше. Это или мѣщанки, или „бульварныя куклы". Онѣ не удовле-
ютъ основному требованію Стендаля относительно женщинъ,—со-
енно не живутъ чувствомъ. Чувство, это—божественная сила для
даля. Жизнь сердца онъ предпочитаетъ какому угодно героизму.
тѣ съ *Воспоминаніями* напечатано нѣсколько писемъ Стендаля
стрѣ; главная ихъ тема—совѣтъ воспитывать въ дѣтяхъ *чувство*,
це развивать жизнь сердца. Общество,—говоритъ Стендаль,—дѣла-
изъ людей эгоистовъ, часто заставляетъ ихъ замыкаться въ себѣ
съ, очерствляетъ ихъ душу: семейное воспитаніе должно придти
омощь въ борьбѣ противъ этихъ тлетворныхъ вліяній общества.
даль сознается, что онъ упорно искалъ счастья съ любимою жен-
й, но убѣдился, что вѣрная жена и вообще честная женщина—
ягаемое счастье. Ему оставалось искать удовлетворенія въ умствен-
жизни, въ служеніи идеѣ, работать для будущаго. И здѣсь Стен-
предстоялъ необыкновенно тернистый путь. Трудно указать писа-
встрѣтившаго у современниковъ такъ мало признанія и поощре-
Стендаль въ теченіе всей своей литературной дѣятельности остался
отъ господствующихъ въ его время теченій. Онъ съ презрѣніемъ
вается о романтизмѣ, порабощавшемъ современныхъ читателей, са-
моднаго поэта—Ламартина—онъ отказывается читать, находя въ
пустозвонную реторику и отсутствіе глубокаго чувства. Нѣмецкая
софія, плѣнявшая многихъ французовъ, кажется Стендалю просто
стью по недостатку въ ней реальныхъ, жизненныхъ основъ. Стен-
—страстный поклонникъ позитивизма въ духѣ XVIII вѣка, и все
тельное, все, сколько-нибудь впадающее въ метафизику и мистику,
водитъ на него отталкивающее впечатлѣніе. Взамѣнъ этого Стен-
—горячій поклонникъ такъ называемой идейной литературы—littéra-
idées. Онъ восхищается Байрономъ, зачитывается Шекспиромъ,
Кина, играющаго шекспировскія роли, предпринимаетъ путешествіе
нглію. Въ одномъ мѣстѣ *Воспоминаній* (p. 57) мы читаемъ въ
ей степени характерное признаніе: „Толстый Людовикъ XVIII съ
ьими глазами, медленно разъѣзжавшій по Парижу на шестернѣ та-
же толстыхъ лошадей, внушалъ мнѣ какой-то особенный ужасъ.
чилъ нѣсколько пьесъ Шекспира, въ англійскомъ изданіи, и чи-

ольери, часто оставляя кни
ихъ двухъ мало связныхъ
ія Стендаля: онъ долженъ
нутую жизнь и испытывать
йствительности. Ему не разъ
, покончилъ бы съ собой,
е: „Относительно моей литер
- я вижу предъ собой еще
и столько работы, что ею мо
). Замѣчательнѣе всего, что
скренность. Стендаль слѣдит
ельчайшія движенія своего
ительной критикѣ. Въ самом
что его разсказъ будетъ „ех
другомъ мѣстѣ онъ пишетъ:
анализа человѣческаго серд
ствительно, искренность раз
зываетъ, сколько несчастій п
ость всякій разъ, когда дѣл
ніи. Это „чудовище безнра
жскихъ салонахъ, не нахо
овенныхъ фразъ любимой жен
ванія надѣяться на благоскл
вала мучительная увѣренно
для постороннихъ наблюда
ась до такой степени безна
ъ былъ оставить женщину,
чатлѣніе. Это та Метильда,
Воспоминанія о ней отразил
іюня 1832 года онъ пишетъ:
omique: la chasteté“,—и далы
ожающее справедливость сал
вомъ, *Воспоминанія* рисуютъ
представляли до сихъ поръ
овъ. Относительно *идей* Ст
новыхъ указаній. Записки со
ой революціи, а, между тѣм
овныхъ идей, сопровождавши
принадлежалъ къ зажиточной
илъ адвокатомъ при гренобль
жизни былъ типично-мѣщанск
ь, инстинктивный страхъ пре
ь характеризовали среду, гдѣ
о и первую молодость. Отцу
сь одинаково ненавистными
тѣшки, а умственная дѣятельн
вѣка, вызывала настоящій
ценіемъ къ затхлой атмосфе
чувство только росло и ко
ая видимъ убѣжденнаго демо
ыхъ классовъ. Стендаль, к
ствуетъ глубокое презрѣніе
не находитъ въ ней самаго

ства — нравственной энергіи. Утонченность внѣшней жизни высшихъ классовъ прикрываетъ полное внутреннее ничтожество, и Стендаль готовъ помириться со всѣми нарушеніями такъ называемаго хорошаго тона, лишь бы *натура* человѣка отличалась силой и жизненностью. Въ *Воспоминаніяхъ* единственный разъ упоминается отецъ Стендаля и по поводу его „аристократическихъ“ предразсудковъ. Эти предразсудки, главнымъ образомъ, оттолкнули отъ него сына: они заставляли отца создавать всевозможныя препятствія артистическимъ наклонностямъ будущаго писателя. По поводу впечатлѣній въ Англіи, Стендаль высказываетъ горячую защиту преступниковъ-бѣдняковъ, совершающихъ преступленія изъ-за матеріальной нужды. Эта защита составлена въ выраженіяхъ, дословно сходныхъ съ рѣчами будущихъ вожаковъ февральскаго движенія, и, замѣчательнѣе всего, самъ Стендаль предчувствуетъ такое значеніе своихъ словъ: „Эта истина,—говоритъ онъ,—кажущаяся парадоксомъ въ настоящее время, станетъ общимъ мѣстомъ въ то время, когда будутъ читать мою болтовню“ (mes bavardages, p. 83). Стендаль неоднократно возвращается къ вопросу объ отношеніяхъ классовъ и часто незамѣтно терминъ „аристократъ“ подмѣняетъ „выраженіемъ“ богачъ,—подмѣна, получившая постепенно къ 1848 году полное право гражданства. Любопытно, между прочимъ, слѣдующее замѣчаніе: „Les gens riches sont bien injuctes et bien comiques lorsqu'ils se font juges dédaigneux de tous les péchés et crimes commis pour de l'argent“ (т.-е. богатые люди являются очень справедливыми и попадаютъ въ весьма комическое положеніе всякій разъ, когда берутся клеймить презрѣнныхъ людей, совершающихъ грѣхи и преступленія изъ-за денегъ). Общее замѣчаніе сопровождается весьма наглядною иллюстраціей (p. 111). Книга, помимо біографическаго и идейнаго матеріала, представляетъ въ высшей степени интересное чтеніе, благодаря литературному таланту и дѣйствительно необыкновенной психологической проницательности автора. Здѣсь одинаково поразительны крупные и мелкіе факты: интересна, напримѣръ, характеристика швейцарскихъ женщинъ (p. 177), замѣчанія относительно „franchise“, единственнаго свойства, недоступнаго ухищреніямъ кокетства, обличаютъ перо выдающагося романиста. Къ такого рода мимолетнымъ характеристикамъ принадлежатъ замѣтки относительно актеровъ Кина и Тальмы. На каждой страницѣ разсѣяно безчисленное множество блестокъ остроумія, вполнѣ оправдывающаго салонную репутацію Стендаля, какъ единственнаго въ своемъ родѣ bel-esprit. Разница только въ томъ, что въ салонахъ Стендаль тщательно маскировалъ другія стороны своего ума, въ *Воспоминаніяхъ* же онъ раскрываетъ ихъ съ полною ясностью и искренностью. Въ виду этого, книга несомнѣнно должна стать однимъ изъ самыхъ цѣнныхъ источниковъ для біографіи и характеристики писателя, столь мало понятаго до послѣдняго времени.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ И СТАТИСТИКА.

„A History of Socialism“, *by Tomas Kirkup.*— „Отчетъ тамбовской губернской земской управы по продовольственной операціи 1891—1892 гг.“.

A History of Socialism, by Thomas Kirkup. London, 1892. Какъ всѣмъ доступная, вполнѣ популярная исторія соціализма, книга Кирка можетъ быть рекомендована предпочтительно предъ многими другими сочиненіями этого рода. При своемъ сравнительно небольшомъ

тр. средняго формата), она отл
доводитъ изложеніе предмета д
ость языка и ясность мысли, а
гношеніи къ излагаемымъ авт
сочиненія Киркёпа. Не менѣе в
, что изложеніе различныхъ с
вается на непосредственномъ и
ршенно свободна отъ ошибокъ
си, дѣлаемыя англійскимъ автор
маніи соціализма видна устой
, ему возможность разобраться
ціализма, то слишкомъ узкихъ,
, слѣдующее, довольно удачное,
ie: соціализмъ,—согласно Кир
менной общественной жизни ви
ъ средствъ производства, труд
тоженія частной собственности
ковъ теоретическій пунктъ, на
я всѣ соціалисты, расходясь п
рьбы съ современнымъ капита
я должное многимъ важнымъ д
имъ ее весьма полезной для в
ніями въ политической эконом
ть и нѣкоторые ея существе
ый мы можемъ сдѣлать англій

обратившись къ изображенію
но оставилъ безъ вниманія
ученія не только не излага
й промышленной жизни народо
слѣдуетъ, жизненныя условія,
ализма. Благодаря отсутствію
рямо-таки необходимаго для по
ма, который, для того, чтобы
научнымъ, долженъ былъ прой
революціонныхъ попытокъ,—со
ется какимъ-то экзотическимъ
твлеченнаго мышленія. Вмѣстѣ
изни весьма сказывается та
й на связь соціалистическихъ с
съ философіей даннаго време
ко нѣсколько словъ о гегеліанс
слѣдовало сказать еще и об
мъ эволюціонизмѣ С. Симона, и
яніи новѣйшихъ матеріалистовъ
измъ, и о многихъ другихъ во
мы заговорили о томъ, чего н
прежде всего, что непростител
ется игнорированіе такихъ соці
ъ, Годвинъ, Пьеръ Леру, Лам
януты) и Кабэ (только разъ на
нѣкоторыя теченія въ соціализ
тически-философское ученіе Ле
абэ), иныя же лишены необход

основанія (такъ, невозможно говорить объ англійскомъ соціализмѣ, минуя Томсона, и о христіанскомъ, игнорируя Ламеннэ). Нельзя также, излагая извѣстное ученіе, не указывать его дальнѣйшей судьбы (какъ это сдѣлано, наприм., съ Фурье, многочисленные ученики котораго заслуживали хотя бы краткаго напоминанія), иначе получается какое-то случайное сцѣпленіе взглядовъ и мнѣній, въ относительномъ значеніи которыхъ не легко разобраться. Нечего и говорить, что при такой системѣ естественная преемственность идей ускользаетъ отъ самаго пристальнаго вниманія, да ея и не оказывается, этой преемственности, хотя именно она, казалось бы, и должна была бы составить предметъ особенно нагляднаго изображенія со стороны историка. Разъ недостаетъ главнаго, о подробностяхъ не стоитъ и спорить; разъ нѣтъ вообще „преемственности“ и, слѣдовательно, историческаго критеріума, можетъ ли быть сохранена справедливость въ распредѣленіи вниманія историка между различными системами? Намъ кажется, наприм., что Луи Блану удѣлено авторомъ черезъ-чуръ мало мѣста: вся глава о немъ занимаетъ 8 стр., но изъ нихъ только 3 посвящены изложенію его теоретическихъ взглядовъ, остальныя заняты нѣсколько поверхностными разсужденіями о февральской революціи вообще и о національныхъ мастерскихъ въ частности. Столь же мало мѣста отведено Киркёпомъ Родбертусу и Прудону (по 6 стр.), за то подробно и дѣйствительно полно изложены взгляды Лассаля (глава о немъ стр. 69—117), что опять-таки совершенно не гармонируетъ со сравнительно меньшимъ вниманіемъ къ Марксу, занимающему въ исторіи соціализма безспорно и болѣе видное, и болѣе оригинальное, и болѣе важное для современности мѣсто.

Отъ изложеній, дѣлаемыхъ Киркёпомъ, переходя къ его критикѣ, мы не можемъ не отмѣтить, прежде всего, ея крайне спокойнаго и серьезнаго тона. Собственныя замѣчанія автора, вообще не многочисленныя, осторожны, но за то продуманы и иногда весьма основательны *). О злобныхъ выходкахъ въ его книгѣ не можетъ быть и рѣчи, нѣтъ также и того высокомѣрнаго тона, которымъ такъ любятъ говорить противники соціализма о такъ называемыхъ „соціалистическихъ утопіяхъ“. Не всегда соглашаясь съ болѣе послѣдовательными ученіями и, видимо, склоняясь больше къ тому „очищенному соціализму“, представителями котораго, по мнѣнію Киркёпа, являются А. Вагнеръ и Шеффле, нашъ авторъ, тѣмъ не менѣе, не опускаетъ случая воздать должное „коемуждо по заслугамъ его“. Вотъ его отзывъ о Марксѣ, съ которымъ онъ несогласенъ по главному пункту,—по вопросу о прогрессѣ образованія промышленнаго капитала. „Было бы неразумно и неблагодарно мало цѣнить услуги, оказанныя Марксомъ. Онъ прожилъ 40 трудолюбивыхъ лѣтъ, главнымъ образомъ, въ изгнаніи, какъ научный борецъ за дѣло пролетаріевъ. Онъ соединялъ въ себѣ ученость, философскую проницательность и литературный талантъ, какъ навѣрно ни[ни] другой изъ всѣхъ экономистовъ XIX столѣтія. Онъ былъ знатокъ длиннаго ряда экономическихъ сочиненій и пользовался ими мастерски съ необыкновеннымъ логическимъ искусствомъ. Но его главная сила состояла въ знакомствѣ съ техническимъ и экономическимъ развитіемъ современной промышленности и въ его удивительно глубокомъ пониманіи различныхъ тенденцій соціальной эволюціи, опредѣляемыхъ экономическими и техническими факторами. Вѣрны или нѣтъ

*) Особенно интересна глава XI: *Socialism and the Evolution Theory.*

о теоріи въ этой области, онѣ возбуждали вог
го будутъ привлекать къ себѣ вниманіе эконо
(стр. 152). И не только къ такимъ виднымъ соці
но и къ полузабытымъ и мало признаннымъ,
Киркёпъ подходитъ съ тѣмъ же уваженіемъ и
ошностями и заблужденіями старается указыва
тѣе сочувственно говоритъ Киркёпъ о совреме
гическомъ движеніи въ Германіи, которое ему,
шину, кажется тѣмъ болѣе заслуживающимъ вн
реальнымъ фактомъ, мыслью, перешедшею в
зло, по всѣмъ видимостямъ, имѣющее большую
этомъ возможномъ будущемъ Киркёпъ говорит
раженіяхъ: „Нужно настаивать, что основа соціа
заключающая въ себѣ коренное измѣненіе отн
капиталу,—измѣненіе, которое сильно повліяе
совершенно перевернетъ существующую систему
и его основа экономическая, соціализмъ прине
у и въ политическихъ, и въ этическихъ, и въ
ожественныхъ порядкахъ и учрежденіяхъ обще
первыхъ, такая перемѣна требуетъ вообще, ка
о дополненія, наиболѣе полной демократическ
». Ранній соціализмъ Овена и С. Симона был
зовой автократическаго духа, но стремленіе совр
ключается въ томъ, чтобы все болѣе и болѣе
і передовой демократіи. Во-вторыхъ, соціализ
гаетъ не себялюбивую, но альтруистическую
в характеристическою чертой стараго общества
баго сильнымъ; въ соціалистическомъ строѣ,
ъ привилегію сильнаго и талантливаго возмож
гься своимъ превосходствомъ силы или природ
помощь товарищамъ, безъ различія класса, на
ихъ, соціалисты доказываютъ, что при ихъ си
угой, могутъ быть осуществлены наибольшее
въ промышленномъ производствѣ и искусствѣ,
і существующей системѣ красота и законченн
ся въ жертву дешевизнѣ, которая является
наго соревнованія".

**ъ тамбовской губернской земской управы по продоволь-
операціи 1891—1892 гг. Вып. III.** О двухъ первыхъ выпу-
ого основательнаго отчета намъ уже приходилось говорить н
къ *Русской Мысли* *); этотъ третій выпускъ не менѣе обсто
и обнимаетъ собой общій обзоръ заготовокъ хлѣбовъ и выдач
дъ.

тамбовскимъ земствомъ выдано за истекшую продовольствен
анію въ ссуду крестьянамъ Тамбовской губерніи около 8 ми
пуд. разныхъ сортовъ хлѣба, на сумму до 9½ милл. рубле
лее количество этого хлѣба пошло на продовольствіе насел
льше 5½ милл. пудовъ; если сюда присоединить ¼ милліон
отпущенныхъ земствомъ на прокормленіе скота, то вся ссу
вольствіе населенія и скота превыситъ 5½ милл. пуд., остал

—

*) „Библіографическій отдѣлъ" *Русской Мысли* за октябрь и декабрь 1892 го

ные болѣе чѣмъ 2¼ милл. пуд. ссуды распредѣлились почти поровну между ссудами на озимый и яровой посѣвъ.

Несмотря на всю обстоятельность разсматриваемаго отчета тамбовской земской управы, обширность предмета не позволила и этимъ третьимъ выпускомъ исчерпать нѣкоторыя, весьма существенныя стороны дѣла продовольственной операціи. Такъ, напримѣръ, еще не даны свѣдѣнія о ссудахъ *по волостямъ и общинамъ*, а лишь по цѣлымъ уѣздамъ, не достаточно также выяснено, насколько своевременно поступали заготовленные хлѣба на мѣста потребленія. По всей вѣроятности, долженъ появиться еще выпускъ отчета.

Изъ разсматриваемаго третьяго выпуска выясняется, что почти треть всего населенія губерніи, въ теченіе 8 мѣсяцевъ, кормилась хлѣбомъ земской заготовки. Правда, это кормленіе было далеко не полнымъ, такъ какъ выдавалось всего по 30 ф. на человѣка въ мѣсяцъ, считая въ томъ числѣ и суррогаты главныхъ хлѣбовъ. Кромѣ того, съ марта 1892 года наиболѣе нуждающимся хозяевамъ выдавалось изъ продовольственныхъ запасовъ по 2 пуда на лошадь. На озимый посѣвъ 1891 г. выдано ржи свыше милліона пудовъ, что составляетъ около пятой части всего годового посѣва ржи на надѣльной землѣ крестьянъ Тамбовской губерніи. Этою ссудой былъ достигнутъ тотъ чрезвычайно важный результатъ, что, несмотря на недостатокъ у крестьянъ собственныхъ сѣмянъ, всѣ озимыя поля были, тѣмъ не менѣе, засѣяны. Сѣмена земской заготовки не только оказались вполнѣ доброкачественными, но,—пріобрѣтенныя въ лучшихъ владѣльческихъ экономіяхъ,—они оказались образцовыми, какихъ давно не видала крестьянская земля. Для ярового посѣва также было выдано въ ссуду свыше милліона пудовъ, что дало возможность засѣять земскими сѣменами до ⅛ всѣхъ крестьянскихъ яровыхъ посѣвовъ; это наблюдалось и при озимыхъ посѣвахъ, только ссуды яровыхъ сѣмянъ распредѣлились по отдѣльнымъ уѣздамъ гораздо равномѣрнѣе, чѣмъ ссуды на озимый посѣвъ.

ЮРИДИЧЕСКІЯ КНИГИ.

„Наука гражданскаго права въ Россіи“. *Проф. Г. Ф. Шершеневича.* — „Германское торговое право“. *Карла Гарейса.*

Наука гражданскаго права въ Россіи. Профессора Казанскаго университета Г. Ф. Шершеневича. Казань, 1893 г. Профессоръ Шершеневичъ задался цѣлью представить обзоръ состоянія науки гражданскаго права въ Россіи со времени перенесенія ея на русскую почву до послѣднихъ дней. Мысль сама по себѣ не новая, но до сихъ поръ еще никѣмъ не приведенная въ исполненіе. Авторъ начинаетъ свою экзегезу съ момента основанія университетовъ, такъ какъ до этого момента ни о какой наукѣ не могло быть и рѣчи. Общее положеніе, выставленное г. Шершеневичемъ, заключается въ томъ, что въ русской литературѣ гражданскаго права замѣчается послѣдовательное отраженіе вліянія западной науки, постепенная смѣна направленій, соотвѣтствующая движенію науки права на Западѣ. Въ первое время мы находимся въ области *естественнаго права,* въ той формѣ, какъ оно разрабатывалось германскою и французскою наукой. Потомъ на смѣну ему является *историческое направленіе*, долго державшее въ своихъ тискахъ русскую мысль, пока въ послѣднее время не проявились зачатки новаго направленія, въ духѣ *историко-философской школы*. Русская

ляетъ замѣчательную чуткость и воспріимчиво
, вѣяніямъ западной науки и чуть зародившееся
еще не окрѣпшее на отечественной почвѣ,
ронниковъ и пропагандистовъ среди русскихъ
вныя положенія авторъ развиваетъ и доказыва
изложеніи своей книги, которое, соотвѣтственно
вленіямъ русской юридической мысли, и дѣл
э будемъ слѣдить послѣдовательно за изложені
къ какъ этого не позволяютъ намъ рамки жур
тимъ только наиболѣе удачныя его характе
надобно отнести: характеристику Неволина, Мей
, Дювернуа и, въ особенности, прекрасную хар
тельности С. А. Муромцева.
ть же выводамъ приходитъ авторъ изъ обзо
анскаго права въ Россіи? Выводъ этотъ прекр
Шершеневичемъ въ первыхъ строкахъ его
Не имѣя традицій, улавливая каждую новую м
дать изъ нея цѣлое направленіе, наука не мо
орней въ нашу практику и опредѣлить себѣ п
ны идти дальнѣйшія изслѣдованія ученыхъ". Д
разрушительная черта между положеніемъ нау
у насъ и въ европейскихъ государствахъ зак
утствіи (у насъ, конечно) какого-либо взаимодѣй
дебною практикой. Въ то время, какъ въ Герм
е профессора весьма часто призываются дава
тѣмъ или другимъ вопросамъ гражданскаго п
въ рѣшеніяхъ французскихъ судовъ весьма ча
Laurent, Garrauel и другихъ свѣтилъ французск
а судебная практика тщательно избѣгала и из
бщенія съ наукой права. Печальную роль въ
ось сыграть гражданскому кассаціонному депа
за 1891 г., № 62. По поводу рѣшенія виленск
которомъ послѣдняя, для болѣе точнаго уяснен
ти вопроса о симулятивныхъ сдѣлкахъ, позволи
наукѣ права и цитировать сочиненія извѣстных
ующій сенатъ высказалъ слѣдующую замѣчат
вительствующій сенатъ считаетъ нужнымъ об
ущенныя... палатой отступленія отъ общепр
женія судебныхъ рѣшеній, заключающіеся какъ
лкахъ... на начала „такъ называемой (??) теор
иностранныхъ юристовъ и т. п."
что при такомъ взглядѣ судебной практики на н
ри теперешнихъ условіяхъ, наука эта не мож
жетъ процвѣтать только тамъ, гдѣ она тѣсн
уничтожьте связь между наукою и жизнью, и
схоластику.
мъ именно отсутствіи взаимодѣйствія у насъ ме
бною практикой и объясняется слабое развитіе р
сли вообще и русскаго гражданскаго права въ
кое торговое право. Краткій учебникъ дѣй
торговаго, вексельнаго и морского права.
велъ Н. И. Ржондковскій подъ редакціей
Москва, 1893 г. Учебникъ торговаго права кен

ıа Гарейса считается въ настоящее время лучшимъ руковод-
ія изученія этой дисциплины; въ сжатой формѣ, но съ достаточ-
отой и въ строгой послѣдовательности авторъ излагаетъ всѣ
і торговаго права, и, притомъ, всего торговаго права въ сово-
а именно: торговое право въ тѣсномъ смыслѣ, право вексель-
ское. Проф. Гарейсъ, какъ и другіе лучшіе представители
права, придерживается институціонной системы изложенія,
даетъ стройность изложенію и вслѣдствіе чего весьма легко
въ памяти содержаніе его книги.

ая русскій переводъ учебника Гарейса, редакція сочла воз-
не помѣщать въ переводѣ имѣющихся въ оригиналѣ много-
къ ссылокъ на литературу предмета и на рѣшенія германскихъ
Редакція руководствовалась при этомъ такимъ, вполнѣ пра-
соображеніемъ, что для русскаго читателя, интересующагося
переводомъ извѣстнаго сочиненія, литературныя работы на
ıомъ языкѣ, относящіяся къ различнымъ отдѣльнымъ вопро-
рогиваемымъ въ данномъ трудѣ, едва ли могутъ имѣть зна-
ченіе.

й выпускъ вошло: предисловіе, введеніе и три главы, трактую-
отношеніяхъ, нормируемыхъ торговымъ правомъ, о лицахъ въ
ъ правѣ и объ объектахъ торговаго права. Въ составъ вто-
уска войдутъ послѣднія три главы, а именно: торговыя сдѣл-
льное и морское право и, наконецъ, предметный указатель.
женіи къ первому выпуску помѣщенъ переводъ германскаго
мая 1889 г. о промышленныхъ товариществахъ. Переводъ
бще сдѣланъ изящнымъ литературнымъ языкомъ и носитъ на
ы опытной руки почтеннаго редактора.

ıтствуя появленіе въ русскомъ переводѣ учебника Гарейса,
пожелать полнаго успѣха столь полезному и хорошему изданію.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

овяйственные курсы для народныхъ учителей въ Россіи". *И. И. Мещер-*
человодство. основанное на наукѣ или многолѣтней практикѣ, или доход-
ое хозяйство". *Проф. Т. Цесельскаго.*— „Руководство къ уходу за плодо-
вымъ садомъ". *А. С. Гребницкаго.*

ıко-хозяйственные курсы для народныхъ учителей въ 1883—1892). И. И. Мещерскаго. Спб., 1893 г. Брошюра г.
аго въ сжатомъ, но точномъ и ясномъ изложеніи сообщаетъ
ыя свѣдѣнія о томъ педагогическомъ предпріятіи, которое ока-
серьезнымъ проводникомъ сельско-хозяйственныхъ знаній въ
ескаго крестьянскаго населенія. Сравнительно болѣе подробно
курсы, устраивавшіеся въ 1891—1892 годахъ. Авторъ имѣлъ
ость лично посѣтить нѣкоторые курсы послѣдняго года, что
особый интересъ заключительнымъ выводамъ брошюры о ре-
къ и нуждахъ молодого и несомнѣнно жизненнаго учрежденія.
рочимъ, заслуживаетъ вниманія одинъ изъ выводовъ, относя-
подготовкѣ руководителей. „Отъ всякаго руководителя кур-
учителей,— пишетъ г. Мещерскій,— должно непремѣнно тре-
рактическаго знанія даннаго производства и его мѣстныхъ осо-
й, но, въ то же время, и серьезнаго умственнаго развитія; въ

татка такихъ руководителей предпочтеніе слѣдуетъ отда-
чески-образованнымъ спеціалистамъ передъ такъ называе-
ками, которые могутъ быть только помощниками ихъ,
лями лишь въ рѣдкихъ случаяхъ; курсы 1892 г. пред-
бще хорошій подборъ руководителей". Можно надѣять-
или поздно министерство народнаго просвѣщенія (въ жур-
о печатался отчетъ г. Мещерскаго) признаетъ всю важ-
й постановки теоретическаго сельско-хозяйственнаго обра-
ои Россіи и перестанетъ ограничиваться поддержкою лишь
ій, которыя устроены на окраинахъ.

цство, основанное на наукѣ и многолѣтней практикѣ, ое пасѣчное хозяйство. Проф. д-ра Т. Цесельскаго. ирода пчелъ. Перевелъ съ польскаго И. В. Любарскій. 3 г. Ц. 2 р. Несмотря на свое заглавіе, книга Цесельска-
ей мѣрѣ, въ изданной теперь первой части, вовсе не при-
съ тѣмъ, зачастую спекулятивнымъ изданіямъ, которыя
рактичнѣйшими способами обучить читателя пріемамъ са-
дшѣйшаго хозяйства. Почти вся первая часть посвящена
исторіи пчелы, и эта исторія передана въ связномъ, жи-
ніи съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ личныхъ интересныхъ
втора, практически занимающагося пчеловодствомъ въ Га-
лько иной характеръ носитъ заключительный отдѣлъ пер-
дѣ неумѣренно превозносится значеніе продуктовъ пчело-
чѣмъ-то приведены формулы шаткаго употребленія меда и
щинѣ. Для самообразованія книга Цесельскаго должна ока-
ною и можетъ пробудить интересъ къ пчеловодству у та-
шей, которые прежде надъ этимъ предметомъ

.. Довольно подробно описаны разнообразны
асти болѣе 50 рисунковъ. Переводъ въ общ
тя въ немъ попадаются нѣкоторыя выра
ику (ширится, плодность матки и др.). Из
ожетъ помочь распространенію пчеловодств
, гдѣ пчеловодство существуетъ издавна и
одолженіе существованія.

ство къ уходу за плодовымъ садомъ. С Спб., 1893 г. Ц. 2 р. Ассистентъ с.-петерб
г. Гребницкій написалъ свое руководство
аго) въ примѣненіи исключительно къ взрос
іе знакомитъ съ анатоміей и физіологіей ко
гей плодоваго растенія; затѣмъ отдѣльно
ругими частями. Краткій заключительный п
выревымъ. Изящное изданіе снабжено м
и и четырьмя великолѣпно исполненными хром
изображены нѣкоторыя вредныя насѣком
справедливо положено стремленіе снабдить
ми о строеніи и жизни растеній.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

„Геологическая карта Европейской Россіи“. — „Весенняя флора средней Россіи“.— *П. Маевскаго.* — „Изслѣдованія силъ химическаго сродства“. *С. М. Гульберга и П. Ваге.*

Геологическая карта Европейской Россіи (на 6 листахъ) въ масштабѣ 60 верстъ въ англ. дюймѣ. Спб., 1893 года. Цѣна карты съ объяснительною запиской 7 руб. Въ прошломъ 1892 году исполнилось первое десятилѣтіе со времени учрежденія у насъ геологическаго комитета при горномъ департаментѣ министерства государственныхъ имуществъ. Желая ознаменовать этотъ первый періодъ своей дѣятельности какою-либо общею работой, члены означеннаго комитета рѣшили заново составить и издать достаточно подробную геологическую карту Европейской Россіи. Въ такой картѣ давно уже ощущалась живѣйшая потребность, такъ какъ всѣ имѣвшіяся до сихъ поръ карты были крайне неудовлетворительны, прежде всего, по незначительности ихъ масштаба и, главное, по неточности изображенныхъ на нихъ геологическихъ данныхъ. Удовлетворяя этой потребности, новая карта является результатомъ десятилѣтней сложной работы по сводкѣ всѣхъ имѣющихся данныхъ по геологіи Россіи. Собственно говоря, сводка эта была предпринята нѣкоторыми членами комитета первоначально для составленія международной геологической карты Европы, изданіе которой, однако, замедлилось по обстоятельствамъ, не зависящимъ отъ комитета. Ближайшее участіе въ составленіи новой геологической карты Европейской Россіи приняли на себя: А. П. Карпинскій, С. Н. Никитинъ, Ѳ. Н. Чернышевъ, Н. А. Соколовъ, А. О. Михальскій, И. В. Мушкетовъ, А. И. Сорокинъ, С. Е. Симоновичъ, А. М. Коншинъ, Н. Н. Барботъ-де-Марни, В. Рамзай, И. Седергольмъ, Е. С. Ѳедоровъ, А. Р. Гуровъ, П. Я. Армашевскій и А. А. Штукембергъ, при содѣйствіи: А. А. Краснопольскаго, А. Э. Гедройца, М. П. Мельникова, Н. Л. Ижицкаго, Н. А. Богословскаго, Н. О. Лебедева, М. Н. Миклухи-Маклая, П. И. Кротова, Л. И. Лутугина и К. К. фонъ-Фогта. Помимо названной карты, печатается еще *Учебная геологическая карта Европейской Россіи въ масштабѣ 150 верстъ въ дюймѣ.*

Изъ числа вышепоименованныхъ лицъ, повидимому, только первыя пять могутъ быть названы настоящими составителями новой геологической карты. По крайней мѣрѣ, въ объяснительной запискѣ къ ней неоднократно упоминается о „главныхъ“ составителяхъ, причемъ на обложкѣ этой записки поименованы только указанныя пять лицъ съ прибавленіемъ словъ „и др.“. Имена же всѣхъ этихъ „и другихъ“, слѣдовательно, не главныхъ составителей, помѣщены на самой картѣ. Тутъ же указаны и тѣ мѣстности, изображеніе которыхъ на картѣ было сдѣлано каждымъ составителемъ съ его сотрудниками. Изъ этого указанія оказывается, что наибольшій трудъ взялъ на себя г. Никитинъ, которому пришлось изобразить 24 губерніи и области въ средней и юго-восточной Россіи, не считая обозначенія границъ распространенія эрратическихъ валуновъ. Тяжесть труда г. Никитина увеличивалась еще тѣмъ, что въ составъ его сотрудниковъ вошли только три лица, а именно: Н. А. Богословскій сообщилъ ему матеріалы по геологіи сѣверной части Тамбовской губ., Н. Л. Ижицкій—для низовьевъ бассейна Суры и басейна р. Хопра и Н. О. Лебедевъ—для низовьевъ р. Медвѣдицы. Правда, на пространствѣ, которое взялся изобразить на

ской картѣ г. Никитинъ, работал
ь, но почему-то онъ не пожелалъ
услугами, а довольствовался св
трехъ вышепоименованныхъ лицъ.
ая, новая геологическая карта Ев
обою результата коллективной ра
ое мозаикѣ, какъ это легко закл
і на стр. 5 объяснительнаго текс
ый изъ составителей ея лично о
Что же касается размѣровъ этой
мѣчаніи они опредѣляются въ сл
ителей можетъ пасть только наре
таго въ литературѣ факта или і
помѣщеніе какого-либо указанія
нымъ, тѣмъ болѣе опущеніе геол
въ литературѣ, не могутъ счита

ать, для чего понадобилась подоб
въ строго-научной работѣ, въ ко
ѣлу составляетъ главное условіе
и въ никакихъ оговоркахъ. Стол
о замѣчаніе, которое дѣлается в
льно того, что трудъ составителе
къ въ кругъ ихъ обязанностей, а
3). Говорить это—значитъ связа
итически отнестись къ ихъ рабо
го въ общемъ новая геологическа
ить чрезвычайно выгодное впечат
ъ и по новизнѣ и полнотѣ нанес
ихъ. Безъ преувеличенія можно с
выдающееся событіе въ исторіи і
ношеніи, и справедливость требу
ихъ сотрудники сдѣлали все, зав
лненія своей нелегкой задачи. К
оторыхъ промаховъ, которые зас
, что въ свое время они могли бы
ѣнія.
съ ближайшей оцѣнкѣ новой геол
и объяснительной записки къ не
ія неполноту исторической справ
тельно прежнихъ геологическихъ
gnostische Karte von Russland, из
въ 1848 г.; *Геогностическая кар
прикладной геологіи*, составленно
1849 г., и, въ особенности, дово
Европейской Россіи, приложенна
s la Russie d'Europe par M. Ju
ія изъ названныхъ картъ, издан
ѣ и составленная по изслѣдован
инга, Чихачева, Гельмерсена, Озе
детальности, скорѣе заслуживал
огическая карта всей Европы, пр
рествига, о которой, однако, упо

тельной запискѣ съ указаніемъ на то, что изображеніе всей средней и юго-восточной части Европейской Россіи на ней было заново составлено г. Никитинымъ. Далѣе, по точному смыслу той же записки, легко можно подумать, что основной матеріалъ для составленія новой геологической карты былъ доставленъ только членами геологическаго комитета. По крайней мѣрѣ, въ ней, за исключеніемъ Императорскаго с.-петербургскаго минералогическаго общества и горнаго департамента, не поименовывается ни одно научное учрежденіе, въ той или другой формѣ способствовавшее изученію Россіи въ геологическомъ отношеніи. Правда, несмотря на свое кратковременное существованіе и ограниченность средствъ, геологическій комитетъ довольно энергично взялся за свои работы, но въ Россіи существуетъ цѣлый рядъ учрежденій, которыя, при еще меньшихъ средствахъ, однако, не меньше его, за послѣднія 25 лѣтъ, потрудились надъ изученіемъ ея въ указанномъ отношеніи. Таковы, между прочимъ, всѣ общества естествоиспытателей, состоящія при нашихъ университетахъ и развивающія столь плодотворную дѣятельность, что она не можетъ быть не отмѣчена при пользованіи ея результатами. Вообще, нельзя не пожалѣть о томъ, что составители новой геологической карты являются почему-то слишкомъ сдержавными въ указаніи тѣхъ источниковъ, изъ которыхъ ими были взяты матеріалы, необходимые для ихъ картографической работы.

Что же касается фактической стороны этой работы, то здѣсь, прежде всего, приходится отмѣтить крайне невыдержанное отношеніе составителей карты въ изображеніи на ней распространенія всѣхъ такъ называемыхъ наносныхъ отложеній. Принимая во вниманіе, что изображеніе ихъ на общей геологической картѣ придало бы ей монотонный видъ и, такимъ образомъ, затемнило бы ясность геологическаго строенія всей страны, составители карты рѣшили не обозначать на ней наносныхъ отложеній, но на дѣлѣ уклонились отъ этого принципа и знакомъ Q_1 обозначили на картѣ всѣ „тѣ площади, которыя покрыты мощными *ледниковыми образованіями*, *лёссомъ* и другими древними наносами, когда эти наносы скрываютъ совершенно подлежащія коренныя породы неизвѣстнаго возраста“. Такихъ площадей оказалось довольно много и, благодаря этому, карта пріобрѣла излишне пеструю окраску, не говоря уже о томъ, что людямъ, непосвященнымъ въ подробности геологическаго строенія Россіи, она даетъ крайне ложное и сбивчивое представленіе о томъ, какія наносныя отложенія въ данномъ мѣстѣ слѣдуетъ понимать подъ знакомъ Q_1,—ледниковыя образованія или лёссъ? Составители карты подъ словомъ „лёссъ“ понимаютъ, конечно, вполнѣ опредѣленный типъ отложеній, развитыхъ внѣ области сплошного оледенѣнія, а тогда, соединяя ихъ съ отложеніями, обязанными своимъ происхожденіемъ дѣятельности материковыхъ льдовъ, они создаютъ такую путаницу понятій, которая никоимъ образомъ не можетъ быть допустима въ строго-научной работѣ. Чрезвычайно страннымъ является также изображеніе всей сѣверной части Таврической губ., гдѣ показано сплошное распространеніе пліоценовыхъ осадковъ подъ знакомъ N_2, тогда какъ на самомъ дѣлѣ здѣсь развиты своеобразныя песчано-глинистыя отложенія послѣтретичнаго возраста, какъ это и значится, напримѣръ, на 48 листѣ общей геологической карты Европейской Россіи десятиверстнаго масштаба. Любопытнѣе всего то, что дальше наносы, образующіе Арабатскую стрѣлку и другія подобныя ей косы на Азовскомъ морѣ, обозначены знакомъ N_2 или, другими словами, имъ приписанъ пліоценовый возрастъ, между тѣмъ въ дѣйствитель-

они представляютъ собою современныя
должны быть обозначены знакомъ Q_3. Еще
іальные осадки кубанской дельты, которы
озрастъ (N_1). Вообще, обозначеніе послѣд
еній, развитыхъ на площади Европейской
ный недостатокъ критики, которая въ да
ино желательна и необходима въ виду кр
ныхъ данныхъ по этому предмету. Такъ,
вой геологической карты обозначили особ
еній, состоящихъ изъ *бѣложелтыхъ* (?) к
никами и прослоями пестрыхъ глинъ, при
шая часть этихъ песчаныхъ отложеній до
гену (полтавскому ярусу)". Такое сопоста
ми ярусами по меньшей мѣрѣ преждевре
ое положеніе этого яруса въ серіи геологи
ельзя считать прочно установившимся, т
къ нему отложенія характеризуются почти
йчивымъ петрографическимъ признакамъ.
осить, куда же слѣдуетъ отнести меньш
елтыхъ песковъ? Еще большій недостато
ображеніи отложеній мѣловой и юрской с
еній переходныхъ между ними. Здѣсь, п
аза крайняя неопредѣленность и условно
между различными отдѣлами этихъ сист
мъ мѣломъ (Cr_1) и волжскимъ ярусомъ (JC
нимъ и верхнею юрой (J_3). Конечно, въ
отдѣловъ весьма много спорнаго; но, съ
ю, почему въ геологической схемѣ, приня
нашлось мѣста для титонскихъ отложе
й половинѣ Крыма. По крайней мѣрѣ, н
овъ подъ Ѳеодосіей прямо показаны отло
говоря, имъ приписанъ возрастъ не выш
гся безъ всякой мотивировки и въ объясн
ихъ отложеніяхъ ни слова не говорится,
не были заявлены въ геологической лит
на новой геологической картѣ показан
ованіе которыхъ въ данномъ мѣстѣ нельз
ы, напримѣръ, нижнемѣловыя отложенія
Москвою и Подольскомъ. Точно также
ными данными подробное разграниченіе к
анствѣ смежныхъ частей губерній Нижег
рской, гдѣ, какъ извѣстно, имѣютъ силы
вленнаго возраста, совершенно скрывающ
л. Нельзя не указать еще на то, что при
еній въ Крыму и отчасти на Кавказѣ бо
му нанесеніе ихъ на карту безъ знака
анія. Что касается отложеній болѣе дре
зуположность довольно дробному дѣленію
ихъ системъ, они изображены на картѣ б
значительно выигрываетъ въ отчетливости
геологическаго строенія Европейской Рос
ности. Послѣднее особенно чувствительн
каменноугольной системы. Впрочемъ, дев

ою подробностью, которая доходитъ даже до того,
ки остаются совершенно непонятными, какъ, напри-

оронѣ изображеніе выходовъ кристаллическихъ по-
общемъ нанесены на карту достаточно подробно,
желать, чтобы „нѣкоторые изъ числа главныхъ со-
скорѣе исполнили свое обѣщаніе приготовить „для
ьстіяхъ геологическаго комитета особыя статьи, разъ-
нанесенія ими на карту тѣхъ или другихъ геоло-
и распространеніе на площади Россіи различныхъ
3). Таковыхъ разъясненій приложенная къ новой ге-
Европейской Россіи объяснительная записка не да-
но сказать, для кого и для чего она составлена?
содержаніе ея слишкомъ категорично и недостаточ-
для обыкновенной публики она мало вразумитель-
опубликованіемъ обѣщаннаго разъясненія „нѣкото-
ныхъ составителей" карты въ значительной степени
ея и вмѣстѣ съ этимъ еще болѣе возвысятъ значе-
аучной, такъ и для прикладной геологіи.

**ра средней Россіи. Таблицы для опредѣленія
ихъ въ мартѣ и апрѣлѣ. Составилъ П. Маевскій.
авленное и дополненное. Ц. 30 к. М., 1893 г.**

сенней флоры вышло въ 1886 г. и уже все разошельство доказываетъ, что потребность въ такомъ твуется и, можно сказать, что она будетъ рости, аря такимъ опредѣлителямъ, которыми могутъ поль-
ціе, любовь къ занятіямъ ботаникой будетъ разви-
болѣе.

мы указывали на то, что, благодаря *Весенней фло-*
астеній производится очень легко, и она можетъ
а, при занятіяхъ ботаникой, въ среднихъ учебныхъ
можетъ служить доказательствомъ опредѣленіе уче-
истерства народнаго просвѣщенія, по которому пер-
ей флоры допущено въ реальныя училища и въ
теки народныхъ училищъ. Второе изданіе выгодно
раго: рисунки въ немъ сдѣланы болѣе отчетливо,
облегчаетъ опредѣленіе, выборъ рисунковъ сдѣланъ
концѣ книги приложенъ алфавитный указатель (ла-
растеній, которыя могутъ быть опредѣлены по *Ве-*

**силъ химическаго сродства. С. М. Гульдберга и
къ съ французскаго студента Всев. Кремянска-
ей И. И. Осипова, профессора химіи въ Харь-
ситетѣ. Харьковъ, 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.** Трудъ
Вааге: *Études sur les affinités chimiques*, появившій-
мѣлъ громадное значеніе въ исторіи ученій о хими-
Значеніе это чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе становится
му нельзя не быть благодарнымъ физико-химической
ытныхъ наукъ при Харьковскомъ университетѣ, из-
ереводъ труда С. Гульдберга и П. Вааге и сдѣлав-
зомъ, трудъ этотъ доступнымъ русской читающей пуб-
ъ русскомъ переводѣ труда С. Гольдберга и П. Вааге
ся своевременнымъ, что французское изданіе не суще-

ѣтъ уже въ продажѣ. Трудъ С. Гульдб
іальной задачѣ не можетъ разсчитывать
но русскій переводъ несомнѣнно принес
университетской учащейся молодежи, ко
акомиться съ вопросомъ объ измѣреніи
Весь трудъ С. Гульдберга и П. Ваагe
ервой авторы излагаютъ свою теорію,
ой химической статики, вторая часть и
опытовъ, произведенныхъ авторами для
Часть эта наполнена таблицами и чер
ныя данныя, полученныя авторами. Въ
ютъ свою теорію для объясненія нѣкото
другими изслѣдователями; такъ, они
ія ихъ теорія для объясненія результа
ванъ-де-сенъ-Жилемъ, при образованіи
вдованій.
ало бы излишне здѣсь останавливаться на
ь и П. Ваагe: онъ давно считается осно
ой статики, и давно исполнилось скром
вшихъ свой трудъ словами: „Всѣ наши
бы, при посредствѣ этого труда, мы у
зниманіе химиковъ на вѣтвь химіи, кото
съ самаго начала нынѣшняго столѣтія"

ТЕХНИЧЕСКІЯ К

ичные паровые котлы, устройство ихъ и уходъ
щита жизни и здоровья рабочихъ на фабрикахъ

абричные паровые котлы, устройств
ематическое руководство для машин
щевъ паровыхъ котловъ, а также во
ъ и ремесленныхъ школъ, Съ 172 пи
.. Боровича, инженеръ-технолога.
ва, 1893 г. Цѣна 2 р. 75 коп. Паров
тавляетъ собою приборъ, въ которомъ,
ваемой топливомъ, вода превращается
. Скрытая въ водяномъ парѣ теплота
ащается въ механическую работу, или
ь употребляется непосредственно, напр
ваемое паровое отопленіе), для нагрѣва
растворовъ, при перегонкѣ и т. п.
акъ велико количество топлива, расход
азличныхъ отраслей промышленности, в
ѣствахъ, видно изъ того, что на землѣ
зиками одного каменнаго угля около 20
ь при цѣнѣ 5 руб. за тонну около 1 ми
ъ недостаткамъ всѣхъ существующихъ
же имя легіонъ) нужно отнести, во-пе
тельный расходъ топлива и, во-вторыхъ
увѣчья и смерти при взрывахъ паровыхъ
ся сотнями, несмотря на всевозможныя
ый надзоръ, тщательный уходъ и пр. П

ствующихъ системъ котловъ и ихъ разнообразіи, ни одна, все-таки, не удовлетворяетъ вполнѣ тѣмъ требованіямъ, какія можно предъявить къ вполнѣ раціональной конструкціи. Въ виду этого, ежегодно въ разныхъ странахъ берутся многочисленные патенты на новыя системы паровыхъ котловъ, причемъ обращается главное вниманіе на возможную экономію топлива и безопасность относительно взрыва. Размѣры опасности при эксплуатаціи паровыхъ котловъ профессоръ Туретонъ иллюстрируетъ слѣдующимъ примѣромъ: по его разсчету, 1 куб. ф. горячей воды подъ давленіемъ 60—70 фунтовъ на 1 кв. дюймъ въ случаѣ взрыва обладаетъ столь же разрушительною силой, какъ 1 фунтъ орудійнаго пороха.

Продолжительность службы котла, малый расходъ топлива и безопасность находятся въ зависимости не только отъ конструкціи котла, но также—и, пожалуй, въ еще большей степени—отъ тщательнаго и разумнаго ухода за нимъ. Кочегары и всѣ тѣ лица, которымъ поручается уходъ и надзоръ за котломъ, должны имѣть вполнѣ ясное понятіе о дѣйствіи этого прибора и на ихъ обязанности должно лежать сохраненіе котла въ полной исправности. Эти люди, являющіеся обыкновенно первыми жертвами взрыва, должны понимать всю важность возложенной на нихъ задачи.

За границей на этотъ предметъ давно уже обращено самое серьезное вниманіе, благодаря чему число взрывовъ тамъ уменьшается съ каждымъ годомъ. Тамъ существуютъ, наприм., общества страхованія паровыхъ котловъ и особые спеціальные курсы для кочегаровъ, имѣющіе цѣлью въ самое короткое время сообщить имъ всѣ свѣдѣнія, необходимыя для ихъ практической дѣятельности. Для этого въ иностранной технической литературѣ имѣется очень много популярныхъ руководствъ, излагающихъ этотъ предметъ съ большею или меньшею подробностью. Подобные курсы предполагается устроить и въ Россіи по иниціативѣ Императорскаго русскаго техническаго общества. Такъ какъ въ нашей литературѣ нѣтъ подробныхъ общедоступныхъ книжекъ для кочегаровъ и вообще для лицъ, не получившихъ техническаго образованія, то г. Боровичъ задался цѣлью пополнить хотя бы отчасти этотъ пробѣлъ.

Глава I, подъ заглавіемъ *Теплота*, заключаетъ въ себѣ общія свѣдѣнія изъ физики, необходимыя для усвоенія надлежащихъ понятій о работѣ парового котла. Глава эта изложена согласно программѣ Аахенской школы кочегаровъ. Глава II посвящена горѣнію вообще и описанію различныхъ видовъ топлива, употребляемыхъ при отопленіи котловъ; въ этой же главѣ излагается устройство топокъ и печей для паровиковъ. Главы III и IV содержатъ свѣдѣнія о паровыхъ котлахъ, глава V—о взрывахъ паровиковъ, глава VI посвящена описанію ихъ арматуры, глава VII—уходу за ними и мѣрамъ предосторожности съ указаніемъ той отвѣтственности, какой законъ подвергаетъ за несоблюденіе этихъ мѣръ.

При описаніи котловъ авторъ взялъ за образецъ извѣстное руководство Шимерка, директора ремесленной школы въ Пильзнѣ, дополнивъ его свѣдѣніями изъ другихъ источниковъ, а также добытыми изъ своего личнаго опыта.

Книжка г. Боровича въ хорошемъ популярномъ изложеніи знакомитъ съ устройствомъ парового котла, его арматурой, наиболѣе интересными конструкціями и вообще со всѣмъ тѣмъ, что необходимо знать относительно этого важнаго прибора. Безъ всякаго сомнѣнія, книжка эта можетъ принести большую пользу. Едва ли только такой объемистый

(420 страницъ), разъясняющій всѣ подробности
ять по силамъ нашимъ кочегарамъ. Имъ бы нуж
другого характера, покороче, подогматичнѣе, без
кихъ разсужденій, мало имъ понятныхъ. Авторъ
ленiи этого труда, повидимому, и не имѣлъ въ в
ь, иначе, конечно, изданіе имѣло бы не столь ша
оило бы значительно дешевле. Для кочегаровъ,
я цѣна является слишкомъ высокой.

г. Боровича издана съ рѣдкимъ у насъ изяществом
ъ и американскихъ изданій. Прекрасная бумага
тая, четкая печать, при солидныхъ внутренни
зволяютъ рекомендовать эту книгу, какъ изящн
й можно пожелать самаго широкаго распростра

а жизни и здоровья рабочихъ на фабрикахъ
сса. Вып. I (съ 196 чертежами въ текстѣ). (
съ съ 251 чертежомъ). Спб., 1892 г. (по 2 р

авно уже ощущалась настоятельная необходимо
съ систематическимъ изложеніемъ главнѣйшихъ
тельныхъ аппаратовъ и ограждений, имѣющих
ги, устранить несчастные случаи заболѣванія
. и заводахъ. Авторъ названнаго сочиненія, пер
появился уже два года тому назадъ, принялъ вс
щимъ образомъ выполнить задуманное еще и
е: тщательно собиралъ матеріалы по вопросу о
абочихъ отъ несчастій, списывался по этому пре
техниками, устраивалъ и испытывалъ на нѣко
охранительные аппараты, видоизмѣняя ихъ въ
ыхъ условій, и, наконецъ, въ 1886 году сост
ее впослѣдствіи указаніями Императорскаго
а равно наблюденіями на выставкахъ въ Пари
889 году. Первый выпускъ, кромѣ введенія, въ
современное положеніе вопроса о защитѣ рабо
случаевъ, вліяніе предохранительныхъ приборо
ость машинъ и аппаратовъ, заключаетъ въ себѣ
е ея, кромѣ 8 отдѣльныхъ приложеній (правил
нія и правила на отдѣльныхъ фабрикахъ), ра
, а именно: 1) паровые котлы (причины взрыво
достатки, разъѣданіе частей котла, недостатокъ
ніе въ котлѣ, котельный камень, случайныя пр
ластные случаи съ котлами помимо взрывовъ, и
для кочегаровъ); 2) парильные аппараты (мѣр
взрывовъ); 3) двигатели (мѣры предосторож
гателямъ, паровыя машины и проч.); 4) прив
мѣры); 5) зубчатыя зацѣпленія (зубчатыя ко
ь и проч.); 6) подъемные механизмы; 7) общія
ги (устройство фабричныхъ зданій, организація
ля борьбы съ пожарами, вентиляція фабричных
льныя очки, костюмы и т. п.).

I выпускъ (восемь главъ) посвященъ описанію ср
льныхъ аппаратовъ, которые служатъ для пр
хъ случаевъ, свойственныхъ главнѣйшимъ отрас
ой промышленности, какъ-то: добываніе и обра
ученіе чугуна, желѣза и стали, прокатное и про

ло, литейное и кузнечное дѣло и пр.), обработка дерева (общія мѣры предосторожности, круглыя и ленточныя пилы, строгальные станки и т. д.), обработка волокнистыхъ веществъ (общія мѣры предосторожности, предохранительныя приспособленія при прядильномъ, ткацкомъ и аппретурномъ производствѣ), писчебумажное и картонное производства, фосфорныя и спичечныя фабрики, мельницы (мукомольныя и др.) и земледѣльческія машины (локомобили, соломорѣзки и т. п.). Какъ и въ первомъ выпускѣ, въ приложеніи помѣщены правительственныя распоряженія, а равно отдѣльныя инструкціи, принятыя на нѣкоторыхъ заграничныхъ и русскихъ фабрикахъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что, какъ видно изъ самаго содержанія того и другого выпуска, названное сочиненіе должно быть настольнымъ у всякаго предпринимателя и техника для справокъ, провѣрки, дополненій и проч. Можно пожелать, чтобы авторъ продолжилъ свою работу по такому вопросу, который въ настоящее время съ предстоящимъ введеніемъ закона объ отвѣтственности предпринимателей за увѣчья, смерть и профессіональныя болѣзни рабочихъ, очевидно, будетъ имѣть не только теоретическій, какъ было раньше, интересъ, но получитъ практическое значеніе въ промышленной жизни Россіи. По справедливому замѣчанію инженеръ-технолога Пресса, вопросъ о защитѣ жизни и здоровья работающихъ на фабрикахъ и заводахъ „находился до послѣдняго времени въ загонѣ“, но отнынѣ наступаетъ новая эпоха въ развитіи промышленной гигіены и прикладной техники, о существованіи которыхъ наши предприниматели и не подозрѣвали въ теченіе очень долгаго времени.

МЕДИЦИНА.

я эпидемія въ Смоленской губ. 1831—1871 гг.“. *Д. Н. Жбанкова*.—„Голодъ емыя имъ болѣзни“. *А. А. Липскаго*.—„Руководство къ частной патологіи для врачей и учащихся“. *Эйхгорста*.—„Общедоступный лечебникъ по главнымъ болѣзнямъ“. *С. Л. Сегала*.

ерная эпидемія въ Смоленской губерніи 1831—1871 гг. Со-ь Д. Н. Жбанковъ. Смоленскъ, 1893 г. Лежащій передъ нами ный историко-статистическій очеркъ составленъ г. Жбанковымъ, щимъ медико-статистическимъ отдѣленіемъ, недавно организо- смоленскимъ губернскимъ земствомъ. Этотъ трудъ составленъ, ъ образомъ, на основаніи данныхъ метрическихъ книгъ, дѣлъ каго врачебнаго отдѣленія, а также журналовъ и отчетовъ ъ и губернскаго земствъ. Едва ли надо говорить о недостатгихъ матеріаловъ, въ особенности о метрическихъ записяхъ, емыхъ священнослужителями, вовсе некомпетентнтыми въ расніи болѣзней, отъ которыхъ наступила смерть. Тѣмъ не менѣе, моленскихъ санитарныхъ статистиковъ далъ не только нѣкоѣстные практическіе результаты, къ чему онъ, главнымъ об- и стремился, но и весьма цѣнные выводы общаго характера. енская губернія—по отношенію къ холернымъ заболѣваніямъ—ся въ сравнительно благопріятныхъ условіяхъ. Тогда какъ во ссіи было 27 холерныхъ лѣтъ, Смоленскую губернію эта эпиахватила лишь въ теченіи 11 лѣтъ. Даже по сравненію съ ыми губерніями Смоленская—одна изъ наиболѣе счастливыхъ, къ по числу холерныхъ лѣтъ и числу умершихъ отъ холеры

лишь на шестомъ мѣстѣ. Тѣмъ не менѣе, с
съ эпидемій умерло въ Смоленской губерніи
ѣкъ. Особенно сильная смертность отъ хо
1855, 1831 и 1853 годахъ; на долю эти
больше 40 тысячъ умершихъ отъ холеры, при
ный холерный годъ—1848 г. приходится бо
ь или немного менѣе 2% всего тогдашняго
ерніи. Въ остальныя шесть лѣтъ здѣсь набл
деміи или отдѣльные случаи заболѣваній.
айно интересенъ и важенъ въ практическ
ь, что въ первый годъ появленія въ Россіи
демій не посѣщала Смоленской губ. Этотъ
2 году возможность губернской управѣ расп
наго срока временный медицинскій персонал
ьбы съ холерою, и, такимъ образомъ, сохран
Къ числу факторовъ, препятствующихъ ра
ой губерніи, г. Жбанковъ относитъ возвышен
западныхъ склонахъ Алаунской возвышенност
въ сосѣднихъ губерніяхъ, среднюю темпера
ьство, что почти всѣ рѣки, протекающія в
тъ и свое начало, т.-е. не могутъ служит
другихъ мѣстностей.
но замѣчено, что какъ въ Россіи, такъ и въ
къ есть мѣстности, куда холера никогда н
людается и въ предѣлахъ Смоленской губе
ахъ, кромѣ Краснинскаго, Смоленскаго и
страдавшихъ отъ холеры, намѣчено по нѣс
ыхъ не коснулась ни одна изъ холерныхъ
наиболѣе безопасныхъ въ холерномъ отношеніи уѣздѣ
насчитано 30 такихъ приходовъ. Тѣмъ не менѣе, во всѣ
пидеміи смертность отъ холеры и отъ другихъ болѣзней
обыкновенно настолько значительна, что обычный ростъ на-
апливается и даже наблюдается перевѣсъ смертей надъ
Особенно благопріятную почву для развитія холеры пред-
орода, гдѣ и смертность, и заболѣваемость холерой въ 3
4 раза болѣе, чѣмъ въ деревняхъ; но за то при своемъ
осенью, эта эпидемія болѣе упорно держится въ дерев-
ольшей своей напряженности холера достигаетъ въ іюлѣ,
онѣ; въ эти три лѣтнихъ мѣсяца она уноситъ больше ⅔ по
твъ. Затѣмъ по смертности отъ холеры слѣдуетъ осень;
въ особенности зима—наиболѣе благополучныя въ этомъ
ремена года.
ченіе обзора этого перваго труда медико-статистическаго
моленскаго губернскаго земства слѣдуетъ отмѣтить, что,
его вынужденную спѣшность (онъ составленъ въ теченіе
ъ), приведенные здѣсь и нѣкоторые другіе выводы не толь
обильными цифровыми данными, для добыванія которых
было затратить много труда, но и иллюстрируются довол
ми діаграммами и картограммами. Остается пожелать, чт
ующія работы юнаго статистическаго бюро смоленска
и не менѣе основательны и не менѣе богаты результатам

**и вызываемыя имъ болѣзни. Публ. лекція въ пользу
пихъ отъ неурожая. А. А. Липскаго. Спб., 1892 г**

Не заключая въ себѣ какихъ-либо новыхъ взглядовъ, брошюра лишній разъ стремится установить единственное условіе борьбы съ голодомъ, что, когда страдаютъ въ государствѣ отъ недостатка пищи отдѣльныя мѣстности, населеніе другихъ районовъ и всѣ слои общества, имѣющіе запасы, должны стремиться идти на помощь къ страдающимъ и тѣмъ сохранить силу государства. Выясняя понятіе о полномъ и неполномъ голоданіи отдѣльнаго организма и цѣлаго народа на основаніи существующихъ въ наукѣ наблюденій, авторъ вкратцѣ перечисляетъ послѣдовательныя вліянія голода въ физіологическомъ и эпидеміологическомъ отношеніи.

Руководство къ частной патологіи и терапіи для врачей и учащихся. Эйхгорста. Переводъ съ 4-го изданія подъ редакціей д-ра Шапиро. Русское изданіе 3-е. 4 т. Изданіе Риккера. Спб., 1891—1892 гг. Переводъ учебника Эйхгорста принятъ у насъ такъ же хорошо, какъ въ былое время Нимейеръ, выдержавшій нѣсколько изданій въ теченіе двадцати лѣтъ, начиная съ 1861 г. по 1881 г. Первое изданіе руководства Эйхгорста, подъ редакціей Серебреникова, помѣчено 1885 г.; не особенно удачный переводъ вызвалъ черезъ годъ появленіе другого перевода д-ра Шапиро и новое изданіе г. Риккера, въ настоящее время уже разошедшееся. Предлагаемое изданіе — русское третье, если не считать изданія главнаго военно-медицинскаго управленія, выходившаго въ видѣ приложенія къ военно-медицинскому журналу въ теченіе трехъ лѣтъ (1890—1892),—изданія, ничѣмъ не отличающагося отъ риккеровскаго, кромѣ дурной бумаги и другихъ признаковъ „дешевки“. Переводъ вполнѣ безукоризненный; внѣшность, какъ и у всѣхъ изданій г. Риккера, прекрасная. Что касается достоинствъ руководства, то въ свое время они были вполнѣ оцѣнены, да и успѣхъ изданія вполнѣ подтверждаетъ это. Въ предисловіи авторъ говоритъ, что онъ преслѣдуетъ однѣ практическія цѣли; описанія его „заимствованы изъ впечатлѣній, вынесенныхъ изъ практической дѣятельности; ищущій „теоретическихъ разсужденій и пространныхъ гипотезъ“ разочаруется и, неудовлетворенный, отложитъ книгу въ сторону. 1-й томъ содержитъ описанія болѣзней органовъ кровообращенія и дыханія, 2-й—болѣзней пищеварительныхъ органовъ и моче-половаго аппарата, 3-й—нервовъ, мышцъ и кожи и 4-й—крови, обмѣна веществъ и заразныхъ. Описанія всюду подробны, толково изложены, сопровождаются рисунками, кривыми температуры, пульса, дыханія. Большое вниманіе обращено и на патологическую анатомію. Вообще руководство Эйхгорста—одно изъ первыхъ не только для учащагося, но и практическаго врача.

Общедоступный учебникъ по глазнымъ болѣзнямъ, съ подробнымъ изложеніемъ гигіены глаза. С. Л. Сегаля. Бердянскъ, 1892 г. Ц. 1 руб. 50 к. Авторъ задался цѣлью въ общедоступной формѣ указать діэтетическія и гигіеническія погрѣшности, вліяющія на разстройство органовъ зрѣнія, а равно на мѣры, способствующія излеченію, въ случаѣ заболѣванія. Въ первой части излагаются краткія свѣдѣнія объ устройствѣ глаза (анатомія) и его дѣятельности въ нормальномъ состояніи, а равно о неправильностяхъ рефракціи и аккомодаціи о подборѣ очковъ. Вторая часть книги посвящена собственно болѣзнямъ зрѣнія съ обращеніемъ главнаго вниманія на гигіену. Въ приложеніи помѣщена таблица шрифтовъ для опредѣленія остроты зрѣнія и семь таблицъ рисунковъ. При составленіи названнаго учебника имѣлъ въ виду „врачи не-спеціалисты, преимущественно земскіе, кото-

мя не позволяетъ читать обширныя руководства", приложены наиболѣе употребительные въ глазной Съ другой стороны, имѣлась въ виду и *публика с щиной*, въ частности, лица, желающія познакомить дѣніями по анатоміи, физіологіи и патологіи глаза, , въ примѣненіи къ гигіенѣ зрѣнія въ школахъ и ежденіяхъ. Крайне жаль, что авторъ сдѣлалъ попы ль противуположныя цѣли. Для земскихъ врачей іальныя краткія руководства, помимо пріобрѣтенных вѣдѣній, безъ которыхъ все равно невозможно обо тся образованной публики, то она невольно испыт ресныхъ отдѣловъ", хотя бы и напечатанныхъ мелк потому было бы желательно видѣть изданіе для н упнаго руководства по такому важному отдѣлу зна къ книги относится и то, что для чтенія предварите исправлены главные опечатки и пропуски въ текст страницы мелкаго петита (около 70 погрѣшностей добрый совѣтъ автору вновь переработать обще иги, издавъ ее отдѣльно для публики, а для врачей ъ составить болѣе тщательно спеціальный учебник

УЧЕБНИКИ И ДѢТСКІЯ КНИГИ.

„Учебная библіотека".—„Первое горе". *О. И. Шмидтъ.*

ная библіотека. Поученіе дѣтямъ Владиміра М и примѣчанія Воскресенскаго. Спб., 1893 г. 5-

библіотеки вышелъ послѣ довольно значительнаго даже слухи, что это полезное и симпатичное пред екратилось. *Учебная библіотека* серьезнѣе и научн *библіотеки* г. Чудинова: во главѣ этого изданія ные и знающіе педагоги, какъ гг. Воскресенскій, кій, Яковлевъ. Каждый выпускъ является результат ной продолжительной работы, научнаго и добросовѣ къ дѣлу; изданіе отличается простотой и дешевизно емъ коммерческаго элемента: нѣтъ заманивающихъ щательныхъ анонсовъ и пр. Издатели стараются аучнымъ, и педагогическимъ требованіямъ.

ящій выпускъ составленъ съ полнымъ знаніемъ дѣ. предѣляетъ время составленія поученія, его исто -литературное значеніе. Кромѣ текстовъ поученія и молитвы, даны: переводъ поученія на современн древне-русскихъ поученій, матеріалы для хара и примѣчанія. Изученіе этой небольшой книжки м многостороннее понятіе о литературной дѣятельно хъ крупныхъ древне-русскихъ писателей.

ое горе. Разсказъ для дѣтей О. И. Шмидтъ, съ рона М. П. Клодта. Спб. Изданіе М. Ледерле и съ перес. 70 коп. Горе, неправда и зло, царящія послужило предметомъ изображенія въ разсказѣ г-ж горько становится за нашихъ дѣтей, которымъ в рѣ приходится сталкиваться почти исключительно ртинами жизни.

Шестилѣтняя Маша—дочь кухарки. Ея мама служитъ у богатыхъ купцовъ. Вся жизнь этой дѣвочки состоитъ изъ непріятностей и огорченій. Ее всѣ обижаютъ: и господская дѣвочка Нина, которая надоѣдаетъ ей своими капризами, и генеральскія дѣти, которыя выказываютъ къ ней презрѣніе за ея „дурныя“ манеры, за бѣдный костюмъ, за то, что она сморкается въ рукавъ, и проч. Генеральскій сынокъ, Володя, издѣвается надъ ней, щиплетъ ее и подставляетъ ей ножку для того, чтобъ она упала.

Подъ вліяніемъ такого жестокаго обращенія съ ней, въ дѣвочкѣ порождается чувство зависти къ богатымъ людямъ и отвращеніе къ своей бѣдной обстановкѣ.

Вслѣдъ за неправдой въ средѣ господской дѣвочкѣ приходится наталкиваться на неправду и въ средѣ прислуги, на безсердечное и равнодушное отношеніе людей другъ къ другу.

Въ заключеніе болѣзнь и смерть матери подкашиваетъ силы ребенка: у Маши открывается бредъ, она занемогаетъ и, по выздоровленіи, на всю жизнь сохраняетъ въ памяти тяжелое воспоминаніе о своемъ первомъ горѣ.

СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ.

„Отчетъ Императорокой публичной библіотеки за 1889 годъ“.—„Слуги печати“. *А. Бахтіарова.*

Отчетъ Императорской публичной библіотеки за 1889 г. Спб., 1893 г. Едва ли можно удивляться, что отчетъ с.-петербургской публичной библіотеки за 1889 годъ появляется лишь въ 1893 году, если принять во вниманіе его богатое содержаніе и чрезвычайно тщательную и компетентную обработку многочисленныхъ и интересныхъ данныхъ, въ немъ заключающихся. Еще менѣе придется этому удивляться, когда узнаешь, что весь бюджетъ важнѣйшаго для интересовъ отечественнаго просвѣщенія вспомогательнаго учрежденія равнялся въ отчетномъ году всего лишь 86,701 руб. (82,649 изъ суммы государственнаго казначейства и 4,052 р.—изъ другихъ источниковъ). Въ самомъ дѣлѣ, чтобы судить о всей незначительности этого бюджета, достаточно привести здѣсь итоги того матеріала, который поступилъ въ библіотеку въ 1889 году, въ видѣ печатныхъ книгъ, брошюръ и отдѣльныхъ листовъ, и составлялъ въ общей сложности 29,251 сочиненіе въ 33,382 томахъ (изъ этого числа доставлено, согласно закону, цензурнымъ вѣдомствомъ въ двухъ экземплярахъ—13,947 соч. въ 14,943 тт., по распоряженіямъ разныхъ учрежденій 4,003 соч. въ 4,083 тт., частныхъ приношеній 7,291 соч. въ 7,972 тт. и куплено самою библіотекой 4,010 соч. въ 6,384 тт.; рукописей, автографовъ и актовъ поступило 6,101, изъ коихъ 1,882 куплены самою библіотекой; эстамповъ и фотографій—1,406; картъ и плановъ—285 и нотъ—1,000). Для ого, чтобы весь этотъ матеріалъ описать, привести въ должный поядокъ и сдѣлать своевременно доступнымъ для пользованія публики, онечно, необходима масса труда и рукъ, но вышеупомянутая ограиченность средствъ, очевидно, тормазитъ это дѣло настолько, что же отчету приходится запаздывать на цѣлые три года. „При крайне удномъ бюджетѣ библіотеки,—говоритъ отчетъ,—улучшеніе внутренго устройства ея вообще можетъ быть производимо лишь въ весьма раниченныхъ размѣрахъ“. „Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, вслѣдствіе

вынужденнаго сокращенія ремонтныхъ работъ, клеевая окраска
въ залахъ библіотеки значительно загрязнилась"
яющаяся со штукатурныхъ поверхностей известь
ѣлоемъ въ шкафахъ и портитъ книги, разъѣдая бу
оженіе перваго въ Россіи книгохранилища и тако
нѣръ послѣдняго имѣетъ гораздо болѣе глубокій в
ѣмъ это можетъ показаться съ перваго взгляд
ла, укажемъ на нѣкоторыя весьма назидательныя
размѣры годовыхъ бюджетовъ, которыми располага
теки въ главнѣйшихъ городахъ Западной Европы и А
іотеки, напримѣръ, британскаго музея въ 1890 г.
300,000 марокъ, въ томъ же году народная биб
а 670,000 марокъ, національная библіотека Пар
-660,000 мар., такою же суммой располагала въ
ібліотека въ Лондонѣ, народная библіотека въ Чи
000 м., королевская въ Берлинѣ въ 1890 г.—
ая народная библіотека въ Парижѣ въ 1891 г.—
Entwickelung und Organisation der Volksbibliothek
Meyer Leipzig, 1893, стр. 3). Замѣчательно при это
для столь богатыхъ бюджетовъ иностранныхъ биб
олько государственныя и общественныя средства
ги (какъ въ Англіи), но и замѣчательно крупны
ванія, доходящія иногда до нѣсколькихъ милліон
акъ Императорская публичная библіотека въ 18
видѣ пожертвованія всего лишь *сто рублей* (100
ница Е. Кутчуева. Сопоставленіе этихъ цифръ д
азываетъ, какъ далеко мы отстали отъ образованн
просвѣщенія и какъ еще мало русское общество н

Въ этомъ отношеніи, мы думаемъ, вполнѣ при
доизмѣненная извѣстная поговорка: скажи мнѣ, к
публичныхъ библіотекъ въ твоемъ отечествѣ, и
ко высокъ уровень образованія и просвѣщенія

тавить, однако, нѣкоторое понятіе о размѣрахъ
ргскою библіотекой, приведемъ изъ отчета цифро
9 г. выдано было билетовъ для занятій въ би
388 г.—11,127), въ томъ числѣ особамъ женска
г.—1,569). Читателей было въ общей читальн
предъидущемъ году—102,538). Общее число кни
нія, простиралось до 182,930 томовъ (въ 88 г.—185,
изданій 48,821 нумеръ (въ 88 г.—54,563 ну
томъ и нумеръ. Изъ числа 536 повременныхъ
языкѣ болѣе всего читался *Вѣстникъ Европы*, к
89 г. было выдано 1,802, отказано по 217 требо
ды выдано—1,916 и отказано 191. Затѣмъ по чи
ются: *Русская Мысль* (за 89 г. выдано 1,371, о
ніе годы выдано—1,442, отказано—162); *Русскій*
г. выд. 1,059, отказ. 102; за пр. г. выд. 1,48
ый Вѣстникъ (за 89 г. выд. 903, отк. 119; за
к. 92), *Наблюдатель* (за 89 г. выд. 728, отк. 102
отк. 114). Далѣе идутъ: *Русская Старина, Русс
рн. Мин. Нар. Просвѣщенія, Историч. Вѣстник
тникъ* и т. д. Изъ столичныхъ газетъ болѣе в

тается *Новое Время* (1,101 и 635 выдачъ), за которымъ слѣдуютъ *Новости* (339 и 198 выдачъ), *Недѣля* (271 и 33 выдачъ), *Гражданинъ* (163 и 2 треб.), *Голосъ* (119 треб. за прежніе годы), *С.-Петерб. Вѣдомости* (91 и 105 выд.), *Московскія Вѣдомости* (87 и 163 выдачи), *Русскія Вѣдомости* (74 и 5 выд.) и проч. Отсылая читателя къ дальнѣйшимъ подробностямъ огромнаго списка требованій повременныхъ изданій (стр. 207—215), переходимъ къ свѣдѣніямъ о числѣ выданныхъ сочиненій и томовъ по отдѣленію книгъ на русскомъ языкѣ. Первое мѣсто здѣсь занимаютъ по количеству удовлетворенныхъ требованій періодическія изданія, которыхъ было выдано 9,184 соч. въ 17,910 тт., затѣмъ слѣдуютъ книги по исторіи и ея вспомогательнымъ наукамъ—1,829 соч., 2,547 тт., по юридическимъ и политическимъ наукамъ—1,824 соч., 2,217 тт., богословіе—1,083 соч., 1,524 тт., словесность—1,017 соч., 1,209 тт., педагогика—875 соч., 1,002 тт., медицина—843 соч , 1,047 тт., философія—783 соч., 962 тт., географія съ этнографіей и путешествія—747 соч., 1,057 тт., полиграфія (сборники и собранія сочиненій смѣшаннаго содержанія)—693 соч., 1,386 т., физико-математич. науки—643 соч., 730 т., технологія и ремесла—637 соч., 734 т., политическая экономія, наука финансовъ и коммерческія науки—609 соч., 886 т., изящныя искусства—536 соч., 617 т., сельское и домашн. хозяйство—496 соч., 579 т., естественная исторія—449 соч., 512 т., статистика—434 соч., 576 т. Кромѣ того, выдано книгъ по исторіи литературы—235 соч., 281 т., изданій земства—250 соч., 547 тт., и т. д.

Библіотека доступна безпрерывно въ теченіе всего года, причемъ наибольшее число читателей ея падаетъ на октябрь мѣсяцъ, когда ихъ было 13,294, мартъ (12,467), сентябрь (11,097) и ноябрь (11,040). Въ январѣ, февралѣ и декабрѣ цифры читателей все еще довольно значительны: 9,996, 9,787 и 8,568; въ маѣ, августѣ и апрѣлѣ онѣ уже падаютъ до 6,212, 6,132 и 5,435, minimum приходится на два лѣтнихъ мѣсяца: іюнь и іюль (4,908 и 4,302). Что касается званій и профессій лицъ, взявшихъ билеты, то преобладающимъ является элементъ учащихся и окончившихъ курсъ въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ—3,574. Второе мѣсто принадлежитъ „гражданскимъ чиновникамъ, которыхъ было 1,085, далѣе слѣдуютъ дворяне, состоящіе на частной службѣ и не служащіе“ (1,040), мѣщане и цеховые (783), генералы и офицеры военнаго вѣдомства (579) и морского вѣдом. (61), врачи (431), профессора и преподаватели учебныхъ заведеній (334), потомствен. и личные почетн. граждане (298), крестьяне (293), гражданскіе инженеры (211); купцовъ было 195, тогда какъ „техниковъ разнаго рода“ всего 110, присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ помощниковъ 109 и столько же аптекарей и фармацевтовъ, нижнихъ чиновъ военнаго вѣдомства было 93 и морского—9. Не приводя затѣмъ болѣе мелкихъ цифръ, отмѣтимъ лишь, что въ числѣ читателей библіотеки было всего лишь „литераторовъ“. Изъ всего числа читательницъ (1,662) болѣе всего ло женъ дворянъ и чиновниковъ (819), слушательницъ педагогическихъ курсовъ (145) и домашнихъ учительницъ (133). Женъ и дочей почетныхъ гражданъ и купцовъ (83) и мѣщанъ и крестьянъ (90) ло болѣе, чѣмъ слушательницъ высшихъ женскихъ курсовъ (86) и чительницъ въ школахъ (63). Женщинъ-врачей было 29, воспитанницъ фельдшерскихъ школъ 22, гимназій 12 и писательница—1 и пр.

Среди поступившихъ въ библіотеку разнообразныхъ, иногда весьма нныхъ рукописей и рѣдкихъ книгъ (какъ, наприм., извѣстная книга

А. Н. Радищева: *Путешествіе изъ Петербурга въ Москву*, С.-Петербургѣ въ 1790 г. въ 8-ю долю лис. и принадлежа Пушкину, съ слѣдующею его собственноручною надписью ней сторонѣ переплета: „*Экземпляръ, бывшій въ тайной Заплаченъ двѣсти рублей. А. Пушкинъ*“. Книга переплете ный сафьянъ, съ золотымъ обрѣзомъ). Наибольшій интере ріи литературы представляетъ собраніе писемъ разныхъ л Краевскому и историко-литературныхъ матеріаловъ, находя жду его бумагами (начиная съ 30-хъ годовъ). Собраніе эт а) изъ 8 переплетенныхъ томовъ, содержащихъ 3,123 письм скому отъ 759 лицъ, указанныхъ въ особомъ алфавитно приложенномъ къ отчету, и б) папки съ письмами къ К автографами нѣкоторыхъ на нихъ писателей, среди котор чаются автографы: Гоголя, Грибоѣдова, Даля, Жуковскаг на, Лажечникова, Лермонтова, Одоевскаго, И. С. Тургеи Пушкина и многихъ другихъ. Въ приложеніи къ отчету цѣликомъ 10 писемъ В. Г. Бѣлинскаго и 47 писемъ В. П. Краевскому.

Слуги печати. Очерки книгопечатнаго дѣла. Съ ри отдѣльныхъ листахъ. А. Бахтіарова. Спб., 1893 г. Цѣ Въ этой книгѣ авторъ даетъ весьма полныя свѣдѣнія о пе лѣ въ Петербургѣ и приводитъ любопытныя данныя относ награжденія, какое получаютъ „слуги печати“, начиная с ских рабочихъ и кончая крупными издателями и извѣстн писателями. Сообщаемыя авторомъ свѣдѣнія,—насколько судить можемъ,—достаточно вѣрны. Жаль только, что г. въ очеркахъ своихъ ограничился однимъ Петербургомъ, ли кое-гдѣ упоминаетъ о Москвѣ и почти совсѣмъ не касает Изданіе книжки довольно „сѣренькое“, опечатокъ много фразъ тоже не мало, въ такомъ родѣ, напримѣръ: „Въ случаевъ книги издаются издателями. Изданіе книги, помим требуетъ еще и множество хлопотъ, сопряженныхъ съ изд ги“. „Книгопродавцы бываютъ двухъ родовъ: одни книгопр издаютъ книги, т.-е. имѣютъ свои изданія, и при этомъ чужими книгами; другіе книгопродавцы своихъ изданій не торгутъ только чужими изданіями“. „Книгопродавецъ-комми чѣмъ не рискуетъ: онъ получаетъ вѣрный барышъ. Онъ вается, какія изданія идутъ ходко, и покупаетъ ихъ у и большою скидкой“. Мы имѣемъ нѣкоторыя основанія сом томъ, чтобъ издатель сдѣлалъ „большую“ скидку на хор книги. Въ книгу г. Бахтіарова включены образцы ти шрифтовъ и объясненіе типографскихъ словъ.

ПЕРІОДИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ.

„Вѣстникъ Европы“, *іюнь*.—„Русское Богатство“, *май—іюнь*.—„Русск *іюнь*.—„Русскій Вѣстникъ“, *іюнь*. — „Сѣверный Вѣстникъ“, *іюнь*. — „ *іюнь*.—„Русскій Архивъ“, *январь—іюнь*.

Вѣстникъ Европы, *іюнь*. Въ іюньской книжкѣ *Вѣст* окончена повѣсть г. Сѣверова *Необыкновенная*, въ котор чего необыкновеннаго, и начата повѣсть г. Карабчевскаг *Арсковъ*. Изъ статей отмѣтимъ *Застывшую исторію общи*

мана, въ которой описываются земельные порядки, существующіе въ Западной Сибири. Крестьянское землевладѣніе въ этомъ краѣ, „облекаясь при первоначальномъ заселеніи края и въ эпоху рѣдкой его населенности въ форму, въ которой дѣйствіе общиннаго начала по отношенію къ большинству угодій совершенно замаскировано дѣйствіемъ начала личнаго и въ частности—принциповъ захватнаго и трудового, затѣмъ, по мѣрѣ сгущенія населенія и сокращенія земельнаго простора, само собой, безъ какихъ-либо внѣшнихъ вліяній, путемъ долгаго, постепеннаго процесса переходитъ въ такія формы, которыя знаменуютъ полный перевѣсъ общиннаго начала".

Крестьянскому вопросу на Западѣ Европы посвящена статья г. Str: *Австрійское крестьянство и его бытописатель*. Авторъ передаетъ содержаніе романа Розеггера *Яковъ Послѣдній (Jakob des Letzte)*, гдѣ изображается болѣзненный процессъ разоренія штирійскаго крестьянства. Русскій авторъ иллюстрируетъ это явленіе многими интересными данными.

Интересна небольшая замѣтка г. Брикнера: *Съѣздъ историковъ въ Мюнхенѣ*. Съѣздъ этотъ происходилъ въ апрѣлѣ нынѣшняго года и на немъ сказались признаки нѣкоторой деморализаціи, вносимой въ преподаваніе германскихъ учебныхъ заведеній подъ вліяніемъ повинизма. Учебники исторіи подвергаются „умолчаніямъ" и даже прямымъ искаженіямъ для укрѣпленія въ умахъ воспитанниковъ мысли, что храбрѣе, побѣдоноснѣе и даровитѣе нѣмцевъ нѣтъ ни одного народа въ мірѣ, что никто не можетъ и сравняться съ нѣмцемъ. Г. Брикнеру сообщали, что для торжества этой „идеи" въ нѣкоторыхъ учебникахъ (для военно-учебныхъ заведеній) передѣлываютъ хронологію. Даже время, историческое время, приходитъ въ безпорядокъ подъ натискомъ нѣмецкаго милитаризма и бюрократизма!

Конечно, такая патріотическая фальсификація вызываетъ негодующіе протесты со стороны всѣхъ добросовѣстныхъ ученыхъ и преподавателей, а ими, разумѣется, далеко не оскудѣла современная Германія.

Русское Богатство, *май—іюнь*. Іюньская книжка *Русскаго Богатства* начинается съ маленькой *присказки* Г. И. Успенскаго. *Русскія Вѣдомости* сообщили, что написана она давно и осталась неотдѣланною, вслѣдствіе болѣзни, постигшей писателя. Рука мастера, конечно, видна и въ *Подкидышѣ*, чувствуется въ этомъ отрывкѣ и глубокое, отзывчивое сердце, которое столь многимъ переболѣло...

Н. К. Михайловскій (*Литература и жизнь*) говоритъ по поводу статей гг. Случевскаго *Толпа и ея психологія* и Обнинскаго *Contagion morale и холерные безпорядки*. Какъ извѣстно, *толпою* Н. К. Михайловскій занимается давно. Читатели знаютъ его статьи въ *Отечественныхъ Запискахъ*, къ сожалѣнію, оставшіяся неконченными,—*Герои и толпа*. Авторъ признаетъ правильнымъ мнѣніе г. Обнинскаго о „той глубокой пропасти, которая эволюціоннымъ путемъ историко-космическихъ обваловъ и наслоеній создалась между народомъ и интеллигенціей", олько прибавляетъ, что увидѣли мы дно этой пропасти не впервые при олерныхъ безпорядкахъ, какъ полагаетъ г. Обнинскій. Для устраненія добныхъ тяжелыхъ драмъ,—говоритъ Н. К. Михайловскій,—„мало сощенія фактическихъ свѣдѣній вродѣ тѣхъ, какихъ было бы достаочно для предотвращенія холерныхъ безпорядковъ. Школа могла бы этихъ случаяхъ служить только сообщеніемъ общаго развитія, корое, конечно, желательно, но въ придачу къ которому нужно ещ е-что".

ь слово *желательно* кажется слишкомъ слабымъ
неотложной потребности въ просвѣщеніи, которая должна быть
зъ первенствующихъ заботъ образованнаго меньшинства, самого
тва и самоуправленія. „Нельзя,—пишетъ Н. К. Михайловскій,—
ть надежды на великодушные и безкорыстные порывы толпы,
но только утилизировать, но не слѣдуетъ приходить въ отчая-
ея жестокости,—эти сегодня жестокіе люди завтра же обратятся
ахъ и кроткихъ людей, какими они и вчера были". Именно съ
ки зрѣнія и важнѣе всего такая дѣятельность *интеллигенціи*,
орой широкими и правильными путями вливается свѣтъ въ на-
сознаніе. Само собою разумѣется, что для выполненія такой
задачи сама *интеллигенція* должна быть поставлена въ благо-
я условія, такъ что, практически говоря, эту вторую задачу
ь поставить впереди первой. Сознаніе и воля, по выраженію
Михайловскаго, „въ принципѣ — высшіе пункты человѣческаго
ованія, поднимающіе его надъ всею природой, и только то
что на нихъ построено".

. Короленко продолжаетъ свои полныя печальной правды воспо-
о поѣздкахъ по Нижегородскому краю *Въ голодный годъ*. Въ
стомъ и художественномъ разсказѣ живо встаютъ и картины
провинціальныхъ порядковъ, убогой деревенской жизни, и сама
не, съ ихъ думами, чувствами и бѣдами. Попутно В. Г. Коро-
пришлось наблюдать страшное распространеніе сифилиса по де-
. Онъ разсказываетъ объ этомъ просто ужасныя вещи... Вотъ
ратительный врагъ, на борьбу съ которымъ надо выступить
ано и энергично. Надѣляютъ этою болѣзнью заводы, а помогаетъ
ространяться отъ родителей къ дѣтямъ глубокое невѣжество.
скорбный вопль: свѣта! свѣта! „Сдѣлайте простѣйшія выклад-
горитъ В. Г. Короленко,—и увидите, что спасеніе одного по-
, одной этой деревушки окупитъ сторицею трудъ спеціальнаго
А, вѣдь, одинъ врачъ на деревню, на десятокъ такихъ дере-
аже излишняя роскошь"...

ловажный практическій вопросъ подымаетъ въ своей статьѣ
ининъ (*Полноправныя сельскія общества и безправныя селенія*).
по закону *селеніе* и *сельское общество* не совпадаютъ, отчег
дитъ много вредныхъ послѣдствій. Г. Дружининъ справедли
ъ, что необходимо придать самостоятельное положеніе, знач
ическаго лица и всѣ требуемыя административно-хозяйстве
номочія всѣмъ селеніямъ, теперь не составляющимъ отдѣльны
къ обществъ.

ь симпатична статья г. Слѣпцова: *Н. Е. Петропавловск*
ѫ). Здѣсь умѣстно будетъ вспомнить другого покойника,
котораго минуло двадцать пять лѣтъ въ тотъ день, когда п
ти строки,—Дмитрія Ивановича Писарева. Знаменитый писате
льскаго помѣщика, родился 2 октября 1840 года, а скончал
вадцати семи лѣтъ, 4 іюля 1868 года. До сихъ поръ у на
авильной оцѣнки его талантливой и вліятельной литературн
ности. Г. Скабичевскій въ своей *Исторіи новѣйшей русск*
ауры превозноситъ блестящій и чуткій критическій талантъ П
признавая въ его воззрѣніяхъ много крайностей, увлеченій
. Анализъ Писарева,—говоритъ г. Скабичевскій,—„будитъ мол
, заставляетъ вглядываться вокругъ себя пытливымъ взоромъ
раскрываетъ передъ неопытными глазами массу лжи, дѣланно

и возмутительнаго зла въ такихъ явленіяхъ жизни, которыя примелькались и не только не отвращаютъ отъ себя, но кажутся даже чѣмъ-то похвальнымъ и доблестнымъ".

Писаревъ утонулъ въ Дуббельнѣ. Похоронили его въ Петербургѣ, на Волковомъ кладбищѣ, рядомъ съ Бѣлинскимъ и Добролюбовымъ. Н. В. Шелгуновъ сообщаетъ въ своихъ *Воспоминаніяхъ изъ прошлаго и настоящаго* слѣдующее письмо къ нему Благосвѣтлова, отъ 30 іюля: „Сегодня похоронили Писарева. Свинцовый гробъ его (около 40 пудовъ) несли до самой могилы, верстъ пять, молодые люди и даже молодыя дамы помогали. Человѣкъ двѣсти шло за гробомъ, и я радовался, что кружокъ умныхъ и честныхъ людей понемножку ростетъ. При похоронахъ Добролюбова, несмотря на то, что они были въ ноябрѣ, т.-е. при полномъ сборѣ людей понимающихъ его, я видѣлъ не болѣе 50 человѣкъ. Послѣ нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ мною надъ могилой Писарева, двѣ дамы, заливаясь слезами, бросились на его могилу и стали цѣловать ее. Я дальше не могъ говорить и самъ заплакалъ".

Въ майской книжкѣ *Русскаго Богатства* началась статья В. В. Лесевича: *Даніэль Дефо, какъ человѣкъ, писатель и общественный дѣятель*. Къ ней мы вернемся по ея окончаніи.

Русское Обозрѣніе, *іюнь*. Всего интереснѣе въ этой книжкѣ письмо Д. И. Писарева изъ-подъ ареста (изъ Петропавловской крѣпости) къ Благосвѣтлову. Умъ и бодрость ключомъ бьютъ въ этомъ письмѣ. Писаревъ сообщаетъ, между прочимъ, о томъ, что статья о *Маревѣ* почти готова: „Она написана чрезвычайно политично и наноситъ Клюшникову и Каткову коварнѣйшіе удары съ той стороны, съ которой не защититъ никакая цензура. Въ настоящую минуту, 8 февраля, эта статья кончена. Я никогда еще не писалъ такой оскорбительной рецензіи".

Іюньская книжка *Русскаго Обозрѣнія* наполнена путешествіями: г. де-Волланъ ѣздитъ *По бѣлу свѣту*, г. Святловскій путешествуетъ, въ двухъ статьяхъ сразу, и по Азіи, и по Америкѣ. Редакторъ-издатель журнала напечаталъ, вѣроятно, ради торжества *искусства для искусства*, въ окончательное посрамленіе сторонниковъ идейности въ художественныхъ произведеніяхъ, слѣдующее стихотвореніе (*Сонъ*):

Мнѣ снилось: угрюмое море шумѣло,
Волну догоняла волна...
И ты на скалѣ на высокой сидѣла
Мечтательной думы полна...

А я, вдохновенный, подъ музыку моря
Тебѣ свои пѣсни читалъ...
И, съ сѣрой скалою настойчиво споря,
Дробился и пѣнился валъ...

Еслибъ не присутствіе *ея*, то гимназисту пятаго класса можно было бы сказать за такое стихотвореніе: недурно, юноша, хотя, все-таки, бросьте это занятіе,—путнаго изъ него ничего не выйдетъ.

Отмѣтимъ дѣльную статью г. Тхоржевскаго: *Рыбное дѣло на Волгѣ и прилегающихъ къ ней участкахъ Каспійскаго моря*. Спеціалисты и современная печать давно указываютъ на страшное истребленіе рыбы вслѣдствіе хищнической ловли. Г. Тхоржевскій предлагаетъ пересмотрѣть и дополнить наши законы о рыболовствѣ сообразно указаніямъ опыта, углубить русла рѣкъ, установить заповѣдныя мѣста и т. п.

Русскій Вѣстникъ, *іюнь*. Г. Розановъ продолжаетъ тяжело пробираться въ своихъ *Сумеркахъ просвѣщенія*. Теперь онъ добрелъ до ду-

ховныхъ академій и университетовъ. Первыя,—гл
чаетъ авторъ,—соотвѣтствуютъ древней христіанск
формъ просвѣщенія), вторые—„поздѣйшему пышно
Казанскую духовную академію,—говоритъ г. Роза
перенести въ Соловецкій монастырь, Петербургску
зерскій или Волоколамскій, и Московскую—„нѣско
перь, не въ монастырь, столь обильно посѣщаемы
визгомъ ничего о молитвахъ не знающаго паровик

Въ университетахъ, полагаетъ авторъ, *должна условная несвязанность мысли и ея выраженія.* Но
ніе сейчасъ отмѣтается самимъ г. Розоновымъ: о
имѣетъ въ виду лишь *идею образованія*, а не дум
„которыя, будучи примѣнены *теперь* къ почвѣ
или зараженной, могли бы породить только самы
ствія. Требованія къ *себѣ самимъ* со стороны
далеки въ текущій моментъ отъ истиннаго сознан
ческаго долга, что было бы ослѣпленіемъ желат
которыя могли бы быть логическимъ слѣдствіем
этого долга". Какая это жалкая увертка и како
мнѣніе! Университеты ставятъ своею цѣлью *поз*
г. Розановъ считаетъ главною и характерною осо
ковъ, высшею ихъ задачей. Кто же имѣетъ, пр
искажать развитіе этого познанія? Какой болѣе
университеты ареопагъ? Университеты не понима
скаго долга, а вотъ г. Розановъ понимаетъ...

Г. Розановъ желаетъ отдать повременную п
высшихъ ученыхъ учрежденій въ государствѣ. Ея
мнѣнію автора,—*это ежедневное брызганье смоно
мотанье, которое по непреодолимому предразсудк
зываютъ тоже литературой.* Частица правды в
г. Розонова должна быть, потому что онъ — сотр
Московскихъ Вѣдомостей.

Интересны помѣщенныя въ этой же книжкѣ
путевые очерки Е. Л. Маркова: *Ферана.* Авторъ
описывать природу, даетъ много любопытныхъ св
вахъ разноплеменныхъ обитателей этихъ далеких
разило его почти полное отсутствіе русскихъ въ
стирается отъ станціи Уральской до станціи Мур
странно,—говоритъ Е. Л. Марковъ,—что въ этих
мѣстахъ совсѣмъ нѣтъ русскаго монаха, русскаго
вспомнишь плодотворное воспитательное значеніе
ныхъ обителей, проникавшихъ, бывало, въ глухія
родческихъ странъ раньше пахаря и горожанина,
сударственной силы,—вспомнишь, что милліоны ин
къ единенію съ державою Русской, крѣпко входя
скаго народнаго тѣла гораздо больше вдохновени
отверженныхъ отшельниковъ, чѣмъ силою меча и
ленія, то дѣлается обидно и больно за апатію
многочисленнаго и зажиточнаго монашества, ко
славныя историческія традиціи своей апостольс
ствуется большею частью безцѣльнымъ пребыван
шенныхъ и роскошно всѣмъ снабженныхъ штатны
тренней Россіи, въ Москвахъ, Петербургахъ, Кіе

нѣтъ для нихъ высокихъ евангельскихъ задачъ и гдѣ самое существованіе иноковъ и монастырей является крайне неудобнымъ, можно сказать даже, невозможнымъ и противуестественнымъ, извращающимъ поневолѣ самый характеръ этихъ святыхъ учрежденій, посвященныхъ уединенію, лишеніямъ и подвигамъ".

Отрадно видѣть проблески цивилизаціи, вносимые нами въ недавнія разбойничьи гнѣзда, но нельзя не пожалѣть, что очень еще мало сдѣлано въ этомъ направленіи. Въ Ходжентѣ, который взятъ, послѣ бомбардировки, кровопролитнымъ приступомъ въ 1866 г., русскіе открыли свое училище, лечебницу для туземныхъ дѣтей и женщинъ, нѣсколько хлопкоочистительныхъ заводовъ и фабрику стеклянныхъ издѣлій. Край богатъ минералами. Въ 1885 году было добыто въ ферганскихъ горахъ 400 пудовъ асфальта, а черезъ четыре года уже больше 11,000 пуд. „Туркестанъ имѣетъ также и свинцовыя, и мѣдныя, и сурьмяныя руды, но добыча ихъ до сихъ поръ еще не достигаетъ значительныхъ размѣровъ вслѣдствіе отсутствія серьезныхъ научныхъ изысканій и капитальныхъ предпринимателей". Конечно, гдѣ взять знанія и предпріимчивости нашимъ капиталистамъ, которыхъ убаюкиваетъ протекціонизмъ?

Г. Константиновъ въ статейкѣ о крестьянскомъ банкѣ признаетъ, что „итоги девятилѣтней дѣятельности банка сводятся къ слѣдующему: процентные взносы по всѣмъ вообще ссудамъ поступаютъ съ большими затрудненіями; много крестьянскихъ имѣній доведено было до продажи съ публичнаго торга; значительная часть изъ нихъ осталась за банкомъ, и прогрессивная дѣятельность банка, дойдя, такъ сказать, до кульминаціонной точки въ 1885 году, пошла на убыль". Авторъ признаетъ желательнымъ и удлиненіе срока ссуды (теперь не превышающаго 34½ лѣтъ, тогда какъ нормальный земельный кредитъ допускаетъ ссуды продолжительнѣе шестидесятилѣтнихъ), и уменьшеніе процента. Г. Константиновъ говоритъ, что мало открыть кредитъ: надо согласовать его съ матеріальными силами и потребностями крестьянъ. Приведя нѣсколько любопытныхъ данныхъ, какъ разные коммиссіонеры опутываютъ крестьянъ и эксплуатируютъ продавцовъ-помѣщиковъ, г. Константиновъ, какъ это и подобаетъ сотруднику *Русскаго Вѣстника*, главныя упованія возлагаетъ на земскаго начальника. Этихъ упованій мы, конечно, не раздѣляемъ. Напомнимъ кстати, съ какою помпой и широковѣщаніями вводился у насъ другой институтъ—урядниковъ. Старое земство всего лучше справилось бы съ тѣми задачами, разрѣшеніе которыхъ г. Константиновъ желалъ бы предоставить земскимъ начальникамъ.

Сѣверный Вѣстникъ, *іюнь*. На этотъ разъ въ *Сѣверн. Вѣстникѣ* останавливаетъ на себѣ вниманіе, въ хорошемъ смыслѣ послѣдняго слова, разсказъ г-жи Ольги Шапиръ *Въ слободкѣ*, немудреный, просто, правдиво и тепло написанный разсказъ, по прочтеніи котораго тяжело и жутко становится на душѣ...

У Кузьмы Портнягина, пропойцы и кляузника, не прошедшаго семинарію, старшая дочь Дуняша, — умница и неустанная работница,— поддерживаетъ всю семью. Способнаго и симпатичнаго братишку Ѳедю она опредѣлила въ гимназію, къ кривотолкамъ, злобѣ и издѣвательству всей слободки. Постепенно, однако, злоба затихла и слободка стала уважать своего единственнаго гимназиста. Не безъ почтенія относится къ сыну и побаивающійся Дуни пьяный и скверный скарикашка-отецъ, которому больше по душѣ другая подростающая дочка, бойкая Лизка, тоже мечтающая объ ученьи, о гимназіи.

ка домашняя обстановка Ѳеди, но онъ учи
е начальство и учителя сочувствуютъ благо
:а къ свѣту знанія. Ѳедѣ пятнадцать лѣтъ,
, курсъ, открыть школу въ слободкѣ. Но в
ѣяніе. На мальчика въ гимназіи стали смо
риходиться Ѳедѣ. Онъ говоритъ Дунѣ:
Ломаю, ломаю голову, ничего въ толкъ взя
емѣнилось? Всегда былъ на хорошемъ счету
тебѣ, ничего худого за собою не знаю. Эт
будто трудно четвертый классъ, справи
не сказать чтобъ легко, такъ, вѣдь, ужь и
просить не у кого. Однако, все одолѣвалъ,
Ну?—повторила только Дуняша.
Ну... вдругъ теперь говорятъ — не могу! К
ъ, чтобы не сказать: „*Что, братъ, Портн
достается?... Пятый классъ не шутка!...*
такая“... (Ѳедя язвительно шипѣлъ, желая
На экзаменъ готовлюсь, какъ и прежде... В
ь лѣнтямъ ставили: вотъ, молъ, глядите,
, ему нелегко учиться въ такой семьѣ, ни
а заслуга, другимъ въ образецъ, а нынче.
лько къ столу подойду... Математикъ проби
будешь и тройкѣ радъ-радёшенекъ!...“
было Дуняшѣ и Ѳедѣ уразумѣть эту педа
Въ концѣ-концовъ, гимназическое начальство
ительною ошибкой отдавать Ѳедю въ гимна
грѣ взять обратно документы бѣднаго маль
Ѳедю хочетъ, черезъ своихъ родителей, гор
цъ по гимназіи, князь Чарскій. А въ это в
разыгрывается скорбная драма: родитель Ѳ
кава“: осыпаетъ сына оскорбленіями и жест
ю въ слободкѣ невѣжественнаго и злого,—
юднялось теперь на несчастнаго гимназиста

родъ спалъ, и никому не приснилась въ
Ѳеди. Ни тѣмъ, которые равнодушно или
свою волю, ни безпечнымъ товарищамъ
ными интересами и лишь смутно догадыва
ажется, что-то особенное съ бѣднягой Порт
зли еще хорошенько узнать... Не приснила
ему, великодушному Чарскому, поднявшем
ю свою семью... Вволю наволновавшись, в
спалъ тревожно. Всю ночь ему снился Ѳед
его отцомъ. Мальчикъ машинально сжимал
у, воображая, что обнимаетъ рыдающаго
Не грезилось ему, какъ на темномъ и гря
мишки, на перекинутой черезъ балку крѣпко
лъ странно вытянутый, избитый и всклокоч
го слободскаго гимназиста...“

ъ Божій, *іюнь*. Среди статей этой книжки,
хъ для того круга читателей, который имѣ
петербургскій журналъ, обращаетъ на се
ва: *Прогрессъ въ книгопечатномъ дѣлѣ*. Тѣми

сана другая статья іюньской книжки *Міра Божія*, помѣщенная въ библіографіи (книги для самообразованія): *Государственное право*. Эта послѣдняя является началомъ, повидимому, ряда очерковъ. Написана она дѣльно и общедоступно. Въ отдѣлахъ *Смѣсь* (изъ русской и иностранной жизни), *Разныя извѣстія изъ міра наукъ* и *Новости иностранной литературы* помѣщено много весьма полезныхъ свѣдѣній. Интересна статья г-жи Пименовой: *Сомнамбулизмъ и гипнотизмъ*. Оригинальная беллетристика представлена продолженіемъ романа Д. Н. Мамина-Сибиряка *Весеннія грозы*, переводная—историческимъ романомъ Маутнера—*Ипатія* (окончаніе), веселою бездѣлушкой—комедіей графа Козѣбродскаго *Представитель фирмы Мюллеръ и К°* и окончаніемъ милаго разсказа Мюссе *Петръ и Камилла*. Въ популярномъ научномъ отдѣлѣ продолжаются *Астрономическіе вечера* Клейна и *Антропологическіе очерки* Бекленда. Г. Фофановъ далъ для *Міра Божія* отнюнь не символическое и не декадентское, а очень симпатичное и красиво написанное стихотвореніе *Узникъ*.

Русскій Архивъ, *январь—іюнь*. Содержаніе первыхъ шести книжекъ *Русск. Арх.* за текущій годъ болѣе чѣмъ небогато, замѣтны напряженныя усилія издателя наполнить опредѣленное количество листовъ печатной бумаги; этими напряженными усиліями только и можно объяснить появленіе на страницахъ *Русск. Арх.* тѣхъ пустячковъ, которымъ, казалось бы, не должно было быть мѣста въ серьезномъ историческомъ журналѣ съ такимъ превосходнымъ прошлымъ. Изданіе г. Бартенева невольно отражаетъ на себѣ слѣды того „духа времени“, отъ котораго когда-то думалъ откреститься Погодинъ (см. *Жизнь и труды Погодина, VII*, стр. 68) и кончилъ, все-таки, его признаніемъ. Въ бѣглой замѣткѣ *Памяти Фета* (№ 2) г. Ю. Б. увѣряетъ, что крѣпостническія тенденціи А. А. Фета не разорили его крестьянъ и стихотворенія его стали къ концу жизни „какъ-то еще болѣе прозрачно-воздушны“ (обращикъ опредѣленій литературныхъ критиковъ формаціи 90 гг.); въ вычурной замѣткѣ *По поводу одного солдатскаго разсказа* (I, 177) одинъ военный авторъ сердится на г. Обнинскаго за то, что тотъ заговорилъ о русской арміи и передалъ „разсказъ раненаго подъ Плевной“, гдѣ есть кое-что непріятное для чуткаго офицерскаго сердца, и въ заключеніе обращается ко всей нашей литературѣ съ такимъ *воззваніемъ:* „Господа, философствуйте, фантазируйте, пишите какъ и о чемъ хотите, но, ради Бога, оставьте въ покоѣ армію... закройте клапанъ своихъ философскихъ паровиковъ хоть до поры до времени“. Вотъ до чего стали дописываться нѣкоторые господа! Находятся охотники, которые готовы цѣлую важную область государственной и народной жизни поставить внѣ всякаго литературнаго упоминанія, область именно нуждающуюся въ широкой гласности, дабы въ ней не заводились „всѣ эти Л—цкіе, Н—чицкіе и компанія съ ихъ ординарцами, хватающими крестики, сидя за камнями“, о которыхъ (стр. 171) съ такимъ презрѣніемъ говоритъ нашъ авторъ. Онъ желаетъ подобныхъ компаній и, въ то же время, налагаетъ на литературу печать молчанія; но неужели нельзя понять, что всѣ эти компаніи живы, прежде всего, отсутствіемъ гласности. Высказываясь о нихъ созрительно въ печати, авторъ противорѣчитъ самъ себѣ. Но, помимо противорѣчія, въ замѣткѣ найдутся и явныя искаженія, и преувеличенія. „Берите, господа,—пишетъ нашъ военный авторъ,—примѣръ съ тихъ европейскихъ странъ: тамъ есть радикалы, архикрасные реакціонеры, не стѣсняющіеся печатно поносить своихъ министровъ

(далѣе вставлено прилагательное, какъ опредѣленіе къ [illegible] слову, прилагательное, которое мы предпочитаемъ опустить, будучи менѣе храбрыми, чѣмъ нашъ военный авторъ...) ругательствами, но и тѣ о своей арміи или—„vive l'armée", или молчокъ" (стр. 177). Но, позвольте же г. Зиссерманъ, а извѣстное дѣло о калѣченіи и истязаніяхъ солдатъ въ нѣмецкой арміи, получившее широкую огласку въ нѣмецкой печати, неужели вамъ неизвѣстно? По-вашему и Золя въ романѣ *Débacle* не написалъ ничего болѣе, какъ „vive l'armée!"? Нѣкто В. К. помѣстилъ замѣтку подъ заглавіемъ *Плачъ московскихъ церквей* (№ 6), подъ которой другой уже авторъ замѣчаетъ, что напрасно плачетъ первый авторъ, ибо „стѣсненіе церквей (sic!) въ наше время неудивительно", это было и прежде, и приводитъ нѣсколько любопытныхъ примѣровъ изъ XVIII в. Всѣмъ подобнымъ замѣткамъ настоящее мѣсто въ газетномъ фельетонѣ, а никакъ не въ серьезномъ историческомъ изданіи. Едва ли также *историческому* изданію, какимъ долженъ быть *Русск. Арх.*, удобно вступать въ полемику съ уличными листками: вѣдь, литературная полемика возможна только на литературной почвѣ и только съ дѣятелями литературы, полемизировать же съ уличнымъ листкомъ—вещь очень неблагодарная. Повидимому, это сознавалъ и издатель журнала, и если онъ рѣшился напечатать замѣтку *Правда о странноприимномъ домѣ князей Куракиныхъ въ Москвѣ и домовой церкви при немъ* (№ 2), то кажется потому, что дѣло-то очень вопіющее. Авторъ замѣтки, лицо, отлично знающее исторію рода князей Куракиныхъ и ихъ Странноприимнаго дома въ Москвѣ, опро вергаетъ статью *Московскаго Листка*, порочащую нынѣшняго попечи теля дома князя Ѳ. А. Куракина и написанную въ интересахъ превра щенія домовой церкви при Странноприимномъ домѣ князей Куракиных въ приходскую. Намъ нѣтъ нужды входить въ подробности этого лю бопытнаго и не вполнѣ понятнаго по своей невыясненности дѣла, бе ремъ только его литературную обстановку. Авторъ берется возражат уличному листку, а издатель печатать въ серьезномъ журналѣ: чита тель совсѣмъ недоумѣваетъ. Но... оказывается, что оба знали, что дѣ лали. Печатая *Правду*... г. Бартеневъ дѣлаетъ замѣчаніе отъ себя что статья *Московскаго Листка* представляетъ „собою *клеветливую грязь*" (№ 2, стр. 158) и что надо удивляться, какъ могъ допустит такую „*неправду*" въ *Московскомъ Листкѣ* „*главный и ближайшій е сотрудникъ*" (sic!) Е. В. Барсовъ, секретарь общества исторіи и древ ностей россійскихъ, по словамъ того же г. Бартенева, „*хорошо знающій, что вся сплетня заведена недостойными поползновеніями обратить домовую церковь въ прибыльную приходскую, а святое служени въ личную наживу*". Мы прочитали шесть нумеровъ *Русск. Арх.* за текущій годъ по іюнь включительно и ни въ одномъ изъ нихъ не встрѣтили ни слова секретаря ученаго общества, такъ рѣзко, безпо щадно обвиненнаго г. Бартеневымъ въ допущеніи „клеветливой грязи" и отличномъ знаніи сути „сплетни". Это очень любопытный казусъ характерный для современной литературы: вѣдь, обвиненіе въ грязи клеветѣ—вещь немаловажная, да и роль молчаливаго секретаря уч наго историческаго общества и сотрудника (главнаго и ближайшаг *Московскаго Листка* очень неясна въ этомъ дѣлѣ, равно какъ пор зительна твердая увѣренность выраженій П. И. Бартенева.

И собственно историческій багажъ разсматриваемыхъ книжекъ *Р. Архива* чуть не на половину состоитъ изъ мелочей, среди которы стоитъ отмѣтить письмо Вас. Наз. Каразина къ М. П. Погодину

изданіи *Отечественнаго Архива*, въ которомъ извѣстный основатель Харьковскаго университета и минутный сотрудникъ графа М. М. Сперанскаго предлагаетъ печатать общими трудами имѣющійся у него запасъ „любопытнѣйшихъ данныхъ, нигдѣ не напечатанныхъ или сдѣлавшихся уже очень рѣдкими,—документовъ историческаго и статистическаго содержанія". Любопытно, что Каразинъ предлагаетъ именно *ученое* изданіе памятниковъ нашего прошлаго, „съ сохраненіемъ дипломатической точности, указаніемъ источниковъ, повѣркою оныхъ, съ наблюденіемъ систематическаго порядка" (№ 1, стр. 97; срв. ibid. 1892, V). Инструкція ростовскаго митрополита Арсенія Маціевича, страстнаго любителя лошадей, Ѳедору конюху, нѣжная записка графини А. Д. Блудовой объ императорѣ Николаѣ, переписка С. Д. Нечаева съ митрополитомъ Филаретомъ и друг. лицами, убійство княгини В. Д. Голицыной Н. С. Зыковымъ (разсказъ изъ хроники 1850 г., хорошо извѣстный читателямъ *Русской Мысли* по этюду С. В. Максимова *Два шутосвята*, напечатанному въ 1887 г.), два частныхъ письма изъ времени возсоединенія Малороссіи, отрывки изъ воспоминаній Н. Я. Скарятина и Г. И. Ностица—рядъ мелочей, которыя составляютъ какъ бы фонъ къ любопытному письму Каразина. Три статьи, которыя читаемъ затѣмъ въ разбираемыхъ книжкахъ *Русск. Архива*, не представляютъ для большой публики никакого интереса: *Русскіе землевладѣльцы въ Старой Финляндіи* А. А. Чумикова—каталогъ недвижимыхъ имѣній, пожалованныхъ русскимъ правительствомъ въ Старой Финляндіи русскимъ служилымъ людямъ въ XVIII в. и выкупленныхъ въ прошлое царствованіе финляндскою казной; *Паисій Лигаридъ* Г. А. Воробьева—небольшая компиляція о греческомъ выходцѣ, принявшемъ участіе въ политическомъ процессѣ царя Алексѣя съ патріархомъ Никономъ, и *Богатырь-козакъ Илья Муромецъ, какъ историческое лицо*, Д. И. Иловайскаго, выступившаго противъ изслѣдователей былиннаго эпоса съ упреками, что они до сихъ поръ не сближали былиннаго героя козака Илью Муромца съ воровскимъ козакомъ Илейкой Муромцемъ (царевичъ Лже-Петръ) въ вопросѣ о происхожденіи названія Ильи, какъ стараго козака, но, къ сожалѣнію, опоздавшаго, ибо такое сближеніе задолго до г. Иловайскаго было сдѣлано г. Квашнинымъ-Самаринымъ. Читаемъ, правда, еще большую статью Н. С. Граве *Къ исторіи еврейства* (№№ 5 и 6), подъ громкимъ заглавіемъ которой скрываются досужія размышленія на неблагодарную тему о „вредѣ, происходившемъ отъ расширенія гражданскихъ и политическихъ правъ евреевъ въ Западной Европѣ и въ Россіи" (стр. 59); статья эта со множествомъ ссылокъ, и, притомъ, даже на такія изданія, какъ *Московскій Листокъ*. Интереса она не можетъ представлять никакого (у насъ есть очень толковыя книжки гг. Градовскаго и Песковскаго), такъ что самъ издатель признался, что г-ну Граве оставалось только пересказывать русскія книжки и газетныя статейки. Это хорошо, что сама редакція сознаетъ, что весь интересъ статьи въ утолщеніи почтеннаго журнала.

Изъ воспоминаній и замѣтокъ севастопольца Дм. В. Ильинскаго (№ 1, 3—5) и *Изъ записокъ сенатора* К. Н. Лебедева (№№ 3 и 4) представляютъ наиболѣе цѣнное по содержанію и наиболѣе любопытное для чтенія большой публикѣ пріобрѣтеніе *Русск. Арх.* за первое полугодіе, особенно воспоминанія Лебедева. Замѣтки Д. В. Ильинскаго писаны, съ одной стороны, съ цѣлью „утвердить въ сознаніи, что оборона Севастополя составляетъ послѣднюю главу въ исторіи паруснаго

Черноморскаго флота", создателемъ и учителемъ котораго является Мих. П. Лазаревъ, а съ другой—„указать на неправильно поставленные вопросы, сдѣланные Тотлебеномъ въ систематично-подробномъ изложеніи севастопольской обороны" (I, стр. 87, и II, стр. 336). Читатель находитъ въ изложеніи Д. Ильинскаго матеріалъ для характеристики черноморскихъ адмираловъ М. П. Лазарева, П. С. Нахимова, В. А. Корнилова, В. И. Истомина, также главнокомандующихъ въ Крыму князей Меньшикова и М. Д. Горчакова, и *единственнаго* въ Россіи, по выраженію Ильинскаго, военнаго инженера Тотлебена, вышедшаго изъ школы Шильдера, и затѣмъ рядъ эпизодовъ изъ исторіи севастопольской обороны. Разсказъ Д. Ильинскаго довольно отрывоченъ, сжатъ, критиченъ; порой мы встрѣчаемъ въ немъ очень ѣдкія замѣчанія то по адресу Меньшикова и Тотлебена, то по адресу русскаго военно-инженернаго искусства, причемъ мемуаристъ старается быть безпристрастнымъ въ отношеніи порицаемыхъ лицъ и не скрываетъ ихъ хорошихъ сторонъ (см. особенно замѣчанія на стр. 50, 68, 73 въ № 1 и 256, 266 въ № 3). Патріотически настроенный, онъ не опускаетъ случая упомянуть о военныхъ непорядкахъ или о генералахъ, которыхъ бываетъ видно только въ мирное время (какъ, вѣроятно, негодуетъ вышеупомянутый г. Зиссерманъ, что г. Ильинскій говоритъ о военныхъ непорядкахъ и мирныхъ генералахъ, да возражать нельзя: г. Ильинскій самъ военный человѣкъ).

Что касается интересныхъ *Записокъ* сенатора Лебедева, часть которыхъ появилась въ *Русск. Арх.* 1888—9 гг., то онѣ, конечно, прочтутся всѣми; новый отрывокъ ихъ охватываетъ очень любопытный моментъ декабрь 1855 г.—май 1859 г., когда мы быстро рискнули двинуться впередъ по пути реформъ и когда реакція успѣла, все-таки, раскинуть свои первыя порошинки. Лебедевъ—наблюдатель умный, выдержанный, своеобразный; читая его, получаешь способность болѣть ранами его сердца. Едва ли кто въ состояніи равнодушно прочесть тѣ строки его *Записокъ*, гдѣ онъ говоритъ объ ужасахъ русской дореформенной юстиціи. Русская юстиція,—говоритъ Лебедевъ (№ 4, стр. 361),—почти „при каждомъ дѣлѣ возмущала мнѣ душу: *такъ она отвратительна, такъ преступно равнодушіе графа Панина къ правосудію въ народѣ, въ которомъ водвореніе понятій о собственности и правѣ нужнѣе насущнаго хлѣба*". Относясь безусловно отрицательно къ крайностямъ николаевскаго режима, находя, что сама власть при Николаѣ, благодаря своему вмѣшательству вездѣ и всегда, „унизилась и опошлилась" (№ 3, стр. 287), Лебедевъ, невольный воспитанникъ Николаевской эпохи, выработалъ себѣ особое міровоззрѣніе, которое не позволяло восторженно относиться къ правительству эпохи реформъ. Онъ радуется его желаніемъ, онъ суровый критикъ ихъ исполненія. „Я замѣчаю за собою какое-то систематическое порицаніе устанавливающагося порядка",—пишетъ Лебедевъ (№ 4, стр. 396); онъ недоволенъ эпохою реформъ, потому что она порывиста, чужда постепенности. страстна, оставляетъ дорожку реакціи (срв. стр. 374)—личному врагу мемуариста-сенатора, который уменъ настолько, что самъ чувствуетъ преувеличенность своей критики,—результатъ „привычки поколѣнія Николаевскаго царствованія,—понимаетъ *естественность порывистаго движенія впередъ* послѣ продолжительнаго принужденія (стр. 396, 384 *379*, 375, 360). Это преувеличенное пристрастіе къ мѣрѣ и постепенности заставляетъ особенно волноваться Лебедева при наблюденіи над

освобожденію крестьянъ (стр. 382, 373, 374). Мы отмѣчаемъ эту черту міровоззрѣнія Лебедева, ибо она объясняетъ многое въ его *Запискахъ*, что намъ, читателямъ 90-хъ годовъ, можетъ показаться страннымъ. Любопытны сужденія Лебедева объ общемъ положеніи дѣлъ въ началѣ царствованія Императора Александра II (стр. 289, 292 и др.), о литературѣ въ это время, дворянствѣ (стр. 291, 343), о Муравьевѣ, Панинѣ и др.; когда Лебедева приглашали въ 1837 г. служить при Муравьевѣ, онъ отвѣчалъ П. И Колошину: „Напишите вашему Муравьеву, что еслибъ онъ не считалъ людей собаками, то, можетъ быть, я бы рѣшился съ нимъ служить“ (стр. 366). Лебедеву, все-таки, пришлось служить вмѣстѣ съ Муравьевымъ въ министерствѣ государственныхъ имуществъ (см. стр. 389, 382, 377). Записки Лебедева весьма любопытно сопоставить съ дневникомъ Никитенка: сенаторъ и академикъ Николаевской эпохи дали въ своихъ запискахъ нѣчто весьма поразительное.

книгъ, поступившихъ въ редак
Русская Мысль“ съ 1 іюня п
1893 г.

й, В. А. Географическое
іе града въ Европейской Рос-
мость этого явленія отъ рель-
ювержности. Москва, 1893 г.
in 8.

Краткая исторія 138-го пѣ-
ховского полка для нижнихъ
рисунками. Рязань, 1892 г.

въ, А. С. Кто братъ, кто
обманъ за обманомъ. Новая
ль въ 1 дѣйствіи. Изд. Ф. А.
Кіевъ, 1893 г. 148+IV in 64.
въ, А. С. Молодые супру-
въ 1 дѣйствіи. Изд. Ф. А.
Кіевъ, 1893 г. 112 in 64.
въ, А. С. Студентъ. Коме-
йствіяхъ. Изд. Ф. А. Іоган-
, 1893 г. 277 in 64.
въ, А. С. Притворная не-
омедія въ 1 дѣйствіи. Изд.
она. Кіевъ, 1893 г. 126 in 64.
. Стихотворенія. Кіевъ, 1893 г.
53 in 8.
й, Іоаннъ Амосъ.
орянской школы, съ чешскаго
„Informatorium školy ma-
8). Пер. Ѳ. В. Ржича. Н.-
1893 г. Ц. 50 к. 109 in 16.
ихъ писателей для дѣтей.
зданный редакціею газеты
ово“. Кіевъ, 1893 г. Ц. 30 к.

ьфредъ, д-ръ. Гигіена
бщедоступное изложеніе, какъ
ъ и лечить себя отъ сифи-
съ нѣмецкаго Н. Лейнен-
. Ф. А. Іогансона. Кіевъ,
50 к. 122+VI in 16.
Севастьянъ. Уходъ за
больными дѣтьми съ первыхъ
ребенка до юношескаго воз-
. Ф. А. Іогансона. Кіевъ,
50 к. 240 in 16.
Севастьянъ. Мое водо-
дство къ излеченію болѣзней
ю здоровья. Изд. Ф. А. Іоган-
1893 г. Ц. 1 руб. X+350 in 8.

Кругловъ, А. В. (
манъ. Изд. Ф. А. І
1893 г. Ц. 1 руб. 25
Лессингъ, Г. Натан
тическое стихотвореніе
Изд. Ф. А. Іогансона.
Ц. 25 к. 229 in 16.
XXVIII очередное ни
ное земское собраніе
1892 года и экстрен
апрѣля и 29 декабря 1
родъ, 1893 г. in 8.
Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Саратовской губерніи. Томъ IX. Сердобскій уѣздъ. Изд. саратовскаго губернскаго земства. Саратовъ, 1893 г. in 8.
Амфитеатровъ, Александръ. Психопаты. Правда и вымыселъ. Москва, 1893 г. Ц. 1 руб. 184 in 8.
Гарбель, А. Настольный энциклопедическій словарь. Выпускъ 69-й. Москва, 1893 г. Ц. 40 к. in 8.
Двадцать пятый годовой отчетъ новгородскаго мѣстнаго управленія подвѣдомственныхъ ему комитетовъ Россійскаго Общества „Красн. Креста“, состоящаго подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Его Императорскаго Величества за 1892 г., съ приложеніемъ исторической записки. Новгородъ, 1893 г 111 in 8.
Смирновъ, Павелъ. Какъ дѣлаютъ мыло. Изд. Ф. В. Щепанскаго. Спб., 1893 г. Ц. 30 к. IV+48 in 16.
Вильке, А. Электричество, его источники и примѣненія въ промышленности. Вып. I. Перевелъ и дополнилъ А. В. Вульфъ. Изд. Ф. В. Щепанскаго. Спб. 1893 г. 48 in 8.
Саратовскій край, историческіе очерки воспоминанія, матеріалы. Вып. I. Изданіе саратовскаго общества вспомоществованія нуждающимся литераторам Саратовъ, 1893 г. 372+IV in 8.
Лурье, С. Пятикнижіе и новѣйшій антисемитизмъ. Спб., 1893 г. 45 in 8.
Лурье, Осипъ. Звуки жизни. Спб 1893 г. 112 in 4.

Евсѣевъ, И. Обученіе искусству письма съ гигіенической точки зрѣнія. Съ 11 рисунками. Москва, 1893 г. Ц. 25 к. 38 in 8.

Моръ, Я. Книга упражненій по греческой этимологіи. Изд. К. Л. Риккера. Ц. 1 р. 25 к. Спб., 1893 г. 223 in 8.

Акинфіевъ, И. Я. Путешествіе по югу Россіи и сѣверному Кавказу. Екатеринославъ, 1893 г. Ц. 50 к. 67 in 8.

Сомнеръ, В. Г. Протекціонизмъ или теорія происхожденія богатства отъ непроизводительнаго труда. Пер. Я. А. Новикова. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 141 in 8.

Hollaender, L., и др. Руководство къ леченію зубныхъ болѣзней. Изд. Фрейфельда младшаго. Томъ II, вып. 6-й. Харьковъ, 1893 г. in 8.

Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Саратовской губерніи. Томъ XII. Выпускъ I. Балашовскій уѣздъ. Изд. саратовскаго губернскаго земства. Саратовъ, 1893 г. Ц. 2 р. in 4.

Шелли. Сочиненія. Переводъ съ англійскаго К. Д. Бальмонта. Выпускъ I-й. Спб., 1890 г. Ц. 50 к. 77 in 16.

Отчетъ государственнаго банка по выкупной операціи съ открытія выкупа по 1 января 1892 года. Спб., 1893 г. in 4.

Каталогъ книгъ за 1892 годъ. Изд. русскаго общества книгопродавцевъ и издателей. Спб., 1893 г. 147 in 8.

Историческое обозрѣніе. Сборникъ историческаго общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ (1893 г.). Спб., 1893 г., томъ 6-й. 233+64 in 8.

Кавасковъ, Я. Г. Реформа библіотечнаго дѣла. Изд. книжн. магазина Д. В. Байкова. 1893 г. 16 in 8.

Полиновскій, М. Б. Стихи. Одесса, 1893 г. Ц. 40 к. 127 in 16.

Lourie, Ossip. Échos de la vie. Paris, 145 in 8.

С—въ, П. Е. Въ городѣ и на дачѣ. Сборникъ юмористическихъ стихотвореній. Вып. I. Ц. 25 к. Пенза, 1893 г. 48 in 16.

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Т. 83, 84, 85, 86, 87. Спб., 1892 г. Цѣна каждаго тома 3 р. in 4.

Лѣсковъ, Н. С. Собраніе сочиненій. Томъ одиннадцатый. Спб., 1893 г. Ц. 3 р. 490 in 8.

Внѣшняя торговля по европейской границѣ 1893 г. Апрѣль. Спб., 1893 г. in 4.

Энгельгардтъ, А. П. Общественныя запашки въ связи съ учрежденіемъ государственнаго страхованія посѣвовъ отъ неурожая на крестьянскихъ надѣльныхъ земляхъ. Казань, 1893 г. 21 in 8.

Каблицъ, І. (Юзовъ, І.). Основы народничества. Часть II. Спб., 1893 г. Ц. 2 р. 509 in 8.

Филодумовъ, А. Путевые разсказы и замѣтки. Вып. I. Одесса, 1893 г. Ц. 30 к. 60 in 8.

Столыпинъ, Д. А. О существованіи научныхъ естественныхъ законовъ для общественныхъ явленій. Статья вторая. Москва, 1893 г. Ц. 10 к. 14 in 8.

Лишинъ, А. Динамическая крѣпость боевыхъ судовъ. Севастополь, 1893 г. 14 in 8.

Штейнгауеръ, И. С. Первые уроки географіи, примѣненные къ потребностямъ школъ съ инородческимъ элементомъ. Курсъ систематическій. Спб., 1893 г. IV+87 in 8.

Коркуновъ, Н. М. Русское государственное право. Томъ II. Особенная часть. Спб., 1893 г. Ц. 2 р. 50 к. 417 in 8.

Журналы касимовскаго уѣзднаго земскаго собранія XXVIII-го очереднаго созыва и экстреннаго созыва 17 іюля 1892 года. Касимовъ, 1893 г. in 8.

Эрисманъ, Ф. Ф. Холера. Эпидеміологія и профилактика съ общественно-санитарной точки зрѣнія. Съ 7 діаграммами. Москва, 1893 г. Ц. 1 р. 30 к. VI+201 in 8.

Бедрисъ, Петръ. Идеальное государство. Съ планами, чертежами и таблицами. Спб., 1893 г. Ц. 3 р. IV+246 in 8.

Прессъ, А. А. Общедоступное руководство для борьбы съ огнемъ. Съ 79 чертежами въ текстѣ. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 75 к. VII+182 in 8.

ОГЛАВЛЕНІЕ

„БИБЛІОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА

I. Книги.

Беллетристика: „Собраніе сочиненій“ *Н. С. Лѣскова.*—„Армянск тристы“, *изд. Ю. Веселовскаго и М. Берберьяна.*—„Фламандскія народ ки“, *изд. М. М. Ледерле.*—„Шварцвальдскіе разсказы“, *Бертольда Ау*

Публицистика: „Объ учрежденіи страхованія отъ огня дворянск шествъ“. *Е. М. Баранцевича* . . . . . .

Философія: „Пессимизмъ“. *Джемса Сѣлли* . . . . . .

Исторія и біографіи: „Матеріалы для исторіи женскаго образ Россіи“. *Е. Лихачевой.*—„Записки Ивана Ивановича Неплюева“. — „З мѣчательныхъ людей“. *Изд. Ф. Павленкова.*—„Воспоминанія“ *Юрія Аз* „Stendhal“, *par Casimir Stryenski* . . . . . .

Политическая экономія и статистика: „A History of Socia *Tomas Kirkup.*—„Отчетъ тамбовской губернской земской управы по и ственной операціи 1891—1892 гг.“. 315

Юридическія книги: „Наука гражданскаго права въ Россіи“. *Проф. Г. Ф. Шершеневича.*—„Германское торговое право“. *Карла Горейса* 319

Сельское хозяйство: „Сельско-хозяйственные курсы для народныхъ учителей въ Россіи“. *И. И. Мещерскаго.* — „Пчеловодство, основанное на наукѣ или многолѣтней практикѣ, или доходное пасѣчное хозяйство“. *Проф. Т. Цесельскаго.*—„Руководство къ уходу за плодовымъ садомъ“. *А. С. Гребницкаго.* . . 321

Естествознаніе: „Геологическая карта Европейской Россіи“. — „Весенняя флора средней Россіи“. *П. Маевскаго.*— „Изслѣдованія силъ химическаго сродства“. *С. М. Гульберга и П. Ваге* 3

Техническія книги: „Фабричные паровые котлы, устройство ихъ и уходъ за ними“. *І. А. Боровича.*—„Защита жизни и здоровья рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ“. *А. А. Пресса.* 3

Стр.

Медицина: „Холерная эпидемія въ Смоленской губ. 1831—1871 гг.“. *Д. Н. Жбанова.*—„Голодъ и вызываемыя имъ болѣзни“. *А. А. Липскаго.* — „Руководство къ частной патологіи и терапіи для врачей и учащихся“. *Эйхгорста.* — „Общедоступный лечебникъ по глазнымъ болѣзнямъ“. *С. Л. Сегаля.* 331

Учебники и дѣтскія книги: „Учебная библіотека“. — „Первое горе“. *О. И. Шмидтъ.* 334

Справочныя книги: „Отчетъ Императорской публичной библіотеки за 1889 годъ“.—„Слуги печати“. *А. Бахтіарова.* 335

II. Періодическія изданія.

„Вѣстникъ Европы“, *іюнь*.—„Русское Богатство“, *май*—*іюнь*.—„Русское Обозрѣніе“, *іюнь*.—„Русскій Вѣстникъ“, *іюнь*.—„Сѣверный Вѣстникъ“, *іюнь*.—„Міръ Божій“, *іюнь*.—„Русскій Архивъ“, *январь—іюнь* 338

III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 іюня по 1 іюля 1893 г.

а журнала „Русская Мысль“ (*Москва, Лескій переулокъ, 21*) принимаетъ объявленія: мѣщенія ихъ въ книгахъ журнала или разихъ при журналѣ, на слѣдующихъ условіяхъ:

а объявленіе, помѣщаемое въ началѣ книзанимающее цѣлую страницу, взимается б., а въ концѣ книги 25 руб. Разсчетъ юдится за полную страницу, хотя бы іеніе занимало мѣсто менѣе страницы.
Для помѣщенія объявленія въ извѣстной , таковое должно быть доставлено не 5 числа того мѣсяца.
За каждую тысячу листовъ, прикладыкъ къ журналу объявленій, взимается ждой 1000 экз. за 1 лотъ вѣсу 8 руб., лота 10 руб., за 3 лота 13 руб., за 4 .6 руб. Въ виду почтовыхъ правилъ, ли- ги не могутъ быть сброшюрованы между или вброшюровываться въ журналъ.
бъявленія помѣщаются въ журналѣ или адываются къ нему не иначе, какъ по леніи конторѣ журнала слѣдуемой за аты.
Доставившимъ объявленія для печатанія іеніе всего года дѣлается уступка.

конторѣ журнала *Русская Мысль* имѣетольшое количество годовыхъ экземпляжурнала за 1883, 1886, 1887 и 1888 гг. которымъ, съ пересылкою, слѣдующа: и 1886 г. за 1 экз. по 6 руб.; 1887 . экз. 7 руб., 1888 г. за 1 экз. 8 р. Цѣн означенные года вмѣстѣ 26 руб. съ п кою.

Поступилъ въ продажу

„СБОРНИКЪ ВЪ ПОЛЬЗУ ГОЛОДАЮЩИХЪ".

Изданіе редакціи журнала „Русская Мысль".

СОДЕРЖАНІЕ:

Голодъ. Стихотвореніе. *Василія Величко.*—Что сдѣлали Тургеневъ и Григоровичъ для русской экономической мысли. *А. Исаева.*—Сила человѣка. Стихотвореніе. *Д. Мережковскаго.*—Скупой рыцарь. Разсказъ. *И. Салова.*—Стихотвореніе. *Н. Минскаго.*—Право и политическая экономія. *Виктора Гольцева.*—Сахемъ. Разсказъ Генрика Сенкевича, переводъ *Вукола Лаврова.*—Сергѣй Тимоѳеевичъ Аксаковъ. *М. Протопопова.*—Въ голодовку. *Григорія Мачтета.*—Стихотвореніе. *А. Монастырскаго.*—Русская колонія въ Латинскомъ кварталѣ. *М. Ремезова.*—Гражданское правосудіе въ духѣ Судебн. Уставовъ. *Гр. Джаншіева.*—Черкесъ. Очеркъ. *В. Короленка.*—Лѣсъ. Стихотвореніе. *Ал. Ленцевича.*—Метеорологическія условія неурожая 1891 г. *В. Соколова.*—Денегъ нѣтъ. Разсказъ. *Л. Лукьянова.*

Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 25 к.

Сборникъ напечатанъ въ количествѣ 3,000 экземпл. Весь валовой сборъ поступаетъ въ пользу голодающихъ.

Складъ изданія въ конторѣ редакціи журнала „Русская Мысль" (Москва, Леонтьевскій, 21).

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

Н. ФЕНУ и К°

(С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Невскій пр., 40).

поступили въ продажу, между прочимъ, слѣдующія изданія:

Авенаріусъ, В. П. Книга былинъ. Сводъ избранныхъ образцовъ русской народной эпической поэзіи. Изд. 4-е. Москва, 1893 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Angerstein et Eckler. Домашняя гимнастика для здоровыхъ и больныхъ. Переводъ съ нѣмецкаго, подъ редакціей К. Ковальковскаго. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Съ 55-ю рисунками. Спб., 1893 г. Цѣна 1 р.

Брандесъ, Г. Главныя теченія литературы девятнадцатаго столѣтія. Перев. съ нѣмецкаго В. Невѣдомскаго. Англійская литература. Москва, 1893 г. Цѣна 2 р. 50 к.

Врюль, Н. Пониженные пассажирскіе тарифы въ прямыхъ и лѣтнихъ сообщеніяхъ русскихъ желѣзныхъ дорогъ, опубликованные по 1 іюня 1893 г. Спб., 1893 г. Цѣна 40 к.

Веберъ. Плодовое и ягодное виноградіе и его значеніе для Россіи. Изд. 2-е. Съ 25-ю рисунками. Спб., 1893 г. Цѣна 75 к.

Виноградниковъ, И. Extemporalia съ русскаго языка на латинскій для среднихъ и старшихъ классовъ гимназій. Перев. Кіевъ, 1893 г. Цѣна 60 к.

Годлевскій, С. Основы современнаго развитія. Очеркъ умственныхъ стремленій XIX вѣка. Спб., 1893 г. Цѣна 60 к.

Друммондъ, Генри. Какъ преобразить нашу жизнь. Рѣчь. Переводъ съ англійскаго С. Долгова. Изданіе 2-е. Москва, 1893 г. Цѣна 25 к.

Зола, Эмиль. Докторъ Паскаль. (Le docteur Pascal). Романъ. Переводъ съ французскаго Н. А. Шульгиной. Спб., 1893 г. Цѣна 1 р.

[illegible]ковъ, Я. Г. Реформа библіотечнаго дѣла. Библіотечныя карточки при вновь поступающихъ книгахъ, съ приложеніемъ библіотечныхъ карточекъ. Москва, 1893 г. Цѣна 25 к.

[illegible]ъ, С. Мое водолеченіе. Средства къ излеченію здоровья. Изданіе 2-е исправленное и значительно дополненное. Кіевъ, 1893 г. Цѣна 1 р.

Королевъ, Ф. Льноводство. Руководство къ льновозділыванію, полученію льняного волокна и сельско-хозяйственной его обработкѣ. Съ 47-ю чертежами. Изданіе 2-е. Спб., 1893 г. Цѣна 86 к.

Котельниковъ, В. Начальныя свѣдѣнія по скотоводству. Съ 57-ю рисунками въ текстѣ. Изданіе 3-е, исправленное и дополненное. Спб., 1893 г. Цѣна 40 к.

Лейкинъ, Н. А. Воскресные охотники. Юмористическіе разсказы о похожденіяхъ столичныхъ и подгородныхъ охотниковъ. (Воскресенье на дачѣ. — Рыболовы). Спб., 1893 г. Цѣна 1 р.

Лейкинъ, Н. А. На лонѣ природѣ. Юмористическіе очерки подгородной дачной жизни. Спб.. 1893 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Леонардъ, Н. Въ Чикаго на выставку! Путеводитель по Нью-Йорку, Чикаго и всемірной Колумбовой выставкѣ. Спб., 1893 г. Цѣна 1 р.

Лессингъ, Г. Натанъ мудрый. Драматическое стихотвореніе въ 5-ти дѣйствіяхъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Кіевъ, 1893 г. Цѣна 25 к.

Луговой, А. Добей его (Pollice verso). Параллели. Изданіе „Посредника", для интеллигентныхъ читателей. Москва, 1893 г. Цѣна 50 к.

Михайловъ, В. И. Руководство къ различнымъ родамъ живописи для любителей. Спб., 1893 г. Цѣна 80 к.

Оссальдъ, Фридрихъ. Лягавая собака. (Der Vorstehhund). Руководство къ уходу за лягавою собакой. Ея воспитаніе, содержаніе дрессировка безъ побоевъ. Лечебникъ собакъ съ приложеніемъ описанія другихъ породъ охотничьихъ собакъ и русской псовой охоты. Перев. съ нѣмецкаго. Спб., 1893 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Первольфъ, І. Славяне, ихъ взаимныя отношенія и связи. Томъ III. Славянская идея въ политическихъ и культурныхъ сношеніяхъ славянъ до конца XVIII в. Часть II—Славяне западные и восточные. Варшава, 1893 г. Цѣна 2 р.

Положеніе о государственномъ налогѣ съ

приложеніемъ: 1) Росписанія городовъ и поселеній по классамъ. 2) Вѣдомости окладовъ государственнаго квартирнаго налога. Спб., 1893 г. Цѣна 20 к.

Постѣлинъ, Л. А. Учебникъ пчеловодства. Съ 83-ю рисунками и сравнительною таблицей размѣровъ ульевыхъ рамокъ въ натуральную величину. Спб., 1893 г. Цѣна 60 к.

Регель, А. Типы теплицъ, оранжерей и грунтовыхъ сараевъ для сѣвернаго климата. Изданіе 2-е, значительно дополненное. Съ 19-ю рисунками. Спб., 1893 г. Цѣна 30 к.

Рецепты вѣнскихъ клиникъ. Изъ клиникъ профессоровъ Мейнерта, Бенедикта, Капози, Неймана, Штельвага, Грубера. Взято съ нѣмецкаго изданія Withae. Переводъ Н. Васильева. Спб., 1893 г. Цѣна 40 к.

Снегиревъ, Л. Ѳ. Гражданскіе законы, общедоступно изложенные и объясненные въ 3-хъ книгахъ. Руководство къ познанію законовъ. Вып. I-й. Москва, 1893 г. Цѣна 2 р.

Старчевскій, А. В. Русскій морской переводчикъ во всѣхъ портахъ Европы и сѣверной Африки на 25 языкахъ европейскихъ и сѣверо-африканскихъ языкахъ. Отъ Кронштадта до Портсаида. Спб., 1893 г. Цѣна 2 р.

Стадъ, В. Въ Чикаго на выставку. Повѣсть, съ рисунками въ текстѣ. Москва, 1893 г. Цѣна 75 к.

Стернъ, А. В. Бракъ по любви. Повѣсть. Изданіе „Посредника". Для интеллигентныхъ читателей. Москва, 1893 г. Цѣна 50 к.

Ѳедоровскій, Н. Руководство къ химическому анализу винъ. Съ рисунками въ текстѣ. Спб., 1893 г. Цѣна 50 к.

Черноглазовъ, Л. А., и Кичуновъ, Н. Огурцы, дыни, арбузы и тыквы. Описаніе породъ и уходъ за ними въ парникахъ, огородахъ и на поляхъ (баштанахъ) и о разведеніи шампиньоновъ. Изданіе 2-е. Спб., 1893 г. Цѣна 75 к.

Шелонскій, Н. Н. Братья св. креста. Москва, 1893 г. Цѣна 1 р.

Шопенгауэръ, А. О писательствѣ и слогѣ. Переводъ съ предисловіемъ Д. Цертелева. Спб., 1893 г. Цѣна 50 к.

Шредеръ, Р. И. Русскій огородъ-питомникъ и плодовый садъ. Руководство къ наивыгоднѣйшему устройству и веденію огороднаго и садоваго хозяйствъ. Съ 142-мя политипажами. Изданіе 5-е. Спб., 1893 г. Цѣна 2 р. 50 к.

Пересылка—по вѣсу и разстоянію. Частнымъ лицамъ—съ наложеннымъ платежомъ.

Вышла іюньская книжка ДНЕВНИКА

АРТИСТА

Содержаніе: *Родина*, др. въ 4 д. Зудермана. *Золотыя розсыпи*, ром. В. М. Михеева. *Н. Х. Рыбаковъ* (съ портр.), ст. Н. М. Городецкаго и И. Менделѣева-Сибиряка. *Свадьба въ Малороссіи*, карт. Н. К. Пимоненко (фототип.).

ПОДПИСКА на 1893 г.—10 р., съ перес.—12 р. Отдѣльные №№ по 2 р. **Контора въ Москвѣ**, Страстной бульваръ, д. Адельгеймъ.

Вышелъ № 27 (іюль) „**ТЕАТРАЛЬНОЙ БИБЛІОТЕКИ**". Содержаніе: *Завидный женихъ*, сц. въ 3 д. С. К. Иконникова. *Герой*, к.-ш. Г. Н. Грессера. *Ангелъ*, фарсъ. *За прошлое*, сц. Е. Е. Матерна. *Клубъ велосипедистовъ*, фарсъ въ 3 д. Н. В. Корцинъ-Жуковскаго. *Ночь*, др. эт. В. Свѣтлова.

Подписка (за годъ—8 р., съ перес.—4 р.) **принимается ТОЛЬКО** отъ подписчиковъ на „Артистъ". Отдѣльные №№ по 1 руб.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

ОТЪ СОВѢТА С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО СЛАВЯНСКАГО БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАГО ОБЩЕСТВА.

Въ торжественномъ собраніи гг. членовъ С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества, состоявшемся 11 мая 1893 года, по случаю исполнившагося 25-лѣтія существованія Общества, учрежденъ конкурсъ, съ двумя преміями, одной въ 3,000 руб. и другой въ 1,000 руб., имени А. Ѳ. Гильфердинга, за лучшія сочиненія на слѣдующія темы:

1) „Представить сжатый, но обстоятельный, основанный на возможно-полномъ изученіи доступныхъ источниковъ, при знакомствѣ съ литературою предмета, очеркъ исторіи южныхъ и западныхъ славянъ, начиная съ такъ называемой исторической эпохи ихъ существованія въ Европѣ до 1879 года включительно,—въ связи съ исторіей сопредѣльныхъ народовъ и государствъ. Въ предлагаемомъ очеркѣ должно быть обращено вниманіе не на внѣшнія только политическія судьбы славянскихъ народовъ, но и на внутреннюю ихъ жизнь — церковь, литературу, право и т. п., причемъ съ большою полнотою должны быть изложены тѣ періоды и отдѣльныя событія въ исторической жизни славянъ, которые оставили болѣе глубокій слѣдъ въ судьбахъ той или другой славянской народности, въ общеславянской и общеевропейской исторіи. Очерку долженъ быть предпосланъ обзоръ главнѣйшихъ источниковъ для исторіи южныхъ и западныхъ славянъ и указатель, по крайней мѣрѣ, важнѣйшихъ пособій для болѣе подробнаго ознакомленія съ тѣмъ или другимъ отдѣломъ славянской исторіи“ (премія въ 3,000 р.).

2) „Представить обстоятельный, основанный на точномъ знаніи источниковъ, очеркъ исторіи и современнаго положенія заграничной Руси (Галицкой, Буковинской и Угорской) въ отношеніяхъ—политическомъ, религіозномъ, экономическомъ (за послѣднее время) и пр., причемъ, конечно, больше вниманія должно быть обращено на тѣ стороны и періоды въ историческихъ судьбахъ заграничной Руси, въ которыхъ наиболѣе ярко выразились съ одной стороны упадокъ національной ея жизни, а съ другой—и подъемъ народнаго русскаго духа. Предлагаемому очерку слѣдуетъ предпослать указатель источниковъ и пособій. Къ сочиненію, въ случаѣ его печатанія, должна быть приложена карта заграничной Руси“ (премія въ 1,000 р.).

Сочиненія на вышеизложенныя темы должны быть представлены въ Совѣтъ С.-Петербургскаго Славянскаго Общества (С.-Петербургъ, площадь Александринскаго театра, № 9), обязательно на русскомъ языкѣ, не позже 11 мая 1896 года, безъ обозначенія имени автора, только съ номеромъ или девизомъ.

Обозначеніе имени автора должно быть приложено въ особомъ, наглухо запечатанномъ конвертѣ, на которомъ должны быть прописаны номеръ или девизъ рукописи.

По присужденіи, по докладу Совѣта общему собранію, за лучшія сочиненія преміи, таковыя будутъ выданы соискателямъ, по вскрытіи конвертовъ съ ихъ именами, на собраніи гг. членовъ Славянскаго Общества 14 февраля 1897 года.

Премированныя сочиненія печатаются (въ количествѣ 1200 экз.) на счетъ Славянскаго Общества, которое изъ всего количества печатаемыхъ экземпляровъ получитъ въ свое распоряженіе 600, а другіе 600 уступаетъ автору *).

***) По соглашенію съ Совѣтомъ Общества авторъ можетъ печатать свое сочиненіе въ большемъ количествѣ экземпляровъ, но уже на свой счетъ—свыше 1200 экз.**

Находятся въ продажѣ новыя книги:

Повѣсти и разсказы. Генрика Сенкевича. Перев. **В. М. Лаврова**, предисловіемъ **В. А. Гольцева**. Цѣна 1 р. 50 к., съ пересыл 1 руб. 80 коп.

Безъ догмата. Романъ **Генрика Сенкевича.** Перев. **В. М. Лавро** (Второе изданіе). Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкою 1 р. 80 к.

Космополисъ. Романъ **Поля Бурже.** Перев. **М. Н. Ремезова.** Ц 1 р. 50 к., съ пересылкою 1 р. 80 к.

Портъ-Тарасконъ. (Послѣднія приключенія знаменитаго Тартарена). **А. фонса Додэ.** Перев. **М. Н. Ремезова.** Цѣна 1 руб. съ пересылк

Сизифъ. Картинки деревенской жизни **Клеменса Юнѳша.** Перев. съ по скаго. **В. М. Лаврова.** Цѣна 50 к., съ пересылкою 65 к.

Наше сердце. Романъ **Гюи де-Мопассана.** Перев. **М. Н. Ремезо** Цѣна 1 руб.

Объ искусствѣ. Критическія замѣтки **В. А. Гольцева.** Цѣна 1 руб. пересылкою.

Гарденины, ихъ дворня, приверженцы и враги. Романъ **А. И. Эртел** Цѣна 2 руб. съ пересылкою.

Послѣ Пушкина. Сборникъ стихотвореній русскихъ поэтовъ, состав ный и изданный редакціею журнала «Русская Мысль». Цѣна 2 ру съ пересыл. 2 р. 50 к. Подписчики на журналъ «Русская Мыс за пересылку не платятъ.

Щедринъ. (Критическій этюдъ). **Н. К. Михайловскаго.** Цѣна 1 руб

Очерки и разсказы. Владиміра Короленко. (Шестое изданіе). Ц 1 руб. 50 коп. съ пересылкою.

Очерки и разсказы. Владиміра Короленко. Книга вторая. Цѣна 1 50 коп. съ пересылкою.

Слѣпой музыкантъ. (Этюдъ). **Владиміра Короленко.** (Третье издані Цѣна 75 коп. съ пересылкою.

О пьянствѣ. Д-ра П. С. Алексѣева. Съ предисловіемъ **графа Л. Толстого: Для чего люди одурманиваются?** Цѣна 1 руб. пересылкою.

Нашихъ полей ягоды. Романъ. **М. Аютина** (М. Н. Ремезова). Ц 1 р., съ пересылкою 1 р. 20 к. Подписчики на «Русскую Мыс за пересылку не платятъ.

Пятигорскія и съ ними смежныя минеральныя воды. Состав докторъ медицины **В. С. Богословскій**, профессоръ Московск университета. Цѣна безъ пересылки 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 Подписчики на «Русскую Мысль» за пересылку не платятъ.

Вопросы дня и жизни. В. А. Гольцева. Изданіе редакціи журна «Русская Мысль». Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 руб. 20 коп.

Складъ изданій въ конторѣ журнала «РУССКАЯ МЫСЛЬ» (Москва, Леонтьевскій пер., 21).

Стр.

XIII. НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ: Коренной вопросъ антропологіи.—М. А. Мензбира. 112

XIV. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: Законопроектъ о неотчуждаемости крестьянской надѣльной земли. — Темныя стороны нашей ремесленной промышленности.—Циркуляръ г. попечителя кавказскаго учебнаго округа.—Успѣхи земской начальной школы.—По поводу излишней обидчивости одного общественнаго дѣятеля. 143

XV. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—В. А. Гольцева 161

XVI. ОЧЕРКИ ПРОВИНЦІАЛЬНОЙ ЖИЗНИ.— И. И. Иванюкова . . 169

XVII. ИЗЪ ИСТОРІИ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ. (Записки и дневникъ (1826—1877 гг.) А. В. Никитенка. Три тома). *Окончаніе.*—М. А. Протопопова 186

XVIII. ПОКРЫВАТЬ ИЛИ РАСКРЫВАТЬ РАСТРАТЫ. (По поводу «опроверженія» г. Обтяжнова).—Провинціальнаго наблюдателя. . . 204

XIX. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ: I. Книги: Беллетристика.—Публицистика.—Философія.—Исторія и біографіи.—Политическая экономія и статистика.—Юридическія книги.—Сельское хозяйство.—Естествознаніе.—Техническія книги.—Медицина.—Учебники и дѣтскія книги.—Справочныя книги. II. Періодическія изданія: «Вѣстникъ Европы», *іюнь*.—«Русское Богатство», *май — іюнь*. — «Русское Обозрѣніе», *іюнь*. — «Русскій Вѣстникъ», *іюнь*,— «Сѣверный Вѣстникъ, *іюнь*. — «Міръ Божій», *іюнь*.—«Русскій Архивъ», *январь—іюнь*. III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 іюня по 1 іюля 1893 г. 299

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Условія подписки на 1893 годъ

(ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

	Годъ.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста Россіи	12 р.	6 р.	3 р.	1 р.
За границу.	14 „	7 „	3 „ 50 к.	— „

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: при подпискѣ, къ 1 апрѣля, 1 іюля и 1 октября по 3 руб.

Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 50 коп. съ каждаго годоваго экземпляра. Кредита и разсрочекъ по доставляемымъ ими подпискамъ не допускается.

За перемѣну адреса взимается слѣдующая плата: при переходѣ городскихъ подписчиковъ въ иногородніе, а равно иногородныхъ въ городскіе уплачивается по 50 коп. За перемѣну адреса на адресъ той же категоріи уплачивается 25 коп. При перемѣнѣ адреса на заграничный доплачивается разница подписной цѣны на журналъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Москвѣ: въ конторѣ журнала—Леонтьевскій пер., 21.
Въ Петербургѣ: въ отдѣленіи конторы журнала—при книжномъ магазинѣ Н. Фену и К°, Невскій просп., домъ Армянской церкви.

Редакторъ-издатель В. М. ЛАВРОВЪ.

P Slav 605

1187

РУССКАЯ

МЫСЛЬ.

ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

5

АВГУСТЪ.

МОСКВА.
Типо-лит. Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°,
Пименовская ул., собств. дом.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I. АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ ГЕРЦЕНЪ И НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА ЗАХАРЬИНА. (Ихъ переписка). *Продолженіе* . 1

II. ТЕССЪ, НАСЛѢДНИЦА Д'ОРБЕРВИЛЕЙ. Романъ **Томаса Гарди**. Переводъ съ англійскаго. *Окончаніе* 16

III. ВЕЛИКІЙ ГРѢШНИКЪ. (Разсказъ).—**Д. Н. Мамина-Сибиряка.** 76

IV. СТИХОТВОРЕНІЯ.—**В. Л. Величко** 104

V. СОПЕРНИЦЫ. Романъ **Франсуа Коппе**. Переводъ съ французскаго **М.** *Окончаніе* 106

VI. ДѢДУШКА ТИМОѲЕЙ. (Разсказъ).—**М. В. Холмогорова** . . . 130

VII. СЕМЬЯ ПОЛАНЕЦКИХЪ. Романъ **Генрика Сенкевича**. Переводъ съ польскаго **В. М. Л.** 160

VIII. НАРОДНЫЙ СУДЪ ВЪ ЗАПАДНОЙ РУСИ. (Историческій очеркъ).—**А. Я. Ефименко** 1

IX. ВЗГЛЯДЪ НА ОТНОШЕНІЯ РОССІИ КЪ ЕВРОПѢ.—**Гр. Л. А. Камаровскаго** 21

X. ИСТОРИЧЕСКІЙ МЕДОДЪ ВЪ БІОЛОГІИ. III. Что препятствовало и что способствовало успѣхамъ исторической идеи въ біологіи.—**К. А. Тимирязева** 39

XI. МОИ КАНИКУЛЫ. (Одесса, Константинополь, Пирей, Аѳины, Александрія, Каиръ, пирамиды).—**М. Н. Ремезова** 59

XII. ЖЕНЩИНА [illegible] (« La [illegible] États-Unis», [illegible]).—**В. М. Р.** . . . . . [illegible]

XIII. НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ. Изъ об[illegible] психіатріи.—**А. Н. Аллекова** . . . . . [illegible]

ОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ

НОВАЯ КНИГА:

рикъ Сенкевичъ:

ВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ".

Янко музыкантъ.—Поѣздка въ Аѳины.—Старый слу-
Фонарщикъ на маякѣ.—Бартекъ Побѣдитель.—Пой-
демъ за нимъ!

ѣ **В. М. Лаврова**, съ предисловіемъ **В. А. Гольцева.**

Цѣна **1 р. 50 К.**, съ пересылкою **1 р. 80 К.**

я въ конторѣ журнала *Русская Мысль* (Москва, Ле-
онтьевскій пер., 21).

НОВАЯ КНИГА:

рикъ Сенкевичъ:

БЕЗЪ ДОГМАТА".

Современный романъ. Переводъ **В. М. Лаврова.**

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ.

ресылки 1 р. 50 к., съ пересылкою—1 р. 80 к. Под-
ской Мысли" за пересылку не платятъ. Складъ изда-
ъ редакціи журнала „Русская Мысль" (Москва, Ле-
онтьевскій, 21).

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА:

„КОСМОПОЛИСЪ“.

РОМАНЪ

Поля Бурже.

Переводъ съ французскаго М. Н. Ремезова. Изданіе редакціи журнала «Русская Мысль».

Цѣна 1 руб. 50 к., съ пересылкою 1 руб. 80 к.

Складъ изданія въ конторѣ редакціи журнала «Русская Мысль» (Москва, Леонтьевскій, 21).

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ:

ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ

Вл. Г. Короленко.

КНИГИ ПЕРВАЯ И ВТОРАЯ.

Изданіе редакціи журнала „РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

ЦѢНА КАЖДОЙ КНИГИ 1 р. 50 к.

Складъ изданія въ конторѣ редакціи журнала «Русская Мыс[illegible]» (Москва, Леонтьевскій, 21).

НАСТОЛЬНЫЙ
ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ.

Изд. (съ 4-го тома) т-ва А. Граната и К°, бывш. т-ва А. Гарбель и К°.

Изданіе имѣетъ цѣлью въ общедоступномъ и сжатомъ изложеніи сообщить основныя свѣдѣнія по всѣмъ болѣе важнымъ вопросамъ науки, искусства, исторіи, современной жизни и прикладныхъ знаній, этимъ путемъ содѣйствовать болѣе разностороннему, гармоническому развитію и открыть возможность для каждаго значительно пополнить пробѣлы образованія.

Для ознакомленія съ характеромъ изданія въ концѣ настоящей книги „Русской Мысли" прилагаются 5 страницъ „Словаря" (стр. 3064—65, 3116—17, 3210), перепечатанныхъ безъ измѣненій со стереотипныхъ досокъ.

„Настольный Энциклопедическій Словарь" составитъ всего 8 томовъ, 105—115 выпусковъ (10,600 столбцовъ убористой печати).

Въ настоящее время вышло 5 томовъ (до слова Муромцевъ) и 1 выпускъ (71-й) 6-го тома (до слова Наемъ личный).

ВСЕ ИЗДАНІЕ БУДЕТЪ ЗАКОНЧЕНО ВЪ НАЧАЛѢ 1894 ГОДА.

Въ вышедшей части помѣщено **59,065 статей и замѣтокъ, 570 портретовъ** выдающихся дѣятелей государственной и общественной жизни, науки, литературы и искусства, **494 рисунка** по всѣмъ отраслямъ знаній, **географическія карты**, исполненныя спеціально для изданія извѣстнымъ картографическимъ институтомъ Теодора Гофманна въ Герѣ (княж. Рейсъ), **таблицы рисунковъ, хромо и олеографіи.**

Для лучшаго ознакомленія съ великими произведеніями искусства, къ изданію прилагаются, начиная съ пятаго тома, **снимки съ картинъ классическихъ художниковъ**, исполненные автотипическимъ способомъ лучшими заграничными художественными фирмами.

„Настольный Энциклопедическій Словарь" издается на веленевой глазированной бумагѣ двухъ разборовъ—обыкновенной (тонкой) и лучшей (плотной).

Цѣна тому въ изящномъ коленкоровомъ переплетѣ:

на обыкновенной (тонкой) бумагѣ . . . . . **4** р. **50** к.
„ лучшей (плотной) бумагѣ. . . . . **6** „ — „

За пересылку приплачивается по 10 коп. на каждый рубль стоимости.

За отдѣльную пересылку снимковъ съ картинъ классическихъ художниковъ безъ сгиба прилагается за каждую серію по 28 коп.

Учащіе, учащіеся и учебныя заведенія пользуются уступкой въ размѣрѣ 10%.

По окончаніи изданія цѣна будетъ повышена.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА НА СЛѢДУЮЩИХЪ УСЛОВІЯХЪ:

Гг. служащіе въ казенныхъ, общественныхъ и частныхъ учрежденіяхъ вносятъ одновременно **3** р. **60** к. для экземпляра на обыкновенной бумагѣ п **4** р. **80** к. для экземпляра на лучшей бумагѣ и, представивъ ручательство казначе въ аккуратномъ платежѣ мѣсячныхъ взносовъ, получаютъ немедленно первые 4 ома изданія, затѣмъ уплачиваютъ ежемѣсячно, въ теченіе двѣнадцати мѣсяцевъ, по **1** р. **20** к. для экземпляра на обыкновенной бумагѣ и по **1** р. **60** к. для экземпля а на лучшей бумагѣ. На послѣдующую половину изданія допускается разсрочка на такихъ же условіяхъ.

Частныя лица, пользуясь разсрочкой, получаютъ или 1) ежемѣсячно по 5 пусковъ (въ томѣ 14 вып.) съ наложеннымъ платежомъ въ **1** р. **50** к. для экзе пляра на обыкновенной бумагѣ и въ **2** р. для экземпляра на лучшей бумагѣ и **10** к. за переводъ платежа, или 2) каждые 2 или 3 мѣсяца по переплетенному тому съ оженнымъ платежомъ въ **4** р. **50** к. для экземпляра на обыкновенной бумагѣ и р. для экземпляра на лучшей бумагѣ и **20** к. за переводъ платежа.

Главная контора—*Москва, Долгоруковскій пер., 8.*

Находятся въ продажѣ новыя книги

Повѣсти и разсказы. Генрика Сенкевича. Перев. **В. М. Лаврова,** съ предисловіемъ **В. А. Гольцева.** Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкою 1 руб. 80 коп.

Безъ догмата. Романъ **Генрика Сенкевича.** Перев. **В. М. Лаврова.** (Второе изданіе). Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкою 1 р. 80 к.

Космополисъ. Романъ **Поля Бурже.** Перев. **М. Н. Ремезова.** Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкою 1 р. 80 к.

Портъ-Тарасконъ. (Послѣднія приключенія знаменитаго Тартарена). **Альфонса Додэ.** Перев. **М. Н. Ремезова.** Цѣна 1 руб. съ пересылкою.

Сиайфъ. Картинки деревенской жизни **Клеменса Юндша.** Перев. съ польскаго. **В. М. Лаврова.** Цѣна 50 к., съ пересылкою 65 к.

Наше сердце. Романъ **Гюи де-Мопассана.** Перев. **М. Н. Ремезова.** Цѣна 1 руб.

Объ искусствѣ. Критическія замѣтки **В. А. Гольцева.** Цѣна 1 руб. съ пересылкою.

Гарденины, ихъ дворня, приверженцы и враги. Романъ **А. И. Эртеля.** Цѣна 2 руб. съ пересылкою.

Послѣ Пушкина. Сборникъ стихотвореній русскихъ поэтовъ, составленный и изданный редакціею журнала «Русская Мысль». Цѣна 2 руб., съ пересыл. 2 р. 50 к. Подписчики на журналъ «Русская Мысль» за пересылку не платятъ.

Щедринъ. (Критическій этюдъ). **Н. К. Михайловскаго.** Цѣна 1 руб.

Очерки и разсказы. Владиміра Короленко. (Шестое изданіе). Цѣна 1 руб. 50 коп. съ пересылкою.

Очерки и разсказы. Владиміра Короленко. Книга вторая. Цѣна 1 р. 50 коп. съ пересылкою.

Слѣпой музыкантъ. (Этюдъ). **Владиміра Короленко.** (Третье изданіе Цѣна 75 коп. съ пересылкою.

О пьянствѣ. Д-ра П. С. Алексѣева. Съ предисловіемъ **графа Л. Н Толстого: Для чего люди одурманиваются?** Цѣна 1 руб. с пересылкою.

Нашихъ полей ягоды. Романъ. **М. Анютина** (М. Н. Ремезова). Цѣн 1 р., съ пересылкою 1 р. 20 к. Подписчики на «Русскую Мысль за пересылку не платятъ.

Пятигорскія и съ ними смежныя минеральныя воды. Составил докторъ медицины **В. С. Богословскій,** профессоръ Московскаг университета. Цѣна безъ пересылки 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 Подписчики на «Русскую Мысль» за пересылку не платятъ.

Вопросы дня и жизни. В. А. Гольцева. Изданіе редакціи журна «Русская Мысль». Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 руб. 20 коп.

Складъ изданій въ конторѣ журнала «РУССКАЯ МЫСЛЬ» (Москва, Леонтьевскій пер., 21).

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

КНИГА VIII.

МОСКВА.

1893.

Находятся въ продажѣ новыя книги:

Повѣсти и разсказы. Генрика Сенкевича. Перев. **В. М. Лаврова**, съ предисловіемъ **В. А. Гольцева**. Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкою 1 руб. 80 коп.

Безъ догмата. Романъ Генрика Сенкевича. Перев. **В. М. Лаврова**. (Второе изданіе). Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкою 1 р. 80 к.

Космополисъ. Романъ **Поля Бурже**. Перев. **М. Н. Ремезова**. Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкою 1 р. 80 к.

Портъ-Тарасконъ. (Послѣднія приключенія знаменитаго Тартарена). **Альфонса Додэ**. Перев. **М. Н. Ремезова**. Цѣна 1 руб. съ пересылкою.

Сизифъ. Картинки деревенской жизни **Клеменса Юнòши**. Перев. съ польскаго. **В. М. Лаврова**. Цѣна 50 к., съ пересылкою 65 к.

Наше сердце. Романъ **Гюи де-Мопассана**. Перев. **М. Н. Ремезова**. Цѣна 1 руб.

Объ искусствѣ. Критическія замѣтки **В. А. Гольцева**. Цѣна 1 руб. съ пересылкою.

Гарденины, ихъ дворня, приверженцы и враги. Романъ **А. И. Эртеля**. Цѣна 2 руб. съ пересылкою.

Послѣ Пушкина. Сборникъ стихотвореній русскихъ поэтовъ, составленный и изданный редакціею журнала «Русская Мысль». Цѣна 2 руб., съ пересыл. 2 р. 50 к. Подписчики на журналъ «Русская Мысль» за пересылку не платятъ.

Щедринъ. (Критическій этюдъ). **Н. К. Михайловскаго**. Цѣна 1 руб.

Очерки и разсказы. Владиміра Короленко. (Шестое изданіе). Цѣна 1 руб. 50 коп. съ пересылкою.

Очерки и разсказы. Владиміра Короленко. Книга вторая. Цѣна 1 р. 50 коп. съ пересылкою.

Слѣпой музыкантъ. (Этюдъ). **Владиміра Короленко.** (Третье изданіе). Цѣна 75 коп. съ пересылкою.

О пьянствѣ. Д-ра П. С. Алексѣева. Съ предисловіемъ **графа Л. Н. Толстого: Для чего люди одурманиваются?** Цѣна 1 руб. съ пересылкою.

Нашихъ полей ягоды. Романъ. **М. Анютина** (М. Н. Ремезова). Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 20 к. Подписчики на «Русскую Мысль» за пересылку не платятъ.

Пятигорскія и съ ними смежныя минеральныя воды. Составилъ докторъ медицины **В. С. Богословскій**, профессоръ Московскаго университета. Цѣна безъ пересылки 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к. Подписчики на «Русскую Мысль» за пересылку не платятъ.

Вопросы дня и жизни. В. А. Гольцева. Изданіе редакціи журнала «Русская Мысль». Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 руб. 20 коп.

Складъ изданій въ конторѣ журнала «РУССКАЯ МЫСЛЬ» (Москва, Леонтьевскій пер., 21).

Стр.

XIII. НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ: Коренной вопросъ антропологіи.—**М. А. Мензбира**. 112

XIV. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: Законопроектъ о неотчуждаемости крестьянской надѣльной земли. — Темныя стороны нашей ремесленной промышленности.—Циркуляръ г. попечителя кавказскаго учебнаго округа.—Успѣхи земской начальной школы.—По поводу излишней обидчивости одного общественнаго дѣятеля. 143

XV. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—**В. А. Гольцева** 161

XVI. ОЧЕРКИ ПРОВИНЦІАЛЬНОЙ ЖИЗНИ.— **И. И. Иванюкова** . . 169

XVII. ИЗЪ ИСТОРІИ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ. (Записки и дневникъ (1826—1877 гг.) А. В. Никитенка. Три тома). *Окончаніе.*—**М. А. Протопопова** 186

XVIII. ПОКРЫВАТЬ ИЛИ РАСКРЫВАТЬ РАСТРАТЫ. (По поводу «опроверженія» г. Обтяжнова).—**Провинціальнаго наблюдателя**. . . 204

XIX. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ: I. **Книги**: Беллетристика.—Публицистика.—Философія.—Исторія и біографіи.—Политическая экономія и статистика.—Юридическія книги.—Сельское хозяйство.—Естествознаніе.—Техническія книги.—Медицина.—Учебники и дѣтскія книги.—Справочныя книги. II. **Періодическія изданія**: «Вѣстникъ Европы», *іюнь*.—«Русское Богатство», *май — іюнь*. — «Русское Обозрѣніе», *іюнь*. — «Русскій Вѣстникъ», *іюнь*.—«Сѣверный Вѣстникъ, *іюнь*. — «Міръ Божій», *іюнь*.—«Русскій Архивъ», *январь—іюнь*. III. **Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 іюня по 1 іюля 1893 г.** 299

XIV. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: Законъ о преслѣдованіи ростовщическихъ дѣйствій не распространяется на многіе виды ростовщичества.—Вѣроятное вліяніе закона на ростовщическія сдѣлки.—Перемѣны въ русскомъ таможенномъ законодательствѣ. О вліяніи, которое будутъ имѣть эти перемѣны на русскую внѣшнюю торговлю и наше сельское хозяйство.—Квартирный налогъ.—Льготы населенію по уплатѣ продовольственнаго долга.—30-тилѣтіе «Русскихъ Вѣдомостей».—Заявленіе коммиссіи при с.-петербургскомъ комитетѣ грамотности. 129

XV. АВТОБІОГРАФІЯ Л. РАНКЕ.—Евг. Н. Щепкина 149

XVI. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ БАНКЪ.—Вл. В. Бирюковича. 170

XVII. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—В. А. Гольцева. 199

XVIII. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ: I. Книги: Беллетристика.—Педагогія.—Публицистика.—Исторія и біографіи.—Путешествія.—Политическая экономія и статистика.—Юридическія книги.—Естествознаніе.—Медицина.—Техническія книги.—Сельское хозяйство.—Учебники и книги для дѣтскаго и народнаго чтенія.—Справочныя книги. II. Періодическія изданія: «Вѣстникъ Европы», *іюль*.—«Русскій Вѣстникъ», *іюль*.—«Русское Богатство», *іюль*.—«Сѣверный Вѣстникъ», *іюль*.—«Міръ Божій», *іюль*. III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 іюля по 1 августа 1893 г. 353

ндръ Ивановичъ Герценъ и Наталья Александровна Захарьина *).

(Ихъ переписка).

Загорье, 12 іюня 1836 г., воскресенье.

изнаніе твое, ангелъ мой, я залилась слезами [1]). Да не оттого, чтобъ ты палъ въ душѣ моей, о, нѣтъ, нѣтъ, Александръ; клянусь тебѣ, ежелибъ ты сдѣлалъ что-нибудь порочное,—этого не можетъ быть никогда, но если бы, и тогда я омывала бы слезами и молитвою грѣхъ твой, просила бы Бога, чтобъ Онъ за тебя наказалъ меня, а чтобъ ты унизился въ душѣ моей, чтобъ любовь моя умалилась одною каплей?... О, другъ мой, какая мысль, какая сная мысль, и чтобъ я раскаялась, отдавшись тебѣ! Больно мнѣ, и ты думалъ такъ, писавши это ко мнѣ. Мнѣ жаль тебя, Александръ, горько, что въ тебѣ не стало силъ устоять противъ того мленія, которое вовлекло тебя въ этотъ поступокъ. Но, ей-Богу, ишкомъ постигаю весь ужасъ тогдашняго твоего положенія, и съ холодъ, и эти оковы, и эти убійственные взоры на каждомъ у, и твою душу. Всею душой, всею любовью моею прощаю тебя каждомъ словѣ. Вѣрь же, Александръ, вѣрь, милый мой, что, ая письмо, ни одна темная мысль о тебѣ не посѣтила души мо- Не думай, чтобъ любовь моя придавала тебѣ излишнія достоина,—нѣтъ, ты, Александръ, создалъ во мнѣ эту любовь, ты возплъ ее, а не она тебя. Успокойся же, ангелъ мой, о, не спрайай, насколько палъ ты въ душѣ моей: я не умѣю, не могу исмить, насколько ты становишься выше, святѣе въ душѣ моей. о стоитъ твое раскаяніе? О, ей-Богу, оно выше твоей вины, а

---

*) *Русская Мысль*, кн. VII.

) Признаніе въ проступкѣ по отношенію къ Полинѣ Петровнѣ Медвѣдевой, кой А. И. называлъ „пятномъ" на своей душѣ.

если разлука наша наказаніе, то она давно, давно искупила (пятно) это въ душѣ твоей, и ты прощенъ небесами. Я не скажу съ толпою, чтобъ это была шалость, вѣтренность простительная, но ты ясно видишь, что это дурно, можетъ, даже видишь хуже, нежели оно есть, и уже этого никогда не будетъ, я отвѣчаю тебѣ за тебя; нѣтъ, зачѣмъ теперь тебѣ вынужденное *равнодушіе*, теперь ужъ найдено тобою то сердце, которое, кажется, создано изъ одной любви къ тебѣ, найдена та душа, которая не видитъ, не знаетъ ничего, кромѣ тебя и Бога. Обнимаю, обнимаю тебя, ангелъ мой, цѣлую тебя и клянусь, что ты еще выше, святѣе въ душѣ моей, потому что я воображала гораздо болѣе о томъ пятнѣ, о которомъ ты почти въ каждомъ письмѣ говорилъ мнѣ. Вѣрь же и тому, что и Богъ простилъ тебя: одни мои страданія могли-бъ искупить твою вину, а твои?... И я молю Его, о, только успокойся, ради Бога, не воображай, чтобъ ты измѣнился передо мною, чтобъ я насколько-нибудь отклонилась отъ тебя, увѣряю тебя, въ тебѣ нѣтъ ничего, что было бы внѣ объятій души моей. Теперь просьба о ней [1]). Ежели ты не можешь прибавить ей счастья, не умножай горя ея, заставь ее разлюбить тебя незамѣтно ей самой и пуще всего при разставаніи не давай надежды: не то ея страданія будутъ тяжки и продолжительны. Кому бы я съ такою увѣренностью поручила спасеніе несчастной? Тебѣ же... Вѣришь ли, мой ангелъ, какъ покойна я, отдавая судьбу *ея* въ *твои* руки. Старайся же всѣми силами не принести ей собою ни малѣйшей непріятности. Ты самъ говоришь, что ужь она довольно несчастна и безъ новыхъ ударовъ. Да поможетъ тебѣ Богъ спасти ее!

Іюля 13, понедѣльникъ.

Боже мой, Господи! Ты уже знаешь теперь судьбу нашу, Александръ, а я томима сомнѣніями. Можетъ быть, ты въ восторгѣ благословляешь Бога, а я и просить Его не могу теперь (потому что ужь рѣшено). И что съ тобою, если ты получилъ роковое извѣстіе?... Если такъ, не изнемогай, мой ангелъ, подъ бременемъ, которое налагаетъ на тебя Всевышній. Пройдетъ и тотъ годъ разлуки, и мы выше въ терпѣніи, выше въ покорности волѣ Его, выстрадавъ наше соединеніе, будемъ наслаждаться жизнью и любовью. Вспомни, чѣмъ сильнѣе испытаніе, тѣмъ выше награда; въ страданіяхъ, въ мученіяхъ, въ разлукѣ, во всемъ да будетъ слава Богу! Мнѣ страшно за тебя, Александръ. Александръ, ангелъ мой, внемли словамъ моимъ, не падай съ твоею высокою душой, взд-

[1]) О Полинѣ Петровнѣ Медвѣдевой.

май, что будетъ со мною, когда *ты* хотя сколько-нибудь окажешь слабость, вспомни, сколько сынъ Божій претерпѣвалъ для человѣка. Ахъ, да что мои слова? Вознесись ты только къ Нему душою, и Онъ ниспошлетъ тебѣ и силу, и твердость. Можемъ ли мы придумать и желать къ нашему счастью лучше Его? Если суждена намъ еще разлука, этотъ тяжкій годъ будетъ высочайшею ступенью той лѣстницы, которая ведетъ къ блаженству, высочайшею ступенью! Когда ослабѣешь ты, я изнемогу вовсе, и что же тогда? Я спокойна буду, когда ты будешь спокоенъ, и радостно перенесу все, если буду знать, что ты не огорчаешься. Ежели душу твою не посѣтитъ мысль, что благость Божія превышаетъ все на свѣтѣ, что то, что опредѣлено Имъ, не можетъ быть лучше устроено, то вспомни хоть твою Наташу, которая погибнетъ вовсе, увидѣвъ, насколько ты слабъ... [1]).

Какая ужасная гроза теперь на небесахъ, какое молніе [2]) и громъ! Такъ иногда взволнуется духъ мой. Ахъ, еслибъ я могла хоть одно слово получить отъ тебя!... Скажи, что можетъ усладить твою душу? Повелѣвай мною, ангелъ мой: я все, все предприму, о, скажи, скажи, ради Бога, требуй все отъ меня,—все, что возможно будетъ, выполню. Ты мнѣ все представляешься теперь въ горести... и я не могу такъ живо вообразить твоей радости.

Ахъ, ну, ежели ты знаешь теперь, что черезъ мѣсяцъ ты увидишь меня!... Не могу писать, не могу думать, ангелъ мой, обнимаю тебя, о, когда же, когда же?... Прощай, жизнь моя, мой Александръ! О, прелестный, дивный другъ мой, повѣй, повѣй на меня хоть тѣмъ воздухомъ, которымъ дышешь ты, хоть обрати взоръ твой въ ту сторону, гдѣ твой вѣрный другъ, твоя Наташа! Все небо потемнѣло при сіяніи молнія. Пишу къ тебѣ, неподражаемый, цѣлую тебя, цѣлую, душа моя, Господь съ тобою [3]).

Іюля 15, середа.

Нѣтъ, Александръ, еслибъ не вѣра, никогда я не перенесла (бы) тѣхъ душевныхъ волненій, которыя все это время отнимаютъ у меня даже способность думать. Это ужасъ! То вдругъ надежда обниметъ душу и дивные сны лелѣятъ ее, то вдругъ сомнѣніе, иль даже совершенное отчаяніе своими холодными, костяными руками срываетъ душу изъ объятій надежды и давитъ въ своей холодной, желѣзной груди, и подъ (унылые) напѣвы его страшны видѣнья!

---

[1]) Выпущено повтореніе о прибѣжищѣ къ Богу.

[2]) Сохранена старая форма оригинала.

[3]) Выпущено воспоминаніе о 20 іюля,—почти то же, что писала объ этомъ Ч. А.

Ей-Богу, я бы спокойнѣе вынесла, ежели бы знала, что т
убитъ ею. Ангелъ мой! можетъ быть, уже нѣсколько дней,
ты получилъ отвѣтъ, и уже нѣсколько дней, какъ ты грус
Ну, успокойся, ради Бога, хоть на сію минуту, читай и пере
вай письмо мое и воображай, что твоя Наташа, твоя дѣва, умо
тебя на колѣняхъ не предаваться грусти. Милый мой, прои
годъ... и мы вмѣстѣ, вмѣстѣ на вѣки.

Для меня все исчезло теперь. Не слышу, не вижу ничег
понимаю, я вся теперь—одно *ожиданіе*. Обо мнѣ не думай, бо
любовью моей, я твердо снесу отказъ, цѣлый годъ буду ждать
и унывать не стану, не стану и грустить: все, все перенесу,
бы ты, мой ангелъ, не унывалъ, не грустилъ. Я увѣрена, чт
успокоишься хоть сколько-нибудь, получа это письмо, и меня
заетъ то, что ты еще не скоро его получишь.

Какъ несносенъ день для меня, какъ тревожна ночь! Пор
Полинѣ утѣшать тебя; скажи ей это отъ меня.

Нѣтъ, ни слова болѣе, мой Александръ, нѣтъ мыслей у
теперь, не знаю, что писать, не знаю, что пишу. И послушае
ли ты меня, успокоишься ли ты хоть немного? Господи, да б
воля Твоя, но дай намъ силы нести. Прости! Прощай, если т
скорби, прибѣгай къ молитвѣ. О, блаженна душа, которая въ
дѣ прибѣгаетъ къ этому источнику! Прощай, Александръ,
мой, цѣлую тебя.

16-е.

Можетъ, ты ужь написалъ ко мнѣ, мой ангелъ, если же
умоляю тебя, напиши скорѣй. Тебѣ-жь теперь я писать не
болѣе, подожду, авось ли (бо) съ этою оказіей будетъ отъ тебя
мо. Только повторяю мое моленье: если намъ еще разлука, тъ
помоги перейти эту ступень, а я... моя душа всегда готова,
прись на нее, ангелъ мой. И такъ, прощай, прощай, Алекса
Ни черезъ годъ, ни черезъ десять лѣтъ не можетъ перемѣни
сердце твоей Наташи. Съ тѣхъ поръ, какъ оно чувствуетъ,
ствуетъ одну любовь къ тебѣ; словомъ, мое сердце, моя душа-
бовь. Богъ возьметъ ее на небо, и не будетъ и меня на землѣ

20-е іюля 1836 г.

...[1]) Когда-жь, когда-жь прижму я тебя къ моему сердцу? І
отдохну отъ этой бури? Да, съ гордостью скажу я, я чувствую
моя душа сильна, что она обширна чувствомъ и поэзіею, и вс

---

[1]) Выпускается воспоминаніе о 20 іюлѣ—почти то же, что уже писала объ
дѣ Н. А.

душу съ ея бурными страстями дарю тебѣ, существо небесное...[1]) Вчера былъ я ночью на стекляномъ заводѣ. Синій и алый пламень съ какимъ-то неистовствомъ вырывался изъ горна и изъ всѣхъ отверстій, свистя, сжимая, превращая въ жидкость камень. Но наверху, на небѣ свѣтила луна, ясно было ея чело и кротко смотрѣла она съ неба. Я взялъ Полину за руку, показалъ ей горнъ и сказалъ: «*Это я!*» Потомъ показалъ прелестную луну и сказалъ: «*Это она, моя Наташа!*» Тутъ огонь земли, тамъ свѣтъ неба. Какъ хороши они вмѣстѣ!

22-е іюля.

Минуты грустные все еще также часто налетаютъ на мою душу; судорожное ожиданіе отвѣта изъ Петербурга меня томитъ. И только ты, ты одна, моя божественная дѣва, могла поселить такую любовь. Передъ тобою исчезаютъ всѣ остальныя страсти и потребности мои. Еслибъ не свиданіе съ тобою, что влекло бы меня такъ сильно, такъ безпрерывно въ Москву? Родительскій домъ? Но развѣ я не зналъ, что рано или поздно долженъ буду покинуть его? Служба, путешествіе, все должно было меня на время разлучить съ нимъ. Право, мнѣ больно, что мною нанесено столько скорби родителямъ, хотя я и не виноватъ въ томъ, что Богъ мнѣ далъ душу выше толпы, таланты выше обыкновенныхъ людей, а въ этомъ вся моя вина. Друзья?—и они влекутъ меня сильно къ себѣ, но гдѣ они, развѣ въ Москвѣ? Огарева тамъ нѣтъ[2]). Занятія?—здѣсь въ тиши я могу работать. Нѣтъ, все это не могло бы такъ мощно влечь меня; даже мое самолюбіе указываетъ мнѣ скорѣе на Петербургъ, нежели на Москву. Но Москва у меня нераздѣльна съ Наташей, я люблю Москву за тебя, я въ ней люблю тебя. Любовь—высочайшее чувство; она столько выше дружбы, сколько религія выше умозрѣнія, сколько восторгъ поэта выше мысли ученаго.

Религія и любовь, онѣ не берутъ часть души, имъ часть не нужна, онѣ не ищутъ скрытнаго уголка въ сердцѣ, имъ надобна вся душа, онѣ не дѣлятъ ея, онѣ пересѣкаются[3]), сливаются. И въ ихъ-то слитіи жизнь полная, человѣческая. Тутъ и высочайшая поэзія, и восторгъ артиста, и идеалъ изящнаго, и идеалъ святаго. О Наташа! Тобою узналъ я это. Не думай, чтобъ я прежде любилъ т[illegible]къ; нѣтъ, это былъ юношескій порывъ, эта была потребность, к[illegible] горой я спѣшилъ удовлетворить. За ту любовь ты не (сердись). Р[illegible]звѣ не то же сдѣлало все человѣчество съ Богомъ? Потребность

---

[1]) Выпущено нѣсколько словъ.

[2]) Н. П. Огаревъ находился въ Пензенской губ., въ имѣніи своего отца.

[3]) Выраженіе, которое часто употребляли товарищи въ Москвѣ.

поклоняться Іеговѣ заставила ихъ сдѣлать идола; но она нашла Бога истиннаго, и онъ простилъ имъ. Такъ и я: я увидѣлъ, что идолъ недостоинъ поклоненія, и самъ Богъ тебя въ мою темницу и сказалъ: «Люби ее, она одна буде быть тебя, какъ твоей пламенной душѣ надобно, она пойме и отразить въ себѣ». Наташа, повторяю тебѣ, душа моя чувствъ сильныхъ, она разовьетъ передъ тобою цѣлый міръ с а ты ей возвратишь родное небо. Провидѣніе, благодарю те

Что Emilie? Кланяйся ей.

Цѣлую тебя, ангелъ мой, *быть можетъ*, скоро, черезъ этотъ поцѣлуй будетъ не на письмѣ, но на твоихъ устахъ

Твой до гроба *Александръ*.

---

29 іюля 1836 г., Заго

Твое письмо отъ 9 числа я получила въ Москвѣ. М. С. [1] туда за своими дѣлами, много стоило, чтобъ отпустили и м наконецъ, я въ Москвѣ и у меня маменька [2]), Машенька Э твое письмо! Ангелъ мой, какую боль, какое страданіе и чить твоя любовь? Написавъ тебѣ послѣднее письмо, во мерло все; ожиданіе роковаго извѣстія наполнило душу ка страхомъ, ужасомъ. *Еще годъ разлуки!* Часто я вздрагива да заговоритъ кто со мною, взойдетъ въ дверь, каждую сердце обливалось кровью. Теперь... Господи! теперь, мой пишешь ты, все рѣшено... и я не знаю; если и разлука, четъ, чтобъ ты страдалъ. Да будетъ такъ, Господи. Уже д не взволнована такъ. Развѣ мнѣ еще мало? Развѣ я могу т болѣе?

Потому-то мнѣ такъ и страшно думать о будущемъ, основано *почти* на смерти другихъ [4]). При этой мысли зат ся все, я гоню ее, она отравляетъ душу. Да что же еще нуж ангелъ мой? Кажется, я писала тебѣ, *вѣдь, мы даны друг* и развѣ есть что болѣе, выше, чего намъ недостаетъ? Я, я ничего; ты любишь меня, я боготворю тебя, счастлива, и блаженства твоей и своей любви, для меня нѣтъ ничего бо одного, но и это не мало—*взглянуть* на тебя! Ахъ, анге клянусь тебѣ, что съ мыслью, что я любима тобою, съ

---

[1]) Марья Степановна Макашева, компаніонка княгини.

[2]) Луиза Ивановна, мать Александра Ивановича

[3]) Марья Каспаровна Эрнъ, сестра вятскаго пріятеля. Теперь эта почт шина живетъ въ Бернѣ вмѣстѣ съ своимъ мужемъ, профессоромъ музыки

[4]) Т.-е. княгини Хованской, у которой жила Н. А. и которая, они д когда не согласится на ихъ бракъ.

ностью иногда видѣть тебя, говорить съ тобою (нѣтъ, хоть и не говорить; смотрѣть и говорить—все то же), поцѣловать тебя, я бы прожила всю жизнь. Ты говоришь, Александръ, что твой поцѣлуй будетъ первый, неправда, я видѣла во снѣ, что ты поцѣловалъ, и такъ какъ никогда никто на яву меня не цѣловалъ, даже ты, стало—это былъ первый поцѣлуй. Да что же такое, ежели мы еще нѣсколько лѣтъ проживемъ такъ, какъ, помнишь, при Emilie? Суббота или воскресенье, воскресенье или суббота—счастливые дни [1]). Тогда я буду благословлять и плѣнъ мой, и мое рабство, только Emilie ужаснется этого [2]), а я съ восхищеніемъ жду твоихъ посѣщеній. Ахъ, не правда ли, ангелъ мой, какое блаженство, какъ мы счастливы другъ другомъ! Правда, не можно при нихъ; но, вѣдь, только языку могутъ они запретить, а не глазамъ: развѣ не довольно и того, чтобъ смотрѣть на тебя? Ахъ, какая страшная мысль! Боже мой, желать смерти для своего счастья—можетъ ли тутъ быть счастье? Я же, повѣрь, Александръ, всѣхъ ихъ люблю теперь болѣе прежняго. Тогда ничто не сметало праха съ души моей, и она была такъ мелка, что останавливалась на всѣхъ ничтожныхъ непріятностяхъ и болѣла при малѣйшихъ ударахъ, а теперь я вижу, что они мнѣ не сдѣлали ничего, что они думали сами для себя и заслуживаютъ одно состраданіе. И теперь я, *сколько могу*, избавляю ихъ (отъ) непріятнаго, и мнѣ самой лучше. Пусть кругомъ меня будутъ дикіе звѣри, лишь бы видать тебя хоть разъ въ недѣлю! Прости, ангелъ мой, цѣлую тебя.

31-е.

Поздравительное твое письмо получено [3]). Конечно, это можетъ мирить васъ [4]) нѣсколько, а чтобы совершенно перемѣнить мнѣніе к. [5]),—это, мнѣ кажется, не легко. О, Александръ, мой Александръ! Сколько жертвуешь ты для меня, какъ унижаешь себя! О, ангелъ мой, еслибъ я могла выразить тебѣ, сколько я счастлива, но, нѣтъ, земной языкъ недостаточенъ, да и зачѣмъ? Будто ты самъ не знаешь. Какъ много твердятъ о любви, какъ многое называютъ ею, и какъ мало душъ, которыя понимаютъ ее!... Иль она божественная печать многихъ избранныхъ?

Сколькихъ знаю я, которые говорятъ: *я люблю,* но никогда ни

---

[1]) Въ эти дни А. И. обыкновенно ходилъ въ домъ княгини Хованской, гдѣ его ала съ нетерпѣніемъ Н. А. вмѣстѣ съ своею молоденькою гувернанткой Эмиліей хайловной Аксбергъ.

[2]) Т.-е. что они будутъ только церемонно видаться при другихъ.

[3]) Получено кн. Хованскою къ ея именинамъ, 22 іюля.

[4]) Княгиню и А. И.

[5]) Княгини Хованской.

въ одной душѣ я не видала тѣни той любви, которою сое
насъ Богъ. Много читала, много слыхала о любви и нигдѣ
ходила подобной тому чувству, которое мы съ тобой звали
бою», а потому я была увѣрена, что чувство дружбы ни
свѣтѣ не можетъ перевѣсить. Помнишь ли, помнишь ли ті
ксандръ, ту жалкую дѣвочку, которая, молча, почти украдк
вало, смотрѣла на тебя, которая едва ли заслуживала твоего
танія, вспомни ее, съ нея ты нечаянно сбросилъ все людско
шелъ одну чистую, святую любовь.

Что было съ тобой 20-го числа [1])? Я не помнила себя ве
(тогда у насъ былъ Лев. Ал. [2]) и сестра [3])! Каждая минута,
денная съ тобою два года тому назадъ въ этотъ день, приход
на умъ, каждое слово твое горѣло на сердцѣ—и какъ все
Помнишь, ты сидѣлъ со мною въ каретѣ у насъ [4])? Какъ
проходилъ мимо, какъ всѣ вмѣстѣ бродили по могиламъ,
какъ незамѣтно мы отдѣлились отъ толпы. Ахъ, помню,
тогда исчезло для меня все, тогда я видѣла и слышала только брата
моего Александра и его любимую колокольню [5]). Разставшись, долго
глядѣла на тебя, долго прислушивалась къ стуку колесъ, которыя
увозили отъ меня такъ далеко, такъ надолго все, чѣмъ я жила, чѣмъ
дышала! И все-то это прошло! Александръ, Александръ, ангелъ
мой, какъ я люблю тебя!

1-е августа.

Насталъ и августъ!...

2-е, воскресенье.

Александръ, Александръ! Боже мой! дай же мнѣ силы пере-
жить эти дни! Вчера я была у обѣдни, вчера я молилась. Никогда
душу мою не волновали такъ страшно безнадежность и отчаяніе, и
никогда не отдавалась я Его Провидѣнію съ такою полною увѣрен-
ностью. Вчера, какъ нарочно, пѣли этотъ дивный канонъ Богомате-
ри. 24 дня остается [6])... Что ты теперь? Ахъ, что съ тобой, другъ
мой, или ты въ хлопотахъ и собираешься въ Москву? Ахъ, еслибъ

---

[1]) Какъ уже говорилось раньше, 20 іюля 1834 г. было свиданіе А. И. и Н. А. на Ваганьковскомъ кладбищѣ, а въ слѣдующую же ночь А. И. былъ арестованъ.

[2]) Левъ Алексѣевичъ, дядя-сенаторъ.

[3]) Должно быть, дочь Льва Алексѣевича, Софья Львовна, вышедшая потомъ з
мужъ за Полѣнова, или же пріѣзжая сестра Н. А.

[4]) Когда ѣхали со скачекъ на Ваганьковское кладбище. Въ „Запискахъ" об
этой встрѣчѣ разсказывается нѣсколько иначе.

[5]) Колокольню Ваганьковской церкви.

[6]) До именинъ Натальи Александровны,— день, къ которому думалъ пріѣхат
А. И., если бы изъ Петербурга получился благопріятный отвѣтъ на бумагу объ е
переводѣ.

это было такъ! Нѣтъ, не могу писать, прости, ангелъ мой. Придетъ ли пора сказать: здравствуй? Придетъ ли пора обнять не заочно?

3-е августа.

Ты говоришь—дружба. Я весь свѣтъ люблю тобою, но даже для меня нѣтъ тѣхъ дней, которые я проводила (бы) въ однихъ воспоминаніяхъ о моихъ друзьяхъ, я равнодушно читаю ихъ письма, равнодушно думаю о свиданіи съ ними; нѣтъ, нѣтъ, у меня нѣтъ ни кого, кромѣ тебя, нѣтъ ничего, кромѣ любви. Всѣ они потонули, какъ звѣздочки, въ сіяніи солнца: я не очарована болѣе ими, я не восхищаюсь ихъ дружбой. Что они, когда есть *ты*, что ихъ дружба, когда ты любишь меня? Но, все-таки, я ихъ люблю, они вѣчно мнѣ родные. О, много отрадныхъ часовъ давала мнѣ дружба; я готова для нихъ сдѣлать многое, но отдать имъ себя такъ, какъ прежде... я не принадлежу себѣ болѣе. О, прелестный другъ мой, о, дивный мой Александръ! За что такъ обидѣла тебя судьба, за что такъ много она дала мнѣ?

Вчера пошли мы въ лѣсъ и нечувствительно пришли, куда же? Въ Царицыно. Оно болѣе трехъ верстъ отъ насъ [1]). Всѣ устали ужасно, но у всѣхъ еще доставало силы восхищаться прекраснымъ садомъ, а я бродила сиротою, не чувствительна къ усталости, не чувствительна къ красотамъ природы и трудамъ человѣка. Я такъ полна тобою, ничто, ничто меня не трогаетъ, забываю время, когда утро и послѣ обѣда. О, Александръ, пережилъ ли кто въ 80 лѣтъ болѣе, нежели я въ 18, или, лучше сказать, въ 8 мѣсяцевъ?

Эмилія пишетъ мнѣ, но рѣдко и мало. Я не пеняю ей за это: я ее знаю. Къ ней же я пишу, хоть и мало, но часто. Зимою она пріѣдетъ въ Москву. Несчастная, она лишена всего на свѣтѣ! У нея отняли все и въ цвѣтѣ лѣтъ [2])... Дивлюсь ея твердости, я бы давно лежала въ могилѣ:

Сноснѣе тлѣть въ землѣ сырой,
Чѣмъ жить и быть тебѣ чужой.

И Полина несчастна? Александръ, скажи, что же сдѣлала я, чѣмъ заслужила я такое блаженство? Сколько высокихъ и чистыхъ душъ испытываютъ одно страданіе, а я, я... но и для нихъ, можетъ, свѣтило солнце, и мое будущее закрыто. Только я знаю, что несчастна не буду никогда. Прощай, ангелъ мой. Долго не посылаютъ къ тебѣ моихъ писемъ,—что дѣлать?—помочь этому нельзя, но

[1]) Отъ Загорья, гдѣ жила Наталья Александровна съ княгиней Хованской.
[2]) Намекъ на то, что Н. М. Сатинъ охладѣлъ къ Эмиліи Михайловнѣ.

когда-нибудь ты получишь и это, и оно принесетъ тебѣ хот радости. Другъ мой, не забывай же моей молитвы, не упа, ударами. Можетъ, Провидѣніе испытуетъ твою твердость. позволеніе пришло [1]), лети, лети скорѣе къ твоей Наташѣ. обнимаю тебя, Господь съ тобой!

Твоя вѣчно *Наташа*.

Полинѣ жму руку. Желала бы встрѣтиться съ нею, тогда, когда прошли бы всѣ тучи.

Теперь у насъ гоститъ дочь священника [2]). Я думаю мнишь ее,— ее зовутъ Сашей. Тоже прекрасное созданіе, люблю ее болѣе: разъ она писала мнѣ о тебѣ и, вмѣсто в его имени, написала *А* (окруженное лучами) [3]). Не пр какъ полно она выразила свое понятіе о тебѣ?

Еще прощай, еще цѣлую, еще обнимаю.

Твоя *Натата*.

Что твой Эриъ? [4]) Я ужасно люблю его сестру,—прелес щество! [5])

(1-го) августа 1836 г., Вя

Хочу опять сказать тебѣ, ангелъ мой, нѣсколько словъ о внутренней жизни моей. Можетъ, скоро явлюсь я въ тв тія. Можетъ, ты найдешь перемѣну во мнѣ, и потому вотъ полный отчетъ о себѣ. Да, во мнѣ есть перемѣны послѣ 20 іюля 1834 г., послѣ 9 апрѣля 1835 г. и, наконецъ, послѣ декабря 1835 г. Какъ мало времени, но сколько происшествій, опытовъ, испытаній, чувствъ и мыслей! Сначала, мрачное заключеніе, угрозы, — словомъ, тюрьма подняла меня, я узналъ свою силу, свою твердость, повторяю—я былъ поэтъ! И эта поэма кончилась восторгомъ самымъ чистымъ, самымъ небеснымъ—свиданіемъ съ тобою, твоею любовью; но испытаніе не должно было кончиться этимъ, я узналъ себя токмо на одномъ поприщѣ. Ссылка и вмѣстѣ съ нею частная воля, новый образъ жизни. Тогда я упалъ; можетъ, слишкомъ на-

---

[1]) Позволеніе вернуться въ Москву.

[2]) Дочь священника отъ Воскресенія Словущихъ, что на Малой Бронной, в Москвѣ,—Александра Григорьевна Кліентова, въ замужствѣ Лаврова. Переписка съ не Натальи Александровны напечатана въ *Русской Старинѣ* (мартъ 1892 г.). А. Г. еще з сейчасъ здравствуетъ, хотя уже и старенькою старушкой. Съ любовью и благого вѣніемъ и сейчасъ вспоминаетъ она Наталью Александровну, которая въ то время имѣла на нее сильное вліяніе.

[3]) Это *А* изображено здѣсь графически.

[4]) Гавріилъ Каспаровичъ Эриъ, чиновникъ, служившій при вятскомъ губернаторѣ.

[5]) Сестра Эриа, Марья Каспаровна.

пряженное состояніе души въ заключеніи требовало этой жертвы. Твой голосъ, какъ голосъ Бога къ избранному народу, воскресилъ меня, но мнѣ нужна была опора твердая; крѣпкая. Душа вырвалась уже отъ пыли земной, но тѣло еще лежало, и (дивись) Провидѣнію! въ самое это время явился Витбергъ. Наша жизнь встрѣтилась, наши несчастія насъ сблизили, и еще болѣе симпатія души тѣсно и крѣпко связала мою жизнь съ его жизнью. Великій человѣкъ, великій художникъ, испытавшій верхъ славы и верхъ несчастія, видѣвшій почти исполненною свою гигантскую мечту и плакавшій на развалинахъ ея, этотъ человѣкъ остался твердъ и прямъ, какъ колонна каррарскаго мрамора, и такъ же бѣлъ, какъ она; напрасно бросали грязь въ нее: грязь смылась (можетъ, слезою). Чувствуя возлѣ себя этого сильнаго человѣка, я оттолкнулъ послѣднюю слабость, потомъ же высокое чувство любви, любви не сладострастной, но небесной, утвердило на прочныхъ камняхъ мое нравственное бытіе, *и я выросъ*. Пустая жизнь первыхъ мѣсяцевъ здѣсь оставила (только) опытъ и раскаяніе, послѣдующая заставила меня сознаться въ новыхъ силахъ души, я пріобрѣлъ болѣе положительности и въ мысляхъ, и въ дѣйствіяхъ, я научился обуздывать себя, и, съ тѣмъ вмѣстѣ, усилилась и мысль, и дѣйствіе. Вотъ тебѣ еще клочокъ моей исповѣди. Кому же, какъ не тебѣ, долженъ я разсказывать все заповѣдное моей души, тебѣ, которой я отдалъ и душу, и сердце, и жизнь?

Въ *Телескопѣ* напечатана моя статья *Гоффманъ*, въ 10 № за 1836 годъ [1]). Пишу тебѣ для того, что ты, вѣрно, равнодушно не взглянешь на подпись *Искандеръ*. Впрочемъ, ее (напечатали) небрежно... [2]), не знаю даже, кто это вздумалъ.

Опять долго нѣтъ твоихъ писемъ, цѣлыя три недѣли. Я знаю, что это не отъ тебя, а отъ отправленія, и потому не ропщу, но, признаюсь, когда приходитъ почтовый день, когда приносятъ письма и нѣтъ отъ тебя, мнѣ становится тяжело и грустно, я кусаю губы и готовъ плакать. О, мой ангелъ, моя божественная, какъ я люблю тебя!

4 августа.

Черезъ три недѣли твои именины [3]). О, какъ пламенно желалъ бы

---

[1]) Это первая печатная статья А. И. Еще до ссылки у него были двѣ тетради, куда онъ вносилъ свои мысли послѣ каждой прочитанной книги или статьи. Обѣ тетради были исписаны съ начала до конца. Въ Вяткѣ онъ обработалъ одинъ изъ этихъ набросковъ, и изъ него вышла статья подъ названіемъ: *Гоффманъ*.

[2]) Не разобрано нѣсколько словъ.

[3]) 26 августа, день святыхъ Адріана и Наталіи.

я въ этотъ день тебя видѣть! Это была моя мечта... [1]), это не выходило у меня изъ головы, и, кажется, почти нельзя надѣяться, можетъ, потому, что ужь слишкомъ близко, что столько блаженства нельзя себѣ представить. Отвѣта еще нѣтъ изъ Питера. Но ежели это случится?... Зачѣмъ послѣ жить? Тогда земное все совершено, тогда должно бы было умереть, ежелибъ не было еще другого призванія, ибо хотя мысль славы теперь не такъ душитъ меня: любовь все облагородила, но совершенно съ этою мыслью я разстаться не могу. Нѣтъ, нѣтъ, Наташа, ты не можешь себѣ представить, не можешь, того моря блаженства, которое раскроетъ тебѣ моя любовь; она поглотитъ тебя. Мною, во мнѣ будетъ твоя жизнь.

5-го августа.

Опять почта и опять не прислано твоихъ писемъ. Неужели и маменька не чувствуетъ, что̀ такое для меня твои письма? Какъ это больно! Прощай, прижимаю тебя къ сердцу.

Твой и навѣки

Александръ.

Я занятъ очень литературнымъ трудомъ, о которомъ скажу послѣ.

7-го августа 1837 г., Загорье.

Александръ, Александръ! Дай силы мнѣ нести все блаженство, которымъ ты даришь меня безпрерывно, ангелъ мой! Каждое слово твое перечитываю съ новымъ наслажденіемъ, въ каждой строкѣ неисчерпаемое счастье, каждая изъ нихъ такъ полна любовью, такъ полна—и чьею же любовью? О, Александръ, и ты же придаешь мнѣ столько, что̀ вся душа моя передъ одною твоею мыслью, передъ однимъ чувствомъ твоимъ? Нѣтъ, полно же, не называй себя земнымъ огнемъ, не зови меня луною, вѣдь, ужь я сказала: ты солнце, я звѣздочка, и мой свѣтъ угасъ при появленіи одного луча твоего; не спорь же, мой Александръ, скажи и ты: «да, Наташа, я солнце (о, какъ идетъ къ тебѣ это названіе, золотое мое солнышко!), а ты—звѣздочка, капля твоего свѣта потонула (а не исчезла) въ морѣ моего огня». Ну, пусть буду я восточною звѣздой, ей много подобныхъ, она только немного ярче другихъ.

Господи! Долго-ль же, Александръ, будетъ томить меня это *можетъ быть?* Ты все обнадеживаешь меня: писалъ, что 20-го іюля придетъ отвѣтъ, потомъ пишешь уже и отъ 23-го, а все неизвѣстность! Письмо твое я получила третьяго дня передъ тѣмъ, какъ я

---

[1]) Не разобрано.

житься спать. Прочтя его, долго не могла заснуть: ты безпрерывно являлся мнѣ то въ прошломъ высокою тайной, передъ которою я съ благоговѣніемъ повергласъ въ прахъ, то въ будущемъ... и эти-то святыя мечты убаюкали меня и навѣяли на душу дивный сонъ. Передъ разсвѣтомъ я уснула и вижу, ты пріѣхалъ и стоишь въ стеклянныхъ дверяхъ у корридора, дожидаешься, чтобъ я нечаянно встрѣтилась съ тобой. Я бросилась къ тебѣ, и весь міръ забытъ, не только грозные взоры! Не ручаюсь и на яву; до нихъ ли мнѣ тогда будетъ, когда я увѣрюсь, что предо мною *ты?* Ты только смотрѣлъ на меня и улыбался, я долго цѣловала тебя, и потомъ много мы смотрѣли другъ на друга, долго-долго... Проснувшись, я было закричала: гдѣ-жь ты, Александръ? На что-жь, на что-жь просыпаться, зачѣмъ разбудила меня судьба? Пусть бы длился этотъ сонъ до твоего пріѣзда!

Вчера мы были въ Царицынѣ; съ нами ѣздилъ Воробьевъ [1]). Я, право, чуть не заплакала, зачѣмъ не ты на его мѣстѣ? О, какъ бы неизъяснимо протекли эти три часа, которые мы провели тамъ! Садъ хорошъ, но что-то грустенъ, мраченъ. Пустыя аллеи, покинутый дворецъ дышатъ тоской, и тамъ мнѣ еще грустнѣе стало. Да, я не знаю, гдѣ я найду удовольствіе безъ тебя; куда ни приду, все кажется опустѣлымъ, тоскующимъ о тебѣ. О, зачѣмъ, зачѣмъ, увѣряешь меня, Александръ, что ты сдѣлаешь меня счастливой? Не довольно ли смертному только любить, чтобы быть счастливымъ? А я—я люблю, я любима! *И какъ люблю и какъ любима!*

Пусть мое будущее будетъ мрачнѣе прошедшаго, я не смѣю требовать бо́льшаго счастья на землѣ. Но твои слова: «Пострадай, Наташа, за будущее благоденствіе» пишутъ небесными красками картины будущаго, и душа засмотрится на нихъ, и уже настоящаго ей мало!

8-е.

Въ послѣднемъ письмѣ твоемъ видно, что ты немного спокойнѣе, и я спокойнѣе. Ужасна, несносна разлука, но когда я знаю, что она тягостна и для тебя, мученія ея увеличиваются. Я жду тебя, ангелъ мой; ты преобразишь меня: тогда, тогда только, можетъ быть, я буду тѣмъ, что ты воображаешь во мнѣ. Я трепещу твоего разочарованія: знаю, во мнѣ нѣтъ сотой доли твоего идеала, развѣ одна тѣнь его, но ты, ты можешь все, ты одушевишь эту тѣнь, ты сдѣлаешь ее божествомъ, ангеломъ. Съ тобою, о, я знаю, съ тобою я буду выше существъ обыкновенныхъ, одно присутствіе твое освятит меня, и какъ же не быть святою съ тобой? Всю жизнь я знала

[1] Воробьевъ, годовой докторъ у княгини Хованской.

только Бога и тебя, всю жизнь любила только Его и тебя, въ душѣ своей я не вижу ничего, кромѣ тебя, люблю тебя за одну любовь твою ко мнѣ; кажется, я вся созданіе твоей любви, но, можетъ быть, люди навѣяли на меня и своего... О, страшно, страшно, ангелъ мой, Александръ, пусть лучше Богъ возьметъ у меня жизнь, нежели бы ты увидѣлъ во мнѣ недостатокъ; а это легко можетъ быть: ты не жилъ со мною, можетъ быть, во мнѣ много и дурнаго... ахъ, нѣтъ, нѣтъ, не можетъ быть: тогда бы я не любила тебя. Можетъ ли существо, понявшее тебя, любившее тебя, имѣть большіе недостатки? Нѣтъ. И потому я имѣю какое-то особенное чувство ко всѣмъ тѣмъ, которые къ тебѣ были неравнодушны. Не знавши Мед.[1]), я люблю ее всею душой, мнѣ жаль ее, ужасно жаль, и божусь тебѣ, Александръ, готова сдѣлать многое, очень многое для того, чтобы она всю жизнь свою благословляла встрѣчу съ тобою. Зачѣмъ ты говоришь мнѣ о прежней любви своей? Ангелъ мой, развѣ не то же было со мною? Вѣдь, и я воображала, что люблю Бирюкова [2]), и вотъ что странно, я почти не смѣла открыть это самой себѣ, когда ты зналъ объ этомъ, и думала, что одно твое слово — и я перестану любить. Такъ любовь ли это? Я видѣла, что онъ не равнодушенъ ко мнѣ, и мнѣ это нравилось, и поэтому нравился и онъ мнѣ. Мнѣ же было тогда 15 лѣтъ, и первая почти встрѣча была съ нимъ. Но, стало, ты сердишься на меня за это, когда говоришь, чтобы я на тебя не сердилась? Но полно же, ангелъ мой, что говорить намъ о томъ, что было прежде откровенія [3]); теперь мы знаемъ, что мы созданы другъ для друга, что вся жизнь моя, вся душа моя—пѣснь любви къ тебѣ. О, Александръ! Когда-жь, когда-жь я обниму тебя, мой божественный другъ? Когда я услышу изъ устъ твоихъ о любви, когда прочту ее я въ глазахъ твоихъ?... Ангелъ мой, ангелъ, Александръ мой, жизнь моя, душа моя, хоть бы я издали взглянула на тебя, услышала бы только голосъ твой!... О, чѣмъ, чѣмъ, Александръ, воздамъ я тебѣ? Отдала тебѣ душу, жизнь,— этого мало: я бы желала, чтобы не было подобной той, которую ты любишь.

Прости, обнимаю тебя, цѣлую, цѣлую.

10-е.

16 дней остается до назначеннаго тобою дня [4]). Я ужасно недовольна собою. Ежедневно мнѣ пеняютъ, что я не весела, заду

---

[1]) Медвѣдевой (г-жи Р.).

[2]) Молодой человѣкъ, служившій въ министерствѣ юстиціи. Онъ давно бывалъ у Насакиныхъ, родственниковъ кн. Хованской.

[3]) Т.-е. до момента, когда они видѣлись въ Крутицахъ.

[4]) Т.-е. до 26 августа, до именинъ Н. А. Къ этому дню думалъ пріѣхать А. въ Москву.

чива, а перемѣниться нѣтъ силъ. Тяжко принять веселый видъ. Мысль, что, можетъ быть, еще годъ розно съ тобою, гонитъ и самую улыбку. Видъ мой сталъ суровѣе, мрачнѣе, а это означаетъ недостатокъ твердости, слабость характера. Но что-жь мнѣ дѣлать, ангелъ мой? Я умѣю владѣть собою, умѣю скрывать и переносить многое, но гдѣ ты, тамъ я вся, тамъ нечего удѣлить мнѣ людямъ. Но что же?... Впрочемъ, я готова для нихъ сдѣлать и дѣлаю все, а быть веселой безъ тебя—не могу.

Александръ, ангелъ мой, зачѣмъ ты написалъ въ послѣднемъ твоемъ: письмѣ «твой до гроба» [3])? Неужели за гробомъ вѣчность безъ тебя? Но что-жь говорить о небѣ, на что искать неба? Мое небо тамъ, гдѣ ты. Я не помѣняюсь съ жителями неба, не отдамъ земного странствованія за райскую жизнь, нѣтъ, нѣтъ, Александръ мой, милый, на что же Богъ соединилъ насъ здѣсь, когда за могилой намъ вѣчная разлука? Развѣ радости небесныя могутъ замѣнить мнѣ тебя? Тобою я свята, ты мой ангелъ, ты мое небо, ты мой рай, моя свѣтлая жизнь; гробъ не разлучитъ насъ; мы не переживемъ другъ друга: раставшись съ тѣломъ, не двѣ души возлетятъ на небо, а одинъ ангелъ. Для чего же здѣсь вмѣстѣ, когда тамъ розно? Не для того ли Богъ слилъ наши существованія въ одно, чтобы мы другъ другомъ становились добродѣтельнѣе, чище, выше, святѣе, чтобы другъ другомъ сближались съ Нимъ? Не для того ли, чтобы, будучи въ обители скорби и печали, мы находили другъ въ другѣ и небо, и рай, чтобы сдѣлали себя *здѣсь* быть достойными другъ друга *тамъ?* Я твоя вѣчно, твоя и здѣсь, твоя и тамъ! Мнѣ не страшна могила, мнѣ сладко будетъ лежать и въ землѣ, по которой ты будешь ходить. Мнѣ кажется, раставшись съ тѣломъ, душа моя не покинетъ землю, когда еще на ней будешь ты, тогда она будетъ твоею спутницей, и ужь ни языкъ коварнаго, ни рука злого не коснется тебя, милый мой,—душа моя охранитъ тебя (умолитъ) за тебя.

О, мой Александръ! Что можетъ сравниться съ тобою? Что можетъ замѣнить тебя? Если бы ты и не любилъ меня, я боготворю тебя; мое блаженство безгранично тѣмъ, что ты есть, что я тебя знаю, что я умѣю любить тебя. Несравненный, неподражаемый! И мѣрь же, измѣрь ты самъ весь рай души моей, когда я могу назвать тебя *моимъ Александромъ!* Будь *моимъ до гроба,* а я твоя, *твоя* на вѣки! Твоя, твоя! Твоею на землѣ, твоею и въ небесахъ!

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[3]) Такъ кончалъ А. И. письмо отъ 20 и 22 іюля. Только теперь (8 авг.) получ[ено] Н. А.

ТЕССЪ, НАСЛѢДНИЦА Д'ОРБЕРВИЛЕЙ

Романъ Томаса Гарди.

XLVII.

На фермѣ происходила молотьба послѣдняго скирда п Ранній разсвѣтъ мартовскаго утра только что наступилъ. В нихъ сумеркахъ вырисовывалась вершина скирда, стоявша подъ дождемъ и подъ снѣгомъ зимней погоды.

Когда Ицц Гюэттъ и Тессъ пришли къ мѣсту работы, о ко по производимому шуму догадались, что другіе уже преду ихъ. По мѣрѣ того, какъ увеличивался свѣтъ, на вершин вырисовывались силуэты двухъ рабочихъ. Они раскрывали прежде чѣмъ начать бросать внизъ снопы пшеницы. Пок должалась эта работа, Ицц Гюэттъ, Тессъ и другія ра стояли около и дрожали отъ стужи. Фермеръ Гроби вел придти такъ рано, чтобы къ концу дня успѣть кончить Около скирда неясно выдѣлялись очертанія молотильной м

Недалеко отъ нея виднѣлась другая черная неясна сдержанное шипѣніе которой говорило о скрывающейся въ н Длинная труба поднималась около большого ясеня и по тепл дившему изъ этого мѣста, можно было легко догадаться, нес сумракъ, что здѣсь находится паровая машина. Около паров яла неподвижная фигура, высокое, грязное, покрытое саже ство, какъ бы въ столбнякѣ, съ грудой углей около него: э машинистъ. Онъ принадлежалъ земледѣльческому міру, чуждъ ему. Онъ служилъ огню и дыму. Со своею маши ѣздилъ отъ одной фермы къ другой, такъ какъ въ этой части са паровая машина передавалась съ одного мѣста н надобности. Онъ говорилъ съ сѣвернымъ акцентомъ

*) *Русская Мысль*, кн. VII.

обращены на него самого, его глаза устремлены на его желѣзное орудіе, онъ едва замѣчалъ, что дѣлалось кругомъ него, и не чувствовалъ привязанности ни къ чему окружающему. Съ земледѣльцами онъ поддерживалъ только необходимыя сношенія. Длинный ремень, соединявшій маховое колесо его паровой машины съ молотилкой, служилъ единственнымъ звеномъ между нимъ и земледѣліемъ.

Покуда раскрывали скирдъ, онъ апатично стоялъ около своего подвижного хранилища силъ, черныя очертанія котораго все яснѣе выступали въ утреннемъ свѣтѣ. Подготовительная работа не касалась его. Огонь у него былъ готовъ, паръ находился на высокой точкѣ давленія, въ нѣсколько секундъ онъ могъ заставить двигаться длинный ремень съ неуловимою быстротой. Ему было все равно, что̀ находилось за его предѣлами: хлѣбъ, солома или хаосъ. Если кто-нибудь изъ мѣстныхъ аборигеновъ спрашивалъ, какъ его зовутъ, онъ коротко отвѣчалъ: «Машинистъ».

Наступило уже утро, когда кончена была подготовительная работа. Рабочіе заняли свои мѣста. Фермеръ Гроби или, какъ они называли его, «онъ», подъѣхалъ къ этому времени и, по его приказанію, Тессъ стала на платформу молотилки рядомъ съ рабочимъ, который долженъ былъ бросать въ нее пшеницу; на ея обязанности лежало развязывать снопы, которые ей передавала Ицъ Гюэттъ, стоявшая на скирду.

Скоро работа была въ полномъ разгарѣ послѣ одной или двухъ остановокъ, обрадовавшихъ сердца ненавистниковъ машинъ. Работа продолжалась до завтрака, тогда машина остановилась на полчаса, а послѣ отдыха всѣ второстепенныя силы фермы были заняты уборкой въ скирды соломы, которая начинала расти на ряду съ грудой зерна. Полудневали стоя, не покидая своихъ мѣстъ, а еще часа черезъ четыре наступило время обѣда. Неумолимое колесо продолжало двигаться, а оглушающій гулъ машины пронизывалъ до мозга костей всѣхъ, кто̀ стоялъ около нея.

Старикъ, воздвигавшій соломенный скирдъ, разсказывалъ о прошедшихъ временахъ, когда они всѣ молотили цѣпами на дубовомъ полу риги, когда существовала только ручная работа, которая была тя и медленнѣе, но производительнѣе, по его мнѣнію. Такъ болѣлъ народъ, занятый соломеннымъ скирдомъ, но обливавшіеся по̀мъ за работой около машины, въ томъ числѣ и Тессъ, не могли облегчить болтовней своего труда. Непрерывная работа не давала ни на минуту отдыха, такъ что она начала сожалѣть о томъ, что пришла въ Флинткомбъ-Ашъ. Работницы, передававшія снопы, въ

томъ числѣ и Маріанна, могли остановиться, чтобы время отъ времени выпить глотокъ эля или холоднаго чаю изъ бутылки; онѣ могли иногда перекинуться отдѣльными фразами, вытирая потъ съ своего лица или очищая отъ приставшей соломы свое платье. Но для Тессъ не было ни минуты отдыха. Вертящійся барабанъ не могъ остановиться, человѣкъ, бросавшій въ него хлѣбъ, тоже не могъ остановиться, и она, передававшая рабочему развязанные снопы пшеницы, не могла остановиться.

По какимъ-то экономическимъ соображеніямъ, для этой работы всегда выбиралась женщина, и фермеръ Гроби назначилъ Тессъ, потому что она, по его мнѣнію, соединяла быстроту съ ловкостью и тверже держалась на ногахъ. Шумъ молотилки, мѣшавшій говорить, превращался въ ревъ, когда ей не хватало запаса брошенной въ нее пшеницы. Тессъ и стоявшій рядомъ съ ней рабочій не могли повернуть головы отъ работы, поэтому она не знала, что около обѣденнаго времени какой-то господинъ прошелъ въ поле черезъ ворота и теперь стоялъ около второго скирда, наблюдая за всѣмъ происходившемъ, а въ особенности за Тессъ. Онъ былъ одѣтъ въ платье изящнаго покроя и вертѣлъ въ рукахъ красивую тросточку.

— Кто это?—спросила Ицъ Гюэттъ Маріанну.

Она сначала обратилась съ этимъ вопросомъ къ Тессъ, но та не слыхала ее.

— Какой-нибудь франтъ, должно быть, — лаконически отвѣтила Маріанна.

— Держу пари на гинею, что онъ здѣсь ради Тессъ.

— О, нѣтъ! За ней бѣгалъ пасторъ, а не дэнди, какъ этотъ.

— Это тотъ же самый человѣкъ.

— Тотъ же, что проповѣдникъ? Но онъ совсѣмъ не похожъ на него!

— Онъ снялъ съ себя черную одежду и бѣлую косынку, а также сбрилъ свои бакенбарды, но это все же тотъ же самый человѣкъ.

— Ты въ самомъ дѣлѣ такъ думаешь? Такъ я скажу ей,— сказала Маріанна.

— Не говори. Она и такъ довольно часто видитъ его.

— Хорошо. Съ его стороны очень дурно говорить проповѣди ухаживать за замужнею женщиной, даже если мужъ ея далеко и она почти какъ вдова.

Наступило время обѣда и молотилка остановилась. Когда Тесс сошла съ своего мѣста, ноги ея такъ дрожали, что она съ трудомъ могла двигаться.

— Тебѣ надо было бы время отъ времени прикладываться къ бутылкѣ, какъ я,—сказала Маріанна.

— Тогда бы ты не была блѣдна. У тебя совсѣмъ измученное лицо.

Добродушная Маріанна видѣла, что Тессъ очень устала, и ей пришла мысль, какъ бы она не лишилась аппетита, увидѣвъ гостя. Чтобы избѣжать встрѣчи, она повела ее къ лѣстницѣ по другую сторону скирда, но джентльменъ вышелъ изъ-за скирда и смотрѣлъ вверхъ на нихъ.

Тессъ вскрикнула съ испугомъ:

— О!—и прибавила быстро:—Я пообѣдаю здѣсь на скирду.

Иногда, когда далеко было идти домой, онѣ всѣ обѣдали такимъ образомъ, но сегодня дулъ сильный вѣтеръ, поэтому Маріанна и всѣ остальныя сѣли внизу подъ соломеннымъ стогомъ.

Незнакомецъ былъ дѣйствительно Алекъ д'Орбервиль, недавній проповѣдникъ евангелія. По первому взгляду можно было увидать, что прирожденныя свойства его натуры снова вернулись къ нему. Онъ снова былъ тѣмъ, какимъ Тессъ знала его четыре года тому назадъ. Рѣшившись остаться на скирду, Тессъ сѣла между снопами, такъ что ей не видно было земли, и принялась за ѣду; но по лѣстницѣ раздались шаги, все ближе, ближе, и вскорѣ Алекъ появился наверху скирда; онъ прошелъ къ ней по снопамъ и молча опустился противъ нее.

Тессъ продолжала свой скромный обѣдъ, состоявшій изъ куска толстой лепешки, которую она принесла съ собой. Весь остальной народъ собрался внизу около скирда, гдѣ разбросанная солома представляла довольно комфортабельное убѣжище.

— Я снова здѣсь, какъ вы видите,—сказалъ д'Орбервиль.

— Зачѣмъ вамъ надо смущать меня?—воскликнула она.

— Я смущаю *васъ*? Скорѣе мнѣ надо было бы спросить, зачѣмъ вы смущаете меня?

— Но я ничѣмъ не смущаю васъ.

— Вы говорите, что вы не смущаете меня? Но вы смущаете! Вы посѣщаете меня. Вотъ сейчасъ вы посмотрѣли на меня съ горькимъ упрекомъ во взглядѣ, и я буду видѣть ваши глаза съ тѣмъ е выраженіемъ днемъ и почью. Тессъ, съ тѣхъ поръ, какъ вы казали мнѣ о ребенкѣ, со мной совершается переворотъ. Всѣ силы ей души, подобно потоку, стремились къ небесамъ, но вдругъ а своемъ пути они встрѣтили открытыя шлюзы по направленію вамъ и ринулись снова на старый путь. Путь ко спасенію гавленъ навсегда, и вы сдѣлали все это, *вы!*

Она смотрѣла на него съ удивленіемъ.

— Какъ, вы совсѣмъ оставили свои проповѣди? сила она.

Она достаточно наслушалась отъ Эндженя, чтобы внезапные порывы религіознаго энтузіазма, но, какъ жен все же страшилась неизвѣстности.

Съ дѣланнымъ равнодушіемъ д'Орбервиль продолжал

— Совершенно. Я покончилъ съ этимъ навсегда въ т день, когда я долженъ былъ говорить проповѣдь несчастным цамъ на Кастербридской ярмаркѣ. Одинъ чортъ знаетъ, чт обо мнѣ теперь братія. Ха, ха! Братія! Безъ сомнѣнія, он теперь обо мнѣ, плачутъ обо мнѣ; они въ своемъ родѣ дс родъ. Но что же мнѣ было дѣлать? Развѣ я могъ продолж нее дѣло, когда я потерялъ вѣру въ него? Это было бы с кое лицемѣріе съ моей стороны... Какъ вы жестоко относ Вы были невинны, когда я узналъ васъ, и я обольстилъ съ половиной года спустя вы встрѣтили меня ревностным нномъ, и вы лишили меня вѣры, можетъ быть, на мою он ную погибель. Но, Тессъ, моя кузиночка, какъ я рань васъ, вѣдь, это я только такъ говорю, и вы не должны на меня съ такимъ отчаяннымъ видомъ. Въ концѣ-концо въ чемъ не виноваты. Ваша вина только въ томъ, что н нили ваше хорошенькое личико и прелестную фигуру. васъ на скирду, прежде чѣмъ вы замѣтили меня. Эта гру да и этотъ чепчикъ такъ идутъ къ вамъ. Деревенскія дѣ должны были бы носить такихъ чепчиковъ, если не хотят гаться опасности. — Онъ нѣсколько секундъ молча смотрѣ и потомъ прибавилъ съ короткимъ циничнымъ смѣхом бы ученый апостолъ, чьимъ представителемъ я былъ, мо такое хорошенькое личико, онъ, конечно, также, какъ и я, бы ради него свое святое дѣло.

Тессъ хотѣла возражать ему, но при такомъ заключе краснорѣчіе оставило ее. Онъ продолжалъ:

— Рай, который можете дать вы, лучше всякаго др я буду говорить серьезно, Тессъ.

Д'Орбервиль всталъ, подошелъ ближе и опустился сиопы, опершись на локоть.

— Съ тѣхъ поръ, какъ я видѣлъ васъ въ послѣдні много думалъ о томъ, что вы передавали мнѣ изъ того. рилъ *онъ*. Я пришелъ къ заключенію, что этимъ ст шалымъ предписаніямъ религіи недостаетъ здраваго

я могъ такъ страстно увлекаться энтузіазмомъ бѣднаго Парсона Клэра, какъ я могъ съ такимъ пыломъ приняться за дѣло, что даже перегналъ его въ своемъ рвеніи,—я не могу теперь понять. Вы мнѣ говорили также въ послѣдній разъ,—тоже со словъ вашего удивительнаго мужа, имени котораго вы мнѣ не хотите сказать,—что можно имѣть, какъ они это называютъ, этическую систему безъ какого бы то ни было догмата, но этого я тоже не могу понять.

— У васъ можетъ быть религія милосердія и непорочности, хотя бы вы и не вѣрили въ догматъ, какъ они это называютъ.

— О нѣтъ! Я не такъ созданъ! Если нѣтъ никого, кто могъ бы сказать мнѣ: «дѣлай это, и ты получишь награду послѣ твоей смерти, дѣлай то, и ты получишь возмездіе»,—я не могу воспламениться. Чортъ побери, я не могу чувствовать отвѣтственности за свои поступки и страсти, если нѣтъ никого, передъ кѣмъ я могъ бы быть отвѣтственнымъ!

Она пробовала возражать ему, сказать, что онъ смѣшиваетъ теологію и мораль, которыя такъ различались въ первые вѣка жизни человѣчества. Но она не умѣла спорить,—Энджель Клэръ все же слишкомъ мало говорилъ ей; она руководствовалась скорѣе чувствомъ, чѣмъ разумомъ, и потому не могла развить свою мысль.

— Ну, хорошо, не все ли равно?—заключилъ онъ.—Я снова здѣсь, дорогая моя, какъ въ прежнія времена.

— Не такъ, какъ прежде, не такъ, теперь совсѣмъ не то!—воскликнула она.—Я и прежде никогда не любила васъ. О, зачѣмъ вы не вѣрите больше, если потеря вѣры заставляетъ васъ говорить мнѣ такія вещи?

— Вы сами выбили ее изъ меня. Все зло исходитъ изъ вашей милой головки. Ха, ха! Я все же очень радъ, что вы сдѣлали изъ меня вѣроотступника. Я теперь еще больше люблю васъ, чѣмъ прежде, и я жалѣю васъ. Несмотря на вашу сдержанность, я вижу, какъ вамъ плохо живется,—тотъ, кто долженъ былъ бы любить васъ, пренебрегаетъ вами.

Кусокъ остановился у нея въ горлѣ; ея губы пересохли, она задыхалась. Голоса и смѣхъ рабочихъ, обѣдавшихъ подъ скирдомъ, глухо долетали до нея, какъ будто бы они были за четверть мили отсюда.

— Это жестоко съ вашей стороны,—сказала она.—Какъ можете вы говорить это, если хоть немного любите меня?

— Правда, правда,—сказалъ онъ, немного тронутый.—Я не долженъ упрекать васъ за свое паденіе. Я пришелъ сказать вамъ, Тессъ, что я не хочу, чтобы вы продолжали эту тяжелую работу.

Вы говорите, что у васъ есть мужъ другой, не я. Можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ существуетъ, но я никогда не видѣлъ его, а хотите сказать мнѣ его имени; это, повидимому, какое-то ми ское существо. Но если онъ даже и существуетъ, я ближе къ чѣмъ онъ. Я все же стараюсь какъ-нибудь помочь вамъ въ ба бѣдствіи, а онъ ничего не дѣлаетъ. Тессъ, знаете слова про «И она послѣдуетъ за своимъ возлюбленнымъ, но не дог его, она будетъ искать его, но не найдетъ; и тогда она ска себѣ: пойду и вернусь къ моему прежнему мужу, потому что мнѣ было лучше, чѣмъ теперь». Тессъ, мой экипажъ ждетъ дошвы холма!...

Ея лицо горѣло густымъ румянцемъ негодованія, но она должала молчать.

— Вы виноваты въ моей погибели,—весело продолжалъ он теперь вы должны раздѣлить со мной мою судьбу и оставит всегда то животное, которое вы называете своимъ мужемъ.

Одна изъ ея кожаныхъ перчатокъ, которую она сняла, ѣсть свою лепешку, лежала у нея на колѣнихъ. Она схвати и, не помня себя отъ негодованія, ударила его ею прямо по . Перчатка, толстая и тяжелая, какъ у солдата, поранила ему Пылкая фантазія могла бы увидать въ этомъ поступкѣ отгол стараго рыцарскаго обычая, къ которому, конечно, не разъ п гали ея закованные въ латы предки. Алекъ въ бѣшенствѣ вско Маленькое кровавое пятнышко показалось у него на губахъ и ч минуту кровь закапала на солому. Но онъ сейчасъ же овладѣл бой, спокойно вынулъ носовой платокъ и приложилъ его къ гу

Она тоже вскочила, но опять опустилась на снопы.

— Теперь казните меня!—воскликнула она, смотря на отчаяннымъ взглядомъ, съ какимъ пойманный воробей смотри своего мучителя.—Бейте меня, рѣжьте меня; не бойтесь нар не буду кричать. Жертва однажды, жертва навсегда—таковъ за

— О, нѣтъ, нѣтъ, Тессъ,—нѣжно сказалъ онъ.—Я не сердиться на васъ. Но вы несправедливы ко мнѣ; вы забыли обстоятельство, вы забыли, что я женился бы на васъ, ес могъ. Развѣ я не просилъ васъ быть моею женой, скажите?

— Да, вы просили.

— Но вы не можете. Помните только одно.—Въ его г зазвучали жесткія ноты. Онъ вспомнилъ, какъ искренно пр онъ ее быть его женой, и вотъ какъ она отплатила ему! Гнѣв ва овладѣлъ имъ. Онъ подошелъ къ ней и схватилъ ее за т такъ сильно, что она пошатнулась. — Помни, я

господиномъ. Я снова буду имъ. Чью бы женой ты ни была,

зу между молотильщиками послышалось движеніе.
Не будемъ ссориться,—сказалъ онъ, выпуская ее.—Теперь
лю васъ, но приду сегодня опять за вашимъ отвѣтомъ. Вы
знаете меня, но я хорошо знаю васъ.
. ничего не отвѣчала и сидѣла, какъ въ столбнякѣ. Д'Орбер-
рошелъ по снопамъ и спустился съ лѣстницы, въ то время,
ібочіе внизу вставали, потягиваясь, расправляя свои члены
ясь стряхнуть легкій хмѣль отъ выпитаго пива.
отилка снова была въ полномъ ходу. И при возобновившем-
ѣ около вертящагося барабана Тессъ обдумывала свое поло-
Безсознательно, какъ бы во снѣ, развязывая одинъ снопъ за
ь

XLVIII.

лѣ обѣда фермеръ объявилъ, что надо непремѣнно сегодня
ончить со скирдомъ, хотя бы ночью, такъ какъ на слѣдую-
нь машинистъ со своею машиной долженъ отправиться на
ферму. Послѣ этого заявленія движеніе, шумъ и ревъ про-
ись еще съ меньшими перерывами, чѣмъ обыкновенно.
ло трехъ часовъ Тессъ подняла глаза и оглянулась кру-
на немного удивилась, увидавъ, что Алекъ д'Орбервиль уже
ся и стоялъ около забора у воротъ. Встрѣтивъ ея взглядъ,
сково махнулъ ей рукой и послалъ воздушный поцѣлуй,
этимъ знать, что ссора ихъ кончена. Тессъ поспѣшно
глаза и потомъ тщательно избѣгала смотрѣть въ ту сто-

ъ проходило послѣобѣденное время. Пшеничный скирдъ ста-
все ниже, соломенный все выше; мѣшки съ зерномъ на-
ись и увозились. Въ шесть часовъ пшеничный скирдъ былъ
ько по плечо взрослому человѣку. Но казалось, что остает-
безчисленное множество необмолоченныхъ сноповъ.
лѣ пасмурнаго дня близившееся къ закату солнце вдругъ
ало на небѣ и освѣтило мѣдно-краснымъ свѣтомъ усталыя,
лица молотильщиковъ и развѣвающіяся платья женщинъ,
охваченныя пламенемъ.
алость овладѣвала всѣми. Мало-по-малу самыя свѣжія ли-
няли землистый оттѣнокъ. Когда Тессъ поднимала голову,
ѣла все тотъ же постепенно возростающій скирдъ соломы

съ рабочими на вершинѣ, выдѣляющейся на пасмурномъ небѣ
передней стороны его тянулся длинный красный соломотрясъ
немъ непрерывно поднимался вверхъ потокъ соломы и разлив
на вершинѣ скирда.

Она знала, что Алекъ д'Орбервиль здѣсь и продолжаетъ на
дать за ней съ той или съ другой стороны, хотя и не могл
сказать, гдѣ именно онъ находится. Его присутствіе здѣсь м
имѣть объясненіе. Когда обмолачиваемый скирдъ приближался
концу, начиналась травля крысъ, скрывавшихся подъ послѣд
рядомъ сноповъ. Для этого въ своемъ родѣ спорта приходили ч
люди, не имѣющіе никакого отношенія къ молотьбѣ,—джентл
ны съ собаками и со свистками, парни съ палками и съ камень

Но до травли крысъ остался еще часъ-другой работы. К
угасъ послѣдній отблескъ вечерней зари, на небо взошелъ б
ный мѣсяцъ.

Послѣдній часъ или два Маріанна сильно безпокоилась
Тессъ; она чувствовала, что та должна была устать страшно
не имѣла возможности настолько близко подойти къ ней, ч
быть услышанной. Другія женщины поддерживали свои силы эл
но Тессъ съ дѣтства чувствовала къ нему отвращеніе. Она
должала работать. Если бы она не могла довести до конца
работу, она должна была бы оставить ферму. Еще мѣсяцъ или
назадъ она довольно равнодушно отнеслась бы къ этому об
ятельству, но теперь, съ тѣхъ поръ какъ Алекъ сталъ снова
живать за ней, возможность потерять мѣсто представлялась ей
вымъ, страшнымъ бѣдствіемъ.

Пшеничный скирдъ сталъ теперь такъ низокъ, что съ з
можно было свободно разговаривать съ находившимися на
людьми. Къ удивленію Тессъ, фермеръ Гроби поднялся на маш
подошелъ къ ней и сказалъ, что если она желаетъ присоедини
къ своему «другу», то можетъ уйти, а онъ поставитъ на ея м
другую работницу. «Другъ» былъ д'Орбервиль и Тессъ знала,
это разрѣшеніе дается ей благодаря просьбѣ этого друга или в
Она отрицательно качнула головой и продолжала работу.

Наконецъ, наступило время травли крысъ, и охота начал
По мѣрѣ уменьшенія скирда крысы спускались все ниже и н
покуда не достигли земли. Теперь открыто было ихъ послѣ
убѣжище и они бросились бѣжать въ разныя стороны. Среди
скихъ визговъ, мужскихъ криковъ, проклятій и ударовъ, Тессъ
вязала послѣдній снопъ. Барабанъ остановился, стукъ прекра
ся и Тессъ спустилась на землю.

Ея другъ, наблюдавшій за травлей крысъ, въ одну минуту очутился около нея.

— Какъ, послѣ моего оскорбленія! — чуть слышно сказала она. Она такъ устала, что не могла говорить громко.

— Я былъ бы сумасшедшимъ, если бы могъ обижаться на васъ,— отвѣтилъ онъ нѣжнымъ голосомъ прежнихъ временъ.— Какъ вы слабы, какъ вы дрожите, а, вѣдь, вы могли бы не работать съ тѣхъ поръ, какъ я пришелъ. Зачѣмъ вы заупрямились? Я сказалъ фермеру, что онъ не имѣетъ права ставить на молотилку женщинъ; такая работа не для нихъ и на другихъ фермахъ, гдѣ дѣло поставлено лучше, женщинъ никогда не ставятъ на такія работы, онъ это отлично знаетъ. Я провожу васъ до дому.

— О, да,— сказала она, едва передвигая ноги,— проводите меня! Я должна помнить, что вы хотѣли жениться на мнѣ, когда пришли сюда и когда не знали еще о моемъ положеніи. Можетъ быть... можетъ быть, вы добрѣе и лучше, чѣмъ я думала. Я благодарна вамъ за вашу доброту, но я не могу простить вамъ то зло, которое вы мнѣ сдѣлали. Иногда мнѣ кажется, что я не понимаю васъ.

— Я не могу узаконить наши прежнія отношенія, но я все же могу помочь вамъ. И я постараюсь сдѣлать это съ гораздо большимъ уваженіемъ къ вашимъ чувствамъ, чѣмъ раньше. Моя религіозная манія прошла, но во мнѣ осталось еще кое-что хорошее. Тессъ, я прошу васъ, ради всего, что есть лучшаго въ отношеніяхъ мужчины и женщины, успокойте меня! У меня довольно средствъ, болѣе чѣмъ довольно для того, чтобъ избавить отъ нужды и васъ, и вашихъ родителей, и вашихъ сестеръ. Я могу обезпечить имъ всѣмъ спокойную жизнь, если только вы довѣритесь мнѣ.

— Вы видѣлись съ ними недавно? — быстро спросила она.

— Да. Но они не знали, гдѣ вы. Я нашелъ васъ здѣсь случайно.

Холодный мѣсяцъ освѣщалъ усталое лицо Тессъ, остановившейся около садоваго плетня своего временнаго жилища. Д'Орбервиль стоялъ около нея.

— Не говорите мнѣ о моихъ маленькихъ братьяхъ и сестрахъ,— чувствую, что могу погибнуть,— сказала она.— Помогайте имъ, если хотите,— Господь видитъ, какъ они нуждаются,— но не говорите мнѣ объ этомъ. Но нѣтъ, нѣтъ! — воскликнула она.— Я хочу ничего принимать отъ васъ ни для нихъ, ни для себя!

Онъ не провожалъ ее дальше; она жила вмѣстѣ съ хозяевами и домѣ приходилось постоянно быть на людяхъ. Войдя въ домъ, машинально поужинала вмѣстѣ со всѣми, потомъ глубоко за-

думалась и, сѣвъ къ столу около стѣны, при свѣтѣ своей маленькой лампочки, начала страстное посланіе.

«Мой дорогой мужъ! Позволь мнѣ такъ называть тебя, — я должна такъ называть тебя, даже если тебѣ непріятна мысль о такой женѣ, какъ я. Я должна обратиться къ тебѣ въ моемъ горѣ — у меня никого нѣтъ, кромѣ тебя! Мнѣ грозитъ такое искушеніе, Энджель. Я боюсь сказать, въ чемъ оно состоитъ, и я не хочу писать о немъ. Но я люблю тебя одного, ты не знаешь, какъ я люблю тебя. Не можешь ли ты пріѣхать ко мнѣ сейчасъ, прежде чѣмъ не случилось чего-нибудь ужаснаго? О, я знаю, ты не можешь пріѣхать ко мнѣ, ты такъ далеко. Но мнѣ кажется, что я умру, если ты не пріѣдешь скоро или не напишешь, чтобъ я пріѣхала къ тебѣ. Я знаю, что я заслужила — вполнѣ заслужила — наказаніе, которому ты подвергаешь меня, ты правъ въ своемъ гнѣвѣ на меня, ты вполнѣ справедливъ. Но, Энджель, я прошу, я умоляю тебя, не будь справедливъ, но будь хоть немного добрѣе ко мнѣ, даже если я не заслуживаю этого, и пріѣзжай ко мнѣ! Если бы ты пріѣхалъ, я могла бы умереть у тебя на рукахъ! Я умерла бы съ радостью, если бы знала, что ты простилъ мнѣ!

«Энджель, я живу только для тебя. Я слишкомъ люблю тебя, чтобы упрекать тебя за то, что ты уѣхалъ отъ меня. Я знаю, что это было необходимо: тебѣ надо было найти ферму. Не скажу тебѣ ни одного слова упрека, только вернись ко мнѣ. Я прихожу въ отчаяніе безъ тебя, дорогой мой, въ отчаяніе! Я не боюсь работы; но если бы ты написалъ мнѣ одну строчку, написалъ бы мнѣ *я скоро пріѣду*, я съ такою бы радостью стала ждать твоего возвращенія,— о, съ такою радостью!

«Съ тѣхъ поръ, какъ мы женаты, быть вѣрной тебѣ даже во взглядахъ, даже въ помышленіяхъ сдѣлалось моею религіей. Когда мнѣ совершенно неожиданно приходится слышать комплименты отъ мужчинъ, мнѣ кажется, что и это должно оскорблять тебя. Неужели ты совсѣмъ ничего не чувствуешь ко мнѣ больше, ничего изъ того, что ты чувствовалъ ко мнѣ на мызѣ? А если нѣтъ, если въ тебѣ осталась хоть капля прежнихъ чувствъ, то какъ же ты могъ уѣхать отъ меня? Я все та же женщина, Энджель, все та же, [illegible] которую ты былъ влюбленъ, а не та, которую ты никогда не в дѣлъ и которая могла бы не понравиться тебѣ. Что было для мен прошедшее, разъ я встрѣтилась съ тобою? Оно умерло. Я сдѣл лась другою женщиной, ты влилъ въ меня новую жизнь. Развѣ могла снова сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ я была? Какъ ты не видѣ этого? Дорогой мой, если бы ты былъ немного болѣе увѣренъ

себѣ, ты бы зналъ, какъ я должна была измѣниться подъ твоимъ вліяніемъ, и ты бы, можетъ быть, пріѣхалъ ко мнѣ, къ твоей несчастной женѣ.

«Какъ безумная я была въ моемъ счастьѣ, думая, что ты всегда будешь любить меня. Не мнѣ, несчастной, было удержать любовь твою. Сердце мое такъ болитъ, и не за одно прошедшее только, но и за настоящее. Подумай, подумай только, какъ страдаетъ мое сердце при мысли, что я никогда не увижу тебя больше, никогда! Ахъ, если бы я могла хоть на одну минуту заставить страдать твое сердце такъ, какъ страдаетъ мое каждый день, можетъ быть, ты пожалѣлъ бы меня, бѣдную, одинокую!

«Говорятъ, что я все такая же хорошенькая, Энджель (красавица, по ихъ выраженію, если говорить правду). Можетъ быть, они правы. Но что мнѣ въ моей красотѣ? Я хочу быть красивой только для тебя, дорогой мой, потому что красота моя принадлежитъ тебѣ и это, можетъ быть, единственное, что есть во мнѣ достойное тебя. Я такъ глубоко это чувствую, что обвязалась платкомъ, Энджель, для того, чтобы не обращать на себя вниманія, и носила его, покуда могла. О, Энджель, я говорю тебѣ все это не изъ тщеславія,— ты, конечно, повѣришь мнѣ, что не изъ тщеславія,— но только для того, чтобы ты пріѣхалъ ко мнѣ.

«А если ты, правда, не можешь пріѣхать ко мнѣ, то позволь мнѣ пріѣхать къ тебѣ. Какъ я говорила, меня понуждаютъ, меня заставляютъ дѣлать то, что я не хочу дѣлать. Не можетъ быть, чтобы я склонилась на увѣщанія мало-по-малу, но я боюсь, что какой-нибудь случай толкнетъ меня, а я такъ беззащитна, благодаря моей первой ошибкѣ. Но если я опять паду, если я попадусь въ какую-нибудь ужасную ловушку, то это будетъ еще хуже, чѣмъ тогда. О, Боже, я не могу подумать объ этомъ! Позволь мнѣ пріѣхать или пріѣзжай самъ ко мнѣ!

«Я была бы довольна, даже рада, быть твоею служанкой, если я не могу быть твоею женой, только бы мнѣ быть около тебя, видѣть тебя, думать, что ты мой.

«Что для меня солнечный блескъ, если тебя нѣтъ со мною? Ме[illegible] не радуютъ ни грачи, ни скворцы въ поляхъ; ты любовался на [illegible]хъ вмѣстѣ со мною, и я тоскую, тоскую отъ разлуки съ тобой. [illegible] одного только жажду на небѣ, на землѣ и подъ землею—встрѣчи [illegible] тобою, мой дорогой! Пріѣзжай ко мнѣ, пріѣзжай ко мнѣ и спаси [illegible]я отъ того, что грозитъ мнѣ!

Вѣрная тебѣ, несчастная

Тессъ».

XLIX.

Посланіе направилось къ западу, въ тихій викаріатъ. ну, гдѣ воздухъ такъ чистъ, а почва такъ богата, что требуетъ для своей обработки тѣхъ усилій, какъ Фл Ашъ, гдѣ даже люди, по мнѣнію Тессъ, были другіе (хотя тѣ же). Энджель просилъ ее писать черезъ отца, разсчит въ такомъ случаѣ письма будутъ вѣрнѣе доходить до н какъ отцу онъ постоянно сообщалъ о перемѣнѣ своихъ адресовъ въ странѣ, куда онъ отправился съ тяжелымъ сердцемъ. Письмо пришло въ викаріатъ во время завтрака.

— Ну,— сказалъ старый м-ръ Клэръ, прочтя адресъ на конвертѣ,— если Энджель, правда, собирается оставить Ріо въ концѣ мѣсяца, чтобы вернуться домой, онъ поспѣшитъ выполнить свое намѣреніе; мнѣ кажется, что это письмо отъ его жены.

Онъ глубоко вздохнулъ, и письмо было отправлено по назначенію.

— Дорогой мальчикъ, я надѣюсь, что онъ вернется здоровымъ,— прошептала м-съ Клэръ.— Теперь, когда уже мнѣ пора умирать, я чувствую, что мы не совсѣмъ хорошо поступили съ нимъ. Вамъ надо было бы отослать его въ Кембриджъ, несмотря на его воззрѣнія, и дать ему такое же образованіе, какъ его братьямъ. Можетъ быть, современемъ онъ оставилъ бы свои заблужденія и также принялъ бы духовный санъ. Сдѣлался бы онъ служителемъ церкви или нѣтъ, все было бы лучше, чѣмъ теперь.

Это былъ единственный упрекъ, который когда-либо позволял высказать себѣ м-съ Клэръ относительно сына. И она рѣдко повто ряла его. Она была не только набожная, но и деликатная женщин и чувствовала, что мужа ея и такъ мучаютъ сомнѣнія, справедли во ли онъ поступилъ относительно своего младшаго сына. Слиш комъ часто слышала она, какъ онъ въ безсонныя ночи вздыхалъ молился объ Энджелѣ. Онъ былъ не способенъ къ компромиссу никогда бы не простилъ себѣ, если бы далъ своему сыну, невѣрую щему, такія же академическія преимущества, какъ тѣмъ двумъ зная, что онъ употребитъ ихъ для опроверженія тѣхъ доктринъ служить которымъ его отецъ считалъ миссіей всей своей жизн Воздвигать одною рукой пьедесталъ для двухъ вѣрующихъ, а дру гою — такой же пьедесталъ для невѣрующаго, онъ не могъ; это бы ло бы несогласно ни съ его убѣжденіями, ни съ его положеніемъ надеждами. Тѣмъ не менѣе, онъ любилъ своего Эн скорбѣлъ о немъ. Его молчаливая скорбь была тяжел ковъ, которые могла сдѣлать ему м-съ Клэръ.

Они обвиняли себя за этотъ несчастный бракъ. Если бы Энджель не долженъ былъ сдѣлаться фермеромъ, ему никогда бы не довелось придти въ близкое соприкосновеніе съ деревенскими дѣвушками. Они не знали, что̀ именно разлучило его съ женой и когда собственно совершилась эта разлука. Сначала они думали, что это какое-нибудь серьезное недоразумѣніе. Но въ послѣднихъ письмахъ онъ постоянно говорилъ, что привезетъ ее домой, какъ только пріѣдетъ. Изъ его словъ они заключили, что недоразумѣніе было не важное и легко устранимое. Онъ сказалъ имъ, что она живетъ съ родителями, и въ своихъ сомнѣніяхъ и догадкахъ они рѣшили не вмѣшиваться въ ихъ отношенія, исправить которыя они, все равно, не могли.

А Энджель, для котораго предназначалось страстное посланіе Тессъ, любовался въ это время безграничною далью, странствуя верхомъ на мулѣ, который везъ его изъ южно-американскаго континента къ прибережью. Его пребываніе здѣсь было крайне неудачно. Онъ никакъ не могъ совершенно оправиться отъ тяжелой болѣзни, которую ему пришлось перенести, какъ только онъ пріѣхалъ сюда, и мало-по-малу долженъ былъ отказаться отъ мысли заняться здѣсь земледѣліемъ, хотя скрывалъ перемѣну въ своихъ намѣреніяхъ отъ родителей, покуда была какая-нибудь возможность остаться здѣсь.

Толпа земледѣльцевъ, увлеченныхъ обѣщаніями полной независимости и пріѣхавшихъ сюда вмѣстѣ съ нимъ, значительно поѣдѣла отъ болѣзней и отъ смерти. Несчастныя матери шли съ больными дѣтьми на рукахъ, покуда они не умирали. Тогда онѣ останавливались, собственными руками, безъ помощи инструментовъ, выкапывали имъ могилы, клали ихъ туда, проливали слезу и шли дальше.

Первоначально Энджель и не собирался эмигрировать въ Бразилію. Онъ хотѣлъ устроить ферму въ сѣверной или восточной части Англіи. Въ Бразилію его потянуло въ минуту отчаянія, а тутъ подоспѣло увлекшее его движеніе туда же англійскихъ земледѣльцевъ.

Во время своего отсутствія онъ состарился умственно лѣтъ на пятнадцать. Онъ давно уже дискредитировалъ старую систему мистицизма, теперь же онъ подвергъ критикѣ старый кодексъ морали. Что значитъ быть нравственнымъ человѣкомъ, а тѣмъ болѣе нравственною женщиной? Красота или безобразіе характера лежатъ не столько въ его поступкахъ, сколько въ его цѣляхъ и стремленіяхъ. Характеръ опредѣляется не тѣмъ только, что онъ совершилъ, а тѣмъ, что онъ хотѣлъ совершить.

Но какъ же Тессъ?

Его начинало мучить сожалѣніе, что онъ такъ поспѣшно произнесъ надъ ней приговоръ. Навсегда ли онъ разстался съ ней, или нѣтъ? Онъ не могъ сказать, что онъ попрежнему отвергаетъ ее, но не могъ сказать также, что теперь примирился съ ней.

Эта все возростающая нѣжность совпала со временемъ пребыванія Тессъ въ Флинткомбъ-Ашѣ, когда еще она не рѣшалась написать ему о своихъ чувствахъ и своихъ опасеніяхъ, а онъ ложно понималъ ея молчаніе. Какъ много оно могло бы сказать ему, если бы онъ могъ понять его! Она буквально исполняла приказаніе, которое онъ далъ ей и потомъ забылъ; благодаря своей природной робости, она не смѣла предъявить къ нему никакихъ правъ, считала его приговоръ надъ собою вполнѣ справедливымъ и покорно склоняла предъ нимъ свою голову.

Энджель ѣхалъ по необозримымъ пространствамъ въ сопровожденіи умнаго спутника, тоже англичанина, пріѣхавшаго, какъ и онъ, искать здѣсь возможнаго счастья. Оба они были печально настроены и говорили о домашнихъ дѣлахъ. Довѣріе вызываетъ довѣріе. Съ стремленіемъ, свойственнымъ всѣмъ, особенно въ далекихъ странахъ, открывать чужимъ людямъ свою душу и разсказывать имъ такія подробности своей жизни, какія они не разсказали бы и друзьямъ, Энджель передалъ своему спутнику печальную исторію своей женитьбы.

Незнакомецъ путешествовалъ больше Энджеля, видѣлъ на своемъ вѣку много странъ и много людей; для его кос
го ума разныя отклоненія отъ нормъ соціальной м
ромной важности для каждаго отдѣльнаго человѣка
незначительны, какъ разныя неправильности земно
горы, долины—по отношенію ко всему земному шар
рѣлъ на дѣло съ совершенно другой точки зрѣнія,
То, чѣмъ была Тессъ, не имѣло никакого значенія с
тѣмъ, чѣмъ она могла бы быть, и Энджель сдѣлалъ
ку, уѣхавъ отъ нея.

На слѣдующій день они были застигнуты гр
Энджеля схватилъ лихорадку и умеръ въ концѣ нед
хоронилъ его и отправился дальше.

Мимолетное замѣчаніе незнакомца, о которомъ
зналъ, кромѣ имени, было какъ бы освящено его см
вело на Энжеля гораздо большее впечатлѣніе, чѣмъ
этикѣ разныхъ философовъ. Онъ почувствовалъ у
сти. Слова Ицць Гюэтть снова вспомнились ему

Ицъ, любитъ ли она его, она отвѣчала утвердительно. Любитъ ли она больше, чѣмъ Тессъ? Нѣтъ,—отвѣчала она,—Тессъ пожертвовала бы жизнью ради него, и она не могла сдѣлать большаго.

Онъ вспоминалъ Тессъ, когда она была еще его невѣстой. Какъ смотрѣла она на него, съ какимъ благоговѣніемъ слушала она каждое его слово, какъ будто бы онъ былъ богомъ! А тотъ ужасный вечеръ, когда раскрылась передъ нимъ ея простая душа, какое жалкое было у нея лицо, освѣщенное догорающимъ огнемъ! Бѣдняжка такъ страдала отъ мысли, что можетъ потерять его любовь.

Изъ ея обвинителя онъ становился мало-по-малу ея защитникомъ. Онъ судилъ о ней ошибочно потому, что руководился общими принципами во всей ихъ суровой непреклонности, не принимая во вниманіе особенностей даннаго случая. Все чаще и чаще представлялась она ему, и ея образъ вызывалъ въ немъ прежнія чувства любви и волненія.

Но вернемся къ Тессъ. Послѣ письма къ мужу въ ней снова ожила надежда на его возвращеніе. Она пѣла его любимыя пѣсни и баллады. Каменное сердце тронулось бы, слушая ея простое, задушевное пѣніе, когда ей случалось работать отдѣльно отъ другихъ дѣвушекъ; слезы текли по ея щекамъ при мысли, что, можетъ быть, онъ все же не пріѣдетъ.

Тессъ такъ была погружена въ свои фантастическія грезы, что не замѣчала, какъ бѣжитъ время. Зима подвигалась къ концу, дни становились длиннѣе, недалеко было и Благовѣщенье, когда оканчивался срокъ ея работы на фермѣ.

Но незадолго до этого дня случилось нѣчто, заставившее Тессъ думать совсѣмъ о другихъ вещахъ. По обыкновенію, она сидѣла вечеромъ въ общей комнатѣ вмѣстѣ съ остальною семьей, когда кто-то постучалъ въ дверь и спросилъ, здѣсь ли Тессъ. Въ дверяхъ при слабомъ свѣтѣ угасающаго дня она увидала полу-женщину, полуребенка, высокое, тонкое, нѣжное созданіе, которое она не могла узнать въ сумеркахъ, покуда знакомый голосъ не сказалъ ей:

— Тессъ!

— Какъ, это Лиза-Лу!—воскликнула Тессъ съ удивленіемъ. Ея сестра, которую годъ съ небольшимъ тому назадъ она оставила р енкомъ, теперь вдругъ выросла и превратилась въ это прелестн созданіе.

— Я пробѣгала цѣлый день, Тессъ, отыскивая тебя,— сказала Лу съ несвойственною ей серьезностью.

— Что-нибудь случилось дома?

— Мама очень больна, докторъ говоритъ, что она умираетъ, а

отецъ всегда былъ плохого здоровья; теперь онъ говоритъ, что человѣкъ изъ такой знатной семьи, какъ онъ, не можетъ надрываться надъ работой, какъ простой крестьянинъ. Мы не знаемъ, что дѣлать.

Тессъ долго стояла задумывшись, прежде чѣмъ пригласить Лизу войти и сѣсть. Когда она дала ей напиться чаю, она рѣшила, какъ она должна поступить. Ея присутствіе дома необходимо. Ея служба кончалась на Благовѣщенье, и хотя до него оставалось немного, она все же рѣшилась уйти, не дожидаясь срока.

Если бы она вышла въ ночь, она выиграла бы двѣнадцть часовъ времени, но ея сестра такъ устала, что не могла пуститься въ обратный путь раньше утра. Тессъ сбѣгала къ Иццъ и Маріаннѣ, разсказала имъ о случившемся и просила поговорить за нее фермеру. Вернувшись, она дала Лу поужинать, уложила ее въ свою постель, собрала въ маленькую корзиночку кое-что изъ своихъ вещей и отправилась въ путь, сказавъ Лизѣ-Лу, чтобъ она выходила на другое утро.

L.

Пробило десять часовъ, когда она вышла изъ дому въ холодный мракъ ночи, для того, чтобы совершить подъ звѣзднымъ небомъ путешествіе въ пятнадцать миль. Темная ночь не должна пугать одинокого путника, она скорѣе предохраняетъ его отъ опасности. Тессъ знала это и потому пошла кратчайшимъ путемъ по проселочнымъ дорогамъ, по которымъ она такъ боялась ходить днемъ. Разбойниковъ теперь не было, а мысль о больной матери не давала ей возможности думать о разныхъ другихъ опасностяхъ, которымъ она могла подвергнуться. Такъ шла она милю за милей, взбираясь и спускаясь, пока не дошла, наконецъ, около полуночи до Бёльбарро; съ вершины этой горы она смотрѣла внизъ въ окутанную мракомъ пропасть, на днѣ которой лежала долина ея родины.

Въ три часа утра Тессъ вышла, наконецъ, въ Марлоттъ, прошла лугъ, на которомъ она въ первый разъ видѣла Энджеля Клэра, но не танцовала съ нимъ; горькое чувство сожалѣнія опять сжало ей сердце. По направленію къ дому ея матери виднѣлся свѣтъ; онъ исходилъ изъ окна спальни. Какъ только передъ ней обрисовались контуры дома, съ крышей, покрытой новою соломой на ея счетъ, все старое, забытое вновь ожило въ воображеніи Тессъ. Покосившіяся слуховыя окна, остроконечная крыша, старая каменная труба съ обвалившимися кирпичами —все имѣло что-то общее съ ея лицомъ

нымъ характеромъ. Теперь на всемъ этомъ лежалъ, какъ ей казалось, отпечатокъ чего-то новаго: это была болѣзнь ея матери.

Она открыла дверь очень тихо, чтобы никого не разбудить; въ нижней комнатѣ никого не было, но сосѣдка, бывшая около ея матери, показалась на верху лѣстницы и шепнула ей, что м-съ Дорбифильдъ не лучше, хотя теперь она заснула. Тессъ приготовила себѣ поѣсть и потомъ заняла мѣсто сидѣлки въ комнатѣ матери.

Утромъ, увидавъ дѣтей, она удивилась, какъ они всѣ выросли. Хотя она не была дома болѣе года, все же они удивительно какъ выросли. И необходимость посвятить имъ себя и душой, и тѣломъ заставила ее на время забыть свое собственное горе.

Плохое здоровье ея отца было все въ томъ же неопредѣленномъ состояніи; онъ, по обыкновенію, сидѣлъ въ креслѣ. Но на другой день послѣ ея прихода онъ пришелъ въ необыкновенно радостное настроеніе. Онъ придумалъ раціональный планъ для существованія и Тессъ попросила его сказать ей, въ чемъ состоитъ этотъ планъ.

— Я думаю обратиться ко всѣмъ антикваріямъ въ этой части Англіи,—сказалъ онъ,—съ просьбой составить фондъ, чтобъ обезпечить мое существованіе. Въ этомъ проектѣ есть много романтическаго и артистическаго и я увѣренъ, что они исполнятъ его. Они тратятъ массу денегъ на покупку старыхъ развалинъ, разныхъ древностей и т. п., а живые останки древности заинтересуютъ ихъ еще больше; только бы они узнали про меня. Надо чтобы кто-нибудь сказалъ имъ, кто живетъ между ними; они и не подозрѣваютъ этого. Если бы Парсонъ Трингамъ, открывшій меня, былъ живъ, онъ, навѣрное, устроилъ бы это дѣло, я въ этомъ увѣренъ.

Тессъ отложила свои возраженія до другого раза,—теперь у нея было много другихъ неотложныхъ заботъ. Наступило время сѣва. Почти во всѣхъ садахъ и поляхъ уже начались весеннія работы, но въ саду и въ участкѣ Дорбифильда еще ничего не было сдѣлано. Къ своему горю, она открыла, что картофель, оставленный на сѣмена, былъ весь съѣденъ,—самая большая непредусмотрительность въ хозяйствѣ. Ей удалось достать его у другихъ и чеъ нѣсколько дней, благодаря ея настояніямъ, отецъ принялся за боту въ саду, а она отправилась въ поле, сотни въ двѣ ярдовъ, орое они арендовали за деревней.

Она могла теперь оставить свою мать, такъ какъ ей стало лучше, адовалась работѣ на свѣжемъ воздухѣ послѣ временнаго заклюя въ комнатѣ больной. Ихъ участокъ вмѣстѣ съ другими соро-

ка или пятидесятью участками находился въ высокомъ, сухомъ, открытомъ мѣстѣ.

Каждый день Тессъ и Лиза-Лу работали здѣсь со своими сосѣдями, покуда не исчезали послѣдніе лучи солнца.

Когда наступалъ вечеръ, многіе изъ мужчинъ и женщинъ уходили домой, но большинство оставалось и продолжало работу. Тессъ принадлежала къ послѣднимъ, но сестру свою она всегда отсылала домой. Четыре блестящіе конца ея грабель ударялись съ легкимъ звономъ о камни и о сухія глыбы земли. Иногда дымъ отъ костра окутывалъ ее со всѣхъ сторонъ, и виднѣлось только ея лицо, озаренное огнемъ. На ночь она плохо одѣвалась и имѣла нѣсколько странный видъ въ платьѣ, полинявшемъ отъ частой стирки, и въ короткой черной жакеткѣ. Въ окружающемъ мракѣ виднѣлись иногда бѣлые фартуки и блѣдныя лица женщинъ, освѣщенныя блескомъ костровъ.

Было еще не очень поздно и желѣзныя зубья грабель продолжали звенѣть. Въ холодномъ воздухѣ чувствовалось нѣжное дыханіе весны. Никто не смотрѣлъ по сторонамъ. Глаза всѣхъ были опущены въ землю, на ея изрытую поверхность, освѣщенную огнемъ. Тессъ разбивала твердыя глыбы земли и пѣла любимую пѣсенку Клэра въ тщетной надеждѣ, что когда-нибудь онъ услышитъ ее. Она долго не замѣчала, что былъ около нея человѣкъ въ длинной блузѣ, работавшій на одномъ участкѣ съ нею: она думала, что отецъ послалъ кого-нибудь помочь ей. Она замѣтила его, когда онъ нѣсколько ближе подошелъ къ ней. Одно время дымъ раздѣлялъ ихъ, но теперь онъ окружилъ ихъ со всѣхъ сторонъ, такъ что они могли видѣть другъ друга, не будучи видимы другими.

Тессъ не заговаривала съ своимъ товарищемъ по работѣ, онъ тоже молчалъ. Ей вспомнилось только, что днемъ его не было здѣсь. Онъ не походилъ ни на кого изъ извѣстныхъ ей марлоттскихъ земледѣльцевъ, но это не было удивительно, такъ какъ она послѣдніе годы часто и надолго уходила изъ Марлотта. Скоро она перестала думать о немъ. Мало-по-малу онъ такъ близко подошелъ къ ней, что огонь отражался въ зубьяхъ его граблей такъ же ярко, какъ и въ ея. Подойдя къ костру, чтобы бросить въ него охапку сорныхъ травъ, она увидѣла его по другую сторону огня, куда онъ тоже бросалъ траву. Огонь ярко вспыхнулъ и освѣтилъ лицо Алека д'Орбервиля.

Неожиданность его появленія въ рабочей блузѣ, которую теперь носили только преданные старинѣ крестьяне, такъ поразила ее, что она не могла двинуться съ мѣста. Д'Орбервиль разсмѣялся

— Если бы я любилъ шутить, я бы сказалъ, что все это очень напоминаетъ одну сцену изъ *Потеряннаго Рая*,—весело сказалъ онъ, изподлобья посматривая на нее.

— Что вы говорите?—чуть слышно сказала она.

— Любитель сравненій могъ бы сказать, что все это напоминаетъ *Потерянный Рай*. Вы Ева, а я дьяволъ, явившійся искушать васъ въ образѣ низшаго животнаго. Когда я увлекался религіей, я часто повторялъ эту сцену изъ Мильтона:

«Empreas, the wagis ready, and no long,
Beyond a row of myrtles, on a flat
Fast by a fountain, on small thicket past
Of blowing myrch and balm; if thou accept
My condact, I can bring thee thi ther soons».
«Jead then»,—said Eve».

(«Спѣши, путь не далекъ и не труденъ, за миртами, въ долинѣ почти у источника, въ чащѣ цвѣтущей мирры и бальзама, если ты позволишь, я проведу тебя туда.—«Веди»,—сказала Ева»). И такъ дальше. Милая, милая Тессъ, все это я говорю съ вашей точки зрѣнія. Вы могли бы предположить или сказать это обо мнѣ, конечно, весьма несправедливо. Вы такъ дурно думаете обо мнѣ.

— Я никогда не говорила, что вы сатана, никогда такая мысль не приходила мнѣ въ голову. Я вообще довольно спокойно отношусь къ вамъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда вы оскорбляете меня. Неужели вы ради меня нарядились въ эту блузу и пришли работать сюда?

— Для васъ, только для васъ. Чтобы выразить этимъ протестъ противъ вашей работы.

— Но мнѣ нравится работать, я дѣлаю это для отца.

— А срокъ вашей службы тамъ кончился?

— Да.

— Куда же вы отправитесь теперь, къ вашему дорогому мужу?

Она живо почувствовала унизительность своего положенія.

— О, я не знаю! — съ горечью отвѣтила она. — У меня нѣтъ мужа!

— Это правда, въ томъ смыслѣ, въ которомъ вы говорите. Но у васъ есть другъ. Я рѣшилъ заботиться о васъ противъ вашей воли. Когда вы придете домой, вы увидите, что я прислалъ вамъ.

— О, Алекъ, мнѣ бы не хотѣлось, чтобы вы помогали мнѣ. Я ничего не могу принимать отъ васъ. Я не хочу этого,— это не хорошо!

— Нѣтъ, хорошо!—горячо воскликнулъ онъ.—Я не мог дѣть въ несчастіи женщину, которую я люблю, и не сдѣлать го, чтобы облегчить ея горе.

— Но мнѣ очень хорошо. Мое несчастіе совсѣмъ не въ то не въ томъ, какъ я проживу.

Она отвернулась и съ отчаяніемъ принялась за работу. (капали изъ ея глазъ на ручку грабель и на комки земли.

— Васъ безпокоятъ дѣти, ваши братья и сестры. Я тож малъ о нихъ.

Сердце Тессъ дрогнуло. Онъ коснулся ея больного мѣста угадалъ, въ чемъ заключалось ея главное горе. Съ тѣхъ поръ, она вернулась домой, ея душа была полна почти страстною лю къ дѣтямъ.

— Кто-нибудь, вѣдь, долженъ позаботиться о нихъ, если мать не поправится; вашъ отецъ, вѣдь, не можетъ работать?

— Можетъ съ моею помощью и долженъ.

— И съ моею также.

— Нѣтъ, сэръ.

— Это чертовски глупо, наконецъ! — вспылилъ д'О виль. — Онъ будетъ очень радъ; онъ думаетъ, что мы съ нимъ семьи.

— Онъ не будетъ думать этого. Я объясню ему.

— Такъ вы сумасшедшая!

Д'Орбервиль окончательно разсердился, подошелъ къ за снялъ съ себя длинную блузу и красный шарфъ, на половину (вавшій его лицо, швырнулъ все это въ огонь и ушелъ.

Тессъ не могла работать послѣ всего этого. Она удивилас мѣтивъ, что онъ пошелъ по направленію къ ихъ дому и, взя руки грабли, отправилась вслѣдъ за нимъ. Не далеко отъ дом встрѣтила одну изъ своихъ сестренокъ.

— О, Тесси, что случилось! Лиза-Лу плачетъ и въ на домѣ толпа народа; мамѣ лучше, но они говорятъ, что папа у

Дѣвочка чувствовала важность сообщаемой ею новости, понимала ея значенія. Она смотрѣла на Тессъ большими серь ми глазами, наблюдая за эффектомъ, который она произвела (новостью.

— Неужели, Тессъ, никогда больше нельзя будетъ говори отцомъ?

— Да, вѣдь, ему только слегка нездоровилось! — воскли Тессъ съ отчаяніемъ.

Въ это время прибѣжала Лиза-Лу.

— Онъ упалъ безъ чувствъ сейчасъ и докторъ, — онъ былъ у ны, — сказалъ, что надежды нѣтъ никакой, — сердце очень рас-рилось.

И такъ, чета Дорбифильдовъ помѣнялась мѣстами. Умирающая на въ безопасности, а слегка больной лежалъ мертвымъ. Это собы-вело за собой гораздо бо́льшія послѣдствія, чѣмъ это можно бы-бы подумать. Отецъ былъ необходимъ для семьи, независимо отъ личныхъ качествъ, каковы бы они ни были. Съ его смертью чался срокъ аренды дома и земли. А на нихъ давно имѣлъ виды рмеръ для своихъ постоянныхъ рабочихъ, которые пока ютились разныхъ пристройкахъ. Кромѣ того, въ деревняхъ не любили ременныхъ арендаторовъ» за ихъ независимую манеру держать я и считали ихъ чѣмъ-то вродѣ мелкихъ собственниковъ.

Такимъ образомъ, Дорбифильды, нѣкогда д'Орбервили, испытали себѣ ту же участь, которой они во время своего могущества не ъ подвергали такихъ безземельныхъ бѣдняковъ, какими были те-ь сами. Такъ съ ритмическою правильностью совершается во всемъ ливъ и отливъ, таковъ вѣчный и неизмѣнный законъ природы.

II.

Насталъ, наконецъ, канунъ дня Благовѣщенья, и весь міръ лодѣльцевъ былъ охваченъ лихорадочною дѣятельностью, кото-о можно всегда замѣтить въ этотъ день. Сегодня день заключе-контрактовъ на будущій рабочій годъ срокомъ по праздникъ зтенія. Работники, не желавшіе долѣе оставаться на старомъ стѣ, перекочевывали на другія мызы.

Эти ежегодныя странствованія съ одной мызы на другую все ѣе укоренялись. Прежде, когда мать Тессъ была еще ребенкомъ, ьшинство земледѣльцевъ по близости Марлотта оставались всю ю жизнь на одной фермѣ, гдѣ жили и отцы, и дѣды ихъ, но со-менемъ стала все сильнѣе проявляться любовь къ кочевкамъ. молодыхъ это было чуть ли не пріятное развлеченіе, пожалуй, носившее даже нѣкоторую пользу.

Со времени происшествія, которое набросило такую тѣнь на жизнь съ, семья Дорбифильдовъ (знатному происхожденію ихъ никто вѣрилъ) была обречена, хотя и не гласно, на изгнаніе, какъ ько кончится срокъ ихъ аренды. Этого требовала даже нрав-енность. Правда, семья не могла бы послужить образцомъ воз-жности, умѣренности или чистоты нравовъ. Отецъ и мать ча-нько напивались, дѣти рѣдко ходили въ церковь, а старшая дочь

завела нехорошія знакомства. Деревня хотѣла пользоваться
шею репутаціей. Поэтому, когда наступило Благовѣщенье и яв
возможность выгнать Дорбифильдовъ, домъ, довольно простор
изъявилъ желаніе оставить за собой извощикъ, у котораго
большая семья, а вдова Джоанна, съ дочерьми Тессъ и Лизо
съ сыномъ Абрамомъ и младшими дѣтьми, могли отправляться
угодно.

Вечеромъ, наканунѣ переѣзда, стемнѣло рано, такъ какъ
страшный дождь. Они проводили послѣднюю ночь въ деревнѣ
они родились и выросли, и мистрисъ Дорбифильдъ съ дѣтьми п
проститься съ друзьями, а Тессъ осталась одна дома.

Она стояла на колѣняхъ передъ окномъ, прижавшись ли
къ стеклу, по которому текли ручьи дождевой воды. Она смот
на паутину, которую паукъ по ошибкѣ сплелъ въ углу, гдѣ н
да не бываетъ мухъ. Тессъ раздумывала о печальномъ поло
семьи, которое было вызвано отчасти по ея винѣ. Если бы о
вернулась домой, можетъ быть, ея матери и дѣтямъ позволил
остаться здѣсь. Но на нее обратили вниманіе люди очень влія
ные и со строгими правилами: они видѣли, какъ она броди
кладбищу и, какъ умѣла, лопатой приводила въ порядокъ дѣт
забытую могилку. Они догадались, что она снова живетъ здѣс
тери ея сдѣлали выговоръ, зачѣмъ она кормитъ ее; въ отвѣ
это у Джоанны вырвалось нѣсколько рѣзкихъ словъ; она сам
звалась уйти отсюда; ее поймали на словѣ — и вотъ къ чему
вело все это.

«Мнѣ не нужно было возвращаться совсѣмъ домой», — с
речью думала Тессъ.

Внезапно въ ней пробудилось сознаніе людской несправед
сти и глаза ея наполнились горячими слезами, но онѣ не пол
изъ глазъ. Даже ея мужъ, Энджель Клэръ, и тотъ такъ же
поступилъ съ ней! Раньше она ни за что не созналась бы въ э
но, въ самомъ дѣлѣ, вѣдь, онъ былъ жестокъ! Никогда, во всю
жизнь,— она могла поклясться въ этомъ,— она не хотѣла сд
что-нибудь дурное, а надъ ней произнесли строгій судъ. Каков
ни были ея проступки, она грѣшила не преднамѣренно, а по
дѣнію, за что же такъ упорно преслѣдуютъ ее?

Она порывисто схватила первый попавшійся листъ бум
набросала слѣдующія строки:

«Ахъ, за что ты такъ безчеловѣчно обошелся со мной, Энд
Я не заслуживаю этого. Я все думала объ этомъ. Нѣтъ, я ни
никогда не прощу тебѣ! Ты, вѣдь, зналъ, что я не хотѣла обм

тебя, за что же ты такъ жестоко обошелся со мной? Ты жестокъ, жестокъ! Постараюсь забыть тебя! Все, что я терпѣла отъ тебя, все несправедливо! Т.»

Она подождала, пока пройдетъ почтальонъ, выбѣжала отдать ему письмо и затѣмъ опять вернулась на прежнее мѣсто у окна.

Она такъ предалась горькимъ думамъ, что не обратила почти никакого вниманія на человѣка въ бѣломъ макинтошѣ, ѣхавшаго верхомъ по улицѣ. Вѣроятно, онъ увидалъ ее у окна и направилъ свою лошадь прямо къ коттэджу, такъ что она стала копытомъ на растенія, окаймлявшія низъ стѣны. Тессъ замѣтила его только тогда, когда онъ стукнулъ въ окно хлыстомъ. Дождь почти пересталъ, и она открыла окно.

— Вы развѣ не видѣли меня?—спросилъ д'Орбервиль.

— Я задумалась, — отвѣчала она. — Я слышала, что кто-то ѣдетъ, но подумала, что это повозка. Я была точно въ полуснѣ.

— А! Вы, можетъ быть, слышали шумъ д'Орбервильской кареты. Вы знаете эту легенду, навѣрное?

— Нѣтъ. Мой... одинъ человѣкъ собирался разъ мнѣ ее разсказать, но не разсказалъ.

— Если вы настоящая д'Орбервиль, то мнѣ тоже не слѣдовало бы вамъ разсказывать ее. Что до меня, то я незаконно ношу эту фамилію, такъ что мнѣ все равно. Это очень печальная легенда. Шумъ отъ этой несуществующей кареты можетъ слышать только тотъ, въ комъ течетъ кровь д'Орбервилей, и это считается дурнымъ для него предзнаменованіемъ. Преданіе это связано съ убійствомъ, совершеннымъ однимъ изъ членовъ вашего рода, много столѣтій тому назадъ.

— Разъ вы уже начали, такъ окончите ее.

— Хорошо. Говорятъ, что одинъ изъ вашихъ предковъ похитилъ какую-то красавицу; она старалась выскочить изъ кареты, въ которой онъ увозилъ ее, и въ борьбѣ съ ней онъ убилъ ее или она его, я забылъ въ точности. Такъ гласитъ преданіе. Но я вижу, что весь вашъ домашній скарбъ уложенъ... Вы уѣзжаете?

— Да, завтра.

— Я объ этомъ уже слышалъ, но мнѣ плохо вѣрилось; такъ все это внезапно. Изъ-за чего же все вышло?

— Со смертью отца кончился срокъ нашего владѣнія, и мы не имѣемъ больше права оставаться здѣсь. Мы могли бы, можетъ быть, остаться и нанимать домъ по-недѣльно, но это уже изъ-за меня вышло.

— Изъ-за васъ?

— Я непорядочная женщина.

Д'Орбервиль вспыхнулъ.

— Что за низость! Негодяи! Желалъ бы я, чтоб подлыя душоньки обратились въ прахъ! — воскликн злобой въ голосѣ. — Такъ изъ-за этого вы уѣзжае гоняютъ?

— Не совсѣмъ выгоняютъ, но разъ они сказал намъ нужно будетъ уѣхать отсюда, то ужь лучше когда всѣ уходятъ,—все можетъ лучше устроиться.

— Куда же вы ѣдете?

— Въ Кингсбери. Мы тамъ наняли комнаты. Мама дитъ по отцовской роднѣ и хочетъ ѣхать туда.

— Но вашей матери не удобно семьей жить по ке еще въ маленькомъ городишкѣ. Почему бы вамъ не п мою дачу въ Трантриджѣ? Тамъ, правда, почти нѣтъ зяйства со времени смерти моей матушки. Но, какъ есть домъ и садъ. Это все я велю почистить и вым день, такъ что матери вашей тамъ можно жить съ бо ствами, а дѣтей я помѣщу въ хорошую школу. Вѣдь, нужно же что-нибудь сдѣлать для васъ!

— Но, вѣдь, мы уже сняли комнаты въ Кингс зала она.

— Вы меня считаете вашимъ врагомъ, но я ваш вы и не вѣрите этому. Переѣзжайте въ мой коттэджъ себя птичникъ, а ваша мать будетъ смотрѣть за птиц будутъ ходить въ школу.

Дыханье Тессъ становилась все прерывистѣе и наконецъ, она сказала:

— Какъ могу я знать, исполните ли вы все это? могутъ измѣниться, и тогда мы снова... моя мать безъ пріюта.

— Ахъ, нѣтъ, никогда! Я заключу письменное у майте это.

Тессъ покачала головой. Но д'Орбервиль все на удивляла его настойчивость,— онъ во что бы то ни добиться согласія.

— Пожалуйста, сообщите объ этомъ вашей матер онъ, весь преисполненный какимъ-то восторженнымъ Это ея дѣло рѣшать, а не ваше. Я велю вымыть и вы домъ къ завтрашнему утру; къ вечеру все будетъ гот намъ нужно будетъ пріѣхать прямо туда. Такъ знайте,

Тессъ снова покачала головой. Ея горло сжалось отъ какого-то ьяснимаго волненія. Она не рѣшалась взглянуть на д'Орбер-

.

— Вѣдь, я вашъ должникъ, вы знаете,—сказалъ онъ въ заклю-
.—Вы излечили меня отъ моего безумія, такъ что я радъ, что...
— Я хотѣла бы лучше, чтобы безуміе оставалось при васъ,
ı бы вы не вернулись ко мнѣ.
— Я радъ, что имѣю случай немного расплатиться съ вами.
ьюсь, что завтра прибудутъ пожитки вашей матери. Дайте ва-
руку, дорогая, прелестная Тессъ!
При этихъ словахъ онъ понизилъ голосъ до шепота и положилъ
на полуоткрытое окно. Гнѣвно взглянувъ на него, она быстро
опнула раму и при этомъ движеніи придавила его руку.
— Проклятіе, вы очень жестоки!—сказалъ онъ, освобождая
руку.—Да, да, я знаю, что вы не нарочно. И такъ, я буду
ъ васъ, или, по меньшей мѣрѣ, вашу мать и дѣтей.
— Я не пріѣду. У меня, вѣдь, есть много денегъ!—воскли-
. она.
— Гдѣ же онѣ?
— У моего тестя; если я попрошу, онъ дастъ мнѣ.
— Да, если вы попросите. Но вы не сдѣлаете этого, Тессъ; я
› васъ, вы никогда не попросите у него,—скорѣе умрете.
Съ этими словами онъ уѣхалъ.
Тессъ оставалась довольно долго на томъ же мѣстѣ. Стемнѣло.
шія дѣти ушли съ матерью, четверо младшихъ, начиная съ трехъ
половиною лѣтъ до одиннадцати, всѣ въ черномъ, собрались
о очага, убирая свои игрушки и вещи. Тессъ присоединилась
имъ; свѣчи она не зажигала.
— Сегодня мы проведемъ здѣсь, въ домѣ, гдѣ родились, послѣд-
ночь, дорогіе мои,—сказала она быстро.—Вамъ не мѣшаетъ
мать объ этомъ, не правда ли?
Всѣ они сразу примолкли. Впечатлительныя, какъ всѣ дѣти
го возраста, они уже готовы были удариться въ слезы при ея
ахъ, живо почувствовавъ, что насталъ конецъ чему-то, между
› какъ весь день они радовались, мечтая о новомъ жилищѣ.
ъ перемѣнила разговоръ.
— Спойте мнѣ что-нибудь, милые,—сказала она.
— Что же намъ спѣть?
— Что знаете, мнѣ все равно.
Сначала наступило минутное молчаніе, которое прервалъ одинъ
окъ, затѣмъ другой поддержалъ его, затѣмъ и остальныя дѣ-

ти запѣли въ униссонъ на слова, выученныя ими въ вос школѣ:

«Здѣсь мы терпимъ горе, муки,
Здѣсь мы, встрѣтясь, разстаемся,
А на небѣ нѣтъ разлуки».

Всѣ четверо пѣли флегматично и безучастно.

Тессъ отошла отъ нихъ и снова стала у окна. На ули совсѣмъ темно; она прильнула лицомъ къ стеклу, какъ будт трпваясь въ темноту, на самомъ же дѣлѣ она хотѣла скрыть Если бы она могла только вѣровать въ то, о чемъ дѣти пѣл бы она была увѣрена въ этомъ,—какая была бы разница! К вѣрчиво поручила бы она ихъ волѣ Провидѣнія, зная, что их царствіе небесное! Но вѣры такой не было и необходимо бы нибудь предпринять, быть ихъ провидѣніемъ; для Тессъ, ка большинства людей, казались грубою насмѣшкой слова поэт приходимъ не въ ужасной наготѣ, а окруженные облаками с Для нея и подобныхъ ей явленіе на свѣтъ казалось какимъ сильственнымъ фактомъ; жизнь не давала имъ никакого удо ренія,—хорошо еще, если она была сносной.

На дорогѣ она вскорѣ различила фигуры матери и Лизы-Лу съ Абрамомъ. Калоши мистрисъ Дорбифильдъ зал около двери и Тессъ отперла ее.

— Около окна видны слѣды лошадиныхъ копытъ,— Джоанна.—Развѣ былъ кто-нибудь?

— Нѣтъ,—отвѣчала Тессъ.

Дѣти у огня посмотрѣли серьезно на нее и одинъ изъ ни залъ тихо;

— Какже, Тессъ, джентльменъ верхомъ?

— Онъ не заходилъ сюда,—сказала Тессъ.—Онъ пр остановился поговорить со мной.

— Кто этотъ джентльменъ?—спросила мать.

— О, не спрашивай,—отвѣчала Тессъ.—Ты еще ран видѣла, да и я также.

— А что же онъ говорилъ?— съ любопытствомъ с Джоанна.

— Я скажу тебѣ все завтра, когда мы устроимся на квартирѣ въ Кингсберѣ.

LII.

Съ самаго ранняго утра придорожные жители были разбужены непрерывнымъ стукомъ экипажей, продолжавшимся вплоть до поздняго утра. На первой недѣлѣ этого мѣсяца всегда происходило такое движеніе: это было въ порядкѣ вещей, все равно какъ кукованье кукушки въ концѣ мѣсяца. Стукъ этотъ служилъ предвѣстникомъ общаго передвиженія—ѣхали фуры и телѣги забирать пожитки уѣзжавшихъ семей; существовалъ обычай, что мызники, къ которымъ нанимались семьи въ работу, сами присылали за ихъ вещами. Чтобъ успѣть все перевезти за день, надо было отправляться за вещами ночью, а къ шести часамъ утра фуры уже должны были быть у дверей уѣзжавшихъ хозяевъ.

Но никто не прислалъ фуры за вещами Тессъ и ея матери. Онѣ не были работницами, никуда ихъ не звали, такъ что имъ пришлось перевозить вещи на свой счетъ.

Тессъ очень обрадовалась, когда, выглянувъ въ это утро въ окно, увидала, что фура пріѣхала и что дождя не было, хотя погода была вѣтреная и пасмурная. Дождь въ день Благовѣщенья былъ всегда большимъ несчастьемъ: всѣ домашнія принадлежности, постели, одежда,—все привозилось промокшимъ и черезъ это нерѣдко являлись болѣзни.

Мать, Лиза-Лу и Абрамъ также проснулись уже, а младшія дѣти еще наслаждались сномъ. Они четверо позавтракали при слабомъ утреннемъ свѣтѣ и приступили къ укладкѣ.

Они весело принялись за работу съ помощью нѣсколькихъ сосѣдей. Сначала въ фуру поставили болѣе громоздкую мебель, потомъ кровати, на которыхъ должны были сидѣть Джоанна Дорбифильдъ и младшія дѣти во все время переѣзда. Когда все было уложено, пришлось долго ждать, пока запрягали лошадей; наконецъ, около двухъ часовъ они тронулись въ путь. На ось повѣсили котелокъ для воды, сама мистрисъ Дорбифильдъ и дѣти возсѣдали внутри фуры; въ рукахъ мистрисъ Дербифильдъ держала стѣнные часы, боясь, какъ бы механизмъ ихъ не испортился отъ толчковъ повозки. Тессъ и старшая дѣвочка шли рядомъ, пока не выѣхали околицу деревни. Наканунѣ и сегодня утромъ онѣ побывали у которыхъ сосѣдей и попрощались съ ними; нѣкоторые пришли перь посмотрѣть на ихъ отъѣздъ и пожелать всего хорошаго, но ни въ душѣ ничего хорошаго не ждали для такой несчастной ьи, никому, впрочемъ, не дѣлавшей ничего дурного. Вскорѣ фура ла взбираться на гору; вѣтеръ все усиливался.

Такъ какъ сегодня было шестое апрѣля, то повозка Д
довъ встрѣчала много другихъ фуръ по пути. Всѣ онѣ были нагружены тѣми же приблизительно предметами и въ томъ же порядкѣ.

Одни изъ отъѣзжающихъ были оживлены, другіе сумрачны. Нѣкоторые останавливались у дверей встрѣчныхъ трактировъ, останавливались и Дорбифильды, чтобы покормить лошадей и немного отдохнуть и подкрѣпиться самимъ.

Въ одну изъ такихъ остановокъ глаза Тессъ случайно упали на кружку, переходившую изъ рукъ въ руки между женщинами, сидѣвшими на повозкѣ съ вещами, которая остановилась не по далеку отъ трактира. Она увидала между ними знакомыя лица и подошла къ фурѣ.

— Маріанна, Иццъ!—закричала она дѣвушкамъ, переѣзжавшимъ съ какою-то семьей.—Вы тоже переѣзжаете сегодня, какъ и всѣ?

Онѣ сказали, что дѣйствительно перекочевываютъ на другое мѣсто, такъ какъ жизнь въ Флинткомбъ-Ашѣ стала
жела. Ушли онѣ безъ вѣдома Гроби; пусть онъ их
если хочетъ. Они сказали, куда теперь направляю
своей стороны сказала, куда она ѣдетъ.

Маріанна нагнулась къ ней и сказала, понизив
— Знаешь ли ты, что господинъ, который тебя
ты знаешь, о комъ я говорю,—приходилъ и разспраш
Флинткомбѣ послѣ твоего отъѣзда? Мы ему не ск
зная, что видѣть его тебѣ было бы непріятно.

— Да. Но я все же видѣла его,—прошептала Т
шелъ меня.

— И онъ знаетъ, куда вы ѣдете?

— Да, я думаю.

— Мужъ не вернулся?

— Нѣтъ.

Затѣмъ она распрощалась со своими знакомыми,
ницы обоихъ экипажей вышли изъ трактира, и фуры
ше, уже по разнымъ направленіямъ; повозка, въ кот
ріанна и Иццъ, блестѣла яркими красками и ее тащи
ныхъ лошадей въ блестящей упряжи съ мѣдными
фура, въ которой ѣхала мистрисъ Дорбифильдъ с
представляла изъ себя скрипучее сооруженіе, кото
живало грузъ, положенный на него; краски давно с
везла ее только пара лошадей. Этотъ контрастъ яс

какая разница заключается между наемною фурой и фурой, принадлежащей богатому мызнику.

Путь былъ длиненъ, такъ что, хотя они выѣхали рано, но былъ уже вечеръ, когда они обогнули возвышенность, составлявшую часть плоскогорія, именуемаго Гринхиль. Пока лошади остановились передохнуть, Тессъ осмотрѣлась кругомъ. Подъ горой, какъ разъ передъ ними, лежалъ маленькій, точно вымершій городокъ,—цѣль ихъ странствованія,—Кингсберъ, гдѣ покоились предки ея, о которыхъ такъ много говорилъ и пѣлъ ея отецъ,—Кингсберъ, который могъ по праву считаться родиной и домомъ д'Орбервилей, живших здѣсь пять столѣтій.

Какой-то человѣкъ вышелъ изъ предмѣстья городка и ускорилъ шагъ, разсмотрѣвъ, что ѣдетъ нагруженная повозка.

— Вы женщина по фамиліи Дорбифильдъ, если я не ошибаюсь?—спросилъ онъ у матери Тессъ, которая сошла съ экипажа, чтобы пѣшкомъ пройти остальной путь.

— Да,—отвѣчала она.—Я вдова покойнаго сэра Джона д'Орбервиля, бѣднаго дворянина, такъ что и я имѣла бы право называться дворянкой, если бы хотѣла; я возвращаюсь во владѣнія моихъ предковъ-рыцарей.

— А! Ну, объ этомъ мнѣ ничего неизвѣстно; но если вы мистрисъ Дорбифильдъ, то меня прислали сказать вамъ, что комнаты, которыя вы хотѣли снять, уже отданы. Мы не знали, что вы пріѣдете, пока не получили вашего письма сегодня утромъ, когда уже было поздно. Но вамъ, конечно, удастся найти квартиру гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ.

Человѣкъ этотъ посмотрѣлъ на Тессъ, лицо которой сдѣлалось мертвенно-блѣднымъ при этомъ извѣстіи. Ея мать тоже была въ отчаяніи.

— Что намъ дѣлать теперь, Тессъ?—сказала она съ горечью.—Вотъ какъ насъ привѣтствуютъ въ помѣстьяхъ нашихъ предковъ! Но давай еще попытаемся!

Они поѣхали по городу и всюду искали помѣщенія. Тессъ оставалась въ повозкѣ смотрѣть за дѣтьми, пока мать и Лиза-Лу навели справки. Когда Джоанна черезъ часъ вернулась послѣ безплодныхъ поисковъ, кучеръ сказалъ ей, что нужно освободить фуру отъ вещей, такъ какъ ему было велѣно вернуться назадъ ночью.

— Хорошо. Выгружайте ихъ здѣсь,—сказала безучастно Джоанна.—Я найду гдѣ-нибудь пристанище.

Фура остановилась у кладбищенскаго вала въ мѣстечкѣ, закрытомъ отъ взоровъ, и кучеръ безъ сожалѣнія сталъ выбирать изъ по-

возки жалкія, мѣстами поломанныя хозяйственныя принад
сти. Окончивъ это, онъ уѣхалъ, оставивъ ихъ, довольны
больше не будетъ имѣть дѣла съ такою странною семьей. Но
сухая, такъ что, по его мнѣнію, они могли безъ вреда д
провести ее подъ открытымъ небомъ.

Тессъ съ отчаяньемъ осмотрѣлась кругомъ. Тутъ былъ
паркъ, теперь раздробленный на маленькія рощицы, и зе
зеленый фундаментъ, указывавшій, что здѣсь стоялъ замок
бервилей; далѣе возвышался отрогъ Эджень-Хиза, которы
дилъ въ составъ владѣній. Тутъ же виднѣлась часть церкви,
шей имя д'Орбервилей.

— Склепъ вашихъ предковъ, вѣдь, и вамъ можетъ с
пріютомъ,—сказала мать Тессъ, вернувшись съ своего обх
кругъ церкви и кладбища.—Да, конечно, и туда-то мы и
стимся, дѣти, пока они не найдутъ намъ другого крова. Ну,
Лиза и Абрамъ, помогайте мнѣ. Мы устроимъ дѣтей, а потом
еще разъ пойдемъ въ обходъ.

Тессъ машинально стала помогать ей, и въ четверть ч
тыре старыя кровати были отдѣлены отъ груды всѣхъ пожи
поставлены около южной стороны церковнаго вала, около д
вильской церкви, подъ которой находились обширные склепы
изголовьемъ кроватей высилось великолѣпное окно съ рѣзьбой, съ
разноцвѣтными стеклами; окно это было сдѣлано въ пятнадца-
томъ столѣтіи. Называли его окномъ д'Орбервилей и на верхней части
его можно было различить геральдическія эмблемы, какъ на старой
печаткѣ и ложкѣ, хранившейся у Дорбифильдовъ. Джоанна развѣси-
ла надъ кроватями занавѣси, такъ что вышла прекрасная палатка,
и положила младшихъ дѣтей.

— На худшій конецъ мы можемъ проспать здѣсь ночь,—ска-
зала она.—Но сначала постараемся раздобыть голубчикамъ моимъ
поѣсть. Ахъ, Тессъ, къ чему было тебѣ выходить замужъ за джентль-
мена, если онъ насъ оставляетъ въ такомъ положеніи!

Въ сопровожденіи Лизы и мальчика, она опять пошла вверхъ
по маленькой тропинкѣ, отдѣлявшей церковь отъ городка. Едва
они вступили на улицу, какъ увидали мужчину верхомъ, который
внимательно глядѣлъ во всѣ стороны.

— А, васъ-то я и ищу!—сказалъ онъ, подъѣзжая къ нимъ.—
Вы всѣ теперь находитесь на историческомъ мѣстѣ, во владѣніяхъ
нашихъ предковъ.—Это былъ Алекъ д'Орбервиль.—Гдѣ Тессъ?—
спросилъ онъ.

Джоанна не особенно-то была расположена къ Алеку. Она мол

показала ему на церковь. Когда она уходила уже, д'Орбервиль сказалъ ей вслѣдъ, что, вѣроятно, увидитъ ее, если только ихъ старанія найти пріютъ останутся безуспѣшными. Затѣмъ онъ подъѣхалъ къ трактиру и вскорѣ вышелъ оттуда пѣшкомъ.

Между тѣмъ, Тессъ, оставшаяся съ дѣтьми, поговорила съ ними и затѣмъ пошла побродить по кладбищу, на которое уже ложилась ночная тѣнь. Дверь въ церковь была открыта, она вошла туда; здѣсь ей не приходилось быть еще ни разу.

У окна, подъ которымъ стояли дѣтскія кровати, были гробницы ея предковъ, которыхъ хоронили здѣсь нѣсколько столѣтій подрядъ. Однѣ гробницы были съ часовнями, другія совсѣмъ простыя, рѣшетки кругомъ были изломаны, всѣ мѣдныя украшенія также, только остались углубленія, въ которыя они были раньше вдѣланы. Все это особенно живо напоминало о томъ, что ея родъ умеръ для общественной жизни.

Она нагнулась къ черной плитѣ, на которой было написано:

Ostium sepulchri antiquae familiae d'Urberville.

Тессъ не была такъ хорошо знакома латынь, какъ какому-нибудь кардиналу, но, тѣмъ не менѣе, она поняла, что здѣсь входъ въ усыпальницу ея предковъ и что здѣсь покоились тѣ рыцари, о которыхъ часто пѣвалъ ея отецъ.

Она повернулась къ выходу, мимо часовни надъ гробницей, казавшейся самою старинной; у нея стояла, прислонившись, какая-то фигура. Въ темнотѣ она ее не замѣтила сразу, но вдругъ фигура зашевелилась. Подойдя ближе, она сейчасъ же распознала, что то живое существо, и такъ испугалась, что едва не упала въ обморокъ, но мало-по-малу она оправилась и разсмотрѣла, что это былъ д'Орбервиль.

Онъ перескочилъ черезъ плиту и поддержалъ ее.

— Я видѣлъ, какъ вы вошли,—сказалъ онъ ей ласково и не хотѣлъ мѣшать вашимъ размышленіямъ.—Не правда ли, какъ много тутъ подъ нами разныхъ старыхъ воиновъ! Послушайте-ка.— Онъ громко ударилъ ногой по полу; снизу раздалось отвѣтное эхо.

— Это ихъ немного потревожитъ, я полагаю,—продолжалъ онъ.—А вы меня приняли за каменное изображеніе одного изъ нихъ. Но нѣтъ. Все перемѣнилось. Мизинецъ даже-д'Орбервиля теперь больше можетъ сдѣлать, чѣмъ цѣлая династія лежащихъ здѣсь подъ землей... Ну, приказывайте, что мнѣ надо дѣлать?

— Уйдите!—прошептала она.

— Да, я пойду и поищу, гдѣ ваша мать,—сказалъ онъ ласково.

Но, проходя мимо нея, онъ шепнулъ:—Все же знайте, что н время, когда вы будете ласковы со мной.

Когда онъ ушелъ, она стала на колѣни передъ вх склепъ и сказала:

— Зачѣмъ, зачѣмъ я не по ту сторону этой двери?

Между тѣмъ, Маріанна и Иццъ Гюэттъ ѣхали впере щами земледѣльца въ иную сторону. Но онѣ мало думали куда ѣхали. Онѣ вели бесѣду объ Энджелѣ-Клэрѣ, о Тессъ стойчивомъ ухаживателѣ, который, они знали теперь, бы связанъ съ прежнею жизнью Тессъ.

— Она знала его раньше,—говорила Маріанна.—Все томъ, что онъ жилъ съ ней. Но очень было бы жалко, ес опять увлекъ ее. Иццъ, мистеръ Клэръ никогда не будетъ такъ не лучше ли намъ не ревновать ее къ нему, а стара тушить эту ссору между ними? Если бы только онъ зналъ, въ какихъ тискахъ она теперь находится, и что ей грозитъ, онъ пріѣхалъ бы навѣрное, чтобъ охранить ее отъ этого.

— Нельзя ли какъ-нибудь сообщить ему?

Онѣ все время раздумывали объ этомъ на пути, затѣмъ хлопоты объ устройствѣ на новомъ мѣстѣ отвлекли ихъ вниманіе. Только когда онѣ совсѣмъ устроились, мѣсяцъ спустя, они услыхали, что Клэръ возвращается, хотя о Тессъ онѣ болѣе ничего не слыхали. Тогда, волнуемая снова пробудившеюся въ ней любовью къ нему, Маріанна откупорила стклянку съ чернилами и вмѣстѣ съ другою дѣвушкой сочинила слѣдующія строки:

«Уважаемый сэръ, смотрите за своею женой, если вы ее любите такъ, какъ она васъ. Около нея близко находится врагъ, принявшій образъ друга. Сэръ, около нея стоитъ нѣкто, кому слѣдовало бы быть далеко отъ нея. Женщину нельзя подвергать искушеніямъ, превышающимъ ея силы; вѣдь, капля за каплей можетъ проточить камень и даже брилліантъ.

Отъ двухъ доброжелателей».

Она адресовала это письмо мистеру Клэру въ единственномѣсто, о которомъ слышала отъ него—въ Эминстерскій викаратъ; послѣ этого онѣ долго оставались въ какомъ-то экзальтированномъ настроеніи, восхищаясь своимъ великодушіемъ, и не рѣ принимались истерично рыдать.

ФАЗА СЕДЬМАЯ.

Преступленіе.

Въ Эминстерскомъ викаріатѣ насталъ вечеръ. Двѣ свѣчи горѣли подъ зеленымъ абажуромъ въ кабинетѣ викарія, но онъ не сидѣлъ тамъ. Разъ онъ взошелъ, поправилъ слабый огонь, достаточно согрѣвавшій комнаты, тѣмъ болѣе, что весна вступала въ свои права, и снова вышелъ; то онъ останавливался передъ входною дверью, то входилъ въ гостиную, то снова выходилъ на крыльцо.

Оно выходило на западъ; хотя на дворѣ было почти темно, но все же, можно было различать предметы. Мистрисъ Клэръ, сидѣвшая въ гостиной, послѣдовала за мужемъ.

— Еще долго придется ждать,—сказалъ викарій.—Онъ будетъ въ Чэлкъ-Ньютонѣ въ шесть часовъ, даже если поѣздъ не запоздаетъ, да еще надо сдѣлать десять миль по проселочной дорогѣ, половину ихъ по Криммеркрокской дорогѣ, а наша старая лошадь не сдѣлаетъ ихъ очень скоро.

— Съ нами она проходила ихъ въ часъ.

— Да, но много лѣтъ тому назадъ.

Такими разговорами они старались коротать время, хотя оба хорошо знали, что все это пустыя слова, а, главное, надо терпѣливо ждать.

Наконецъ, по дорогѣ послышался легкій стукъ и старенькій шарабанъ показался вдали. Вскорѣ они увидали человѣка, выходящаго изъ экипажа; еслибъ они не были увѣрены, что это онъ, они, навѣрное, не узнали бы его.

Мистрисъ Клэръ бросилась къ двери, а за ней немного медленнѣе пошелъ и мужъ ея.

Пріѣзжій увидалъ ихъ озабоченныя лица, когда они еще не могли разглядѣть его, потому что смотрѣли на него противъ свѣта.

— О, мой мальчикъ, мой милый мальчикъ, наконецъ-то ты вернулся!—вскричала мистрисъ Клэръ. Она забыла въ эту минуту о его еретическихъ воззрѣніяхъ, вызвавшихъ разлуку между ними; она такъ же мало думала теперь объ этомъ, какъ и о пыли, покрывавшей его платье. Какая женщина, дѣйствительно, хотя бы и самая лучшая христіанка, вѣруетъ въ обѣщанныя евангеліемъ блаженства и муки такъ, какъ она вѣруетъ въ своихъ дѣтей, и какая женщина не промѣняетъ религію на ихъ счастье?... Когда они вошли въ освѣщенную комнату, она взглянула ему въ лицо.— Боже! это не Энджель, это не мой сынъ, это не тотъ Энджель,

который уѣзжалъ!—закричала она въ горѣ, отворачиваясь отъ него.

Его отецъ былъ тоже пораженъ его видомъ,—такъ осунулось и измѣнилось его лицо отъ душевныхъ терзаній и дурного климата страны, куда онъ поспѣшилъ скрыться, боясь насмѣшекъ за случившееся съ нимъ на родинѣ. Это былъ не человѣкъ, а скелетъ—тѣнь прежняго человѣка. Онъ былъ похожъ на мертваго Спасителя Кривеллея. Его ввалившіеся глаза были тусклы, подъ глазами было черно, какъ у мертвеца. Лицо приняло такія же острыя очертанія, какъ у его стариковъ-родителей, хотя Энджелю по-настоящему надо было бы стать такимъ не раньше, какъ лѣтъ черезъ тридцать.

— Я былъ боленъ тамъ,—сказалъ онъ.—Теперь я поправился,—но, какъ бы въ опроверженіе его словъ, его ноги подогнулись, и онъ долженъ былъ сѣсть, чтобы не упасть. Это былъ приступъ слабости послѣ долгаго дневного путешествія и отъ волненія, вызваннаго пріѣздомъ.

— Не было мнѣ письма недавно?—спросилъ онъ.

Одно письмо было получено. Остальныя, присланныя ему нѣсколько недѣль тому назадъ, они переслали ему, не зная, что онъ самъ пріѣдетъ въ скоромъ времени.

Онъ поспѣшно вскрылъ поданное ему письмо и очень былъ пораженъ тѣми чувствами, которыми было полно письмо Тессъ къ нему.

«Ахъ, за что ты такъ безчеловѣчно обошелся со мной, Энджель? Я не заслуживаю этого. Я все думала объ этомъ. Нѣтъ, я никогда, никогда не прощу тебѣ! Ты, вѣдь, зналъ, что я не хотѣла обмануть тебя, за что же ты такъ дурно обошелся со мной? Ты жестокъ, жестокъ! Постараюсь забыть тебя. Все, что я терпѣла тебя—все несправедливо.

Т.».

— Это все совершенная правда!—сказалъ Энджель, бро письмо.—Она едва ли когда проститъ меня!

— Не огорчайся такъ, Энджель, изъ-за простой крестьянки сказала его мать.

— Простая крестьянка! Да, мы всѣ крестьяне—дѣти земл я хотѣлъ бы, чтобъ она была простая крестьянка; но мнѣ н вамъ сказать,—раньше я не говорилъ вамъ ничего объ этомъ что ея отецъ происходитъ по мужской линіи отъ одной изъ сам старыхъ норманскихъ фамилій; у насъ много земледѣльцевъ, к рые, также какъ и онъ, происходятъ изъ знатныхъ семей, но никому неизвѣстны и ихъ называютъ простыми крестьянами.

Вскорѣ онъ пошелъ спать и провелъ слѣдующее утро у себя въ комнатѣ, чувствуя себя очень нехорошо. Онъ все время раздумывалъ о положеніи дѣлъ. Когда онъ былъ на экваторѣ, ему казалось, что нѣтъ ничего легче, какъ придти къ Тессъ и заключить ее въ свои объятія; теперь же, по пріѣздѣ сюда, это стало ему казаться не такимъ легкимъ дѣломъ. Она была страстною натурой, и онъ спрашивалъ себя, будетъ ли это благоразумно, не предувѣдомивъ ее, встрѣтиться съ ней? Даже предположивъ, что со времени разлуки она, вмѣсто любви, стала чувствовать къ нему антипатію, все же внезапная встрѣча съ нимъ вызвала бы у нея горькіе упреки.

И такъ, Клэръ рѣшилъ, что будетъ лучше послать въ Марлоттъ письмо къ Тессъ, чтобы приготовить ее и ея родныхъ къ встрѣчѣ съ нимъ,—онъ надѣялся, что она живетъ еще съ ними, какъ у нихъ было условлено при его отъѣздѣ изъ Англіи. Онъ въ тотъ же день привелъ свой планъ въ исполненіе и менѣе чѣмъ черезъ недѣлю онъ получилъ короткій отвѣтъ отъ мистрисъ Дорбифильдъ, который нисколько не разсѣялъ его неизвѣстности: письмо было безъ указанія адреса, хотя, къ его удивленію, написано оно было не изъ Марлотта.

«Сэръ, я пишу эти строки, чтобы сообщить вамъ, что дочь моя уѣхала отъ насъ и я не знаю, когда она вернется. Я извѣщу васъ, какъ только узнаю это. Я не считаю себя вправѣ сообщить вамъ, гдѣ она находится въ настоящее время. Прибавлю, что я и мое семейство—мы покинули на время Марлоттъ.

Ваша Ж. Дорбифильдъ».

Для Клэра было такимъ облегченіемъ узнать, что Тессъ жилось, повидимому, довольно хорошо, но онъ не обратилъ особеннаго вниманія на упорное нежеланіе ея матери указать ея мѣстопребываніе. Очевидно, они всѣ сердятся на него. Онъ подождетъ, пока мистрисъ Дорбифильдъ не извѣститъ его о возвращеніи Тессъ, какъ она обѣщала въ письмѣ. Онъ и не заслуживалъ ничего болѣе. Во время своего отсутствія онъ многое передумалъ, въ исторической Корнеліи онъ видѣлъ сходство съ добродѣтельною Фаустиной, во Фринѣ онъ узналъ духъ Лукреціи; онъ думалъ о томъ, какъ женщинъ осуждали на побиваніе камнями, и о томъ, какъ жена Урія стала царицей, и не разъ спрашивалъ себя, зачѣмъ онъ осудилъ Тессъ на основаніи фактовъ а не на основаніи здраваго смысла, зачѣмъ онъ осудилъ ее за поступки, а не принялъ во вниманіе ея желанія дѣйствовать иначе?

День за днемъ ждалъ онъ въ отцовскомъ домѣ второго обѣщан-

наго письма отъ Джоанны Дорбифильдъ. Между тѣмъ, силы
щались къ нему, а письма все не было. Ему вернули писы
Бразиліи и между ними было письмо отъ Тессъ, написанн
Флинткомбъ-Аша. Неожиданныя строки привели его въ сов
ное уныніе.

«Я должна обратиться къ тебѣ въ моемъ горѣ,—у меня
нѣтъ, кромѣ тебя... Мнѣ кажется, я умру, если ты не пр
скоро или не позволишь мнѣ пріѣхать къ тебѣ... Но, Энд
прошу, умоляю тебя, не будь справедливъ, но будь хоть н
добрѣе ко мнѣ!... Если ты пріѣдешь, я могу хотя умереть
на рукахъ! Если бы ты тогда простилъ меня, я бы съ ра
умерла!... Если бы ты написалъ мнѣ одну только строчку
залъ бы: я пріѣду скоро, я стала бы все терпѣть съ радос
Подумай, подумай, какъ страдаетъ мое сердце при мысли,
никогда не увижу тебя больше, никогда!... Ахъ, еслибъ я
хоть на одну минуту заставить страдать твое сердце так
страдаетъ мое каждый день, то ты пожалѣлъ бы меня бѣдну
нокую... Я была бы довольна, даже рада, быть твоею служ
если я не могу быть твоею женой, только бы мнѣ быть окол
видѣть тебя, думать, что ты мой... Я одного только жажду
бѣ, на землѣ и подъ землей—встрѣчи съ тобой, мой дорогой!
ко мнѣ, приди и спаси меня отъ того, что грозитъ мнѣ!»

Глаза Клэра наполнились слезами, страстное желаніе с
же разыскать ее охватило его. Онъ спросилъ отца, просила
у него денегъ во время его отсутствія. Отецъ отвѣтилъ отри
но. Энджель понялъ, что гордость помѣшала ей обращаться
кою просьбой. Изъ его словъ родители его только теперь
истинную причину, почему они разъѣхались; будучи оба х
нами въ настоящемъ смыслѣ этого слова, они, особенно стра
душой за заблудшихъ овецъ, полюбили Тессъ, почувствов
ней жалость и нѣжность, какой не чувствовали ни за ея пр
ни за бѣдность, ни за происхожденіе.

Убирая различныя вещи, онъ замѣтилъ маленькое пис
недавно полученное отъ Маріанны и Иццъ Гюэттъ, начина
словами: «Уважаемый сэръ, смотрите за вашею женой, ес
бите ее такъ, какъ она васъ», и подписанное: «отъ двухъ
желателей».

LIV.

Четверть часа спустя Клэръ выходилъ уже изъ дом
дила за его тонкою фигурой, пока онъ не скрылся изъ

что лошадь нужна въ хозяйствѣ, онъ отклонилъ предложеніе взять ее. Онъ вошелъ на постоялый дворъ, нанялъ тамъ лошадь и едва могъ дождаться, пока запрягутъ ее. Черезъ нѣсколько минутъ онъ уже подымался на холмъ, съ котораго три мѣсяца тому назадъ Тессъ спускалась полная надеждъ и затѣмъ возвращалась, унося съ собой разбитое сердце.

Вскорѣ передъ нимъ открылась Бенвильская дорога, вдоль которой тянулись живыя изгороди и деревья, покрытыя почками; но онъ былъ занятъ не тѣмъ, и ровно настолько обращалъ вниманіе на окружавшую его природу, чтобы не сбиться съ дороги. Часа черезъ полтора онъ обогнулъ южную часть Кингъ-Чиктока и сталъ подниматься вверхъ по печальной безлюдной мѣстности Креста, гдѣ Тессъ, по настоянію Алека д'Орбервиля, въ характерѣ котораго произошелъ переломъ, должна была поклясться, что никогда съ своей стороны не подастъ ему повода къ искушенію.

Потомъ онъ повернулъ направо и углубился въ горную известковую страну Флинткомбъ-Аша; изъ письма Тессъ онъ зналъ, что она жила здѣсь, и думалъ найти ее на той же фермѣ. Конечно, онъ не нашелъ ея, ему стало еще грустнѣе, когда ему сказали, что никто и не слыхивалъ здѣсь о «мистрисъ Клэръ», а всѣ помнили Тессъ только по имени. То, что она съ умысломъ скрывала отъ всѣхъ свое имя, а еще болѣе то, что она рѣшилась лучше выносить всякія злополучія, чѣмъ обратиться съ денежною просьбой къ его отцу, въ этомъ онъ видѣлъ проявленіе ея непреклонной рѣшимости разстаться съ нимъ навсегда.

Ему сказали, что Тессъ Дорбифильдъ ушла отсюда домой къ роднымъ по другую сторону Блакмура, такъ что ему необходимо было разыскать мистрисъ Дорбифильдъ. Она сообщила ему, что не живетъ болѣе въ Марлоттѣ, но умышленно умолчала о своемъ теперешнемъ адресѣ, такъ что единственное, что онъ могъ сдѣлать, это поѣхать въ Марлоттъ и разспросить о ней. Мызникъ, который былъ такъ грубъ съ Тессъ, оказался удивительно привѣтливымъ съ Клэромъ и одолжилъ ему лошадь и кучера, чтобы добраться до Марлотта, а экипажъ, въ которомъ онъ пріѣхалъ, надо было отослать обратно въ Эмминстеръ, такъ какъ Клэръ нанялъ его только на дневной срокъ.

Клэръ ни за что не хотѣлъ долго пользоваться одолженнымъ ему экипажемъ и отослалъ его назадъ у предмѣстья Марлотта, а самъ пошелъ пѣшкомъ въ деревню, гдѣ родилась его дорогая Тессъ. Еще было слишкомъ рано для зелени въ садахъ; такъ называемая

весна была еще зимой; повсюду едва пробивалась зеленая листва,— такъ было и съ его надеждами.

Домъ, гдѣ Тессъ провела годы своего дѣтства, былъ теперь занятъ какою-то другою семьей, которая совершенно игнорировала ея существованіе. Новые жильцы находились въ саду и всецѣло были заняты только своими интересами, какъ будто бы съ этимъ домомъ не была связана исторія другихъ людей. Они гуляли по дорожкамъ сада, исключительно думая о томъ, какъ бы лучше устроиться здѣсь.

То время, когда Тессъ жила здѣсь, не имѣло для нихъ никакого значенія. Даже весеннія птицы, распѣвавшія надъ ними, продолжали безпечно свои пѣсни, какъ будто не замѣчали ничьего отсутствія.

Изъ разспросовъ этихъ простодушныхъ людей, для которыхъ даже имя ихъ предшественниковъ было едва извѣстно, Клэръ узналъ, что Джонъ Дорбифильдъ умеръ, что его вдова и дѣти покинули Марлоттъ, объявивъ, что будутъ жить въ Кингсберѣ, а вмѣсто того ушли въ другое мѣсто, называемое такъ-то. Съ этой минуты домъ этотъ, въ которомъ не жила болѣе Тессъ, сдѣлался ненавистнымъ Клэру и онъ поспѣшилъ уйти изъ него, даже ни разу не оглянувшись назадъ.

Путь его лежалъ по полю, гдѣ онъ впервые увидалъ ее во время танцевъ. Затѣмъ онъ прошелъ по кладбищу и здѣсь замѣтилъ среди недавнихъ надгробныхъ камней одинъ, который былъ нѣсколько отличенъ отъ другихъ. Надпись гласила слѣдующее:

«Въ память Джона Дорбифильда, вѣрнѣе, д'Орбервиля, происходившаго отъ знатнаго рода и по прямой линіи нисходившаго отъ сэра Бріана д'Орбервиля, одного изъ рыцарей Завоевателя. Скончался марта 10, 18— г.».

Такъ низвергаются сильные міра сего.

Какой-то человѣкъ, повидимому, могильщикъ, увидалъ Клэра и подошелъ.

— Ахъ, сэръ, вотъ человѣкъ, которому очень не хотѣлось лежать здѣсь; онъ желалъ, чтобъ его перенесли въ Кингсберъ, гдѣ покоются его предки.

— А почему же не исполнили его воли?

— Эхъ, денегъ не было! Да благословитъ васъ Богъ, сэръ; я не хотѣлъ бы никому говорить объ этомъ, но... даже за этотъ камень, за цвѣтистую надпись на немъ не заплачено!

— А!... А кто поставилъ его?

Человѣкъ назвалъ имя деревенскаго каменщика и Клэръ, вый

дя изъ кладбища, пошелъ въ его домъ. Тамъ онъ услыхалъ подтвержденіе сказаннаго ему и заплатилъ по счету. Исполнивъ это, онъ пошелъ разыскивать вдову.

Хотя путь предстоялъ ему длинный, но Клэръ такъ жаждалъ уединенія, что ни за что не хотѣлъ нанять экипажъ или пойти вдоль по полотну желѣзной дороги, по которому ему было ближе добраться до цѣли его странствованія. Въ Чэстонѣ, однако, онъ долженъ былъ нанять лошадь; тѣмъ не менѣе, онъ только къ семи часамъ вечера пріѣхалъ въ мѣстопребываніе Дорбифильдовъ; всего отъ Марлотта онъ сдѣлалъ болѣе двадцати миль.

Деревня была не велика, такъ что онъ безъ труда розыскалъ жилище мистрисъ Дорбифильдъ. Она жила въ домикѣ, обнесенномъ стѣной, въ сторонѣ отъ дороги; тамъ она разставила свою старую мебель, какъ могла лучше. Клэръ былъ увѣренъ, что она не желала его посѣщенія. И онъ какъ бы силою врывался къ ней въ домъ. Она вышла къ двери; на ея лицо падалъ свѣтъ заходящаго солнца.

Клэръ видѣлъ ее въ первый разъ въ жизни; она все еще была красива въ своей вдовьей одеждѣ. Онъ былъ принужденъ объяснить, что онъ мужъ Тессъ и зачѣмъ онъ сюда пріѣхалъ. Проговорилъ онъ это довольно нескладно:

— Мнѣ нужно видѣть ее,—закончилъ онъ.—Вы мнѣ обѣщали написать еще разъ и не исполнили обѣщанія.

— Потому что она не возвращалась домой,—отвѣчала Джоанна.

— Здорова ли она?

— Я ничего не знаю. Ваше было бы дѣло знать это,—сказала она.

— Да, я согласенъ съ этимъ. Гдѣ она находится?

Джоанна говорила съ нимъ, подперши щеку рукой,—знакъ замѣшательства.

— Я не знаю въ точности, гдѣ она,—отвѣчала она.—Она была... но...

— Гдѣ она была?

— Но ея нѣтъ здѣсь теперь.

Она снова замолчала, не желая выдавать тайны, а младшія дѣти подошли къ двери и одинъ изъ нихъ, спрятавшись въ юбки матери, прошепталъ:

— Это тотъ джентльменъ, который собирается жениться на Тессъ?

— Онъ женился на ней,—шепотомъ отвѣчала Джоанна.—Иди въ домъ.

Клэръ, видя, что она хочетъ скрыть что-то отъ него жалъ:

— Можетъ быть, Тессъ не желаетъ видѣть меня? Ес то, конечно...

— Я думаю, что нѣтъ.

— Вы увѣрены?

— Я увѣрена.

Онъ повернулся, чтобы уйти, но вспомнилъ о нѣжном Тессъ.

— Нѣтъ, я увѣренъ, что она хочетъ!—воскликнул жаромъ.—Я ее знаю лучше, чѣмъ вы.

— Очень можетъ быть, сэръ, потому что я никогда хорошо распознать ее.

— Прошу васъ, дайте мнѣ ея адресъ, мистрисъ Дорб изъ жалости къ бѣдному, злополучному человѣку!

Мать Тессъ опять въ нерѣшимости оперлась на руку и его лицѣ страданіе, сказала, наконецъ, тихимъ голосомъ:

— Она въ Сэндбёрнѣ.

— А!... Гдѣ же именно? Говорятъ, Сэндбёрнъ ста великъ.

— Я больше ничего не знаю, въ Сэндбёрнѣ. Что до м когда не была тамъ.

Было несомнѣнно, что Джоанна теперь говорила пра что онъ не настаивалъ больше.

— Не нужно ли вамъ чего-нибудь?—спросилъ онъ л

— Нѣтъ, сэръ,—отвѣчала она.—У насъ все есть те

Клэръ ушелъ, не заходя даже въ домъ. Въ трехъ мил да была станція и онъ пошелъ туда, заплативъ извощику ній поѣздъ въ Сэндбёрнъ отошелъ вскорѣ и увезъ съ собо

LV.

Въ одиннадцать часовъ ночи онъ приказалъ приготов постель въ гостиницѣ, и, немедленно пославъ отцу телег указаніемъ адреса, пошелъ бродить по улицамъ Сэндбё ло слишкомъ поздно, чтобы идти за справками или разсп кого-нибудь, такъ что онъ волей-неволей отложилъ это д ему еще не хотѣлось спать.

Это людное водяное мѣстечко съ пристанями, съ сосн леями и садами казалось Энджелю фантастическимъ, ся по мановенію волшебства. Вблизи пролегала до

ную Эдхонскую пустошь. Тамъ все говорило о минувшихъ вѣкахъ: каждая неровность почвы принадлежала исторіи, каждый каналъ, по которому когда-то ѣздили британцы, сохранился неприкосновеннымъ; ни одна травка не была вырвана отсюда со временъ Цезарей. Но и сюда проникла иноземная культура.

Онъ бродилъ по улицамъ этого новаго мірка и при свѣтѣ звѣздъ различалъ между деревьями высокія крыши, бесѣдки и башни прихотливыхъ зданій. Здѣсь дома стояли особнякомъ,— точно уголокъ Средиземнаго моря на англійской почвѣ, ночью казавшійся еще величественнѣе, чѣмъ былъ въ дѣйствительности.

Море было близко, оно шумѣло, а онъ думалъ, что это колышутся сосны; сосны въ отвѣтъ ему шумѣли тѣмъ же непрерывнымъ шумомъ, а онъ думалъ, что слышитъ плескъ моря.

Гдѣ здѣсь могла жить Тессъ, простая поселянка, его молодая жена, среди такой роскоши и богатства? Чѣмъ болѣе онъ думалъ объ этомъ, тѣмъ болѣе недоумѣвалъ. Чѣмъ она занималась: доеніемъ коровъ? Навѣрное, здѣсь не было пахотныхъ полей, на которыхъ она могла работать. Вѣроятно, ее наняли прислуживать въ одномъ изъ этихъ большихъ домовъ; онъ все бродилъ, смотря на окна, въ которыхъ еще горѣлъ мѣстами огонь, и спрашивалъ себя, не здѣсь ли гдѣ-нибудь ея комната?

Но отгадывать это было безполезно, и послѣ полуночи онъ пошелъ къ себѣ и легъ спать. Прежде чѣмъ потушить свѣчу, онъ перечелъ еще разъ страстное письмо Тессъ. Но онъ не могъ уснуть, находясь такъ близко и, въ то же время, увы, такъ далеко отъ нея; онъ безпрестанно поднималъ оконную занавѣску и смотрѣлъ на дома напротивъ, спрашивая себя, въ которомъ изъ нихъ она теперь спитъ.

Такъ просидѣлъ онъ почти всю ночь. Утромъ онъ всталъ въ семь часовъ и вскорѣ вышелъ изъ дому, по направленію къ главному почтовому отдѣленію. У двери онъ встрѣтился съ почтальономъ, несшимъ утреннюю почту.

— Знаете ли вы адресъ мистрисъ Клэръ?—спросилъ Энджель.

Почтальонъ отрицательно покачалъ головой.

Тогда Клэръ, вспомнивъ, что она легко могла принять свое дѣвичье имя, сказалъ:

— А миссъ Дорбифильдъ?

— Дорбифильдъ?

Такой фамиліи почтальонъ тоже не слыхалъ.

— Здѣсь каждый день пріѣзжаютъ и уѣзжаютъ посѣтители,

сэръ,—сказалъ онъ,—и, не зная названія дома, невозмо
ти ихъ.

Въ эту минуту вышелъ другой почтальонъ, которому
ли то же имя.

— Я не знаю Дорбифильдовъ. Но въ гостиницѣ «Цап
фамилія д'Орбервиль,—сказалъ онъ.

— Вотъ это-то мнѣ и нужно!—воскликнулъ Клэръ,
съ радостью узналъ, что она приняла свою настоящую фа
Гдѣ этотъ домъ?

— Это хорошія меблированныя комнаты.

Клэру указали, куда надо было идти, и онъ поспѣши
«Цапля» была обыкновенною дачей, и онъ никогда бы
малъ, что здѣсь можно имѣть комнаты въ наемъ,—такой ви
няка» имѣлъ этотъ домъ. Если Тессъ здѣсь живетъ служа
ему лучше пойти съ задняго входа. Но почему-то онъ
къ парадному подъѣзду и позвонилъ.

Такъ какъ было еще рано, то хозяйка дома сама отпе
Клэръ спросилъ Терезу д'Орбервиль или Дорбифильдъ.

— Мистрисъ д'Орбервиль?

— Да.

И такъ, Тессъ была извѣстна здѣсь, какъ замужняя женщина;
ему было пріятно слышать это, хотя она и не приняла его име

— Не будете ли вы такъ добры сказать ей, что ее желаетъ
дѣть родственникъ?

— Немного рано еще. Какъ сказать ей объ васъ?

— Скажите: Энджель.

— Мистеръ Энджель?

— Нѣтъ, просто Энджель. Это мое имя. Она поймета.

— Я посмотрю, проснулась ли она.

Ему было указано пройти въ первую комнату—столовую;
выходила окнами въ садикъ, въ которомъ цвѣли рододендроны
другія растенія. Повидимому, положеніе Тессъ было вовсе не та
дурно, какъ онъ боялся; ему пришло на умъ, что она вытребов
у банкира брилліанты и продала ихъ, чтобы жить. Онъ не осуд
ея за это ни на минуту. Вскорѣ его тонкій слухъ распозналъ ш
по лѣстницѣ, ея шаги; его сердце забилось такъ больно, что
едва могъ устоять на ногахъ.

— Боже мой, что она подумаетъ обо мнѣ? Я такъ измѣнился!
сказалъ онъ про себя. Дверь отворилась.

Тессъ показалась на порогѣ,—совсѣмъ не такая, какою
ожидалъ увидѣть ее,—чудно прекрасная. Ея природная крас

еще выигрывала отъ наряда. Она была укутана въ богатый блѣдно-сѣрый кашемировый капотъ, съ вышивкой болѣе темнаго цвѣта; на ногахъ у нея были такія же туфли. Кругомъ шеи лежала пуховая опушка; ея чудные темные волосы частью были завернуты въ узелъ на макушкѣ, частью распущены по плечамъ,—очевидно, она очень спѣшила.

Онъ протянулъ къ ней руки, но она не подошла къ нему, а остановилась у двери; руки его невольно опустились. Онъ внезапно почувствовалъ разницу между ней и собой, желтымъ, худымъ, какъ скелетъ, и подумалъ, что ее оттолкнула его наружность.

— Тесси!—сказалъ онъ какимъ-то сиплымъ голосомъ,—простишь ли ты меня, что я уѣхалъ? Можешь ты уйти со мной? Почему ты стала такой?

— Слишкомъ поздно!—сказала она какимъ-то глухимъ голосомъ; ея глаза неестественно горѣли.

— Я тебя судилъ несправедливо, я на тебя смотрѣлъ не такъ!—продолжалъ онъ свою защиту.—Теперь я оцѣнилъ тебя, моя дорогая Тессъ!

— Слишкомъ поздно, слишкомъ поздно!—быстро проговорила она, съ нетерпѣніемъ махнувъ рукой.—Не подходи ко мнѣ, Энджель! Нѣтъ, ты не долженъ! Уйди!

— Но развѣ ты разлюбила меня, моя дорогая жена, за то, что я такъ измѣнился? Вѣдь, ты не такая непостоянная... Я нарочно пріѣхалъ за тобой, мой отецъ и моя мать ждутъ тебя.

— Да, да. Но я говорю: поздно!—закричала она. Она была какъ во снѣ, хотѣла двинуться, и не могла.—Развѣ ты не знаешь всего, всего? Но какъ же ты пришелъ сюда, если ничего не знаешь?

— Я всюду разспрашивалъ и нашелъ дорогу къ тебѣ.

— Я ждала тебя,—продолжала она съ жалобой въ голосѣ,—но ты не возвращался. Я писала тебѣ, но ты не пріѣзжалъ. Онъ взялъ меня, увѣривъ, что ты никогда болѣе не пріѣдешь, что я сумасшедшая. Онъ былъ очень добръ ко мнѣ, и къ матери, и ко всѣмъ намъ послѣ отцовской смерти. Онъ...

— Я ничего не понимаю.

— Онъ меня снова взялъ къ себѣ.

Онъ быстро взглянулъ на нее, потомъ, понявъ смыслъ ея словъ, сразу весь какъ-то опустился; взглядъ его потухъ; онъ перевелъ его на ея руки, которыя были раньше грубы и красны, а теперь бѣлы и нѣжны.

Она продолжала:

— Онъ наверху. Я теперь ненавижу его за то, что онъ обма-

нулъ меня, сказавъ, что ты болѣе не вернешься; а ты
Но уходи, Энджель, прошу тебя, и не возвращайся ни
Они продолжали стоять; въ ихъ глазахъ отразило
сердечное страданіе; было жалко смотрѣть на нихъ. Об
умоляли судьбу послать имъ забвеніе.
— О, это моя вина!—сказалъ Клэръ.
Онъ не могъ продолжать. Слова не могли выразить е
Прошло нѣсколько минутъ; вдругъ онъ замѣтилъ,
нѣтъ болѣе въ комнатѣ. Его лицо стало какъ-то холоди
ту передъ тѣмъ искаженное страданіемъ, теперь оно
Онъ очутился на улицѣ и шелъ впередъ, самъ не со
съ нимъ и гдѣ онъ находится.

LVI.

Мистрисъ Брукъ, хозяйка этого дома, была вовсе не очень любопытна по своей природѣ. Она слишкомъ отдалась служенію божку «наживы», чтобъ интересоваться чѣмъ-нибудь, кромѣ кармана жильцовъ. Тѣмъ не менѣе, посѣщеніе Энджеля Клэра хорошо плативщихъ ей жильцовъ, супруговъ мистера и мистрисъ д'Орбервиль, какими она ихъ считала, было довольно необычайно по своему характеру и по раннему часу; въ ней пробудилось женское чувство любопытства, только временно заглушенное соображеніями.

Тессъ разговаривала со своимъ мужемъ у двер
столовую, такъ что мистрисъ Брукъ, стоявшая у
могла разслышать отрывки ихъ разговора,—если
что эти два несчастныя существа вели между собо
слышала затѣмъ, какъ Тессъ поднималась обрати
какъ Клэръ, уходя, затворилъ за собой дверь. Затѣм
какъ наверху хлопнула дверь и Тессъ, по дога
Брукъ, вошла къ себѣ. Такъ какъ молодая женщи
всѣмъ одѣта, то мистрисъ Брукъ была увѣрена,
часъ еще выйдетъ.

Поэтому она крадучись взошла на лѣстницу и
гостиной, смежной съ заднею комнатой (спальней)
дома, въ которомъ помѣщались лучшія комнаты, бы
бервилями. Въ задней комнатѣ все было тихо, но из
шались какіе-то звуки.

Хозяйка посмотрѣла въ замочную скважину.
только небольшая часть комнаты, уголъ обѣденнаг

торомъ былъ уже приготовленъ завтракъ, и стулъ. Тессъ стояла на колѣнях, спрятавъ лицо на сидѣнье стула; руки ея были заломлены надъ головой, складки платья лежали на полу и виднѣлась босая ножка, съ которой упала туфля. Изъ ея устъ срывался вопль отчаянія.

Потомъ раздался мужской голосъ изъ сосѣдней комнаты:

— Что случилось?

Она, не отвѣчая, продолжала говорить сама съ собой или, скорѣе, жалобно стонать. Мистрисъ Брукъ могла разслышать кое-что:

— И такъ, мой дорогой, дорогой мужъ вернулся ко мнѣ, а я не знала этого... А вы меня убѣдили... вы всегда умѣли меня увѣрить во всемъ! Бѣдность моей матери и всей моей семьи—вотъ что меня принудило... А вы мнѣ сказали, что мой мужъ никогда, никогда не вернется болѣе; вы смѣялись надо мной, называли глупенькой, что я жду его... Я вамъ повѣрила, наконецъ, и уступила... А онъ вернулся. Теперь онъ ушелъ. Ушелъ вторично, и я лишилась его навсегда... онъ будетъ ненавидѣть меня. Да, я лишилась его теперь... опять изъ-за васъ!—Безнадежно качая головой, она обернулась къ двери и мистрисъ Брукъ разсмотрѣла ужасъ, написанный на ея лицѣ; губы ея были стиснуты, по щекамъ текли ручьи слезъ. Она продолжала:—А онъ умираетъ, онъ совсѣмъ похожъ на умирающаго! Мой грѣхъ убьетъ его, а не меня!... Ахъ, вы разбили всю мою жизнь!... О, Боже, я не вынесу этого, не вынесу!

Мужской голосъ сказалъ ей что-то; потомъ вдругъ раздался шорохъ, она вскочила на ноги. Мистрисъ Брукъ, думая, что одинъ изъ говорившихъ выйдетъ въ дверь, поспѣшно сбѣжала съ лѣстницы.

Но она напрасно такъ торопилась, дверь не отворялась. Но мистрисъ Брукъ сочла не безопаснымъ дальнѣйшее подсматриванье и ушла къ себѣ въ гостиную.

Она продолжала прислушиваться—все было тихо. Потомъ она пошла въ кухню готовить завтракъ. Затѣмъ принялась за шитье, дожидаясь, пока ея жильцы позвонятъ, чтобъ убирать завтракъ, и хотѣла даже пойти сама, разсчитывая на то, что ей удастся разузнать что-нибудь. Наверху раздавался скрипъ половицы, какъ будто кто ходилъ взадъ и впередъ, затѣмъ послышалось шуршанье платья, отворилась и снова захлопнулась наружная дверь, и фигура Тессъ промелькнула мимо нея. Она была одѣта въ костюмъ для прогулки, только набросила на лицо вуаль.

Мистрисъ Брукъ не слышала, прощались ли они, можетъ быть,

они поссорились, и, по всѣмъ вѣроятіямъ, мистеръ д'Орбервиль все еще продолжалъ спать, такъ какъ онъ никогда не подымался рано.

Она ушла въ другую комнату и продолжала шить. Молодая дама не возвращалась и джентльменъ не звонилъ. Мистрисъ Бруксъ раздумывала, кто бы такой могъ быть сегодняшній утренній посѣтитель. Углубившись въ эти размышленія, она прислонилась къ своему стулу.

Вдругъ ея глаза увидали на потолкѣ какое-то невиданное ею раньше пятно. Сначала оно было величиной съ орѣхъ, но постепенно дѣлалось все больше и больше, такъ что стало размѣромъ съ ладонь и было краснаго цвѣта.

У мистрисъ Бруксъ явилось какое-то неясное предчувствіе. Она встала на столъ и тронула пятно на потолкѣ. Оно было мокро и у нея мелькнула мысль, не кровавое ли это пятно.

Выйдя изъ комнаты, она взошла наверхъ, намѣреваясь войти въ спальню. Но вдругъ ею овладѣла какая-то нервная слабость: она никакъ не могла рѣшиться повернуть ручку двери и поспѣшила внизъ, открыла дверь и выбѣжала на улицу. Мимо проходилъ знакомый ей рабочій; она попросила его пойти съ ней и взойти наверхъ, такъ какъ она опасалась, не случилось ли бѣды у ея жильцовъ. Рабочій согласился на это и пошелъ за ней.

Отворивъ дверь въ гостиную, она пропустила его впередъ и сама вошла за нимъ. Комната была довольно велика; завтракъ, состоявшій изъ кофе, яицъ и холодной баранины, стоялъ нетронутымъ, только на столѣ не хватало одного ножа. Она попросила рабочаго войти въ другую комнату.

Онъ отворилъ дверь, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и возвратился къ ней съ выраженіемъ ужаса на лицѣ.

— Тамъ въ постели лежитъ мертвый джентльменъ! Онъ, вѣроятно, былъ убитъ ударомъ ножа,—на полу лужи крови!

Скоро тревожная вѣсть разнеслась повсюду, и домъ, недавно еще такой спокойный, огласился шумомъ шаговъ; явился полицейскій и много разнаго народа. Рана была очень мала, но остріе ножа коснулось сердца покойника, лежавшаго на спинѣ, блѣднаго, неподвижнаго, — казалось, онъ умеръ сразу послѣ нанесенія раны. Скоро весь городъ зналъ, что былъ убитъ одинъ пріѣзжій джентльменъ.

LVII.

Между тѣмъ, Энджель Клэръ машинально вернулся въ гостиницу, сѣлъ завтракать, но ѣлъ и пилъ безсознательно, зат-

спросилъ счетъ; заплативъ, онъ взялъ въ руку свой дорожный мѣшокъ,—больше у него ничего не было съ собой,—и вышелъ.

Въ ту минуту, какъ онъ уходилъ, ему передали телеграмму—нѣсколько словъ отъ матери, писавшей, что они очень были обрадованы, узнавъ его адресъ, и что его братъ Гутбергъ сдѣлалъ предложеніе Мерси Чантъ и получилъ согласіе.

Клэръ скомкалъ бумагу и направился къ станціи; придя туда, онъ узналъ, что раньше чѣмъ черезъ полтора часа поѣзда не будетъ. Онъ сѣлъ было, собираясь дождаться на станціи, но черезъ четверть часа почувствовалъ, что не вытерпитъ такого долгаго ожиданія. Ему некуда было особенно спѣшить, онъ былъ разбитъ нравственно и чувствовалъ, что все въ немъ окаменѣло; но, въ то же время, ему хотѣлось скорѣе выбраться изъ города, гдѣ ему пришлось получить такой ударъ, и онъ пошелъ пѣшкомъ на слѣдующую станцію, разсчитывая, что поѣздъ нагонитъ его.

Дорога была ровная и вскорѣ переходила въ долину, гдѣ взору открывался обширный горизонтъ. Онъ собирался уже взобраться на холмъ и, остановившись передохнуть, машинально обернулся назадъ.

Почему онъ это сдѣлалъ, онъ не могъ бы объяснить, но что-то точно подтолкнуло его. Дорога вилась, какъ лента, и исчезала вдали; вдругъ онъ замѣтилъ, что по ней движется что-то.

Это была человѣческая фигура. Клэръ переждалъ, пока она приблизится, точно ему какое-то неясное чувство говорило, что это бѣгутъ за нимъ въ догонку.

Теперь онъ могъ уже различить, что бѣжала женщина, но онъ былъ такъ далекъ отъ мысли, что его жена можетъ бѣжать за нимъ, что даже когда она была близко, онъ не узналъ ея. Только когда она поравнялась съ нимъ, онъ узналъ Тессъ.

— Я видѣла, какъ ты ушелъ со станціи, когда я подходила, и я бѣжала за тобой всю дорогу.

Она была такъ блѣдна, такъ тяжело дышала, что онъ, ни о чемъ не разспрашивая, взялъ ея руку и поддержалъ ее. Чтобъ избѣжать встрѣчи съ прохожими, онъ свернулъ съ большой дороги на тропинку подъ соснами. Когда они отошли довольно далеко, онъ остановился и вопросительно посмотрѣлъ на нее.

— Энджель, — сказала она, точно только и ждала этого,— знаешь, зачѣмъ я бѣжала за тобой? Чтобы сказать тебѣ, что я убила его!

На лицѣ ея блуждала какая-то жалкая, блѣдная улыбка.

— Что?—спросилъ онъ, думая, что она бредитъ.

— Да, я сдѣлала это, сама не знаю какъ,—продолжала она.— Я должна была это сдѣлать для тебя и для себя, Энджель. Я давно уже боялась того, что до этого дойдетъ дѣло, еще когда я его ударила перчаткой по лицу за то, что онъ сдѣлалъ со мной въ моей ранней молодости, а черезъ меня и тебѣ причинилъ горе. Онъ сталъ между нами и разъединилъ насъ,—теперь уже онъ не сможетъ сдѣлать этого. Я никогда не любила его такъ, Энджель, какъ любила тебя. Ты, вѣдь, знаешь это? Ты вѣришь мнѣ? Но ты не возвращался ко мнѣ—и я принуждена была вернуться къ нему. Зачѣмъ ты уѣхалъ, зачѣмъ я такъ любила тебя? Не могу понять, зачѣмъ. Но я не осуждаю тебя; только, Энджель, простишь ли ты мнѣ теперь мою вину передъ тобой,—теперь, когда я убила его? Пока я бѣжала, я все думала о томъ, что ты, навѣрное, простишь меня теперь. Меня какъ-то сразу осѣнило, что я могу такимъ образомъ вернуть тебя. Я не вынесла бы дальнѣйшей разлуки съ тобой,—ты не знаешь, какъ невыносимо мнѣ было твое равнодушіе! Скажи, что ты любишь меня, скажи, что любишь меня теперь, когда я убила его!

— Я люблю тебя, Тессъ; да, все снова вернулось,—сказалъ онъ, крѣпко и страстно прижимая ее къ себѣ.—Но что ты говорила: ты убила его?

— Да, убила,—пробормотала она, какъ во снѣ.

— Какъ убила? Онъ мертвъ?

— Да. Онъ слышалъ, какъ я плакала о тебѣ, и сталъ насмѣхаться, потомъ обозвалъ тебя гнуснымъ именемъ,—тогда я и сдѣлала это. Я не могла перенести этого. Онъ и раньше смѣялся надъ тобой при мнѣ. А потомъ я одѣлась и пошла разыскивать тебя.

Понемногу ему приходилось повѣрить, что дѣйствительно она если не убила его, какъ говорила, то, по крайней мѣрѣ, покушалась убить. Къ невольному ужасу передъ ея поступкомъ примѣшивалось у него еще чувство удивленія, какая сила любви къ нему была въ ней и какъ необыкновенна была эта любовь, если даже притупила въ ней нравственное чувство. Она была какъ будто довольна собой, не сознавая важности своего поступка; онъ смотрѣлъ на нее, когда она лежала на его плечѣ и плакала отъ счастья, и думалъ, что наслѣдственность, кровь д'Орбервилей, заговорила въ ней и побудила ее на такое безумство. По семейнымъ преданіямъ, д'Орбервили способны были на такіе поступки. Ему представлялось,—въ его головѣ, впрочемъ, царилъ какой-то хаосъ мыслей,— что въ ту минуту безумнаго горя, о которомъ она только что разсказывала, ея мозгъ затуманился и она помѣшалась. Если это все было правда, то это было ужасно; но помѣшательство, хотя и вре-

менное, тоже было ужасно. Какъ бы то ни было, здѣсь стояла передъ нимъ его покинутая жена, эта страстная по своей природѣ женщина, прильнувшая къ нему, твердо увѣренная, что онъ будетъ ея защитникомъ. Нѣжность къ ней взяла верхъ надъ всѣми другими чувствами. Онъ напечатлѣлъ долгій поцѣлуй на ея губахъ и, взявъ ея руку, сказалъ:

— Я не покину тебя! Я всѣми силами буду защищать тебя, любовь моя, что̀ бы ты ни сдѣлала!

Они шли подъ деревьями и Тессъ ежеминутно повертывала голову, чтобы посмотрѣть на него. Хотя онъ былъ истощенъ и некрасивъ, но онъ видѣлъ, что она не находила никакихъ недостатковъ въ его наружности. Для нея онъ, какъ и прежде, былъ совершенствомъ и тѣлесно, и духовно. Онъ былъ для нея Антиноемъ, Аполлономъ; его больное лицо казалось ей прекраснымъ, какъ утро, такимъ же прекраснымъ, какъ въ первое ихъ свиданіе. Вѣдь, это было лицо единственнаго человѣка, полюбившаго ее чистою любовью и вѣрившаго въ ея чистоту.

Теперь онъ не остановился на первой станціи, инстинктивно принимая нѣкоторыя предосторожности, а прошелъ съ ней дальше, все идя подъ соснами, которыя тянулись на нѣсколько миль. Обнявъ другъ друга, они шли по землѣ, устланной сосновыми иглами, всецѣло охваченные счастьемъ быть вмѣстѣ, наконецъ, забывъ весь міръ. Такъ они сдѣлали нѣсколько миль и, наконецъ, Тессъ, какъ бы пробудившись, осмотрѣлась вокругъ и робко спросила:

ы идемъ куда-нибудь въ опредѣленное мѣсто?

з знаю, дорогая. А что?

ѣть, такъ.

ы можемъ пройти еще нѣсколько миль, а когда стемнѣе- и пристанище въ какомъ-нибудь уединенномъ коттэджѣ.

ть еще идти, Тессъ?

онечно, да. Я вѣчно могла бы идти, чувствуя прикосно- й руки.

вительно, это было лучшее, что они могли сдѣлать. По- ускорили шагъ, обходя большія дороги, а пробираясь по ъ лѣснымъ тропинкамъ, старались держаться сѣвера. Но ступкахъ замѣчалось какое-то отсутствіе практической сти: ни одинъ изъ нихъ не подумалъ о томъ, чтобы дѣй- о скрываться или переодѣться, чтобъ ихъ не узнали. Ихъ ли такъ наивны, какъ будто они оба были дѣтьми.

дня они подошли къ постоялому двору, и Тессъ хотѣла а съ нимъ, чтобы поѣсть чего-нибудь, но онъ убѣдилъ ее

посидѣть подъ деревьями этой полулѣсистой, полуст
сти, пока онъ не возвратится. Ея платье было сли
на всемъ, кончая красивымъ зонтикомъ съ ручкой сл
лежалъ отпечатокъ изящества и моды, неизвѣстной
стахъ, куда они теперь пришли,—все это могло при
посѣтителей трактира. Онъ вскорѣ пришелъ, неся м
пасовъ и двѣ бутылки вина, такъ что они могли быт
печенными на нѣсколько дней, если бы случилось ч
предвидѣнное.

Усѣвшись подъ деревомъ, они принялись за ѣд
второмъ часу дня они, взявъ съ собой оставшуюся пр
дальше.

— Я чувствую себя въ состояніи пройти какое
яніе,—сказала она.

— Намъ лучше всего держаться сѣвера и попем
до Лондона,— замѣтилъ Клэръ.— Оттуда идутъ к
страны свѣта, если мы пожелаемъ уѣхать, и насъ
замѣтить, чѣмъ въ Чэннельской пристани.

Она ничего не отвѣчала, а только крѣпче прижал
Хотя на дворѣ былъ англійскій май мѣсяцъ, погода
и днемъ было совсѣмъ тепло. Послѣднія нѣсколько
по Новому лѣсу и къ вечеру, завернувъ за уголъ тр
ли надъ красивыми воротами большую дощечку, на
написано бѣлыми буквами: «Этотъ прекрасный домъ
мы»; затѣмъ слѣдовали подробности, просьба адресов
ту въ Лондонъ. Войдя въ ворота, они увидали домъ п
хитектуры и удобно расположенный.

— Я знаю этотъ домъ,—сказалъ Клэръ.— Это I
помѣстье. Онъ запертъ и даже дорожки заросли трав

— Но нѣсколько оконъ открыто,—сказала Тесс

— Навѣрное, чтобы провѣтрить комнаты.

— Здѣсь столько комнатъ стоятъ пустыми, я
преклонить голову!

— Ты устала, Тесси,—сказалъ онъ.—Мы скор
отдыхать.

И, поцѣловавъ ея грустный ротикъ, онъ сн
дальше.

Онъ тоже понемногу сталъ чувствовать утомлен
они прошли не менѣе двадцати миль. Необходимо бы
что дѣлать. Уже они поглядывали на уединенно стоя
и постоялые дворы; имъ хотѣлось приблизиться к

хватало смѣлости. Наконецъ, ноги стали отказываться служить имъ, и они остановились.

— Можемъ ли мы спать подъ деревьями?—спросила она.

Но онъ считалъ это невозможнымъ въ виду еще холодной весны.

— Я думалъ объ этомъ пустомъ домѣ, мимо котораго мы проходили,—сказалъ онъ.—Вернемся назадъ.

Они повернули назадъ и черезъ полчаса уже стояли передъ воротами. Онъ сказалъ ей остаться, а самъ пошелъ узнать, кто живетъ въ домѣ.

Она сѣла подъ кустомъ, а Клэръ покрался къ дому. Его отсутствіе было довольно продолжительно, такъ что, вернувшись, онъ нашелъ Тессъ въ большомъ безпокойствѣ. Онъ узналъ отъ мальчика, что къ дому приставлена старуха, которая въ хорошую погоду приходитъ изъ сосѣдней деревушки отпирать и затворять окна. Она придетъ при заходѣ солнца.

— Ну, мы можемъ пробраться туда черезъ нижнія окна и отдохнуть тамъ,—сказалъ онъ.

Подъ его охраной она пошла къ главному фасаду; окна были закрыты ставнями,—наблюдать за ними никто не могъ. Они подошли къ двери; около было открыто окно. Клэръ влѣзъ въ него и помогъ войти Тессъ.

Исключая сѣней, всѣ комнаты были погружены во мракъ: ставни были плотно закрыты, но свѣтъ проникалъ въ комнаты черезъ открытое окно сѣней. Клэръ отворилъ дверь въ большую комнату и, освоившись съ темнотой, подошелъ къ окну и немного пріоткрылъ ставни. Лучъ яркаго солнца пробился въ комнату и освѣтилъ старинную мебель, малиновыя шелковыя занавѣси и огромную кровать.

— Ну, теперь ты можешь отдохнуть, наконецъ,—сказалъ онъ ей, снимая съ себя сумку и съѣстные припасы.

Ихъ никто не тревожилъ. На всякій случай они снова закрыли ставни и остались въ совершенной темнотѣ. Сторожившая женщина пришла между шестью и семью часами, но не входила туда, гдѣ они спрятались. Они слышали, какъ она запирала окна, двери и, наконецъ, ушла. Тогда Клэръ опять впустилъ въ комнату нѣкоторое количество свѣта, они закусили и мало-по-малу ихъ окружила темнота, которую они не могли разогнать,—у нихъ не было свѣчи.

LVIII.

Ночь прошла, полная торжественной тишины. Въ ночной тьмѣ [illegible] разсказала ему всю исторію о томъ, какъ онъ во снѣ перехо-

дилъ черезъ Брумскій ручей, держа ее на рукахъ, какой
они подвергались оба и какъ онъ потомъ положилъ ее въ
гробницу въ развалившемся аббатствѣ. Онъ ничего не
сихъ поръ объ этомъ.

— Зачѣмъ ты мнѣ не сказала объ этомъ на слѣдующі
воскликнулъ онъ.—Это могло бы избавить насъ отъ мног
разумѣній и горестей.

— Не думай о томъ, что уже прошло,—сказала она.
теперь думать только о настоящемъ. Кто знаетъ, что н
витъ завтрашній день?

Но утро не готовило имъ никакого удара. День былъ сы
маиный, такъ что Клэръ, знавшій, что женщина приход
рять окна только по хорошимъ днямъ, осмѣлился выбр
ихъ комнаты и обойти весь домъ, оставивъ Тессъ спящей
не нашлось никакихъ припасовъ, но была вода; пользу
номъ, онъ вышелъ, чтобы добыть чаю, хлѣба и масла и
находившейся въ двухъ миляхъ отсюда. Тессъ проснулас
возвращеніи, и они принялись за принесенный имъ завтр

У нихъ не было никакого желанія отплыть за границу
день, затѣмъ ночь, еще день и еще; незамѣтно для них
пять дней, въ которые ни одна человѣческая душа не нару
полнаго уединенія. Между ними установилось молчаливое
ніе не говорить о прошедшихъ событіяхъ. Грустное время
свадьбы, казалось, изгладилось безслѣдно изъ ихъ памят
разъ, какъ Клэръ заводилъ рѣчь о томъ, что нужно пок
пристанище и идти дальше, она выражала полнѣйшее
двигаться съ мѣста.

— Зачѣмъ намъ полагать конецъ тому, что дорого
намъ? — убѣждала она его.—Чему быть, того не минов
все темно передъ нами, а здѣсь такъ покойно.

Онъ выглянулъ въ отверстіе ставни. Это была со
правда: здѣсь у нихъ царили любовь, жалость, всепрощ
дверьми ихъ подстерегалъ неумолимый рокъ.

— И...—говорила она, прижимаясь къ его лицу
боюсь, что ты не всегда будешь такъ смотрѣть на меня
перь. Я не хочу пережить твоего теперешняго чувства ко
ше мнѣ умереть и быть похороненной, когда ты будешь
меня, такъ чтобы твое презрѣніе осталось скрытымъ отъ

— Я никогда не буду презирать тебя.

— Я тоже надѣюсь на это. Но, оглянувшись на м
мнѣ сдается, что всякій имѣетъ право презирать

ою! А, вѣдь, раньше я ни за что не тронула бы пальцемъ
червяка; одинъ видъ птицы въ клѣткѣ часто заставлялъ
ать.
тались здѣсь еще на день. Ночью мрачное небо расчисти-
ь что старуха проснулась рано въ своемъ коттэджѣ. Ос-
ое солнце наполнило ее какою-то живительною бодростью;
ла, что сейчасъ же откроетъ домъ и хорошенько провѣтритъ
кой денекъ. Она отворила комнаты нижняго этажа еще
ести часовъ, а затѣмъ поднялась въ верхній этажъ въ
собиралась уже повернуть ручку двери, за которой они
ругъ ей почудилось, что она слышитъ чье-то дыханіе. На
ла остановилась, но потомъ снова взялась за ручку и ти-
ыла дверь. Замокъ былъ сломанъ, но дверь нельзя было
ткрыть, потому что она была заставлена. Лучъ свѣта
лица двухъ человѣкъ, погруженныхъ въ глубокій сонъ.
была такъ поражена, что не двигалась; она обратила
на нарядное платье Тессъ, висѣвшее на спинкѣ сту-
шелковые чулки, на зонтикъ изъ слоновой кости, на всѣ
вещи, лежавшія тутъ, такъ что, понявъ, что имѣетъ дѣ-
бродягами, она почувствовала послѣ минутнаго негодова-
то умиленіе при видѣ этихъ влюбленныхъ, скрывшихся
Она закрыла дверь и такъ же тихо спустилась внизъ,
ошла, чтобы пойти посовѣтоваться съ сосѣдями о стран-
рытіи, сдѣланномъ ею.
гу спустя Тессъ проснулась, а затѣмъ и Клэръ. У обо-
какое-то неясное чувство, что что-то нарушило ихъ по-
о чувство все росло въ нихъ. Одѣвшись, онъ выглянулъ
тіе между ставнями.
полагаю, что мы можемъ двинуться, наконецъ, въ путь,—
нъ.—Сегодня хорошій день. И мнѣ кажется, что кто-то
домъ. Во всякомъ случаѣ, женщина, навѣрное, придетъ

покорно согласилась съ нимъ и, приведя комнату въ поря-
. вышли безъ шуму, захвативъ свои вещи. Войдя въ лѣсъ,
послѣдній разъ обернулась назадъ:
хъ, прощай, мирный пріютъ!—сказала она.—Мнѣ все
долго жить. Почему бы намъ не остаться здѣсь?
е говори такъ, Тессъ. Мы черезъ два или три дня добе-
какого-нибудь порта. Но лучше намъ не заходить въ Лон-
и въ Соусэмптонъ также, пожалуй, хотя это и близко отъ
пойти ли намъ въ Бристоль?

Послѣ минутнаго колебанія, онъ выбралъ послѣднее и они пошли по направленію къ этому порту. Ихъ долгій отдыхъ въ домѣ позволялъ имъ идти быстро, такъ что къ срединѣ дня они уже подошли къ городу Мельчестеру, лежавшему какъ разъ на пути. Онъ рѣшилъ отдохнуть подъ деревьями и пойти дальше вечеромъ, подъ покровомъ ночи. Когда стемнѣло, Клэръ, какъ всегда, раздобылъ съѣстныхъ припасовъ и они отправились дальше; около восьми часовъ они уже перешли границу между Верхнимъ и Среднимъ Вессексомъ.

Имъ пришлось, чтобы миновать городъ, взять немного вправо. Для Тессъ не было новостью идти, она была такъ же неутомима, какъ и въ прежнее время. Чтобы перейти по мосту широкую рѣку, имъ пришлось пройти по маленькому городку, древнему Эмбресбюри. Они шли по безлюдной улицѣ между двумя и тремя часами ночи; улица была освѣщена рѣдкими фонарями и немощена, такъ что шаги ихъ не были слышны. Огромная колокольня высилась по правую руку отъ нихъ, а за ней былъ каменный мостъ, къ которому они направлялись. Затѣмъ они пошли по шоссе, терявшемуся въ ровной дали.

Хотя небо и было покрыто тучами, но имъ немного освѣщала путь выглядывавшая изъ мрака луна. Скоро мѣсяцъ опять спрятался и стало еще темнѣе. Тѣмъ не менѣе, они шли впередъ, стараясь идти по травѣ, чтобы не производить шума. Все кругомъ было пустынно и черно; дулъ сильный вѣтеръ.

Они сдѣлали такъ почти ощупью нѣсколько миль; вдругъ какъ разъ передъ ними Клэръ замѣтилъ зданіе, какъ бы выросшее изъ-подъ земли. Они чуть-чуть не наткнулись на него.

— Что это за ужасное мѣсто?—сказалъ Энджель.

— Слышишь шумъ?—сказала она.—Прислушайся.

Онъ сталъ вслушиваться. Вѣтеръ, ударяясь о зданіе, производилъ какой-то однообразный звукъ, какъ будто звенѣла струна арфы. Больше ничего не было слышно. Клэръ, протянувъ впередъ руку и подойдя немного ближе, почувствовалъ отвѣсную поверхность стѣны. Это, казалось, былъ одинъ большой камень. Продолжая шарить вокругъ себя, онъ понялъ, что то, чего онъ касался, была прямая колонна; протянувши лѣвую руку, онъ нащупалъ такую же колонну съ другой стороны. Высоко надъ ними что-то виднѣлось, повидимому, это была большая поперечная перекладина. Они обошли все кругомъ; крыши у зданія не было. Тессъ боязливо затаила дыханіе, а Энджель въ недоумѣніи спрашивалъ себя:

«Что это можетъ быть такое?»

Продолжая ощупью касаться зданія, они наткнулись на другую высокую, какъ башня, колонну, такую же прямоугольную и недоступную; затѣмъ еще и еще. Все зданіе состояло изъ входовъ и колоннъ, изъ которыхъ нѣкоторыя были соединены наверху перекладинами.

— Положительно замокъ вѣтровъ,—сказалъ онъ.

Однѣ колонны стояли особнякомъ, другія составляли треугольникъ; иныя лежали настолько далеко другъ отъ друга, что между ними могъ проѣхать экипажъ; скоро они поняли, что они наткнулись на груду монолитовъ, возвышавшихся среди ровной мѣстности. Оба они дошли, наконецъ, до середины этой груды.

— Это Стоихенгъ!—сказалъ Клэръ.

— Языческій храмъ?

— Да. Это зданіе стоитъ уже много вѣковъ; оно древнѣе фамилій д'Орбервилей. Ну, что мы теперь будемъ дѣлать, дорогая? Мы найдемъ себѣ, быть можетъ, пристанище гдѣ-нибудь дальше.

Но Тессъ, дѣйствительно, утомленная на этотъ разъ, бросилась на продолговатую плиту, защищенную отъ вѣтра колонной. Благодаря солнцу, нагрѣвшему его, камень былъ сухъ и представлялъ пріятную противуположность колючей и сырой травѣ, отъ которой ея башмаки и чулки были мокры.

— Я не хочу идти дальше, Энджель,—сказала она, протягивая къ нему руки.—Не можемъ ли мы остаться здѣсь?

— Опасно. Вѣдь, днемъ это мѣсто видно отовсюду на разстояніи нѣсколькихъ миль.

— Теперь я вспомнила, что одинъ изъ родственниковъ моей матери былъ здѣсь гдѣ-то пастухомъ. Да и ты часто называлъ меня въ Тальботѣ божествомъ. Такъ что я теперь въ своемъ царствѣ.

Онъ сталъ около нея на колѣни и коснулся ея губъ своими.

— Тебѣ хочется спать, дорогая. Ты лежишь точно на жертвенникѣ.

— Мнѣ очень нравится здѣсь,—прошептала она.—Здѣсь все такъ торжественно и уединенно, надъ нашими головами видно небо. Какъ будто, кромѣ насъ двухъ, никого нѣтъ на цѣломъ свѣтѣ; и пускай бы, дѣйствительно, никого не было, кромѣ Лизѣ-Лу.

Клэръ подумалъ, что ей хорошо будетъ отдохнуть здѣсь, пока не станетъ немного свѣтлѣе; онъ укрылъ ее своимъ пальто и сѣлъ около нея.

— Энджель, если что-нибудь случится со мной, будешь ли ты заботиться ради меня о Лизѣ-Лу?—спросила она послѣ долгаго молчанія, прислушиваясь къ завыванію вѣтра между руинами.

, буду.
а такая добрая, простая и чистая. Ахъ, Эндж
чтобы ты женился на ней, если меня не стан
лось жить!
и я лишусь тебя, то я лишусь всего. Да, къ т
одится мнѣ свояченицей.
о ничего не значитъ, дорогой мой. У насъ в
ятся на свояченицахъ, а Лиза-Лу такъ мила,
красива. Ахъ, съ наслажденіемъ соединила
только мой духъ будетъ жить по смерти. Е
могъ воспитать ее и поднять до твоего уровня
сть лучшаго во мнѣ безъ моихъ недостатков
рею, то будетъ казаться, что смерть не разлуч
ьно, я высказала свое желаніе и больше не

молчала, а онъ углубился въ думы. Между к
стокѣ пробивался легкій свѣтъ. Однообразный
немногу разсѣивался, пропуская слабый дне
омъ стали видны очертанія каменныхъ стѣнъ

и приносили здѣсь жертвы Богу?—спроси
ѣтъ,—сказалъ онъ.
кому же?
думаю, солнцу. Эта отдѣльная каменная ска
у, которое сейчасъ покажется изъ-за нея.
го мнѣ напомнило, дорогой мой,—сказала о
адьбы ты никогда не говорилъ со мной о мое
лось, что я поняла, какъ ты смотришь на это,
все другими глазами, не потому, чтобы поня
заблуждалась, а просто потому, что ты такъ
Эндже́ль, какъ ты думаешь: встрѣтимся ли мы
? Мнѣ хочется знать это.
поцѣловалъ ее, чтобъ избѣжать отвѣта.
къ, Эндже́ль, я боюсь, что ты хочешь сказать
трѣтимся!—сказала она съ рыданіемъ въ голо
котѣлось опять увидать тебя, такъ ужасно х
ке мы, такъ нѣжно любящіе другъ друга, не
не отвѣтилъ ей на этотъ вопросъ, и они замо
черезъ двѣ ея дыханіе стало ровнѣе, она сла
она заснула. Серебряная полоса на востокѣ
ла все кругомъ на большое разстояніе; вся

какъ-то молчалива, сосредоточенна, какъ всегда передъ зарей. Восточныя колонны и жертвенный камень стояли какъ разъ на солнечномъ пути. Ночью и вѣтеръ стихъ, и поверхность воды въ лужицахъ между камнями была гладкая, какъ зеркало. Вдругъ онъ замѣтилъ что-то, двигавшееся съ востока, точно какая-то маленькая точка. Это была голова человѣка, который приближался къ нимъ. Клэръ хотя и пожалѣлъ, что они не ушли отсюда раньше, но разсудилъ, что теперь лучше оставаться спокойнымъ. Человѣкъ вошелъ въ колоннаду, гдѣ они находились.

За собой онъ тоже услыхалъ шумъ шаговъ; обернувшись, онъ увидалъ другого человѣка за лежавшею колонной; едва онъ успѣлъ опомниться, какъ уже направо выдвинулась другая фигура, потомъ налѣво. Утренній свѣтъ падалъ прямо на человѣка, стоявшаго невдалекѣ, и Клэръ могъ разсмотрѣть, что онъ былъ большого роста. Они, очевидно, собрались здѣсь съ цѣлью. Значитъ, все, что она разсказывала, была правда. Вскочивъ на ноги, онъ сталъ озираться, ища оружія, и отыскивая, нельзя ли спастись бѣгствомъ. Въ ту же минуту ближайшій человѣкъ подошелъ къ нему:

— Напрасно, сэръ,—сказалъ онъ.—Насъ здѣсь шестнадцать и вся окрестность на ногахъ.

— Дайте ей самой проснуться,—шепотомъ умолялъ онъ людей, собравшихся вокругъ него.

Когда они увидали, на чемъ она лежитъ,—до сихъ поръ они не обратили на это вниманія,—они не стали возражать, а только молча стояли и стерегли ее. Клэръ подошелъ къ камню и нагнулся надъ ней, взявъ ея маленькую руку; ея дыханіе было быстро и коротко, какъ у ребенка. Всѣ они ждали; ихъ лица и руки были точно посеребрены восходящимъ свѣтиломъ; сѣро-зеленые камни были теперь видны, но даль еще была окутана тѣнью. Вскорѣ свѣтъ сталъ ярче, и на Тессъ упалъ лучъ солнца, пробудившій ее.

— Что такое, Энджель?—спросила она, приподнимаясь.—Они пришли за мной?

— Да, дорогая,—отвѣтилъ онъ,—они пришли.

— Такъ и должно было быть,—прошептала она.—Энджель, я рада, да, рада! Мое блаженство не могло быть долговѣчно. Я и такъ наслаждалась имъ, а теперь умру, чтобы ты не сталъ презирать меня!

Она встала, оправилась и пошла впередъ; ни одинъ изъ полицейскихъ не трогался съ мѣста.

— Я готова,—сказала она спокойно.

LIX.

ожъ Винтонсестеръ, старинный красивый городокъ, бывшій голицей Вессекса, лежитъ между гористою мѣстностью съ роны и ложбиной — съ другой. Было яркое, жаркое іюль-. Кирпичные, крытые черепицей и просто каменные дома ьющимися растеніями, ручьи въ лугахъ обмелѣли. По лицѣ отъ начала ея до самаго моста стояла густая пыль, ующая базарному дню.

адныхъ воротъ города, какъ извѣстно всякому жителю стера, начинается равномѣрный и длинный подъемъ. По гѣ шли изъ города два лица, не обращавшія, казалось, на окружающее, а погруженныя въ задумчивость. Хотя ыли молоды, но шли съ опущенными головами и солнце, съ состраданіемъ посылало имъ свои лучи, видя горе на хъ.

изъ путниковъ былъ Энджель Клэръ, другая, высокая, дѣвушка, полу-ребенокъ, полу-женщина, живое изобра-съ, немного худощавѣе, но съ такими же великолѣпными звояченица Клэра, Лиза-Лу. Ихъ лица были блѣдны, они въ руку, не произнося ни слова, съ опущенными голо-

они уже почти поднялись на крутой Западный Холмъ, го-сы пробили восемь. Прислушиваясь къ бою, они прошли го впередъ до перваго верстового столба, который бѣлѣлъ мъ коврѣ луговъ. Они сошли съ дороги на граву и, пови-ому-то непоборимому чувству, замедлили шаги, остано-ало столба и стали ждать.

онтъ открывался отсюда необозримый. Въ долинѣ внизу тавленный имъ городъ, изъ котораго виды были только сокія зданія—обширная соборная башня съ ея норман-ами, шпицъ св. Томаса, остроконечная башня Коллегіи и шня и крыша стариннаго странноприимнаго дома, гдѣ до го времени странникамъ раздаютъ хлѣбъ и эль.

ди всѣхъ другихъ городскихъ построекъ возвышалось крас чное зданіе, съ ровною сѣрою крышей и рядомъ оконъ с-и, говорившими о заточеніи; все зданіе представляло свое рхитектурой рѣзкій контрастъ съ причудливыми фасада скихъ построекъ. Оно было со стороны дороги немного за-ами дубовъ и тисовъ, но отсюда его было довольно хо-. Посерединѣ зданія возвышалась безо-

ашня, казавшаяся отсюда грубымъ пятномъ на краси-
жѣ. Но вниманіе двухъ зрителей было сосредоточено
этомъ пятнѣ пейзажа.

изѣ башни былъ прикрѣпленъ длинный шестъ. Ихъ гла-
гремлены на него. Нѣсколько минутъ спустя послѣ то-
го, какъ пробили часы, что-то медленно поднялось вверхъ по шесту
и распустилось по вѣтру.

Это былъ черный флагъ.

«Правосудіе» свершилось и верховный судья безсмертныхъ бо-
говъ (употребляя выраженіе Эсхила) окончилъ свое дѣло надъ Тессъ.
А д'орбервильскіе рыцари, ничего не вѣдая, мирно спали въ сво-
ихъ могилахъ. Оба безмолвные свидѣтели склонились на землю, какъ
бы съ молитвой, и долго неподвижно оставались такъ: флагъ все про-
должалъ медленно развѣваться. Когда силы вернулись къ нимъ, они
снова двинулись въ путь рука въ руку.

ВЕЛИКІЙ ГРѢШНИКЪ.

(Разсказъ).

I.

— Званіе, имя, отчество, фамилія? — спраши
голосомъ тюремный смотритель Аѳанасій Иванычъ ст
нимъ худого мужика въ длинномъ темномъ полукаф
— Рабъ Божій,—глухимъ, надтреснутымъ голо
мужикъ, равнодушно осматривая голыя стѣны ос
ной,—Кириллъ...
— Значитъ, непомнящій родства?—уже сердито
насій Иванычъ, не поднимая глазъ отъ бумаги, въ
писалъ своимъ мелкимъ старческимъ почеркомъ.
— Ужь это какъ тебѣ будетъ угодно... Такой
какъ и ты. Помни: рабъ Божій...
Смотритель медленно поднялъ лысую голову, пос
душно черезъ очки своими выпученными глазами
пожевалъ толстыми посинѣвшими губами и равноду
— У меня такихъ-то рабовъ Божьихъ полонъ о
У дверей «пріемной», вытянувшись въ струнку.
цейскій стражникъ, конвоировавшій новаго арестант
надзиратель Будзко. Аѳанасій Иванычъ, кончивъ
сдѣлалъ надзирателю знакъ своею лысою головой и т
ваго арестанта въ сосѣднюю комнату, за перегородк
дило переодѣванье новичковъ въ арестантское плат
обыскъ. По дорогѣ мужикъ еще разъ оглянулся на
ны пріемной, на шкафъ съ дѣлами, на захватанну
вела въ канцелярію, состоявшую изъ двухъ согн
лысину самого Аѳанасья Иваныча и молча покача
— Не простъ человѣкъ, ваше высокоблагородіе

ьно проговорилъ стражникъ, по-солдатски скашивая гла-
ону перегородки, гдѣ происходило переодѣванье.
то?
такъ... На постояломъ дворѣ его приставъ Акакій Семе-
лучили. Быдто проѣзжающій, а хвать—паспорта и не
сь. Сейчасъ обыскали, хвать—при ёмъ одёжа особен-
і черная одёжа, въ томъ родѣ, какъ монашецкая, только
мъ кантомъ. Ну, опять шапочка черная, значитъ кло-
и церковныя, свѣчи восковыя, патрахиль—въ томъ родѣ,
вся архирейская снасть. Акакій-то Семенычъ все и за-
ому какъ кругомъ не простъ человѣкъ... И еще Акакій
наказывали, штобы ваше высокоблагородіе особливо его
ли...
нее замѣчаніе окончательно взбѣсило Аѳанасья Иваныча.
обагровѣлъ, закашлялся и зарычалъ неистово-сиплымъ

у меня разѣ проѣзжающіе номера, а?... Полнымъ-полнё-
ь замокъ: яблоку упасть некуда... А тутъ еще по по-
дворамъ собираете разныхъ проходимцевъ да добрыхъ
окоите. Такъ и скажи своему Акакію... Мнѣ не по корма-
живать бродягъ, а по отдѣльнымъ камерамъ. У меня вотъ
е голуби сидятъ: Слеза, Чечень, Аквамаринъ. Такъ и
нѣ хоть самого митрополита посылай...
Аѳанасій Иванычъ сердился, то начиналъ походить на
пѣтуха, а потому за нимъ въ замкѣ съ незапамятныхъ
свердилась кличка Жаръ-Птицы. Старикъ вѣчно кипя-
ювѣлъ, удушливо кашлялъ и проклиналъ свою каторж-
ость. Обругавъ стражника и пристава Акакія, онъ про-
ричать уже просто потому, что разошелся, какъ пущен-
ъ машина.
такъ и скажи своему Акакію... да!... И для чего берутъ
урака? Пусть бы ѣхалъ съ своею дурацкою шапочкой и
. Слава Богу, свѣтъ не клиномъ сошелся.
гъ моментъ въ канцеляріи послышалось шмыганье тяже-
, а потомъ въ дверяхъ показалась длинная, стриженая
ику голова. По походкѣ можно было предположить грузи-
ну, а вошелъ тощій, сгорбленный, точно высушенный
Это и былъ знаменитый Акакій, гроза всѣхъ воровъ, грабя-
бойниковъ. Самымъ замѣчательнымъ у Акакія была голо-
ая, сплюснутая, какъ у сушеной рыбы. Коротко остри-
лосы стояли ежомъ, придавая ему колючій видъ. Худо-

ицо съ дубленымъ загаромъ было украшено
ися сѣрыми глазками,—оно напоминало именно остановив-
асы. Длинный носъ, длинныя руки и ноги, длинное тулo-
чно были взяты на время отъ кого-то другого.
Легокъ на поминѣ,—проворчалъ Аѳанасій Иванычъ.
кій, вмѣсто отвѣта, по привычкѣ понюхалъ сначала воздухъ,
нлъ нижнюю губу и прищурилъ одинъ глазъ. Стражникъ
замеръ. Осмотрѣвшись, Акакій съежился, подошелъ къ
протянулъ свою длинную лапу, всегда холодную, какъ у
.
Получилъ фрукта?—спросилъ онъ чахоточнымъ тенорком.
Да ты съ ума сошелъ?—накинулся на него Аѳанасій Ива-
– Тоже, нашелъ время ловить безпаспортныхъ... У меня
непомнящихъ родства больше двухъ сотъ человѣкъ.
ставъ подсѣлъ къ столу, вытянулъ длинныя ноги и приго-
слушать. Полицейская форма сидѣла на немъ какъ на ко-
ало.
Ну?—коротко спросилъ онъ послѣ нѣкоторой паузы.
Это ужь послѣдняго принимаю!—азартно заговорилъ
ванычъ, взмахивая затекшею отъ писанья рукой.—
приведи, и то некуда посадить... Въ шестомъ номерѣ
сто.
Особенный человѣкъ...
А мнѣ плевать! У меня всѣ особенные: Слеза въ семна
ихъ ходитъ, Чечень въ девяти повинился, Аквамарин
ъ хочетъ признаться... А ты мнѣ какого-то бродягу
Гакъ, пустой человѣкъ... Сразу видать. Рабъ Божій...
слова не произвели на Акакія никакого впечатлѣнія.
аснулъ на стулѣ, какъ вытащенная изъ воды рыба. В
ной головѣ ползли свои мысли, а смотритель Аѳанасій
лъ простъ и глупъ. Въ замкѣ арестанты называли при
ою Головой, и это названіе точно было приклеено къ н
такъ думалъ сейчасъ Аѳанасій Иванычъ, наблюдая че
оего стараго благопріятеля. Конечно, ежевая голова, и
архіереевъ по постоялымъ дворамъ собираетъ.
этотъ моментъ изъ-за перегородки вывели обряженнаг
тскій халатъ новаго узника. Онъ казался теперь еще
, а лицо блѣднѣе. Только сѣрые глаза смотрѣли изъ-
ихъ бровей съ такою же простодушною кротостью. Прис
сосредоточилъ свое вниманіе на окладистой бородѣ, о
инеемъ серебристой старости, и на темн

какъ-то странно запрятанныхъ подъ широкій воротъ арестантскаго халата.

— Хорошъ,—пробурчалъ приставъ, переводя глаза на Аѳанасія Иваныча.

Его немного смутило то обстоятельство, что и арестантъ въ свою чередь съ такимъ же вниманіемъ разсматривалъ его и даже, какъ ему показалось, чуть замѣтно улыбнулся. Ихъ глаза встрѣтились на одну секунду, и приставъ Акакій отвернулся. Не робкаго десятка былъ человѣкъ, а тутъ не выдержалъ.

Будзько стоялъ въ дверяхъ, вытянувшись, какъ охотничья собака. Когда лысая голова Жаръ-Птицы сдѣлала ему знакъ, онъ молча схватилъ арестанта за широкій рукавъ и повелъ за собой.

— Шестой номеръ,—прохрипѣлъ Аѳанасій Иванычъ.

Арестантъ-новичокъ неловко шагалъ за надзирателемъ, съ непривычки путаясь въ длинныхъ полахъ своего арестантскаго халата и тяжело шмыгая ногами въ большихъ арестантскихъ «калишкахъ», болтавшихся у него на ногахъ. Одною рукой онъ придерживалъ на груди расходившіяся полы халата, а другая рука висѣла неподвижно, какъ у покойника. По пути онъ еще разъ внимательно оглядѣлъ канцелярію и, не торопясь, началъ спускаться по крутой лѣсенкѣ въ темный проѣздъ, который велъ съ улицы на арестантскій дворъ. Одинъ конецъ этого проѣзда глухою желѣзною дверью выходилъ на улицу, и здѣсь, у крошечной желѣзной калитки, вѣчно толпились родственники и знакомые арестантовъ, ожидавшіе свиданія. Эта калитка ежедневно проглатывала по нѣскольку новыхъ жертвъ. Другимъ концомъ проѣздъ выходилъ на арестантскій дворъ. Здѣсь у рѣшетчатыхъ желѣзныхъ воротъ всегда стоялъ часовой. Новый арестантъ съ особеннымъ вниманіемъ осмотрѣлъ весь проѣздъ, оглянулся на калитку, за которой остался вольный бѣлый свѣтъ, и покорно зашагалъ за торопившимся надзирателемъ. Его охватилъ острый холодокъ снѣжнаго ноябрьскаго утра. Будзько отомкнулъ ворота. Молодой безусый солдатикъ сонными глазами посмотрѣлъ на новаго арестанта и привычнымъ движеніемъ вскинулъ ружье на плечо.

— Стой, миленькій... крѣпче стой! — проговорилъ новичокъ-арестантъ, обернувшись къ часовому.

— Ты... не разговаривать!—зыкнулъ на него Будзько.

Собственно тюрьма помѣщалась въ большомъ каменномъ флигелѣ, занимавшемъ центръ замковаго двора. Три этажа гладѣли маленькими окнами, защищенными желѣзными рѣшотками. Передняя часть двора была занята своею арестантскою церковью, канце-

лярій, квартирой смотрителя, больницей и кухней. Въ глубинѣ налѣво тянулась высокая острожная стѣна, а въ ней рѣшетчатыя желѣзныя ворота, отдѣлявшія женскую половину. Теперь на дворѣ сѣрая кучка арестантовъ лѣниво убирала выпавшій за ночь снѣгъ, выгадывая каждую лишнюю минуту. Эти блѣдныя изнуренныя лица казались еще блѣднѣе при яркой бѣлизнѣ молодого снѣга, а сами арестанты походили на грязныя пятна, омрачавшія своимъ присутствіемъ эту дѣвственную бѣлизну. Появленіе новичка вызвало самое пристальное вниманіе, и арестанты сбились въ одну кучку. Въ этотъ моментъ на дворѣ показался Аѳанасій Иванычъ. Онъ съ трудомъ догналъ новаго арестанта, схватилъ его за плечо, ощупалъ правый рукавъ и съ торжествомъ вытащилъ изъ него бутылку изъподъ сельтерской воды съ какою-то безцвѣтною жидкостью.

— Это что... а?—зашипѣлъ онъ, поднимая бутылку.—Ахъ, разбойникъ, что это?... а?...

Арестантъ улыбнулся своею тихою привѣтливою улыбкой и проговорилъ:

— Святая вода.

— Что-о?... Знаемъ мы вашего брата!...

Смотритель даже захохоталъ и накинулся на Будзько

вавшаго арестанта при переодѣваньи.

— Ты его обыскывалъ... ты?... а?... Развѣ такъ

ваютъ?

— Вашескородіе, не было при ёмъ никакой бутылки

дывался Будзько, сконфуженный передъ арестантами.—

часъ съ мѣста не сойти... Слава Богу, не въ первой

ихняго брата. Не иначе, што онъ мнѣ глаза отвелъ, ваш

А бутылки никакъ не было, потому какъ его еще на п

дворѣ обыскивали.

— Не заговаривай зубовъ! — накинулся Аѳанасій

съ новою яростью.—А какъ же я-то увидѣлъ? Смотрю

рукавъ-то и натянулся. Мнѣ вотъ никто глазъ, небось

деть!

Теперь въ окнѣ «пріемной» выглядывалъ Акакій

слѣдившій за всею сценой съ равнодушнымъ видомъ. Ло

ца, коли такъ ловко провелъ прожженаго Будзько.

Аѳанасій Иванычъ вернулся въ «пріемную» съ то

щимъ видомъ и молча поставилъ бутылку на столъ. Конеч

ко оказалъ себя дуракомъ, а и Акакій Семенычъ-т

самъ обыскивалъ. Приставъ молча взялъ бутыл

осмотрѣлъ, откупорилъ и понюхалъ.

Зода,—пробормоталъ онъ.

Хорошъ архирей?—язвилъ Аѳанасій Иванычъ.—Этакъ онъ зѣ цѣлую бы четверть пронесъ въ замокъ. Ты-то чего смо-

А ну его и съ водой!

А кто сталъ бы отвѣчать, а?... Ты его поймалъ, сдалъ руки и кругомъ чистъ, а я за него долженъ отвѣчать. Хо-то вода.

асій Иванычъ попробовалъ воду на языкъ, сплюнулъ и присовокупилъ къ числу вещественныхъ доказательствъ, ихся въ отдѣльномъ шкафу. Приставъ мрачно шагалъ по , тяжело шаркая ногами.

Сегодня утромъ присылали ко мнѣ на квартиру отъ стару-ниниковой,—выговорилъ онъ, наконецъ, тяготившую его

І-но-о?—протянулъ Аѳанасій Иванычъ.—Это на счетъ этоея?

Видно што такъ... Старуха богомольная и крѣпко стоитъ по своей австрійской вѣрѣ. Ничего бы не пожалѣла, кабы я умнѣе былъ... Дурака я свалялъ на постояломъ. Чортъ его зналъ, что за человѣкъ. Теперь-то ужь ничего не подѣлаешь. Вотъ оно какое дѣло...

Друзья пришли въ нѣкоторое уныніе. Посаженный въ острогъ архирей уже потерялъ всякую цѣнность, и трудно было извлечь изъ него что-нибудь. Впрочемъ, Аѳанасій Иванычъ сейчасъ сообразилъ, что дѣло еще не такъ плохо и именно онъ, Аѳанасій Иванычъ, можетъ кое-чѣмъ воспользоваться. Да... А приставъ Акакій сыгралъ дурака... Вѣрно.

II.

Сконфуженный и обозленный Будзько провелъ арестанта во флигель. Здѣсь сразу обдало застоявшимся гнилымъ воздухомъ, какой бываетъ въ старыхъ баняхъ. Въ концѣ корридора шагалъ часовой. Освѣщался корридоръ всего однимъ окномъ и поэтому подробности трудно было разглядѣть сразу. Глазъ привыкалъ только потомъ къ этому пыльному полусвѣту. По сторонамъ корридора темными впадинами выдѣлялись грязныя тяжелыя двери съ кроличными оконцами. Всѣ они были закрыты, а за ними слышался неопредѣленный глухой гулъ, какъ въ ульѣ.

— Ничего, крѣпкая работа,—полюбовался новый арестантъ, останавливаясь, чтобы перевести духъ.

Вмѣсто отвѣта, Будзько пребольно ударилъ его кул
бокъ, такъ, что арестантъ чуть не растянулся тутъ же.

— Какой легкій чортъ!—ругался Будзько, обозлив
больше.

Онъ молча ткнулъ рукой на крутую лѣстницу, подним
кверху точно изгрызенными ступеньками. Вездѣ была и
острожная грязь, которой пропитаны были стѣны и самый
Арестантъ съ трудомъ поднялся во второй этажъ, гдѣ ш
же корридоръ, какъ и внизу, съ тою разницей, что здѣсь
то было немного посвѣтлѣе. Единственное окно въ концѣ
ра походило на громадное бѣльмо. Будзько подвелъ къ
тяжелыхъ дверей, отворилъ ее и безъ всякихъ разговор
втолкнулъ арестанта въ полутемную узкую камеру. Дв
захлопнулась, точно деревянная челюсть какого-то чудов
риллъ остановился, оглядѣлся кругомъ, вздохнулъ и пере
широкимъ раскольничьимъ крестомъ, а потомъ по-архіер
радилъ двумя руками всѣ четыре стѣны каземата. Помѣщ
не завидное и производило впечатлѣніе чего-то голаго. С
комната была порядочной величины, но казалась узкой
вянныхъ наръ, тянувшихся сплошнымъ помостомъ вдоль
нихъ стѣнъ. Между нарами оставался только непирокій
И больше ничего, что напоминало бы о человѣческомъ су
ніи. Маленькое оконце, задѣланное снаружи тяжелою
рѣшоткой, давало мало свѣта, особенно зимой. Только
нувъ къ этому томительному полусвѣту, Кириллъ раз
давно небѣленыя стѣны, обсаленныя и затертыя арест
спинами, грязныя нары, грязный выбитый полъ. Здѣсь сто
удушливый воздухъ, что у старика закружилась голова. Е
охватила та томящая тоска, которая овладѣваетъ попав
клѣтку вольною птицей. Это была живая могила.

— Благодарю тебя, Господи, — шепталъ Кирилл
женіи,—сподобилъ и меня грѣшнаго принять заточеніе.
наказуешь раба твоего Кирилла.

Оглядѣвшись, онъ подсѣлъ на нару къ окну. Черезъ
рамы и желѣзныя рѣшетины открывался видъ на крышу
трубы. Отпотѣвшія запыленныя стекла скупо пропуска
Кириллъ еще разъ оглядѣлъ стѣны, дверь, окно и улыб
ею тихою, кроткою улыбкой: ничего, крѣпкая работа. *О*
умѣетъ строить для своихъ помраченныхъ душъ: однихъ
другіе держатъ, и всѣ одинаково слуги антихристовы. Кир
помнилъ красную рожу Жаръ-Птицы, Ежевую Голову

солдатика часового,—всѣ они въ плѣну у антихриста и
ему съ яростію. Вотъ какъ ухватились за него. Злости-
-то сколько въ нихъ, бѣдненькихъ! Готовы, кажется,
ами за горло схватить, до того помрачились своими плѣн-
ами.

ти онъ припомнилъ исторію съ бутылкою святой воды.
онъ ее при обыскѣ на постояломъ дворѣ и при обыскѣ
в, а антихристъ, все-таки, ее сцапалъ, потому какъ не лю-
этой святой воды. Ахъ, какъ еще не любитъ!... Льво-
акинулся на него смотритель, а того не понимаетъ ми-
ито не своею волей дѣйствуетъ, а яко слуга и поборникъ
га, любезный его сосудъ и вмѣстилище.

омѣшала имъ всѣмъ святая-то вода, — вслухъ замѣтилъ
съ своею кроткою улыбкой.— А антихристъ лапою своею
сцапалъ ее. То-то, горемыки миленькіе, помрачились со-

лагочестивыя размышленія были прерваны появленіемъ
номера», который гулялъ на дворѣ. Въ корридорѣ послы-
келый топотъ десятковъ ногъ, громкій говоръ, хохотъ и
затѣмъ дверь распахнулась и въ казематъ ввалилась
ца. Всѣхъ арестантовъ въ шестомъ номерѣ помѣщалось
человѣкъ, и Кириллъ былъ двадцатымъ. Въ первый мо-
не могъ разглядѣть отдѣльныхъ лицъ,—такъ всѣ были
угъ на друга: всѣ такіе сѣрые, истощенные, съ затаен-
ю-то голодною злобой во взглядѣ. Арестанты столпились
ичка и внимательно его разглядывали, какъ стадо овецъ
цу. Потомъ изъ толпы послышался голосъ:

ы, святая вода, куды забрался-то?

уда посадили, тамъ и сижу,—отвѣтилъ Кириллъ, не по-
юса.

олпы арестантовъ выдѣлился коренастый, чернобородый
, схвативъ Кирилла за шиворотъ, оттащилъ его отъ окна.
в по чину мѣсто ухватилъ,—объяснилъ кто-то.

разомъ загалдѣла. Кто-то хохоталъ, кто-то ругался. Въ
казалось теперь еще темнѣе, чѣмъ раньше. Кириллъ
ко присѣлъ на нару у самой двери. Онъ только теперь
го у окна мѣсто для избранныхъ, и тяжко вздохнулъ. Здѣсь,
ыло и темно, и душно. Арестанты заняли каждый свое
нарахъ и больше не обращали на новичка никакого вни-
и всѣ успѣли обсидѣться вмѣстѣ и имѣли свои острожные
ересы, свой языкъ и свои темы для разговора. Кириллъ

я ничего не могъ понять. Тоска сдавила его ещ
попалъ на самое дно ада, гдѣ мучатся грѣш
ъ адъ, смрадный и тѣсный.
какія качества?—коротко спросилъ Кирилла
нему, сѣдой, остриженный подъ гребенку аре
бойкими глазами.
не знаю, миленькій. Ничего не знаю.
рестань врать! Безъ паспорта, видно, Ежевой.

имѣю антихристовой печати, миленькій. Это
ѣ паспортъ?... Одинъ у меня паспортъ: рабъ
шестой номеръ залился хохотомъ. Ловокъ но
и объяснилъ. Арестанты обступили опять
стантъ продолжалъ допросъ:
казенные хлѣба пожелалъ поступить?... Так
о весны посидишь, а тамъ по мѣсту житель
и, по какой такой причинѣ бутылку съ собой
вятая вода въ бутылочкѣ была,—ну, и принес
взрывъ общаго хохота: извѣстно, какую свяг
оносятъ съ собой. Ловкій мужиченко и пере
няетъ.
тъ тебѣ Будзько пропишетъ два неполныхъ за
—объяснялъ сѣдой арестантъ.—Ему теперь Ж
пару задастъ за тебя, а Будзько ужь свое бу
гывать. Ловокъ ты, рабъ Божій, хоть бы и нам
ру.
рукомесло у тебя какое?
узнецъ я...
ну, покажи ручки... Какъ есть кузнецъ, из
имъ товаромъ. На крупчаткѣ замѣшанъ... Да
кій,—меду много кушалъ.
тракту вязовою иглой шапки шилъ!—крикну
изъ угла.
альшивый монетчикъ!—отвѣтилъ голосъ из
алай, ты ему глухую исповѣдь задай!...
й, сѣдой арестантъ, допрашивавшій Кирилла,
настоящій мастеръ, потому что сидѣлъ въ
ество уже десятый разъ и чувствовалъ себя
ніе теперь сосредоточили на себѣ волосы новиц
кій глазъ еще на дворѣ замѣтилъ, что тутъ
Кириллъ чувствовалъ этотъ истребный взг

и кротко улыбался. Онъ не шевельнулся, когда Шалай придвинулся къ нему совсѣмъ близко, обнялъ его одною рукой и быстрымъ воровскимъ движеніемъ другой вытащилъ изъ-за ворота длинные волосы Кирилла.

— Вотъ такъ кузнецъ, братцы!—грянула вся камера.—Теперь мы и обѣдню можемъ отслужить.

Кириллъ сидѣлъ съ закрытыми глазами и безмолвно шевелилъ губами, читая какую-то молитву: давече антихристъ сцапалъ святую воду, а теперь добрался и до волосъ... И какъ хитро подбирался, яко тать въ нощи. Вонъ какъ ему весело, точно жеребецъ заржалъ...

— Попокъ раскольничій,—объяснилъ Шалай.—То-то ручки-то бѣлыя. Купчихъ, видно, оглаживалъ, которыя побогаче... Одно у васъ у всѣхъ ремесло-то. Ну, и намъ теперь, братцы, будетъ лафа: навезутъ купчихи въ острогъ къ намъ и жаренаго, и вареная.

— А ты-то чему обрадовался?—тихо спросилъ Кириллъ.—Тебя антихристъ вонъ какъ гладко выстригъ... Изъ солдатъ?

— Случалось, отче. Ну, такъ какъ же мы будемъ съ тобой разговаривать-то теперь? Кузнецъ ты по всей видимости настоящій и дѣнегъ, навѣрное, наковалъ... Надо бы съ тебя вступную на артель.

— Ничего у меня нѣтъ, да и не было, а рухлядишка какая была—вся въ полиціи осталась.

— А ты требуй деньги.

— Было пять съ полтиной...

— И пять съ полтиной деньги. Вотъ святую воду пронесъ, а деньги оставилъ... Эхъ, ты, святая душа на костыляхъ!

Этимъ и закончился допросъ новаго арестанта. Больше съ него и взять было нечего. Такъ, сдуру попался человѣкъ...

Шестой номеръ былъ занятъ мелкими преступниками, по преимуществу непомнящими родства, разными бродягами и ворами. Народъ былъ все падоѣдливый, вздорный и легковѣсный. Не было такой каверзы, придирки и пакости, которую здѣсь не придумали бы, благо времени свободнаго было достаточно. Для Аѳанасія Ивановича именно этотъ шестой номеръ составлялъ сущую муку, какъ неизсякаемый источникъ всякихъ жалобъ и «доёмокъ». Доёмками на острожномъ языкѣ называли цѣлую систему мелкихъ придирокъ къ какому-нибудь одному лицу, которое желали донять.

Каждый новичокъ проходилъ тоже черезъ своего рода «доёмку», только выдержавшій этого рода искусъ становился членомъ острожнаго братства, съ его порядками, традиціями и уставами.

Жизнь складывалась здѣсь сотни лѣтъ, и выработались свои дѣленныя формы. Новичокъ поступалъ на все готовое и до былъ слѣпо подчиняться этому готовому. Кириллъ это чувст. и объяснилъ по-своему, именно все тою же антихристовою ра

Первый день показался ему ужасно тяжелымъ. Ареста обѣдъ въ общей столовой просто оглушилъ его, какъ сонми честивыхъ. Въ столовой сошлись цѣлыхъ пять камеръ, и себѣ представить, что это такое было. Шумъ, гвалтъ, неисто хохотъ. И ѣли все неистово, какъ ѣстъ скотина, нѣтъ—ху и чего было ждать отъ этихъ татей, насильниковъ, граби человѣкоубійцъ!... Кириллъ съ какимъ-то ужасомъ смотрѣ это стадо свиное, неистово попиравшее даръ Божій. Самъ он прикоснулся къ пищѣ, отвѣдавъ арестантскихъ щей. Въ эт строй толпѣ никто не обращалъ на него вниманія, и Кирил. лодушно радовался, что можетъ оставаться незамѣтнымъ. Н относительная свобода была омрачена: къ нему подсѣлъ ка лысый старичокъ и повелъ доёмку.

— Изъ австрицкихъ будешь?—пѣвучимъ голосомъ с валъ старичокъ.—Изъ обливанцевъ?

— А тебѣ на что, кто я таковъ? Ты самъ по себѣ, я с себѣ...

— Нѣтъ, оно любопытно... Какъ же!... На тебѣ свящ санъ, такъ любопытно поглядѣть, какіе австрицкіе попы бы

— А ты изъ какихъ?

— Я-то? Я-то безпоповецъ... изъ стариковщины... Мы темные, неученые. Да... Съ насъ и взыскъ по нашему мало зуму... Съ большого человѣка и взыскъ большой.

— Отстань... Не о чемъ намъ съ тобой разговаривать.

— Не гордись, отче... Господь-то Батюшка насъ всѣхъ нялъ, какъ траву въ полѣ. А мнѣ любопытно на тебя погля

У Кирилла даже сердце сжалось при видѣ безпоповца. Эт уже настоящій волкъ... Православные, тѣ не приставали, а сразу полѣзъ съ кусательнымъ словомъ и укорилъ обливанс Онъ хотѣлъ уйти изъ-за стола раньше, но Будзько не пус обругалъ худымъ словомъ.

— Гордость-то, отче, захватилъ съ собою, видно, и въ ост хихикалъ безпоповецъ.—То-то вы всѣ такіе, австрицкіе... ѣдите, мягко спите, почетъ любите собирать у богатыхъ ми цевъ. Власть себѣ присовокупили вязать и разрѣшать.

И пошелъ, и пошелъ. Около нихъ сбилась опять кучка а товъ, галдѣвшихъ и хохотавшихъ надъ раскольниками, а І

сдѣлалъ видъ, что ничего не замѣчаетъ,—онъ рѣшился мстить раскольничьему попу за его хитрость.

Кириллъ вздохнулъ свободнѣе, когда обѣдъ кончился и онъ могъ уйти въ свою камеру. Но, къ его удивленію, лысый безпоповецъ оказался тоже въ шестомъ номерѣ, куда Будзько нарочно привелъ его, чтобы травить раскольничьяго попа. Пусть раскольники погрызутся...

III.

Наступила ночь. Ахъ, какъ она медленно спустилась надъ острогомъ, и какъ ее ждалъ Кириллъ! Онъ такъ усталъ за этотъ день отъ окружавшей его толпы арестантовъ, отъ говора и хохота, отъ тяжелаго воздуха, а, главное, отъ своихъ собственныхъ мыслей, лежавшихъ тяжелымъ камнемъ на душѣ.

Ужинъ прошелъ безъ всякихъ приключеній. Всѣ были такіе сумрачные, и даже не было того галдѣнья, какъ за обѣдомъ. Въ коридорахъ тускло горѣли маленькія лампочки и такая же лампочка едва освѣщала казематъ. Арестанты залегли спать на нары сейчасъ же послѣ ужина. Кое-гдѣ шелъ разговоръ въ полголоса. Большинство заснуло сейчасъ же тяжелымъ острожнымъ сномъ. Воздухъ спирался еще сильнѣе отъ дыханія спавшихъ. Слышался тяжелый бредъ, сонное бормотанье и тяжелые вздохи. Кириллъ забился въ уголокъ около самой двери и лежалъ съ открытыми глазами: сонъ не шелъ къ нему. Онъ чувствовалъ только одно, что дышать нечѣмъ и что воздухъ дѣлается все тяжелѣе.

— Къ окошечку бы пробраться... дохнуть одинъ разъ...

Эта мысль окончательно овладѣла имъ. Онъ больше ничего не могъ думать, потому что задыхался. Кровь тяжело стучала въ головѣ, все тѣло точно было налито свинцомъ, во рту пересохло... Кажется, всѣ спятъ?... Кириллъ снялъ съ себя арестантскій халатъ и въ одной рубашкѣ, босой осторожно началъ пробираться къ окну, точно воръ. Только одинъ разъ дохнуть... Но вотъ и окно, запотѣвшее, тусклое, слезившееся. Кириллъ припалъ горѣвшею головой къ мокрому стеклу и съ жадностью вдохнулъ охлажденную струю воздуха, точно онъ ее пилъ. Ахъ, какая радость!... Да, удушье прошло сейчасъ же, а вмѣстѣ съ нимъ и смертная истома. Кириллу даже сдѣлалось совѣстно за собственное малодушіе,—вѣдь, спятъ же другіе, дышутъ и ничего, живы, а онъ изнемогъ и впалъ въ малодушіе. Въ царившей полутьмѣ онъ видѣлъ эти скорченныя фигуры, босыя ноги, судорожно сжатыя руки и блѣдныя, сѣрыя лица

открытыми ртами. Это была ужасная картина. Какія
ли надъ этимъ сбродомъ? Какіе сны спускались въ по
души, какія желанія и чувства незримо ползли въ э
ихъ головахъ? Господи, и онъ, пастырь стада Хрис
ъ обществѣ этихъ татей, насильниковъ и душегубце
дѣлалось страшно. За что?...
это была опять минутная слабость, вызванная непривы
й обстановкѣ. Кириллъ началъ молиться про себя, усе
и горячо. Молитва его успокоила, умилила, а по лицу
слезы.
Господи, благодарю Тебя, что не оставилъ и меня Своей
..
колько разъ эта молитва прерывалась чьимъ-нибудь бо
.. Нѣкоторые поднимались, садились на нары и долго
а него ничего не понимавшими глазами, а потомъ раз
алились опять на нары, чтобы опять заснуть тяже.
А Кириллъ стоялъ у окна и продолжалъ молиться, не з
къ летитъ время. Ему вдругъ сдѣлалось такъ легко и
ушѣ. Да, ему все теперь было понятно и это все было
что хотѣлось разбудить всѣхъ этихъ спавшихъ грѣшни
зсказать имъ. Да, все... И просвѣтились бы помраче
милились бы очерствѣвшія сердца и исторглось бы о
олитвой слово. Тьма ихъ объяла, а тутъ свѣтъ и рад
анье.
аченный однимъ чувствомъ и своимъ свѣтлымъ настр
риллъ благословилъ спавшихъ «двѣма руками», как

Спите, миленькіе горемыки... Господь съ вами.
ь онъ и простоялъ на молитвѣ до самаго утра, когда въ п
смѣняли часовыхъ, и на дворѣ поднялась обыденная с
ще не было, а только небо дало отбѣли, точно было з
омаднымъ матовымъ стекломъ. Настоящій свѣтъ г
е тамъ, далеко, но тѣмъ напряженѣе чувствовалось его
приближеніе.
иллъ лежалъ въ своемъ уголкѣ и совсѣмъ не хотѣлъ с
ую ночь приходилось ему проводить на молитвѣ, но ни
ила въ его душу такого спокойствія, любовнаго и ра
му страстно хотѣлось разбудить всѣхъ товарищей по
разсказать имъ все, чѣмъ такъ сейчасъ была полна
ная душа. И какъ все ясно, просто, понятно... И они
всѣ до одного, озаренные новымъ свѣтомъ, и тогда не

но будетъ ни этихъ каменныхъ стѣнъ, ни желѣзныхъ затворовъ, никакой «тѣлесно ощущаемой власти», какъ Жаръ-Птица или Ежовая Голова.

— Господи, помоги мнѣ, грѣшному,—молился Кириллъ про себя.—Не даждь ми духа уныніи...

Когда уже занялось настоящее утро, Кириллъ забылся тревожнымъ сномъ, точно его придавила могильная плита.

Видѣлъ онъ себя на свободѣ, ѣдущимъ по дѣламъ своей разсѣянной по весямъ и градамъ паствы. Между прочимъ, завернулъ онъ и въ Межигорье, чтобы разрѣшить сварившихся межигорскихъ поповъ Авдѣя и Варсанофія. Большая отъ нихъ смута шла въ боголюбивыхъ народахъ, а паче того соблазнъ и прещеніе. Авдѣй былъ стараго поставленія, начетчикъ и трудникъ, но сталъ зашибать отъ воды забвенія. По просьбѣ межигорянъ, Кириллъ поставилъ имъ новаго попа Варсанофія, человѣка непьющаго, но скромнаго и не весьма борзаго на языкъ. За Авдѣя была своя партія старыхъ дружковъ и милостивцевъ, которые не признали Варсанофія за правильнаго попа, а этимъ подрывали и его собственный пастырскій авторитетъ. Значитъ, онъ, Кириллъ, и попа настоящаго поставить не умѣлъ и власти не имѣетъ отрѣшить Авдѣя на-прочь. А всего хуже, что въ эту «прю» вмѣшались тайно безпоповцы съ своими стариками и начетчиками. Они еще больше увеличивали свару своими навѣтами и шепотами и успѣли отбить отъ смутившагося стада не одну овцу. Такъ, старуха Канунникова, издревле прилежавшая старой вѣрѣ, замѣтно пошатилась къ безпоповцамъ, хотя явно и держала себя попрежнему. А за ней потянулось бы много слабыхъ душъ: столбъ уронить, и заборъ развалится. Вотъ и поѣхалъ Кириллъ въ Межигорье, чтобъ унять свару и проявить свою пастырскую власть. Р[illegible]ьше онъ всегда останавливался у нея въ домѣ и проживалъ по [illegible]лямъ, а теперь притихнулся гдѣ-то на постояломъ дворѣ. Къ [illegible]анофію онъ тоже не поѣхалъ, чтобы новый ставленникъ не пре[illegible]есся гордостью.

Каково было удивленіе, когда владыка Кириллъ нежданно-негаданно явился въ часовню, гдѣ служилъ Авдѣй. Это было на повечеріи. Старуха Канунникова стояла на своемъ мѣстѣ впереди, у лѣвого клироса. Когда повечеріе кончилось, Авдѣй подошелъ подъ благословеніе.

— Владыка, благослови...

— Ты самъ себя благословилъ, такъ для чего тебѣ еще мое благословеніе? Не пастырь ты, а волкъ и губитель. Не твое здѣсь [illegible]го...

Смутился Авдѣй и сказать не знаетъ что, и клиръ смущенъ, и Канунникова больше всѣхъ. Такъ Кириллъ повернулся и вышелъ. Ужь на улицѣ догналъ его прикащикъ Канунниковой и слезно началъ просить «погоститься» къ ней въ домъ.

— Больно велики у васъ палаты, миленькій,—отвѣчалъ Кириллъ,—а я человѣкъ маленькій... Еще заблужусь грѣшнымъ дѣломъ. Такъ и скажи Авдотьѣ Марковнѣ... Была прежде дорога, да заросла та дорога травой.

— Владыка, слезно наказывала просить!...

— Слезы-то хороши вò-время, а безо времени онѣ хуже воды.

Такъ и не пошелъ къ Авдотьѣ Марковнѣ: пусть чувствуетъ. У нея милліоны, такъ и важничаетъ, а у него ничего нѣтъ, такъ еще нужно больше важничать. На другой день пріѣзжала сама, но Кириллъ ее не принялъ, а ушелъ къ попу Варсанофію и тамъ просидѣлъ. Хорошій попъ Варсанофій, да только простъ, а въ Межигорьи нужно пробойнаго попа, чтобы въ случаѣ чего и зубы свои могъ [illegible].

— Плохо, владыка, у насъ,—плакался Варсанофій,—и самъ я чувствую, что простъ не къ мѣсту... Переведи куда-нибудь въ другой приходъ, а здѣсь мнѣ не жить. Купцы богатые привыкли помыкать своими-то ставленными попами, а я не умѣю имъ кланяться. Авдѣй, тотъ хоть и оказываетъ себя на словахъ грубымъ, привѣсился къ нимъ давно.

— Не мѣсто къ головѣ приставляютъ, а голову къ мѣсту,—успокоивалъ оробѣвшаго пастыря Кириллъ.—А ты поменьше слушай наговоры-то, да бабьи шепоты, а дѣлай по-своему... Такъ-то!

А Варсанофій сильно растужился, даже до слезъ, такъ что вл дыка даже прикрикнулъ на него, чтобы напустить храбрости. Чт въ самомъ дѣлѣ, прежде времени горевать? Крѣпкій былъ человѣ Кириллъ. Самъ прошелъ отъ простого начетчика всѣ ступени ра кольничьей іерархіи и зналъ до тонкости всю повадку богатыхъ д брохотовъ: имъ только спусти.

— А главная причина отъ безпоповцевъ идетъ,—разсказы валъ Варсанофій.—Усилились они черезъ своихъ бабъ... Она, баб женскимъ дѣломъ вездѣ пролѣзетъ и вездѣ: шу-шу-шу. Авдѣй-т не отъ ума на заднія лапы поднялся... Только онъ самъ не знает што дѣлаетъ.

— Мы его утихомиримъ живою рукой... Не великъ въ пер яхъ-то. А про безпоповцевъ я самъ знаю.

Хорошая слава шла про Кирилла. Ревностный былъ человѣ и въ словѣ твердъ. И не боялся онъ ничего, и не потакалъ бо

тымъ мужикамъ. Время-то не такое, чтобы мирволить смутьянамъ, да распатывать старую вѣру. И то трудныя времена наступили. Вездѣ раздѣленіе, свары и домашняя рознь. Рушилась старая вѣра, потому что не стало подвижниковъ и трудниковъ, да и суета мірская обошла кругомъ. Раньше-то потѣснѣе жилось, ну, и между собой не было разсѣченія и раздѣлки, а всѣ тянули въ одну сторону.

Межигорскую свару Кириллъ считалъ пустымъ дѣломъ и надѣялся уладить ее домашними средствами. Прежде всего, нужно было сломить зазнавшихся столбовъ и Авдотью Марковну въ первую голову. А придутъ они въ себя, и все пойдетъ своимъ чередомъ. Наложилъ Кириллъ свою владычную опалу на межигорскихъ толстосумовъ, да такъ и хотѣлъ уѣхать. Дальше были свои дѣла до самой Москвы. А тутъ вдругъ на постояломъ дворѣ приставъ и заарестовалъ.

Это послѣднее случилось такъ неожиданно, что Кириллъ не могъ даже опомниться. Межигорье славилось древнимъ благочестіемъ, и проѣздъ всегда былъ свободенъ, благодаря предстательству сильныхъ доброхотовъ и милостивцевъ. «Тѣлесно очущаемая власть» смотрѣла сквозь пальцы на проѣзжавшихъ черезъ Межигорье раскольничьихъ архіереевъ, и Кириллъ не ожидалъ, что все такъ выйдетъ. Даже во время самаго ареста онъ могъ вывернуться: стоило приставу сказать только слово. Но Кириллъ какъ-то уперся, точно на пень наѣхалъ: не хочу, и конецъ тому дѣлу. Въ острогъ, такъ и въ острогъ: пусть Авдотья Марковна порадуется.

«Пусть съ своими безпоповскими дружками милуется,—думалъ Кириллъ, наслаждаясь собственнымъ униженіемъ.—Подвижники и не это терпѣли, а намъ и Богъ велѣлъ».

Но, все-таки, за вычетомъ этихъ благочестивыхъ размышленій чныхъ счетовъ, оставалась незаполненной цѣлая пропасть. Явсь какая-то гнетущая пустота. Въ самомъ дѣлѣ, прожилъ всю нь, хлопоталъ, трудился, шелъ неуклонною стезей и вдругъ точъ яму оступился. Собственно острожнаго сидѣнья Кириллъ не ся: ну, посидитъ, ну, будетъ слѣдователь пытать, потомъ окный судъ, потомъ ссылка,—не онъ первый, не онъ послѣдній. цно было то, что все случилось какъ-то ужь очень глупо и не вѣсту. Остановись онъ у Авдотьи Марковны въ ея палатахъ, да ѣ кто-нибудь смѣлъ бы его хоть пальцемъ тронуть, а тутъ вая Голова спапалъ на постояломъ дворѣ, и конецъ тому дѣлу. ла-то много, ахъ, какъ много,—вездѣ неотложная нужда, везвдутъ боголюбивые народы, а тутъ вотъ сиди въ каменномъ

мѣшкѣ. Всѣ пастырскіе планы, намѣренія и мысли разбились объ острожную стѣну, какъ набѣжавшая волна.

Мысли какъ-то плохо вязались въ головѣ Кирилла, и только ночью на молитвѣ онѣ прояснились. Да, онъ понялъ, что именно такъ было нужно, какъ все случилось, и что тутъ нѣтъ ничего ни глупаго, ни случайнаго. Это было только завершеніе его пастырскаго подвига... Ему необходимо пострадать, чтобы его примѣромъ укрѣпились маловѣры и шатаемые вѣтромъ разноученій. Господь все видитъ и все знаетъ. Перебирая въ умѣ всѣ мельчайшія подробности своего злоключенія, Кириллъ видѣлъ только послѣдовательный ходъ того, что должно было быть. И какъ это онъ раньше самъ не видѣлъ именно главнаго? Да, слѣпота обуяла. Другихъ видѣлъ, а себя не видѣлъ. Оно такъ и бываетъ, если Господь во-время не откроетъ внутреннихъ глазъ. А за то какъ теперь легко, ясно, хорошо, точно самый казематъ освѣтился тѣмъ же внутреннимъ свѣтомъ. А безпоповцы-то радуются его бѣдѣ, маловѣры, и не понимаютъ того, что Господь строитъ имъ же во вредъ.

IV.

На другой день утромъ Кириллъ былъ разбуженъ громкимъ говоромъ всей камеры, сбившейся въ одну живую кучу у окна. Въ казематѣ трудно было что-нибудь разсмотрѣть, и К
могъ сообразить, гдѣ онъ и что съ нимъ. Въ груди
было не чѣмъ, а голова давила, точно чудовая гир

— Аквамарина вывели!...—галдѣли арестанты

— Въ четырехъ душахъ у слѣдователя повини

— Самъ, видно, считалъ души-то, такъ и въ несчитанныхъ два столька наберется... Тоже ловка

Послѣдній голосъ показался Кириллу знакомым рилъ Шалай. Теперь все было ясно... Странно, Кири что онъ уже давно здѣсь сидитъ, очень давно, и в знакомо и близко. Прошлое отодвинулось куда-то д

— Аквамаринъ изъ безсрочныхъ... Съ катор жалъ.

— Изъ себя-то плечистъ... А рука: схватитъ—

По утрамъ на прогулку выводили главныхъ аре жавшихся по отдѣльнымъ камерамъ, за особо строг Это была своя острожная аристократія, возбуждав ныхъ арестантахъ и зависть, и уваженіе, и почет видовали непомнящіе родства и мелкіе воришки. Вс

отѣ вся цѣна расколотый грошъ. Такъ на нихъ смотрятъ и надзиратели, и часовые, и своя братія-арестанты. У всѣхъ у нихъ «короткая душа» и на настоящее не хватаетъ смѣлости. Именно такое настроеніе переживалъ сейчасъ шестой номеръ, занятый прогулкой Аквамарина. Кириллъ заразился общимъ жаднымъ вниманіемъ и протискался къ самому окну. Сквозь запотѣвшія стекла онъ увидѣлъ, наконецъ, гулявшаго по двору подъ конвоемъ двухъ солдатъ высокаго сутулаго мужика съ длинными руками и маленькою головой. Узкое сѣрое лицо едва было тронуто жиденькою бородкой. Аквамаринъ ходилъ медленно, едва таская ноги и не глядя по сторонамъ. Вообще, ничего особеннаго.

— Онъ бабъ тиранилъ... — проговорилъ подъ ухомъ Кирилла голосъ Шалая.—Поймаетъ въ лѣсу бабенку, истиранитъ и прикончитъ. Въ четырехъ душахъ у слѣдователя повинился... Лакомъ до бабъ, а вонъ какимъ волкомъ глядитъ. Мужиковъ не трогаетъ, а все бабъ...

Слѣдующимъ номеромъ послѣ Аквамарина явился Слеза, небольшого роста плечистый мужикъ съ большою рыжею бородой. Онъ держался на-показъ и постоянно скидывалъ съ одного плеча свой арестантскій халатъ, точно плохой актеръ въ какой-нибудь трагической роли. И было чѣмъ гордиться: Слеза повинился въ семнадцати душахъ, и его выводили на прогулку подъ конвоемъ четырехъ солдатъ. Слеза славился тѣмъ, что его не держали никакія стѣны, никакія кандалы, и во время его прогулки въ окнѣ пріемной все время торчала голова Жаръ-Птицы.

готъ уйдетъ, сколько ни гляди,— увѣренно повторяли го-
ожетъ, всѣ десять разъ уходилъ... Достанется за него
ицѣ на орѣхи.
онешно, уйдетъ... Какъ пить дастъ уйдетъ. Орелко, однимъ
.
готъ козырный не чета Аквамарину.
еще семнадцать душъ прикончитъ... У Слезы рука не
Вишь, какъ похаживаетъ, точно губернаторъ.
емнадцать душъ? — переспросилъ Кириллъ своего сосѣда,
о арестанта-бродяжку, кашлявшаго въ руку.
казываютъ, больше...—отвѣчалъ бродяжка съ печальною
— А главная причина: неизвѣстный человѣкъ. Это не
ть, непомнящій родства... Всѣ мы, бродяжки, къ своему
идемъ. Тутъ насъ и накроютъ, а у Слезы другое на умѣ...
оятся. Онъ вонъ какъ учнетъ съ надзирателями разгова-
ли съ Жаръ-Птицей. Только Слеза безпремѣнно уйдетъ...

Всѣ разговоры о Слезѣ заканчивались неизмѣнно (
же: уйдетъ, и тому дѣлу конецъ. Кириллъ слушалъ и только вздыхалъ. Конечно, онъ и раньше слыхалъ о разбойникахъ и разбойныхъ дѣлахъ, но все это дѣлалось гдѣ-то тамъ, въ сторонѣ, а тутъ всѣ были налицо, вотъ здѣсь, совсѣмъ близко. Хуже всего было то, что маленькіе арестанты завидовали большимъ преступникамъ, учились разному звѣрству и только ждали случая, чтобы сдѣлать то же, что дѣлали большіе. И тотъ, кто сдѣлалъ, и тотъ, кто еще не успѣлъ сдѣлать, одинаково стояли на днѣ погибельной пропасти. У каждаго былъ свой часъ и своя часть. И, можетъ быть, тѣ, которые еще ничего не сдѣлали, гораздо хуже явныхъ разбойниковъ и душегубовъ, хуже по своей душевной испорченности и тайнымъ мыслямъ. Кириллъ все ждалъ, что хоть кто-нибудь осудитъ страшныхъ душегубовъ, скажетъ слово обличенія, но никто и ничего не говорилъ.

— Господи, гдѣ я?—повторялъ Кириллъ въ ужасѣ.—Господи, за что? И земля матушка носитъ такихъ злодѣевъ, не разступится отъ ихъ звѣрства, и онъ, служитель Божій, сидитъ съ ними подъ одною кровлей. Вонъ они здѣсь, въ нѣсколькихъ шагахъ, обагренные невинною кровью, полные новыхъ злодѣйскихъ замысловъ, закоснѣлые и нераскаянные. Какъ они не боятся Божьяго солнца, бѣлаго свѣта, собственной совѣсти, Божьяго милосердія? Они могутъ и ѣсть, и спать, какъ всѣ другіе, и еще смущаютъ этихъ другихъ. Истинно безстрашные сыны погибели и кровные слуги антихриста.

— Вотъ какъ добрые-то люди поживаютъ, отче! — говорилъ Шалай, хлопая Кирилла по плечу.—Не то что ты, со святою водой влопался.

Безпоповецъ смотрѣлъ на Кирилла и злобно хихикалъ.

— Я-то знаю, зачѣмъ попалъ сюда,— отвѣчалъ Кириллъ кротостью. — А вотъ вы всѣ помрачались до самаго дна, яко п мые слуги антихриста. Обуяла васъ всѣхъ злоба... Слѣпотству отъ этой самой злобы, яко приспѣшники всесквернаго льстеца, і есть все онъ же, антихристъ.

Это неожиданное обличеніе вызвало дружный хохотъ всей меры. Очень ужь смѣшной раскольничій попокъ попался и сл говоритъ совсѣмъ несообразныя.

— Еще прибавь, отче... ха, ха!...

— Кровь неповинная вопіетъ, а вы лютѣ радуетесь.

— Ну, ну, катай.

— И скажу... Кто же другой вотъ скажетъ?... Каменными с

ными затворами не удержать злыхъ мыслей. И буду
душамъ вашимъ! Горе и мнѣ, сидящу съ вами...
ѣдь была прервана появленіемъ на острожномъ дворѣ
новаго лица. Вся камера замерла, столпившись у окна.

— Братцы, глядите: Чечня вывели...—шепталъ неизвѣстный голосъ.—Этотъ почище Слезы будетъ...

— Есть и поглядѣть на что: въ руки нечего взять.

— Не великъ звѣрь, да ластистъ... Охъ, ловкій чортъ! Два года регентомъ въ церкви служилъ и сейчасъ у себя въ номерѣ все духовное распѣваетъ...

Чечень «ходилъ въ небольшихъ душахъ», но привлекалъ особенное вниманіе острожной толпы, потому что его дѣло было обставлено романическими подробностями. На видъ это былъ сѣденькій, сгорбленный, худенькій старичокъ съ умильно-благочестивымъ лицомъ. Онъ гулялъ по двору, опустивъ глаза, и только время отъ времени угнетенно вздыхалъ, подавленный тайно-благочестивыми
и. Какъ арестантъ, Чечень не представлялъ собой никакой
ти, и усатая рожа Жаръ-Птицы оставалась въ окнѣ только
бопытства. Она даже улыбалась и дѣлала такія движенія,
ольшой маятникъ старинныхъ часовъ.

— Чечень-то все на свою Чечотку поглядываетъ,—объяснялъ й-то голосъ.—Тоже, стосковались другъ по дружкѣ...

— Достигъ онъ ее, Чечотку-то.

— Ужь какъ достигъ... А потомъ задушитъ.

— Конечно, задушитъ. Она и сама говоритъ то же самое...

— А изъ какихъ онъ будетъ?

— Неизвѣстно: Чечнемъ назвался. Такая лѣсная птичка есть, анеръ воробья. Ну, онъ у слѣдователи и объявилъ себя чечнемъ, олюбовницу свою чечоткой назвалъ...

Кириллъ слушалъ эти «неистовыя слова» и молчалъ съ грустулыбкой. Онъ даже не полюбопытствовалъ взглянуть на Чеч-Не все ли равно? Зло было слишкомъ велико, ярко и разнообю. Кириллу начинало казаться, что все, что онъ видѣлъ и слыъ, тяжелый сонъ, одинъ изъ тѣхъ сновъ, отъ которыхъ челоь не можетъ проснуться. И, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ точно давно ъ вотъ всѣхъ этихъ людей — и Шалая, и безпоповца, и смирбродяжку.

— Ну, что ты молчишь, отче?—приставалъ къ нему Шалай.

— Страшно мнѣ, братъ...

— Отчего?

— Обья мя ужасъ и сѣнь смерти...

— Отъ писанія, отче?

— Есть немножко... Въ писаніи-то что сказано, миленькій... Царь Давыдъ пряменько сказалъ: «день дни отрыгаетъ глаголъ, и нощь нощи возвѣщаетъ разумъ». Вотъ ты и подумай...

Въ голосѣ Кирилла послышались слезы. Около него опять столпились арестанты. И слова мудреныя, и самъ не то блаженненькій, не то обморошный, не то просто дуракъ.

— Ну-ко, еще прибавь, владыка!—язвилъ безпоповецъ, примащиваясь поближе..

— А ты читалъ въ книгѣ притчей премудраго царя Соломона: «блаженъ человѣкъ, иже увѣдѣ премудрость, и смертенъ, иже увѣдѣ разумъ»? Вотъ это о тебѣ сказано, миленькій... Нощь возвѣщаетъ разумъ и разумъ возвѣщаетъ смерть. Есть у тебя глаза, а ты слѣпотствуешь, ибо велика облекающая языки игла и далекъ день...

На арестантовъ произвело сильное впечатлѣніе слово «отъ писанія». Безпоповецъ не зналъ, что ему отвѣчать, потому что былъ мало ученъ и не хотѣлъ срамиться въ открытомъ диспутѣ. Бродяжка слушалъ Кирилла съ раскрытымъ ртомъ. Но произведенное впечатлѣніе было нарушено появленіемъ Будзько.

— Шестой номеръ, гулять!—крикнулъ онъ, отворяя дверь.

Вся камера загалдѣла и бросилась въ корридоръ. Кириллъ остался послѣднимъ.

— Ты, ворона, шевелись!... — крикнулъ на него Будзько и больно ударилъ кулакомъ въ бокъ.—Я тебѣ покажу святую воду!...

Кириллъ тихо вскрикнулъ, посмотрѣлъ на Будзько и ничего не сказалъ. Да и что онъ могъ сказать вѣрному слугѣ антихриста, творившему волю пославшаго?

Прогулка по двору продолжалась около часу. Кирилл радъ и свѣжему воздуху, потому что продрогъ до костей. ся въ своемъ арестантскомъ халатѣ и пряталъ руки. старались незамѣтно пробраться въ ту часть двора, гдѣ рота на женскую половину. Это была слабая попытка за отдаленное знакомство съ острожными красавицами. Б дремалъ и гналъ арестантовъ съ неистовою руганью. С самыхъ воротъ часовой улыбался. Кириллъ не понималъ дѣло, и смотрѣлъ на всѣхъ недоумѣвавшими глазами. Его больше всего неукротимое неистовство «приставника». такая злоба?

— Я васъ, галманы, выворочу всѣхъ наоборотъ! — Будзько.

Арестанты галдѣли, толкали другъ друга и ругались.

· Хорошая работка, владыка? — тихо спрашивалъ безпопо-
показывая Кириллу на острожныя стѣны.— Крѣпко нала-
...

· Ничего... А ты не приставай.

· Я-то?... Не любишь?...

· Считаю тебя за прямого волка.

· Вотъ ты какой, владыка: я къ тебѣ съ добромъ, а ты рыло
ишь. А все отъ гордости... Обуяла тебя гордость.

· Не гордость, а кривыхъ твоихъ словъ не люблю, волчище.
волчьи прячешь и слѣдъ хвостомъ заметаешь.

· Ну, ты попрями, владыка...

риллъ никакъ не могъ подавить въ себѣ чувства отвращенія
поповцу. Нехорошо, а съ собой не совладаешь. Всѣ другіе
нты возбуждали въ немъ скорѣе сожалѣніе и даже страхъ, а этого онъ не любилъ. Вѣдь, вотъ и правду сказалъ относительно антихристовой работы, а, все-таки, нѐлюбъ... Да, эта горькая правда была огорожена каменными стѣнами, заперта желѣзными запорами и оцѣплена всякою тѣлесно-ощущаемою властью. Сколько тутъ было и хлопотъ, и трудовъ, и заботъ, и лютой хитрости. Не даромъ сказано: «египетскія работы вмѣстятся». И вмѣстились... *Онъ* тоже не любитъ, чтобы сложа руки сидѣли, и донимаетъ вотъ какъ.

V.

Второй день прошелъ мучительно-медленно, какъ идутъ дни только въ тюрьмѣ. Особенно было тяжело, когда погасъ дневной
и камеры освѣтились жалкими лампочками. Арестанты хо-
такіе хмурые и озлобленные. Ихъ возмущало все: и дрянной
антскій обѣдъ, и полутьма каземата, и больше всего наболѣв-
ознаніе неволи. Гдѣ-то въ трубѣ голоднымъ волкомъ завы-
вѣтеръ, нагоняя на всѣхъ еще большую тоску. Казалось, что
тавало малѣйшаго повода, чтобъ они бросились другъ на дру-
акъ дикіе звѣри. И въ острогѣ бываютъ свои свѣтлые и свои
ые дни...

ириллъ лежалъ на нарѣ въ своемъ уголкѣ и переживалъ самое
ельное состояніе, извѣстное только арестантамъ. Онъ въ ты-
первый разъ повторялъ про себя всѣ мельчайшія подробности
ареста. Мысль работала неутомимо, возвращаясь упорно къ
у, когда онъ былъ свободнымъ человѣкомъ. Давно ли это бы-
еужели всего два дня назадъ? А сошлись онъ на Конунникову,

его бы этого не было. Можетъ быть, безпоповецъ и правъ, когорилъ о гордости... Да, погордился безъ времени. Воображесовало другія картины: вотъ онъ ѣдетъ въ своей кибиткѣ е... мелькаютъ станціи... а тамъ и матушка Москва. Его оздѣ ждутъ, ему рады... Есть еще христолюбивые народы, ле неукоснительно блюдутъ святоотеческія преданія. Пошатиревлее благочестіе, а есть еще во Израилѣ семь тысячъ муе преклонявшихъ колѣнъ предъ Вааломъ. Да, есть, и есть душа, тягчившаяся чужимъ беззаконіемъ. Виноградникъ уже къ, но нѣтъ дѣлателя винограда. А тутъ смрадъ, стенанія и ѣть зубовный. Нужна ли жертва? Въ писаніи сказано: «михощу, а не жертвы». Кириллъ начиналъ испытывать припреступной слабости и скорбѣлъ за свое малодушіе.

Только бы вырваться изъ затвора, — думалъ онъ про себя, жая основную мысль. — Ну, будетъ пытать слѣдователь... ь въ преторію Пилата... потомъ къ Аннѣ и Каіафѣ. А тамъ нящимъ родства сошлютъ не въ столь отдаленныя мѣста... ки, воля, хоть и волчья. Вездѣ люди живутъ».

рядомъ съ этою мечтой о возможной свободѣ возникала сонно новая мысль, не мало смущавшая Кирилла. Да, за нимъ никакой большой вины, и сколько ни подержатъ въ затворѣ, -таки, выпустятъ. Увидитъ онъ опять вольный бѣлый свѣтъ ный лѣсъ, и всякое сельное произростаніе, а вотъ *эти* о

Вся работа антихристова останется, какъ была. Страшенныя стѣны, не жестокіе пристава и желѣзные затворы енъ мракъ душевный, страшна облегающая тьма. И будутъ миться, полные грѣха и злыхъ помысловъ, и ни одинъ свучъ не заглянетъ въ очерствѣвшія души. Они останутся лужитель Христовъ, малодушно думаетъ о волѣ... Какая гда врачъ нуженъ не здоровымъ, а больнымъ? За одни сълъ уже сжился съ этимъ новымъ міромъ и впередъ бо

лутьма въ казематѣ. Нѣкоторые арестанты уже спятъ, а кело ворочаются на голыхъ нарахъ, вздыхаютъ и ворчь съ Кирилломъ примостился Шалай и въ темнотѣ завод рестантскій разговоръ:

· Видѣлъ, отче, Слезу-то давѣ?

Видѣлъ.

· Ну, такъ онъ семнадцать душъ порѣшилъ... Трехъ лю зарѣзалъ, а попался на пяти душахъ. Вотъ этакъ-то ко двухъ благопріятелей и отправился на работу. Самъ С

нарядился подрядчикомъ, одинъ благопріятель какъ будто его подрушный, а другой за кучера отвѣчаетъ. Вотъ и пріѣзжаютъ они къ богатому купцу, который промышлялъ сплавомъ лѣса. Дѣло было къ вечеру... Ну, приняли ихъ честь-честью: и чай, и закуска, и поужинать. Слеза ведетъ свою линію, точно всю жизнь только и дѣлалъ, что торговалъ лѣсомъ. Сговорились, ударили по рукамъ, а Слеза сейчасъ купцу задатокъ. Купцу это и любопытно, што покупатель прямо на домъ пріѣхалъ. То, се, купецъ-то и оставилъ гостей ночевать... Ну, а ночью Слеза всю семью и вырѣзалъ до тла: и купца съ женой, и двоихъ дѣтей, и няньку, а добро навалилъ къ себѣ въ кошевую, да и былъ таковъ. Только стряпку не могли найти второпяхъ, а она и выдала. Сбила народъ, ударили въ погоню и Слезу накрыли съ поличнымъ... Только онъ, все одно, уйдетъ изъ замка. Жаръ-Птица и то говоритъ, што уйдетъ...

— Чечень не въ примѣръ почище будетъ,— вмѣшался безпоповецъ, подсаживаясь ближе.—Хоша онъ всего въ пяти душахъ повинился, да работа другая. Ты его видѣлъ, владыка, т.-е. Чечня?

— Нѣтъ... Да и что смотрѣть: одинъ звѣриный образъ у всѣхъ, иже есть число шестьсотъ и шестьдесятъ и шесть.

— А про себя ты какъ полагаешь, владыка?—хихикнулъ безпоповецъ.

— Ничего не полагаю... Грѣшный рабъ Божій, и все тутъ.

— Не напущай смиренія паче гордости... Ну, да это все равно. А вотъ Чечень-то ловокъ. Этакого орла днемъ съ огнемъ поискать... Надо тебѣ разсказать, владыка...

— Не хочу я слушать твоихъ нечестивыхъ рѣчей.

— Нѣтъ, пусть разскажетъ!—вступились голоса.

Безпоповецъ еще разъ хихикнулъ, подсѣлъ еще ближе къ Киріллу и завелъ рѣчь пѣвучимъ раскольничьимъ речитативомъ:

— Надо тебѣ сказать, владыка, што въ городѣ прошлою зимой у Обжорнаго ряда, гдѣ кабакъ Ямка, нашли задушеннаго старика нищаго. Ну, полиція дознаніе производитъ... слѣдователь... Показалось удивительно то, што нищій задушенъ на самомъ бойкомъ мѣстѣ, чуть не осередь бѣла дня. Въ Ямкѣ - то собирается разная голь да рвань, и всѣ извѣстны полиціи. Однимъ словомъ, пьянчуги да мелкіе заворуи... А тутъ работа аховая. Слѣдователь-то и приналегъ... Ну, и вызналъ, што вечеромъ въ Ямку приходилъ регентъ и выпилъ водки. Первое, какая корысть регенту заходить въ Ямку, а второе—у нищаго всего и капиталу были новыя валенки. Сейчасъ къ регенту и сейчасъ эти самыя валенки у него обозначились, и сейчасъ паспортъ неправильный, а откуда и каковъ чело-

вѣкъ—невѣдомо. Усадили регента въ замокъ, а онъ себѣ назвалъ. Вотъ и сидитъ Чечень и мѣсяцъ, и два, и три, пирается: не знаю, и тому дѣлу конецъ. Только надо тебѣ што у этого самаго Чечня, — по видимости-то онъ старикъ сорный,—оказалась сполюбовница. Понимаешь?

— Будетъ... Оставь.

— Нѣтъ, ты слушай, што дальше-то вышло. Ну, и ... што эта сполюбовница въ острогѣ сидитъ. Вызналъ это ... резъ арестантовъ и посылаетъ ей наказъ, штобъ перевела нашъ острогъ. А та на дыбы: не хочу я тебя, стараго чорта. Бабенка-то молодая, у нея своя линія вышла. Ну, тогда слѣдователя чистую и сдѣлалъ: «такъ и такъ, повинен пяти душахъ. Только не одинъ, а вмѣстѣ съ полюбовн разсказалъ... Сначала-то все у него приспособлено, Слезы... Нарядился купцомъ, посадилъ полюбовницу, в жена, и на своихъ коняхъ пріѣзжаетъ въ одну деревн мому богатому мужику. «Пустите переночевать». Хозяи не оказалось, а оставалась жена съ двумя ребятишками, старикъ отецъ, да неженатый братъ. Хорошо. Расположился Чечень съ своею Чечоткой въ задней избѣ, задалъ конямъ корму и потребовалъ самоваръ. Какъ слѣдуетъ быть настоящему купцу. Ну-съ, хорошо. Сидятъ, попиваютъ чаекъ, а потомъ купчиха пошла въ переднюю избу и зоветъ старика угоститься чайкомъ. Старикъ лежалъ на печкѣ больной и отказался. Ну, тогда она уводитъ хозяйскаго брата. Привела, усадила за столъ, а Чечень его и задавилъ... У него мертвая хватка. Вѣдь, глядѣть не на что, а рука желѣзная. Такимъ-то манеромъ напоила она чайкомъ хозяйку, а потомъ пошла въ переднюю избу и старика на печкѣ прикончила, и дѣвочку-трехлѣтку,—на палатяхъ спала,—и робенка грудного въ зыбкѣ, и кошку. Чечень взялъ веревочку, связалъ вмѣстѣ съ кошкой и на гвоздь на стѣнку повѣсилъ... Ну, потомъ ограбили все и укатили. Такъ и слѣдъ простылъ. Только изъ-за Чечотки дѣло все и выплыло. «Вмѣстѣ,—говоритъ Чечень-то,—пойду на каторгу съ своею Чечоткой и задушу ее»... И задушитъ.

— Конечно, задушитъ,— подтвердила вся камера.

Кириллъ молчалъ, скорчившись въ своемъ уголкѣ. Его точно обступала какая-то холодная вода, даже зубы стучали. Господи, что онъ слышитъ? А безпоповецъ, какъ волкъ, такъ ... ближе къ нему.

— Уйди,— тихо попросилъ его Кириллъ.— Буд...

— А я тебѣ еще разскажу случай, владыка,—такъ же тихо отвѣчалъ этотъ назойливый врагъ.—Ты не спи...

Кое-гдѣ арестанты уже храпѣли. У окна кто-то шептался. Шалай ушелъ, а на его мѣстѣ расположился безпоповецъ.

— Владыка, ты започивалъ никакъ?...

— Ахъ, Господи, Господи... Не могу я больше... уйди...

— Видишь, какое дѣло вышло...—не унимался безпоповецъ, продолжая свой шепотъ.—Въ номерѣ третьемъ содержится у насъ одинъ человѣкъ, т.-е. онъ не человѣкъ, а простой деревенскій парень. Изъ себя такой бѣлобрысый да рябой. Промежду прочимъ, могутный парень-то, только придурковатъ малость... Хорошо. Ефимомъ звать. Вотъ и сидитъ этотъ Ефимъ у себя въ избѣ у окошка, это значитъ въ деревнѣ. Сидитъ и въ окошко поглядываетъ. Только старикъ отецъ и говоритъ: «Ефимъ, ты видѣлъ, какъ мужикъ проѣхалъ въ новомъ полушубкѣ и свиная тушка въ саняхъ, въ передкѣ?»—«Видѣлъ, тятинька».—«Такъ надо отнять у него и полушубокъ, и тушку».—«Да онъ не отдастъ».—«А ты силой...»—«А онъ пожалится?»—«А ты возьми...» Ну, старикъ и научилъ, што надобно сдѣлать. А мужикъ ѣдетъ себѣ путемъ-дорогой и посвистываетъ, потому какъ былъ на торжкѣ, продалъ что-то, выпилъ малымъ дѣломъ,—ну, весело человѣку. Дѣло зимнее, снѣжокъ падаетъ... хорошо. Только верстахъ въ десяти отъ деревни его и догоняетъ Ефимъ. Ну, разговорились. То, се, Ефимъ и говоритъ: «Тутъ ближе есть дорога, значитъ, покосами...» Пьяненькій мужичокъ и согласись. А Ефимъ сослался, што быдто за сѣномъ ѣдетъ. Такимъ манеромъ, завезъ онъ мужика въ сторону, да и насѣлъ на него. Вынулъ кнутовище, да кнутовищемъ глазъ мужику и выковырялъ, а потомъ другой. Снялъ съ него полушубокъ новенькій, навалилъ къ себѣ свиную тушку, а мужикъ въ крови весь катается по снѣгу... Глядитъ Ефимъ, а на немъ еще остался понитокъ, какой мужики подъ шубу надѣваютъ. «Ну,—говоритъ Ефимъ,—понитокъ то я, видно, оставлю тебѣ, потому какъ не было родительскаго благословенія нащетъ понитка...» Сѣлъ на сани и былъ таковъ, а мужикъ съ выковырянными глазами остался въ лѣсу. И больно ему, и кровь хлещетъ, и холодомъ донимаетъ. Ну, у смерти конецъ... Однако, мужикъ-то собрался съ послѣднею силой, подползъ къ лошади, распрегъ ее, сѣлъ верхомъ и пустилъ,—куда-нибудь вывезетъ Богова скотинка. Ѣхали, ѣхали, долго ли, коротко ли, а потомъ лошадь встала... Слышитъ мужикъ, што она сѣномъ шуршитъ,—значитъ, къ зароду съ сѣномъ пріѣхали. Слѣзъ слѣпой мужикъ, забился въ зародъ и малымъ дѣломъ отогрѣлся. А

потомъ опять на лошадь и поѣхалъ дальше. Слышитъ, ш
вышла на твердую дорогу, значитъ, въ деревню вывезе
слышитъ мужикъ, што кто-то его догоняетъ. По голосу-т
ко... Остановился мужикъ, а мальчонко какъ увидѣлъ е
ви, да сѣномъ всего его на свѣжую кровь облѣпило — на
ужь мужикъ истошнымъ голосомъ взмолился. Мальчон
тился и кричитъ: «Ежели ты не оборотень, прочитай И
литву, да перекрестись». Прочиталъ мужикъ и молитву
крестился, а мальчонко его въ Ефимову деревню и пре
прямо въ волость. Ну, наѣхалъ становой, слѣдователь,
до Ефима, а онъ въ отпоръ. Обыскъ сдѣлали у отца — ни
дователь-то догадливъ былъ: взялъ, да и уѣхалъ, а пото
три дня, ночью, и накрылъ ихъ. И тушка обозначилась
новый полушубокъ, и Ефимъ повинился во всемъ. Дура
родительскому, говоритъ, благословенію не посмѣлъ пере
какія дѣла, владыка, бываютъ!

— Господи, Господи, страсть-то какая...— шепталъ
чувствуя опять, какъ весь холодѣетъ.— Никакой звѣр
сдѣлаетъ...

— Куда же звѣрю!... Особливо, ежели сытый звѣр
кого не тронетъ.

— Хуже звѣря омраченный душою человѣкъ... Пос
гибельныя времена, а все его работа, антихриста. Господ

Въ темнотѣ послышались тихія рыданія,— это пл
риллъ, а безпоповецъ хихикалъ, счастливый, что извел
ничьяго владыку въ конецъ. Шестой номеръ уже спалъ
безпоповецъ, а Кириллъ лежалъ и плакалъ о лютыхъ гр
ра, о помраченныхъ злобой душахъ, о себѣ. Вторая
еще тяжелѣе, чѣмъ первая. Кириллъ не могъ даже сказ
онъ или не спалъ. Его что-то душило, точно кто сидѣл
или навалили на него тяжелый камень. А потомъ онъ
забылся и видѣлъ страшный, кровавый сонъ: будто о
риллъ, а Слеза, Чечень и Ефимъ вмѣстѣ... онъ чувство
лую кровь и жаждалъ новыхъ убійствъ, какъ волкъ, за
въ овечье стадо. Потомъ охватила его ярость любостя
все хваталъ и все пряталъ, и все, казалось ему, бы
какъ трудно было прятать... Страхъ на него нападалъ,
начиналъ прятаться самъ. Его кто-то искалъ и старался
Потомъ видѣлъ онъ посинѣвшее лицо задушеннаго Ежов
а отрѣзанная голова Жаръ-Птицы показывала ему так
ный, синій языкъ. Наконецъ, видитъ Кириллъ,

мѣстѣ съ Чечоткой, онъ правитъ, а она рядомъ съ нимъ и прижимается плечомъ... Несутся кони, а Кириллу кажется, что все тихо и что за ними гонятся тѣни убитыхъ, зарѣзанныхъ и задушенныхъ, и ближе всѣхъ маленькій задушенный ребеночекъ съ веревкой на шеѣ. А Чечотка все тѣснѣе жмется къ нему, и онъ даже чувствуетъ теплоту этого грѣшнаго бабьяго тѣла...

Кириллъ вскрикнулъ отъ страха и проснулся. Онъ обливался холоднымъ потомъ, зубы стучали. Господи, что же это такое?... Машинально Кириллъ хотѣлъ поправить свои волосы и въ ужасѣ опустилъ руку: половина волосъ была отрѣзана. Рядомъ лежалъ безпоповецъ и притворно храпѣлъ: это была его работа.

— Вотъ *онъ* когда добрался до меня,— скорбно думалъ Кириллъ,— протянулъ свою мерзкую лапу и зацѣпилъ назарейскіе власы...

Д. Мамин-Сибиряк.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Женскіе силуэты.

I.

Primavera.

Сюда пріѣхавъ на грошѝ,
Трудомъ добытые упорнымъ,
Огнемъ пылая животворнымъ
Познаній жаждущей души,—

Она—ручей въ пустынѣ людной,
Ей первымъ вешнимъ быть цвѣткомъ!
Ей черный день давно знакомъ—
И милъ, не страшенъ подвигъ трудный!

Привлекъ ее не шумный свѣтъ,
Не блескъ, не власть минутной моды:
Теперь у насъ такіе годы,
Что на науку моды нѣтъ.

Не куклой быть, а человѣкомъ,
Быть равной мужу,—не рабой,
Вступать съ неправдой всюду въ бой
И съ равнодушнымъ, пошлымъ вѣкомъ—

Вотъ цѣль!... Она и поняла,
Какъ труденъ бой,—и красотою,
Манеръ изящной простотою,
Костюмомъ не пренебрегла...

Съ почтеньемъ, словно виноватый,
Глядишь на дѣвушку: звѣзда!...
А мы-то, мы-то, господа,
Лѣнивы, слабы, хлыщеваты!...

При ней опасно зря болтать,—
Въ невѣждахъ можно очутиться!
Позоръ!... Ахъ, надо подучиться,
Себя бы въ руки надо взять!...

II.

Дама въ футлярѣ.

Какъ тяжкою бронёй, какъ сложною шнуровкой,
Все въ ней опутано нелѣпой дрессировкой.

Подавленъ слабый умъ, погашенъ сердца жаръ...
Все существо ея заключено въ футляръ.

Футляръ изъ томныхъ чувствъ, изъ предразсудковъ, страховъ,
Изъ дрязгъ амбиціи, истерикъ, оховъ, аховъ—

И всѣмъ изъ прописей извѣстныхъ общихъ мѣстъ.
Во-истину, она несетъ тяжелый крестъ!...

И въ этомъ свѣтскій кругъ ни мало не виною:
О немъ лишь довелось ей слышать стороною.

Двѣ-три салонницы,—вотъ весь ея кружокъ.
Всему виной принципъ... Но въ ней онъ не глубокъ.

Пусть лишь событіе изъ колеи обычной
Что-либо выдвинетъ—и сразу носъ привычный

Изъяны гордаго футляра ощутитъ:
Отъ «дамы» лавочкой и кухнею разитъ...

Но ей, увы, ничто всей правды не откроетъ!
Ей мнится, что она любой принцессы стоитъ,

Что всѣхъ манерами дано ей восхищать
И долженъ къ ней Самъ Богъ почтенье ощущать.

Василій Величко.

СОПЕРНИЦЫ *).

Романъ Франсуа Коппе.

V.

Въ тотъ же вечеръ, когда Сенъ-Фирменъ принесъ рукопись поэта, Нелли Робенъ прочла ее, лежа въ постели. Красавица не густо смыслила въ литературѣ. Подобно многимъ актрисамъ, она заучивала свои роли выписанными отдѣльно, совсѣмъ не зная пьесы, и въ цѣломъ разбиралась кое-какъ уже на репетиціяхъ, по указаніямъ автора и главнаго режиссера. Но къ стихамъ, къ риѳмованнымъ фразамъ, говорящимъ о любви, она относилась съ инстинктивнымъ уваженіемъ мелкихъ обитательницъ предмѣстья, слѣдящихъ по грошевой тетрадкѣ за словами романса, который поетъ хриплымъ голосомъ шарманщикъ, вертя рукоятку своего органа. Звучные стихи поэмы Жана Дели были восхитительны. Они растрогали Нелли и показались ей далеко превосходящими куплеты Мопу и Лоизы Пюже, которые она напѣвала въ дѣтствѣ, бѣгая по тротуарамъ Бельвиля. Она заснула, думая о юномъ поэтѣ, нашедшемъ разнѣжившіе ея душу стихи и вынужденномъ обѣдать съ кучерами.

Нелли жила тогда съ герцогомъ Эйлау, сыномъ славнаго маршала, бывшаго маленькаго барабанщика, выбивавшаго «наступленіе» на Аркольскомъ мосту рядомъ съ Бонапартомъ. Герцогъ былъ красивый мужчина, немного истрепанный, съ важными манерами, съ умомъ крайне ограниченнымъ, и вторая имперія смогла дотянуть его только до камергерства. На ужинъ, который герцогъ давалъ въ одномъ изъ модныхъ ресторановъ нѣсколькимъ дамъ, близкимъ къ Тюльери, Нелли явилась съ рук

---

*) *Русская Мысль*, кн. VII.

Дели. Вечеръ не блисталъ веселъемъ, собрались все люди съ сѣдыми головами и порядочно надутые, но рядомъ съ актрисой сидѣлъ г. Кадюкъ, личный секретарь и интимный другъ императора. Это былъ очень милый старикъ, большой знатокъ литературы, человѣкъ всесильный въ театрахъ. Нелли взяла съ него слово въ томъ, что онъ прочтетъ *Звѣздную ночь*, и черезъ недѣлю получила карточку г. Кадюка, на которой было написано: «Прочелъ и очарованъ. Везу во Французскую Комедію».

Нелли, восхищенная удачей, тотчасъ же написала Сенъ-Фирмену. А бѣдняга старый комикъ и прочесть уже не могъ ея письма, доставленнаго къ нему въ больницу, гдѣ онъ уже три дня лежалъ между жизнью и смертью. А такъ какъ, на случай неудачи, поэту онъ не сказалъ о томъ, что передалъ рукопись актрисѣ, то никакого отвѣта она не получила и въ началѣ была даже обижена молчаніемъ Сенъ-Фирмена и взятаго имъ подъ свое покровительство поэта. Потомъ, увлеченная обычною веселою жизнью, она обо всемъ забыла.

А тѣмъ временемъ, по прихоти судьбы, счастье разомъ вознаградило Жана Дели за все, что ему пришлось выстрадать. Не прошло двухъ недѣль съ того дня, когда онъ отдалъ рукопись Сенъ-Фирмену, какъ раннимъ утромъ, лежа еще въ постели, онъ получилъ записку директора Французской Комедіи. Маріетта не зашла къ нему въ этотъ день, и къ безумной радости поэта примѣшалась первая капля горечи отъ того, что не могъ онъ тотчасъ подѣлиться доброю вѣстью съ милою подругой. А затѣмъ въ этотъ день не допускались посѣтители въ больницу, гдѣ, впрочемъ, старикъ Сенъ-Фирменъ, лежавшій въ безпамятствѣ и въ бреду, не въ состояніи былъ бы принять восторженную благодарность своего молодого друга.

Съ сильно бьющимся сердцемъ, десять разъ перечитавши дикую записку, Жанъ Дели одѣлся, какъ только могъ приличнѣе, обы идти въ театръ Французской Комедіи. Къ счастью, у него ъ чистенькій сюртучокъ и хорошенькій галстукъ, подарокъ Матты. Молодой человѣкъ вышелъ на улицу, и празднично нарядми показались ему грязные дома, привѣтливыми—лица прохохъ, красивыми—сѣрыя и мрачныя ноябрьскія облака. Въ тетрадмальчугана, съ которымъ онъ репетировалъ уроки, отуманенй счастьемъ поэтъ пропустилъ страшный варваризмъ «Romani», за что несчастнаго школьника до конца года учитель допекъ жестокими насмѣшками. Въ кабачкѣ, сидя за столомъ съ кумами, Жанъ чувствовалъ себя такъ, будто трапезуетъ съ богами

Олимпа, вкушаетъ амброзію и пьетъ нектаръ, хотя въ дѣйствительности ѣлъ онъ винегретъ съ прогорклымъ масломъ и пилъ фіолетовое вино. Въ дальнѣйшій путь онъ отправился бодрымъ шагомъ счастливаго человѣка.

Но передъ знаменитымъ «Домомъ Мольера» восторженное настроеніе вдругъ куда-то исчезло, смѣнилось большою робостью. На лѣстницѣ блестящіе портреты и важные бюсты знаменитыхъ артистовъ, казалось, смотрѣли на него, какъ на сущее ничтожество. Дежурный, которому онъ передалъ свою карточку, окинулъ его такимъ презрительнымъ взглядомъ, что Жану пришло въ голову, уж не во снѣ ли онъ видѣлъ записку, приглашавшую его придти въ эти чертоги, полные высокомѣрія.

Поэтъ нѣсколько оправился, однако, когда директоръ встрѣтилъ его привѣтливыми словами. Пьеса будетъ въ самомъ непродолжительномъ времени, въ теченіе двухъ, самое большее— трехъ мѣсяцевъ, прочтена въ комитетѣ, принята и поставлена. Г. Кадюкъ оказалъ огромное одолженіе императорскимъ артистамъ, разыскавши такую прелестную вещицу. Молодой человѣкъ узналъ, къ величайшему своему изумленію, что покровительствуетъ ему г. Кадюкъ. На выраженія благодарности управляющій театромъ отвѣтилъ:

— Не меня благодарите, устроилъ это г. Кадюкъ, и вамъ надо къ нему зайти. Всѣмъ вы обязаны его тонкому, изящному вкусу... Онъ живетъ въ двухъ шагахъ отсюда, въ улицѣ Риволи...

Жанъ прямо къ нему и направился. Въ свѣтлой, прекрасной б ліотекѣ, выходящей двумя большими окнами въ Тюльерійскій са его принялъ необыкновенно любезный старикъ, съ тонкимъ, ; нымъ лицомъ подъ шапкой совершенно бѣлыхъ волосъ, съ оча вательною манерой настоящаго придворнаго.

— Вы ничѣмъ мнѣ не обязаны, милый юноша. Наоборотъ, я пріятно будетъ гордиться тѣмъ, что я дамъ публикѣ возможно испытать то наслажденіе, какое доставило мнѣ чтеніе вашихъ п лестныхъ стиховъ... Къ тому же, и получилъ я ихъ изъ рукъ к савицы. Вашу рукопись мнѣ передала Нелли Робенъ изъ *Водевил* Она говорила, что получила ее отъ какого-то стараго актера, ва го знакомаго...

И, видя недоумѣніе молодого человѣка, хозяинъ прибавилъ:

— Вы не знали этого?... Такіе рикошеты не рѣдкость въ рижской жизни, про которую говорятъ много дурного что бы тамъ ни говорили, выдающемуся человѣку долго прозябать въ неизвѣстности... Несите же вы

ательности къ ногамъ мадемуазель Робенъ. Она играетъ се-
, отправляйтесь къ ней въ уборную... И я увѣренъ,—законъ-
милый старикъ съ легкою, игривою усмѣшкой,—что авторъ
явится ей не менѣе произведенія...

елли Робенъ!... Жанъ Дели поминутно повторялъ это имя,
по Парижу. Онъ порою встрѣчалъ имя актрисы въ газетахъ
вленнымъ такими фразами, которыя говорятъ о роскоши, объ
льствіяхъ, о веселой жизни полусвѣта. У торговцевъ фотогра-
онъ видалъ портреты великолѣпной красавицы. И такъ, онъ
ъ Нелли Робенъ за такую услугу! Само собою разумѣется,
что поэтъ ничуть не раздѣлялъ предубѣжденія, въ сущности, дале-
ко не искренняго и ханжескаго, людей степенныхъ противъ счаст-
ливыхъ жрицъ любви. Куртизанка она! А большинство женщинъ
ей завидуетъ, въ семьяхъ ея боятся, а едва ли въ душѣ можно пре-
зирать тѣхъ, кого боятся и кому завидуютъ. Что же касается муж-
чины, который любитъ, то ему представляется вполнѣ естествен-
нымъ наряжать любимую женщину, безразлично, являлся онъ съ
нею или нѣтъ къ меру въ трехцвѣтномъ шелковомъ шарфѣ и къ
священнику въ блестящей ризѣ. А! еслибъ онъ, Жанъ Дели, былъ
богатъ, съ какимъ бы наслажденіемъ далъ онъ сейчасъ же своей
милой Маріеттѣ щегольскія платья и бриллианты!... Торгующая со-
бою дѣвушка! Продажная женщина! Какими безсмысленными каза-
лись Жану эти оскорбительныя слова,—и въ этомъ онъ былъ от-
части правъ. Онъ уже чувствовалъ странное волненіе при мысли
объ этой красавицѣ, артисткѣ, все-таки, какова бы она ни была,
капризъ которой, навѣрное, выведетъ его изъ нужды и изъ не-
извѣстности. И къ тому же, какой поэтъ, попавши въ судьи, не
оправдаетъ худшаго изъ негодяевъ, если угадаетъ въ немъ своего
поклонника?

«Завтра, когда я разскажу Маріеттѣ приключенія, она станетъ
оже обожать Нелли Робенъ»,—такъ раздумывалъ онъ, но его тот-
асъ же охватило сомнѣніе:—«А кто знаетъ? Пожалуй, Маріеттѣ
удетъ непріятно, что такое счастье достается мнѣ отъ другой жен-
щины... Ну, да я ей разъясню...»

И онъ, однако, шагалъ по Елисейскимъ Полямъ, куда забрелъ
езсознательно, уже забывши о своей скромной подругѣ, не думая
и о чемъ, кромѣ очаровательной благодѣтельницы. Какъ долго
приходится ждать свиданія съ нею! Она приметъ его въ своей убор-
ной. Онъ войдетъ въ таинственный міръ кулисъ, представляющій-
я такимъ наивнымъ несмышленочкомъ, какъ Жанъ, какими-то ка-
акомбами сладострастія, полными нѣги и любви. Какъ явится онъ

къ Нелли? Онъ такъ мало былъ увѣренъ въ себѣ, что дроя страха показаться неловкимъ, смѣшнымъ. Съумѣетъ ли онъ попасть въ надлежащій тонъ, нѣжно и трогательно высказать ей свою благодарность? И, разумѣется, тогда она протянетъ ему свою чудную, ароматную ручку...

Замечтавшійся поэтъ признательностью объяснялъ чувство, волновавшее его сердце.

Въ этотъ вечеръ Нелли пріѣхала въ театръ въ самомъ дурномъ расположеніи духа. Не однѣми сладостями полна жизнь красивыхъ созданій, которыми щеголяютъ болваны съ толстыми карманами, какъ гарденіей въ бутоньеркѣ. Герцогъ Эйлау,—пятидесяти четырехъ лѣтъ, величественный, какъ лошадь похоронныхъ дрогъ,—удручалъ свою любовницу съ четырехъ часовъ до шести невыносимою партіей китайскаго безига и выраженіями камергерскаго негодованія по поводу генеалогической ошибки, найденной имъ въ Готскомъ альманахѣ. Въ уборной Нелли до того неистовствовала, что едва не прибила свою одѣвальницу. Но, по натурѣ, неспособная злиться долго, она въ корсетѣ и въ открытомъ пеньюарѣ усѣлась къ туалету и начала «дѣлать себѣ лицо», когда служитель доложилъ ей, что какой-то г. Жанъ Дели ждетъ у швейцара и проситъ позволенія войти на минуту.

— Жанъ Дели?... Кто такой Жанъ Дели? А, да, поэтикъ, пріятель Сенъ-Фирмена... Нельзя сказать, чтобы особенно онъ поторопился придти меня благодарить!... Ну, да все равно, ведите его

Но добродушная женщина уже простила ему запоздалый визитъ, думала лишь о томъ, чтобы быть полюбезнѣе, поласковѣе принять молодого человѣка, забитаго бѣдностью и одареннаго такимъ крупнымъ талантомъ. Когда же онъ появился на порогѣ, со всѣмъ блѣдный отъ волненія, она встала, не запахивая своего пеньюара, двинулась ему на встрѣчу, протянула обѣ руки и проговорила:

— Да идите, дайте поздравить васъ съ такимъ блестящимъ началомъ... Ваша пьеса — прелесть, и я надѣюсь, что поставятъ ее очень скоро... Идите, покажитесь, каковъ вы...

Она взяла его за руку, усадила рядомъ съ собою на маленькій диванчикъ и смотрѣла на юнаго гостя въ то время, какъ онъ извинялся, едва лепеталъ что-то о своей благодарности, совсѣмъ растерянный, опьяненный милымъ пріемомъ, ароматомъ уборной, пожатіемъ горячихъ рукъ, близостью пышно разцвѣтшей женщины.

Нелли было тридцать лѣтъ, и перенспытать она успѣла въ своей жизни очень многое. Но тутъ ее внезапно охватило совер

шенно новое чувство,—точно магнитный токъ, сладостный и болѣзненный, разслаблялъ ее и въ жаръ бросалъ, кружилъ ей голову и жегъ ей грудь. И заодно съ физическимъ волненіемъ подступала къ сердцу неизъяснимо-чудная нѣжность. И хорошо ей, и страшно... Въ первый разъ въ жизни она любила.

Она сознавала, что утратила всякую власть надъ собой, что куда-то уноситъ ее неопреодолимая сила, могучая, какъ инстинктъ. Моментально превратившись въ простую дѣвушку изъ народа, какою она была прежде, Нелли припомнила подругъ своей юности, влюбленныхъ дѣвочекъ предмѣстья, которымъ скажетъ, бывало, грубый возлюбленный: «Иди»,—и онѣ покорно слѣдуютъ за нимъ. Если бы въ эту минуту сидящій рядомъ съ нею молодой человѣкъ посмотрѣлъ на нее пристально, она упала бы на его плечо, залилась бы слезами. А робкій юноша не смѣлъ и глазъ поднять. Онъ казался ей такимъ чистымъ, такимъ недоступнымъ для нея, что и она смущалась, и когда конфузливая улыбка открывала изъ-подъ золотистыхъ усиковъ рядъ бѣлыхъ зубовъ и свѣжія губы, Нелли сокрушалась отчаяніемъ, считая себя недостойною такого поцѣлуя,—такъ бываетъ человѣку неловко сорвать розу грязною рукой.

Что говорили они? Самыя заурядныя фразы; она пыталась, насколько могла, быть любезною, повторяла одни и тѣ же слова, разспрашивала о его жизни, очень сочувственно и очень неловко. Онъ въ отвѣтъ бормоталъ что-то. Какимъ ни былъ новичкомъ поэтъ, онъ про себя дивился смущенію актрисы, не умѣя разгадать его причины. Ему душно становилось въ атмосферѣ уборной. Не зная, что говорить, опасаясь быть въ тягость, онъ всталъ, чтобы про-

Черные глаза, глубокіе глаза Нелли затуманились.

ы зайдете ко мнѣ еще, да, зайдете?—въ ея голосѣ почти сь мольба.

ъ удовольствіемъ,—отвѣтилъ онъ.—Когда позволите?

юда, въ уборную, въ этотъ же часъ... Я всегда одна.

поклонился, она протянула ему руку, на этотъ разъ хотакъ ледъ. Когда онъ былъ уже на улицѣ и ночной вѣтеръ его голову, ему припомнилось, будто рука Нелли дро-

ъ она хороша!—думалъ онъ, возвращаясь въ свой чуланъ шей.—Нѣтъ, Маріеттѣ я скажу, что Сенъ-Фирменъ лично мою рукопись г-ну Кадюку... Если Маріетта узнаетъ, что овительствуетъ такая дивная женщина, я увѣренъ теперь, станетъ ревновать и мучиться... Много лучше будетъ все гь отъ бѣдной дѣвочки».

VI.

Поэтъ солгалъ своей подругѣ, и радость Маріетты тому, что *Звѣздная ночь* пойдетъ на сценѣ, вскорѣ была отравлена большою тревогой. Дѣвушкѣ стало казаться, будто ея возлюбленный охладѣваетъ къ ней. Еще недавно, когда она приходила къ Жану, онъ нетерпѣливо ждалъ ее, встрѣчалъ на порогѣ, прежде чѣмъ она успѣвала пройти послѣднюю лѣстницу, радостно улыбался и какъ обнималъ, какъ цѣловалъ! Чутьемъ своимъ она знала тогда, что, вмѣстѣ ли они были, врознь ли, онъ одинаково любилъ ее. Совсѣмъ не такимъ былъ онъ теперь. Такъ же былъ онъ милъ и добръ—да, но уже не такъ нѣженъ, чѣмъ-то озабоченъ. Она не сердилась на него. Разумѣется, не могъ онъ, попрежнему, весь отдаваться своей любви, когда его волнуютъ надежды и честолюбіе художника съ приближеніемъ рѣшительной для него минуты. Тѣмъ не менѣе, она тревожилась за него и пугливо спрашивала:

— О чемъ ты задумался?

Отвѣтъ получался успокоительный:

— Сама же ты знаешь... О моей пьесѣ, о чтеніи ея въ тетѣ... Вѣдь, черезъ двѣ недѣли...

Но онъ и тутъ лгалъ. Въ то время, какъ Маріетта ласк къ нему, въ глаза заглядывала и цѣловала, онъ думалъ о I о роскошномъ цвѣткѣ, ароматъ котораго онъ вдыхалъ такъ го, о красавицѣ, которая готова была отдаться ему,—въ этом былъ увѣренъ теперь,—и образъ которой не давалъ ему пок

Почему же, однако, въ продолженіе десяти дней онъ не п вторично въ театръ *Водевиля?* Несомнѣнно, изъ-за Маріетты нехорошо имѣть тайну отъ нея. Онъ простить себѣ не могъ мечты о невѣрности. Она страстно любитъ его! Да, вѣдь, и с ее любить... Что бы ни случилось, всегда она останется ея другой, его избранницей, никто не займетъ ея мѣста, не в нитъ изъ глубины его сердца. И онъ смотрѣлъ, убаюканный с емъ, привалившись къ ея плечу, на эту наивную головку, рыжіе волосы, въ безпорядкѣ разсыпавшіеся потокомъ мѣди п денькой спинѣ, по дѣтской почти груди, и любовался милым зами кофейнаго цвѣта, заглядывавшими на него такъ довѣрч кротко.

«Нѣтъ, безчестно было бы съ моей стороны...—думалъ о такія минуты.—Не стану я искать случая видѣть эту Нел бень».

Но онъ увидалъ ее, не воображая даже искать.

онзошло это на кладбищѣ Отца Лашеза передъ зіяющею ямой общей могилы, куда только что опустили гробъ Сенъ - Фирмена, умершаго въ больницѣ. Очень огорченный утратой своего скромнаго и восторженнаго друга, Жанъ Дели, пьеса котораго наканунѣ была одобрена комитетомъ, слушалъ послѣднія «De profundis». Шелъ мелкій, холодный дождь, и очень немногіе изъ товарищей стараго режиссера собрались проводить его до могилы. Тутъ было всего три или четыре актера изъ Одеона и десятокъ стариковъ съ бритыми, морщинистыми лицами, игравшихъ когда-то съ Сенъ-Фирменомъ на мелкихъ театрикахъ предмѣстій.

Когда уже кропили святою водой, явилась дама въ дорогой шубѣ и съ цвѣтами въ рукахъ. Жанъ узналъ Нелли Робенъ. Добрая женщина пришла сказать послѣднее прости старому свидѣтелю ея бывшей бѣдности. Она быстро подошла къ могилѣ, перекрестилась, склонила голову, шепча короткую молитву, потомъ передала могильщику цвѣты и вѣнки, сунула монету ему въ руку и, оглянувшись, увидала раскланивающагося Жана.

И какой взглядъ сверкнулъ изъ-за приличествующей обстоятельствамъ черной вуали! Нѣжный и грустный, въ одно и то же время. Двѣ недѣли актриса ни о чемъ не могла думать, кромѣ молодого поэта. Каждый вечеръ она ждала его въ своей уборной. Въ выразительныхъ глазахъ Нелли сверкнулъ нѣмой укоръ на одну секунду и мгновенно смѣнился выраженіемъ радости всеобщающей. Молодой человѣкъ покраснѣлъ, его сердце билось къ сильно, что онъ поднесъ къ нему руку.

Они стояли на грязной дорожкѣ кладбища, подъ ненастнымъ мрачнымъ декабрьскимъ небомъ, на краю ямы, въ которую заливаютъ бѣдняковъ... Да, правда: любовь сильнѣе смерти!

Тѣмъ не менѣе, подходя къ Жану, актриса сдѣлала огорченную мину.

— Бѣдняга Сенъ-Фирменъ,—заговорила она.—Мы оба очень любили его, не такъ ли?

И обоими былъ уже забытъ Сенъ-Фирменъ, и незлобивая тѣнь его, навѣрное, улыбалась имъ съ обычною актерскою снисходительностью къ увлеченіямъ ближнихъ.

Жанъ и Нелли отошли отъ общей могилы и вмѣстѣ направились къ воротамъ по круговой аллеѣ подъ унылыми безлистыми деревьями.

— Почему вы не приходили ко мнѣ?—спросила она тихо.

— Не смѣлъ...—прошепталъ онъ въ отвѣтъ.

Они шли рядомъ и оба молчали. У воротъ клад
су ждала ея карета.

— Я подвезу васъ... Хотите, мосьё Дели?—прог
савица.

Едва очутившись въ каретѣ, изящно обитой, то
ка, загроможденной ароматною шубой, Жанъ потер
Нелли подкараулила страстное выраженіе глазъ моло
ка и опустила голову на его плечо.

— Развѣ же ты не видишь, что я люблю тебя?
вздохомъ сорвалось съ ея губъ.

Сколько поцѣлуевъ было обмѣнено, когда карет
лась передъ квартирой артистки? Нелли выпрыгнула и
пробѣжала крыльцо своего маленькаго отеля, увлек
Жана. Дели. Она похищала его, не хотѣла отпустит

Въ прихожей ихъ остановила горничная:

— Герцогъ уже двадцать минутъ здѣсь, — сказ
ждетъ въ будуарѣ, пасьянсъ раскладываетъ...

Герцогъ! Про него-то она и забыла! Это обычн
безпощадной партіи въ безикъ.

Кивкомъ головы она удалила горничную, потомъ п
руки на плечи Жана, вдругъ гордо выпрямившагося
себя, задыхаясь отъ любви, проговорила:

— О! Не будь злымъ, прости меня!—умоляла с
ты будешь здѣсь господиномъ, если хочешь... Об
сегодня ко мнѣ въ уборную...

Любовникъ чужой содержанки! Фу-у!... Чувство
у молодого поэта, а также и огромное самолюбіе. О
дился изъ ея рукъ, поклонился и вышелъ, не сказав

— Нѣтъ, слуга покорный!—говорилъ онъ почти
гая по улицамъ, униженный, отрезвленный и взбѣ
Нѣтъ, не пойду я сегодня въ уборную, ни сегодня и н
роша она, какъ день, и теперь еще жгутъ меня ея поц
не изъ тѣхъ я любовниковъ, которыхъ прячутъ по шка
лыхъ раздѣловъ я не допускаю... Она говоритъ: быть
завтра, если хочу? Быть господиномъ среди этой роско
ной ею отъ другого, отъ другихъ... когда у меня въ
хватитъ денегъ на покупку ей букета розъ?... За
меня принимаетъ?... Да и я-то безумецъ, сумасшед
дарный!... А Маріетта?

И онъ попытался настроить себя на восторженн
поминаніемъ о Маріеттѣ. Развѣ же онъ думалъ ее

когда въ жизни. Вся вина его въ томъ, что онъ готовъ былъ измѣнить ей. Но это такъ мимолетно было, что не разлюбилъ же онъ отъ того свою нѣжную подругу... А, все-таки... И Жанъ самъ удивился спокойствію своего сердца при мысли о любимой дѣвушкѣ, которой, въ сущности, онъ измѣнилъ уже мысленно. Невольно промелькнуло сравненіе двухъ женщинъ, и кровь опять ударила ему въ голову. На его губахъ горѣли поцѣлуи влюбленной куртизанки. Что же это, однако, за чрезмѣрная совѣстливость?... Не ясно ли, что все это мимолетный капризъ красавицы? Почему бы имъ и не воспользоваться? Только, прежде всего, надо быть правдивымъ. Она должна знать, что онъ не свободенъ, и самъ онъ скажетъ это сегодня же вечеромъ...

Въ восемь часовъ онъ вошелъ въ уборную Нелли.

Ласки безумныя... Она стояла передъ нимъ на колѣняхъ, цѣловала его руки.

— Скажи только слово,—повторяла она,—и я вышвырну герцога вонъ, буду тебѣ принадлежать, одному тебѣ!...

Поэтъ выдержалъ характеръ и сказалъ про Маріетту.

Нелли выпрямилась, вздрогнула всѣмъ тѣломъ.

— Ты любишь другую?

Тогда Жанъ сдѣлалъ низость, началъ объяснять. Да, правда, но эта дѣвушка пожалѣла его, когда онъ былъ совсѣмъ одинокъ, несчастливъ. Онъ любилъ ее изъ благодарности, чувствуетъ къ ней не болѣе, какъ дружбу.—Увы, то была уже правда.—Это не должно удивлять Нелли. Развѣ сама-то она?...

ой любовникъ!—воскликнула актриса.—Я прогоняю его...
ы свою любовницу.

і логика привела въ ужасъ Жана Дели. Онъ искренно, обыкновенно глупо, принялся отстаивать несчастную дѣвредъ ея соперницей. Не можетъ онъ такъ вдругъ, такъ осить Маріетту. Это привело бы ее въ страшное отчаяніе. рашивалъ отсрочки, чтобы подготовить ее къ разлукѣ, не особна на все на свѣтѣ. Такъ сильно она любитъ его...

нѣніи кокетки Жанъ безповоротно погибъ бы за такую неую неловкость. Но Нелли была на самомъ дѣлѣ влюблена, у нея было доброе. Она опустила голову и прошептала:

равда, дѣвочка обожаетъ тебя, навѣрное...

поэтъ подосадовалъ на себя въ душѣ за свою наивность. тилъ рукой талію Нелли, заговорилъ нѣжно, пылко, накъ самому ея уху:

— Что намъ за дѣло до твоего герцога? Что за дѣло до Маріетты? Не можемъ мы развѣ любить другъ друга, несмотря ни на что?...

Но онъ почувствовалъ, что красавица стала вдругъ холодна и неподвижна въ его объятіяхъ. Она отвернула лицо.

— Нелли, что съ тобой?—спросилъ онъ тревожно.

И, пытаясь поцѣловать ее, онъ увидалъ слезы на ея глазахъ.

Жанъ подумалъ, что оскорбилъ ее, сталъ умолять о прощеніи. А она схватила опять его руки, покрывала ихъ поцѣлуями, обдала настоящимъ дождемъ слезъ, говорила о своей любви. Нѣтъ, она ни за что не сердится на него. Напротивъ, она должна умолять простить ее, несчастную женщину, не заслуживающую ничего лучшаго и осмѣлившуюся мечтать объ этомъ лучшемъ, о болѣе чистомъ, о его любви. И на самомъ дѣлѣ она поддалась мечтѣ объ очищеніи любовью, какъ это дѣлаютъ всѣ, ей подобныя, хотя разъ въ жизни. То было безуміе, теперь она понимаетъ это. Къ тому же, онъ и не свободенъ.

— Ты меня обманываешь или лжешь самъ себѣ,—рыдала она,—когда увѣряешь, будто ты разлюбилъ свою Маріетту... Она была твоею первою и твоею единственною подругой, утѣшала тебя во дни несчастія... Да, я завидую ей, этой счастливицѣ. И знаешь ли? Я такъ люблю тебя, что начинаю любить и ее за то, что хороша она была къ тебѣ, и не хочу я отнимать тебя у нея... Послушайте, другъ мой,—продолжала она, немного успокоиваясь и переставая говорить ему «ты», охваченная внезапною стыдливостью,—Богъ свидѣтель тому, что я бросилась бы въ огонь, если бы это могло принести вамъ хотя немного счастья, ради успѣха вашей пьесы, напримѣръ... Но не буду я настолько слаба, чтобы уступить вамъ, зная, что вы любите другую, а на мою долю выпадаетъ только вашъ капризъ, и въ вашихъ объятіяхъ была бы только женщина, доведенная до отчаянія, которая проплакала бы всю ночь. Слишкомъ дурное осталось бы у васъ впечатлѣніе обо мнѣ.. Послушайтесь меня, разстанемся, не будемъ видаться больше. Такъ лучше будетъ для васъ и для меня... И постараемся забыть другъ друга...

Увлеченный ея неподдѣльнымъ горемъ, поэтъ бросился къ ногамъ Нелли, умолялъ, клялся въ любви и самъ чемъ клялся. Она осталась непоколебимой, не допустить ни одного поцѣлуя, отрицательно качая его клятвы. Когда же онъ ушелъ, почти прогнанный надѣяться или бояться, что онъ уже никогда не

VII.

Онъ пришелъ на слѣдующій же день и сталъ являться каждый вечеръ, и она принимала его, была съ нимъ ласкова и нѣжна, но отъ своего рѣшенія не отступала и не давала ему ни малѣйшей надежды, что можетъ когда-нибудь отступить. И какъ это часто бываетъ въ любовныхъ исторіяхъ, всѣ оказывались несчастными.

Всѣ, и Нелли прежде всѣхъ. Она вполнѣ убѣдилась, что поэтъ безъ ума отъ нея и готовъ бросить Маріетту. Что касается ея собственной связи, то ее порвать ничего не стоило. И тогда можно было бы премило зажить влюбленною беззаботною парочкой. Но актрисѣ не чуждо было своего рода великодушіе, не могла она помириться съ тѣмъ, чтобъ ея счастье повлекло за собою несчастье другой женщины, явилось бы результатомъ жестокаго поступка. Во всякомъ случаѣ, она ни за что не хотѣла сама требовать этого, никогда не сказала бы Жану: «Разстанься съ своею Маріеттой»,—но еслибъ онъ пришелъ и сказалъ:—«Я съ нею разстался»,—Нелли бросилась бы ему на шею. А онъ этого не говорилъ, и красавицу томило очень горькое сомнѣніе, не есть ли вся его любовь лишь грубое желаніе и мимолетная прихоть.

Не менѣе жалка была и Маріетта. Съ каждымъ днемъ Жанъ Дели становился все равнодушнѣе, все мрачнѣе. Когда она жаловалась на это, онъ объяснялъ перемѣну настроенія своими хлопотами, такъ какъ долженъ былъ ходить каждый день во Французскій театръ, слѣдить за постановкою своей пьесы. Но простую дѣвушку нельзя было обмануть этимъ, чуткій женскій инстинктъ говорилъ, что онъ любитъ ее меньше, чѣмъ прежде. Каждую минуту ее пугали то рѣзкое слово, то нетерпѣливое движеніе любимаго человѣка, и бѣдная дѣвочка жила въ вѣчной тревогѣ, предчувствовала надвигавшуюся бѣду.

Жанъ тоже страдалъ. Постоянно испытывая у Нелли мученія Тантала, онъ возвращался домой раздраженнымъ и, при видѣ Маріетты, чувствовалъ страшное утомленіе и жалость. Ибо, хотя и не рѣшившись еще окончательно, онъ думалъ о разрывѣ съ нею и напередъ приходилъ въ ужасъ отъ нечестности такого поступка и отъ своей неблагодарности.

Такимъ-то образомъ несчастны были всѣ. Да, всѣ, не исключая бѣдняги герцога, аристократическая и скучнѣйшая особа котораго пріобрѣла особую способность раздражать въ высшей степени нервы Нелли Робенъ. Онъ окончательно терялся передъ своенравными вспышками актрисы и никакъ не могъ объяснить себѣ без-

численныхъ ошибокъ, которыя она съ нѣкоторыхъ поръ дѣлала, играя съ нимъ въ китайскій безигъ.

Злосчастный герцогъ сталъ первою жертвой такого положенія. Изъ-за пустяка, изъ-за спора за картами,—отставка, чистая. А, кажется, совсѣмъ уже не требователенъ былъ этотъ герцогъ, за исключеніемъ, развѣ, его обычной партіи отъ четырехъ до шести часовъ. Онъ смирнехонько удалился, и съ нимъ исчезли тысячефранковые билеты цѣлыми пачками. И съ Богомъ! О деньгахъ Нелли не думала,—она любила.

Ничуть не сокращая расходовъ, она продавала свои цѣнныя вещи одну за другою и жила со дня на день съ беззаботностью кокотокъ.

Наконецъ, *Звѣздная ночь* была сыграна во Французскомъ театрѣ. Колоссальный успѣхъ не забытъ и теперь. Публика первыхъ представленій, всѣ старые, изжившіеся парижане плакали отъ умиленія. Пьеса освѣжила ихъ, подбодрила. Эта чистая идиллія была для нихъ чашкою молока, выпить которую ѣдутъ на разсвѣтѣ въ предмѣстья люди, ужинавшіе въ ночныхъ ресторанахъ. На слѣдующій день, послѣ представленія, имя Жана Дели, прославляемое всѣми газетами, разнеслось по Франціи и по Европѣ. Едва онъ освободился отъ объятій артистовъ, исполнявшихъ пьесу, какъ его сцапалъ между двухъ кулисъ толстый Бееръ, издатель еврей, въ два слова купилъ у него рукопись и всунулъ ему въ карманъ пять тысячъ франковъ. На первомъ представленіи въ ложѣ г. Кадюка Нелли Робенъ плакала отъ радости и сломала вѣеръ, неистово аплодируя, а въ глубинѣ единственнаго, даннаго автору бенуара, Маріетта упала безъ чувствъ отъ волненія на руки бывшей съ нею товарки по мастерской.

Небезопасно счастье. Добрыхъ оно дѣлаетъ лучшими и совсѣмъ сбиваетъ съ пути эгоистовъ, и превознесенный успѣхомъ человѣкъ считаетъ уже все позволеннымъ.

На другой день, поздно проснувшись въ своемъ чуланѣ подъ крышей, Жанъ Дели получилъ отъ Нелли Робенъ восторженное письмо и кипу газетъ, такъ и пышащихъ славой. Онъ знаменитъ, онъ любимъ. Все—разомъ... Нѣтъ, не все, такъ какъ Нелли не принадлежитъ ему. Единственная помѣха—Маріетта. Онъ увидалъ банковые билеты, данные ему наканунѣ Бееромъ и положенные вечеромъ на столъ. Деньги! Да не ими ли, не деньгами ли, все чаще распутываются связи молодости, любвишки Латинскаго квартала? Пять тысячъ франковъ, вѣдь, съ этимъ простая мастерица можетъ завести собственное дѣло, это цѣлое приданое, основан е

для солиднаго состоянія, быть можетъ. Для него же они послужатъ выкупомъ, цѣною свободы. А затѣмъ, не неопытную же дѣвочку онъ соблазнилъ. Отдала ему Маріетта, отлично сознавая, что̀ дѣлаетъ, всего-то какихъ-нибудь два года жизни. Пять тысячъ франковъ—и расквитались!...

А Жанъ Дели не былъ дурнымъ человѣкомъ. Вчера только въ увлеченіи тріумфомъ онъ радостно цѣловалъ Маріетту, робко поджидавшую его на улицѣ у актерскаго подъѣзда... Но страсть къ актрисѣ ослѣпляла его, доводила до безумія, сердце зачерствѣло, и сдѣлать гадость такъ легко, такъ скоро можно!

Маріетта придетъ, конечно, этимъ же утромъ. Онъ быстро одѣлся, написалъ ей прощальное письмо. Въ немъ онъ умолялъ Маріетту простить его. Разстаться необходимо, такъ какъ онъ разлюбилъ ее. Отнынѣ они стали бы только мучить другъ друга. Деньги онъ, человѣкъ литературный, предложилъ ей въ очень ловкихъ, почти нѣжныхъ выраженіяхъ.

Конвертъ съ письмомъ и банковыми билетами онъ оставилъ на столѣ, на видномъ мѣстѣ, и, уходя, сказалъ швейцару, чтобы передалъ мадемуазель Маріеттѣ, если она придетъ, что тамъ наверху ей оставлена записка. Затѣмъ онъ вскочилъ въ фіакръ и поѣхалъ къ Нелли.

Нѣсколько дней назадъ срокъ ея контракта съ театромъ кончился, и она уже не играла въ *Водевилѣ*. Въ свое время она отказалась его возобновить въ виду очень выгоднаго предложенія ѣхать въ Россію. Потомъ явился Жанъ, Нелли не захотѣла разстаться съ нимъ и еще наканунѣ не стала разговаривать съ приставшимъ къ ней импрессаріо, не понимавшимъ, какъ можетъ хорошенькая женщина не соглашаться ѣхать въ страну рублей.

— Съ Маріеттой кончено, разстались, — вскричалъ Жанъ въ объятіяхъ актрисы, бросившейся на шею торжествующему поэту.

И онъ разсказалъ ей съ ужасающею радостью эгоиста про только что сдѣланный имъ низкій поступокъ. Нелли,—какъ бы тамъ ни было, продававшаяся, все-таки, за деньги,—пришла въ восторгъ, умилялась и гордилась тѣмъ, что онъ, не задумываясь, выбросилъ первыя пригоршни попавшаго въ руки золота, чтобы всецѣло принадлежать ей.

— И я тоже свободна,—сказала она, склоняясь на его плечо,— теперь я твоя, твоя навсегда!... Тебѣ не нравится окружающая меня роскошь... Ты гордъ, я понимаю это... Можешь успокоиться. До сихъ поръ я жила, не считая денегъ, а двѣ недѣли назадъ я прогнала купца, который хотѣлъ заплатить мои долги... Теперь обстановку,

наряды, брилліанты, все я оставлю кредиторамъ, и у тебя подруга, такая же бѣдная, какъ ты... Скажите, господин такъ же ли будете вы любить меня въ костюмѣ гри не такъ еще давно я сама штопала бѣлье и готовила ку Театръ брошу, хочешь? А то, пожалуй, ты ревновать буд меньше буду съ тобою. Нѣтъ, я сдѣлаюсь твоею экономк увидишь, какъ я буду заботиться о тебѣ, какъ покойно те писать твои чудные стихи. На прожитокъ ты заработаеш Богатъ, конечно, не будешь... Поэты не богатѣютъ. Но я помна... Да мы еще и роскошь можемъ себѣ позволить,— режекъ накладного золота въ десять франковъ, такихъ, к я засматривалась въ витринѣ улицы Менильмонтанъ, к совсѣмъ дѣвчонкой... О, мой Жанъ, какъ я люблю тебя!

Она тихо высвободилась изъ его пылкихъ объятій.

— Нѣтъ,—проговорила Нелли,—теперь уходи. Здѣс поминаетъ мнѣ мое прошлое, все мнѣ гадко... О, прости ме я тогда тебя не знала и не знала, что такое любовь... приду къ тебѣ сегодня вечеромъ, въ твою конурку, гдѣ так тебѣ было. Я приду къ тебѣ и у тебя останусь, ничего съ собою, кромѣ того, что на мнѣ надѣто... Хорошо так да?... А теперь иди, дѣлай свое дѣло. Тебѣ надо побыва атрѣ, всѣхъ тамъ поблагодарить, артистовъ, игравшихъ тв критиковъ, провозгласившихъ тебя великимъ поэтомъ. За ухаживать не мѣшаетъ. Я то это уже хорошо знаю... А менемъ я здѣсь со всѣмъ покончу и, повѣрь мнѣ, живо раз Не оставлю я у себя и нѣсколькихъ золотыхъ, лежащихъ моне... Не мало здѣсь кружекъ для сбора на бѣдныхъ... вечеромъ въ шесть часовъ, и, для начала нашей жизни вм пойдемъ обѣдать въ твой кабачокъ съ кучерами, знаеш познакомился съ бѣднягой Сенъ-Фирменомъ... Я тоже хо лить съ тобою, хотя немного, твою бѣдность...

Жанъ ушелъ, опьяненный гордостью отъ того, что вну кую страстную любовь, вызвалъ такія жертвы.

Нелли, оставшись одна и желая по возможности ун всѣ слѣды своей прежней жизни, достала изъ ящика нѣско зокъ писемъ и бросила ихъ въ огонь, и въ то время, как рѣли, хотѣла позвать горничную, чтобы сообщить ей о с шеніи. Но та явилась безъ зова и сказала:

— Позволите войти дѣвушкѣ отъ модистки? Она так принесла маленькую шляпку, которую вы заказали недѣл

— Позовите ее,—отвѣтила Нелли машинально.

Горничная отправилась исполнить приказаніе, а Нелли раздумывала:

«Да, шляпка во сто франковъ!—и невольно она улыбнулась.—Надо полагать, что не скоро придется купить еще такую, да и за эту расплатится судебный приставъ послѣ аукціона, какъ и за все остальное... И отлично! А ее я надѣну сегодня и въ ней переселюсь къ Жану».

Извѣстно всѣмъ, что никакая сила въ мірѣ не можетъ помѣшать женщинѣ, даже обезумѣвшей отъ любви, даже въ моментъ взрыва страсти, примѣрить хорошенькую шляпку.

Модистка вошла, открыла картонку.

— Посмотримъ,—сказала Нелли.

Она стала передъ трюмо, надѣла на голову кокетливый комочекъ матерін и тогда только замѣтила отражающееся въ зеркалѣ лицо молодой портнихи.

Что съ нею, однако, съ этою мѣдноволосою дѣвушкой? Почему опухли отъ слезъ ея хорошенькіе глазки кофейнаго цвѣта? Отчего она едва на ногахъ держится и опирается на спинку кресла?

Шляпку принесла Маріетта. О, какъ радостно выбѣжала она съ картонкой въ рукѣ изъ мастерской этимъ утромъ! Прежде всего, скорѣе къ Жану! Онъ, навѣрное, проспалъ сегодня послѣ треволненій вчерашняго тріумфа. Она застанетъ только что встающимъ съ постели своего милаго, наконецъ-то, счастливаго поэта.

— Взойдите, все-таки, наверхъ,—сказалъ ей швейцаръ,—тамъ что-то для васъ оставлено.

Боже мой, что такое оставлено? Она нашла тамъ его ужасное письмо и банковые билеты, которые она швырнула прочь, точно они обожгли ей пальцы. Стало быть, конецъ. Жанъ разлюбилъ ее и выпроваживаетъ, расплачивается съ нею, какъ съ негодницей. Вся красная, будто ей дали пощечину, съ разбитымъ сердцемъ, выбѣжала она изъ этого дома и безъ удержу плакала на улицѣ... А дѣло не ждетъ, и бѣдная дѣвушка, что бы съ нею ни случилось, обязана доставить закащицѣ посланную съ нею картонку.

Маріетта никогда не видала Нелли Робенъ, въ это утро въ первый разъ услыхала ея имя, никакого понятія о ней не имѣла. Ничего не подозрѣвая ни та, ни другая, соперницы стояли лицомъ къ лицу.

При видѣ разстроеннаго горемъ лица незнакомки, Нелли почувствовала необыкновенную жалость. Добрая отъ природы, актриса особенно сердечно была настроена въ такой счастливый для нея самой день.

— Что съ вами, моя бѣдняжка?

А Маріетта, подъ непосильною тяжестью давившаго ее отчаянія, упала на диванъ, схватившись руками за голову. Нелли подошла къ ней и, ласково, материнскимъ движеніемъ обняла рыдающую дѣвушку.

— Большое горе, стало быть?... Перестаньте, милое дитя, не надо такъ сокрушаться. Вы мени не знаете, но можете мнѣ довѣриться... Я была бы очень рада, если бы могла помочь вамъ... И во всякомъ случаѣ, разскажите мнѣ, что васъ такъ огорчило.

Сочувствіе всегда располагаетъ къ откровенности, а эта красивая дама такъ добра, повидимому... Цѣлыхъ два часа уже бродила Маріетта по Парижу, задыхаясь отъ отчаянія. Жалобнымъ стономъ она открыла весь свой секретъ:

— Жанъ... Мой Жанъ бросилъ меня!

Ея Жанъ? Смутное предчувствіе тисками сжало сердце Нелли. Не разъ съ ревнивымъ любопытствомъ разспрашивала она поэта про его подругу: «Она хорошенькая? Скажи, какая она?» И теперь, близко вглядываясь въ это молодое лицо, залитое слезами, въ растрепавшіеся сверкающіе волосы, актриса припомнила конфузливый отвѣтъ Жана Дели: «Рыжая, съ темными глазами».

— Милый измѣнилъ! Я такъ и думала,—сказала Нелли дрогнувшимъ голосомъ. — Какъ же это случилось, разсказывайте. А прежде всего, скажите, какъ зовутъ васъ, моя горемычная дѣвочка?

Молодая дѣвушка подняла благодарный взглядъ на Нелли и сквозь слезы съ трудомъ проговорила:

— Добрая вы какая, сударыня!... Меня зовутъ Маріеттой.

Моментально похолодѣла рука, сжимавшая руку Маріетты, опустилась и другая, охватывавшая ея талію. Дѣвушка не обратила на это вниманія. Сочувственный голосъ предложилъ ей облегчить свое сердце, и оно заговорило, вырываясь наружу въ жалобахъ и рыданіяхъ.

— Мой Жанъ!... Я такъ любила его! Если бы вы знали...

Соскользнувши съ дивана, она опустилась къ ногамъ Нелли, взяла руку доброй госпожи, выказавшей ей столько сочувствія и, цѣлуя ее, какъ ласкающееся больное дитя, Маріетта разсказала какъ хорошо и счастливо прошли два года любви, когда всѣ минуты ея жизни принадлежали ея Жану, каждый взмахъ ... вождался мыслью о немъ. Она думала, что онъ люб... дурочка она и не гордячка. Порою она, вздыхая, сама ... что такая простая, необразованная дѣвушка, какъ он...

удержать навсегда любовь поэта. Конечно, его увлекутъ другія женщины, и онъ ихъ очаруетъ,—онъ такъ хорошъ!—и онъ измѣнитъ ей, она знала это. Все проходитъ, всему бываетъ конецъ. Надѣялась она только, что въ его сердцѣ останется хотя какой-нибудь уголокъ для дружбы къ ней, что Жанъ сохранитъ немного нѣжности къ той, что скрашивала дни его печальной молодости. Въ этомъ онъ ей клялся сотню разъ. Она одного желала бы: видать его, заходить къ нему,—не часто даже, если онъ того потребуетъ,—ухаживать за нимъ, если онъ заболѣетъ... Она довольствовалась бы его ничтожною лаской, въ какой не отказываютъ и комнатной собакѣ. А онъ... онъ выгналъ ее, грубо, безжалостно! Злой онъ, неблагодарный! И тяжело оскорбилъ, выкинувши ей эти мерзкія деньги! Деньги!... Ничего ей теперь не нужно. Жанъ разбилъ ей сердце. Она умретъ отъ этого, непремѣнно умретъ! Если же смерть замѣшкается придти, такъ есть, вѣдь, вода подъ мостами и найдется уголь въ лавочкахъ.

Быстрымъ движеніемъ Нелли зажала ей ротъ рукою.

— Что вы такое говорите, несчастная?...

Привалившись къ ея ногамъ, Маріетта смолкла и плакала, плакала, глазъ не осушая.

Глядя на бѣдную дѣвушку, Нелли почувствовала безконечную жалость. По ея, вѣдь, милости несчастна Маріетта. И вотъ, въ первый разъ въ жизни пришлось ей полюбить по-настоящему и то неудачно. Она могла быть счастливой, только сдѣлавши большое зло. Искренно жалѣя бѣдняжку, которою Жанъ пожертвовалъ ради нея, она смутно завидовала ей. Сама она не знала, не испытыла такой чистой, сердечной страсти, такого чуднаго горя. Лучшее, что было въ ея жизни, раззолоченный позоръ которой былъ ей теперь ненавистенъ, это,—какова насмѣшка!—года, проведенные съ Ламорльеромъ, ея преданность служанки-любовницы къ старому и смѣшному комедіанту. Если допустить, что умретъ Маріетта, такъ, вѣдь, она любила, она жила, у нея была короткая, но очаровательная молодость. О, какъ завидовала Нелли ея обворожительнымъ мечтамъ, хотя за ними слѣдовала такая жестокая дѣйствитель-
ость!... Взглянувши опять на свою жертву, не переставшую пла-
ать, безпомощную, какъ подстрѣленная птичка, Нелли пришла въ
асъ, и въ ея добромъ сердцѣ шевельнулось смутное презрѣніе
этому Жану, начало разочарованія въ себялюбивомъ и увлека-
ельномъ поэтѣ, которому она такъ легкомысленно наобѣщала слиш-
мъ много, которому внушила,—и въ томъ сознаться надо,—его

сегодняшній дурной поступокъ. И очень скоро ей причини такія же страданія, такъ какъ и она любитъ его.

— Скажите, милая,—спросила она дѣвушку, начинав много успокоиваться,—не знаете вы, изъ-за кого онъ ва нулъ?

— Нѣтъ,—отвѣтила Маріетта.—Я уже съ нѣкоторы замѣтила, что Жанъ перемѣнился ко мнѣ. Но я такъ вѣр что отогнала прочь всѣ подозрѣнія, даже себя упрекала за Но измѣнилась и жизнь Жана, онъ бываетъ теперь за к Тамъ-то, я думаю, онъ встрѣтилъ какую-нибудь красивую болѣе привлекательную, чѣмъ я, нарядную, эффектную, у кокетничать и увлекать... О, это навѣрное такъ, и не м погибнуть... Что я для него? Умѣла только любить его, умная, и ничего не могла дать ему, кромѣ моего бѣднаго с

Пока Маріетта обрывающимся голосомъ изливала с въ головѣ Нелли Робенъ зародилось желаніе, причинявшее ей большое мученіе, но настоятельное, непреодолимое желаніе— отказаться отъ Жана и возвратить его несчастной дѣвушкѣ. Нелли знаетъ жизнь и понимаетъ, чего лишится. Въ тридцать лѣтъ она любила въ первый разъ и хорошо ей было невообразимо. Тяжело вырвать изъ сердца эту поздно расцвѣтшую любовь. Не распуститься ей вторично, въ томъ убѣждена Нелли. И жалко ей не съ Жаномъ только разстаться, а жаль своего чувства къ нему. Да, страшно это тяжело! Но красавица актриса, при всей испорченности своей, неприкосновенными сохранила великодушіе народное прямоту плебейскую. Изъ-за того, что ей противнымъ становитс ея букетъ камелій безъ аромата, не слѣдуетъ, что вправѣ он украсть у проходящей мимо бѣдной дѣвочки ея букетъ фіалокъ стоющій два су, но пахнущій хорошо...

Нелли подняла Маріетту, посадила ее рядомъ съ собою.

— Теперь, дитя мое,—сказала она привѣтливо,— хотите вы слушать добрый мой совѣтъ?

— Конечно, сударыня... Позвольте мнѣ только высказать какъ мнѣ совѣстно... Простите меня въ томъ, что утруждала вас моею глупою болтовней.

— Оставимъ это, поблагодарить вы меня потомъ успѣете.. Та рѣзкость, съ которою покинулъ васъ любимый человѣкъ, дока зываетъ, на мой взглядъ, что поступилъ онъ жестоко въ какомъ то порывѣ... А, вѣдь, это не часто съ нимъ бываетъ

— О, конечно, нѣтъ. Онъ всегда былъ такъ хо

— А потому вамъ надо съ нимъ еще разъ повид

шайте, я знаю мужчинъ. Вотъ въ эту самую минуту, я поклясться въ томъ готова, онъ уже раскаивается въ своемъ дурномъ поступкѣ, такъ какъ, вернувшись домой, онъ нашелъ оставленныя вами деньги... Надо повидаться съ нимъ какъ можно скорѣе. Можете вы сдѣлать это сегодня же?

— Я могу пойти къ нему, какъ часто это дѣлала, послѣ шести часовъ, когда магазинъ закроютъ.

— Идите непремѣнно. Обѣщайте мнѣ это. Или у вашего Жана совсѣмъ нѣтъ сердца, или ему стыдно станетъ за свой поступокъ передъ этими чудесными, измученными глазами.

— И вы вправду надѣетесь? О, я не заношусь высоко, я буду очень довольна, если онъ еще хотя немножко меня любитъ, только изъ жалости... Но я вѣрить этому не смѣю.

— А я такъ увѣрена въ томъ, что васъ удивитъ, какъ хорошо онъ васъ встрѣтитъ... И такъ, рѣшено, вы будете у него сегодня. Только постарайтесь уже не плакать больше. А теперь прощайте и вѣрьте, что я съумѣю доказать, насколько я вашъ другъ.

Нелли поцѣловала ее въ лобъ и отпустила молодую дѣвушку если не совсѣмъ утѣшенною, то все же немного подбодренною слабою надеждой.

Возвратившись къ себѣ, Жанъ Дели нашелъ на столѣ оставленные Маріеттой банковые билеты.

— Ну, я съумѣю заставить ее взять эти деньги,—проговорилъ онъ, недовольнымъ тономъ и краснѣя отъ стыда.

А вмѣстѣ съ тѣмъ не могъ онъ не подумать про себя:

«Бѣдненькая дѣвочка! Меня она, все-таки, любила».

Потомъ онъ спряталъ деньги, прибралъ, насколько возможно, свою комнату и нервно заходилъ, выжидая съ замирающимъ сердцемъ желаннаго часа, въ который обѣщала придти къ нему Нелли.

Въ половинѣ шестого явился швейцаръ съ письмомъ, принесеннымъ посыльнымъ, который не сталъ дожидаться отвѣта. Съ холодѣющимъ сердцемъ Жанъ Дели прочелъ слѣдующія ужасныя строки:

«Не ждите меня сегодня, милый поэтъ, ни сегодня и никогда. Считайте меня кокеткой, негодною женщиной. Презирайте меня, ненавидьте. А у васъ я не буду.

«Утромъ, когда вы ушли отъ меня, я вдругъ поняла, что оба мы готовы были сдѣлать огромнѣйшую глупость. И очень ничтожное обстоятельство, признаюсь вамъ, заставило меня опомниться. Моя модистка принесла мнѣ шляпку, стоющую сто франковъ, и я сообразила, что этого сорта цвѣты не ростутъ на окнахъ мансар-

ды. По прошествіи недѣли я пожалѣла бы о хорошеньки
кахъ и объ остальномъ. Вы ошиблись во мнѣ, я то, что
только сердце у меня доброе, и, какъ бы то ни было, я
васъ отъ большихъ терзаній. Не пытайтесь видѣться со
подписала контрактъ и уѣзжаю въ Петербургъ, гдѣ одинъ
сокопоставленный господинъ, любовавшійся мною прош
на сценѣ, жаждетъ опять увидать меня, и на этотъ разъ
Но, прежде чѣмъ отправиться въ страну морозовъ, я хо
шаться воздухомъ юга и сегодня уѣзжаю въ Ниццу, куда
ся сопровождать меня герцогъ Эйлау, добрый другъ, съ
я не хорошо поступила. Прощайте и будьте счастливы.
что черезъ нѣсколько дней, поразмысливши спокойно, вы
нете сердиться на женщину, которой выпало на долю с
легчить вамъ, милый поэтъ, первый вашъ дебютъ въ теат
торая не перестанетъ интересоваться вашими будущими у

«Несмотря ни на что, все-таки, вашъ другъ

«Нелли Робе

Маріетта пришла къ нему какъ разъ въ то время, когда Жанъ Дели въ десятый разъ перечитывалъ это письмо, испытывая всѣ мученія обманутаго ожиданія и глубоко уязвленнаго самолюбія.

Хотя дверь была отперта, дѣвушка, все-таки, осторожно постучала,—увы, какъ къ чужому человѣку. Жанъ въ пылу отчая ничего не слыхалъ, такъ что появилась она передъ нимъ совсѣ неожиданно и боязливо подняла на своего неблагодарнаго др робкій и преданный взглядъ побитой собаки.

Не ошиблась добрая Нелли. Моментально въ пылкомъ вооб женіи поэта ясно сложилось сравненіе между двумя женщинам его чувствами къ каждой изъ нихъ. Какъ могъ онъ промѣнять н реннюю дѣвушку на тщеславную и порочную женщину? Ему за бя стало страшно. И явилась Маріетта какъ нельзя болѣе во-вре она несла съ собою утѣшеніе.

Жанъ рванулся къ ней на встрѣчу, страстно обнялъ ее.

— Прости!—проговорилъ онъ трепетнымъ голосомъ.—Про меня, моя Маріетта, дорогая моя!... Ты кротость, ты искреннос ты—простое, тихое счастье и настоящая любовь! И я готовъ бы измѣнить тебѣ, бросить тебя, ради фальшивой, дрянной жен ны... Но это кончено, клянусь въ томъ! И такъ какъ не хоч впредь имѣть никакой тайны отъ тебя, возьми вотъ, прочти,—(подалъ ей письмо,—и суди сама, изъ-за какой негодницы я зас вилъ тебя страдать, чуть не сдѣлалъ гадости и подлости!

Маріетта, опьяненная и ошеломленная счастьемъ, зашата

и сѣла на стулъ, и въ то время, какъ поэтъ, опустившись на колѣни, прятался въ ея платьѣ пылающее отъ стыда лицо, она прочла странное посланіе и подписанное подъ нимъ имя «Нелли Робенъ».

Такъ вотъ ради кого Жанъ хотѣлъ ее бросить! И этой-то Нелли Робенъ она только что разсказала про свое несчастье... Понявши, наконецъ, великодушную ложь и дивную жертву, Маріетта была растрогана до глубины души.

VIII.

Прошло тридцать лѣтъ, и двѣ старушки пріятельницы, разска-завшія мнѣ на Эспланадѣ Инвалидовъ свою исторію, не иныя кто, какъ Маріетта и Нелли.

Обѣ онѣ вышли изъ народа и бѣдноты и къ тому же вернулись на старости лѣтъ, гонимыя горькою судьбой.

Поэтическій талантъ Жана Дели мелькнулъ какъ метеоръ,— блеснулъ и исчезъ. Вскорѣ послѣ появленія *Звѣздной ночи* и книжки стихотвореній, давшей литературному міру основаніе ду-мать, что народился великій поэтъ, Жанъ занемогъ, зачахъ, не могъ больше писать. Едва доживши до двадцати пяти лѣтъ, онъ угасъ отъ чахотки, на рукахъ своей неизмѣнно преданной Маріет-ты, которой, оставаясь до конца эгоистомъ, онъ не далъ даже сво-его имени. На маленькія уцѣлѣвшія послѣ него средства дѣвушка попыталась открыть магазинчикъ, жить своимъ мастерствомъ. Но въ торговлѣ она смыслила мало и мастерицей была не очень искус-ной. Дѣло ея не пошло, и она была очень счастлива, что на остав-шіяся еще кое-какія деньжонки могла купить старый кабинетъ для чтенія въ Гро-Кальу, чѣмъ и существовала, продавая, въ то же время, письменныя принадлежности и газеты. Ея чувства замерли у постели Жана, въ теченіе долгихъ безсонныхъ ночей, и сердце закрылось навсегда съ послѣднимъ вздохомъ поэта. Къ тому же, скоро пропала и ея привлекательность, заключавшаяся въ мило-видности и свѣжести. Мало-по-малу, удручаемая горемъ, бѣдностью, одиночествомъ, Маріетта опустилась и довольно быстро превра-тилась въ старую женщину съ пелериной на плечахъ и съ бѣлымъ чепцомъ на головѣ.

Нелли, напротивъ, до сорока лѣтъ блистала красотой и продол-жала въ Петербургѣ свои безумства, когда ее нежданно разбилъ параличъ. Ея крушеніе было быстро и ужасно. Она вернулась въ Парижъ почти совершенно немощною, жила нѣкоторое время остат-

ками былаго великолѣпія и выручкою отъ представленія, даннаго въ ея пользу. Но, непривыкшая къ бережливости, она скоро познакомилась съ нуждою. Прежніе поклонники померли или разъѣхались въ разныя стороны. Нелли пришлось примириться съ унизительною ролью обнищавшей актрисы, которой болѣе счастливыя или болѣе продусмотрительныя товарки по сценѣ даютъ отъ времени до времени то золотушку, то старое платье. А вскорѣ, увы, и эти нищенскія подачки прекратились. Всѣмъ были непріятны ея безпомощность, ея противныя немощи. Тогда въ самомъ отчаяніи несчастная женщина почерпнула немного бодрости. Она припомнила, что въ ранней молодости носила дешевыя кофточки и часто завтракала кускомъ колбасы съ лотка. Въ качествѣ бывшей актрисы, она могла разсчитывать на очень малую, но постоянную помощь отъ администраціи Изящныхъ Искусствъ и изъ какихъ-нибудь благотворительныхъ фондовъ. Она распродала послѣднее, что оставалось отъ прежней жизни, наняла мансарду въ глухомъ кварталѣ, близъ Марсова Поля, и порѣшила жить въ крайней бѣдности, но безъ позорнаго попрошайничества.

И вотъ въ одинъ прекрасный день, чтобы купить *Petit Journal,* Нелли Робенъ, видавшая принцевъ крови у ногъ, а теперь превратившаяся въ нѣчто, похожее на штоп старыхъ матрацовъ, вошла въ лавочку Маріетты, которую ругѣ начинали уже называть: «la mère Mariette».

Видѣлись онѣ во всю жизнь одинъ разъ, но въ какую ваемую никогда минуту! Онѣ долго вглядывались другъ в и, хотя страшно измѣнились ихъ лица, онѣ другъ друга по выраженію глазъ, которое никогда не мѣняется.

— Да, вѣдь, вы... подруга Жана Дели?...

— Вы — Нелли Робенъ!

И, задыхаясь отъ волненія, онѣ сошлись, взяли другъ руки, обнялись со слезами на глазахъ.

Онѣ видались каждый день, чтобы поговорить о прошл ріетта высказала Нелли, какъ безконечно была ей всегда б на за то, что она пощадила ее тогда. А Нелли призналась тѣ, что принесенная ею въ жертву несчастной соперницѣ къ поэту была единственнымъ свѣтлымъ и чистымъ чувс всю ея бурную, но, тѣмъ не менѣе, печальную жизнь.

Обѣимъ невыразимо сладко было говорить о дорогомъ к кѣ. Вспоминая его, онѣ полюбили другъ друга и скоро по жить вмѣстѣ. Добрая Маріетта ухаживала, какъ могла, з лѣвшею Нелли. При совмѣстной жизни, бѣдность обѣихъ сд

уже сносною. Какъ опрятны и приличны были старушки въ то время, когда я познакомился съ ними! Съ какою лаской брала Маріетта и грѣла въ своихъ рукахъ почти недвижимыя, парализованныя руки бывшей актрисы! И съ какою признательностью обращались къ ней все еще чудесные глаза Нелли Робенъ, вызывавшіе когда-то восторги зрителей, наполнявшихъ залы театровъ!

— Вы представить себѣ не можете,—говорила мнѣ Нелли, заканчивая свой разсказъ,—какъ много она дѣлаетъ для меня. Истинное сокровище моя добрая Маріетта... И такъ это она все умѣетъ сдѣлать, такая она экономная! На общія наши четыре су въ день мы живемъ, рѣшительно ни въ чемъ не нуждаясь... И никогда-то она не пожалуется, не выкажетъ нетерпѣнія, хотя я постоянно больна и сожительница очень неудобная. Самая нѣжная дочь не могла бы сдѣлать большаго для старухи матери... И изъ-за чего все это, скажите? Изъ-за того, что я разъ, какъ-то очень давно, видѣла ее въ горѣ и пожалѣла... Ради такого-то пустяка она точно считаетъ себя обязанною мнѣ чѣмъ-то...

Маріетта взглядомъ остановила немощную старушку, и я ни(а не забуду задушевнаго, страстнаго тона, которымъ она про)рила:

— Да, я тебѣ обязана, навсегда обязана!... Ты оставила, устуа мнѣ тогда то, что могла взять у меня и чего сама ты никогда имѣла, бѣдная моя Нелли! Этого я никогда не забуду и ничѣмъ расплачусь съ тобою за это... Знаете-ли,— прибавила она, щаясь ко мнѣ,—немножко любви въ молодости—вотъ и все, ъ скрашивается наша жизнь, жизнь бѣдныхъ женщинъ.

ДѢДУШКА ТИМОѲЕЙ.

(Разсказъ).

Жаркій іюльскій день приближался къ вечеру.

Заходящее солнце обливало послѣдними жгучими лучами и раскинувшееся на косогорѣ село съ пирамидальною колокольней. и золотистую рожь, разстилавшуюся по обѣимъ сторонам проселочной дороги. Широкій коверъ задумчиво поникну постепенно понижаясь, упирался въ небольшую рѣку, шую подъ самымъ селомъ. Прихотливыми извилинами в то скрываясь въ ольховыхъ кустахъ, то снова выбѣгая сверкая на солнцѣ своими прозрачными струями.

Подойдя поближе къ рѣкѣ, наблюдатель могъ бы з притаившагося за корягу громаднаго окуня, такого черн самая коряга, и разбойницу щуку, неподвижно стоящую то очарованіи среди мелкой рыбешки; увидалъ бы та крупныхъ головлей, спокойно разгуливающихъ по самой сти воды и при малѣйшемъ шумѣ исчезающихъ въ под регъ. Раздолье для рыболова! Радостно забилось бы его сердце, и не напрасно: въ этой неважной на видъ рѣчкѣ пасть рыбы, и ловилась она прекрасно.

Неподалеку отъ села находилась мельница, кругомъ массивными, дуплистыми ветлами. Вверху старой плоти вался значительный прудъ, на которомъ плавали много семьи домашнихъ гусей и утокъ.

Село называлось «Новоселки». Свѣдѣніе это желающ давалъ и поставленный, недалеко отъ плотины, сто тою дощечкой, на которой въ одну строку было н навос», а на другой добавлено: «елки», дворовъ ст

Новоселки были не хуже и не лучше многихъ средней величины. Около сотни домовъ, очень похо друга: тѣ же почернѣлыя стѣны и темно-сѣрыя сол

какъ у одного дома, такъ и у другого. Впрочемъ, среди этого однообразія мелькали изрѣдка дома съ желѣзными или деревянными крышами и вычурною рѣзьбой на окнахъ, принадлежащіе болѣе зажиточнымъ хозяевамъ. По серединѣ села возвышалась каменная невысокая церковь. Напротивъ ея, въ просторномъ домѣ, помѣщались волостное правленіе и народное училище. На ближайшемъ, при въѣздѣ въ село, домѣ красовалась засохшая елка, подъ которой пріютилась вывѣска: «Продажа горячива чаю на правахъ скрепкими напитками». Въ этомъ же домѣ находилась и лавочка, въ которой, кромѣ необходимыхъ вещей въ крестьянскомъ хозяйствѣ, можно было встрѣтить и предметы гастрономическіе: баранки, крѣпостью похожіе на камень, селедки со ржавчиной и высохшую, вродѣ муміи, копченую колбасу.

Мы съ товарищемъ возвращались съ охоты. Проведя цѣлый день въ окрестностяхъ Новоселокъ въ поискахъ за тетеревиными выводками, мы теперь шли домой, и путь намъ лежалъ черезъ это село. Ходьба съ ранняго утра и удушливая жара чрезвычайно утомительно подѣйствовали, и мы еле плелись по проселку. Собаки испытывали то же ощущеніе усталости. Флегматично бѣжали нами по пыльной дорогѣ, нисколько не интересуясь жаво-
и и перепелами, во множествѣ находящимися во ржи, а равногочисленными галками и грачами, сидѣвшими на дорогѣ
нутыми ртами.
(ойдя къ мельницѣ, мы въ изнеможеніи остановились около
ы. Невольно какъ-то снялись ружья и ягдташи съ дичью.
за ними полѣзла съ плечъ и лишняя одежда. Черезъ минуту
о можно было сбросить съ себя, не нарушая правилъ общего приличія, было снято и разостлано подъ старою, громадтлой, раскинувшею длинныя, корявыя вѣтви около плотины.
вольствіемъ разлеглись мы подъ старымъ, гостепріимнымъ
ъ. Наши спутники гораздо ранѣе насъ успѣли залѣзть по
воду, распугавъ предварительно пернатыхъ хозяевъ пруда,
е съ страшнымъ крикомъ благоразумно удалились на другой
и подозрительно поглядывали оттуда на непрошенныхъ госы, впрочемъ, мало обращали вниманія на переполохъ, проный ими. Съ неподражаемымъ комфортомъ развалились они
а въ тинѣ, забывъ въ данный моментъ все окружающее и
отдаваясь кейфу.
дома оставалось еще около трехъ верстъ. Но это незначиразстояніе было для насъ при теперешнемъ положеніи «дий огромнаго размѣра». Ноги ныли и положительно отказы-

вались отъ дальнѣйшей ходьбы. Мы не безъ
этихъ оставшихся трехъ верстахъ.

— Не отправиться ли намъ ночевать къ д
предложилъ я своему спутнику. — Старикъ б
приходу. Попьемъ у него чайку, закусимъ, а
сѣно. Завтра же, можетъ быть, еще поохотимс
стахъ.

— Отлично. Лучше ты и придумать не мо
товарищъ.— Положимъ, дома насъ будутъ жда
бѣда.

Мы стали собираться, къ великому огорче
не понимавшихъ причины такой поспѣшности.

По дорогѣ, на всякій случай, завернули въ
пріобрѣли кое-что изъ гастрономическихъ рѣдк
разомъ, не забыли зайти «подъ елочку».

Толстый, лунообразный цѣловальникъ, съ
носа, вытащилъ изъ-за стойки бутылку, вси
увѣряя, что такой хорошей водки и въ Москвѣ
лыкѣ, сильно засиженномъ мухами, съ трудо
зобрать фамилію неизвѣстнаго лица и множес
видно, предполагаемыхъ медалей, о которыхъ м
авторъ напитка, что его труды, во славу россі
сти, будутъ когда-нибудь достойно оцѣнены.

Дѣдушка Тимоѳей жилъ въ Новоселкахъ. Д
почти на краю села.

Когда я еще былъ мальчикомъ, помню, изб
залась новою. Все было крѣпко. На окнахъ пе
сованные пѣтухи и всякія фантастическія пти
ства самого дѣдушки Тимоѳея. Соломенная кры
ше другихъ. Хозяинъ былъ мастеръ крыть «п
этомъ отношеніи не имѣлъ равнаго въ селѣ. О
вало, надоѣдали ему просьбами.

— Дѣдушка Тимоѳей, ужь ты, сдѣлай м
крышу, какъ у себя,— проситъ его иной разъ
слѣ Покрова сына женить собираюсь; хочется,
понарядней.

— Ладно, — говоритъ дѣдушка.— Апослѣ
приду. Мотри, заготовь соломы.

Въ назначенный день дѣйствительно можн

душку на «конькѣ» дома. Энергично покрикивалъ онъ сверху, приказывая подать то пукъ соломы, то другой какой нужный предметъ.

Дворъ дѣдушки Тимоѳея отличался опрятностью. Здѣсь можно было встрѣтить одну, иногда и двѣ коровы, десятка полтора овецъ. Изъ хлѣва высовывалась лопоухая голова здоровеннаго борова. Въ конюшнѣ стояла крѣпкая, сытая, приземистая лошадка, которую дѣдушка звалъ «Шкаликомъ». «Шкаликъ» отлично зналъ своего хозяина, понималъ его голосъ и всегда привѣтствовалъ дѣдушку веселымъ ржаніемъ, когда тотъ приходилъ провѣдать его. «Озорной», какъ говорили крестьяне, съ посторонними, «Шкаликъ» былъ послушенъ въ рукахъ хозяина и не разъ благополучно доставлялъ домой дѣдушку Тимоѳея, грѣшнымъ дѣломъ подвыпившаго на сторонѣ и спавшаго въ телѣгѣ сномъ праведника.

За дворомъ находился у него садъ, длинною полосой спускавшійся къ рѣкѣ. Въ саду росло десятка два яблонь въ перемежку съ кустами крыжовника и смородины. Близъ амшанника стояли колодки съ пчелами, до которыхъ дѣдушка былъ охотникъ. Наблюдалъ онъ за ними самъ и рѣдко надѣвалъ въ предосторожность отъ укушенія сѣтку. Пчелы знали его и не трогали. Случалось, когда жалила его

ушка былъ въ большомъ недоумѣніи: «ишь, глупая, не

ія»,—соболѣзновалъ онъ о безвременно погибшей.

ое главное достоинство дѣдушки Тимоѳея, на мой взглядъ, я заключалось въ томъ, что онъ былъ завзятымъ охот-рыболовомъ.

сказать, какая изъ этихъ двухъ страстей была пре-о въ немъ. Кажется, рыбную ловлю онъ предпочи-

одобное заключеніе можно было вывести развѣ изъ того о его легче можно было увидать на рѣкѣ съ удочками, лѣсу съ ружьемъ.

припоминается его широкая, немного сгорбленная фигу-онъ, бывало, идетъ на рыбную ловлю или разставляетъ

Дѣдушка Тимоѳей былъ невысокаго роста, но плотнаго нія. Нѣсколько полное, съ крупными чертами лицо об-окладистою бородой, сильно заиндевѣвшей къ вискамъ. сквозь русые, когда-то кудрявые и густые, а теперь по-волосы свѣтились тоже серебристыя нити. Ото лба шла ходившая до затылка. Мнѣ очень нравилось, когда дѣ-оѳей смѣялся тихимъ, безобиднымъ смѣхомъ. Въ эти ми-ировій съ полными губами ротъ складывался въ такую и добродушную улыбку, что какъ-то веселѣе станови-

лось на душѣ. Невольно думалось: какой, однако, дѣдушка Тимоѳей славный.

Одѣвался дѣдушка такъ же, какъ и его односельцы, но платье его было чище и опрятнѣе.

Въ праздничные дни дѣдушка Тимоѳей ходилъ неупустительно въ церковь. Въ этихъ случаяхъ туалетъ его особенно отличался опрятностью. Волосы и борода тщательно бывали разчесаны. Очень чистенькая синяя поддевка казалась совершенно новою, хотя и давненько была сшита. На ногахъ красовались сапоги съ калошами. Въ церкви дѣдушка становился около клироса и любилъ подтягивать поющимъ тихимъ, нерѣшительнымъ голоскомъ. Нерѣшительность эта проистекала, кажется, изъ опасенія затянуть врозь, а не зависѣла отъ голоса, который былъ у него довольно сильный и пріятный.

По окончаніи службы, дѣдушка Тимоѳей обыкновенно заходилъ къ мѣстному священнику, съ которымъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ. Рѣдко онъ приходилъ къ батюшкѣ съ пустыми руками, все что-нибудь, да принесетъ: крупныхъ моченыхъ яблокъ, меду или какого-нибудь соленья. Чаще онъ приносилъ плоды св
ты: дичь и рыбу.

Съ своими приношеніями, однако, дѣдушка конфузил
детъ потихоньку въ кухню и сунетъ прислугѣ съ строги
зомъ спрятать и не говорить, или же самъ незамѣтно п
приношеніе въ укромный уголокъ.

Дѣдушку Тимоѳея приглашали къ чайному столу. Здѣсь
пивалъ предварительно рюмку, двѣ водки, закусывалъ пи
потомъ принимался за чай.

Во время праздничнаго чаепитія дѣдушка любилъ пого
предметахъ божественныхъ и духовныхъ и даже затрогива
ные и отвлеченные вопросы. Бѣда, бывало, заговорить съ
это время о житейскихъ мелочахъ,—дѣдушка насупливал
чалъ. Посидѣвъ немного, ради приличія, старикъ быстро п
ся и уходилъ домой, немного обиженный. Всѣ знали эту
дѣдушки и, не желая огорчать его, вели бесѣду о «божестве

Но, увы, разныя мудрости не укладывались въ прак
головѣ дѣдушки Тимоѳея. Его умъ, занятый всецѣло близки
денными вещами, не могъ переваривать духовныхъ
тонкостей. Впрочемъ, дѣдушка внутренно и самъ
безсиліе въ этомъ дѣлѣ. Если же и говорилъ о н
себя предметахъ, то, вѣроятно, потому, что считал
тотчасъ послѣ обѣдни говорить о житейскихъ дѣла

бесѣдѣ дѣдушка только начиналъ, а собственно вести разговоръ позволялъ собесѣднику. На свою долю онъ бралъ только подтвержденіе и одобреніе бесѣды, выражая свою мысль въ разныхъ неопредѣленныхъ словахъ и восклицаніяхъ, вродѣ: тэкъ-съ, вотъ оно что, премудрость Божія и проч. Чѣмъ мудренѣе для его пониманія была бесѣда, тѣмъ длиннѣе и безнадежнѣе звучало дѣдушкино «тэѳэксъ».

Отъ непривычнаго разговора дѣдушка краснѣлъ и покрывался потомъ. Наконецъ, когда становилось ему уже не втерпежь, старикъ быстро вынималъ платокъ, вытиралъ вспотѣвшую лысину и прерывалъ бесѣду:

— Одначе, я заговорился съ вами. Пора и домой. Благодарствуйте за угощеніе.

Поднимался и бралъ шапку. Этимъ обыкновенно и заканчивалась духовная бесѣда. Послѣ подобнаго разговора дѣдушка считалъ свои обязанности по отношенію къ празднику исполненными и свои духовныя потребности удовлетворенными.

Несмотря, однако, на свое безсиліе въ духовномъ дѣлѣ, дѣдушка мало поддавался вліянію собесѣдника и въ нѣкоторыхъ случаяхъ былъ положительно упрямъ. Еще въ вопросахъ неособенной

родѣ: кто такое былъ Богоглаголивый Аввакумъ,— дѣ-
малъ къ свѣдѣнію сообщенія. Но разъ бесѣда касалась
которомъ онъ получилъ то или иное представленіе, мо-
перешедшее по наслѣдству, его трудно было поколебать.
дносельцами, наприм., онъ былъ убѣжденъ, что земля
о покоится на трехъ китахъ. На всѣ доводы противъ
я дѣдушка молчалъ или ограничивался незначущими
и, изъ которыхъ можно было заключить, что онъ какъ
аетъ и соглашается съ собесѣдникомъ. Но когда послѣд-
ѣренъ, что онъ разубѣдилъ старика, дѣдушка вдругъ
:

такъ вотъ оно что: къ примѣру сказать, эдакая махина
трехъ китахъ. Премудрость Божія!

ь образомъ, дѣдушка ежегодно праздновалъ, вмѣстѣ съ
носельцами, обновленіе Царяграда, бывающее въ маѣ
малъ онъ это въ виду огражденія своихъ посѣвовъ отъ

венно, наканунѣ этого дня, у крестьянъ бывала сходка.
ановляли: по примѣру прошлыхъ лѣтъ, во-первыхъ, не
другой день, съ ослушниковъ же полведра; во-вторыхъ,
колебенъ Царюграду съ водосвятіемъ.

Выборный отъ схода, всего чаще самъ дѣдушка Т
ся къ священнику.

— Батюшка, православные порѣшили опять за
вать; молебенъ тоже Царюграду.

— Да ты знаешь, какой завтра праздникъ?

— Какже не знать! Колько годовъ справляем
Царяграда.

— А что такое Царьградъ?

Дѣдушка молчитъ.

— Сказывалъ ты какъ-то, городъ, што ли,—рѣ
нецъ, отвѣтить онъ.

— Да, Царьградъ, это городъ въ Турціи,— вр
тюшка,—столица, вродѣ нашего Петербурга... Какъ
раетесь служить молебенъ городу? Развѣ можетъ онъ
ши поля отъ града? Господу Вседержителю подобаетъ мо
Владыка надъ всею землей. Въ Его власти послат
растворенiе воздуховъ и дождь, и градъ, если мы пр
своими грѣхами.

— Вѣстимо, Онъ, Царь Небесный—всему голова
ся дѣдушка.—Ему и служи. Тебѣ лучше знать, в
пѣть, а мы этихъ дѣловъ не знаемъ.

— Такъ. Если хотите помолиться, молебенъ я
когда угодно. А завтра праздника никакого нѣтъ,—
Богомъ!

— Ну, нѣтъ, батюшка, это не модель. Споконъ
емъ. Вотъ ты, гришь, не нужно, а вдругъ градъ? Ка
Годовъ десять назадъ мы послушались—не справля
апосля эфтого градъ, да крупный, во какой! Опят
сказать, отецъ мой... печникъ онъ былъ а-атличный
мастеръ своему дѣлу. Супротивъ его я и въ подме
Теперича печи какія онъ въ церкви сдѣлалъ; на с
самъ знаешь. Ну, вотъ, и онъ завсегды справлялъ. К
говорилъ: мотри, не забывай абновленья. Ужь ты, б
хошь, а намъ безпремѣнно завтра отслужи. Пото
шилъ, да опять и боязно тоже.

Духовныя потребности, кромѣ бесѣдъ со свящ
ка Тимоѳей удовлетворялъ и дома, особенно если
не удавалось побывать у батюшки послѣ обѣдни.
него лежала старинная, на синей бумагѣ, славян
жаномъ переплетѣ, кажется, твореніе одного изъ
Въ праздничные дни дѣдушка съ подобающею ва

і читалъ съ полчаса изъ этой книги. Чтеніе шло вслухъ, гну- монотонно, какъ у раскольниковъ.
нималъ ли старикъ прочитанное — трудно сказать. По край- рѣ, онъ никогда не говорилъ о содержаніи своей книги, и валъ чтеніе иногда на полусловѣ, отмѣчая ногтемъ указатель- пальца мѣсто, до котораго дошелъ.
гда дѣдушка Тимоѳей, послѣ празничнаго чаепитія у батюш- бирался домой, его можно было безбоязненно спрашивать ыхъ житейскихъ вещахъ.
гомленный духовною бесѣдой, онъ тѣмъ охотнѣе переходилъ акомые предметы. Какъ въ первомъ случаѣ онъ былъ неесте- ь, натянутъ, такъ во второмъ—привѣтливъ и простъ. Въ ду- й бесѣдѣ онъ словно цѣдилъ сквозь зубы слова, говорилъ мед- , глухо, съ напускною важностью; наоборотъ, о предметахъ, щихся домашняго хозяйства, говорилъ безъискуственно и до- толково. Рѣчь его, если и не отличалась правильностью, но касалась сущности предмета. Онъ ставилъ прямо вопросъ и шалъ его на основаніи многолѣтняго опыта.
анеры его въ разговорѣ были естественны и нравились слу- мъ. Онъ умѣренно жестикулировалъ, говорилъ плавно, не- тинулъ слова, но не жевалъ ихъ. Сѣрые глаза, далеко еще гухшіе, свѣтились умомъ и лаской. По временамъ лицо его на та особенная хорошая улыбка, которая исключительно при- кала одному дѣдушкѣ.
арикъ отлично зналъ сельское хозяйство и давалъ практиче- совѣты относительно посѣва, уборки хлѣба, пчеловодства, ничества и проч. Довольно хорошо былъ знакомъ со многими рствами и понималъ ихъ практическое примѣненіе. Онъ былъ ь и кузнецъ, печникъ и плотникъ. Отличительною чертой гера, которая рѣзко выдѣляла дѣдушку, была его безпрерыв- неугомонная дѣятельность. Чего только онъ ни зналъ и ни ь. Чинилъ мужикамъ бороны и сохи, зимой валялъ теплые , вытачивалъ бабамъ гребни, мальчишкамъ кубари, лечилъ янскій скотъ и т. п.
болѣетъ ли кто изъ односельцевъ, онъ и тутъ оказывался ымъ. Присовѣтуетъ больному лѣкарство, а иногда и самъ со- ъ его. Хотя рецепты дѣдушки Тимоѳея и сводились, главнымъ мъ, къ настойкамъ, вродѣ перцовки, къ малинѣ, къ рѣдечно- морковному соку, но онъ зналъ кое-какія и медицинскія тра- оторыя собиралъ во время своихъ охотничьихъ экскурсій.
ежитъ, бывало, къ нему молодуха, изнуренная и блѣдная

— Охъ, смертушка моя, замучила меня лихоманк Три дня покою нѣту! Дѣдушка, касатикъ, помоги!

— Матрена, это ты? Я тебя и не узналъ. Какая ты ная да румяная, а теперь вишь, какъ почернѣла,—г душка, съ участіемъ вглядываясь въ похудѣвшее лицо Гляди, простудилась?

— Не знаю, родимый. А думатца мнѣ, что съ гла примѣтно это меня Аленка, иродова душа, сглазила. П медни и все-то юлитъ: какая ты, гритъ, Матреша сдоб ная, только бы за купцомъ тебѣ быть.

— Ну, это ты зря. Полы, небось, босикомъ мыла. а потомъ, гляди, на улицу вышла.

— Какже, касатикъ, не мыть? Праздникъ на двор правильно. Умаялась я съ полами-то; добре ужь жар чуточку и вышла на крыльцо. На дворѣ таково сивер тутъ сосѣдка Прасковья подошла...

— И пошли у васъ съ ней тары да бары. Вотъ ты лихоманку и схватила, а что на счетъ Алены—это ты напрасно. Ну, не г рюнься, молодуха, все какъ рукой снимемъ. Только ты будь п опасливѣй. Домой придешь, выпей разсольцу съ медомъ... медъ- есть у васъ? Нѣту, небось, ну, я тебѣ дамъ... малинки на ночь п пей, перцовкой вытрись, а, главное, не студись.

Дня черезъ два, смотришь—и разцвѣла молодуха; болѣзни ка не бывало.

Словомъ сказать, не было такого обиходнаго предмета, въ к торомъ бы дѣдушка не смыслилъ и не могъ оказать помощи д ломъ, совѣтомъ или участіемъ. Въ этомъ отношеніи дѣдушка бы незамѣнимъ. Всѣ къ нему обращались, начиная съ батюшки всѣхъ онъ, по силѣ-возможности, удовлетворялъ.

Несмотря на большое разнообразіе дѣятельности, дѣдушка Т моей всюду поспѣвалъ и не оставлялъ неоконченнымъ начата дѣла. Въ его мускулистыхъ рукахъ всякая работа кипѣла и в ходила прочною, основательною, «на два вѣка», какъ говори новосельцы. Можетъ быть, произведенія дѣдушки и не отличали изящностью, тонкостью отдѣлки,—ну, да крестьяне и не гнали за этою стороной дѣла.

Мелкія подѣлки въ крестьянскомъ хозяйствѣ дѣдушка про водилъ большею частью даромъ.

— Колько тебѣ слѣдуетъ, дѣдушка, за работу?—спрашивае его бывало мужичокъ, у котораго онъ вмазалъ въ печь два в павшихъ кирпича.

— Да ничаво. Вить, не цѣлый день просидѣлъ у тебя.

Старикъ, какъ практическій человѣкъ, дорого цѣнилъ время и въ оцѣнкѣ работы сообразовался съ послѣднимъ.

Деньги онъ бралъ при значительныхъ работахъ, на которыя тратилось болѣе или менѣе продолжительное время. Но въ этихъ случаяхъ дѣдушка не торговался и предоставлялъ оцѣнку работы закащику. Не обижался, если плата оказывалась ничтожной или закащикъ оправдывался неимѣніемъ денегъ, просилъ подождать.

— Ладно, ладно, не сумлѣвайся. Подожду,—говорилъ онъ въ этихъ случаяхъ. Равнымъ образомъ, дѣдушка довольствовался, подчасъ, вмѣсто денегъ, уплатой хлѣбомъ, холстомъ, домашнею скотиной и проч.

Обладая большимъ, по деревнѣ, запасомъ свѣдѣній, дѣдушка Тимоѳей, однако, не кичился своими знаніями и не ставилъ въ особую заслугу помощь, которую онъ оказывалъ своимъ односельцамъ. Повидимому, онъ считалъ это дѣломъ вполнѣ естественнымъ: по его понятіямъ иначе и быть не могло.

Безъ сомнѣнія, онъ пользовался большимъ авторитетомъ въ глазахъ своихъ односельцевъ, какъ *умственный*, *дѣятельный*, *дотошный* и, притомъ, *вопче душа человѣкъ*, какъ выражались о немъ крестьяне.

Замѣчательно, что послѣдніе, относящіеся вообще недоброжелательно къ охотѣ и уженью, какъ къ баловству, не ставили этихъ качествъ въ упрекъ дѣдушкѣ.

Особеннымъ расположеніемъ пользовался онъ среди ребятъ, которыхъ очень любилъ и подчасъ баловалъ. Устраивалъ для нихъ игры, лилъ свинчатки, разсказывалъ сказки и свои охотничьи похожденія. Дѣти платили ему въ свою очередь тоже любовью. Съ какимъ восторгомъ бѣжали они къ нему съ извѣстіемъ, что попалась щука! Дѣдушка Тимоѳей обыкновенно разставлялъ жерлицы по рѣкѣ, а затѣмъ уходилъ къ своимъ повседневнымъ занятіямъ. По цѣлымъ днямъ иногда оставлялъ ихъ безъ осмотра, и не было случая, чтобы кто изъ ребятъ сшалилъ, или, Боже упаси, утащилъ удочки. Напротивъ, если дѣти замѣчали размотанную катушку жерлицы, и, по ея движенію, можно было предположить, что добыча на крючкѣ,—взапуски летѣли къ дѣдушкѣ съ этимъ важнымъ извѣстіемъ.

— Дѣдушка, а дѣдушка! — кричали ребята еще издали старику, спѣша перегнать другъ друга.—Щука, щука попалась! Истинный Господь—щука... Здо-о-о-о-ровая!

— И гдѣ? На омутѣ?

— Нѣ... Супротивъ Блохина сарая. Гляжу это я спущена...

— Дѣдушка, касатикъ, онъ вре, это я впервой у

— Анъ нѣтъ!

— Ну, ладно. Тише. Сейчасъ мы пойдемъ, ее, р вытащимъ.

Ребята толпой, во главѣ съ дѣдушкой, шли къ р вращаясь обратно, съ торжествомъ несли пойманнук цу», иногда и въ самомъ дѣлѣ «здоровую».

Своими безконечными разспросами, баловствомъ р но, надоѣдали старику. Однако, онъ снисходительно о ребячьимъ шалостямъ. Развѣ ужь серьезною работой и дѣдушка,—ну, прогонитъ надоѣдливыхъ шалуновъ. же вникалъ въ ихъ споры, жалобы и творилъ судъ При случаѣ и за «вихры» дралъ, но рѣдко.

Бывало, какой-нибудь черномазый Петька расквас лобрысому Филькѣ. Послѣдній, чтобъ отомстить своему оретъ:

— Вотъ погоди, ужо про тебя дѣдушкѣ скажу! скажу!

— Скажи!—кричитъ озорникъ.— Такъ я твово дѣ пужался.

— Испужаешься! Онъ те задастъ, онъ вихры-то наешь, какъ драться.

— Ладно.

Вечеромъ обиженный докладываетъ дѣдушкѣ, что Петька тебя не боится. Дѣдушка хмурится и, стараясь ности быть суровымъ, подзываетъ озорника.

— Петька, подь сюда!—повелительно говоритъ о

— Дѣдушка, да я ничаво,—нерѣшительно подход струсившій мальчуганъ.

— Эфто ты што же озорничаешь-то, а?

— Не боюсь!

Дѣдушка въ упоръ смотритъ на ребенка и, немно съ подавляющимъ авторитетомъ произноситъ:

— Што-жь ты апосля эфтого за человѣкъ? Ухо больше съ тобой и знаться не хочу!

Дѣдушка рѣшительно и, повидимому, безповоро вается отъ виновнаго.

Петька хнычетъ и раскаивается въ своемъ пост

Обступившіе кругомъ ребята съ захватывающ

за дѣдушкой и глубоко убѣждены, что, въ самомъ дѣлѣ, ли путное выдти изъ Петьки, разъ онъ не боится самого Тимоѳея?

кончаніи нравоученія сконфуженный ребенокъ молчитъ или итъ прощенія у дѣдушки.

Что, ловко отдѣлалъ тебя дѣдушка?—трунятъ надъ Петькой

вній озорникъ не рѣшается уже сказать «не боюсь» и ограгся только тѣмъ, что высовываетъ въ утѣшеніе языкъ.

я у дѣдушки была небольшая; состояла она изъ старухи орчливой и прижимистой женщины, и придурковатаго парманника дѣдушки. Изъ оставшихся въ живыхъ дѣтей у дѣыла только одна дочь, выданная замужъ въ сосѣднюю деа крестьянина.

шка Татьяна,—такъ звали дѣдушкину жену,—была домовиуха, по-своему любила своего сожителя и побаивалась его. ничьимъ страстямъ своего мужа она относилась не совсѣмъ ательно; частенько пилила за это дѣдушку и въ особенногo нелюбостяжательность. Однако, протесты ея не заходили ограничивались однимъ ворчаньемъ. Бабушка Татьяна не рыболовныхъ и охотничьихъ вещей своего мужа, оберегала его отсутствіе и прибирала къ мѣсту. Равнымъ образомъ, сленные инструменты дѣдушки, занимавшіе добрую половину избы, всегда находились подъ бдительнымъ надзоромъ старухи, которая не позволяла не только брать, но и дотрогиваться до нихъ. Ворчанье бабушки Татьяны обрушивалось, главнымъ образомъ, на дѣдушкина племянника, на котораго воркотня эта, однако, не производила большого вліянія. Въ отвѣтъ на нее онъ только сопѣлъ да похлебывалъ носомъ. Однако, придурковатый парень подъ руководствомъ дѣвушки былъ сноснымъ работникомъ и, главное, усерднымъ. Съ его помощью дѣдушка аккуратно выполнялъ всѣ полевыя сельскія работы.

Случалось, иногда, старикъ увлекался какою-либо изъ своихъ страстей въ ущербъ хозяйству. Въ этихъ случаяхъ онъ шелъ къ сосѣду, у котораго была большая семья и нѣсколько сыновей ратниковъ.

— Ну, Вавила, выручай меня,—говорилъ онъ,—я, братъ, посъ-то прострѣлялъ. Пошли кого изъ мальцовъ подсобить мнѣ.

— Съ нашимъ удовольствіемъ, дѣдушка Тимоѳей. Для кого чтого, а для тебя завсегды. Бери любого: хоть Ваську, аль Секу.

— Дѣдушка, а дѣдушка, я пойду!—кричитъ Васы ный парень, встряхивая русую копну волосъ.—Меня я же ловокъ косить-то!

— Ну, инъ ладно. Приходи ужо ко мнѣ. Мы съ тоб секундъ и смахнемъ.

Къ дѣдушкѣ Тимоѳею было выгодно и пріятно и, мочь». Работай онъ не завалитъ, а больше самъ сдѣлае чаніи чайкомъ попоитъ, да не пустымъ, а съ медомъ и Кто выпиваетъ, водочки поднесетъ. Кромѣ того, заплати дишь, еще конецъ холста на портянки подаритъ.

Дѣтство мнѣ пришлось случайно провести въ Н Безъ сомнѣнія, я коротко знакомъ былъ съ дѣдушкой часто бѣгалъ къ нему и пользовался его расположеніе къ охотѣ и рыбной ловлѣ, вѣроятно, отъ дѣдушки пе мнѣ. Дѣдушка Тимоѳей былъ моимъ первымъ наставн ководителемъ сначала въ рыбной ловлѣ, а затѣмъ и въ

Какъ рыболовъ, дѣдушка Тимоѳей былъ истинны лемъ уженья и только одного уженья. Сѣтями и бред любилъ ловить и считалъ это грѣхомъ.

— Отчего ты, дѣдушка, не ловишь бреднемъ?—ино валъ я.—На-днях мужики подъ Лабынинымъ бреднем ушатъ рыбы поймали.

— Грѣхъ это, Миша. Сколько тебѣ нужно, столы лишняго незачѣмъ. Рыба, небось, тоже Божіе созданіе, хочется,—говорилъ дѣдушка, погружаясь въ раздумье. лый ушатъ! — продолжалъ онъ послѣ нѣкотораго разм да на кой мнѣ таку прорву рыбы?

— Какъ зачѣмъ? Посолилъ бы къ посту или от Сотниково, господамъ продалъ.

— Сталъ бы ловить, и другіе бы почали,—говорил развивая свои мысли.—Всю рыбу и переловили бы. И п съ тобой негдѣ бы было. Вотъ ты, гришь, продалъ бы,—об дѣдушка ко мнѣ,—ну, продамъ, деньги получу, а што съ лишнее баловство. Лѣниться учнешь, водки этой, къ п зать, напьешься, анъ дѣло-то и плохо.

Былъ ли въ этомъ случаѣ искренен старикъ, или валъ наставленіе, не могу сказать навѣрное. Случал душкѣ Тимоѳею обращались за рыбой, запасъ которой да бывалъ, и онъ продавалъ понемногу. Но промысл дѣлалъ и ловилъ вообще немного рыбы, которую валъ даромъ.

___ снастей дѣдушка употреблялъ весной верши и наметку. Но какъ только прояснялась вода, онъ переходилъ къ своимъ любимымъ удочкамъ. И славныя же удочки были у дѣдушки Тимоѳея! Длинныя, прямыя и сухія удилища были всѣ какъ на подборъ. Срѣзывалъ онъ ихъ осенью и высушивалъ въ сараѣ, привязавъ предварительно къ перекладинѣ. Волосяныя лесы отличались тонкостью, прочностью и необыкновенною бѣлизной: дѣдушка вначалѣ вымачивалъ волосы. Осокоревые раскрашенные поплавки высоко торчали изъ воды, блестя своими разноцвѣтными красками.

Крючки дѣдушка покупалъ, но иногда, особенно крупные, самъ дѣлалъ. За садомъ у него, на рѣкѣ, была устроена сажалка, въ которой хранились живцы и наловленная рыба.

Въ охотничьихъ предпріятіяхъ дѣдушки Тимоѳея мнѣ лично мало приходилось участвовать. Онъ рѣдко бралъ меня съ собою и вполнѣ резонно: въ лѣсу я могъ устать и связать дѣдушку.

Съ охотничьей стороной его жизни я знакомъ, главнымъ образомъ, по его собственнымъ разсказамъ.

Но объ этомъ послѣ. Теперь мы возвратимся къ прерванному разсказу.

Около двадцати лѣтъ прошло со времени моего пребыванія въ Новоселкахъ.

Проходя теперь по селу, я съ понятнымъ любопытствомъ всматривался въ знакомыя мѣста. Воспоминанія далекаго дѣтства, иногда мелкія и пустыя, но дорогія и пріятныя, постепенно воскресали въ головѣ. Вотъ рѣчка, въ которой я такъ любилъ удить и разъ чуть было не утонулъ; церковь, въ которой я бывалъ по праздничнымъ днямъ,—она та же самая, только мѣстами штукатурка на ней пообвалилась. Вотъ домъ, гдѣ я жилъ; теперь онъ не тотъ уже,—
строенъ, и живутъ въ немъ чужіе и незнакомые мнѣ люди.
Припомнились лица, которыя меня окружали... Между ними
е мѣсто занялъ дѣдушка Тимоѳей. Его симпатичная фигура
и живо воскресла въ моей памяти, и я невольно поддался до-
ъ воспоминаніямъ.
Показалась дѣдушкина изба, но я не узналъ ее съ перваго
да. Теперь замѣчалась большая разница между прежней, кото-
я такъ хорошо зналъ, и теперешней, къ которой я приближался.
раски на окнахъ потускнѣли или исчезли. Отъ прежнихъ пѣ-
въ, рисованныхъ когда-то самимъ дѣдушкою, остались одни
я пятна. Ставень на одномъ изъ оконъ свѣсился и держался
о на нижнемъ крючкѣ. На крышѣ мѣстами виднѣлись пуки
ы, набросанные кое-какъ и прикрытые кривыми жердями. Вся

вообще изба казалась ветхою и, словно уста
лившись на одинъ бокъ, уперлась на двѣ дуб

На крыльцѣ стояла молодая и довольно вид
тымъ подоломъ платья. Голова у ней была
подобіе повойника, а въ рукахъ, съ засученнь
лось корыто. Баба пристально смотрѣла на н
нымъ напряженнымъ вниманіемъ, съ какимъ
тритъ на незнакомое лицо въ костюмѣ «бари

— Дѣдушка Тимоѳей здѣсь живетъ?—об
шей бабѣ.

— Чаво?

— Дѣдушка Тимоѳей...

— Здѣся.

Мы вошли на крыльцо.

— А вамъ яво нужно?

— Да, хотѣлось бы повидать.

— Вы что же по дѣлу къ нему, аль такъ

Удовлетворивъ по возможности любопытст
цы, мы попросили ее провести насъ въ избу.

Баба, не обращавшая вниманія до этого м
летъ, теперь вдругъ спохватилась,—ахнула,
опрометью бросилась въ сѣни, одергивая на б

Послѣднихъ ея словъ нельзя было разслы
давалось отчаянное кудахтанье куръ. Сквозь
сѣни виднѣлся мѣшокъ съ овсомъ, на котор
бакенами курица и громко раздѣлывала свое
такъ, такъ». Гдѣ-то по угламъ тоже голосили

Снова появившаяся баба выхватила изъ
и махнула имъ на раскричавшихся куръ.

— Ш-ш... вы, проваленныя!

Куры съ трескомъ пронеслись надъ нашими

— Войдите, касатики, въ избу. Дѣдушка
мился отъ жары,—ну, и легъ. Знамо, старый
ла молодуха, идя вслѣдъ за нами.

Въ дверяхъ послышалось кряхтѣнье и с
шель. Переступивъ порогъ, мы чуть не столк
Тимоѳеемъ.

Сильно измѣнился дѣдушка. Минуту я ег
фигура дѣдушки какъ-то осунулась и похудѣл
кахъ и бородѣ волосы были совершенно бѣлы,
полное лицо теперь страшно сморщилось и

складки. Несмотря на жару, одѣтъ онъ былъ въ полушубокъ и валенки.

— Здорово, дѣдушка! Узнаешь меня?

Старикъ поднесъ къ глазамъ руку, загораживая ихъ отъ косыхъ лучей солнца, и всматривался въ меня.

— Здорово, родимый... Нѣтъ, гдѣ-жь узнать, не вижу, касатикъ.

— А помнишь Мишу, съ которымъ рыбу ловилъ?

— Мишу... Какова Мишу?

Я напомнилъ дѣдушкѣ свое дѣтство и назвалъ два, три знакомыхъ намъ лица изъ далекаго прошлаго.

Дѣдушка вспомнилъ.

— Миша... касатикъ! Да какъ не помнить-то! Вотъ какимъ тебя помню,—говорилъ дѣдушка, оживляясь и показывая рукою на аршинъ отъ пола.—Какъ же ты, соколикъ мой, выросъ-то! Ну, гдѣ-жь узнать было... кабы не сказалъ—ни въ жисть...

Дѣдушка преобразился. Изъ вялаго и соннаго, какимъ онъ по-ался мнѣ на первый взглядъ, онъ вдругъ превратился въ бод-помолодѣвшаго. Неподдѣльная радость и ласка звучали въ овахъ, прерываемыхъ удушливымъ кашлемъ. Въ потухшихъ ти слѣпыхъ глазахъ засвѣтился огонекъ. Сморщенное лицо ла улыбка. Да, это была его, дѣдушки Тимоѳея, улыбка. Я ь ее. Она также измѣнилась, постарѣла и показывала, вмѣсто ь, синеватыя десны, но душа въ ней сохранилась; отъ нея , какъ бывало, понеслись прямо къ сердцу какіе-то особенные, е и радостные лучи. Я невольно разцѣловалъ дѣдушку.

Дѣдушка задрожалъ, на глазахъ у него навернулись слезы.

- Миша, касатикъ, сколько годовъ... Помнишь, какъ бѣгалъ ѣ?

- Еще бы не помнить, дѣдушка!

мы оба погрузились въ прошлое, забывъ въ данную минуту семъ остальномъ. Одинъ вспоминалъ далекое дѣтство, всегда пріятное, а другой—время, когда былъ здоровъ, силенъ, а, вательно, и счастливъ. Мы, словно дѣти, перебивали другъ , спѣша высказать нахлынувшія мысли и чувства.

спомнили про знакомыя лица. Оказалось, что многихъ изъ которыхъ мы съ дѣдушкой знали, уже нѣтъ въ живыхъ. Ба-а Татьяна давно померла, племянникъ дѣдушкинъ ушелъ къ «Шкаликъ» околѣлъ.

Дѣдушка пригласилъ насъ съ товарищемъ садиться.

— Вотъ спасибо, родимый, что навѣстилъ меня, вспомнилъ про свово дѣдушку Тимоѳея,—говорилъ онъ, усаживаясь на лавку.

— Я къ тебѣ, дѣдушка, собирался, но только не сегодня. Нынѣшній же день случайно попалъ сюда. Вотъ съ товарищемъ охотились, поустали; домой идти не хотѣлось, мы и надумали идти къ тебѣ ночевать. Въ сараѣ у тебя, вѣроятно, есть сѣно; мы туда и отправимся.

— Какъ сѣну не быть—сѣна много... Вѣстимо, родные, переночуйте. Что за охота домой идти, на ночь глядя. Ахъ, Миша, Миша, колько годовъ ты не былъ у насъ! А теперь-то къ кому пріѣхалъ?

— Да вотъ къ нему,—указалъ я на товарища,—недѣли на двѣ, поохотиться.

— Что-жь ты ранѣ не пріѣзжалъ къ намъ?

— Некогда было. Да и куда же я поѣду? Никого здѣсь у меня не осталось. Съ Василіемъ Константинычемъ,—указалъ я на товарища,—недавно знакомъ, да и въ вашихъ краяхъ онъ живетъ неособенно давно.

— А ко мнѣ-то забылъ? Пріѣхалъ бы, да и жилъ хушь всеѣ лѣто. И денегъ съ тебя не спросилъ бы.

— Ну, дѣдушка, извини. Къ сожалѣнію, и на умъ не пришло.

— Ахъ, я старый,—вдругъ спохватился дѣдушка,—тары да бары развожу съ вами, а не спрошу: небось вамъ и попить хочется, и поѣсть; гляди, проголодались.

— Да, есть грѣхъ.

— Машуня, ну-ко, касатка, запусти поскорѣй самоварчикъ,—обратился дѣдушка къ стоявшей въ избѣ молодухѣ.

Послѣдняя успѣла принарядиться. На ней красовалось новое ситцевое платье съ мудреными разводами яркаго цвѣта. На головѣ былъ повязанъ шерстяной легонькій платокъ. Молодуха умылась и смотрѣла миловидною бабенкой. Каріе глаза съ длинными рѣсницами и вздернутый носикъ придавали ея лицу интересное и немного лукавое выраженіе.

— Сейчасъ, дѣдушка,—откликнулась молодуха на послѣднія слова дѣдушки и, слегка застыдившись, выбѣжала за дверь.

— Кто это у тебя молодуха?—спросилъ я дѣдушку.

— Супружница моего внука. Небось, знаешь мою дочь, [illegible]то замужъ-то была выдана. Ну, вотъ, къ примѣру сказать, она пог[illegible]ла, остался послѣ нея сынокъ, а мнѣ внучекъ. Его я послѣ сме[illegible] своей старухи взялъ къ себѣ и женилъ вотъ на Марьѣ-то. Нич[illegible], баба важная.

— Хорошо внучата къ тебѣ относятся, не обижаютъ твою старость?

— Ничаво, ласковы ко мнѣ. Конешно, народъ молодой—не безъ малодушія. Внукъ-атъ не сурьезенъ, полѣнивается, водки этой испить любитъ. Вонъ, вишь, гармонія,—указалъ дѣдушка на валявшуюся въ углу гармонію. — Хозяйство, къ примѣру сказать, не ведетъ, какъ слѣдствуетъ... Ну, да ихъ дѣло,—махнулъ рукой дѣдушка,—мнѣ што же?—одна могила нужна. Жалѣючи ихъ говорю. А, впрочемъ,—снова добавилъ дѣдушка,—они ласковы ко мнѣ. Нѣтъ, нѣтъ, касатикъ, не обижаютъ, и грѣха на душу неча брать.

Я оглянулъ избу. Судя по нѣкоторымъ даннымъ, можно было предположить, что хозяйство дѣдушкина внука отличается довольствомъ и достаткомъ. Очень можетъ быть, что трудолюбивая жизнь дѣдушки и аккуратность бабушки Татьяны не прошли даромъ, и совмѣстные труды обезпечили существованіе внучатъ.

Внутренность избы представляла теперь значительную разницу съ тѣмъ временемъ, когда хозяйствовали сами старики. Прежде было чрезвычайно просто,—ничего лишняго. Одни только инструменты да токарный станокъ наполняли избу. Теперь было много вещей, не существовавшихъ ранѣе. Окна имѣли занавѣски. На стѣнахъ развѣшаны были олеографіи.

Въ простѣнкѣ висѣло зеркало, небольшое, но сносное, изъ-за котораго выглядывали гребенки и разныя принадлежности туалета. Кромѣ лавокъ, въ избѣ стояло нѣсколько простыхъ стульевъ. Въ
ъ углу, вмѣсто дѣдушкинаго токарнаго станка, находился
ной кованый желѣзомъ сундукъ, въ другомъ—стояла кровать
ситцевымъ пологомъ. На вѣшалкахъ виднѣлась разнообразная
кая и женская одежда.
Но рядомъ съ этимъ достаткомъ замѣчалась и неряшливость.
ія вещи были раскиданы и валялись безъ толку. На столѣ вид-
сь остатки завтрака или обѣда; стояла пустая крынка, соло-
, валялись крошки хлѣба. По столу расползлись полувысохшія
молока, вокругъ котораго сидѣли рои мухъ. На полу, недалеко
тола, валялся смазной съ бураками сапогъ, а другой, подвернув-
я намъ подъ ноги, Марья успѣла схватить и куда-то сунуть.
авкѣ комкомъ лежала суконная поддевка. Всюду вообще замѣ-
сь слѣды пыли и даже грязи.
— Вотъ самъ я браню ихъ,—продолжалъ дѣдушка начатый
оворъ,— особливо за то, что не убираютъ къ мѣсту. Иной разъ,
ъ силу, подберешь, уложишь, глядь — опять раскидали.
, вишь поддевка-то новая, а зря кинута.

Вошедшая Марья прервала дѣдушку. Стари
роятно, жалѣя пристыдить внучку въ присутс
лицъ.

Молча и быстро стала молодуха собирать
конфузясь за безпорядокъ. Затѣмъ внесла п
пеньковую скатерть и поставила чашки.

— Внучка, ты, касатка, свари въ смяточку
ны принеси,—обратился къ ней дѣдушка,—вод

— Не хлопочи много, дѣдушка,—отозвал
смятку—это хорошо. Больше ничего не нужн
есть. Вотъ посмотри,—говорилъ я, вытаскива
тылку,—какимъ напиткомъ наградилъ насъ ва

— Это Тихонъ, что ли?

— Не знаю. Полный изъ себя.

— Онъ и есть. Большая шельма,—немног
ворилъ дѣдушка,—дюже задавилъ народъ. И ста
кабакѣ,—всѣхъ споилъ.

— Какъ же онъ ухитрился это сдѣлать?—
мой товарищъ.—Я думаю, что сами православны
вѣдь, не гонитъ ихъ къ кабаку.

— Оно знамо такъ,— насильно никому не
онъ обставилъ хитро. Теперича въ долгъ отпу
что хошь приметъ; топоръ, валенки,—показыва
жавшій въ углу топоръ и на свои валенки,—тан
метъ. А про одежу и говорить нечего; самы худ
и тѣ беретъ, ничѣмъ не брезгуетъ. А допре
было. Прежде кабатчикъ не моги отпустить въ д
закладъ — ни-и Боже мой, а то штрафъ. Ну,
кого и не было.

— Да, хорошее условіе было у васъ съ к
твердилъ я дѣдушкины слова.—Кто же тогда пр
роятно, ты, дѣдушка, орудовалъ?

— Не одинъ я, всѣ міромъ порѣшили. Про
ругать. Тогда это онъ кабакъ-то держалъ. Все,
хрычъ Тимошка надѣлалъ, кабы не онъ, такого
лали бы. Ну, а мнѣ что—пущай ругается, Бог
ства большого, неча сказать, не было.

— По закону, кажется, запрещено кабатчи
долгъ водку и брать подъ закладъ вещи?—замѣт

— Може, оно и запрещено, да кто объ этомъ
другъ пріятель Тихона—не скажетъ. Остальные

примѣру сказать, такъ разсуждаютъ: моя, молъ, изба съ краю, что мнѣ за дѣло,—ну, и молчатъ. Нѣтъ, касатикъ, ежели сообча всѣ не уставили, толковъ мало, и законъ не поможетъ.

— Почему же крестьяне съ теперешнимъ кабатчикомъ не сдѣлали условія?

— Почему?... Нонѣ народъ другой сталъ. Супротивъ прежняго ничего не стоитъ. Малодушія этого очень много. Допрежь какой народъ-то былъ,—столпы, крѣпкій, сурьезный, богобоязненный. Бавилу хушь взять покойника,—царство ему небесное!—каковъ мужикъ-то былъ? Ты, Миша, небось помнишь его. Одно слово—кремень, и хозяинъ обстоятельный. Въ семьѣ у него было безъ мала двадцать человѣкъ. За столъ сядутъ, что твоя фабрика. Богачество какое было у нихъ. Скота этого цѣлая прорва... А вотъ старикъто померъ, межь сыновьями и пошли препоны, брань да ссора. Раздѣлились,—ну, а тамъ что—вѣстимо захудали и пошли чуть не по міру. Семена Блохина, теперича, взять, аль Микиту Иванова—какіе тоже люди были. Нонѣ и не сыщешь такихъ. Да мало ли еще кто былъ, теперича не припомнишь... А нонѣ куда ни глянь, вездѣ одна срамота. Нонѣ сынъ-то норовитъ какъ бы стянуть что со двора, да въ кабакъ. А то и хуже бываетъ. Воротится сынъ, къ примѣру сказать, съ фабрики домой и думаетъ о себѣ, что онъ и Богъ знаетъ какая умница. Ты, грить, деревня,—эфто отцу-то,—необразованность, всѣ вы на селѣ-то ошметкомъ щи хлебаете. Каково! А спросить его: самъ-то онъ что знаетъ? Самъ-то, вишь, образованіе получилъ, по трактирамъ шляючись, да вонъ изъ пѣсенниковъ вычиталъ,— дѣдушка показалъ на какую-то книжку, лежавшую на притолкѣ,—тамъ изъ какого-то «стрѣлочка».

Дѣдушка закашлялся. Нѣкоторое время онъ не могъ говорить. Переведя, наконецъ, духъ, онъ продолжалъ:

— Раздѣлы, къ примѣру сказать, теперича пошли. Остались два брата. Жить да жить бы вмѣстѣ. Нѣтъ, они словно два медвѣдя въ берлогѣ,—сичась врозь, давай дѣлить. А и дѣлить иной разъ нечего: коровенка да лошадь. Вмѣстѣ, може, понемножку и прожили бы, а стали жить особнякомъ — оба нищими и сдѣлались. Вотъ отъ этихъ и зло пуще всего. Како же почтеніе можетъ имѣть сынъ къ отцу, ежели у отца-то ничаво нѣту? Сынъ на фабрикѣ получитъ, примѣрно, красненькую, другую и думаетъ, что онъ богатъ. Ты, грить отцу, ничего не понимаешь, много ты достаешь здѣся въ деревнѣ? У тебя, грить, въ карманѣ-то ни рожна нѣтъ, а у меня вишь во—деньги. Значитъ, я тебя умнѣе, и ты мнѣ не перечь.

Дѣдушка нагнулся и задумался. Потомъ, приподнявъ голову, онъ провелъ рукой по бородѣ.

— Такъ-то-ся,—продолжалъ онъ,—вотъ какъ пошла эта розь, кабатчики и забрали силу. Всѣ у нихъ теперича въ кабалѣ. Съ кабатчикомъ нонѣ и тягаться нечего: онъ — сила, что твой старшина. Да куда, больше! — проговорилъ дѣдушка и махнулъ рукой.

— Вотъ ты, дѣдушка, не одобряешь раздѣлы,— обратился къ нему мой товарищъ.— А какъ же иной разъ быть? Невѣстки начинаютъ ссориться. Выходитъ дѣло, по большей части, изъ-за пустяковъ, изъ-за горшка, изъ-за тряпокъ и доходитъ до такихъ размѣровъ, до такого ада, что совмѣстная жизнь становится совершенно невозможна. Поневолѣ приходится раздѣлиться.

— А въ мое-то время рази бабы не ругались? Касатикъ ты мой, вѣдь, вотъ не даромъ пословица-то говоритъ: у бабы волосъ дологъ, да умъ коротокъ. Начнутъ изъ-за горшка, а потомъ въ сурьезъ. Да мужики-то что смотрятъ, у большака-то гдѣ глаза? Все-таки, дѣлиться не слѣдъ. Не резонъ изъ огня да въ полы кидаться.

— А если большакъ-то почему-либо плохъ, не имѣетъ авторитета, значенія въ глазахъ семьи?—возразилъ мой товарищъ.

— Ахъ, родимый мой, всяко бываетъ, и большакъ ину по прихрамываетъ. Старшо́му все же должно повиноваться. Хушь плохъ, а все порядокъ. Рази лучше, если каждый начнетъ сво Да, къ примѣру сказать, большакъ ежели совсѣмъ плохъ, можн съ согласія семьи, и смѣнить его. У насъ допрежь бывало. Соб рется сходъ, вызовутъ семейныхъ и присудятъ другому бра большакомъ состоять, а прежняго отставятъ.

Марья принесла самоваръ, который она, кажется, немного п чистила. На двухъ тарелкахъ разложила яйца и домашнюю ветч ну, нарѣзала хлѣба, поставила рюмки и сѣла за столъ.

Глядя теперь на прифрантившуюся молодуху, на ея довольловкую манеру разливать чай, трудно было допустить, чтобы о въ обыкновенное время ходила замарашкой и безучастно относ лась къ хозяйству. Скатерть, тарелки оказались чистыми и вооб все на столѣ было опрятно.

— Дѣдушка, выпьешь съ нами рюмочку?

— Нѣтъ, касатики, спасибо. Кушайте на здоровье. Я и прежь мало пилъ, а таперича и совсѣмъ бросилъ.

— А ты, молодуха, хочешь?

— Благодарствуйте. Я тоже не пью,—промолвила Марья, сл ка зарумянившись.

..ъ мужъ ейный,—указалъ дѣдушка на молодуху,—ежели бы былъ, выпилъ бы съ вами. Таперича узнаетъ — жалѣть будетъ.

Замѣчаніе это, повидимому, не понравилось Марьѣ: она недовольно сморщилась и опустила голову.

— Гдѣ же мужъ твой, красавица? — обратился мой товарищъ къ Марьѣ, желая перенести разговоръ на нейтральную почву.

— Съ мужиками косить: нонѣ ложокъ подѣлили,— отвѣтила молодуха.—Теперя должонъ скоро придти,— добавила она, помолчавъ немного.

— Дѣдушка, рыбу-то ловишь? — обратился я къ старику, хотя внутренно и сознавалъ, что вопросъ мой одно празднословіе.

— Ну, куда мнѣ, касатикъ, ловить! Насилу ноги волочу. Совсѣмъ плохъ. Поясница это страсть какъ болитъ, одышка, притомъ,— говорилъ дѣдушка, раскалывая сахаръ на мелкіе кусочки.—Думатца мнѣ, немного наживу на бѣломъ свѣтѣ,— прибавилъ онъ и понурился.

Мы замолчали.

Въ это время дверь тихо скрипнула и на порогѣ показался въ ситцевой рубашонкѣ мальчуганъ лѣтъ трехъ-четырехъ. Переступивъ одною ногой порогъ, ребенокъ остановился въ нерѣшитель-

,— очевидно, наше присутствіе его смутило.

ѣдушка замѣтилъ мальчика и улыбнулся.

– Петюнька, глупый, чаво-жь ты пужаешься? Бѣги скорѣй душкѣ,— говорилъ старикъ, ласково приглашая его къ себѣ.

– Иди, сынокъ, слышь, дѣдушка зоветъ,—отозвалась Марья.

аріе хорошенькіе глаза ребенка очень были похожи на мате-

.

етюнька, однако, колебался. Запустивъ въ ротъ указательпалецъ, онъ раздумывалъ, опасно или неопасно будетъ пробѣгть разстояніе, отдѣлявшее его отъ дѣдушки.

аконецъ, собравшись съ духомъ, онъ быстро подбѣжалъ къ шкѣ и ткнулся въ его колѣни. Повернувъ оттуда голову, Пека однимъ глазкомъ посматривалъ на гостей.

ѣдушка любовно разгладилъ своими сморщенными пальцами авшіеся волосы мальчика и, нагнувшись, поцѣловалъ его.

– Правнучекъ мой,— обратился онъ къ намъ.— Вотъ, Богъ лъ дожить.

ѣдушка досталъ изъ сахарницы конфекту.

– Накось тебѣ,— проговорилъ онъ Петюнькѣ.

– Балуешь ты его очень, дѣдушка,— улыбаясь, замѣтила я.

— Ну, не замай... Може, недолго набалую-т
тикъ, посмотри, пригнали скотину, аль нѣтъ?

Петюнька на этотъ разъ не заставилъ себя п
галопомъ юркнулъ за дверь.

Осматривая внутренность избы, я невольно
далекое прошлое, когда мальчикомъ бѣгалъ къ д

— Измѣнилось, однако, у васъ въ избѣ,— з
духѣ.—Прежде иначе было. Вотъ здѣсь,—указал
стоялъ токарный станокъ, а здѣсь, на полкахъ
струменты. Куда же все это исчезло?— обратился
словами къ дѣдушкѣ.

— Эхъ, касатикъ, пересталъ заниматься, все
Сосѣди много растаскали: дай, да дай, дѣдушка,
носятъ; много поломано... ну, остатки вонъ там
ляются,—и дѣдушка показалъ рукой въ простра
это я внука къ мастерствамъ,— куда тебѣ! Не х
такъ и не сталъ. А вотъ на гармоніи мастеръ иг
къ примѣру сказать, въ хороводѣ выкинуть — с
сыщешь.

— Будя тебѣ, дѣдушка. Не конфузь Амельян
замѣтила Марья, немного обидѣвшись за мужа.

— А ты, касатка, не сердись. Не всяко сл
вить, не съ сердцовъ говорю, а такъ, къ слову м
къ примѣру сказать, правда, то правда.

Пригнали скотину, и Марья вышла подоить к

Я прошелся по избѣ. Въ углу, около печки,
была каморка бабушки Татьяны. Теперь ея мѣст
дѣдушка. Дверь была полуотворена, и я загляну

— Дѣдушка, ты здѣсь спишь?— крикнулъ
на комнатку.

— Тамъ, касатикъ. Со смерти своей стару
отвѣтилъ дѣдушка, отрываясь отъ какого-то раз
товарищемъ.

— Можно войти?

— Вѣстимо, войди.

Маленькая комнатка съ однимъ окномъ зан
квадратныхъ аршинъ. У стѣны стояла кровать,
женіямъ, сдѣланная самимъ дѣдушкой. Около кр
его же работы. Постель была накрыта стеганы
было просто и скромно у дѣдушки; никакихъ вещ
только на окнѣ виднѣлась кружка съ квасомъ.

Но, повернувшись обратно, я замѣтилъ висѣвшее около двери ружье. Оно было чрезвычайно старое и заржавленное. Я узналъ это ружье.

— Вотъ не ожидалъ, дѣдушка, встрѣтить у тебя этого инвалида,— проговорилъ я, разсматривая ружье.— Я думалъ, отъ твоей старушки-фузеи и слѣда не осталось.

— Это ты про ружье толкуешь?— отозвался дѣдушка.— Берегу его, касатикъ, берегу. Апосля отца досталось; охотиться съ этимъ ружьемъ началъ. Лежишь ину пору на постелѣ, взглянешь на него,— ну, и припомнятся молодые годы. По-смерть буду беречь; умирать стану, внуку закажу, чтобы берегъ, да вспоминалъ дѣдушку.

Я опять возвратился въ дѣдушкину комнату и вновь сталъ разсматривать ружье. Предо мной висѣлъ предметъ, интересный развѣ для археолога. Стрѣлять изъ этого инвалида было уже опасно. Слѣды многочисленныхъ изъяновъ и поправокъ виднѣлись на ружьѣ.

Но оно, очевидно, было дорого старику. Съ нимъ соединялись у него лучшія и, можетъ быть, дорогія воспоминанія. Это былъ старый товарищъ дѣдушки, такой же старый, какъ и онъ самъ, и единственный. Больше у него, кажется, никого и ничего не осталось отъ прошлаго. Родные и друзья—ровесники дѣдушки—давно умерли; домашнихъ животныхъ, которыхъ любилъ дѣдушка, тоже давно не было въ живыхъ, изъ вещей у дѣдушки осталось немного, да и, повидимому, ни одинъ предметъ, употреблявшійся имъ въ мастерствѣ, не былъ для него особенно интересенъ. Другое дѣло— ружье. Оно видѣло и знало лучшіе годы дѣдушки, дѣлило съ нимъ радость и горе, труды и опасности охотничьей жизни.

Еслибъ оно могло говорить, много интереснаго разсказало бы о себѣ и о дѣдушкѣ. И немудрено: оно видѣло на своемъ вѣку куда больше самого хозяина... Оно разсказало бы, что сдѣлано не здѣсь, не въ этой странѣ лютыхъ морозовъ и удушливыхъ жаровъ, а далеко-далеко на Западѣ, гдѣ климатъ и мягче, и ровнѣе, гдѣ люди, нравы и языкъ совсѣмъ иные, чѣмъ здѣсь. Изъ мастерской оно вышло очень красивымъ и имѣло на дулѣ широкій и блестящій штыкъ. Первый хозяинъ ружья былъ не дѣдушка Тимоѳей, а бравый усачъ гренадеръ, ходившій въ громадной медвѣжьей шапкѣ. Какъ же онъ чистилъ и холилъ ружье! Ни одинъ винтикъ не оставался забытымъ и невычищеннымъ. Для ружья это было время славы и почестей.

Сколько странъ, городовъ, столицъ видѣло ружье съ своимъ хозяиномъ. При звукахъ побѣднаго марша входилъ бравый гренадеръ,

какъ побѣдитель, въ тотъ или иной городъ. Торжественно онъ несъ свое ружье, не обращая вниманія на злобные взгляды безсильныхъ враговъ. Ружье видѣло знойные пески, царственныя пирамиды, посылало мѣткія пули въ смуглыхъ всадниковъ, носившихся въ бѣлыхъ тюрбанахъ на быстрыхъ, какъ вѣтеръ, коняхъ.

Далѣе, ружье увидало широкія, необозримыя степи. Вмѣстѣ съ хозяиномъ они стремились къ древнему, большому, потонувшему въ садахъ, бѣлокаменному городу, находившемуся среди этихъ степей. Да и какъ было не стремиться? Самъ императоръ сказалъ, что въ этомъ городѣ его войско ожидаетъ слава, завершеніе трудностей похода и награда побѣдителямъ.

Вотъ и давно желанный городъ. Съ высокаго холма, окруженный блестящею свитой, смотритъ императоръ на разстилающійся передъ нимъ городъ. Протекающая внизу рѣка лентой опоясываетъ его; масса зданій: дворцы, сады, причудливыя башни, бѣлокаменные дома, многочисленныя церкви съ золочеными главами и крестами, на которыхъ ярко отражаются лучи осенняго солнца. Чудная панорама!

Но императоръ недоволенъ; онъ хмурится; онъ ждетъ депутацію и ключей отъ побѣжденнаго города. Почему ихъ такъ долго не несутъ? Недоумѣніе отражается и на свитѣ императора, и на бравомъ гренадерѣ, стоящемъ въ конвоѣ.

Приходится, однако, обойтись безъ этой церемоніи: горожане оказываются невѣжливыми и не выходятъ на встрѣчу. Съ развернутыми знаменами, музыкой и пальбой вступаютъ войска въ городъ, но торжество носитъ въ себѣ мрачный отпечатокъ. Уныло смотрятъ опустѣлые дома, не видно народа и не слыхать привѣтственныхъ кликовъ побѣдителямъ. Лишь немногіе оставшіеся украдкой выглядываютъ кое-откуда.

Вступленіе въ городъ далеко не оправдало надеждъ браваго гренадера. Ружье замѣтило, что хозяинъ его сталъ болѣе и болѣе хмуриться и ворчать, жалуясь на недостатокъ продовольствія.

Приходилось отправляться на фуражировку. Окрестности города были опустошены и, чтобы достать съѣстныхъ припасовъ, нужно было далеко удаляться отъ лагеря.

Въ одну изъ такихъ фуражировокъ,—ахъ, какъ помнитъ ружье этотъ моментъ!—отрядъ, въ которомъ находился и бравый гренадеръ, возвращался обратно съ запасомъ хлѣба. Все шло благополучно.

Но, выйдя на небольшую равнину, отрядъ вдругъ замѣтилъ опушкѣ лѣса значительное количество всадниковъ, вооруженныхъ

длинными пиками. Быстро построились послѣдніе къ аттакѣ и съ гикомъ понеслись на встрѣчу отряда, сперва медленно, на рысяхъ, а затѣмъ все шибче и шибчэ. «Стройся!» — раздалась команда въ отрядѣ. Всадники ближе и ближе. Можно уже замѣтить ихъ бараньи съ краснымъ верхомъ шапки, наклоненныя пики, злобныя и рѣшительныя лица. «Пли!»—раздалась вновь команда. Залпъ въ самую середину враговъ. Всадники заколебались; послышались стоны... минута замѣшательства... Но вотъ одинъ выскочилъ впередъ, за нимъ другой, третій, и опять вся масса, объѣзжая павшихъ товарищей, понеслась безумнымъ галопомъ; еще громче и пронзительнѣе раздалось гиканье, злобнѣе и рѣшительнѣе сжались въ рукахъ длинныя пики.

Заряжать ружья было уже некогда. «Стройся въ каррэ!»—прозвучала команда въ послѣдній разъ. Моментъ—и вся масса кавалеріи съ страшнаго налета врѣзалась въ отрядъ. Послышались раздирающіе душу крики, безобразныя проклятія, лязгъ оружія, ржаніе лошадей.

Ловкимъ ударомъ штыка отбилъ бравый гренадеръ направленную въ него пику и свалилъ самого всадника. Но, увы, почти въ тотъ же моментъ другой подскакавшій со всего размаху нанесъ шашкой страшный ударъ по головѣ, размозжившій ему черепъ. Грохнулся ветеранъ на подмерзшую отъ осенняго морозца землю и судорожно зажалъ въ предсмертной агоніи своего товарища—ружье.

Въ нѣсколько минутъ отрядъ былъ почти весь перебитъ; немногіе уцѣлѣвшіе взяты въ плѣнъ.

Вслѣдъ за всадниками появились новыя лица въ армякахъ и полушубкахъ, подпоясанныхъ кушаками, съ топорами и вилами. Во время стычки они находились въ лѣсу и оттуда наблюдали за происходившимъ. Теперь наравнѣ со всадниками они спѣшили вос-

ся доставшеюся добычей.

изъ вновь прибывшихъ, высокій, съ рыжею бородой, че-
топоромъ за поясомъ, подошелъ къ убитому гренадеру.

», какой здоровенный хранцузъ-то,—проговорилъ онъ,
ая трупъ убитаго,— усищи какіе... А и ловко же, дуй
звизданули его... Ружье-то како важное,—надо взять;
отдаетъ,—знать, и мертвому жалко разстаться.

шій вырвалъ ружье изъ окоченѣлыхъ рукъ трупа и
обычу на плечо. Это былъ новосельскій крестьянинъ,
ръ, отецъ нашего знакомца, дѣдушки Тимоѳея.

го хозяина ружье было въ забросѣ. Онъ началъ съ того,
лъ штыкъ, надѣлъ его на палку и получилось нѣчто

вродѣ пешни. Этимъ инструментомъ онъ скалы
ледъ и въ коровникѣ навозъ. Не вынесъ такого
штыкъ и сломался.

Дядя Прохоръ былъ печникъ и къ охотѣ не ч
нія. Ружье висѣло у него на стѣнѣ и ржавѣло.
изъ него, развѣ только изрѣдка попугаетъ ворон

Дѣдушка Тимоѳей еще мальчишкой засматрив
Любилъ онъ слушать отъ отца разсказы про «хр
козаковъ съ французами, бывшей неподалу отъ
сти о ружьѣ, какимъ образомъ досталось оно его

Подросъ Тимоѳей. Сначала украдкой бѣгалъ
лѣсъ, а потомъ съ согласія отца, который и
въ полное распоряженіе.

Тимоѳей вычистилъ ружье, смазалъ его и ст
нимъ бережно и осторожно, какъ съ дорогимъ и
комъ. Давно ружье не видало такой холи. Он
своею участью и, взамѣнъ бережнаго обращені
служить вѣрой и правдой Тимоѳею.

Много онъ билъ изъ него всевозможной дичи,
и кончая крупнымъ звѣремъ.

Состарился Тимоѳей и началъ величаться дѣ
попрежнему, раскатисто громыхало на охотѣ, п
выстрѣлу. Мальчишки, прислушиваясь, бывало,
слышь, дѣдушка Тимоѳей въ пушку палитъ.

Правда, у дѣдушки впослѣдствіи появилось
много полегче перваго, но онъ не былъ такъ пр
не дорожилъ имъ, какъ первымъ.

Его любимецъ отличался прочностью, тяжел
бовалъ для заряда добрую пригоршню пороха. В
чествъ своего ружья, дѣдушка Тимоѳей не стрѣ
цу, а билъ только по сидячей. Равнымъ образом
вродѣ чирятъ, бекасовъ, дупелей и т. п., дѣдуш
галъ, въ какомъ бы положеніи ни засталъ ихъ.
поставить ему въ упрекъ это игнорированіе луч
талось бы отъ какого-нибудь несчастнаго бекаса
пришла фантазія громыхнуть въ него изъ свое
за то по крупной дичи ружье было незамѣнимо:
ло и *сохатаго,* и нашего сѣвернаго богаты
пыча.

. . . . . .

Я засмотрѣлся на ружье. Дѣдушкины былые

ли въ памяти. Я увлекся воспоминаніями и не замѣтилъ, какъ дѣдушка, окончивъ разговоръ съ моимъ товарищемъ, подошелъ ко мнѣ. Положивъ на плечо руку, старикъ, улыбаясь, промолвилъ:

— Ты чаво это уставился на ружье?

— Такъ, дѣдушка, задумался.

— Ну, думай, не думай, а на дворѣ ночь: пора и на покой. Ты, Миша, прости меня—я лягу. Что-то пріутомился.

— Ложись, дѣдушка, и мы сейчасъ пойдемъ.

Вошла Марья и предложила намъ парного молока. Выпивъ по стакану, мы отправились въ сарай. Въ сѣняхъ мы столкнулись съ высокимъ мужикомъ, который вѣшалъ на перекладину косу и брусочникъ. Мы догадались, что это дѣдушкинъ внукъ.

— Здорово, Емельянъ. А мы у тебя незваные гости.

— Милости просимъ,—проговорилъ онъ.—Жена сказывала. Дѣдушку пришли навѣстить—доброе дѣло.

Мы вышли на крыльцо.

Тихая, теплая ночь спустилась на землю. Въ воздухѣ пахло гречихой и медомъ. На небѣ кое-гдѣ мигали одинокія звѣзды. Повсюду была тишина, лишь изрѣдка доносились съ рѣки какіе-то неясные звуки.

По узенькой тропинкѣ добрались мы до сарая. Предупредительная молодуха постлала намъ простыню на сѣнѣ и положила подушки.

Несмотря на усталость, я долго не могъ заснуть. Воспоминанія цѣлою вереницей, противъ воли, толпились въ головѣ. Мысль усиленно работала. Разнообразныя картины прошлаго сами собой возникали въ головѣ и исчезали, уступая мѣсто другимъ. Долго нѣ могли успокоиться возбужденные нервы. Наконецъ, мало-по-малу мысли стали окутываться какимъ-то фантастическимъ покровомъ и переходить въ область сновидѣній. Утомленіе брало свое, и я, наконецъ, заснулъ.

Утромъ, когда мы проснулись, солнце стояло уже довольно высоко. Первое, что мнѣ бросилось въ глаза, былъ дѣдушка. Онъ стоялъ возлѣ насъ въ полушубкѣ и съ палкой въ рукахъ.

— Проснулись, касатики?—проговорилъ онъ, улыбаясь.—А я давно стбю здѣсь. Хотѣлъ будить васъ, да жалко стало: ужь больно вы сладко спали. Ну, вставайте, да пойдемъ чай пить. Самоваръ давно кипитъ.

Вставать, дѣйствительно, было уже пора. Мы незамѣтно проспали на свѣжемъ сѣнѣ. Надо было поторапливаться, чтобы поспѣть къ утренней охотѣ.

Отдохнувшіе псы, повидимому, давно уже бод
шись къ намъ на сѣно, они шумнымъ лаемъ выра
по поводу нашего пробужденія и изъявляли нещ
лизнуть въ лицо.

— Эхъ, десятокъ, другой годковъ сбросить б
говорилъ дѣдушка, разсматривая наше оружіе,—
титься съ вами. Вишь во какія нынѣ мудрены
то что прежде. А гляди, не больше убьешь ни
жись... Дичины-то маловато у васъ,—добавилъ
зоръ нашимъ ягдташамъ.

— Да, немного,—отвѣтилъ мой товарищъ.-
мя; теперь годъ отъ году становится меньше

— Оно, знамо, въ былые годы не въ прим
Тетеревей этихъ, бывало, страсть: туча-туче
осень,—говорилъ дѣдушка, направляясь съ на

— Ну, да и теперь можно найти. Вишь во
ша,—обратился ко мнѣ дѣдушка, указывая на
вдали лѣсъ.—Туда сходите. На опушкѣ безпре
водки. Допрежь много тамъ было этой самой тет

Дѣдушка съ трудомъ поднялся на крыльцо,
нако, разсказывать про свои охоты и совѣтуя,
дичь.

Въ избѣ вся семья дѣдушки была въ сборѣ
самовара, дожидаясь нашего прибытія, чтобы п

Дѣдушка словоохотливо продолжалъ поучать
предстоящей охоты. Несмотря на всесокрушающ
огонекъ еще не угасъ въ немъ. Страстному кога
ятно было поговорить объ охотѣ. Онъ искренно
ся съ нами. Но недуги и слабость крѣпко прико
одному мѣсту. Мало того, что не позволяли ем
свою старинную фузею и осуществить на дѣлѣ
и невольно порождали въ душѣ каждаго смутныя
ность охотника.

. . . . . .

Сердечно простились мы съ радушными хозя

— Мотри, Миша, еще заходи,— говорилъ
насъ до крыльца и опираясь на свою палку.

— Непремѣнно, дѣдушка. При первомъ же
отвѣчалъ я, обнимая его въ послѣдній разъ на

Дѣдушка снова, какъ и при встрѣчѣ, казалс

— Не забывай старика, може... тово... виш

дѣдушка не договорилъ и махнулъ рукой. Сѣдая голова его тихо поникла.—Ну, прощай... А лѣсокъ-то, лѣсокъ-то не забудьте,—снова оживляясь, повторилъ онъ, когда мы спустились съ крыльца и вышли на улицу.—Безпремѣнно есть выводки!

Утро давно наступило, но въ селѣ было тихо и незамѣтно дневной суеты. Рабочая пора сказывалась въ полномъ почти отсутствіи сельскаго люда. Лишь неугомонные стрижи рѣяли вокругъ колокольни и своимъ чирканьемъ, похожимъ на свистъ, нарушали обычную въ это время тишину.

Близъ околицы мы оглянулись.

Дѣдушка еще стоялъ на крыльцѣ. Его сгорбленная фигура, опиравшаяся на палку, удачно гармонировала со старушкой-избой и какъ будто представляла съ ней издали одно нераздѣльное цѣлое. Дѣдушка замѣтилъ наши фуражки, надѣтыя на ружья,—послѣдній нашъ привѣтъ старику, поднялъ палку и показалъ опять на синѣющій лѣсъ, который извилистою лентой тянулся на горизонтѣ. Затѣмъ онъ не спѣша опустилъ свой посохъ и, опираясь на него, тихо скрылся за дверь.

Солнце выше и выше поднималось по небосклону. День опять обѣщалъ быть жаркимъ, но легкій вѣтерокъ пока умѣрялъ начинавшійся зной. Мы вышли на проселочную дорогу и прибавили шагу.

М. Хлюсторевъ.

СЕМЬЯ ПОЛАНЕЦКІ

Романъ Генрика Сенкеви

Былъ часъ пополуночи, когда Поланецкі
скому дому въ Кшеменѣ. Во время своего дѣт
въ этой деревнѣ, куда его мать, дальняя родс
теперешняго владѣльца Кшеменя, возила его в
теперь усиливался припомнить эту мѣстност
съ трудомъ. Ночью, при лунѣ, все окружаю
формы. Надъ зарослями, лугами и кочками
туманъ, обращавшій всю мѣстность въ безб
обманъ увеличивался еще болѣе, благодаря х
была іюльская, погожая, освѣщенная полною
когда лягушки смолкали, слышенъ былъ крик
на росистой травѣ, а иногда, издали, отъ
скрытыхъ за ольхами, доносился, точно из
выпи. Поланецкій не могъ противиться очар
нея вѣяло чѣмъ-то роднымъ и эту родственно
живѣе, что только годъ назадъ возвратился
провелъ первые годы молодости, а потомъ за
лами. Теперь, когда онъ въѣзжалъ въ эту сп
припомнилось его дѣтство, припомнилась
пять лѣтъ тому назадъ, и всѣ непріятности и
показались совершенными пустяками въ сра

Бричка, наконецъ, въѣхала въ деревню
крестомъ, стоящимъ на песчаномъ холму. К
клонился и грозилъ паденіемъ. Поланецкій
потому, что когда-то въ этотъ песокъ закопа
раго нашли на суку въ ближайшему лѣсу,
бояться проходить мимо этого мѣста.

За крестомъ начинались первыя хаты. В

мъ окнѣ не было видно свѣта. Покуда глазъ хватаетъ, на
ь фонѣ неба свѣтятся облитыя луннымъ свѣтомъ крыши,
ı въ этомъ блескѣ кажутся серебристо-сѣрыми. Иныя хаты
бмазаны известью и казались свѣтло-зелеными, другія,
іяся въ вишневыхъ садахъ, въ гущѣ подсолнечниковъ или
фасоли, едва выдѣлялись изъ тѣни. На дворахъ тявкали собаки, но
какъ бы сквозь сонъ, словно акомпанируя кваканью лягушекъ, крику дергачей, выпей и всѣмъ тѣмъ голосамъ, которыми отзывается лѣтняя ночь и которые еще болѣе усиливаютъ впечатлѣніе, производимое тишиною.

Бричка, медленно подвигающаяся по песчаной дорогѣ, въѣхала, наконецъ, въ темную аллею, испещренную и тамъ, и сямъ пятнами свѣта, проникающаго сквозь листву. На концѣ аллеи посвистывали ночные сторожа. Показался бѣлый домъ, въ которомъ нѣсколько оконъ было освѣщено. Когда бричка загремѣла колесами передъ крыльцомъ, изъ дома выбѣжалъ мальчикъ и началъ высаживать Поланецкаго. Потомъ появился ночной сторожъ и двѣ бѣлыхъ собаки, видимо, очень молодыя и добродушныя, потому что, вмѣсто лая, онѣ ласкались къ гостю, прыгали ему на грудь и по поводу его прибытія выказывали такую радость, что сторожъ долженъ былъ умѣрять ихъ изліянія при помощи палки.

Мальчикъ взялъ изъ брички вещи Поланецкаго, а самъ онъ черезъ нѣсколько минутъ очутился въ столовой, гдѣ его ожидалъ чай. Здѣсь ничего не измѣнилось со временъ его дѣтства. У одной стѣны стоялъ орѣховый буфетъ, рядомъ съ нимъ часы съ большими гирями и кукушкой, на другой сторонѣ висѣли два плохихъ портрета
въ платьяхъ восемнадцатаго столѣтія, посерединѣ стоялъ
, покрытый бѣлою скатертью и окруженный креслами съ вы-
ми спинками. Эта комната, ярко освѣщенная, наполненная па-
, выходящимъ изъ самовара, казалась уютной и веселой.
оланецкій началъ прохаживаться вдоль стола, но скрипъ его
ъ не гармонировалъ съ этою тишиной. Онъ подошелъ къ окну
алъ смотрѣть на освѣщенный луною дворъ, на которомъ двѣ
и, встрѣтившія его такъ ласково, теперь гонялись другъ за
мъ.
ерезъ нѣсколько минутъ двери сосѣдней комнаты отворились;
а молодая дѣвушка. Поланецкій догадался, что это дочь вла-
ца Кшеменя отъ второй жены. При ея появленіи онъ вышелъ
глубленія окна, подошелъ въ своихъ скрипучихъ сапогахъ къ
и назвалъ свою фамилію.
ѣвушка протянула ему руку и сказала:

— Мы изъ телеграммы знали о вашемъ пріѣздѣ. Пап
нездоровъ и долженъ былъ лечь въ постель, но утромъ буд
радъ видѣть васъ.

— Не моя вина, что я пріѣхалъ такъ поздно, — отвѣ
ланецкій, — поѣздъ только въ одиннадцать часовъ при
Чернёво.

— А отъ Чернёва еще двѣ мили до Кшеменя. Отецъ
мнѣ, что вы здѣсь не въ первый разъ.

— Я пріѣзжалъ сюда съ матерью, когда васъ еще н
свѣтѣ.

— Знаю. Вы родственникъ отца.

— Я родственникъ первой жены пана Плавицкаго.

— Отецъ очень цѣнитъ всѣ родственныя связи, хотя
мыя дальнія, —отвѣтила дѣвушка.

Она начала разливать чай, оттоняя отъ времени до
свободною рукой струю пара, которая вырывалась изъ
и устремлялась ей прямо въ глаза. Когда разговоръ пре
слышно было только тиканье часовъ. Поланецкій, котора
ресовали молодыя женщины, присматривался къ паннѣ Плавиц-
кой. То была дѣвушка средняго роста, довольно стройная; волосы
у нея были темные, лицо кроткое, но какъ будто чѣмъ-то затума-
ненное, щеки загорѣлыя отъ солнца, голубые глаза и прекрасно
очерченный ротъ. Вообще то было лицо женщины спокойной и мя
кой. Поланецкій, которому хозяйка показалась ни безобразной, н
красивой, подумалъ, что она, все-таки, довольно мила, добра, м
жетъ быть, и что подъ этою наружностью, не особенно блестящею
кроется множество особенностей, свойственныхъ деревенскимъ б
рышнямъ. Хотя онъ былъ молодъ, но жизнь научила его одном
правилу, что женщины, при ближайшемъ знакомствѣ, вообще вы
игрываютъ, а мужчины вообще проигрываютъ. Онъ также слы
шалъ о паннѣ Плавицкой, что все хозяйство въ Кшеменѣ, почт
разоренное, лежитъ на ней, и что это одно изъ самыхъ занятыхъ
существъ на свѣтѣ. И вотъ, принимая въ соображеніе всѣ непріят
ности, которыя тяготѣли на ней, Поланецкій нашелъ ее спокойно
и ясной. Кромѣ того, онъ подумалъ, что, вѣроятно, ей хочется спат
Это было видно даже по ея глазамъ, невольно смыкавшимся от
свѣта висячей лампы.

Экзаменъ вообще кончился бы въ ея пользу, еслибъ вести разго
воръ съ нею не было такъ трудно, но это отчасти объяснялось тѣм
что они видѣлись въ первый разъ въ жизни. Кромѣ [illegible]
нимала гостя одна, что молодой дѣвушкѣ могло казат

тельнымъ. Наконецъ, она знала, что Поланецкій пріѣхалъ не съ визитомъ, а за деньгами. Такъ оно и было на самомъ дѣлѣ. Его мать дала когда-то давно нѣсколько тысячъ рублей подъ закладную Кшеменя и теперь Поланецкій хотѣлъ получить ихъ обратно, во-первыхъ, потому, что проценты ему платили страшно неаккуратно, а, во-вторыхъ, въ качествѣ товарища одного торговаго дома въ Варшавѣ, онъ вступилъ въ разныя дѣла и нуждался въ капиталѣ. И онъ заранѣе обѣщалъ себѣ не дѣлать никакихъ уступокъ и получить то, что ему надлежало. Въ дѣлахъ подобнаго рода ему всегда хотѣлось проявить себя человѣкомъ непреклоннымъ. Можетъ быть, онъ не былъ такимъ по природѣ, но изъ непреклонности онъ создалъ себѣ правило и, вмѣстѣ съ тѣмъ, обратилъ ее въ дѣло личнаго самолюбія. Вслѣдствіе этого, онъ часто пересаливалъ, какъ всегда дѣлаютъ люди, навязавшіе себѣ что-нибудь. И теперь, смотря на эту милую, хотя и полусонную дѣвушку, вопреки участію, которое начинало пробуждаться въ немъ, онъ повторялъ себѣ:

«Все это отлично, но вы должны будете разсчитаться со мною».

И черезъ минуту онъ сказалъ:

— Я слышалъ, что вы здѣсь всѣмъ занимаетесь. Развѣ вы такъ любите хозяйство?

— Я очень люблю Кшемень,—отвѣтила она.

— И я любилъ Кшемень, когда былъ мальчикомъ. Но хозяйничать бы я въ немъ не сталъ... Такія тяжелыя условія...

— Тяжелыя, тяжелыя... А, все-таки, мы дѣлаемъ все, что въ нашихъ силахъ.

— То-есть *вы* дѣлаете то, что въ вашихъ силахъ?

— Я помогаю отцу,—онъ часто хвораетъ.

— Я въ этихъ дѣлахъ ничего не понимаю, но изъ того, что вижу и слышу, заключаю, что большая часть землевладѣльцевъ не можетъ разсчитывать на будущее.

— Мы разсчитываемъ на Провидѣніе...

— Это позволительно, но кредиторовъ нельзя отсылать къ Нему.

Лицо панны Плавицкой покрылось румянцемъ. Настала минута неловкаго молчанія.

А Поланецкій сказалъ самому себѣ:

— Коли началъ, то иди дальше.

И проговорилъ вслухъ:

— Вы позволите мнѣ объяснить вамъ цѣль моего пріѣзда?

Дѣвушка посмотрѣла на него взглядомъ, въ которомъ Поланецкій могъ прочесть: «Ты только что пріѣхалъ; время позднее, я

чуть жива отъ усталости,—неужели самая простая де
не удержитъ тебя отъ такого разговора?»

Но громко она отвѣтила:

— Я знаю, зачѣмъ вы пріѣхали, но, можетъ бы
лучше, если вы переговорите объ этомъ съ отцомъ.

— Хорошо; извините меня,—сказалъ Поланецкій.

— Это я прошу у васъ извиненія. Люди имѣютъ пр
вать свое и я признаю это правильнымъ. Но сегодня су
субботу столько хлопотъ. Наконецъ, въ дѣлахъ такого
понимаете сами... Когда пріѣзжаютъ жиды, я улаживан
на... Но въ этомъ случаѣ я хотѣла бы, чтобъ вы перег
отцомъ. Вамъ обоимъ будетъ легче.

— Такъ до утра,—сказалъ Поланецкій, у котораго
мужества сказать, что въ денежныхъ дѣлахъ и онъ х
третированнымъ какъ жидъ.

— Можетъ быть, вы еще позволите налить вамъ ча

— Нѣтъ; благодарю. Покойной ночи.

Онъ всталъ и протянулъ руку; дѣвушка подала ему
раздо менѣе сердечно, чѣмъ въ первую минуту свиданія
Поланецкій едва коснулся конца ея пальцевъ. Уходя, он

— Слуга укажетъ вамъ комнату.

Поланецкій остался одинъ. Онъ чувствовалъ себя н
ловко, былъ недоволенъ собою, хотя внутренно не хо
знаться въ этомъ. И онъ началъ внушать себѣ, что пос
рошо, потому что пріѣхалъ сюда не для совершенія как
акта вѣжливости, а за деньгами. Что ему панна Плав
тепло ему отъ нея, ни холодно. Будетъ она считать его ч
грубымъ, и прекрасно; всегда такъ бываетъ, что ч
противенъ кредиторъ, тѣмъ скорѣе желаютъ отдѣлаться

Но неловкость была сильнѣе этого разсужденія. Ка
лось шепталъ Поланецкому, что тутъ дѣло шло не толь
личномъ воспитаніи, но и о каплѣ состраданія къ измуче
щинѣ. Онъ чувствовалъ, притомъ, что, поступая такъ пр
но, онъ удовлетворялъ только своей страсти позировать, а
своему сердцу, не своимъ врожденнымъ инстинктамъ.
золъ также и на панну Плавицкую, тѣмъ болѣе, что он
нравилась. Какъ въ этой уснувшей деревушкѣ, какъ въ
ной ночи, такъ и въ этой дѣвушкѣ онъ нашелъ что-то р
го напрасно искалъ въ заграничныхъ женщинахъ и что
его больше, чѣмъ онъ могъ ожидать. Но люди часто сты
ихъ добрыхъ чувствъ. Поланецкій, прежде всего, стыдил

ныхъ волненій, и потому рѣшилъ быть неумолимымъ и завтра прижать старика Плавицкаго, не обращая вниманія ни на что.

Мальчикъ проводилъ его въ спальню. Поланецкій сейчасъ же отпустилъ его и остался одинъ. Комната была та самая, которую ему отводили прежде, когда, при жизни первой жены пана Плавицкаго, онъ пріѣзжалъ сюда съ матерью. И воспоминанія снова нахлынули на него. Окна выходили въ садъ, за садомъ искрился прудъ; въ водѣ отражалась луна,—и прудъ былъ теперь видѣнъ лучше, чѣмъ прежде. Тогда его заслонялъ большой старый ясень; теперь, вѣроятно, его свалила буря, потому что на этомъ мѣстѣ торчалъ только пень съ свѣжимъ изломомъ наверху. Лунный свѣтъ, казалось, сосредоточивался на этомъ изломѣ. Вообще, все производило впечатлѣніе полнаго спокойствія. Поланецкій, который жилъ въ городѣ, среди торговыхъ занятій, въ постоянномъ напряженіи умственныхъ и физическихъ силъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ постоянной тревогѣ, невольно чувствовалъ настроеніе окружающей его деревни, какъ испытываешь пріятное ощущеніе теплой ванны послѣ утомительной работы. Въ душу вступала какая-то отрада. Пробовалъ онъ думать о своихъ дѣлахъ, о томъ, какой оборотъ они примутъ, принесутъ ли ему убытокъ, или пользу, потомъ о своемъ товарищѣ, Бигелѣ, и о томъ, какъ онъ управится одинъ во время его отсутствія,—и не могъ. За то онъ сталъ думать о паннѣ Плавицкой. Положимъ, она произвела на него хорошее впечатлѣніе, но онъ былъ къ ней равнодушенъ, хотя бы потому, что едва познакомился съ нею. Она заинтересовала его, но какъ типъ. Поланецкому было лѣтъ тридцать слишкомъ, а это тотъ возрастъ, когда инстинктъ, съ силою почти неодолимой, влечетъ мужчину къ устройству домашняго очага, къ женѣ, къ собственной семьѣ. Величайшій пессимизмъ безсиленъ передъ этимъ инстинктомъ; отъ него не охраняютъ ни художественныя увлеченія, ни какія бы то ни было жизненныя задачи. Вслѣдствіе этого женятся мизантропы, несмотря на свою философію, художники, несмотря на искусство, точно также какъ и всѣ люди, утверждающіе, что они посвящаютъ своей цѣли не половину, а всю свою душу. Исключенія подтверждаютъ правило, что общество не можетъ жить условною ложью и жить противъ теченія природы. По большей части не женятся только тѣ, у которыхъ на дорогѣ къ женитьбѣ стоитъ та же самая сила, какая связываетъ людей, то-есть обманутые любовью. У старого холостяка если не всегда, то по большей части есть какая-нибудь скрытая трагедія.

Поланецкій не былъ ни мизантропомъ, ни художникомъ, ни че-

ловѣкомъ, проповѣдующимъ теоріи, противныя браку. Напротивъ, онъ хотѣлъ жениться и былъ убѣжденъ, что обязанъ сдѣлать это. Онъ чувствовалъ, что время его подошло, и искалъ вокругъ себя женщины. Изъ этого вытекалъ тотъ огромный интересъ, какой въ немъ пробуждали женщины, а въ особенности дѣвушки. Хотя онъ провелъ нѣсколько лѣтъ во Франціи и въ Бельгіи, но никогда не искалъ любви замужнихъ женщинъ, развѣ только самыхъ доступныхъ. Это былъ человѣкъ живой и дѣятельный, который утверждалъ, что вести романы съ замужними женщинами могутъ только люди, не имѣющіе дѣла, что вообще осада чужихъ женъ возможна только тамъ, гдѣ у человѣка много денегъ, мало совѣсти и никакого занятія, то-есть въ обществѣ, гдѣ издавна существуетъ классъ богачей, погрязающихъ въ прихотливомъ бездѣйствіи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, глубокой безнравственности. Онъ самъ, дѣйствительно, былъ страшно занятъ, любить хотѣлъ лишь за тѣмъ, чтобы жениться, и поэтому только незамужнія женщины будили въ немъ какъ психическое, такъ и физическое любопытство. Когда онъ встрѣчалъ дѣвушку на своей дорогѣ, то, прежде всего и въ первую же минуту, задавалъ себѣ вопросъ: «не эта ли?»—или, по крайней мѣрѣ: «не такая ли?» Теперь его мысли такимъ же образомъ кружились около панны Плавицкой. Передъ этимъ еще онъ слышалъ о ней многое отъ одной родственницы, живущей въ Варшавѣ, и слышалъ нѣчто не только хорошее, но и трогательное. Ея тихое, кроткое лицо вырисовывалось передъ его глазами. Онъ припоминалъ ея руки, очень красивыя, съ длинными пальцами, хотя и нѣсколько загорѣлыя, ея темно-голубые глаза, а вмѣстѣ съ тѣмъ и маленькое черное родимое пятнышко надъ губою. И голосъ ея понравился ему. Притомъ, хотя онъ и повторялъ обѣщанія, что не сдѣлаетъ ни малѣйшихъ уступокъ и возьметъ свое, онъ злился на судьбу, которая привела его въ Кшемень въ качествѣ кредитора. Говоря купеческимъ языкомъ, онъ повторялъ себѣ: сортъ хорошъ, но разсматривать его я не стану,—не за тѣмъ пріѣхалъ.

И, все-таки, онъ «разсматривалъ», да такъ, что, раздѣвшись и улегшись въ постель, долгое время не могъ заснуть. Пѣтухи на ли пѣть, въ окна заглянулъ разсвѣтъ, а Поланецкій сквозь зак тыя рѣсницы все еще видѣлъ гладкій лобъ панны Плавицкой, родинку надъ губою и руки, разливающія чай. Потомъ, когда с уже началъ овладѣвать имъ, ему все казалось, что онъ держ эту руку въ своей и притягиваетъ къ себѣ, а панна Плавиц пятится назадъ и повертываетъ голову въ бокъ, какъ будт

етъ избѣгнуть поцѣлуя. На другой день онъ проснулся поздно и, спомнивъ панну Плавицкую, подумалъ: «Ага! такъ вотъ она акая!»

II.

Собственно говоря, Поланецкаго разбудилъ мальчикъ, который инесъ ему кофе и взялъ чистить платье. Когда онъ вернулся на-адъ, Поланецкій спросилъ, существуетъ ли въ домѣ обычай схо-иться въ столовой къ завтраку.

— Нѣтъ,— отвѣчалъ мальчикъ, — паненка встаетъ рано, а тарый панъ спитъ долго.

— Паненка встала?

— Она въ костелѣ.

— А, правда,—сегодня воскресенье. А паненка не ѣздитъ въ остелъ съ старымъ паномъ?

— Нѣтъ, старый панъ ѣздитъ къ поздней обѣднѣ, а потомъ детъ къ канонику, а паненка любитъ ѣздить къ ранней обѣднѣ.

— Что господа дѣлаютъ по воскресеньямъ?

— Сидятъ дома. Къ обѣду пріѣзжаетъ панъ Гонтовскій.

Этого Гонтовскаго Поланецкій зналъ мальчикомъ. Въ то время о называли «медвѣженкомъ», потому что это былъ мальчикъ тол-ый, неуклюжій и ворчливый. Козачокъ объявилъ, что отецъ пана онтовскаго умеръ пять лѣтъ назадъ и что молодой баринъ самъ озяйничаетъ въ Ябжиковѣ.

— И пріѣзжаетъ сюда каждое воскресенье?—спросилъ Пола-цкій.

— Иногда и по буднямъ, вечеромъ.

«Женихъ!»—подумалъ Поланецкій и спросилъ черезъ минуту:

— Старый панъ всталъ?

— Звонилъ уже. Юзефъ пошелъ къ нему.

— Какой Юзефъ?

— Камердинеръ.

— А ты что такое?

— А я его помощникъ.

— Такъ ступай спроси, когда я могу видѣть пана.

Козачокъ вышелъ и черезъ минуту возвратился.

— Старый панъ приказалъ сказать, что какъ одѣнется, то по-оситъ васъ.

— Хорошо.

Козачокъ вышелъ; Поланецкій остался одинъ и ждалъ или, ѣрнѣе сказать, скучалъ довольно долго. Терпѣнію его начиналъ

приходить конецъ, онъ хотѣлъ было уже пойти въ садъ, явился Юзефъ, доложилъ, что старый панъ проситъ гостя и черезъ сѣни провелъ его въ комнату, расположенную с сторонѣ дома.

Поланецкій вошелъ и въ первую минуту не узналъ п вицкаго. Онъ помнилъ его мужчиной въ цвѣтѣ лѣтъ и чре красивымъ, а теперь передъ нимъ стоялъ старикъ, съ лиц щеннымъ, точно печеное яблоко, которому выкрашенн тщетно старались придать видъ моложавости. Какъ эти у и волосы, черные, съ боковымъ проборомъ, доказывали ещ шія претензіи на что-то.

Панъ Плавицкій раскрылъ объятія:

— Стахъ! Какъ поживаешь, дорогой мальчикъ? Сюда

И, указавъ на свою бѣлую рубашку, онъ обхватилъ г ланецкаго и прижалъ къ своей сильно волнующейся груд

Объятіе продолжалось долго, для Поланецкаго даже оч Наконецъ, панъ Плавицкій сказалъ:

— Позволь мнѣ посмотрѣть на тебя. Вылитая Анна! Анна! Моя бѣдная, дорогая Анна!

И панъ Плавицкій всхлипнулъ, отеръ среднимъ пальц ницу, на которой, между прочимъ, не было слезы, и пов

— Вылитая Анна!... Твоя мать была для меня самой и самою преданною родственницей.

Поланецкій стоялъ передъ нимъ сконфуженный, оп ный и пріемомъ, котораго не ожидалъ, и запахомъ фи пудры и разныхъ духовъ, которыми благоухали лицо, у башка пана Плавицкаго.

— Вы какъ поживаете, дядюшка?—спросилъ онъ, д тотъ титулъ, какимъ онъ во время своего дѣтства велич Плавицкаго, какъ нельзя лучше придется къ торжествен пріема.

— Какъ я поживаю? — повторилъ панъ Плавицкій,- осталось мнѣ жить, немного! Но поэтому я тѣмъ сердечнѣ ствую тебя въ своемъ домѣ... по-отцовски!... И если бла человѣка, стоящаго одною ногой въ гробу, а вмѣстѣ и члена семьи, имѣетъ въ твоихъ глазахъ какую - нибудь прими это благословеніе.

Онъ вторично схватилъ голову Поланецкаго, по ребрестилъ. На лицѣ молодого человѣка выразило неудовольствія. Его мать была родственницей и по жены пана Плавицкаго. Съ нимъ самимъ, наскол

ее не связывали никакія сердечныя отношенія, и потому
нность пріема, къ которой онъ, однако, невольно долженъ
наживаться, была ему несказанно противна. Самъ Пола-
питалъ къ пану Плавицкому никакихъ родственныхъ
поэтому думалъ про себя: «Эта обезьяна благословляетъ
сто того, чтобы говорить о деньгахъ». И его охватила
торая, впрочемъ, могла быть полезна для ясной поста-
а. Тѣмъ временемъ панъ Плавицкій сказалъ:
дись, дорогой мальчикъ, и будь какъ дома.
ецкій сѣлъ и заговорилъ:
илый дядюшка, мнѣ очень пріятно провѣдать васъ; конеч-
налъ бы это и безъ всякаго практическаго соображенія,
ете, что я пріѣхалъ также и по тому дѣлу, которое моя
мать...

Тутъ панъ Плавицкій неожиданно положилъ ему руку на колѣно.

— А кофе ты пилъ?

— Пилъ,— отвѣтилъ сбитый съ толку Полянецкій.

— Мариня рано выѣзжаетъ въ церковь. Извини меня, что я не уступилъ тебѣ своей комнаты, но я старикъ... привыкъ спать здѣсь. Здѣсь мое гнѣздо...

И онъ плавнымъ движеніемъ руки указалъ на комнату. Полянецкій невольно провелъ глазами за этимъ жестомъ. Когда-то эта комната была для него вѣчнымъ искушеніемъ, потому что въ ней висѣло оружіе пана Плавицкаго. Съ тѣхъ временъ измѣнились только обои, которые были теперь розовые, представляющіе въ безконечномъ числѣ квадратовъ молодыхъ пастушекъ, въ костюмѣ Vatteau, ловящихъ рыбу удочкой. Въ амбразурѣ окна стоялъ туалетъ, съ бѣлою покрышкой, съ зеркаломъ въ серебряной рамѣ, весь заставленный множествомъ баночекъ, коробочекъ, флаконовъ, щетокъ, гребней, пилокъ для ногтей и т. д. Рядомъ, въ углу, подставка для трубокъ съ янтарными мундштуками; на стѣнѣ, надъ диваномъ, кабанья голова, подъ нею двѣ двустволки, сумки, охотничья труба и, вообще, охотничьи приборы; въ глубинѣ толъ съ бумагами, дубовыя полки съ книгами, повсюду множество щей, болѣе или менѣе нужныхъ и красивыхъ, и доказывающихъ, лѣстѣ съ тѣмъ, что обитатель этой комнаты — ось, вокругъ которой обращается все въ домѣ, и что онъ самъ о себѣ очень заботится. Однимъ словомъ, это была комната стараго холостяка и ониста, полнаго еще не угасшихъ надеждъ и мелочной заботливости своихъ удобствахъ. Полянецкому не много нужно было догадли-

вости, чтобы понять, что панъ Плавицкій ни за что и ни для кого не уступилъ бы своей комнаты.

Но гостепріимный хозяинъ спрашивалъ дальше:

— Удобно тебѣ было тамъ? Какъ провелъ ночь?

— Благодарю; отлично; всталъ поздно.

— Недѣльку какую-нибудь проживешь у меня?

Поланецкій,— онъ былъ очень нетерпѣливъ,— подскочилъ на стулѣ.

— Развѣ вы не знаете, что у меня въ Варшавѣ есть дѣла и товарищъ, который теперь одинъ занимается всѣмъ? Я долженъ выѣхать отсюда какъ можно скорѣе и хотѣлъ бы еще сегодня окончить то дѣло, для котораго пріѣхалъ сюда.

На это панъ Плавицкій отвѣтилъ хотя сердечно, но важно:

— Нѣтъ, мой мальчикъ. Сегодня воскресенье, а кромѣ того родственнымъ чувствамъ должно отдавать предпочтеніе предъ дѣлами. Сегодня я привѣтствую и принимаю тебя какъ родственника,— завтра, если хочешь, ты можешь выступить какъ кредиторъ. Да. Сегодня пріѣхалъ ко мнѣ мой Стахъ, сынъ моей Анны! До завтра! Такъ должно быть, Стахъ! Тебѣ говоритъ старшій родственникъ, который любитъ тебя и для котораго ты долженъ сдѣлать это...

Поланецкій слегка поморщился, но немного погодя отвѣти

— Пусть будетъ завтра.

— Теперь твоими устами говоритъ Анна... Ты куришь тру(

— Нѣтъ. Курю только папиросы.

— Вѣрь мнѣ, ты плохо дѣлаешь. Но для гостей у меня ес папиросы.

Разговоръ былъ прерванъ стукомъ колесъ экипажа.

— Это Мариня пріѣхала отъ ранней обѣдни,— сказалъ п Плавицкій.

Поланецкій взглянулъ въ окно и увидѣлъ, какъ молодая вушка въ соломенной шляпкѣ выходила изъ шарабана.

— Познакомился съ Мариней?— спросилъ панъ Плавицкій

— Имѣлъ удовольствіе,— вчера.

— Дорогое дитя! Мнѣ не нужно говорить, что я живу тол для нея одной.

Въ эту минуту дверь немного отворилась и молодой гол спросилъ:

— Можно?

— Можно, можно; здѣсь Стахъ!— отвѣтилъ п

Мариня быстро вошла въ комнату, обняла отц

Полянецкому. Въ розовомъ ситцевомъ платьѣ она казалась очень хорошенькой и стройной. Отъ нея вѣяло и праздничнымъ настроеніемъ, и свѣжестью утра, а утро было погожее и ясное. Волоса ея немного растрепались, щеки покрылись румянцемъ,—это было прямое олицетвореніе молодости. Полянецкому она показалась и болѣе веселою, и болѣе красивою, чѣмъ была вчера.

— Поздняя обѣдня сегодня будетъ позже,— сказала она отцу,— каноникъ послѣ ранней обѣдни поѣхалъ на мельницу исповѣдовать Сятковскую. Ей очень плохо. У васъ еще съ полчаса времени.

— Хорошо,— отвѣтилъ Плавицкій,— за это время вы ближе познакомитесь со Стахомъ Полянецкимъ. Говорю тебѣ, вылитая Анна! Впрочемъ, ты ее никогда не видала. Помни, Мариня, что завтра онъ, если захочетъ, будетъ нашимъ кредиторомъ, но сегодня — это только родственникъ и гость.

— Хорошо,— отвѣтила дѣвушка,— у насъ будетъ веселое воскресенье.

— Вы такъ поздно пошли вчера спать,— сказалъ Полянецкій,— а сегодня были у ранней обѣдни.

Мариня отвѣтила весело:

— У ранней обѣдни бываю я и поваръ, чтобъ у насъ осталось время подумать объ обѣдѣ.

— Я забылъ вчера сказать, что привезъ вамъ поклонъ отъ пани Эмиліи Хвастовской.

— Я не видала Эмиліи полтора года, но переписываемся мы съ нею довольно часто. Она должна была выѣхать въ Рейхенгалль

его ребенка.

Когда я видѣлъ ее, она уже совсѣмъ собралась.

А дѣвочка какъ?

Для своихъ двѣнадцати лѣтъ выросла не въ мѣру и очень овна. По виду, не очень здорова.

Вы часто бываете у Эмиліи?

Довольно часто. Это почти единственный мой знакомый ъ Варшавѣ. И, притомъ, я очень люблю пани Эмилію.

Скажи мнѣ, мой мальчикъ,— спросилъ панъ Плавицкій, явая пару своихъ перчатокъ въ карманъ визитки,—чѣмъ ты енно занимаешься въ Варшавѣ?

Я то, что называютъ «аферистомъ». У меня коммиссіонный домъ въ компаніи съ нѣкіимъ Бигелемъ. Мы спекулируемъ ъ, сахаромъ, иногда лѣсами,— чѣмъ придется.

Но я слышалъ, что ты инженеръ.

— Я техникъ. Но, возвратившись сюда, я не мо
нятія ни при какой фабрикѣ и пустился въ торговлю, тѣмъ болѣе, что и о ней имѣлъ кое-какое понятіе. Но моя спеціальность, это— красильное дѣло.

— Какъ ты говоришь? — спросилъ панъ Плавицкій.

— Красильное дѣло.

— Теперь такія времена, что за все приходится браться,— съ достоинствомъ сказалъ панъ Плавицкій.

Поланецкій, къ которому съ появленіемъ молодой дѣвушки возвратилось хорошее расположеніе духа и котораго разсмѣшила «grandezza» пана Плавицкаго, улыбнулся, показывая свои здоровые зубы, и отвѣтилъ:

— Это слава Богу.

Пани Марина также улыбнулась и сказала:

— Эмилія,— она очень васъ любитъ,— писала мнѣ, ч очень хорошо ведете свои дѣла.

— Здѣсь только съ жидами трудно, а вообще конкурренц ка. Но и съ жидами, если только не издавать антисемитски нифестовъ и спокойно дѣлать свое дѣло, тоже можно полади что касается пани Эмиліи, то она понимаетъ въ дѣлахъ с же, сколько ея маленькая Литка.

— Да, она никогда не была практична. Если бы не бр мужа, панъ Теофиль Хвастовскій, она бы потеряла все свое яніе. Но панъ Теофиль очень любитъ Литку.

— Кто Литку не любитъ? Я первый очарованъ ею. Это милый ребенокъ. Я говорю вамъ, что питаю къ ней большу бость.

Пани Марина внимательно посмотрѣла на его искреннее, лицо и подумала:

— Можетъ быть, онъ и рѣзокъ немного, но сердце доброе.

Тѣмъ временемъ панъ Плавицкій замѣтилъ, что пора соб ся къ обѣднѣ, и началъ прощаться съ панной Мариней такъ будто бы собирался выѣхать на нѣсколько мѣсяцевъ, наконец перекрестилъ ее и взялъ шляпу. Дѣвушка пожала руку Полан искреннѣе, чѣмъ при утреннемъ свиданіи, а онъ, садясь въ олетъ, мысленно повторялъ:

— О, очень хороша, очень симпатична!...

Проѣхавъ аллею, которую Поланецкій видѣлъ еще вчера пажъ выѣхалъ на дорогу, только кое-гдѣ обсаж дуплистыми березами, стоящими въ неравныхъ ра

отъ друга. По одной сторонѣ тянулось поле, засаженное картофелемъ, по другой — огромное пространство ржи, съ отяжелѣвшими и поникшими колосьями, которые, казалось, спали подъ пригрѣвомъ солнца. Между деревьями перепархивали сороки. Вдали было видно, какъ по межамъ идутъ деревенскія дѣвки съ красными платками на головахъ, точно движущіеся цвѣты мака.

— Хорошая рожь,— сказалъ Поланецкій.

— Недурная. Дѣлаешь все, что въ твоихъ силахъ, а что Богъ дастъ, то и дастъ. Ты молодъ, дорогой мой, и я тебѣ дамъ совѣтъ, который тебѣ не разъ пригодится въ будущемъ: сдѣлай все, что отъ тебя зависитъ, а въ остальномъ положись на Господа Бога. Онъ лучше знаетъ, что намъ нужно. Урожай этого года будетъ хорошій, и я зналъ объ этомъ заранѣе, потому что если Богъ захочетъ меня наказать чѣмъ-нибудь, то посылаетъ мнѣ знаменіе.

— Что такое?— съ удивленіемъ спросилъ Поланецкій.

— За этажеркой съ трубками,— не знаю, замѣтилъ ли ты, гдѣ она стоитъ,— передъ тѣмъ, какъ со мной должно случиться
будь дурное, появляется мышь, нѣсколько дней подрядъ.

Должно быть, въ полу есть дыра?

Дыры нѣтъ,— сказалъ панъ Плавицкій, закрывая глаза и венно покачивая головою.

А если бы вы завели кошку?

Не заведу, потому что если Богу угодно, чтобы эта мышь ля меня знаменіемъ и предостереженіемъ, то я не хочу идти ъ Его воли. Вотъ въ этомъ году ничего не появлялось. Я го- это Марини... Можетъ быть, Богъ захочетъ показать кабудь образомъ, что бдитъ надъ нашею семьей. Слушай, мой: я знаю, люди говорятъ, что мы разорены или, по крайрѣ, что дѣла наши очень плохи. А вотъ послушай меня: нь, вмѣстѣ со Скóками, съ Магерувкой и Сухоцинóмъ,— ококсотъ пятидесяти влукъ*). На всемъ этомъ долгу около тридысячъ обществу земельнаго кредита, не больше, и около сячъ по закладнымъ, считая и твою. Такимъ образомъ, сто ъ тысячъ. Теперь считай только по три тысячи рублей за — это составитъ семьсотъ пятьдесятъ тысячъ, а вмѣстѣ вотъ восемьдесятъ тысячъ...

Какъ? — съ изумленіемъ перебилъ Поланецкій,— вы и причисляете къ своему имуществу?

Еслибъ имущество ничего не стоило, то подъ него никто бы

---

*) Влука — около 15 десят. *Прим. пер.*

и гроша не далъ,— значитъ, я долженъ причислить долгъ къ стоимости имѣнія...

Поланецкій подумалъ: «Сумасшедшій, съ которымъ нечего толковать».

А панъ Плавицкій продолжалъ:

— Магерувку я хочу продать. И мельницу продамъ, а въ Скокахъ и Сухоцинѣ у меня есть мергель,— и знаешь, на сколько я сосчиталъ его? На два милліона рублей.

— У васъ есть покупатель?

— Два года назадъ пріѣзжалъ сюда нѣкто Шаумъ и разсматривалъ поля. Правда, онъ уѣхалъ, не сказавъ ни слова о дѣлѣ, но я увѣренъ, что онъ возвратится. Иначе мышь опять покажалась бы за этажеркой...

— Гм... быть можетъ, и возвратится.

— Знаешь, что мнѣ приходитъ въ голову? Коль скоро ты «аферистъ», то возьмись за это дѣло. Найди только товарищей.

— Это дѣло черезъ-чуръ крупно для меня.

— Такъ найди мнѣ покупателя: я тебѣ дамъ десять процентовъ съ чистой пользы.

— Что панна Марія говоритъ объ этомъ мергелѣ?

— Мариня, какъ Мариня. Золотой ребенокъ, но ребенокъ. Но, однако, и она вѣритъ, что Провидѣніе бдитъ надъ нашею семьей.

— Я слышалъ это отъ нея вчера.

Экипажъ приближался уже къ Вонторамъ и расположенному посерединѣ липъ костелу. У подножія пригорка стояло нѣсколько рѣшетчатыхъ крестьянскихъ телѣгъ, помѣщичьихъ бричекъ и шарабановъ.

Панъ Плавицкій перекрестился.

— Это нашъ костелъ; ты долженъ его помнить. Всѣ Плавицкіе лежатъ здѣсь, и я скоро буду лежать. Нигдѣ такъ хорошо нельзя молиться, какъ здѣсь.

— Кажется, народу много будетъ,— сказалъ Поланецкій.

— Тутъ бричка Гонтовскаго, коляска Зазимскихъ, шарабанъ Ямишей и еще нѣсколько другихъ. Послѣ обѣдни я провожу тебя на могилу своей первой жены; помолись за нее, потому что это, все-таки, твоя тетка... Достойная была женщина, упокой ее Господь!

Тутъ панъ Плавицкій снова поднялъ палецъ, чтобы отереть правый глазъ, и Поланецкій спросилъ, чтобы перемѣнить разговоръ:

— А пани Ямишъ была когда-то очень хороша. Это та самая?

Лицо пана Плавицкаго сразу прояснилось. На минуту онъ р...

ікъ языка изъ-подъ крашеныхъ усиковъ, потомъ по-
нецкаго по колѣну и сказалъ:
хоть кого въ грѣхъ введетъ... да, введетъ...
ли костелъ и, не желая протискиваться черезъ тол-
черезъ ризницу. Господа сидѣли на боковыхъ лав-
Плавицкій занялъ переднюю лавку, на которой си-
панъ и пани Ямишъ: онъ, кажущійся совершен-
омъ, съ умнымъ, измученнымъ лицомъ; она—жен-
естьдесятъ лѣтъ, одѣтая почти такъ же, какъ панна
ситцевомъ платьѣ и соломенной шляпѣ. По глубоко-
оторый отвѣсилъ ей панъ Плавицкій, и по любезной
оторой она кивнула ему головой, можно было заклю-
жду ними существуютъ отношенія близкія, основан-
номъ обожаніи. Пани поднесла лорнетъ къ глазамъ и
дывать Поланецкаго, видимо, не понимая, кто бы это
ждать пана Плавицкаго. На задней лавкѣ одинъ изъ
зуясь тѣмъ, что обѣдня еще не начиналась, продол-
ованіе о какой-то охотѣ, и нѣсколько разъ повторилъ
ду: «мои собаки хорошо гонятъ...» Затѣмъ оба заго-
вицкомъ и пани Ямишъ такъ громко, что каждое слово
шей Поланецкаго.
ксендзъ и обѣдня началась. И этотъ костелъ, и эта
направили память Поланецкаго къ дѣтскимъ го-
нъ бывалъ здѣсь съ матерью. Невольно зарождалось
леніе, какъ мало въ деревнѣ измѣняется все, кромѣ
ъ укладываютъ на Божьей нивѣ, другіе родятся, но
выливается въ старыя формы, и кто пріѣзжаетъ сюда
отсутствія, издалека, тому кажется, что то, что онъ
вчера. Костелъ былъ тотъ же самый, и пространство
къ же наполнено людьми въ сѣрыхъ свиткахъ и разно-
аткахъ; такъ же пахло ладономъ и свѣжимъ анромъ.
ь оконъ росла та же самая береза; вѣтеръ шелестилъ
нагибалъ ея вѣтки къ окну, и тогда костелъ напол-
атымъ свѣтомъ. Только люди были не тѣ же самые:
разсыпались въ прахъ, другіе въ видѣ травы подни-
емлею, а тѣ, которые остались, какъ-то сгорбились,
ьше, точно мало-по-малу вростали въ землю. Пола-
ся тѣмъ, что избѣгаетъ общихъ вопросовъ, а, въ сущ-
ивычкѣ, свойственной всякому славянину, у котора
не достаточно освободилась отъ идеи о всесуществе-
занимался ими, теперь думалъ о томъ, какая огром-

ная пропасть лежитъ между врожденною людя
ни и неизбѣжностью смерти. Онъ думалъ, что,
му всѣ философскія системы проходятъ какъ
вершается попрежнему, что она одна обѣщаетъ

Самъ онъ, воспитанный за границей, не оче
по крайней мѣрѣ, не былъ увѣренъ. Онъ чувст
и всѣ теперешніе, новѣйшіе люди, непреодол
матеріализму, но выхода еще не нашелъ и, даже
залось, что онъ и не ищетъ. Онъ былъ безсо
мистомъ, какъ тѣ, которые ищутъ чего-то, че
Онъ одурялъ себя занятіями, къ которымъ пр
минуты большого прилива этого пессимизма сп
что все это? На что нужно пріобрѣтать состоян
ся, плодить дѣтей, коль скоро все кончается
было временно и не обращалось въ общее пра
спасала молодость,—не первая, но еще и не
ная упругость духовная и физическая, инстин
привычка къ труду, живость характера и та эл
торая влечетъ мужчину въ объятія женщины.
минаній дѣтства, отъ мысли о смерти, отъ сом
брака онъ перешелъ къ тому, что если въ не
есть что-нибудь хорошее, то, все равно, эт
Затѣмъ его мысль вернулась къ паннѣ М
вое ситцевое платье, обтягивающее молодое,
и мелькало передъ его глазами. Вспомнилъ он
сюда, пани Эмилія Хвастовская, большая
панны Марини, смѣясь, сказала ему: «Если вы
нѣ и не влюбитесь въ Мариню, то я запру перед
Онъ отвѣчалъ ей, также смѣясь, что ѣдетъ
деньги, а не влюбляться, но это была неправд
менѣ не было панны Плавицкой, то онъ и д
пана Плавицкаго письмами или обратился бы
онъ думалъ о томъ, какова она на самомъ дѣл
что ѣдетъ только за деньгами. Онъ рѣшилъ
такихъ дѣлахъ, рѣшилъ, прежде всего, добить
ему и скорѣе готовъ былъ пересолить въ эту
лать какое-нибудь послабленіе. Онъ обѣщалъ
ности въ первый вечеръ, потому что Мариня
ему, но не произвела на него такого большого
онъ ожидалъ или, вѣрнѣе сказать, впечатлѣн
не такое. Но сегодня утромъ она очаровала ег

утро,—думалъ онъ,—и сама знаетъ, что прелестна! Женщины всегда знаютъ это!»

Это послѣднее открытіе привело его въ нетерпѣливое настроеніе, онъ жаждалъ какъ можно скорѣе возвратиться въ Кшемень, чтобъ и дальше изучать всѣхъ женщинъ вообще по тому образцу, который обиталъ въ Кшеменѣ. Обѣдня скоро кончилась и панъ Плавицкій вышелъ тотчасъ же послѣ отпуста, потому что передъ нимъ лежали еще двѣ обязанности: первая—помолиться на могилѣ двухъ своихъ женъ, вторая—проводить пани Ямишъ къ экипажу. Такъ какъ онъ не хотѣлъ отказываться ни отъ того, ни отъ другого, то и долженъ былъ сообразоваться съ временемъ. Поланецкій вышелъ съ нимъ вмѣстѣ и вскорѣ очутился передъ двумя каменными плитами, вдѣланными, рядомъ другъ съ другомъ, въ стѣну костела. Панъ Плавицкій преклонилъ колѣна, помолился, потомъ всталъ, отеръ слезы,—на этотъ разъ онѣ дѣйствительно показались на его рѣсницахъ,—и, наконецъ, взявъ Поланецкаго подъ руку, сказалъ:

— Да, я утратилъ обѣихъ... и долженъ жить.

Въ это время въ дверяхъ костела показалась пани Ямишъ въ сопровожденіи мужа, двухъ сосѣдей, которые разговаривали о ней во время обѣдни, и молодого пана Гонтовскаго. При видѣ дамы панъ

ицкій наклонился къ уху Поланецкаго и сказалъ:

– Когда она будетъ садиться въ экипажъ, посмотри, какова нея нога!

ерезъ минуту они оба присоединились къ остальному обще- начались поклоны и привѣтствія. Панъ Плавицкій предста- Поланецкаго, и потомъ, обращаясь къ пани Ямишъ, приба- съ улыбкою человѣка, который говоритъ то, чего не каждому гь удастся:

– Мой родственникъ, который пріѣхалъ прижать дядюшку къ груди и... прижать вообще.

– Мы разрѣшаемъ только первое, иначе придется имѣть дѣло ми,—отвѣтила дама.

– Но Кшемень *), вѣдь, твердъ,—продолжалъ Плавицкій,— нникъ мой молодъ, но сломаетъ на немъ зубы.

ани Ямишъ полузакрыла глаза.

– Эта легкость, съ какою вы сыплете искрами... c'est inoui! вы себя чувствуете сегодня?

– Въ эту минуту я чувствую себя молодымъ и здоровымъ.

– А Мариня?

---

*) Кшемень—по-русски кремень. *Прим. пер.*

— Она была у ранней обѣдни. Мы ждемъ васъ въ пять часовъ. Моя маленькая хозяйка ломаетъ голову надъ какою-то тамъ закуской. Чудесный день...

— Мы пріѣдемъ, если моя невралгія позволитъ... и если мой мужъ позволитъ.

— Вы что скажете, сосѣдъ?—спросилъ панъ Плавицкій.

— Конечно, съ удовольствіемъ, конечно!—отвѣтилъ подавленнымъ голосомъ сосѣдъ.

— Значитъ, au revoir!

— Au revoir! — отвѣтила пани Ямишъ, и, обратившись къ Поланецкому, протянула ему руку:—Мнѣ очень пріятно познакомиться съ вами.

Панъ Плавицкій предложилъ ей руку и довелъ до экипажа. Два сосѣда также уѣхали, а Поланецкій остался на нѣсколько минутъ съ панокъ Гонтовскимъ, который посматривалъ на не особенно дружелюбно. Поланецкій помнилъ его неуклюжимъ чикомъ, а теперь «медвѣженокъ» преобразился въ дюжаго м ну, можетъ быть, и не съ особенно ловкими манерами, но приличнаго, съ красивыми русыми усами. Поланецкій не налъ бесѣды, ожидая, что заговоритъ Гонтовскій, а тотъ зас руки въ карманы и упорно молчалъ.

«Однако, у него остались прежнія манеры»,—подумалъ нецкій и въ свою очередь почувствовалъ непріязненное чу къ этому упрямцу.

Панъ Плавицкій, возвратившись отъ экипажа Ямишей, п всего, спросилъ у Поланецкаго: «Замѣтилъ?»—а потомъ ска

— Ну, Гонтось, ты поѣдешь въ своей бричкѣ; у насъ т два мѣста.

— Я поѣду въ бричкѣ, потому что везу собаку паннѣ Ма отвѣтилъ молодой человѣкъ, поклонился и ушелъ.

Черезъ минуту Плавицкій и Поланецкій катились по дор Кшемень.

— Этотъ Гонтовскій, вѣроятно, какой-нибудь родстве вашъ?—спросилъ Поланецкій.

— Десятая вода на киселѣ. Они обѣднѣли. У этого, Ад одинъ хуторокъ, а въ карманахъ вѣтеръ свищетъ.

— Ну, а въ сердцѣ вѣрно вѣтеръ не свищетъ.

Панъ Плавицкій поморщился.

— Тѣмъ хуже для него, если онъ мечтаетъ о че жетъ быть, онъ и добрый человѣкъ, но простякъ. ни воспитанія, ни состоянія. Мариня любитъ его, в

сноситъ?

ідишь, дѣло стоитъ такъ: я жертвую собою ей и с
она жертвуетъ собою мнѣ и сидитъ въ деревнѣ. З
пустыня; пани Ямишъ значительно старше Марини, молоде
обще нѣтъ, жизнь скучная, но что же дѣлать? Помни, мой
чикъ, что жизнь—это рядъ жертвъ. Нужно это правило но
въ сердцѣ, и въ головѣ. Въ особенности тѣ, которые принад
къ почтеннымъ и болѣе виднымъ фамиліямъ, не должны за
объ этомъ. Гонтовскій у насъ всегда обѣдаетъ по воскресен
сегодня, какъ ты слышалъ, везетъ еще и собаку.

Они замолчали. Экипажъ медленнѣе катился по песку.
ми ѣхалъ въ своей бричкѣ Гонтовскій, который въ эту мин
малъ о Поланецкомъ и думалъ такъ:

«Если онъ пріѣхалъ прижимать ихъ, какъ кредиторъ,
ну ему шею; если пріѣхалъ какъ женихъ, тоже сверну».

Съ самаго дѣтства онъ питалъ къ Поланецкому непріязн
чувства. По временамъ они встрѣчались, и тогда Пол
смѣялся надъ нимъ, и даже поколачивалъ, такъ какъ былъ
года старше.

Наконецъ, пріѣхали въ Кшемень и черезъ полчаса ока
ѣ, вмѣстѣ съ панной Мариней, въ столовой. Молодой ш
ривезенный Гонтовскимъ, пользуясь привилегіями гостя, л
подъ столомъ, а по временамъ прыгалъ на колѣни прису
щихъ съ величайшею довѣрчивостью и радостью, причемъ с
вертѣлъ хвостомъ.

— Это гордонъ, сетеръ,—говорилъ Гонтовскій,—онъ по
гушъ, но вообще это умная порода и необыкновенно привя

— Онъ очень красивъ и я вамъ чрезвычайно благода
гвѣчала панна Плавицкая, глядя на лоснящуюся, черную
желтыя пятна подъ глазами собаки.

— Черезъ-чуръ ужь онъ любезенъ,—добавилъ панъ П
й, покрывая колѣни салфеткой.

— И на охотѣ онъ также лучше обыкновенныхъ сетеро

— Вы охотитесь, панна Марія?—спросилъ Поланецкій.

— Нѣтъ, и не имѣю ни малѣйшаго желанія. А вы?

— Я охочусь иногда. Но, вѣдь, я живу въ городѣ.

— У многихъ бываешь?—спросилъ панъ Плавицкій.

— Почти нигдѣ. У пани Эмиліи, у моего товарища, І
Засковскаго, который когда-то былъ моимъ профессоромъ
ь обратился въ большого чудака,—вотъ и всѣ. Коне
гда навѣщаю людей, если понадобится, по дѣлу.

— Это нехорошо, мой мальчикъ. Молодой человѣкъ обязанъ поддерживать хорошія отношенія съ обществомъ, когда онъ имѣетъ право на это. Кому-нибудь, можетъ быть, и приходится карабкат ся кверху, но ты, какъ Поланецкій, можешь бывать всюду. Я вѣ но говорю тебѣ. Съ Мариней у меня вѣчно та же самая истор Два года назадъ, когда ей сравнялось восемнадцать лѣтъ, я і везъ ее на зиму въ Варшаву. Понимаешь, что даромъ это не д лается, что это потребовало нѣкоторыхъ пожертвованій съ мо стороны. И что же? Она по цѣлымъ днямъ сидѣла у пани Эмиліи читала книжки. Дикаркой она родилась у меня, дикаркой и ост нется,—можете подать другъ другу руки.

— Подадимъ другъ другу руки!—весело воскликнулъ Пол нецкій.

А она, смѣясь, отвѣтила:

— По совѣсти говоря, я не могу, потому что это было не с всѣмъ такъ: правда, я читала книжки съ Эмиліей, но мы съ па выѣзжали много и я натанцовалась на всю жизнь.

— Не давайте зарока.

— Нѣтъ, я зарока не даю, я только не тоскую по танцамъ.

— Вѣроятно, вы не вывезли много воспоминаній.

— Конечно. Осталась память, но это дѣло совсѣмъ другое.

— Простите меня,—я этого не понимаю.

— Память, это—складъ, въ которомъ лежитъ прошедшее. воспоминаніе является тогда, когда войдешь въ этотъ складъ, что достать что-нибудь.

Тутъ панна Мариня испугалась смѣлости, съ которой пу тилась въ философское опредѣленіе разницы между памятью и во поминаніемъ, вслѣдствіе чего раскраснѣлась, а Поланецкій под малъ: «И не глупа, и мила»—и сказалъ вслухъ:

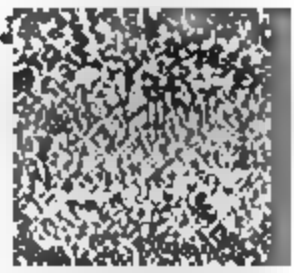
— Мнѣ и въ голову не приходило... а какъ это вѣрно!

И онъ окинулъ ее глазами, полными симпатіи. Дѣйствите но, она была очень мила, улыбающаяся, нѣсколько сконфужени похвалою и, вмѣстѣ съ тѣмъ, искренно обрадованная ею. Она і краснѣла еще болѣе, когда смѣлый молодой человѣкъ сказалъ:

— Завтра, передъ отъѣздомъ, я попрошу у васъ о мѣстѣ хотя бы въ складѣ. Но онъ говорилъ это такъ весело, что на н невозможно было обижаться и панна Мариня отвѣтила ему не бе оттѣнка кокетства:

— Хорошо; но и я въ свою очередь прошу о томъ же.

— Въ такомъ случаѣ, я ходилъ бы въ свой скл что предпочитаю сразу поселиться тамъ навсегда.



Это панне Плавицкой показалось нѣсколько смѣлымъ для такого недавняго знакомства, но панъ Плавицкій въ свою очередь отозвался:

— Ты мнѣ нравишься, мальчикъ. Я тебя предпочитаю Гонтосю, который сидитъ точно въ воду опущенный.

— Я умѣю говорить только о томъ, что могу взять въ руки,— съ оттѣнкомъ грусти отвѣтилъ молодой человѣкъ.

— Тогда возьми вилку въ руки и ѣшь.

Полянецкій улыбнулся, панни Мариня не улыбнулась, потому что ей стало жаль Гонтовскаго, и она тотчасъ же свела разговоръ на тѣ вещи, которыя можно взять въ руки.

«Или кокетка, или у нея доброе сердце!»—промелькнуло въ головѣ Полянецкаго.

Но панъ Плавицкій, который, видимо, увлекся воспоминаніями о своей послѣдней поѣздкѣ въ Варшаву, спросилъ:

— Скажи мнѣ, Стахъ, ты знаешь Букацкаго?

— Какъ не знать. Онъ мнѣ ближе сродни, чѣмъ вамъ.

— Мы со всѣмъ свѣтомъ въ родствѣ, буквально со всѣмъ свѣтомъ. Букацкій былъ самымъ ревностнымъ кавалеромъ Марини. Они отплясывали на всѣхъ вечерахъ.

Полянецкій разсмѣялся.

— И въ награду за это онъ отправился въ складъ, въ пыль. Ну, этого-то, по крайней мѣрѣ, пылить нельзя,—онъ такъ собой занимается, какъ, напримѣръ, вы, дядюшка. Это первый щеголь въ Варшавѣ. Что онъ подѣлываетъ? Завѣдуетъ свѣжимъ воздухомъ, то-есть, когда хорошая погода, то выходитъ или выѣзжаетъ на прогулку. Притомъ, ужасный оригиналъ, у котораго въ головѣ все какія-то перегородки. Онъ подмѣчаетъ такія вещи, которыми никто другой не сталъ бы интересоваться. Когда, послѣ его поѣздки въ Венецію, я встрѣчаю его и разспрашиваю, что онъ тамъ видѣлъ, онъ отвѣчаетъ мнѣ: «видѣлъ на Riva degl Schiavoni, какъ однажды плавали половинка скорлупы отъ яйца и половина лимона; они встрѣчались, сталкивались другъ съ другомъ, расходились, сближались, наконецъ—пафъ! лимонъ попалъ въ скорлупу и они поплыли вмѣстѣ. Видишь, что такое значитъ армонія!» Вотъ чѣмъ занимается Букацкій, хотя онъ человѣкъ бразованный, въ искусствѣ большой знатокъ.

— Говорятъ, что у него большія способности.

— Можетъ быть, но онъ не умѣетъ ни къ чему примѣнить своихъ способностей. Ѣстъ онъ свой хлѣбъ,—вотъ и все. Еслибъ онъ

хоть былъ веселымъ человѣкомъ, но, въ сущности, о
ликъ. Я забылъ сказать еще: и влюбленъ въ пани Эм

— Эмилія много принимаетъ?—спросила панна М

— Нѣтъ. Бываю я, Васковскій, бываетъ Букацкій Машко, адвокатъ, тотъ, который покупаетъ и продает участки.

— Она не можетъ много принимать,—сколько должна посвящать Литкѣ.

— Бѣдняжечка! — сказалъ Поланецкій,— еслибъ чтобъ ей помогъ Рейхенгалль!

И веселое лицо его въ одну минуту покрылось и грустью. Теперь и панна Мариня взглянула на него г ными симпатіи, и въ свою очередь подумала во второй

«А онъ, должно быть, и въ самомъ дѣлѣ добры

Панъ Плавицкій заговорилъ какъ бы самъ съ с

— Машко, Машко... И этотъ тоже увивался около Марини. Но она его не любила. Что касается земли, то цѣны теперь кія, что упаси Богъ.

— А Машко говоритъ, что при этихъ условіяхъ ихъ хор покупать.

Обѣдъ кончился и всѣ перешли въ гостиную пить кофе. это время панъ Плавицкій имѣлъ обыкновеніе подшучивать н Гонтовскимъ. Молодой человѣкъ сносилъ это довольно терпѣли благодаря своимъ отношеніямъ къ паннѣ Маринѣ, но съ мин которая говорила ясно: «Эхъ, если бы это не твоя дочь, то я вытрясъ бы изъ тебя всѣ кости!» Послѣ кофе панна Мар сѣла за фортепіано, а ея отецъ сталъ раскладывать пассьян Мариня играла не особенно хорошо, но ея ясная и споко головка такъ чудесно вырисовывалась изъ-за пюпитра инст мента. Время подходило къ пяти часамъ. Панъ Плавицкій смотрѣлъ на часы и сказалъ:

— Ямиши не пріѣдутъ.

— Пріѣдутъ еще,—отвѣтила Мариня.

Но онъ постоянно поглядывалъ на часы и объявлялъ, к величайшую новость, что Ямиши не пріѣдутъ. Наконецъ, ов шести часовъ онъ сказалъ гробовымъ голосомъ:

— Должно быть, случилось какое-нибудь несчастье.

Поланецкій стоялъ въ это время около панны Марини и тихо шепнула ему:

— Какъ это непріятно! Тамъ, вѣроятно, ничего не слу лось, а папа до вечера будетъ въ дурномъ расположеніи дух

Поланецкій хотѣлъ было отвѣтить, что папа, когда выспится, идетъ въ хорошее расположеніе духа, но увидалъ неподдѣльную заботу на лицѣ дѣвушки и сказалъ:

— Насколько я помню, до Ямишей недалеко. Пошлите кого-нибудь освѣдомиться, что тамъ такое.

— Послать кого-нибудь, папа?

Но панъ Плавицкій горько улыбнулся и отвѣтилъ:

— Вы всѣ черезъ-чуръ любезны. Я поѣду самъ.

Онъ позвонилъ, приказалъ запрягать лошадей, потомъ подумалъ съ минуту и сказалъ:

— Enfin, въ деревнѣ можетъ случиться, что кто-нибудь пріѣдетъ и застанетъ молодую дѣвушку одну въ домѣ. Вѣдь, это не годъ. Кромѣ того, ты родственникъ. Гонтовскій, ты можешь угодиться мнѣ, поѣдемъ, пожалуйста, вмѣстѣ.

Пану Гонтовскому это было, видимо, крайне непріятно. Онъ овелъ рукой по головѣ и отвѣтилъ:

— Садовникъ никакъ не можетъ столкнуть въ воду лодку, о стоитъ на берегу пруда. Я обѣщалъ паннѣ Маріи, что спулодку, но въ послѣднее воскресенье дождь лилъ какъ изъ ведра.

— Такъ бѣги скорѣе и попробуй. До пруда тридцать шаговъ. резъ двѣ минуты ты возвратишься.

Гонтовскій, дѣлать нечего, пошелъ въ садъ, а панъ Плавицкій, не обращая вниманія на Поланецкаго и Мариню, повторялъ, схаживая по комнатѣ:

— Невралгія въ головѣ, я готовъ держать пари, что невралгія въ головѣ; Гонтовскій, въ случаѣ надобности, можетъ сбѣгать за докторомъ. Этотъ растрепа, этотъ совѣтникъ безъ сота, конечно, не догадается послать.

И, видимо, желая сорвать на комъ-нибудь злость, онъ прибавилъ, обращаясь къ Поланецкому:

— Ты и повѣрить не можешь, что это за безструнная балайка.

— Кто такой?

— Да Ямишъ.

— Папа...—начала было Мариня.

Но панъ Плавицкій не далъ ей докончить и продолжалъ съ возростающимъ гнѣвомъ:

— Знаю! Тебѣ не нравится, что она проявляетъ ко мнѣ нѣкого пріязни. Читай сколько угодно агрономическія статьи пана ишша, обоготворяй его, ставь ему монументы, но позволь мнѣ гаться при моихъ симпатіяхъ.

Тутъ Поланецкій могъ удостовѣриться, наскол
ся кротость панны Марини. Вмѣсто того, чтобъ
подбѣжала къ отцу и, подставляя свой лобъ къ
нымъ усикамъ, зачастила:

— Сейчасъ запрягутъ, сейчасъ, сейчасъ! Моя
но, чтобъ и я поѣхала? А пока извольте перес
гадкій папа,—это вамъ вредно.

Панъ Плавицкій, который дѣйствительно был
дочери, поцѣловалъ ее въ лобъ и сказалъ:

— Я знаю, что у тебя доброе сердце... А ч
Гонтовскій дѣлаетъ?

Онъ подошелъ къ открытой двери, ведущей въ
звать Гонтовскаго. Тотъ вернулся черезъ минуту

— Въ лодкѣ набралось много воды; кромѣ т
далеко отъ берега. Я пытался спустить ее и не

— Бери шапку, ѣдемъ. Я слышу, что подак

Черезъ минуту Поланецкій и молодая хозяйка

— Папа привыкъ къ болѣе изысканному
можно найти въ деревнѣ,— сказала панна Мари
любитъ пани Ямишъ, но и панъ Ямишъ очень х
человѣкъ.

— Я видѣлъ его въ костелѣ. Онъ кажется
шибленнымъ.

— Да, онъ и въ самомъ дѣлѣ болѣнъ и, кр
ленъ работой.

— Такъ же, какъ и вы?

— Нѣтъ, панъ Ямишъ превосходно ведетъ х
мѣ того, много пишетъ объ агрономіи. Это — с
околотка. Она тоже хорошая женщина, только, по
немного жеманна.

— Ех-красавица!

— Да. И на это жеманство вліяетъ отчас
жизнь, отъ которой человѣкъ какъ-то покрываетс
думаю, что въ городѣ всѣ человѣческія странност
особенности легче стираются; въ деревнѣ люди
ются въ оригиналовъ. Понемногу отвыкаешь отъ
обрѣтаешь странную манеру въ обращеніи съ люд
до нежелательной крайности. Столичнымъ людямъ
казаться заржавѣвшими и немного смѣшными.

— Не всѣ! Вовсе нѣтъ!—отвѣтилъ Поланец
напримѣръ, вовсе нѣтъ!

— И это придетъ со временемъ,—сказала Мариня и улыбнулась.

— Время тоже можетъ принести какую-нибудь перемѣну.

— У насъ все такъ мало измѣняется, и по большей части къ худшему.

— Но въ жизни дѣвушекъ, вообще, перемѣны очень возможны.

— Прежде всего, мнѣ хотѣлось бы, чтобы мы съ папа какъ-нибудь уладились съ Кшеменемъ.

— Значитъ, папа и Кшемень—это двѣ главныя, единственныя цѣли въ вашей жизни?

— Да. Но я мало могу помочь въ чемъ-нибудь, потому что мало знаю.

— Папа, Кшемень... и больше ничего? — повторилъ Полянецкій.

Нѣсколько минутъ прошло въ молчаніи. Потомъ панна Мариня предложила Полянецкому пройтись въ садъ, и вскорѣ они очутились на берегу пруда. Полянецкій, привыкшій за границей къ разному спорту, спустилъ на воду лодку, съ которой Гонтовскій не могъ справиться, но оказалось, что лодка была дырявая и кататься въ ней нельзя.

— Вотъ вамъ обращикъ моего хозяйства! — разсмѣялась Мариня. — Вездѣ и повсюду протекаетъ вода. И я не нахожу даже возможности оправдываться, потому что садъ и прудъ состоятъ въ исключительномъ моемъ завѣдываніи. Но я, все-таки, прикажу починить лодку передъ тѣмъ, какъ станутъ спускать прудъ.

— Чуть ли эта лодка не та самая, къ которой мнѣ не дозволяли приближаться, когда я былъ ребенкомъ.

— Очень можетъ быть. Вы замѣтили, что вещи измѣняются гораздо меньше и существуютъ дольше, чѣмъ люди. Иногда грустно и подумать объ этомъ.

— Будемъ надѣяться, что мы просуществуемъ дольше этой полусгнившей лодки. Если это та же, что была здѣсь въ моемъ дѣтствѣ, то мнѣ положительно нѣтъ удачи съ нею. Прежде мнѣ не позволяли кататься на ней, а теперь я поранилъ себѣ руку о какой-то старый гвоздь.

Онъ досталъ платокъ и началъ лѣвою рукой обвязывать палецъ правой. Но дѣлалъ онъ это такъ неловко, что панна Мариня сказала:

— Вы не умѣете, нужно вамъ помочь.

И она начала обвязывать его руку, а Полянецкій старался прод-

лить это,—ему было такъ пріятно чувств
нѣжныхъ пальцевъ. Она замѣтила, что ей
на него, но когда глаза ихъ встрѣтились,
Поланецкаго, раскраснѣлась и опустила го
ствовалъ тепло, исходящее отъ нея, и его

— У меня сохранились необыкновенно
о вакаціяхъ, которыя я провелъ здѣсь, но
еще большее. Вы очень добры... вы цвѣто
Честное слово, я не преувеличиваю.

Панна Мариня поняла, что молодой чел
тосердечно,—немного смѣло, можетъ быт
природной живости, чѣмъ по другимъ сооб
дѣлась и только сказала своимъ милымъ, т

— Пожалуйста, не говорите мнѣ любе
первыхъ, я плохо обвяжу вашу руку, а, в

— Въ такомъ случаѣ, обвяжите мнѣ
тесь. Вечеръ такой чудесный.

Мариня кончила свое дѣло и они попл
ствительно, обѣщалъ быть чудеснымъ. Со
замершій, какъ зеркало, горѣлъ огнемъ и
дой, виднѣлись спокойныя ольхи, ближайш
шихъ подробностей вырисовывались на роз
дворѣ, за домомъ, кричали аисты.

— Милый Кшемень, очень милый!—п

— Очень,—отвѣтила Мариня.

— Теперь я понимаю вашу привязан
Притомъ, чѣмъ больше вкладываешь во ч
тѣмъ больше привязываешься къ этому.
деревнѣ бываютъ хорошія минуты. Вотъ, в
и вообще тутъ хорошо. Въ городѣ охват
особенности одинокихъ, тѣхъ, которые, к
лись въ свои счета. У Бигеля, моего това
это хорошо. А я что? Я не разъ говорилъ
ботаешь, а для чего? Допустимъ, у меня бу
что?—ничего. Завтра то же самое, что и се
Видите ли, если человѣкъ втянется во ч
мѣръ, въ наживаніе денегъ, то ему и ка
бываютъ минуты, когда я думаю, что
правъ, и что никто съ фамиліей, оканчива
не можетъ вложить въ это всей своей душ
исключительно этимъ. Онъ говоритъ, что

мять прежняго существованія и что вообще у славянъ иная миссія. Васковскій—большой чудакъ, и философъ, и мистикъ. Я съ нимъ грызусь, наживаю деньги, какъ умѣю, но теперь, когда я хожу съ вами по этому саду, мнѣ кажется, что онъ правъ.

Онъ замолчалъ. Закатъ становился еще болѣе румянымъ и заливалъ своимъ блескомъ лица Поланецкаго и панны Марини. Между ними начинало возникать что-то, зарождаться добрыя, пріязненныя чувства. Имъ было какъ-то хорошо другъ съ другомъ, спокойно.

Поланецкій, видимо, ясно сознавалъ это, потому что сказалъ черезъ нѣсколько минутъ:

— То, что говорила мнѣ пани Хвастовская, совершенная правда. А говорила она, что спустя часъ послѣ перваго знакомства всякій сближается съ вами и начинаетъ питать къ вамъ больше довѣрія, чѣмъ къ кому-нибудь другому черезъ мѣсяцъ. Теперь я удостовѣрился въ этомъ. Мнѣ кажется, что я знаю васъ давно-давно, и думаю, что только люди необычайно добрые могутъ производить такое впечатлѣніе.

Панна Мариня отвѣтила просто:

— Эмилія очень любитъ меня, поэтому и хвалитъ. Хотя бы то, что говоритъ она, и была правда, я не думаю, что съумѣла бы показаться такою всякому человѣку.

— Вчера, конечно, вы показались мнѣ не такою, но вы были утомлены и вамъ хотѣлось спать.

— Да, я утомилась немного.

— Отчего вы не пошли спать? Слуга съумѣлъ бы налить мнѣ чаю, да, наконецъ, дѣло обошлось бы и безъ этого.

— Нѣтъ, мы не настолько уже не понимаемъ, что такое гостепріимство. Папа говорилъ, что кто-нибудь изъ насъ обязанъ васъ встрѣтить. Я боялась, что онъ самъ будетъ ожидать васъ, а это ему вредно, и рѣшила замѣнить его.

Поланецкій подумалъ: «Въ этомъ отношеніи ты могла бы быть спокойна, но, все-таки, ты добрая, что охраняешь стараго эгоиста». И онъ сказалъ вслухъ:

— Я прошу у васъ прощенія и за то, что сейчасъ же заговорилъ о дѣлахъ. Это купеческая привычка. Но сейчасъ же я сказалъ самому себѣ: «ахъ, ты, такой-сякой!»... Мнѣ очень стыдно, я прошу извиненія.

— Не за что, вашей вины никакой нѣтъ. Вамъ сказали, что я завѣдую всѣми дѣлами, и вы обратились ко мнѣ.

Черезъ нѣсколько времени они возвратились домой и сѣли на

балконѣ. Поланецкій принесъ изъ гостиной скамеечку и подставилъ ее подъ ноги пани Марини.

— Благодарю васъ,—сказала она, наклоняясь и оправляя платье,—какъ вы добры, благодарю васъ.

А онъ отвѣтилъ:

— Я по натурѣ человѣкъ, мало обращающій вниманіе на другихъ, и знаете, кто меня научилъ быть хоть немного внимательнымъ? Литка. Ее нужно оберегать ото всего и пани Хвастовская должна помнить объ этомъ.

— Она помнитъ,—проговорила пани Мариня,—и всѣ мы будемъ помогать ей въ этомъ. Еслибъ она не поѣхала въ Рейхенгалль, я пригласила бы ее къ намъ.

— А я пріѣхалъ бы вслѣдъ за Литкой безъ приглашенія.

— Отъ имени папа я приглашаю васъ разъ навсегда.

— Не говорите этого такъ необдуманно, потому что я могу злоупотреблять вашею любезностью. Мнѣ здѣсь очень хорошо, и если въ Варшавѣ когда-нибудь сдѣлается плохо, то я прибѣгу сюда, подъ вашу защиту...

Теперь Поланецкій зналъ уже, что слова его сказаны съ умысломъ, чтобы сблизить ихъ, водворить между ними симпатію. Онъ говорилъ это и съ полнымъ разумѣніемъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, искренно, и, говоря, смотрѣлъ на это молодое, кроткое лицо, которое, при лучахъ заходящаго солнца, казалось еще болѣе спокойнымъ, чѣмъ прежде. Панна Мариня подняла на него свои голубые глаза, въ которыхъ какъ будто промелькнулъ вопросъ: «случайно ты говоришь это, или обдуманно?»—и отвѣтила, понизивъ голосъ:

— Хорошо.

И они оба смолкли, чувствуя, что, дѣйствительно, что-то завязывается между ними.

— Меня удивляетъ,—наконецъ, сказала панна Мариня,—что папа такъ долго не возвращается.

Солнце зашло; въ пруду заквакали лягушки; въ потемнѣвшемъ воздухѣ безшумно кружилась большая сова.

Поланецкій ничего не отвѣтилъ на замѣчаніе дѣвушки, но, точно погруженный въ свои мысли, заговорилъ:

— Я не анализирую жизни, потому что у меня нѣтъ врем[я] для этого. Когда мнѣ хорошо,— какъ, напримѣръ, въ настоящ[ую] минуту,—я чувствую, что мнѣ хорошо, а когда плохо, я чувству[ю], что плохо, — вотъ и все. Но пять или шесть лѣтъ назадъ бы[ло] не такъ. Насъ была кучка людей, которые сходились толков[ать] о значеніи жизни. Было нѣсколько ученыхъ и одинъ литерат[ор],

теперь довольно извѣстный въ Берлинѣ. Мы задавали себѣ вопросы: куда мы идемъ, какой смыслъ имѣютъ всѣ явленія, какую цѣну и какой конецъ? Мы читали философовъ пессимистическаго направленія и терялись въ разныхъ вопросахъ,—бездонныхъ вопросахъ, какъ говорилъ одинъ мой знакомый, ассистентъ при каѳедрѣ астрономіи. Онъ потомъ такъ затерялся въ междупланетныхъ пространствахъ, что совсѣмъ обезумѣлъ. Ему все казалось, что его голова движется по параболѣ въ безконечности. Послѣ онъ выздоровѣлъ и сдѣлался патеромъ. Мы также ни до чего не могли дойти, ни на чемъ остановиться... Совсѣмъ какъ тѣ птицы, которыя летятъ черезъ море и не могутъ ни на чемъ усѣсться. Но, наконецъ, я замѣтилъ двѣ вещи: прежде всего, что мои бельгійцы принимаютъ все это къ сердцу не такъ, какъ я,—мы болѣе наивны... Во-вторыхъ, что у меня пропадаетъ охота къ работѣ и я становлюсь немощнымъ, безсильнымъ. Тогда я взялъ себя въ руки и принялся отчаянно раскрашивать ситцы. Потомъ я сказалъ себѣ такъ: жизнь—это право природы,—жизнь умныхъ или глупыхъ, все равно, но это такъ. Жить нужно, значитъ, отъ жизни нужно взять все, что она даетъ. И я хочу взять кое-что. Правда, Васковскій говоритъ, что мы, славяне, не можемъ ограничиться этимъ, но, вѣдь, это одна болтовня. Что однѣми деньгами мы ограничиться не можемъ, съ этимъ приходится мириться съ грѣхомъ пополамъ. Но я сказалъ себѣ, что, кромѣ денегъ, есть еще двѣ вещи: спокойствіе и,—знаете еще что?—женщина. Нужно, чтобы человѣку было съ кѣмъ подѣлиться всѣмъ этимъ. Потомъ придетъ смерть,—хорошо! Но гдѣ начинается смерть, тамъ кончается человѣческое разумѣніе. «That's not my business!»*), какъ говорятъ англичане. А, вѣдь, отдать-то кому-нибудь нужно то, что у человѣка есть и что онъ добываетъ,—деньги ли, почести ли, славу... Если на лунѣ есть брилліанты, то все равно, еслибъ ихъ и не было, потому что нѣтъ никого, кто бы оцѣнилъ, сколько они стоятъ. Такъ и человѣкъ долженъ имѣть кого-нибудь, кто бы его цѣнилъ. Я и думаю: кто меня оцѣнитъ, если не женщина? Только чтобы она была безконечно добра, безконечно вѣрна мнѣ, совсѣмъ моя, и совсѣмъ бы любила меня. Это все, чего можно хотѣть, изъ этого вытекаетъ спокойствіе, а спокойствіе — единственная вещь, которая имѣетъ смыслъ. Я это говорю не какъ поэтъ, а какъ человѣкъ положительный и купецъ. Имѣть около себя дорогое существо — вотъ цѣль. А потомъ будь, что будетъ,—вотъ моя философія.

---

*) Это не мое дѣло.

Поланецкій утверждалъ, что говоритъ, какъ купецъ, но говорилъ, какъ мечтатель,—такъ вліяли на него и лѣтній вечеръ, и присутствіе молодой дѣвушки, которая такъ близко подходила къ взглядамъ, только что высказаннымъ имъ. Вѣроятно, онъ и самъ понялъ это, потому что обратился къ ней прямо и сказалъ:

— Я думаю такъ, но обыкновенно не высказываюсь такъ передъ людьми. Сегодня меня что-то наталкиваетъ на это и, повторяю, пани Эмилія была права: съ вами въ одинъ день больше сблизишься, чѣмъ съ другими въ цѣлый годъ. Должно быть, вы баснословно добры. Какую я глупость сдѣлалъ бы, если бы не пріѣхалъ въ Кшемень! И я буду пріѣзжать часто, если вы позволите.

— Пожалуйста... пріѣзжайте.

— Благодарю.

Онъ протянулъ руку и панна Мариня подала ему свою, какъ будто въ знакъ примиренія.

О, и онъ ей такъ понравился, со своимъ искреннимъ лицомъ, темными волосами, живыми глазами и бодрымъ мужествомъ! Кромѣ того, онъ привезъ съ собою то, чего не было въ Кшеменѣ: какіе-то новые горизонты, забѣгающіе далеко за прудъ и ольхи, которыя замыкали кшеменьскій горизонтъ. И онъ сдѣлался въ теченіе дня такимъ дорогимъ ей, какимъ только возможно сдѣлаться.

За ольхами показался какой-то свѣтъ. Мариня протянула руку и сказала:

— Луна.

— А, луна! — повторилъ Поланецкій.

Луна медленно выплывала изъ-за ольхъ, красная, круглая, словно большое колесо. Но вотъ залаяли собаки, на дворѣ послышался стукъ колесъ экипажа и въ гостиной,— туда уже принесли лампы,— появился панъ Плавицкій. Мариня пошла въ гостиную, Поланецкій за нею.

— Ничего не случилось,— сказалъ панъ Плавицкій.— Пріѣхала къ нимъ Хромецкая; они думали, что она скоро уѣдетъ, поэтому и не извѣстили насъ. Ямишъ немного расхворался, но завтра собирается въ Варшаву. Она обѣщала пріѣхать послѣ-завтра.

— Значитъ, все благополучно?— спросила Мариня.

— Все благополучно. А вы что подѣлывали?

— Слушали лягушекъ,— отвѣтилъ Поланецкій.— Намъ было очень хорошо.

— Господь Богъ зналъ, для чего и лягушекъ сотворить, и хотя онѣ не даютъ мнѣ спать ночью, но я не ропщу. Мариня, прикажи подавать чай.

Чай былъ готовъ въ слѣдующей комнатѣ. Панъ Плавицкій усѣлся за столъ и сталъ разсказывать подробности о визитѣ къ Яницамъ. Молодые люди молчали и молча простились.

Панна Марыня чувствовала себя утомленной, какъ будто этотъ день измучилъ ее, но какое это пріятное и отрадное утомленіе! Потомъ, когда ея голова уже опустилась на подушку, она не думала о томъ, что завтра понедѣльникъ, что начинается новая недѣля мелкихъ заботъ, — она думала о Полянецкомъ, и въ ушахъ ея звучали его слова:

«Кто меня оцѣнитъ, если не женщина? Только чтобы она была безконечно добра, безконечно вѣрна мнѣ, совсѣмъ моею и совсѣмъ любила бы меня».

А Полянецкій говорилъ себѣ, лежа въ постели и закуривая папиросу:

роша она, прелестна, мила,—гдѣ найдешь такую дру-

III.

недѣльникъ утро было сѣрое, и панна Плавицкая просну- рызеніями совѣсти. Ей казалось, что вчера она подчини- ку-то теченію, дозволила ему унести себя далѣе, чѣмъ , и вообще вела себя съ Полянецкимъ какъ кокетка. Это было тѣмъ болѣе непріятно, что Полянецкій пріѣхалъ кредиторъ. Вчера она забыла объ этомъ, а сегодня го- ѣ: «Конечно, ему придетъ въ голову, что я хотѣла за- или смягчить»,—и при одной этой мысли кровь прилива- декамъ. Натура у нея была прямая, было и самолюбіе, и о возмущалось при одной мысли, что кто-нибудь можетъ ъ ее въ неблаговидномъ разсчетѣ. Теперь, повѣривъ въ ть такого предположенія, она сразу почувствовала, что обижается на Полянецкаго. Была и еще одна вещь невы- ріятнаго свойства: она знала, что въ кшеменецкой кас- копѣйка за копѣйкой гоняется, что денегъ нѣтъ, и даже дастся Магерувку разбить на участки и продать, то отецъ и дальше отлынивать, потому что другія свои обязатель- етъ болѣе важными, чѣмъ долгъ Полянецкому. Правда, она ебѣ, что сдѣлаетъ все, зависящее отъ нее, чтобы Полянец- етворили раньше всѣхъ, но знала, что ея усилія едва ли риведутъ. Отецъ охотно предоставлялъ ей веденіе хозяй- енежными дѣлами завѣдывалъ самъ и рѣдко слушался ея

совѣта. Его роль состояла въ томъ, что онъ вывертывался всѣми средствами отъ всѣхъ кредиторовъ, обѣщаній не исполнялъ никогда и только рисовалъ передъ ними пышныя картины своего будущаго. Такъ какъ взысканіе по закладнымъ вообще вещь трудная и медленная, а защита легка, то панъ Плавицкій и держался въ Кшеменѣ благодаря своей системѣ. Въ концѣ-концовъ, все это грозило неизбѣжнымъ и полнѣйшимъ крушеніемъ, но пока старикъ считалъ себя «дѣльною головой» и съ большимъ неудовольствіемъ выслушивалъ совѣты и замѣчанія дочери, подозрѣвая, что она питаетъ какія-то сомнѣнія относительно его «головы». Это въ высшей степени уязвляло его самолюбіе.

Панна Мариня, по милости этой «головы» и ея пріемовъ, уже испытала не мало униженій. Ея жизнь только на видъ казалась идилліей труда и хозяйственныхъ занятій. Здѣсь не было недостатка ни въ горести, ни въ непріятностяхъ, и ея спокойное лицо могло выражать не только кротость характера, но и его силу и, кромѣ того, огромную духовную выдержку. Но униженіе, которое грозило ей сейчасъ, было гораздо болѣе невыносимымъ, чѣмъ предшествующія.

«Пускай хоть онъ-то меня ни въ чемъ не заподозритъ!»— говорила она себѣ. Но что могла она сдѣлать? Первою ея мыслью было вызвать Поланецкаго на объясненіе, прежде чѣмъ онъ увидится съ ея отцомъ, объяснить ему все положеніе вещей, какъ объясняютъ человѣку, къ которому питаютъ довѣріе. Потомъ въ голову ей пришло, что такой разговоръ былъ бы ничѣмъ инымъ, какъ просьбой о снисхожденіи,—значитъ, тоже униженіемъ. Панна Мариня, какъ женщина, понимающая всѣ движенія своего сердца, чувствовала на половину сознательно, на половину инстинктивно, что между нею и этимъ молодымъ человѣкомъ что-то начинается, что-то завязывается, а въ особенности, что это въ будущемъ могло и должно быть неизбѣжнымъ. Еслибъ положеніе вещей было не таково, то она осуществила бы свою мысль, но теперь она чувствовала себя не въ состояніи сдѣлать это. Ей оставалось только одно: увидаться съ Поланецкимъ, сегодняшнею тактикой стереть всѣ впечатлѣнія вчерашняго дня, порвать всѣ нити нарождающейся между ними симпатіи и предоставить ему полную свободу дѣйствій. Такой способъ казался ей наилучшимъ, и, узнавъ отъ горничной, что Поланецкій всталъ, напился чаю и вышелъ гулять, она рѣшила отыскать его.

Это было не трудно, потому что онъ уже возвратился съ утренней прогулки и, стоя у крыльца, поросшаго дикимъ виногра-

разговаривалъ съ собаками, которыя такъ ласкались къ нему въ день его пріѣзда. Мариню замѣтилъ онъ не сразу, и она, стоя на ступеняхъ, слышала его слова:

— Такъ вы получаете жалованье за охраненіе дома, а? На всемъ готовомъ? А на чужихъ не лаете, только ласкаетесь къ нимъ? Ахъ вы, глупые псы, ахъ вы, дармоѣды!

И онъ слегка трепалъ собакъ по бѣлымъ головамъ, но вдругъ увидалъ Мариню, подпрыгнулъ, какъ камень, выброшенный изъ пращи, и сталъ передъ нею веселый и сіяющій.

— Добрый день. А я тутъ съ собаками разговариваю. Какъ вы провели ночь?

— Благодарю васъ.

Она холодно протянула ему руку, а онъ смотрѣлъ на нее глазами, въ которыхъ ясно выражалось, какое великое и глубокое наслажденіе испытываетъ онъ при видѣ ея.

И онъ не менѣе понравился бѣдной паннѣ Маринѣ. Сердце ея лось отъ огорченія, что на его сердечное привѣтствіе ей неодимо отвѣчать такъ церемонно и холодно.

— Можетъ быть, вы идете по хозяйству? Въ такомъ случаѣ, и позволите, пойдемъ вмѣстѣ. Сегодня я долженъ возвратиться городъ, поэтому мнѣ дорога каждая минута, какую я проведу вашемъ обществѣ. Но теперь я уже знаю дорогу въ Кшемень.

— Мы будемъ очень рады, когда время позволитъ вамъ навѣсь насъ.

Полянецкій только теперь замѣтилъ, что отъ ея словъ и отъ ея а вѣетъ холодомъ, и съ удивленіемъ посмотрѣлъ на нее. Но если на Мариня разсчитывала, что онъ поступитъ такъ, какъ посту-отъ всѣ люди, и тотчасъ же настроится на ея тонъ, то ошиблась. Полянецкаго было достаточно живости и смѣлости, чтобы подверг-ь ее допросу. Онъ посмотрѣлъ ей прямо въ глаза:

— Что съ вами?

Мариня смѣшалась.

— Ничего особеннаго, вы ошибаетесь.

— Нѣтъ. Я хорошо вижу и вы хорошо знаете, что я не ибаюсь. Вы относитесь ко мнѣ такъ же, какъ въ первый ве-ь, когда я пріѣхалъ. Но тогда я былъ виноватъ, потому что во-время началъ разговоръ о деньгахъ. Вчера я просилъ у васъ ненія за это, и мнѣ было хорошо,—о, какъ хорошо! А сегодня ло на старое... Почему это, скажите мнѣ?

Никакая, самая искусная дипломатія не могла бы такъ сбить толку панну Мариню. Ей казалось, что своею тактикой она

можетъ охладить его, отдалить отъ себя, а онъ, предлагая ей въ упоръ такіе вопросы, приближался къ ней еще больше. Поланецкій продолжалъ тономъ человѣка, которому оказываютъ несправедливость:

— Скажите мнѣ прямо, что это значитъ? Скажите прямо! Вашъ отецъ говорилъ, что вчера я долженъ былъ быть гостемъ, а сегодня кредиторомъ. Но, вѣдь, это глу... это ничего не значитъ, хотѣлъ я сказать. Я ничего не понимаю въ такихъ тонкостяхъ, кредиторомъ вашимъ, панна Марія, никогда не буду... Развѣ должникомъ, потому что уже долженъ вамъ и признателенъ за вашу вчерашнюю доброту, и видитъ Богъ, какъ мнѣ важно всегда считать себя вашимъ должникомъ.

И снова онъ внимательно смотрѣлъ ей прямо въ глаза, не появится ли въ нихъ вчерашняя улыбка, но Мариня, у которой сердце сжималось всѣ болѣе и болѣе, шла дальше по избранному ею пути, во-первыхъ, потому, что она уже избрала его, а, во-вторыхъ, изъ опасенія, что, согласившись съ Поланецкимъ, она принуждена будетъ вступить съ нимъ въ объясненія.

— Увѣряю васъ,—наконецъ, проговорила она съ нѣкоторымъ усиліемъ,—что вы или вчера ошибались, или ошибаетесь сегодня. Я всегда одинакова, и мнѣ всегда будетъ пріятно, если вы увезете отсюда добрыя воспоминанія.

Слова были ласковы, но говорила эта дѣвушка такъ не похожая на вчерашнюю, что на лицѣ Поланецкаго начинали выступать нетерпѣніе и гнѣвъ.

— Если вамъ угодно,—сказалъ онъ,—чтобъ я притворился, будто вѣрю вамъ, то пусть будетъ по-вашему. Но, все-таки, я уѣду съ убѣжденіемъ, что понедѣльникъ совсѣмъ не похожъ на воскресенье.

Мариню кольнули эти слова. Похоже было на то, что Поланецкій дозволялъ себѣ мечтать о какихъ-то правахъ по поводу ея вчерашняго обращенія съ нимъ. Она отвѣтила скорѣе съ печалью, чѣмъ съ гнѣвомъ:

«Что же я могу сдѣлать?

И она ушла, подъ предлогомъ, что должна повидаться съ [illegible]цомъ. Поланецкій остался одинъ, оттолкнулъ собакъ, кото[illegible] снова попытались ласкаться къ нему, и разозлился окончатель[illegible].

«Что это такое? — мысленно спрашивалъ онъ самого се[illegible] Вчера хорошо, сегодня скверно! Совсѣмъ другая женщина. И все это глупо, какъ пошло! Вчера—родственникъ, сегодня—к[illegible] торъ! Что ей за дѣло до этого? Зачѣмъ она третируетъ мен[illegible]

собаку? Ограбилъ я кого-нибудь, что ли? Она и вчера знала, зачѣмъ я пріѣхалъ. Хорошо же! Вы хотите видѣть во мнѣ кредитора, а не Поланецкаго? Отлично! Чтобъ чортъ побралъ все это дѣло!»

Мариня прибѣжала въ комнату отца. Панъ Плавицкій уже всталъ и сидѣлъ въ халатѣ у стола, заваленнаго бумагами. На минуту онъ оторвался, чтобъ отвѣтить на привѣтствіе дочери, но потомъ тотчасъ же углубился въ свое занятіе.

— Папа,—сказала Мариня,—я пришла поговорить о панѣ Поланецкомъ... вы какъ?...

Но онъ перебилъ ее, не сводя глазъ съ бумаги:

— Я твоего Поланецкаго сожму въ рукѣ, какъ воскъ.

— Я сомнѣваюсь, что это такъ легко. Наконецъ, я хотѣла бы, чтобъ вы ему заплатили раньше всѣхъ, хотя бы съ величайшими пожертвованіями.

Панъ Плавицкій повернулся, посмотрѣлъ на Мариню и холодно спросилъ:

— Извини. Это опека надъ нимъ или надо мною?

— Это вопросъ нашей чести.

— Въ чемъ, какъ ты думаешь, я нуждаюсь въ твоемъ совѣтѣ?

— Нѣтъ, папа, но...

— Что за патетичный день! Что съ тобою?

— Я только умоляю васъ всѣмъ на свѣтѣ.

— И я также умоляю тебя, чтобъ ты оставила меня. Ты отстранила меня отъ хозяйства, и я уступилъ, потому что тѣ два года, которые остается мнѣ жить, я не хочу спорить съ родною дочерью. Но оставь мнѣ хоть этотъ уголъ въ домѣ, хоть эту единственную комнату и позволь устраивать тѣ дѣла, которыя устраиваются здѣсь.

— Папа, дорогой, вѣдь, я прошу только...

— Чтобъ я перешелъ на хуторъ? Въ какой избѣ прикажешь мнѣ жить?

Панъ Плавицкій, говоря о «патетическомъ» днѣ, очевидно, не хотѣлъ, чтобы кто-нибудь дѣлилъ съ нимъ монополію, привсталъ въ своемъ персидскомъ халатѣ, словно король Лиръ, и схватился за ручки кресла, давая знать непочтительной дочери, что безъ этой опоры онъ, пораженный ея непочтительностью, повергся бы на землю. Слезы набѣгали на глаза Марини, а горькое сознаніе собственнаго безсилія охватывало ея сердце. Съ минуту простояла она, борясь съ горемъ и едва удерживая рыданія, потомъ тихо сказала:

— Простите меня, папа,—и вышла изъ комнаты.

Черезъ четверть часа въ ту же дверь, по приглашенію хозяина,

вошелъ Поланецкій, злой, раздраженный, но усиливающійся сдерживать себя.

Панъ Плавицкій поздоровался съ нимъ, усадилъ его на заранѣе приготовленный стулъ и спросилъ:

— Стахъ, во всякомъ случаѣ, ты не сожжешь этотъ домъ? Меня, который раскрылъ тебѣ объятія какъ родственникъ, не зарѣжешь? Дитя мое не сдѣлаешь сиротою?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Поланецкій,—домъ я не сожгу, васъ не зарѣжу и никакое дитя сиротою не сдѣлано. Я даже прошу васъ, чтобы вы не говорили со мной такимъ образомъ, потому что мнѣ это противно, а вамъ пользы никакой не принесетъ.

— Хорошо,—отвѣтилъ панъ Плавицкій, нѣсколько оскорбленный тѣмъ, что его тонъ и способъ выраженія не находитъ надлежащей оцѣнки,— помни только, что ко мнѣ и въ этотъ домъ ты пріѣзжалъ еще ребенкомъ.

— Я пріѣзжалъ потому, что меня привозила мать, а она пріѣзжала послѣ смерти тети Елены потому, что вы не платили процентовъ. Но все это не имѣетъ никакого отношенія къ дѣлу. Закладная существуетъ уже двадцать одинъ годъ. Съ недоплаченными процентами это составляетъ около двадцати четырехъ тысячъ рублей. Для круглаго счета скажемъ двадцать тысячъ ровно, эти двадцать тысячъ мнѣ необходимы; я за ними пріѣхалъ.

Панъ Плавицкій съ покорностью наклонилъ голову.

— За этимъ пріѣхалъ?... Да... Но почему же вчера ты былъ совсѣмъ другимъ, Стахъ?

Поланецкій, который полчаса назадъ задалъ такой же вопросъ паннѣ Маринѣ, даже подскочилъ на стулѣ, но сдержался еще разъ и сказалъ:

— Прошу васъ, перейдемъ къ дѣлу.

— Я не отступаю отъ него, только позволь мнѣ сказать нѣсколько словъ и не перебивай меня. Ты говоришь, я не платилъ процентовъ. Правда. Но знаешь ли ты, почему? Твоя мать отдала мнѣ не все свое состояніе, да и не могла сдѣлать этого безъ разрѣшенія семейнаго совѣта. Можетъ быть, тѣмъ хуже для васъ... ну, да дѣло не въ томъ. И такъ, взявъ эти деньги, я сказалъ себѣ: женщина осталась одна на бѣломъ свѣтѣ, съ единственнымъ ребенкомъ,—неизвѣстно, какъ она устроится, неизвѣстно, что выпадетъ на ея долю,—пускай эти деньги останутся ея запаснымъ фондомъ, пусть онѣ ростутъ... пригодятся ей современемъ. И съ той поры я сталъ какъ бы вашею сберегательною кассой. Твоя мать дала мнѣ двѣнадцать тысячъ, теперь ты имѣешь за мной пять

двадцать четыре. Вотъ результаты. А теперь: неужели ты заплатишь мнѣ неблагодарностью?

На это Поланецкій отвѣтилъ:

— Дорогой дядюшка, пожалуйста, не считайте меня ни за дурака, ни за сумасшедшаго. Я вамъ скажу прямо: не поймаете вы меня на эту мякину. Вы говорите, что у меня двадцать четыре тысячи, гдѣ же онѣ? Я требую ихъ... и, пожалуйста, безъ болтовни, да еще такого сорта!

— А я требую отъ тебя терпѣнія и умѣренности,—съ достоинствомъ и видомъ оскорбленной гордости сказалъ панъ Плавицкій.

— Мой товарищъ черезъ мѣсяцъ вноситъ двадцать тысячъ на извѣстное дѣло, и я долженъ внести столько же. Я говорю это ясно и заявляю, что послѣ двухлѣтней безсмысленной переписки я не могу и не буду ждать больше.

Панъ Плавицкій положилъ локти на столъ, закрылъ лицо руками и молчалъ. Поланецкій смотрѣлъ на него, ждалъ отвѣта,—смотрѣлъ съ негодованіемъ все болѣе и болѣе возростающимъ и думалъ про себя: что, онъ дуракъ или пройдоха? эгоистъ, такъ влюбленный въ себя, что и добро, и зло мѣряетъ только мѣркою своей выгоды, или все это вмѣстѣ?

А панъ Плавицкій все держалъ лицо закрытымъ и молчалъ.

— Наконецъ, я хотѣлъ бы знать что-нибудь,—началъ Поланецкій.

Но панъ Плавицкій только махнулъ рукой, давая знать, что хочетъ еще остаться съ своими мыслями.

Вдругъ онъ поднялъ свой сіяющій ликъ.

— Стахъ, зачѣмъ мы съ тобой ссоримся, когда намъ представляется такой простой выходъ?

— Какой?

— Бери мергель.

— Что?

— Привези сюда своего компаньона, привези какого-нибудь спеціалиста, мы оцѣнимъ мой мергель и составимъ компанію втроемъ. Твой... какъ онъ тамъ называется? Бигель, что ли?... заплатитъ мнѣ столько, сколько придется на его долю, ты или что-нибудь доплатишь, или нѣтъ, а польза можетъ быть огромная.

Поланецкій всталъ.

— Извините меня,—сказалъ онъ,—къ одной вещи я не привыкъ, это именно, чтобы кто-нибудь насмѣхался надо мною. Я не хочу вашего мергеля, я требую только свои деньги, а то, что вы мнѣ говорите, я считаю просто за недостойныя или безумныя увертки.

Наступилъ моментъ тяжелаго молчанія. Юпитер
началъ омрачать чело и брови пана Плавицкаго. С
бомбардировалъ дерзкаго своими очами, потомъ подб
нѣ, на которой висѣло оружіе, схватилъ охотничій
ван его Поланецкому, изрекъ:

— Есть и другой способъ: рази!

Онъ широко размахнулъ халатъ, но Поланецкій,
дѣющій собой, оттолкнулъ руку вмѣстѣ съ ножомъ
громкимъ голосомъ:

— Это просто пошлая комедія, ничего больше! С
тратить и слова, и время. Я уѣзжаю, довольно съ м
вашего Кшемеця, но я довожу до вашего свѣдѣнія, что
зію продамъ хотя бы за полцѣны первому попавшем
торый съумѣетъ поладить съ вами.

Правая рука пана Плавицкаго воздвиглась то
жестомъ:

— Иди! — сказалъ онъ, — продавай! Впусти жи
гнѣздо, но памятуй, что проклятія мое и тѣхъ, которы
найдутъ тебя повсюду!

Поланецкій выбѣжалъ изъ комнаты блѣдный отъ
нился, на чемъ свѣтъ стоитъ, отыскивая шляпу. Ш
и онъ хотѣлъ выйти посмотрѣть, не пріѣхала ли брич
гостиной отворилась и вошла Мариня. При видѣ ея П
много укротился, но, вспомнивъ, что она ведетъ въ
дѣла, сказалъ:

— Прощайте. Дѣло съ вашимъ батюшкой я око
ѣхалъ сюда за своею собственностью, а онъ сначала
благословеніемъ, потомъ мергелемъ, а потомъ проклят
способъ платить долги!...

Была минута, когда Мариня хотѣла протянуть ем
зать: «Я понимаю вашъ гнѣвъ; за минуту я также
умоляла его заплатить вамъ раньше всѣхъ. Поступа
съ Кшеменемъ какъ вамъ будетъ угодно, но не обвин
думайте, что я принадлежу къ заговору противъ ва
мнѣ хоть каплю уваженія». И ея рука уже готова бы
ся впередъ, слова готовы были слетѣть съ губъ, когд
кипятясь все болѣе и снова теряя спокойствіе духа,

— Я сообщилъ вамъ это потому, что когда въ
хотѣлъ поговорить съ вами, вы оскорбились и отос
своему отцу. Я очень благодаренъ за этотъ совѣтъ,

онъ принесъ вамъ пользы больше, чѣмъ мнѣ, то я о будущемъ подумаю самъ.

Губы Марини побѣднѣли, въ глазахъ показались слезы негодованія и сознанія глубокой обиды. Она подняла голову и сказала:

— Вы можете оскорблять меня сколько угодно,—за меня никто не вступится...

Она повернулась къ дверямъ, съ душою, полною униженія и почти отчаянія. Вотъ каковы плоды ея труда, въ который она вкладываетъ всѣ свои силы, весь энтузіазмъ своей молодой, безхитростной души. Поланецкій замѣтилъ, что онъ перешелъ всѣ границы. Онъ былъ очень отходчивъ, поэтому въ одну минуту отъ гнѣва перешелъ къ сожалѣнію и хотѣлъ было бѣжать за нею, просить прощенія, но было поздно. Мариня уже вышла изъ комнаты.

Это повергло его въ новый припадокъ злости. Но на этотъ разъ онъ злился и на самого себя. Не простившись ни съ кѣмъ, онъ сѣлъ въ бричку и выѣхалъ изъ Кшеменя. Въ душѣ его клокоталъ такой гнѣвъ, что одно время онъ не могъ думать ни о чемъ, какъ только о мести. «Продамъ свою закладную, хотя бы за треть цѣны,—повторялъ онъ себѣ, — пусть васъ растащутъ по кускамъ! И даже если не нужно будетъ, все-таки, продамъ, на зло вамъ!»

Поланецкій не былъ изъ числа тѣхъ людей, которые не сдерживаютъ обѣщаній, данныхъ кому бы то ни было, самому себѣ или другому человѣку. Теперь его интересовало только одно, найдется ли охотникъ пріобрѣсти его претензію. Это было не легко: для того, чтобы получить деньги по закладной, нужно было, въ буквальномъ смыслѣ, разгрызть Кшемень.

Бричка выѣхала уже изъ аллеи на открытое пространство. Поланецкій, нѣсколько успокоившійся, началъ вновь думать о Мариньѣ, но думы его складывались въ какую-то странную мозаику. Тутъ смѣшивалось и впечатлѣніе, какое произвели на него ея лицо и фигура, и воспоминаніе о вчерашнемъ разговорѣ, и озлобленіе, и состраданіе, и, наконецъ, недовольство самимъ собою. Послѣднее было сильнѣе всего и еще болѣе заставляло его негодовать на Мариню. Но по временамъ одно чувство брало верхъ надъ другими и окрашивало ихъ своимъ цвѣтомъ. То ему припоминалась высокая фигура Марини, ея глаза, ея темные волосы, ея красиво очерченный, хотя, можетъ быть, и немного большой ротъ, наконецъ, выраженіе ея лица,—и тогда его охватывалъ порывъ симпатіи къ ней. Онъ думалъ, что отъ нея вѣетъ удивительно чистою дѣвственностью, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и въ губахъ ея, и въ плечахъ, и во всѣхъ очертаніяхъ кроется что-то женственное, и это влечетъ къ

ней съ неудержимою силой. Онъ припомнилъ ея мягкій голосъ, ея спокойный взглядъ, ея несомнѣнную доброту. Тогда, при мысли, какъ онъ былъ рѣзокъ съ нею, какимъ тономъ говорилъ, Поланецкій начиналъ бранить себя. «Если ея отецъ — старый ломака, комедіантъ и глупецъ,—говорилъ онъ самому себѣ,—и если она все это чувствуетъ, тѣмъ несчастіе ея больше. Что же слѣдуетъ изъ этого? А то, что каждый человѣкъ съ малѣйшимъ намекомъ на сердце понялъ бы это, сжалился бы надъ ней, не нападалъ бы на бѣднаго ребенка, а я этого не понялъ!» И ему хотѣлось надавать себѣ пощечинъ, потому что онъ понималъ, какой бы оборотъ приняло дѣло при другихъ условіяхъ, какъ бы они сблизились, какая бы удивительная нѣжность водворилась между ними, еслибъ онъ, послѣ грызни съ ея отцомъ, отнесся бы къ ней какъ слѣдуетъ, то-есть съ величайшею деликатностью. Да, да... она, прощаясь, подала бы ему обѣ руки, онъ бы поцѣловалъ ихъ, и они разошлись бы какъ близкіе люди. «Чтобъ черти побрали всѣ деньги, — мысленно повторялъ онъ, — а теперь пускай они возьмутъ и меня!» Онъ чувствовалъ, что натворилъ вещей, которыхъ уже нельзя поправить; это сознаніе лишало его послѣдняго нравственнаго равновѣсія и еще сильнѣе толкало на ту дорогу, неправильность которой была ему очевидна. И снова онъ начиналъ произносить тѣ монологи: «Если все пропало, то пусть все и провалится сквозь землю. Продамъ закладную какому-нибудь жиду,—пусть онъ ихъ слопаетъ, выброситъ на улицу, пускай старикъ идетъ въ чиновники, а она въ гувернантки или замужъ за Гонтовскаго»... И онъ сразу почувствовалъ, что согласится на что угодно, только не на это. Гонтовскій!... да онъ ему шею на сторону свернетъ. Пусть ее беретъ кто угодно, только не такой медвѣдь, не такой дуракъ, не такой болванъ... И на голову бѣднаго Гонтовскаго посыпался цѣлый рядъ подобныхъ эпитетовъ, какъ будто онъ былъ виною всего. Поланецкій пріѣхалъ на желѣзно-дорожную станцію въ такомъ людоѣдскомъ настроеніи, что встрѣть онъ Гонтовскаго, то, какъ другой Уголино, впился бы ему зубами «туда, гдѣ черепъ сростается съ плечами». Къ счастію, вмѣсто черепа Гонтовскаго, онъ увидалъ нѣсколько желѣзно-дорожныхъ служащихъ, нѣсколько крестьянъ, нѣсколько мужиковъ и, въ углу, умное, исхудалое лицо [illegible] вѣтника Ямиша, который, благодаря своему знакомству съ служащими, увелъ его къ себѣ, въ отдѣльное купе.

— Я зналъ еще вашего отца,—заговорилъ онъ, когда поѣзд[illegible] тронулся,—и зналъ въ блестящіе дни его существованія. М[illegible] жена—его сосѣдка. Помню, тогда ему принадлежали Змихув[illegible],

Бженчонца, Моцаже и Розводы въ Люблинской губерніи. Хорошее состояніе! Вашъ дѣдъ былъ однимъ изъ крупныхъ землевладѣльцевъ въ той мѣстности, но это должно было перейти въ другія руки.

го было уже давно. Мой отецъ при жизни потерялъ все ояніе. Онъ былъ человѣкъ болѣзненный, жилъ въ Ниццѣ, ъ не наблюдалъ,—все и ушло межъ пальцевъ. Еслибъ не ю, которое мать получила послѣ его смерти, намъ пришлось бы плохо.

— Но вы хорошо ведете свои дѣла. Я знаю вашъ торговый домъ и былъ съ вами въ сношеніяхъ черезъ Абдульскаго по поводу хмеля.

- Абдульскій былъ вашимъ коммиссіонеромъ?

- Да, и я остался очень доволенъ. Вы отнеслись ко мнѣ хо- и я вижу, что вы ведете дѣла какъ слѣдуетъ.

- Иначе и нельзя, никто не удержится. Мой компаньонъ, Би- порядочный человѣкъ, да и я не какой-нибудь панъ Пла- ł.

- Какъ это такъ?—заинтересовался Ямишъ.

)ланецкій, еще не остывшій отъ раздраженія, разсказалъ ему ало.

- Гм...—протянулъ Ямишъ,—если вы говорите о панѣ Пла- мъ такъ откровенно, то позвольте и мнѣ поступать такъ же, онъ и сродни вамъ.

- Самъ онъ мнѣ вовсе не сродни; его первая жена была род- ницей и другомъ моей матери,—вотъ и все.

- Я его знаю со временъ его дѣтства. Это скорѣе человѣкъ ченный, чѣмъ злой. Онъ былъ единственнымъ сыномъ, по- отецъ съ матерью страшно избаловали его, а потомъ бало- вены. Обѣ онѣ были женщины тихія, кроткія, для обѣихъ онъ божествомъ. Цѣлые годы вещи складывались такъ, что онъ солнцемъ, вокругъ котораго вращаются другія планеты, и, на- ъ, пришелъ къ убѣжденію, что онъ можетъ требовать отъ мі- , а люди отъ него ничего. При такихъ условіяхъ, когда зло и измѣряешь только мѣркою собственнаго удобства, нѣтъ ни- кегче, какъ потерять моральный смыслъ. Плавицкій — это торжественности и распущенности: торжественности потому, вчно курить себѣ ениміамъ, распущенности потому, что позво- себѣ рѣшительно все. Это почти стало его второю натурой. ъ обстоятельства измѣнились къ худшему, подошли тяжелыя на, съ которыми можетъ бороться только человѣкъ съ харак-

теромъ, а у него характера никогда не было. Началъ онъ прибѣгать къ разнымъ увертkамъ и, въ концѣ-концовъ, привыкъ къ нимъ. Насъ, панъ Поланецкій, земля облагораживаетъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, земля и портитъ. Мнѣ одинъ мой знакомый,—банкротъ онъ былъ,—говорилъ: «это не я верчусь, это мое состояніе вертится, а я только за него говорю». И это отчасти вѣрно. Въ нашемъ дѣлѣ болѣе разочарованія, чѣмъ въ какомъ-нибудь другомъ.

— Представьте себѣ,— отвѣчалъ Поланецкій, — хотя я веду родъ свой отъ земли, но не чувствую ни малѣйшаго желанія заняться земледѣліемъ. Я знаю, что оно будетъ, потому что должно быть, но въ его теперешней формѣ я не вижу для него никакой будущности. Вы всѣ должны погибнуть.

— Я тоже смотрю на все это не черезъ розовыя очки. Я не говорю о томъ, что вообще во всей Европѣ земледѣліе стоитъ на низкомъ уровнѣ,—подумайте только вотъ о чемъ: у помѣщика четверо сыновей,—значитъ, каждый изъ нихъ получитъ только четвертую часть отцовскаго состоянія. А какъ обставлено дѣло? Каждый, привыкшій къ отцовской нормѣ жизни, хочетъ жить, какъ жилъ отецъ,—значитъ, развязку легко предвидѣть. Еще примѣръ: если у помѣщика четверо сыновей, то болѣе способные избираютъ различныя спеціальности, а при землѣ,—я готовъ держать пари,—остается наименѣе способный. Въ-третьихъ, то, что цѣлый рядъ поколѣній заработалъ, промотаетъ одна шальная голова. Въ-четвертыхъ, мы не дурные сельскіе хозяева, но плохіе администраторы, а хорошая администрація значитъ больше хорошей обработки поля. Какое же отсюда заключеніе? Земля остается, а мы, которые являемся ея представителями подъ видомъ крупныхъ землевладѣльцевъ, должны уйти отъ нея. Уйти-то мы уйдемъ, но, можетъ быть, современемъ и вернемся.

— Какъ это такъ?

— Вотъ вы говорите, что васъ не тянетъ къ землѣ: это—заблужденіе. Земля притягиваетъ, и притягиваетъ съ такою силой, что каждый человѣкъ, вошедшій въ извѣстный возрастъ и нажившій себѣ извѣстное состояніе, не можетъ противиться желанію пріобрѣсти хоть клочокъ земли. И съ вами будетъ то же самое. И это очень естественно. Наконецъ, на всякое богатство, кромѣ земли, можно смотрѣть какъ на фикцію. Изъ земли все выходитъ и все существуетъ только для нея. Какъ банковый билетъ есть ничто иное, какъ квитанція на металлическую монету, лежащую въ государственномъ банкѣ, такъ и промыселъ, и торговля, и что вы хотите, ничто иное, какъ видоизмѣненная форма земли. Что же а-

сается васъ, которые вышли изъ нея, то вы должны къ ней и вернуться.

— Я, по крайней мѣрѣ, не думаю.

— Какъ вы можете знать? Теперь вы заботитесь о томъ, что бы нажить состояніе, а когда вы наживете его, тогда что? Полянецкіе были земледѣльцами,—теперь одинъ изъ нихъ избралъ себѣ другую спеціальность. Большая часть дѣтей земледѣльцевъ должна идти такъ же, потому что иначе нельзя. Часть ихъ пропадетъ, часть добьется извѣстнаго положенія и вернется, — вернется не только съ деньгами, но и съ новою энергіей и съ тѣмъ запасомъ административныхъ знаній, которыя вырабатываются спеціальными профессіями,—возвратится, благодаря тому притяженію, которое оказываетъ земля, наконецъ, благодаря чувству обязанности, о которомъ мнѣ нѣтъ надобности говорить вамъ.

— Въ томъ, что вы говорите, есть и хорошая сторона. Значитъ, мой дядюшка - не - дядюшка, Плавицкій, тоже принадлежитъ имъ, обреченнымъ на гибель?

ъ Ямишъ задумался на минуту, потомъ сказалъ:

Нитка тянется и тянется, пока не оборвется, но, нако-олжна будетъ оборваться. Они, по моему мнѣнію, не удер-шемень, хотя бы и распродали Магерувку по участкамъ. нѣ жаль, такъ это Мариню. Хорошая, добрая дѣвушка. Вы ете, что старикъ, два года назадъ, хотѣлъ продать Кше-переѣхать въ городъ, а если не продалъ, то отчасти по нію Марини. Потому ли, что ей дорога память матери, кото-оронена тамъ, потому ли, что она начиталась объ обязан-держаться земли, но только Мариня дѣлала, что могла, что-допустить продажи имѣнія. Бѣдняжка вообразила, что нуж-ко посвятить всѣ свои силы труду, чтобы добиться желае-зультата. И дѣйствительно, она отреклась отъ всего свѣта ременя. Для нея будетъ страшный ударъ, когда, наконецъ, рвется, а она должна порваться... Жалко, она такъ моло-

Вы добрый человѣкъ, панъ совѣтникъ!—воскликнулъ По-ій со свойственною ему живостью.

рикъ усмѣхнулся.

Я люблю эту дѣвочку, она моя ученица по агрономиче-сти. Скучно будетъ, когда ея не станетъ.

анецкій закусилъ усы и сказалъ:

Пусть выйдетъ замужъ за кого-нибудь изъ сосѣдей, тогда ется.

— Выйдетъ, выйдетъ... Развѣ это такъ легко дѣвушкѣ безъ приданаго? Кто у насъ женихи? Гонтовскій? Этотъ бы взялъ ее. Добрый человѣкъ и вовсе не такой ограниченный, какъ говорятъ о немъ. Но у нея нѣтъ любви къ нему, а безъ любви она не выйдетъ замужъ. Ялбжиковъ—маленькое имѣніе, а старику, притомъ, кажется, что Гонтовскіе ниже Плавицкихъ, да и Гонтовскій въ это увѣровалъ. Вы знаете, какъ это дѣлается у насъ: тотъ считается знатнымъ человѣкомъ, кому угодно считаться такимъ. Посмѣются, посмѣются, а потомъ повѣрятъ. Кромѣ того, одинъ задираетъ носъ потому, что наживаетъ состояніе, другой потому, что растрачиваетъ его, да ему ничего другого и не остается. Ну, да объ этомъ говорить нечего. Я знаю только одно: кто возьметъ Мариню, тотъ возьметъ жемчужину.

Поланецкій въ эту минуту и самъ чувствовалъ, что это такъ. Онъ погрузился въ задумчивость и началъ воображать себѣ Мариню.

И вдругъ ему представилось, что онъ будетъ скучать по ней, но онъ вспомнилъ, что такія вещи случались уже не разъ, а потомъ время разсѣивало эти иллюзіи. Тѣмъ не менѣе, онъ думалъ о ней и тогда, когда поѣздъ подходилъ къ станціи, и, выходя изъ вагона въ Варшавѣ, ворчалъ сквозь зубы:

— И какъ все это глупо сложилось, какъ глупо!...

В. Л.

(Продолженіе слѣдуетъ).

одный судъ въ Западной Руси.

(Историческій очеркъ).

I.

да?»—спрашиваетъ себя современный человѣкъ. Человѣку было дѣлать такихъ вопросовъ: онъ, и не оглядываясь, что за плечами его стоятъ правда и кривда и своею о борьбой направляютъ его шаги по жизненному пути но:

авда, которую инстинктивно ощущаетъ въ себѣ современ-же самая правда, которою жили люди безчисленныхъ лѣній? Да, повидимому. «Не дѣлай другому того, чего дѣлали другіе», какъ правило поведенія, и «положи душу оя», какъ идеалъ,—вотъ основные и вѣчно неизмѣнные вѣческой правды.

ы эти два основныхъ положенія правды и морали, тѣ я они вступаютъ со свойствами человѣческой природы образіемъ внѣшнихъ условій, образуютъ безконечно при-копъ. Однако, несмотря на всю эту причудливость, въ вленіяхъ его сочетаній можно усмотрѣть извѣстную пра-

ть человѣка внѣ общества, но первые общественные хъ она его усматриваетъ, суть союзы кровнаго родства. ская правда безвыходно заключена въ предѣлы подоб-го нѣтъ ни права, ни нравственности, внѣ—дикая пу-, ужасъ лишь голыхъ зоологическихъ отношеній. Но воей человѣчности, рано выводится изъ этой исключи-ти. Когда же люди разныхъ родовыхъ группъ сталки-юбой, неизбѣжно возникаютъ положенія, при которыхъ а зрѣнія является неудобной или невыгодной. Но, между ожна еще и гуманитарная точка зрѣнія, практикующая-о союза. Отсюда та условная правда, правда компро-

миссa, которая укрываетъ собою насиліе и произволъ,—однимъ словомъ, правда для чужихъ. Если человѣкъ, подталкиваемый страстью, совершаетъ посягательство на своего ближняго, совсѣмъ различныя послѣдствія вытекаютъ для него, смотря по тому, къ своей или чужой группѣ принадлежитъ этотъ ближній. Преступленіе внутри родовой группы можетъ влечь за собой какое-нибудь патріархальное наказаніе виновника съ цѣлью устрашенія его или умилостивленія разгнѣванныхъ пенатовъ,—въ крайнемъ случаѣ, изгнаніе преступника изъ родового союза, самый тяжелый видъ несчастія, какое могло постигнуть человѣка, такъ какъ онъ въ этомъ случаѣ не-только всецѣло лишался всѣхъ благъ соціальной жизни, но и покровительства своихъ родовыхъ боговъ, передавался во власть враждебныхъ духовъ, всюду сторожившихъ человѣка за предѣлами его родовой территоріи. Посягательство на ближняго изъ иной родовой группы, чужого, имѣло характеръ произвольнаго нарушенія заключеннаго мира. Первымъ послѣдствіемъ такого нарушенія была месть со стороны обиженнаго виновнику и его роду,—месть во весь неудержъ оскорбленнаго чувства; дальнѣйшимъ—какая-нибудь сдѣлка, которою могла бы быть въ достаточной мѣрѣ удовлетворена обиженная сторона. Здѣсь царитъ принципъ возмездія: пусть обиженный какою бы то ни было монетой,—кровью оскорбителя, его скотомъ и другимъ добромъ,—но непремѣнно получитъ все, чѣмъ можетъ быть удовлетворено его оскорбленное чувство.

Такимъ образомъ, въ генезисѣ права мы имѣемъ двѣ исходныхъ точки, образующихъ два параллельныхъ теченія въ его дальнѣйшемъ развитіи. Теченія эти сталкиваются, переплетаются, наконецъ, окончательно сливаются. Исторія права до сихъ поръ, повидимому, ничего не знаетъ объ этомъ двойственномъ процессѣ. Лишь въ послѣднее время въ замѣчательномъ изслѣдованіи М. М. Ковалевскаго о правѣ осетинъ *) обнародованы чрезвычайно интересные факты, выясняющіе этотъ предметъ, а также и нѣкоторые выводы, сдѣланные на ихъ основаніи почтеннымъ ученымъ. Въ наши цѣли не входитъ останавливаться на этомъ предметѣ. Намъ интересна одна лишь его сторона, а именно вотъ какая.

Два теченія въ развитіи права должны были вызвать къ жизни и два типа правовыхъ учрежденій. Такъ оно и было. Въ то время, какъ членовъ родового союза судило собраніе родичей или родовая старѣйшина, для рѣшенія столкновеній между членами разныхъ союзовъ должны были возникать приспособленные къ потребностямъ дѣла институты. Такимъ институтомъ былъ, прежде всего, добровольно избранный сторонами судъ посредниковъ, судъ знающихъ людей, за которыми признавались особенныя знанія, проницательность или одаренность (брегоны у древнихъ кельтовъ, біи у современныхъ киргизъ и т. д.), судъ жрецовъ. Въ концѣ-концовъ, въ роли такого посредника, естественно, очутилось государство и его верховный

*) *Современный обычай и древній законъ. Обычное право осетинъ въ историко-сравнительномъ освѣщеніи*, Москва, 1886 г.

ликій князь или король у славянскихъ племенъ. Но отсюда
блать того вывода, который обыкновенно дѣлается нашею
кой, что съ самаго начала исторической жизни славянскихъ
вательно, и русскаго, судебная власть находилась въ ру-
царства,—нельзя тѣмъ болѣе, что родовые союзы, даже и
они обратились въ союзы территоріальные, имѣли свои
тѣ союзы, которые образовывались съ разнообразными
ину родовыхъ: «а братчина судитъ какъ судья»,—говоритъ
грамота. Конечно, на сферу компетенціи этихъ судовъ
остирать свои ограничивающія стремленія и политическая
ь. Но несомнѣннымъ свидѣтелемъ того, насколько суды
и жизненны, служитъ наше богатое обычное право: слиш-
то оно могло возникнуть лишь путемъ правильной много-
авовой практики. Что дѣятельность этихъ судовъ могла
напластованіемъ правовыхъ понятій въ сознаніи народ-
кипами писанной бумаги на полкахъ архивовъ, это по-
вообще говоря, не нуждались въ записяхъ. Но, благода-
торической случайности, у насъ есть документы, каса-
ушпы такихъ судовъ, такъ что мы можемъ говорить о
основаніи догадокъ, а на основаніи фактическихъ данныхъ.

етъ 18-й томъ *Актовъ виленской археографической ком-*
ощій въ себѣ *Акты о копныхъ судахъ*. Нашей истори-
езъизвѣстны эти суды, суды народныхъ сходокъ, имѣв-
товской Руси. Иванишевъ, на основаніи найденныхъ имъ
копныхъ декретовъ, написалъ свое очень извѣстное из-
ьинное имъ не совсѣмъ точно, или, вѣрнѣе сказать, со-
О древнихъ сельскихъ общинахъ въ Юго-западной Рос-
ишева еще найдено было нѣсколько документовъ, отно-
II стол. и къ Сѣверщинѣ, т.-е. Черниговской губ. Эти кру-
чѣмъ могла пользоваться наука въ своихъ заключеніяхъ
кденіи, интересъ котораго она не могла не признавать.
ніе виленской коммиссіи есть, по сравненію съ этими кру-
цая розсыпь: въ текстѣ 518 страницъ большого формата,
ъ себѣ около 450 документовъ, обнимающихъ періодъ отъ
, сохранившихся въ гродскихъ книгахъ брестскаго, мин-
слонимскаго и слуцкаго судовъ. Конечно, теперь уже можно
ъ предметѣ что-нибудь положительное.

лъ то, что называютъ критическою эпохой въ исторіи
о государства. Въ теченіе этого вѣка произошелъ коренной
стояхъ общественнаго строя, и этому-то обстоятельству
ѣмъ, что до насъ дошла такая масса копныхъ докумен-
спокойнаго органическкго развитія не возникало бы об-

стоятельствъ, побуждавшихъ къ оформливанію рѣшеній, къ внесенію ихъ въ гродскія книги, гдѣ они и сохранились.

Общественные устои въ литовско-русскомъ государствѣ XVI в. потрясались съ такою силой и измѣнялись съ такою быстротой, съ какою это возможно только при одномъ условіи: при сильномъ, подавляющемъ вліяніи на извѣстный соціальный организмъ другого, болѣе могучаго соціальнаго организма. Таковымъ былъ по отношенію къ Литовской Руси организмъ Польскаго государства. Высшая культурность, бо́льшая опредѣленность и законченность формъ и, наконецъ, чисто-внѣшнія, политическія условія,—все сошлось къ тому, чтобы подчинить Литовскую Русь, и подчинить всецѣло, не одною лишь политическою подчиненностью.

Строй Литовской Руси до XVI в. характеризовался двумя основными чертами: мелкимъ землевладѣніемъ и отсутствіемъ строгой междусословной разграниченности. Выраженіе «мелкое землевладѣніе» мы употребили исключительно лишь для оттѣненія его отличій отъ шляхетско-польской организаціи національнаго земельнаго хозяйства, но на самомъ дѣлѣ это было вотъ что. Большая часть разработанной земли,—которая составляла, конечно, лишь небольшіе куски, выхваченные изъ громадной дикой территоріи,—находилась въ рукахъ свободныхъ земледѣльцевъ, жившихъ отдѣльными родовыми или больше-семейными союзами, дворищами, огнищами. Это была, такъ сказать, основная общественная группа. Къ ней примыкала другая: перехожіе люди, лезные, тѣ, которые вышли по тѣмъ или другимъ обстоятельствамъ изъ большихъ кровныхъ союзовъ и не могли, по недостатку силъ и средствъ, сѣсть на дикую землю, а должны были обращаться къ кому-нибудь за разработанною землей, которую и получали на извѣстныхъ обязательствахъ. Самый низшій классъ населенія составляли невольники, о которыхъ не распространяемся. Внѣ этихъ группъ и сверху ихъ стоялъ немногочисленный правящій классъ, сильная аристократія, «князья» и «паны», включившая въ себя частью размножившихся потомковъ св. Владиміра и Гедимина, можетъ быть, также частью родовыхъ литовскихъ князей. Этотъ классъ только и былъ обособленъ, представляя изъ себя группу съ наслѣдственною привилегированностью, наслѣдственными правами и обязанностями по отношенію къ управляемой имъ массѣ. Все остальное были не сословія, а состоянія, свободно переходившія изъ одного въ другое. Нѣкоторую устойчивость придавала этому подвижному обществу лишь тяготѣвшая надъ нимъ военная организація, суровая и напрягавшая всѣ силы бѣднаго матеріально общества, поставленнаго въ крайне тяжелыя внѣшнія, политическія, условія. Вся воздѣлываемая земля несла на себѣ тягло военной службы: земля и служба сдѣлались, наконецъ, синонимами (въ смыслѣ пріуроченія опредѣленной военной повинности къ извѣстному району воздѣлываемой земли; отсюда выраженія: двѣ земли, двѣ службы, ½ земли, ½ службы).

Подъ гнетомъ суровой военной организаціи началось, еще независимо отъ вліянія Польши, нѣкоторое общественное дифференцированіе. Тѣ изъ

сидѣвшихъ на своихъ земляхъ, кто былъ сильнѣе и могъ самостоятельно отбывать военную повинность, оказались какъ бы въ привилегированномъ положеніи и стали называться земянами; кто же не могъ ее отбывать въ виду значительныхъ расходовъ, какія она требовала, тотъ долженъ былъ отправлять извѣстныя повинности въ пользу господаря (великаго князя или иного, удѣльнаго, владѣльца) или того, кому господарь находилъ нужнымъ или возможнымъ предоставить пользованіе этими повинностями, опять-таки подъ обязательствомъ службы. Изъ этой группы отчичей, вмѣстѣ съ тѣми, кто садился на чужой расчищенной землѣ, образовался классъ «людей», «мужей», тотъ слой, который наиближе соотвѣтствовалъ нашему понятію «народъ» и который въ Литовской Руси до поры до времени пользовался всѣми человѣческими правами въ томъ ихъ объемѣ, въ какомъ понимало эти права тогдашнее общество. Но на Литовскую Русь надвигался иной общественный строй съ равноправнымъ и полноправнымъ шляхетскимъ народомъ и съ совершенно безправною массой человѣческаго «быдла», вся цѣль существованія котораго была въ томъ, чтобы содержать этотъ народъ. Какія исключительныя условія создали этотъ совершенный въ своей возмутительной законченности строй,—это, вѣроятно, такъ и останется навсегда одною изъ множества историческихъ задачъ безъ рѣшеній. Но онъ долженъ былъ подавляюще вліять на тотъ незаконченный и расплывающійся строй, какой представляла собой Литовская Русь.

Конечно, «пановъ» и «князей» Литовско-Русской земли, съ ихъ владѣтельными правами, не могло особенно привлекать шляхетство, тѣмъ болѣе, что оно предполагало уравненіе ихъ съ тѣмъ классомъ, къ которому аристократія относилась какъ къ низшему и зависимому. Но для многочисленнаго и сильнаго класса земянъ шляхетство открывало врата земного рая, вознося ихъ на общественныя высоты и низвергая остальные классы въ преисподнюю. Всѣ условныя и случайныя отношенія зависимости, въ какихъ стояло къ земянамъ остальное населеніе, болѣе слабое матеріально, обращались шляхетскимъ правомъ въ узы крѣпостничества, передававшаго подданныхъ въ безотчетное распоряженіе владѣльца.

Люблинская унія дала окончательное торжество польскому праву въ Литовской Руси, но и до нея земяне усердно тянулись къ шляхетству: конечно, они видѣли покровительство въ своихъ домоганіяхъ со стороны верховной власти, для которой всякое соціальное объединеніе этихъ столь различныхъ по строю областей было прямымъ преддверіемъ желанной политической уніи.

Въ самомъ дѣлѣ, еще первая редакція литовскаго статута (1529 г.), правда, неопредѣленно и робко, но уже говоритъ о шляхтѣ, причемъ то подразумѣваетъ подъ шляхтою земянъ, то прилагаетъ это слово вообще къ высшему классу общества: видно, что съ этимъ словомъ еще не связалось никакое точно опредѣленное понятіе. Но уже вторая редакція, на три года предупредившая политическую унію, составлена въ духѣ этой уніи: здѣсь идетъ рѣчь о правахъ народа шляхетскаго, «заровно всихъ въ

томъ почитаючи отъ вельможнаго и до навбожшого шляхтича». Отсюда понятно, почему земяне еще и до люблинской уніи наклонны выбиваться изъподъ юрисдикціи копнаго суда. Но, тѣмъ не менѣе, обычай крѣпко держитъ ихъ въ своихъ тискахъ. Тѣ вѣковыя узы копныхъ обязательствъ, какими земяне были связаны со всѣми людьми и мужами своего сосѣдства, не могли быть разорваны такъ легко и свободно. И вотъ начинается броженіе, которое тянется цѣлое столѣтіе. Только благодаря этому броженію, мы имѣемъ томъ копныхъ документовъ, который даетъ намъ возможность заглянуть въ этотъ любопытный уголокъ старины. Какъ отразилось это броженіе на сознаніи и правовомъ чувствѣ массы, это другой вопросъ: деморализація и одной, и другой стороны, и побѣдителя, и побѣжденнаго, кажется, всегда была обычнымъ результатомъ классовой борьбы.

Копный судъ, захватывавшій въ предѣлы своего вѣдѣнія всѣхъ обывателей своего округа, своего сосѣдства, всѣхъ «спулечныхъ», «пограничныхъ» сосѣдей, необходимо предполагалъ въ своей идеѣ общественное равенство этихъ сосѣдей, если не экономическое, то юридическое. Панъ и его крѣпостной, какъ сосѣди, какъ равноправные члены судебной сходки—абсурдъ. Однако, надо было, все-таки, цѣлое столѣтіе, чтобы жизнь выяснила этотъ абсурдъ и уничтожила его своею непреложною логикой. Такая затяжка, конечно, обусловливалась и тѣмъ, что самое крѣпостное право не было фактомъ, осуществившимся сразу, однимъ актомъ законодательной власти. Въ тѣ времена государство еще было слишкомъ слабо для того, чтобы пересоздавать такъ общество, и старыя фактическія отношенія могли тянуться долгіе годы, лишь медленно уступая надавливанію со стороны новыхъ государственныхъ юридическихъ принциповъ, хотя бы даже за этими принципами стоялъ и перевѣсъ фактической силы. Но были и другія причины.

Конечно, узы обычая, связывавшія земянина и подданнаго въ одинъ общій союзъ копныхъ мужей, были бы разорваны гораздо скорѣе, если бы народившаяся шляхта была цѣльно въ этомъ заинтересована. Но дѣло не стояло такъ. Для каждаго, кто нуждался въ правосудіи, нуждался не въ возможности, а de facto пренебречь судомъ копы, съ его могучими ресурсами къ разслѣдованію преступленія, было просто неразсчетливо. И вотъ каждый земянинъ въ массѣ дѣлъ, входившихъ въ вѣдѣніе копы, предпочиталъ обращаться къ ней, какъ къ болѣе скорому и дѣйствительному способу возстановленія своего права. За то, наоборотъ, каждый, кто былъ заинтересованъ въ томъ, чтобы укрыть правонарушеніе, старался уклониться отъ копнаго суда и находилъ себѣ лазейку въ своей принадлежности къ шляхетскому сословію. Шляхтичъ-истецъ охотно идетъ на копу, но шляхтичъ-отвѣтчикъ ея избѣгаетъ,—вотъ обычная картина отношеній шляхты къ копному суду.

Любопытно слѣдить, какъ шелъ процессъ разложенія копы. Въ начальномъ процесса, относящемся приблизительно къ половинѣ XVI в., земяне, видимо, только что начинаютъ подозрѣвать, что имъ, въ случаѣ неудобствъ, уго-

ающихъ отъ копы, можно обойтись и «окромъ копнаго права», можно прибѣгнуть «къ уряду». «Я того суда вашего не ганю ани фалю (не порицаю и не одобряю) и его тежь слухать не хочу, але подьте до вряду» (39) *),—такъ говоритъ представителямъ копы одна земянка, недовольная копнымъ рѣшеніемъ. Вообще женщины раньше и энергичнѣе, «згордивши судомъ копнымъ», начали давать отпоръ притязаніямъ копы. «Выходить шляхтянцѣ на копу рѣчь неслушна» (неприличное дѣло), или: «я, смерде, вольность маю, ты мене негоденъ на копу позывати» (83, 91),—такъ отвѣчаютъ земянки, проникнутыя идеей своего новаго шляхетскаго достоинства. Мужчины такъ не отвѣчаютъ: пока еще они идутъ на копу, хотя и заявляютъ иногда, что идутъ «не водлугъ (не въ силу) права, а водлугъ сосѣдства», или изъ жалости, «будучи жалостливъ шкоды сосѣднее» (34, 191), идутъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда это безразлично для нихъ или даже противно ихъ интересамъ. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда это совпадаетъ съ ихъ интересами, они охотно подчиняются всѣмъ подробностямъ

бычая и откладываютъ на время въ сторону свое панское до-
, обращаясь къ коплянамъ, какъ къ людямъ себѣ равнымъ: «мои
панове-мужеве». Но время идетъ, а вмѣстѣ съ нимъ и роковой
Панъ уже не идетъ на копу, если это ему неудобно, не стѣс-
отношенію къ ней насмѣшками и угрозами, не принимаетъ упо-
къ листовъ, не пускаетъ въ свой дворъ посланныхъ отъ копы,
юсто прогоняетъ копу съ своей земли, стрѣляетъ въ нее и т. п.
141, 180). Но какъ ни разрушительно все это должно бы-
ь на правовое чувство массы, все-таки, не въ этомъ было
ло, разрушавшее копное право. Главное зло, главный источ-
ложенія непосредственно истекалъ изъ все усиливавшагося раз-
постного права. Сначала нѣтъ и намека на то, что панъ можетъ
какъ-нибудь вмѣшаться въ копныя дѣла своихъ подданныхъ: оно и не
ть иначе, пока подданные эти были мужи лично свободные, лишь
е по отношенію къ пану извѣстными, точно опредѣленными повин-
натуральными или денежными. Но мало-по-малу начинается вмѣ-
во. Панъ запрещаетъ своимъ подданнымъ какое-нибудь копное
по его мнѣнію, неудобное или недолжное, находитъ неудобнымъ
и иное время для копнаго собранія и проситъ копу отложить на
аконецъ, разсердившись на непріятный для него оборотъ суднаго
уводитъ съ копы своихъ подданныхъ. Отсюда одинъ шагъ до
и просто запрещаетъ своимъ подданнымъ выходить, «стано-
на копу; или беретъ насильно съ копы подсудимаго, своего под-
или не выдаетъ своего подданнаго, осужденнаго копой; или про-
зываетъ копѣ разойтись, если ея дѣйствія ему непріятны. Можетъ
при такихъ условіяхъ серьезная рѣчь объ отправленіи правосу-
дія народа такъ дорого было это его право, что онъ судорожно

—

*) скобкахъ № документа, изъ котораго сдѣлано извлеченіе.

цѣплялся за его жалкіе обломки, несмотря ни на что. Понемногу паны начали становиться на ту точку зрѣнія, почву для которой имъ давалъ законъ: что они есть отвѣтчики за своихъ подданныхъ передъ государствомъ и что, слѣдовательно, имѣютъ по отношенію къ нимъ и право суда. Панъ начинаетъ вчинать искъ отъ лица своихъ подданныхъ, обращаться съ жалобами на подданныхъ къ пану, и районъ копныхъ правъ все съуживается и съуживается. Копа понемногу становится орудіемъ панской власти, которому панъ можетъ приказывать отыскать виновнаго, подъ угрозой возложить на нее отвѣтственность.

И вотъ процессъ приходитъ къ своему концу. Мы во второй половинѣ XVII вѣка. Край пережилъ уже Хмельнищину или, по крайней мѣрѣ, дошедшіе изъ Украйны сюда на Литву ея отголоски. Уже не земянинъ и людинъ стоятъ рядомъ другъ съ другомъ, одинаково согнувшіеся подъ тяжелымъ государственнымъ ярмомъ, одинаково, въ качествѣ спулечныхъ сосѣдей, охраняющіе миръ и безопасность своего округа,—другъ противъ друга, съ взаимною ненавистью и вѣчною затаенною угрозой, стоятъ мужикъ, хамъ, «непріятель народу шляхетскаго», и панъ-шляхтичъ, охраняющій свою шляхетскую «утстивость» (достоинство), «на которой мужикъ, при своей мужичьей завзятости, всегда готовъ его, шляхтича, оскорбить» (255). Положеніе копы такое: хлопской копѣ, какъ категорически выражается одинъ документъ, не подлежитъ ни одинъ человѣкъ шляхетскаго званія. Но паны еще допускаютъ копу, какъ удобное орудіе предварительнаго судебнаго разслѣдованія. Въ этихъ только предѣлахъ она допустима у панскихъ подданныхъ. Но паны не забыли копы и ея преимуществъ и не прочь бы были устроить, по ея типу, свой собственный шляхетскій судъ: появляется «судъ пріятелей», который засѣдаетъ на старыхъ коповищахъ (обычныхъ мѣстахъ копныхъ сходокъ) и обращается за содѣйствіемъ къ хлопской копѣ. Но старая копа уже умерла; эти новые блѣдные ея призраки не могли возстановить ее, такъ какъ были лишены того, что только и давало копѣ такую силу: единодушія и единомыслія всѣхъ жителей копнаго сосѣдства, въ основѣ котораго лежали ихъ традиціонно-равноправныя взаимныя отношенія.

Тамъ же, гдѣ было необходимое для процвѣтанія копы условіе—свобода населенія, копа держалась долго: въ бывшей Сѣверщинѣ, т.-е. Черниговской губ., мы встрѣчаемся съ копнымъ судомъ, сохранившимъ еще всѣ свои живыя особенности даже и въ XVIII столѣтіи *).

II.

Копный судъ есть судъ народнаго собранія, копы, купы, громады, . Б-ча, какъ судъ этотъ называется въ болѣе раннихъ актахъ **).

---

*) *Кіевская Старина* 1885 г., кн. 10-я, стр. 2.

**) *Иванишевъ:* „О древнихъ сельскихъ общинахъ“. *Кулишъ:* „Исторія возсо. енія“, т. II, стр. 161.

актовъ, на которомъ мы основываемся, свидѣтельствуетъ о существованіи копныхъ судовъ въ Сѣверо-западномъ краѣ, на территоріи, главнымъ образомъ, русскаго племени, но частью и литовскаго. Сохранились свѣдѣнія о копахъ и въ Юго-западномъ краѣ, и въ Черниговской губ. Древнее ихъ происхожденіе и характеръ засвидѣтельствованы литовскимъ статутомъ *).

Соблазнительна мысль отождествить копный округъ съ вервью Русской Правды, но отъ этого соблазна слѣдуетъ благоразумно воздержаться. Родовою ли, кровною или сосѣдскою, территоріальною, связью была образована вервь, объ этомъ ничего нельзя сказать съ увѣренностью; но что копный округъ былъ союзомъ сосѣдства, территоріальнымъ, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Разумѣется, надо думать, что, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, это сосѣдство было ничто иное, какъ то же родство, потерявшее память о своей кровной связи. Люди помнили, что они «издавна о шкоды вшелякія зхаживалися» съ такими-то; но почему они сходились именно съ тѣми изъ своихъ территоріальныхъ сосѣдей, а не съ другими, объ этомъ они позабыли. Такимъ образомъ, сосѣдства эти или копные округи, при ихъ естественномъ происхожденіи и ростѣ, не могли имѣть одинаковыхъ размѣровъ. Когда копные суды уже начали приходить въ разложеніе, но еще цѣнились правительствомъ и признавались оффиціально, какъ удобное орудіе для преслѣдованія нѣкоторыхъ преступленій, въ концѣ XVI в. были правительственныя попытки дать копнымъ округамъ точно опредѣленные районы; по крайней мѣрѣ, въ Трокскомъ воеводствѣ назначены коповища (мѣста сходокъ), по преимуществу, въ большихъ населенныхъ пунктахъ и опредѣлены размѣры копной околицы «на всѣ стороны по мили» **). Исконныя же коповища бывали обыкновенно на границахъ селъ или отдѣльныхъ имѣній, въ точно опредѣленномъ урочищѣ: «подъ такими-то липами», «у бору, гдѣ есть звыклое мѣстце судовъ копныхъ», у такого-то прудца и т. д. Копа, собранная не на обычномъ коповищѣ, а тамъ, гдѣ «передъ тымъ отъ стародавнихъ вѣковъ николи копа не бывала», могла быть опротестована какъ незаконная: помимо обычныхъ коповищъ, копа могла собираться лишь въ извѣстныхъ случаяхъ на мѣстѣ преступленія.

И такъ, передъ нами территорія копнаго округа, приблизительно 75—150 кв. верстъ. Не слѣдуетъ удивляться такимъ ея размѣрамъ. Если принять во вниманіе естественную разрѣженность тогдашняго населенія, большое количество болотъ и лѣсовъ, то надо думать, что это относительно большое пространство далеко не вмѣщало въ себѣ даже населенія одной нашей волости среднихъ размѣровъ; это подтверждаютъ и попадающіяся

*) Третья редакція (1588 г.), разд. 14, арт. 9: „На Руси и инде, гдѣ здавна копы бывали, копы сбираны и отправованы быти маютъ, яко ся на Руси заховывало и заховуетъ".

**) Литовская миля=7,5 нашихъ версты. *Словарь древняго актоваго языка Сѣверо-западнаго края*, составленный Горбачевскимъ, стр. 216—217.

кое-гдѣ данныя о числѣ копныхъ сходатаевъ. Разбросан
ло по разработаннымъ имъ земельнымъ клочкамъ дворин
особенно во второй его половинѣ, когда уже значительно
санный нами процессъ общественнаго дифференцированія.
съ одной стороны, обратились въ земянскіе дворы, съ д
лись въ небольшія села и деревни; кое-гдѣ на территорі
попадалось и мѣстечко. Въ селахъ за единицу, какъ хоз
и правовую, принимался дворъ, — домохозяйство, заклю
сколько можно догадываться, большую семью; представи
домохозяинъ (мужъ), остальное была его «челядь».

Все внутри копнаго округа было проникнуто духомъ
именно духомъ, такъ какъ круговая порука была стихі
ношеній, а не учрежденіемъ. Домохозяинъ отвѣчалъ за
отвѣчало за каждый дворъ, копный округъ отвѣчалъ за
ніе. Кровная связь, естественный источникъ круговой по
осталось выросшее на почвѣ этой связи взаимное доб
довѣріе, знаніе другъ друга, основанное на сосѣдствѣ и
ресовъ, увѣренность во взаимной добросовѣстности. П
въ отправленіи копнаго правосудія могли только «зацны
ные), «вѣры годные», «добрые мужи»; не даромъ же и
«святой», а рѣшеніе ея «свентобливымъ» (благочестивы
что копный округъ имѣлъ какія-нибудь средства очища
певныхъ», «подейзреныхъ» членовъ, которые «негодны об
съ добрыми людьми», и вытѣснять ихъ въ категорію лезн
но не осѣдлыхъ) людей: не даромъ чувствуется такое п
тивъ лезныхъ. Но копный округъ держитъ себя на-сторо
отношенію къ лезнымъ,—всякій чужой человѣкъ, прох
предметъ его подозрительнаго вниманія. Случись какое-н
тое преступленіе въ округѣ, первымъ движеніемъ всѣхъ
узнать, не было ли гдѣ-нибудь прохожаго, не былъ ли
околицѣ гость изъ-за ея предѣловъ? И вотъ, если тотъ
такой гость, не поспѣшитъ заявить объ этомъ, не пре
гостя или не дастъ вполнѣ удовлетворительныхъ объяс
этого гостя, на него тѣмъ самымъ возлагается вина,
долженъ очищаться, какъ знаетъ, или принять на себя вс

Законъ въ лицѣ литовскаго статута предоставлялъ
пограничные споры, убійство безплеменнаго проѣзжаго
и разслѣдованіе кражи по слѣду. Но копа сама твердо зн
вѣдѣнія, и пока чувствовала подъ собою почву, не д
ограниченій. Кромѣ правонарушеній, указанныхъ литов
копа всегда вѣдала, и во всемъ ихъ объемѣ, многочисл
никавшія въ бортныхъ угодьяхъ изъ-за бортей, бортны
затѣмъ столкновенія изъ-за бобровыхъ гоновъ и вообще
промысловыхъ урочищъ и ухожаевъ. Если прибавить къ

относились всѣ дѣла по потравамъ и покосамъ, по захватамъ земли или лѣса, по захвату, угону, убійству скота, то можно сказать коротко, что копа охраняла всю арену хозяйственныхъ интересовъ своего округа. Сюда же примыкали дѣла по поджогамъ и въ особенности многочисленныя и разнообразныя дѣла по покражамъ на территоріи округа, кража хлѣба съ поля, скота, кража въ домахъ, коморахъ и вообще усадебныхъ постройкахъ. Наконецъ, мы встрѣчаемся въ копныхъ документахъ съ дѣлами объ убійствѣ, колдовствѣ, грабежахъ и побояхъ. Но всѣ ли подобныя преступленія, совершившіяся на территоріи копнаго округа, подлежали вѣдѣнію копы, или только нѣкоторыя, мы не можемъ ничего сказать. Вообще, чувствуется, что принципъ, объединяющій всѣ правонарушенія, подлежащія вѣдѣнію копы, есть прямая или косвенная связь ихъ съ землей округа. Въ высокой степени любопытно, что даже убійство могло разсматриваться съ этой точки зрѣнія, какъ «змаза грунту» (осквернение земли) (214).

Преступленіе нарушило спокойствіе копнаго округа; каждый полноправный членъ округа долженъ принимать участіе въ возстановленіи этого спокойствія. Но, тѣмъ не менѣе, никто не имѣетъ права вчинать дѣла, кромѣ обиженной или пострадавшей отъ правонарушенія стороны, въ дѣлахъ объ убійствѣ—кровные родственники. Даже при убійствѣ безплеменнаго проѣзжаго человѣка «могъ явиться въ качествѣ частнаго истца тотъ, на чьей землѣ лежалъ трупъ, какъ обиженный «змазой грунту». Истецъ могъ и прекратить начатое дѣло въ каждый данный его моментъ, включая даже тотъ, когда отвѣтчикъ уже «стоялъ на остатнемъ стопню шибеницы» (на послѣдней ступенькѣ висѣлицы). Однимъ словомъ, мы присутствуемъ еще при правовомъ строѣ, соотвѣтствующемъ той стадіи правоваго развитія, которая не знаетъ разницы между уголовнымъ и гражданскимъ порядкомъ: въ копномъ судопроизводствѣ едва можно разсмотрѣть нѣкоторые слабые намеки на эту разницу. Отвѣтчикъ еще не преступникъ, а шкодникъ, который долженъ, прежде всего, удовлетворить такъ или иначе—матеріально ли, деньгами, или нравственно, видомъ своимъ страданій—пострадавшаго отъ шкоды (шкода—имущественный ущербъ), и въ этомъ вся цѣль правосудія.

Если обиженный открывалъ преступленіе тотчасъ же по его совершеніи, «на горячемъ учинку», онъ сзывалъ ближайшихъ околичныхъ сосѣдей, и, такимъ образомъ, составлялась на мѣстѣ преступленія небольшая «горячая» копа: ея дѣломъ было произвести разслѣдованіе по горячимъ слѣдамъ. Но это разслѣдованіе лишь давало матеріалъ для настоящей большой копы (великая, вальная, генеральная). На такую копу необходимо было скликать всѣхъ полноправныхъ обывателей копнаго округа, и собраться она должна была непремѣнно на коповищѣ. Обыкновенно, дѣло не кончалось одною этою копой; для окончательнаго постановленія рѣшенія и приведенія его въ исполненіе сбиралась еще третья копа, такъ называемая «завитая». Иногда случалось, что и на трехъ копахъ дѣло не могло быть закончено, и тогда въ качествѣ завитой сбиралась четвертая копа *).

*) Три суда, три судебныхъ рока, для даннаго суднаго дѣла,—повидимому, эти

III.

Обыватель усматриваетъ нанесенную ему шкоду: у него выкрадена комора, выведена изъ стойки лошадь, перекопанъ огородъ, потравленъ хлѣбъ, увезено сѣно и т. д., и т. д. Какъ быть, что дѣлать, чтобъ открыть шкодника? Одно ясно: нельзя медлить, надо пользоваться «горячимъ часомъ», захватывать «на горячемъ учинку». Нечего и думать пока о томъ, чтобъ обратиться къ содѣйствію всѣхъ членовъ копнаго округа. Надо какъ можно скорѣе созвать хоть «малую громадку» мужей, своихъ ближайшихъ сосѣдей, чтобы съ ними «сочити злодѣйство» (выслѣживать воровство). И вотъ горячая копа сбирается иногда тою же ночью, какъ обнаружилась шкода, чаще на другой день.

Конечно, воръ не можетъ же не оставить какихъ-нибудь слѣдовъ своего пребыванія на мѣстѣ своего злочинства. Копа «беретъ горячій слѣдъ» отъ пяты и гонитъ его, гонитъ съ искусствомъ и настойчивостью ищейки, выслѣживающей уходящую отъ нея добычу. Повидимому, человѣкъ XVIII в. еще имѣлъ больше основаній довѣрять остротѣ своихъ внѣшнихъ чувствъ, чѣмъ человѣкъ современный. По крайней мѣрѣ, мы ни разу не видимъ, чтобы копа не достигла своей цѣли—потеряла слѣдъ, сбилась съ него, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда преступникъ имѣлъ возможность насильственно помѣшать копѣ. Разумѣется, онъ старался объ этомъ изо всѣхъ силъ: принималъ ложныя направленія, чтобы спутать слѣдъ, сбивалъ скотомъ, затиралъ, если шелъ по снѣгу. Со стороны земянъ бывали и прямыя насилія, тѣмъ болѣе возможныя, что маленькая горячая копа часто не имѣла возможности захватить съ собою не только вознаго отъ городскаго уряда, но даже и какое-нибудь оффиціальное лицо въ качествѣ вижа (возный, вижъ—судебный приставъ): паны просто сбивали копу со слѣда и прогоняли прочь, случалось еще и съ насмѣшкой: «не умѣетъ де копа вести слѣдъ» (280).

Отъ всей этой процедуры, какъ гнали и отводили слѣдъ, вѣетъ на насъ духомъ орхаическихъ временъ. Конечно, и люди Русской Правды вели точно такимъ же оброзомъ свой «сводъ по землямъ». Копа беретъ слѣдъ и идетъ по нему. Слѣдъ приводитъ къ грунту (землѣ) такого-то села. Копа останавливается на границѣ и посылаетъ дать знать въ село, чтобъ оно выходило на границу, приняло слѣдъ и вывело его изъ своихъ предѣловъ. Село высылаетъ отъ себя людей для отвода слѣда. Если это село помѣщичье, то съ просьбою объ отводѣ копа посылаетъ на панскій дворъ и

понятія общи не только для всего славянскаго, но и для древняго нѣмецкаго прав. (*Grimm*: „Rechtsalthümer", стр. 210). Въ славянскихъ же правахъ мы встрѣчаемся съ этими понятіями, кромѣ русскаго, еще въ польскомъ (въ статутахъ піотрковскомъ, вислицкихъ, мазовецкомъ) и чешскомъ. Такимъ же образомъ въ разныхъ статутахъ и друг. памятникахъ встрѣчаемся съ выраженіями: горячій судъ, завитой рокъ. Думаемъ, что обычаи копы помогутъ пониманію этихъ и подобныхъ темныхъ мѣстъ и выраженій.

проситъ, чтобъ дворъ прислалъ кого-нибудь присутствовать при этой процедурѣ. Если злодій не укрывается на территоріи села, то слѣдъ можно вывести, и его выводятъ и ведутъ до новой границы. Тамъ повторяется то же: снова просятъ хозяевъ земли придти, взять слѣдъ и вывести. По Русской Правдѣ истецъ обязанъ былъ идти со сводомъ только до третьей земли: тотъ, кто владѣлъ третьей землей, долженъ былъ удовлетворить обиженнаго, а самъ уже вести сводъ дальше *). И здѣсь мы встрѣчаемъ въ одномъ дѣлѣ упоминаніе о трехъ границахъ, какъ бы намекъ на особое значеніе именно трехъ границъ (244). Но, къ сожалѣнію, во всѣхъ дѣлахъ, гдѣ приходится копѣ гнать слѣдъ, онъ кончается, не переходя трехъ границъ. Но вотъ копа привела слѣдъ на такую землю, хозяева которой не могутъ сдѣлать «отвода» и тѣмъ «себя очистить». Хозяева—будь то село или отдѣльный землевладѣлецъ—могутъ, конечно, сначала дѣлать попытки какъ-нибудь отклонить отъ себя бѣду: могутъ доказывать, напримѣръ, что слѣдъ, который усматривается на ихъ землѣ, не тотъ самый слѣдъ, который гонитъ копа и который связываетъ ихъ землю съ мѣстомъ преступленія, что потому они не повинны дѣлать отводъ. Но на сцену являются доказательства тождественности: слѣды разсматриваются, вымѣряются въ присутствіи обѣихъ сторонъ и какого-нибудь оффиціальнаго лица, представителя власти, которые «уфаляютъ слѣдъ», «же то есть тотъ слѣдъ власный».

Какъ же быть дальше? Дальше дѣло могло принимать различный оборотъ. Село—или личный хозяинъ земли—могло просто-на-просто отказаться отводить слѣдъ; тогда истецъ давалъ вину тому селу, а себѣ оставлялъ право на «вольное правное мовенье» (точно: свободный правовый разговоръ) на слѣдующей копѣ, гдѣ село это уже должно было явиться въ качествѣ отвѣтчика. Но село могло и не взять на себя вины; тогда оно должно было выдать настоящихъ виновниковъ преступленія, которые не могли не быть ему извѣстны,—собственно, фактически они могли ихъ и не выдавать, а только по общему приговору громады села «дать о нихъ справу». Наконецъ, возможенъ былъ и третій исходъ: если село не признавало себя виноватымъ, но, въ то же время, не могло себя очистить отводомъ слѣда, у него еще была возможность правнаго очищенія—предоставить копѣ «трясти дома». Впрочемъ, отъ копы зависѣло согласиться или не согласиться на трясенье.

Трясенье это, т.-е. обыскъ, было вторымъ правовымъ отправленіемъ горячей копы. Дѣлалось это приблизительно такъ. Если село давало со-

---

*) Съ обычаемъ свода, кромѣ русскаго права, встрѣчаемся въ сербскомъ, гдѣ о немъ говоритъ законникъ Стефанъ Душана (*Зигель*, стр. 182), также въ правѣ чешскомъ (*Jerecek:* „Slowanské prawo“, II, стр. 244). Вообще, всѣ эти правовыя понятія съ ихъ обозначеніями: „сводъ“, „сочить“, „сокъ“ (сочящій, гоняцій слѣдъ), „лице“ (поличное), по ихъ распространенности между всѣми славянскими племенами, заставляютъ думать о глубокой древности, предшествующей всѣмъ племеннымъ раздробленіямъ.

гласіе на то, чтобъ его трясли, то постановляло, вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы никто изъ громады, и даже подростки, не входили больше въ свои дома, а всѣ стояли вмѣстѣ, чтобы не имѣть возможности скрыть что-нибудь. Нѣсколько человѣкъ съ вижемъ, безъ котораго нельзя было дѣлать обыскъ, шли отъ дома къ дому поочередно, осматривая всѣ строенія, и забирали подозрительныя вещи, «лице», буде онѣ находились. Если неудобно было взять «лице», какъ, наприм., хлѣбъ, сѣно, то его оставляли на мѣстѣ, приставляя сторожу.

Бывали случаи, что горячей копѣ не нужно было ни гнать слѣду, ни трясти; тогда она сбиралась, чтобы сдѣлать опы́тъ, т.-е. опросъ, лицъ, которыя могли что-нибудь знать или слышать о случившемся.

Все это—и слѣдъ, и трясенье, и опы́тъ, и осмотръ (наприм., потравы)—давали матеріалъ для судебнаго слѣдствія, которому была посвящена уже великая, генеральная, вальная копа.

IV.

Истецъ путемъ горячей копы собралъ кое-какой матеріалъ, освѣщающій дѣло; надо дать этому дѣлу дальнѣйшій правовой ходъ, созвать великую копу. Но истецъ могъ и ничего не добиться горячею копой, никакихъ слѣдовъ шкодника не обнаружилось. Опять-таки нѣтъ другого исхода, какъ скликать великую копу; авось она поможетъ своимъ «большимъ разсудкомъ», тѣми сильными средствами къ раскрытію истины, какими располагаетъ цѣлое населеніе копнаго округа—кто-нибудь, что-нибудь, гдѣ-нибудь видѣлъ, слышалъ, кто-нибудь, что-нибудь сообразилъ, и, смотришь, уже въ рукахъ ниточка, по которой можно добраться и до сути. И надо сказать, что почти всегда оно такъ и было. Крайне рѣдки случаи, когда даже и большая копа ни до чего не добирается, и вынуждена пустить дѣло «на переслухъ». «Когда узнаешь что-нибудь, тогда снова сберешь копу и будешь отыскивать своего шкодника»,—такъ заявляетъ въ этомъ случаѣ копа пострадавшему. Для добыванія же вѣстей наибольше всего случаевъ представлялось «на торгахъ и въ корчмахъ», куда и долженъ былъ обращаться истецъ со своимъ дѣломъ, пущеннымъ «на переслухъ».

Истецъ сбираетъ на такой-то день большую копу: всѣ, кто повиненъ на нее становиться, должны явиться на коповище. Единственный предлогъ, по которому могло не состояться собраніе, это неотложныя полевыя работы, «часъ пашный». Затѣмъ ни время года, ни непогода не могли служить отговоркой. Недаромъ коповища назначались обыкновенно «подъ дубами», «подъ липами» и т. д.,—это, все-таки, представляло нѣкоторую защиту, когда приходилось стоять цѣлый день подъ дождемъ, какъ бывало; случалось, что ждала иногда копа выхода какихъ-нибудь своихъ членовъ и дня по два.

На копу шли только домохозяева, но, въ случаѣ необходимости, они были обязаны представлять и свою челядь. Допускалось и представите-

ство, и чѣмъ дальше, тѣмъ въ бо́льшихъ и бо́льшихъ размѣрахъ: вѣроятно, тутъ оказывалъ свое вліяніе и панъ, въ интересахъ котораго было ограничивать личное участіе своихъ подданныхъ въ копныхъ дѣлахъ. Стали появляться на копахъ по два мужа отъ села въ качествѣ представителей своихъ односельчанъ: они заявляли, что берутся отвѣчать за свое село и уполномочены совершать отъ его имени всѣ правовыя дѣйствія. Но отъ копы и лица зависѣло удовлетвориться ли этимъ представительствомъ, или потребовать личнаго выхода остальныхъ.

Однако, какія же средства, помимо нравственныхъ, имѣла копа побуждать своихъ членовъ къ выходу? Одно, но чрезвычайно сильное: по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока копа имѣла силу приводить въ исполненіе свои рѣшенія, дѣйствіе этого средства было неотразимо. Это—юридическая формула, одна изъ основныхъ формулъ копнаго права: «невыходъ платитъ шкоду» *). «Всѣ ли вышли?»—опрашиваютъ, прежде всего, другъ друга мужи-копники. «Нѣтъ такого-то и никого не выслалъ онъ за себя на копу для отвѣта». Копа даетъ знать отсутствующему, если только въ немъ почему-либо заинтересована, чтобъ онъ непремѣнно явился на слѣдующую копу или представилъ кого-нибудь за себя; однако, тотъ не является снова и никого не ставитъ. Третья копа, завитая, «по невыходу» прилагаетъ всю шкоду къ тому отсутствующему. А то, какъ нерѣдко случалось, люди цѣлаго села «не выходятъ на копу, ани о себѣ вѣдомости учинить не хотятъ», а то и становятся, но утекаютъ съ копы. Опять-таки завитая копа кладетъ вину на село. Эта простая формула очень облегчала копное судопроизводство и совсѣмъ не была столь нелѣпой въ правовомъ смыслѣ, какъ это можетъ казаться съ современной точки зрѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, если членъ копнаго округа съ явною предумышленностью уклоняется отъ того, что всѣми и каждымъ признается его непремѣнною обязанностью, отъ участія въ копномъ собраніи, какая можетъ быть этому причина, кромѣ страха передъ копнымъ правосудіемъ, кромѣ сознанія своей прикосновенности къ правонарушенію («ту се значи ижъ не правый, али винный утекаетъ», 44)? Къ тому же, приложеніе формулы «невыходъ платитъ шкоду» совсѣмъ не тождественно съ обвинительнымъ приговоромъ, ничуть: платящій шкоду по невыходу не только не признается этимъ самымъ преступникомъ, но даже и шкодникомъ. Онъ не вышелъ и тѣмъ навлекъ на себя подозрѣніе, а, главное, положилъ препятствіе къ дальнѣйшему отправленію копнаго правосудія. Вслѣдствіе этого онъ долженъ взять на себя послѣдствія правонарушенія, матеріальное удовлетвореніе обиженной стороны. Но у него не отнято право вести дѣло дальше,—тѣми же самыми правовыми средствами отыскивать настоящаго виновника и получить отъ него удовлетвореніе. Повидимому, села, въ средѣ которыхъ находился виновникъ, не-

*) „Нестанье на судъ“ или „нестанье на завитой, третій, рокъ теряетъ дѣло“,— это – положеніе, выраженное въ разныхъ памятникахъ чешскаго и польскаго законодательства.

рѣдко поступали такъ: не выходили на копу, брали такимъ образомъ на себя шкоду, а потомъ домашнимъ образомъ управлялись съ нарушителями спокойствія. Разумѣется, такая постановка возможна лишь при господствѣ извѣстной точки зрѣнія, что главная цѣль правосудія есть удовлетвореніе обиженной или пострадавшей стороны, при предположеніи, что всякій ущербъ можетъ имѣть свой матеріальный эквивалентъ. Эта точка зрѣнія, послѣдовательно проведенная, могла приводить къ такимъ видимымъ несообразностямъ: наприм., подозрѣваемые въ убійствѣ оправдываются путемъ очистительной присяги (о ней ниже) и освобождаются отъ наказанія, но, тѣмъ не менѣе, присуждаются къ уплатѣ головщины въ пользу истца (259).

Но вотъ копа собралась въ полномъ составѣ: иногда человѣкъ сто и болѣе. Есть всѣ повинные, т.-е. настоящіе копные мужи, всѣ, кого требовалъ истецъ въ качествѣ ли отвѣтчиковъ или свѣтковъ (свидѣтелей), явились нарочно приглашенные сторонніе люди (можетъ быть, изъ-за предѣловъ копнаго округа?) и, наконецъ, возный, вижъ, тоже со «стороной», двумя шляхтичами. Водворяютъ «порядокъ по обычаю и праву своему копному», старшіе копники «засѣдаютъ въ лавѣ» (въ ряду) съ вознымъ и стороною людьми добрыми. Старшіе копники провозглашаютъ судъ открытымъ. Дальнѣйшій ходъ зависитъ отъ частныхъ обстоятельствъ дѣла.

Если истецъ не могъ ничего добиться предварительнымъ разслѣдованіемъ, онъ обращался къ копѣ приблизительно съ такою рѣчью: «Пановемужевеі прошу васъ и спрашиваю, не слыхали ли вы чего-нибудь о моей шкодѣ на торгу или въ корчмѣ въ какихъ-нибудь разговорахъ, въ бесѣдѣ, не упоминалъ ли кто относительно себя или другого? Или, можетъ быть, вамъ пришлось увидѣть, что кто-нибудь несетъ или везетъ что-нибудь въ то время, какъ мнѣ шкода стала, или у кузнецовъ, можетъ быть, видѣли (дѣло идетъ о покражѣ съ мельницы муки и желѣзныхъ орудій), что они перерабатываютъ желѣзныя орудія на другія вещи, или покупаютъ ихъ и продаютъ, или, можетъ быть, кто-нибудь, не имѣя своего хлѣба, хлѣбомъ торговалъ?»

Начинается опытъ всѣхъ присутствующихъ мужей-копниковъ. Село за селомъ, или черезъ своихъ представителей, должны «въ одно слово повѣдать», что они не суть такому-то шкодниками и не знаютъ ничего ни о какой шкодѣ. Въ иныхъ случаяхъ соблюдается строгій порядокъ опыта. Наприм., дѣло идетъ объ убитомъ человѣкѣ; села даютъ показанія въ томъ порядкѣ, въ какомъ ѣхалъ убитый. Если нѣтъ на копѣ представителей изъ одного населеннаго пункта, лежащаго на дорогѣ, то люди изъ пунктовъ, дальше лежащихъ, совсѣмъ отказываются отвѣчать (250). Если дѣло шло о пропавшей лошади, начинается общій допросъ о томъ, не былъ ли у кого въ то время, какъ произошла пропажа, какой-нибудь гость издалека, и если былъ, то открыто ли ушелъ, не укрывали ли его? (224). Обыкновенно такой опытъ непремѣнно что-нибудь обнаруживалъ. Если не было точныхъ и опредѣленныхъ свѣдѣній, являлись какія-нибудь косв-

ныя указанія. Наприм., выступаетъ мужъ-копникъ и заявляетъ, что когда онъ молотилъ на панскомъ гумнѣ съ такими-то, то явился на гумно такой-то и «въ нихъ того жита на хлѣбъ просилъ», а ему такіе-то молотники отвѣчали: «ты-дей жита на хлѣбъ у насъ просишь, а сыновья твои хлѣбомъ торгуютъ; чего-жь ты у сыновей хлѣба не берешь и не просишь?» И вотъ копа уже имѣетъ ниточку, по которой добирается до воровъ, обобравшихъ мельницу. Или копникъ заявляетъ, что онъ былъ въ корчмѣ и тамъ слышалъ споръ между такими-то, причемъ упоминались такія-то имена и обстоятельства, имѣющія отношенія къ разслѣдуемому преступленію (328). Копа снова имѣетъ нить. Или «за пытаньемъ купнымъ» выступаютъ два мужа и выражаютъ свое удивленіе по поводу того, что такой-то Иванъ Стрыга, хоть и стоитъ передъ вами, панове купа, а ничего не говоритъ, а между тѣмъ жена его то-то и то-то намъ, постороннимъ людямъ, при встрѣчѣ говорила насчетъ своихъ подозрѣній о томъ, откуда «въ сосѣдствѣ частокроть шкоды становятся», и не могла же де она не говорить этого и ему, своему мужу. И тутъ «вся копа между собою переглянулись, размышляючи, что̀ бы ей въ этомъ случаѣ дѣлать» Опять-таки копѣ есть за что ухватиться.

Но бывало и такъ, что большая копа, собравшись, уже имѣла желанную нить, помимо истца и общаго опы́та копниковъ: надо было только ее укрѣпить. «Ты, старче Микито, со всѣми подданными ея милости пани своее теперь на сей копѣ съ нами сталъ?» — спрашиваетъ копа послѣ общей провѣрки всѣхъ собравшихся коплянъ (панскіе подданные выходили на копу со своими старцами, т.-е. старостами). Микита отвѣчаетъ, что «я-дей, панове старцы и копляне, уже со всѣми подданными ея милости пани моее вышолъ».—«А зачѣмъ ты не ставилъ раньше на копѣ двухъ изъ своего села, такихъ-то?» Старецъ объясняетъ, что онъ ихъ не ставилъ раньше не по какимъ-нибудь особеннымъ уважительнымъ причинамъ, а исключительно потому, что они сами не хотѣли идти «за неякою боязнью своею», и предлагаетъ копѣ самой спросить у этихъ двухъ, отчего они раньше не становились. Копа спрашиваетъ, тѣ подтверждаютъ, что дѣйствительно не шли раньше «одно за страхомъ своимъ». Тогда копа, посовѣтовавшись, спрашиваетъ между собою: «Развѣ были тѣ два человѣка въ какомъ подозрѣніи?» Выступаетъ одинъ мужъ-копникъ и заявляетъ, что онъ самъ изъ устъ старца Микиты слышалъ, какъ онъ обвинялъ въ разслѣдуемомъ преступленіи этихъ двухъ человѣкъ. Старецъ началъ было запираться, но долженъ былъ сознаться,—и вотъ опять завязывается узелъ, который копѣ уже не трудно развязать.

Но чаще всего истецъ является на большую копу уже съ готовымъ матеріаломъ для обвиненія, собраннымъ путемъ горячей копы или другимъ какимъ способомъ: этого требовалъ его собственный интересъ. Въ такомъ случаѣ копа прямо обращалась къ нему съ вопросомъ: «на кого онъ въ той своей шкодѣ имѣетъ жаль?» — иначе говоря, «на кого онъ кладетъ

вину?» Истецъ долженъ былъ «чинить доводъ». Съ этого момента большая копа вступаетъ въ свою настоящую роль. Изъ среды копы выбираются почтенные люди, которые выступаютъ въ роли судей, выбираются изъ самою копой, или истцомъ и отвѣтчикомъ. Послѣ объясненій истца, заключающихъ въ себѣ обвиненіе, передъ копой долженъ выступить обвиняемый и «дать о себѣ справу», «сдѣлать выводъ».

Вообще къ обвиненію предъявлялись совсѣмъ иныя требованія, смотря по тому, на кого оно обращалось: на добраго ли мужа, ни въ чемъ никогда не заподозрѣннаго, за добросовѣстность котораго готовы были выступить съ ручательствомъ и родня, и село его, или на «подейзренаго», «приличнаго» человѣка, особенно изъ лезныхъ, стоящихъ внѣ союза круговой поруки и отвѣтственности. Чтобы довести до конца обвиненіе добраго мужа, надо было выдвинуть значительный арсеналъ судебныхъ доказательствъ, одной малой частички которыхъ было достаточно для обвиненія подойзренаго лезнаго человѣка. Короче говоря, въ первомъ случаѣ onus probandi лежала на истцѣ, во второмъ случаѣ—на отвѣтчикѣ.

«Лице» (поличное) не играетъ, можно сказать, почти никакой роли въ числѣ судебныхъ доказательствъ на большой копѣ: потому, надо думать, что злодій, пойманный съ лицемъ, вынуждался къ добровольному сознанію и не нуждался въ процессуальныхъ дѣйствіяхъ большой копы, а прямо переходилъ въ распоряженіе завитой копы, которая постановляла приговоръ и приводила его въ исполненіе. Но за то большое значеніе имѣли свѣтки, т.-е. свидѣтели.

Копа давала цѣну лишь свидѣтельству людей добрыхъ, ей извѣстныхъ. Когда отвѣтчикъ, доказывая alibi, ссылается на свидѣтеля, ему говорятъ: «То плохой отводъ: развѣ не могъ тебя видѣть какой-нибудь добрый человѣкъ, кѣмъ бы ты могъ сдѣлать отводъ, а не тѣмъ плохимъ, неизвѣстнымъ человѣкомъ? Дорога никогда не спитъ, ѣздятъ люди не только днемъ, но и ночью: какъ же бы ты большою дорогой да не встрѣтился, не съѣхался съ кѣмъ-нибудь?» (217). Впрочемъ, въ важныхъ дѣлахъ, наприм., убійствѣ, допрашивали всѣхъ обывателей данной мѣстности, не только мужчинъ, но женщинъ и даже дѣтей (432).

Истецъ въ подтвержденіе своего обвиненія «выдаетъ трехъ свѣтковъ». Копа спрашиваетъ у отвѣтчика: «если же всѣхъ трехъ свѣтковъ любишь?» Отвѣтчикъ изъ нихъ «улюбилъ и обралъ такого-то и повѣдилъ, то-дей добрый человѣкъ, може правду сознать». Когда избранный свидѣтель тоже показываетъ не въ пользу отвѣтчика, послѣдній заявляетъ: «похоже-де, что такой-то тѣхъ свѣтковъ накупилъ». Но для копы свидѣтельство избраннаго самимъ отвѣтчикомъ свѣтка, подтверждаемое показаніями другихъ лицъ, уже имѣетъ рѣшающее значеніе (86).

Обвиненіе, опирающееся на свѣткахъ, должно было выставить ихъ не меньше трехъ: при двухъ свидѣтеляхъ необходимо было представить еще дополнительныя судебныя доказательства.

Если истецъ ссылался на людей изъ такого села, которое не повинно становиться на той копѣ, и потому не могъ представить ихъ на разбирательство, то копа сама выбирала изъ среды себя двухъ мужей добрыхъ и посылала для опроса свидѣтелей на мѣстѣ. Конечно, копа въ такомъ случаѣ должна была разойтись, чтобы собраться снова по полученіи свидѣтельскихъ показаній (224).

Пока копа добивается «слушныхъ доводовъ» отъ истца и выслушиваетъ таковые же «выводы» отъ отвѣтчика, взвѣшиваетъ показанія свидѣтелей и косвенныя улики, выдвигающіяся обстоятельствами дѣла, она стоитъ на той же раціоналистической почвѣ, на какой стоитъ и современный процессъ. Но если и современный народный правовой обычай носитъ на себѣ рѣзкіе слѣды генетической связи права съ ирраціоналистическимъ міровоззрѣніемъ, то, конечно, на отношеніяхъ къ праву всякаго человѣка XVI вѣка, а тѣмъ болѣе простого мужа-копника, эта связь должна была отразиться еще гораздо болѣе рѣзко. Наприм., мы имѣемъ дѣло съ такого рода судебными доказательствами.

Надо утвердить показанія, отрицаемыя противною стороной: доводчикъ ставитъ ногу съ тѣмъ, чтобы противная сторона приставила свою; копа, видя такое «смѣлое постановенье ноги съ ногой», склоняется на сторону доводчика, а неправильно запиравшійся отвѣтчикъ сознается въ своемъ запирательствѣ. Но что же, однако, было въ этомъ «смѣломъ постановеньи ноги съ ногой» такого, что могло такъ сильно подѣйствовать на душу и виновнаго, и копниковъ? Очевидно, никакихъ раціоналистическихъ объясненій здѣсь приложить нельзя; только археологія права можетъ дать кое-какой намекъ на происхожденіе и значеніе этого обычая (63).

Или еще болѣе распространенный, постоянно встрѣчающійся обычай—ставить шапку. Истецъ или свидѣтель, всякій, кому надо было усилить вѣсъ своихъ показаній, ставилъ шапку и требовалъ, чтобы противная сторона приставила свою. Въ чемъ опять-таки заключалась сила этой шапки—дѣло темное; но неправый не рѣшался обыкновенно на приставку *). Или значеніе черты (вѣроятно, подъ чертой надо разумѣть что-нибудь вродѣ веревки или легкой огорожи, о которой говоритъ Гриммъ въ своихъ *Rechtsalterthümer* по отношенію къ нѣмецкому народному суду, для отдѣленія дѣйствующихъ лицъ процесса отъ остальной массы): истецъ требо-

*) Обращаясь къ археологіи права, мы находимъ въ древнемъ чешскомъ судномъ процессѣ слѣдующее указаніе, осмысливающее нѣсколько эту „ногу“: истецъ становится правою ногой на спорную вещь, а отвѣтчикъ лѣвою, и въ такомъ положеніи они выговариваютъ формулу „вданія“, т.-е. правоваго заклада,—обязательства уплатить такую-то сумму въ случаѣ своей неправоты (*Jerečék*: „Slovanské pravo“, II, стр. 219). Повидимому, родственное происхожденіе имѣла и „шапка“: по крайней мѣрѣ, въ болѣе древнихъ памятникахъ литовско-русскаго права упоминается шапка, въ которую кладется правовой закладъ — рубль грошей. Но все это, конечно, нужно принимать скорѣе за простое указаніе на древность и широту распространенія тождественныхъ обычаевъ, чѣмъ за объясненіе къ ихъ генезису.

валъ у отвѣтчика стать на черту; всѣ мужи-копники въ нѣкоторыхъ случаяхъ кидали свои шапки за черту или просто кидались за черту. И все это являлось не въ видѣ мертвыхъ правовыхъ символовъ, сохранившихся какъ переживаніе, а въ видѣ живыхъ правовыхъ дѣйствій. По крайней мѣрѣ, обычай ставить ногу или голень, ставить или приставлять шапку является съ вѣсомъ настоящихъ судебныхъ доказательствъ, хотя, можетъ быть, уже и лишенныхъ вполнѣ самостоятельнаго значенія.

Но за то съ вполнѣ самостоятельнымъ значеніемъ является присяга, обычай той же самой категоріи, но получившій въ копномъ правѣ большое значеніе и очень широкій районъ примѣненія.

А. Ефименко.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Взглядъ на отношенія Россіи къ Европѣ *).

I.

Всякаго, изучающаго совмѣстную жизнь народовъ въ наши дни, болѣе всего поражаютъ въ ней два рѣзко противуположныя теченія: съ одной стороны, во всѣхъ областяхъ практической и теоретической дѣятельности людей замѣчается стремленіе ихъ къ *сближеніямъ* и взаимному ихъ *обмѣну мыслей* и *продуктовъ труда* на самой широкой, международной почвѣ; съ другой—обостряются и усиливаются *политическая рознь* и *натянутость* между кабинетами Европы, а по увѣренію многихъ, даже между самими ея народами.

Весьма многіе у насъ и за границей любятъ особенно толковать на тему этой розни, будто бы существующей между нашимъ отечествомъ и Западною Европой и вытекающей какъ изъ всего прошлаго ихъ, такъ и равно изъ всего ихъ современнаго склада. Въ исторіи и въ природѣ латино-германскихъ и славянскихъ народовъ лежатъ причины глубокихъ между ними противуположностей, говорятъ многіе, и если это такъ, то обособленіе и вражда между обѣими половинами нашего материка должны современемъ, все усиливаясь, привести къ неминуемой войнѣ и катастрофѣ, одинаково для всѣхъ нежелательнымъ.

Но спокойное и всестороннее изслѣдованіе этого капитальнаго вопроса съ точки зрѣнія науки приводитъ къ убѣжденію въ несостоятельности вышеприведеннаго воззрѣнія, несмотря на его распространенность и модность.

Въ исторіи отношеній Россіи къ Европѣ не трудно подмѣтить три періода.

Послѣ сравнительно-краткой эпохи оживленныхъ сношеній, частью торговыхъ, частью военныхъ, которыя поддерживали наши предки съ сосѣдями по великому пути изъ Варягъ въ Греки,—наступило долгое ихъ отчужденіе отъ Западной Европы, благодаря ихъ вѣроисповѣдному отличію, междукняжескимъ усобицамъ, перенесенію центра тяжести русской государственной жизни съ юго-запада на сѣверо-востокъ, изъ Кіева во Владиміръ и

---

*) Публичная лекція, читанная 27 ноября 1892 г. въ Историческомъ музеѣ въ пользу устройства сельскихъ библіотекъ.

Москву, и благодаря установленію татарскаго ига. Къ этимъ обстоятельствамъ нужно еще присоединить отдѣленіе насъ отъ Запада враждебными намъ поляками, литовцами и прибалтійскими нѣмцами. Изъ этой многовѣковой замкнутости вывелъ Россію геній Петра Великаго, открывшій ей доступъ къ морю и къ просвѣщенію. Съ его царствованія сношенія ея съ Европой не только становятся все оживленнѣе, но наступаетъ, въ рѣзкій контрастъ съ предшествующею эпохой, время подражанія всему иноземному и даже раболѣпства предъ нимъ. Сказывается печальное для всего нашего общества раздвоеніе между его высшими, образованными слоями и остальною массой чернаго невѣжественнаго люда.

Въ нашемъ XIX столѣтіи совершается новый крупный поворотъ въ жизни мыслящей части русскаго общества: пробужденіе національнаго сознанія, стремленіе сбросить съ себя ученическую зависимость отъ Запада. Многіе обозначаютъ это движеніе возвратомъ домой, возстановленіемъ коренныхъ основъ и устоевъ самобытной русской жизни; но народы, какъ и отдѣльныя лица, такихъ обратныхъ движеній совершать не могутъ: пока они живутъ, они движутся впередъ, и надо только желать и заботиться, чтобы шли они къ лучшему, а не къ худшему.

Можно и должно только радоваться такому пробужденію народовъ къ самосознанію и къ самостоятельному ихъ творчеству въ области политики, науки и искусства, но отсюда еще далеко до той розни и вражды между ними, печальные слѣды которой такъ поражаютъ насъ почти на каждомъ шагу.

Отношенія между государствами, какъ и между отдѣльными индивидами, управляются началами *нравственности,* соображеніями *политики* или принципами *права.* Оставляя первыя въ сторонѣ, поскольку они, касаясь внѣшней стороны общежитія, сливаются съ послѣдними, мы должны остановиться, хотя немного, на *соотношеніи между политикой и правомъ.* А такъ какъ совмѣстною жизнью государствъ управляетъ *право международное,* а политика, въ своемъ практическомъ направленіи, всегда исходитъ отъ *интересовъ* извѣстнаго, конкретнаго государства, то это приводитъ насъ къ вопросу собственно о соотношеніи между ними.

II.

Можно ли, говорятъ многіе, какія-то начала международнаго права, спорныя и неустойчивыя, примѣнять къ обсужденію важныхъ вопросовъ о войнѣ и мирѣ, отъ которыхъ зависитъ все благосостояніе народовъ? Государства, въ своихъ взаимныхъ сношеніяхъ, руководствуются и должны всегда руководствоваться лишь *собственными интересами.*

Конечно, международныя нормы далеки отъ той полноты и законченности, до какой онѣ должны дойти, но объ ихъ неустойчивости громче всего разсуждаютъ тѣ, которые либо вовсе ихъ не знаютъ, либо имѣютъ о нихъ самое смутное представленіе. Ихъ смѣшиваютъ то съ происками дипло-

товъ и планами разныхъ политикановъ, то съ интересами и требованіями того или другого могущественнаго правительства, задающаго тонъ въ данное время.

Всякое право, а, слѣдовательно, и международное, крѣпнетъ и совершенствуется въ уровень того, какъ вырабатывается на практикѣ болѣе совершенная система *организаціи* его нормъ и учрежденій и какъ проникаютъ его принципы все глубже и шире въ *сознаніе* всѣхъ мыслящихъ слоевъ общества. Спеціально международныя нормы представляются чѣмъ-то проблематичнымъ тому, кто смотритъ на международныя событія чрезъ очки лишь повседневной текущей жизни, да какъ она еще является окрашенною политическими или національными воззрѣніями, безъ всякой болѣе глубокой исторической или юридической ихъ провѣрки. Ниже мы постараемся показать, что международный строй и регулирующее его право имѣютъ реальное и жизненное основаніе и бытіе, не замѣчаемое лишь тѣми, которые этого не *знаютъ* или не *хотятъ* знать.

Признаніе *политическихъ интересовъ* за единственный принципъ и масштабъ для государствъ въ ихъ взаимныхъ сношеніяхъ есть ученіе весьма древнее, весьма распространенное даже въ наши дни, и, все-таки, не выдерживающее критики. Мы не говоримъ о томъ, что оно считалось вѣнцомъ политической мудрости въ языческой древности, когда и самаго международнаго строя еще не существовало, но на рубежѣ новой исторіи оно было формулировано и послѣдовательно проведено въ сочиненіяхъ флорентійскаго писателя Макіавелли, этого основателя новѣйшей науки о государствѣ и учителя едва ли не большинства практическихъ государственныхъ дѣятелей. Разсматриваемый нами принципъ, безспорно, составлялъ и главную пружину въ политикѣ европейскихъ кабинетовъ за первый періодъ возникновенія международнаго союза, извѣстный подъ именемъ «династическаго». Но къ какимъ послѣдствіямъ повело тогда его примѣненіе? Къ безпрерывнымъ и самымъ произвольнымъ войнамъ, къ постояннымъ вмѣшательствамъ одного правительства во внутреннія дѣла другого, къ безчисленнымъ проектамъ раздѣловъ отдѣльныхъ государствъ, изъ которыхъ нѣкоторые и были проведены удачно на практикѣ и т. д.

Договоры и мирные трактаты, весьма многочисленные, заключались тогда какъ будто для того, чтобы быть не исполняемыми и нарушаемыми, а не для болѣе прочнаго и справедливаго укрѣпленія мира между государствами. Словомъ, это былъ порядокъ, продолжавшій ту естественную анархію, устранить которую, еще по мнѣнію Гоббеса, и призвано болѣе всего государство.

Порядокъ этотъ или, вѣрнѣе, царившая тогда международная анархія какъ будто подтверждали основное положеніе англійскаго писателя объ антисоціальной природѣ человѣка: homo homini lupus—и вели къ возрожденію на новой, общественной почвѣ той вѣчной вражды и войны каждаго противъ всѣхъ, bellum omnium contra omnes, которая составляетъ характеристическую черту первоначальной, догосударственной эпохи. Что

удивительнаго, если, при такихъ условіяхъ, войны и раздоры по вопросамъ внѣшней политики, отвлекая вниманіе и силы правительства отъ болѣе важныхъ задачъ внутренняго управленія, быть можетъ, болѣе всего подкопали и расшатали авторитетъ монархическаго принципа на Западѣ Европы.

Въ наши дни политическіе интересы понимаются въ смыслѣ насущныхъ національныхъ потребностей конкретныхъ государствъ. Такое пониманіе гораздо серьезнѣе прежняго на нихъ воззрѣнія, какъ на пользы и выгоды однихъ лишь кабинетовъ, но и оно, служа удобнымъ руководствомъ для цѣлей практической политики и являясь тутъ, въ извѣстномъ смыслѣ, законнымъ, не можетъ быть возведено въ высшее или даже единственное мѣрило взаимныхъ сношеній народовъ. Разсматриваемое само въ себѣ, это воззрѣніе совпадаетъ съ механическою теоріей о государствѣ, въ которомъ оно видитъ не живые организмы и нравственныя личности, а лишь продукты силы, могущіе во всемъ себѣ самимъ довлѣть и враждебно настроенные ко всему остальному, внѣ ихъ лежащему міру. Намъ скажутъ, зачѣмъ доходить до подобныхъ крайностей? И политика интересовъ уживается съ умѣренностію и сводится, въ сущности, къ мудрому эгоизму, который всегда предпочитаетъ соглашенія—обращенію къ открытой силѣ.

Мы этого не отвергаемъ, но говоримъ, что эгоизмъ, хотя бы національный, какъ основная пружина дѣйствій человѣческихъ, возвращаетъ насъ къ идеямъ и традиціямъ языческаго общества, покоившагося, какъ извѣстно, на силѣ и порабощеніи. Основнымъ правиломъ его, въ сферѣ внѣшней политики, совершенно согласно съ принципами внутренней жизни древнихъ обществъ, было: «око за око и зубъ за зубъ». Правило это, по силѣ переживанія, стараются удержать и въ наши дни, но оно стоитъ въ полномъ противорѣчіи съ основнымъ *закономъ любви*, на которомъ должна покоиться вся жизнь христіанскаго общества, какъ внутренняя, такъ и внѣшняя. Предписанія этого закона отмѣняютъ Моисеево jus talionis и не только въ частной, внутренне-государственной, но и въ международной жизни. Политика интересовъ грѣшитъ именно болѣе всего своимъ основаніемъ: она не хочетъ знать того высшаго начала, что государства, какъ представители живущихъ въ нихъ народовъ, суть не только личности, но и личности духовныя, обязанныя, какъ таковыя, подчиняться требованіямъ *нравственнаго закона*. Очень распространено заблужденіе, даже среди лучшихъ людей, будто принципы христіанской нравственности, управляя личнымъ спасеніемъ человѣка, не могутъ быть переносимы на общественную и государственную жизнь. Подобный дуализмъ между частною и общественною ея стороной въ принципѣ недопустимъ. Нравственный законъ по существу остается всегда однимъ и тѣмъ же и не прекращается отъ перенесенія его изъ одной области человѣческой дѣятельности въ другую. Измѣненія, которымъ онъ вслѣдствіе этого иногда подлежитъ, касаются лишь его объема, способа проявленія, а никакъ не его сущности и обязательности въ цѣломъ. Непризнаніе этой истины составляетъ одинъ изъ наиб-

лѣе распространенныхъ, но и пагубныхъ предразсудковъ въ современной политикѣ *). Отсюда множество насилій, двуличныхъ дѣйствій, легко извиняемыхъ, когда они касаются чужихъ народовъ и ихъ интересовъ. Такъ называемая политическая мораль въ этомъ отношеніи крайне растяжима и даже утрачиваетъ свои связь и единство съ высшимъ нравственнымъ закономъ вообще. Но это не должно быть. Священный союзъ, столь осмѣянный современниками и позднѣе, былъ правъ въ своемъ исходномъ принципѣ, когда онъ заявилъ, что начала христіанской религіи,—начала справедливости, любви и мира,—приложимы отнюдь не къ частной жизни только, но должны оказывать прямое вліяніе и на рѣшенія правителей, принимаемыя ими какъ по отношенію къ ихъ собственнымъ подданнымъ, такъ и въ дѣлахъ съ иностранными правительствами. Государи, его заключившіе, напоминаютъ, что они, а, слѣдовательно, и ихъ народы, должны быть связаны между собою узами настоящаго и нерасторжимаго братства. Но Священный союзъ былъ неправъ въ томъ, что чисто-нравственнымъ принципамъ христіанства придалъ узкую теократическую окраску и, возведя себя въ оплотъ лишь консерватизма, превратился, по словамъ Наполеона I, въ союзъ царей противъ народовъ. Въ эпоху общихъ стремленій къ преобразованіямъ на политическомъ поприщѣ, онъ счелъ возможнымъ объявить войну всякому прогрессу и провозгласить основнымъ началомъ въ жизни государствъ застой, а не развитіе. Это его и сгубило, но, повторяемъ, самая мысль его была великая и истинная **). Она лежала въ признаніи принципіальнаго единства частной нравственности съ общественною и въ распространеніи началъ послѣдней на сферу международную. Къ этому же стремится и право международное, по скольку его нормы покоятся на твердыхъ устояхъ нравственнаго порядка вообще.

III.

Едва ли не серьезнѣе другое предубѣжденіе противъ международнаго права, какъ принципа, управляющаго совокупною жизнью государствъ. Историческая школа въ правовѣдѣніи доказала, что право вообще не есть искусственное твореніе человѣка и не создается произволомъ законодателя. Оно, подобно языку, ростетъ и развивается въ народѣ естественнымъ образомъ. Настоящимъ его источникомъ является всегда *народное сознаніе*. Возникая изъ народнаго духа, оно, на всѣхъ ступеняхъ своего дальнѣйшаго развитія, стоитъ съ нимъ всегда въ органической связи, и поэтому всякое право, какъ положительное, есть національное явленіе.

Можно ли эту мѣрку приложить къ праву международному? Общаго сознанія о правѣ, говорятъ скептики, хотя бы среди народовъ Европы, никогда не существовало и не можетъ быть. Мы знаемъ право сознаніе нѣм-

---

*) *Мартенсенъ:* „Христіанское ученіе о нравственности“, въ перев. *Лопухина*. 1890 г., т. II, стр. 531 и 530.

**) *Мартенсенъ*, назв. соч., т. II, стр. 677—669.

цевъ, французовъ, англичанъ и т. д., но мы не знаемъ международнаго правосознанія. Безъ него же право международное будетъ лишено всякой реальной почвы и сведется опять-таки къ политическимъ же соглашеніямъ между правительствами.

Отвѣчать на это возраженіе можно только съ точки зрѣнія широкаго и сравнительнаго изученія исторіи народовъ.

Достойно вниманія, что уже римляне, на основаніи опыта, пришли къ пониманію нѣкоего права народовъ, *jus gentium*. Кромѣ гражданскаго права, свойственнаго опредѣленному народу, они увидѣли, что существуютъ еще общіе принципы этого права, опредѣляющіе семейныя, имущественныя и обязательственныя отношенія существенно одинаково у всѣхъ народовъ. Такъ, это jus gentium расширило и смягчило примѣненіе ихъ jus civile *). Правда, источникомъ своимъ оно имѣло не законодательную власть, но естественный разумъ (naturalis ratio), т.-е. человѣческую природу, ея законные интересы и потребности. Но чѣмъ болѣе римскіе юристы проникались сознаніемъ общности правовыхъ понятій у всѣхъ народовъ, тѣмъ болѣе они отказывались, въ примѣненіи своего jus civile, отъ строгаго, формальнаго его истолкованія и тѣмъ болѣе у нихъ получалъ перевѣсъ голосъ справедливости (aequitas) надъ строгимъ правомъ (jus strictum). Такимъ образомъ, jus gentium, принявъ въ себя общечеловѣческія начала, распространилось не только въ древнемъ мірѣ, но и сдѣлалось источникомъ гражданско-правовыхъ законовъ и всего юридическаго образованія у современныхъ цивилизованныхъ народовъ **).

Въ средніе вѣка *церковь*, какъ самостоятельный и организованный союзъ, выработала и свою особую систему права—каноническаго, которое, болѣе или менѣе свободное отъ мѣстныхъ и національныхъ оттѣнковъ, служило нерѣдко образцомъ для гражданскихъ и уголовныхъ законовъ средневѣковыхъ народовъ.

Другимъ универсальнымъ учрежденіемъ въ тѣ эпохи было *рыцарство*. Члены его много содѣйствовали проведенію болѣе благороднаго воззрѣнія на войну и даже смягченію многихъ ея сторонъ. Рыцари перестали смотрѣть на нее какъ на кровавое ремесло, но видѣли въ ней благородное искусство владѣть оружіемъ. Стремясь воплотить въ себѣ высокій идеалъ христіанскаго воина, они считали главными достоинствами своего званія храбрость, великодушіе и вѣрность обѣщаніямъ. Они не ставили себѣ цѣлью непремѣнно, во что бы ни стало, убивать врага, но довольствовались его покорностью. Какъ въ гражданской жизни, такъ и на войнѣ они въ теченіе столѣтій свято соблюдали неписанный кодексъ законовъ, отъ которыхъ никто не смѣлъ отступиться. Многіе изъ этихъ обычаевъ и правилъ не умерли съ рыцарствомъ, но, перейдя въ воззрѣнія и привычки

---

*) Объ этомъ говоритъ Гай: „Populus Romanus partim suo proprio, partim communi omnium hominum jure utitur“ (*Inst.*, I, 1).

**) *Мартенсъ:* „Современное междунар. право“, т. I, стр. 65.

дворянства и служилыхъ людей, а также въ военные законы и уставы новѣйшихъ государствъ, продолжаютъ жить до нашихъ дней частью въ военной дисциплинѣ, частью въ рыцарскомъ духѣ, которымъ всегда стремились отличаться лучшіе полководцы и офицеры. Отъ рыцарей ведетъ начало различеніе правильной, честной войны (bonne guerre) отъ звѣрской (mauvaise guerre) *).

Не менѣе любопытна исторія *морского права* въ средніе вѣка. Возникшіе тогда, подъ напоромъ практическихъ потребностей, морскіе и торговые обычаи регулировали однообразно права и интересы торговаго сословія независимо отъ религіознаго или племеннаго характера его членовъ. Въ разработкѣ и кодификаціи этихъ обычаевъ не участвовала верховная власть. На нихъ почти не видно слѣдовъ національности, но они отмѣчены характеромъ космополитическимъ. Поэтому они сильно напоминаютъ римское jus gentium, но съ тою, однако, разницей, что народы подчинились имъ тогда добровольно и непринужденно. Существованіе ихъ доказываетъ ясно, что *право можетъ быть произведеніемъ многихъ народовъ*. Позднѣе эти обычаи, записанные въ особые сборники, перешли въ ордонансы и законы европейскихъ правительствъ, а равно въ практику ихъ судовъ. Этими заимствованіями изъ названныхъ сборниковъ объясняется, между прочимъ, сходство почти всѣхъ морскихъ уложеній Европы и выраженныхъ въ нихъ основныхъ началъ нынѣ дѣйствующаго морского права **).

Эти примѣры показываютъ намъ, что, даже независимо отъ вопроса о существованіи международнаго права, положеніе исторической школы о *національномъ характерѣ* всякаго *положительнаго* права должно быть исправлено и расширено въ томъ смыслѣ, что *право можетъ явиться продуктомъ совмѣстной жизни народовъ*, если они поставлены въ болѣе или менѣе одинаковыя условія внѣшняго и внутренняго развитія. Общность интересовъ и историческихъ судебъ поведетъ ихъ съ теченіемъ времени, сама собою, къ общности воззрѣній и къ извѣстному сходству ихъ общественныхъ формъ и учрежденій. Этими причинами вызванъ къ жизни и международный строй. Онъ возникъ и въ продолженіе вѣковъ, хотя медленно, но неукоснительно укрѣпляется въ силу возростающихъ *практическихъ потребностей* новыхъ народовъ и успѣховъ *теоретическаго* у нихъ *мышленія*. Вмѣстѣ съ тѣмъ, и международное право, какъ положительное,— реально и живо, потому что оно тоже одинъ изъ продуктовъ самой *жизни* и *науки* новой Европы. Не вдаваясь въ подробности, мы можемъ тутъ намѣтить лишь нѣкоторые изъ наиболѣе выдающихся фактовъ.

IV.

Новые народы Европы, романскіе, германскіе и славянскіе, пришедшіе на смѣну Рима, прежде всего, соединены между собою узами двойного род-

*) *Каченовскій*: „Курсъ междунар. права“, кн. II, стр. 290 и 303.

**) *Каченовскій*, тамъ же, стр. 331 и 336.

ства: физіологическаго, по крови, и духовнаго. Они вышли изъ одной общей родины, въ Азіи, и, какъ можно предположить, ведутъ свое начало отъ одного общаго родоначальника. Разселились они въ такой части свѣта, въ Европѣ, которая, изо всѣхъ остальныхъ, по самымъ своимъ физическимъ свойствамъ, требуетъ отъ человѣка постояннаго напряженія всѣхъ его силъ, а съ другой стороны, способствуетъ сближенію и сношеніямъ людей, а не ихъ разобщенію. Принадлежа къ наиболѣе даровитой человѣческой расѣ, бѣлой, и къ той ея части, которую называютъ общимъ именемъ арійцевъ, народы эти особенно отмѣчены въ исторіи своею способностью къ высшей государственной жизни, живымъ сознаніемъ собственнаго человѣческаго «я» и личнаго достоинства, наконецъ, пытливымъ, чрезвычайно энергичнымъ умомъ. У нихъ мы видимъ не только богатство разнообразнѣйшихъ политическихъ формъ, но и широкое внутреннее развитіе и усовершенствованіе каждой изъ этихъ формъ въ отдѣльности,—отъ грубыхъ и простыхъ до самыхъ сложныхъ и свободныхъ. Этими способностями новыхъ народовъ къ *государственности* и къ *индивидуализму*, какъ внутренними факторами, болѣе всего вызвано къ жизни международное право. Но не должно упускать изъ вида другихъ, тоже очень важныхъ, элементовъ, повліявшихъ на его возникновеніе.

Народы эти нашли въ христіанской религіи идеи братства и любви къ людямъ, не сдерживаемые никакими временными или искусственными перегородками, и идеи, гораздо болѣе глубоко обоснованныя и практически плодотворныя, чѣмъ это было у стоиковъ. Они вступили въ богатое наслѣдіе не только классической древности, особенно по части философіи, политики и права, но и приняли въ себя главные результаты, добытые всею предшествовавшею имъ тысячелѣтнею исторіей Востока. Вотъ почему, принимая все это въ соображеніе, можно безъ преувеличенія сказать, что наша европейская или христіанская культура—обще-человѣческая, столько же по вошедшимъ въ нее *универсальнымъ элементамъ*, сколько и по ея широкимъ, дѣйствительно *міровымъ задачамъ*. Такой культурѣ, сообразно съ ея ходомъ, должно соотвѣтствовать и право универсальное, общечеловѣческое, какимъ, по существу своему, является право международное.

Съ указываемымъ нами явленіемъ не стоятъ въ противорѣчіи позднее возникновеніе этого строя и не одинаковое участіе въ выработкѣ его началъ со стороны отдѣльныхъ народовъ Европы. Онъ возникъ поздно, въ XVII стол., когда пала средневѣковая замкнутость въ духовной и экономической области, когда удивительныя изобрѣтенія и открытія раздвинули человѣческую мысль въ пониманіи нашей планеты и вселенной, когда реформація положила конецъ обскурантизму и деспотизму, исходившимъ отъ папъ, и когда народы Европы пробудились къ новой самостоятельной жизни сперва подъ охраною могущественныхъ національныхъ монархій. Различная же степень ихъ участія въ общей международной жизни была лишь послѣдствіемъ ихъ различнаго внутренняго развитія и положенія въ средѣ другихъ народовъ. Эти послѣднія условія никогда не исчезаютъ и въ мел-

народномъ быту, но, вопреки утвержденіямъ современныхъ націоналовъ, ими не подрываются высшія единство и общность европейской культуры.

На практикѣ росту международнаго союза въ новое время болѣе всего содѣйствовали два фактора: усиленіе принципа *общенія* между народами и постепенное, болѣе полное осуществленіе идеи *современнаго государства*.

Общеніе съ самаго начала исторіи новыхъ народовъ Европы стало понемногу замѣнять изолированность и вражду, въ которой жили между собою древнія государства. Но даже въ тѣ отдаленныя эпохи, когда всѣ внѣшнія и внутреннія условія въ жизни народовъ такъ сильно толкали ихъ на путь взаимнаго обособленія, даже въ тѣ эпохи, насколько дозволяютъ намъ судить о нихъ скудныя и отрывочныя, дошедшія до насъ, свѣдѣнія, существовали между древними цивилизаціями извѣстное преемство и воздѣйствіе. Но въ средніе вѣка и позднѣе общеніе стало вырабатываться постепенно совмѣстнымъ и параллельнымъ ходомъ всей жизни ново-европейскихъ народовъ. Прежде чѣмъ перейти въ сознательный и самостоятельный *принципъ права*, оно стало сказываться и дѣйствовать на почвѣ *религіозной* (католическая церковь въ средневѣковомъ обществѣ), *экономическихъ интересовъ* (самостоятельная организація торговыхъ сословій и союзовъ тогда же) и *политики* (политическое равновѣсіе, какъ первое, но еще грубое и внѣшнее проявленіе между государствами Европы нѣкоторой общности и солидарности, но чисто-политической).

Переходъ общенія собственно на почву права сталъ опредѣленнѣе совершаться лишь въ нашемъ столѣтіи, и то мы присутствуемъ еще только при зарожденіи крайне любопытнаго явленія въ общественной жизни народовъ, о будущихъ цѣляхъ и размѣрахъ котораго судить теперь, даже приблизительно, крайне смѣло. Удивительнаго въ этомъ ничего нѣтъ, если сообразить сложность и обширность международной жизни, которую принципъ общенія, какъ начало права, призванъ преобразовать и организовать, и если вспомнить недавнее возникновеніе международнаго порядка, вообще не восходящаго, какъ сказано, далѣе трехъ вѣковъ отъ насъ.

Юридическая сила общенія въ международной области проявляется въ троякомъ направленіи: во-первыхъ, въ томъ, что правительства стали за послѣднее время чаще и чаще издавать *законы*, регулирующіе международные интересы и освящающіе международные принципы. По воззрѣнію англійскихъ и американскихъ юристовъ (Блекстона, Филлимора, Уартона), международное право есть составная часть государственныхъ законовъ ихъ отечества *). Гарейсъ, въ своемъ учебникѣ по международному праву, всюду ссылается на законы и распоряженія Германской имперіи, въ которыхъ

---

*) Особенно характерны слова Блекстона: „The International Law is adopted in its full extent by the Law of England, and whenever any question arises which is properly subject to its juridiction, it is hold to be a part of the Law of the land“ (*Commentaries on the Laws of England*. Кн. IV, гл. 5, приводится у *Рива*: „Lehrbuch des Völkerrechts“, 1889, S. 8).

выражается охрана международныхъ интересовъ *). Правительства, какъ извѣстно, не утвердили декларацiи объ обычаяхъ и законахъ войны, выработанной на брюссельской конференцiи 1874 г., но многiя изъ ея постановленiй они приняли позднѣе въ своихъ законахъ, распоряженiяхъ и учебникахъ по военному праву, которые они стали издавать для своихъ военныхъ училищъ.

Во-вторыхъ, увеличивается число *договоровъ* по разнымъ вопросамъ общественной жизни, съ болѣе или менѣе богатымъ юридическимъ содержанiемъ и привлекающихъ къ себѣ все бо́льшее число участниковъ. Нѣкоторые, по своей части, представляютъ примѣры хотя частичной, но при этомъ довольно полной и тщательной кодификацiи (берлинскiй актъ 1885 г. о Конго и Нигерѣ; брюссельскiй 1890 г.—о преслѣдованiи негроторговли въ Африкѣ и др.).

Въ-третьихъ, получаетъ воплощенiе идея о международной организацiи той или иной отрасли управленiя, для чего создаются даже особые, спецiальные *союзы* (почтовый, телеграфный и мн. др.) **). Государственное управленiе, такимъ образомъ, ради блага самихъ государствъ и ихъ подданныхъ, расширяется до международнаго управленiя и въ немъ находитъ себѣ естественное завершенiе. То же стремленiе къ организацiи можно подмѣтить и въ болѣе частомъ обращенiи государствъ, въ наши дни, къ *международнымъ третейскимъ судамъ* и въ попыткахъ сдѣлать ихъ вообще болѣе правильными и постоянными. Повсюду это движенiе къ сближенiю и къ сношенiямъ усиливается, независимо отъ политическихъ или нацiональныхъ границъ, и ростетъ оно по мѣрѣ усовершенствованiй въ техникѣ передачи человѣческой мысли независимо отъ пространства и передвиженiя лицъ и товаровъ.

Не только усиливающееся общенiе, но и самая природа *современнаго государства* требуетъ международнаго права и порядка. Писатели нашего времени большею частью согласны въ томъ, что они видятъ въ государствѣ не какое-либо искусственное учрежденiе или логическое понятiе, а высшую форму *личности*. Спецiально современное государство они обозначаютъ, въ техническомъ смыслѣ, *правовымъ*. Такъ они его называютъ не потому, что оно издаетъ законы и опредѣляетъ право,—ибо безъ этого не существовало никогда ни одного государства,—а потому, что оно, какъ самостоятельная личность, въ этой своей дѣятельности, не должно сливаться и отождествляться ни съ подвластными ему гражданами, ни съ зависящими отъ него органами.

Но нельзя согласиться съ государственниками въ томъ, что государство абсолютно и принадлежащая ему верховная власть будто безгранична. По-ихъ мнѣнiю, они понимаютъ это лишь въ формальномъ смыслѣ ***), не отрицая ея

---

*) *Gareis:* „Institution des Völkerrechts“, 1887.

**) О нихъ ср. прекрасную книгу *Moynier:* „Les Bureaux internationaux des Unions universelles“, 1892, о которой мы дали отчетъ въ *Русской Мысли*, дек. 189.. г.

***) „Нѣтъ силы и нѣтъ закона,—говоритъ проф. Сергѣевичъ,—которые были бы выше

ограничиваемости тѣми физическими и нравственными условіями, среди которыхъ она призвана дѣйствовать *). Но эта теорія, какъ она ни распространена, должна быть признана несостоятельною: государство, вытекая изъ условій земной жизни человѣка, по самой своей природѣ, ограничено, и такимъ только оно и можетъ быть, какъ личность, да, притомъ, юридическая. Никакая сотворенная личность по идеѣ и въ проявленіи не абсолютна, т.-е. не можетъ сама себѣ во всемъ довлѣть, а живетъ и развивается лишь въ *союзѣ* и при *помощи* другихъ такихъ же особей, какъ она. Законъ этотъ одинъ какъ для физическихъ лицъ, такъ и для собирательныхъ. Будучи требованіемъ строгаго мышленія, онъ всюду подтверждается и историческимъ опытомъ. Затѣмъ, никакія нормы права, будь то законодательныя, тоже не абсолютны, но должны находить себѣ въ матеріальныхъ условіяхъ жизни и при встрѣчѣ съ другими принципами высшаго порядка формальныя границы, переступивъ которыя онѣ становятся недѣйствительными. Эти принципы должны быть предусмотрѣны и опредѣлены въ законѣ. По природѣ вещей къ таковымъ относятся: вѣчныя начала нравственности, личныя права человѣка и международныя положительныя нормы. Всѣ они формально должны ограничивать волю законодательной власти, кому бы она ни принадлежала: одному ли лицу, извѣстной ли коллегіи, или даже всему обществу.

Такимъ образомъ, изученіе внѣшней и внутренней *жизни* современныхъ государствъ въ одинаковой степени подкрѣпляетъ необходимость международнаго союза и объясняетъ причины его сравнительно быстраго роста въ нашемъ столѣтіи **).

Другимъ, не менѣе важнымъ, факторомъ рядомъ съ жизнью въ выработкѣ международнаго строя является *наука*. Она какъ бы собираетъ разрозненные лучи правосознанія народовъ въ одинъ фокусъ и, наводя его на явленія дѣйствительной жизни, не только способствуетъ общему ихъ разумѣнію, но и дальнѣйшему развитію въ будущемъ. Наука, въ сферѣ международной, по самымъ особенностямъ послѣдней, имѣетъ болѣе значенія и самостоятельности, нежели во всякой иной области права: тутъ она призвана не только распространять свѣдѣнія въ обществѣ и критически

верховной власти. Она дѣйствуетъ по законамъ, но она сама творитъ ихъ; въ этомъ смыслѣ она ничѣмъ не ограничена, она можетъ объявить закономъ все, что захочетъ, и никакое другое учрежденіе или отдѣльный человѣкъ не имѣетъ права сказать, что это не законъ" (лекціи по исторіи русскаго права).

*) „Своими постановленіями,—читаемъ мы у того же автора,—верховная власть не можетъ сдѣлать физически невозможное—возможнымъ, безнравственное—нравственнымъ, вредное—полезнымъ, и наоборотъ; все это вытекаетъ изъ природы вещей, а не устанавливается законами" (тамъ же).

**) Подробности объ этомъ можно найти въ *Введеніи* къ кодексу *Блюнчли:* „О значеніи и успѣхахъ современнаго международнаго права" (въ русск. пер. гг. Улянницкаго и Ладыженскаго, 1877 г.). *Brie:* „Die Fortschritte des Völkerrechts seit dem Wiener Congress", 1890.—*Noguères:* „Des progrès du droit international public au XIX siècle", 1891.

перерабатывать подлежащій ея вѣдѣнію матеріалъ, но и творчески будить мысль и открывать ей новые и болѣе обширные горизонты. Эта дѣятельность не произвольная, разъ она опирается столько же на законы нашего мышленія, сколько и исторіи. Въ этомъ смыслѣ понимали науку и всѣ лучшіе, передовые интернаціоналисты разныхъ временъ. Еще въ XVI ст. Гроцій, въ своихъ сочиненіяхъ *Mare liberum* и *De jure belli ac pacis*, высказалъ двоякій протестъ противъ произвола и грубой силы: съ одной стороны, на моряхъ, съ другой—во время войны. Его послѣдователи, придерживавшіеся началъ естественнаго права, указали въ нихъ, для международной жизни, новые и болѣе возвышенные нравственные идеалы, а позитивисты стали тщательно собирать всѣ матеріалы и прецеденты изъ практики государствъ, способные утвердить ихъ взаимныя сношенія на болѣе твердыхъ основаніяхъ сравнительно съ зыбкою почвой ихъ тогдашней политики. Среди переворотовъ, вызванныхъ французскою революціей, пишетъ Кантъ свой небольшой, но столь глубокій по содержанію проектъ о вѣчномъ мирѣ. Гефтеръ даетъ въ своей книгѣ юридическую обработку матеріаламъ нашей науки и въ этомъ направленіи находитъ многочисленныхъ продолжателей. Блюнчли раскрываетъ обще-человѣческую природу ея началъ и облекаетъ ихъ въ статьи хотя пока научнаго кодекса, но призваннаго современемъ расчистить дорогу для настоящаго кодекса народовъ. Кальтенборнъ, по тщательномъ изученіи писателей, кладетъ начало самостоятельному построенію всей системы международнаго права, а Лоранъ, во свѣтѣ ея идей, пишетъ исторію человѣчества. Наконецъ, Фіоре указываетъ на практическіе способы ихъ осуществленія въ жизни, постепенно, безъ скачковъ и потрясеній.

Сообразно со всѣмъ ходомъ общественной жизни въ наши дни и наука облекается въ *коллективныя формы*, представляющія такъ много удобствъ сравнительно съ единичными усиліями. Блестящимъ выраженіемъ этого является *Институтъ международнаго права*. Это—чисто-частное общество, но группирующее вокругъ себя ученыхъ по этой спеціальности всѣхъ цивилизованныхъ странъ. Чуждый предвзятыхъ идей политики, онъ, согласно своему уставу, болѣе всего стремится стать органомъ юридической совѣсти народовъ въ международной сферѣ нашего времени.

V.

Мы видимъ, что всею предшествующею своею исторіей народы Европы дѣйствительно соединены въ одну семью, но это вовсе не исключаетъ большаго разнообразія въ ихъ индивидуальныхъ способностяхъ, воззрѣніяхъ и даже извѣстныхъ между ними противуположностей. Послѣднія особенно будто бы велики между Россіею и Европою и ихъ любятъ рѣзко выдвигать на первый планъ очень многіе какъ на Западѣ, такъ и у насъ. Это происходитъ вслѣдствіе различныхъ предубѣжденій, о которыхъ нельзя не упомянуть.

За границею вообще не любятъ Россію. Каждый по-своему толкуетъ

мотивы этой нелюбви. Говорятъ: боятся ея могущества, не сочувствуютъ ея политическимъ принципамъ и идеаламъ, не довѣряютъ ея политикѣ и болѣе всего опасаются ея завоевательныхъ наступательныхъ намѣреній, начиная съ покоренія Константинополя, похода въ Индію и кончая... неизвѣстно чѣмъ. Эти возгласы стали раздаваться со времени фабрикаціи пресловутаго завѣщанія Петра Великаго и они повторялись съ различными варіаціями въ устахъ Фридриха II, Наполеона I и ихъ безчисленныхъ послѣдователей. Мысли, ихъ внушающія, вызвали болѣе всего крымскую войну и объясняютъ главное содержаніе берлинскаго трактата. Надо замѣтить, что эти утвержденія опираются, главнымъ образомъ, на политику, искони разъединявшую народы. Нелюбовь, о которой мы говоримъ, питалась еще незнаніемъ, а, слѣдовательно, и непониманіемъ Россіи. Ея отдаленность и языкъ, трудно изучаемый для западныхъ европейцевъ, содѣйствовали составленію и обращенію на ея счетъ различныхъ басенъ и устрашеній. Наконецъ, нравы многихъ изъ нашихъ соотечественниковъ, подолгу странствующихъ въ чужихъ краяхъ, могли внушить тамъ не особенно лестныя мнѣнія о народѣ, за членовъ котораго они себя иногда любятъ выдавать.

Намъ невозможно, само собою разумѣется, входить здѣсь въ оцѣнку каждаго изъ приведенныхъ мотивовъ и разобрать, что въ нихъ принадлежитъ къ міру дѣйствительности и что къ области чистаго вымысла. Замѣтимъ, однако, что европейцы, повторяя эти, или подобные имъ доводы, упускаютъ изъ вида такія важныя обстоятельства, какъ обширность Россіи, дѣлающую для нея рѣшительно нежелательнымъ всякое новое завоеваніе, миролюбивый характеръ ея населенія, постоянные успѣхи, среди него, промышленности, торговли, образованія. Все это—могущественные факторы мира и взаимнаго сближенія народовъ.

Съ другой стороны, усердные національны у насъ стараются возвести какъ можно выше стѣну, якобы отдѣляющую насъ отъ чуждаго намъ и враждебнаго Запада. Разнообразные голоса, раздающіеся въ этомъ направленіи, могутъ быть сведены къ тремъ главнымъ теченіямъ: Россія, говорятъ они, во всѣхъ отношеніяхъ рѣзко отличается отъ Запада по своимъ прошлымъ судьбамъ, по своимъ задачамъ и по характеру ея коренного населенія; Западъ, несмотря на всѣ обманчивыя наружныя формы, вступилъ въ періодъ разложенія и гніенія; торжество международныхъ идей мира и братства на практикѣ поведетъ народы къ нравственной дряблости и смерти. Отсюда—Россія призвана дать міру образецъ новой и высшей культуры *).

Въ этихъ утвержденіяхъ много смѣлаго и недоказаннаго. Они радуютъ наше русское сердце, но они едва ли выдерживаютъ строгую критику всеиспытующаго ума. Дѣло въ томъ, что въ нихъ пункты различія между западною и восточною Европой преднамѣренно увеличены и обострены, черты сходства, напротивъ, умалены или обойдены молчаніемъ.

---

*) Въ этомъ направленіи особенно писали: *Данилевскій:* „Россія и Европа“. Изд. 4-е 1890 г. *К. Леонтьевъ:* „Востокъ, Россія и славянство“. 2 т. 1885—86 г. *Его же:* „Національная политика, какъ орудіе всемірной революціи“. 1889 г.

Мы не споримъ противъ того, что, въ силу всего своего прошлаго, Россія представляетъ бо̀льшія отличія отъ западно-европейскихъ странъ, чѣмъ онѣ между собою, но эти отличія никакъ не могутъ обособить ея *) въ отдѣльный отъ Европы міръ: она, все-таки, остается страною европейскою и христіанскою. Въ продолженіе своей исторіи она послѣдовательно восприняла на себя дѣйствіе элементовъ: византійскаго, монгольскаго и западно-европейскаго, и элементы эти оказали огромное вліяніе на всѣ стороны ея теоретической мысли и практической жизни. Въ связи съ этимъ и культура, которую призваны, быть можетъ, развить и расширить славянскія племена въ будущемъ, корнями своими утверждается въ той почвѣ, изъ которой вышли всѣ указанные элементы. Они же всегда, въ значительной степени, будутъ обусловливать и ея конечныя цѣли и идеалы. Покидая же эту реальную и историческую почву, мы подвергаемся опасности увлечься личными желаніями и иллюзіями, которыя всегда по природѣ столь разнообразны и безбрежны.

Не къ таковымъ ли фантазіямъ слѣдуетъ причислить и мысли о гніеніи Запада? Многое въ его жизни можетъ намъ представляться ненормальнымъ и внушающимъ серьезныя опасенія за будущее, но отсюда до полнаго его разложенія еще далеко, а, съ другой стороны, мы сами въ дѣйствительности такъ ли во всѣхъ отношеніяхъ здоровы, какъ хотятъ насъ увѣрить въ этомъ иные близорукіе патріоты? Послѣдніе часто приходятъ въ негодованіе отъ современной пропаганды идей мира и братства между народами. Война,—восклицаютъ они за одно съ большинствомъ военныхъ людей,—законъ природы! Въ ней сказывается одна изъ формъ той борьбы за существованіе, которую ведетъ все живое и благодаря которой оно даже совершенствуется. Продолжительный миръ поведетъ лишь къ общей дряблости и трусости и лишитъ насъ тѣхъ высшихъ доблестей, которыми украшаетъ война. Спеціально русскій народъ въ пору общей опасности проявлялъ, въ борьбѣ съ врагами, столько мощной, стихійной силы, какъ рѣдко другой какой-либо народъ въ исторіи.

Читая подобныя сплетенія софизмовъ нашей печати, не можешь довольно имъ надивиться. Никто не отрицаетъ стихійную мощь русскаго человѣка и право его отбиваться отъ враговъ не подвергается сомнѣнію, но защитники войны знать не хотятъ всего, что въ основаніи подрываетъ ихъ утвержденія: современное общество, ходомъ всей его жизни, превращается все рѣшительнѣе изъ *военнаго* въ *промышленное*; война, благодаря непрекращающимся усовершенствованіямъ военной техники, идетъ неотразимо къ *самоуничтоженію*; укрѣпленіе между государствами мира,

---

*) По мнѣнію В. И. Ламанскаго, Россія не настоящая Европа и не настоящая Азія, а особый, посредствующій между ними *Средній міръ*, куда онъ относитъ и всѣ западныя славянскія земли. Но послѣднія по своей исторіи, духу и симпатіямъ большею частью, въ большинствѣ, тяготѣли всегда болѣе къ Европѣ, чѣмъ къ Россіи. Не то ли можно сказать о Румыніи, Греціи и, до извѣстной степени, даже Сербіи и Болгаріи?" (*Ламанскій:* „Три міра" въ *Славянскомъ Обозрѣніи* 1892 г., кн. I—IV).

путемъ лучшей международной организаціи, не устранитъ въ человѣческой жизни борьбу и соревнованіе, но переведетъ ихъ съ грубой и животной почвы къ формамъ болѣе благороднымъ и человѣчнымъ.

Всѣ эти улучшенія, сами по себѣ столь благія, могутъ только радовать и русскаго, любящаго свое отечество.

Хотя международный строй возникъ внѣ и безъ содѣйствія Россіи, но онъ не можетъ быть ей чуждымъ или враждебнымъ. *Безчисленныя нити*,— независимо отъ политической розни между тѣмъ или инымъ его членомъ,— *связываютъ восточную Европу съ западною*. Еще до вступленія своего въ европейскій концертъ Россія служила ему надежнымъ оплотомъ отъ нашествія азіатскихъ хищниковъ. Сдѣлавшись его членомъ, она, сообразно съ своимъ внутреннимъ складомъ, явилась, въ международной политикѣ, выразительницею и носительницею *консервативнаго начала*. Этимъ объясняется ея борьба съ Фридрихомъ II, Наполеономъ I и вся внѣшняя политика императора Николая. Одностороннее иногда пониманіе ею этого принципа и проведеніе его на практикѣ, вопреки требованіямъ жизни, много способствовали той нелюбви къ намъ Запада, о которой мы намекали выше. Но Россія стояла не разъ и за другія, болѣе широкія и *общечеловѣческія* идеи: Екатерина II выступила, въ актѣ вооруженнаго нейтралитета, противъ насилій англичанъ на моряхъ, и хотя кратковременна была созванная ею лига нейтральныхъ, но указаннымъ беззаконіямъ былъ положенъ, все-таки, нѣкоторый предѣлъ. Мало того: Екатерина II вмѣстѣ съ Іосифомъ II обдумывала даже *общенародный морской кодексъ*, въ которомъ были бы выяснены обязательныя для народовъ, во время морской войны, правила, и эти правила она желала видѣть принятыми со стороны всѣхъ безъ исключенія *). Императоръ Александръ I, серьезно думая о замиреніи Европы и заключившій Священный союзъ, отвѣтственно къ сдѣланному въ 1816 г. предложенію Англіи о созывѣ конференціи изъ военныхъ делегатовъ для опредѣленія нормальной силы каждой европейской арміи въ мирное время. «Даже такой человѣкъ какъ кн. Меттернихъ, въ особой запискѣ призналъ вредъ уже тогда существовавшаго милитаризма, увидѣвъ въ слишкомъ многочисленныхъ арміяхъ опасность для внутренняго порядка государства, ибо ими истощаются средства, необходимыя для управленія» **). Императоръ Александръ помышлялъ о *смягченіи войны* посредствомъ кодификаціи ея законовъ. Если всѣ эти попытки не удались, то слѣдуетъ приписать вовсе не тому были внѣшнія обстоятельства и что осуществленіе есть вопросъ времени. Наконецъ, Россія содѣйствовала освобожденію христіанскихъ племенъ изъ-подъ власти турокъ и, если она захочетъ остаться вѣрною своимъ лучшимъ преданіямъ, она и впредь не отвернется отъ нихъ и подумаетъ объ ихъ порабощеніи.

*) См.: „Собраніе трактатовъ Россіи". II, стр. 131.
**) См., тамъ же. IV, ч. I, стр. 36.

VI.

Мы коснулись въ нашемъ очеркѣ лишь нѣкоторыхъ наиболѣе распространенныхъ предубѣжденій противъ международнаго права и порядка: всѣ эти и подобныя противъ нихъ возраженія покоятся на незнаніи или на недостаточномъ размышленіи о томъ, что нѣкоторые обсуждаютъ съ такою легкостью или съ чужаго голоса.

Международный строй вовсе не противорѣчитъ самостоятельности народовъ, въ какой бы то ни было области ихъ дѣятельности, но, ставя ихъ совмѣстную жизнь на почву нравственности и права, онъ стремится соединить ихъ, какъ живыхъ членовъ человѣчества, въ единый, стройный и организованный союзъ. Его идеалъ—возможно справедливый и прочный миръ между государствами, какъ первое, основное условіе преуспѣянія народовъ и отдѣльнаго человѣка. Укрѣпленіе внѣшняго мира между государствами поведетъ неизбѣжно и къ упроченію ихъ внутренняго мира и свободы. Миръ, какъ юридическая идея, ничего не имѣетъ общаго съ нравственною дряблостью, застоемъ и паденіемъ, къ которымъ, по словамъ его противниковъ, будто бы поведетъ его торжество въ жизни человѣка и цѣлаго общества. Всѣ благородные стимулы человѣческой души имъ самимъ не притупляются; въ жизни и безъ войны останется много мѣста для нравственной борьбы человѣка съ самимъ собою и съ другими и для воспитанія его во всѣхъ тѣхъ доблестяхъ, которымъ будто бы научаетъ его всего дѣйствительнѣе война. Напротивъ, ограниченіе ея сферы обозначитъ укрощеніе звѣря въ человѣкѣ и къ этой цѣли должно стремиться все, даваемое ему, общественное воспитаніе. Съ облагороженіемъ воззрѣній и нравовъ людей улучшается и общественная организація на всѣхъ ступеняхъ своего проявленія. Но въ этомъ должны участвовать всѣ умственныя и нравственныя силы, которыми только располагаютъ люди.

Все большее и большее приближеніе къ замиренію народовъ—такова высшая и конечная цѣль международнаго права, хотя оно ее понимаетъ какъ юридическій принципъ, въ смыслѣ мира юридически-организованнаго и общественнаго, т.-е. покоящагося на началахъ справедливости и общаго блага.

Еще ветхозавѣтные пророки говорятъ о времени, когда волкъ будетъ лежать вмѣстѣ съ ягненкомъ, когда мечъ и лукъ будутъ сломаны и мечъ будетъ перекованъ въ плугъ *). Съ самаго начала христіанства отцы церкви увидѣли въ мирѣ всеобщій необходимый законъ природы и политическій идеалъ христіанства, долженствующій соединить всѣ народы тѣсными и неразрывными узами братства. Уже въ концѣ I вѣка, въ такъ называемомъ посланіи Климента къ коринѳянамъ, мы читаемъ: всѣ твари, отъ высшихъ до низшихъ, подчиняются законамъ мира; соотвѣтственно съ этимъ и мы должны къ нему стремиться. Языческій патріотизмъ первые христіане на-

*) Ис. XI, 6; II, 4. Мих. IV, 3.

ходили недостойнымъ и противуобщественнымъ чувствомъ. «Въ чемъ состоитъ теперь любовь къ отечеству?—спрашиваетъ Лактанцій.—Въ ненависти къ другимъ государствамъ. Эта ненависть есть главный источникъ войнъ. Думаю, что правда и вражда между народами несовмѣстимы и не должны жить рядомъ въ вѣрующихъ душахъ». Проповѣдуя равенство всѣхъ людей и народовъ, отцы церкви не дѣлаютъ оговорокъ въ пользу случайныхъ преимуществъ одного племени передъ другимъ и не примѣшиваютъ къ своему ученію гордости, эгоизма или уступокъ силѣ, подобно стоическимъ философамъ. Понятіе, что война есть бѣдствіе и наказаніе за грѣхи людей, съ тѣхъ поръ утвердилось между христіанами навсегда. Будучи противниками ея и связанныхъ съ нею учрежденій, отцы церкви съ такою же энергіей возстаютъ противъ замкнутости древнихъ обществъ. «Мы не можемъ обойтись безъ взаимной помощи,—пишетъ Златоустъ.—Сама природа влечетъ насъ къ братскому союзу». Тертуліанъ и Августинъ смотрятъ на цѣлый міръ какъ на одно государство (unam omnium rempublicam agnoscimus mundum) и требуютъ свободы сношеній между христіанами. Отцы церкви не переставали заботиться о примиреніи народовъ, сдерживая своимъ вліяніемъ ихъ злые инстинкты. Вездѣ являлись они вѣстниками мира или безкровными завоевателями, такъ какъ Евангеліе отвергаетъ другія средства къ обращенію, кромѣ увѣщанія и проповѣди.

Въ эпоху распаденія языческаго міра церковь была единымъ крѣпкимъ союзомъ между людьми, который не только замѣнялъ собою государство, но, подъ духовною формой, предуказывалъ на будущее единство и организацію человѣчества. До возведенія ея на степень государственнаго учрежденія, она была проникнута самою широкою терпимостью, человѣколюбіемъ и универсализмомъ. Подъ ея духовнымъ владычествомъ народы могли жить въ добромъ согласіи, сохраняя политическую независимость и не подчиняясь другъ другу. Равноправный союзъ между ними она признавала желаннымъ и полезнымъ для нея самой. Замѣчательно, что отцы церкви не проповѣдуютъ ни всемірной диктатуры, ни вооруженной теократіи, а вѣрятъ, что христіанство положитъ основаніе новому, естественному порядку на землѣ. «Евангеліе,—говорятъ они,—есть самый вѣрный путь къ миру и сближенію рода человѣческаго. Всѣ племена должны составить одну семью, въ которой не будетъ ни побѣдителей, ни побѣжденныхъ» *).

Таково воззрѣніе на сношенія народовъ первоначальнаго христіанства, пока оно было чуждо примѣси позднѣйшихъ политическихъ тенденцій. Между этимъ взглядомъ и идеаломъ международнаго права кроется глубокое внутреннее сродство. Право это стремится лишь облечь въ конкретныя юридическія формы то, что, на почвѣ христіанства, является возвышенными нравственными требованіями. Но какъ же тогда, скажутъ многіе, согласовать съ этимъ слова Евангелія о послѣднихъ временахъ міра и о конечной

---

*) *Каченовскій*, назв. соч., стр. 215—222. Ср. *Кн. Трубецкой:* „Религіозно-общественный идеалъ западнаго христіанства въ V в.“. 1892 г., стр. 231 и сл.

судьбѣ человѣка на землѣ? Не проповѣдь о замиреніи народовъ, объ у-
леніи между людьми любви и братства слышится въ нихъ, а, наобо
грозныя предсказанія о повсемѣстномъ распространеніи беззаконій и б
нечныхъ, имѣющихъ отсюда возникнуть войнъ и переворотовъ.

Вникая глубже въ это пророчество, мы склонны видѣть въ немъ
и предостереженіе. *Тайну* — на томъ основаніи, что намъ не дано в
времена и обстоятельства, среди которыхъ наступятъ эти послѣднія
тія. Въ эпоху распаденія древняго общества и великихъ передвижені
родовъ можно было думать, какъ и дѣйствительно думали тогда, о
ромъ наступленіи конца міра. Тогда на самомъ дѣлѣ распадался дре
языческій міръ и зарождался новый, христіанскій. Эти ожиданія
повторились впослѣдствіи много разъ.

Но, кромѣ того, въ приведенномъ пророчествѣ заключается глу
предостереженіе. Имъ указывается возможная и вѣроятная причина
ственной смерти человѣчества. Послѣдняя наступитъ, когда въ нем
сякнутъ всякіе идеалы, когда въ наслажденіи матеріальными благами
увидитъ весь смыслъ и цѣль жизни и когда на мѣсто Бога поставитъ
ственное обоготворенное «я». Бороться съ такими явленіями — задача
кой культуры. Помимо силъ и утѣшеній, даваемыхъ человѣку на эту
бу религіею, онъ подкрѣпляется для ея веденія и лучшими доводами
зума, научающаго насъ, что, вопреки всѣмъ толкамъ пессимистовъ, з
прогресса управляетъ жизнью вселенной и человѣчества. Въ силу
закона мы видимъ въ мірѣ не только безсмысленную смѣну и повто
формъ и явленій, но постепенное ихъ, хотя бы чрезъ долгіе ряды п
сеній и страданій, восхожденіе отъ болѣе грубыхъ проявленій къ
шимъ и высшимъ. Спеціально, совершенствованіе есть внутренній з
жизни духа. Человѣкъ и цѣлые народы живутъ, въ настоящемъ см
этого слова, пока они движутся къ совершенствованію. Все дѣлать,
улучшать и облагораживать наше бытіе на всѣхъ ступеняхъ его про
нія,— первый долгъ каждаго, кто сознаетъ все величіе человѣческаг
стоинства. Самое отживаніе народовъ и распаденіе царствъ еще не об
чаетъ застоя человѣчества, какъ цѣлаго. Намъ невѣдомы горизонты, и
щіеся еще предъ нами открыться въ будущемъ, но пусть каждый изъ
въ отмѣренной ему области, честно и неутомимо трудится надъ укр
пленіемъ и улучшеніемъ настоящей *человѣчности*.

Гр. Л. Камаровск

Историческій методъ въ біологіи.

III. Что препятствовало и что способствовало успѣхамъ исторической идеи въ біологіи.

На основаніи всего сказаннаго нами ранѣе *) мы пришли къ заключенію, что ни морфологія, съ ея сравнительнымъ методомъ, ни физіологія, съ ея методомъ экспериментальнымъ, не отвѣчали на всѣ вѣковые запросы біологіи. Только изученіе самаго процесса образованія органическихъ формъ могло объяснить современный строй органическаго міра. Но, какъ задача динамическая, это изученіе выходило за предѣлы морфологіи, науки статической. Въ то же время, изученіе этого процесса не могло быть и задачей физіологіи, въ ея обычныхъ границахъ, какъ выходящее изъ сферы примѣненія чисто-экспериментальнаго метода, съ исключительно доступнымъ ему настоящимъ. Очевидно, задача эта должна была составить предметъ новой области біологическаго знанія, возстановляющаго прошлое организмовъ, т.-е. исторію органическаго міра. Но также очевидно, что эта новая отрасль изслѣдованія должна была строить свои основныя положенія на пріобрѣтеніяхъ двухъ первыхъ, служа для нихъ дополненіемъ и связующимъ звеномъ.

Далѣе мы убѣдились, что историческій процессъ, который могъ бы служить ключомъ для пониманія современнаго строя органическаго міра, долженъ былъ объяснить морфологу *единство*, а физіологу совершенство или *цѣлесообразность* всего живого. Эту двойственность задачи хорошо сознавали всѣ натуралисты, когда-либо задумывавшіеся надъ нею и такъ или иначе пытавшіеся разрѣшить ее. Мы неоднократно высказывали мысль, что въ этомъ согласномъ указаніи всѣхъ отраслей біологіи на необходимость объединенія всѣхъ ея задачъ—однимъ общимъ допущеніемъ историческаго процесса развитія—было нѣчто *роковое*, какъ бы независимое отъ воли и даже нерѣдко шедшее наперекоръ внутреннимъ стремленіямъ научныхъ дѣятелей, направлявшихъ біологію къ этому неизбѣжному исходу. Вѣ они: Жюсье, Кювье, Декандоль, Бэръ, Агассизъ и друг. или упорно обхо-

*) См. *Русскую Мысль* 1892 г.

дили молчаніемъ, или даже открыто возставали противъ этого, казалось бы, неотразимаго вывода изъ нхъ блестящихъ открытій. Но если они такъ поступали, то, очевидно, имѣли логическую возможность такъ поступать? Посмотримъ, въ чемъ же заключались тѣ препятствія, которыя становились на пути признанія факта историческаго развитія органическаго міра. Конечно, мы будемъ имѣть въ виду только препятствія научныя, логическія, не касаясь соображеній ненаучнаго или внѣнаучнаго порядка, не потому, чтобъ эти послѣднія не являлись порою самыми существенными тормазами на пути правильнаго развитія науки, но потому, что изученіе столкновеній различныхъ теченій человѣческой мысли составляетъ область исторіи вообще, исторіи цивилизаціи, а не спеціальной исторіи занимающаго насъ научнаго вопроса.

Всякій здравомыслящій человѣкъ, знакомый съ исторіей культуры, вполнѣ понимаетъ, какъ плачевно было вмѣшательство этихъ идей внѣнаучнаго порядка въ область наукъ, касающихся природы неоживленной. Но если по отношенію къ нимъ борьба уже прекратилась, то неисправимая близорукость или напускная слѣпота мѣшаетъ еще многимъ видѣть, что въ настоящую минуту біологія переживаетъ тотъ періодъ своего развитія, изъ котораго другія науки о природѣ побѣдоносно вышли въ XVII вѣкѣ. И такъ, оставляя въ сторонѣ тѣ внутреннія побужденія, которыя нерѣдко руководили біологами въ выборѣ той или другой теоріи, остановимся только на представлявшейся имъ логической возможности оправдывать то или другое воззрѣніе, исходя изъ наблюдаемой дѣйствительности.

Съ перваго взгляда, казалось бы, ничего не можетъ быть легче, какъ сказать себѣ, какъ нѣкогда Гёте въ Падуанскомъ ботаническомъ саду: «всѣ растенія произошли отъ одного», всѣ организмы связаны единствомъ происхожденія, степени сходства—только степени родства. И, между тѣмъ, большинство ученыхъ, съ самыми славными именами во главѣ, уклонялись отъ этого вывода или прямо отвергали его. Источникъ этого противорѣчія лежалъ, конечно, не только въ складѣ умовъ этихъ ученыхъ, но и въ самой природѣ вещей. Въ строѣ органическаго міра наблюдалось глубокое противорѣчіе, оправдывавшее разногласіе ученыхъ или, по крайней мѣрѣ, дававшее имъ точку опоры, хотя, конечно, одни, составлявшіе большинство, по своему внутреннему складу охотно усиливали, подчеркивали это противорѣчіе, другіе, наоборотъ, пытались скользить по немъ, хотя и не могли предъявить вполнѣ удовлетворительнаго для него объясненія.

Противорѣчіе, представляемое органическимъ міромъ, заключается въ слѣдующемъ. Если всѣ живыя существа связаны узами кровнаго родства, то вся совокупность ихъ должна бы представить одно сплошное непрерывное цѣлое, безъ промежутковъ и перерывовъ, и самая классификація, въ смыслѣ подраздѣленія на группы, должна являться дѣломъ произвольнаго, условнаго проведенія границъ тамъ, гдѣ ихъ дѣйствительно не существуетъ, т.-е. (какъ въ классификаціяхъ искусственныхъ) являться продуктомъ нашего ума, а не реальнымъ фактомъ, навязаннымъ извнѣ самою при-

дой *). Совокупность органическихъ формъ, связанныхъ единствомъ происхожденія, должна бы намъ представиться чѣмъ-то слитнымъ, вродѣ млечнаго пути, гдѣ глазъ не различаетъ отдѣльныхъ свѣтилъ, а не собраніемъ различаемыхъ глазомъ и раздѣленныхъ ясными промежутками отдѣльныхъ звѣздъ, группирующихся въ созвѣздія. А, между тѣмъ, эти различныя и обозначаемыя нами различными именами отдѣльныя органическія формы, эти собирательныя единицы, изъ которыхъ мы строимъ всѣ наши системы классификаціи, все равно, искусственныя или естественныя, являются вполнѣ реально, фактически обособленными, замкнутыми въ себѣ, не связанными между собою, какъ и отдѣльно видимыя звѣзды. И, въ то же время, группировка ихъ въ естественной системѣ является не произвольной, искусственной, какъ группировки звѣздъ въ созвѣздія, а также вполнѣ реальной, основанной на несомнѣнной внутренней связи. Органическій міръ представляетъ намъ несомнѣнную цѣпь существъ, но подъ условіемъ, чтобы мы смотрѣли на нее съ извѣстнаго разстоянія, охватывая ее въ одномъ общемъ взглядѣ; если же мы подойдемъ ближе, то убѣдимся, что это не сплошная цѣпь, а лишь расположенныя несомнѣнно на подобіе цѣпи, но, тѣмъ не менѣе, не сцѣпляющіяся между собой, не примыкающія непосредственно, отдѣльныя звенья. Вотъ это-то, казалось бы, непримиримое противорѣчіе и раздѣляло натуралистовъ на два лагеря. И то, и другое впечатлѣніе, выносимое изъ внимательнаго изученія природы, одинаково несомнѣнно, одинаково опирается на точное наблюденіе. Не будучи въ состояніи согласить эти два факта, связать ихъ въ одномъ логическомъ представленіи, одни, согласно общей склонности своего ума, приписывали выдающееся значеніе только первому, признавая только за нимъ реальную дѣйствительность, другіе, наоборотъ, признавали реальность второго факта, приписывая первому выводу только идеальное бытіе, видя въ немъ только построеніе творческаго ума. Одни, одаренные склонностью къ синтезу, останавливали свои взоры на органическомъ мірѣ, какъ на цѣломъ, скользя по противорѣчіямъ этого представленія съ безчисленнымъ рядомъ частныхъ фактовъ. Другіе, со складомъ болѣе аналитическимъ, сосредоточивали свое вниманіе на частныхъ фактахъ, закрывая глаза передъ впечатлѣніемъ, выносимымъ изъ разсмотрѣнія цѣлаго. Разрѣшить вопросъ можно было только допустивъ одинаковую реальность фактовъ обѣихъ категорій, признавъ ихъ полную равноправность и найдя, въ то же время, фактическую почву для ихъ соглашенія. Но именно это единственное возможное разрѣшеніе и не давалось первымъ смѣлымъ и убѣжденнымъ защитникамъ идеи историческаго развитія органическаго міра.

Разрозненныя звенья органической цѣпи, тѣ собирательныя единицы, изъ которыхъ строится зданіе всякой естественной системы, получили въ

*) Такъ, наприм., законъ разрубаетъ подобное затрудненіе, называя человѣка, не достигшаго 21 года, несовершеннолѣтнимъ, а человѣка, которому исполнилось 21 годъ и одинъ день,—совершеннолѣтнимъ, хотя между этими существами, конечно, не наблюдается никакого различія.

наукѣ названіе видовыхъ группъ или *видовъ*. Отсюда понятно, что всѣ представленія объ органическомъ мірѣ, какъ цѣломъ, должны были зависѣть отъ той точки зрѣнія, которую натуралисты принимали по отношенію къ составляющей это цѣлое единицѣ—виду. Что виды представляютъ, не примыкающія непосредственно одна къ другой, группы формъ, это—коренной фактъ, на которомъ основывается самая возможность нашихъ системъ, искусственныхъ или естественныхъ. Весь вопросъ въ томъ: этотъ строй природы, относительно котораго не можетъ быть двухъ мнѣній, выражаетъ ли онъ только ея современное состояніе, настоящій историческій моментъ ея существованія, или и всегда, въ прошломъ, эти группы были такими же обособленными, разрозненными, какъ и теперь? Если видовыя группы всегда были и будутъ такими, какими мы ихъ застаемъ теперь, то всѣ изложенныя соображенія о единствѣ происхожденія организмовъ получаютъ темный, неуловимый, метафизическій смыслъ: дѣйствительной, реальной цѣпи существъ нѣтъ и никогда не было; она существуетъ только въ нашемъ представленіи. Такимъ образомъ, вопросъ о фактическомъ единствѣ органическаго міра, о связующемъ все живое историческомъ процессѣ сводится, прежде всего, къ узкому, техническому, по своей формѣ, вопросу о происхожденіи видовъ. Всякая теорія происхожденія органическихъ существъ должна исходить изъ критики и яснаго установленія понятія объ естественно-историческомъ видѣ.

Что такое виды? Что такое видъ? Если на первый вопросъ очень легко отвѣтить примѣрами, то на второй никогда еще не было дано удовлетворительнаго отвѣта.

И такъ, что такое виды? Это вполнѣ опредѣленныя, реальныя группы сходныхъ между собой существъ, отличающіяся отъ другихъ наиболѣе сходныхъ съ ними группъ существъ въ такой же мѣрѣ, въ какой волкъ отличается отъ собаки, лошадь—отъ осла, малина—отъ ежевики, фіалка—отъ анютиныхъ глазокъ и т. д. Всѣ группы существъ, представляющія такую же степень различія и такъ же обособленныя, не связанныя переходами, мы назовемъ видами. Разрозненныя, но несущія несомнѣнные слѣды сходства, группы видовъ образуютъ собирательныя единицы высшаго порядка—роды и т. д. Между группами высшихъ порядковъ будутъ наблюдаться такіе же, но, понятно, болѣе широкіе разрывы, какъ и между видами. Пока дѣло ограничивается примѣрами видовыхъ группъ, число которыхъ доходитъ до сотенъ тысячъ, все представляется яснымъ; но какъ только изъ этихъ конкретныхъ примѣровъ желаютъ вывести обобщеніе, найти критеріумъ того, что слѣдуетъ считать видомъ, начинаютъ путаться, впадать въ противорѣчія, вынуждены сознаться, что удовлетворительное опредѣленіе невозможно. Линней если не первый установилъ видовыя группы, то болѣе всѣхъ способствовалъ укорененію того воззрѣнія на видъ, которое въ теченіе цѣлаго вѣка господствовало въ наукѣ и, по справедливому замѣчанію историка зоологіи Каруса, «было обречено на безплодіе». Для Линнея число видовъ было выраженіемъ соотвѣтственнаго числа

творческихъ актовъ: «Species tot sunt diversae, quot diversas formas creavit infiitum ens». Это воззрѣніе, понятно, не спасло отъ ложнаго круга, не отвѣчало на вопросъ: сколько же ихъ было сотворено? Для насущныхъ потребностей науки, какъ критеріумъ для установленія видовыхъ группъ, имѣло гораздо болѣе значенія болѣе реальное представленіе о видѣ, которое высказалъ ранѣе предшественникъ Линнея и основатель ученія о видахъ, знаменитый англійскій ученый Рей. Для него главнымъ критеріумомъ вида было постоянство формъ, происхожденіе подобнаго отъ подобнаго, т.-е. сходство дѣтей съ родителями, или, другими словами, единство происхожденія. Это единство происхожденія, доказанное или подразумѣваемое на основаніи соотвѣтственнаго сходства, и легло въ основу представленія о видовой группѣ и было особенно отчетливо выражено въ опредѣленіи вида, въ которомъ Кювье подвелъ итогъ воззрѣніямъ своихъ предшественниковъ. Для Кювье видъ, это—«собраніе организованныхъ существъ, рожденныхъ одни отъ другихъ или отъ общихъ родителей и всѣхъ тѣхъ, кто съ ними сходны, въ такой же мѣрѣ, въ какой они сходны между собой».

Такимъ образомъ, единство происхожденія служило основаніемъ, степень сходства—средствомъ для установленія видовыхъ группъ. За представителями одного вида признавалось общее происхожденіе (иногда прямо доказанное, чаще лишь выводимое на основаніи степени сходства), по отношенію къ представителямъ различныхъ видовъ оно прямо, но въ большей части случаевъ голословно отрицалось. Но степень сходства могла служить критеріумомъ принадлежности къ одному виду только при допущеніи, что видовыя формы не способны измѣняться. И для Кювье неизмѣнчивость видовъ была краеугольнымъ камнемъ естественной системы. «Безъ постоянства видовъ,—говорилъ онъ,—немыслима естественная исторія». Эти слова показываютъ, до какой степени натуралисты того времени свыклись съ примѣненіемъ слова «исторія» въ смыслѣ совершенно противномъ его истинному значенію. Съ бо́льшимъ правомъ можно было бы извратить слова Кювье, сказавъ: «если виды постоянны, то не существуетъ и естественной исторіи». Но, спрашивается, эта утверждаемая неизмѣнчивость видовыхъ формъ, равносильная отрицанію ихъ историческаго развитія, опирается ли она на достаточномъ основаніи? Правда, за память человѣка, отъ лошади не рождалось осла или отъ малины — ежевики, не рождалось также и существъ, которыя отличались бы отъ своихъ родителей въ такой же мѣрѣ, въ какой эти виды отличаются между собой, но, спрашивается, необходимо ли такое исключительное явленіе для убѣжденія въ единствѣ происхожденія этихъ, очевидно, сходныхъ между собой существъ? Возможно ли даже такое явленіе? Вяжется ли оно съ основнымъ представленіемъ о постепенности историческаго процесса? Мы знаемъ достовѣрно, кто были предки ирландцевъ или французовъ, и, однако, никому не приходило въ голову требовать, въ подтвержденіе этого факта, чтобъ отъ ирландскихъ или французскихъ родителей вдругъ родился косматый

кельтъ или галлъ и упорно заговорилъ на своемъ давно забытомъ нарѣчіи. Такое немыслимое чудо уничтожило бы всѣ наши понятія о естественно-историческомъ процессѣ, и, однако, именно такого чуда не разъ требовали отъ защитниковъ естественно-историческаго развитія органическаго міра ихъ противники *).

Впрочемъ, для доказательства невозможности общаго происхожденія видовъ или, что все равно, зарожденія новыхъ, достаточно было бы доказать, что видовыя формы неподвижны, абсолютно неизмѣнчивы. Но,—There's the rub,—этого-то защитники постоянства видовъ никогда и не могли утверждать. Это отсутствіе абсолютной неизмѣняемости видовъ и было причиной неуловимости понятія о видѣ, невозможности дать для него точное опредѣленіе. Уже Рей (въ свой *Исторіи растеній*) посвящаетъ цѣлую главу вопросу объ измѣненіяхъ, которымъ подвержены видовыя формы. «Этотъ довольно постоянный признакъ тождества видовыхъ формъ,— говоритъ онъ,—нельзя считать абсолютнымъ, непреложнымъ. Опытъ поучаетъ насъ, что нѣкоторыя сѣмена вырождаются, что, правда, рѣдко, изъ сѣмени выходятъ недѣлимыя, отличныя отъ материнской формы;—другими словами, растительные виды представляютъ варіаціи». Это соображеніе объ извѣстной степени измѣнчивости видовыхъ формъ въ дѣйствительности никогда и не покидало натуралистовъ, въ томъ числѣ Линнея. Согласить измѣнчивость формъ съ неподвижностью видовъ можно было только допустивъ, что измѣнчивость эта имѣетъ извѣстный предѣлъ. Но, вѣдь, одинаково законно было бы допустить, что такого предѣла не существуетъ. Первый ученый, попытавшійся, съ поразительною ясностью, поставить этотъ вопросъ и подвергнуть его всесторонней критикѣ, былъ знаменитый Ламаркъ, разносторонняя научная дѣятельность котораго обнимаетъ конецъ прошлаго и начало настоящаго столѣтія.

Съ идеями Ламарка необходимо ближе ознакомиться, не потому только, что онѣ долгое время передавались въ превратной, почти каррикатурной формѣ, но и потому, что послѣ того, какъ имъ была отдана должная, хотя и поздняя дань справедливости, возникли два крайнія воззрѣнія: одно, придающее имъ преувеличенное значеніе, другое—вновь отказывающее имъ въ какомъ бы то ни было значеніи. Съ этими новѣйшими теченіями научной мысли, представляющими живой современный интересъ, намъ придется ознакомиться въ своемъ мѣстѣ, а пока постараемся представить возможно сжатый анализъ воззрѣній Ламарка, посмотримъ, какое положеніе онъ принялъ по отношенію къ занимающему насъ въ эту минуту вопросу о томъ, что такое *видъ*.

---

*) За примѣрами ходить не далеко. Этотъ ребяческій аргументъ былъ предъявленъ Вирховымъ въ его рѣчи при открытіи антропологическаго съѣзда въ Москвѣ. Остается только пожалѣть, что почтенный ученый обнаружилъ такое неуваженіе къ своей аудиторіи. Или законы логики не одни и тѣ же для Москвы и для Берлина? Почему возможно побѣдоносно предъявлять въ Москвѣ аргументы, которые было бы не безопасно предъявлять въ Берлинѣ или хоть въ Мюнхенѣ, во время знаменитаго турнира между Вирховымъ и Геккелемъ?

Появившаяся въ 1809 году *Philosophie Zoologique* Ламарка представляетъ несомнѣнно первое произведеніе, въ которомъ вопросъ о происхожденіи организмовъ обсуждается не мимоходомъ, а со всею необходимою широтой охвата, во всеоружіи научныхъ знаній того времени *). Съ этой точки зрѣнія, нельзя не согласиться съ мнѣніемъ Бленвиля, что Ламаркъ былъ величайшій натуралистъ-мыслитель своего времени, способный не только обогащать науку новыми фактами, но и обнять въ одномъ широкомъ синтезѣ все поле современнаго ему естествознанія.

Ламаркъ, прежде всего, даетъ опредѣленное объясненіе истиннаго смысла естественной системы. Для него, какъ и для Жюсье, задача натуралиста заключается въ изученіи соотношеній,—des rapports,—между живыми тѣлами. А этимъ словомъ обозначаются «аналогическія или сходственныя черты, обнимающія совокупность строенія или преобладающихъ его частей, причемъ отдается предпочтеніе частямъ наиболѣе существеннымъ». Результатомъ этого раскрытія *соотношеній* и является естественная система. Это сосредоточеніе вниманія натуралистовъ на изученіи соотношеній (а не исключительно только различій, какъ прежде) обнаруживаетъ, по мнѣнію Ламарка, коренной переворотъ въ направленіи и объясняетъ громадные шаги впередъ, сдѣланные современнымъ ему естествознаніемъ. Сознаніе потребности въ *естественной системѣ*, по его мнѣнію, отмѣчаетъ самый существенный успѣхъ, сдѣланный *философіей науки*. Но что же лежитъ въ основѣ этой естественной системы? «Это только набросанный человѣкомъ очеркъ того пути, которымъ шла сама природа, осуществляя свои произведенія» (C'est la marche que suit la nature pour faire exister ses productions),—отвѣчаетъ Ламаркъ.

Но, допустивъ, что органическій міръ представляетъ одно неразрывное цѣлое, всѣ установленныя наукой группы Ламаркъ совершенно послѣдовательно признаетъ за произведенія человѣческаго искусства **), за отрѣзки (coupes—Ламаркъ охотно неоднократно возвращается къ этому выраженію), которые мы отхватываемъ отъ естественнаго цѣлаго. Онъ ясно подчеркиваетъ то кажущееся парадоксальнымъ заключеніе, къ которому мы пришли выше, что именно въ естественномъ ряду подраздѣленіе на группы, составляющее сущность всякой классификаціи, представлялось бы вполнѣ искусственнымъ и произвольнымъ. «Въ такомъ случаѣ,—говоритъ онъ,—ничто не представляло бы болѣе затрудненій, какъ опредѣленіе границъ этихъ различныхъ отрѣзковъ (ces differentes coupes); они мѣнялись бы по произ-

---

*) Извѣстно, что Ламаркъ былъ однимъ изъ послѣднихъ представителей, теперь уже едва мыслимаго, типа *натуралиста*, т.-е. ученаго, совмѣщавшаго почти одинаково обширныя и глубокія знанія въ области ботаники, зоологіи и отчасти геологіи. Въ ботаникѣ его имя останется связаннымъ съ изобрѣтеніемъ такъ называемаго „дихотомическаго ключа“, который, конечно, навсегда останется самымъ простымъ пріемомъ для опредѣленія.

**) Глава, посвященная этому вопросу, такъ и озаглавлена: *Des parties de l'art dans les productions de la Nature.*

волу, и согласіе было бы возможно только въ тѣхъ случаяхъ, когда въ ряду формъ появлялись бы разрывы (des vides)». «Но,—продолжаетъ онъ,—*по счастью*, для цѣлей искусства, для осуществленія нашихъ подраздѣленій, такъ много породъ животныхъ и растеній намъ не извѣстны, такъ много останется, вѣроятно, неизвѣстными, вслѣдствіе ихъ мѣстонахожденія и иныхъ препятствій, что происходящія отъ того пустоты въ рядахъ животныхъ и растеній еще надолго, а, можетъ быть, и на всегда доставятъ намъ возможность рѣзко ограничивать тѣ отрѣзки (ces coupes), въ которыхъ мы нуждаемся» *).

Такимъ образомъ, мы должны, прежде всего, отмѣтить, что отсутствіе непрерывной цѣпи существъ, разрозненность видовыхъ группъ — основная черта современнаго строя органическаго міра, опредѣляющая возможность реальной, а не произвольной классификаціи,—для Ламарка—только результатъ *счастливой случайности,* благодаря которой намъ не извѣстны всѣ существующія животныя и растенія, и этими-то случайными пробѣлами мы пользуемся для разграниченія нашихъ группъ. Но это объясненіе отсутствія слитности всѣхъ органическихъ формъ, это толкованіе фактической замкнутости видовыхъ группъ, конечно, не могло удовлетворить и вынуждало ученыхъ и мыслителей, даже сочувствовавшихъ общему складу мыслей Ламарка, соглашаться съ доводами его противниковъ, пока для этого загадочнаго факта не было найдено дѣйствительнаго объясненія.

Гораздо успѣшнѣе осуществилъ Ламаркъ другую и главную задачу своей книги — критику понятія о видѣ. Третья глава его книги, озаглавленная: *De c'espèce parmi les corps vivants et de l'idée que nous devons attacher á le mot*, содержитъ блестящую для его времени аргументацію, мало чѣмъ отличающуюся отъ современныхъ воззрѣній на этотъ предметъ. «Видомъ,—говоритъ Ламаркъ,—называютъ всякое собраніе сходныхъ недѣлимыхъ, произведенныхъ другими недѣлимыми, имъ подобными». «Это опредѣленіе вѣрно,—продолжаетъ онъ,—но къ нему добавляютъ, что недѣлимыя, образующія видъ, никогда не измѣняются въ своихъ видовыхъ признакахъ и что, слѣдовательно, *видъ* представляется въ природѣ абсолютно постояннымъ. Вотъ противъ этого-то предположенія я и намѣренъ бороться, потому что очевидныя доказательства, добытыя путемъ опыта, обнаруживаютъ, что оно лишено основанія». Ознакомимся съ общимъ ходомъ его аргументаціи. Чѣмъ болѣе расширяются наши знанія,—говоритъ Ламаркъ,—тѣмъ болѣе разростаются затрудненія при установленіи видовыхъ группъ. Внимательное изученіе обнаруживаетъ, что полное сходство представителей одного вида наблюдается только при полномъ тождествѣ условій ихъ существованія, съ измѣненіемъ послѣднихъ, подмѣчаются и уклоненія въ формахъ. Возникаетъ сомнѣніе: что же считать за самостоятельные виды, что—за разновидности, за породы въ предѣлахъ того же вида? Существуютъ роды, въ которыхъ виды уже почти примыкаютъ

---

*) Линней, какъ извѣстно, дѣлалъ рѣзкое различіе между видовой и высшими таксономическими группами: *Classis et ordo est sapientiae, species naturae opus*

одни къ другимъ, образуя непрерывные ряды, и, только выключая нѣкоторые члены этихъ рядовъ, мы получаемъ рѣзко обособленные виды. Таковы были и первыя впечатлѣнія, вынесенныя изъ знакомства съ ближайшими только, насъ окружающими формами и зависѣвшія отъ неполноты доступнаго вначалѣ матеріала. Чѣмъ болѣе ростетъ число извѣстныхъ намъ формъ, тѣмъ болѣе сглаживаются эти первыя впечатлѣнія. Ламаркъ указываетъ на роды растеній, представляющіе непреодолимыя трудности при установленіи ихъ видовъ, и приводитъ, между прочимъ, такіе примѣры, какъ *осока* или *ястребинникъ*, которые сохранили и до настоящаго времени свою доказательную силу.

Защитники постоянства видовъ уже въ его время, а позднѣе еще съ большею силой, выдвигали фактъ, что будто бы между представителями различныхъ видовъ невозможно скрещиваніе, которое давало бы начало плодовитому потомству. Ламаркъ подвергаетъ сомнѣнію всеобщность этого факта и отказывается видѣть въ немъ критеріумъ видового различія.

Далѣе Ламаркъ переходитъ къ оцѣнкѣ фактовъ, которымъ какъ разъ въ то время, когда появилась его знаменитая книга, придавали рѣшающее значеніе въ вопросѣ о постоянствѣ видовъ—къ оцѣнкѣ научныхъ результатовъ египетской экспедиціи, обработанныхъ Жофруа Сентъ-Илеромъ. Животныя и растенія, остатки которыхъ сохранились въ египетскихъ гробницахъ, оказались вполнѣ сходными съ современными видами, изъ чего поспѣшили сдѣлать выводъ, что если за такіе громадные промежутки времени видовыя формы не измѣнились, то, значитъ, онѣ и не могутъ измѣниться. На это Ламаркъ, прежде всего, возражаетъ: «Было бы очень странно, еслибъ оказалось иначе, такъ какъ и положеніе Египта, и его климатъ приблизительно тѣ же, что были прежде», и затѣмъ съ рѣдкою для того времени смѣлостью развиваетъ мысль, что какія-нибудь три тысячи лѣтъ, представляющіяся громаднымъ періодомъ съ точки зрѣнія человѣческой исторіи, очевидно, ничтожны въ сравненіи съ промежутками времени, которыми измѣряется исторія нашей планеты. «Но, конечно,—добавляетъ онъ,—толпой (par le vulgaire des hommes) эта *кажущаяся неподвижность* формъ будетъ всегда признаваться за *дѣйствительную*, такъ какъ обо всемъ мы привыкли судить только по отношенію къ себѣ».

Въ добавленіи ко второму тому своей книги Ламаркъ резюмируетъ эти идеи въ картиномъ сравненіи, которое впослѣдствіи нерѣдко, можетъ быть, и безъ умысла, перефразировалось другими писателями. «Еслибъ человѣческая жизнь длилась всего одну *секунду* и существовали бы наши современные часы, каждое недѣлимое нашего вида, наблюдая часовую стрѣлку, не подмѣтило бы ея движеніе въ теченіе цѣлой своей жизни, хотя въ дѣйствительности она не неподвижна. Наблюденія тридцати поколѣній не дали бы никакихъ очевидныхъ результатовъ относительно ея перемѣщенія, такъ какъ ея движеніе, соотвѣтствующее полуминутѣ, очевидно, было бы слишкомъ мало, чтобъ его можно было уловить; и еслибъ болѣе древнія наблюденія показывали, что стрѣлка дѣйствительно смѣстилась, имъ не дали бы вѣ-

ры, подозрѣвая какую-нибудь ошибку, такъ какъ всякій наблюдатель видѣлъ бы стрѣлку неизмѣнно на той же точкѣ ея пути.

«Предоставляю читателямъ сдѣлать выводъ изъ этихъ соображеній».

Устранивъ это возраженіе противъ измѣняемости видовъ, Ламаркъ останавливаетъ вниманіе читателя на фактѣ исчезновенія съ поверхности земли безчисленныхъ органическихъ формъ, совершенно отличныхъ отъ нынѣ существующихъ и находимыхъ только въ ископаемомъ состояніи. Куда же дѣлись ихъ потомки? Вмѣсто того, чтобы предположить, что это были самостоятельные виды, безслѣдно исчезнувшіе вслѣдствіе *общихъ катастрофъ*, не вѣроятнѣе ли допустить, что происходили непрерывныя измѣненія въ формѣ и распредѣленіи воды и суши, и эти измѣненія, въ свою очередь, были причиной измѣненія живыхъ существъ, такъ что современные организмы—не новыя произведенія природы а только измѣнившіеся потомки прежде существовавшихъ видовъ? На основаніи всѣхъ этихъ соображеній, Ламаркъ, въ противность господствовавшему убѣжденію о неподвижности видовъ, приходитъ къ выводу, «что недѣлимыя, первоначально принадлежавшія къ одному *виду*, могутъ оказаться измѣнившимися въ такой мѣрѣ, что будутъ являться представителями новаго *вида*, совершенно отличнаго отъ перваго», и далѣе: «виды обладаютъ только относительнымъ постоянствомъ; ихъ неизмѣнчивость только временная. Тѣмъ не менѣе, ради облегченія труда изученія такого множества разнообразныхъ тѣлъ, нужно сохранить названіе *вида* за каждымъ собраніемъ сходныхъ недѣлимыхъ, передающихъ свои свойства потомству, но лишь пока условія ихъ существованія не измѣнятся настолько, чтобы вызвать измѣненія въ ихъ привычкахъ, характерѣ и формахъ».

Однимъ изъ ближайшихъ выводовъ своего воззрѣнія на единство происхожденія организмовъ Ламаркъ считаетъ необходимость, подражая въ этомъ примѣру Жюсье, и животное царство располагать въ рядъ, начиная съ простѣйшихъ представителей и восходя къ болѣе совершеннымъ, такъ какъ, очевидно, этому порядку слѣдовала сама природа.

До сихъ поръ въ изложеніи идей Ламарка мы не встрѣтили ничего такого, съ чѣмъ не согласился бы каждый современный натуралистъ, и можно только удивляться ясности и проницательности ума, такъ радикально и безповоротно измѣнившаго основныя представленія о живой природѣ. Признавая, что постоянство видовъ только кажущееся, онъ устранялъ главное препятствіе, мѣшавшее допущенію историческаго процесса, а указывая на громадность сроковъ времени, на которые даетъ право разсчитывать геологія, отводилъ этой исторіи необходимый просторъ.

Если бы Ламаркъ ограничился только тѣмъ, что мы условились называть *морфологическою задачей*, т.-е. объясненіемъ сходства организмовъ на основаніи единства ихъ происхожденія, то все имъ высказанное цѣликомъ, безъ измѣненія, вошло бы составною частью въ позднѣйшія теоріи, оставался бы только необъясненнымъ фактъ обособленности видовъ ихъ

грушъ, который, какъ мы видѣли, Ламаркъ неудовлетворительно объяснялъ *счастливою случайностью*, до времени или навсегда скрывшей отъ насъ недостающія звенья.

Но Ламаркъ хотѣлъ разрѣшить и вторую задачу, ту, которую мы назвали *физіологической*, т.-е. объяснить вторую основную особенность органическихъ существъ—цѣлесообразность ихъ строенія, соотвѣтствіе между формою и отправленіемъ. Эта попытка, оказавшаяся неудачной, была причиной или, вѣрнѣе, благовиднымъ предлогомъ для того, чтобъ его противники успѣли надолго и всѣ его блестящія идеи облечь въ одну общую невѣрную, почти карикатурную форму.

Быть можетъ,—возражаетъ онъ самъ себѣ,—даже допустивъ неограниченные сроки времени и безконечное разнообразіе условій существованія, мы должны будемъ воздержаться отъ предлагаемаго объясненія, въ виду того, что вызываетъ наше изумленіе при изученіи живыхъ существъ, инстинктовъ и т. д., и чрезъ нѣсколько строкъ отвѣчаетъ: «Я надѣюсь ать, что природа обладаетъ средствами, необходимыми для осуществле-ого, чему мы въ ней изумляемся». Какъ объяснить этотъ основной ь соотвѣтствія между органомъ и его отправленіемъ, между орудіемъ гребностью, которой оно должно удовлетворить? Разрѣшеніе этой вѣ-і загадки, предлагаемое Ламаркомъ, съ перваго взгляда поражаетъ своростотой. Этого соотвѣтствія не можетъ не существовать,—отвѣчаетъ ркъ,—потому, что *сама потребность порождаетъ органъ*.

акое объясненіе, еслибъ оно оказалось вѣрнымъ, конечно, развязывало зелъ, который тщетно пытались разсѣчь ученіемъ о конечныхъ прикъ. Но не трудно убѣдиться въ томъ, что эта неудачная мысль не ь выдержать строгой критики и въ своемъ крушеніи увлекла и все то было вполнѣ вѣрно въ ученіи Ламарка, въ чемъ онъ ровно на зка опередилъ самыхъ славныхъ изъ своихъ современниковъ.

ельзя безъ внутренняго чувства досады читать нѣкоторыя мѣста этой лавы его книги, такъ надолго установившей за Ламаркомъ совершенревратную извѣстность. Исходя изъ совершенно вѣрнаго положенія, *нѣшнія условія вліяютъ на формы и организацію животныхъ*, онъ къ затѣмъ, какъ бы спохватившись, самъ отрекается отъ него въ слѣихъ выраженіяхъ: «Конечно, еслибъ кто-нибудь принялъ эти слова уквальномъ смыслѣ, то приписалъ бы мнѣ очевидную ошибку, такъ никакія условія не вызываютъ *прямого, непосредственнаго измѣне*въ формѣ или организаціи животныхъ». И далѣе онъ подробно развиь свою мысль. Измѣнившіяся условія измѣняютъ только потребности тныхъ. Новыя потребности вызываютъ новыя дѣйствія. Новыя дѣй-, часто повторяемыя, превращаются въ навыки, въ привычки. Являся отсюда усиленное упражненіе органовъ причиняетъ ихъ ростъ, отвіе же упражненія—ихъ вырожденіе, атрофированіе. Мало того, нопотребности, чрезъ посредство ряда усилій, могутъ даже породить й органъ, въ которомъ ощущается потребность. Всѣ свои объясненія,

въ примѣненіи къ животному міру (о растеніяхъ будетъ рѣчь далѣе) Ламаркъ резюмируетъ въ двухъ законахъ, которые вкратцѣ можно формулировать такъ. *Законъ первый.*—Упражненіе и неупражненіе органа ведетъ къ его развитію или вырожденію. *Законъ второй.*—Эти измѣненія, въ ту или другую сторону, передаются по наслѣдству. Если первый изъ нихъ, въ извѣстномъ ограниченномъ смыслѣ (подтверждаемомъ изъ ежедневныхъ опытовъ человѣка надъ упражненіемъ мышцъ), не подлежитъ сомнѣнію, то второй, казавшійся Ламарку столь же очевиднымъ, какъ мы увидимъ въ дальнѣйшемъ изложеніи, въ настоящее время, когда возникла школа такъ называемаго *неоламаркизма*, является предметомъ живѣйшихъ обсужденій и представляется, въ качествѣ общаго закона, болѣе чѣмъ сомнительнымъ.

Но и первый свой законъ Ламаркъ пытался подтвердить въ такой преувеличенной формѣ, которая подала поводъ нападкамъ его противниковъ. Стараясь развить далѣе свое положеніе, что «потребности», «внутреннее чувство», «стремленія» животнаго могутъ не только развить уже существующій, но и породить новый органъ,—Ламаркъ приводитъ цѣлый рядъ бездоказательныхъ догадокъ, подхваченныхъ поднятыхъ на смѣхъ его противниками. Дѣйствительно, нельзя безъ улыбки сожалѣнія читать такія, напр., голословныя утвержденія: что плавательныя перепонки у водяныхъ птицъ явились потому, что въ усиліяхъ плавать онѣ растопыривали свои пальцы; что у береговыхъ птицъ, не желавшихъ промочить своихъ ногъ, вытянулась шея; что привычка пастись породила копыта, а необходимость тянуться за древесною листвой вытянула шею жирафа и т. д. Едва ли не самымъ комическимъ и произвольнымъ является, наконецъ, слѣдующее объясненіе, которое приводимъ въ собственныхъ словахъ Ламарка, чтобы дать образецъ тѣхъ неосторожныхъ мѣстъ его книги, на которыя справедливо была поведена аттака его противниками: «Въ порывахъ гнѣва, столь обычныхъ у самцовъ, *внутреннее чувство*, *вслѣдствіе своихъ усилій*, направляло жидкости къ этой части головы, вызывая въ однихъ случаяхъ отложенія рогового, въ другихъ—смѣси рогового и костнаго вещества, давшихъ начало твердымъ отросткамъ: таково происхожденіе роговъ, которыми вооружены ихъ головы». Давно замѣчено, что самое ужасное, что можетъ постичь француза, это стать смѣшнымъ. Изложенная только что сторона ученія Ламарка именно prêtait au ridicule, и его противники, сосредоточивъ свои удары на этомъ уязвимомъ мѣстѣ теоріи, повели дѣло такъ удачно, что въ глазахъ публики великій ученый надолго остался праздномъ фантазеромъ, объяснявшимъ длинную шею жирафа тѣмъ, что животное тянулось общипывать листья съ верхушекъ деревьевъ, и т. д. Глубокія новаторскія мысли, щедро разсѣянныя на страницахъ *Philosophie Zoologique*, остались заслоненными неудачною попыткой объяснить ихъ несообразность строенія *животныхъ организмовъ* и раздѣлили ея участь. Умышленно подчеркиваемъ слова—животныхъ организмовъ, потому что по отношенію къ растенію эта теорія «стремленій», «внутренняго чув-

порождающихъ соотвѣтственный органъ, конечно, не нашли примѣненія, и здѣсь Ламаркъ остался строгимъ ученымъ, не покидавшимъ почвы наблюдаемыхъ фактовъ. Можно сказать, что будь Ламаркъ только ботаникомъ, а не зоологомъ, напиши онъ, какъ Линней, «философію ботаники», и его идеи почти цѣликомъ сдѣлались бы достояніемъ науки. Чему же приписываетъ онъ измѣненія, происходящія въ растеніяхъ? На этотъ разъ, хотя и не заявляя этого открыто, онъ отступается отъ высказаннаго положенія, что внѣшнія условія не оказываютъ *прямого* дѣйствія, и опредѣленно заявляетъ, что такъ какъ растеніе не имѣетъ, собственно говоря, «привычекъ», то все достигается измѣненіями, вызываемыми въ питаніи, въ зависимости отъ «поглощеній и испареній», и количествомъ получаемаго тепла, свѣта воздуха и влаги, а также отъ «превосходства однихъ жизненныхъ движеній передъ другими». Эти положенія онъ подкрѣпляетъ цѣлымъ рядомъ удачно подобранныхъ примѣровъ, указывая, какъ, подъ вліяніемъ среды, измѣняется опушеніе листьевъ, приземистыя формы вытягиваютъ свои стебли, появляются или исчезаютъ колючки; указываетъ, наконецъ, на различія водяной и наземной формы рѣчного лютика (Ranunculus aquatilis), которыя ботаники его времени относили къ различнымъ видамъ. Но, оставаясь при объясненіи измѣненій въ формахъ растеній на строго-научной, фактической почвѣ, Ламаркъ за то оставляетъ безъ объясненія вопросъ о причинѣ цѣлесообразности этихъ формъ.

Подводя итогъ дѣятельности Ламарка въ разсматриваемомъ нами направленіи, мы должны придти къ слѣдующему заключенію. По отношенію къ первой, морфологической, задачѣ онъ вполнѣ опредѣленно высказалъ убѣжденіе въ единствѣ и постепенности развитія органическаго міра, объяснилъ съ этой точки зрѣнія сущность естественной системы, устранилъ главное препятствіе на пути этого объясненія, подвергнувъ въ первый разъ основательной критикѣ научный догматъ о постоянствѣ вида, но не далъ удовлетворительнаго объясненія для другой коренной черты современнаго строя органическаго міра—для отсутствія непрерывной связи между видами, представляющими разорванныя звенья хотя и несомнѣнно одной общей цѣпи. По отношенію къ другой, физіологической задачѣ—объясненію цѣлесообразности строенія организмовъ—дѣятельность Ламарка была только отрицательной. Не объяснивъ ничего въ примѣненіи къ растительному міру, по отношенію къ животному, онъ предложилъ несомнѣнно невѣрную догадку, неудача которой обрушилась и на все его ученіе.

Но, конечно, не эти частные недочеты, а именно общая широта научнаго міровоззрѣнія Ламарка, шедшая въ разрѣзъ съ торжествовавшею въ то время по всей линіи реакціей, была причиной тому, что современники не оцѣнили значенія *Philosophie Zoologique* и не признали въ Ламаркѣ одного изъ величайшихъ натуралистовъ-мыслителей своего вѣка. Именно основныя идеи Ламарка, теперь ставшія ходячею монетой, но въ то время представлявшія научную ересь, навлекли на смѣлаго, послѣдовательнаго мыслителя нареканія и гоненія, выразившіяся, между прочимъ, въ грубомъ

публичномъ оскорбленіи, нанесенномъ ему Наполеон
торжественныхъ пріемовъ академіи наукъ. Не только
гой трудовой и полной испытаній жизни, но и послѣ
Ламаркъ хотя бы запоздалой справедливости. Онъ у
лѣтъ послѣ появленія *Philosophie Zoologique*, въ 1
десять пятомъ году своей жизни, за послѣднія деся
продолжая до конца диктовать дочери своей капитал
des animaux sans vertebres. Его торжествовавшій п
имѣть даже настолько великодушія, что въ своей ак
этотъ разъ по какой-то злой ироніи сохранившей
слова (éloge), не отнесся съ должною справедливостью
мому сопернику; эта рѣчь болѣе чѣмъ что другое сп
нію за Ламаркомъ славы какого-то безпочвеннаго ф
самъ глубоко сознавалъ несправедливость современн
сходство передъ своими критиками. Горечь этихъ чув
зывается въ нѣкоторыхъ мѣстахъ введенія его кни
насъ,—говоритъ онъ,—что люди съ развитымъ умом
составляли во всѣ времена ничтожное меньшинство.
оцѣниваются, а не подсчитываются», и нѣсколькими с
далеко не очевидно, чтобы лица, которыхъ обществе
авторитетомъ, дѣйствительно оказывались правыми в
сужденіяхъ». За то какою высокою, самоотверженною
долженъ былъ обладать человѣкъ, имѣвшій столько
на долголѣтнюю упорную несправедливость совреме
слѣдующую мысль, встрѣчающуюся на страницахъ т
концѣ-концовъ, пожалуй, лучше, чтобы вновь открыт
чена на долгую борьбу, не встрѣчая заслуженнаго
любое порожденіе человѣческой фантазіи встрѣчало
склонный пріемъ». Въ этихъ словахъ звучитъ та
разумъ, въ конечное торжество истины, которою был
поколѣніе дѣятелей восемнадцатаго вѣка.

Никогда борьба новыхъ идей, выразителемъ кот
и воззрѣній подавляющаго большинства натуралисто
ставителемъ которыхъ являлся Кювье, не обострялас
какъ въ краткій промежутокъ между смертью того и д
На этотъ разъ сторонникомъ идеи единства органиче
Этьенъ Жофруа Сентъ-Илеръ, который съ полнымъ п
что отстаивалъ это воззрѣніе еще съ прошлаго столѣ
останется памятенъ турниръ, разыгравшійся въ стѣнах
между Жофруа Сентъ-Илеромъ и Кювье и продолжавш

---

*) Бленвиль справедливо замѣчаетъ, что академія не
рѣчь до чтенія, тѣмъ болѣе, что и ея автора, Кювье, уже

но, съ февраля до іюня 1830 года. Въ исторіи мало найдется случаевъ, чтобы чисто-научный вопросъ возбуждалъ такой живой интересъ и за предѣлами тѣсно-научныхъ круговъ; въ параллель съ нимъ развѣ можетъ пойти споръ, разыгравшійся на глазахъ нашего поколѣнія между Пастёромъ и Пуше по поводу самозарожденія. И не въ одной Франціи внимательно слѣдили за столкновеніемъ между Жофруа Сентъ-Илеромъ и Кювье. Гёте, самъ, какъ мы видѣли, способствовавшій, за полвѣка передъ тѣмъ, распространенію сходныхъ научныхъ идей, познакомилъ, въ газетной статьѣ, нѣмецкую публику съ сущностью и главнѣйшими чертами этого спора. Извѣстенъ анекдотъ о комическомъ недоразумѣніи, происшедшемъ между Гёте и однимъ французскимъ путешественникомъ, посѣтившимъ его лѣтомъ 1830 года: оба собесѣдника нѣсколько разъ упоминали въ разговорѣ о событіи, обращающемъ на Парижъ взоры цивилизованнаго міра, и только спустя нѣкоторое время догадались, что французъ говорилъ объ іюльской революціи и крушеніи Бурбонской монархіи, а Гёте — о спорѣ Жофруа Сентъ-Илера и Кювье и столкновеніи двухъ міровоззрѣній. Впрочемъ, и тотъ живой интересъ, съ которымъ парижская печать слѣдила за перипетіями спора въ засѣданіяхъ академіи, не былъ вполнѣ чуждъ политическаго оттѣнка. *Journal des Débats* принялъ открыто сторону Кювье, приводя исключительно его мнѣнія, и хотя обѣщалъ представить сводъ возраженій Жофруа Сентъ-Илера, но такъ и не выполнилъ своего обѣщанія. Наоборотъ, оппозиціонныя *Temps* и *National* выступили защитниками Жофруа Сентъ-Илера, и корреспондентъ этой послѣдней резюмировалъ его идеи съ ясностью и блескомъ, которыхъ не доставало самому автору, такъ что послѣдній счелъ полезнымъ приложить этотъ газетный отчетъ къ собранію своихъ статей по этому вопросу.

Аргументація Жофруа Сентъ-Илера дѣйствительно страдала неопредѣленностью и какою-то разбросанностью; формулировка основныхъ положеній была нерѣшительна и расплывчата, а исходная точка зрѣнія постоянно колебалась между исключительнымъ довѣріемъ къ фактамъ и вѣрой въ апріористическія построенія. Все это не говорило въ его защиту, между тѣмъ какъ въ пользу Кювье закупали: хотя и болѣе узкая, но за то всегда ясная постановка вопроса, никогда не покидавшая строго-фактической почвы, извѣстный оттѣнокъ научнаго скептицизма и опредѣленная категоричность отстаиваемыхъ положеній. Если присоединить къ этому громкую научную славу и болѣе блестящее общественное положеніе, то всего этого было, конечно, болѣе чѣмъ достаточно, чтобы обезпечить за Кювье впечатлѣніе полной побѣды. А, между тѣмъ, въ основѣ Жофруа Сентъ-Иларъ, конечно, былъ правъ. Въ чемъ же заключалась центральная мысль этого спора въ глазахъ внимательно слѣдившихъ за ней неспеціалистовъ, то выплывавшая наружу во всей ея широтѣ, то скрывавшаяся въ частностяхъ непонятныхъ для публики препирательствъ о природѣ os hyoideum или аналогахъ operculum, praeoperculum, subopercu-lum и т. д.? Идея, которую Жофруа Сентъ-Иларъ, очевидно, сознавалъ, но крайне смутно выражалъ, касалась самыхъ философскихъ основъ сравни-

тельной анатоміи, т.-е. опредѣленія смысла, который мы должны придавать сходству разнородныхъ организацій, которое составляетъ все содержаніе этой науки. До какихъ предѣловъ законно это сравненіе и почему вообще можемъ мы сравнивать различное,—вотъ вопросы, очевидно занимавшіе Жофруа Сентъ-Илера. Это коренное сходство организмовъ, лежащее въ основѣ всѣхъ посылокъ сравнительной анатоміи, онъ называлъ то «единствомъ плана», то «единствомъ состава» (unité de composition), то «своею теоріей аналоговъ». Что Жофруа Сентъ-Иларъ разумѣлъ подъ этимъ именно то, что мы называемъ теперь гомологіей и объясняемъ единствомъ историческаго происхожденія, ясно изъ того, что онъ съ особенною старательностью подчеркивалъ мысль, что его аналогіи основаны не на внѣшнемъ сходствѣ формъ и не на сходствѣ отправленій, а на какомъ-то болѣе глубокомъ сходствѣ, опредѣляемомъ единствомъ состава и взаимнаго положенія частей. Онъ ссылается на изреченіе Лейбница, что природа, это—*единство въ разнообразіи;* приводитъ слова Ньютона, что «in corporibus animalium in omnibus fere similiter posita omnia», и укоряетъ Кювье за то, что тотъ въ своемъ знаменитомъ трудѣ, посвященномъ классу рыбъ, утверждалъ, что сходство ихъ органовъ съ органами представителей другихъ классовъ основывается только на сходствѣ отправленія. Кювье, какъ извѣстно, установивъ для животнаго царства нѣсколько типовъ, признавалъ за ними полную самостоятельность, отрицая возможность какой бы то связи или переходовъ. Руководясь идеей единства, Жофруа Сентъ-Иларъ повелъ аттаку противъ этого пункта ученія Кювье, но приводимые имъ аргументы (вродѣ попытки видѣть у ракообразныхъ части аналогическія частямъ черепа позвоночныхъ), начиная съ самаго перваго повода къ спору, были неудачно выбраны. Этимъ поводомъ послужило представленное академіи изслѣдованіе двухъ молодыхъ зоологовъ, Лоранселя и Мейрана, пытавшихся показать, что головоногія моллюски могутъ быть разсматриваемы какъ позвоночныя, перегнутыя пополамъ, такъ что заднепроходное отверстіе находится у нихъ на томъ же концѣ, гдѣ и ротъ. Жофруа Сентъ-Илеру, очевидно, не доставало того присущаго великимъ натуралистамъ «такта», который дозволяетъ имъ не только видѣть аналогіи тамъ, гдѣ онѣ существуютъ, но и не видѣть ихъ тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ. Неудачи въ частной фактической аргументаціи Жофруа Сентъ-Иларъ безуспѣшно пытался выкупать нѣкоторыми вѣрными общими соображеніями. Такъ, онъ справедливо обличалъ Кювье въ томъ, что его принципъ условій существованія, на основаніи котораго приспособленія органовъ и ихъ координація соотвѣтствуютъ роли, которую животное призвано играть въ природѣ, что этотъ принципъ ничто иное, какъ подогрѣтое ученіе о конечныхъ причинахъ. Такъ, онъ высказывалъ убѣжденіе, что истинный ученый долженъ, конечно, избѣгать увлеченій натуръ-философовъ, принимавшихъ свои смутныя предчувствія за средства для разрѣшенія самыхъ сложныхъ вопросовъ, но также не долженъ сводить науку на голую регистрацію фактовъ. Но тщетно пытался онъ утѣшать себя мыслью, будто великіе ученые (какъ Бюффонъ, Лавуазье, Ламаркъ) дѣлали открытія, отвер-

ляясь иногда и отъ невѣрныхъ фактовъ, будто особенность и превосходство великихъ умовъ заключаются именно въ томъ, что они допускаютъ существованіе того, что по ихъ представленію должно существовать,—серьезные ученые предпочитали холодную фактическую аргументацію Кювье, и Жофруа Сентъ-Илеръ остался прорицателемъ, угадывавшимъ будущее направленіе, пророкомъ но не реформаторомъ, дающимъ это направленіе наукѣ.

Однако, эта побѣда Кювье была послѣднею побѣдой защищаемаго имъ міровоззрѣнія. Въ январѣ того же 1830 года, слѣдовательно, за мѣсяцъ до возникновенія знаменательнаго спора съ Жофруа Сентъ-Илеромъ, въ Лондонѣ вышла книга, которая должна была нанести этому міровоззрѣнію, хотя съ совершенно иной стороны, ударъ, отъ котораго оно уже никогда болѣе не оправилось. Однимъ изъ устоевъ міровоззрѣнія Кювье, подкрѣплявшимъ догматъ о неизмѣняемости органическихъ формъ, было положеніе, что геологическія явленія не представляютъ непрерывной послѣдовательности, исторической преемственности, а, наоборотъ, свидѣтельствуютъ объ отдѣльныхъ, отрывочныхъ актахъ творенія, раздѣленныхъ антрактами, въ которыхъ все созданное подвергалось всеобщему истребленію. Недоумѣніе, возбуждаемое множествомъ ископаемыхъ остатковъ животныхъ и растеній, не встрѣчающихся въ современныхъ фаунахъ и флорахъ,—недоумѣніе, такъ прозорливо разрѣшенное Ламаркомъ предположеніемъ, что эти прежнія населенія не исчезли безслѣдно, а перерождались въ позднѣйшія и, наконецъ, въ современное намъ населеніе земли,—Кювье устранялъ совершенно иначе своею теоріей всеобщихъ катастрофъ, уносившихъ въ концѣ геологическихъ періодовъ все живое и оставлявшихъ tabula rasa для новыхъ творческихъ актовъ. Въ жизни консерваторъ и сторонникъ медленныхъ, постепенныхъ реформъ, Кювье отстаивалъ въ наукѣ мысль, что природа шла путемъ революцій, разрушая, чтобы созидать все вновь съ начала. Такова основная идея его извѣстнаго *Discour sur les révolutions du Globe*. Нигдѣ Кювье не высказывался такъ радикально противъ примѣненія въ геологіи (а, слѣдовательно, и въ біологіи) исторической точки зрѣнія. Вотъ это знаменитое мѣсто его рѣчи: «Долго думали, что прежніе геологическіе перевороты можно объяснить *существующими причинами*, подобно тому, какъ въ политической исторіи объясняютъ прошлыя событія, зная страсти и интриги современныхъ людей. Но мы сейчасъ увидимъ, что, по несчастію, въ исторіи физической дѣло обстоитъ совершенно иначе: нить процессовъ (le fil des opérations) порывается; ходъ естественныхъ явленій совершенно измѣняется; ни одинъ изъ употребляемыхъ теперь природой дѣятелей не былъ бы достаточенъ для достиженія ея прежнихъ результатовъ». Вслѣдъ за тѣмъ Кювье перебираетъ всѣ современные факторы геологическихъ измѣненій, каждый разъ приходя къ тому же заключенію, что они не могутъ объяснить намъ прошлаго земли. За Кювье установилась слава точнаго изслѣдователя, скептически отрицавшаго все, что не опирается на строго-фактическую почву, но, конечно, этого нельзя было сказать объ его теоріи катастрофъ, которую Ламаркъ имѣлъ полное право называть продуктомъ смѣлой фантазіи.

Вотъ это-то смѣло высказанное заявленіе, что по отношенію къ прошлому нашей планеты «нить индукціи порывается», это категорическое отрицаніе примѣнимости въ естествознаніи историческаго метода изслѣдованія подвергъ строгой критикѣ и похоронилъ на вѣки Лайель съ перваго тома своихъ *Principles of Geology*, вышедшаго въ 1830 году. Понятно то громадное значеніе, которое имѣло въ дальнѣйшемъ развитіи естествознанія появленіе этой книги. Съ первой же страницы Лайель высказываетъ мнѣніе діаметрально противуположное тому, которое заключалось въ только что приведенныхъ словахъ Кювье. Онъ ставитъ положеніе, что геологія—наука историческая въ буквальномъ смыслѣ этого слова, проводитъ подробную параллель между исторіей земли и исторіей политической и приходитъ къ выводу, что какъ въ исторіи прошлое поясняетъ настоящее и, наоборотъ, настоящее проливаетъ свѣтъ на прошлое, такъ и въ геологіи можно понять прошлое только на основаніи настоящаго. Изученіе «существующихъ причинъ» («existing causes») съ этой минуты становится лозунгомъ точнаго естествознанія. Показавъ въ подробномъ историческомъ очеркѣ, какъ постепенно вырабатывалась, начиная съ поэтическихъ космогоній Востока, эта единственно вѣрная точка зрѣнія на задачу геолога, какъ историка, Лайель заключаетъ его словами Нибура: «Кто призываетъ вновь къ жизни уже исчезнувшее, испытываетъ какъ бы блаженство творчества».

И такъ, «существующія причины» и время—вотъ факторы, которыми, послѣ Лайеля, вправѣ располагать натуралистъ въ своихъ объясненіяхъ прошлаго земли и *населяющихъ ее организмовъ*. Но, настаивая на этомъ ограниченіи въ выборѣ гипотезъ по отношенію къ геологу, самъ Лайель не счелъ возможнымъ признать его обязательность и для біолога. Провозгласивъ историческую идею, какъ единственную вѣрную путеводную нить для геолога, Лайель не рѣшился распространить ее на біологію. Это необходимо выяснить, тѣмъ болѣе, что нерѣдко высказывается мнѣніе, что на страницахъ *Principles of Geology* находилось уже въ зачаткѣ все современное эволюціонное ученіе *). Девять изданій этой книги, въ которыхъ Лайель неизмѣнно выступаетъ противникомъ идеи трансформизма, служитъ доказательствомъ невѣрности такого мнѣнія. И приходилъ онъ къ этому заключенію не потому, чтобы не далъ себѣ труда взвѣсить аргументы той или другой стороны,—напротивъ, онъ даетъ самый тщательный анализъ воззрѣній Ламарка, для того, чтобы, въ концѣ-концовъ, отвергнуть его заключенія объ измѣнчивости видовъ и постепенномъ историческомъ процессѣ образованія органическихъ формъ. Правда, Лайеля, какъ многихъ до него и послѣ него, очевидно, отталкиваетъ отъ выводовъ Ламарка послѣдовательность этого ученаго въ распространеніи ихъ и на происхожденіе человѣка, но та же самая послѣдовательность не оттолкнула же его позднѣе отъ выводовъ другого ученаго. Видно, требовались аргументы болѣе убѣ-

*) Это воззрѣніе, между прочимъ, было высказано и „Старымъ трансформистомъ" въ *Русской Мысли*.

тельные, чѣмъ тѣ, которыми располагалъ Ламаркъ для того, чтобы заставить Лайеля склониться передъ очевидностью, хотя и шедшей въ разладъ съ его другими искренними убѣжденіями. У Ламарка онъ береть только свое, только то, что соотвѣтствуетъ его собственному складу мыслей; онъ удивляется проницательности, обнаруживаемой этимъ ученымъ въ тѣхъ мѣстахъ его книги, гдѣ онъ говоритъ о необъятности времени, истекшаго съ той поры, какъ земля уже была заселена живыми существами и гдѣ онъ возстаетъ противъ теоріи катастрофъ, и объясняетъ геологическія явленія факторами, наблюдаемыми въ современной природѣ, но только дѣйствовавшими въ теченіе этихъ громадныхъ періодовъ времени. Но эти два положенія, высказываемыя Ламаркомъ только какъ болѣе раціональныя, у Лайеля являются неотразимымъ выводомъ изъ подавляющей массы строго обдуманныхъ фактовъ.

Какъ бы то ни было, но вліяніе идей Лайеля на дальнѣйшее направленіе, которое приняло естествознаніе вообще, а, слѣдовательно, и біологія, не подлежитъ сомнѣнію. Для натуралиста окончательно была завоевана идея медленнаго естественно-историческаго процесса, проливающаго свѣтъ на современный строй природы и, что̀ еще существеннѣе, провозглашенъ былъ научный принципъ, по преимуществу историческій, что и объясненіе прошлаго возможно только при допущеніи въ немъ тѣхъ же факторовъ, какіе мы изучаемъ въ настоящемъ. Всякая попытка прибѣгать при объясненіи этого прошлаго къ факторамъ исключительнымъ, не имѣющимъ аналогіи въ современномъ естественномъ ходѣ явленій, была напередъ осуждена какъ не научная. Можно сказать, что Лайель былъ въ извѣстномъ смыслѣ Вико естественной исторіи; его *Principles of Geology* были дѣйствительно *Principi di una Scienza nuova*: они положили основаніе философіи естественной *исторіи*, въ точномъ смыслѣ этого слова. Основныя идеи *Principles of Geology* относятся къ идеямъ Кювье въ его *Discours sur les Revolutons du Globe*, какъ основныя идеи *Scienza Nuova* относятся къ идеямъ *Discours sur l'histoire universelle* Боссюэ. Если на страницахъ книги Вико сдѣлана первая систематическая попытка разсматривать исторію человѣка какъ *естественную* исторію, то на страницахъ книги Лайеля сдѣлана первая систематическая попытка разсматривать естественную исторію какъ дѣйствительную *исторію*.

Въ то время, когда Лайель былъ еще занятъ обработкой третьяго тома своей книги, въ которомъ онъ высказывалъ свое несогласіе съ идеями Ламарка, изъ гавани Давенпорта уже выходилъ Бигль, несшій на себѣ молодого двадцати-двухлѣтняго натуралиста, который изъ впечатлѣній своего кругосвѣтнаго плаванія долженъ былъ вынести зачатки ученія, черезъ тридцать лѣтъ спустя заставившаго самого Лайеля убѣдиться, что не только земная кора, но и ея населеніе подчиняются тѣмъ же неизмѣннымъ историческимъ законамъ.

Мы теперь уже знаемъ всѣ условія, которымъ должно было удовлетворить это ученіе. Вотъ какія требованія были ему заранѣе предъявлены. Морфологу

оно должно было объяснить единство органическаго міра, фі
совершенство, классификатору — разорванность звеньевъ един
ской цѣпи, наконецъ, послѣдователю исторической идеи Лайел
прошлое органическаго міра, исходя исключительно изъ «exis
т.-е. построивъ свое объясненіе на фактахъ наблюдаемой дѣйс

Понятенъ былъ восторгъ, съ которымъ было встрѣчено у
гучемъ синтезѣ заключавшее одинъ отвѣтъ на всѣ эти запр
творившее всѣмъ этимъ требованіямъ, предъ которыми безпо
лись прежнія попытки. Можетъ быть, скажутъ: разъ всѣ ус
были опредѣлены, самый отвѣтъ былъ уже тѣмъ намѣченъ. В
но, тѣмъ не менѣе, онъ пришелъ тогда, когда умы, наиболѣе
готовленные, какъ Лайель, уже, казалось, перестали его ожида
шись въ его возможности.

К. Т

Мои каникулы.

(Одесса, Константинополь, Пирей, Аѳины, Александрія, Каиръ, пирамиды).

Пароходъ „Чихачевъ". 18 апрѣля 1893 г.

Дорогой В. А.

Якоря только что прогремѣли, машина затихла, рокотаніе руля смолкло, суета прекратилась, пассажиры успокоились, разбрелись на ночлегъ по своимъ каютамъ. Я одинъ въ курилкѣ сажусь за письмо къ тебѣ, за отчетъ о моихъ нынѣшнихъ каникулахъ. Мы стоимъ на якорѣ у входа въ Босфоръ, ночевать будемъ. Послѣ заката солнца суда не пропускаютъ въ проливъ. Мы и до этого затишья едва добрались, — такой туманъ, что, думали, придется опять уходить въ открытое море изъ опасенія натѣнуться на берегъ. Съ самыхъ сумерокъ пароходный свистокъ ревetъ неистовымъ голосомъ черезъ каждыя двѣ - три минуты. Огней маяковъ совсѣмъ не видно. О близости и расположеніи береговъ, румелійскаго и анатолійскаго, мы знаемъ лишь потому, что съ той и съ другой стороны отвѣчаютъ на нашъ ревъ сигнальными пушечными выстрѣлами. Мы замолчали, и пальба прекратилась. Тишина полная, даже рокота моря не слышно, такъ какъ двери и окна закрыты по случаю холода и сырости. Къ вечеру термометръ показывалъ 7°, меньше, кажется, чѣмъ въ Москвѣ въ день моего отъѣзда. Впрочемъ, по мѣрѣ того, какъ я, разставшись съ вами, подвигался къ благодатному югу, становилось все холоднѣе. Между Москвою и Курскомъ въ выемкахъ и западинахъ лежалъ зимній снѣгъ, а подъ Кіевомъ и въ Кіевѣ я засталъ настоящую зиму. Все бѣло, покрыто снѣгомъ, какъ въ февралѣ, и ни одной проталинки, и это 14 апрѣля на 1,000 верстъ южнѣе Москвы. Въ Одессѣ снѣга нѣтъ, но нѣтъ и ни одного листочка на деревьяхъ. Въ Одессу я пріѣхалъ въ четвергъ 15 и, прежде чѣмъ пуститься въ далекое плаваніе, отлично отдохнулъ въ Сѣверной гостиницѣ, подъ гостепріимнымъ кровомъ А. С. Ящука. Изъ нашихъ провинціальныхъ отелей это едва ли не самый лучшій, въ особенности же въ смыслѣ пропитанія, а это тѣмъ болѣе цѣнно, что тутъ приходится заговѣться надолго, отправляясь въ ту страну, куда я держу

путь. Весь путь я разсчитываю сдѣлать на пароходахъ Русскаго общества пароходства и торговли, проученный уже разъ плаваніемъ на итальянскихъ компаніи Флоріо-Рубатино, неудобныхъ и грязноватыхъ. А на мое счастье, попалъ я на *Чихачева*, который считается лучшимъ пароходомъ на этой линіи. И на самомъ дѣлѣ, требовать бо́льшихъ удобствъ и большей роскоши можетъ развѣ только человѣкъ, избалованный до привередливости. Вчера, ровно въ 4 часа дня, мы отвалили отъ набережной карантинной гавани подъ дождемъ и порывистымъ холоднымъ вѣтромъ. Кромѣ меня, на пароходѣ всего три пассажира I класса, не считая, впрочемъ, командира надъ портомъ, адмирала Бистрома, отправляющагося съ семействомъ до Константинополя. Изъ трехъ моихъ спутниковъ двое иностранцы, третій... право, не знаю, какъ его назвать: зовутъ его Георгіемъ Одиссеевичемъ Калло, родился онъ въ Россіи, ведетъ торговлю въ Одессѣ, родители его греки съ Іоническихъ острововъ, паспортъ у него англійскій, самъ же себя онъ называетъ русскимъ. А я могу только сказать, что человѣкъ онъ пресимпатичный, и мы съ нимъ очень скоро сошлись на излюбленномъ обоими предметѣ—на нумизматикѣ. Такъ же, какъ и я, онъ собираетъ медали и не менѣе меня увлекается всякою старриной, я бы сказалъ археологіей, если бы мнилъ себя сколько-нибудь археологомъ. Мы условились съ нимъ пуститься завтра на осмотръ Константинополя на компанейскихъ началахъ, обоюдно выгодныхъ. Переходъ черезъ Черное море совершился довольно благополучно. Правда, съ 8 ч. вчерашняго вечера начало покачивать и всю нашу небольшую компанію укачало. Я одинъ остался непоколебимъ и мореходно-способенъ. Но сегодня съ часу дня совершенно стихло и, если бы не туманъ и холодъ, то плаваніе оказалось бы совсѣмъ хорошимъ. А за симъ до завтра; пора спать.

Понедѣльникъ, 19 апрѣля. Константинополь.

Въ видахъ экономіи я остался на пароходѣ. Немножко безпокойно это, цѣлый день трещатъ краны и лебедки, которыми выгружаютъ товаръ и поднимаютъ новый грузъ на бортъ, за то не платить въ гостиницу... Въ Босфоръ мы вошли въ шестомъ часу утра и—увы!—туманъ лишилъ меня величайшаго наслажденія вторично полюбоваться дивною панорамой, точно волшебствомъ развертывающеюся здѣсь передъ путешественникомъ. Надо знать, что́ это за диво, чтобы понять злость, терзавшую меня въ теченіе двухъ часовъ слишкомъ, пока мы не стали на якорь у Галаты. Подъ сумрачнымъ небомъ, за сѣрою завѣсой тумана пропали всѣ красоты Босфора. Точно призраки промелькнули развалины старыхъ замковъ Мухамеда II, загородные дворцы султана, знатныхъ пашей и европейскихъ посольствъ. Чудесныхъ садовъ Чарагана и Илдызъ-Кіоска точно совсѣмъ не бывало, впереди едва виднѣлись неясныя очертанія Стамбула, св. Софіи и старыхъ султанскихъ дворцовъ, утонувшихъ въ садахъ на мѣстѣ древней резиденціи византійскихъ императоровъ, «священныхъ» палатъ, отъ которыхъ не осталось и камня на камнѣ. Уцѣлѣли только храмы Айя-Софія и св. Ирины, превращеннаго въ складъ стараго оружія, очень интерес-

ный, но недоступный для посѣтителей. Другихъ мечетей съ ихъ минаретами и даже громадныхъ башенъ Сераскирата и Перы совсѣмъ нельзя различить. Противъ такой «планиды», какъ туманъ, ничего не подѣлаешь, приходится помириться съ невзгодой и отмахиваться рукой отъ приставаній двухъ десятковъ посыльныхъ, навязывающихъ карточки отелей, и проводниковъ-драгомановъ, предлагающихъ свои услуги. Пеструю, рваную и грязную толпу носильщиковъ держатъ на нижней палубѣ третьяго класса и впускаютъ наверхъ лишь по-одиночкѣ, по вызову драгомановъ и посыльныхъ. Мнѣ торопиться некуда, я высматриваю, а потомъ громко выкликаю стараго знакомца Мустафу Сезай. «Здѣсь»,—отвѣчаетъ мнѣ сѣдоватый посыльный какого-то отеля. «Здѣсь,—повторяетъ другой голосъ,—честью имѣю явиться...»—и передо мной Мустафа, такой же точно, какъ пять лѣтъ назадъ, въ щеголеватой свѣтло-малиновой фескѣ, съ рыжеватыми усами, съ добродушно-радостною улыбкой. Онъ сразу узналъ меня, съ третьяго слова сталъ разспрашивать про В. М. и про С. Ѳ., которымъ онъ служилъ цѣлую недѣлю въ первый нашъ пріѣздъ сюда. Столковались мы моментально, за пять франковъ на день, и черезъ нѣсколько минутъ сидѣли втроемъ въ лодкѣ: я, Калло и Мустафа. Багажа съ нами нѣтъ и потому мы не у таможни, а у паспортнаго отдѣленія, гдѣ, впрочемъ, на наши паспорты никто не взглянулъ, а сѣдой турецкій чиновникъ вѣжливо спросилъ на французскомъ языкѣ наши карточки, и мы вступили на оттоманскую почву, къ удивленію моему, не слыхавши даже слова «бакшишъ». Мрачный баракъ, темный закоулокъ, и я опять въ Галатѣ, неизмѣнно грязной, шумливой, пестрой до головокруженія, съ снующею взадъ и впередъ толпой въ разнообразнѣйшихъ костюмахъ, съ осликами, нагруженными всякою всячиной, со множествомъ собакъ, не обращающихъ никакого вниманія на прохожихъ, осторожно обходящихъ этихъ четвероногихъ гражданъ турецкой столицы. О константинопольскихъ собакахъ говорено и писано не мало, и я могъ бы о нихъ совсѣмъ не упоминать, если бы не имѣлъ въ виду разсказать тебѣ, по какому поводу безхозяйные псы получили здѣсь настоящее право гражданства и даже право на почетъ, которымъ не всегда пользуются столь же голодные, какъ они, разноплеменные обыватели города. Этихъ послѣднихъ можно толкать невозбранно и сколько угодно, порой по ихъ прикрытымъ лохмотьями спинамъ внушительно щелкаетъ палка полицейскаго, тогда какъ измореннаго пса никто не смѣетъ тронуть пальцемъ, подъ страхомъ крупныхъ непріятностей со стороны правовѣрныхъ поклонниковъ Магомета. Суть же дѣла вотъ въ чемъ: по ученію Корана, всѣ правовѣрные мусульмане войдутъ въ рай небесный и получатъ вѣчное блаженство, обѣщанное имъ пророкомъ единственно за то, что они вѣруютъ въ него. Адъ и его мученія существуютъ только для невѣрныхъ гяуровъ. Въ виду такихъ распорядковъ въ будущей жизни, для магометанина не было бы никакого повода быть добродѣтельнымъ при жизни и воздерживаться отъ дурныхъ и злыхъ дѣяній, если бы не грозила имъ горькая участь потерпѣть

кару тѣмъ, что за грѣхи ихъ души будутъ на болѣе или менѣе долгій срокъ водворены въ собачьи тѣла и обречены валяться по улицамъ и питаться всякою гадостью. Не знаю, писано ли объ этомъ въ мусульманскихъ священныхъ книгахъ, но таково вѣрованіе магометанъ, по словамъ ихъ муллъ и улемовъ. А изъ такого вѣрованія вытекаетъ логическое заключеніе, что мусульманинъ не смѣетъ ни ударить собаку, ни причинить ей иную непріятность, изъ боязни тѣмъ оскорбить и безъ того страждущую душу, принадлежавшую, быть можетъ, кому-нибудь изъ его родныхъ и, почемъ знать, быть можетъ, папенькѣ или маменькѣ. И, тѣмъ паче, было бы непростительною дерзостью, если бы гяуръ-невѣрный позволилъ себѣ обойтись неделикатно съ грѣшною душой магометанина, отбывающею временно наказаніе въ собачьей шкурѣ. Ясно также, что и уничтожать собакъ нельзя, не оказывая тѣмъ явнаго противленія волѣ Аллаха, назначающаго сроки искупленія грѣховъ. Вотъ почему не въ одномъ Константинополѣ, а во многихъ мусульманскихъ городахъ кишма кишатъ злосчастные уличные псы, питающіеся отбросами, чахлые, захудалые, часто омерзительные своими накожными болѣзнями. Втихомолку ихъ и тутъ, говорятъ, изводятъ отъ времени до времени отравой, иначе отъ нихъ совсѣмъ житья бы не было. Что же касается разсказовъ, будто они «санитары» города, то это сущая пустяковина. «Санитаръ» тутъ одинъ — климатъ: хлынетъ дождь и всякую дрянь смоетъ, засвѣтитъ солнце и всякую грязь высушитъ, а затѣмъ чрезмѣрно накопляющійся соръ, все-таки, вывозится за-городъ въ перекидныхъ корзинкахъ на осликахъ и въ двухколесныхъ тачкахъ. За городскими стѣнами лежатъ цѣлые валы этого вѣкового сора.

Въ Галатѣ я зашелъ пожать руку доброму знакомому и очень любезному нашему соотечественнику Марку Антоновичу, выпилъ у него чашку превосходнаго турецкаго кофе и размѣнялъ десятирублевку на турецкія деньги для мелкихъ расплатъ. Потомъ мы прошли пѣшкомъ до тоннеля, по которому вагоны поднимаются въ Перу и доставляютъ пассажировъ за какую-то мелкую монетку въ двѣ минуты, тогда какъ переѣздъ въ экипажѣ стоитъ не менѣе черека (четверть меджидіе—45 коп.) и длится минутъ двадцать. По выходѣ изъ тоннеля, мы наняли двухмѣстную коляску, предварительно нашумѣвшись и накричавшись до-сыта, какъ это дѣлается при всякомъ торгѣ на Востокѣ. Извощикъ запросилъ 25 франковъ за день, я предложилъ десять. Извощикъ вопитъ, Мустафа оретъ, я кричу, Калло руками разводитъ, съ конца улицы голосятъ другіе извощики... Сторговались за 15 франковъ и помчались подъ гору, на ту сторону Золотого Рога къ св. Софіи. Знакомыя улицы, знакомыя картины и, тѣмъ не менѣе, во[illegible]тительныя своею необычайною оригинальностью: на горѣ, въ самой [illegible]ѣ, старое кладбище, заросшее цѣлою рощей кипарисовъ, налѣво улица по одну сторону чисто-европейскіе дома, по другую рядъ какихъ-то у[illegible]тельныхъ сооруженій, похожихъ на вычурные шкафы вышиной въ т[illegible] и въ четыре этажа, шириной въ 4—5 аршинъ, съ выступами аршина на ½

надъ тротуаромъ. Въ воздухѣ точно дрогнуло что, пронеслась теплая струя, облака разорвались, глянуло солнце и смахнуло туманъ, будто отдернуло сѣрую завѣсу, и передъ нами во всей красѣ засіялъ Золотой Рогъ, забѣлѣли, заискрились минареты, очертились куполы и сады, ярко выступила вся причудливая картина Стамбула. Не насмотришься, не налюбуешься... Неаполитанцы много похваляются своимъ Napoli, итальянцы иначе не называютъ Венецію, какъ Venezia la bella. Къ красотамъ Неаполя,—вѣроятно таковыя имѣются,—я такъ же равнодушенъ, какъ къ прелестямъ Одессы. Я не говорю объ окрестностяхъ Неаполя, то статья иная. Венеція поразительна только внутри, когда попадешь въ этотъ диковинный городъ съ каналами, вмѣсто улицъ и переулковъ, съ площадью, похожею на огромную залу, пожалуй даже на колоссальную базилику, охваченную съ трехъ сторонъ чудесною колоннадой и съ четвертой замкнутую соборомъ св. Марка, точно иконостасомъ. Константинополь—очарованіе, волшебный сонъ наяву, неизобразимый ни кистью, ни фотографіей, ни перомъ. Нѣтъ такихъ красокъ на палитрѣ художника, нѣтъ такихъ тоновъ и нѣтъ такихъ словъ на человѣческомъ языкѣ, которыми можно было бы дать хотя отдаленное понятіе объ этомъ дивѣ дивномъ, вызывающемъ трепетъ восторга даже во мнѣ, видящемъ его не въ первый разъ и видѣвшимъ его въ теченіе цѣлой недѣли... Знаешь, объ этихъ восторгахъ даже какъ-то неловко писать, настолько они стали общею, такъ сказать, затасканною фразой. А съ тѣмъ вмѣстѣ и воздержаться нѣтъ силъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ только что пережитыхъ сладкихъ впечатлѣній. Одно изъ двухъ: или перо бросай, или злоупотребляй дружескимъ расположеніемъ и заставляй читать многократно повторявшееся на всякіе лады. Прости, пера я просто не могу бросить, не подѣлившись съ тобою пережитымъ и перечувствованнымъ за этотъ день. Не могу я не сказать тебѣ, что и на этотъ разъ охватило меня въ храмѣ св. Софіи то же возвышающее душу настроеніе, какое я испытывалъ въ прежнія мои посѣщенія этого чуднаго созданія христіанскаго генія. Здѣсь молиться хочется и здѣсь молиться можно, безъ словъ и безъ прошеній, восхищенною душой, одними хваленіями и благодареніями Богу-Господу подъ куполомъ, подобнымъ своду небесному, среди аркадъ и колоннъ, которыхъ не чувствуешь,—настолько онѣ воздушно-легки, гармонично слиты въ одно прекрасное недѣлимое цѣлое со всѣмъ зданіемъ. Свѣтъ и просторъ, точно стѣнъ совсѣмъ нѣтъ... Соборъ св. Петра въ Римѣ, соборъ во Флоренціи и многіе другіе храмы Европы значительно больше св. Софіи и изукрашены богаче, и не изуродованы безобразными круглыми щитами съ золотыми арабскими надписями. Но тѣ храмы давятъ меня своими громадами и отнюдь не внушаютъ благоговѣнія. Изъ нихъ мнѣ поскорѣе хочется выбраться наружу, на вольный воздухъ, подъ голубое небо. Не то въ божественномъ храмѣ, обращенномъ въ мечеть съ замазанными фресками и мозаиками. Въ немъ можно забыться, цѣлые часы пробыть, не сознавая времени, не замѣчая ни изуродованій, ни хозяйничающихъ тутъ халатниковъ. Къ чести турокъ надо сказать, что всѣ ихъ

храмы содержатся въ большой чистотѣ, и въ Айя-Софіи, не знаю чьимъ стараніемъ, прекращено расхищеніе мозаикъ, практиковавшееся въ прежнее время муллами, которые выковыривали мозаику и втихомолку продавали ея кусочки туристамъ. Сидящіе у дверей служители мечети взимаютъ съ европейцевъ нѣкоторую плату, по соглашенію съ драгоманомъ и подъ тѣмъ предлогомъ, что даютъ посѣтителямъ туфли, безъ которыхъ никого не впускаютъ. Изъ храма мы поднялись извилистымъ наклоннымъ ходомъ безъ ступенекъ на обширные хоры въ сопровожденіи одного служителя, приставленнаго смотрѣть за тѣмъ, чтобы посѣтители не портили стѣнъ и колоннъ своими надписями. Во время богослуженія не-мусульманъ не пускаютъ въ мечети, но видѣть богослуженіе можно съ хоръ, для чего въ св. Софіи устроены досчатые подмостки съ лавками какъ разъ противъ алтарной части. На хорахъ особенно замѣчательны три вещи: могила знаменитаго венеціанскаго дожа, прикрытая доской съ лаконическою надписью: «Enrico Dandolo», камень, вдѣланный въ полъ, про который повѣствуютъ, что на немъ былъ повитъ Христосъ при рожденіи, и заложенная дверь, про которую турки ничего не повѣствуютъ и отъ которой они отворачиваются, ибо существуетъ такая легенда объ этой двери: въ то время, когда турки врывались въ храмъ св. Софіи, въ немъ совершалась литургія. Дабы не отдать Св. Дары на поруганіе мусульманамъ, священникъ взялъ потиръ, удалился съ нимъ въ эту дверь, и ее за нимъ замуровали. Когда Константинополь опять перейдетъ въ руки христіанъ, заложенная дверь отворится и изъ нея выйдетъ тотъ же священникъ съ Св. Дарами и закончитъ прерванную литургію. Подъ вліяніемъ страха турки не смѣютъ открыть этой двери, хотя и существуетъ предположеніе, будто за нею скрыты какія-то церковныя драгоцѣнности. За посѣщеніе хоръ намъ не пришлось давать никакого бакшиша,—нашъ спутникъ въ пестромъ халатѣ скрылся прежде, чѣмъ я успѣлъ вынуть кошелекъ.

Послѣ св. Софіи наиболѣе замѣчательна мечеть султана Ахмеда (султанъ Ахмедъ-джами), въ которой стѣны, колонны и куполъ облицованы внутри превосходными изразцами. Это необыкновенно эффектно, оригинально и красиво. Вся мечеть точно фарфоровая. При ней обширный мраморный дворъ съ колоннадами и фонтанами и шесть минаретовъ, надѣлавшихъ не мало хлопотъ ея строителю султану Ахмеду. До того времени существовало шесть минаретовъ только при главной мечети въ Меккѣ. Шерифъ Мекки счелъ сооруженіе такого же числа минаретовъ въ Стамбулѣ за нарушеніе правъ и за оскорбленіе величайшей святыни магометанства и грозилъ султану проклятіемъ до тѣхъ поръ, пока Ахмедъ не уладилъ дѣла постройкою седьмого минарета въ Меккѣ. Мечети султана Ахмеда, Сулеймаціе, Султанъ-Валиде, Султанъ-Махмудъ построены болѣе или менѣе по образцу св. Софіи, съ тою разницей, что у большинства мечетей есть обширные двори, окруженные крытыми колоннадами, и что фасады ихъ не испорчены пристройками и безобразными контрфорсами, совершенно скрывающими наружный видъ Айя-Софіи. Добравшись до Константинополя,

нельзя не посѣтить небольшой мечети, носящей названіе Кахріе-Джами, бывшаго христіанскаго храма, въ которомъ турки, при обращеніи его въ мечеть, почему-то пощадили старинные византійскіе фрески и мозаики, не замазали изображеній Христа, Богоматери, святыхъ и архангеловъ, цѣлыхъ картинъ, воспроизводящихъ событія ветхозавѣтной и христіанской исторіи. Это въ своемъ родѣ чуть ли не единственный памятникъ византійскаго искусства, уцѣлѣвшій въ Стамбулѣ, если не считать четырехъ херувимовъ въ углахъ подъ куполомъ св. Софіи, которымъ мусульмане прикрыли только лица позолотой. Само собою разумѣется, что мы по пути осмотрѣли Ипподромъ, вѣрнѣе, ту площадь, подъ которою погребенъ древній Ипподромъ. На ней сохранились три памятника старины: египетскій обелискъ, бронзовая колонна, составленная изъ трехъ свившихся змѣй, у которыхъ отбиты головы, и кирпичная колонна, начинающая разрушаться и грозящая обрушиться въ недалекомъ будущемъ. Разсказываютъ, что когда-то эта колонна была обложена мѣдными золочеными листами, пришли крестоносцы и ободрали ее, вообразивши, что листы чистаго золота. Вообще, крестоносцы похозяйничали на своемъ пути, кажется, не меньше, чѣмъ турки. Въ музеѣ показываютъ голову одной изъ змѣй отъ змѣевидной колонны, но подлинность этой головы подвергается сомнѣнію. Въ этотъ пріѣздъ я не пошелъ въ музей, за краткостью времени, и отложилъ его осмотръ до обратнаго пути. По дорогѣ мы завернули на нѣсколько минутъ въ такъ называемый музей Янычаръ, собраніе сотенъ полутора грубо сдѣланныхъ манекеновъ, одѣтыхъ въ костюмы и во всѣ доспѣхи когда-то страшныхъ воиновъ, игравшихъ нѣкоторое время роль преторіанцевъ въ турецкой исторіи. Недалеко отъ церкви св. Ирины показываютъ старый платанъ, у котораго происходили ихъ сходки.

Послѣ всѣхъ этихъ экскурсій,—ты можешь себѣ представить, какъ я усталъ, какъ запросился на отдыхъ, а, между тѣмъ, необходимо было еще отправиться въ консульства,—мнѣ въ русское, моему спутнику въ англійское,—выправлять *тескере*, нѣчто вродѣ турецкаго паспорта, необходимаго для поѣздки въ Египетъ, въ Палестину и въ Сирію *). Заручившись свидѣтельствами консульствъ, пришлось отправиться въ какую-то грязную турецкую канцелярію въ грязномъ переулкѣ Галаты и заплатить гербоваго сбора 10 піастровъ и 2 пара за большой листъ, напечатанный по-турецки. Наши имена и примѣты вписаны чиновникомъ безвозмездно. За то на лѣстницѣ на насъ кинулся какой-то сторожъ и съ нахальнымъ требованіемъ бакшиша загородилъ дорогу. Но, вмѣсто подачки, мой Мустафа чуть не побилъ его, я же такъ раскричался, что чиновники выскочили изъ своего чулана и убрали назойливаго служителя. Завтракъ въ Hôtel de Londres Belle-Vue за 5 франковъ съ человѣка, безъ вина, оказался омерзительнымъ до невозможности, и на пароходъ мы вернулись чуть не падающими отъ голода

*) Впослѣдствіи оказалось, что бумага эта нигдѣ не нужна, никто ее у меня не спрашивалъ ни въ Египтѣ, ни въ Яффѣ, ни въ Смирнѣ. Необходима она для путешествія въ глубь Палестины и Сиріи.

и усталости. Нашъ милѣйшій командиръ, капитанъ К., взволнованъ ожиданіемъ на пароходъ цѣлаго полчища «хаджей», пилигримовъ, отправляющихся черезъ Александрію въ Мекку. Объ этомъ уже заявлено агентомъ общества и сдѣлано распоряженіе приготовить для нѣкоторыхъ каюты перваго и второго классовъ. «Весь пароходъ загадятъ,—сокрушается капитанъ,—потомъ въ три дня не отчистишь»...

Жму твою руку и спать иду.

P. S. Пиши въ Каиръ, не забудь на конвертѣ надписать «Via Brindisi», иначе письмо пойдетъ на Одессу и пропутешествуетъ, по меньшей мѣрѣ, двѣ недѣли, тогда какъ черезъ Бриндизи или Вѣну я получу его черезъ 8—9 дней.

Пирей. 22 апрѣля 93 г.

Шестой часъ утра. Тепло, но далеко не жарко. Пароходъ тихохонько пробирается въ небольшую гавань Пирея. Тутъ любоваться нечѣмъ, и я сажусь за письмо къ тебѣ, насмотрѣлся въ то время, какъ подходили къ Пирею. Съ восхода солнца Акрополь видѣнъ, какъ на ладони, въ бинокль, разумѣется. И опять разгорѣлось во мнѣ ретивое, хочется поскорѣе въ Аѳины. Къ сожалѣнію, пароходъ стоитъ тутъ только до 4 часдня. На то, чтобы съѣздить въ Аѳины, имѣется въ моемъ распоряженіи всего 7—8 часовъ. Маловато, но разсчитываю, что успѣю видѣть наиболѣе меня привлекающее въ городъ богини Парѳены. А теперь пока продолжаю мою Одиссею въ должномъ порядкѣ и отчасти по воспоминаніямъ о первомъ моемъ посѣщеніи Константинополя.

Сущій калейдоскопъ этотъ городъ, блестящій, пестрый, переливчатый настолько, что голова кружится, глядя на него, и не сразу разберешься въ подробностяхъ при необыкновенно быстрой смѣнѣ новыхъ и непривычныхъ впечатлѣній. Толпы народа, снующаго по людныхъ улицамъ, можно сравнить лишь съ толкотней на какомъ-то необъятномъ костюмированномъ балѣ безъ музыки и танцевъ, среди котораго то промелькнетъ открытое ландо или викторія съ нарядными европейскими дамами, то закрытая карета съ раззолоченнымъ, черномазымъ евнухомъ на козлахъ и съ обитательницами гаремовъ, бойко выглядывающими въ открытыя окна, то прогремитъ вагонъ трамвая, впереди котораго мчится во всѣ поги и трубитъ въ дудку оборванецъ въ туфляхъ на босыхъ ногахъ, дающій сигналъ сворачивать встрѣчнымъ экипажамъ. Бѣжитъ онъ шагахъ въ 50 впереди конки, — предосторожность необходимая при здѣшней тѣснотѣ улицъ, гдѣ мѣстами изъ вагона можно зонтомъ дотронуться до стѣнъ домовъ по обѣ стороны. На первый разъ не поймешь даже, какимъ чудомъ разъѣзжаются экипажи, какъ увертываются отъ конки и пропускаютъ мимо себя лошадей и ословъ, навьюченныхъ разнымъ строительнымъ матеріаломъ. Къ этому надо добавить, что тротуаровъ здѣсь почти совсѣмъ нѣтъ, а тамъ, гдѣ и есть нѣкоторое ихъ подобіе, по нимъ никто не ходитъ. Вся ширина улицъ занята пѣшеходами, кое-какъ увертывающимися отъ экипажей и ѣдущихъ верхами на лошадяхъ и ослахъ. Естественное дѣло, что заѣзжаго [illegible]о-

странца особенно интересуютъ турецкія дамы, якобы недоступныя мужскимъ взорамъ. Сущіе это пустяки: закутываются и плотно закрываютъ лица только женщины, идущія пѣшкомъ. Но таковыхъ, во-первыхъ, мало, во-вторыхъ, это по большей части старухи или женщины низшаго класса, далеко не привлекательныя своими костюмами. Что касается женщинъ, ѣздящихъ въ каретахъ, то онѣ такъ же мало скрываютъ свои лица, какъ и наши дамы, вся разница въ томъ, что у насъ онѣ надѣваютъ вуалетки, прикрывающія лобъ, глаза и носъ, а турчанка такимъ же прозрачнымъ лоскуткомъ завѣшиваетъ себѣ подбородокъ, ротъ и кончикъ носа, оставляя открытыми глаза, лобъ и набѣгающіе на него завитки волосъ изъ-подъ шапочки, болѣе или менѣе щеголевато изукрашенной вышивкой. Не берусь рѣшать, что удобнѣе для цѣлей кокетства, manière orientale или нашинская, но могу тебя завѣрить, что сквозь легкій газъ улыбки восточныхъ красавицъ отлично видны и выразительны, не говоря уже о томъ, что глазами онѣ дѣйствуютъ совсѣмъ безпрепятственно. Слово «красавицы», предупреждаю, не принимай въ буквальномъ смыслѣ,—это я только сказалъ изъ любезности. На самомъ же дѣлѣ красавицъ я не видалъ, да и просто красивыхъ видѣлъ очень немного. Предполагать же, будто хорошенькихъ не выпускаютъ изъ домовъ, не имѣю никакихъ основаній, ибо катаются невозбранно пожилыя и молодыя, и очень молоденькія, и цѣлыми семьями или группами. Говорятъ, что султанъ очень не одобряетъ нынѣшнихъ модъ и крѣпко настаиваетъ на томъ, чтобы прекрасная половина его подданныхъ плотно закрывала лица, мусульманскіе обычаи онъ желаетъ блюсти строго и правовѣрно, но въ этомъ отношеніи не можетъ ничего подѣлать,—передъ дамами и его абсолютная власть безсильна. Хорошенькія, и даже очень хорошенькія, женщины встрѣчаются только среди евреекъ, которыхъ можно видѣть во множествѣ, и, разумѣется, съ открытыми лицами, на гуляньѣ въ пятницу вечеромъ у Золотого Рога, недалеко отъ еврейскаго кладбища. Въ окнахъ турецкихъ домовъ женщинъ совсѣмъ нельзя видѣть, такъ какъ всѣ окна закрыты пропиленными деревянными филенками. Въ вагонахъ конки и желѣзныхъ дорогъ и на пароходахъ, ходящихъ въ Босфоръ, въ Скутари и на Принцевы острова, для женщинъ имѣются особыя отдѣленія, закрытыя занавѣсками.

Изъ Константинополя мы вышли во вторникъ, 20 апрѣля, въ 5 часовъ вечера, при ясной погодѣ. Я нахожу, что видъ на Стамбулъ съ Мраморнаго моря не такъ хорошъ, какъ съ Босфора. На пароходѣ большое общество, преимущественно англичане,—«Куки», какъ прозвала ихъ одна очень м ая русская барыня, отправляющаяся къ мужу въ Пирей. Это сборное о щество путешествуетъ по круговымъ билетамъ всемірно-извѣстнаго повельщика Кука, берущаго туристовъ за условленную плату чуть ли не полное свое иждивеніе, во всякомъ же случаѣ, съ обязательствомъ возить ихъ по опредѣленнымъ мѣстамъ, показывать всякія достопримѣчательности черезъ своихъ гидовъ, доставлять экипажи, номера въ гостиницахъ и проч. Такой способъ путешествовать имѣетъ свои удобства, избавляетъ,

прежде всего, туристовъ отъ многихъ хлопотъ: билетовъ не брать, о багажѣ не заботиться, проводниковъ не искать, съ извощиками не торговаться, ни съ кѣмъ по мелочамъ не расплачиваться и, слѣдовательно, не быть обсчитаннымъ, что практикуется здѣсь на каждомъ шагу, благодаря монетной путаницѣ. Номинально франки, итальянскія лиры, греческія драхмы, румынскія левы представляютъ равныя цѣнности, не то выходитъ при разсчетахъ: курсъ на лиры, драхмы, левы постоянно мѣняется, турецкіе меджиды не соотвѣтствуютъ счету на франки; въ Египтѣ и въ Палестинѣ, какъ меня предупреждаютъ, опять свои особые счеты, и уразумѣть все это довольно мудрено. Въ Греціи, кромѣ того, ходятъ бумажныя деньги, стоимостью въ 1, въ 2 и въ 10 драхмъ, настолько грязныя, засаленныя, что до нихъ мерзко дотронуться даже въ перчаткѣ. На нихъ особый курсъ, и обращеніе съ ними довольно своеобразное: большинство десяти-драхмовыхъ бумажекъ разорвано пополамъ, и каждая половина ходитъ по рукамъ за 5 драхмъ. Но, какъ ни удобно положеніе куковскихъ клієнтовъ, я имъ не завидую потому, во-первыхъ, что они за свои шиллинги и марки превращаются въ настоящихъ невольниковъ, которыхъ куковскіе «молодцы» водятъ яко стадо безсловесное, и водятъ табуночкомъ по росписанію, составленному разъ навсегда, во-вторыхъ, выводка эта совершается по часамъ: на храмъ Тезея столько-то минутъ, на Акрополь—столько-то, на Одеонъ и театръ Діониза—столько-то... и пожалуйте завтракать всѣмъ табуномъ. Ни задержаться, ни засмотрѣться нигдѣ нельзя, не разрушивши цѣлой системы. Надо имѣть особый складъ ума, характера и желудка, чтобы подчиняться «куковскому» режиму. Мнѣ вчуже жаль смотрѣть на то, какъ эти господа отбываютъ свою туристскую повинность и провѣряютъ Бедекера подъ заученный говоръ вожака...

Лодки поданы,—кончу, вернувшись...

2 часа дня.

Ты представить себѣ не можешь, какъ я доволенъ,— нѣтъ, этого мало, — какъ я счастливъ, что побывалъ еще разъ въ Аѳинахъ. Присмотрѣться, конечно, ко всему можно, и жители Аѳинъ, вѣроятно, такъ же равнодушны къ красотамъ своего города, какъ москвичи не сознаютъ своеобразной прелести Бѣлокаменной, поражающей иностранцевъ. Не подумай, однако, что я въ патріотическомъ умиленіи хочу сравнивать Кремль съ Акрополемъ и Василія Блаженнаго съ храмомъ Тезея. Это величины несоизмѣримыя ни въ какомъ смыслѣ и всего менѣе въ эстетическомъ. А затѣмъ въ Аѳинахъ только и есть прекраснаго, что уцѣлѣло отъ временъ античныхъ. Самъ по себѣ городъ довольно похожъ на наши губернскіе изъ чистенькихъ. Сходство приходитъ на умъ въ особенности при взглядѣ на королевскій дворецъ, весьма напоминающій старыя губернскія присутственныя мѣста николаевской постройки, съ жалкимъ скверомъ на площади, обставленной ресторанами и гостиницами тоже провинціальнаго размѣра и характера. Къ слову, если поѣдешь когда въ Аѳины, имѣй въ виду, что относительно цѣны номера слѣдуетъ крѣпко поторговаться, какъ и въ

Константинополѣ, да, впрочемъ, и вездѣ, гдѣ мнѣ удалось побывать въ Россіи и въ чужихъ краяхъ. Въ прошлый пріѣздъ я остановливался въ Hôtel Bizance,—довольно чисто, уютно, комната съ балкономъ на улицу Гермеса, одну изъ главныхъ въ городѣ, 3 франка въ сутки. Запросили 5. Изъ новыхъ зданій интересны музей и политехніонъ, академія, домъ Шлимана, парламентъ, у котораго задній фасадъ мнѣ больше нравится, чѣмъ передній, да еще обсерваторія на пригоркѣ за городомъ, вправо отъ дороги, ведущей отъ желѣзно-дорожной станціи къ храму Тезея, къ Ареопагу и далѣе къ Акрополю. Храмъ Тезея—древнѣйшій и наилучше сохранившійся изъ памятниковъ глубокой старины. Довольно вѣрное понятіе о его внѣшности ты имѣешь по копіямъ съ него въ Крыму, въ Алупкѣ и въ Севастополѣ. Преданіе гласитъ, что онъ построенъ Кимономъ (въ 470 г. до Р. Х.) въ честь Тезея, тѣнь котораго явилась во время Марѳонской битвы и помогла аѳинянамъ одержать побѣду. Впослѣдствіи, въ VII в. по Р. Х., храмъ былъ превращенъ въ церковь св. Георгія. Теперь въ немъ и около него сохраняются нѣкоторые остатки античной скульптуры. Далѣе показываютъ мѣсто Ареопага, на которомъ сохранилось лишь нѣсколько ступеней. Здѣсь, по преданію, предсталъ апостолъ Павелъ передъ судьями аѳинскими и говорилъ свою проповѣдь о Богѣ «невѣдомомъ». Съ правой стороны шоссе, поднимающагося къ Акрополю, видны въ отвѣсной скалѣ двѣ двери, закрытыя рѣшотками и ведущія въ выбитыя въ камнѣ помѣщенія, извѣстныя подъ названіемъ темницы Сократа. Сторожъ - инвалидъ охотно ихъ отворяетъ и остается очень доволенъ вручаемыми ему 20 сантимами или, по-здѣшнему, лептами. Болѣе чѣмъ сомнительно, чтобъ эти пещеры служили когда темницей. Всего вѣроятнѣе, что это древнѣйшіе погребальные покои; ротонда же со сводомъ и круглымъ отверстіемъ весьма сходна съ «сокровищницей Атрея» въ Микенѣ и, по мнѣнію профессора И. В. Цвѣтаева, должна была составлять казнохранилище при какомъ-нибудь храмѣ. Пещеры эти я осматривалъ съ проф. Цвѣтаевымъ пять лѣтъ назадъ и въ этотъ пріѣздъ посѣтилъ опять. По лѣвой сторонѣ шоссе видны выемки продолжающихся и теперь раскопокъ; впереди высится Акрополь, развалины Пропилей и маленькій храмъ «Безкрылой Побѣды». «Безкрылою» аѳиняне сдѣлали ее въ тѣхъ видахъ, чтобы не могла она улетѣть, покинуть ихъ города. Храмикъ этотъ возстановленъ на прежнемъ мѣстѣ изъ развалинъ въ тридцатыхъ годахъ, большая часть его фризовъ увезена въ Англію и теперь замѣнена репродукціями, представляющими битвы грековъ съ варварами. Часть превосходныхъ барельефовъ, украшавшихъ храмикъ, хранится въ музеѣ Акрополя. Съ площадки передъ храмомъ открывается прекрасный видъ вдаль, на море; внизу, подъ самою площадкой, точно изъ верхней ложи, видны хорошо сохранившіяся развалины Одеона, построеннаго Иродомъ Аттическимъ въ 140 г. по Р. Хр., въ память его супруги Региллы. Противъ храма Безкрылой Побѣды, по другую сторону Пропилей, находится неподвергавшееся, кажется, разрушенію, но и мало интересное зданіе Пинакотеки, гдѣ хранились древле лучшія произве-

денія античной живописи. Впереди этого зданія стоитъ нетронутымъ огромный квадратный пьедесталъ, служившій подножіемъ чьей-то статуи,— помнится мнѣ, Агриппы, друга и зятя имп. Августа, а, можетъ быть, тутъ была статуя какого-нибудь римскаго императора,—навѣрное не знаю. По обломкамъ Пропилей очень трудно составить себѣ понятіе о томъ, что они представляли собою въ цвѣтущія времена Аѳинъ. Площадь на вершинѣ Акрополя занята двумя храмами: Парѳеномъ и Эрехтеономъ, и помѣщеніемъ для музея. Свободное мѣсто площади завалено обломками, среди которыхъ въ состояніи разобраться только спеціалистъ-археологъ. Мы же, туристы-простецы, можемъ только восхищаться божественною красотой зданій, пощаженныхъ временемъ и полуразрушенныхъ, обезображенныхъ людскимъ неистовствомъ. Начиная со временъ Суллы, кто только ни громилъ и ни грабилъ Аѳинъ? Правда, римляне потомъ и украшали ихъ, и щедро одаряли, какъ Маркъ-Антоній, Октавій-Августъ, Адріанъ... Настоящій упадокъ столицы античнаго искусства наступаетъ съ полнымъ торжествомъ византійскаго христіанства. При Юстиніанѣ I Парѳенонъ превращенъ въ церковь, посвященную Богородицѣ. На стѣнахъ до сихъ поръ замѣтны слѣды христіанскихъ фресковъ. Затѣмъ начинается истинный мартирологъ: Греція то цѣликомъ, то частями подпадаетъ подъ власть всякихъ королей, герцоговъ, авантюристовъ, пока не забралъ ее въ свои крѣпкія руки Магометъ II (1460 г.), превратившій Парѳенонъ въ мечеть, Пропилеи и зданія, къ нимъ прилегавшія, въ казарму, храмъ Безкрылой Побѣды—въ бастіонъ, Эрехтеонъ—въ помѣщеніе для гарема паши... Въ 1687 г. венеціанцы расколотили Парѳенонъ бомбами, а доканалъ его въ 1801—1803 гг. англійскій посланникъ въ Турціи, лордъ Эдвардъ Эльжинъ. Этотъ «просвѣщенный» мужъ ревностнѣйшимъ образомъ выламывалъ украшенія фронтоновъ, рельефы и метопы, фрески и статуи, не пощадивъ даже знаменитой ложи Эрехтеона, разрушивъ ее изъ-за того, чтобы стащить одну изъ шести каріатидъ, поддерживавшихъ ея перистиль... Но сила красоты такъ велика, что полуразрушенные, ободранные, изуродованные варварствомъ, изувѣрствомъ, алчностью, грабежомъ, храмы эти остаются до сихъ поръ неподражаемыми и ни съ чѣмъ несравнимыми памятниками искусства. Это, все-таки, «храмы» и когда я, не знаю уже въ который разъ, останавливался передъ Парѳенономъ, въ головѣ моей неизмѣнно повторялась молитва: «Поклоняемся убо, Господи, на мѣсто, идѣже стоясте нози Твои!...»

Такое умиленно-восторженное настроеніе исчезаетъ, однако, очень скоро подъ вліяніемъ лѣзущей въ глаза дѣйствительности въ видѣ забавной толпы клѣтчатыхъ «куковъ», выползающихъ съ одной стороны, и кучки долгополыхъ персіянъ-хаджей съ нашего парохода, важно выступающихъ,— съ другой. Поводельщикъ первыхъ торопливо отчитываетъ имъ заученныя фразы на англійскомъ языкѣ, взмахиваетъ рукой то на Парѳенонъ, то на синѣющее вдали море и мчится дальше, ничуть не заботясь о томъ, видѣли ли что-нибудь изъ-за своихъ Бедеккеровъ бѣгающіе за нимъ туристы. Персіяне идутъ степенно и тихо, внимательно вслушиваются въ то, что

имъ вретъ на ломаномъ французскомъ языкѣ юркій греченокъ съ мошенническою рожей. Для непонимающихъ молодой красавецъ персъ переводитъ болтовню гида. У всѣхъ лица сосредоточенныя. Эти пріѣхали смотрѣть, и они видятъ и понимаютъ. Хаджи турки и наши земляки, казанцы и киргизы, благоразумно остались въ Пиреѣ. Безъ проводника довольно трудно разыскать музей Акрополя. Помѣщается онъ въ дальнемъ углу, немного вправо отъ Парѳенона. Надъ грудами камней едва замѣтна только крыша и, чтобы добраться до него, надо спуститься по лѣстницѣ въ какую-то довольно глубокую выемку. Видомъ и температурой это напоминаетъ подвалъ, въ особенности послѣ ходьбы подъ палящимъ зноемъ, при яркомъ блескѣ солнца, ослѣпительно отражающемся отъ массы бѣлаго камня. Въ этомъ открытомъ сверху преддверіи музея засѣдаетъ какой-то господинъ, должно быть, изъ археологовъ, и прикленваетъ къ гипсовымъ подставкамъ, занумеровываетъ и вноситъ въ каталогъ мелкіе обломки разныхъ антиковъ, преимущественно мраморныя и терракотовыя головки, которыхъ находятъ здѣсь множество. Христіане первыхъ вѣковъ съ большимъ усердіемъ отбивали головы у всѣхъ произведеній языческаго искусства, а гдѣ имъ не удавалось отбить всю голову, тамъ они уродовали лица, околачивали носы. Вотъ почему во всѣхъ раскопкахъ находятъ такъ много безголовыхъ и безносыхъ статуй и головокъ, отбитыхъ по большей части отъ рельефныхъ изображеній. У входа стоитъ хорошо сохранившееся мраморное кресло. Мои спутники, не видавшіе еще такой мебели, обратили на него вниманіе. «На этомъ креслѣ сидѣлъ апостолъ Павелъ»,— пояснилъ намъ по-русски господинъ, подклеивающій антики.—«А взято оно изъ театра Діониза?» — спросилъ я. Музейный господинъ немного смѣшался и нерѣшительно проговорилъ: «Нѣтъ, найдено не тамъ... Преданіе есть, что апостолъ Павелъ...» Музея, конечно, я описывать не буду,— если поинтересуешься, покажу каталоги, которыхъ въ прошлый мой пріѣздъ не было. Выпущены они въ 1891 г., но оказываются уже далеко не полными, такъ какъ музей разростается довольно быстро.

Распростившись съ Парѳенономъ, мы спустились внизъ и направились къ Одеону Ирода или Региллы, какъ онъ назывался въ древности. Рѣшотку намъ отперъ сторожъ-инвалидъ. У входа, въ нишѣ, стоитъ безголовая статуя какого-то римскаго сановника. Стѣны театра, оркестръ, сцена и амфитеатръ, вмѣщавшій до 6 тысячъ зрителей, сохранились настолько, что можно составить себѣ полное понятіе о театрѣ римской эпохи. Не особенно повреждена даже наружная трехъэтажная стѣна, къ которой прислонена с ена. Это удивительно потому, что Одеонъ служилъ фортомъ при за- п тѣ Акрополя филэлленомъ Фабвье въ 1829 г. Отъ Одеона, вдоль в его подножія Акрополя, тянутся остатки длинной галлереи, носящей на- з аніе *Stoa Eumenia,* по имени ея строителя, Эвменія II, царя пергамскаго, я вшаго во II в. до Р. Хр. Отъ галлереи уцѣлѣли остатки задней стѣны, п клоненной къ подножію Акрополя, и часть фундамента передняго фасада, п едставлявшаго собою, вѣроятно, крытую колоннаду громаднаго пассажа,

соединявшаго Одеонъ съ театромъ Діониза, построеннаго лѣтъ за 500 до Р. Хр., передѣланнаго импер. Адріаномъ и въ послѣдній разъ реставрированнаго въ III в. по Р. Хр. Стоа-пассажъ былъ, надо полагать, занятъ торговыми помѣщеніями и служилъ мѣстомъ прогулки и ѣды для зрителей, проводившихъ цѣлые дни въ театрахъ и приносившихъ съ собою кушанья и питія или покупавшихъ ихъ тутъ же, на мѣстахъ. Судя по остаткамъ другой *стои,* Адріановой, внутри города, застроенной теперь домами, галлерея Эвменія была однимъ изъ великолѣпнѣйшихъ и обширнѣйшихъ зданій Аѳинъ. Отъ театра Діониза превосходно сохранились только мѣста для 30,000 зрителей, пьедесталы исчезнувшихъ статуй, мраморныя кресла съ надписями, указывающими, для какихъ сановниковъ они были поставлены, а затѣмъ оркестръ съ превосходными барельефами, надъ которыми возвышалась сцена. Наружныя стѣны уничтожены до основанія. Надъ театромъ, высоко наверху, видны двѣ чудесныя, стройныя колонны не одинаковой вышины. Онѣ, кажется, не составляли части какого-либо зданія, а предназначались для постановки треножниковъ, которыми награждали побѣдителей на играхъ. Тутъ же, вблизи этихъ колоннъ, имѣются остатки храмовъ Вакха и Эскулапа *(Asclopium).* Но я до нихъ не добрался,—не по силамъ мнѣ лѣзть такъ высоко. Мимо весьма безвкусной арки Адріана мы проѣхали къ «шестнадцати» колоннамъ,—такъ называютъ здѣшніе извощики и все простонародье руину храма Юпитера Олимпійскаго *(Olimpium)* на огромной площади. Отъ этого грандіознаго когда-то сооруженія не осталось ничего, кромѣ шестнадцати колоннъ, изъ которыхъ одна опрокинута бурей и лежитъ въ видѣ гигантскихъ жернововъ. Весьма портятъ впечатлѣніе расположившаяся тутъ кофейная и гаденькіе стульчики со столами почти подъ самыми колоннами. Не вдалекѣ, за мостомъ черезъ рѣчонку Илиссъ, видна въ холмистомъ берегу глубокая выемка, мѣсто бывшаго Стадія. На ступеняхъ его амфитеатра, обложенныхъ когда-то пентелійскимъ мраморомъ, размѣщалось 50 тыс. зрителей. Мраморъ исчезъ, его пережгли на известь, ступеньки сгладились, и смотрѣть здѣсь рѣшительно не на что, кромѣ небольшого подземелья, невѣдомо когда и для какой цѣли сдѣланнаго.

Изъ второстепенныхъ памятниковъ древности я посѣтилъ такъ называемый простонародьемъ *Фонарь Демосѳена,* маленькое, красивенькое зданіе, за которымъ, по-книжному, сохранилось совсѣмъ не историческое имя какого-то Лизикрата. Новѣйшихъ временъ легенда гласитъ, что Байронъ устроилъ себѣ въ немъ спальную въ бытность свою въ Аѳинахъ. Интересна небольшая восьми-гранная башенка, украшенная плохими барельефами, изображающими Зефира, Борея и остальныхъ шесть «вѣтрогоновъ», имена которыхъ я давно забылъ. Поэтому зданіе называется храмомъ Ветровъ или храмомъ Эола. При немъ были когда-то: флюгеръ со стрѣлкой, показывавшій направленіе вѣтра, и трое часовъ, солнечные, песочные и водяные (для ночи и пасмурнаго времени). Есть еще въ городѣ интереснѣйшее кладбище со множествомъ античныхъ надгробныхъ памятниковъ разныхъ эпохъ. Точно такіе памятники, только значительно меньшихъ ра-

, имѣются въ Крыму близъ Керчи при
упомянуть о древней византійской цер
памятникѣ Филопаппоса, хорошо вид
Тезея. Надъ городомъ съ одной стор
угой — высокая гора Ликабетъ, по-нь
стыремъ того же имени.
ести города, болѣе вѣчнаго, чѣмъ Ри
ь столица религіознаго деспотизма...
ны моему археологическому духу, но «н
правилась за пищей вещественной вн
площади противъ дворца. Тутъ ока
ичный гомаръ пирейскій, прескверное
швейцарскій. Запивши это кофеемъ,
й отправился въ русское посольство, і
національный музей и политехникумъ.
намъ побывать въ прекраснѣйшихъ са
разъ, это—сады: ботаническій на «св
зису, и дворцовый, отпираемый для п
мы вернулись около 3 часовъ дня
русскихъ,— нашего генеральнаго конс
сольства, секретаря королевы И. И. Фи
агенства общества пароходства и торг
альника (забылъ его имя), путешеству
амѣчательнаго лишь тѣмъ, что за нѣск
ъ онъ «не успѣлъ» побывать на Акр
лать визиты»... Онъ представлялся ко
стью» пріема. Бываютъ же такіе путеш
...
ялись въ 4 ч. (22 апрѣля)... Не дивн
омѣчено Пиреемъ: тамъ оно начато,
ри свѣтѣ электричества и при изря
олоднаго NO, уложившаго въ лоскъ всѣ
подъ защитой береговъ Греціи, насъ
ногахъ двое: кацитанъ и твой поко
кой... Поздно,—половина перваго.

вѣжо, вѣтеръ сталъ попутнымъ, почт
инами, я не успѣлъ тебѣ передать хар
ія съ закатомъ солнца пятницы, рав
воскресенію, собрались они на свое мол
яне—на верхней. Хотя и отправляются
мѣстамъ—въ Мекку, но для богомол
угъ друга (шіиты и сунниты) еретика
лики. Изъ салона, гдѣ я сидѣлъ съ с

ромъ, насъ заставили спѣшно выйти наружу какіе-то неистовые вопли. Оказалось, что помощники муллъ, за неимѣніемъ минаретовъ, бѣгаютъ отъ одного борта корабля къ другому и, насколько хватаетъ голоса, призываютъ на молитву серьезно стоящихъ позади нихъ правовѣрныхъ. Когда эти своего рода пономари по-своему отзвонили, началось чинное моленіе съ монотоннымъ чтеніемъ на-распѣвъ, съ присѣданіями на колѣни и съ земными поклонами. Одно мнѣ въ ихъ обрядѣ нравится, это то, что на молитвѣ, сколько я не видалъ ихъ,— въ деревенскихъ мечетяхъ Тамбовской губерніи, въ полѣ, въ Айя-Софіи и на палубѣ парохода,—они стоятъ не безпорядочною толпой, а правильными, стройными рядами съ промежутками, дающими просторъ дѣлать поясные и земные поклоны, не толкая другъ друга въ спины... По окончаніи богослуженія, на кормовой части у персіянъ, на носовой у турокъ и татаръ, при свѣтѣ множества московскихъ садовыхъ подсвѣчниковъ съ стеклянными колпаками, происходило угощеніе тутъ же изготовленною, сильно начадившею стряпней и чаемъ изъ тульскихъ самоваровъ. Послышались звуки гармоники, оригинальное пѣніе нѣсколькихъ прекрасныхъ голосовъ.

Въ 10 ч. утра прошли мимо Кандіи. На горахъ видѣнъ снѣгъ; капитанъ говоритъ, что зимой снѣгъ лежалъ вплоть до самаго моря. Вся эта часть острова показалась мнѣ совершенно пустынною...

23 апрѣля, вечеръ.

Персіяне опять богомольствовали, турки нѣтъ... Обѣ палубы третьяго класса опять освѣщены по-вчерашнему. Красиво и оригинально... И доложу я тебѣ, скучно, скучно... Ни островка въ цѣлый день, ни кораблика,—пустыня. Я нахожу, что моря слишкомъ уже много и не чувствую ни малѣйшей охоты пуститься въ «дальнее плаваніе», какъ Калло, отправляющійся въ Японію. Съ тоски можно повѣситься на мачтѣ...

24 апрѣля, суббота.

Ясно, тепло, хорошо, вѣтеръ почти стихъ. Въ 10 часовъ показались слабыя очертанія африканскаго берега. Въ бинокль можно разсмотрѣть туманный силуэтъ Александріи съ ея фортомъ Наполеона (Fort Napoleon), съ маякомъ и немногими минаретами и колокольнями. Къ пароходу ловко пристала маленькая парусная лодка, изъ нея по веревочной лѣстницѣ вскарабкался на бортъ темнолицый, скуластый человѣкъ въ красной фескѣ, въ широкихъ синихъ шароварахъ и въ гороховомъ короткомъ пальто. Развязно поздоровавшись со старшимъ офицеромъ, онъ послѣдовалъ на мостикъ и сталъ рядомъ съ капитаномъ. Это портовой лоцманъ. Всѣ суда, входящія въ Александрію и уходящія изъ нея, обязаны брать мѣстныхъ лоцмановъ, такъ какъ передъ входомъ въ портъ есть мели и рифы, очень тщательно отмѣченные вѣхами. Въ виду этого, можно бы, казалось, обойтись и безъ руководительства черномазыхъ мореплавателей. Но брать ихъ необходимо потому, что страховыя общества не отвѣчаютъ за погибшій въ случаѣ несчастья товаръ, если на кораблѣ не было портоваго лоцмана. Вознагражденіе имъ полагается, впрочемъ, весьма умѣренное.

Съ приближеніемъ къ городу все болѣе и болѣе раскрывался передъ нами унылый пейзажъ плоскаго песчанаго берега, скрашиваемый только нѣсколькими десятками пальмъ, непривычныхъ взгляду русскаго человѣка.

До свиданія, жму твою руку и водворяюсь на палубу уже безъ отрыва до схода на берегъ.

Александрія, 25 апрѣля.

Вотъ гдѣ пестрота и суета, много большія, чѣмъ въ Константинополѣ. Я говорю не о городѣ, о чемъ рѣчь потомъ, а объ Александрійскомъ портѣ. Пароходы становятся здѣсь прямо къ набережной, запруженной народомъ, какъ у насъ толкучка. Разница въ томъ, однако, что толпа здѣсь не одноцвѣтная или однотонная, какъ въ Россіи и въ Европѣ. Нѣтъ такого колера въ красильняхъ, отъ образцовъ котораго не рябило бы здѣсь въ глазахъ, начиная съ бѣлыхъ, голубыхъ и желтыхъ рубахъ до пятокъ и кончая черною рясой греческаго монаха и ярко-краснымъ мундиромъ англійскаго офицера на чистокровной арабской лошадкѣ, точно отлитой изъ золотистой бронзы. На офицерикѣ бѣлый шлемъ, на ходжахъ зеленыя чалмы, синія повязки на головахъ какихъ-то оборванцевъ, красныя фески, абмотанныя у самой головы клѣтчатыми платками, зонтики всѣхъ цвѣтовъ въ рухахъ дамъ, черныя покрывала туземныхъ женщинъ, коричневые «котелки» и сѣрые фѣтры всякихъ агентовъ и коммиссіонеровъ, фуражки съ галунами посыльныхъ изъ отелей... и шумъ, и гамъ, а лица — бѣло-розовыя съ голубыми глазами, красныя, мѣдно-бронзовыя, кофейныя, оливковыя, почти зеленыя, синевато-сѣрыя, совсѣмъ сѣрыя и черныя всѣхъ тоновъ до угольно-блестящаго, какъ хорошо вычищенный сапогъ. Трескъ лебедокъ и крановъ, начинающихъ выгрузку тяжелаго багажа хаджей, ѣдущихъ въ Мекку, грохотъ подаваемыхъ на бортъ сходней, неистовые вопли арабовъ, мечущихся куда-то и зачѣмъ-то, какъ угорѣлые... Солнце такъ и жаритъ почти отвѣсными лучами, заливаетъ море и песокъ, бѣлые дома, закопченныя крыши портовыхъ зданій, всю суету рябящей въ глазахъ толпы. Голова кружится, и я укрываюсь въ курилку отъ разноязычныхъ приставаній разноцвѣтныхъ коммиссіонеровъ...

— Вамъ нуженъ проводникъ? — спрашиваетъ меня милѣйшій спутникъ Миллеръ.—Подождите, я вамъ это устрою... — и знакомитъ меня съ очень любезнымъ агентомъ общества пароходства и торговли А. Е. Прасино.

Черезъ пять минутъ г. Прасино представляетъ мнѣ пожилого араба съ очень симпатичнымъ лицомъ. На поданной мнѣ арабомъ карточкѣ я прочелъ: Mahmoud Salem, dragoman russe pour le Nil et Syrie. Hôtel Abbat, Alexandrie, Egypte. Я и Г. О. Калло, — мы условились дальнѣйшія странствованія совершать сообща, такъ веселѣе и экономнѣе, — очень быстро сладились съ Махмудомъ: за 8 дней вознагражденіе 40 франковъ на его харчахъ, проѣздъ всюду на нашъ счетъ. Сегодня онъ явился ко мнѣ раннимъ утромъ и подалъ такой счетъ: желѣзная дорога до Каира и обратно съ retour-билетами на троихъ 51 фр., экипажъ и всѣ расходы на поѣздки къ пирамидамъ—25 фр., въ Мемфисъ и Сахару—35 фр., къ обелиску и

къ дереву Божіей Матери—12 фр., въ старый Каиръ—16 фр., въ музей Гизе—12 фр., въ садъ хедива—2 фр., всего 154 фр.+40 фр. вознагражденія драгоману = 194 фр., что составитъ 97 фр. на каждаго изъ насъ, его кліентовъ. За эту сумму онъ готовъ былъ взять насъ «на подрядъ». Это предложеніе мы отклонили, такъ какъ сами еще не рѣшили, куда и какъ мы поѣдемъ.

Такимъ образомъ, все уладилось еще на пароходѣ наилучшимъ образомъ. Да, кромѣ того, Н. А. Преображенскій, отправлявшійся прямо въ Каиръ, былъ такъ несказанно любезенъ, что предложилъ приготовить мнѣ тамъ недорогое помѣщеніе въ приличной гостиницѣ «безъ пансіона» и выслать каваса встрѣтить насъ на вокзалѣ. Сердечно поблагодаривъ я моихъ добрѣйшихъ спутниковъ и г. Прасино, и мы, слѣдомъ за Махмудомъ и носильщиками въ длинныхъ рубашкахъ, замѣшались въ сутолоку на набережной, протискиваясь къ длинному сараю, въ которомъ помѣщаются таможня и паспортный досмотръ. Помнишь, я писалъ тебѣ о хлопотахъ въ Константинополѣ для полученія *тескерэ*. Никто у меня этой бумаги не спросилъ, на мой русскій паспортъ едва взглянули и ограничились тѣмъ, что попросили мою визитную карточку. Досмотръ багажа—чистая формальность, продолжавшаяся ровно ¼ минуты. Изъ таможеннаго барака мы вышли на небольшую площадку, гдѣ насъ уже ждала нанятая Махмудомъ коляска, и покатили по хорошей мостовой почти совсѣмъ европейскаго города. Если бы не пестрота костюмовъ и лицъ, можно бы забыть, что мы въ странѣ Фараоновъ и Птоломеевъ, особенно когда проѣзжаешь мимо чудесныхъ скверовъ и очень эффектнаго монумента хедива Мегмета Али, красующагося здѣсь вопреки мусульманскому обычаю и религіозному закону. Остановились мы въ рекомендованной намъ гостиницѣ Hôtel Bonnard, гдѣ хозяйствуетъ очень любезная француженка, прислуга же говоритъ или поарабски, или по-итальянски, французскаго языка почти не понимаетъ. За номеръ съ прислугой я плачу 3½ фр., обѣдъ 5 фр. безъ вина, на видъ чисто, обѣдъ сносный за общимъ столомъ, вино хотя и дорого, но недурное, французское. И, все-таки, въ гостиницѣ этой я никогда не остановлюсь: рѣдко въ жизни приходилось проводить ночь такъ скверно, какъ здѣсь,— подъ окнами до поздней ночи мерзѣйшая музыка, отвратительное пѣнье, пьяные крики и взвизгиваніе женскихъ голосовъ... Таковъ этотъ кварталъ большого портового города. Бѣлье сырое, чуть не мокрое и цѣлыя полчища египетскихъ насѣкомыхъ, прыгающихъ и летающихъ. Истерзался я, раскашлялся и разнемогся такъ, что едва поднялся съ постели.

Какъ городъ, Александрія представляетъ очень малый интересъ. Даже базаръ и часть города, носящая восточный характеръ съ неизбѣжною кисточною грязью, нисколько не оригинальны для того, кому знакомъ Константинополь. По части древностей только и есть, что слегка покачнувшаяся колонна Помпея и Игла Клеопатры, да и та поддѣльная, такъ какъ настоящая увезена не то въ Лондонъ, не то въ Нью-Йоркъ *). Не пог-

*) По справкѣ оказалось, что было двѣ Иглы Клеопатры, обѣ взяты, за ? г.

вилась мнѣ столица великой куртизанки, вся перестроенная на новый ладъ и, кажется, даже на новомъ мѣстѣ. Спѣшу скорѣе унести ноги отсюда. Заѣду сейчасъ на почту и потомъ на вокзалъ, въ Каиръ, къ пирамидамъ. Salut.

Каиръ, 26 апрѣля.

Телеграмму твою, дорогой В. А., получилъ. Спасибо. Представить себѣ не можешь, какъ тяжело цѣлыхъ двѣ недѣли не имѣть вѣсточки отъ своихъ. Прочелъ вотъ всего нѣсколько словъ и душой прибодрился, отъ сердца отлегло, и я опять спокойно принимаюсь за мой отчетъ, за мою одиссею. Тутъ уже не Александрія, а какая-то фантасмагорія... Нѣтъ, впрочемъ, коли отчетъ, то и писать его надо по порядку... И такъ, больной и недовольный выѣхалъ я изъ Александріи въ 9 ч. утра, вмѣстѣ съ Кало и въ сопровожденіи Махмуда Салема, человѣка хорошо знающаго свое драгоманское, т.-е. проводническое, дѣло. По-русски онъ говоритъ плоховато, но весьма чисто ругаетъ англичанъ настоящею русскою бранью. Въ то время, когда мы уже были на вокзалѣ, грязномъ по-восточному, мимо насъ прослѣдовала съ пѣніемъ большая толпа богомольцевъ-хаджей, направляющихся въ Мекку и ѣдущихъ съ нами въ одномъ поѣздѣ. Набитые ими вагоны третьяго класса пестры, какъ мѣщанскія одѣяла, сшитыя изъ лоскутиковъ. Окрестности Александріи имѣютъ видъ довольно печальный, болотистый, отчасти песчаный. Дальше путь идетъ сначала вдоль озера Мареотисъ, потомъ по самому озеру, что напоминаетъ дорогу въ Венецію черезъ лагуны. Нѣсколько поживѣе становится мѣстность около Рамле. Рамле значитъ собственно песокъ. Песокъ тутъ и есть, но съ нѣкоторыхъ поръ богатые александрійцы вздумали почему-то избрать этотъ пустырь своимъ дачнымъ мѣстомъ, появились тутъ виллы, сады, хедивъ выстроилъ охотничій домикъ. Тутъ же, сейчасъ позади Рамле, у моря находится Санъ-Стефано, красивое дачное мѣстечко, гдѣ имѣетъ свою лѣтнюю резиденцію русская дипломатическая миссія. Потомъ курьерскій поѣздъ (express) останавливается въ Даманхурѣ, весьма напоминающемъ итальянскіе мелкіе городки. Отъ Александріи онъ въ 62 километрахъ, и мѣстность совсѣмъ измѣняетъ характеръ. Отсюда и вплоть до Каира, между двумя ужасными пустынями на западѣ и на востокѣ, раскинулись превосходно воздѣланныя поля, обязанныя своимъ удивительнымъ плодородіемъ, какъ говорятъ, періодическимъ наводненіямъ Нила. Я же добавлю, что не въ однихъ наводненіяхъ причина такого плодородія, а еще въ отмѣнной обработкѣ и въ замѣчательно устроенномъ орошеніи. Цѣлая система большихъ и малыхъ каналовъ, подъ инспекціей особаго департамента при министерствѣ, проводитъ воды Нила по всѣмъ направленіямъ. Желѣзная дорога почти на всемъ протяженіи (210 кил.) идетъ вдоль такихъ каналовъ, и изъ оконъ вагона

до Р. Хр., въ Александрію изъ развалинъ Геліополиса. Въ нынѣшнемъ столѣтіи одна подарена египетскимъ правительствомъ Англіи и увезена въ 1878 году въ Лондонъ, другая—Америкѣ, увезена въ 1880 г. въ Нью-Йоркъ.

я имѣлъ возможность видѣть, какъ пользуются земледѣльцы (феллахи) ими для поливки полей, лежащихъ выше уровня воды. Дѣлается это очень просто: они поднимаютъ воду въ свои полевыя канавки и изъ нихъ уже затопляютъ поля, когда нужно. Воду же они поднимаютъ всѣми возможными способами. Самый распространенный — наливной водочерпальными колесами (по-нашему чигирями), которыя вертятъ буйволы, иногда верблюды; кое-гдѣ накачиваютъ воду локомобилями или собственными, или наемными у особыхъ предпринимателей, держащихъ по нѣсколько штукъ, до десятка и даже больше. Видѣлъ я еще небольшія турбинки, которыми работаютъ дѣти, и, кромѣ того, самый тяжелый и первобытный способъ временъ фараоновскихъ, состоящій въ томъ, что два феллаха большою корзиной на веревкахъ зачерпываютъ воду изъ канала и перебрасываютъ ее въ вышележащій водоемъ, два другихъ феллаха такъ же точно переливаютъ ее въ полевую канаву. У ближнихъ пирамидъ арабы дѣлаютъ то же самое системой стоящихъ другъ надъ другомъ журавцовъ, совершенно одинаковыхъ съ нашими деревенскими у колодцевъ. Трудъ поистинѣ «египетскій», если принять во вниманіе ту массу воды, которая потребна для поливки не какого-нибудь огорода - капустника, а цѣлаго поля, засѣяннаго разными хлѣбами и травами. Подъ здѣшнимъ солнцемъ не помогутъ никакіе разливы Нила, дающіе, въ сущности, только удобреніе въ видѣ наноснаго ила и возможность запасать воду запрудами. Впрочемъ, помимо ила, египтяне очень усердно удобряютъ свои поля изъ хлѣвовъ и отлично пользуются крохотными пастбищами по сжатымъ полямъ, держа скотину, верблюдовъ, буйволовъ иословъ на приколахъ. При указанномъ мною орошеніи трава растетъ такъ быстро, что на одной десятинѣ можно прокормить небольшое стадо. Если бы поля наши такъ обрабатывать и поливать, то не позавидовали бы мы разливамъ Нила, разносящимъ, вмѣстѣ съ плодородіемъ, смертельныя лихорадки по всей дельтѣ, начиная съ Каира. Необыкновенно оригинальны поселки и деревушки феллаховъ, построенные изъ необожженнаго темно-сѣраго кирпича на глинѣ. Вся такая деревушка представляетъ собою четырехъугольникъ, обнесенный стѣнами безъ оконъ и съ однимъ входомъ. Снаружи только и видно, что гладкія стѣны и рядъ небольшихъ мазанковыхъ куполочковъ того же цвѣта съ трубами и безъ трубъ. Внутри идутъ улички-корридоры, изъ нихъ двери въ жилыя помѣщенія, слѣпленныя вмѣстѣ и раздѣленныя стѣнками. Какъ могутъ тутъ люди жить, уму непостижимо... Каждый поселочекъ окруженъ финиковыми пальмами и фруктовыми деревьями. Женщины, даже деревенскія, ходятъ, по большей части, съ закрытыми лицами, и насколько разнообразны и иногда живописны костюмы мужчинъ, настолько же неизмѣнно одинаковы сплошь черныя одѣянія женщинъ. Тутъ не раскокетничаешься! Въ особенности безобразятъ ихъ желтыя, точеныя изъ дерева трубки, длиною побольше вершка, верхній конецъ которыхъ привязанъ къ головному убору и лежитъ на лбу, а нижній спускается на носъ и служитъ для закрѣпленія на немъ непрозрачнаго чернаго покрывала. И такое-то уродство носятъ съ

женщины: феллашки, идущія на работу въ поле, горожанки и купчихи grandes dames, ѣздящія въ каретахъ съ евнухами на козлахъ и съ скороходами впереди экипажей, кафе-шантанныя пѣвицы и уличныя торговки цвѣтами и собственными прелестями. А такихъ торговокъ очень не мало на улицахъ Каира, начиная съ сумерокъ и до поздней ночи...

Но я отвлекся отъ моего пути, на которомъ проголодался жестоко. Какіе-то буфеты есть на нѣкоторыхъ станціяхъ, но экспрессъ останавливается не больше, какъ на двѣ минуты, и потому торговля съѣстными припасами и водой производится въ разносъ на платформѣ, какъ въ Италіи. На станціи Танта (Tantah) продавались на платформѣ вареныя крутыя яйца и жареные голуби. Голодъ мы кое-какъ удовлетворили и терпѣливо ждали пріѣзда въ Каиръ, минутъ за двадцать до котораго показались справа на горизонтѣ силуэты двухъ пирамидъ *Гизе*, слѣва замелькали загородные домики съ небольшими садами тропическаго характера. Поѣздъ вошелъ подъ навѣсъ платформы,—Каиръ... Поджидавшій меня русскій кавасъ сообщилъ по-французски, что monsieur Преображенскій самъ пріѣхалъ меня встрѣтить. Черезъ минуту я жалъ руку добрѣйшаго Николая Александровича, и мы условились въ тотъ же вечеръ (25 апр.) встрѣтиться на катаньѣ въ Гизере, куда весь египетскій beau-monde ѣздитъ два раза въ недѣлю любоваться закатомъ солнца. Номеръ для меня приготовленъ въ Hôtel Khedivial, въ центрѣ города, на площади около сада Эсбекіэ. За комнату въ бельэтажѣ, небольшую, но уютную, я плачу 4 фр. съ прислугой. Обѣдъ за общимъ столомъ 5 фр., довольно плохой. Вообще, это отель не первоклассный, но, ты знаешь, я не прихотливъ, по мнѣ и здѣсь хорошо, благо чисто и отъ всего близко... Одно необходимо внушить всѣмъ, собирающимся ѣхать въ Египетъ: брать обильный запасъ далматскаго порошка и хорошій флаконъ нашатырнаго спирта. Порошкомъ посыпать, не жалѣя, постели и полы, нашатырнымъ спиртомъ тщательно смачивать уязвленія, причиняемыя здѣшними комарами, отъ которыхъ не спасаютъ никакія занавѣски-мустикеры. Я не зналъ этого и плачусь за то изрядно: каждый укусъ комара превращается въ настоящій нарывъ. Комары этихъ тропическихъ странъ преядовитые отъ гнилыхъ и отчасти соляныхъ болотъ вокругъ Александріи.

За эти два дня я порядочно-таки объѣздилъ и обходилъ Каиръ и имъ очарованъ. Ничего подобнаго нѣтъ въ Европѣ и, не видавши, трудно себѣ представить, что это такое. Дома и улицы,—я видѣлъ пока лишь «Новый Каиръ»,—смѣсь европейскаго съ азіатскимъ и со своимъ, чѣмъ-то особеннымъ, египетскимъ. Зелени множество, и какой зелени! Кромѣ удивительныхъ городскихъ садовъ и скверовъ, на каждомъ шагу, иногда вдоль цѣлыхъ улицъ, встрѣчаются сады, садики, полисадники и цѣлые садища, и каждый изъ нихъ имѣетъ видъ роскошнѣйшей теплицы поразительныхъ размѣровъ. Подъ моимъ окномъ ростутъ бананы (музы) и вытягиваютъ свои широчайшіе листья до рамъ второго этажа; противъ нашего отеля цвѣ финиковыя пальмы переросли своими кронами трехъэтажный домъ. Въ

саду Эсбекіэ боабабы (arbor gigantea моего добраго друга Тартарена) въ нѣсколько обхватовъ образуютъ цѣлыя рощицы своими кореньями, спускающимися отъ вѣтвей въ землю. Апельсины, лимоны, гранаты, чудныя розы, латаніи, казуаріи... и ужь, право, не знаю, какія еще диковинныя растенія невиданныхъ размѣровъ и формъ даютъ тѣнь и льютъ ароматъ, напоминая подносимыя у насъ дамамъ именинныя корзины цвѣтовъ, только волшебно увеличенныя въ тысячи разъ. Въ Гизере аллеи незнакомыхъ мнѣ деревьевъ, огромныхъ и очень тѣнистыхъ, тянутся на нѣсколько верстъ по обѣ стороны шоссированныхъ и исправно политыхъ дорожекъ, по которымъ катаются сотни экипажей съ нарядными, по-европейски, и съ закутанными въ черное, по-египетски, дамами, съ щеголевато одѣтыми сплошь въ европейскіе костюмы мужчинами, изъ которыхъ, впрочемъ, добрая половина не въ шляпахъ, а въ красныхъ фескахъ. И на такомъ-то фонѣ, по улицамъ и площадямъ, непрерывною вереницей, тянется цѣлая этнографическая выставка лицъ и мордъ, доходящихъ до звѣроподобія, изуродованныхъ какими-то нарочито сдѣланными шрамами на щекахъ,— головныхъ уборовъ и костюмовъ, доходящихъ до такихъ, на изготовленіе которыхъ требуется всего два аршина коленкора и двѣ четверти тесьмы, связывающей копну черныхъ волнистыхъ и грубыхъ волосъ надъ макушкой головы на подобіе снопа. А вечеромъ — это уже цѣлая феерія, Шахеразада сказочная, да такая, что и во снѣ не приснится, какъ ни разыгрывайся фантазія, если не видалъ на-яву въ богатѣйшихъ кофейныхъ, въ садахъ и въ трущобныхъ закоулкахъ Каира.

Начали мы эту экскурсію въ область темныхъ сторонъ «женскаго вопроса» на египетской почвѣ съ того, что направились въ блестящій кафе-шантанъ на одной изъ главныхъ улицъ и почти въ центрѣ города. Ярко освѣщенный входъ, огромная зала заставлена множествомъ отдѣльныхъ столиковъ; тамъ и сямъ за этими столиками небольшія группы мужчинъ въ разнообразныхъ костюмахъ пьютъ пиво, кофе, воду съ чѣмъ-то. Народа не особенно много, большинство—арабы-египтяне. Влѣво отъ входа большая сцена, приподнятая аршина на полтора, на сценѣ весьма дикій египетскій оркестръ и хоръ женщинъ, изъ которыхъ однѣ закутаны во все черное, съ закрытыми лицами и съ обычными желтыми трубками между глазъ, другія одѣты крайне пестро, со множествомъ бусъ, цѣпочекъ, монетъ, браслетъ на рукахъ и на ногахъ. Музыка играетъ, хоръ поетъ нѣчто совсѣмъ варварское. Мы проходимъ впередъ и садимся къ столику, примкнутому къ самой эстрадѣ, мои спутники спрашиваютъ пива, я — кофе. Одна изъ женщинъ, красивая, въ розовомъ полу-европейскомъ платьѣ, выражаетъ по-французски желаніе, чтобъ угостили ее пивомъ. Что-жь, милости просимъ, любопытно... Она проходитъ черезъ всю сцену и изъ какого-то бокового закоулка является въ нашу компанію пить пиво. Хорошо говорящая по-французски «мамзель» оказывается алжирскою арабкой и въ Марсели переняла всѣ аллюры кафе-шантанныхъ француженокъ. Музыка и пѣніе удручительны, съ меня довольно того и другого, и нашей со-бе-

сѣдницы, я не прочь былъ пуститься на-утекъ. Остановили: «подождите, сейчасъ танцы, danse du ventre...» Выходитъ подлинная египетская арабка, напоминающая лицомъ типъ нашихъ подлинныхъ цыганокъ, «полевыхъ», очень молодая, своеобразно хорошенькая, въ потертомъ шелковомъ голубомъ платьѣ съ золотою бахрамой, позументами и разными блестящими цацками, въ рукахъ какіе-то колокольчики или, вѣрнѣе, металлическія кастаньеты. Ея танца, само собою разумѣется, я описывать не буду, никакому описанію не поддается этотъ образецъ африканской хореографіи, такъ же точно, какъ не передать словами, что такое пляска нашихъ цыганокъ, потрясающихъ плечами и руками съ дикимъ визгомъ и гикомъ. Между обѣими плясками есть, по-моему, нѣкоторое сродство, подобное сродству двухъ языковъ, происходящихъ отъ одного корня. Только цыганская пляска короче, живѣе, энергичнѣе, африканская — продолжительна, однообразна, чудовищно-непристойна и, при этомъ, далеко не лишена какой-то необъяснимой граціи. Смотрѣть совѣстно и оторваться не хочется, такъ и затягиваетъ эта мерзость фараонская. Сидѣвшая со мною рядомъ алжирка сказала: «Приходите завтра въ 4 часа въ садъ Эсбекіэ, я буду тамъ въ европейскомъ платьѣ, а вечеромъ сюда... Я лучше ея танцую, вы завтра увидите...» Въ садъ я, конечно, не пошелъ, и уже никогда не переступлю порога этой блестящей кофейной. Будетъ съ меня и одного раза... И, тѣмъ не менѣе, я этотъ же самый подлѣйшій «danse» или, правильнѣе, приступы къ нему, видѣлъ еще и еще нѣсколько разъ въ тотъ же вечеръ, при осмотрѣ «трущобнаго» Каира, цѣлаго лабиринта узенькихъ, темныхъ, грязныхъ переулковъ, наполненныхъ ужасающими вертепами... При одномъ воспоминаніи морозъ пробѣгаетъ по кожѣ. И тутъ-то, среди отвратительной грязи физической и нравственной, мы встрѣтили такую процессію: впереди черномазые длиннорубашечники несутъ зажженные факелы, среди нихъ выплясываетъ и выкрикиваетъ что-то толстая, черномордая баба въ яркомъ балахонѣ съ букетами, потомъ идутъ музыканты съ трубами, бубнами и турецкимъ барабаномъ, за ними два ряда молодыхъ людей съ горящими свѣчами въ садовыхъ подсвѣчникахъ, дальше молодой франтъ, котораго ведутъ подъ руки и окружаютъ друзья, въ заключеніе опять факелы и толпа праздныхъ зѣвакъ. Это женихъ справляетъ свой «мальчишникъ», прощается съ холостою жизнью. Другую, точь-въ-точь такую же процессію мы встрѣтили на одной изъ большихъ улицъ. Въ довершеніе цѣлаго ряда подавляющихъ впечатлѣній мы видѣли среди этихъ логовищъ разврата необыкновенно мрачную могилу мусульманскаго святого, озаренную неугасимою лампадой. Добавь къ этому тамъ и сямъ раскиданные на перекресткахъ полицейскіе посты съ англійскими солдатами въ красныхъ опереточныхъ мундирахъ и ты составишь себѣ, хотя смутное и слабое, представленіе объ этой фееріи, разыгрывающейся съ визгомъ, грохотомъ и гамомъ до поздней ночи чуть не до утра, въ удушающей атмосферѣ смраднаго лабиринта. Когда мы, наконецъ, выбрались изъ него на чистый воздухъ площади, освѣщенной электричествомъ, то лица на насъ не было, и

я едва держался на ногахъ. Чтобы «стереть» эти впечатлѣнія, вздохнуть не физически только, но и душевно, одинъ изъ моихъ спутниковъ предложилъ идти послушать хорошую музыку въ «чистый» café-concert, гдѣ играетъ нѣмецкій оркестръ. Не знаю, какъ у моихъ товарищей,—постѣснился ихъ спросить,—а у меня впечатлѣніе не стерлось, а осѣло какъ-то еще плотнѣе, еще мрачнѣе: оркестръ, дѣйствительно хорошій, оказался составленнымъ на половину изъ нѣмокъ и венгерокъ, отличающихся, на мой взглядъ, отъ только-что видѣнныхъ нами женщинъ всѣхъ цвѣтовъ лишь своею внѣшностью и болѣе утонченными манерами, ничего не измѣняющими по существу. Быть можетъ, я ошибаюсь и желалъ бы ошибиться, а то очень ужь скверно на душѣ и не могу отдѣлаться отъ этой скверности потому, вѣроятно, что сегодня попалъ опять и совсѣмъ уже невзначай на то же самое, что видѣлъ вчера, только еще болѣе открыто, на всей красотѣ, въ казенномъ саду Эсбекіэ и на одной изъ главныхъ улицъ, въ нѣкоемъ домѣ съ вывѣской: *Jardin d'hiver, Hôtel privé*. Этотъ «отель» раздаетъ и разсылаетъ такія карточки-рекламы на двухъ языкахъ, французскомъ и англійскомъ: «Jardin d'hiver. Hôtel privé (слѣдуетъ адресъ). Chambres garnies. Service complet. Ouvert toute la nuit. On y trouve tout le confortable. La Maison se recommande pour son ordre parfait». Не знаю, какой тамъ «совершенный порядокъ», но несомнѣнно, что это не отель и не меблированныя комнаты, а такое заведеніе, для котораго нигдѣ не полагается вывѣсокъ и объявленій...

Съ утра сегодня (26 апрѣля) погода была не особенно удручающая, въ тѣни 22° R., и мы отправились къ ближнимъ пирамидамъ, къ такъ называемымъ пирамидамъ Гизе. Отъ Каира $1^1/_2$ часа ѣзды въ коляскѣ по превосходному шоссе, обсаженному тѣнистыми деревьями. Только уже на подъемѣ къ самымъ пирамидамъ нашъ экипажъ завязъ въ пескѣ, и намъ пришлось пересѣсть на осликовъ, полюбовавшись сначала на цѣлую баталію между толпою арабовъ и нашимъ храбрымъ Махмудомъ, доблестно наскакивавшимъ на нихъ съ поднятою палкой. Шумъ и вопли были неописуемые, а потомъ пришлось и намъ безпрерывно отмахиваться зонтами отъ непрошенныхъ услугъ и приставаній этихъ дикарей, считающихъ пирамиды своею собственностью, а туристовъ—данниками. Тутъ главныхъ три пирамиды, двѣ огромныхъ, Хеопса и Кефрена (около 60 саж. вышиной каждая), и третья на половину ниже первыхъ, а затѣмъ есть еще шесть совсѣмъ маленькихъ пирамидокъ, которыхъ я, впрочемъ, совсѣмъ не замѣтилъ, увлекшись «гигантами». Но и отъ «гигантовъ» я ждалъ бо́льшаго. Они эффектнѣе издали, когда ихъ силуэты вырѣзываются надъ горизонтомъ. Вблизи и среди необозримыхъ бугровъ песчаной пустыни онѣ кажутся уже не такими грандіозными, хотя первыя двѣ выше храма св. Петра въ Римѣ, а третья, кажущаяся передъ ними совсѣмъ ничтожною, немного ниже колокольни Ивана Великаго въ Москвѣ. Нѣсколько болѣе ясное представленіе о ихъ размѣрахъ я получилъ лишь тогда, когда мой спутникъ Калло полѣзъ съ бедуинами (не безъ Махмуда, разумѣется), ко входу внутрь пирамиды Хе-

опса. Я не отважился изъ опасенія, что живымъ не вернусь, и хорошо сдѣлалъ, такъ какъ безъ помощи арабовъ вскарабкаться туда почти невозможно, а эти дикіе народы столь усердно помогаютъ, что у путешественника кости трещатъ и изъ суставовъ выскакиваютъ. Мѣстами подъемъ состоитъ изъ уступовъ чуть не въ ростъ человѣка. Двое здоровенныхъ молодцовъ вскакиваютъ на верхъ, хватаютъ васъ за руки и вздергиваютъ смаху, двое другихъ подсаживаютъ, вѣрнѣе, подбрасываютъ снизу, и такъ-то на высоту крыши трехъ-этажнаго дома. По отвѣсу, входъ находится на высотѣ 9 слишкомъ саженъ, уклонъ же составляетъ 52°. Внутрь пирамиды и Калло не рѣшился отправиться. Туда ведетъ довольно узкій спускъ безъ ступеней и съ уклономъ въ 25°. Да тамъ не спеціалисту-изслѣдователю и смотрѣть, собственно, нечего. Этотъ наклонный корридоръ спускается на 14 саж. ниже основанія пирамиды, нѣсколько развѣтвленій его ведутъ къ внутреннимъ покоямъ, совершенно пустымъ. Утомленіемъ поплатишься очень большимъ, результатъ же получится весьма малый,—право сказать, что и я былъ внутри пирамиды. Ну, а я не былъ и ни мало о томъ не скорблю, но сожалѣю о томъ, что больныя старыя ноги не дозволили мнѣ подняться на вершину, гдѣ имѣется обширная площадка, съ которой открываются, говорятъ, чудные виды съ одной стороны на Каиръ, Нилъ и цвѣтущую культурную полосу Египта, съ другой на необозримую песчаную пустыню и длинный рядъ пирамидъ по ея границѣ до Мемфиса и далѣе. Одинъ молодой человѣкъ итальянецъ, состоящій на египетской службѣ, разсказывалъ мнѣ, что они цѣлымъ обществомъ устроили пикникъ съ музыкой и танцовали на этой площадкѣ, величиною въ 20 квадратныхъ саженъ.

Совершенно иное, потрясающее, впечатлѣніе произвелъ на меня Сфинксъ Ничего подобнаго я не видывалъ и не воображалъ увидать: ни фотографіи, ни гравюры, ни картины талантливѣйшихъ художниковъ не даютъ понятія о томъ, что такое въ дѣйствительности это чудище. При осмотрѣ пирамидъ, его совсѣмъ не видно, хотя онъ находится менѣе чѣмъ въ полуверстѣ отъ каждой изъ большихъ, и разыскать его не легко въ здѣшнихъ песчаныхъ буграхъ. Дѣло въ томъ, что онъ въ теченіе вѣковъ былъ почти весь засыпанъ пескомъ и отрытъ сполна, съ пьедесталомъ весьма недавно. А потому и оказывается теперь лежащимъ въ глубокой выемкѣ, загороженнымъ отъ взоровъ путника валами песка. Только подъѣхавши къ самой выемкѣ, я увидалъ «звѣря» съ человѣчьей головой. Начну съ его размѣровъ: пьедесталъ, на которомъ протянулось высѣченное заодно съ нимъ изъ цѣлой скалы тѣло льва, имѣетъ въ длину 80 аршинъ, лицо отъ подбородка до вершины лба—12 аршинъ. Лицо все изуродовано, разсказываютъ, что въ то время, когда изъ песочнаго наноса торчала одна голова, по ней, какъ по мишень, упражнялась арабская артиллерія. Отбитъ носъ, сильно повреждены щеки, губы и борода. И, все-таки, лицо сохранило вполнѣ опредѣленное выраженіе, на остаткахъ губъ застыла улыбка, разстрѣлянныя глаза смотрятъ жестокимъ взглядомъ. И отъ этой улыбки, отъ этого взгляда

становится страшно, страшно до ужаса, не за себя только,—за человѣчество... «Звѣрь» смѣется, онъ насмѣхается надъ всѣмъ живущимъ, мыслящимъ, вѣрящимъ, надъ землею и надъ небомъ, надо мною и надъ тѣмъ, чѣмъ жива моя душа. Это не простое всеотрицаніе, противъ котораго можно спорить, съ которымъ можно биться равнымъ оружіемъ, силою собственнаго убѣжденія. А какую силу противупоставить этому всеохватывающему, сверхъ-человѣчески гордому глумленію? Оно подавляетъ меня, опозориваетъ все дорогое мнѣ, святое для меня и стоитъ передо мною несокрушимымъ, недоступнымъ, въ образѣ колоссальнаго «звѣря», невѣдомо кѣмъ, какимъ орудіемъ, какимъ геніемъ созданнаго. До сего дня мнѣ никогда въ голову не приходило вопроса, какимъ можно себѣ представить антихриста. Теперь я знаю, видѣлъ образъ его воочію, и ужасъ охватилъ меня, и я бѣжалъ отъ него, спасаясь отъ того отчаянія, которое исходитъ отъ его смѣха и пристальнаго взгляда и захватываетъ мой мозгъ. И это не антихристъ только, это «антибогъ», истребляющій всякое вѣрованіе, всякое божество, всякое понятіе о добрѣ и злѣ, и подавляющею мощью требующій поклоненія себѣ — вѣчному глумленію... Когда явилось на свѣтъ это чудовище, не извѣстно,—во всякомъ случаѣ много ранѣе царствованія Хеопса (Khoufou), строителя величайшей пирамиды, такъ какъ документально доказано, что Хеопсъ (приблизительно за 3000 лѣтъ до Р. Х.) «реставрировалъ» (?) Сфинкса. Не вдалекѣ отъ Сфинкса находится «гранитный храмъ» безъ крыши, сложенный изъ гладко обдѣланныхъ и тщательно пригнанныхъ громадныхъ глыбъ гранита. Ни на стѣнахъ его, ни на ч
столбахъ нѣтъ ни надписей, ни какихъ-либо изображеній, самыхъ древнихъ памятникахъ Египта, что даетъ осно гать, что этотъ храмъ есть наидревнѣйшій изъ всѣхъ. къ Сфинксу, разысканный ходъ къ нему и слѣды общей (ограды навели извѣстнаго знатока мѣстныхъ древностей догадку, что самый храмъ былъ посвященъ Сфинксу. Въ о леній храма имѣется колодезь, въ которомъ неутомимый нашелъ статую Хефрена, строителя второй, по величинѣ, впрочемъ, ничуть не служитъ доказательствомъ, что храмъ френомъ. Тутъ, въ этомъ до-историческомъ сооруженіи, яви чашками кофе на англійскомъ подносѣ. Съ удовольствіем глотка живительнаго напитка и отправился отдохнуть въ р нищу, недавно выстроенную внизу подъ каменной грядой, с жіемъ пирамидъ и мѣстомъ ограбленія путниковъ на евр сандвичъ на два глотка—франкъ, маленькая бутылочка франкъ, чашка чернаго кофе — франкъ... Фотографія на л мидъ—25 франковъ. Отбыли мы при громкихъ крикахъ со старыхъ, молодыхъ, юныхъ и совсѣмъ маленькихъ араб мусю, бакшишъ, бакшишъ»!...

Кончаю письмо 27 апрѣля раннимъ утромъ. Явился мой мудъ: «Пишешь? Чиво пишишь?»—Письмо домой.—«Письм

ризну. — Въ рубашка сидишь. А когда музей ѣхать, когда старъ Каиръ ѣхать, когда Матарія будымъ?... Пишы, мини сё равно, пишы въ рубашка»... Гувернеръ мой строгъ, но справедливъ. Надо одѣваться и ѣхать. Жму твою руку, привѣтъ В. М., моимъ передай, что «курилка» живъ и бодръ.

P. S. Синяго неба не видалъ въ Египтѣ, какъ и въ Греціи, такое же голубое, какъ въ Рязанской губерніи. А сегодня бѣлое, чуть-чуть желтое. Говорятъ, отъ того, что дуетъ *хамсинъ*, вѣтеръ съ Ливійской пустыни. Вѣтра я никакого не чувствую, въ тѣни 18° R., но въ самомъ дѣлѣ душно, дышется тяжело, всюду садится мельчайшая пыль. Должно быть, не даромъ боятся здѣсь хамсина... Опять Махмудъ...

М. Ремезовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ)

Женщина въ Соединенныхъ Ш

(«La femme au États-Unis», par C. de Va

I.

Болѣе пятнадцати милліоновъ эмигрантовъ выкину. Сѣверной Америки въ теченіе одного вѣка, съ 1789 г года Европа наводняла Соединенные Штаты произведен туры, навязывала имъ свою литературу и идеи, свое стовъ, свои моды и вкусы, своихъ искателей прикл находившихъ себѣ мѣста въ Старомъ Свѣтѣ. Подобно вѣ, новая земля все поглотила, все впитала—и хорош тыя и мутныя воды. Изъ этихъ разнородныхъ элемен климата, особенностей расы и умственной, нравстве культуры, создалась новая цивилизація, имѣющая нѣ сходство съ нашей, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, представляю ожиданные контрасты. Теперь эта новая цивилизаці Европу, гдѣ американскіе туристы-милліонеры перепол ли, соперничая въ роскоши, изяществѣ и комфортѣ ст витою аристократіей, которой завидуютъ, и финансово торую подавляютъ своимъ богатствомъ. Теперь амери редь знакомятъ насъ съ своими идеями, нравами, об съ робостью сомнѣвающихся и боящихся показаться цевъ, а самоувѣренно улыбаясь надъ нашими предраз

Цивилизаціи вліяютъ одна на другую и ихъ болѣ и радикальное измѣненіе зависитъ отъ обстоятельствъ давленіемъ которыхъ оно совершалось. Въ древности способа: побѣда грубою силой—оружіемъ и побѣда д краснорѣчіемъ и искусствами. Теперь оба усовершенст лавшись болѣе гибельной, выработала методы и воен журналъ замѣнили каѳедру, недостаточную для слиш торіи. Къ этимъ двумъ способамъ пропаганды прибавил прежде неизвѣстное или презираемое, средство болѣе

мѣтное, но за то самое могущественное: женское вліяніе. Долгое время женщина не имѣла никакого значенія, ни въ исторіи народовъ, ни въ жизни мужчинъ; теперь она играетъ видную роль. Историки и путешественники, философы и моралисты, изучая націю, не интересуются теперь исключительно политическими тенденціями, административнымъ механизмомъ, экономическимъ движеніемъ, но особенное вниманіе обращаютъ на обычаи и нравы, на общественную жизнь и ту среду, гдѣ женщина составляетъ центръ, гдѣ ея вліяніе преобладаетъ. Можно не одобрять женскаго вліянія, можно сожалѣть о его размѣрахъ, но нельзя отрицать его значенія. Наполеонъ I возмущался этимъ и осуждалъ госпожу Сталь за то, что она занимается общественными дѣлами; госпожа Сталь возразила, что нельзя порицать женщинъ за ихъ интересъ къ политикѣ въ странѣ, гдѣ изъ-за политики имъ рубятъ головы. Аргументъ остался безъ возраженія; ихъ можно было бы привести еще нѣсколько и удивительно не то, что половина—и даже бо́льшая—человѣческаго рода завоевала, наконецъ, свою долю вліянія, а то, что она потратила столько вѣковъ на это завоеваніе.

Каждый народъ имѣетъ свое особое представленіе о женщинѣ. Идеи, какъ и языкъ, мѣняются и для выраженія одной и той же мысли заимствуютъ различныя формы. Если для француза женщина олицетворяетъ идеалъ, воплощаетъ лучшія стороны цивилизаціи, то для испанца она еще остается мадонной въ церкви, для итальянца цвѣткомъ въ саду. Англичанинъ, родоначальникъ американца, видитъ въ женщинѣ, прежде всего, мать своихъ дѣтей и хозяйку дома. Несообщительный и независимый по характеру, англичанинъ не любитъ городской жизни и мирится съ нею на время, пока не добьется возможности жить въ собственномъ помѣстьѣ или такомъ, которое онъ надѣется пріобрѣсти въ собственность. Глубоко проникнутый библейскими традиціями, поддерживаемыми семейнымъ культомъ и чтеніемъ священныхъ книгъ, англичанинъ заимствовалъ оттуда нѣкоторыя характерныя черты: уваженіе родительскаго авторитета и желаніе многочисленнаго потомства. Онъ сохранилъ также любовь къ подвижной жизни: инстинкты кочевника, страсть мѣнять мѣсто, климатъ, горизонтъ влекутъ младшихъ сыновей искать болѣе обширное поле дѣятельности въ Индіи, Канадѣ, Австраліи, заставляютъ людей, осѣдлыхъ въ силу необходимости, посвящать нѣсколько недѣль на путешествіе по Европѣ, доводятъ отважныхъ изыскателей въ центръ Африки или до ледниковъ сѣвернаго полюса. Свои традиціи и инстинкты англичанинъ переноситъ съ собою въ новыя земли, которыя заселяетъ, и передаетъ потомству. Такъ поступилъ онъ, когда религіозное преслѣдованіе, главнымъ образомъ, и отчасти желаніе нажить состояніе заставили его переселиться въ Новый Свѣтъ. Оторванная вѣтвь могучаго англійскаго ствола пустила корни и дала ростки, такъ какъ англичанинъ переселился не одинъ: его жена, дочери, сыновья послѣдовали за нимъ, раздѣляя его убѣжденія и надежды.

Когда въ 1630 году тысяча человѣкъ эмигрировали изъ Англіи, ища въ Америкѣ религіозной терпимости и политической свободы, въ которыхъ

отказывалъ Карлъ I, они не были ни побѣжденными революціонерами, ни доведенными до отчаянія фанатиками, а вѣрными подданными, свободными англичанами; безпокоясь за настоящее, сомнѣваясь въ будущемъ, а не въ самихъ себѣ, они перекочевали въ англійскія земли, отдаленность которыхъ обезпечивала независимость. Почти всѣ эмигранты принадлежали если не къ богатому, то къ зажиточному, среднему классу. Уроженцы по бо́льшей части Бостона и Дорчестера, они дали первымъ колоніямъ названія родныхъ городовъ и окрестили вторую родину именемъ Новой Англіи.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ морскаго берега начинался безконечный дремучій лѣсъ; при помощи огня и топора колонисты образовали въ немъ большія просѣки, вспахали землю на полянахъ и изъ срубленнаго лѣса выстроили дома; запасъ провизіи, сѣмена, необходимые инструменты эмигранты захватили съ собою. Началась тяжелая жизнь піонеровъ. Мужчины строили, пахали, сѣяли; женщины занимались домашними работами, готовили обѣдъ, чинили одежду и т. д.; вечеромъ вся семья собиралась за общимъ ужиномъ, послѣ котораго слѣдовала молитва и чтеніе Библіи. Простая, здоровая жизнь, полная труда и религіи, не оставляла мѣста пустымъ сожалѣніямъ и праздднымъ мечтамъ. Ежегодное увеличеніе достатка, расширеніе владѣній, размноженіе скота придавали колонистамъ энергію и вознаграждали за труды.

Новая Англія заселилась. Съ 1630—1640 гг. двадцать тысячъ эмигрантовъ переплыли Атлантическій океанъ, все англичане и все ревностные протестанты; женщины не были ни менѣе вѣрующими, ни менѣе отважными. Въ религіозной эволюціи, сопровождавшей переходъ Англіи отъ католичества къ протестантству, женщина играла видную роль; на ней не менѣе, чѣмъ на мужчинѣ, отразилось вліяніе реформы. Христіанство освободило женщину отъ рабства, протестантство избавило ее отъ зависимости. Оно дало ей одинаковыя права съ мужчиной, признало за ней равный умъ и способности, равное право на образованіе, возложило на нее тѣ же обязанности и отвѣтственность. Женщина получила свободу въ главномъ вопросѣ своей жизни: въ выборѣ мужа. Чувство безграничной свободы смѣнило сознаніе безпрекословнаго подчиненія; въ ней пробуждалась независимая и отважная душа. Такія женщины сто́или мужчинъ. Сдѣлайте шагъ дальше: удалите мысленно эту женщину отъ условій и вліянія той среды, гдѣ протекло ея дѣтство. Перенесите ее и ея близкихъ за 1,200 миль отъ родной земли, по ту сторону невѣдомаго океана, черезъ бури и невзгоды опаснаго и медленнаго въ то время путешествія, высадите ее на чужихъ, далекихъ берегахъ, подвергните вліянію одиночества, безграничныхъ дѣвственныхъ лѣсовъ, поставьте лицомъ къ лицу съ новою жизнью, гдѣ она чувствовала бы себя не только полезной, но и необходимой, и затѣмъ соразмѣрьте ея силы и задачу. Одно соотвѣтствовало другому и вѣра поддерживала ее. Въ сознаніи приносимой пользы женщина черпала въ самой невѣдомую силу; ея умъ, занятый многосторонними обязанностями, развивался; неустанный трудъ и безпрерывныя заботы о семьѣ и д

мѣ удовлетворяли одну изъ главныхъ потребностей женской натуры и сердца: чувствовать себя центромъ, вокругъ котораго все вращается, сознавать себя необходимой тѣмъ, кого любишь. Чѣмъ больше у нея было дѣтей, тѣмъ богаче она себя считала; сыновья раздѣляли труды отца, дочери помогали въ хозяйствѣ. Лихорадка, неизбѣжная спутница колонизаціи, уносила слабѣйшихъ, оставляя самыхъ крѣпкихъ и выносливыхъ— оплотъ будущаго. Впрочемъ, отъ соприкосновенія съ человѣкомъ климатъ оздоровлялся. По мѣрѣ заселенія побережья вновь прибывающими колонистами, зеленая стѣна лѣса отодвигалась вглубь, предоставляя для обработки дѣвственный черноземъ, который никогда не видѣлъ солнца, и убирался подъ лучами его золотистыми нивами.

Населеніе увеличивалось, пустыня заселялась; съ одной крыши уже виднѣлась другая, подъ которой жили и работали соотечественники и единовѣрцы. Каждый колонистъ оставался на своемъ участкѣ попрежнему независимымъ, свободнымъ, но прежняго одиночества не ощущалъ; въ случаѣ опасности, болѣзни, несчастья, можно было помочь другъ другу, сплотиться вмѣстѣ противъ общаго врага. Съ расшireніемъ владѣній и увеличеніемъ семьи возростало благосостояніе дома; признаки цивилизаціи и нѣкотораго комфорта проникли въ него въ тотъ день, когда дочери сняли часть бремени съ хозяйки и у нея явилось время и охота украшать домъ, разводить цвѣты рядомъ съ овощами, а вечеромъ, покончивъ съ хозяйственными заботами, заниматься изящными рукодѣліями. Сыновья охотились и звѣриныя шкуры служили мягкими коврами; избытокъ произведеній фермы мѣнялся на европейскіе товары.

Въ этомъ создающемся мірѣ быстро развивались личныя качества и способности и, ничѣмъ не стѣсняемыя, находили себѣ примѣненіе. Независимость была подчинена только долгу быть полезнымъ, содѣйствовать общему благу, исполнять роль пчелы, а не трутня. Авторитетъ существовалъ, все-таки: авторитетъ главы семейства, и матери-хозяйки и воспитательницы. Она оставалась ею до тѣхъ поръ, пока размножившаяся и разбогатѣвшая колонія не выстроила на общія средства скромнаго зданія, названнаго капеллой; пасторъ, избранный отцами семействъ, получалъ содержаніе натурою. Почти во всѣхъ колоніяхъ женщина первая позаботилась о сооруженіи храма, не потому, чтобы мужчина былъ индифферентнѣе ея, но онъ лучше умѣлъ считать и меньше предвидѣлъ; онъ сомнѣвался въ своихъ силахъ, останавливался передъ трудностью дѣла и отвѣтственностью. Женщина, указывая на подростающихъ дѣтей, убѣдила его въ пользѣ общественнаго культа, въ необходимости оживить и поддержать вѣру болѣе основательными наставленіями. Прошло еще немного времени и нѣсколько колоній соединились вмѣстѣ, построили незатѣйливый домикъ-школу, куда пригласили учителя, достаточно свѣдущаго, чтобы научить читать, писать и считать молодое поколѣніе, которое не могло еще посвящать много времени на пріобрѣтеніе этихъ необходимыхъ знаній. Странное это было воспитаніе и странныя школы! Мальчики и дѣвочки посѣщали ихъ въ одно

время и вмѣстѣ присутствовали на урокахъ. Въ этой немного грубой и суровой средѣ началась цивилизація женщины слѣдующаго поколѣнія. Несмотря на грубость, на самые примитивные пріемы обученія, образовательное вліяніе росло и крѣпло, пробуждало въ сердцахъ дѣтей, привыкшихъ къ тяжелымъ полевымъ работамъ, дремавшій инстинктъ рыцарства, развивало зарождавшееся чувство уваженія къ женщинѣ, которое впослѣдствіи оправдало американскую аксіому: «въ Соединенныхъ Штатахъ женщина царица».

Но, въ ожиданіи своего будущаго царствованія, женщина сѣвернаго побережья царила пока въ узкомъ семейномъ кругу, въ собственномъ домѣ, и надъ этимъ, съ такимъ трудомъ воздвигнутымъ, домомъ собиралась грозная туча, надвигалась серьезная опасность. Прибывавшіе изъ Англіи новые колонисты-соотечественники, присутствіе которыхъ должно было бы удвоить энергію и увеличить безопасность тѣхъ, кто раньше занялъ берега, навлекли совершенно непредвидѣнныя осложненія. Они тоже требовали себѣ мѣста на земномъ шарѣ и, минуя занятую и обработанную полосу, углублялись въ лѣсъ, отодвигая его дальше и, вмѣстѣ съ тѣмъ, тѣсня индѣйцевъ, которые тамъ жили, охотились и считали его своею собственностью. Лѣсъ кормилъ ихъ, доставляя дичь для пропитанія, звѣриные мѣха для продажи; для охоты индѣйцамъ нужны были большія пространства, цѣлыя мили, а не нѣсколько акровъ, какъ бѣлому колонисту, который сѣялъ и жалъ. Расширяющаяся колонизація разогнала дичь и индѣйцы вынуждевы были слѣдовать за ней въ чащу лѣса, тишину котораго нарушалъ теперь стукъ топоровъ и трескъ пожаровъ. При видѣ такого постепеннаго вытѣсненія индѣйцы пришли въ удивленіе, потомъ въ негодованіе. Ихъ жалобы остались безъ отвѣта. Къ врожденному презрѣнію англичанина ко всякой низшей расѣ примѣшалась ненависть къ этимъ дикарямъ, отвергавшимъ цивилизацію и религіозныя наставленія, къ этимъ жестокимъ язычникамъ, скальпировавшимъ побѣжденнаго врага и приносившимъ человѣческія жертвы своимъ кровожаднымъ богамъ. Хотя индѣйцы и первые заняли землю, они не съумѣютъ остаться властителями ея. Земля по праву принадлежитъ высшей расѣ, которая обрабатываетъ ее, поливаетъ потомъ, владѣетъ съ Божія благословенія и никому не уступитъ. Начинается война съ индѣйцами. Ферма превращается въ крѣпость, заготовляется оружіе, назначаются предводители, набирается войско; отдѣльныя колоніи соединяются вмѣстѣ и обязуются энергично помогать другъ другу противъ общаго врага. Загорается кровопролитная борьба; индѣйцы жгутъ и грабятъ селенія на берегахъ Коннектикута. Въ этихъ продолжительныхъ и ожесточенныхъ войнахъ женщина поражаетъ своею храбростью. Изъ разсказовъ того времени видно, что она не уступала въ энергіи мужчинѣ, выдерживала съ дочерьми нападеніе индѣйцевъ въ то время, какъ мужья и сыновья, обманутые хитростью, преслѣдовали ихъ вдали, владѣла винтовкой не хуже, чѣмъ веретеномъ, не отступала ни передъ какимъ количествомъ нападающихъ, сама поджигала свое жилище и безъ колебанія ю-

гребала себя подъ его развалинами, чтобы только не отдаться живою въ руки враговъ. Безпощадная, кровопролитная война кончилась полнымъ пораженіемъ дикарей; ихъ загнали такъ далеко вглубь лѣсовъ, что дальнѣйшее преслѣдованіе было совершенно излишне. Колонисты вздохнули свободно. Усиліе было велико, но за то эмигранты остались побѣдителями и въ этомъ тяжеломъ испытаніи, едва не стоившемъ жизни сѣвернымъ колоніямъ, женщина еще разъ показала себя товарищемъ и равной мужчинѣ. Если общая опасность еще болѣе возвысила женщину, еще тѣснѣе связала и безъ того крѣпкія узы, то та же, сблизившая души, опасность соединила между собою колоніи. Первая лига была заключена въ 1643 г. Масачузетсъ, Плимутъ, Нью-Гавенъ и Коннектикутъ образовали подъ именемъ Новой Англіи союзъ, колыбель великаго американскаго союза.

Женщина сѣверныхъ колоній не была единственною родоначальницей американки. Одновременно съ описанными выше событіями появился другой типъ, совершенно противуположный не по происхожденію, а по условіямъ жизни. Въ наши дни эти два типа соединяются, не сливаясь еще окончательно; отъ ихъ соединенія происходитъ американская женщина, та, которую мы знаемъ, характерный продуктъ иной цивилизаціи, чѣмъ наша. Вскорѣ послѣ того, какъ пуритане, гонимые религіознымъ преслѣдованіемъ, колонизовали сѣверное побережье, побѣжденные приверженцы Карла I явились искать пристанища въ Новомъ Свѣтѣ. Странная иронія судьбы!

На одни и тѣ же далекіе берега она забросила и тѣхъ, кто не задумался покинуть родину, ставя выше всего религіозныя убѣжденія и политическую независимость, и тѣхъ, кто поклонялся монархизму. Изъ горсти добровольныхъ изгнанниковъ, изъ ревностныхъ католиковъ и убѣжденныхъ протестантовъ, изъ отчаянныхъ либераловъ и фанатиковъ-монархистовъ она создала гражданъ великой республики.

Новые эмигранты инстинктивно направились южнѣе. Кромѣ языка и происхожденія, у нихъ ничего не было общаго съ сѣверными пуританами. Ихъ политическія и религіозныя убѣжденія были иныя, также какъ и общественное положеніе, традиціи, идеи, вкусы. Сѣверные эмигранты принадлежали къ среднему классу, къ сектѣ, которая временно торжествовала и представителемъ которыхъ являлся Кромвель, убійца ихъ короля, узурпаторъ его власти. Виргинія была страною монархической. Эмигрировавшіе роялисты поселились тамъ и, чтобы не оставлять ни малѣйшаго сомнѣнія въ своихъ чувствахъ, смѣло дали новому отечеству названіе the Old Dominion, т.-е. старое владѣніе мученика-короля, который, хотя и побѣжденный, все-таки, даетъ имъ пріютъ. Роялизмъ есть своего рода религія; онъ имѣетъ своихъ приверженцевъ и поклонниковъ. Первое мѣсто среди нихъ занимаютъ женщины, скорѣе увлекающіяся воплощеннымъ въ личности принципомъ, чѣмъ отвлеченнымъ. Для ихъ жажды идеала необходимъ кумиръ, для вѣры—храмъ, а для тѣхъ, кого рожденіе, воспитаніе, семейныя традиціи сдѣлали роялистками и католичками, кумиръ былъ низвергнутъ,

храмъ осквернёнъ. Не менѣе отцовъ, братьевъ, мужей, мились покинуть отечество, гдѣ прошлое рушилось, и земли, гдѣ нашли пріютъ, новый элементъ. Только въ пріемы колонизаціи сходны на сѣверѣ и на югѣ. Отд черта сохранилась. Плантаторъ Виргиніи уединяется точно такъ же, какъ колонистъ Новой Англіи уединял Ему тоже необходимы обширныя пространства для о денія табака. Только потомъ, когда минуетъ первый на новомъ мѣстѣ, въ немъ просыпается инстинктъ об развитой придворными и военными привычками. Въ н и въ Англіи, необходима собственная усадьба, вилла толпа наемной прислуги, которую онъ замѣняетъ реб ствовало и практиковалось и на сѣверѣ, и на югѣ, дахъ. Колонистъ-пуританинъ относился къ нему съ от зовался имъ, какъ рабочею силой, въ ограниченных предпочиталъ свободный трудъ и образъ веденія его х это. Не то было на югѣ: табачныя плантаціи тр рабовъ, хозяйкѣ дома была необходима многочислен бакъ былъ не только продуктомъ, но и монетой, кот налоги, жалованье, покупка; разъ въ годъ пріѣзжали нагружались табакомъ и увозили его въ Англію, оста ходимые колонистамъ предметы. Эмигрантъ-роялистъ вм идеями, надеждами, захватилъ съ собою остатки свое всей своей знатности, онъ, какъ англичанинъ, былъ, п вой человѣкъ, который умѣлъ считать и извлекать по стоянія, привыкъ затѣвать крупныя предпріятія и новомъ материкѣ, гдѣ даровая земля отличалась неизс діемъ, онъ быстро составилъ себѣ крупное состояніе, (нѣ табака въ Европѣ и дешевизнѣ его воздѣлыванія пр щими рабами.

Въ этомъ новомъ мірѣ женское вліяніе господство лію, женщина не забыла тамъ ни своихъ привычекъ стократка по происхожденію, полная предразсудковъ с она перенесла ихъ на новую почву, ввела тамъ р классовъ, научила американку почитать чины и т древность рода, что совершенно противорѣчитъ нынѣ канскому устройству. Эти аристократы сохранили тотъ жизни, къ которому привыкли при дворѣ Стюартовъ. плантацій возвышались обширныя резиденціи, похожія они жили въ Англіи, съ массивными каминами, остро великолѣпными лѣстницами изъ краснаго дерева, узки ными террасами. Они сохранили также и общественны безпечная жизнь, полная примитивной роскоши, оста привычныхъ ей рамкахъ, а мужу и сыновьямъ давала

щать время охотѣ, рыбной ловлѣ, гимнастическимъ упражненіямъ. Молодое поколѣніе росло, считая себя высшимъ существомъ по крови, по происхожденію, а также по привычкѣ приказывать и нести за это отвѣтственность, по утонченности манеръ, умственному превосходству и чисто-англійской страсти къ тѣлеснымъ упражненіямъ. При всей своей фанатичности, южные роялисты были, прежде всего, независимы по инстинкту. Эта основная черта характера взяла верхъ надъ остальными; они любили Англію, почитали короля, но въ войнѣ за независимость большинство измѣнило отечеству, взялось за оружіе, чтобы возстать противъ произвола, и повело въ бой сѣверныхъ колонистовъ; въ благодарность за побѣду тѣ отдали въ ихъ руки управленіе республикой, которую они основывали, сами того не подозрѣвая и не желая. Геройская, кровопролитная борьба, въ которую женщины толкали мужей и сыновей, кончилась капитуляціей и отступленіемъ англійскихъ войскъ. Женщины южныхъ плантацій не уступили въ энергіи и рѣшительности сѣвернымъ колонисткамъ. Но особенно рѣзко сказывается вліяніе женщины послѣ войны за независимость, когда, по заключеніи мира, общественная жизнь возвратилась на югъ и зародилась на сѣверѣ. Нью-Йоркъ въ то время уже превратился въ городъ съ 33-хъ тысячнымъ населеніемъ. Къ родовитой аристократіи, представителями которой являлись южные плантаторы, прибавилась новая аристократія изъ міра оффиціальнаго, состоявшая изъ членовъ президентскаго кабинета и иностранныхъ представителей. Чисто-республиканская простота сразу вводится въ этомъ новомъ мірѣ.

Мистрисъ Вашингтонъ, жена президента, которую сѣверные колонисты укоряли въ томъ, что она вводитъ въ республикѣ «придворные роскошь и этикетъ», предлагала, между тѣмъ, гостямъ «чай, кофе, копченый языкъ, жареное мясо и масло». Моды, нравы и обычаи новаго общества оставались еще точнымъ снимкомъ съ Англіи и Франціи, которымъ женщины слѣпо подражали; но уже тогда выдѣлились и опредѣлились нѣкоторыя особенныя, характерныя черты, а именно: независимость молодыхъ дѣвушекъ и ихъ свободныя манеры. Миссъ Ревекка Фрэнксъ рисуетъ намъ такую картину: «съ ранняго утра собираются молодыя дѣвушки, пьютъ пуншъ, подражаютъ тону мужчинъ, увлекаются азартными играми, отчаянно кокетничаютъ». Кокетками онѣ остались, но, какъ Минерва,—хотя и богиня мудрости, а, все-таки, женщина,—перестала играть на флейтѣ въ тотъ день, когда, любуясь въ зеркальную поверхность воды, увидѣла, что надутыя щеки портятъ ея красоту, такъ и онѣ отказались отъ картъ и пунша, отъ всего, что было некрасиваго въ подражаніи мужчинамъ, сохранивъ флиртъ, который ввели въ обычай.

Болѣе тридцати лѣтъ прошло со времени завоеванія независимости. Проникнутые традиціями и идеями родины, колонисты и сыновья колонистовъ, которые боролись, побѣдили и основали республику, сѣверные пуритяне-либералы и южные роялисты уступили мѣсто новому поколѣнію. Оно выросло и воспиталось при иныхъ условіяхъ, чѣмъ старое. Изъ прин-

ципа столько же, сколько изъ необходимости, для него была создана новая система воспитанія: мальчики и дѣвочки вмѣстѣ учились, вмѣстѣ играли, подчинялись одной и той же дисциплинѣ. Изъ немногихъ документовъ той эпохи видно, что молодежь получала суровое воспитаніе; тѣлесныя наказанія и линейка были въ большомъ почетѣ; въ мальчикахъ поощряли рыцарскія чувства, позволяя имъ принимать на себя наказанія, заслуженныя дѣвочками, которыя относились къ этому какъ къ совершенно естественному явленію. Воспитанныя такимъ образомъ, американскія дѣвушки рѣзко отличались отъ современныхъ имъ европейскихъ дѣвушекъ. Въ нихъ, бабкахъ нынѣшнихъ американокъ, уже можно отмѣтить характерныя черты ихъ послѣдовательницъ: свободныя манеры, инстинктивная осторожность, разсудительность, сознаніе своихъ преимуществъ; также какъ мужчина того времени отличался уваженіемъ къ женщинѣ,—результатъ общаго воспитанія,—и рыцарскими чувствами, съ малолѣтства внушенными физическою слабостью и красотой женщины. Развивающаяся цивилизація и увеличивающееся благосостояніе внесли въ эту первобытную среду, которую мы пытались описать, новые факторы, но суть не измѣнилась и тѣ перемѣны, которыя произошли, оставили неприкосновеннымъ основной принципъ положенія женщины въ Соединенныхъ Штатахъ: въ силу обстоятельствъ, далекой эмиграціи, пережитыхъ вмѣстѣ страданій и борьбы, благодаря общему воспитанію, женщина сразу стала товарищемъ и равной мужчинѣ; ни въ какую эпоху она не стояла ниже мужчины, какъ то было въ Европѣ.

II.

Въ то время женщина въ Европѣ переходила изъ-подъ неограниченной власти родителей подъ не менѣе деспотическое иго супружскаго авторитета. Въ тотъ день, когда эмигранты пристали къ далекимъ берегамъ Америки, оковы спали съ женщины; ея роль выросла. Заслуги, оказанныя ею въ общемъ дѣлѣ, гдѣ она явилась столь же полезною и необходимою, какъ и мужчина, сразу завоевали ей желанное равенство. Если это равенство не вводится въ законы, то только потому, что женщинѣ это не нужно, такъ какъ всякое, точно опредѣленное право не менѣе строго ограничено, и женщинѣ полная выгода не опредѣлять своихъ правъ. Ребенкомъ—ей открыта школа,— молодою дѣвушкой — она вполнѣ независима, замужнею женщиной—разводъ позволяетъ расторгнуть нестерпимыя узы. Общественное мнѣніе покровительствуетъ женщинѣ во всѣхъ стадіяхъ ея : избраннаго пути. Но женщина стремится выше и равенство не удовлетворяетъ ее. Обстоятельства, такъ благопріятствовавшія ей, помогаютъ осуществить честолюбивыя стремленія. Года проходятъ, благосостояніе растетъ, цивилизація дѣлаетъ быстрые успѣхи. Съ увеличеніемъ поля дѣятельности трудъ мужчины становится тяжелѣе, женская же задача облегчается. Она избавлена отъ тяжелыхъ работъ первыхъ эмигрантокъ, не вынуждена,

подобно бабкѣ и матери, варить обѣдъ и исполнять обязанности служанки; она можетъ удѣлять время на развитіе ума, на расширеніе круга знаній, тогда какъ мужчина, по выходѣ изъ школы, сейчасъ же долженъ бросить умственныя занятія, всецѣло поглощенный хозяйствомъ. Плодородная почва сторицей вознаграждала за труды, но отнимала все время, едва оставляя нѣсколько часовъ для семейной жизни. О развитіи ума мужчинѣ некогда было думать; онъ умѣлъ только зарабатывать деньги, искусства же ихъ тратить, получать на нихъ комфортъ и удовольствія онъ не зналъ. Женщина практикуется, пріобрѣтаетъ это искусство и выказываетъ геніальныя способности. Она украшаетъ домъ и дѣлаетъ его привлекательнѣе для мужа, украшаетъ себя, и мужъ больше восхищается ею. Она поощряетъ его рвеніе къ труду, льстя его самолюбію и тщеславію. Женщина извлекаетъ пользу изъ досуга, создаваемаго ей трудомъ мужчины, и къ уваженію, которое она внушаетъ ему, какъ женщина, прибавляется уваженіе къ ея высшему умственному развитію.

Американскія дѣвушки съ юнаго возраста привыкаютъ встрѣчать всеобщее уваженіе и потому вездѣ чувствуютъ себя такъ же свободно, какъ дома. Въ Нью-Йоркѣ, космополитическомъ городѣ, гдѣ, послѣ Дублина, больше всего ирландцевъ, послѣ Берлина и Вѣны, больше всего нѣмцевъ, въ Чикаго и Санъ-Луи, изъ деревушекъ, выросшихъ въ большіе города, видимыя доказательства женскаго владычества поражаютъ глазъ. Вездѣ, въ общественныхъ и частныхъ мѣстахъ, въ театрѣ и гостиницахъ, на желѣзныхъ дорогахъ и на палубахъ пароходовъ, въ ресторанахъ и магазинахъ, на улицѣ и въ паркѣ, въ гостиныхъ и въ родительскомъ домѣ, — вездѣ женщина—царица и вездѣ пользуется неограниченною свободой. Европейцы часто преувеличивали размѣры этой свободы, исключеніе возводили въ общее правило и обвиняли нью-йоркскихъ misses въ слишкомъ большой распущенности. Но дѣйствительность, какова она есть, представляетъ такой рѣзкій контрастъ съ нашими обычаями, что преувеличенія являются излишними. Изъ того, что свободное поведеніе американокъ противорѣчитъ нашимъ идеямъ и вызываетъ съ нашей стороны критическое отношеніе, изъ того, что онѣ отличаются отъ созданнаго нами типа молодой дѣвушки, къ которому наша неумолимая логика приводитъ цѣлую категорію людей, не справляясь съ ихъ вкусомъ, характеромъ и взглядами, изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобъ американцы были абсолютно неправы, а мы абсолютно правы. Вѣрнымъ критеріемъ общественной системы служатъ результаты, а судя по результатомъ, нельзя сказать, чтобы предоставленная американскимъ дѣвушкамъ свобода привела къ болѣе плачевнымъ послѣдствіямъ, чѣмъ противуположная система, господствующая въ Европѣ. Особенно шокируетъ европейцевъ то, что американка—своя «собственная мамаша», въ томъ смыслѣ, что она сама смотритъ за собой, сама обдумываетъ каждый шагъ и сама отвѣчаетъ за себя. Отъ ранняго общенія съ школьными товарищами воображеніе дѣвушки развивается нормально; оно не уноситъ ее въ заоблачныя сферы, не рисуетъ фантастическихъ героевъ, вмѣсто

живыхъ людей, обманчивые призраки — вмѣсто прозаичной дѣйствительности. Флиртъ, имѣющій къ любви такое же отношеніе, какъ предисловіе къ книгѣ, какъ фехтованіе къ дуэли, заканчиваетъ то, что начало общее воспитаніе. Молодая дѣвушка пользуется имъ съ чисто-женскимъ искусствомъ, съ самоувѣренностью, оправдываемой всеобщимъ уваженіемъ, съ умѣньемъ рано пріобрѣтеннаго опыта и съ убѣжденіемъ, что отъ ея ловкости и умѣнья выбрать мужа зависитъ счастье ея жизни. Она рано привыкаетъ къ ухаживанію мужчинъ и потому ихъ комплименты не могутъ вскружить ей голову; она здраво смотритъ на жизнь, знаетъ, чего можетъ ждать и чего хотѣтъ. Въ этихъ своенравныхъ и, какъ многіе думаютъ, легкомысленныхъ головкахъ больше дипломатіи, чѣмъ подозрѣваютъ, болѣе спокойное сердце и болѣе уравновѣшенная натура, чѣмъ, судя по внѣшности, можно предположить. Да и отличительныя свойства американца не такого рода, чтобъ онъ съ перваго взгляда могъ поразить и увлечь. Холодный по натурѣ, сдержанный по инстинкту, неутомимый труженикъ, стремящійся къ богатству и власти, американецъ напрягаетъ всѣ силы для достиженія одной цѣли: нажить состояніе. Съ чего бы онъ ни началъ, онъ всегда можетъ надѣяться достигнуть высшихъ ступеней, всегда можетъ претендовать на богатство. Земледѣлецъ, дровоколъ, фермеръ можетъ превратиться въ сенатора, посланника, министра, президента республики. Ничто не мѣшало ему заняться либеральною профессіей; никакія условія повышенія, никакія соціальныя категоріи не связывали ему рукъ, не парализовали его усилій; одинаковый образовательный уровень позволялъ конкуррентамъ выдѣлиться только превосходствомъ ума, свойственнаго каждому, а часто первенство выпадаетъ на долю энергіи и воли, а не знанія. Врожденная холодность и сдержанность мужчинъ, ихъ трудовая жизнь, уваженіе, которое имъ внушаетъ дѣвушка, ея жизненная опытность и рано дисциплинированное воображеніе сдѣлали флиртъ въ Соединенныхъ Штатахъ менѣе опаснымъ, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Если эти дочери Евы не изобрѣли флирта, то онѣ выдумали названіе и такъ усовершенствовали дѣло, что онъ вошелъ въ обычай. Флиртъ необходимъ былъ, чтобы замѣнить существующій въ Европѣ обычай сватовства родителей и друзей, прибѣгающихъ къ искуснымъ маневрамъ, чтобы сблизить мужчину и женщину, подготовить и заключить ихъ бракъ. Американская независимость плохо согласовалась съ этимъ обычаемъ, а отсутствіе приданаго исключало дѣловую сторону, оставляя только вопросъ личнаго вкуса, гдѣ посредники излишни; самое разумное было поставить заинтересованныя стороны лицомъ къ лицу, что и дѣлалось въ Америкѣ. Молодая дѣвушка сама составляла себѣ кругъ знакомыхъ и принимала въ число ухаживателей только тѣхъ, кто, по ея мнѣнію, соединялъ всѣ тѣ условія, которыя она желала бы совмѣстить въ будущемъ мужѣ. Флиртъ давалъ возможность убѣдиться, существуетъ ли между ними гармонія вкусовъ и идей, позволялъ различить, подъ всюду одинакими формами ухаживанія, глубину и искренность внушенныхъ ею чувствъ, умственныя и нравственныя достоинства того,

чье имя она будетъ носить. Не въ характерѣ американки примѣняться къ вынужденному обстоятельствами положенію, сообразовать съ нимъ свои вкусы и подавлять свои наклонности. Ни среда, въ которой она жила, ни воспитаніе, которое получила, не подготовили ее къ такой безличной и подчиненной роли. Она не похожа на нѣмецкихъ принцессъ, которыхъ развитой воспитаніемъ индифферентизмъ заставляетъ дѣлаться католичками или протестантками, православными или схизматичками, англичанками или русскими, итальянками или гречанками, смотря по тому, какого супруга изберутъ ей политическія соображенія данной минуты. Идеи американки опредѣлены, вкусы установились и задача жизни состоитъ въ томъ, чтобы выбрать мужемъ того, кто раздѣлитъ ихъ и лучше всего съумѣетъ осуществить. Привилегія флиртовать такъ же священна и неотъемлема въ Соединенныхъ Штатахъ, какъ во Франціи безсмертны принципы 1789 года. Если она не сказана прямо въ американской конституціи, то намекъ на нее находится въ декларациіи правъ человѣка, гдѣ каждому гражданину великой республики предоставляется право всѣми силами стремиться къ достиженію счастья. Флиртъ даетъ возможность его достигнуть и не составляетъ исключительной привилегіи богатыхъ классовъ. Съ верхнихъ ступеней общественной лѣстницы до низшихъ флиртъ составляетъ необходимую прелюдію брака, и та дѣвушка сочтетъ себя оскорбленной, которая, минуя это обязательное переходное состояніе, займетъ положеніе замужней женщины. Изъ этого, однако, не слѣдуетъ, чтобы не случалось злоупотребленій и чтобы временная близость молодыхъ людей и дѣвушекъ, разжигаемая кокетствомъ, нѣжными признаніями, страстными изліяніями, не приводила иногда къ плачевнымъ результатамъ. Злоупотребленія бываютъ, но крайне рѣдко, главнымъ образомъ, потому, что американскіе законы и обычаи строго караютъ за соблазнъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ Донъ-Жуаны не въ милости; когда за оскорбленную дѣвушку вступаются, съ оружіемъ въ рукахъ, отцы и братья, когда судъ всегда готовъ приговорить соблазнителя къ крупному штрафу, тогда профессія Донъ-Жуановъ теряетъ свою прелесть и немногіе рѣшаются вступать на этотъ, усѣянный терніями, путь. Въ Америкѣ мужчина подвергается даже большей опасности, чѣмъ дѣвушка, которая нерѣдко безсердечно играетъ внушенными ею чувствами, распаленною страстью, клятвами; она прекращаетъ игру, когда она надоѣдастъ, и по прихоти или изъ тщеславія прерываетъ сношенія, не думая о причиненномъ злѣ. Если мужчина вздумаетъ подражать дѣвушкѣ, нарушитъ неосторожно данное обѣщаніе и откажется жениться, то общественное мнѣніе осуждаетъ его, а законъ караетъ. Женщина вправѣ требовать съ него убытки, которые судъ признаетъ и вычисляетъ не соразмѣрно съ причиненными въ дѣйствительности убытками, по большей части ничтожными, а сообразно съ состояніемъ измѣнника. Съ прогрессомъ цивилизаціи въ Соединенныхъ Штатахъ нравы мѣняются. Лѣтъ тридцать тому назадъ подобныя романическія драмы кончались кровавою местью, теперь Breach of promise cases, процессъ о неисполненіи

обѣщанія, вытѣснилъ устарѣлый обычай. Отъ такой перемѣны женщина ничего не проиграла. Боязнь чудовищныхъ штрафовъ которыхъ мужчинъ внушительнѣе, чѣмъ оружіе, чес женщинъ удовлетворяется крупною суммой скорѣе, чѣ вой. Нѣсколько такихъ процессовъ прославились въ тахъ, и, вмѣсто того, чтобъ уменьшаться, число ихъ ростетъ. Какъ и во всѣхъ денежныхъ вопросахъ, сюд шаться спекуляція. Но въ нормальной и здоровой жи чаемъ въ массѣ американскаго общества, процессы сравнительно рѣдки.

Въ Америкѣ дѣвушки приданаго не получали. Иног чери, смотря по состоянію, нѣсколько сотъ или тысячъ дебной поѣздки въ Европу. Поэтому браки по разчет ненные въ Европѣ, въ Соединенныхъ Штатахъ были Надежда на наслѣдство тоже не играла роли, такъ к валась. За исключеніемъ нѣсколькихъ колоссальныхъ ній, большинство капиталовъ, вложенныхъ въ банкъ, куляцію, подвергалось такимъ превратностямъ судьбы на нихъ было рискованно. Кромѣ того, отецъ семьи им состояніе по своему усмотрѣнію, могъ, если хотѣлъ, изъ дѣтей или лишить всѣхъ наслѣдства. Женщина, остаться старою дѣвой, такъ какъ свобода, которой о зоваться, не выходя замужъ, вознаграждала за радос ни, соединенныя съ тяжелымъ бременемъ. Если европ вушка съ выходомъ замужъ какъ бы пріобрѣтала св теряла свою; первая вступала въ свѣтскую жизнь, отъ нея. Другія заботы, другія занятія поглощали ее ствованіе, полное удовольствій, кончалось, начиналась ея обязанностями и отвѣтственностью. Насколько жиз проходила на виду у всѣхъ, настолько послѣ замужс ненна и тиха. Кромѣ нѣкоторыхъ рѣдкихъ исключеній богатство, блестящіе пріемы, роскошь, туалеты или ви жа обращало на себя общественное вниманіе, замужня вела уединенный образъ жизни и только родные и др святилище, гдѣ совершалось превращеніе веселой и въ серьезную и положительную матрону. Изученіе псих женщины настолько же сложно, насколько психологія мѣ личныхъ наблюденій, нѣтъ никакихъ источниковъ ждите отъ американца полупрозрачныхъ намековъ, не ній, касающихся интимной жизни, ея разочарованій и мы вслѣдствіе врожденной сдержанности и англо-саксо

Нѣмъ и романъ, который обрывается у порога бра канчивается, когда герой, послѣ ряда перипетій, женит онъ заходитъ далѣе и, по примѣру нашихъ романовъ,

жизнь вдвоемъ, не вѣрьте ему: онъ ненадежный руководитель, тѣмъ болѣе, что почти исключительно находится въ женскихъ рукахъ, которыя стараются изобразить дѣйствующихъ лицъ не такими, каковы они на самомъ дѣлѣ, а такими, какими должны быть. Если американскія газеты, печатая отчеты процессовъ о разводахъ и свѣтскіе скандалы, приподнимаютъ немного завѣсу и позволяютъ заглянуть въ частную жизнь, то онѣ говорятъ только о томъ, что всѣмъ извѣстно, и эти нескромныя сообщенія могутъ служить характеристикой такъ же мало, какъ исключеніе правиломъ.

Отсутствіе приданаго у невѣсты обязываетъ мужчину имѣть состояніе, которое онъ не всегда можетъ пріобрѣсти къ тому возрасту, когда обыкновенно женятся. Начинающій адвокатъ, докторъ, негоціантъ должны разсчетливо вести расходы и строго распредѣлять бюджетъ. Въ Нью-Йоркѣ и другихъ большихъ городахъ жизнь дорога, и если жители зарабатываютъ много, то и тратятъ много. Квартиры дороги, хорошая прислуга немыслима за умѣренную плату; поэтому молодые супруги останавливаются на самой практичной комбинаціи, позволяющей точно высчитать расходы, сообразивъ ихъ съ приходомъ. Они поселяются въ отелѣ. Для этой цѣли приспособлено множество отелей разнаго сорта и на разныя цѣны. Кто знакомъ съ американскими отелями, съ ихъ богатою обстановкой, великолѣпными гостиными, читальнями, Ladies parlors, широкими лѣстницами съ мягкими коврами, обширными столовыми съ роскошною сервировкой, тотъ пойметъ, что живущіе тамъ могутъ пользоваться, за сравнительно скромную плату, комфортомъ милліонера, удобствами и прихотями, которые доступны только богатому человѣку. Такой образъ жизни, несомнѣнно, противорѣчитъ нашимъ вкусамъ и представленію о тихомъ семейномъ счастьѣ; но надо принять во вниманіе разницу идей и обычаевъ. Поселившись на тѣ же средства въ скромной квартирѣ, молодая женщина съ перваго же дня принуждена была бы возиться съ неумѣлою кухаркой, торговаться съ лавочниками, учиться хозяйству, тогда какъ мужъ, возвращаясь со службы, желалъ бы видѣть жену хорошо одѣтою, изящною, веселою, не утомленною и не раздраженною домашними хлопотами и суетой. Отель гарантируетъ все это, избавляя женщину отъ хозяйственныхъ заботъ и грубой работы. Въ отсутствіе мужа жена можетъ заниматься туалетомъ, визитами и своимъ умственнымъ развитіемъ. Отель представляется для молодыхъ супруговъ переходною ступенью къ постоянному мѣстожительству, но иногда этотъ временный образъ жизни продолжается очень долго, и если онъ имѣетъ свои преимущества, то не лишенъ и недостатковъ. Большинство скандаловъ, опубликованныхъ въ газетахъ, зародилось въ отеляхъ.

Праздность—плохая совѣтница, а излишнее упрощеніе обязанностей часто доводитъ до преувеличенія своихъ правъ и злоупотребленія ими. Мужъ цѣлый день отсутствуетъ, обязанностей, наполняющихъ свободные часы, нѣтъ и молодой женщинѣ приходится выдумывать себѣ занятія или пользоваться представляющимися развлеченіями. Она принимаетъ кого хо-

четъ, ѣздитъ куда вздумается, и многихъ легкомысленныхъ женщинъ бездѣлье и врожденное кокетство довели до гибели. Но еще опаснѣе въ этомъ отношеніи очень распространенные въ Нью-Йоркѣ boarding houses, гдѣ, дешевле чѣмъ въ отеляхъ, поселяются десять, пятнадцать семействъ, располагающихъ болѣе ограниченными средствами. Каждое семейство нанимаетъ по одной комнатѣ; обѣдаютъ и время проводятъ всѣ вмѣстѣ въ общихъ залахъ. Кромѣ основной причины—дороговизны жизни въ большихъ городахъ и невозможности нанять порядочную прислугу за умѣренную плату,—тутъ большую роль играетъ страсть американокъ къ роскоши, неразрывно связанной съ respectability. По странному контрасту, насколько потребность роскоши врожденна въ американской женщинѣ, настолько она мало проявляется въ мужчинѣ, равнодушномъ къ внѣшности. Онъ любитъ деньги и напрягаетъ для ихъ пріобрѣтенія всѣ силы энергіи, всѣ способности ума, потому что деньги—осязаемыя и видимыя доказательства успѣха; самъ онъ мало тратитъ и какъ бы велико ни было его богатство, продолжаетъ вести жизнь, полную труда и занятій. За то трудно представить себѣ ту роскошь, которою окружаетъ себя въ своемъ дворцѣ жена богатаго банкира или крупнаго негоціанта, котораго по простотѣ манеръ и часто небрежному костюму можно принять за небогатаго торговца.

«Надо много оригиналовъ, чтобы образовать народъ»,—говоритъ . форъ. И дѣйствительно, много различныхъ факторовъ входитъ въ сов ную организацію народа. Анализируя ихъ въ отдѣльности, рискуешь . ти къ ошибочнымъ выводамъ, потому что невольно то, что отступаетъ общаго закона, больше привлекаетъ вниманіе, чѣмъ то, что согласу Противуположныя намъ идеи поражаютъ насъ умственно больше, одинаковыя, также какъ, физически, фальшивая нота раздражаетъ бо. чѣмъ вѣрная доставляетъ удовольствія. Поэтому большинство путешес никовъ особенно поражалось контрастомъ между собственнымъ представ емъ о женщинѣ и тою ролью, какую она играетъ въ Америкѣ. Въ покло женщинѣ по ту сторону Атлантическаго океана одни находили пошлое живаніе, прикрывающее нравственное равнодушіе и врожденную расѣ зическую холодность, другіе видѣли культъ, ни на какомъ дѣйствитель превосходствѣ не основанный; всѣ указывали на недостатки кумира кетство, любовь къ роскоши, свободныя манеры, слишкомъ шумная лость, поверхностное знаніе. Доля истины есть въ этихъ обвиненіяхъ тѣмъ не менѣе, достоинства берутъ верхъ надъ недостатками. Кокет врожденно въ американской женщинѣ, но оно не исключаетъ серьез и глубокихъ чувствъ. Любовь къ роскоши, присущая почти всѣмъ а. канкамъ, явилась логическимъ, хотя и немного преувеличеннымъ слѣд емъ потока богатства, охватившаго весь край; нельзя требовать, ч женщины удержали его; ихъ смѣлый оптимизмъ, ихъ вѣра въ будуще гутъ смущать нашъ европейскій пессимизмъ, но они нах[illegible] данію въ прошломъ. Слишкомъ свободныя манеры—резуль ной независимости и окружающаго ихъ уваженія—не м

разумными женщинами. Избытокъ веселья не вредитъ серьезности ихъ ума и ихъ умственное развитіе стоитъ, если не превосходитъ, развитія большинства европейскихъ женщинъ.

Значитъ ли это, что все обстоитъ благополучно и что американскія женщины и дѣвушки олицетворяютъ идеалъ, недостижимый въ другихъ странахъ? Конечно, нѣтъ. Онѣ только иныя и мы указали на причины такого явленія. Среда, нравы, обычаи и законы содѣйствовали тому, чтобы ихъ сдѣлать такими, каковы онѣ есть. Въ какой степени эти различные факторы содѣйствовали повышенію или пониженію нравственнаго уровня юной республики въ теченіе одного вѣка? Какіе результаты дало столь отличное отъ нашего пониманіе роли женщины? Эти вопросы задаетъ себѣ въ настоящее время американская печать, взволнованная громкими процессами, скандалами, безпорядочностью и противорѣчіемъ законовъ, касающихся браковъ и разводовъ, и возростающимъ числомъ проститутокъ. Правильная постановка вопроса на половину разрѣшаетъ его. Несмотря на всю его щекотливость, американцы приступили къ нему съ безстрашною откровенностью. Его стоитъ изслѣдовать; можетъ оказаться не безполезнымъ отмѣтить, къ какимъ выводамъ они приходятъ и какія рѣшенія предлагаютъ.

В. Р.

(Окончаніе слѣдуетъ).

НАУЧНЫЙ ОБЗО

Изъ области психіатріи.

I.

Ни одна изъ областей медицины не пользовалас
равнодушіемъ, чтобы не сказать презрѣніемъ, со ст
ства, но и врачей, какъ психіатрія. Въ русскихъ у
годовъ психіатрія или не читалась совершенно, или
изрѣдка съ каѳедры частной патологіи и терапіи. Д
первая психіатрическая клиника была открыта въ Пе
въ Москвѣ въ 1887 г., въ Харьковѣ же и Кіевѣ и
психіатрическихъ клиникъ не имѣется. Изъ 54 повре
изданій 1893 года только три посвящены вопросамъ
изъ этихъ 3-хъ одинъ журналъ выходитъ 6 разъ въ
и третій—2 раза, такъ что въ общемъ даже не сост
мѣсячнаго журнала; но нѣтъ у насъ въ Россіи ни
щеннаго исключительно психіатріи. Теперь, если сдѣла
сію въ область исторіи, то тамъ мы найдемъ нѣкоторы
реса свѣдѣнія. Призрѣніе душевно-больныхъ и попеч
давнихъ поръ, съ великаго князя Владиміра, на об
и монастырей. Дѣло это шло такимъ образомъ до Петр
скимъ законодательствомъ высказываются заботы о
различныхъ указахъ о «татебныхъ, разбойныхъ и убі
«цухтгаузахъ и гошпиталяхъ», о «свидѣтельствован
тѣ», о «непосылкѣ сумасбродныхъ и въ умѣ помѣш
изумленія бываемыхъ, каковые напредъ сего акибы
лывались въ монастыри». Спустя два года этотъ ук
только чрезъ 23 года онъ снова вошелъ въ силу.
первый указъ о постройкѣ для безумныхъ особыхъ
которому, однако, не такъ-то скоро пришлось быт
какъ въ 1773 г. «безумныхъ» все еще стараются
и вновь проектируется постройка такихъ «долгау

Москвѣ и Казани. Въ 1775 г. съ учрежденіемъ приказа общественнаго призрѣнія на него возлагается обязанность строить дома для сумасшедшихъ, причемъ въ общихъ чертахъ обрисовывается въ указахъ и характеръ будущихъ построекъ: «домъ пространный и кругомъ крѣпкій, чтобы утечки изъ него учинить не можно было», рекомендуется за больными «крѣпкое и неослабное смотрѣніе», стараніе объ ихъ излеченіи, человѣколюбіе и добросердечіе въ обращеніи. Съ теченіемъ времени гуманный теоретическій взглядъ на призрѣніе душевно-больныхъ терпитъ существенныя измѣненія; вопросъ развивается шире, детали его разрабатываются и на практикѣ уже устраиваютъ для «бѣшеныхъ чуланы», нѣкоторыхъ изъ нихъ приковываютъ къ стѣнѣ цѣпью, «спятъ они на полу», «надсмотрщики наказываютъ ихъ не инако, какъ малыхъ робятъ; иногда одного показанія лозы довольно». Передавать дальнѣйшую исторію законодательства въ ея различныхъ перипетіяхъ я не буду; перейду прямо къ недавнему времени, именно къ 1887 г., когда состоялся первый съѣздъ «отечественныхъ психіатровъ». Послушаемъ, что говорилъ тогда г. Пастернацкій: «Минское отдѣленіе душевно-больныхъ я посѣтилъ лѣтомъ прошлаго года. Вмѣсто цѣпей, на полу прикрѣплены ремни съ кожаными браслетами и на нихъ держатся прикрѣпленными къ кровати или прямо къ полу больные, склонные къ буйству... Въ цѣломъ отдѣленіи нѣтъ ни одной ванны... у многихъ больныхъ тѣло покрыто грязью, а у нѣкоторыхъ на рукахъ имѣются язвы и рубцы» (послѣ кожаныхъ браслетовъ). Въ пензенскомъ отдѣленіи «одинъ буйный разбилъ другому голову кирпичомъ, параноикъ зарѣзался, одинъ слабоумный повѣсился и т. д., и т. д. Въ пермской—«одна ванна на всю больницу», «кельи для буйныхъ похожи на коровьи хлѣва», «воды недостаточно». Въ Рязани за послѣднія 10 лѣтъ бывали такіе случаи, какъ «омертвѣніе правой руки и смерть послѣ наложенія смирительной рубашки»; «у больного найденъ переломъ 14 реберъ»; въ Симбирскѣ—«паденіе со 2-го этажа со смертельнымъ исходомъ, двое больныхъ удавилось, одинъ ослѣпленъ, у одного переломлена рука». Изъ 69 губерній въ большинствѣ есть только психіатрическія отдѣленія при больницахъ подъ завѣдываніемъ большею частью не психіатровъ, въ 8 же губерніяхъ нѣтъ и такихъ отдѣленій и только въ 14 существуютъ самостоятельныя психіатрическія лечебницы *). На томъ же съѣздѣ г. Брянцевъ разсказывалъ о положеніи душевно-больныхъ въ Сибири; онъ видѣлъ: «голыхъ, изувѣченныхъ, связанныхъ, часто посаженныхъ на цѣпь»; «ни одинъ врачъ въ отдѣленіи душевно-больныхъ не былъ уже болѣе двухъ мѣсяцевъ»; «комнаты безъ оконъ, съ подгнившими полами, со страшнымъ зловоніемъ»; «какъ на память, я сохраняю цѣпи, которыя вырубилъ изъ рѣшетчатыхъ клѣтокъ, въ которыя помѣщали буйныхъ больныхъ»; «сестра милосердія, вооруженная ужасающимъ ремнемъ» для строптивыхъ больныхъ... Да, все это было въ 1887 г., но вспомните мрачный, таинственный случай на Сабуро-

*) Все это относится къ 1887 г.

вой дачѣ... это было недавно. Мнѣ не разъ приходил
по адресу г. Чехова въ анахронизмѣ и шаржѣ его *Пала*
этими картинками дѣйствительности совсѣмъ блѣднѣ
тастическимъ чеховскій «пейзажъ».

II.

Если вопросъ о леченіи душевно-больныхъ принад
но вѣдѣнію психіатровъ, то другой, не менѣе важный
нія помѣшанныхъ, объ организаціи психіатрическихъ
не долженъ игнорироваться обществомъ. Душевно-бол
другіе должны пользоваться его участіемъ: они—боль
доведенной до высшей степени напряженности борьбы
или же—продукты полученной въ наслѣдство расшата
темы, той психо-и невропатической наслѣдственности
въ формѣ неврастеніи,—кличка, которую мы такъ лег
налѣво, не подозрѣвая, какое глубокое зло коренится
такомъ невинномъ. Наши дѣти въ нашей семьѣ, въ н
жаютъ разрабатывать эту неврастенію, какъ какую-т
Не быть «нервнымъ», какъ говорилось прежде, не быт
какъ говорятъ теперь, значитъ отстать отъ вѣка. Пис
и много, и хорошо; чтобы не повторяться, замѣчу то
стеники часто появляются потомъ въ качествѣ пост
психіатрическихъ лечебницъ, что изъ нихъ выходятъ
ты, что потомству ихъ суждена печальная роль выра
называемыхъ въ психіатріи «dégénérés» — типы вы
дѣло поставлено такимъ образомъ, если мы уже не въ
дальнѣйшаго развитія этого зла, не можемъ создать
ровой школы, сносныхъ соціальныхъ условій, не мож
дѣтямъ здоровое тѣло и здоровую и крѣпкую нервну
же мы, по крайней мѣрѣ, хотя нѣсколько озаботиться
же близкихъ, въ несчастіи которыхъ нерѣдко виноват
малу страхъ и отвращеніе къ психически-больнымъ
лечебницамъ разсѣивается; психіатрія развивается с
представители ея не внушаютъ уже болѣе подозрѣній
ствѣ со своими паціентами, больные не сидятъ тепе
лечебницахъ, широко проводятся системы «нестѣсненія
рей», стараются, сколько возможно, устранить всякій
свободы; больныхъ заставляютъ работать, имъ устра
приглашаютъ общество, разнообразя монотонную жизнь
внося въ нее свѣжія струи. Чѣмъ ближе будетъ знак
хическими больными, тѣмъ болѣе выиграетъ и оно с
дѣть главное зло отъ больного не въ возможности и
комъ удобномъ случаѣ совершить насиліе, а въ томъ

больной переставъ быть членомъ общества, онъ былъ, быть мо
цомъ, оставивъ послѣ себя цѣлое потомство, которое попадетъ
хіатрическія лѣчебницы; выиграютъ при этомъ и больные,
сознавать себя оторванными непроходимою пропастью отъ тог
стѣнами лѣчебницы. Кромѣ всего этого, своевременное помѣщеніе
шаго въ лечебницу, которое откладывается обыкновенно до посл
можности, увеличитъ въ общемъ процентъ выздоровленія, а въ
шансы выздоровѣть въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ.

Въ русской литературѣ психіатріи въ послѣднее время можно
два явленія отраднаго свойства: во-первыхъ, изъ тѣсно замкнут
спеціальности, недоступной совершенно публикѣ, психіатрія стар
на встрѣчу требованіямъ общества, количество популярныхъ жур
статей, брошюръ, книгъ, посвященныхъ тому или другому спе
вопросу, увеличивается съ каждымъ годомъ, читаются охотно по
лекціи, а, во-вторыхъ, сказывается очевидное стремленіе создать с
скую» психіатрію, не довольствуясь переводами, хотя бы и влас
иностранныхъ авторовъ. Такъ, въ началѣ текущаго года вышелъ
ный трудъ проф. Корсакова. Въ настоящемъ обзорѣ я постараюсь,
возможно въ предѣлахъ журнальной статьи, познакомить читателе
вопросами, которые затрогиваетъ проф. Корсаковъ.

Большой недостатокъ въ книгѣ автора — отсутствіе предисло
очень необходимо не только въ качествѣ «увертюры», выясняюще
и намѣренія автора, сколько въ качествѣ «оправдательнаго до
Наша психіатрія, какъ и многое другое, выросла на иноземной
сихъ поръ наши «корни» большею частью въ Германіи; наши
воспитаны большею частью германскими учеными. Между тѣмъ, ни
отрасли медицинскихъ наукъ индивидуализація не имѣетъ такого
значенія, какъ въ психіатріи. Если при леченіи физически-больн
шій, дѣльный врачъ не долженъ ограничиваться готовымъ шабл
тѣмъ болѣе настоятельная надобность индивидуализированія въ са
рокихъ границахъ ощущается при леченіи больныхъ психически
въ исключительныхъ случаяхъ точный діагнозъ можетъ быть п
психіатромъ при первомъ знакомствѣ съ больнымъ; обыкновенно
ходится много и упорно наблюдать, прежде чѣмъ въ представленіи
убѣжденіе о причастности даннаго случая къ тому или другому
лѣзни. Приходится принимать во вниманіе предъидущій умственны
ственный обликъ больного, проявленіе его «я» въ его прошломъ,
вія его предъидущей жизни съ самыхъ пеленокъ; не ограничивая
добираться выше, до болѣе или менѣе отдаленныхъ предковъ,
слѣдовъ наслѣдственности, играющей такую важную роль въ п
Но каждый индивидуумъ, въ самомъ широкомъ смыслѣ, есть пр
не только его семьи, но и страны, ея историческаго прошлаго. Ос
національнаго характера должны сказываться на умственной дѣя
не только въ здоровомъ состояніи, но и въ патологическомъ. Нар

зовавшійся иными, лучшими условіями своего разви
климатическихъ, этнографическихъ, историческихъ,
даетъ иныя формы національнаго характера,—друг
будетъ представлять индивидуумъ изъ народа забит
жившаго въ рабствѣ; то же будетъ имѣть значеніе
лѣзненно разстроенной души. У негровъ развивается и
у сибиряковъ—«меряченье», наши истерички назыв
кушами»; часто дѣло не въ разницѣ названій, а в
рактерныхъ проявленій того или другого болѣзнени
съ этой точки зрѣнія должно признать и «русскую пс
психіатрію». Иностранный курсъ, какъ бы ни был
себѣ, какіе бы широкіе взгляды не проводились въ
быть поставленъ въ этомъ отношеніи на ряду съ са
водствомъ, результатомъ личной опытности, личных
бенностями національнаго характера. Въ виду этихъ
и привѣтствую *Курсъ психіатріи* проф. Корсакова, к
этомъ направленіи. Широко задуманный строго-систе
въ исполненіе планъ, полное отсутствіе всякой банал
пересказа избитыхъ общихъ мѣстъ, взвинченныхъ фра
ки и подражаній французскимъ или нѣмецкимъ образц
спокойное изложеніе,—все это рѣзко отличаетъ *Курс*

Въ качествѣ подготовительной части, въ началѣ
ныя свѣдѣнія по психологіи. Несмотря на «элементар
достаточны для уясненія различныхъ разстройствъ
ности. Въ изложеніи общихъ началъ психопатологіи
красно разработанные типы различныхъ психопатич
ланхолическаго, маніакальнаго, состоянія спутанн
слабоумія, психической неуравновѣшенности. Всѣ элем
душевной дѣятельности авторъ дѣлитъ на разстрой
сферы, количественныя и качественныя, разстройств
ства въ сферѣ душевныхъ чувствъ и въ сферѣ вол
отдѣловъ обстоятельно развитъ. Можно было бы во
воду группировки нѣкоторыхъ деталей, но здѣсь эт
представляется особенно существеннымъ.

Интеллектуальная дѣятельность въ различныхъ
ствахъ можетъ быть патологически повышена, воз
сведена до minimum'а. Количество идей можетъ ва
широкихъ границахъ, завися, съ одной стороны, ка
паса этихъ идей, такъ и отъ состоянія сознанія, отъ
также различны и степени интензивности тѣхъ или
ставленій, быстрота ихъ смѣны, ихъ сочетаній. Каче
интеллекта также могутъ принять различную окраск
ются разстройства воспріятій въ зависимости отъ
образованія ощущеній, обманы чувствъ (галлюцинаці

бредовыя идеи, навязчивыя идеи. Разстройства сознанія могутъ об
или всю эту область интеллекта, или же только часть ея. Болѣзн
проявленія въ сферѣ душевныхъ чувствъ сказываются или повыш
душевной чувствительности, или пониженіемъ ея; подобнымъ же колеб
подвержено и нравственное чувство. Отсюда возникаютъ различныя сос
настроенія, наклонности къ душевнымъ движеніямъ, аффекты тоски,
гнѣва и т. д. Въ сферѣ разстройствъ воли авторъ отмѣчаетъ разстр
вниманія, мотивацін поступковъ, влеченій, хотѣній, внѣшнихъ движ
ныхъ проявленій, мимики, рѣчи, письма. Столь же обстоятельно разс
и физическія (соматическія) разстройства при душевныхъ болѣзнях
главѣ «неправильности физическаго развитія у душевно-больныхъ» по
изложены всѣ признаки пороковъ развитія, такъ называемые «ст
дегенерацін». Эти особенности развитія организма «хотя и не сос
ютъ, — говоритъ авторъ, — симптомовъ душевнаго заболѣванія, но и
очень большое значеніе для діагностики»; при наличности ихъ, мы м
судить о недостаточности развитія организма вообще и, слѣдовател
недостоточности или неправильности развитія и органа психическо
тельности. «Но, — прибавляетъ авторъ въ дальнѣйшемъ изложеніи
главы,—ученіе о физическихъ признакахъ дегенерацін еще очень ма
работано... какъ и вообще ученіе о дегенерацін. Не установленъ даж
фактъ, дѣйствительно ли эти признаки чаще у людей помѣшанныхъ
у лицъ психически-здоровыхъ. Только по отношенію къ идіотизму
фактъ можно считать прочно установленнымъ... Во всякомъ случаѣ,
помнить, что врядъ ли есть хоть одинъ человѣкъ, у котораго при тщ
номъ изслѣдованіи нельзя было бы найти одного изъ признаковъ
вильнаго развитія. Поэтому присутствіе у больного одного или двухъ
признаковъ, особенно не принадлежащихъ къ категоріи важныхъ, во
служитъ доказательствомъ дегенерацін даннаго индивидуума. Для за
нія о дегенерацін нужно констатировать нѣсколько физическихъ приз
вырожденія и на ряду съ этимъ—психическихъ признаковъ, характе
ныхъ для вырождающихся». Приводя такую длинную цитату и нѣс
далѣе останавливаясь на этомъ пунктѣ, я имѣю въ виду какъ господ
щее направленіе криминальной антропологіи, такъ и не малое коли
расплодившихся съ легкой руки итальянскихъ авторовъ работъ о
кахъ вырожденія среди различныхъ лицъ: преступниковъ, прости
и т. п. Прежде всего, исходная точка этихъ увлеченій далеко не
за собою крѣпкой основы. Терминъ «преступленіе» не можетъ, во в
случаѣ, считаться незыблемо установленнымъ: такъ, если подъ нимъ
мать «проявленіе злой воли», то далеко не во всѣхъ случаяхъ пре
ній возможно доказать наличность этой подкладки; если же прест
пость то, за что наказываютъ, то въ одной странѣ наказывается
въ другой заслуживаетъ всеобщаго одобренія, въ одной странѣ мы
тыскивать признаки вырожденія у такихъ лицъ, которыя за рубеж
разгуливаютъ по улицамъ въ качествѣ ничѣмъ не стѣсняемыхъ гра

у которыхъ никому и въ голову не придетъ изкѣрят роковъ развитія и т. п. Тѣ же самыя соображенія от туціи, такъ какъ не всякая проститутка—порочная « «матрона» съ безупречною репутаціей недоступности ственно самой заурядной проститутки,—подводить вс

Въ слѣдующей за тѣмъ главѣ—«теченіе душевныхъ] ихъ»—проф. Корсаковъ предлагаетъ пользоваться, на графическимъ методомъ для записыванія наблюденій. стой, и можетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, оказать очень серье въ выздоровленіе, по автору, наблюдаются приблизите всѣхъ случаевъ душевныхъ заболѣваній, причемъ д процентъ этотъ повышается до 80% — 90%, а для до 0. Смертность равна приблизительно 10% въ хор веденіяхъ, въ переполненныхъ же она повышается] хотка и скорбутъ составляютъ самыя частыя осложнен больными заведеніяхъ для душевно-больныхъ.

Система классификаціи душевныхъ больныхъ,—од ныхъ мѣстъ современной психіатріи,—предложенная ста и стройна. Входитъ, однако, въ спеціальный ра Такое же больное мѣсто — патологическая анатомія. умершихъ отъ душевныхъ болѣзней, мы часто не на мѣненій въ тѣхъ органахъ, въ которыхъ должны ожи т.-е. въ головномъ мозгу»,—ничего специфическаго, премѣнно обусловливать душевную болѣзнь. И, наоб случаи, гдѣ при вскрытіи находятъ серьезныя измѣнен не наблюдалось никакихъ нарушеній со стороны д дѣятельности. Въ концѣ главы авторъ указываетъ на ность иного пути—химическихъ изслѣдованій голо изысканія въ этомъ отношеніи не дали, благодаря трудности такого изслѣдованія, никакихъ ощутительн апріористическое предположеніе объ измѣненіи хими ныхъ заболѣваніяхъ, въ формѣ ли развитія новыхъ, химическихъ продуктовъ, ядовъ (токсиновъ), продукто держаннаго метаморфоза, заслуживаетъ полнѣйшаго шемъ изложеніи, уже во второй части своего тру симптомы остро развивающагося безсмыслія, говорит неніе пораженія чрезвычайно гармонируетъ съ пред яда (токсина). Правда, натура и условія развитія этог намъ, но, тѣмъ не менѣе, предположеніе о зависимос отъ вліянія яда очень вѣроятно». На тѣ же размышл мѣчаемая въ послѣднее время связь психическихъ бо заразныхъ, «инфекціонныхъ»; описываются психозы тифа, послѣ инфлуэнцы; я лично наблюдалъ довольно

въ формѣ «остраго безсмыслія» послѣ крупознаго воспаленія легкихъ. Конечно, надо быть въ высшей степени осторожнымъ при оцѣнкѣ значенія такихъ явленій, такъ какъ далеко не всегда post hoc ergo propter hoc, но нельзя же и безапелляціонно отмахиваться руками, называть эти наблюденія ничего не доказывающими и закрывать тѣмъ дорогу къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ въ этомъ направленіи. «Законы явленій,—сказалъ Вундтъ,—никогда не бываютъ въ природѣ такъ открыты, что стоитъ только протянуть руку, чтобы схватить ихъ. Ихъ нужно искать долгими, окольными путями, заключая о нихъ по общей связи явленій». При допущеніи той гипотезы, которую развиваетъ проф. Корсаковъ, особенно заманчивая перспектива открывается предъ психіатрами. «А если это такъ,—продолжаетъ онъ,—то какое широкое поле открывается какъ для изслѣдованія, такъ и для предположенія о врачебныхъ мѣрахъ! Если болѣзнь обусловливается токсиномъ, ядомъ, то, можетъ быть, есть и противоядіе... Можетъ быть, если не намъ, то слѣдующему поколѣнію удастся найти его и останавливать въ самомъ началѣ самую частую форму остраго умопомѣшательства». Не слѣдуетъ, однако, забывать и стараго пути: «нѣтъ никакого сомнѣнія, что во многихъ случаяхъ мы имѣемъ въ основѣ какую-нибудь врожденную или пріобрѣтенную недостаточносгь (можетъ быть, чрезвычайно тонкую) въ анатомическомъ развитіи самыхъ нервныхъ элементовъ мозга..., чѣмъ можно объяснить психическія аномаліи».

Въ качествѣ причинъ, которыя дѣлятся на предрасполагающія и производящія, авторъ указываетъ: вліяніе цивилизаціи, дѣйствующее въ двухъ направленіяхъ—большой запросъ на интеллектуальную дѣятельность, вредное вліяніе большихъ городовъ, переутомленіе мозга, безсонныя ночи, всякія злоупотребленія и т. п. — съ одной стороны, и развитіе гуманныхъ принциповъ, благодаря которымъ «значительное количество людей мало приспособленныхъ «неудачниковъ», слабыхъ—не погибаютъ и не сходятъ съ жизненной арены, а остаются жить и могутъ давать потомство», предрасположенное къ душевнымъ заболѣваніямъ—съ другой. Вліяніе національности изучено сравнительно еще мало; однако, замѣчено, что дегенеративныя формы чаще встрѣчаются въ Бельгіи и Франціи, чѣмъ у насъ. Затѣмъ въ качествѣ причинъ предрасполагающихъ указываются: религіозныя суевѣрія, фанатизмъ, политическія вліянія, переходныя эпохи въ исторической судьбѣ народовъ, климатическія, метеорологическія условія, вліяніе пола, возраста, семейнаго и соціальнаго положенія, образа жизни, занятій, наслѣдственности, воспитанія, индивидуальныхъ свойствъ характера, а въ качествѣ причинъ производящихъ — моральныя потрясенія, тюремное заключеніе, вліяніе примѣра, всякихъ злоупотребленій, поврежденій, болѣзней нервной системы, различныхъ соматическихъ болѣзней, хирургическихъ операцій, отравленій и проч., и проч. Изъ этого, далеко не детальнаго, перечня причинъ видно, какою основательною эрудиціей долженъ обладать хорошій психіатръ только для того, чтобъ имѣть возможность оцѣнить значеніе каждаго изъ этихъ факторовъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Еще больші

трудности представляются при постановкѣ діагноз
ніе больного психіатромъ обставлено бываетъ б
обойти которыя требуется съ большимъ тактомъ. П
противъ принятаго нерѣдко обычая обманывать бо
за «адвоката, торговца, полицейскаго» и т. п. Вс
теряется самое главное: «довѣріе больного къ в
такое же умѣнье обходиться съ больнымъ требу
«Разговаривая съ больнымъ, слѣдуетъ быть очень в
словамъ»; не нужно быть назойливымъ и притори
ранія анамнеза и описанія настоящаго состоянія
гаетъ подробный, строго выдержанный планъ. Вс
лѣзни можетъ представить большія трудности, так
переходныхъ ступеней между психическимъ здоров
бенно важно для психіатра «выяснить значеніе п
въ личности больного». Опредѣленіе притворства
чрезвычайныя трудности, такъ какъ легко впасть
такъ и въ другую сторону. «Я замѣчалъ,—пишетъ п
шевно-больные изъ театральнаго міра часто пора
болѣзненнаго состоянія и могутъ подать поводъ д
ея вовсе нѣтъ».

Предсказаніе «много зависитъ отъ времени, ко
зывается, что изъ поступившихъ въ больницу въ
ванія выздоравливаетъ около 80%, а изъ поступ
тій — уже гораздо менѣе; кромѣ того, предсказаніе
отъ пола (женщины выздоравливаютъ чаще мужчи
причинъ, отъ наслѣдственности и проч.

Особенно интересной и важной не только дл
непосвященнаго представляется глава: «общая
лѣзней». Большое зло видитъ авторъ въ принцип
зованія. Съ одной стороны, масса свѣдѣній, ко
мозгъ ребенка, съ другой—«избалованность, отсу
повъ долга, сознанія обязанности трудиться, отсу
способности управлять своими влеченіями и внима
удовольствія отъ труда и отъ принесенія пользы
людямъ». Въ возможности обойти эту Сциллу и
психическаго здоровья подростающаго поколѣнія.
предупреждающія мѣры на ряду съ другими: съ
всякаго рода, переутомленій, предупрежденіемъ ра
вслѣдствіе неправильнаго образа жизни, пропаган
гигіенѣ и проч. Леченіе уже наступившей душевн
основывается на устраненіи психическихъ услові
лѣзнь: удаленіе больного изъ обычной его обста
возможнаго покоя, вдали отъ неумѣлаго и часто в
никовъ. Въ этомъ отношеніи очень важно проводи

взгляды и понятія о психіатрическихъ лечебницахъ не какъ о тю
а какъ о медицинскомъ средствѣ. Что касается психическихъ бо
то не слѣдуетъ смотрѣть на нихъ, какъ на несмываемое пятно стыд
зора, а какъ на несчастье, которому надо умѣть помочь. Въ дальн
изложеніи авторъ указываетъ, какіе больные нуждаются въ специа
леченіи въ лечебницахъ, какіе могутъ быть оставлены дома, какъ
обставить переѣздъ больного въ лечебницу, какъ обращаться съ ду
больными. Всякія хитрости вредны; по отношенію къ бреду долж
жаться осторожно: не надо потакать въ этомъ отношеніи, но не с
и разубѣждать, вступать въ споры, когда это раздражаетъ больного
больная,—передаетъ авторъ,—увѣрила, что у нея въ животѣ змѣя
долгихъ увѣреній ей сказали, что змѣю эту вынутъ; устроили
операціи, сдѣлали надрѣзъ живота и затѣмъ, показавъ больной зм
ранѣе приготовленную, объявили, что она можетъ теперь успокоитьс
какъ змѣю вынули. Но больная, посмотрѣвъ на змѣю, не успокои
еще болѣе взволновалась: ей пришло въ голову, что это самка и
вотѣ остались ея дѣтеныши». Такого рода факты доказываютъ,
хитрыя выдумки скорѣе всего «способствуютъ поддержанію бреда»
нѣйшія задачи леченія сводятся къ заботамъ о настроеніи больн
устройству игръ, чтеній, прогулокъ, музыкальныхъ вечеровъ, дом
спектаклей, организаціи занятій земледѣліемъ, фермой, садоводство
мествами. Назначеніе лечебницы не только лечить, но и поставить
ныхъ «въ условія, въ которыхъ они наиболѣе безопасны для себя
жающихъ», предоставляя имъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, наибольшее кол
свободы. Однако, какъ бы ни была хорошо устроена психіатричес
чебница, всякіе несчастные случаи въ видѣ насилій со стороны бо
какъ надъ собою, такъ и надъ окружающими все же возможны.
давно изданной прекрасной монографіи г. Бѣлякова *О самоубійстве
счастныхъ случаяхъ въ психіатрическихъ заведеніяхъ* приводится д
подробная и безпристрастная скорбная лѣтопись этихъ происшествій
больные,—говоритъ г. Бѣляковъ,—носятъ извѣстную опасность для
для окружающихъ», а потому «самый бдительный надзоръ не въ со
никогда предусмотрѣть всевозможные планы душевно-больныхъ, нап
ные къ самоубійству». Обстановка всѣхъ этихъ несчастій носитъ
разнообразіе, что далеко не всегда возможно предупредить всѣ ми
ленныя, иногда совершенно неуловимыя и заранѣе неустранимыя
ности». Вслѣдствіе этого никакъ нельзя ставить въ вину безъ дальн
разсужденій порядкамъ заведенія случаи самоубійства; точно такъ
и отсутствіе такихъ несчастій, во всякомъ случаѣ, не значитъ, ч
данномъ заведеніи установлена идеальная внутренняя организація
быта душевно-больныхъ». Тѣмъ не менѣе, однако, правильно приме
надзоръ, умѣлый уходъ хорошо подобранной и вполнѣ добросовѣсти
слуги можетъ значительно уменьшить число этихъ несчастій. Дѣло
въ томъ, что хорошей прислуги нѣтъ, да она и не пойдетъ на то

ное вознагражденіе, какое даетъ большинство лечебницъ. Психіатрами не
разъ высказывались жалобы въ этомъ отношеніи и указывалась настоя-
тельная надобность создать спеціальныя школы, которыя могли бы подго-
товлять для лечебницъ умѣлыхъ и знающихъ людей

Въ послѣдующемъ изложеніи *Курса* проф. Корсако
пахъ попеченія о душевно-больныхъ, о судебно-меди
этой главѣ приведены очень интересныя цифры: на
1889 году призрѣвалось: въ Россіи—12 человѣкъ,
Швейцаріи—171. Переходя затѣмъ къ отношеніямъ
государства и законодательства, проф. Корсаковъ в
неважныя неточности спеціальнаго свойства, на котор
указать на страницахъ *Медицинскаго Обозрѣнія*.
хіатріи, которую можно назвать судебно-медицин
статьи русскаго законодательства, опредѣляющія ка
душевно-больныхъ, такъ и отвѣтственность ихъ въ
преступленія,— страдаютъ слишкомъ большою неопр
ющею самыя противурѣчивыя толкованія, а послѣд
лостью сравнительно съ успѣхами психіатріи. Жалоб
анахронизмъ раздаются уже давно. Оставивъ на вре
кова, я позволю себѣ упомянуть, что всего болѣе з
брошюрахъ д-ра Боткина, вышедшихъ нѣсколько мѣся
изъ нихъ: *Нравственное помѣшательство въ суде
ношеніи*, другая — *Особенности гражданской нси
тизы*. Ученіе о нравственномъ помѣшательствѣ воз
въ 40-хъ годахъ текущаго столѣтія. До сихъ поръ,
психіатріи очень слабо формулированъ, плохо изуч
однимъ изъ труднѣйшихъ какъ по самому существу
бенности въ тѣхъ случаяхъ, когда наука изъ облас
сужденій должна переселяться на практическую поч
леченіи и призрѣніи «нравственно-помѣшанныхъ»,
важно, вопросъ объ ихъ отвѣтственности. Нигдѣ не
не выслушивала столько упрековъ въ неопредѣлени
какъ именно въ вопросахъ о нравственномъ помѣшате
щекотливаго психоза сказывается «тупостью или со
емъ нравственнаго чувства; нравственно-помѣшанны
ни жалости, ни состраданія». Такими отрицательными
зуетъ современная психіатрія этого рода больныхъ. Н
имѣющихъ никакого понятія о любви, о состраданіи
широкомъ смыслѣ тѣхъ чувствованій, которыя обозн
Неужели все это нравственно-помѣшанные? Что тако
мальный» человѣкъ, который обладаетъ всѣми эти
должной мѣрѣ, ни больше, ни меньше, какъ разъ н
ражать «среднихъ» людей своими странностями и н
по поводу различныхъ проявленій душевной жизни

рѣшеній которыхъ онъ изнываетъ? Почему уровень понятій этого «нормальнаго» человѣка, безличнаго и безстрастнаго, долженъ быть нормой, мѣркой, закономъ? И, наконецъ, разъ эта «норма» можетъ измѣняться въ зависимости отъ внѣшнихъ причинъ, то почему же и на какомъ основаніи всякое реформаторство, въ смыслѣ указанія новыхъ путей, всякій крупный шагъ впередъ встрѣчаются такимъ протестомъ «средняго» человѣка? Какъ разъ такіе вопросы затрогиваетъ ученіе о нравственномъ помѣшательствѣ, не въ узкомъ, банальномъ только смыслѣ. Само собою разумѣется, что такія наклонности, какъ убійство, развратъ, предательство, клевета, шпіонство, шантажъ, неразборчивость въ средствахъ при преслѣдованіи узкихъ, эгоистическихъ цѣлей и т. п., никогда и ни съ чьей стороны не могутъ пользоваться симпатіями и во всѣ времена не назывались добродѣтелями, также какъ и «особъ», владѣющихъ такими «качествами», никогда, кажется, не причисляли къ лику людей идеальныхъ, но дѣло, вѣдь, не въ этихъ заурядныхъ «особенностяхъ характера», а въ томъ, что съ точки зрѣнія «нормальнаго» человѣка и Саванаролла, и Тассо, и Руссо, и Шопенгауэръ—«дегенеранты», да и «геніевъ» вообще нѣкоторые психіатры заподозриваютъ въ близкомъ родствѣ съ самыми заурядными завсегдатаями психіатрическихъ лечебницъ. Далѣе, послушайте, что говоритъ Кюллеръ (какъ проводится въ брошюрѣ д-ра Боткина): «При увѣренности, настойчивости, фанатизмѣ, отсутствіи совѣстливости и ограниченности ума, характеризующихъ этихъ людей, нѣтъ такого препятствія, которое они, въ концѣ-концовъ, не могли бы побѣдить. Высказывая эти мнѣнія, мы, въ сущности, лишь резюмируемъ исторію не одного знаменитаго реформатора»; и потомъ: «Съ того дня, какъ не будетъ полупомѣшанныхъ, міръ цивилизаціи погибнетъ не отъ избытка мудрости, а отъ избытка посредственности». Гдѣ же тутъ истина? Гдѣ кончается «нормальный» человѣкъ и начинается «дегенерантъ»-психопатъ? Который изъ нихъ лучше? Кого судить? Д-ръ Боткинъ въ своей брошюрѣ указываетъ, что даже такой крупный авторитетъ въ психіатріи, какъ Крафтъ-Эбингъ, характеризуетъ нравственное помѣшательство очень туманными чертами. Еще неопредѣленнѣе стоитъ вопросъ объ отвѣтственности такихъ помѣшанныхъ, «порочныхъ дегенерантовъ»; сплошь и рядомъ они «ставятъ» какъ экспертовъ, такъ и судъ въ безвыходное положеніе. Изъ этого непріятнаго положенія д-ръ Боткинъ старается выйти помощью слѣдующихъ разсужденій: «не всякое съумасшествіе обусловливаетъ невмѣняемость»; «критерій для этого долженъ быть психологическій»; «условія вмѣненія: libertas judicii и libertas consilii». Едва ли, однако, такое опредѣленіе можетъ хоть сколько-нибудь помочь въ такомъ трудномъ дѣлѣ. Въ частномъ случаѣ (въ примѣрѣ, приводимомъ авторомъ) понадобились, однако, еще и другія условія: физическіе признаки вырожденія, аномаліи черепно-мозговыхъ отправленій, аномаліи въ сферѣ чувствительности, движенія, чувственныя, сосудо-двигательныя,—однимъ словомъ, «органическія основанія», и все это только для того, чтобы защитниками нравственнаго помѣшательства данный субъектъ могъ быть признанъ «нравственно-помѣшаннымъ»

но авторъ, «памятуя свойство 95 ст. дѣйствующаго у
его кліента «выше нормы», называетъ его дегенеран
вій терминъ не влечетъ за собою невмѣненія. Прав
зать трудно; во всякомъ случаѣ, поступаться теорі
скихъ примѣненій не въ принципахъ науки,—это ра
одинъ эпитетъ другимъ, такимъ же безразличнымъ
ставляетъ никакихъ выгодъ. Суду не важно знать,
ектъ, нравственно-помѣшанный или дегенерантъ; есл
либо изъ этихъ эпитетовъ, то, конечно, не въ клин
того, чтобъ написать названіе его болѣзни на дощ
хіатрической лечебницѣ, а для того, чтобы знать, в
Слѣдовательно, или приходится передѣлывать ст. 95,
говорить свободно то, что полагается по наукѣ, и
нихъ обстоятельствъ, или же совершенно выкинуть
помѣшательство» и замѣнить его, какъ предлагаетъ
ціей»; тогда всѣ условія вмѣненія налицо, о «помѣша
умалчивается, порокъ наказывается, и «дегенераты»
дѣломъ его». Но вопросъ въ томъ: виноватъ ли этотъ
«дегенераціи»? При такой манерѣ обходиться съ в
дутъ рѣшаться очень легко, просто и свободно, но
шей мѣрѣ *не научекъ*. Въ дальнѣйшемъ изложеніи
съ еще болѣе упрощенными методами, до которых
при столкновеніи съ практическою стороной разных

Другая брошюра д-ра Боткина старается доказать
хіатрическая экспертиза представляетъ иной разъ зна
ности, чѣмъ уголовная. Если въ уголовномъ судѣ
треблять разныя неопредѣленныя выраженія, вроді
патъ», «дегенерантъ», въ надеждѣ, что судъ, снисход
эксперта, «уважитъ это утвержденіе» и отнесетъ та
ніе подсудимаго «къ смягчающимъ обстоятельствам
не позволитъ развить эту изобрѣтательность; онъ т
отвѣта: «сумасшедшій, либо нѣтъ?» Однако, и тутъ
«сумасшедшій и здоровый» существуетъ переходная
сумасшедшаго, патентованнаго всѣми авторитетами
такіе періоды, когда онъ разсуждаетъ совершенно з
ваемые «свѣтлые промежутки». Какъ относиться къ
буквы закона, то въ теченіе этихъ періодовъ «с
«сумасшедшимъ», невмѣняемъ. «Но это—издѣватель
его поруганье!»—восклицаетъ д-ръ Боткинъ, что сове
кромѣ этого неудобства толкованія только буквы
плываютъ и соображенія иного свойства. Во-первы
торыя формы душевныхъ болѣзней, гдѣ фатальный
ной утраты умственныхъ способностей, также нев
законы, гдѣ, однако же, бываютъ «свѣтлые проме

продолжительности. «Беззаконно и негуманно,— говоритъ д-ръ Боткинъ по этому поводу,— лишать человѣка правъ за то только, что онъ скоро сойдетъ съ ума». Но, вѣдь, болѣзнь даже въ этихъ свѣтлыхъ промежуткахъ оставила послѣ себя какіе-нибудь слѣды, слѣдовательно, въ примѣненіи тѣхъ и другихъ статей закона встрѣчается значительное препятствіе. Признавать ли такого субъекта больнымъ и тѣмъ лишать его правоспособности? «Очевидно, что положительный отвѣтъ на этотъ вопросъ приведетъ къ нелѣпостямъ,—говоритъ д-ръ Боткинъ.—Тогда придется признать неправоспособными всѣхъ нейрастениковъ, огромное большинство страдающихъ хроническимъ катарромъ желудка и т. д., потому что эти болѣзни часто измѣняютъ характеръ людей до неузнаваемости». Но на это слѣдуетъ возразить, что «характеръ» и «умственныя способности» не синонимы, и подставлять одно слово другимъ неудобно. «Только извѣстная величина и совокупность этихъ измѣненій, ставящихъ человѣка ниже *не прежняго его состоянія*, которое можетъ быть и неизвѣстно эксперту, а ниже *нормальнаго* человѣка, могутъ обусловливать его неправоспособность». Опять эта фикція «нормальный человѣкъ»! Предположимъ даже, что опредѣлить эту норму въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ не будетъ стоить никакого труда, что она «дана», какъ говорятъ математики, чего, однако, въ дѣйствительности допустить невозможно; предположимъ далѣе, что извѣстный конкретный случай ясно «ниже нормы», спрашивается теперь, на какихъ основаніяхъ экспертъ будетъ заключать, что это *пониженіе* обусловлено *именно* предшествовавшимъ болѣзненнымъ состояніемъ, а не другими, внѣ его лежащими, причинами, которыя, какъ предполагаетъ д-ръ Боткинъ, эксперту могутъ быть и неизвѣстны? Очевидно, мы опять пришли въ уголъ, откуда нѣтъ выхода. Все это потому, что экспертизѣ приходится понижать свои заключенія до уровня статей закона, значительно отставшихъ отъ современныхъ ученій психіатріи.

Я снова долженъ возвратиться къ *Курсу психіатріи* проф. Корсакова, чтобы сказать еще нѣсколько словъ. 2-я часть его заключаетъ описанія различныхъ формъ душевныхъ болѣзней. Передавать содержаніе ея неумѣстно. Какъ и въ общей части, всюду видѣнъ оригинальный взглядъ автора, тщательный анализъ, добросовѣстное, подробное, толковое изложеніе простымъ, безъ ненужныхъ вычурностей языкомъ. Книга читается легко, съ большимъ интересомъ и, за неимѣніемъ популярнаго руководства по психіатріи, она смѣло можетъ быть рекомендована всѣмъ, желающимъ ознакомиться съ этою молодою наукой, а не только спеціалистамъ-психіатрамъ, юристамъ или имѣющимъ вообще какое-либо профессіональное отношеніе къ психіатріи. Какъ руководство, *Курсъ* можетъ быть поставленъ на ряду съ классическимъ учебникомъ Крафтъ-Эбинга, на которомъ воспиталось цѣлое поколѣніе психіатровъ.

III.

Наряду съ явленіями отраднаго свойства приходится, однако, отмѣчать явленія противуположнаго характера. Читатель уже видѣлъ, что

какъ только наукѣ приходится изъ области теоріи спускаться на почву практики, сейчасъ же возникаютъ различныя недоразумѣнія.

Въ послѣднее время у насъ въ Россіи выстроен психіатрическія лечебницы, перестраиваются стар удовлетворяющія современнымъ требованіямъ наук нѣ свѣдущіе, широко образованные, въ большин прислуга гуманна... но возьмите въ руки любой лечебницы, вездѣ вы прочитаете однѣ и тѣ же жал «лечебница переполнена». Мало того, въ появивше кущаго года *Вѣстника общественной гигіены* о *О призрѣніи и леченіи душевно-больныхъ въ Рос* рованномъ уже мною въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ*, 70,000 душевно-больныхъ въ Россіи имѣется всего въ лечебницахъ, да и то въ нѣкоторыхъ изъ нихъ дится трое, а то и четверо обитателей. Что касае недостатокъ помѣщенія для душевно-больныхъ гдѣ-либо. Городъ имѣетъ Преображенскую больниц леніе для 50 психическихъ больныхъ женщинъ и дл шей полицейской больницѣ и отдѣленіе для 50 при Александровской общинѣ сестеръ милосердія Земство же и до сихъ поръ не имѣетъ вполнѣ за ской лечебницы; до мая 1891 г. оно было занят товительною частью работы. Передавать даже въ рію этого періода дебатовъ, смѣтъ, контрактовъ Начнемъ прямо съ того момента, когда имѣніе для чебницы было пріобрѣтено и когда вопросъ пере почву. Тутъ въ распоряженіи имѣются уже печатн д-ра Якобія, приглашеннаго земствомъ «создать психіатрическую лечебницу на 400 штатныхъ представляютъ два тома болѣе 400 стр. Первый д нитарному совѣту помѣченъ 1891 г., второй—моск ской управѣ—1892 г. Первый обсуждался въ моск хіатровъ и вызвалъ горячія возраженія, которыя бы въ *Протоколахъ* общества за 1891—92 гг. (стр. главнымъ образомъ, послужилъ темой для двухъ скаго. Въ результатѣ всѣхъ этихъ докладовъ и шло. Почему? Попробуемъ разобраться во всей шенно безпристрастно, вдали отъ всякой партій личныхъ счетовъ и полемическаго задора, отнест тамъ. Дѣло настолько серьезно само по себѣ, что кіе интересы, по меньшей мѣрѣ, недобросовѣстно.

Для уясненія послѣдующаго изложенія необход мянуть о двухъ аксіомахъ современной психіатр скихъ болѣзней, въ общемъ, могутъ быть раздѣлен

чимыя и неизлечимыя; въ дурныхъ условіяхъ первыя легко могутъ перейти во вторыя, а вторыя даже при самыхъ лучшихъ условіяхъ, при современномъ состояніи нашей науки, никогда не переходятъ въ первыя. Вторая аксіома: задачи психіатра, какъ врача, сводятся, во-первыхъ, къ леченію излечимыхъ, и, во-вторыхъ, къ попеченію о неизлечимыхъ, къ тому, чтобы спасти ихъ отъ дальнѣйшаго крушенія, чтобы сохранить и уберечь въ нихъ ту искру Божьяго подобія, которая отличаетъ человѣка отъ животнаго. Обѣ задачи одинаково благородны и немыслимо, и недостойно врача, какъ человѣка, отдавать преимущество одной въ ущербъ другой, въ особенности принимая во вниманіе то обстоятельство, что предсказанія наши относительно излечимости въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ въ высшей степени неопредѣленны; что «только въ рѣдкихъ случаяхъ, по словамъ Крафтъ-Эбинга, мы бываемъ въ состояніи поставить предсказаніе съ полною увѣренностью».

Перепись душевно-больныхъ Московской губерніи, безъ города Москвы, въ 1866 г. дала цифру 1,662; изъ нихъ 995 мужчинъ и 667 женщинъ. Очевидно само собою, что призрѣть всю эту массу больныхъ, т.-е. разомъ покончить съ этою задачей, выстроивъ соотвѣтствующую этому числу лечебницу, не представляется возможнымъ въ виду громадности не только единовременнаго расхода (считая по 1,000 рублей на устройство одного мѣста, мы получаемъ уже цифру болѣе полутора милліона рублей), но и постоянныхъ, ежегодныхъ затратъ на содержаніе этихъ кроватей (опять-таки, какъ и въ первомъ случаѣ, беря крайній minimum, мы получимъ около 500,000 ежегодныхъ расходовъ). Но дѣло еще въ томъ, что расходы далеко не ограничились бы этою цифрой: извѣстно, во-первыхъ, что общее число душевно-больныхъ ростетъ съ каждымъ годомъ, а, во-вторыхъ, замѣчено, что въ каждой лечебницѣ, даже при очень строгихъ условіяхъ пріема въ нее, больше больныхъ поступаетъ, чѣмъ выписывается, отчего и происходитъ переполненіе, на которое всюду жалуются наши психіатры. Въ виду невозможности удовлетворить нуждѣ вполнѣ, приходится довольствоваться удовлетвореніемъ только части насущныхъ потребностей. Поэтому московское земство рѣшило выстроить лечебницу всего на 400 кроватей; точно также поступили и другія земства; нигдѣ лечебница не исчерпывала всего числа мѣстныхъ больныхъ. Такъ какъ изъ 4-хъ, а то и изъ 5-ти больныхъ въ лечебницу можетъ быть принятъ только одинъ, то предстоитъ рѣшить, кому изъ нихъ отказать и кого принять, и какъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, обезопасить лечебницу отъ грозящаго переполненія. Такіе вопросы занимали не одно московское земство, но и земства другихъ губерній, и нѣкоторые изъ поставленныхъ во главѣ дѣла психіатровъ, въ отчаяніи предъ такими неразрѣшимыми дилеммами, называли вновь выстроенныя лечебницы «яркими заплатами на дырявомъ рубищѣ», «попыткой накормить голоднаго парой сладкихъ пирожковъ» и т. п. Въ докладѣ д-ра Якобія мы находимъ, однако, что «дѣло санитарной постановки психіатрическаго вопроса составляетъ основную его (д-ра Якобія) мысль»,

такъ какъ двое изъ троихъ приглашенныхъ директоровъ лечебницъ «не могли даже взять въ толкъ» этой основной мысли и «вопросъ общей организаціи попеченія о душевно-больныхъ во всѣхъ другихъ земствахъ не обсуждался».

Какъ будто не русскіе психіатры жаловались на н лечебницъ, не они искали средствъ избѣжать его. Правда рѣшалъ этихъ вопросовъ такъ просто, какъ проектируетъ нъ только вылечить излечимыхъ и спасти здоровыхъ чтобы обезопасить лечебницу отъ переполненія. Какъ лечать излечимыхъ, вопросъ насъ не касающійся, но переполненія лечебницы, какъ и куда онъ дѣнетъ неза будетъ спасать здоровыхъ,—на эти вопросы нужно отв чать по порядку на нихъ, руководясь исключительно дов Для того, чтобы избѣжать переполненія, д-ръ Якобій пре въ будущую лечебницу только случаи острые и отказывал сужденій всѣмъ больнымъ хроническимъ, гдѣ всякая на вполнѣ утрачена. Тогда, по его разсчету, если въ пер ванія лечебницы будетъ принято 70—80 «свѣжихъ з только ¹/₃ изъ нихъ выздоровѣетъ, то только чрезъ 1 достигнетъ цифры 300 больныхъ, если держаться той ныхъ поступленій; въ то же время, «населеніе *освободи их умалишенныхъ* (курсивъ автора), такъ какъ преж мени будутъ элиминированы, за исключеніемъ ничтожна сумасшествія, естественнымъ ходомъ жизни, т.-е., проц мрутъ, а «новые, поступая въ лечебницу, не будутъ ленія». Невѣрность этого разсчета бросается въ глаза ло знакомому съ математикой. На 234 стр. своего докла дить въ него еще новый факторъ. Необходимымъ усло нія этого «чуда», какъ выразился оппонентъ д-ра Якоб зывается смертность: «достаточно 48 случаевъ смерти, ницу отъ переполненія». Дальнѣйшія строки доклада мысль: 10% смертности «считается малою», какъ говорит но, это не такъ; наприм., у Крафтъ-Эбинга менѣе сур первые три мѣсяца болѣзни въ общемъ смертность ра лѣе затягивается болѣзнь, тѣмъ болѣе и болѣе понижа такъ что къ концу года смертность, очевидно, уже ме

Что касается хрониковъ, этого зла, этого ненужнаго чебницы, то д-ръ Якобій прямо игнорируетъ ихъ; поступя не могутъ. Д-ру Якобію нѣтъ дѣла до того, чего натерп и какъ будутъ терпѣть отъ него здоровые; ему нѣтъ д жетъ натворить этотъ хроникъ, оставленный безъ пр это не интересный, совершенно лишній, всему мѣша хода. Мало того, еслибъ земство, поддавшись жалким рисейской гуманности», вздумало извратить роль ле

бы призрѣвать этихъ несчастныхъ, еслибъ даже оно нашло врач
гласныхъ взять на себя роль «тюремщиковъ», не лечащихъ больн
оберегающихъ отъ нихъ здоровыхъ, то тогда, говоритъ д-ръ Якоб
русская психіатрія, всѣ земскіе коллеги-психіатры, всѣ представител
цины вошли бы съ протестомъ, общественное мнѣніе потребовало
крытія такого склада хрониковъ, а прокуроръ, надо надѣяться, аресто
служащихъ при немъ». Однако, д-ръ Якобій, все-таки, признаетъ тѣ опа
которыя можетъ представить пребываніе такихъ хрониковъ среди на
это—опасность насильственныхъ дѣйствій и возможность дѣторо
Но первую онъ называетъ опасностью «не въ медицинскомъ, а в
цейскомъ смыслѣ», и лечебница не тюрьма, во-первыхъ, а, во-в
охранять населеніе отъ опасныхъ больныхъ совсѣмъ не дѣло земст
что «мы можемъ и должны умыть руки относительно опасности, пр
ляемой насильственными дѣйствіями умалишенныхъ»; что же касает
ности дѣторожденія, то онѣ «преувеличены и мало оправдываются д
тельностью». Это мѣсто доклада д-ръ Якобія встрѣтило горячую оппози
членахъ общества психіатровъ. «Что же, однако, дѣлать съ этими
ческими больными? Вѣдь, нѣкоторые изъ нихъ сидятъ на цѣпи»?-
шивали д-ръ Якобій. Вѣдь, и къ нимъ надо относиться по-человѣчески
и у нихъ, быть можетъ, удастся уберечь отъ окончательной гибели
Божьяго подобія? Вмѣсто прямого отвѣта на эти вопросы д-ръ Якоб
ритъ: «Вашъ крикъ: «люди на цѣпи»—есть недостойное лицемѣріе,
людей нѣтъ!...» «Правда, крестьяне связываютъ душевно-больныхъ
они буйствуютъ, но это дѣлается въ 9 заведеніяхъ для умалиш
изъ 10»... «Предоставимъ времени и естественному теченію жизни
счеты съ прошедшимъ». По поводу опасности дѣторожденія было у
«что въ русской деревнѣ хроники умалишенные весьма часто, въ
многихъ лѣтъ, пользуются своими супружескими правами»; опасно
не преувеличена, и на 185 стр. своего доклада самъ д-ръ Якобій при
что «только благодаря крайнему напряженію вниманія удается пре
тить половыя сношенія умалишенныхъ». Указано было и на то, чт
шенный, прежде всего, больной и, какъ таковой, подлежитъ вѣдѣн
а, который и долженъ указать необходимость врачебной помощи
никамъ», что психіатры русскіе «все же умѣютъ лучше заботить
пасныхъ хроникахъ, чѣмъ крестьяне, и не вяжутъ этихъ хроник
лечебницахъ изъ 10». Тѣмъ не менѣе, вопросъ о хроникахъ и
-ромъ Якобіемъ не считается оконченнымъ; нѣкоторые изъ нихъ могут
приняты въ лечебницу; это «хорошіе» хроники, полезные лечебницѣ
ествѣ прислуги или рабочей силы, и, кромѣ того, дѣлается исклю
ія такихъ «неопрятныхъ полу-или совершенныхъ паралитиковъ, и
редставляютъ заразные фокусы». Въ этой послѣдней уступкѣ оказ
загадка третьей задачи, поставленной себѣ д-ромъ Якобіемъ,—«с
доровыхъ отъ заболѣваній. По поводу первой уступки было за
го если уже быть послѣдовательнымъ, то гораздо дешевле будетъ

или прислугу, или работниковъ, взамѣнъ «хорошихъ», но, все-таки, дорогихъ хрониковъ. Что касается фокусовъ заразы, отъ которой нужно спасать здоровыхъ, то вся зараза сводится къ рожѣ, «которая распространяется отъ паралитиковъ», сравнительно невинному заболѣванію, изъ-за котораго совсѣмъ не стоило дѣлать такой уступки. Не желая быть «тюремщикомъ», д-ръ Якобій уступаетъ попеченіе о хроникахъ городу, гдѣ и можно будетъ устроить «складъ хрониковъ», совершенно позабывъ о тѣхъ громахъ, которые онъ собиралъ надъ головой врачей, взявшихъ на себя роль тюремщиковъ. Когда д-ръ Сербскій предложилъ иную постановку вопроса: хроники должны быть на попеченіи земства, а острые—города, такъ какъ многіе острые больные совсѣмъ не могутъ пользоваться преимуществами загородной лечебницы, къ тому же съ этимъ связаны неудобства перевозки и т. п. соображенія чисто-практическаго свойства, — предложеніе, во всякомъ случаѣ, имѣющее за собою большія основанія,—д-ръ Якобій отнесся къ этой постановкѣ въ высшей степени странно. Ничего не возражая д-ру Сербскому, онъ спрашиваетъ его: «При чемъ тутъ вы?» Вы—посторонній и «для посторонняго вопросъ этотъ долженъ быть безразличенъ». Дальнѣйшихъ образцовъ полемическихъ пріемовъ д-ра Якобія я приводить не буду,—это мало интересно и служитъ скорѣе къ характеристикѣ д-ра Якобія, чѣмъ его проектовъ. Дѣло въ принципѣ, а не въ личностяхъ, тѣмъ болѣе, что, по выраженію д-ра Якобія, «московское земство должно научить другія земства», что «рѣшеніе его въ психіатрическомъ вопросѣ имѣетъ не мѣст
только, но и обще-русское, обще-земское значеніе».

Оставляя въ сторонѣ разборъ архитектурной и хозяйственной ча проекта, не могу не указать на два мѣста его, также подвергшіяся к тикѣ. Первое: при лечебницѣ предполагается устроить пансіонатъ. По внѣ ности это «долженъ быть красивый, изящный и хорошо содержимый б скій загородный домъ». «Этотъ роскошный пансіонатъ,—возражаетъ д- Баженовъ,—не желателенъ»; его пансіонеры «испортятъ тонъ и характе учрежденія, создадутъ массу хлопотъ и заботъ административныхъ и зяйственныхъ всему служебному персоналу, отвлекая его время и силы о его непосредственной работы». Второе: большая разбросанность павильоно проектированная д-ромъ Якобіемъ, также встрѣтила возраженія. Дѣйст тельно, какъ въ экономическомъ, такъ и въ административномъ и въ дицинскомъ отношеніяхъ, особенно при нашихъ климатическихъ условія правильное веденіе дѣла, «если не прямо невозможно, при такой разб санности, то крайне затруднительно», какъ находятъ это д-ръ Сербскій.

Если до сего времени мы имѣли дѣло дѣйствительно съ проектомъ, которымъ можно соглашаться или нѣтъ, если авторъ его *почти* не вы дилъ изъ намѣченной имъ программы, то этого никакъ нельзя сказать носительно 2-й части его труда—доклада московской губернской земс управѣ. Докладъ снабженъ предисловіемъ, гдѣ авторъ частью перепечат ваетъ сдѣланныя ему въ московскомъ обществѣ психіатровъ возраже и свои отвѣты на нихъ въ засѣданіи, частью же тутъ з

стоятельные отвѣты теперь», когда авторъ «многое видѣлъ, потому что ко многому присматривался». Продуктомъ этихъ наблюденій выплылъ новый вопросъ, въ корень измѣнившій взгляды автора на большинство русскихъ психіатрическихъ лечебницъ,—вопросъ о численномъ «соотношеніи мужчинъ и женщинъ». Но, прежде чѣмъ перейти къ этой второй части проектовъ д-ра Якобія, считаю необходимымъ отиѣтить одно мѣсто въ предисловіи. «Въ цѣломъ,—говоритъ д-ръ Якобій,—общество (психіатровъ) приняло проектъ». При справкѣ въ протоколахъ общества оказывается, однако, что самая главная часть проекта, центральная часть его»—основанія пріема больныхъ, подвергшаяся такой жестокой критикѣ членовъ общества, измѣнена радикально, да и остальныя потерпѣли болѣе или менѣе существенныя поправки, и общество постановило: «всѣ душевно-больные, нуждающіеся въ леченіи и спеціальномъ уходѣ, должны быть принимаемы въ лечебницу безъ замедленія», что̀ значительно разнится съ редакціей проекта д-ра Якобія.

Въ началѣ 2-й части авторъ высказываетъ весьма справедливыя жалобы на недостатокъ точныхъ статистическихъ свѣдѣній, благодаря которому не представляется никакой возможности выработать вполнѣ опредѣленный, до малѣйшихъ деталей законченный планъ будущей лечебницы; такъ, мы не знаемъ, соотвѣтствуютъ ли цифровые результаты опытовъ другихъ лечебницъ «дѣйствительному распредѣленію формъ психическаго разстройства въ населеніи вообще»; не знаемъ, «сколько мѣста надо отвести въ лазаретѣ для мужчинъ и сколько для женщинъ»; не увѣрены даже въ томъ, «насколько нашъ разсчетъ лазаретныхъ мѣстъ вообще вѣренъ и соотвѣтствуетъ ли дѣйствительной потребности». Конечно, всѣ эти вопросы могутъ быть рѣшены только жизненнымъ опытомъ лечебницы, и дать въ настоящее время окончательный планъ, который не пришлось бы потомъ измѣнять, нельзя; давши же его, «значитъ сознательно солгать, выдавая за окончательное и рѣшенное, что еще не изслѣдовано и сомнительно». Это положеніе повторяется затѣмъ нѣсколько разъ д-ромъ Якобіемъ въ послѣдующемъ изложеніи,—положеніе, возражать противъ котораго едва ли что возможно. Казалось бы, на этомъ и слѣдовало остановиться, однако, далѣе мы находимъ слѣдующее: «сообразно практикѣ большинства русскихъ психіатрическихъ заведеній, численное соотношеніе половъ въ будущей лечебницѣ принято такое: 60% мужчинъ и 40% женщинъ». На основаніи предъидущихъ разсужденій д-ра Якобія ему остается сказать: «я не знаю, соотвѣтствуетъ ли дѣленіе дѣйствительнымъ потребностямъ», или «рѣшеніе этого вопроса въ цифровомъ отношеніи представляетъ большія трудности», такъ какъ оно «различно въ различныхъ странахъ, въ различныя времена въ одной и той же странѣ и зависитъ отъ очень многихъ и разнообразныхъ условій». Тѣмъ не менѣе, вся II-я глава, занимающая 94 стр. доклада д-ра Якобія, посвящена аргументаціи того положенія, что преобладаніе мужчинъ (въ лечебницахъ) «тѣсно связано съ дурною общею постановкой психіатрическаго дѣла» и есть только слѣдствіе прежняго взгляда на заведенія для душевно-больныхъ, «не какъ на лечебный институтъ, а какъ на

мѣсто заключенія неудобныхъ въ общежитіи помѣшанныхъ». Оказывается уже теперь, что исторію жизни психіатрическихъ больницъ можно, соотвѣтственно % отношеніямъ мужчинъ и женщинъ въ нихъ, раздѣлить на три періода: первый—когда мужчинъ больше, чѣмъ женщинъ,—это, такъ сказать, періодъ пещерный; второй, какъ самъ авторъ называетъ его, «героическій», когда «число мужчинъ и женщинъ уравнивается», и третій періодъ «гуманитарныхъ реформъ», періодъ численнаго преобладанія женщинъ. «Какъ только умственный и нравственный уровень страны возвышается, какъ только по отношенію къ умалишеннымъ общество сходитъ съ полицейской точки зрѣнія на гуманную», тотчасъ же «начинается усиленный пріемъ женщинъ». Массой остроумныхъ аргументовъ, искусно сгруппированныхъ таблицъ д-ръ Якобій старается доказать вѣрность своего положенія. Однако, если мы, руководствуясь дѣленіемъ психіатріи на три вышеупомянутые періода, выберемъ цифры изъ таблицъ д-ра Якобія для каждаго періода въ отдѣльности, возьмемъ ихъ сумму и выведемъ среднее ариѳметическое, мы, къ нашему удивленію, получимъ результаты совершенно неожиданные и какъ разъ идущіе въ разрѣзъ съ положеніями д-ра Якобія. Такъ, въ періодѣ «пещерномъ»—40,2% мужчинъ и 59,8%—женщинъ; въ періодѣ героическомъ—47,4% мужчинъ и 52,6% женщинъ, а въ періодѣ «гуманитарныхъ реформъ»—53,5% мужчинъ и 46,5% женщинъ. Конечно, эти выводы, какъ разъ діаметрально-противуположные выводамъ д-ра Якобія, ничего не доказываютъ: даже я согласенъ съ тѣмъ, что «такая статистика невозможна», и привожу ихъ единственно въ доказательство справедливости возраженій Гюблера: «каковъ человѣкъ, таковъ и способъ», и Гаваррэ, что при усердіи цифрами можно «доказать, что угодно», и что такая статистика можетъ служить «только средствомъ вносить путаницу въ самые ясные, повидимому, вопросы». Въ числѣ таблицъ, приведенныхъ д-ромъ Якобіемъ, есть цифры, взятыя изъ отчетовъ двухъ знаменитыхъ лечебницъ: Альтъ-Шербицъ и Габерзе. Нѣсколько страницъ спустя послѣ того, какъ эти цифры профигурировали въ качествѣ неопровержимыхъ доказательствъ, мы находимъ слѣдующее, опять-таки сопровождаемое доказательствами положеніе, что эти отчеты составлены «изъ рукъ вонъ плохо» и легкомысленно. Далѣе требуется д-ру Якобію доказать, что у женщинъ наблюдаются чаще формы излечимыя, а у мужчинъ неизлечимыя,—цифры и таблицы налицо; между прочимъ, и отчетъ Duren'я, гдѣ наблюдалось у мужчинъ 38% излечимыхъ формъ, а у женщинъ—54. Перевернувъ 9 страницъ назадъ, мы находимъ, что въ томъ же Duren'ѣ процентъ выздоровленій указанъ одинаковымъ для обоихъ половъ—17%; изъ этого опять-таки, при усердіи и поспѣшности, можно сдѣлать тотъ выводъ, что у женщинъ даже въ излечимыхъ формахъ наблюдается меньшій процентъ выздоровленій, и затѣмъ, ставши на точку зрѣнія д-ра Якобія, съ полнымъ правомъ предлагать въ своемъ проектѣ полный, безапелляціонный отказъ въ пріемѣ женщинамъ. Это положеніе д-ра Якобія, что «съ пониженіемъ умственнаго и нравственнаго уровня общества въ психіатрическихъ лечебницахъ начинает

преобладать мужской элементъ, приводитъ неизбѣжно автора и къ оцѣнкѣ дѣятельности психіатрическихъ лечебницъ. Авторъ создаетъ для этого вполнѣ опредѣленный критерій. Въ общемъ формулировать его довольно легко: такъ, если въ лечебницѣ находится 64,8% мужчинъ и только 35,2% женщинъ, то такая лечебница «принадлежитъ не столько психіатріи, сколько опереткѣ», а завѣдующій такою лечебницей получаетъ титулъ «готтентота психіатріи». Новыя клички получили почти всѣ русскія лечебницы, за исключеніемъ смоленской, ярославской и больницы св. Николая въ Петербургѣ, до этого же положенія д-ра Якобія онѣ, по его же мнѣнію, были «прекрасными», «превосходно веденными»; впрочемъ, такая же участь постигаетъ и французскія лечебницы Воклю и Вилль-Эвраръ.

Сдѣлаю еще лишь двѣ выдержки, которыя мнѣ кажутся особенно важными: «Поспѣшныя аналогіи и неосновательныя сравненія, дѣлаемыя обыкновено людьми малосвѣдущими, оказываются всегда совершенно ошибочными и несостоятельными». Это слѣдовало бы поставить въ эпиграфѣ проектовъ д-ра Якобія. Другая выдержка: «есть русская психіатрія»; памятуя это послѣднее положеніе, не слѣдуетъ гнаться какъ за слѣпымъ подражаніемъ заграничнымъ образцамъ, такъ и за пропагандой своихъ личныхъ взглядовъ, основанныхъ на «двухлѣтнемъ» знакомствѣ съ Россіей. Въ результатѣ всей этой не столько смѣшной, сколько грустной исторіи — потраченныя деньги, время, краснорѣчіе, основательная эрудиція и все это «зря», въ пространство, безъ цѣли, безъ видимыхъ ощутительныхъ результатовъ,—попрежнему, Москва безъ лечебницы. «Исторія» эта оставила послѣ себя какой-то горькій осадокъ, недовѣріе, разочарованіе. Задумавъ такъ хорошо, въ такомъ широкомъ планѣ прекрасное дѣло, потративъ на него такъ много силъ, д-ръ Якобій свелъ его на личные счеты, на защиту своихъ парадоксовъ и, наговоривъ много обиднаго и несправедливаго по адресу своихъ собратій, сошелъ со сцены.

IV.

Остается сказать еще нѣсколько словъ о двухъ брошюрахъ: г. Токарскаго: *Меряченье и болѣзнь судорожныхъ подергиваній* и г. Сикорскаго: *Психопатическая эпидемія 1892 г. въ Кіевской губерніи*. Обѣ онѣ, несмотря на очень большое различіе между собою по существу, упоминаются мною въ одномъ мѣстѣ потому, что между ними есть нѣкоторыя точки соприкосновенія. О «меряченьи» вскользь я уже говорилъ въ началѣ обзора. Это странная душевная болѣзнь, которая характеризуется, какъ говоритъ г. Токарскій, подражаніемъ словамъ, жестамъ и дѣйствіямъ окружающихъ и неудержимымъ исполненіемъ данныхъ ими приказаній. Въ 1867 году ее наблюдалъ въ Забайкальской области д-ръ Кашинъ, которому, между прочимъ, привелось быть свидѣтелемъ такого случая: «одно изъ отдѣленій роты 3-го батальона Забайкальскаго казачьяго полка, составленное изъ уроженцевъ деревень, расположенныхъ по р. Уралу, во время

производившагося ученья, при командныхъ словахъ, повторяло эти слова, что, безъ сомнѣнія, разсердило командира: онъ сталъ кричать и вдругъ, къ удивленію своему, услышалъ тѣ же самые крики, брань и угрозы (повтореніе его словъ) изъ отдѣленія роты, которая, вмѣстѣ съ тѣмъ, побросала и ружья». Что бы ни вздумалось кому-нибудь въ присутствіи больного «меряченьемъ» сдѣлать, все это будетъ повторяться имъ въ совершенно правильномъ порядкѣ. «Бѣда стукнуть или крикнуть въ присутствіи такой женщины, несущей посуду и даже собственнаго ребенка: и посуда, и ребенокъ при крикѣ будутъ непремѣнно брошены на полъ». Все это дѣлается совершенно безсознательно. Д-ръ Кашинъ причины этой болѣзни видѣлъ въ «пуганьи» и въ «половой распущенности» (?). Въ 1885 г. д-ръ Янковскій наблюдалъ такое же страданіе въ Приморской области Восточной Сибири. Кромѣ уже описанныхъ явленій подражанія всѣмъ видѣннымъ жестамъ и повторенія слышанныхъ словъ, онъ отмѣчаетъ еще у наблюдавшихся имъ больныхъ: усиленное сердцебіеніе, частый пульсъ, безпричинный смѣхъ, веселое настроеніе, большую подвижность и усиленіе болевой чувствительности. Брейтманъ въ 1888 г. указываетъ, хотя и не совсѣмъ ясно, что «меряченье» встрѣчается также и на югѣ Россіи. Затѣмъ самъ авторъ (г Токарскій) наблюдалъ нѣсколько случаевъ этого заболѣванія въ Кяхтѣ. У его больныхъ «меряченье» развилось послѣ испуга и всѣ они представляются въ высокой степени пугливыми. Чтобы вызвать припадокъ «меряченья»—подражанія, необходимо, однако, достаточно сильное раздраженіе слуха, вслѣдъ за которымъ слѣдуетъ воспроизведеніе или исполненіе приказанія, а иногда и произнесеніе ругательствъ. Слабыя раздраженія такого эффекта не вызываютъ. Такое же заболѣваніе было подмѣчено и у жителей Малайскаго архипелага, гдѣ оно называется «latah», а также и въ Сѣверной Америкѣ подъ названіемъ «jumping». Путешественникъ O'Brien разсказываетъ такой случай: «Пароходный поваръ былъ самый настоящій «лята». Онъ качалъ однажды на палубѣ въ рукахъ своего ребенка; пришелъ матросъ, который принялся, подобно повару, качать въ рукахъ чурбанъ. Потомъ матросъ бросилъ чурбанъ на тентъ и забавлялся заставляя его кататься по полотну, что непосредственно затѣмъ сдѣлалъ и поваръ съ ребенкомъ. Матросъ, отпустивъ полотно, уронилъ чурбанъ на палубу; поваръ сдѣлалъ тоже съ ребенкомъ, который убился на мѣстѣ».

Что касается причинъ этой странной болѣзни, то г. Токарскій видитъ ихъ, во-первыхъ, во вліяніи наслѣдственности, выражающемся въ общемъ ослабленіи психической дѣятельности, въ несовершенствѣ или же, быть можетъ, въ «меньшей силѣ высшихъ психическихъ актовъ»; во-вторыхъ «въ общемъ основномъ свойствѣ психической дѣятельности, присущей человѣку также, какъ и животнымъ,—склонности къ подражанію»; въ-третьихъ, существуютъ какія-то, не столько климатическія, сколько мѣстныя условія, какія именно, неизвѣстно, но несомнѣненъ тотъ фактъ, что «меряченье» наблюдается преимущественно у жителей береговыхъ, приморс

скихъ странъ, и, въ-четвертыхъ, психическая заразительность, вліяніе аффекта (испугъ, сильныя душевныя волненія и т. п.).

Болѣзнь начинается иногда быстро, даже внезапно. Въ дальнѣйшемъ теченіи могутъ быть временныя улучшенія, но полнаго прекращенія болѣзни не наблюдали и «случаи исцѣленія неизвѣстны». Г. Токарскій считаетъ это заболѣваніе состояніемъ психической слабости, благодаря которой всякій психическій рефлексъ, вызванный внѣшними раздраженіями, рѣзкими, необычными, неожиданными, оказывается настолько сильнымъ, что преодолѣваетъ всѣ остальныя и неудержимо стремится къ своему окончанію. Въ нормальномъ состояніи психической дѣятельности рефлексы этого рода могутъ быть подавлены и задержаны. Испугъ (аффектъ), вызывая пониженіе психической дѣятельности вообще, способствуетъ освобожденію этихъ рефлексовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, чѣмъ чаще вызывается какой-либо рефлексъ, тѣмъ легче и быстрѣе совершается онъ и, въ то же время, постепенно выходя изъ сферы сознанія, онъ «пріобрѣтаетъ нѣкоторую независимость», становится автоматичнымъ. Послѣднимъ обстоятельствомъ объясняются присоединяющіяся къ подражательнымъ дѣйствіямъ «меряченья» ругательства.

Есть очень отдаленное сходство между «меряченьемъ» и такъ называемою «болѣзнью судорожныхъ подергиваній» и цѣлыми эпидеміями различныхъ двигательныхъ неврозовъ иногда съ галлюцинаціями. Такія эпидеміи наблюдались не разъ въ средніе вѣка. Тѣмъ не менѣе, «меряченье» и «болѣзнь судорожныхъ подергиваній»—совершенно различныя формы. Проводить дифференціальный анализъ обѣихъ формъ, очень тонкій и очень обстоятельно развитый авторомъ, неумѣстно.

Въ концѣ 1891 г. въ нѣкоторыхъ деревняхъ Васильковскаго уѣзда, Кіевской губерніи, крестьянское населеніе было охвачено своеобразнымъ религіознымъ движеніемъ, которое было названо «малеванщиной» (*Сикорскій*, стр. 1). Для изслѣдованія этого религіознаго движенія была назначена спеціальная коммиссія, въ составѣ которой находился проф. Сикорскій, изложившій затѣмъ свои наблюденія въ вышеназванной брошюрѣ. Что это за движеніе въ смыслѣ вѣроученія, авторъ разъясняетъ очень мало и очень туманно, указывая только на близкое родство этой «эпидеміи» со штундизмомъ. Первоисточникомъ новой секты считаютъ мѣщанина Кондратія Малеванаго, называющаго себя Іисусомъ Христомъ, Спасителемъ міра, находящагося въ постоянномъ и непосредственномъ общеніи съ Отцомъ; въ Немъ, по его мнѣнію, находится Св. Духъ. Свою божественность онъ доказываетъ различными «свидѣтельствами»: его тѣло можетъ подниматься на воздухъ, появляются божественные запахи, яркія звѣзды и т. п. Предшествовавшая исторія Малеванаго и наблюденія за нимъ въ больницѣ не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что онъ — психически-больной человѣкъ, первично помѣшанный (параноикъ). Какимъ образомъ стало распространяться новое вѣроученіе, въ чемъ его сущность и какъ оно «внѣшнимъ образомъ пріурочено къ штундизму», повторяю,

проф. Сикорскій не разъясняетъ. «Малеванщина» обратила на себя вниманіе властей «потому въ особенности, утверждаетъ г. Сикорскій, что «малеванцы» отказались отъ обычнаго образа жизни и занятій и стали обнаруживать странные и вредные въ общественномъ и санитарномъ отношеніи поступки и дѣйствія». А именно: «Они уходили въ поля и въ снѣжную ночь мылись въ холодной водѣ—мужчины и женщины вмѣстѣ—и также мыли своихъ дѣтей... для очищенія тѣла къ моменту страшнаго суда, котораго они ждали въ одинъ изъ дней масляницы». Наблюденіе проф. Сикорскаго надъ малеванцами убѣдило его, что тутъ имѣется «психопатическая эпидемія», а, слѣдовательно, малеванцы—психопаты. Разъ это заключеніе было сдѣлано, легко было уже выработать и мѣры, которыя, какъ говоритъ проф. Сикорскій, «оказались благотворными».

Посмотримъ, однако, насколько убѣдительна аргументація проф. Сикорскаго въ пользу этой «психопатической эпидеміи». «Участники движенія,— говоритъ онъ,— рѣзко измѣнили свой образъ жизни... отказываются отъ работы, ненормально веселы, говорливы, подвижны, чувствительны... у нихъ появилась страсть къ нарядамъ, къ щегольству»; даже инстинкты измѣнились: обзавелись сахаромъ, покупаютъ изюмъ, финики и другія сласти; настроеніе ихъ духа «жизнерадостное», ихъ идеи соотвѣтствуютъ этому настроенію: скоро наступитъ конецъ міра, земля останется, но все будетъ иначе; люди не будутъ ни страдать, ни умирать, ни трудиться. Они «избранники», такъ какъ первые приняли новую вѣру, «собираются массами и предаются порывамъ психическаго возбужденія»; они наслаждаются теперь отдыхомъ,—«Отецъ все устроитъ»; захочется работать, буду работать; нехочется—зачѣмъ стану себя принуждать? Если въ мое сердце Отецъ или Духъ (т.-е. Отецъ небесный, Духъ небесный) вложитъ желаніе, я исполню это желаніе»,—это обычныя слова ихъ при спросѣ о причинахъ ихъ бездѣятельности. Они галлюцинируютъ: слышатъ необыкновенные запахи (сладкіе, неземные, божественные), чувствуютъ необыкновенную легкость. У нихъ обнаруживается вялость воли: они легко плачутъ, отказываются отъ работъ (обстоятельство, только что профигурировавшее въ качествѣ доказательства «жизнерадостнаго» настроенія духа), «отъ исполненія жизненнаго долга и жизненныхъ задачъ», они неспособны «спорить, доказывать, защищать и отстаивать свое мнѣніе», такъ какъ «Отецъ или Духъ все знаетъ, все можетъ рѣшить». На своихъ собраніяхъ они подвергаются судорогамъ, говорятъ необыкновенныя слова, «безсмысленные тарабарскіе звуки». Всѣ они малокровны, исхудалы, болѣзненны. Вотъ въ краткихъ чертахъ все то, что привело проф. Сикорскаго къ убѣжденію, что онъ имѣетъ дѣло съ «психопатическою эпидеміей». Ни вся совокупность этихъ признаковъ, ни каждый изъ нихъ въ отдѣльности не даютъ, однако, никакого права сдѣлать такое заключеніе. Такъ какъ подробный, спеціальный разборъ этихъ признаковъ сдѣланъ уже мною на страницахъ *Медицинскаго Обозрѣнія* (1893 г., кн. 13), то я и не считаю возможнымъ приводить его здѣсь. Замѣчу только то, что было опущено по разнымъ соображеніямъ так

Проф. Сикорскій указываетъ на слабость воли малеванцевъ, совершенно позабывъ о томъ, что здѣсь это явленіе не имѣетъ мѣста. Отказъ отъ работы, отъ «исполненія жизненнаго долга и задачъ» не есть слѣдствіе и выраженіе слабости воли, онъ мотивируется ими довольно обстоятельно, да и самъ проф. Сикорскій прежде объяснялъ его «жизнерадостнымъ» настроеніемъ; галлюцинаціи не доказаны ничѣмъ; если я говорю, что слышу божественный запахъ, то мнѣ могутъ и вѣрить, и нѣтъ; но если я цѣлыми днями «принюхиваюсь» къ чему-то, всякій вправѣ заключить, что у меня или галлюцинація, или иллюзія. Покупки сластей не значатъ извращеніе инстинктовъ, такъ какъ если ужь быть логичнымъ, то и въ отказѣ «малеванцевъ» отъ водки придется видѣть то же извращеніе инстинкта. Судороги, которымъ приписываетъ такое важное значеніе проф. Сикорскій, совсѣмъ, какъ видно изъ описанія, не судороги, а такъ называемыя подражательныя движенія. Также мало убѣдительны и другіе, не столь важные, аргументы автора. Очевидно, впрочемъ, онъ и самъ не вполнѣ увѣренъ въ этой психопатіи, такъ какъ даетъ «малеванцамъ» различныя названія: то это люди съ «параноическимъ удвоеніемъ сознанія», то это «истерики», также какъ и «малеванщина» оказывается то «психическою эпидеміей», то «болѣзненнымъ религіознымъ движеніемъ», то «нервно-психическою эпидеміей», то «квіэтизмомъ», то «сложнымъ» уже «броженіемъ» и, наконецъ, «воплемъ» и «мольбой» объ освобожденіи отъ вина.

У такого «сложнаго» явленія должны быть и сложныя же причины. Однѣ изъ нихъ «нравственныя», другія «физическія». Къ первымъ авторъ причисляетъ штундизмъ и вѣротерпимость и двусмысленное (?) отношеніе властей къ нему; затѣмъ одностороннее направленіе грамотности, «отсутствіе руководительства народною жизнью со стороны культурныхъ классовъ общества» и присутствіе среди «народныхъ массъ субъектовъ, страдающихъ помѣшательствомъ». Въ числѣ физическихъ причинъ указаны: крымская война, отразившаяся на плодовитости и рожденіи «слабосильныхъ въ физическомъ и нервномъ отношеніи», и злоупотребленіе спиртными напитками, которое, будто бы, въ трехъ губерніяхъ юго-западнаго края приняло «опасные размѣры». Пользуясь цифрами и таблицами брошюры же г. Сикорскаго, оказывается, однако, что въ столичныхъ губерніяхъ количество ведеръ спирта на каждаго человѣка вдвое болѣе, чѣмъ въ юго-западныхъ; вліяніе крымской войны отразилось на всей Россіи, «направленіе грамотности» и «отсутствіе руководительства» одинаково имѣютъ мѣсто въ различныхъ мѣстахъ нашего отечества, «помѣшаные» среди населенія есть всюду, тѣмъ не менѣе, однако, нигдѣ «психопатической эпидеміи» не открывается. Слѣдовательно, остаются въ качествѣ «нравственной» причины штундизмъ и вѣротерпимость (вѣротерпимость, какъ причина душевнаго разстройства) и двусмысленное отношеніе властей къ нему...

Дѣло, однако, не только въ этомъ. Положимъ, что проф. Сикорскій правъ, что предъ нами, дѣйствительно, «психопатическая эпидемія» и мы имѣемъ дѣло съ людьми психически-больными; спрашивается теперь, какимъ обра-

зомъ, выходя изъ этого основного положенія, возможно находить «благотворными» и «цѣлесообразными» мѣрами мѣры «охранительнаго порядка», вродѣ помѣщенія въ монастырь тѣхъ сектантовъ, которые страдаютъ нервными и въ особенности судорожными болѣзнями», «арестъ и административная высылка тѣхъ сектантовъ, которые въ своей дѣятельности обнаруживали преступный фанатизмъ», и какъ возможно рядомъ съ этимъ заключать свой очеркъ слѣдующими словами: «Народныя массы ждутъ и жаждутъ духовнаго обновленія. Онѣ ищутъ Спасителя и... находятъ его въ помѣщанномъ Кондратіѣ Малеваномъ... «Малеванщина» есть вопль заболѣвшаго (чѣмъ?) населенія и мольба объ освобожденіи отъ вина, объ улучшеніи образованія и санитарныхъ условій». Казалось бы, что, устранивъ эти причины, мы прекратимъ и «вопль», и «мольбу». На самомъ же дѣлѣ принимаются и оказываются «цѣлесообразными» иныя мѣры. Что-то не такъ.

А. Алеленовъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Законъ о преслѣдованіи ростовщическихъ дѣйствій не распространяется на многіе виды ростовщичества.—Вѣроятное вліяніе закона на ростовщическія сдѣлки.—Перемѣны въ русскомъ таможенномъ законодательствѣ.—О вліяніи, которое будутъ имѣть эти перемѣны на русскую внѣшнюю торговлю и наше сельское хозяйство.—Квартирный налогъ.—Льготы населенію по уплатѣ продовольственнаго долга.—30-тилѣтіе *Русскихъ Вѣдомостей*. — Заявленіе коммиссіи при с.-петербургскомъ комитетѣ грамотности.

Законъ 24 мая 1893 года о преслѣдованіи ростовщическихъ дѣйствій принадлежитъ къ выдающимся законодательнымъ актамъ послѣдняго времени. Согласно съ этимъ закономъ, подлежитъ преслѣдованію ростовщичество, образующее промыселъ. Такимъ промысломъ является отдача «въ ссуду сельскимъ обывателямъ: 1) хлѣба или другихъ припасовъ, или же 2) денегъ, подъ условіемъ уплаты денежнаго долга, частью или вполнѣ, хлѣбомъ, припасами или работой,—если для совершенія сдѣлки на чрезмѣрно обременительныхъ, не соотвѣтствующихъ мѣстнымъ обычаямъ, условіяхъ онъ воспользовался крайне тягостнымъ положеніемъ заемщика». Виновный подвергается въ первый разъ аресту на срокъ не свыше 3 мѣсяцевъ, во второй и послѣдующіе разы—заключенію въ тюрьмѣ отъ одного до шести мѣсяцевъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ законъ признаетъ эту сдѣлку, какъ ростовщическую, недѣйствительною, не лишая, однако, заимодавца права на полученіе дѣйствительно данныхъ имъ хлѣба, припасовъ или денегъ. Подвергаются наказанію также виновные въ ссудѣ капитала въ чрезмѣрный ростъ или въ обезпеченіи возврата капитала чрезмѣрной неустойкой. Наказанію подлежатъ ростовщики въ томъ случаѣ, если стѣсненное положеніе заемщика, извѣстное заимодавцу, заставило перваго принять условія ссуды, крайне обременительныя или тягостныя по своимъ послѣдствіямъ. Признается виновнымъ также тотъ, кто, занимаясь ссудами, скрылъ какимъ-либо способомъ чрезмѣрность роста: включеніемъ роста въ капитальную сумму, въ видѣ платы за храненіе или неустойки. Виновные въ ростовщическихъ дѣйствіяхъ этого рода подвергаются заключенію въ тюрьмѣ на время отъ 2 мѣсяцевъ до одного года и 4 мѣсяцевъ и, сверхъ того, по усмотрѣнію суда, денежному взысканію не свыше 300 рублей. Тому же наказанію подвергаются и лица, пріобрѣвшія и предъявившія ко

взысканію обязательства, завѣдомо для нихъ ростовщическія. Ростовщическое обязательство не имѣетъ силы, но заимодавецъ не лишается права на обратное полученіе дѣйствительно даннаго капитала, за вычетомъ полученныхъ платежей. Дальнѣйшими статьями законъ 24 мая усиливаетъ отвѣтственность содержателей ссудныхъ кассъ за присвоеніе, растрату, отдачу въ пользованіе заложенныхъ предметовъ. Наибольшее значеніе имѣютъ двѣ первыя статьи новаго закона, стремящіяся охватить всѣ виды ростовщическихъ дѣйствій и опредѣляющія 12-ю процентами въ годъ высшую норму дозволеннаго роста.

Разрѣшая взимать по ссудамъ до 12 процентовъ годовыхъ, новый законъ открываетъ для кредитныхъ сдѣлокъ очень широкій просторъ. Законъ тѣмъ самымъ отказался отъ своего прежняго воззрѣнія, согласно съ которымъ считались лихвенными проценты выше 6 годовыхъ. Ограниченіе процентовъ 6-ю годовыми, какъ того держалось наше законодательство до 1879 года, не соотвѣтствовало условіямъ нашей экономической жизни: при бѣдности Россіи капиталами, 6% годовыхъ были слишкомъ низкою нормой роста, которая нерѣдко, даже въ большихъ городахъ, затрудняла полученіе ссуды. Но, отказавшись отъ старинной, слишкомъ низкой нормы законнаго процента, законъ 24 мая установилъ слишкомъ высокій maximum. Конечно, населеніе деревень только въ исключительно благопріятныхъ случаяхъ пользуется кредитомъ не дороже 12 годовыхъ; въ болѣе же обезпеченныхъ группахъ населенія 5—7% въ годъ могутъ быть признаны нормальными условіями кредита. И даже для заемщиковъ-крестьянъ, разъ они не находятся въ стѣсненномъ положеніи, есть полная возможность получить ссуду при 8—10% годовыхъ. Таково, напримѣръ, положеніе дѣлъ въ большинствѣ нѣмецкихъ колоній: 12 процентовъ въ годъ представляются заемщикамъ изъ нѣмцевъ-колонистовъ чрезмѣрнымъ ростомъ. Вотъ почему законодателю не слѣдовало бы давать санкціи такой величинѣ процента, которая должна быть признана чрезмѣрной при сколько-нибудь благопріятномъ положеніи заемщика: было бы совершенно достаточно установить высшую норму процентовъ на 10 или даже на 9 годовыхъ.

Считая полезнымъ такое измѣненіе высшей нормы процентовъ, которые не признаются лихвенными, мы находимъ въ законѣ 24 мая значительную неполноту. Первая статья говоритъ о хлѣбѣ и другихъ припасахъ (очевидно, *съѣстныхъ*) и деньгахъ, какъ предметахъ ростовщическихъ сдѣлокъ, и тѣмъ съуживаетъ область наказуемыхъ дѣяній. А, между тѣмъ, предѣлы ростовщичества, какъ промысла, гораздо болѣе широки и виды ростовщическихъ дѣйствій представляютъ такое разнообразіе, что не могутъ быть втиснуты въ тѣсныя границы, установленныя первою статьей закона. Продажа съ разсрочкою платежа лошадей, коровъ, земледѣльческихъ орудій, строительныхъ матеріаловъ часто имѣетъ всѣ признаки ростовщическаго дѣйствія. Если лошадь, стоющая 20 рублей, продается, съ разсрочкою платежа на годъ, за 40, строительный матеріалъ, стоющій при покупкѣ за наличныя деньги 25 рублей, продается за 50 при погашеніи долга въ те-

6—8 мѣсяцевъ; если обрабатываемое кустаремъ орѣховое дерево продается въ кредитъ по цѣнѣ, на 50—70% превышающей рыночную, то мы имѣемъ передъ собою и кредитную сдѣлку, и чрезмѣрный барышъ, который составляетъ неотъемлемую принадлежность ростовщическихъ оборотовъ. Сплошь и рядомъ заемщикъ, покупая на такихъ условіяхъ лошадь, корову, строительные или подѣлочные матеріалы, находится въ «крайне» тягостномъ положеніи, пользованіе которымъ законъ и вмѣняетъ въ вину ростовщику. Сошлемся на общеизвѣстный фактъ — увеличеніе числа безлошадныхъ хозяйствъ, какъ слѣдствіе двухъ неурожайныхъ годовъ; припомнимъ сообщенія изъ разныхъ мѣстностей Россіи, что крестьяне впрягались въ сохи, не имѣя лошадей или воловъ для обработки земли (нашлась газета, даже похвалившая мужиковъ, которые пахали на себѣ, за чисто-русскую находчивость), припомнимъ, что снабженіе лошадьми хозяйствъ, пострадавшихъ отъ неурожая, было поставлено въ рядъ главныхъ задачъ особаго комитета и частныхъ благотворительныхъ кружковъ — и мы поймемъ, какой благодарный матеріалъ даетъ ростовщикамъ торговля лошадьми во всѣхъ селеніяхъ, пострадавшихъ отъ неурожая, съ возросшимъ числомъ безлошадныхъ хозяйствъ. Крестьянинъ, впрягающійся въ плугъ, всегда готовъ заплатить ростовщическую цѣну за лошадь, лишь бы представился случай купить ее съ разсрочкой платежа. Столь же настоятельна потребность кустаря въ матеріалѣ, который онъ перерабатываетъ; отрѣзанный отъ рынка вслѣдствіе недостатка денежныхъ средствъ, кустарь платитъ ростовщическія цѣны за главные и вспомогательные матеріалы, которые онъ пріобрѣтаетъ отъ скупщиковъ. Наконецъ, и *торговля земельными участками* стала за послѣднія десятилѣтія одною изъ самыхъ выгодныхъ формъ ростовщичества. Желѣзныя дороги, проведенныя до окраинъ Европейской Россіи, подняли цѣну земли въ Самарской, Уфимской и Оренбургской губерніяхъ, гдѣ еще недавно продажная цѣна десятины не превышала 2—3 р. Осушеніе пинскихъ болотъ сдѣлало выгоднымъ веденіе хозяйства въ Полѣсьѣ, гдѣ еще 10—12 лѣтъ тому назадъ земля не имѣла никакой цѣнности. Сооруженіе сибирскаго рельсоваго пути доставитъ крупныя выгоды обширнымъ земельнымъ площадямъ вдоль строющейся сибирской дороги. Въ эти-то мѣста направляются земельные ростовщики для торговли земельными участками. Было бы разумно, справедливо и въ высокой степени выгодно для всей страны, еслибъ эти мѣстности, связанныя съ главными центрами государства и приспособленныя для сельскаго хозяйства, заселялись земледѣльцами и были ареной для расширенія крестьянской земельной собственности. Но, въ силу общественныхъ условій, на нашихъ глазахъ совершается иной процессъ: тысячи, десятки и сотни тысячъ десятинъ переходятъ въ однѣ руки. Пріобрѣтатели всего менѣе думаютъ о веденіи сельскаго хозяйства въ своихъ обширныхъ земельныхъ владѣніяхъ: купить десятину за 8 руб., продать за 30 или сдать въ аренду за 5 руб. на одинъ посѣвъ—вотъ цѣль этихъ пріобрѣтателей. Такимъ образомъ, на огромныхъ пространствахъ водворяется чистое, ничѣмъ не зату-

маненное земельное ростовщичество. Было бы наивно спрашивать, добровольно ли взноситъ русскій земледѣлецъ несоразмѣрно-высокую арендную или покупную цѣну за землю. Потребность въ расширеніи земельнаго надѣла такъ настоятельна, что спекуляція земельными участками всегда сводитъ лицомъ къ лицу земельнаго ростовщика и его неоплатнаго должника, покупаетъ ли послѣдній землю, или арендуетъ ее; и во всѣхъ случаяхъ послѣдній принимаетъ всѣ условія, которыя предлагаетъ первый, пользующійся стѣсненнымъ положеніемъ своего контрагента.

И такъ, законъ 24 мая редактированъ такимъ образомъ, что нельзя распространить его на большую часть ростовщическихъ дѣйствій. Но и относительно видовъ ростовщичества, которые предусматриваетъ законъ, редакція его не можетъ быть признана удачною. Законъ говоритъ о занятіи ростовщичествомъ «въ видѣ промысла». Подъ «промысломъ» разумѣютъ постоянное занятіе человѣка, служащее для него главнымъ источникомъ дохода. Сельскій ростовщикъ часто занимается выдачей денежныхъ ссудъ изъ высокихъ процентовъ или дачею въ долгъ хлѣба и другихъ предметовъ не какъ промысломъ, а между прочимъ, на ряду съ другими занятіями, дающими тонъ его хозяйству. Ростовщичество бываетъ нерѣдко дѣломъ побочнымъ на ряду съ различными видами торговли, съ сельскимъ хозяйствомъ, съ кустарнымъ промысломъ. Ростовщичествомъ, какъ прибыльнымъ дѣломъ, занимаются въ удобныхъ случаяхъ волостные писаря, землевладѣльцы различнаго происхожденія, иногда даже священники. Было бы наивно думать, что ростовщическія дѣйствія приносятъ меньшій вредъ, исходя отъ людей, занимающихся этимъ не въ видѣ промысла, нежели въ томъ случаѣ, когда въ нихъ виновенъ человѣкъ, промышляющій дачею въ ссуду денегъ и припасовъ на условіяхъ, обременительныхъ для населенія. Есть основаніе думать, что слова закона «въ видѣ промысла» помѣшаютъ признавать наказуемыми большую часть ростовщическихъ дѣйствій, ибо въ большей части случаевъ ростовщичество не составляетъ главнаго промысловаго занятія сельскихъ кулаковъ. Въ первой статьѣ закона мы находили и другую лишнюю и даже опасную прибавку: законъ признаетъ ростовщическое дѣйствіе наказуемымъ, если оно возлагаетъ на заемщиковъ такія обременительныя условія ссуды, которыя не соотвѣтствуютъ «мѣстнымъ обычаямъ». Можно было бы не возражать противъ уваженія, съ которымъ законъ относится къ обычному праву, еслибъ обычныя условія сельскаго кредита отличались мягкостью и выгодностью для заемщиковъ. Дѣйствительная жизнь говоритъ, однако, совсѣмъ иное. Земскіе статистики и другіе изслѣдователи русской деревни свидѣтельствуютъ, что 1% въ недѣлю не удивляетъ мужика, что, взявъ 1 пудъ хлѣба въ мартѣ, онъ считаетъ нормальнымъ и вовсе не чрезмѣрнымъ возвратить 1¼ пуда въ августѣ, что 24% годовыхъ считаются выгоднымъ условіемъ кредитной сдѣлки. Обнаруженное закономъ недостаточное знакомство съ обычными условіями кредита въ нашей деревнѣ повело къ такому противорѣчію: законъ разрѣшаетъ взиманіе процентовъ въ размѣрѣ не выше 12 годовыхъ

и, въ то же время, признаетъ ростовщическими ссуды, по которымъ услов
вія обременительны въ сравненіи съ «мѣстными обычаями», т.-
центы превышаютъ 30 — 40 годовыхъ. Въ первой статьѣ за
еще одинъ пунктъ, очень благопріятный для ростовщиковъ: пос
лежатъ наказанію за тѣ случаи ссуды, когда пользуются «кра
нымъ положеніемъ заемщика». Во многихъ случаяхъ не труд
что крестьянское хозяйство, уплачивающее 100% за ссуду д
припасами, находится въ крайне тягостномъ положеніи. Но быв
и рядомъ, что исправные крестьяне, въ виду экстреннаго рас
рый превышаетъ ихъ наличныя средства, имѣютъ дѣло съ ро
и отбываютъ на нихъ тяжелыя повинности. Представимъ себѣ,
янинъ средней зажиточности, чтобы не упустить случая уве
земельный надѣлъ 5-ю десятинами, обращается къ ростовщик
и платитъ ему 150%. Нѣтъ основанія признавать «крайне т
положеніе этого заемщика и нельзя считать цѣль ссуды—покуп
необходимою для поддержанія жизни. Тѣмъ не менѣе, злая в
щика обнаруживается здѣсь въ полной силѣ и заслуживаетъ
же, какъ и въ разныхъ другихъ случаяхъ. Мы увѣрены, что
закономъ ростовщическихъ дѣйствій наказуемыми лишь въ то
когда заимодавецъ «воспользовался крайне тягостнымъ положе
щика», сдѣлаетъ ростовщичество ненаказуемымъ.

Должникъ, находящійся въ стѣсненномъ положеніи, отличает
и забитостью: боязнь, что обнаруженіе предъ административно
ростовщической сдѣлки затруднитъ полученіе въ будущемъ дал
и обременительнаго кредита, будетъ удерживать этихъ людей
тія продѣлокъ ростовщиковъ. Именно тѣ заемщики, которые пр
къ болѣе зажиточному крестьянству, которые не состоятъ х
должниками ростовщиковъ, а обращаются къ нимъ только въ н
ныхъ случаяхъ, и могли бы облегчить администраціи преслѣдов
щическихъ дѣйствій: не будучи въ такой зависимости отъ кул
заемщики первой группы, менѣе робкіе и забитые, они громко
бы о такихъ кредитныхъ сдѣлкахъ, про которыя не посмѣютъ
должники, находящіеся въ стѣсненномъ положеніи.

Законъ заслуживаетъ сочувствія потому, что осуждаетъ
ство, признаетъ его въ нѣкоторыхъ случаяхъ наказуемымъ. Та
должно: если законъ караетъ мельчайшую кражу, которая, коне
жетъ разорить потерпѣвшаго, если самовольно срубленная бер
лобью толщиной, влечетъ за собою для виновнаго очень серьез
ственность, то тѣмъ болѣе заслуживаетъ осужденія со сторо
иначе говоря, наказанія ростовщикъ, разоряющій многочислен
ства и вынуждающій многихъ бѣдныхъ людей, выбитыхъ изъ
наго труда, становиться на путь нищенства, а нерѣдко и прест
вторяемъ, идея осужденія ростовщичества, лежащая въ основа
закона, заслуживаетъ сочувствія. Но эта идея выражена робк

ренно. Вмѣсто того, чтобъ осудить въ ростовщикѣ злую волю, каковы бы ни были формы ея проявленія, законъ осуждаетъ только нѣкоторые виды ростовщическихъ дѣйствій и ставитъ наказуемость ихъ въ зависимость отъ хозяйственнаго положенія должника.

Имѣя нѣкоторое нравственное значеніе, законъ 24 мая, конечно, не можетъ ослабить ростовщичество и освободить населеніе деревни отъ давленія кулаковъ. Кредитныя сдѣлки очень легко скрываются отъ глазъ даже зоркой администраціи. Стоитъ ростовщикамъ держаться такого способа оформленія сдѣлокъ, при которомъ заемщикъ выдаетъ обязательство на сумму, превышающую ссуду,—и легко будутъ спрятаны концы. Стоитъ ростовщикамъ, выговаривающимъ за выданную денежную ссуду или съѣстные припасы исполненіе должникомъ извѣстныхъ работъ, оплачивать ихъ трудъ вмѣсто 80 копѣекъ 40 копѣйками въ день и воздерживаться отъ принужденія ихъ къ безвозмездной работѣ—и опять ростовщическое дѣйствіе будетъ затуманено до невозможности отыскать въ немъ элементы, образующіе составъ преступленія по закону 24 мая. Но особенную поддержку оказываетъ ростовщикамъ положеніе закона о наказуемости ихъ въ томъ случаѣ, если они занимаются выдачею ссуды, какъ промысломъ. Вчитавшись въ эту статью закона, деревенскіе ростовщики постараются разнообразить свои промыслы: комбинируя сельское хозяйство съ торговлей, иногда съ кустарнымъ промысломъ, они всегда будутъ имѣть видъ людей, которые только мимоходомъ выдаютъ ссуды за лихвенные проценты. Мы вовсе не удивились бы, если бы не оказалось ни одного случая привлеченія къ суду за ростовщичество,—настолько кажется намъ нехитрымъ совершить эти сдѣлки въ формѣ приличной, благопристойной. Недалеко ходить и за фактами, которые подкрѣпляютъ наши предположенія. Недавно вышедшая книга Каро о ростовщичествѣ (*Caro:* «Der Wucher», 1893) содержитъ интересныя свѣдѣнія о вліяніи закона на сельскихъ ростовщиковъ въ Галиціи. Положеніе этой стороны во многомъ напоминаетъ положеніе юго-западныхъ губерній Россіи. Образованная въ 1876 году при галицкомъ сеймѣ коммиссія изслѣдовала условія сельскаго кредита. Оказалось, что правильно организованный кредитъ совершенно отсутствуетъ и что крестьяне въ лучшемъ случаѣ платятъ по ссудамъ 25—30% годовыхъ, но очень часто проценты доходятъ до 150—200 и 400 въ годъ. Уплата ссудъ работою на поляхъ и лугахъ имѣла въ Галиціи большое распространеніе. Тягостныя условія кредита были причиною обезземеленія и окончательнаго разоренія многихъ тысячъ крестьянскихъ дворовъ. Выводы коммиссіи побудили галицкій сеймъ ходатайствовать предъ правительствомъ объ изданіи для Галиціи закона противъ ростовщичества. Законъ, ограничивавшій 12-ю годовыми высшую норму процента и угрожавшій ростовщикамъ тюрьмою и значительною денежною пеней, былъ изданъ 16 іюля 1877 года. Первое время послѣ изданія закона въ нѣкоторыхъ округахъ Галиціи ростовщики какъ будто умѣрили свои требованія. Нѣкоторые ростовщики рѣшились воздерживаться отъ выдачи ссудъ даже наиболѣе к е-

дитоспособнымъ крестьянамъ. Вслѣдствіе этого массы крестьянъ пораспродали свой скотъ, хлѣбъ на корню, дабы пережить весну; были случаи обращенія крестьянъ въ судъ съ просьбою оказать имъ покровительство, дабы ростовщики не лишили ихъ поддержки» (назв. соч., стр. 205). Однако, вскорѣ ростовщичество стало свирѣпствовать съ прежнею и даже большею силой. По ссудамъ, за рискъ возможной уголовной отвѣтственности, стали взимать еще большіе проценты. Г. Каро перечисляетъ слѣдующіе способы обхода закона: 1) Должники стали писать въ заемныхъ обязательствахъ бо́льшія суммы, нежели то, что было получено въ долгъ. 2) Вошло въ обычай уступать ростовщикамъ пользованіе плодами заложеннаго имущества (земледѣльческими, молочными продуктами и проч.). 3) Проценты облекались въ форму скидки на арендной платѣ, за которую должникъ уступалъ свою землю заимодавцу. 4) Кредитная сдѣлка стала облекаться въ форму продажи должникомъ заимодавцу имущества за сумму, равную полученной ссудѣ, съ правомъ для должника выкупить имущество по болѣе высокой цѣнѣ. Если выкупъ не состоялся, то имущество оставалось за заимодавцемъ. 5) Нерѣдко, вмѣсто платежа процентовъ, должникъ разрѣшалъ заимодавцу пасти скотъ на своей землѣ. 6) Если ростовщикъ содержалъ лавку, то должникъ обязывался покупать въ ней всѣ нужные товары и платить за нихъ гораздо дороже рыночной цѣны. 7) Во всей Галиціи ростовщики устраивали тайные притоны, гдѣ принимали вещи въ закладъ безъ свидѣтелей и безъ выдачи росписокъ со взиманіемъ огромныхъ процентовъ по выданнымъ ссудамъ (назван. сочин., стр. 207—10). Авторъ перечисляетъ и другіе пріемы, которыми пользовались ростовщики, дабы уйти отъ преслѣдованія закона. Сельскій кредитъ въ Галиціи началъ приближаться къ болѣе нормальнымъ условіямъ только съ 80-хъ годовъ, когда стали возникать доступныя для небогатыхъ людей кредитныя учрежденія. Вліяніе закона 24 мая на русскихъ ростовщиковъ будетъ однородно съ вліяніемъ, которое имѣлъ въ Галиціи законъ 16 іюля 1877 года, хотя положеніе русскихъ крестьянъ не тождественно съ положеніемъ галицкихъ. Если у нашихъ западныхъ сосѣдей ростовщики скоро освоились съ новымъ положеніемъ и изобрѣли различные способы обходить законъ, то и у насъ не будутъ дремать представители этого достойнаго сословія: законъ послужитъ не для обузданія ихъ, а только для возбужденія ихъ изобрѣтательности. Ростовщичество можетъ быть ослаблено только повышеніемъ благосостоянія русской деревни. Обсуждая причины, въ силу которыхъ ссудо-сберегательныя товарищества остановились въ своемъ развитіи (*Внутреннее Обозрѣніе* 1893 г., апрѣль), мы указали на низкій уровень благосостоянія нашего крестьянства, какъ главное условіе, препятствующее развитію правильнаго кредита въ населеніи русской деревни. И теперь мы повторимъ сдѣланный нами тогда выводъ: власть ростовщика въ деревнѣ будетъ ослаблена не карами, которыми законъ грозитъ за ростовщическія дѣйствія, а только упроченіемъ хозяйственнаго быта кресть-

янъ, которое облегчитъ дѣйствіе въ ихъ средѣ какъ государственныхъ, такъ и частныхъ кредитныхъ учрежденій.

Перваго іюня высочайше утверждено мнѣніе государственнаго совѣта о введеніи въ Россіи двойного таможеннаго тарифа. На основаніи этого закона, дѣйствующій тарифъ, со всѣми могущими послѣдовать въ немъ измѣненіями, будетъ примѣняемъ къ товарамъ, составляющимъ произведенія почвы и промышленности тѣхъ странъ, которыя предоставляютъ русскимъ товарамъ наиболѣе льготныя условія ввоза и транзита; къ товарамъ же, составляющимъ произведенія почвы и промышленности тѣхъ странъ, которыя не предоставляютъ русскимъ товарамъ такихъ условій, означенный тарифъ будетъ подлежать примѣненію съ надбавкою 30, 20 и 15 процентовъ. Съ товаровъ внѣевропейскаго происхожденія (рисъ, кофе, какао, джута и др.) будетъ взиматься нынѣшняя пошлина съ надбавкою 15% при ввозѣ этихъ товаровъ изъ европейскихъ странъ второй группы. Права наиболѣе благопріятствуемыхъ странъ предоставляютъ Россіи Великобританія, Франція, Италія, Голландія, Бельгія, Турція (съ Болгаріей и Египтомъ), Швеція, Норвегія и Данія. Въ эти страны направляются товары, составляющіе по цѣнности до 67% русскаго вывоза: по среднему исчисленію за пятилѣтіе 1886—90 гг. въ эти страны было вывезено русскихъ товаровъ на сумму до 468½ милліоновъ рублей въ годъ. Германія, Австрія, Румынія, Испанія, Португалія не предоставляютъ Россіи правъ наиболѣе благопріятствуемыхъ странъ; въ эти 5 государствъ направляются товары, составляющіе, по цѣнности, 33% русскаго заграничнаго отпуска; 27% на сумму до 165 милліоновъ рублей вывозятся въ Германію. Въ длинномъ спискѣ товаровъ, подлежащихъ при ввозѣ въ Россію усиленному таможенному обложенію, мы находимъ, между прочимъ, такіе предметы: мѣдныя, стальныя, жестяныя издѣлія, проволока разныхъ родовъ, инструменты, машины и аппараты, кромѣ сельско-хозяйственныхъ, писчебумажный товаръ, бумажная, джутовая, льняная и пеньковая пряжа, веревки, канаты, джутовые и холстинные мѣшки. Эти товары подлежатъ надбавкѣ пошлины въ размѣрѣ 30%. Среди товаровъ, на которые опредѣлена надбавка пошлины въ 20%, мы находимъ: выдѣланныя и невыдѣланныя кожи, строительные матеріалы, кирпичъ, простыя гончарныя издѣлія, карболовую кислоту, скипидарное масло, желѣзо, жесть, сталь, мѣдь, желѣзные и стальные рельсы, бумажную массу, сельско-хозяйственныя машины и орудія, шерсть нечесанную и непряденую, бумажную вату и разныя другія издѣлія общаго потребленія. 5 іюня заключенъ торговый договоръ съ Франціей, по которому понижена пошлина на нѣкоторые ввозимые въ намъ французскіе товары. Пониженіе составляетъ 10—20%. Изъ товаровъ, которые Франція будетъ ввозить въ Россію, пониженіемъ пошлины на 25% будутъ пользоваться сельско-хозяйственныя машины и орудія, многіе химическіе и фармацевтическіе товары; пониженіе въ 20% дается желѣзнымъ и стальнымъ кардолентамъ; пониженіемъ въ 15% будутъ пользоваться кос[illegible],

серпы и разныя другія мелкія сельско-хозяйственныя орудія, а также инструменты для ремеслъ, художествъ, фабрикъ и заводовъ. 10%-ная уступка на пошлины дѣлается для многихъ чугунныхъ, желѣзныхъ, фаянсовыхъ издѣлій, проволочныхъ гвоздей, разныхъ мануфактурныхъ издѣлій. Мы оставляемъ безъ перечисленія тѣ получившіе скидку на таможенной пошлинѣ товары, которые не относятся къ предметамъ общаго употребленія. Четвертымъ актомъ въ сферѣ таможенныхъ мѣропріятій является распоряженіе министра финансовъ отъ 20 іюля о взиманіи пошлинъ съ надбавкою 50% съ произведеній почвы и промышленности Германіи и ея внѣевропейскихъ колоній. Результатомъ этихъ перемѣнъ въ нашемъ таможенномъ законодательствѣ является четверной таможенный тарифъ: общій, изданный 11 іюня 1891 года, со всѣми послѣдующими измѣненіями и дополненіями; *возвышенный* тарифъ, установленный для товаровъ изъ тѣхъ государствъ, которыя не предоставляютъ Россіи правъ наиболѣе благопріятствуемыхъ странъ; *максимальный* — для Германіи и *минимальный* — для Франціи.

Министерство финансовъ дало такое объясненіе мотивовъ, которые руководили нашимъ правительствомъ при возвышеніи таможеннаго тарифа: «Съ 1892 года таможенная политика на Западѣ получила новое направленіе, существенно характеризующееся широкимъ примѣненіемъ начала взаимныхъ конвенціонныхъ тарифныхъ уступокъ, распространенныхъ на значительно большее, чѣмъ прежде, число предметовъ и, между прочимъ, допущенныхъ по отношенію къ пошлинамъ съ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, составляющихъ, какъ извѣстно, главнѣйшій предметъ нашего вывоза. Введенные въ нѣкоторыхъ государствахъ новые конвенціонные тарифы съ пониженными пошлинами не были распространены на Россію, и вывозъ ея оказался впервые фактически, и, притомъ, по весьма многимъ товарамъ, поставленнымъ въ неодинаковыя условія соперничества съ однородными товарами другихъ странъ, къ существенной невыгодѣ питающихъ вывозъ отраслей нашей промышленности и въ уклоненіе отъ начала добраго взаимства въ международныхъ торговыхъ отношеніяхъ, ибо Россія продолжала попрежнему предоставлять государствамъ, поставившимъ ея вывозъ въ такое неравноправное съ другими вывозящими странами положеніе, совершенно одинаковыя съ наиболѣе ей благопріятствующими державами условія ввоза. При такомъ положеніи дѣла, дальнѣйшее удержаніе одного таможеннаго тарифа не могло уже быть допущено, и русское правительство вынуждено, самою силой вещей, установить и въ своемъ тарифномъ законодательствѣ начало неодинаковаго обложенія привозныхъ товаровъ различныхъ государствъ, смотря по отношенію этихъ государствъ къ предметамъ нашего вывоза. Мѣра эта не имѣетъ иной цѣли, какъ защиту экономическихъ интересовъ государства. Дорожа принципомъ автономнаго тарифа, правительство почти полтора года мирилось съ невыгодными для русскаго вывоза таможенными порядками за границею и медлило принятіемъ мѣры, являющейся лишь возстановленіемъ поколебленнаго, въ ущербъ нашимъ экономическимъ интересамъ, равновѣсія взаимныхъ условій

международнаго товарнаго обмѣна. Оно рѣшилось
только, когда окончательно убѣдилось въ прочномъ
Европы новаго направленія таможенной политики,
ныхъ уступкахъ въ таможенныхъ пошлинахъ, косн
шого числа товаровъ и, между прочимъ, всѣхъ главн
шего вывоза. Имѣя, кромѣ того, въ виду, что евро
интересованы транзитными и комиссіонными операці
нѣкоторыхъ внѣевропейскихъ товаровъ, сопряжен
выгодами, правительство признало справедливымъ
установить неодинаковыя условія по ввозу къ намъ,
шается ли этотъ ввозъ изъ странъ намъ наиболѣе
или же изъ странъ, этого не дѣлающихъ. Согласно
іюня настоящаго года постановлено, между прочим
нѣйшихъ, потребляемыхъ въ Россіи, внѣевропейски
при ввозѣ изъ странъ послѣдней категоріи съ надб

Какими соображеніями ни руководствовалось б
внося перемѣны въ таможенные тарифы, экономиче
перемѣнъ образуютъ цѣлый рядъ самостоятельны
этихъ фактовъ относятся до привоза въ Россію и
другіе—до отпуска русскихъ товаровъ за границу.

Затрудненія, поставленныя привозу товаровъ и
преимущественно изъ Германіи, поведутъ, прежде вс
изводители въ другихъ государствахъ и, особенно,
щіеся болѣе низкою таможенною пошлиной, расши
ные обороты, чтобы доставить русскому рынку тов
высокою таможенною податью при ввозѣ ихъ и
странъ, въ отношеніи которыхъ примѣняется русскій
Такимъ образомъ, соотвѣтственно съ уменьшеніемъ
германскихъ желѣзныхъ, стальныхъ, фаянсовыхъ,
явится увеличеніе этихъ издѣлій англійскаго, бель
производства. Такъ именно смотрятъ на дѣло и
нашъ минимальный тарифъ, германскіе промышлен
печать пришли къ заключенію, что уступки дал
тельны, какъ это казалось съ перваго бѣглаго в
комъ главныхъ статей, по которымъ произведены сн
рифа, только по 3 — 4 Франція ввозитъ къ намъ
по всѣмъ остальнымъ импортъ изъ Германіи болѣе
фабриканты и заводчики, поэтому, опасаются, чтобы
ницѣ въ обложеніи германскаго ввоза, съ одной ст
и англійскаго — съ другой, нѣмецкая промышленно
нашего рынка» (см. *Русскія Вѣдомости*, № 195,
лина). Насколько оправдаются опасенія германскихъ
тельно вытѣсненія съ русскаго рынка нѣмецкихъ т
англійскими, бельгійскими, наше народное хозяйств

вліяніе этихъ перемѣнъ обнаружится въ промышленности только иноземныхъ народовъ. Но можно ожидать и другого послѣдствія. Такъ какъ ввозъ нѣкоторыхъ товаровъ изъ Германіи (шерсть, химическіе продукты, кожи, шелкъ, разныя металлическія издѣлія) весьма значителенъ и пробѣлъ, оставленный на нашемъ рынкѣ сокращеніемъ привоза этихъ товаровъ нѣмецкаго производства, не сразу будетъ пополненъ усиленною доставкой ихъ изъ Англіи, Франціи, Бельгіи, то русскіе производители этихъ товаровъ получатъ толчокъ для расширенія своихъ оборотовъ: на нѣкоторое время именно въ этихъ отрасляхъ промышленности усилится производительность нашихъ фабрикъ и заводовъ. Однако, расширеніе производительности не будетъ продолжительно: богатый запасъ техническихъ средствъ, которыми располагаютъ западно-европейскія страны, позволитъ въ $2^1/_2$—2 года народамъ, поставленнымъ нашимъ таможеннымъ тарифомъ въ болѣе благопріятныя условія, привезти намъ все то, чего не довезетъ Германія. Произведенный на русскомъ рынкѣ избытокъ этихъ товаровъ (вслѣдствіе усиленной работы нашихъ фабрикъ и заводовъ), понизивъ цѣны, уменьшитъ барыши многихъ русскихъ предпринимателей и вызоветъ громкія жалобы на невыгодность производства и требованія новыхъ мѣръ по охранѣ русской промышленности. Можетъ быть, правительство останется равнодушно къ этимъ сѣтованіямъ; но возможно, что снова будутъ сдѣланы надбавки къ таможеннымъ пошлинамъ. Какъ бы то ни было, перемѣны въ нашемъ таможенномъ тарифѣ будутъ причиною искусственнаго, а потому и непрочнаго расширенія нѣкоторыхъ отраслей русской промышленности. Промышленность можетъ развиваться ровно и планомѣрно только при возможности точно предусмотрѣть цѣны сырья, вспомогательныхъ матеріаловъ и готовыхъ издѣлій. Какъ скоро таможенныя пошлины подвергаются частымъ и рѣзкимъ измѣненіямъ, народная предпріимчивость ставится на очень зыбкую почву. Подводя итоги всѣмъ нашимъ соображеніямъ о вліяніи, которое будетъ оказано нашимъ четвернымъ таможеннымъ тарифомъ на ввозъ въ Россію иностранныхъ товаровъ, мы можемъ сказать, что это вліяніе не будетъ имѣть слишкомъ большихъ размѣровъ.

Иначе нужно повести рѣчь о нашемъ отпускѣ. Изложеніе министерствомъ финансовъ мотивовъ, которые руководили нашимъ правительствомъ при установленіи максимальнаго тарифа, показываетъ, что это—боевой тарифъ, что онъ является отвѣтомъ Германіи за усиленное обложеніе нашихъ хлѣбовъ сравнительно съ хлѣбомъ и многими другими продуктами, ввозимыми въ Германію изъ Австро-Венгріи, Румыніи и Соединенныхъ Штатовъ. Въ Россіи нѣкоторые органы печати рукоплещутъ боевымъ пошлинамъ противъ Германіи. Эта радость питается убѣжденіемъ, что Германія слабѣе насъ, что она не можетъ обойтись безъ нашего хлѣба, что она не дерзнетъ еще болѣе возвысить пошлины на русскій хлѣбъ и что затрудненіе привоза нѣмецкихъ товаровъ на нашъ рынокъ очень скоро заставитъ Германію сдаться, «просить пардону» и облегчить нашему хлѣбу доступъ на германскій рынокъ. Цифры нашей внѣшней торговли, по-

видимому, оправдываютъ такое мнѣніе: среди русскихъ товаровъ, ввозимыхъ въ Германію, первое мѣсто принадлежитъ такимъ важнымъ статьямъ, какъ рожь, пшеница, лѣсные матеріалы, пенька, ленъ, щетина, лошади. Откуда удовлетворятъ нѣмцы потребность въ этихъ предметахъ, если не будутъ получать ихъ изъ Россіи? По этому поводу намъ приходитъ на память сочиненная передъ крымскою войной ultra-патріотическая пѣсенка, въ которой изъ факта покупки Западною Европой русскаго хлѣба дѣлался выводъ о зависимости Европы отъ насъ и о невозможности пораженія нашихъ войскъ арміей союзниковъ. Мы вовсе не считаемъ доказанною зависимость Германіи отъ ввоза русскаго хлѣба. Въ нынѣшній годъ, неурожайный для Германіи и мало урожайный для Соединенныхъ Штатовъ, положеніе Россіи благопріятно и у нѣмцевъ можетъ обнаружиться настоятельная нужда въ русскомъ хлѣбѣ. Но не того нужно ожидать въ средній годъ для Запада и Америки даже при урожаѣ въ Россіи выше средняго. Изумительная энергія, которую всегда и во всемъ обнаруживаютъ американцы, побудитъ ихъ усилить хлѣбное производство, чтобы занять господствующее положеніе на германскомъ рынкѣ. Помимо соперничества Ость-Индіи, Австраліи и южно-американскихъ государствъ, не слѣдуетъ забывать о благопріятныхъ условіяхъ, которыми обставленъ ввозъ въ Германію австро-венгерскаго хлѣба. Австро-Венгрія имѣетъ много данныхъ для успѣшнаго развитія сельскаго хозяйства. Припомнимъ, что земли венгерской короны имѣютъ населеніе менѣе 3,000 душъ на квадр. милю. Обратимъ вниманіе на главные предметы австро-венгерской вывозной торговли. За 1891 годъ цѣнность отпуска составляла 787½ милліоновъ флориновъ. Въ общей массѣ цѣнность вывезеннаго хлѣба, лѣса, скота, сахара, льна, шерсти, яицъ и перьевъ составляетъ 322 милліона, т.-е. сырье занимаетъ очень видное мѣсто. Выгоды, доставленныя Австро-Венгріи торговымъ договоромъ съ Германіей, дадутъ толчокъ усиленному занятію въ этой странѣ сельскимъ хозяйствамъ, и австро-венгерское сырье займетъ на германскомъ рынкѣ часть русскаго сырья. Очень опаснымъ соперникомъ Россіи можетъ явиться также Румынія съ ея рѣдкимъ населеніемъ и обширными пространствами пустующихъ плодородныхъ земель. Немудрено, поэтому, если Россія потеряетъ значительную, быть можетъ, большую часть германскаго рынка.

Наши шовинисты часто говорятъ о легкости отыскать новые рынки для русскихъ продуктовъ. Дѣйствительность даетъ, однако, очень слабыя точки опоры для этихъ надеждъ. Въ настоящее время на міровомъ рынкѣ происходитъ борьба не только между народами съ развитою промышленностью: въ этой борьбѣ принимаютъ участіе даже такія, сравнительно самo культурныя страны, какъ Ость-Индія, Египетъ, Бразилія, Аргентина. Едва на міровомъ рынкѣ освободилось мѣстечко, какъ производители разныхъ національностей набрасываются на него и ревниво оберегаютъ его отъ захвата со стороны соперниковъ. Недавно напечатана брошюра г. Сапова, командированнаго министерствомъ государственныхъ имуществъ въ Египетъ для изученія условій сбыта въ этой странѣ русскихъ това[illegible]въ.

Египетъ ввозитъ много лѣса. Хотя Россія имѣетъ удобные пути для передвиженія лѣсныхъ матеріаловъ изъ богатыхъ лѣсомъ бѣлорусскихъ губерній къ южнымъ портамъ, однако, австрійскіе лѣсные товары господствуютъ на египетскомъ рынкѣ и русскіе не могутъ побѣдить этого соперника. А, вѣдь, всѣмъ извѣстна сравнительно высокая цѣнность лѣсныхъ матеріаловъ въ Австріи. Нѣтъ, мы убѣждены, что весьма возможная потеря значительной части германскаго рынка очень не скоро можетъ быть возмѣщена пріобрѣтеніемъ за предѣлами Россіи новыхъ покупателей для нашихъ товаровъ.

Какая же бѣда отъ того, что изъ 165 милліоновъ рублей—цѣнности нашего отпуска въ Германію—мы продадимъ за границею товаровъ только половину? Развѣ мы продаемъ излишки, остающіеся за удовлетвореніемъ всѣхъ потребностей внутри страны? Развѣ въ Россіи не найдется покупателей на тотъ хлѣбъ, скотъ, ленъ, лѣсные матеріалы, которые останутся не вывезенными за границу? Конечно, увеличеніе покупательной силы туземнаго населенія составляетъ главную цѣль хозяйственной политики. Крупныя юридико-экономическія преобразованія привели бы Россію къ этой цѣли. Но теперь мы стоимъ отъ нея очень и очень далеко и уменьшеніе отпуска нашихъ продуктовъ за границу понизило бы цѣну ихъ на внутреннемъ рынкѣ. Крупные и средніе хозяева могли бы перенести уменьшеніе доходовъ, а мелкіе, продающіе хлѣбъ, ленъ, пеньку, яйца, выручая за нихъ меньше, нежели въ настоящее время, и расходуя столько же, какъ теперь, на покупку орудій и домашней утвари, на государственные и общественные сборы, были бы поставлены въ еще болѣе стѣсненное положеніе; снова явилось бы налицо условіе накопленія недоимокъ. Закончимъ пожеланіемъ, чтобы максимальный тарифъ существовалъ недолго и чтобы торговый договоръ съ Германіей сохранилъ и даже расширилъ для нашихъ товаровъ германскій рынокъ.

---

14 мая настоящаго года утверждено положеніе о государственномъ квартирномъ налогѣ. Предметомъ налога служатъ помѣщенія для жилья въ городахъ и поселеніяхъ, поименованныхъ въ особомъ росписаніи. Для взиманія налога, города и поселенія распредѣлены на классы, а въ каждомъ классѣ квартиры распредѣлены на разряды по ихъ наемной цѣнѣ. Всѣ города и поселенія раздѣлены на 5 классовъ: къ 1-му отнесены только обѣ столицы, ко 2-му—8 значительнѣйшихъ губернскихъ городовъ: Варшава, Вильна, Казань, Кіевъ, Кишиневъ, Рига, Саратовъ и Харьковъ, а также Одесса и Ростовъ-на-Дону. Въ 3-й классъ помѣщены 67 городовъ, почти всѣ губернскіе, а также наиболѣе значительные изъ уѣздныхъ: Бердичевъ, Елецъ, Елисаветградъ, Рыбинскъ, Царицынъ и нѣкоторые другіе. Въ 4 классѣ мы находимъ 141 городъ, въ томъ числѣ 9 губернскихъ: Вятку, Кѣльцы, Ломжу, Новгородъ, Петразаводскъ, Петроковъ, Радомъ, Сувалки и Сѣдлецъ. Къ пятому классу отнесены всѣ остальные города и населенія.

Привлекая къ платежу квартирнаго налога какъ русскихъ подданныхъ, такъ и иностранцевъ, законъ установляетъ слѣдующія изъятія. Освобождается отъ налога: духовенство христіанскихъ исповѣданій; 2) иностранные дипломатическіе представители и другія лица, входящія въ составъ посольствъ и миссій; 3) консулы, состоящіе подданными того государства, отъ котораго они назначены, если въ немъ подобная льгота предоставлена русскимъ консуламъ. Государственный квартирный налогъ не исчисляется: 1) съ помѣщеній, занятыхъ правительственными, общественными и сословными учрежденіями, учеными и учебными заведеніями, больницами, лѣчебницами и проч.; съ нижеслѣдующихъ жилыхъ помѣщеній: съ дворцовъ и иныхъ зданій, занимаемыхъ членами Императорскаго Дома, съ архіерейскихъ домовъ, пріютовъ и иныхъ благотворительныхъ заведеній, съ жилищъ рабочихъ при фабрикахъ, заводахъ и другихъ промышленныхъ заведеніяхъ, съ постоялыхъ дворовъ и ночлежныхъ домовъ, а также со всѣхъ квартиръ, наемная цѣна которыхъ ниже размѣра, установленнаго для взиманія оклада налога перваго разряда въ городахъ и поселеніяхъ всѣхъ классовъ. Для взиманія налога квартиры въ мѣстностяхъ каждаго класса раздѣлены на разряды и для каждаго разряда установленъ окладъ налога. Въ обѣихъ столицахъ квартиры раздѣлены на 35 разрядовъ: къ первому отнесены квартиры съ наемною платой отъ 300 до 360 рублей и съ 5 рублевымъ окладомъ налога, составляющимъ 1⅔% для низшей квартирной платы въ этомъ разрядѣ. Съ переходомъ къ дальнѣйшимъ разрядамъ окладъ прогрессивно повышается: квартиры 5 разряда съ годовою наемною платой въ 720—840 рублей обложены окладомъ въ 18 рублей, составляющимъ 2½% съ низшей платы въ этомъ разрядѣ; къ 10 разряду отнесены квартиры съ платою въ 1,320—1,440 рублей и окладомъ въ 45 рублей, составляющимъ до 3½% съ низшей платы разряда; въ 25 разрядъ отчислены квартиры съ платою 400—469 рублей, относительно которой окладъ налога въ 264 рубля составляетъ нѣсколько болѣе 6%. Къ послѣднему, 35 разряду, отнесены квартиры съ годовою наемною платой выше 6,000 рублей и съ окладомъ налога въ 10% съ цѣны квартиры. 10% и являются въ мѣстностяхъ всѣхъ 5 классовъ высшимъ предѣломъ обложенія. Въ городахъ 2 класса квартиры разбиты на 36 разрядовъ съ наемною платою отъ 225 до 4,500 рублей; въ мѣстностяхъ 3 класса мы находимъ 27 разрядовъ съ платою отъ 150 до 3,000 рублей; въ 4 классѣ 29 разрядовъ съ платою отъ 120 до 2,400 рублей и, наконецъ, въ мѣстностяхъ 5 класса—19 разрядовъ съ наемною цѣной отъ 60 до 1,200 рублей. Если жилое помѣщеніе занято самимъ домовладѣльцемъ или уступлено имъ въ безплатное пользованіе другому лицу, то наемная цѣна опредѣляется по соображенію съ годовою наемною платой, которая получалась раньше за эту квартиру. Если нельзя примѣнить этотъ способъ оцѣнки, то цѣна помѣщенія опредѣляется по разсчету чистаго дохода въ 4% съ цѣнности строенія. Наемная плата безплатныхъ казенныхъ квартиръ, отводимыхъ чиновникамъ, признается равною годовому окладу кварти-

тирныхъ денегъ, присвоенному должности, которую занимаетъ это лицо. Завѣдуетъ налогомъ казенная палата съ образуемымъ при ней губернскимъ или областнымъ по квартирному налогу присутствіемъ. Въ составъ послѣдняго, кромѣ общаго присутствія казенной палаты, входятъ городской голова губернскаго города и 2 лица, избираемыя на 3 года городскою думой или магистратомъ губернскаго города. При разсмотрѣніи въ присутствіяхъ дѣлъ, относящихся до уѣздныхъ городовъ или поселеній, въ засѣданіяхъ участвуютъ, на правахъ членовъ, городскіе головы этихъ поселеній. Опредѣленіемъ окладовъ налога съ плательщиковъ завѣдуютъ городскія по квартирному налогу присутствія изъ мѣстныхъ квартиро-хозяевъ, приглашаемыхъ на 1 годъ въ числѣ отъ 4 до 6; предсѣдательство въ этихъ присутствіяхъ принадлежитъ податному инспектору. Члены городскихъ присутствій избираются думами, а тамъ, гдѣ не введено городовое положеніе, назначаются губернаторомъ по соглашенію съ управляющимъ казенною палатой. Матеріаломъ для исчисленія окладовъ налога служатъ свѣдѣнія, которыя каждый домовладѣлецъ или лицо, заступающее его мѣсто, вноситъ въ городское по квартирному налогу присутствіе о жильцахъ, наемной платѣ за квартиры и прочее. Налогъ вносится въ мѣстное казначейство въ одинъ срокъ—15 апрѣля, а съ лицъ, состоящихъ на государственной или общественной службѣ, вычитается изъ жалованья въ два срока — 1 мая и 1 сентября. Налогъ, не внесенный въ теченіе 10 дней послѣ установленнаго срока, считается недоимкою, на сумму которой исчисляется пеня по $^1/_2\%$ за каждые 15 дней.

Таковъ въ главныхъ чертахъ государственный квартирный налогъ. Даже при бѣгломъ просмотрѣ его бросаются въ глаза его недостатки. Прежде всего, дѣленіе городовъ и поселеній на классы и образованіе разрядовъ внутри каждаго класса. Въ основаніи этой группировки лежитъ одно начало: установить такую классификацію годовыхъ квартирныхъ платъ, чтобы одинъ и тотъ же окладъ падалъ на квартиры примѣрно равнаго достоинства. Руководствуясь такимъ побужденіемъ, сводятъ въ одинъ классъ города и поселенія приблизительно съ равными наемными цѣнами жилыхъ помѣщеній. Установляя разряды квартиръ и оклады, имѣютъ въ виду тотъ фактъ, что въ менѣе значительныхъ городахъ и поселеніяхъ извѣстная наемная плата, по справедливости, выноситъ гораздо болѣе высокій окладъ, нежели такая же наемная плата въ самыхъ большихъ городахъ. Это начало и приведено въ росписаніе мѣстностей и разрядовъ крайне неудовлетворительно. Къ первому классу, кромѣ Москвы и Петербурга, слѣдовало отнести Одессу и Варшаву, можетъ быть, даже Ригу. Третій классъ вызываетъ противъ себя много возраженій: на ряду съ такими торговыми и быстро ростущими городами, какъ Екатеринославъ, Орелъ, Самара, Херсонъ, мы находимъ захолустные пункты, вродѣ Архангельска, Владиміра губернскаго, Пскова. Рядомъ съ крупнѣйшими и дѣйствительно оживленными уѣздными городами—Екатеринбургъ, Елисаветградъ, Либава, Лодзь, Таганрогъ, Царское Село, мы находимъ Черниговъ и Вологду, города, которые

имѣютъ почти исключительно административное значеніе. Въ четвертый классъ отнесены такіе населенные и, сравнительно, богатые города, какъ Вязьма, Гомель, Глуховъ, Ирбитъ, Стародубъ, и такія ничтожныя поселенія, какъ Жиздра, Юрьевецъ, Угличъ. При распредѣленіи городовъ и поселеній на классы руководствовались числомъ жителей. Отмѣтимъ здѣсь же, что въ Россіи этотъ признакъ часто можетъ быть болѣе ошибоченъ, нежели во многихъ другихъ государствахъ. На Западѣ городская жизнь развивалась естественно: всего быстрѣе выростали тѣ центры, которые имѣли благопріятныя условія для развитія торговли и промышленности: если, поэтому, въ Германіи или Франціи мы возьмемъ нѣсколько городовъ, каждый съ населеніемъ въ 100,000 душъ, то можемъ съ достаточнымъ основаніемъ предположить, что эти города пользуются въ равной мѣрѣ благосостояніемъ. Иначе развивались городскіе центры въ Россіи: одни изъ нихъ выросли естественно, вслѣдствіе выгоднаго мѣстоположенія; другіе же созданы чисто-искусственно и имѣютъ нѣкоторое значеніе только какъ центры управленія. Таковы многіе изъ нашихъ губернскихъ и большая часть уѣздныхъ городовъ. Часто, поэтому, мы впадемъ въ ошибку, если, сопоставляя два русскихъ города, изъ одинаковаго числа ихъ жителей заключимъ о равной степени ихъ зажиточности. По нашему убѣжденію, почти всегда правильно будетъ такое заключеніе: если по 25,000 жителей имѣютъ губернскій городъ, уѣздный и посадъ, то богаче всѣхъ послѣдній, менѣе богатъ второй и бѣднѣе всѣхъ третій. И такъ заключаемъ мы по тому, что посады, предоставленные своему естественному развитію, достигли значительнаго процвѣтанія не вслѣдствіе искусственной административной поддержки. Въ губернскомъ же городѣ сосредоточивается довольно большое населеніе уже потому, что вокругъ органовъ управленія группируется много людей, занимающихся оказаніемъ личныхъ услугъ, въ губернскія больницы стекается довольно большое число больныхъ, ютятся мелкіе торговцы, живутъ пенсіонеры и проч.,—все это людъ, который можетъ дать городу довольно большое число жителей, но не въ состояніи обезпечить ему быстрое и успѣшное хозяйственное развитіе. Если мы сравнимъ Елисаветградъ, Кременчугъ, Житоміръ и Пензу, имѣющіе, приблизительно, одинаковое число жителей, то первые два окажутся болѣе богатыми, нежели послѣдніе. Слѣдовало имѣть въ виду этотъ фактъ при раздѣленіи городовъ на классы. Мы находимъ неудачною и классификацію разрядовъ; она построена выгодно для плательщиковъ квартирнаго налога въ малыхъ городахъ. Занимающій въ Москвѣ или Петербургѣ квартиру 4 разряда (600—720 рублей въ годъ) обложенъ окладомъ въ 14 рублей, а нанимающій квартиру 10 разряда въ городѣ 5 класса, гдѣ-нибудь въ Суражѣ или Царевококшайскѣ, платитъ 11 рублей въ годъ. А, между тѣмъ, наемная цѣна этихъ квартиръ въ маленькомъ городѣ (300—400 рублей) доставляетъ нанимателю такое жилище, за которое платятъ въ столицѣ не менѣе 1,000 рублей. Налогъ распредѣлялся бы между плательщиками въ разныхъ мѣстностяхъ болѣе равномѣрно, еслибъ оклады были понижены для квартиръ

въ болѣе крупныхъ центрахъ. Мы не можемъ отнестись сочувственно и къ 12 ст. закона, которая облагаетъ лицъ, занимающихъ казенныя квартиры по суммѣ квартирныхъ денегъ, входящихъ въ составъ ихъ жалованья. Такое вычисленіе приводитъ къ слѣдующимъ несообразностямъ. Ректоръ Московскаго университета, квартира котораго, при вольномъ наймѣ, стоитъ не меньше 2,000 рублей въ годъ, будетъ платить 5 рублей квартирнаго налога, ибо въ жалованьѣ ректора квартирныя деньги составляютъ 300 рублей; писецъ въ университетской канцеляріи, имѣя 3—4 дѣтей, будетъ нанимать квартиру гдѣ-нибудь въ Малой Грузинской не меньше, какъ за 300 рублей, и также будетъ платить 5 рублей въ годъ. Казенныя квартиры доставляютъ чиновнику такъ много разнообразныхъ удобствъ (чего стоитъ, наприм., одна возможность долго жить на одной квартирѣ и не заботиться о покупкѣ и сбереженіи дровъ), что было бы справедливо облагать занимающихъ эти квартиры по дѣйсвительной наемной цѣнѣ помѣщенія. Скажемъ въ заключеніе, что этотъ налогъ представляется однимъ изъ худшихъ видовъ податей на потребленіе. Въ маѣ *Вѣстникъ Финансовъ* посвятилъ квартирному налогу рядъ статей, излагающихъ организацію этого налога въ Западной Европѣ и старающихся доказать, что наемная цѣна квартиры служитъ очень надежнымъ мѣриломъ доходовъ плательщика. Но всѣ старанія автора этихъ статей не могутъ опровергнуть факта, основаннаго на обширныхъ наблюденіяхъ и точныхъ выкладкахъ,— что семьи съ малыми доходами затрачиваютъ на жилище гораздо бо́льшую часть доходовъ, нежели богатыя семьи. Семья, имѣющая 2,000 рублей ежегоднаго дохода, вынуждена затрачивать въ Москвѣ или Петербургѣ не меньше 400 рублей на квартиру, т.-е. 20%. А семья, имѣющая 100,000 рублей дохода, нанимая квартиру въ 5,000 рублей и давая такимъ образомъ широкій просторъ своему влеченію къ роскоши, затрачиваетъ на эту потребность только 5% дохода. И прогрессивное начало, умѣренно проведенное въ этомъ налогѣ, не сглаживаетъ неравномѣрности бремени, которое онъ возлагаетъ на плательщиковъ: окладъ прогрессивно возвышается съ нанимателей мелкихъ и среднихъ квартиръ, но достигнувъ 10% съ наемной платы помѣщеній, стоющихъ 6,000 рублей въ годъ въ столицахъ, останавливается. Конечно, квартиры, стоющія 6,000 рублей въ годъ, нанимаютъ только очень богатые люди, съ доходомъ не меньше 50—60,000. Но съ этой цифры даже не начинаются крупныя состоянія. Здѣсь даже не начинается та сказочная роскошь, которою могутъ окружить себя люди, умѣло и счастливо воспользовавшись «свободой труда и правомъ частной со́ственности на землю и капиталъ». Отъ 50-ти тысячнаго дохода въ годъ е[illegible] очень далеко до того тріумфальнаго прохожденія жизни, которымъ тѣ[illegible]ть себя владѣльцы огромныхъ земельныхъ площадей, первоклассные банки[illegible]ы, фабриканты, желѣзнодорожники, живущіе во дворцахъ, съ годовой на[illegible]мной цѣной во много десятковъ тысячъ. Здѣсь истинное царство роско[illegible]; здѣсь богатые музеи вещей, вовсе ненужныхъ для жизни. И квартир[illegible]й налогъ, доведенный для этихъ жилыхъ помѣщеній до 30, 40, 50% съ

наемной платы, былъ бы истиннымъ налогомъ на роскошь и потому уже получилъ бы серьезное общественное значеніе.

Высочайшій указъ 20 іюня текущаго года облегчаетъ населенію тягость долга правительству за выданныя продовольстве но съ этимъ указомъ, всѣ выданныя населенію хлѣбо ются на два разряда, съ отнесеніемъ къ первому раз ныхъ рожью, пшеницею, озимою и яровою, суржею и и ко второму разряду ссудъ, выданныхъ ячменемъ, гречихою и проч. Взысканіе упомянутыхъ ссудъ произ товительнымъ цѣнамъ на хлѣбъ, а примѣнительною слѣднее десятилѣтіе цѣнамъ на рожь, а за хлѣбъ по ряда—по цѣнамъ на овесъ. Деньги за выданные въ мясо взыскиваются соотвѣтственно заготовительной ст дуктовъ, а ссуды, выданныя деньгами, взыскиваются по распространяется на 21 губернію и примѣнена къ пр сѣменнымъ ссудамъ, выданнымъ по случаю неурожаев теря, понесенная общимъ предовольственнымъ капитало довольственными средствами, вслѣдствіе взысканія в болѣе низкимъ цѣнамъ, возмѣстится изъ суммъ, взыска ссудъ, выданныхъ собственно изъ казны. Министры финансовъ, въ исполненіе этого Высочайшаго указа, цѣнъ для взысканія ссудъ: цѣны опредѣлены для ржи въ Сибирской, Тобольской и Уфимской губерніяхъ и ческой и для овса отъ 45 к. въ Тобольской и до 75

Эта льгота облегчаетъ населенію уплату продоволь ного долга, образовавшагося въ теченіе двухъ послѣд годовъ. Вмѣсто того, чтобы возвращать ссуду по 1 р коп. за пудъ,—цѣна заготовки хлѣба для мѣстностей, неурожая,—населеніе будетъ уплачивать только по 60 ваютъ, что сумма, подлежащая сложенію въ силу этог 70 милл. рублей и составляетъ болѣе половины всѣхъ ванныхъ казною на подкрѣпленіе имперскаго продоволь

Даруя эту льготу, правительство руководствовалось народъ обѣднѣлъ и что самыя суровыя мѣры взыскані довольственнымъ ссудамъ, равно какъ по государстве податямъ, не могутъ привести къ полученію этихъ п Мы не присоединяемся къ тѣмъ довольно многочисленн печати, которая придается ликованію по поводу дѣйс урожая нынѣшняго года и развязно говоритъ, что н становитъ русское народное хозяйство. Мы совѣтуемъ танные въ іюньской книгѣ *Русской Мысли* «Очер жизни», припомнить образцы хлѣба, послужившіе пред таціи д-ра Стефановскаго, заглянуть въ весьма пов

г. Моресса «о потребленіи пищи въ Россіи и за границей» (выводы построены на данныхъ 1870—90 гг., когда послѣдніе неурожайные годы еще не расшатали въ конецъ нашего хозяйственнаго быта) *). Кто бѣгло просмотритъ эти матеріалы, тотъ скажетъ, что народъ, который потребляетъ только 78% того, что признается нормальнымъ питаніемъ людей, не можетъ быть поставленъ на ноги однимъ, двумя-тремя хорошими урожаями или нѣкоторыми частичными мѣрами финансоваго управленія: нуженъ цѣлый рядъ крупныхъ юридико-экономическихъ преобразованій, дабы хотя немного приблизить нашъ общественный бытъ къ тому уровню, котораго достигла Западная Европа.

---

3 сентября исполнится тридцать лѣтъ существованія газеты *Русскія Вѣдомости*. Этотъ періодъ времени былъ бы значителенъ и для западноевропейскаго изданія, а у насъ, къ сожалѣнію, очень немногіе серьезные журналы и газеты переживаютъ такой срокъ. Тридцать лѣтъ непрерывнаго и честнаго труда среди разнообразнѣйшихъ препятствій, тридцать лѣтъ вдумчивой разработки всѣхъ важнѣйшихъ вопросовъ русской жизни, это—большая заслуга, котбрая будетъ отмѣчена въ исторіи нашей общественности. Спокойно и неуклонно проводили *Русскія Вѣдомости* въ русское общественное сознаніе все то, что достигнуто усиліями лучшихъ людей Запада, и, въ то же время, съ горячимъ сочувствіемъ относились ко всякому русскому успѣху и ко всякой русской бѣдѣ. Желаемъ *Русскимъ Вѣдомостямъ* на долгіе годы сохранить то почетное и вліятельное положеніе, которое онѣ пріобрѣли, объединивши у себя лучшія ученыя и литературныя силы.

Мы получили слѣдующее заявленіе:

М. г., господинъ редакторъ!

Въ общемъ собраніи с.-петербургскаго комитета грамотности 18 мая сего года избрана коммиссія въ составѣ нижеподписавшихся для сбора пожертвованій на сооруженіе въ деревнѣ Батищево, Смоленской губ., гдѣ протекла значительная часть жизни и плодотворной дѣятельности Александра Николаевича Энгельгардта, образцовой народной школы его имени. Общественное значеніе покойнаго Александра Николаевича далеко не исчерпывается узкою сферой его спеціальности, которой преимущественно были посвящены послѣдніе годы его жизни: онъ вообще оставилъ глубокій слѣдъ въ умственной жизни русскаго общества. Сооруженіе общеобразовательной школы его имени на средства, почерпнутыя изъ среды самого же общества, нужно надѣяться, встрѣтитъ широкое сочувствіе, какъ наилучшій способъ увѣковѣчить память покойнаго.

Желая дать возможность многочисленнымъ почитателямъ покойнаго А. Н.

---

*) Статья г. Мореса будетъ напечатана въ нашемъ журналѣ.

откликнуться на призывъ с.-петербургскаго комитета грамотности, комиссія имѣетъ честь объявить, что пожертвованія могутъ быть доставляемы лично и по почтѣ на имя предсѣдателя комиссіи, Николая Платоновича Карабчевскаго (Петербургъ, Захарьевская, 13).

О поступившихъ пожертвованіяхъ будетъ своевременно данъ подробный отчетъ на страницахъ періодическихъ изданій.

Предсѣдатель комиссіи *Н. Карабчевскій.*
Члены комиссіи: *М. Никонова.*
А. Никоновъ.
В. Федченко.

Автобіографія Л. Ранке.

Полное собраніе сочиненій Леопольда Ранке завершилось емъ его личныхъ воспоминаній и обширной переписки съ ро ми, учениками и коронованными покровителями *). Таково самого ученаго. Онъ и къ себѣ отнесся, какъ историкъ: в писавшіяся имъ на протяженіи почти 67 лѣтъ, собралъ св Ранке съ половины XVII вѣка, возстановилъ по памяти юность и все это продиктовалъ. Такимъ образомъ получилас топись его личной жизни; но эта единичная жизнь тянетс все послѣднее столѣтіе и переплетается съ грандіозными со шей исторіи. Въ юности изъ окна школы Ранке видѣлъ в она I, стягивавшіяся къ Лютцену, и, казалось, могъ разли ператора среди его свиты; подъ старость онъ находилъ у визитную карточку князя Бисмарка съ нѣсколькими сочув ками по поводу своей *Всемірной исторіи*. Въ глазахъ І человѣка олицетворяли враждебныя историческія начала, ственны по духу. «Бисмаркъ—натура властная, быть мож времени Наполеона человѣкъ, призванный ко власти самы томъ, характеромъ и честолюбіемъ». Въ теченіе всего до Наполеона до Бисмарка нѣмецкій историкъ никогда не чу дей, ни жизни. Онъ бывалъ близокъ и съ австрійскими го людьми эпохи Меттерниха, и съ консервативными королями варіи, и съ тѣми новыми историками, которые, какъ Тьеръ торжеству либеральныхъ идей во Франціи. Живое знаніе н ке считалъ даже неизбѣжнымъ для пониманія прошедшаго дый тщеславія по природѣ, онъ однако не жалѣетъ времени взглянуть на балъ Наполеона III въ Версалѣ или торжест англійскаго двора. Иногда Ранке рѣшался даже выйти и койнаго наблюдателя и непосредственно внести свою леп дня. Такой характеръ приняла, напримѣръ, его дружба съ

*) L. v. Ranke's Sämmtliche Werke. B. 53, 54. Zur eigenen Herausgeg. von Alfred Dove. 1890.

П Баварскимъ. Отъ охоты за сернами и лекцій по всемі
впослѣдствіи перешли къ дипломатіи; Ранке попытался вс
короля въ кругъ прусскихъ интересовъ, и только ранняя
ліана помѣшала, можетъ быть, довести это дѣло до конц
попытки лично воздѣйствовать на жизнь бывали у Ран
ными уклоненіями отъ главнаго, чисто-теоретическаго н
словамъ Тьера, на дѣйствительность онъ смотрѣлъ уже
(«que je vois les choses présentes en historien»); а такому
мѣста среди «людей партіи» и не нашлось дѣла въ бор
историческихъ началъ. Ранке понялъ это. Въ 30-хъ годахъ
ніемъ іюльской революціи Германія раздѣлилась на два
геря, онъ сдѣлалъ первый и послѣдній опытъ—выступи
тическаго писателя и внести въ публицистику точку зрѣ
щаго выше партій. Занятаго имъ положенія не поняли и
нападками изъ обоихъ лагерей. Однимъ онъ казался ульт
другіе чуяли въ немъ духъ якобинца; а, между тѣмъ, са
себя на почвѣ, которую отстояло себѣ прусское государ
двухъ противныхъ теченій, австрійскаго реакціоннаго и л
цузскаго. Правда, отвѣтственность за недоразумѣніе пада
разомъ, на самого Ранке. Полуоффиціальный характеръ
тическаго Временника (*Historisch-politische Zeitschrift*
отъ реакціоннаго министерства Ансильона заранѣе подры
историческую безпристрастность, а слишкомъ отвлеченное
желаніе болѣе говорить о томъ, какъ все было, нежели
что должно быть, шли скорѣе историку, нежели публици
то ни было, бороться ради борьбы или можетъ быть дѣл
какой-либо сторонѣ не было въ характерѣ нѣмецкаго
отказался отъ своихъ антипатій и не измѣнилъ намѣче
шелъ къ ней другимъ путемъ—путемъ отвлеченной н
жизнь исторически, т.-е. выяснить происхожденіе борющ
зать смыслъ каждой политической стихіи, каждому лагер
по силамъ—и тѣмъ распутать узлы жизни, разрѣшить
таковъ былъ личный планъ Л. Ранке. Онъ уже раньше
XVI и XVII ст. искать корни современныхъ ему явленій
ло подвести итогъ и углубиться въ средніе вѣка, отъ
перейти къ античному и даже къ Востоку. Приходилось
и глубже, чтобы только прослѣдить наростаніе всѣхъ эл
рій человѣчества. Истолкованіе своего времени превра
темъ въ изученіе всемірно-историческаго процесса. Ос
плана потребовало отъ Ранке чрезвычайнаго напряже
нравственныхъ силъ; ему пришлось пожертвовать всѣми
души. Ранке любилъ природу: на охотѣ въ горахъ о
безцѣльный выстрѣлъ въ воздухъ только ради отдаленны
но, все-таки, свои отпуски и вакаціи онъ заставляетъ

архивахъ европейскихъ столицъ. Въ молодости Ранке сознается бра
чувствуетъ порой потребность въ любви какой-нибудь нѣжной дѣ
но на весь свой зрѣлый возрастъ онъ самъ предопредѣлилъ себя к
ночеству; только боязнь надвигавшейся старости побудила его впосл
жениться, и семейныя радости выпали на его долю въ тѣ поздніе
которые у другихъ омрачаются уже утратами. Можетъ быть, болѣе
теплаго чувства Ранке выказалъ въ своихъ отношеніяхъ къ отцу,
и братьямъ. Правда, онъ и къ нимъ предъявлялъ строгія требованія
рина, но здѣсь онъ всегда находилъ оправданіе своимъ привязанн
въ сознаніи, что всѣ его родные безъ исключенія бодро несли кре
жизни и честно выполнили свой долгъ; въ письмахъ нѣтъ примѣ
бы чувства родства и уваженія разошлись. И, тѣмъ не менѣе, Ра
поѣхалъ изъ Берлина въ Эрфуртъ на похороны отца: мать не долж
ла сердиться, что сына задержали обязанности, отъ которыхъ, по
Ранке, самъ отецъ не захотѣлъ бы его отрывать. Со стороны это
показаться отговоркой съ равнодушіемъ въ основѣ; на дѣлѣ эт
искреннее желаніе построить всю свою жизнь на чувствѣ долга. С
точивши всѣ помыслы на своихъ занятіяхъ, Ранке иногда самъ
своей нечувствительности къ окружающему. «Развѣ это не эгоизмъ?-
шиваетъ онъ себя и отвѣчаетъ:—Да, эгоизмъ, но, вѣдь, позволите
даже обязательный, потому что на немъ покоится наше внутреннее
бытіе». Какъ бы то ни было, но его жизнь лишилась всякаго вн
драматическаго интереса, а его «внутреннее личное бытіе» чаще вс
впадало съ объективнымъ содержаніемъ той исторической эпохи, на
торой онъ работалъ въ данную минуту. «Повѣрь мнѣ,—пишетъ он
ту—уединеніе тоже полезно. Живешь болѣе въ общемъ, чѣмъ въ л
Часто не замѣчаешь болѣе, что есть у тебя личность. Перестаеш
какимъ-либо *я*».

Но жизнь Ранке, все-таки, получаетъ общій научный интерес
изучать ее по пріемамъ самого историка. Нѣмецкій ученый совѣтуе
изслѣдованіи какой-нибудь исторической силы изучать преимуще
два момента: ея генезисъ, зарожденіе и разростаніе, и ея связь
гими историческими силами. Самъ Ранке и его школа—крупное, под
щее явленіе въ культурной исторіи XIX в., тѣсно связанное съ
сомъ объединенія Германіи. И такъ, въ какой средѣ и какъ создал
колоссальная научная сила, какъ разрослась она въ цѣлую школу,
кія связи вступила съ другими историческими силами — политичес
научными? Полный отвѣтъ на эти вопросы впервые даетъ изданный
автобіографическій матеріалъ.

I.

Дѣтство и отрочество.

Осенью 1863 г. Ранке въ третій разъ посѣтилъ Венецію и бы
раженъ, что многихъ изъ его старыхъ друзей и покровителей н

болѣе въ живыхъ. Какъ историка, его пугала не с
каждый навсегда уноситъ съ собой въ могилу интим
жизни, мотивы своей дѣятельности; въ этомъ онъ у
смерти Якова Гримма, когда безъ успѣха пытался
возстановить ходъ его внутренней жизни. Тогда тутъ
ве продиктовалъ сыну Отто заранѣе обдуманный очер
юности и всѣ свѣдѣнія, которыя ему удалось собрать
ковъ. Подобные диктанты онъ повторялъ впослѣдствіи
1863, 1875, 1885 гг.) и съ новыми дополненіями дове
о своей жизни до начала восьмидесятыхъ годовъ в
автобіографія шагъ за шагомъ описываетъ ростъ умст
ученыхъ знаній Л. Ранке.

Нѣмецкій историкъ вышелъ изъ семьи, которая, н
XVII ст., дала рядъ протестантскихъ священниковъ,
приходахъ графства Мансфельдъ. Эти предки Ранке (
нѣкоторымъ научнымъ образованіемъ, трудились надъ
схоластическими разсужденіями. Большую энергію
умственному труду выказалъ дѣдъ историка, Іоаннъ-І
дившійся въ началѣ XVIII ст. Въ раннемъ дѣтствѣ
безъ надежды на чью-либо помощь, дѣдъ Ранке не з
да, отвергъ мысль о ремесленномъ трудѣ и добился
латинскую школу въ Галле; проложивъ себѣ отсюда
теты Галле и Лейпцига, онъ достигъ, наконецъ, мѣ
щенника въ Тюрингіи, на берегахъ рѣчки Унструт
нымъ среди множества книгъ, почти исключительно
жанія; его экземпляромъ септуагинты, греческой библ
историкъ Ранке пользовался еще при своихъ занятіях
тома *Всемірной исторіи*. Отецъ историка—Готтлибъ
преки семейнымъ преданіямъ, перешелъ въ Лейпцигск
богословскаго факультета на юридическій и выработа
практика. Онъ поселился въ родной Тюрингіи въ гор
ему достались отъ матери домъ и небольшое имѣніе,
между сельскимъ хозяйствомъ и судебною практикой
тязаній на ученость, съ патріархальными привычка
вѣрой, онъ раскаивался иногда, что не сдѣлался
просвѣщеніе второй половины XVIII в. коснулось и е
валъ дѣтямъ на жизнь за предѣлами школы и поощр
вые языки, которыхъ онъ самъ не зналъ. На горѣ, с
часть наслѣдственнаго участка земли, Готтлибъ Ранке
старые стволы и насадить фруктовыхъ деревьевъ, а
чокъ земли съ нѣсколькими прудами онъ превратилъ
собственными руками дѣлалъ прививки. Этотъ уго
слѣдствіи семейную святыню для его дѣтей. Мать Р
въ полномъ разцвѣтѣ юности; это была женщина съ

гато надѣленная чувствомъ, даже съ нѣкоторою склонностью къ поэзіи, совершенно чуждой ея мужу; въ семьѣ на нее падали заботы о кухнѣ, о прокормленіи рабочихъ, особенно лѣтомъ. Вообще мужъ и жена представляли собой примѣръ чистыхъ, физически и духовно во всѣхъ отношеніяхъ здоровыхъ людей. Сынъ ихъ Леопольдъ Ранке, историкъ, родился 21 декабря 1795 г. Все его дѣтство и юность прошли вдали отъ большихъ городовъ, чаще всего въ сельской глуши; можетъ быть, это только и укрѣпило здоровье хилаго мальчика, не разъ приговореннаго къ смерти врачомъ и родителями. Въ зрѣлые годы Ранке никогда не жаловался на болѣзненность и до старости сохранилъ свѣжесть чувствъ и симпатію къ чистымъ, простымъ натурамъ вродѣ тѣхъ, среди которыхъ онъ росъ. Общество въ городкѣ Віэ было малочисленно и не отличалось широкими умственными интересами: наприм., Шиллера до его смерти знали только по имени, а когда послѣ Ауерштедтской битвы въ Віэ пришли французы, то во всемъ городкѣ нашелся только одинъ человѣкъ, съумѣвшій кое-какъ вести съ ними переговоры по-французски. Книги вообще были здѣсь рѣдкостью; въ рукахъ у дѣтей бывали только Библія, молитвенникъ, да нѣсколько школьныхъ учебниковъ, вродѣ латинской хрестоматіи Гедике; учились они у ректора на хорахъ церкви, между прочимъ, кто хотѣлъ и латинскому языку. «Я не нуждался въ особомъ принужденіи,—разсказываетъ Ранке,—я скорѣе готовъ былъ сдѣлать слишкомъ много, чѣмъ недостаточно. Я не избѣгалъ игръ, охотно шелъ въ садъ и поле, лазилъ не хуже каждаго по деревьямъ за вишнями и сливами, но, все-таки, охотнѣе всего оставался одинъ. На улицѣ рядомъ съ домомъ лежали бревна, по нимъ часто ходилъ я взадъ и впередъ въ теченіе цѣлыхъ часовъ. Все, что я прочелъ, бродило тогда у меня въ умѣ. Я напрягалъ мысль надъ Богомъ и міромъ. Ничего, впрочемъ, не записывалось; никто не спрашивалъ меня, о чемъ я думаю; да я и самъ забывалъ все опять». Наполеоновскій походъ 1806 г. внесъ нѣсколько жизни въ городокъ. Дѣти прилегали ухомъ къ землѣ, чтобы лучше слышать выстрѣлы Ауерштедтской битвы. Но никакого подъема народнаго духа эти событія не вызвали. Віэ принадлежалъ къ Саксоніи, а Наполеонъ покровительствовалъ ей и далъ курфюрсту титулъ короля.

Между тѣмъ пришло время отдать маленькаго Леопольда въ училище. Въ окрестностяхъ было нѣсколько школъ, передѣланныхъ изъ упраздненныхъ монастырей. Ближе всего къ Віэ лежалъ монастырь Донндорфъ, у самой опушки лѣса, на вершинѣ, господствовавшей надъ всею долиной. Здѣсь была подготовительная школа и сюда раньше всего попалъ будущій историкъ. Въ Донндорфѣ преподавался уже греческій языкъ и начала отдѣльныхъ школьныхъ дисциплинъ; но высшею наукой въ кругу учителей все еще считалось богословіе и вся школьная жизнь была проникнута духомъ глубокой религіозности. Особенно высокое настроеніе вызывали у Ранке вечернія молитвы въ лѣсу, подъ звѣзднымъ небомъ, при возвращеніи съ какой-нибудь прогулки въ горахъ: ректоръ произносилъ тогда каж-

дый стихъ молитвы и давалъ тонъ напѣва, который т
дѣти. Младшій братъ историка, Гейнрихъ, впослѣдств
словъ, навѣщалъ своего брата въ Доннидорфѣ, а Леоп
обыкновенно немного на обратномъ пути и сообщалъ
была наполнена его собственная душа. На этихъ прогу
увлекалъ брата разсказами о Троянской войнѣ. Онъ
Иліады такъ, какъ будто бы собственными глазами
и, самъ не подозрѣвая того, открывалъ взорамъ брат
міръ,—міръ классической древности, красоту котора
предчувствовать уже тогда же. Вообще, на Леопольд
юности его, сосредоточились всѣ надежды и вся горд
бенности отца. По воспоминаніямъ брата Гейнриха, ис
къ числу тѣхъ рѣдкихъ мальчиковъ, у которыхъ ран
различеніе справедливаго и добраго и непоколебимое
няться съ ихъ пути.

Леопольдъ зналъ намѣреніе отца перевести его в
(Schulpforta), высшую и самую извѣстную изъ монаст
ланіе попасть туда вскорѣ стало у мальчика неудерж
неожиданно онъ обратился къ отцу съ просьбой пере
гдѣ ему нечему было болѣе учиться, въ Пфорту, гдѣ
далѣе. Его просьба была исполнена, и съ тѣхъ поръ
риха были направлены не въ Доннидорфъ, а въ Пфорту,
Инспекторъ Йонъ, которому Леопольдъ былъ рекомендо
сылалъ о немъ свѣдѣнія, и каждое письмо свидѣтельст
и успѣхахъ Леопольда и радовало отца. Будущій ист
латинскія письма брату Гейнриху, въ которыхъ высок
lustrissima schola Portensis и честь быть принятымъ в
заведеніе изображалась величайшимъ счастьемъ на зе

И такъ, весною 1809 г. Л. Ранке перешелъ въ П
сторонъ была окружена высокою стѣной и составляла
замкнутый школьный міровъ. Реформы прусскаго пр
коснулись въ то время школы, и въ ней держался ста
формаціи. При каждомъ столѣ былъ старшій ученикъ
(Mittelgesell) и младшіе (Untergesellen); младшіе ученик
старшимъ, которые, съ своей стороны, давали имъ у
могали въ занятіяхъ. Такъ, Гейнрихъ Ранке, попавшій
1811 г., сталъ младшимъ при братѣ Леопольдѣ, з
мѣсто у стола. Младшіе ученики должны были встава
(обыкновенно въ половинѣ пятаго утра, зимой на час

*) См. *Heinrich Ranke:* „Jugenderinnerungen mit Blicken
Zweite Aufl., Stuttgart, 1886. Читая первое изданіе этих
Гейнриха, историкъ Ранке писалъ въ 1876 г., что они слишк
жизненностью, а картины общей юности выплываютъ тогда
ночамъ.

сапоги и платье себѣ и своимъ старшимъ, ходить къ колодцу за водой, приносить по вечерамъ свѣчи въ комнату и т. п. Обязательныхъ уроковъ было немного, и въ распоряженіи учениковъ оставалось довольно времени для самостоятельныхъ занятій. Л. Ранке подъ старость могъ дать себѣ ясный отчетъ, чѣмъ именно онъ обязанъ каждому изъ преподавателей Шульпфорты. Ректоръ школы, Карлъ Давидъ Ильгенъ, слылъ за человѣка глубоко изучившаго древніе языки, особенно еврейскій. Его ученикъ, извѣстный филологъ Готфридъ Германнъ, признавался въ Шульпфортѣ самымъ выдающимся изъ ученыхъ, и это подымало значеніе самого ректора. Ильгенъ интерпретировалъ Горація, останавливаясь не столько на самомъ поэтѣ, сколько на древностяхъ; ихъ онъ толковалъ подробно, умѣя всегда поддерживать вниманіе учениковъ. Ректоръ любилъ подчеркнуть всѣ затрудненія при интерпретаціи и затѣмъ тутъ же, на глазахъ класса, распутать ихъ такъ, что всѣ чувствовали себя удовлетворенными. Дважды въ годъ, на экзаменахъ, онъ диктовалъ латинскій текстъ, который ученики должны были тутъ же излагать стихами; для этого выбирался матеріалъ, способный заинтересовать, чаще всего что-нибудь изъ исторіи Саксонской Тюрингіи. Припоминая эти своеобразныя упражненія, Ранке не рѣшился осудить ихъ: они, вѣдь, не лишали ученика самодѣятельности въ выборѣ оборотовъ, избавляя, однако, отъ труда вымучивать у себя какія-нибудь незрѣлыя мысли. Вліяніе Ильгена усиливалось глубокою серьезностью и какою-то повелительностью во всемъ его существѣ. Онъ самъ казался объективнымъ закономъ, его наука — объективной, обязательною для изученія наукой. Другимъ характернымъ учителемъ въ Шульпфортѣ былъ математикъ Шмидтъ, преисполненный религіозною ревностью. До тридцатаго года онъ нигдѣ не хотѣлъ учительствовать, ссылаясь на примѣръ Христа. Всякая примѣсь язычества въ сферѣ общихъ представленій внушала ему благочестивый ужасъ; разсказывали, что изъ своего экземпляра Шиллера онъ исключилъ стихотвореніе *Боги Греціи*. Его поэтомъ былъ, конечно, Клопштокъ; иногда, въ видѣ отличія, онъ показывалъ ученикамъ дорогое изданіе *Мессіады* съ гравюрами. Уроки Шмидта по математикѣ были основательны, но, въ сущности, недостаточно будили интересъ. Болѣе одушевленія вносилъ онъ въ классъ на необязательномъ урокѣ морали; тогда онъ являлся въ новомъ парикѣ, съ торжественнымъ лицомъ и Библіей въ рукахъ. Любопытно, что Шмидтъ выказывалъ большое участіе къ походамъ Наполеона и уважалъ его, какъ героя человѣчества; кажется, онъ ждалъ отъ него возвращенія іудеевъ въ обѣтованную землю. Въ числѣ знаменитыхъ учениковъ Пфорты, кромѣ Клопштока, нужно назвать и Фихте. Математикъ Шмидтъ, при которомъ философъ несъ нѣкогда обязанности фамулуса, вспоминалъ иногда его и сообщалъ ученикамъ, что Фихте въ своемъ *Наукословіи* подражалъ методу математическому и въ основаніе всего философскаго ученія положилъ неоспоримую аксіому: «я есмь я». Такимъ же вліяніемъ исключительно внѣ обязательныхъ, довольно посредственныхъ уроковъ, поражаетъ и классикъ Терціи Ланге, поклонникъ Шиллера. У

него было много пониманія красоты и знакомство с
раскопками и коллекціями антиковъ. Подробно и т
древніе храмы, стили колоннъ и статуи. Впослѣд
урокъ выходитъ изъ рамокъ школы, и уничтожил
было лучшее, что только Ланге могъ дать въ силу

Тѣ пять лѣтъ, которыя Ранке провелъ въ Шу
щественно на чтеніе классическихъ писателей, о
латинскихъ авторовъ все еще первенствовалъ Вир
лились, что знаютъ всю *Энеиду* отъ доски до
могли скандовать гексаметры съ любого мѣста. П
изучали Гомера. Ранке чуть ли не трижды прочел
сею. «Правда,—говоритъ Ранке,—изученіе сплошь
черпывающимъ. Но кругозоръ древнѣйшаго міра
жили въ немъ всей нашей душой». Временемъ вел
воспользовался, чтобы прочесть по возможности
онъ изучалъ при этомъ предпочтительно передъ ис
пророковъ, но въ особенности все снова и снова
скія книги Ветхаго Завѣта. «Здѣсь открывался го
гой, но все-таки лежащій близко къ кругозору
задній планъ или скорѣй фундаментъ всякаго обр
ній послѣдующихъ вѣковъ. Молодая душа сколь
сомнительнаго и непонятнаго; но ее до глубины
ность и властность образовъ, сила и непосредстве
ственное, заключающее въ себѣ что-то совершенно
мѣрѣ чаяніе какого-то пониманія; она вдыхаетъ в
ская окраска Лютеровскаго перевода помогаетъ по
дня и заурядными сочиненіями изъ другихъ облас
Ранке, по опыту своей жизни, значеніе библіи Лю
педагогикѣ. При такомъ направленіи школьнаго
выщедшій изъ той же Шульпфорты, становился
любленнымъ нѣмецкимъ поэтомъ для каждаго уч
рѣчи ангеловъ, сатаны и первыхъ людей не воз
Mecciada черпала свою силу изъ той великой исп
которой въ теченіе вѣковъ трудилось христіанское
апокрифовъ и Новаго Завѣта. Клопштокъ принялъ
номъ протестантскомъ освѣщеніи изъ рукъ Мильто

Кромѣ штатныхъ учителей, получившихъ неза
ровъ, въ Пфортѣ насчитывалось нѣсколько коллаб
себя, между прочимъ, и школьный надзоръ. Эти л
уваженіемъ и чаще служили цѣлью насмѣшекъ. О
дарностью вспоминаетъ о вліятельной дружбѣ ко
глубинѣ мысли Викъ страдалъ нѣкоторою неяснос
дучи воспріимчивъ къ духу времени, онъ единств
понималъ Гёте и указалъ Ранке на *Фауста*. Но,

эта субъективная поэзія требуетъ, чтобы вполнѣ наслаждаться ею, болѣе зрѣлаго возраста. Для Гёте міръ являлся какъ бы личнымъ событіемъ его жизни, которое онъ воспринималъ и передавалъ по-своему; въ отрочествѣ Ранке такъ и не съумѣлъ освоиться съ нимъ. Ближе къ уровню юношества были трагедіи Шиллера; его живые образы какъ бы стояли передъ глазами; думалось, что каждый можетъ восторгаться и даже обсуждать эту поэзію. Впрочемъ и въ области драмы серьезнаго изученія удостоивался только античный міръ. Викъ основательно познакомилъ будущаго историка съ греческою трагедіей, читая съ нимъ самые подлинники. Эсхилъ показался тогда Ранке еще чуждымъ по духу. Но для развитія юноши было уже важно, что за областью понятнаго онъ почувствовалъ здѣсь еще что-то, разрѣшимое только въ будущемъ. Эврипидъ нравился Ранке, но, подъ вліяніемъ Вика, всего болѣе вниманія и труда отдалъ онъ Софоклу. Ранке прочелъ всѣ дошедшія отъ него трагедіи, а *Электру* и *Филоктета* даже перевелъ нѣмецкими ямбами, подражая въ хорахъ *Мессинской невѣстѣ* Шиллера. Переводы отличались нѣкоторою свободой, и можно удивляться, что Ранке не сдѣлалъ попытокъ самобытнаго творчества. Но нѣтъ, все это имѣло для него только цѣну филологическихъ упражненій. Очевидно, онъ съ юности руководился инстинктомъ природнаго таланта, даннаго ему отнюдь не для поэзіи. Сравнительно съ поэтами, античнымъ прозаикамъ отводили въ Шульпфортѣ болѣе скромное мѣсто, а всего менѣе читали древнихъ историковъ. За то при истолкованіи дѣлались ссылки на всю позднюю литературу комментаторовъ къ античнымъ писателямъ; до поры до времени эта филологическая ученость была только хаосомъ цитатъ изъ какихъ-то неизвѣстныхъ авторовъ, но, все-таки, имена Гроновія и Грэвія, направляя вниманіе на родственныя дисциплины, превращались какъ бы въ вопросительные знаки и нота-бене для будущаго. Пока Шульпфорта была погружена въ изученіе античнаго міра, вокругъ ея стѣнъ шла борьба Европы съ Наполеономъ. На дорогѣ, огибавшей школу, Ранке видѣлъ французскія войска, шедшія въ Россію, а черезъ годъ—весной 1813 г.—казаковъ съ значками на копьяхъ. Сначала въ Саксоніи съ сочувствіемъ читали прокламаціи и бюллетени Наполеона, и въ школьныхъ играхъ раздавались имена французскихъ маршаловъ. Но вскорѣ симпатіи измѣнились, и въ Пфортѣ единодушно привѣтствовали манифестъ союзниковъ. Ранке читалъ тогда Тацита—*Анналы* и *Агриколу;* ему казалось, что здѣсь на его глазахъ возобновляется борьба бриттовъ противъ римлянъ; въ прокламаціи союзниковъ онъ находилъ мысли, которыя Тацитъ приписываетъ королевѣ Боадицеѣ. Викъ поддерживалъ Ранке въ такихъ сопоставленіяхъ; видно, что событія насильно привлекали къ себѣ вниманіе. Въ Саксоніи не было и того увлеченія, которому отдалась прусская молодежь: только немногіе оставили школу для борьбы. Ранке былъ слишкомъ слабъ, чтобы думать объ этомъ. Онъ торопился окончить работы—послѣднія передъ выходомъ изъ школы—и безъ особаго сожалѣнія покинулъ Пфорту на Пасхѣ 1814 г.: его мысли были уже устремлены

на его будущность и новыя занятія. Леопольдъ оканчивалъ въ сущности только пятый годъ школьной жизни; между тѣмъ обученіе въ Пфортѣ было разсчитано на 6 лѣтъ. Но какъ онъ нѣкогда настоялъ на томъ, чтобы изъ Донндорфа перейти въ Пфорту, такъ и теперь онъ рѣшился окончить свое ученье въ школѣ и перейти въ Лейпцигъ. Характерно, какъ Ранке защищалъ свое намѣреніе. Онъ не могъ, какъ нѣкогда въ Донндорфѣ, утверждать, что ему нечему здѣсь болѣе учиться; но онъ утверждалъ, что ему мало остается времени для собственныхъ занятій, что уроки, на которыхъ онъ долженъ присутствовать, составляютъ для него непріятный перерывъ.

Замѣтки Ранке о годахъ юности, проведенныхъ въ Шульпфортѣ, убѣждаютъ, что здѣсь съ успѣхомъ осуществлялся тотъ идеальный образъ классическаго образованія, къ которому нѣмецкая школа стремилась со временъ гуманизма и реформаціи. Оторванные отъ жизни дня сельскимъ уединеніемъ, молодые умы подвергались здѣсь раньше всего продолжительному воздѣйствію «вѣчныхъ» произведеній человѣческаго духа въ ихъ исторической послѣдовательности. При этихъ условіяхъ древніе классики и Библія становились не столько временнымъ орудіемъ для пробужденія умственныхъ операцій, сколько основнымъ фономъ сознанія на всю будущую жизнь. И учителемъ во Франкфуртѣ, и профессоромъ въ Берлинѣ Ранке не переставалъ перечитывать все тѣхъ же классиковъ, и все ту же Библію. Въ юности они дали извѣстную окраску его уму и характеру; позднѣе они послѣдовательно служили ему основой для уроковъ въ школѣ, для лекцій въ университетѣ и, наконецъ, для его *Всемірной исторіи*. Еще подъ старость, когда Ранке пробило уже 80, каждую субботу вечеромъ къ нему заходилъ братъ Фердинандъ, классикъ и педагогъ, и они вмѣстѣ читали и толковали трудныя мѣста своихъ любимыхъ авторовъ. Отрывки изъ Эврипида и Пиндара чередовались при этомъ съ книгой Іова и посланіемъ къ римлянамъ. Фердинандъ иногда заранѣе готовился къ этимъ бесѣдамъ, а Леопольдъ считалъ ихъ для себя какъ бы «приватными» уроками: они выводили его изъ круга воззрѣній, двигавшихъ новымъ міромъ. Для Ранке все великое было въ прошломъ. Вынеся изъ школы религіозный строй души и высокую мѣрку для стиля, мысли и чувства, Ранке и за ея стѣнами былъ глухъ къ пошлости и равнодушенъ ко всему посредственному. Этотъ искусственный пріемъ—заставлять индивидуальный умъ переживать тѣ же ступени развитія, по которымъ шло и все человѣчество, даже это погруженіе на долгіе годы въ атмосферу патріархальнаго быта евреевъ и античнаго міра—не притупили его чувствительности къ новымъ идеямъ, не помѣшали ему впослѣдствіи понять Канта, Фихте и французскую революцію. Нѣтъ, онъ только пріобрѣлъ какъ бы внѣміровую точку зрѣнія на явленія своего времени и избавился отъ узости человѣка, живущаго минутой, для котораго настоящее всегда выше всего, потому что онъ не знаетъ будущаго и позабылъ прошедшее. Это ровное отношеніе ко всѣмъ эпохамъ въ исторіи человѣчества вылилось у Ранке въ цѣлую теорію про-

гресса на лекціяхъ Максимиліану баварскому. «Постоянное движеніе человѣчества впередъ покоится на томъ, что великія духовныя тенденціи (Tendenz), управляющія человѣчествомъ, то выростаютъ другъ изъ друга, то иногда выстраиваются и рядомъ. Между этими тенденціями всегда есть одно опредѣленное частное направленіе, которое преобладаетъ и отодвигаетъ остальныя въ сторону. Такъ, напримѣръ, во вторую половину XVI столѣтія религіозный элементъ преобладалъ на столько, что литературный отошелъ передъ нимъ на задній планъ. Въ XVIII столѣтіи, напротивъ, настолько укрѣпилось утилитарное стремленіе, что искусство и родственныя ему отрасли дѣятельности должны были очистить мѣсто. И такъ, въ каждой эпохѣ человѣчества воплощается одна опредѣленная крупная тенденція, и прогрессъ покоится на томъ, что въ каждый періодъ даетъ себя чувствовать то поступательное движеніе человѣческаго духа, которое выдвигаетъ то одну, то другую тенденцію и своеобразно проявляется въ ней. Если же, вопреки выраженному здѣсь мнѣнію, принять, будто бы прогрессъ заключается въ томъ, что съ каждой эпохой жизнь человѣчества достигаетъ болѣе высокой степени совершенства, что такимъ образомъ каждое поколѣніе во всемъ превосходитъ предыдущее, и что въ силу этого самое послѣднее поколѣніе всегда наиболѣе взыскано дарами, предыдущія же только устои для послѣдующаго, то это было бы несправедливостью Божества. Такое какъ бы медіатизованное поколѣніе не имѣло бы значенія само по себѣ; оно значило бы что-нибудь только какъ ступень для слѣдующаго поколѣнія и не стояло бы ни въ какомъ непосредственномъ отношеніи къ божественному. Я же утверждаю: каждая эпоха стоитъ непосредственно передъ лицомъ Бога, и ея достоинство покоится вовсе не на томъ, что изъ нея выходитъ, а въ ея собственномъ бытіи, въ ея собственномъ «я». Черезъ это изученіе исторіи и притомъ именно индивидуальной жизни въ исторіи пріобрѣтаетъ своеобразную заманчивость въ томъ смыслѣ, что каждая эпоха является въ высшей степени достойной изученія и должна разсматриваться какъ нѣчто значительное само по себѣ». «Я представляю себѣ, если уже отважиться на такое замѣчаніе, что Божество, передъ лицомъ котораго нѣтъ времени, созерцаетъ все историческое человѣчество въ его совокупности и вездѣ находитъ его одинаково достойнымъ. Идея воспитанія человѣческаго рода заключаетъ въ себѣ дѣйствительно нѣчто истинное; но передъ Богомъ всѣ поколѣнія человѣчества являются равноправными; такъ долженъ смотрѣть на дѣло и историкъ« *). На эту точку зрѣнія и поставила Ранке система, господствовавшая въ Шульпфортѣ.

II.

Университетскіе годы.

Для университетскихъ занятій Ранке выбралъ Лейпцигъ. На первыхъ же порахъ онъ посѣтилъ лекцію по всеобщей исторіи профессора Виланда.

*) *Weltgeschichte, 9. Th.:* „Ueber die Epochen der neueren Geschichte. Vorträge, dem Könige Maximilian II von Bayern gehalten". Leipzig, 1888.

Отъ чтенія историческихъ книгъ Ранке уже раньше отталкивало множество не истолкованныхъ фактовъ. Виландъ въ этомъ отношеніи не составлялъ исключенія и не могъ примирить Ранке съ его будущею наукой. Введеніе профессора о генетической разработкѣ исторіи еще возбуждало интересъ, но въ изложеніи всемірно-историческаго развитія скоро утрачивалась нить. О древнемъ мірѣ у Виланда были только приблизительныя представленія; всѣ древніе титулы онъ передѣлывалъ на новый ладъ и легатовъ римскаго войска такъ-таки и называлъ генералъ-лейтенантами. Обстановка его лекцій поражала странностями. Аудиторія примыкала непосредственно къ рабочему кабинету. Профессоръ обыкновенно долго заставлялъ себя ждать и затѣмъ вдругъ появлялся на каѳедрѣ. Горе было тѣмъ, кто сидѣлъ прямо передъ нимъ: онъ говорилъ съ одушевленіемъ и при этомъ такъ брызгался, что бумага для записыванія лекцій становилась влажной. Случалось, что слушатели распускали красный зонтикъ, чтобы спокойно записывать подъ его защитой, Виландъ охотно терпѣлъ это. Вдобавокъ ко всему, надворная совѣтница Виландъ любила кошекъ; эти животныя царили въ аудиторіи въ свободное отъ лекцій время и такъ отравляли въ ней воздухъ, что слушатели были рады поскорѣй уйти оттуда. Для Ранке лекціи Виланда прошли безъ всякаго слѣда, и онъ никогда не сдѣлалъ шагу, чтобы сблизиться съ профессоромъ, хотя шли слухи, что Виландъ обладаетъ разнообразными свѣдѣніями и при личныхъ сношеніяхъ можетъ быть полезенъ. Болѣе удовлетворяли лекціи Тцширнера по исторіи церкви. Вообще эта отрасль и въ учебникахъ, и въ многотомныхъ сочиненіяхъ была лучше обработана въ Германіи, нежели всеобщая исторія. Церковная исторія ограничена болѣе узкими рамками, ходъ ея ясно отмѣченъ цѣпью важныхъ событій, поучительность дается догматическимъ интересомъ, а связь съ литературой вообще дѣлаетъ ее быстро доступной для пониманія. Съ лекцій Тцширнера Ранке вынесъ предчувствіе того, какое широкое поле для изученія можетъ открыться въ литературѣ среднихъ и новыхъ вѣковъ. Точка зрѣнія историка церкви была особенно близка для Ранке; онъ воспринялъ ее еще изъ книгъ Ветхаго Завѣта, какъ первую по времени попытку найти какой-нибудь цѣльный процессъ въ послѣдовательной смѣнѣ поколѣній. Эту идею Ранке сохранилъ на всю жизнь и положилъ ее въ основаніе исторіи Востока въ главѣ *Амонъ-Ра, Ваалъ, Іегова.* «Лучшая заслуга естественныхъ наукъ,—пишетъ Ранке,—заключается въ томъ, что онѣ постепенно разсѣяли туманъ, который разстилали надъ міромъ культы природы; но одной только наукѣ это навсегда осталось бы не подъ силу. Какъ ошибочно противупологать науку природы и религію. Безъ чистой, соотвѣтствующей человѣческому духу религіи, которую люди дѣйствительно восприняли и исповѣдовали, наука природы и человѣка сдѣлалась бы вообще невозможной. Духовную противоположность Амону-Ра и Ваалу, Ашеру и Молоху образуетъ идея и слово Іегова, какъ ихъ возвѣстилъ Моисей. «Египетскія и вавилонскія представленія создались въ областяхъ плодородныхъ или оживленныхъ ранними международными сношеніями. Идея Моисея от-

крылась на уединенныхъ высотахъ Синая, гдѣ нѣтъ намека на разнообразіе, доступное для земной поверхности, гдѣ ничего нѣтъ между Богомъ и міромъ».

Вообще первые годы университетской жизни Ранке посвятилъ богословію. Но далеко въ догматику онъ не углублялся; господствовавшій въ Лейпцигѣ умѣренный раціонализмъ былъ ему не по душѣ. Ранке казалась недоразумѣніемъ попытка слить два противуположныхъ принципа: откровеніе, за которымъ признавалось абсолютное значеніе, и размышленія минуты. Всѣми своими чувствами онъ преданъ былъ откровенію: «Я самъ не знаю, какъ это случилось; вокругъ меня съ самыхъ раннихъ лѣтъ все склонялось къ раціонализму, но мнѣ онъ казался неудовлетворительнымъ, мелкимъ и затхлымъ. Я вѣрилъ безусловно, но мнѣ было бы трудно указать, какъ далеко шелъ я по этому пути: ибо вѣра въ чудесное тоже, вѣдь, только извѣстное направленіе духа, которое можетъ считать свое дѣло вѣрнымъ и, все-таки, уклоняться отъ послѣдовательности». Большое удовольствіе доставляли Ранке попытки перевести псалмы съ еврейскаго стихами, по возможности близко придерживаясь текста.

Рядомъ съ богословіемъ шли по-прежнему занятія классиками. Филологъ Готфридъ Германнъ не всегда удовлетворялъ Ранке, который не могъ понять его пристрастія къ метрикѣ; но за то незабвенными остались его лекціи о Пиндарѣ, Гезіодѣ и въ въ особенности курсъ греческой грамматики, который дышалъ глубокимъ пониманіемъ языка и логичностью правилъ ласкалъ умъ. Самостоятельно Ранке занимался Ѳеокритомъ и переводилъ изъ него отрывки, казавшіеся подлинными; теперь впервые изучилъ онъ и Ѳукидида, конспектируя его политическія ученія. «Могучій, великій духъ, передъ которымъ я преклонялся, не смѣя подойти ближе ни къ нему, ни къ Пиндару опытами перевода: уловить только впечатлѣніе оригинала, понять сколько возможно—вотъ все, на что я надѣялся».

Впрочемъ, интересъ къ исторіи проснулся, наконецъ, у Ранке, но отнюдь не подъ вліяніемъ университета: его пробудили событія Наполеоновской эпохи и книга, которую самъ онъ ставитъ въ связь съ этой борьбой—*Римская исторія* Нибура. Это было первое нѣмецкое сочиненіе по исторіи, оставившее въ душѣ Ранке отпечатокъ; онъ нашелъ тамъ многое, чего раньше и не подозрѣвалъ. Ранке вынесъ впечатлѣніе, что историческая наука развилась изъ противорѣчія Наполеоновской идеѣ единодержавія надъ міромъ. На этой почвѣ выросло то сочувствіе, которое *Римская исторія* Нибура нашла за предѣлами ученыхъ кружковъ. Жизнь особи въ противуположность всемірному господству и внутреннія условія для развитія колоссальнаго государства сдѣлались цѣлью всеобщаго соревнованія въ ученой литературѣ; изъ того же источника вытекали работы Отфрида Миллера, отстаивавшаго самобытность дорической жизни среди другихъ греческихъ культуръ. Въ общемъ занятія Ранке въ университетскіе годы отличались крайнею разбросанностью. По вечерамъ штудировалась *Критика чистаго разума* Канта, или поглощались популярные труды Фихте по религіи и

политикѣ; теперь постигъ онъ и Гёте, но образцовъ нѣмецкаго слога сталъ искать у Лютера: стараясь усвоить себѣ этотъ краеугольный камень новонѣмецкаго литературнаго языка, Ранке незамѣтно увлекся историческою стороной явленія. По поводу трехсотлѣтія реформаціи онъ сдѣлалъ было попытку изложить жизнь Лютера на языкѣ его сочиненій. Предложеніе занять мѣсто старшаго учителя при гимназіи во Франкфуртѣ на Одерѣ положило конецъ этимъ исканіямъ призванія.

III.

Педагогическая дѣятельность.

Переселеніе во Франкфуртъ въ 1818 году образуетъ въ жизни Ранке грань, важную и для самого историка, и для его біографа. Съ этихъ поръ Ранке сосредоточиваетъ свои занятія на всеобщей исторіи, и съ этого же времени начинается коллекція его писемъ изъ 329 нумеровъ. Какъ именно самъ Ранке подъ старость понималъ общій ходъ своего развитія, это ясно изъ его воспоминаній, продиктованныхъ сыну. Но письма, разсѣянныя на протяженіи 66 лѣтъ, написанныя всегда подъ впечатлѣніемъ минуты, сохранили во всей свѣжести переливы личныхъ чувствъ и кромѣ мелочей дня даютъ самосознаніе историка для каждой ступени его жизни.

Во главѣ франкфуртской гимназіи стоялъ филологъ Эрнстъ Поппо, молодой человѣкъ 24 лѣтъ, обратившій на себя вниманіе изслѣдованіями по Θукидиду; онъ даже говорилъ по-гречески и старался греческій разговоръ ввести въ школѣ—это повредило его имени, какъ педагога. Впрочемъ, онъ отнюдь не былъ педантомъ: не обычное по тому времени знаніе англійскаго языка—порука за широту его образованія. Поппо поставилъ цѣлью жизни—возвысить школу и объединилъ вокругъ себя узами дружбы кружокъ молодыхъ учителей по разнообразнымъ отраслямъ знанія. «Насъ было четверо старшихъ учителей,—вспоминаетъ Ранке,—всѣ—люди холостые, а это устанавливало отношенія, напоминавшія отчасти студенческую жизнь. Въ сущности, нужно сказать, что во Франкфуртѣ я болѣе вкусилъ этой жизни, чѣмъ въ Лейпцигѣ; заручившись жалованьемъ, хотя и не большимъ, можно было расправлять крылья легче прежняго. Какъ часто послѣ веселой пирушки прохаживались мы ночью подъ липами предмѣстья и среди потока противорѣчивыхъ мнѣній заставляли возникать передъ собой міръ по нашимъ собственнымъ понятіямъ. Жителямъ это бросалось въ глаза, когда мы совершали наши прогулки, непрерывно говоря и споря, оживленные и, однако, въ полномъ согласіи». Одно время съ Л. Ранке жилъ и его братъ Генрихъ. Это былъ красивый молодой человѣкъ лѣтъ девятнадцати, привлекавшій всѣ сердца симпатичностью и прелестью юности. Генрихъ увлекался патріотическимъ движеніемъ среди тогдашней нѣмецкой молодежи и открыто примкнулъ къ кружку «гимнастовъ» (Die Turner) съ Яномъ во главѣ. Что послѣ отраженія Наполеона Священная Римская имперія должна возродиться въ ея древнемъ великолѣпіи, что объединеніе многочисленныхъ

нѣмецкихъ племенъ — дѣло первой необходимости, эти мысли и надежды охватили тогда всѣ университеты. Вмѣсто студенческихъ землячествъ, только подчеркивавшихъ раздробленность отечества, думали создать обнимающій все нѣмецкое студенчество христіанско-германскій союзъ Die deutsche Burschenschaft,—союзъ нѣмецкихъ буршей. Съ другой стороны, Янъ и его послѣдователи-гимнасты осуществляли, правда, по-своему, ту цѣль,—воспитать лучшее, болѣе сильное поколѣніе,—которую Фихте ставилъ главною задачей своимъ современникамъ въ *Рѣчахъ къ нѣмецкой націи*. Благодаря брату, отголоски этой жизни доходили и до Л. Ранке. Въ гостинницѣ Золотого Льва во Франкфуртѣ онъ видѣлъ Яна, возвращавшагося съ гимнастической поѣздки изъ Силезіи въ сопровожденіи кучки молодыхъ людей; Янъ произвелъ впечатлѣніе на Ранке своею мужественною самоувѣренностью. Среди мирной учительской дѣятельности застала братьевъ въ концѣ марта 1819 г. роковая вѣсть изъ Маннгейма, пробудившая у всѣхъ друзей нѣмецкой молодежи зловѣщія предчувствія, даже ужасъ, — такъ начинаетъ Гейнрихъ Ранке разсказъ объ убійствѣ Коцебу: «Студентъ поставилъ на карту свою жизнь, чтобы лишить жизни человѣка, котораго нѣмецкій народъ зналъ только какъ автора комедій, имѣвшихъ въ свое время успѣхъ у массы. Никто не понималъ, что могло побудить его на эту жестокость; всѣ съ нетерпѣніемъ ждали разъясненій. Вмѣсто этого газеты еще болѣе запутывали и безъ того темное и трудно объяснимое дѣло и намекали, будто бы среди нѣмецкой молодежи существуетъ заговоръ, стремящійся ни больше, ни меньше какъ къ ниспроверженію всего существующаго порядка, какое-то тайное судилище, намѣчающее ненавистныхъ людей и высылающее своихъ членовъ—цѣною собственной жизни приводить надъ ними въ исполненіе смертный приговоръ. На Іену указывали, какъ на гнѣздо заговорщиковъ, будто бы завязавшихъ сношенія по всей Германіи. Союзы буршей и гимнастовъ ставили въ связь съ этими зловѣщими слухами». Все это потрясло Гейнриха Ранке до глубины души: онъ былъ убѣжденнымъ борцомъ за эти союзы. «Началось невообразимое волненіе и долгое время всѣ разговоры вращались около таинственнаго преступленія и побужденій, которыя могли толкнуть на него. Понятно, что среди молодыхъ людей, которые ежедневно занимались древними писателями, обсужденіе этого дѣла переносилось въ область отвлеченныхъ идей и доводилось иногда до вопроса, можно ли безусловно осуждать Брута или Шарлотту Кордэ». Генрихъ Ранке припоминаетъ, какъ однажды въ разгаръ подобнаго разговора его братъ Леопольдъ поднялся съ выраженіемъ глубокой серьезности въ чертахъ лица и, не вдаваясь ни въ какія объясненія, сказалъ только: «Не убій. Такова заповѣдь Господа». Леопольдъ не примкнулъ во Франкфуртѣ къ гимнастамъ, но и не сочувствовалъ тѣмъ, кто впослѣдствіи преслѣдовалъ Яна. Отъ 1819 г. дошло письмо Ранке къ какому-то оффиціальному лицу (Praesident), гдѣ онъ беретъ подъ защиту движеніе среди молодежи. «Во-первыхъ, я знаю, удостовѣряю и готовъ присягнуть, что никакого тайнаго общества, какъ о томъ ходятъ сплетни—съ Арндтомъ и

Яномъ во главѣ, никогда не было и не существуетъ. Я знаю этихъ людей, которыхъ обвиняютъ, я отчасти пользовался ихъ довѣріемъ. Съ Яномъ я засиживался за бесѣдою до глубокой ночи. Нашъ разговоръ касался всего, что могло бы принести пользу отечеству, всѣхъ отношеній и событій дня. «Надо, прежде всего, привести въ порядокъ маленькіе земскіе мірки—улучшить школы, освободить крѣпостныхъ, вдохнуть жизнь въ села и городское управленіе и т. п. Таковъ по истинѣ урокъ исторіи. Христіанство, реформація, все, что только начиналось великаго, гибло отъ кровопролитія. Блескъ крови гаситъ блескъ солнца». Вотъ ученіе Яна. Онъ былъ взволнованъ до глубины души и открылся мнѣ: если онъ лгалъ,—ну, такъ значитъ никто никогда не говорилъ правды. Всего болѣе онъ предостерегалъ юношество отъ тайнаго общества».

Таковы были связи Ранке съ общественною жизнью. Что касается до самой франкфуртской школы, то здѣсь отношеніе учениковъ и ихъ родителей къ учителямъ носили еще вполнѣ патріархальный характеръ. Вотъ какъ, напримѣръ, привѣтствовали они Ранке на новый 1821 годъ. «Ученики думали рано разбудить меня пѣніемъ. Можетъ быть это и удалось бы. Но прислуга слишкомъ быстро и сильно рванула дверь; я проснулся и выскочилъ: они убрали для меня елку яблоками и свѣчами; молодой розанъ стоялъ подъ зеркаломъ, а подъ ёлкой нѣсколько хорошенькихъ чашекъ; но я ничего не замѣчалъ, я прислушивался къ пѣнію, которое они начали. Это была молитва; Шёнейхъ запѣвалъ, Юнкъ наигрывалъ мелодію на флейтѣ. Исполненіе давно задуманнаго поразило ихъ самихъ; у Алеманна и Юнка навернулись слезы на глазахъ. Я тоже былъ взволнованъ и цѣловалъ ихъ всѣхъ. Когда они ушли, я нашелъ еще посылку отъ матери Алеманна съ 6 серебряными чайными ложками. Семья Юнка прислала 6 бутылокъ вина, 4 маркброннера, тортъ и пожеланія счастья». Изъ среды родителей особенную внимательность къ учителямъ выказывала пасторша Алеманнъ. Ранке мучило, что онъ по своей природѣ не всегда умѣлъ найти для нея теплое слово благодарности. «У меня только что была пасторша Алеманнъ,—пишетъ онъ брату Гейнриху,—ты ее не знаешь, потому что при чужихъ людяхъ она сжимается; наединѣ она участлива, откровенна, своеобразно женственна. Эта добрая женщина заботится такъ материнскинѣжно, что я не нахожу словъ благодарности и передъ ея любовью стою какъ палка, которую дѣти увѣшиваютъ цвѣтами, какъ государь, которому народъ кричитъ многія лѣта. О, такимъ лед-лед-ледянымъ! Она мнѣ разсказывала, какъ сердечно, вѣрно ухаживала за директоромъ Поппо въ время его тяжкой болѣзни; когда директоръ выздоровѣлъ, онъ вышелъ къ ней съ сухимъ поклономъ: «первымъ долгомъ считаю выразить вамъ мою благодарность»... Ни пожатія руки, ни взгляда, словно на похоронахъ. Того же приходится ей ждать и отъ меня. Я замѣчаю, что въ женщинахъ есть что-то, чего я въ себѣ, по крайней мѣрѣ, не нахожу».

Къ своимъ урокамъ Ранке отнесся съ любовью и рѣшился подготовляться не по учебникамъ и даже не по обширнымъ руководствамъ, а, ча-

сколько возможно, прямо по источникамъ. Теперь онъ систематически изучилъ всѣхъ историковъ древности, дѣлая замѣтки и конспекты. Первое впечатлѣніе при знакомствѣ съ писателемъ бывало у Ранке такъ самобытно и цѣльно, что часто оставалось на всю жизнь: и вотъ подъ старость для своей *Всемірной исторіи* онъ все еще пользуется этими набросками юности. У Геродота Ранке привлекало сліяніе миѳа съ исторіей, наивность языка и въ особенности широта историческаго кругозора. Ту же вѣру въ сны и предзнаменованія и исканіе Божества въ исторіи онъ находилъ у Ксенофонта, и тогда на него вѣяло чѣмъ-то ветхозавѣтнымъ. Изъ Ливія Ранке увлекался, конечно, первыми книгами, при всемъ своемъ уваженіи къ критикѣ Нибура. Впрочемъ, онъ вообще мало вдавался въ область государственныхъ древностей, выдвинутую Нибуромъ, Отфридомъ Миллеромъ для Дорянъ и Бёккомъ для государственнаго хозяйства Аѳинъ. Мало цѣны имѣли бы для Ранке и мелочи военной исторіи у Цезаря, если бы онѣ не вели къ завоеванію Галліи, положившему начало Западной Римской имперіи; но въ силу этихъ послѣдствій характеристика государственнаго быта кельтовъ и сосѣднихъ германцевъ у Цезаря стала фундаментальнымъ памятникомъ для всей средневѣковой исторіи. Въ Саллюстіи Ранке нашелъ типъ историка-моралиста, не удовлетворявшаго, можетъ быть, въ жизни своей собственной мѣркѣ нравственности; за то эта мораль была геніемъ Рима, идеей, которая, не становясь плотью и кровью отдѣльнаго гражданина, жила въ совокупности народа. Можетъ быть, характеристика Катилины у Саллюстія—плодъ фантазіи, но для историка это олицетвореніе всего, что шло въ разрѣзъ съ нравомъ, обычаемъ, закономъ: Катилина—отрицательный символъ, положительная величина къ нему — Цицеронъ, какъ оплотъ преданья. Тотъ же моральный идеалъ, которому не было мѣста въ Римѣ, Тацитъ нашелъ въ полудикой средѣ германцевъ. Культура и мораль какъ бы разошлись: одна примкнула къ испорченности, другая пріютилась у варваровъ. Тацитъ видитъ все это очами почти пророка, ставъ лицомъ къ будущему. Его устами древній республиканскій духъ возмущается противъ деспотизма Юліевъ, связавшаго свою судьбу съ культурой и испорченностью. Но Тацитъ при этомъ самый пластичный, самый живописный историкъ, какого только произвело человѣчество. Ни одна эпоха не создала ничего подобнаго тому, что Тацитъ написалъ о смерти Агриппины; да ни одна эпоха и не создастъ. Таковъ былъ осадокъ въ душѣ Ранке отъ изученія лучшихъ историковъ древности.

Обратившись къ второстепеннымъ историкамъ Римской имперіи, Ранке, незамѣтно перешелъ въ средніе вѣка, а запросы окружающей жизни втягивали его въ изученіе новой исторіи. И здѣсь онъ избѣгалъ руководствъ. Сводъ средневѣковыхъ историковъ у Гуго Гроція далъ ему первое понятіе о готахъ и лонгобардахъ. Во франкфуртской библіотекѣ онъ нашелъ часть нѣмецкихъ лѣтописцевъ (Scriptores rerum Germanicarum) и познакомился по нимъ съ Нѣмецкой имперіей. Для поздняго средневѣковья нашлись древне-французскіе источники. Изученіе подлинныхъ памятниковъ изъ раз-

личныхъ вѣковъ дѣлало Ранке болѣе независимымъ отъ предубѣжденій партій; ему казалось, что въ будущемъ станутъ удовлетворяться только самымъ глубокимъ изученіемъ историческихъ основъ у государственныхъ организмовъ. Вальтеръ Скоттъ своимъ свободнымъ отношеніемъ къ исторической правдѣ вызывалъ въ Ранке недоумѣніе; онъ изучалъ Коммина и затѣмъ возмущался произвольными характеристиками Карла Смѣлаго и Людовика XI въ романѣ Квентинъ Дурвардъ. Но особое сочувствіе вызывали у Ранке событія переходной эпохи отъ XV къ XVI ст.; здѣсь онъ нашелъ для себя самостоятельную точку зрѣнія, чтобы написать свою первую книгу: она появилась въ 1824 году. Это была *Исторія романскихъ и германскихъ народностей 1494—1514*. «Обработанныя здѣсь двадцать лѣтъ образуютъ какъ бы преддверіе къ новой исторіи; книга въ зародышѣ заключаетъ въ себѣ большинство позднѣйшихъ произведеній Ранке, являясь древнѣйшимъ стволомъ въ довольно обширномъ питомникѣ» (Предисловіе къ изданію 1874 г). Особенно важна была вторая часть—*Къ критикѣ новыхъ историковъ*, гдѣ впервые наглядно изложенъ былъ методъ, сдѣлавшійся орудіемъ всей школы Ранке. Методъ этотъ не былъ, конечно, какимъ-нибудь откровеніемъ, даннымъ Ранке. Всѣ выдающіеся историки въ лучшихъ частяхъ своихъ трудовъ всегда доходили до него путемъ здраваго смысла. Но Ранке отвлекъ его отъ безсознательнаго фактическаго примѣненія и обобщилъ въ логическую формулу, которую можно было отнынѣ школьнымъ путемъ передавать цѣлому поколѣнію второстепенныхъ историковъ. При сравненіи двухъ главныхъ источниковъ по началу новой исторіи: Гвиччардини и римскаго врача Джовіо—Ранке нашелъ столько непримиримыхъ противорѣчій, что не зналъ, кому изъ нихъ слѣдовать. Джовіо—гораздо обстоятельнѣе и въ частностяхъ пользуется иногда извѣстіями изъ хорошихъ источниковъ. Но Гвиччардини лучше освѣдомленъ и поучительнѣе по вопросамъ общей политики. Если имѣть въ виду историческую правду, то нельзя ни примирить ихъ, ни сдѣлать между ними выборъ. Къ счастію, извѣстны были еще другіе писатели эпохи, каждый съ самостоятельнымъ кругомъ свѣдѣній; пришлось и ихъ привлечь для сравненія, чтобы найти твердый грунтъ подъ ногами. Оказалось, что Гвиччардини, наиболѣе талантливый изъ всѣхъ, то противорѣчитъ имъ, то прямо выписываетъ изъ нихъ; это привело къ необходимости—подвергнуть сравнительному критическому разбору писателей эпохи. Такой перекрестный допросъ источниковъ и есть своеобразный пріемъ Ранке; онъ выяснитъ субъективную окраску для каждаго писателя, даетъ такъ сказать его *личное уравненіе*, а съ другой стороны обнаруживаетъ степень его компетентности для отдѣльныхъ событій. Къ своему пріему Ранке пришелъ самостоятельно, безъ всякихъ притязаній, путемъ естественной необходимости; онъ не бралъ за образецъ ни Нибура, который старается вложить смыслъ въ преданіе, ни филолога Готфрида Германна, который критикуетъ каждаго писателя отдѣльно. Книга и методъ Ранке были оцѣнены и доставили ему на слѣдующій годъ каѳедру въ Берлинскомъ университетѣ.

Первый шагъ въ область историческаго творчества принудилъ Ранке сосредоточить свои силы и направить ихъ къ одной цѣли. Поэтому уже здѣсь во Франкфуртѣ его жизнь отлилась въ характерную форму научнаго подвижничества, которая не вполнѣ сгладилась даже послѣ женитьбы. Уединеніе, замкнутость отъ людей, самоограниченіе, предчувствіе какой-то громадной задачи, тяготѣющей надъ всей жизнью—вотъ настроеніе, господствующее въ письмахъ Ранке изъ начала двадцатыхъ годовъ. При нѣкоторой склонности къ мистицизму это сознаніе цѣли въ жизни принимаетъ для Ранке значеніе какого-то личнаго избранія въ ветхозавѣтномъ смыслѣ слова. «Я живу безъ радости и безъ печали,—пишетъ онъ брату,—безъ любви и дружбы. Должны существовать люди, для которыхъ все наслажденіе въ наукѣ, избранной ими; къ нимъ принадлежу и я. Для меня было бы счастьемъ создать что-либо значительное. Можетъ быть оно не суждено мнѣ; такъ пусть будетъ моимъ счастьемъ самое стремленіе къ значительному: въ этомъ я не хочу отказать себѣ. Твоя наука свѣтская?—спрашиваешь ты.—Развѣ есть на свѣтѣ что-либо свѣтское, что-либо внѣ Бога?» «Я хочу изучить жизнь народовъ въ XV ст.; изучить новые всходы всѣхъ сѣмянъ, посѣянныхъ древностью. Я знаю заранѣе, что эти порывы мысли, воли и творчества не ограничивались вершинами литературы; напротивъ, въ извѣстныхъ проявленіяхъ они жили и среди простого народа. Я знаю это по реформаціи; хотя Евангеліе милостію Божіей непосредственно, какъ откровеніе, было дано Лютеру, все-таки успѣхъ этого вдохновенія свыше покоился и на другихъ еще основахъ: только сухое дерево вспыхиваетъ сразу. Вѣдь, уже Фихте, думается мнѣ, сказалъ, что эта любовь къ жизни прошлаго, къ ея идеѣ, это внутреннее вынашиванье и усвоеніе древности во всей ея глубинѣ—ведетъ къ Богу. Говорятъ: кто принимаетъ причастіе и не вѣруетъ, дѣлаетъ это себѣ въ осужденіе. Я бывало не могъ этого понять, но развѣ это не такъ? Кто понимаетъ античное плоско, поверхностно, грѣховно, дѣлаетъ это себѣ въ осужденіе: все глубже идетъ тогда духовная нищета, жизнь становится болѣе плоской, мысль коченѣетъ. Такъ это было въ Италіи при возрожденіи, такъ это бываетъ и теперь со многими: словно какъ будто бы духъ, присущій античному, мститъ за свое поруганіе. Во всей исторіи живетъ и познается Богъ. Каждое событіе свидѣтельствуетъ о немъ, каждый мигъ называетъ его по имени, а всего болѣе, думается мнѣ, внутренняя связь въ общемъ ходѣ исторіи». Вѣра въ таинственное ярче всего просвѣчиваетъ у историка въ письмѣ къ брату Генриху отъ декабря 1823 г. Въ ночь на четвергъ 17—18 декабря Ранке видѣлъ во снѣ, что жизни отца грозитъ опасность. Проснувшись, онъ тотчасъ же поѣхалъ въ Вію и узналъ тамъ слѣдующее: во вторникъ 16 декабря отецъ ходилъ въ конюшню и упалъ. Это не причинило ему вреда, однако въ среду вечеромъ ему захотѣлось лечь спать вмѣсто десяти часовъ—въ девять. Пока жена и дочь помогали ему снять платье, съ нимъ сдѣлался обморокъ. Пригласили врача, и черезъ нѣсколько времени отецъ Ранке пришелъ въ себя. Но въ ногахъ отъ колѣнъ вверхъ шли еще какія-

то судороги. Отцу думалось, что онъ умретъ, какъ только эти подергиванья дойдутъ до сердца. «Дорогая мать,—говорилъ онъ,—передай мой поклонъ всѣмъ дѣтямъ. Ты хорошо проживешь жизнь, но только не хорони меня слишкомъ рано». Все это происходило въ Вѣ какъ разъ въ тѣ часы ночи, когда во Франкфуртѣ Л. Ранке видѣлъ свой сонъ. «Говорятъ о непосредственной связи душъ,—писалъ онъ по этому поводу,—и у насъ старшій пасторъ вѣритъ въ это и привелъ мнѣ разсказъ изъ Эвтанасіи Виланда. Но по мнѣ это слишкомъ мистично. Я вижу здѣсь только непосредственное и очевидное провидѣніе живого Бога, Его любовь къ тѣмъ, кто въ сущности ничто».

Почти вѣруя въ свое призваніе, Ранке цѣпко держался за свое одиночество и разъ принятый образъ жизни. Родня питала, кажется, надежду на его женитьбу, но самъ историкъ отстранялъ отъ себя эту мысль: а между тѣмъ, въ письмахъ не разъ встрѣчается имя Каролины Бееръ, дѣвушки, которая долгое время была связана съ Л. Ранке узами прочной дружбы. «Мнѣ часто приходитъ въ голову,—пишетъ онъ брату,—что я еще ребенкомъ самъ желалъ себѣ жизни, какъ она мнѣ теперь дана. Благородное занятіе, успѣхи въ наукахъ, свободный духъ и другъ. Ты знаешь, что Каролина—мой другъ, добрый, разумный, твердый; она можетъ знать всѣ мои мысли и раздѣляетъ всѣ мои желанья, такъ что лучша болѣе близкаго друга мнѣ и не надо. Правда, моя душа, если только ее вѣрно понялъ, желала иногда любви нѣжной дѣвушки, но отнюдь жены; мое тѣло... здѣсь душа и тѣло вполнѣ и поразительно расходят но на мое тѣло я твердо рѣшился нисколько не обращать вниманія этомъ дѣлѣ». Судьба первой книги волновала Ранке; особенно боялся с сужденія своего брата Генриха, строгаго во всему незрѣлому, а глав оставшагося вѣрнымъ наслѣдственному въ родѣ Ранке богословію. прочелъ далеко не все, что должно прочесть по этому предмету; да и изложеніе далеко отъ совершенства. Но я вынужденъ и, если я не х погубить и испортить свою жизнь, такъ эта книга должна искать дру и поддержки себѣ и мнѣ. Вѣрно только, что я родился для науки и мірѣ больше ни на что отнюдь не гожусь; не такъ уже безусловно вѣр что я родился для изученія исторіи; но я избралъ ее, живу въ ней и душа находитъ въ этомъ блаженство, она удовлетворена и довольна такъ, я буду держаться за исторію. Между тѣмъ, невозможно здѣсь моемъ положеніи съ какимъ-либо успѣхомъ продолжать эти занятія. вѣстное быстро исчерпывается, блѣдно и никого не поучаетъ. Важ врядъ ли есть, или рѣдко, или даже не напечатано и мнѣ вовсе недост но. Такъ какъ я не могу бросить этихъ занятій, не убивъ себя, и могу продолжать ихъ безъ чужой поддержки; такъ какъ я знаю, что только отерылъ кое-что новое, но и прозрѣлъ по крайней мѣрѣ изда непосредственное господство, видимую дѣятельность Божества и ощути отчасти жизнь души человѣчества, то я и рѣшился идти съ этой кни на встрѣчу хвалѣ и осужденію. Но повѣрь мнѣ: я охотнѣе предпочель

года два досуга и залъ полный книгъ и нужныхъ мнѣ свѣдѣній и друга, хотя бы одного истиннаго человѣка близь меня, съ которымъ я могъ бы иногда отдыхать душой; тогда я далъ бы правдивый отчетъ объ истинныхъ людяхъ, истинномъ Богѣ и подлинно бывшей исторіи».

Книга Ранке имѣла быстрый успѣхъ въ оффиціальныхъ сферахъ. Кампгцъ написалъ ему письмо, исполненное теплаго участія: онъ видѣлъ въ лицѣ Ранке грядущаго возстановителя исторіи, въ которомъ наука давно нуждалась, и обѣщался представить его министру, какъ кандидата въ профессора. Министерство брало на себя трудъ выписать нужныя для Ранке рукописи изъ Берлина, Вѣны, Мюнхена, Цюриха, Берна, Парижа и Рима. Наконецъ, въ апрѣлѣ 1825 года Ранке могъ извѣстить брата, что ему предложена каѳедра экстра-ординарнаго профессора исторіи въ Берлинскомъ университетѣ. «Да, мое сердце, старыя мечты и желанія, наконецъ, осуществляются. Однако, радуюсь ли я безусловно и вполнѣ? Все-таки въ Франкфуртѣ я уже присосался въ нѣсколькихъ мѣстахъ и не охотно оторвусь отъ нихъ. Здѣсь, въ Берлинѣ, я многаго боюсь; не всѣ здѣсь смотрятъ съ удовольствіемъ на мое появленіе; къ тому же жалованье у меня маленькое и я принужденъ сжаться. Но за то здѣсь иное поприще, начало новой жизни, которая можетъ стать значительной въ такой степени, какъ я только того хочу. И такъ, мой дорогой братъ, пожелай мнѣ счастья!»

Евг. Щепкинъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Государственный банкъ.

I.

Въ настоящее время на очередь поставленъ весьма важный вопросъ о реформѣ нашего государственнаго банка, характеръ операцій котораго имѣетъ первостепенное значеніе для всей экономической жизни страны. По своимъ задачамъ и полномочіямъ это кредитное учрежденіе соотвѣтствуетъ центральнымъ банкамъ западной Европы. Сущность подобныхъ задачъ сводится къ наиболѣе цѣлесообразному для народнаго хозяйства распредѣленію, путемъ оказанія кредита, тѣхъ свободныхъ капиталовъ, которыми он располагаютъ. Чѣмъ производительнѣе помѣщаются эти свободныя сре ства, тѣмъ значительнѣе заслуга банка. Что касается извлеченія выго изъ своихъ операцій—цѣль, которую прежде всего преслѣдуютъ частны кредитныя учрежденія, то для центральныхъ банковъ она должна ост ваться на второмъ планѣ. Къ сожалѣнію, нашъ государственный бан оказывалъ до сихъ поръ весьма слабое вліяніе на улучшеніе условій н родно-хозяйственной жизни. «Обозрѣвая слишкомъ тридцатилѣтнюю дѣ тельность банка,—говоритъ органъ нашего финансоваго вѣдомства,—нель не придти къ заключенію, что дѣятельность эта не вполнѣ отвѣчала т цѣли, которая имѣлась въ виду при его учрежденіи». Въ общемъ всѣ а тивныя операціи банка, т.-е. операціи по оказанію частнымъ лицамъ кр дита, получили весьма слабое развитіе. Главная ихъ нихъ—учетъ векселей развивалась «довольно медленно, не соотвѣтствуя росту торговыхъ обор товъ страны». Затѣмъ «другая операція, имѣющая существенное значен для торговли и промышленности, выдачи ссудъ подъ товары, хотя и д пускается по уставу банка, на практикѣ не получила развитія и огран чивается самыми скромными размѣрами». Наконецъ, «уставомъ банка вов не было разрѣшено открытіе кредитовъ промышленности, не исключая первенствующаго у насъ земледѣльческаго промысла». «Вышеизложенное выяснившіяся другія несовершенства дѣйствующаго устава государств наго банка,— говорится въ оффиціальномъ сообщеніи,— побудили министр финансовъ повергнуть на высочайшее Его Императорскаго Величества

зрѣніе предположеніе о пересмотрѣ сего устава» *). Въ настоящее время для такого пересмотра учреждена особая коммиссія, намѣтившая уже общій планъ желательнаго преобразованія банка, или, скорѣе, тѣ цѣли, къ достиженію которыхъ это преобразованіе должно быть направлено. Но если всѣ активныя операціи государственнаго банка имѣютъ теперь ничтожные размѣры, то прежде всего возникаетъ вопросъ, какое же употребленіе получали и получаютъ тѣ средства, которыми располагаетъ или можетъ располагать столь крупное финансовое учрежденіе, какимъ является государственный банкъ?

Оборотныя средства центральныхъ банковъ слагаются, какъ извѣстно, изъ трехъ главныхъ элементовъ—собственныхъ (основныхъ) ихъ капиталовъ, вкладовъ, т.-е. капиталовъ чужихъ и эмиссіонныхъ операцій. Первые два источника одинаково доступны всѣмъ кредитнымъ учрежденіямъ, третій же въ большинствѣ случаевъ составляетъ привилегію лишь центральныхъ банковъ, являющуюся въ ихъ рукахъ весьма важнымъ рессурсомъ для оказанія кредита. Заключается эта привилегія въ правѣ выпускать за свой счетъ безпроцентныя обязательства, которыя часто пріобрѣтаютъ всѣ свойства орудій товарнаго обмѣна или бумажныхъ денегъ. Вошли подобныя обязательства въ обиходъ экономической жизни путемъ постепенно-развивавшейся банковской практики. Прототипомъ ихъ явились вкладныя свидѣтельства, выдававшіяся взамѣнъ положенныхъ на храненіе металлическихъ денегъ. Въ древнія времена роль такихъ деньгохранилищъ принимали на себя храмы—дельфійскій въ Греціи, Меркурія въ Римѣ и т. д. Въ средніе вѣка эта роль часто выполнялась монастырями. Затѣмъ начали возникать спеціальныя учрежденія, взимавшія за храненіе извѣстную плату, выдаваемыя же ими вкладныя свидѣтельства служили орудіемъ платежа на равнѣ съ деньгами. Когда было сдѣлано наблюденіе, что значительная часть вкладовъ лежитъ безъ всякого употребленія, то явилась возможность обратить ихъ въ источникъ для выдачи ссудъ или непосредственно деньгами, или фиктивными вкладными свидѣтельствами. Такимъ образомъ въ обращеніе начали поступать уже обязательства, вовсе необезпеченныя металлическою денежною наличностію, хранящеюся въ банкахъ. Получивши право гражданства, операція эта и выразилась въ выпускѣ банковыхъ билетовъ (banke-note) съ обязательствомъ безпрерывнаго размѣна ихъ на металлъ по предъявленію. Но такъ какъ подобныя операціи могутъ повести къ значительнымъ злоупотребленіямъ, то правительства всѣхъ странъ сочли необходимымъ потребовать отъ банковъ извѣстныхъ гарантій и вообще обставить эмиссіонную дѣятельность соблюденіемъ извѣстныхъ точныхъ правилъ.

Въ настоящее время въ различныхъ государствахъ весьма различны какъ права центральныхъ банковъ по выпуску своихъ безпроцентныхъ обязательствъ, такъ и гарантіи, обезпечивающія безостановочный размѣнъ ихъ. Англійскій банкъ руководствуется въ этомъ отношеніи актомъ Робер-

---

*) *Вѣстникъ финансовъ, промышленности и торговли* 1893 г.

та Пиля, изданнымъ въ 1844 г. Размѣръ выпускаемыхъ имъ билетовъ ограниченъ суммою въ 15½ фунт. стерлинговъ, изъ которыхъ 11 милл. обезпечены долгомъ, лежащимъ на государственной казнѣ. Эти обязательства банка служатъ законнымъ средствомъ платежей по частнымъ сдѣлкамъ, тогда какъ ноты (билеты) другихъ частныхъ банковъ такими правами не пользуются. Затѣмъ ноты, выпускаемыя сверхъ указанной нормы, должны быть полностію обезпечены соотвѣтственнымъ увеличеніемъ размѣннаго фонда. Въ Германіи имперскій банкъ пользуется правомъ выпуска нотъ на 274 милл.. марокъ, причемъ третья часть этой суммы обезпечивается его наличностію въ монетѣ. Всѣ остальные банки въ свою очередь могутъ производить выпуски въ размѣрѣ 111 милл. марокъ на тѣхъ же условіяхъ обезпеченія наличностью размѣннаго фонда. Но разница между нотами имперскаго и частнаго банковъ заключается въ томъ, что первыя обращаются по всей территоріи государства, а послѣдніе только въ районахъ, гдѣ находится выпускавшее ихъ учрежденіе. Во Франціи центральный банкъ является единственнымъ въ государствѣ, пользующимся привилегіей выпуска нотъ, общая сумма которыхъ опредѣлена въ 3½ милліарда франковъ, съ обезпеченіемъ одной трети его металломъ. На однородныхъ же началахъ организованы эмиссіоныя операціи и въ другихъ государствахъ западной Европы.

Но металлическій размѣнный фондъ служитъ лишь гарантіей противъ злоупотребленій банковъ эмиссіонными операціями. Затѣмъ они уже сами должны заботиться, чтобы такое обезпеченіе подвергалось возможно меньшему риску. Въ виду этого, практикой создался цѣлый кодексъ правилъ, которыми руководствуются банки, выдавая ссуды своими обязательствами, такъ какъ предъявленіе къ размѣну значительнаго числа ихъ способно, въ концѣ-концовъ, поглотить весь размѣнный фондъ. Подобные результаты и получаются въ тѣхъ случаяхъ, когда банковыя ноты выпускаются въ размѣрѣ, превышающемъ потребность рынковъ въ орудіяхъ обмѣна. Излишекъ ихъ тогда предъявляется къ размѣну, а, за прекращеніемъ его, обязательства банковъ, буде они получаютъ принудительное обращеніе, теряютъ соотвѣтствующую долю своей номинальной цѣнности. Для предупрежденія такого рода послѣдствій банки должны тщательно взвѣшивать кредитоспособность каждаго лица, обязательство котораго они принимаютъ взамѣнъ собственнаго. Эта кредитоспособность выражается главнымъ образомъ въ наличности у кліента товара, который онъ можетъ немедленно поставить на рынокъ. Такимъ образомъ соблюдается то основное правило, по которому количество выпущенныхъ орудій обмѣна соотвѣтствуетъ количеству обращающихся на рынкѣ товаровъ. За всякое вольное или невольное прегрѣшеніе противъ этого основного принципа банки и платятся своимъ залогомъ въ видѣ размѣннаго фонда. Отсюда очевидно также, что никакихъ точныхъ нормъ ни по отношенію къ размѣрамъ выпусковъ нотъ, ни по отношенію къ размѣрамъ необходимаго обезпеченія ихъ размѣна, установить нельзя. Все зависитъ отъ состоянія товарнаго обращенія, которымъ опредѣляется потребность въ орудіяхъ обмѣна, и отъ тѣхъ или иныхъ способовъ ихъ выпуска

Дѣйствительно, мы видимъ, что установленныя правительствомъ правила сплошь и рядомъ нарушаются съ его же разрѣшенія, когда подобныя отступленія требуются интересами торговли. По принятой во всѣхъ банкахъ практикѣ ссуды нотами выдаются подъ краткосрочныя обязательства товаровладѣльцевъ, составляющія ихъ вексельный портфель и сообщающія выпускамъ товарное обезпеченіе.

Эмиссіонныя операціи служатъ для центральныхъ банковъ главнымъ источникомъ для операцій по выдачѣ ссудъ. При условіи же обезпеченія размѣна лишь въ размѣрѣ одной трети выпускаемыхъ обязательствъ, онъ въ значительной своей долѣ является даровымъ. Теперь обратимся къ обозрѣнію способовъ пользованія этимъ источникомъ кредита въ нашемъ отечествѣ.

II.

У насъ учрежденіе банковъ съ выпускомъ своихъ обязательствъ, замѣняющихъ денежные знаки, принадлежатъ иниціативѣ правительства. Учреждались они также прежде всего для удобствъ торговыхъ оборотовъ, которые крайне затруднялись необходимостью производить платежи громоздкими мѣдными деньгами. Впервые возникли у насъ подобные депозитные банки, подъ именемъ «ассигнаціонныхъ», въ 1768 г. Въ указѣ Екатерины II, которымъ оповѣщалось объ этомъ россійское купечество, между прочимъ, заявлено было: «Мы императорскимъ нашимъ словомъ торжественно объявляемъ за насъ и преемниковъ престола нашего, что по тѣмъ государственнымъ ассигнаціямъ всегда исправная и вѣрная послѣдуетъ выдача денегъ требующимъ оную изъ банка». Затѣмъ предупреждалось, что «денежную сумму въ банкахъ находящуюся, ниже малѣйшую часть оной никакому правительству требовать и взаимнообразно брать не дозволяется» *). Подобно банковымъ билетамъ, ассигнаціи выпускались лишь крупныхъ достоинствъ—въ 100, 50 и 25 руб. Размѣнъ ихъ на монету совершался во всѣхъ воеводскихъ канцеляріяхъ, а затѣмъ для этого устроено было 22 промѣнныхъ конторы. Наравнѣ же съ монетой ассигнаціи принимались и въ уплату податей. Купечество встрѣтило этотъ видъ денежныхъ знаковъ довольно радушно. Въ первое время они ходили съ лажемъ противъ монеты. Въ 1786 году, вмѣсто двухъ ассигнаціонныхъ банковъ—въ Петербургѣ и Москвѣ, учрежденъ единый ассигнаціонный банкъ въ Петербургѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ ему предоставлено было уже право производить разныя кредитныя операціи за счетъ эмиссіонныхъ съ выпускомъ ассигнацій, общая сумма которыхъ, болѣе или менѣе, превышала бы металлическій фондъ. На практикѣ, однако, этими расширеніями полномочій банка воспользовалось главнымъ образомъ финансовое вѣдомство въ качествѣ весьма удобнаго источника для покрытія дефицитовъ въ государственномъ бюджетѣ. Съ

*) *Власій Судейкинъ*: „Государственный банкъ. Изслѣдованіе его устройства, экономическаго и финансоваго значенія". Спб., 1891 г.

этого времени въ минуты жизни трудныя всѣ наши министры финансовъ начали «имѣть прибѣжаніе» къ выпускамъ ассигнацій. До учрежденія «единаго» ассигнаціоннаго банка государственный долгъ по необезпеченному выпуску ассигнацій составлялъ 30 милл. руб. Но затѣмъ благодаря безпрерывнымъ войнамъ и усиливающейся потребности въ деньгахъ, онъ начинаетъ быстро расти. Хотя при учрежденіи банка было торжественно обѣщано, что выпускъ ассигнацій не превыситъ 100 милл. руб., но обстоятельства заставили очень скоро нарушить подобное обѣщаніе. Черезъ десять лѣтъ послѣ учрежденія ассигнаціоннаго банка общая сумма ихъ достигла уже 157 милл. руб. Но такъ какъ ассигнаціи выпускались для нуждъ правительства, а не подъ векселя, съ погашеніемъ которыхъ ассигнаціи возвращались бы обратно въ кассы банка, то рынокъ скоро переполнился ими. Вмѣстѣ съ тѣмъ пріостанавливается размѣнъ ассигнацій на монету и наблюдается паденіе ихъ цѣнности. Въ 1800 г. выпускъ составлялъ уже 212 милл., въ 1811 г.—581 милл., наивысшей же суммы онъ достигъ въ 1817 г.—836 милл. р. Параллельно падалъ и курсъ ассигнацій. Скончалась Екатерина II при курсѣ въ 68 к., въ 1810 г. онъ понизился до 43 к., а въ годъ побѣдоноснаго возвращенія нашихъ войскъ изъ Парижа курсъ упалъ до 23 к. сер. за рубль ассигнаціями. Въ то же время въ распоряженіе «учетныхъ конторъ», учрежденныхъ при ассигнаціонномъ банкѣ и предназначавшихся для учета торговыхъ векселей, отпущены были самыя незначительныя средства. Крайне ненормальныя условія дѣятельности ассигнаціоннаго банка сознавались и правительствомъ. Въ 1810 г., при обсужденіи въ государственномъ совѣтѣ вопроса о реформѣ этого учрежденія между прочимъ высказано было, что «ассигнаціонный банкъ съ самаго начала своего образованія, удаляясь отъ существенныхъ своихъ предметовъ, былъ занятъ почти единственно доставленіемъ казначейству чрезвычайныхъ пособій въ нуждахъ государственныхъ и есть не что иное, какъ мѣсто заготовленія «кредитныхъ бумагъ». Вообще гласные и негласные выпуски ассигнацій являлись для финансовыхъ дѣятелей того времени наиболѣе удобнымъ и безхлопотнымъ способомъ покрывать дефициты. «Кажется, нѣтъ другого средства теперь,—писалъ одинъ изъ нихъ,—какъ прибѣжаніе къ тѣмъ же пособіямъ банковымъ, кои употребляемы были въ теченіе 1790—91 г. Сія же операція тѣмъ удобнѣе можетъ исполнена быть, что и банки ассигнаціонные и казенные доходы въ одномъ управленіи, слѣдовательно, легко можно сію операцію такъ распорядить, что въ публикѣ онаго и гласнаго не будетъ».

Въ мирный періодъ жизни Европы, наступившій послѣ изгнанія Наполеона, наше правительство начинаетъ предпринимать цѣлый рядъ мѣръ для поднятія цѣнности ассигнацій. Различныя мѣры въ этомъ направленіи принимались и ранѣе, но онѣ сплошь и рядомъ противорѣчили другъ другу, продолжавшіеся же выпуски ассигнацій на веденіе наполеоновскихъ войнъ способствовали дальнѣйшему ихъ паденію. Такъ, до 1810 г. законодательство вовсе не считало нужнымъ опредѣлять юридическія права вы-

пускавшихся ассигнацій. Только въ этомъ году по мысли гр. Спе
вся сумма ихъ была объявлена государственнымъ долгомъ, денеж
единицей признанъ серебряный рубль. Но указомъ 9 декабря 1812
щенію ихъ приданъ уже принудительный характеръ. Мотивиров
мѣра тѣмъ соображеніемъ, что при заключеніи всѣхъ сдѣлокъ на
пін потребность въ нихъ, а отсюда и самый курсъ, повысится.
данія эти не сбылись, хотя и причинили рѣшительныя неудобства
цамъ нѣкоторыхъ окраинъ, совершавшимъ до сихъ поръ сдѣлки в
ллическую валюту. Только съ 1818 г. правительство приступило к
ченію займовъ и продажѣ государственныхъ имуществъ съ цѣлію
нія средствъ для изъятія изъ обращенія нѣкоторой части ассигн
1822 г. министромъ финансовъ гр. Гурьевымъ было извлечено ас
на 241 милл. р. Смѣнившій гр. Гурьева гр. Канкринъ началъ д
подготовлять болѣе радикальную реформу денежной системы, на
ную къ возстановленію металлическаго обращенія. Весьма близк
тіе въ этихъ подготовительныхъ работахъ принялъ гр. Сперанскій
въ то время предсѣдателемъ департамента экономіи въ государс
совѣтѣ. Началомъ реформы послужило возстановленіе депозитныхъ
ній ассигнаціоннаго банка. Заключались онѣ въ томъ, что взамѣ
симыхъ въ кассу серебряныхъ денегъ выдавались депозитныя св
ства, которыя уже ходили наравнѣ съ металлическою монетой. Зат
ланъ былъ опытъ выпуска особыхъ денежныхъ знаковъ въ видѣ
мыхъ билетовъ, которые также размѣнивались въ кассѣ на сер
результатѣ къ концу тридцатыхъ годовъ у насъ появились трехъ
обязательства банка: ассигнаціи, депозитныя свидѣтельства и к
билеты. Для объединенія ихъ манифестомъ 1 іюля 1843 г. об
былъ обмѣнъ ассигнацій на кредитные билеты соотвѣтственно их
Такимъ образомъ 595.475,310 ассигнаціонныхъ рублей превратя
курсу 3½ ассиг. руб. за 1 р. кред. или сер.) въ 170.221,802
дарственными кредитными билетами. Операція эта въ финансовой
кѣ извѣстна подъ именемъ девальваціи. Для обезпеченія размѣн
вида обязательствъ было установлено, что металлическій фондъ
составлять по крайней мѣрѣ ⅓ всей суммы выпущенныхъ билетов
размѣна, впрочемъ, ограничивалось для всѣхъ городовъ кромѣ Пе
Въ Москвѣ въ одни руки выдавалось серебра на 3 тыс. руб. и в
уѣздныхъ казначействахъ—на 100 р. Для завѣдыванія выпускам
ныхъ билетовъ при министерствѣ финансовъ учрежденъ былъ ос
ганъ—экспедиція заготовленія государственныхъ билетовъ.

Такимъ образомъ, благодаря произведенной реформѣ, упавшія
неразмѣнныя ассигнаціи замѣнились полноцѣнными и размѣнными
ными билетами. Но реформа вовсе не коснулась самыхъ основані
торыхъ впредь должны были совершаться ихъ выпуски. Въ п
лишь указывалось, что при дальнѣйшихъ выпускахъ каждый к
билетъ, сверхъ 170 милл., долженъ быть обезпеченъ соотвѣтст

увеличеніемъ размѣннаго фонда. За чей же счетъ и на какія цѣли могутъ производиться выпуски кредитныхъ билетовъ, объ этомъ ничего не говорилось. Эмиссіонная операція попрежнему осталась въ сторонѣ отъ потребности въ обмѣнныхъ знакахъ, предъявляемыхъ торгово-промышленною жизнію. Между ними не было установлено той связи, которая, какъ мы видѣли, положена въ основаніе эмиссіонныхъ операцій центральныхъ банковъ западной Европы. Заранѣе уже можно было предвидѣть, что при первой же экстренной надобности въ денежныхъ средствахъ финансовое вѣдомство вновь прибѣгнетъ къ этому источнику. Что подобная опасность предвидѣлась, доказывается образовавшимся въ то время проектомъ передачи ассигнаціоннаго банка въ руки частнаго акціонернаго общества. Опасенія оправдались довольно скоро,—въ началѣ крымской войны послѣдовалъ выпускъ кредитныхъ билетовъ на весьма значительную сумму. Къ концу 1856 года у насъ имѣлось уже кредитныхъ билетовъ на 700 милл. р. Въ томъ же году пріостановленъ ихъ размѣнъ, такъ что мы опять возвратились къ неразмѣннымъ бумажнымъ деньгамъ съ принудительнымъ обращеніемъ и цѣнностію ниже номинальной.

При такомъ положеніи эмиссіонной операціи указомъ 31 мая 1860 г. учрежденъ «государственный банкъ», предназначенный для оживленія торговыхъ оборотовъ и упроченія денежно-кредитной системы. Но учрежденіе его не ввело никакихъ существенныхъ измѣненій въ это дѣло. Производить эмиссіонныя операціи для своихъ коммерческихъ цѣлей банку его уставомъ не предоставлено. Подобное право осталось за государствомъ или, скорѣе, за финансовымъ вѣдомствомъ, а банкъ является въ этомъ отношеніи только исполнительнымъ его органомъ. Первый балансъ государственнаго банка къ 1 января 1861 г. по эмиссіонной операціи представляется въ слѣдующемъ видѣ: кредитныхъ билетовъ въ обращеніи находилось на 713 милл. руб., изъ нихъ около 93 милл. р. было обезпечено металлическимъ фондомъ, и 620 милл. руб. составляли «безпроцентный долгъ государственнаго казначейства». Съ 1861 г. по 1877 годъ въ общемъ безъ особенно значительныхъ измѣненій колебался какъ размѣръ обращающихся кредитныхъ билетовъ, такъ и сумма безпроцентнаго долга казначейства банку. Наступившая затѣмъ русско-турецкая война заставила правительство прибѣгнуть къ новому «временному» выпуску кредитныхъ билетовъ. Общая сумма выпуска составила 467,850 т. р. Изъ этой суммы часть впослѣдствіи была погашена, а 266,263 т. р. находятся въ обращеніи и до сихъ поръ, вопреки Высочайшему указу отъ 1 января 1881 г. объ ихъ погашеніи. Наконецъ указомъ 28 іюля 1891 года г. министру финансовъ предоставлено дѣлать временные выпуски кредитныхъ билетовъ для подкрѣпленія кассъ государственнаго банка, на его коммерческія операціи. Всего на основаніи этого указа въ разное время выпущено 150 милл. руб., изъ котораго погашено 50 милл. руб. и 100 милл. р. остается въ обращеніи. Изъ отчетовъ банка, однако, не видно, чтобы за счетъ этой суммы увеличился размѣръ его коммерческихъ операцій. Очевидно, она тякже поглощена нуждами финансо-

ваго вѣдомства. Въ общемъ итогѣ сумма обращающихся кредитныхъ билетовъ достигла теперь 1,146 милл. р. По категоріямъ она подраздѣляется на просто кредитные билеты—780 милл. руб., билеты 1-го «временнаго» выпуска—266 милл. р. и 2-го «временнаго» выпуска—100 милл. р.

Изъ приведеннаго краткаго историческаго очерка видно, что нашъ государственный банкъ не пользовался и, по уставу, не имѣетъ права прибѣгать къ выпуску краткосрочныхъ безпроцентныхъ обязательствъ для своихъ коммерческихъ операцій. Этотъ источникъ оказанія кредита съ избыткомъ исчерпанъ еще до его учрежденія исключительно на покрытіе нуждъ государственно-финансоваго хозяйства. Подобное же назначеніе имѣли и послѣдующіе выпуски, по отношенію къ которымъ банкъ являлся какъ бы коммиссіонеромъ казначейства. Указываютъ на отдѣльные случаи, когда выпуски, въ весьма скромныхъ, впрочемъ, размѣрахъ, производились на коммерческія цѣли. Но разрѣшались они лишь въ виду того, что собственныя средства банка часто истрачивались финансовымъ вѣдомствомъ. Можно сказать поэтому, что наши эмиссіонныя операціи имѣли и имѣютъ мало общаго съ такими же операціями центральныхъ банковъ Западной Европы. Прежде ассигнаціи, затѣмъ кредитные билеты, выпускались у насъ для погашенія дѣлавшихся правительствомъ издержекъ, а не на совершеніе сдѣлокъ съ товарами и подъ краткосрочныя же обязательства товаро-владѣльцевъ. При такихъ условіяхъ между ростомъ денежнаго и ростомъ товарнаго обращенія всякое соотвѣтствіе отсутствовало. Съ другой стороны, когда существуетъ размѣнъ бумажныхъ денежныхъ знаковъ на металлъ, то избытокъ ихъ, не поглощенный товарнымъ обращеніемъ, направляется обратно въ кассы эмиссіонныхъ банковъ. Послѣднее обстоятельство, какъ мы уже говорили, и служитъ сдерживающею уздой, заставляющею банки пользоваться правомъ дѣлать выпуски своихъ обязательствъ съ крайнею осторожностью. У насъ съ пріостановленіемъ размѣна кредитныхъ билетовъ и эта гарантія устранена. Въ результатѣ избытокъ въ денежныхъ знакахъ, не имѣющихъ собственной внутренней цѣнности, выражается въ пониженіи ихъ покупательной способности, сравнительно съ металлическими деньгами, которыя они замѣняютъ. Иначе говоря, происходитъ паденіе ихъ курса. Но такъ какъ товарное обращеніе, а отсюда и спросъ на орудія обмѣна періодически усиливаются или ослабѣваютъ, то колеблется и самая цѣнность бумажныхъ денежныхъ знаковъ. Къ этому главному фактору колебаній курса присоединяются второстепенные, въ видѣ биржевой игры и разныхъ политическихъ событій, укрѣпляющихъ или подрывающихъ вѣру въ возможность близкаго выполненія принятыхъ на себя государствомъ обязательствъ.

Такимъ образомъ, государство, сохранивши за собою право на производство эмиссіонныхъ операцій, воспользовалось этимъ источникомъ полученія средствъ исключительно для покрытія своихъ финансовыхъ нуждъ. Неумѣренное же пользованіе имъ превратило обязательства государства въ неразмѣнные бумажные денежные знаки съ постоянно колеблющеюся цѣнностью.

III.

Судьбу эмиссіонныхъ операцій отчасти раздѣляютъ и другіе источники кредита, сосредоточивающіеся въ государственномъ банкѣ. Въ этомъ отношеніи государственный банкъ, прежде всего, также получилъ весьма непріятное наслѣдство отъ старыхъ кредитныхъ учрежденій въ видѣ затраты значительной части вкладовъ на нужды государственно-финансоваго хозяйства. Пріемомъ ихъ до 1860 года занимались: коммерческій банкъ, заемный банкъ, ссудныя и сохранныя кассы—петербургская и московская, приказы общественнаго призрѣнія. Изъ нихъ ссудныя кассы занимались выдачей ссудъ помѣщикамъ подъ залогъ имѣній, а коммерческій банкъ учрежденъ былъ въ 1817 г. для оказанія кредита торговлѣ. Но наиболѣе значительная часть скопившихся въ ихъ кассы средствъ въ видѣ вкладовъ затрачивалась на удовлетвореніе текущихъ нуждъ государственнаго казначейства. Съ 1817 г. финансовое вѣдомство перестало прибѣгать къ дальнѣйшимъ выпускамъ ассигнацій; взамѣнъ же этого источника оно начало пользоваться вкладами частныхъ лицъ. Про дѣятельность коммерческаго банка г. Судейкинъ, излагая исторію нашихъ старыхъ кредитныхъ учрежденій, между прочимъ, говоритъ, что, «будучи основано на вѣрныхъ началахъ, это кредитное учрежденіе вскорѣ начало отрѣшаться отъ нихъ подъ вліяніемъ принятыхъ по отношенію къ нему мѣръ государственнымъ казначействомъ, и, наконецъ, оно сдѣлалось тѣмъ источникомъ, изъ котораго министерство финансовъ постоянно черпало потребныя ему средства для покрытія каждогодныхъ дефицитовъ. Послѣднее обстоятельство въ сильной степени вліяло на ходъ операцій банка, такъ какъ, подъ давленіемъ запросовъ на удовлетвореніе нуждъ казначейства, коммерческимъ операціямъ пришлось отвести въ ряду его операцій второе мѣсто и имѣть въ виду не столько удовлетвореніе запросовъ торговли и промышленности, сколько попеченіе о пополненіи недостающихъ средствъ министерства финансовъ». Между тѣмъ, въ уставѣ коммерческаго банка было весьма точно оговорено, что средства коммерческаго банка не должны быть употребляемы на государственныя нужды.

Долги государственнаго казначейства различнымъ кредитнымъ учрежденіямъ постепенно возростали и часто ставили администрацію ихъ въ затруднительное положеніе не только по выдачѣ ссудъ, но даже и по возврату требуемыхъ обратно вкладовъ. Коммерческому банку предписывалось даже передавать накопившуюся у него наличность въ банкъ заемный, изъ котораго она и поступила уже въ распоряженіе финансоваго вѣдомства. Такъ, въ одномъ случаѣ правленію банка предлагается «для скопленія суммъ на подкрѣпленіе заемнаго банка учетъ векселей и особенно подъ залогъ билетовъ коммиссіи погашенія долговъ и облигацій польскихъ займовъ сокращать подъ разными предлогами». Въ другомъ циркулярѣ министръ финансовъ пишетъ: «Особо секретно предложено мною 7 января 1837 года производство частныхъ ссудъ пріостанавливать, но не наруш

очереди и подъ другими благовидными предлогами и удовлетвори
имущественно тѣхъ изъ частныхъ заемщиковъ, кои пожелаютъ по
ссуду банковыми билетами, вмѣсто наличныхъ денегъ». Подъ конец
его управленія финансами гр. Канкринъ указалъ какъ на чрезмѣрно в
размѣры, которые приняла операція передачи вкладовъ частныхъ л
пользованіе казначейства, такъ и невозможность выполнять принять
на себя обязательства. Послѣдняго рода опасенія вполнѣ оправ
когда съ развитіемъ экономической жизни въ странѣ усилилась
ность въ капиталахъ. Мы видимъ, что до 1856 года притокъ вклад
кредитныя учрежденія усиливался, чему въ значительной мѣрѣ спос
вали огромные выпуски кредитныхъ билетовъ на веденіе крымской
Къ началу 1857 г. общая сумма вкладовъ достигла небывалыхъ
ровъ—1,276 милл. р. Невозможность найти для нихъ помѣщеніе зас
прибѣгнуть къ пониженію уплачиваемаго процента съ 4-хъ до 3-хъ. Э
стоятельство вмѣстѣ съ послѣдовавшимъ расширеніемъ частной пре
чивости повлекло за собою обратное востребованіе вкладовъ. Между
огромная часть ихъ была затрачена финансовымъ вѣдомствомъ, а
выдана въ долгосрочныя ссуды помѣщикамъ. При такихъ условіях
вительству пришлось прибѣгнуть къ укрѣпленію за собою вкладо
этою цѣлью въ 1859 г. былъ произведенъ выпускъ 4% непрерыв
ходныхъ билетовъ, а впослѣдствіи 5% банковыхъ билетовъ. Первы
пущено на 131 милл. р., а вторыхъ—на 277 милл. р. Затѣмъ на
твореніе же вкладчиковъ былъ произведенъ выпускъ кредитныхъ би
на 100 милл. р. Окончательный разсчетъ по обязательствамъ стары
дитныхъ учрежденій былъ возложенъ на учрежденный въ 1861 г
дарственный банкъ. Это наслѣдіе оказалось очень тяжелымъ и в
очередь въ продолженіе очень долгаго времени отзывалось весьма не
пріятно на развитіи коммерческихъ операцій банка.

Въ уставѣ государственнаго банка опять-таки оговорена непри
венность его оборотныхъ средствъ, получаемыхъ путемъ притока ча
вкладовъ. Но на практикѣ банку пришлось ежегодно затрачивать
тельную часть по ликвидаціи обязательствъ старыхъ кредитныхъ
деній, отдававшихъ вклады въ распоряженіе финансоваго вѣдомст
помѣщавшихъ ихъ подъ долгосрочныя ссуды. Въ теченіе двадцати пе
лѣтъ ежегодная затрата его на этой операціи колебалась отъ 65
милл. р. Только въ 1886 г. послѣдовало высочайшее повелѣніе объ
ненія ликвидаціонной операціи при банкѣ и возложеніи окончанія
государственное казначейство. Точно также, вопреки прямому
устава, финансовое вѣдомство не переставало дѣлать позаимствова
банка и на удовлетвореніе текущихъ своихъ нуждъ. За пятилѣтіе 1
1864 гг. эти позаимствованія составили около 21 милл. р., въ с
щее пятилѣтіе они возросли до 68 милл. р., въ пятилѣтіе 1870—
они остались почти на томъ же уровнѣ и въ пятилѣтіе съ 1875—
уменьшились до 43 милл. р. «Затрачивая каждогодно столь значит

средства на потребности государственнаго казначейств
дейкинъ,—банкъ, за неимѣніемъ оборотныхъ средствъ, д
стоющими мѣрами укрѣплять за собою самые кратк
другой же стороны, постоянно прибѣгать къ выпускам
товъ». Въ результатѣ «съ первыхъ же годовъ своего
пріобрѣлъ крупное финансовое значеніе во вредъ эко

Съ начала 80 годовъ прямыя позаимствованія и
банка прекращаются, но онъ продолжаетъ служить свои
интересамъ и нуждамъ финансоваго вѣдомства, чѣмъ
и промышленности. Въ этомъ отношеніи, прежде всего,
манія операція банка по выдачѣ ссудъ подъ процентн
шая чрезмѣрно широкіе размѣры. Этого вида кредитъ
банковской теоріи и практики относится къ наименѣе
какъ онъ имѣетъ не производительный характеръ, а и
бительнымъ, либо прямо предназначеннымъ для бирже
большинства центральныхъ банковъ Западной Европы
отведено въ виду указанныхъ условій весьма скромно
она служитъ, главнымъ образомъ, для облегченія реал
ныхъ займовъ. При выпускѣ ихъ банкъ тотчасъ объ
выдавать подъ новыя облигаціи ссуды съ извѣстными
воляетъ частнымъ лицамъ и кредитнымъ учрежденіям
весьма крупныя суммы при ничтожной наличности,
затѣмъ путемъ залога пріобрѣтенныхъ бумагъ въ госу
Въ результатѣ заемъ реализируется не столько на сче
таловъ, обращающихся въ публикѣ, сколько на счет
ственнаго банка, отвлекаемыхъ отъ его коммерческихъ
ская же реализація совершается обыкновенно много по
банка и объясняется отчасти «блестящій» успѣхъ, съ
иногда въ нѣсколько разъ покрываетъ объявленную
полное основаніе опасаться поэтому, что сокращеніе
ссудъ подъ государственныя процентныя бумаги пов
ному ихъ предложенію и паденію цѣнности. Очевидн
значеніе заключается въ поддержаніи государственнаго
портфелѣ банка имѣется болѣе, чѣмъ на 200 милл. р.
дарственныхъ бумагъ, хотя уставъ прямо запрещаетъ д
значительную сумму.

Точно также исключительно на поддержаніе госуд
употребляются банкомъ и весьма значительные капита
нему при посредствѣ сберегательныхъ кассъ. Въ нас
сумма мелкихъ вкладовъ въ этихъ учрежденіяхъ дост
при переводѣ ихъ въ государственный банкъ подобные
на покупку государственныхъ процентныхъ бумагъ. Пр
няго займа въ 100 милл. р., изъ этого источника сразу
трети его. Между тѣмъ, въ другихъ государствахъ капита

сберегательныя кассы, служатъ преимущественно развитію мѣст
дита. Въ Пруссіи, напримѣръ, изъ 3,281 милл. марокъ, составля
1891 г. сумму вкладовъ сберегательныхъ кассъ, только одна тр
щена въ бумагахъ. Остальной капиталъ розданъ въ ссуды по
разнообразнаго вида обезпеченія. На однородныхъ же началахъ р
ются своими средствами сберегательныя кассы въ Австріи, П
Италіи, Норвегіи, Соединенныхъ Штатахъ.

Рядомъ съ операціями, направленными къ поддержанію госуд
го кредита, весьма видное мѣсто въ дѣятельности государственн
занимаютъ и операціи, служащія къ поддержанію курса нашей
единицы. Въ послѣднихъ видахъ съ конца 80 годовъ финансов
ство за счетъ средствъ банка начинаетъ прибѣгать къ значител
купкамъ золота,—операціи, вовсе не предусмотрѣнной уставом
ственнаго банка. По балансу 1 января 1891 г. у заграничных
имѣлось золота на 157 милл. р. Въ слѣдующемъ году общая н
въ металлической валютѣ возросла почти до 250 милл. р. «Эта о
по справедливому замѣчанію Н. С. Петлина,—не нужна государ
банку, не можетъ быть отнесена къ его коммерческимъ операц
оправдываетъ тѣхъ задачъ, которыя на него возложены высочай
жденнымъ уставомъ». Между тѣмъ, «уничтоживъ кассовыя ср
кредитныхъ билетахъ на покупку металла, государственный банк
былъ приступить къ усиленному выпуску кредитныхъ билетовъ,
шенію каковыхъ въ обращеніи правительство постоянно стреми
возвышенію учетнаго процента, пониженіе какового должно состав
изъ главныхъ его заботъ». Съ другой стороны, покупка золота
щіеся въ распоряженіи банка кредитные билеты придало его с
спекулятивно-биржевой характеръ и повлекло даже къ значительн
камъ. Въ 1889 г. потери на курсѣ составили 5,300 т. р. Нак
слѣдствіе затратъ средствъ банка на биржевыя операціи отра
сокращенія его коммерческихъ операцій. Вообще съ каждымъ го
ства банка все болѣе и болѣе отвлекаются на разныя спекулят
раціи, направленныя къ поддержанію курса нашего злополучна
наго рубля и цѣнности государственныхъ бумагъ. Такъ, въ 188
учетъ векселей и товары выдано ссудъ на 158 милл. р., въ 18
мѣръ ихъ упалъ до 117 милл. руб., а въ 1892 году 75 милл.
смотря на увеличившіяся средства банка *). По отношенію
средствамъ коммерческія операціи составляли въ 1871 г. —
1881 г. — 74%, а въ 1891 г. — 18%. Въ настоящее врем
вательно, на помощь торговлѣ и промышленности ассигнуется
$^1/_5$ свободныхъ средствъ государственнаго банка. «И такъ, — з
Н. С. Петлинъ,—мы лишь исполнимъ свой долгъ, если скажемъ,

*) *Статистическія данныя операціямъ государственнаго банка за 186*
Спб., 1893 г.

оставить банкъ въ такомъ положеніи, буде выполненіе высочайше утвержденнаго устава считается для него обязательнымъ» *).

IV.

Такимъ образомъ, на вопросъ о томъ, какое употребленіе получаютъ стекающіяся въ государственный банкъ свободныя средства, мы должны отвѣтить, что наиболѣе значительная часть ихъ затрачивается на удовлетвореніе нуждъ государственныхъ же финансовъ или на разные биржевые обороты, тѣсно съ ними связанные. Въ этомъ до нѣкоторой степени лежитъ, конечно, и причина слабаго развитія коммерческихъ операцій банка, о которомъ говорится въ цитированномъ нами оффиціальномъ сообщеніи. Многіе на основаніи такого рода данныхъ приходятъ къ заключенію, что единственнымъ радикальнымъ способомъ устраненія подобнаго явленія представляется передача центральнаго банка изъ рукъ государства въ руки частнаго акціонернаго общества. Эта мысль возникала каждый разъ, какъ только заходила рѣчь о необходимости реформировать это учрежденіе и создать гарантіи болѣе правильной его дѣятельности. Еще въ 1811 году Сперанскій въ своемъ планѣ финансоваго преобразованія проектировалъ устройство акціонерно-правительственнаго банка. Къ той же мысли многіе государственные люди возвращались въ періодъ денежной реформы, выполненной гр. Канкринымъ, и, наконецъ, въ концѣ пятидесятыхъ годовъ при упраздненіи старыхъ кредитныхъ учрежденій, которыя замѣнилъ собою государственный банкъ. Послѣдователи такой радикальной реформы имѣются и въ настоящее время. Пока центральный банкъ, говорятъ они, будетъ оставаться въ исключительномъ распоряженіи государства, до тѣхъ поръ и служить онъ будетъ исключительно интересамъ государственно-финансоваго, а не народнаго хозяйства. Точно также независимость банка признается и единственною гарантіей противъ злоупотребленій выпусками бумажныхъ денегъ, какъ являющихся прямымъ послѣдствіемъ совмѣстительства въ дѣлѣ завѣдыванія государственными финансами и эмиссіонными операціями. Въ виду этого предлагается такое сочетаніе въ завѣдываніи центральнымъ банкомъ правительственнаго и частнаго элементовъ, при которомъ интересъ акціонеровъ ограждалъ бы его средства отъ посягательствъ со стороны правительства, контроль же правительства не допускалъ бы злоупотребленій со стороны акціонеровъ.

Нельзя, конечно, вполнѣ отрицать полезнаго значенія всякихъ формальныхъ гарантій. Но исторія банковской практики во всѣхъ странахъ наглядно свидѣтельствуетъ, насколько часто предлагаемый взаимоконтроль превращается во взаимопопустительство. Можно сказать, что періодъ служенія честныхъ эмиссіонныхъ банковъ исключительно финансовымъ нуждамъ государства съ допущеніемъ болѣе или менѣе крупныхъ злоупотребленій пережили или продол-

---

*) *Н. С. Петликъ:* „Назначеніе, устройство и очеркъ дѣятельности государственнаго банка“. Спб., 1892 г.

жаютъ переживать чуть ли не всѣ страны. Такъ, въ Англіи въ началѣ нынѣшняго столѣтія ссуды изъ центральнаго банка правительству въ четыре или пять разъ превосходили ссуды, выдаваемыя частнымъ лицамъ. Это давало возможность министерствамъ производить расходы, не испрашивая на то разрѣшенія у парламента. Послѣдній издалъ нѣсколько биллей, воспрещающихъ выдачу банкомъ ссудъ правительству. Надлежнаго дѣйствія они, однако, не оказали. Съ другой стороны, неумѣренное пользованіе этимъ источникомъ повело къ чрезмѣрному выпуску банковыхъ нотъ, пріостановленію ихъ размѣна и паденію цѣнности почти на 30%. Періодъ неразмѣнности нотъ англійскаго банка продолжался съ 1797 по 1819 годъ. Въ это время онѣ имѣли характеръ неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ съ обязательнымъ обращеніемъ и пріемомъ въ казну въ счетъ разныхъ платежей отъ частныхъ лицъ. Точно также и по тѣмъ же причинамъ поступало правительство Франціи въ 1848—50 и 1870—79 гг., когда на его нужды произведены были банкомъ весьма значительные выпуски билетовъ, что повело къ пріостановленію размѣна и паденію ихъ цѣнности. Но и до этого времени французское правительство въ весьма широкихъ размѣрахъ прибѣгало къ позаимствованіямъ изъ центральнаго банка. Еще чаще прибѣгало къ подобнымъ услугамъ центральнаго акціонернаго банка правительство Австро-Венгріи, гдѣ до сихъ поръ еще не послѣдовало возстановленія металлическаго обращенія. Наконецъ, наиболѣе яркимъ доказательствомъ недостаточности такой гарантіи противъ «злоупотребленій» со стороны центральныхъ банковъ, какъ сочетаніе независимости съ правительственнымъ контролемъ, является послѣдній инцидентъ съ эмиссіонными банками въ Италіи. Здѣсь уже злоупотребленія эмиссіонными операціями производились на почвѣ простого подкупа какъ отдѣльныхъ представителей правительственнаго контроля, такъ и цѣлыхъ политическихъ партій, которымъ давались средства на расходы по выборной агитаціи.

Затѣмъ мы видимъ, что почти во всѣхъ государствахъ, въ силу важнаго общегосударственнаго значенія, которое пріобрѣли центральные банки, они превратились въ учрежденія полуправительственныя. Но этотъ переходъ былъ сдѣланъ вовсе не потому, чтобы подобная комбинація признавалась наиболѣе цѣлесообразной съ точки зрѣнія установленія гарантій противъ злоупотребленій. Государство просто не считало себя вправѣ экспропріировать частную собственность и ограничилось поэтому усиленіемъ своего вліянія на дѣятельность центральныхъ банковъ. Не трудно, однако, видѣть, что при такой формѣ завѣдыванія правительство имѣетъ полную возможность, буде пожелаетъ, пользоваться своимъ положеніемъ контролера и стать по отношенію къ акціонерамъ на почву взаимныхъ уступокъ. Съ другой стороны, акціонеры центральнаго банка, какъ и всѣ прочіе предприниматели, заинтересованы лишь въ извлеченіи возможно высокихъ барышей, а не въ служеніи нуждамъ народнаго хозяйства. Естественно, что и средства свои акціонерный банкъ предоставляетъ въ распоряженіе того, кто имъ лучше заплатитъ. Будетъ то правительство, или частныя лица—для нихъ совер-

шенно безразлично. Теперь наше финансовое вѣдомство пользуется средствами государственнаго банка безплатно, при переходѣ же его въ частныя руки подобныя услуги пришлось бы въ томъ или другомъ видѣ оплачивать. Въ этомъ бы и заключалось ея преимущество правительственно-акціонернаго банка. Что же касается народнаго хозяйства, то оно врядъ ли что-нибудь выгадало бы въ результатѣ предлагаемой реформы.

Не создавая никакихъ дѣйствительныхъ гарантій противъ злоупотребленій и отвлеченія средствъ банка на удовлетвореніе нуждъ правительства, передача его въ руки акціонернаго общества только передала бы въ пользованіе частныхъ лицъ тѣ весьма солидныя выгоды, которыя извлекаются изъ присвоенныхъ этому учрежденію исключительныхъ правъ. Разсматривая же вопросъ съ принципіальной точки зрѣнія, едва ли можно сомнѣваться, что, оставаясь въ рукахъ государства, оно въ гораздо большей степени способно служить интересамъ народнаго хозяйства, чѣмъ въ качествѣ учрежденія, принадлежащаго частнымъ лицамъ, для которыхъ на первомъ планѣ будетъ стоять извлеченіе доходовъ. Настоящая дѣятельность нашихъ акціонерныхъ банковъ служитъ весьма плохимъ залогомъ возможности улучшеній въ организаціи кредита съ осуществленіемъ предлагаемой радикальной реформы. «Частные банки, за немногими исключеніями,—говоритъ г. Петлинъ,—не развиваютъ учетной операціи, такъ какъ она представляетъ имъ менѣе выгодъ, чѣмъ спекулятивныя операціи съ курсомъ и бумагами, дающими возможность обращать
и, вслѣдствіе особенной дѣятельности банковъ, не имѣ
ное основаніе опасаться, слѣдовательно, что передача н
банка частному обществу не только не послужитъ къ
тельности, но явится новымъ тормазомъ для измѣненi
ности согласно требованіямъ и интересамъ всего н
Частное общество будетъ энергично протестовать прот
кихъ операцій, которыя, преслѣдуя удовлетреніе нужд
ства, не обѣщаютъ особыхъ выгодъ банку. Съ другой с
ныя выгоды, въ качествѣ хозяина банка, извлекаетъ и
доиство, тогда же придется сверхъ сего нѣкоторую сум
въ пользу новаго компаньона. Другого результата отъ
кальной» реформы ждать нельзя.

Нѣсколько въ иномъ положеніи находится вопросъ
зависимости банка по отношенію къ фанансовому вѣдом
но, не можетъ не смущать наличность въ его распоряже
источника оборотныхъ средствъ, какимъ является госу
Поэтому извѣстный ученый А. Вагнеръ, высказываясь за
дарственнаго банка, ставитъ, однако, непремѣннымъ усло
его отъ министерства финансовъ и полную самостоятельн
ніе указанной зависимости сознано и у насъ уже очень д
году правительство приступило къ упорядоченію эмиссіо
сигнаціоннаго банка, то оно, вмѣстѣ съ тѣмъ, сочло необ

ослабить и зависимость его отъ финансоваго вѣдомства. Съ этою цѣлью дѣятельность банка поставлена была подъ контроль вновь созданнаго совѣта государственныхъ кредитныхъ установленій. Это учрежденіе функціонируетъ и понынѣ, но, какъ можно видѣть изъ исторіи дѣятельности прежнихъ кредитныхъ учрежденій и здравствующаго теперь государственнаго банка, безъ особаго успѣха. Дѣйствительно, на практикѣ вліяніе его сводится почти къ нулю. По уставу, совѣтъ государственныхъ кредитныхъ учрежденій собирается ежегодно въ апрѣлѣ для выслушанія и утвержденія отчета управляющаго государственнымъ банкомъ и для распредѣленія, согласно предложенію г. министра финансовъ, прибылей банка. Затѣмъ для постояннаго наблюденія за правильностью операцій совѣтъ назначаетъ для присутствія въ засѣданіяхъ правленія двухъ депутатовъ — одного отъ дворянства и одного отъ купечества. Третій депутатъ назначается отъ государственнаго контроля. Но всѣ эти депутаты лишь «наблюдаютъ» въ буквальномъ смыслѣ слова, правомъ же голоса при рѣшеніи правленіемъ разныхъ вопросовъ они не пользуются. Ихъ «наблюденія» или предложенія, не принятыя правленіемъ, заносятся въ журналъ и доводятся до свѣдѣнія г. министра финансовъ. Но такъ какъ всѣ отступленія отъ устава въ огромномъ большинствѣ случаевъ дѣлаются въ интересахъ удовлетворенія нуждъ финансоваго вѣдомства и по его иниціативѣ, то понятно, что протесты депутатовъ совѣта никакого практическаго значенія не имѣютъ и имѣть не могутъ.

Очевидно, что независимость государственнаго банка достигалась бы только при полномъ изъятіи этого учрежденія изъ вѣдѣнія министерства финансовъ и допущеніи къ фактическому участію въ управленіи имъ депутатовъ отъ тѣхъ классовъ населенія или учрежденій, которымъ и при посредствѣ которыхъ банкъ имѣетъ въ виду оказывать кредитъ. При расширеніи операцій и круга кліентуры, какъ то предполагается сдѣлать согласно программѣ, намѣченной въ трудахъ коммиссіи, правленію необходимо будетъ имѣть въ своемъ составѣ лицъ, близко знакомыхъ съ условіями жизни каждой отдѣльной группы кліентовъ. Они явятся вмѣстѣ и совѣтниками правленія, и представителями интересовъ своихъ группъ. Въ этомъ предложеніи, въ сущности, нѣтъ ничего ни особенно новаго, ни тѣмъ паче еретическаго. Въ настоящее время въ учетные комитеты банка, его конторъ и отдѣленій, опредѣляющіе размѣры кредито-способности кліентовъ, приглашаются представители торговли, а съ введеніемъ операціи по выдачѣ ссуды подъ соло-векселя землевладѣльцамъ такіе же представители приглашаются и отъ сельскихъ хозяевъ. Если же банкъ расширитъ кліентуру и прибѣгнетъ къ проектируемому посредничеству земствъ, сельско-хозяйственныхъ обществъ, ссудо-сберегательныхъ товариществъ и другихъ учрежденій, то ему придется расширить и составъ представителей отъ заинтересованныхъ группъ. Далѣе опытъ съ соло-векселями, оказавшійся, по словамъ оффиціальнаго сообщенія, «малоуспѣшнымъ», наглядно показалъ, къ какимъ печальнымъ результатамъ приводитъ существующая практика разрѣшенія вопросовъ по организаціи различнаго вида кредита безъ участія и указа-

ній со стороны заинтересованныхъ въ дѣлѣ лицъ. Между тѣмъ, операція по выдачѣ ссудъ подъ соло-векселя чрезвычайно проста, сравнительно съ тѣмъ широкимъ кругомъ операцій, который намѣченъ коммиссіей, учрежденной для разработки плана предстоящаго преобразованія государственнаго банка. Едва ли поэтому можно сомнѣваться, что личныхъ силъ администраціи банка окажется крайне недостаточно для правильнаго разрѣшенія всѣхъ разнообразныхъ и весьма сложныхъ вопросовъ, которые возникнутъ при практическомъ осуществленіи этой программы.

V.

Что касается отдѣльныхъ вопросовъ, разрѣшеніемъ которыхъ обусловливается возможность правильной и широкой постановки организаціи кредита въ странѣ, то въ этомъ отношеніи на первомъ планѣ слѣдуетъ поставить вопросъ объ устраненіи печальныхъ послѣдствій нашихъ эмиссіонныхъ операцій прежняго времени. Благодаря имъ, нашъ государственный банкъ лишенъ того широкаго источника указанія кредита, которымъ пользуются всѣ другіе центральные банки. Затѣмъ обращеніе въ качествѣ орудій товарнаго обмѣна бумажныхъ денежныхъ знаковъ, съ колеблющеюся ихъ цѣнностью, крайне затрудняетъ совершеніе не только кредитныхъ, но и всякихъ торговыхъ сдѣлокъ. Это совершенно равносильно тому, какъ если бы измѣнялась цѣна аршина или дѣйствительный вѣсъ пуда, а всѣ сдѣлки обязательно было совершать на эти единицы мѣры. У насъ часто говорятъ о злокозненной спекуляціи иностранныхъ биржъ съ нашими рублями, но, въ сущности, всѣ наши срочныя торговыя сдѣлки заключаютъ въ себѣ такой же элементъ спекуляціи. На это обстоятельство указывали въ своихъ всеподданнѣйшихъ докладахъ какъ бывшій министръ финансовъ И. А. Вышнеградскій, такъ и его предшественникъ Н. Х. Бунге.

Въ особенности рельефно проявляются неудобства обращенія знаковъ съ колеблющеюся цѣнностью при сношеніяхъ съ за рынками. Продавая свой хлѣбъ, положимъ, въ Марсели на фр экспортеръ находится въ полномъ невѣдѣніи относительно того му онъ выручитъ въ переводѣ на кредитный рубль, такъ как его за время совершенія сдѣлки можетъ значительно измѣнит та же сдѣлка въ 1,000 франковъ превращается черезъ мѣсяцъ то въ 400 р., смотря по состоянію курса. Слѣдовательно, если экс основаніи курса въ моментъ запродажи, предполагаетъ выручен погасить свое обязательство въ 400 р., то онъ рискуетъ понес убытокъ при условіи повышенія курса, когда за франкъ будутъ не 40, а только 30 коп. На эти неудобства отъ обращенія не бумажныхъ денегъ обратила свое вниманіе и коммиссія, обра 1884 г. при Императорскомъ вольно-экономическомъ обществѣ денія вопроса о причинахъ упадка нашей внѣшней хлѣбной то ниженія цѣнъ на хлѣбъ. Естественно, что, опасаясь понести

измѣненія курса, экспортеръ заранѣе старается переложить этотъ возможный убытокъ на производителя, предлагая ему низшія цѣны. «Хлѣбные экспортеры, — говоритъ въ своемъ докладѣ обществу г. Королевъ, — теряютъ всякій разъ, когда въ теченіе того періода, который проходитъ отъ покупки хлѣба на мѣстѣ до его продажи на международномъ рынкѣ, курсъ возвысится». «Но, — продолжаетъ г. Королевъ, — чѣмъ ниже въ данное время курсъ, тѣмъ больше надежды на то, что онъ станетъ скоро подниматься, а потому естественное желаніе у хлѣботорговцевъ купить хлѣбъ на мѣстѣ возможно дешевле, и тѣмъ дешевле, чѣмъ ниже курсъ, въ чемъ хлѣботорговецъ всегда и успѣваетъ». Въ сущности же, всякій торговецъ долженъ разсчитывать на самыя худшія случайности и впередъ ихъ учитывать. Слѣдовательно, какъ бы ни былъ высокъ курсъ, онъ можетъ не безъ основанія полагать, что въ близкомъ будущемъ произойдетъ дальнѣйшее его повышеніе. Въ нашемъ же отечествѣ между закупкою хлѣба и продажей его на иностранныхъ рынкахъ проходятъ цѣлые мѣсяцы, въ теченіе которыхъ часто дѣйствительно происходятъ весьма значительныя измѣненія въ цѣнности нашей денежной единицы.

При сдѣлкахъ внутреннихъ колебанія цѣнности денежной единицы менѣе замѣтны, но вредное ихъ значеніе совершенно одинаково. Съ измѣненіемъ этой цѣнности постепенно измѣняются и цѣны на товары. Въ результатѣ землевладѣлецъ, взявшій ссуду изъ банка, долженъ для погашенія своего обязательства продавать то меньшую, то бо́льшую долю добываемыхъ продуктовъ. При этомъ въ одномъ случаѣ выигрываютъ должники, въ другомъ — кредиторы и вообще владѣльцы денежныхъ обязательствъ, покупательная цѣнность которыхъ повышается или понижается. «Происходящія отъ колебаній цѣнности бумажныхъ денегъ потери могутъ быть настолько значительны, — замѣчаетъ проф. Иванюковъ, — что нѣкоторая часть производителей принуждена будетъ сократить производство, вслѣдствіе уменьшенія капитала, или даже совершенно прекратить его, вслѣдствіе банкротства. Въ современномъ народномъ хозяйствѣ большая часть среднихъ и крупныхъ предпріятій ведется при помощи заемнаго капитала. А потому, при развитіи кредита, при состояніи взаимной задолженности промышленнаго класса, происшедшія банкротства распространяются на значительный кругъ предпріятій и разоряютъ многихъ людей» *). Мы не думаемъ, чтобы та своеобразная теорія, по которой кредитные билеты измѣняютъ свою цѣнность по отношенію къ драгоцѣннымъ металламъ или иностранной монетѣ и сохраняютъ ее по отношенію къ другимъ товарамъ, нуждалась съ серьезномъ опроверженіи. Достаточно напомнить, что золото и серебро представляютъ собою такіе же товары, какъ и всѣ прочіе. Конечно, и вода въ сообщающихся сосудахъ не сразу устанавливается на одномъ уровнѣ, но этотъ фактъ еще не говоритъ противъ справедливости теоріи о равновѣсіи жидкихъ тѣлъ.

---

*) *Политическая экономія, какъ ученіе о процессѣ развитія экономическихъ явленій*. Москва, 1886 г.

Такимъ образомъ, помимо разныхъ другихъ условій, влія мѣненіе товарныхъ цѣнъ, нашему производителю приходится счи такимъ важнымъ факторомъ въ этой области, какъ колебанія цѣ денежной единицы, при посредствѣ которой совершаются вся предѣлы подобныхъ колебаній часто бываютъ весьма значител годахъ нашъ кредитный рубль стоилъ около 80 к. зол., пос около 65 к., въ 1887—88 г.—50 к., въ 1890 г.—75 к., въ 18 Естественно, что такія колебанія не позволяютъ дѣлать никак ныхъ коммерческихъ разсчетовъ, основанныхъ на устойчивос цѣнъ. Лицо, заложившее свою землю въ 1877 — 78 г. и в малоцѣнными рублями, очутилось въ чрезвычайно затрудните женіи, когда дѣйствительная цѣнность его обязательствъ чер повысилась почти на одну треть. Надо, вмѣстѣ съ тѣмъ, главный предметъ нашего производства — хлѣбъ, являющій международнаго сбыта, чрезвычайно чувствителенъ ко всякимъ курса, подъ вліяніемъ которыхъ колеблются и цѣны на это Измѣненіе цѣнъ въ портахъ происходитъ весьма быстро, пос даваясь и на внутреніе рынки, на которыхъ совершается закуп экспорта. Вслѣдствіе этого наши цѣны не слѣдуютъ за меж а бываютъ ниже или выше ихъ въ зависимости отъ состоян

Тѣ же свойства нашей денежной единицы дѣлаютъ и рус торговый рынокъ изолированнымъ отъ рынковъ Западной Евро трудняя всякіе разсчеты по международной торговлѣ и пользова свободныхъ иностранныхъ капиталовъ. Ни одинъ солидный т не согласится принять въ уплату русскій вексель, цѣнность стоянно колеблется. Такъ, въ началѣ нынѣшняго года въ Берл кредитными давали 203 марки, а въ маѣ уже 212 марокъ. Могло читься и обратное. Одинаково не можетъ держать у себя русскій иностранныхъ векселей, такъ какъ онъ не знаетъ будущей цѣны курса по отношенію къ нашей валютѣ. На этой почвѣ получили чрезвычайно широкое развитіе сдѣлки на срокъ съ иностранными портами и участ разсчетахъ представителей биржевой спекуляціи. «Лицо, ко нть произвести платежъ въ иностранной монетѣ, — говор скій въ своемъ изслѣдованіи о биржахъ *),—если оно не з говременно, до наступленія срока, необходимымъ количеств вергаетъ себя этимъ самымъ большому риску, состоящем ему придется, можетъ быть, уплатить такую сумму, о ко и не думало, т.-е. понести при промѣнѣ двухъ денежныхъ шую потерю». Такимъ образомъ, «фабрикантъ, закупившій комъ на 4 мѣсяца въ Англіи сырыхъ продуктовъ на 1,0 вмѣстѣ съ тѣмъ, продавшій срокомъ на 4 мѣсяца свои из 10,000 р., зная при этомъ издержки своего производства

*) *Биржа, спекуляція и игра*. Спб., 1892 г.

стоянiи въ томъ лишь единственномъ случаѣ исчислить и опредѣлить свою прибыль, если онъ обезпечитъ себя отъ колебанiй курса, т.-е. промѣны на фунты стерлинговъ, если онъ тутъ же пріобрѣлъ англiйскую валюту или векселя на Лондонъ. Когда же онъ не былъ настолько остороженъ и упустилъ это сдѣлать, то весьма легко можетъ оказаться, что, при повышенiи курса, его прибыль не только уменьшится, но всецѣло пропадетъ и даже обратится въ убытокъ. Правда, что при пониженiи курса прибыль его увеличится, но выходитъ такимъ образомъ, что не обезпечившiйся фабрикантъ перестаетъ трудиться съ увѣренностью и разсчетомъ, а вводитъ въ свои операцiи дѣйствiе слѣпого случая, дѣлается какъ бы простымъ спекулянтомъ, игрокомъ на пониженiе. Поэтому для всякаго солиднаго фабриканта является настоятельная необходимость обратиться къ банкиру или на биржу и купить уже въ моментъ закупки продуктовъ Англiи вексель или тратту на Лондонъ». Въ совершенно аналогичномъ положенiи находится и иностранный покупатель русскихъ товаровъ. Онъ также заранѣе долженъ купить по извѣстной цѣнѣ, соотвѣтствующей его торговымъ разсчетамъ, орудiе платежа къ тому сроку, когда этотъ платежъ наступитъ. Отсюда понятно, почему иностранныя биржи занимаются покупкой нашихъ рублей. При этомъ, конечно, биржевики стараются купить ихъ возможно дешевле, а продать торговцамъ возможно дороже. Достиженiю такой задачи способствуютъ и разные спецiальные пріемы, при помощи которыхъ производится искусственное вліяніе на повышенiе или пониженiе курса нашей валюты. Не слѣдуетъ, однако, забывать, что при естественныхъ колебанiяхъ въ цѣнности нашей денежной единицы разсчеты по международной торговлѣ безъ такого чрезмѣрно широкаго участiя биржи являются невозможными.

Другимъ не менѣе важнымъ послѣдствiемъ изолированности нашего денежнаго рынка нужно признать сравнительно весьма высокiй у насъ уровень процента, взимаемаго за пользованiе капиталами. Въ Западной Европѣ капиталы давно уже сдѣлались международнымъ товаромъ, устремляющимся туда, гдѣ они приносятъ наивысшiй доходъ. Вслѣдствiе этого учетный процентъ тамъ во всѣхъ банкахъ находится приблизительно на одинаковомъ уровнѣ и при обилiи свободной наличности онъ часто понижается до 2 или даже 1%. У насъ учетный процентъ въ государственномъ банкѣ не бываетъ ниже 5%, а въ частныхъ—7%. Столь значительной разницѣ въ размѣрѣ учетнаго процента мы единственно обязаны тому обстоятельству, что нашъ денежный рынокъ разобщенъ съ рынками Западной Европы, что мы не можемъ пользоваться свободными ихъ денежными средствами. Между тѣмъ, пока у насъ было металлическое обращенiе, свободныя средства иностранныхъ капиталистовъ находили себѣ весьма широкое помѣщенiе въ нашихъ банкахъ. То же нужно сказать и о государственныхъ займахъ, заключаемыхъ въ кредитной валютѣ. Постоянное колебанiе цѣнности нашей денежной единицы, а, слѣдовательно, и дохода, доставляемаго процентными бумагами въ кредитной валютѣ, въ значительной мѣрѣ пре

пятствуютъ размѣщенію ихъ на иностранныхъ рынкахъ въ «т
кахъ». Ни одинъ добропорядочный рантье не станетъ помѣща
реженія въ подобныя бумаги. Взамѣнъ того онѣ являются
матеріаломъ для биржевой спекуляціи, умѣющей или, по крайн
лающей пользоваться ихъ особыми свойствами въ видахъ изв
довъ отъ «пониженія» или «повышенія». Такимъ образомъ, на
обращеніе въ настоящемъ своемъ видѣ порождаетъ самую
спекуляцію, проникающую во всѣ кредитныя и денежно-торго

VI.

Если не принимать во вниманіе своеобразныхъ воззрѣній
шихъ «дикихъ» финансистовъ, съ ихъ вѣрой въ волшебную
графскаго станка, печатающаго кредитные билеты, то въ нас
настоятельная необходимость въ возстановленіи металлическа
можетъ считаться общепризнанной и безспорной. Нѣсколько в
ложенія находится вопросъ о способахъ такого возстановленія. Наиболѣе
популярнымъ и какъ бы претендующимъ на полную научность признается
у насъ способъ возстановленія размѣна кредитныхъ билетовъ посредствомъ
предварительнаго возстановленія ихъ цѣнности до al pari. Для этого
обыкновенно прибѣгаютъ къ извлеченію изъ обращенія нѣкоторой части
денежныхъ знаковъ путемъ простой ихъ покупки на золото или вы-
пуска займовъ, замѣняющихъ безпроцентный долгъ процентнымъ, пока
цѣнность этихъ знаковъ не повысится до al pari. Мы думаемъ, од-
нако, что главное неудобство подобнаго способа возстановленія размѣна
заключается вовсе не въ тѣхъ денежныхъ жертвахъ, которыя требуются
для его осуществленія. На первомъ планѣ въ данномъ случаѣ должно быть
поставлено нежелательно-рѣзкое измѣненіе въ цѣнности денежной единицы,
которое окажется весьма выгоднымъ для всѣхъ владѣльце
обязательствъ и разорительнымъ для выдавшихъ ихъ. Мож
себѣ хотя бы положеніе сельскаго хозяина, номинальная с
тораго, лежащаго на землѣ, останется прежнею, а цѣны
даже самое заложенное имущество упадутъ соотвѣтственно
покупательной цѣнности денежной единицы. «Если и допусти
профессоръ Ивановъ, — что правительство было бы въ
средствомъ выпуска процентныхъ бумагъ, извлечь разомъ
бумажныхъ денегъ, оно едва ли рѣшилось бы на эту мѣру
каго измѣненія рыночной цѣнности бумажныхъ денегъ и бо
всѣхъ должниковъ, что вызвало бы сильную пертурбацію
ныхъ отношеніяхъ общества». Не надо забывать, что зад
ного землевладѣнія превышаетъ у насъ милліардъ рублей
валютѣ. Затѣмъ въ такой же мѣрѣ повысится и дѣйствите
государственнаго долга, составляющаго нѣсколько милліа
Выиграютъ же отъ повышенія цѣнности кредитныхъ билет

только владѣльцы денежныхъ обязательствъ, т.-е. классъ капиталистовъ. Не удивительно поэтому, что въ «финансовыхъ кружкахъ» эта мѣра пользуется чрезвычайными симпатіями.

Несравненно болѣе цѣлесообразнымъ способомъ возстановленія размѣна нужно признать девальвацію, про которую тотъ же проф. Иванюковъ говоритъ, что она, «будучи болѣе радикальнымъ средствомъ, производитъ, въ то же время, меньшія потрясенія обычнаго хода дѣлъ въ народномъ хозяйствѣ». Сущность этой мѣры, прежде всего, заключается въ простомъ и ни для кого не обидномъ уравненіи номинальной цѣнности бумажныхъ денегъ съ рыночною, по которой, въ предупрежденіе колебаній, и производится размѣнъ на металлъ. Далѣе, для удобства разсчета, упавшая въ цѣнѣ денежная единица тѣмъ или инымъ путемъ замѣняется новою полноцѣнною и также размѣнною. Противники девальваціи переносятъ обыкновенно споръ съ экономическо-финансовой на нравственно-правовую почву, доказывая, что государство обязано полностью разсчитаться по своимъ долговымъ обязательствамъ, выражающимся въ общей суммѣ выпущенныхъ кредитныхъ билетовъ, и тѣмъ вознаградить лицъ, пострадавшихъ отъ паденія ихъ цѣнности. Но несостоятельность подобной аргументаціи очевидна. Дѣло въ томъ, что курсъ нашихъ кредитныхъ билетовъ, а вмѣстѣ и цѣнныхъ бумагъ въ кредитной валютѣ, понижался постепенно и въ теченіе этого продолжительнаго періода цѣнности переходили изъ однѣхъ рукъ въ другія. Слѣдовательно, великодушно предлагаемое теперь вознагражденіе получатъ вовсе не тѣ лица, которыя понесли дѣйствительныя потери. Для германскаго, напримѣръ, капиталиста, купившаго сторублевую бумагу за 200 марокъ, превращеніе ея, при возстановленіи цѣнности кредитнаго рубля до al pari, въ 340 марокъ, явится совсѣмъ незаслуженною преміей, полученною безъ всякихъ жертвъ въ прошедшемъ. Очевидно, здѣсь вопросъ идетъ лишь о пріятной перспективѣ капиталистовъ получить въ свою пользу разницу между нынѣшнею рыночною и номинальною цѣнностью нашихъ обязательствъ въ кредитной валютѣ. О возстановленіи ея можно было говорить въ 60-хъ годахъ, когда паденіе курса не было столь значительно, какъ теперь, и когда при посредствѣ обезцѣненнаго денежнаго знака не было заключено столько сдѣлокъ. Поэтому же Н. Х. Бунге, высказывавшійся ранѣе за возстановленіе цѣнности кредитныхъ билетовъ, нѣсколько измѣнилъ свой взглядъ послѣ 1877 года. Во второмъ своемъ проектѣ онъ предлагаетъ уже цѣлый рядъ мѣръ, направленныхъ къ предупрежденію тѣхъ убытковъ, которые могло бы понести государство отъ возвышенія цѣнности своихъ долговыхъ обязательствъ. Въ видахъ этого онъ рекомендовалъ предварительно перевести всѣ государственныя обязательства въ металлическую валюту и въ той же валютѣ выпускать займы, необходимые для извлеченія изъ обращенія нѣкоторой части кредитныхъ билетовъ *). Ре-

*) *П. И. Кауфманъ:* „Кредитные билеты, ихъ упадокъ и возстановленіе". Спб., 1888 г.

зультаты подобной мѣры дали бы дѣйствительно вес
годы. Такъ, милліардъ нашего долга при возстановле
наго билета остался бы, попрежнему, милліардомъ, т
рублей—золотомъ. Между тѣмъ, при предварительном
арда долга кредитными въ металлическую валюту, о
мет., превратился бы въ 650 милліоновъ. Н. Х. Бу
интересы огромной группы частныхъ должниковъ, д
ніе цѣнности ихъ денежныхъ обязательствъ оказалос
рительнымъ, какъ и для государства.

Такимъ образомъ, съ примѣненіемъ обоихъ способ
таллическаго обращенія связано нарушеніе интересов
при предварительномъ повышеніи цѣнности денежно
существенно нарушаются интересы всѣхъ должни
же относится крайне непріязненно классъ капитал
разстаться съ надеждой получить выгоды отъ такого
годахъ классъ капиталистовъ не былъ такъ многоч
почему и операція девальваціи могла быть совершен
тестовъ. Въ виду этого многіе рекомендуютъ предост
ному его теченію и дожидаться того времени, когда
наго обращенія усилится и потребность въ денежны
чего само собою произойдетъ возстановленіе ихъ н
Но подобное предложеніе обрекаетъ насъ на необход
впредь съ колеблющеюся денежною единицей, между т
замѣчанію Н. Х. Бунге, «возвращеніе народному хозя
нежной единицы должно составить задачу возможно
чѣмъ скорѣе это случится, тѣмъ лучше». Съ другой ст
подобныя теоріи объ усиленіи потребности въ денежн
тикѣ далеко не всегда оправдываются. Мы видимъ, в
слѣднія 30 лѣтъ абсолютная сумма обращающихся
увеличилась у насъ довольно незначительно, сравни
населенія она даже уменьшилась. Въ 1860 г. прибы
на человѣка 9 р. 60 к., а въ 1890 г. эта величина
Далѣе, въ 1860 г. курсъ былъ 80 к. золот. за кред
же онъ упалъ до 65 к. Приведенныя данныя съ оче
постепенно уменьшающуюся потребность въ денежных
чѣмъ и цѣнность ихъ понижается. Такой результатъ
бою ничего поразительнаго, если мы примемъ въ со
совершенствующуюся технику товарнаго обмѣна и
При помощи банковъ, текущихъ счетовъ, переводовъ
сумма денегъ совершаетъ несравненно болѣе значител
въ соотвѣтствіи съ чѣмъ увеличивается и число сове
сдѣлокъ. Затѣмъ система уплаты чеками и устройств
позволяетъ обходиться и вовсе безъ посредства денеж
это улучшеніе техники далеко еще не сказало своег

тѣмъ, слѣдовательно, вѣроятнѣе дальнѣйшее сокращеніе потребности въ денежныхъ знакахъ.

Наконецъ, безъ погашенія государственнымъ казначействомъ безпроцентнаго долга государственному банку, это учрежденіе будетъ попрежнему лишено важнѣйшаго источника оказанія кредита въ видѣ эмиссіонныхъ операцій. Въ программѣ предстоящаго преобразованія банка имѣется, между прочимъ, и такой пунктъ: «Слѣдуетъ ли предоставить государственному банку права выпускать банковые билеты на предъявителя (банкноты) и если слѣдуетъ, то на какихъ основаніяхъ?» Затѣмъ въ оффиціальномъ сообщеніи говорится, что коммиссія не пришла при обсужденіи этого вопроса ни къ какому опредѣленному выводу. Дѣйствительно, при условіи обращенія неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ, между банкнотами и кредитными билетами окажется разница лишь въ наименованіи. Если разница заключается въ томъ, что первые будутъ выпускаться для «цѣлей производительныхъ», то вѣдь и выпуски кредитныхъ билетовъ можно дѣлать на тѣхъ же началахъ. А каковы бы ни были эти начала, подобные выпуски всегда поведутъ къ дальнѣйшему паденію цѣнности нашей денежной единицы. Гарантіей въ данномъ случаѣ можетъ служить лишь размѣнность выпускаемыхъ нотъ на металлъ въ полной ихъ нарицательной цѣнности. Поэтому поставленный въ программѣ вопросъ долженъ быть разрѣшенъ въ томъ смыслѣ, чтобы банку было разрѣшено выпускать для оказанія кредита, свои ноты, размѣнными на золото, по примѣру всѣхъ остальныхъ эмиссіонныхъ банковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и государственное казначейство должно возстановить размѣнъ своихъ кредитныхъ билетовъ по ихъ рыночному курсу. Такимъ образомъ, послѣдніе постепенно извлекались бы изъ обращенія и замѣнялись бы полноцѣнными и размѣнными банковыми билетами, выпускаемыми уже банкомъ не за счетъ и на нужды казначейства, а за счетъ кліентовъ подъ ихъ векселя. Эта форма девальваціи совершенно однородна съ той, которая была произведена ранѣе, при гр. Канкринѣ. Какъ тогда упавшія въ цѣнѣ ассигнаціи были замѣнены полноцѣнными и размѣнными кредитными билетами, такъ теперь кредитные билеты можно замѣнить банковыми. Но гр. Канкринъ оставилъ право на эмиссіонныя операціи попрежнему за государствомъ или, вѣрнѣе, за финансовымъ вѣдомствомъ, между тѣмъ какъ оно всецѣло должно принадлежать государственному банку въ качествѣ учрежденія коммерческаго и вполнѣ самостоятельнаго.

Въ общемъ возстановленіе металлическаго денежнаго обращенія должно явиться необходимымъ элементомъ предстоящаго преобразованія государственнаго банка. Оно прежде всего устранитъ тотъ элементъ спекуляціи, которымъ по необходимости проникнуты теперь всѣ срочныя торговыя и кредитныя сдѣлки. Затѣмъ металическое обращеніе облегчитъ переходъ къ болѣе правильной и цѣлесообразной въ интересахъ народнаго кредита постановкѣ эмиссіонной операціи. Наконецъ, оно усилитъ притокъ къ намъ дешевыхъ иностранныхъ капиталовъ, причемъ какъ государственный, такъ частные банки явятся весьма полезными посредниками между денеж-

ными рынками Западной Европы и нуждающемся въ мышленностью.

VII.

Рядомъ съ расширеніемъ оборотныхъ средствъ государственнаго банка предоставленіемъ въ его распоряженіе эмиссіонной операціи и исключительнаго пользованія частными вкладами предстоящее преобразованіе должно быть направлено къ децентрализаціи и демократизаціи его коммерческихъ операцій. Изъ частныхъ лицъ услугами этого учрежденія пользуется теперь сравнительно небольшая группа крупныхъ торговцевъ обѣихъ столицъ. Въ этомъ отношеніи у насъ обращаетъ на себя прежде всего вниманіе сравнительно незначительное количество провинціальныхъ отдѣленій государственнаго банка. Такъ, французскій центральный банкъ имѣетъ свои отдѣленія во всѣхъ департаментахъ, а въ Германіи ихъ насчитается до 230, нашъ же государственный банкъ располагаетъ 9 конторами и 81 отдѣленіями. Эти отдѣленія, однако, не только не получаютъ отъ своего принципала нужныхъ ему оборотныхъ средс сами отсылаютъ туда почти всю свою свободную наличность. Кон отдѣленія служатъ лишь какъ бы агентами по стягиванію въ г кассу банка свободныхъ капиталовъ со всѣхъ концовъ Россіи. О по 1890 г. долгъ банка его отдѣленіямъ колебался отъ 8 до 145 т То же, какъ мы видѣли, происходитъ и со средствами, стекающи провинціальныя сберегательныя кассы.

Что касается главной операціи банка по учету векселей, то он говорится и въ оффиціальномъ сообщеніи, «развивалась вообще ме не соотвѣтствуя росту торговыхъ оборотовъ страны». Располагая ными средствами въ размѣрѣ около 1½ милліарда рублей (1.400 м выпущенныхъ кредитныхъ билетовъ и 440 милл. р. вкладовъ), бан тываетъ векселей въ годъ не болѣе какъ на 250 милл. р. Чтобы о значеніи этой цифры, достаточно сказать, что годовой итогъ операціи французскаго банка достигаетъ 10 милліардовъ франковъ милліардовъ рублей. Затѣмъ французскій банкъ вовсе не чуждается мелкихъ векселей, какъ то наблюдается у насъ. Средняя цѣнность превышаетъ въ нашемъ банкѣ 1,000 р., во французскомъ же она ляетъ около 300 р., причемъ около 2 милліоновъ франковъ выда ссуду подъ мелкіе векселя цѣнностью въ 100 фр. или 40 р. Такимъ зомъ пользованіе дешевымъ кредитомъ изъ государственнаго банка ставляетъ собою теперь привилегію небольшой группы крупныхъ сантовъ. Получая оборотныя средства изъ этого источника, они за нимаются простымъ дисконтерствомъ. Такъ, въ Москвѣ, по словам *скихъ Вѣдомостей,* большинство дисконтеровъ, «сами г мышленной аристократіи и пользуясь банковымъ кр затѣмъ средства, полученныя изъ банка, болѣе мелки надбавкой не малой приплаты за свои услуги». Наконе

ными кліентами государственнаго банка являются частные банки, пользующіеся своимъ широкимъ кредитомъ для биржевой спекуляціи, а въ томъ числѣ и для игры съ нашимъ злополучнымъ кредитнымъ рублемъ.

Въ интересахъ предполагаемой демократизаціи и децентрализаціи дѣятельности государственнаго банка прежде всего необходимо, конечно, увеличеніе числа его мѣстныхъ отдѣленій. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ полнаго сочувствія указаніе коммиссіи на возможность сліянія такихъ отдѣленій съ уѣздными казначействами и на желательность учрежденія такихъ отдѣленій или хотя бы простыхъ агентуръ даже въ деревняхъ. Но и при такой децентрализаціи непосредственныя сношенія банка съ массою его мелкихъ кліентовъ, если онъ пожелаетъ придти на помощь, наприм., крестьянскому населенію, явятся крайне затруднительными. Желаніе гарантировать себя отъ убытковъ поведетъ къ установленію сложныхъ формальностей, которыя сдѣлаютъ пользованіе кредитомъ для мелкихъ кліентовъ почти совершенно недоступнымъ. Поэтому наиболѣе цѣлесообразною системой нужно признать въ данномъ случаѣ организацію посредничества путемъ устройства спеціальныхъ кредитныхъ учрежденій, предназначенныхъ для оказанія отдѣльныхъ видовъ кредита. Подобнаго рода учрежденіями могли бы явиться банки сельско-хозяйственные, кустарные, ремесленные и т. д., устраиваемые правительствомъ, земствами и, наконецъ, непосредственно самими производителями въ видѣ обществъ взаимнаго кредита. Въ настоящее время общественная и частная самодѣятельность въ этой области въ значительной мѣрѣ парализируется отсутствіемъ матеріальныхъ средствъ для осуществленія или расширенія различныхъ добрыхъ начинаній. Земства возбуждаютъ почти безпрерывно ходатайства объ оказаніи имъ матеріальной поддержки по организаціи того или другого вида кредита для населенія, но эти ходатайства остаются въ большинствѣ случаевъ безъ удовлетворенія. Въ такой же степени могли бы служить полезными посредниками между государственнымъ банкомъ и населеніемъ ссудо-сберегательныя товарищества и сельскіе банки, при условіи увеличенія ихъ числа, пересмотрѣ устава и организаціи надежнаго контроля за правильностью производства ихъ операцій.

Насколько неблагопріятно теперь положеніе нашихъ мелкихъ производителей, можно видѣть изъ слѣдующихъ сравнительныхъ данныхъ о размѣрахъ дѣятельности ссудо-сберегательныхъ товариществъ въ различныхъ государствахъ. Въ 1890 г. германскія товарищества выдали ссудъ на 1,641 тыс. марокъ, что по курсу составитъ почти 700 милл. руб. кред. Такимъ образомъ операціи ихъ значительно превосходятъ своими размѣрами даже ссудныя операціи нашего государственнаго банка, не говоря уже о нашихъ ссудо-сберегательныхъ товариществахъ, выдавшихъ въ 1890 г. ссудъ всего лишь на 17,460 тыс. р. «Было время,—говорится о Германіи въ отчетѣ нашего комитета,—когда, въ виду могущественнаго развитія фабричной промышленности и крупной земледѣльческой культуры, мелкіе производители чувствовали себя обреченными на гибель. Товарищества возвратили имъ сознаніе своей силы и дали возможность вести съ надеждой на успѣхъ со-

вершенно непосильную, казалось, борьбу съ крупнымъ производствомъ*). Что касается оборотныхъ средствъ германскихъ товариществъ, то источникомъ ихъ служатъ главнымъ образомъ займы. Большинство ихъ предназначено для сельскаго земледѣльческаго населенія и устроено по примѣру Райфейзена, а не Шульце-Деличе, послужившаго прародителемъ нашихъ ссудосберегательныхъ товариществъ. Разница же между ними заключается въ томъ, что первыя занимаются главнымъ образомъ выдачею долгосрочныхъ ссудъ, погашаемыхъ мелкими частями иногда въ теченіе пятнадцати лѣтъ, вторыя же, имѣя дѣло съ рабочими городскими классами, имѣютъ въ виду оказаніе краткосрочнаго кредита и поощреніе кліентовъ къ накопленію сбереженій.

Надо имѣть въ виду, что нашъ мелкій производитель нуждается преимущественно въ долгосрочномъ съ меліораціоннымъ характеромъ кредитѣ, а не въ краткосрочномъ оборотномъ. Для земледѣльца, кустаря, ремесленника прежде всего необходимы средства на пріобрѣтеніе орудій труда, вообще на улучшеніе условій своего производства. Въ особенности это относится къ нынѣшнему времени, когда значительная часть нашего земледѣльческаго населенія, подъ вліяніемъ разныхъ невзгодъ, превратилась въ безхозяйныхъ пролетаріевъ. Возстановить ихъ благосостояніе только и можетъ хорошо организованный долгосрочный кредитъ съ выдачей ссудъ на обзаведеніе хозяйствомъ какъ на мѣстѣ, такъ и при переселеніяхъ **). Между тѣмъ у насъ весьма распространено мнѣніе, что государственный банкъ не можетъ затрачивать своихъ средствъ на выдачу долгосрочныхъ ссудъ. Съ подобнымъ мнѣніемъ нельзя вполнѣ согласиться. Банкъ, какъ извѣстно, располагаетъ значительной суммой, составляющеюся изъ вкладовъ не только долгосрочныхъ, но даже вѣчныхъ. Затѣмъ и нѣкоторой части срочныхъ вкладовъ безъ всякого риска можно дать долгосрочное помѣщеніе, такъ какъ практика достаточно выяснила тотъ уровень, который никогда не переходитъ обратное востребованіе вкладовъ. Въ Германіи и Австріи сберегательныя кассы помѣщаютъ значительную часть своихъ средствъ даже въ видѣ ссудъ подъ недвижимость на сроки до 20 лѣтъ. Нельзя, конечно, отрицать и важнаго значенія краткосрочнаго кредита, но ощущаемая теперь въ немъ широкая потребность, о размѣрѣ которой обыкновенно судятъ по усиливающейся дѣятельности ростовщиковъ, должна быть отнесена къ числу явленій ненормальныхъ. Эта потребность обусловливается разстройствомъ крестьянскаго хозяйства и общимъ упадкомъ благосостоянія населенія, когда огромная часть домохозяевъ постоянно ищетъ гдѣ бы «перехватить» и когда кредитъ получаетъ преимущественно потребительный характеръ, т.-е. предназначается на покрытіе текущихъ личныхъ нуждъ—покупку хлѣба, уплату повинностей и т. д. Что касается краткосрочнаго кредита, направленнаго къ улучшенію условій сбыта производителями своихъ продуктовъ, устраненія той поспѣшности, съ которою, наприм., теперь крестьяне

*) *Семнадцатый отчетъ комитета о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и ремесленныхъ товариществахъ.* Спб., 1892 г.

**) Болѣе подробно о задачахъ этого рода кредита мною говорено въ статьѣ *Меліораціонный кредитъ*. *Русская Мысль*, іюнь 1892 г.

продаютъ свой хлѣбъ раннею осенью, не дожидаясь установленія хорошихъ цѣнъ, то въ данномъ случаѣ нужно предпочесть организацію сбыта коллективнаго посредствомъ устройства мелкихъ элеваторовъ или складовъ кустарныхъ, ремесленныхъ и другихъ издѣлій. Здѣсь, однако, чаще всего также необходима выдача предварительно ссудъ долгосрочныхъ на устройство самыхъ приспособленій. Многія земства уже и обратились къ правительству съ ходатайствомъ о выдачѣ такихъ ссудъ на сооруженіе мелкихъ элеваторовъ.

Въ частности какъ на одну изъ лучшихъ формъ посредничества между отдѣленіями государственнаго банка и нуждающимся въ кредитѣ населеніемъ можно указать на устройство уѣздныхъ земскихъ банковъ. Въ настоящее время имѣется два такихъ банка: въ г. Сумахъ, Харьковской губерніи, и въ Сенгилеевскомъ уѣздѣ Симбирской губ. Первый учрежденъ на средства, пожертвованныя г. Харитоненко, и располагаетъ капиталомъ въ 50 тыс. р., второй—на капиталъ въ 25 тыс. р., завѣщанный А. Н. Татариновымъ. Сумскій банкъ выдаетъ ссуды краткосрочныя на 12 мѣс. и долгосрочныя—на три года. Размѣръ ихъ для отдѣльныхъ домохозяевъ не долженъ превышать 300 р., а для цѣлыхъ обществъ—3,000 руб. Послѣднимъ ссуды выдаются подъ приговоры съ взаимною другъ за друга круговою порукою. Затѣмъ въ качествѣ посредниковъ между крестьянами и банкомъ уѣздному собранію предоставлено право назначать для каждаго района особыхъ попечителей изъ лицъ, постоянно тамъ проживающихъ и пользующихся довѣріемъ населенія. Попечитель даетъ свое заключеніе о кредитоспособности какъ заемщика, такъ и его поручителей, а равно ходатайствуетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ объ отсрочкѣ возвращенія ссуды. Въ заявленіи ходатайствующихъ о ссудѣ должно быть точно указано и то назначеніе, которое она получитъ. Уѣздные банки, устроенные на аналогичныхъ началахъ, могутъ въ значительной степени способствовать цѣлесообразной постановкѣ организаціи кредита для сельскаго населенія, выдавая ссуды отдѣльнымъ домохозяевамъ, сельскимъ обществамъ, артелямъ, снабжая оборотными средствами мелкія сельскія кредитныя учрежденія, элеваторы, склады кустарныхъ издѣлій, склады сельско-хозяйственныхъ машинъ и т. д. Существованіе же при нѣкоторыхъ земствахъ особыхъ агентовъ, въ лицѣ агрономическихъ смотрителей, значительно облегчаетъ выполненіе этой задачи. Болѣе всего, однако, желательно, въ цѣляхъ успѣшнаго посредничества, развитіе мелкихъ сельскихъ кредитныхъ учрежденій, стоящихъ въ непосредственной близости къ населенію и въ его непосредственномъ вѣдѣніи. Земскимъ банкамъ или отдѣленіямъ государственнаго банка, а также ихъ агентамъ, пришлось бы взять на себя по отношенію къ такимъ учрежденіямъ лишь роль посредниковъ по снабженію оборотными средствами, организацію контроля и нѣкотораго руководства.

Въ заключеніе постараемся подвести итоги тѣмъ требованіямъ, которыя должны быть предъявлены къ предстоящей реформѣ государственнаго банка, въ видахъ приспособленія его дѣятельности на служеніе развитію народнаго, а не исключительно государственнаго кредита. Въ этихъ ви-

дахъ прежде всего необходимо расширить средства банка, предназначенныя для его коммерческихъ операцій, что можетъ быть достигнуто постепеннымъ погашеніемъ различнаго рода обязательствъ государственнаго казначейства, предоставленіемъ въ его распоряженіе эмиссіонной операціи, увеличеніемъ основного капитала на счетъ прибылей (поступающихъ теперь въ доходъ государства) и затраты поступающихъ вкладовъ только на выдачу ссудъ. Правильное же совершеніе торговыхъ и кредитныхъ сдѣлокъ, равно какъ и правильная постановка эмиссіонной операціи немыслимы безъ возстановленія металлическаго денежнаго обращенія. Затѣмъ цѣлесообразная дѣятельность государственнаго банка въ интересахъ развитія народнаго кредита обусловливается его полною самостоятельностію и участіемъ въ управленіи имъ представителей какъ отъ различныхъ группъ населенія, пользующихся кредитомъ, такъ и отъ учрежденій, при посредствѣ которыхъ онъ будетъ оказываться. Наконецъ, для демократизаціи и централизаціи дѣятельности банка необходимо возможно болѣе значительное увеличеніе числа его мѣстныхъ отдѣленій, а также образованіе возможно большаго числа спеціальныхъ и мелкихъ кредитныхъ учрежденій, которыя взяли бы на себя посредничество между нимъ и населеніемъ.

Но не слѣдуетъ забывать, что успѣшная дѣятельность государственнаго банка на почвѣ служенія развитію народнаго кредита останется попрежнему не только въ зависимости отъ приспособленности къ этой задачѣ его собственнаго механизма, но и отъ той среды или общей обстановки, въ которой ему придется дѣйствовать. Такъ, далеко не всѣ земства, особенно послѣ ихъ преобразованія и усиленія въ составѣ ихъ крупно-землевладѣльческаго элемента, принимаютъ близко къ сердцу нужды крестьянскаго населенія и окажутся способными проявить требуемую энергію въ дѣлѣ предполагаемаго посредничества. Самодѣятельность же населенія съ своей стороны у насъ затрудняется чрезвычайно низкимъ уровнемъ умственнаго его развитія и многими неблагопріятными условіями, въ котор
Въ Германіи, напримѣръ, отъ учредителей новыхъ ссу
товариществъ требуется лишь, чтобы они представили с
ный судъ для внесенія его въ общій реестръ, причемъ
ся самимъ опредѣлять частности, сообразно мѣстнымъ
возникновеніе каждаго товарищества обусловлено необхо
вать особое разрѣшеніе отъ центральныхъ учрежденій,
не имѣютъ права отступать отъ «нормальныхъ» устав
же время, по словамъ отчета комитета, такихъ разрѣ
дается для тѣхъ районовъ, гдѣ не введенъ еще инстит
чальниковъ. Точно также можно напомнить, что для
кустарнаго банка пермскаго земства потребовались чуть
Въ общемъ, слѣдовательно, реформа государственнаго
дѣльно, еще не можетъ служить достаточнымъ залогом
новки кредита въ интересахъ преуспѣянія народнаго х

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Принятіе германскаго военнаго закона было достигнуто соглашеніемъ съ представителями крупнаго землевладѣнія. Въ вознагражденіе за поддержку имперскій канцлеръ долженъ былъ затянуть переговоры съ нашимъ правительствомъ о торговомъ трактатѣ, а затѣмъ между Россіей и Германіей началась таможенная война, вызванная настойчивымъ желаніемъ Пруссіи облагать высокими пошлинами нашъ хлѣбъ и другіе товары. По послѣднимъ извѣстіямъ, однако, надежда на возобновленіе переговоровъ не утрачена.

Положеніе вещей, созданное въ Германіи исходомъ парламентскихъ выборовъ и принятіемъ закона, который усилилъ нѣмецкую армію, не заключаетъ въ себѣ ничего прочнаго и устойчиваго. Подъ вліяніемъ правительства, подъ давленіемъ усердно распространенныхъ опасеній мнимой возможности нарушенія мира со стороны Франціи и нашего отечества, образовалось случайное и довольно разнородное большинство, гдѣ антисемиты рейхстага шли рука объ руку съ національ-либералами, а сторонники сильной имперской власти—вмѣстѣ съ поляками. Произошла задержка въ политическомъ и экономическомъ развитіи великаго народа, котораго разъединяютъ съ нами немаловажные интересы, но который близокъ и дорогъ намъ своею научною мыслью, своимъ искусствомъ, своею многовѣковою и плодотворною борьбой за свободу совѣсти и права человѣка. Между стремленіями нынѣшняго германскаго правительства и культурными потребностями германскаго общества замѣчается значительное несоотвѣтствіе. Состояніе крестьянскаго хозяйства въ Германіи далеко не удовлетворительно; рабочіе на многихъ фабрикахъ и заводахъ лишаются занятій оттого, что сбытъ нѣмецкихъ фабрикатовъ сокращается вслѣдствіе таможенной войны съ Россіей. А милитаризмъ, усиліями правительства, продолжаетъ расти. Въ нынѣшнемъ году засуха тяжело отозвалась на урожаѣ. Особенно пострадали травы. Въ парламентѣ былъ сдѣланъ запросъ, не отмѣнить ли правительство, въ виду этихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, осенніе большіе маневры? Но едва ли это произойдетъ. Намѣстникъ Эльзасъ-Лотарингіи получилъ уже оффиціальное увѣдомленіе, что въ сентябрѣ на маневры въ этомъ завоеванномъ краѣ прибудетъ императоръ. Ожидаютъ туда къ этому вре-

мени наслѣдника итальянскаго престола. Возможность этого посѣ
водить въ негодованіе французскія газеты и, конечно, отразит
пріятно на настроеніи французскаго общественнаго мнѣнія по
къ Италіи.

Логика милитаризма такова, что не совпадаетъ съ ходомъ
людей труда и знанія. Германскій генеральный штабъ находит
шіе маневры особенно полезны именно въ нынѣшній неурожайны
манія годъ: вслѣдствіе этого неурожая представятся затруднен
вильнаго продовольствія арміи и для прокормленія лошадей, а
лѣнія такихъ затрудненій послѣдуютъ интересныя указанія
время, на случай настоящей войны. Полезно, стало быть, отъ
времени понемножку раззорять страну, подготовляя ее тѣмъ
большому раззоренію другого народа при благопріятномъ ходѣ военныхъ
дѣйствій и къ собственному опустошенію, если нѣмецкую армію постигнетъ
пораженіе.

Наше правительство ведетъ переговоры о заключеніи торговаго согла
шенія и съ Австро-Венгріей. Шансы удовлетворительнаго для обѣихъ сто
ронъ исхода этихъ переговоровъ въ данномъ случаѣ, судя по газетнымъ
извѣстіямъ, очень значительны. Въ Германіи зорко слѣдятъ за дѣйствіями
и скрытыми намѣреніями своей вѣрной союзницы, и печать гогенцол-
лернской имперіи нерѣдко упрекаетъ Австро-Венгрію въ вѣроломствѣ
или, по крайней мѣрѣ, недостаточной преданности тройственному союзу.
Противъ этого союза въ самой Цислейтаніи борятся младо-чехи, подыма-
ются голоса въ другихъ лагеряхъ, раздается иногда неудовольствіе даже
въ Венгріи. Появляются даже брошюры, авторы которыхъ считаютъ необ-
ходимымъ для государства союзъ не съ Германіей и Италіей, а съ Фран-
ціей и Россіей. Такія заявленія, разумѣется, вызываютъ раздраженіе въ
господствующихъ нѣмецкихъ и мадьярскихъ кругахъ. Владычеству мадьяръ
не грозитъ въ настоящее время серьезная опасность, хотя многочисленное
румынское населеніе Транслейтаніи и сильно недовольно централизатор-
скими стремленіями венгерскаго правительства, упорнымъ стремлені
остановить ростъ національнаго самосознанія румынъ и растворить
въ господствующемъ племени. Несмотря на удивительную энергію мадь
и на то, что они не останавливаются въ своихъ цѣляхъ передъ груб
и насильственными средствами,—стереть съ лица земли румынъ, какъ
цію, невозможно, потому что рядомъ съ областями венгерскихъ рум
лежитъ независимое румынское королевство. Все труднѣе и труднѣе спо
ляться мадьярамъ и съ національными стремленіями хорватовъ.

Въ Цислейтаніи національная распря также не ослабѣваетъ. Въ Га
ціи мы наблюдаемъ столкновеніе польскихъ и русскихъ (русинскихъ)
тересовъ, въ Богеміи враждѣ между чехами и нѣмцами не видится кон
Мы много разъ отмѣчали уже, что, къ счастью, на сторонѣ чеховъ на
дится справедливость, что они стремятся не къ подчиненію себѣ дру
національности, а къ тому, чтобы быть полноправными въ родномъ кр

Весьма важнымъ обстоятельствомъ является при этомъ защита младо-чехами всеобщей подачи голосовъ; рабочіе классы, фабричные и земледѣльческіе, теперь лишенные представительства, пойдутъ рука объ рука съ чехами, а достиженіе въ Австро-Венгріи всеобщаго избирательнаго права обезпечило бы славянскія племена отъ посягательствъ со стороны австро-нѣмецкихъ и венгерскихъ централизаторовъ.

По истинѣ, счастливы страны, не знающіе внутри себя племенныхъ раздоровъ! И безъ того современное государство, слагавшееся путемъ завоеваній, насилій, династическихъ браковъ и т. п., требуетъ для своего упорядоченія выдающихся дарованій и энергіи со стороны правителей. Такою счастливою страной является Франція, но она, къ сожалѣнію, въ настоящій моментъ небогата крупными государственными людьми, которые совмѣщали бы въ себѣ умъ, преданность политическимъ идеямъ, достаточный законодательный починъ и достаточно крѣпкую добрую волю, при безукоризненной нравственной чистотѣ. Когда это обозрѣніе будетъ сдано въ печать, во Франціи произойдутъ общіе выборы въ парламентъ. Господствующее предположеніе заключается въ томъ, что на выборахъ восторжествуютъ умѣренныя партіи. Мы думаемъ, что такой исходъ весьма правдоподобенъ, но въ большихъ городахъ могутъ усилиться соціалисты.

Часть недавнихъ непримиримыхъ враговъ республики: орлеанистовъ, бонапартистовъ и клерикаловъ,—перемѣнила, какъ извѣстно, тактику: она признаетъ нынѣшнюю государственную форму и выставляетъ своею программою не революціонную, а конституціонную борьбу въ защиту извѣстныхъ консервативныхъ и клерикальныхъ идей. Такому повороту содѣйствовалъ въ значительной степени образъ дѣйствія римскаго первосвященника, благоразумно отказавшагося отъ вражды къ государственной формѣ, которая укрѣпилась во Франціи и съ которою, при ловкости и настойчивости, можно вступать въ болѣе или менѣе удовлетворительные компромиссы.

Остаются, конечно, у республики и непримиримые противники. Въ избирательномъ манифестѣ Поля Кассаньяка, который напечатанъ въ его газетѣ *L'Autorité*, республикѣ расточаются многообразныя хулы. Но *Journal des Débats* отмѣчаетъ относительную на этотъ разъ скромность выраженій у этого публициста, столь невоздержнаго вообще и рѣзкаго на языкъ. Кассаньякъ заявляетъ даже, что онъ могъ бы присоединиться къ республикѣ «въ тотъ день, когда она станетъ чистою, справедливою, либеральною». По мнѣнію *Journal des Débats*, это заявленіе совершенно излишне, такъ какъ Кассаньякъ всегда настаивалъ на томъ, что республика по существу своему не можетъ обладать подобными качествами.

Въ воззваніи Кассаньяка любопытно слѣдующее мѣсто: «Я не прошу у васъ,—пишетъ неукротимый бонапартистъ, — порученія перемѣнить, въ настоящій часъ, форму правленія. И это потому, что я не могу просить такого полномочія, которое не допускается конституціей и запрещается закономъ». Вѣроятно, многіе изъ избирателей округа Миранды удивились, увидавши, что ихъ кандидатъ въ депутаты такъ почтительно относится къ

конституціи и такъ заботливо сторонится отъ насильственныхъ государственныхъ переворотовъ. Тѣни Наполеона III и его сподвижниковъ должны возмутиться этою измѣною основнымъ «принципамъ» бонапартизма.

Слова Кассаньяка служатъ показателемъ вымиранія бонапартизма, слабости шансовъ на успѣхъ новыхъ цезаріанскихъ попытокъ во Франціи. Но республикѣ мало установиться: ей грозитъ при этомъ опасность остановиться. Въ дѣлѣ политической свободы парламентарная республика, исходящая изъ всеобщей подачи голосовъ, достигла весьма многаго, но она очень мало сдѣлала для преобразованія въ демократическомъ духѣ податной системы и экономическихъ отношеній. Сильно чувствуются до сихъ поръ недостатки того строя, который установился во Франціи послѣ первой революціи: непомѣрное развитіе административной централизаціи, слабое развитіе мѣстнаго самоуправленія.

Передъ самыми выборами кабинетъ Дюпюи имѣлъ большую и эффектную дипломатическую удачу: Сіамъ,—полуварварское государство,—нѣсколько разъ испытывавшій разбойничьими нападеніями терпѣніе Франціи, смирился передъ французскимъ ультиматумомъ. Въ началѣ Сіамъ понадѣялся на поддержку со стороны Англіи, но французскія военныя суда и войска такъ быстро и энергично поддержали дипломатическій документъ, что сіамское правительство поспѣшило безпрекословно принять всѣ предписанныя Франціей условія.

Колоніальныя владѣнія до сихъ поръ не приносили много пользы французамъ. Они не умѣли ни ассимилировать себѣ населенія колоній, ни извлекать изъ нихъ тѣхъ выгодъ, какія извлекаютъ, напримѣръ, англичане. Третья республика повела, однако, дѣло лучше, чѣмъ оно велось прежде. На Жюля Ферри сыпалось много обвиненій за то, что онъ втянулъ Францію въ завоеваніе Тонкина. Войска и средства, которыя понадобились на это предпріятіе, должны были оставаться, говорили противники Ферри, въ Европѣ, гдѣ у Франціи могучій и непримиримый врагъ, овладѣвшій Страсбургомъ и Мецомъ. Но слѣдуетъ принять во вниманіе, что азіатскія области, завоеванныя второю имперіей, не имѣли опредѣленыхъ и б
границъ. Быть можетъ, управленіе колоніями и не отличалос
достоинствами, съ разбойниками и полуварварскими сосѣдями п
однако, вступать въ столкновенія. Съ французами случилось
съ русскими въ Средней Азіи. Это территоріальное, до нѣкотор
роковое расширеніе приводитъ теперь и Францію къ граница
скихъ владѣній и Китая. Кабинетъ Гладстона, несмотря на
нистръ иностранныхъ дѣлъ, лордъ Розберри, сторонникъ торій
тики въ международныхъ отношеніяхъ, не оказалъ Франціи на
серіознаго сопротивленія; но съ возможною перемѣною пар
большинства недоразумѣнія между Франціей и Англіей изъ-за
лишены вѣроятности.

Французскій министръ-президентъ не преминулъ, конечно, в
бирательной рѣчи похвастаться легко доставшемся побѣдою на

«Достоинство и величіе Франціи,— сказалъ г. Дюпюи,—вотъ единственная мысль, которой мы держались во внѣшнихъ дѣлахъ. Ей слѣдовали мы, когда недавно въ трудный моментъ мы апеллировали къ правиламъ международнаго права. И насъ послушали въ сорокъ восемь часовъ»... Слушатели разразились рукоплесканіями: для ихъ патріотической гордости лестно, что Франціи послушался въ двое сутокъ хоть и Сіамъ.

Въ той же рѣчи Дюпюи развивалъ свою правительственную программу. Онъ подробно остановился на вопросахъ о свободѣ ассоціацій, о рабочемъ законодательствѣ и упроченіи финансовъ государства. «Я полагаю,—сказалъ министръ-президентъ,—что теперь, въ концѣ столѣтія, пора разрѣшить, наконецъ, этотъ вопросъ путемъ закона и позволить всѣмъ лицамъ собираться въ группы и держаться режима, который они избрали, подъ однимъ лишь условіемъ, чтобъ они чтили существованіе и права государства, и въ особенности подъ тѣмъ условіемъ, чтобы подъ именемъ частныхъ обществъ и союзовъ не было создано государство въ государствѣ». Дюпюи прибавилъ, что онъ работаетъ надъ законопроектомъ по этому вопросу, который онъ намѣренъ внести въ палату и въ основѣ котораго положены два принципа: свобода и власть. Переходя къ вопросу о реформахъ рабочаго законодательства, Дюпюи заявилъ, что онъ не принадлежитъ къ числу рьяныхъ сторонниковъ государственнаго соціализма, въ особенности того соціализма, который хочетъ, чтобы государство дѣлало все, ничего не требуя отъ энергіи и свободы гражданъ. Въ основѣ реформы, по мнѣнію Дюпюи, должны быть положены два принципа, которые находятся въ декларацiи правъ человѣка и гражданина: это—индивидуальная собственность и свобода труда.

Намекая на недавнюю рѣчь Констана, министръ-президентъ выразился такимъ образомъ: «Я знаю, что былъ высказанъ проектъ сдѣлать всѣхъ французовъ рантье. Но легче давать обѣщанія, чѣмъ держать ихъ, особенно въ подобныхъ дѣлахъ». Во всякомъ случаѣ, необходимо придти на помощь тѣмъ, которые трудятся, и обезпечить ихъ на случай болѣзни и въ старости. Недостатокъ средствъ не можетъ служить поводомъ къ отказу въ помощи: если община недостаточно богата, на помощь долженъ прійти департаментъ, а если этого мало, то поддержку должно оказать государство. Такого же порядка должно держаться во всѣхъ вообще соціальныхъ вопросахъ: государство должно приходить на помощь лишь тогда, когда у отдѣльныхъ лицъ или группъ не хватаетъ средствъ принять на себя необходимые расходы. «Государство является для того, чтобы пополнять, а не для того, чтобы замѣнять частную и мѣстную иниціативу» *). Нужно еще добавить, что въ этой рѣчи Дюпюи очень благосклонно отнесся къ присоединившимся къ республикѣ монархистамъ, заявляя, что республика есть достояніе всѣхъ гражданъ, что она даетъ всѣмъ французамъ свободу, справедливость и терпимость.

---

*) Цитируемъ по *Русскимъ Вѣдомостямъ* (№ 214).

Для характеристики современнаго политическаго положенія Франціи имѣетъ значеніе письмо бывшаго вліятельнаго политическаго дѣятеля, академика герцога де-Брольи. Это длинное письмо, разсуждающее о гарантіяхъ, которыя должны требоваться католиками-избирателями отъ кандидатовъ въ депутаты, появилось въ *Moniteur universel*. Дѣло идетъ преимущественно о школьномъ и военномъ законахъ. Достаточно ли,— спрашиваетъ де-Брольи,— если кандидатъ заявляетъ, что осуждаетъ эти законы въ принципѣ и принимаетъ ихъ лишь условно, требуя умѣренности при ихъ практическомъ примѣненіи? Отвѣтъ долженъ быть отрицательный: «Католикъ,— говоритъ герцогъ,— требуетъ не снисхожденія, а права» (т.-е. подчиненія вновь народной школы римско-католическому духовенству и освобожденія семинаристовъ отъ воинской повинности). «Предпочесть дѣло религіи,—пишетъ де-Брольи,—дѣлу монархіи, если думаютъ, что такова альтернатива, вполнѣ законно; но дойти отсюда, по нечувствительной наклонной плоскости, до пожертвованія республикѣ религіей,—это значитъ отдаться въ руки непріятеля и перейти къ нему съ оружіемъ и багажомъ».

Медленно, съ величайшими усиліями, съ немаловажными уступками, удается Гладстону проводить въ парламентѣ ирландскій гомрулъ. Ожесточенная оппозиція противъ этого билля не ослабѣваетъ; всѣ остальные законодательные вопросы отодвинуты на второй планъ, о нихъ даже нѣтъ покуда и рѣчи. Если гомрулъ благополучно пройдетъ въ палатѣ общинъ, то ожидается еще упорное сопротивленіе палаты лордовъ. Насколько можно судить по извѣстіямъ, которыя появляются въ печати, англійскій народъ въ вопросѣ объ ирландскомъ національномъ самоуправленіи раздѣленъ на два равные по численности лагеря. Перевѣсъ либераламъ даетъ притокъ новыхъ силъ изъ рабочихъ классовъ; но эти классы требуютъ значительныхъ экономическихъ реформъ, сокращенія, напримѣръ, рабочаго дня, расширенія фабричнаго законодательства и т. п. Въ программу Гладстона вошли многія изъ этихъ требованій, но до сихъ поръ у него не было возможности внести въ парламентъ никакого другого законопроекта, к ирландскаго. Вниманіе великаго государственнаго человѣка до такой пени поглощено гомрулемъ,—послѣднимъ его политическимъ подвигом что, чуткій всегда къ страданіямъ угнетенныхъ народовъ, Глад ничего не предпринимаетъ, напримѣръ, въ защиту турецкихъ ар которыхъ беззаконно судятъ и возмутительно притѣсняютъ. Въ п ментѣ, однако, былъ сдѣланъ запросъ объ этихъ жестокостяхъ и законіяхъ, и правительство отвѣтило, что Турція обѣщала доставит общенія объ этомъ дѣлѣ. Утѣшеніемъ армянскому народу является настоящее время утвержденіе Государемъ Императоромъ избраннаго нами католикоса Мкртича. Новый католикосъ пользуется громадною лярностью у соплеменниковъ за энергическую дѣятельность [illegible] свободы и достоинства армянскаго народа. Мкртичъ роди. въ Ванѣ (турецкая Арменія). Въ 1854 году, по смерти

онъ постригся въ монахи. Въ слѣдующемъ году имъ открыта въ Варанскомъ монастырѣ типографія, основанъ журналъ, устроено училище. Съ тѣхъ поръ не прекращалась его просвѣтительная и патріотическая дѣятельность. И словамъ, и перомъ Мкртичъ обличалъ турецкія звѣрства, призывая вниманіе европейскаго общества къ печальной участи турецкихъ армянъ. Несмотря на преклонный возрастъ новаго католикоса, армянскій народъ вправѣ ожидать отъ него исполненія многихъ изъ своихъ завѣтныхъ стремленій.

Если Англія не желаетъ теперь безпокоить Турцію изъ-за ея армянскихъ подданныхъ, если она спокойно смотритъ на вопіющее пренебреженіе турецкимъ правительствомъ берлинскаго трактата, то за Египетъ она держится цѣпко. Въ этомъ случаѣ превозмогаетъ вліяніе лорда Розберри, которому Гладстонъ долженъ уступать, чтобы не разстроить своего довольно неустойчиваго и немногочисленнаго большинства. Молодой хедивъ съ неудовольствіемъ сноситъ англійское иго, и его путешествіе въ Константинополь вызвано было, очевидно, желаніемъ заручиться поддержкою и установить болѣе тѣсныя отношенія съ сюзереномъ. Поѣздкѣ Аббаса-паши *Journal des Débats* придаетъ большое значеніе. Эта газета говоритъ, что присутствіе въ Египтѣ англійской арміи можетъ быть только временнымъ. Англія связана словомъ, британскій кабинетъ нѣсколько разъ подтверждалъ, что Египетъ будетъ очищенъ, какъ скоро тамъ совершенно установится прочный порядокъ вещей. Нужно прибавить, что островъ Кипръ былъ уступленъ Великобританіи за обязательство поддерживать цѣлость турецкихъ владѣній.

Пересмотръ конституціи сильно подвинулся въ Бельгіи. Въ газетахъ появилось извѣстіе, что министръ-президентъ Бернаертъ, утомленный и раздраженный несговорчивостью какъ своихъ друзей-консерваторовъ, такъ и либераловъ, рѣшился выйти въ отставку. Потомъ оказалось, что этотъ слухъ преждевременъ, но что основаніе для него было. Особенно затруднительнымъ являлось соглашеніе о преобразованіи сената *). По отношенію къ Конго учредительное собраніе приняло рѣшеніе, почти уничтожающее автономію этого «независимаго» государства. Напрасно возставали противъ этого Янсонъ и нѣкоторые другіе радикалы, доказывая, что такимъ поглощеніемъ Конго Бельгія скомпрометируетъ свой нейтралитетъ, такъ какъ изъ-за Конго могутъ произойти столкновенія съ другими государствами, имѣющими африканскія колоніи. Указывали и на финансовыя тяжести, которыя рѣшеніемъ конституанты возлагаются на Бельгію.

Избирательная реформа предстоитъ въ скоромъ времени и въ Голландіи. Засѣданія парламента уже возобновились. Передъ началомъ сессіи ге-

---

*) Путемъ компромисса достигнуто рѣшеніе, по которому три четверти сенаторовъ будутъ избираться всеобщею подачей голосовъ, одна четверть — провинціальными собраніями. Для избираемыхъ установленъ цензъ въ 1,500 фр.

неральныхъ штатовъ произошло обычное (черезъ каждые три года) избраніе трети первой палаты (напомнимъ, что она состоитъ изъ пятидесяти членовъ, выбираемыхъ на девять лѣтъ провинціальными штатами изъ числа лицъ, платящихъ наиболѣе податей). Изъ семнадцати мѣстъ (въ одиннадцати провинціяхъ) либералы лишились трехъ, которыя были отняты консерваторами, хотя и весьма незначительнымъ большинствомъ. Либералы удерживаютъ все-таки рѣшительное большинство въ первой палатѣ.

Намъ много разъ и въ теченіе многихъ уже лѣтъ приходилось говорить о томъ обновленіи Франціи путемъ преобразованія школы, которое энергично проводитъ въ жизнь республиканское правительство. Въ нѣсколько лѣтъ начальное народное образованіе сдѣлало во Франціи такіе успѣхи, что эта страна, такъ отставшая при Наполеонѣ III, теперь занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ мірѣ. Улучшено среднее образованіе, если не изгнана, то значительно сокращена рутина и сушь классической школы; поднято преподаваніе въ университетахъ, которымъ дано больше самостоятельности. Къ юношамъ и къ дѣтямъ относятся въ настоящее время съ любовью и довѣріемъ, какъ къ надеждѣ Франціи, залогу ея нравственнаго и политическаго величія. Для характеристики того духа, которымъ проникаются постепенно отношенія къ учащимся французскихъ педагоговъ, приведемъ нѣсколько выдержекъ изъ рѣчи извѣстнаго профессора Лависса при раздачѣ наградъ въ парижскомъ лицеѣ Кондорсе (какое прекрасное имя для учебнаго заведенія!).

Идеалъ воспитанія, говорилъ Лависсъ, конечно, соединеніе школы и семьи, причемъ и та, и другая должны выполнять свою часть общей задачи. Въ живой, полной добродушнаго остроумія рѣчи, обращенной къ дѣтямъ-лицеистамъ, французскій ученый разъяснялъ, каковы были и каковы должны быть отношенія родителей къ дѣтямъ и школѣ, какъ слѣдуетъ школѣ относиться къ своимъ воспитанникамъ и къ семьѣ. Школа возвышаетъ духъ ученика. Она развертываетъ передъ дѣтьми великіе завѣты и великіе подвиги, совершенные въ разныя времена и у разныхъ народовъ. Все, что есть лучшаго въ человѣчествѣ, указывается въ школѣ для того, чтобъ облагородить мысль и чувство, а *noblesse oblige*. Отъ ученика требуются усилія. Онъ видитъ, что надо что-либо дѣлать, чтобы значить что-либо. Мужественнымъ призывомъ къ самостоятельному, неустанному труду сначала для собственнаго развитія, а потомъ на пользу общества, заключилъ Лависсъ свою педагогическую рѣчь.

Легко вообразить, какою горделивою радостью наполнялись сердца гимназистовъ, когда такъ просто и задушевно, съ такимъ глубокимъ уваженіемъ къ ихъ человѣческому достоинству говорилъ съ ними ученый, пользующійся громкою извѣстностью, профессоръ въ Сорбоннѣ, членъ французской академіи. Живой духъ, который вѣетъ во французскомъ педагогическомъ мірѣ, не оскудѣваетъ и въ другихъ странахъ, разумѣется, и дѣло воспитанія подвигается въ концѣ нашего вѣка несравненно быстрѣе, чѣ-

въ его первой половинѣ. Вопреки реакціи, которая замѣчается теперь во многихъ странахъ и во многихъ отношеніяхъ, несмотря на рецидивъ малодушнаго пессимизма и апатіи, которые охватываютъ болѣе или менѣе значительныя части европейскаго общества, наука дѣлаетъ свое дѣло, разрушая предразсудки, очищая дорогу и приготовляя матеріалы для торжества справедливости и гуманности. Отмѣтимъ по этому поводу бывшее въ Кунео (сѣверная Италія) въ минувшемъ іюлѣ собраніе, на которомъ защищалась идея мира и международнаго третейскаго суда. Было прислано много сочувственныхъ заявленій, въ томъ числѣ отъ извѣстнаго государственнаго дѣятеля и денутата итальянскаго парламента Бонги и отъ не менѣе извѣстнаго писателя Амичиса. Депутатъ Пандольфи произнесъ рѣчь, въ которой указывалъ на тягостныя послѣдствія вооруженнаго мира, истощающаго силы европейскихъ народовъ. На собраніи постановлено дѣятельно агитировать противъ милитаризма и въ пользу рѣшенія международныхъ столкновеній третейскимъ судомъ.

В. Г.

Контора журнала „Русская Мысль“ (*Москва, лопухинскій переулокъ, 21*) принимаетъ объявленія для помѣщенія ихъ въ книгахъ журнала или разсылки ихъ при журналѣ, на слѣдующихъ условіяхъ:

1) За объявленіе, помѣщаемое въ началѣ книги и занимающее цѣлую страницу, взимается 50 руб., а въ концѣ книги 25 руб. Разсчетъ производится за полную страницу, хотя бы объявленіе занимало мѣсто менѣе страницы.

2) Для помѣщенія объявленія въ извѣстной книгѣ, таковое должно быть доставлено не позже 5 числа того мѣсяца.

3) За каждую тысячу листовъ, прикладываемыхъ къ журналу объявленій, взимается съ каждой 1000 экз. за 1 лотъ вѣсу 8 руб., за 2 лота 10 руб., за 3 лота 13 руб., за 4 лота 16 руб. Въ виду почтовыхъ правилъ, листы эти не могутъ быть сброшюрованы между собой или вброшюровываться въ журналъ.

4) Объявленія помѣщаются въ журналѣ или прикладываются къ нему не иначе, какъ при доставленіи конторѣ журнала слѣдуемой за это платы.

5) Доставившимъ объявленія для печатанія въ теченіе всего года дѣлается уступка.

Въ конторѣ журнала *Русская Мысль* имѣется небольшое количество годовыхъ экземпляровъ журнала за 1883, 1886, 1887 и 1888 г. цѣна которымъ, съ пересылкою, слѣдующая: 1883 и 1886 г. за 1 экз. по 6 руб.; 1887 г. за 1 экз. 7 руб., 1888 г. за 1 экз. 8 р. Цѣна за всѣ означенные года вмѣстѣ 26 руб. съ пересылкою.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Августъ. 1893 года.

Содержаніе. I. **Книги**: Беллетристика.—Педагогія.—Публицистика.—Исторія и біографіи.—Путешествія.—Политическая экономія и статистика.—Юридическія книги.—Естествознаніе.—Медицина.—Техническія книги.—Сельское хозяйство.—Учебники и книги для дѣтскаго и народнаго чтенія.—Справочныя книги. II. **Періодическія изданія**: «Вѣстникъ Европы», *іюль*.—«Русскій Вѣстникъ», *іюль*.—«Русское Богатство», *іюль*.—«Сѣверный Вѣстникъ», *іюль*.—«Міръ Божій», *іюль*. III. **Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 іюля по 1 августа 1893 г.**

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

„Путь-дорога“. *Изд. К. М. Сибирякова.*—„Мозаика“. *Е. Зеланда.*—„Свои—чужіе“. *А. В. Круглова.*—„Русскій художественный архивъ“. — „Притворная невѣрность“ *А. С. Грибоѣдова.*—„Молодые супруги“. *Его же.* — „Кто братъ, кто сестра“. *Его же.*—„Звуки жизни“. *О. Лурье.*

Путь-дорога. Научно-литературный сборникъ въ пользу общества вспомоществованія нуждающимся переселенцамъ, съ приложеніемъ фототипій и цинкографій. Изданіе К. М. Сибирякова. Спб., 1893 г. Цѣна 3 руб. 50 коп. „Рыба ищетъ гдѣ глубже, человѣкъ ищетъ гдѣ лучше“, и нѣтъ никакой возможности ни запретить, ни помѣшать людямъ искать „гдѣ лучше“, и разумныхъ основаній нѣтъ препятствовать такимъ исканіямъ. Чѣмъ большему числу людей лучше живется, тѣмъ лучше для всей страны, въ которой живутъ эти люди, и, слѣдовательно, на обязанности всей страны лежитъ помогать такимъ исканіямъ, облегчать ищущимъ тяжелую задачу исканія. И другая пословица говоритъ: „отъ добра добра не ищутъ“, и, разумѣется, не отъ добра плетутся русскіе люди въ невѣдомую даль на поиски чаемаго лучшаго: уходятъ они отъ „тѣсноты“, бредутъ туда, гдѣ попросторнѣе, гдѣ земли больше и есть къ чему приложить свой трудъ. Стремленіе вполнѣ законное и мечты ничуть не фантастическія, но осуществленіе столь простого и скромнаго желанія сопряжено не съ огромными трудностями только, а съ настоящими бѣдствіями, о которыхъ лишь весьма слабое понятіе даютъ описанія и разсказы очевидцевъ. Русское общество и на эти бѣдствія отозвалось такъ же точно, какъ въ бѣдственный голодный годъ, и если помощь является пока не въ такихъ размѣрахъ, какіе необходимы для облегченія страданій переселенцевъ, то лишь потому, что многимъ, вѣрнѣе, большинству, неизвѣстны ни ужасающая нужда идущихъ на „новыя мѣста“, ни то, какъ и чѣмъ помочь бѣдствующимъ. Сборникъ *Путь-дорога* въ рядѣ

статей раскрываетъ передъ нами состояніе „переселенческаго Россіи (двѣ статьи г. Ядринцева и статьи гг. Абрамова и К и въ чужихъ краяхъ (ст. г. Янжула). Очень яркую картину ній „въ доброе старое время“ даетъ г. Лѣсковъ въ разсказѣ *природы*. Авторъ вспоминаетъ о видѣнныхъ имъ переселеніяхъ особаго рода, при крѣпостномъ правѣ: богатые помѣщики пріобрѣтали дешевыя и пустынныя земли въ Заволжьѣ, а въ густонаселенныхъ губерніяхъ, Курской и Орловской, накупали крестьянъ „на сводъ“ окомѣстныхъ дворянъ и переселяли этотъ „продуктъ природы“ въ далекія помѣстья. Г. Лѣсковъ описываетъ очень просто лишь былъ свидѣтелемъ тридцать пять лѣтъ назадъ, и отъ этого повѣствованія жутко становится, страшно за переселяемыхъ и за переселяющихъ. Съ тѣхъ поръ измѣнилось очень многое, и измѣнилось къ лучшему для отправляющихся на „новыя мѣста“ да, ихъ выселяютъ не владѣльцы по своимъ экономическимъ соображеніямъ, но за то владѣльцы несли всѣ расходы по переселенію и дворенію на купленныхъ земляхъ переселенцевъ и по ихъ пріѣздѣ, такъ какъ сами владѣльцы были заинтересованы въ сохраненіи по меньшей мѣрѣ, закупленнаго ими „продукта природы“. Что приходилось выносить „продукту“, объ этомъ надо прочесть у г. Теперь переселенца гонитъ не чужой произволъ, а собственная и потому нравственно ему легче, конечно, физически же, навѣрно желѣе, хотя, кажется, трудно себѣ представить болѣе ужасное ніе людей, чѣмъ то, какое описано г. Лѣсковымъ. Въ томъ разсказана имъ только правда, сомнѣваться нельзя.

Повѣсть гр. Л. Н. Толстого *Ходите въ свѣтѣ, пока есть свѣ* санная въ 1887 г., противупоставляетъ взгляды язычниковъ и первыхъ временъ на то, какъ слѣдуетъ жить, чтобы быть счас Тутъ повторяется обычная знаменитому писателю проповѣдь „ленія“ и покорности. Относительно же брака и рожденія дѣте зываются мнѣнія, далеко несходныя съ тѣмъ, что говорено в словіи“ къ *Крейцеровой сонатѣ*. Изъ повѣсти *Ходите въ с* ствуетъ, что въ то время, „когда живы еще были ученики у Христовыхъ и христіане твердо держались закона Учителя“ отвергали ни брака вообще, ни брака по любви, ни сожитія жествѣ, ни чадорожденія. Очень любопытенъ разсказъ г. Мабиряка *Орелъ-городокъ*, „изъ путешествій по Уралу“. Орелъ- представляетъ собою рѣдкій у насъ образчикъ полнаго и крѣвольства всѣхъ обывателей, тогда какъ повсюду кругомъ ад дѣлъ только нищету и разрушеніе, при самыхъ благопріятныхъ віяхъ для жизни населенія. Вотъ изъ такого „городка“ никто детъ въ переселеніе. Изъ воспоминаній о быломъ большой представляетъ разсказъ г. Златовратскаго о русскихъ „мечта озаглавленный именемъ героини: *Потаня*. Въ то время, когда передъ освобожденіемъ крестьянъ, заговорили пока „шепотомъ“ стоящемъ великомъ дѣлѣ и народъ терпѣливо ждалъ „слова“, самъ и даже шепотомъ выговорить это обаятельное „слово“: си крѣпостная, забитая горькою долей, дѣвушка Потаня „мечта объ одномъ—устроить „вертоградъ“, въ которомъ нашли бы себ и старые немощные, и дѣтки малыя. Чаемое „слово“ произнесе великое дѣло совершилось, „мечты“ же, по большей части, мечтами. Прошло двадцать лѣтъ, Потанѣ удалось поставить м барку и пріютить въ ней пять сиротокъ и двухъ вдовъ „че

сама Потаня состарилась, еле жива, а съ мечтою своей не разсталась: „Вотъ починочекъ есть... Малъ онъ, что говорить!... И пропитаться чуть что хватаетъ“... Но Потаня вѣритъ въ свой „вертоградъ“: „Умру, молодые за меня останутся,—говоритъ она.—Домогаться надоть, домогаться и вѣрить“... Да, права Потаня: надо домогаться и вѣрить... и въ людяхъ надо поддерживать и укрѣплять вѣру.

Перечислить здѣсь всѣ выдающіяся статьи сборника мы не имѣемъ возможности и надобности въ томъ не видимъ, будучи убѣждены, что, въ виду добраго назначенія книги, она разойдется быстро и прочтется многими, хотя, конечно, далеко не равнаго достоинства весь матеріалъ, вошедшій въ составъ сборника. Такъ, нельзя безъ улыбки читать „отрывокъ изъ романа“ г. Скабичевскаго: *Тарановъ и Прокопенко*. Самъ по себѣ этотъ „отрывокъ“—просто скученъ, повторяется въ немъ старая-престарая исторія разочарованія дамы въ своемъ супругѣ и увлеченія ея совсѣмъ непривлекательнымъ товарищемъ мужа. Мы о такой „ископаемой“ фабулѣ совсѣмъ бы не упомянули, если бы не заканчивалась она пятью строками курсива слѣдующаго содержанія: „Обстоятельства помѣшали кончить мнѣ этотъ романъ, начатый мною давно, въ концѣ половины семидесятыхъ годовъ. Скажу лишь въ краткихъ словахъ, что далѣе Елена Тимоѳеевна бросила бы мужа и сошлась бы съ Прокопенко, но не для жизни, а для совмѣстнаго самоубійства“. Какія иногда счастливыя бываютъ обстоятельства, и вотъ какъ люди не умѣютъ ими пользоваться... Не можемъ мы также не выразить сожалѣнія по поводу помѣщенія въ сборникѣ разсказа г. Ежова: *Бредъ*, болѣе чѣмъ неумѣстнаго въ такомъ изданіи.

Мозаика. Очерки, разсказы и повѣсти Е. Зеланда. Вильна, 1893 г. Ц. 1 р. 25 к. Въ неисчислимомъ множествѣ всякихъ „очерковъ и разсказовъ“, которые намъ приходится прочитывать, большинство принадлежитъ къ разряду издѣлій средняго качества, абсолютно плохихъ немного, по-настоящему хорошихъ еще меньше. Всего чаще въ такого рода произведеніяхъ мы находимъ идейку маленькую, не новенькую, съ гуманною окрасочкой, взятую отъ крупицъ, падающихъ со стола большихъ писателей, или уцѣлѣвшую отъ лучшихъ временъ и только заправленную по-теперешнему. Но разъ имѣется налицо идейка, да, къ тому же, честная, и выражена она довольно складно, не очень скучно, грамотно,—и возразить нечего противъ такихъ „очерковъ и разсказовъ“, надо признать ихъ удовлетворительными. Если же въ десяткѣ, составляющемъ отдѣльную книжку, окажутся два нѣсколько выше этого уровня, то и оцѣнку книжки слѣдуетъ поднять, что мы всегда охотно дѣлаемъ. А на этотъ разъ дѣлаемъ это съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ, что въ книжкѣ г. Зеланда мелькаетъ даже кое-что новенькое, по меньшей же мѣрѣ—не особенно истрепанное. Таковы разсказы: *Въ сочельникъ* и *На разныхъ языкахъ*. Послѣдній написанъ очень живо и даже пылко. Въ разсказѣ *Послѣдніе дни* не особенно новыми являются фигуры счастливыхъ супруговъ, вполнѣ довольныхъ другъ другомъ, своими дѣтками и хозяйствомъ. Эти „милые“ люди всѣ силы и способности употребляютъ на благо семьи, они—образцовые отецъ и мать, идеальные хозяева, но съ такими людьми не приведи Богъ никому имѣть дѣло. Авторъ талантливо, совершенно въ мѣру, удачными штрихами, отмѣтилъ всю мрачную сущность „коллективнаго“, „семейнаго“ себялюбія этихъ безпощадныхъ людей, готовыхъ на всякое злодѣйство, ненаказуемое по закону, разумѣется, лишь бы дать сладенькій кусочекъ своимъ драгоцѣннымъ чадамъ. По существу,

фигуры эти, повторяемъ, не новы, но отдѣланы онѣ авт
типично, что ихъ двухъ уже достаточно для того, чтоб
„очерки и разсказы“ г. Зеланда изъ общаго уровня кни
рода. Весьма недурны вышли у автора (въ разсказѣ *Одна*
изображенія родителей юноши, надорвавшаго свои молодыя
сильною работой. Папенька и маменька обожаютъ способнаг
не нарадуются на него и, вмѣстѣ съ тѣмъ, губятъ его, въ
лачиваютъ, не сознавая даже своего преступленія. Вообще,
ные типики удаются автору много лучше, чѣмъ положител
это, впрочемъ, бываетъ очень часто. Главное достоинство
произведеній заключается въ томъ, что авторъ, при всемъ
на мелочную негодность людей, губящихъ ближнихъ и близ
дитъ вѣрныя выраженія для ихъ изображеній, не сгущает
своихъ красокъ, которыя остаются въ этихъ случаяхъ мя
зрачными и тѣмъ болѣе сильными, тогда какъ, расписывая
тельныхъ“ героевъ, онѣ этого тона не выдерживаетъ, уд
пересахариваетъ въ пользу любимчиковъ. Въ разсказѣ *Жер*
шаблоннонъ, оригиналенъ и хорошъ, по нашему мнѣнію, коне
ные два разсказа *Миражъ* и *Контрабандистка* не представл
ничего особеннаго ни въ хорошую, ни въ дурную сторону.

Свои-чужіе. Романъ А. В. Круглова. Кіевъ, 1893 книгопродавца-издателя Ф. А. Іогансона. Цѣна 1 руб. тельно тягуче и скучно расписываетъ г. Кругловъ старую, скучившую исторію о восхитительной курсисткѣ, окончивш разованіе въ Петербургѣ, вернувшейся къ родителямъ въ родъ и оказавшейся „чужою“ между „своими“. Все какъ умная, талантливая героиня,—такъ думаетъ авторъ и так дуетъ ее читателямъ,—добрякъ отецъ радуется успѣхамъ д стая мѣщанка-мать не видитъ никакого прока въ „ученыхъ ныхъ“ женщинахъ, младшая сестра и ея мужъ лавочникъ плыли и плутнями наживаютъ капиталы, братъ-пьяница можетъ „ученую“ и пристраиваетъ ей всякія гадости, уѣзд въ женихи лѣзутъ, „умнѣйшій“ докторъ разочаровался в и говоритъ пессимистическія фразы о невозможности жить в городѣ... Въ концѣ-концовъ, героиня собираетъ свои пож жаетъ въ Петербургъ. Если бы авторъ развилъ свой тези нибудь доказательно, то получилось бы очень странное п именно: дочерямъ небогатыхъ и простыхъ уѣздныхъ объ слѣдуетъ учиться, иначе онѣ сдѣлаются „чужими“ въ свои и вынуждены будутъ бѣжать изъ родныхъ городовъ въ сто нявшіе положеніе г. Круглова провинціальные обыватели круга не должны отдавать своихъ дочерей въ гимназіи, а т пускать ихъ учиться въ столицы, дабы предотвратить семе и не потерять навѣкъ милыхъ сердцу дочерей. По всей в не это хотѣлъ доказать г. Кругловъ, а что-нибудь другое, же дѣлѣ онъ ничего не доказалъ и не показалъ даже сер удобствъ жить образованной дѣвушкѣ въ уѣздномъ город романа, Лидія, можетъ быть, и выучилась наукамъ, прео на курсахъ, но умною назвать ее трудненько, такъ какъ д она совсѣмъ не умѣетъ и въ двадцать три года дѣлаетъ шагу неловкости и глупости, непростительныя серьезно ра вушкѣ. За два или за три мѣсяца пребыванія въ городѣ Л кѣмъ не сочла нужнымъ познакомиться и возобновила толь

отношенія съ едва грамотною мѣщаночкой Таней, живущею у старой дуры тетки. Въ ихъ домѣ Лидія встрѣчается на вечеринкѣ съ писарями изъ полиціи и съ желѣзно-дорожными машинистами, которыхъ оскорбляетъ своимъ фырканьемъ и сама обижается, нарываясь за то на непріятности. Въ ожиданіи мѣста учительницы въ школѣ, о чёмъ никто, однако, не хлопочетъ, Лидія получаетъ урокъ въ домѣ богатыхъ купцовъ, съ которыми ничуть не желаетъ сближаться, хотя бы для пользы своихъ учениковъ. Старика, выжившаго изъ ума генерала, пріѣхавшаго за нее свататься, она оскорбляетъ совершенно неприличнымъ хохотомъ, нарушаетъ всѣ обычаи того общества, среди котораго пріѣхала жить, и знать не хочетъ никакихъ мѣстныхъ обычаевъ и правилъ твердо установившагося общежитія. Она и пріѣхала-то, впрочемъ, лишь по усиленнымъ настояніямъ родителей, а никакъ не ради того, чтобы полученное въ Петербургѣ образованіе приложить къ дѣлу въ родномъ городѣ. Тутъ она гостья поневолѣ, ее въ Петербургъ тянетъ со второго дня пребыванія у отца съ матерью. Съ сестрой и зятемъ Лидія въ самыхъ холодныхъ отношеніяхъ, съ братомъ если не на ножахъ, то на шпилькахъ. Провинціальное общество въ романѣ отсутствуетъ, о немъ извѣстно только, что оно сплетничаетъ про Лидію, а поводъ къ тому подала сама же героиня своими очень странными выходками, разсказывать про которыя было бы слишкомъ долго. Наконецъ, уѣзжаетъ она необыкновенно скоропалительно не потому, что тутъ жить нельзя, а испугавшись того, что оскорбленный ею машинистъ и родной ея братъ хотятъ ей „ворота вымазать дегтемъ...“ Къ чему все сіе писано? Поневолѣ приходится согласиться съ заключеніями старухъ мѣщанокъ уѣзднаго города: вотъ они каковы, эти курсы, какимъ-то наукамъ тамъ выучили, а жить съ людьми не научили... Повторяемъ, не это хотѣлъ, конечно, сказать авторъ, а такъ это вышло, но никто подобному выводу не повѣритъ. Ни образованіе вообще, ни гимназіи и высшіе женскіе курсы въ частности не виноваты въ томъ, что между окончившими въ нихъ курсъ дѣвушками встрѣчаются иногда такія неудачныя особы, какъ героиня, столь неудачно выбранная г. Кругловымъ.

Русскій художественный архивъ. Москва, 1892 г. Возникшее въ прошедшемъ году подъ этимъ наименованіемъ періодическое изданіе прекратилось съ выходомъ пятаго и шестого выпусковъ въ одной тетради. О первыхъ выпускахъ этого художественнаго журнала мы въ свое время дали отзывы. Глубоко сожалѣемъ о прекращеніи интереснаго и, съ художественной стороны, очень хорошаго изданія. Въ его послѣднемъ выпускѣ помѣщена обстоятельная и любопытнѣйшая статья А. М. Павлинова: *Исторія архитектуры въ Россіи (до-монгольскій періодъ)*. Авторъ съ отличнымъ знаніемъ дѣла указываетъ на остатки древнихъ въ Россіи „каменныхъ“ сооруженій XI, XII и XIII вв., какъ церквей, такъ башенъ и палатъ, построенныхъ иноземными и русскими зодчими. При статьѣ приложено девять листовъ съ изображеніями плановъ, разрѣзовъ и видовъ старѣйшихъ храмовъ нашего отечества: Спасскаго собора въ Черниговѣ, Елецкаго монастыря, близъ Чернигова, церкви Спаса въ с. Берестовѣ, любимомъ мѣстопребываніи великаго князя Владиміра святаго, храмовъ св. Софіи въ Кіевѣ и въ Новгородѣ, храма въ Юрьевскомъ монастырѣ, Псковско-Печерскаго и Спасо-Мирожскаго монастыря, нѣсколькихъ церквей во Владимірѣ и уцѣлѣвшихъ въ нихъ орнаментовъ. Въ вышедшихъ шести выпускахъ заключается не мало любопытнаго біографическаго матеріала, относящагося

къ извѣстному русскому архитектору М. Д. Быковскому, къ графу Ѳ. П. Толстому, записки Н. А. Рамазанова, письма А. И. Иванова къ сыну въ Италію, воспоминанія покойнаго К. А. Трутовскаго о С. Т. Аксаковѣ. Большого вниманія заслуживаетъ статья А. П. Новицкаго *Матеріалы къ описанію галлереи П. М. Третьякова*, въ которой подробно разсмотрѣны имѣющіяся въ этой чудесной галлереѣ произведенія П. А. Ѳедотова, И. Н. Крамского, К. П. Брюлова, Ѳ. А. Васильева и В. Г. Перова. Кромѣ рисунковъ въ текстѣ, къ изданію приложено шестьдесятъ таблицъ снимковъ съ выдающихся произведеній русскихъ художниковъ. Подписная цѣна за все изданіе была 12 рублей. Въ настоящее время оставшіеся полные экземпляры продаются книжнымъ магазиномъ Гросманъ и Кнѣбель (Петровскія линіи) по 6 рублей.

Притворная невѣрность, комедія въ 1-мъ дѣйствіи въ стихахъ.—Молодые супруги, комедія въ 1-мъ дѣйствіи въ стихахъ.—Кто братъ, кто сестра, или Обманъ за обманомъ, новая опера-водевиль въ 1-мъ дѣйствіи. Сочиненія А. С. Грибоѣдова. „Библіотека Крошка“, изданіе книгопродавца Ф. А. Іогансона въ Кіевѣ. Перечисленныя выше произведенія славнаго творца *Горя отъ ума*, какъ всѣмъ извѣстно, далеко не блистательны и могутъ имѣть нѣкоторое значеніе лишь въ полномъ собраніи сочиненій А. С. Грибоѣдова. Разрозненныя же въ трехъ книжкахъ, эти комедійки никому не нужны. Къ тому же, онѣ еще и немилосердно изуродованы книгопродавцемъ Іогансономъ, втискавшимъ стихи въ свою библіотеку *Крошку*. Вышла настоящая чепуха. Вотъ образецъ того, какъ пришлось издателю кромсать стихи, сообразно крошечнымъ страничкамъ книжекъ:

„Нѣтъ, лучше вовсе бы меня
вамъ не любить,
Вотъ радость! Замужемъ
невольницей мнѣ быть.
Ростав. Невольницей!—
Тогда!—Ахъ! нѣтъ; избави Боже,
Чтобъ я осмѣлился ..“

Это не стихи, а окрошка изъ стиховъ.

Звуки жизни, Осипа Лурье. Спб., 1893 г. Цѣна 75 к.—Echos de la vie, par Ossip Lourié. Troisième édition. Paris, 1893. Prix: 3 francs. Мы получили эти двѣ книжки одновременно, содержаніе ихъ тождественно. Вопросъ въ томъ: на какомъ языкѣ писанъ оригиналъ? По всей вѣроятности, на французскомъ и написанъ французомъ. Мнѣніе свое мы основываемъ на томъ, что во французскомъ изданіи герой перваго разсказа носитъ фамилію Ogonikow, дама, которую онъ разыскиваетъ, названа Anna Ilischna, къ слову «traktyre» сдѣлано примѣчаніе: «Etablissement où l'on prend le thé». Въ русской книжкѣ имена написаны правильно: Огоньковъ, Анна Ильинишна, примѣчанія нѣтъ, за то есть такія фразы: „онъ бросилъ на столъ нѣсколько *бѣлыхъ* монетъ...“ „Онъ упалъ, голова его разбилась и оросила могилу кровь своего больного мозга“. Оставивши въ сторонѣ эти ничтожныя н грѣшности, слѣдуетъ признать, что въ общемъ книга написана на об ихъ языкахъ не безъ таланта, помѣщенные въ ней семь разсказов прочитываются легко и нѣкоторые съ большимъ интересомъ, какъ, н примѣръ, *Присяжный повѣренный* и *Исповѣдь*. Для французовъ же всѣ разсказы должны быть очень интересны, такъ какъ изображаю вѣрно и русскихъ людей, и тѣ стороны нашей жизни, которыхъ

сается авторъ. Выходъ книги третьимъ изданіемъ въ Парижѣ доказываетъ, что французская публика оцѣнила произведенія г. Лурье по достоинству.

ПЕДАГОГИКА.

„Le rôle social des Universités", *par Max Leclerc.* — „Древніе языки въ среднемъ образованіи". *М. Бреаля.*

Le rôle social des Universités, par Max Leclerc. Paris. Armand Colin, 1892. И въ самой Франціи, и внѣ ея уже было замѣчено многими наблюдателями *), что среди французской учащейся молодежи совершается нынѣ какое-то, еще не вполнѣ опредѣлившееся, но, тѣмъ не менѣе, довольно сильное броженіе. Демократическо-соціальный характеръ этого броженія не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что оно находится въ болѣе или менѣе тѣсной связи съ тою, все усиливающеюся ролью, которую начинаетъ играть въ современномъ общественномъ строѣ рабочій вопросъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что въ то время, когда общество съ особеннымъ напряженіемъ слѣдитъ за всѣми перипетіями непрекращающейся борьбы труда съ капиталомъ, и молодое поколѣніе тѣхъ странъ, гдѣ эта борьба появляется въ видимыхъ формахъ манифестацій и стачекъ, стремится съ своей стороны разрѣшить такъ или иначе „проклятые вопросы" дня и внести свою лепту въ дѣло наиболѣе справедливаго удовлетворенія враждующихъ сторонъ. Поворотъ въ сторону соціальныхъ интересовъ, замѣчаемый въ средѣ молодежи болѣе пристальными наблюдателями, можетъ, разумѣется, не выразиться сразу въ какой-нибудь очень широкой и плодотворной формѣ, долгое время сначала онъ будетъ проявляться только бесѣдами, спорами, занятіями въ опредѣленномъ направленіи, характеромъ господствующихъ симпатій, избраніемъ тѣхъ, а не иныхъ профессій. Однако, тѣмъ, кто смотритъ впередъ за предѣлы сегодняшняго дня, не слѣдуетъ игнорировать и этихъ показателей общаго направленія нынѣшнихъ студентовъ, а завтрашнихъ общественныхъ дѣятелей. Книжка Макса Леклерка, представляющая собой дополненный и расширенный докладъ, читанный имъ въ „Ассоціаціи учениковъ и бывшихъ учениковъ свободной школы политическихъ наукъ" (Ecole libre des Sciens Politiques), представляетъ собою лишнее доказательство только что указаннаго поворота. Авторъ ея, очевидно, принадлежащій къ молодому поколѣнію, ознакомившись на мѣстѣ съ англійскимъ университетскимъ движеніемъ, задался двойною цѣлью: съ одной стороны, ознакомить своихъ слушателей и читателей съ результатами распространенія университетскаго знанія среди англійскаго народа, съ другой—побудить студентовъ французскихъ университетовъ послѣдовать прекрасному примѣру, представляемому сосѣдями.

30—40 лѣтъ тому назадъ англійскіе университетскіе города Оксфордъ и Кембриджъ являлись уединенными, замкнутыми для всѣхъ постороннихъ монастырями, за стѣны которыхъ не проникалъ шумъ общественной и промышленной жизни, кипѣвшей въ странѣ. Монастырскій характеръ имѣли не только внутренніе порядки университетовъ, требовавшіе отъ воспитанниковъ обѣта цѣломудрія, но даже и сама преподаваемая въ нихъ наука. Платонъ и Аристотель царили здѣсь въ

*) См. объ этомъ статью г. Д—ва въ *Русской Мысли* 1891 г., кн. II.

философіи, національная литература и новая исторія были взяты въ преподаваніи совершенно, точно такъ какъ и науки естественныя. Величайшіе ученые Англіи (Фарадэй, Тиндаль, Дарвинъ, Гёксли, Спенсеръ) выходили не изъ университетовъ, они были self-made men, потому что своимъ образованіемъ были обязаны только самимъ себѣ. Въ концѣ 60-хъ годовъ были сдѣланы первые слабые шаги, немного нарушившіе университетскую исключительность. Дѣло въ томъ, что тогда именно нѣсколько данскихъ кружковъ обратились къ получившимъ ученую степень воспитанникамъ университета съ просьбой подѣлиться съ ними своими познаніями. Устроенныя по ихъ просьбѣ „конференціи“ имѣли громадный успѣхъ, привлекли массу слушательницъ, къ которымъ мало-по-малу стали присоединяться и слушатели различныхъ общественныхъ классовъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ эти конференціи обратили на себя особенное вниманіе молодого профессора Стюарта, который задумалъ уничтожить ихъ разрозненный случайный характеръ и преобразовать въ систематическіе курсы опредѣленныхъ наукъ. Согласно его предположенію въ этомъ смыслѣ Кембриджскій университетъ рѣшилъ сдѣлать первый опытъ, за которымъ послѣдовали новые, болѣе смѣлые и болѣе широкіе. Къ концу 70-хъ годовъ десятки болѣе старшихъ студентовъ Оксфорда и Кембриджа состязались между собой въ дѣлѣ распространенія университетскаго знанія; аудиторіи ихъ оказывались всегда переполненными, ихъ лекціи прослушивались съ глубокимъ вниманіемъ, а слѣдовавшія затѣмъ собесѣдованія доказывали, съ какимъ интересомъ и рвеніемъ относились присутствовавшіе къ словамъ своихъ молодыхъ преподавателей. Послѣднее обнаружилось еще лучше на введенныхъ скоро провѣрочныхъ испытаніяхъ; несмотря на строгость этихъ экзаменовъ, по уступавшихъ университетскимъ, слушатели вольныхъ курсовъ оказывались не менѣе свѣдущими, чѣмъ студенты первыхъ семестровъ, а потому было признано справедливымъ награждать ихъ дипломами, сокращающими срокъ пребыванія въ университетахъ, еслибъ они пожелали продолжать здѣсь свое образованіе. Къ 1890 году число всѣхъ обучавшихся, такимъ образомъ, возросло до 42 тыс. и нѣтъ сомнѣнія, что еще такъ не начатое дѣло будетъ имѣть дальнѣйшее распространеніе. Слѣдует мѣтить, что бо́льшая часть слушателей принадлежитъ къ рабочем сословію, которое выказало, притомъ, особенную страсть къ занят Максъ Леклеркъ разсказываетъ, какія трудности преодолѣваютъ бочіе, на какія жертвы они идутъ, чтобы только пріобщить се университетской наукѣ, и какую трогательную благодарность вы ютъ они всегда своимъ молодымъ просвѣтителямъ *).

Результаты этого университетскаго движенія сказались не т въ распространеніи знаній, но и въ установленіи дружескихъ от ній между представителями науки и представителями труда; этого сами университеты не остались безъ вліянія отъ столкновенія съ стымъ народомъ. Университетской наукѣ и ея преподавателямъ лось приспособляться къ новымъ, менѣе подготовленнымъ слушате подходившимъ иногда съ болѣе практическими запросами, кото старая университетская наука не всегда могла удовлетворить. И мы видимъ, какъ постепенно университетскія программы расшир

*) Къ сожалѣнію, Леклеркъ обратилъ вниманіе только на просвѣтит дѣятельность англійскаго студенчества, совершенно опустивъ филантропическ ціальную; между тѣмъ, изложеніе этой стороны университетскаго движенія сдѣл его книжку болѣе обстоятельной, а его выводы болѣе обоснованными.

и разнообразятся, какъ онѣ послѣдовательно пополняются естественными и общественными науками, современною литературой, новѣйшею исторіей. Схоластическій методъ преподаванія смѣняется на болѣе жизненный, эгоистическое отношеніе къ знанію—стремленіемъ дѣлиться имъ со всѣми окружающими. Такимъ образомъ,—говоритъ авторъ,—университеты были спасены отъ гибели—неизбѣжной участи всѣхъ замкнутыхъ, не соотвѣтствующихъ духу времени, учрежденій.

„Въ прежнее время, — говоритъ Максъ Леклеркъ, переходя къ французской молодежи,—студенты въ Парижѣ, особенно политехнической школы, были необыкновенно популярны. Тогда въ Латинскомъ кварталѣ занимались много политикой, и, притомъ, политикой опозиціонной. Въ случаѣ надобности выходили на улицу и строили баррикады, тогда студенты и рабочіе были на одной сторонѣ. Чтобы имъ встрѣтиться нынѣ, у насъ есть еще лучшее средство. Мы чувствуемъ, что время пришло, когда слѣдуетъ иногда покидать библіотеки и спекулятивныя занятія, чтобы принимать участіе и вмѣшиваться въ жизнь народа, что наступилъ моментъ выйти на площади, теперь уже не для того, чтобы сражаться, но чтобы просвѣщать и работать для дѣла умиротворенія“ (стр. 62—63). Напомнивъ завѣтъ, данный студентамъ Жюлемъ Ферри, „любить пролетаріатъ“, а также отдѣльныя попытки распространить университетское знаніе въ народѣ,—попытки, имѣвшія мѣсто въ Ліонѣ и Монпелье,—Максъ Леклеркъ призываетъ студентовъ объединиться и приступить къ серьезному выполненію своей просвѣтительной миссіи. „Пусть университеты вернутся къ жизни, пусть образуется пять или шесть объединяющихъ центровъ, пусть они укрѣпляются, воодушевляются, и тогда къ нимъ въ каждомъ округѣ обратятся для объединенія всѣ, кто себя чувствуетъ одинокимъ. Каждый университетъ будетъ очагомъ цѣлаго округа, и великое демократическое дѣло воодушевленія массъ и распространенія просвѣщенія совершится само собой“.

Такими краснорѣчивыми словами заканчиваетъ авторъ свою любопытную книжку.

Древніе языки въ среднемъ образованіи. Лекціи Мишеля Бреаля, члена института, проф. Collége de France, читанныя студентамъ-филологамъ Сорбонны въ 1891 году. Перевелъ Н. Сперанскій. Москва, 1892 г. Цѣна 75 коп. Въ шести лекціяхъ, читанныхъ студентамъ-филологамъ въ 1891 году, Мишель Бреаль выступаетъ въ защиту древнихъ языковъ въ среднемъ образованіи. Побужденіемъ къ этимъ лекціямъ явились тѣ мысли автора, что если система классическаго образованія и „нуждается въ преобразованіи“ (стр. V), то, какъ Бреаль выражается словами Фулье, „наше образованіе живетъ, само не зная, какія у него есть права на существованіе“ (стр. VII). Съ другой стороны, „долгое господство извѣстнаго направленія влечетъ за собой его искаженіе“ (стр. VII), а, между тѣмъ, „если мы хотимъ создать новую систему образованія, то это надо дѣлать съ величайшею постепенностью, сохраняя основу и осторожно мѣняя нить за нитью, а не рвать и не пускать въ ходъ силу“ (стр. 9). И вотъ М. Бреаль, считая важнымъ „поставить какъ можно лучше преподаваніе того, что еще не вычеркнуто изъ программъ“ (стр. VII), т.-е. классическихъ языковъ, обращается къ студентамъ-филологамъ Сорбонны, или будущимъ преподавателямъ латинскаго и греческаго языковъ, съ своими мыслями, съ своими стремленіями, „не скрывая и своихъ колебаній и сомнѣній“ (стр. 2).

Нельзя, однако, не сказать, что, въ большинствѣ случаевъ, М. Бреаль повторяетъ старыя, хотя и заслуживающія вниманія мысли. Заговоритъ ли онъ о томъ, зачѣмъ мы учимся по-латыни (лекція первая), или начнетъ бесѣду о формальной культурѣ ума примѣнительно къ древнимъ языкамъ (лекція четвертая), коснется ли переводовъ съ роднаго языка и чтенія авторовъ (лекція пятая), заведетъ ли рѣчь о школьныхъ упражненіяхъ (лекція шестая),—вездѣ онъ высказываетъ передъ читателемъ соображенія, не разъ уже имѣвшія мѣсто въ печати раньше, и занимается развитіемъ именно этихъ прежнихъ соображеній. Такимъ образомъ, заслуга М. Бреаля заключается въ томъ, что эти соображенія онъ излагаетъ систематично и послѣдовательно, какъ бы собираетъ во-едино все до сихъ поръ разрозненное; тутъ же необходимо прибавить, что нашъ авторъ не выпускаетъ изъ вида рѣшительно ничего: съ одинаковою обстоятельностью онъ говоритъ и о возрастѣ, въ какомъ слѣдуетъ начинать латинскій языкъ (лекція шестая), и объ отношеніи греческаго языка къ латинскому (лекція шестая), и объ изученіи латинскаго языка въ прошлые вѣка (лекціи вторая и третья), и о многомъ другомъ. Наконецъ, не малое значеніе имѣетъ и заключеніе М. Бреаля послѣ шести его лекцій: здѣсь онъ заявляетъ, что его „бесѣды остались бы не законченными, еслибъ онъ ничего не сказалъ о томъ, что̀ важнѣе всего въ преподавателѣ—о нужныхъ ему нравственныхъ качествахъ, характерѣ и сердцѣ“ (стр. 89). „Чтобы пользоваться уваженіемъ учениковъ,—говоритъ М. Бреаль,—прежде всего, надо, чтобъ они видѣли въ васъ людей подготовленныхъ, но безъ всякаго стремленія выставлять свои знанія на показъ“ (стр. 90). Разумѣется, этотъ совѣтъ крайне драгоцѣненъ, а послѣ него весьма умѣстны и поучительны разсужденія М. Бреаля о томъ, что если студентамъ Сорбонны сообщаются основные пріемы критики текста, если ими изучается исторія учрежденій, если имъ предлагаютъ курсы лингвистики, то все это дѣлается только для пріобрѣтенія знаній и отнюдь не для щегольства этими знаніями (стр. 90, 91 и слѣд.). Всего нѣсколькими страницами ниже М. Бреаль прямо говоритъ: „Читайте ученыя диссертаціи, пишите ихъ сами, но имѣйте мужество забывать ихъ, входя на каѳедру“ (стр. 94). Съ другой стороны, по мнѣнію того же М. Бреаля, для преподавателя гимназіи „ничто не можетъ замѣнить постояннаго непосредственнаго соприкосновенія съ классомъ“ (стр. 95). Однако, всего замѣчательнѣе слѣдующія слова М. Бреаля: „ко всѣмъ качествамъ, которыми долженъ обладать преподаватель, надо прибавить еще одно, которое служитъ какъ бы солью и приправою для всего остального: я говорю о чувствѣ мѣры. Не давить слишкомъ на учениковъ, давать имъ свободно дышать“! (стр. 97).

Что касается перевода, то онъ сдѣланъ г. Сперанскимъ очень добросовѣстно и читается легко. Можно одобрить и выборъ переводчика: книжки, подобныя лекціямъ М. Бреаля, всегда имѣютъ значеніе.

ПУБЛИЦИСТИКА.

„Армянскій вопросъ въ Турціи“. *Діева.*—„Изъ эпохи великихъ людей“. *Г. Джаншіева.*—„Элизе Реклю объ общественномъ строѣ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ“. *А. Борзенко.* — „L'année littéraire, avec une préface par Henrik Ibsen“, *par Paul Ginisty.*

Армянскій вопросъ въ Турціи. Г. А. Діева. М., 1893 г. Ц. 40 к. Читатели *Русской Мысли* знакомы съ содержаніемъ этой брошюры: на

печаталась въ прошломъ году статьями въ нашемъ журналѣ. Поддерживать въ русскомъ обществѣ сочувственное вниманіе къ судьбѣ многострадальнаго армянскаго народа мы считаемъ одною изъ своихъ публицистическихъ обязанностей и поэтому рекомендуемъ брошюру г. Г. А. Діева. Положеніе вещей въ турецкой Арменіи таково, что возбуждаетъ глубокое негодованіе. Реформы, торжественно обѣщанныя Европѣ по берлинскому договору, до сихъ поръ не осуществляются. Но въ концѣ девятнадцатаго вѣка требованія гуманности и политической справедливости не могутъ уже нарушаться долгое время безъ достойнаго наказанія.

Изъ эпохи великихъ реформъ. Г. Джаншіева. М., 1893 г. 4-е, вновь дополненное изданіе. Цѣна 2 руб. На долю „историческихъ справокъ" Г. А. Джаншіева выпалъ рѣдкій и заслуженный успѣхъ среди читающей публики. Написанные ярко и горячо очерки этого публициста, посвященные освобожденію крестьянъ, созданію новаго суда и земства, университетскому уставу 1863 года и другимъ преобразованіямъ Императора Александра II, особенно своевременны въ наши дни, когда многихъ охватываетъ унынie вслѣдствіе недовѣрія къ росту живыхъ общественныхъ силъ въ Россіи. Выходъ книги г. Джаншіева четвертымъ изданіемъ нельзя не признать утѣшительнымъ признакомъ даже упорному пессимисту. Издана эта книга, попрежнему, съ благотворительною цѣлью. Къ ней приложенъ хорошій портретъ одного изъ крупнѣйшихъ дѣятелей *эпохи великихъ реформъ*, В. А. Арцимовича.

Элизе Реклю объ общественномъ строѣ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. А. Борзенко. Москва, 1892 г. Заглавіе брошюры мало отвѣчаетъ ея содержанію: значительная часть ея совсѣмъ не касается общественнаго строя Соединенныхъ Штатовъ. Авторъ говоритъ сначала объ исторіи населенія, излагая ее въ очень мелкихъ и безсвязныхъ фактахъ, затѣмъ объ индѣйцахъ и неграхъ, приводитъ замѣчанія Реклю о значеніи для страны этнографическихъ различій, потомъ вдругъ посвящаетъ три страницы вопросу о Беринговомъ морѣ, какъ mare clausum. Собственно объ общественномъ строѣ рѣчь заходитъ только во второй половинѣ брошюры, но и здѣсь авторъ ограничивается немногими замѣчаніями о ростѣ населенія, ограниченіи эмиграціи, развращающихъ и морализующихъ моментахъ, наконецъ, объ объединяющихъ началахъ. Какъ видно изъ перечня содержанія, автору не удалось сосредоточиться на своей темѣ, выбрать наиболѣе важные и существенные пункты и изложить ихъ безъ лишнихъ частностей. Самое изложеніе носитъ на себѣ печать наивности и даетъ очень туманное представленіе о содержаніи разбираемой книги. Отмѣтимъ въ заключеніе любопытныя ссылки на *американскаго* писателя Брайса (стр. 26, 27): авторъ, такимъ образомъ, и не подозрѣваетъ, что рѣчь тутъ идетъ о членѣ кабинета Гладстона и авторѣ капитальныхъ сочиненій о св. Римской имперіи и объ Американской республикѣ, переведенныхъ и на русскій языкъ; послѣднее изъ нихъ нѣсколько лѣтъ назадъ было даже разобрано въ особой статьѣ проф. Виноградовымъ.

L'année littéraire, avec une préface par Henrik Ibsen, par Paul Ginisty. Huitième année. 1892. Paris, 1893. Во Франціи существуетъ прекрасный и очень удобный, напримѣръ, для иностранцевъ обычай,— издавать ежегодно особые отчеты обо всѣхъ новинкахъ истекшаго года по разнымъ отраслямъ искусства, науки и литературы. Съ такою цѣлью издаются: *L'année philosophique*, *L'année scientifique*, *L'année politique*, *Les annales du theatre et de la musique* и проч., и проч. Стоитъ

вамъ взять подобный сборникъ и вы оказывае
сколько-нибудь выдающагося въ данной отрасл
слѣдними словами французской философіи и на
ніи французскаго театра и о главнѣйшихъ по
прошлаго года. Къ этой серіи изданій принадл
шедшая, еще не утратившая даже свѣжаго зап
ки книжка Поля Жинисти. Она составилась
въ которыхъ французскій критикъ еженедѣльно
галъ всѣ появляющіяся въ свѣтъ французскія
альнаго характера и почему-либо интересныя дл
лики. Первое мѣсто тутъ заняла, разумѣется,
не отвлекла вниманія автора отъ другихъ отра
ненія экономическаго, историческаго и философ
тоже свои уголки въ обстоятельномъ отчетѣ П
въ немъ самостоятельной, сколько-нибудь глубо
бенности книгъ, находящихся внѣ предѣловъ из
ло бы, разумѣется, совершенно напрасно, но з
мыя французскимъ критикомъ, въ большинствѣ с
ютъ правильное понятіе о той или другой лит
это именно то, что намъ, желающимъ представ
ну состоянія французской литературы въ 1892
лезиѣе. Вотъ нѣсколько главнѣйшихъ чертъ эт
рисуется въ отчетѣ французскаго критика.

Французскіе романисты-корифеи уже издавн
обыкновеніе каждый годъ дарить публику каки
мъ произведеніемъ. Возьмите хотя бы тѣ русс
таются переводные романы, и вы увидите, что в
года безъ того, чтобы столпы современной фран
Золя, Додэ, Бурже—не напомнили о себѣ такъ
1892 г. не составлялъ въ этомъ отношеніи иск
одномъ перечисленіи этихъ именъ безъ труда вс
ствующихъ произведеній: *La Debâcle, Rose et L
promise*. Такъ какъ мы бесѣдуемъ съ читателе
гое, быть можетъ, но ужъ произведеній достоя
романистовъ не пропуститъ и даже почтетъ сво
ностью прочитать ихъ при первой возможности,
водѣ или въ подлинникѣ (который тотчасъ же п
услужливо появляется у насъ въ витринахъ кн
слѣдовательно, ни излагать этихъ романовъ, ни
на нихъ намъ нѣтъ надобности. Вспомнимъ тол
этихъ произведеній не можетъ быть названо въ
веденій тѣхъ же авторовъ, ни одно изъ нихъ
бриліантомъ въ коронѣ вѣнчанныхъ романисто
одно не заставило говорить о себѣ очень долго
всеобщихъ восторговъ. Романъ Золя возбудилъ
критику, но по большей части чисто-военную,
чались прежде новинки пророка современнаго
нихъ переставали когда говорить черезъ мѣсяц
Нѣтъ, видимо, время лавровъ и бенефисовъ про
somoir, Conquête de Plassans и *Germinal'я*. То
чувствовать и авторъ *Fromont jeune* и *Jack'a*:
произведеніи, *Divorce*, говорятъ только какъ о
Третій, и самый молодой корифей французской

написавшій нѣсколько дѣйствительно хорошихъ, хотя и всегда претенціозныхъ романовъ и, наконецъ, достигшій своего апогея въ *Disciple'ѣ*, теперь, вмѣстѣ съ видимымъ истощеніемъ темъ и запаса своихъ психологическихъ наблюденій, становится тѣмъ болѣе претенціознымъ. Всегда нѣсколько склонный къ поученіямъ, онъ, видимо, хочетъ взяться за морализующій романъ и первымъ шагомъ на этомъ пути явилась *Terre promise*, „краснорѣчивый *plaidoyer* въ защиту правъ дѣтей“,—какъ говоритъ намъ критикъ,—но за такими похвалами не трудно разглядѣть привычку прицѣплять хвалебные эпитеты къ имени Поля Бурже,—на самомъ дѣлѣ, его послѣдній романъ имѣлъ успѣхъ гораздо меньшій, чѣмъ всѣ предъидущіе. Сейчасъ же вслѣдъ за этими тремя „китами“ слѣдуетъ говорить о новой французской знаменитости, объ оригинальной фигурѣ, появившейся на французскомъ горизонтѣ въ причудливомъ турецкомъ одѣяніи *) и сразу прошедшей всѣ ступени популярности и почета, включительно съ академическимъ кресломъ, этимъ недостижимымъ идеаломъ для ничего не идеализирующаго французскаго натуралиста—Золя. Читатель понялъ, что мы говоримъ о Пьерѣ Лоти. Въ прошломъ году его любовь къ Востоку дала намъ новое пространное и восточно-страстное произведеніе въ декоративномъ романѣ *Fantome d'orient*. Говоримъ „декоративномъ“, ибо изображеніе нарядовъ, въ которое рядился авторъ, полуазіатъ и полуевропеецъ, занимаетъ здѣсь такое же видное мѣсто, какъ и разсказъ о необыкновенной страсти, которой онъ воспылалъ къ одной великолѣпной азіаткѣ. Романъ произвелъ впечатлѣніе: страсти вообще въ почетѣ у парижанъ, а такія своеобразныя, экзотическія, въ широкихъ шароварахъ, съ кривымъ кинжаломъ—въ особенности. На этомъ пути Лоти, конечно, пойдетъ далеко и скоро сдѣлается у парижскихъ дамъ даже большимъ любимцемъ, чѣмъ былъ когда-то Гюи де-Мопассанъ, столь преждевременно и печально сошедшій съ литературнаго поприща.

Теперь скажемъ о звѣздахъ второго порядка. Поэтъ Коппэ, какъ романистъ, величина, разумѣется, не первостепенная, отозвался произведеніемъ (*Les vrais riches*), въ основу котораго положена та замѣчательная и совершенно новая мысль, что многаго, наприм., славы, здоровья, любви и чести, нельзя купить на деньги, и что истинные богачи—это люди добродѣтельные. „Добродѣтельные люди“, имѣющіе, въ то же время, въ карманѣ лишнія деньги (vrais riches), охотно покупаютъ это нравоучительное и лестное для нихъ сочиненіе. Но это все же, даже для французскаго буржуа, черезъ-чуръ заурядная тема. За то любители необыкновеннаго могутъ быть удовлетворены романомъ Рони, гдѣ изображаются допотопныя (въ буквальномъ смыслѣ) чувства и страсти. О гигантскомъ героѣ этого романа (стремительно переведеннаго на русскій языкъ) французскій критикъ не безъ ѣдкости замѣчаетъ: qu'il est un peu fraseur pour un homme primitif и весь романъ относитъ къ области майнъ-ридизма. А вотъ намъ далѣе мистическій романъ *Magicienne*, мистическія произведенія Эдуарда Рода, христіанскій соціалистически-мистическій романъ Вальвора—*Антипапа*. Это для одной публики, а для другой, предпочитающей конкретности, вотъ хотя бы романъ подъ названіемъ *Синій чулокъ*, совершенно непровержимо

*) Такимъ именно, въ широкихъ шароварахъ, съ кривымъ кинжаломъ и въ чалмѣ, изображенъ онъ и на фотографической карточкѣ, очень бойко расходящейся теперь въ Парижѣ.

доказывающій, что всѣ, рѣшительно всѣ женщины должны, въ концѣ-концовъ, пасть въ объятія мужчины,—иного выхода для нихъ не существуетъ. Вообще, „паденія“ и „объятія“—это, какъ оказывается, двѣ самыя популярныя темы у современныхъ французскихъ романистовъ, „имена же ихъ ты, Господи, вѣси“. Чтобы заключить серію этихъ безъименныхъ произведеній, упомянемъ о такъ называемыхъ *romans d'hérédité*, слабыхъ копіяхъ съ Золя и Ибсена, гдѣ наслѣдственность выдвигается какъ главный, чуть ли не единственный факторъ человѣческой дѣятельности.

Отдѣлъ воспоминаній, мемуаровъ и историческихъ сочиненій открывается воспоминаніями Ренана. Двѣ книжки знаменитаго историка, въ которыхъ онъ описываетъ свое дѣтство и юность, и вспоминаетъ о разныхъ знакомыхъ (Souvenirs d'enfance et de jeunesse, feuilles détachées), непріятно поразятъ тѣхъ изъ читателей, которые представляютъ себѣ Ренана неуклоннымъ, прямымъ борцомъ за истину. Житейская мудрость Ренана, его способность быть всѣмъ пріятнымъ, его легкое отношеніе ко многимъ жгучимъ вопросамъ вызываютъ слова осужденія даже у Поля Жинисти, вообще имѣющаго слабость къ большимъ именамъ. Касаться другихъ воспоминаній мы не станемъ, — это все вещи страшныя: вотъ одинъ нѣмецъ вспоминаетъ о революціи, вотъ одинъ генералъ вспоминаетъ о революціи, вотъ цѣлый батальонъ старыхъ солдатъ вспоминаетъ о разныхъ войнахъ вообще и въ частности о тѣхъ сраженіяхъ, гдѣ они получили увѣчья. Затѣмъ нѣсколько человѣкъ вспоминаютъ о старомъ театрѣ и о старыхъ артисткахъ, которыя теперь въ морщинахъ и въ забвеньѣ доживаютъ свои дни, съ полнымъ презрѣніемъ глядя на современное балаганство. Вспоминаетъ, впрочемъ, также о давнихъ событіяхъ и довольно извѣстный французскій историкъ Оларъ: его послѣднее сочиненіе *) *Culte de la raison et de l'Être Suprême* имѣетъ большое значеніе для всѣхъ, интересующихся этою эпохой французской исторіи. А вотъ наслѣдники Флобера снова и снова напоминаютъ о немъ, издавая Богъ знаетъ который томъ Богъ знаетъ кому нужныхъ его мелкихъ случайныхъ записокъ и писемъ. Вспомнили въ прошломъ году, весьма кстати, автора марсельезы Ружэ де-Лиля и написали о немъ цѣлую книгу; давно пора! А вотъ неистощимый и послѣ смерти Викторъ Гюго самъ о себѣ еще разъ напоминаетъ. На этотъ разъ онъ туристъ: онъ намъ описываетъ страны, которыя ему пришлось посѣтить въ 1834—36 году. Но не одинъ Гюго путешествовалъ въ прошломъ году: вотъ, наприм., Арманъ Сильвестръ съѣздилъ въ Россію и въ какихъ краскахъ описалъ ее французскимъ читателямъ! Подогрѣваемый, очевидно, мыслью о франко-русскомъ союзѣ, онъ всѣмъ восторгается dans le pays du Tzar и даже съ умиленіемъ вспоминаетъ о нашихъ droshkis, къ которому, комплимента ради, спѣшитъ прибавить эпитетъ rapides.

Однако, довольно. Въ нашу задачу не входитъ останавливаться на такихъ произведеніяхъ, какъ *Dans cent ans* Рише или *Conquête du pain* Крапоткина, относящихся къ области такой литературы, которая находится внѣ компетенціи нашего критика, да и вообще занимаетъ совсѣмъ особое, интернаціональное, а не спеціально-французское мѣсто. Нѣтъ нужды передавать также сужденіе Жинисти о Ницше, съ которымъ французская публика познакомилась въ прошломъ году, изъ

*) См. о немъ въ послѣдней книжкѣ *Историческаго Обозрѣнія* статью Н. Кареева.

спѣшимъ къ концу и заключительному выводу. Вотъ онъ: не намъ однимъ, русскимъ, слѣдуетъ огорчаться литературнымъ затишьемъ послѣдняго времени,—во Франціи, несмотря на существованіе тамъ нѣсколькихъ всесвѣтныхъ знаменитостей, дѣло обстоитъ, пожалуй, не лучше; прошлый годъ, наприм., не принесъ въ области изящной литературы ни одного очень крупнаго и замѣчательнаго произведенія, но за то породилъ такую массу литературной дряни, какъ, вѣроятно, ни въ одной другой странѣ.

ИСТОРІЯ И БІОГРАФІИ.

„Жизнь и труды М. П. Погодина". *Н. П. Барсукова.*—„Русско-византійскія изслѣдованія". *В. Васильевскаго.*—„Жизнь замѣчательныхъ людей". *Изданіе Ф. Павленкова.*

Жизнь и труды М. П. Погодина. Н. П. Барсукова. Книга седьмая. Спб., 1893 г. Цѣна 2 руб. 50 коп. Седьмая книга труда г. Барсукова обнимаетъ 1843 — 4 гг. жизни Погодина съ присоединеніемъ разсказа о его третьемъ заграничномъ путешествіи въ 1842 г. (стр. 1—71) и является заключительною для перваго періода его жизни: въ 1844 г. Погодинъ окончательно покинулъ университетъ. Авторъ приложилъ къ книгѣ видъ кабинета Погодина въ московскомъ его домѣ на Дѣвичьемъ полѣ, указатель именъ личныхъ и географическихъ, а также разныхъ предметовъ ко всѣмъ семи книгамъ и не лишенное интереса предисловіе, въ которомъ своему труду даетъ титулъ *„дѣланія*, имѣющаго цѣлью напомнить русскому обществу о великомъ прошломъ духовной жизни отцевъ нашихъ". Такъ, самъ г. Барсуковъ уже счелъ необходимымъ признаться, что его *дѣланіе*—не столько „повѣсть о жизни и трудахъ" Погодина, сколько чрезвычайно интересный сборникъ матеріаловъ для исторіи умственной жизни русскаго общества 30—60 гг. нашего вѣка, подобранныхъ хронологически и такъ или иначе могущихъ группироваться вокругъ своеобразной личности Погодина. Хотя авторъ и старается слѣдовать въ своемъ изложеніи мудрому совѣту персидскаго шаха, взятому въ качествѣ одного изъ эпиграфовъ къ книгѣ *Жизнь и труды М. П. Погодина* („не извращай описанія событій: побѣду изображай какъ побѣду, а пораженіе описывай какъ пораженіе"), однако, это удается только на половину. Міровоззрѣнія „временъ Очакова и покоренья Крыма" и адмиральскій стиль даютъ себя знать настолько чувствительно, что чѣмъ дальше изучаешь книгу г. Барсукова, тѣмъ попадаешь все въ болѣе и болѣе затруднительное положеніе: содержаніе глубоко интересно и для публики, и для спеціалиста, а обстановка и пріемы ученой работы архаичны до... до комизма. Сколько разъ уже указывали г. Барсукову, что своими выходками онъ только портитъ свой трудъ... онъ не внемлетъ и продолжаетъ по-своему, хотя, конечно, чувствуетъ порою свою неосновательность. Къ чему въ ученомъ изложеніи конца XIX в. подобныя выраженія, какъ: „принять въ бразды своего правленія", „прибылъ въ царствующій градъ Москву", „подъ сѣнію общества исторіи и древностей", „въ то время, когда въ первопрестольномъ Кіевѣ происходили всяческія нестроенія, въ царствующемъ градѣ Москвѣ совершалось пренесеніе памятниковъ", „отшедшіе отъ насъ отцы и братія" (по адресу русскихъ ученыхъ въ предисловіи къ VII книгѣ) etc., etc? Къ чему эти постоянные эпитеты и титулы, употребляемые авторомъ на каждомъ шагу и безъ всякой цѣли? Словомъ, за

все, что касается формы и тона изложенія, читатели не скажутъ спасибо автору, который упорно не хочетъ понять всей нелѣпости подчиняться одностороннимъ и скоропреходящимъ запросамъ всплывшаго за послѣднее время міровоззрѣнія „временъ Очакова и покоренья Крыма“, тѣмъ болѣе, что самъ же онъ не прочь сообщить кое-что изъ вошіющихъ несообразностей указаннаго міровоззрѣнія и ужасовъ его практическаго примѣненія.

Когда заходитъ рѣчь о русской интеллигенціи сороковыхъ годовъ, то всегда является возможность наговорить много интереснаго и вмѣстѣ поучительнаго; такъ и въ данномъ случаѣ: публичныя лекціи незабвеннаго Т. Н. Грановскаго, ихъ невѣроятный успѣхъ среди московскаго общества и вызванныя ими статьи и частная переписка; московская жизнь А. И. Герцена послѣ ссылки, его сношенія съ славянофилами, разногласіе съ В. Г. Бѣлинскимъ по поводу этихъ сношеній и разрѣшеніе этого разногласія въ пользу критика *Отечественныхъ Записокъ*; московскіе философскіе споры западниковъ и славянофиловъ, окончившіеся безусловнымъ разрывомъ между ними; публичныя лекціи С. П. Шевырева, которому не давали спать лавры Грановскаго; взаимныя обольщенія западниками Юрія Самарина и славянофилами Грановскаго,—обольщенія, изъ которыхъ ничего не могло выйти; диспуты въ Московскомъ университетѣ К. Д. Кавелина и Ю. Ѳ. Самарина; появленіе въ литературѣ П. А. Кулиша и Н. И. Костомарова; переходъ *Москвитянина* къ Ив. В. Кирѣевскому и пр., не говоря уже о множествѣ данныхъ, касающихся болѣе мелкихъ лицъ и явленій или деталей историографическаго характера. Среди этой массы тронутаго авторомъ матеріала временами всплываетъ Погодинъ съ его угловатостью и неряшествомъ языка и комизмомъ сужденій, съ его заботами о своей біографіи и древлехранилищѣ, съ его стремленіями сильнымъ міра сего угодить и себя не забыть, съ его близорукими мечтаніями о славянахъ (срв. стр. 43) и мистическими волненіями, съ его комическою *инструкціей для посящающихъ себя русской исторіи* (см. стр. 261) и пустымъ вздохомъ, что русскіе юноши не читаютъ Патерика, а обращаются къ Уландамъ и Гейне (стр. 15). Тотъ же Погодинъ, впрочемъ, смѣялся надъ современными ему русскими педагогами, закоснѣвшими въ буквѣ, не хуже нынѣшнихъ сторонниковъ фальшивой классической системы; имѣлъ мужество признаться, что русскіе крестьяне въ правобережной Украинѣ укрѣпились вполнѣ за своими господами поляками „только тогда, какъ эти губерніи возвратились къ Россіи“ (стр. 15) и что справедливо упрекаютъ (1842 г.) русское духовенство „въ пошломъ образѣ жизни, странныхъ привычкахъ, не очищенномъ вкусѣ, умственной бездѣйственности“, не совсѣмъ только правильно толкуя причину подобнаго явленія (стр. 31); умѣлъ позлословить надъ русскимъ помѣщикомъ, весь запасъ сельско-хозяйственныхъ знаній котораго нерѣдко заключался лишь въ умѣньи заложить или перезаложить имѣніе или въ мечтахъ о службѣ съ эполетами, и замѣтить по этому поводу, что „наружный блескъ цивилизаціи мы достали себѣ, но много грубаго и дикаго скрывается подъ этою шлифовкой“ (стр. 33); злословя надъ русскимъ помѣщикомъ, Погодинъ былъ не прочь позлословить и надъ современностью вообще: такъ, въ своемъ отчетѣ министру просвѣщенія о заграничномъ путешествіи 1842 г. онъ, высказавшись въ очень наивной формѣ въ пользу существованія *духа времени*, пишетъ, что „дипломаты и политики векорѣ должны придти въ тупикъ на старыхъ дорогахъ и обветшалыхъ колеяхъ“ (стр. 68), а въ своемъ *Дневникѣ* по поводу

бесѣды съ П. Ѳ. Карабановымъ,—что у насъ „все высокомѣрно, стѣснено теперь... главные министры домогаются аудіенціи, какъ милости... а министръ финансовъ употребилъ 600,000 на отдѣлку своего дома“ (стр. 258; срв. стр. 262 и 263). Книга Кюстина *La Russie en 1839 an.* заставляетъ Погодина записать въ *Дневникъ* слова, которыя для многихъ могутъ показаться удивительными въ его устахъ: „за изображеніе дѣйствій деспотизма, для насъ часто непримѣтныхъ, я готовъ *поклониться ему въ ноги*“ (стр. 285). Этотъ деспотизмъ, который такъ возмущалъ Погодина, всего рѣзче отзывался на немъ при сношеніяхъ съ тогдашнею цензурой, доходившею до абсурда (см. стр. 414, 434); въ раздраженіи отъ нелѣпыхъ вырѣзокъ, онъ писалъ однажды московскому цензору В. П. Флерову: „Хотя вы *противозаконно* скрываете запрещенныя вами мѣста, кои должны значиться въ типографіи, даже для улики (sic!) въ нужномъ случаѣ издателя, но я не такъ простъ и имѣю въ копіи ихъ собраніе для поученія потомства“. О духовной цензурѣ и говорить нечего: въ этомъ отношеніи достаточно указать на исторію съ *Введеніемъ въ исторію древней русской словесности* С. П. Шевырева, въ которой м. Филаретомъ не было пропущено одно мѣсто, оправдываемое Четью-Минеею и др. Погодинъ писалъ по этому поводу Шевыреву: „Не должно ставить третье лицо свидѣтелемъ своей побѣды, чтобы не озлобить побѣжденнаго митрополита. Суди ты самъ, каково ему сдѣлаться уличеннымъ Четью-Минеею и т. п. Надо повести дѣло такъ, чтобы Филарету не стало стыдно, пощадить его монашеское самолюбіе“ (стр. 460; срв. стр. 442 и 478). Трудно было бы коснуться всѣхъ интересныхъ эпизодовъ, разсказанныхъ въ седьмой книгѣ труда г. Барсукова и дающихъ матеріалъ для характеристики тогдашняго времени; ограничимся въ заключеніе ссылкою на любопытные отзывы Погодина о Н. И. Костомаровѣ (стр. 209), Н. В. Калачовѣ (стр. 298), С. М. Соловьевѣ (стр. 315, 316, 344), которому посвящена вся 47 глава, и профессорахъ политической экономіи (стр. 274).

Въ 1844 г. Погодинъ оставилъ университетъ, кончился *первый* періодъ его жизни и дѣятельности, его вліяніе замираетъ навсегда. Погодинъ ex-professor уже курьезъ, способный въ глазахъ публики проигрывать правое дѣло: на каѳедрѣ—молодой Соловьевъ, затмившій учителя; въ журналистикѣ—голосъ свѣтлыхъ, свѣжихъ людей изъ лагеря, ненавидимаго устарѣвшимъ норманнистомъ. Самъ Погодинъ написалъ въ своемъ *Дневникѣ* 1844 г. превосходное резюме перваго періода своей дѣятельности (если оставить пока въ сторонѣ его несомнѣнныя заслуги, какъ изслѣдователя въ области древней русской исторіи): „Путешествіе (изданное Погодинымъ подъ заглавіемъ: *Годъ въ чужихъ краяхъ 1839 г. Дорожный дневникъ*. М., 1844 г.) совершенно пропало для публики. Удивительная судьба моихъ сочиненій. То говорю я въ нихъ, и уже 25 лѣтъ, чего въ голову не приходитъ (!), напримѣръ, нынѣшнимъ модным профессорамъ даже въ томъ родѣ, что доставляетъ имъ даровую славу, а моего не хочетъ и читать никто, и спасибо никто не говоритъ. Что сказано въ моемъ *Путешествіи*, что сказано въ моихъ *Афоризмахъ!* И все ни во что. Не завидую, а удивляюсь. Эти господа даже и не пишутъ ничего! Сколько усилій я дѣлалъ, сколько помощи оказывалъ, сколько содѣйствія! Я часто думалъ, что злой духъ мѣшаетъ дѣйствію моихъ дѣлъ“ (VII, стр. 388). Этотъ злой духъ былъ *духъ времени*, въ который принужденъ былъ увѣровать Погодинъ.

Русско-византійскія изслѣдованія В. Васильевскаго. Выпускъ второй. Житія свв. Георгія Амастридскаго и Стефана Сурожскаго. Спб., 1893 г. Извѣстія о какихъ-то весьма древнихъ походахъ Руси на Амастриду (г. въ Малой Азіи, на берегу Чернаго моря, къ западу отъ Синопа, нын. Амассера) и на Сурожъ (нын. Судакъ въ Крыму) и о совершившихся при этомъ чудесахъ, находящіяся въ житіяхъ свв. Георгія и Стефана, давно уже привлекаютъ къ себѣ вниманіе изслѣдователей древнѣйшаго періода нашей исторіи. Разсказъ о походѣ на Сурожъ, помѣщенный въ житіи св. Стефана, давно извѣстномъ въ Россіи, былъ отмѣченъ еще въ XVI в. составителями *Степенной Книги*, основавшими на этомъ разсказѣ представленіе о „до-рюриковскомъ походѣ славянъ" на Таврическій полуостровъ. Впрочемъ, когда началась научная разработка русской исторіи, разсказъ этотъ былъ забытъ, такъ какъ житіе въ полномъ видѣ не было напечатано. Память о „Сурожскомъ житіи" была возстановлена лишь въ 1842 г. Востоковымъ (въ описаніи рукописей Румянцевскаго музея) и затѣмъ прот. А. В. Горскимъ. Въ статьѣ, сообщенной Погодинымъ въ I томѣ *Записокъ одесскаго общества исторіи и древностей* (въ 1844 г.), Горскій обращалъ вниманіе русскихъ изслѣдователей не только на разсказъ о сурожскомъ нашествіи Руси (въ житіи св. Стефана), но и на аналогичный разсказъ о нашествіи на Амастриду, находящійся въ житіи св. Георгія, которое до того времени оставалось совершенно неизвѣстнымъ для изслѣдователей древнѣйшей русской исторіи, да и самому Горскому было знакомо только по латинскому переводу, изданному болландистами въ *Acta Sanctorum*. Сопоставляя оба разсказа, Горскій высказывалъ предположеніе, „что разсказъ о чудѣ, совершившемся надъ русскимъ княземъ въ Сурожѣ, объясняется разсказомъ о подобномъ же событіи при нашествіи русскихъ на Амастриду" (см. стр. 2), но, при своей осторожности въ выводахъ, отъ дальнѣйшихъ заключеній воздержался, хотя изученіе житія св. Стефана и наводило на пріуроченіе сурожскаго нашествія къ концу VIII или началу IX вѣка. Конечно, загадочныя показанія о древнихъ походахъ Руси, разъ на нихъ уже было указано, не могли остаться безъ вниманія со стороны послѣдующихъ изслѣдователей вопроса о происхожденіи Русскаго государства и, естественно, должны были, при своей неопредѣленности, вызвать различное толкованіе со стороны представителей различныхъ теорій. Норманнская школа, естественно, должна была стремиться пріурочить походы на Амастриду и Сурожъ ко времени послѣ предполагаемаго лѣтописью призванія Руси, т.-е. послѣ 862 г., и дѣйствительно, акад. А. А. Куникъ во второмъ томѣ своего изслѣдованія о призваніи шведскихъ Родсовъ (Die Berufung der schwedischeu Rodsen), вышедшемъ въ 1845 г., дѣлая не совсѣмъ правильный выводъ изъ указаннаго выше сопоставленія Горскаго, отождествлялъ нашествіе на Сурожъ съ нашествіемъ амастридской легенды и пріурочивалъ то и другое къ извѣстному походу Аскольда и Дира въ 865 г. Впослѣдствіи Куникъ, замѣтивъ значительную разницу въ содержаніи обѣихъ легендъ, нѣсколько измѣнилъ свой взглядъ и пріурочилъ сурожскую легенду къ походу Владиміра св. на Тавриду. Антинорманнисты, наоборотъ, стремились пріурочить факты, лежащіе въ основѣ легендъ, къ до-рюриковскому времени. И тою, и другою школой было высказано не мало вѣрныхъ замѣчаній, но изъ содержанія самихъ извѣстій при ихъ неопредѣленности, трудно было почерпнуть вѣскіе аргументы в пользу того или иного воззрѣнія, почему изслѣдователямъ и приходилос по бо́льшей части ограничиваться лишь общими соображеніями. Впро

чемъ, акад. Куникъ выставилъ въ пользу своего взгляда одинъ аргументъ, который давалъ ему большое преимущество надъ его противниками, такъ какъ обладалъ, повидимому, всѣми свойствами строго-научнаго формальнаго доказательства. Аргументъ этотъ акад. Куникъ почерпнулъ изъ сличенія изученнаго имъ въ подлинникѣ (и напечатаннаго въ бюллетеняхъ академіи наукъ за 1845 г.) отрывка изъ житія св. Георгія съ окружнымъ посланіемъ Фотія, касающимся похода 865 г., причемъ между тѣмъ и другимъ текстомъ оказались, по мнѣнію изслѣдователя, черты буквальнаго сходства, а это приводило къ заключенію, что извѣстіе житія заимствовано изъ Фотіевой энциклики, слѣдовательно, относится ко времени послѣ 865 г. Однако, и этотъ вѣскій, на первый взглядъ, аргументъ является не совсѣмъ устойчивымъ вслѣдствіе того, что для какихъ бы то ни было выводовъ касательно языка житія недостаточно было изучить только извѣстный отрывокъ, какъ это сдѣлалъ Куникъ, а нужно было изслѣдовать житіе св. Георгія во всемъ его составѣ. Подобнымъ же образомъ и разнорѣчіе въ выводахъ относительно данныхъ житія св. Стефана могло быть разрѣшено только при внимательномъ изученіи полнаго состава житія какъ въ славянскомъ текстѣ, такъ и въ греческомъ.

Эта-то работа и сдѣлана акад. Васильевскимъ. Въ своемъ прекрасномъ изданіи онъ далъ тщательно провѣренные тексты появляющагося впервые въ полномъ видѣ греческаго житія св. Георгія Амастридскаго и совершенно неизданныхъ до сихъ поръ краткаго греческаго и пространнаго славянскаго житія св. Стефана Сурожскаго, затѣмъ переводы греческихъ житій, сдѣланные съ тѣмъ знаніемъ и искусствомъ, какими отличаются всѣ работы знаменитаго византиниста, и, наконецъ, что всего важнѣе, подъ скромнымъ названіемъ „введеній въ житія“ предпослалъ тексту обширныя и въ высшей степени интересныя изслѣдованія о житіяхъ. При этомъ оказалось, что при изученіи житія св. Георгія во всемъ его составѣ можно и помимо языка, благодаря нѣкоторымъ особенностямъ содержанія житія въ частяхъ, не касающихся русскаго нашествія, сдѣлать весьма замѣчательные выводы относительно времени написанія житія и, слѣдовательно, относительно времени излагаемыхъ въ немъ событій, а изслѣдованіе житія св. Стефана дало почтенному ученому возможность, кромѣ разъясненія первоначально поставленнаго вопроса, коснуться и любопытныхъ вопросовъ объ исторіи г. Сурожа и о сношеніяхъ съ нимъ древней Руси, вопросовъ важныхъ по отношенію „къ нашимъ былинамъ, гдѣ богатырь Сурожанинъ или Суровецъ играетъ видную роль“ *). Въ предлагаемой замѣткѣ мы ограничимся, впрочемъ, лишь указаніемъ важнѣйшихъ результатовъ работы В. Г. Васильевскаго по отношенію къ главному ея предмету—къ вопросу о хронологическомъ пріуроченіи походовъ на Амастриду и Сурожъ и тѣхъ выводовъ, какіе можно сдѣлать на основаніи такого пріуроченія для разъясненія вопроса о національности племени Русь и о происхожденіи русскаго государства.

При изслѣдованіи житія св. Георгія акад. Васильевскій ищетъ сначала внѣшнихъ признаковъ, которые помогли бы опредѣлить эпоху на-

*) Первоначально изслѣдованія были напечатаны въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, но съ тѣхъ поръ прошло болѣе 10 лѣтъ, изслѣдованія вызвали кое-какія новыя работы, изъ которыхъ можно было почерпнуть различныя указанія, и потому теперь, при изданіи текста житій, изслѣдованія появились въ значительно, измѣненномъ и дополненномъ видѣ.

писанія памятника. Уже изученіе состава Парижскаго
торомъ среди большого количества агіографическихъ п
ходится и единственный извѣстный списокъ подлинн
текста житія св. Георгія, приводитъ (такъ же, какъ и
ское изслѣдованіе кодекса) къ заключенію, что весь ко
не позже какъ къ X в., а помѣщенное въ немъ житі
мое позднее—во второй половинѣ IX в.". Далѣе изуче
и стилистическаго состава текста приводитъ В. Г. Ва
двумъ важнымъ заключеніямъ: 1) что все житіе писано
составляетъ одно цѣлое, и, слѣдовательно, тѣ выво
сдѣлать относительно времени написанія житія на о
половины текста (гдѣ не говорится о русскомъ нашест
няются и на вторую часть (гдѣ упоминается нападеніе
предположеніе академика Куника о заимствованіяхъ и
прочнаго основанія, такъ какъ всѣ реченія и оборот
зовался авторъ житія при описаніи русскаго похода,
ему вообще, или же составляютъ общеупотребительны
литературѣ той эпохи и потому несовпаденіе нѣсколь
выраженій у Фотія и въ житіи нельзя еще основыват
ствованіи одного изъ другого. Заручившись этими вы
изслѣдованія обращается къ провѣркѣ историческихъ
скихъ данныхъ житія и здѣсь приходитъ къ одному
наблюденію: вся жизнь и дѣятельность св. Георгія от
ріоду оживленнаго иконоборческаго движенія (прибл. къ 760—807 гг.),
самъ св. Георгій долженъ былъ такъ или иначе приходить въ сопри-
косновеніе съ различными, подчасъ жгучими, вопросами, возникавшими
въ этой борьбѣ и не утратившими, замѣтимъ, этой жгучести до конца
IX в. Разныя перипетіи этой борьбы должны были оказывать извѣст-
ное вліяніе на его жизнь, то или иное отношеніе къ иконоборству
должно было вызвать со стороны автора житія, преданнаго, очевидно,
православію, похвалы или порицанія, но никакъ не молчаніе, а, между
тѣмъ, во всемъ житіи вопросъ объ иконахъ тщательно обходится, и
обходится не случайно, а намѣренно, систематически, даже тогда,
когда коснуться его было бы почти необходимо. Отчего же происхо-
дитъ эта странность? Чѣмъ объясняется это непонятное и, повидимо-
му, недобровольное молчаніе? В. Г. Васильевскій обращается для ра
рѣшенія вопроса къ исторіи иконоборческаго періода и находитъ л
бопытное постановленіе императора Михаила II Косноязычнаго (Аторе
скаго, 820—829 гг.), изъ котораго легко опредѣляются время и обст
ятельства, при какихъ въ иконоборческое время для православна
писателя была возможна литературная дѣятельность, но только по
условіемъ молчанія объ иконахъ. Въ этомъ постановленіи император
требуетъ, „чтобы никто не смѣлъ приводить въ движеніе языкъ сво
ни противъ иконъ, ни за иконы", „чтобы глубокое молчаніе было пр
виломъ во всемъ, что напоминаетъ иконы". Только въ періодъ дѣ
ствія этого постановленія, въ періодъ политики странной терпимост
къ иконопочитателямъ и вынужденнаго молчанія обѣихъ сторонъ об
иконахъ и могло, по мнѣнію В. Г. Васильевскаго, появиться житі
написанное съ тѣми особенностями, какія отмѣчены выше. Приведе
ное постановленіе дѣйствовало до смерти преемника Мих
ла (въ 842 г.), вслѣдъ за чѣмъ, при императрицѣ Θеод
ческая партія потерпѣла рѣшительное крушеніе. Слѣдо
св. Георгія написано до 842 г. и, значитъ, уже ранѣе

зантійцы знали народъ русь, который, такимъ образомъ, *въ началѣ IX вѣка* совершилъ или, по крайней мѣрѣ, могъ совершить походъ на Амастриду. Подкрѣпивъ свой главный аргументъ еще нѣсколькими другими, на которыхъ мы не будемъ останавливаться, авторъ переходитъ къ „обратной повѣркѣ получаемаго вывода“, къ вопросу о томъ, нѣтъ ли въ разсказѣ объ Амастридскомъ нашествіи ранѣе 842 г. „чего-либо противорѣчащаго достовѣрнымъ даннымъ, касающимся первоначальной русской исторіи“. Здѣсь авторъ, прежде всего, доказываетъ, что русское имя могло быть извѣстнымъ на южномъ побережьи Чернаго моря и въ Византіи гораздо ранѣе пресловутаго 862 г. Русскій лѣтописецъ заимствовалъ свои хронологическіе разсчеты относительно того, когда „нача ся прозывати Русская земля“, „въ лѣтописаніи Гречьстѣмъ“, а греческая хронографія той эпохи, какъ доказываетъ В. Г. Васильевскій, была источникомъ скуднымъ и мало надежнымъ; имя, давно уже извѣстное въ Византіи и даже попавшее въ житія, нерѣдко бывшія источниками для хроникъ, могло ускользнуть отъ составителей послѣднихъ, пользовавшихся своимъ матеріаломъ несистематически и небрежно. А, между тѣмъ, есть ясныя указанія на возможность знакомства византійцевъ съ Русью еще въ первой половинѣ IX в. Сюда относится извѣстное мѣсто Бертинскихъ анналъ о прибытіи въ 839 г. въ Ингельгеймъ къ Людовику Благочестивому изъ Константинополя, вмѣстѣ съ греческимъ посольствомъ, также и пословъ, qui se id est gentem suam *Rhos* vocari dicebant; затѣмъ извѣстіе о русскихъ купцахъ у арабскаго писателя Ибнъ-Хордадбега, относящееся, какъ теперь оказывается (см. стр. CXXX—CXXXII), къ сороковымъ годамъ IX в., и др. И такъ, выводы, къ которымъ приводитъ изученіе житія св. Георгія, сводятся въ главныхъ чертахъ къ слѣдующему: житіе написано ранѣе 842 г., внутреннихъ основаній не допускать возможности нашествія Руси на Амастриду до этого времени нѣтъ, и, слѣдовательно, „Русь“ уже задолго до 862 г. была извѣстна въ Византіи, распространена въ теперешней Россіи, не исключая и ея южной части, и даже жила, „по всей вѣроятности, въ области Днѣпра“ или вообще „гораздо ближе къ Черному (морю), чѣмъ склонны допустить другіе (изслѣдователи)“. *).

Дальнѣйшіе выводы авторъ дѣлаетъ уже послѣ изслѣдованія житія св. Стефана Сурожскаго. Мы не будемъ долго останавливаться на тѣхъ частяхъ изслѣдованія, которыя посвящены исторіи г. Сурожа, его сношеній съ Россіей и разбору состава и происхожденія подробнаго славяно-русскаго житія св. Стефана, такъ какъ эти любопытные вопросы имѣютъ болѣе историко-литературнаго, нежели чисто-историческаго значенія. Для насъ достаточно будетъ замѣтить, что разборъ славянскаго житія приводитъ автора къ мысли, что житіе въ томъ видѣ, какъ мы его знаемъ, есть не просто переводъ съ греческаго, а кампиляція изъ разныхъ источниковъ, составленная какимъ-то русскимъ книжникомъ не ранѣе половины XV в. Историческій вопросъ здѣсь сво-

*) CXXVI—CXXVII. Послѣднее соображеніе акад. Васильевскій основываетъ, главнымъ образомъ, на томъ, что имя „Хаканъ“ (какъ называетъ Русь своего царя въ извѣстіи Бертинскихъ анналъ) указываетъ на признаніе Русью верховной власти хазарскаго кагана, что и заставляетъ предполагать о близости населеній руссовъ къ Черному морю. Извѣстіе Бертинскихъ анналъ, вообще говоря, требуетъ, конечно, разъясненій, но, признаемся, возвращеніе пословъ Руси въ Приднѣпровье или на побережье Чернаго моря черезъ Ингельгеймъ само по себѣ возбуждаетъ нѣкоторое недоумѣніе.

дится къ тому, считать ли разсказъ о походѣ Руси на Сур
сахъ надъ гробомъ св. Стефана, происшедшихъ при этомъ
произвольное и недостовѣрное произведеніе русскаго сказат
оно восходитъ къ болѣе древней основѣ, слѣды которой
вить въ русскомъ житіи, хотя самая основа эта намъ и

На основаніи многихъ очень тонкихъ, хотя иногда ин
жетъ быть, слишкомъ уже гипотетическій характеръ со
торъ пытается доказать, что сказаніе о сурожскомъ похо
къ первоначальному древнему источнику, и что самые ф
въ основу сказанія, произошли въ первой половинѣ или
вой четверти IX в. Если даже не считать послѣдній выв
колебимый, это нисколько не помѣшаетъ, однако, призна
ученымъ авторомъ необходимости пересмотрѣть вопросъ
или иначе рѣшить, что же это была за до-рюриковская
давшая на Амастриду и Сурожъ? На постановку этого в
полное право, во-первыхъ, уже амастридское житіе, кот
акад. Василевскій придаетъ въ данномъ случаѣ болѣе
жели сурожскому (ср. стр. CCXCVI), и, во-вторыхъ, разс
скаго житія св. Кирилла о посѣщеніи имъ Корсуни и
русскихъ Евангелія и псалтыри (ср. стр. CCXCV и сл.).
текающія изъ этихъ источниковъ возраженія противъ о
зрѣній норманнистовъ и признавая, какъ уже указано,
весьма распространенныхъ и даже болѣе или менѣе проч
въ южной Россіи, уже въ первой половинѣ IX в., акад. Васильевскій,
съ другой стороны, вовсе не склоненъ дѣлать русь славянскимъ пле-
менемъ; онъ вполнѣ основательно признаетъ въ этомъ случаѣ всю
силу такихъ аргументовъ, какъ извѣстное сопоставленіе *русскихъ и
славянскихъ* названій Днѣпровскихъ пороговъ у Константина Багряно-
роднаго. И такъ, кто же этотъ народъ не славянскаго, а судя по име-
намъ пороговъ (и по нѣкоторымъ другимъ указаніямъ) германскаго
происхожденія, распространеннаго на югѣ Россіи въ началѣ IX в.? Не
удовлетворяясь отвѣтомъ Бертинскихъ анналъ, что народъ русь (Rho
происходитъ e gente Sveonum, В. Г. Васильевскій ищетъ пути къ ра
рѣшенію вопроса въ томъ обстоятельствѣ, что въ амастридскомъ жи
тіи, по его мнѣнію, „русскіе довольно явно пріурочиваются къ др
гому весьма употребительному этническому терминѣ „тавроскиеу“ (ст
CCXCVII). Разбирая затѣмъ сложное имя „тавроскиеы“, нашъ авторъ
приходитъ къ заключенію, что этотъ народъ есть смѣсь готовъ (назы
вавшихся скиѳами у римскихъ и греческихъ писателей III и IV в
по Р. Хр.) съ аланами (съ которыми отождествляются древніе жи
тели Крыма, тавры). „Однимъ словомъ,— замѣчаетъ В. Г. Василье
скій,— мы хотимъ сказать, что всѣ извѣстія о Руси и русскихъ
половины IX в. относятся къ тавроскиѳамъ и объясняются отождеств
леніемъ руси съ тавроскиѳами и этихъ послѣднихъ съ готами, вала
готами, готаланами“. „Мы не хотимъ здѣсь проповѣдывать новой т
оріи происхожденія Русскаго государства,— продолжаетъ авторъ,— и
лучше сказать, русскаго имени, которую пришлось бы назвать готско
(намеки на нее давно уже встрѣчаются), но не можемъ обойтись без
замѣчанія, что при современномъ положеніи вопроса она была бы
многихъ отношеніяхъ пригоднѣе норманно-скандинавской. Для нашей и

---

*) Греческое краткое житіе позднаго происхожденія и не
сказанія о русскомъ нашествіи (см. стр. CCXXXIII—CCXXXVII

стоящей цѣли достаточно знать, что въ первой половинѣ IX вѣка существовало нѣсколько пунктовъ, къ которымъ прикрѣплялось сначала греческое названіе тавроскиѳы, а затѣмъ въ томъ же столѣтіи распространившееся имя руси, не устранившее перваго, болѣе литературнаго, а служившее параллельнымъ выраженіемъ, отчасти переводнымъ для него. Въ самыхъ звукахъ слова тавроскиѳы есть элементы, изъ которыхъ въ народномъ греческомъ языкѣ, столь склонномъ къ усѣченіямъ, могло выработаться названіе рѳсъ. На это какъ будто указываетъ замѣчаніе Льва Діакона, что рѳсъ есть простонародное выраженіе, означающее народъ, который по-настоящему долженъ именоваться тавроскиѳами" (стр. CCXCIX—CCC).

Таковы главные выводы интересной работы акад. Васильевскаго, замѣчательной какъ по тонкости и методической строгости анализа, такъ и по своимъ окончательнымъ результатамъ. Разрѣшаютъ ли, однако, наконецъ, эти выводы пресловутый вопросъ о происхожденіи руси? Разбиваютъ ли они окончательно ту теорію, которая считается наиболѣе научно-обоснованною, т.-е. норманнскую? Едва ли такъ. Несомнѣннымъ и въ высшей степени важнымъ результатомъ разбираемаго сочиненія (и въ особенности анализа „Амастридскаго житія") является указаніе неудобствъ общепринятой норманнистской хронологіи. Но и готская теорія, которой, правда, уважаемый авторъ „не хочетъ проповѣдывать", но которая невольно слагается въ результатѣ его изслѣдованія, также должна возбуждать нѣкоторыя недоумѣнія; высказана она В. Г. Васильевскимъ лишь въ общихъ чертахъ, и потому только внимательный пересмотръ съ точки зрѣнія этой теоріи всѣхъ данныхъ, касающихся вопроса о происхожденіи руси и Русскаго государства, можетъ рѣшить, насколько она плодотворна. Но, во всякомъ случаѣ, это интересная теорія—„не въ примѣръ прочимъ" ненорманнскимъ теоріямъ, а отрицательные выводы изслѣдованія, сильно колеблющіе обычную норманнистскую хронологію, таковы, что съ изслѣдованіемъ В. Г. Васильевскаго придется считаться всякому занимающемуся русскою исторіей.

Жизнь замѣчательныхъ людей. Біографическая библіотека Ф. Павленкова. Чарльзъ Ляйелль, его жизнь и научная дѣятельность. Біографическій очеркъ М. А. Энгельгардта, съ портретомъ Ляйелля. Спб., 1892 г. Ц. 25 к. Чарльзъ Ляйелль, какъ мыслитель, занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду великихъ двигателей науки. Въ геологіи онъ былъ такимъ же авторитетнымъ реформаторомъ, какимъ Дарвинъ—въ области біологіи. Поставленный въ довольно завидныя жизненныя условія и обладавшій умомъ, способнымъ къ широкимъ обобщеніямъ, онъ, однако, не сразу вышелъ на путь плодотворнаго служенія наукѣ. Будучи отъ природы истымъ натуралистомъ, онъ попалъ въ школу, которая едва не искалѣчила его умственнаго развитія на всю жизнь. По словамъ г. Энгельгардта, „она заставила его промѣнять природу на аористы и герундіи, на эклоги Вергилія и оды Горація; мало того, онъ повѣрилъ, что интересуется этою дребеденью, хотя на самомъ дѣлѣ томился и скучалъ" (стр. 13). Даже позднѣе онъ не переставалъ готовить себя къ адвокатурѣ въ то время, когда всѣ его симпатіи были уже на сторонѣ геологіи. Не удивительно, что, при такомъ положеніи дѣла, оффиціальная оцѣнка его школьныхъ успѣховъ не шла дальше *mediocriter* (посредственно). Тѣмъ не менѣе, любовь къ природѣ дѣлала свое дѣло и, въ концѣ-концовъ, Ляйелль понялъ, въ чемъ заключается его истинное призваніе. Въ очеркѣ его жизни, со-

ставленномъ г. Энгельгардтомъ, подробно разсказь
тельства его постепеннаго увлеченія геологіей, со
мыя свѣдѣнія изъ исторіи развитія этой отрасли ч
и опредѣляется та роль, какую пришлось играть
сожалѣнію, г. Энгельгардтъ не всегда умѣренъ въ
ложенія, отчего личность Ляйеллл какъ бы тускн
временамъ весьма развязными размышленіями сам
Размышленіями этими пересыпана вся біографія Л
они удачны и умѣстны, можно судить, между проч
примѣру: „Въ то время (начало нынѣшняго столѣт
котлѣ кипѣла,—Наполеонъ I приближался къ зени
лотилъ европейскихъ монарховъ, раздавалъ и отн
тасовывалъ государства, ослѣплялъ европейское
своихъ побѣдъ, и напустилъ такого дурмана, что
жется намъ какою-то фееріей, грандіозною или без
чей вкусъ, но трескучею, съ сильными эффектами,
и рѣками крови“ (стр. 5—6). Какое отношеніе мо
рада къ Ляйеллю и успѣхамъ геологіи, затруднит
г. Энгельгардтъ, которому нельзя не пожелать п
сти въ его увлеченіи трескомъ стилистическихъ эф

ПУТЕШЕСТВІЯ.

„Путешествіе по югу Россіи и сѣверному Кавказу“. *И. Я.*
разсказы и замѣтки“. *А. Филодумова*

Путешествіе по югу Россіи и сѣверному К
фіева. Екатеринославъ, 1892 г. Цѣна 50 коп. Г
ствовавшій съ научною цѣлью въ качествѣ ботаник
очень живо, мѣстами увлекательно передаетъ впеча
наго туриста и восторженнаго поклонника Кавказс
теринослава онъ проѣхалъ черезъ Таганрогъ и Ро
Ставропольскую губернію, затѣмъ на Минеральныя
резъ горный кряжъ къ Эльборусу. Въ описаніи этог
вѣрную оцѣнку экономическаго положенія и отчаст
дѣнныхъ имъ мѣстностей, дѣлаетъ любопытныя и
о лѣсоразведеніи въ степяхъ, о необходимости
ства въ нихъ водохранилищъ, о неразумномъ пол
ствами, что ведетъ иногда къ гибели обширныхъ
странствъ черезъ занось ихъ песками, какъ-то сл
пагиръ. На обложкѣ книги значится, что стоим
поступаетъ въ кассу екатеринославской коммиссіи
для усиленія фонда по устройству аудиторіи“. Отъ
успѣха доброму дѣлу и не сомнѣваемся въ том
г. Акинфіева будетъ встрѣчено сочувствіемъ публи
нѣ заслуживаетъ.

Путевые разсказы и замѣтки А. Филодумова
Одесса, 1893 г. Цѣна 30 коп. Произведеніе г. Ф
умъ читателя весьма умѣренными свѣдѣніями, за
ить платить тридцать копѣекъ. Изъ этой книжк
1) что авторъ не куритъ, 2) что онъ не любитъ
не вполнѣ увѣренъ въ существованіи „привидѣній
мается „утомительными изслѣдованіями изъ обла

знанія". Г. Филодумовъ справедливо обличаетъ желѣзно-дорожное управленіе и пассажировъ въ томъ, что ими не соблюдаются правила, коими запрещено курить въ вагонахъ для „некурящихъ", основательно негодуетъ на то, что въ пассажирскіе вагоны допускаютъ собакъ, сильно упрекаетъ крымскихъ татаръ за то, что они телѣгъ не мажутъ, ѣдятъ руками баранину и, получая „бакшишъ", не даютъ „сдачи". Г. Филодумовъ предлагаетъ ввести на русскихъ желѣзныхъ дорогахъ, кромѣ вагоновъ IV класса, еще промежуточный классъ между II и III, спеціально для „некурящихъ". Пишетъ г. Филодумовъ языкомъ, свидѣтельствующимъ о томъ, какъ много онъ потрудился надъ „изслѣдованіемъ изъ области русскаго языкознанія". Вотъ образецъ его слога: „Когда маджара приблизилась къ тому мѣсту, гдѣ я стоялъ, и интензивность сказанныхъ звуковъ дошла до кульминаціонной точки своего crescendo, то они произвели на мой слухъ такое впечатлѣніе, какъ будто эту допотопную телѣгу сопровождаетъ усерднѣйшее жужжаніе цѣлаго милліарда осъ". Содержаніе вышеназванной книжки передано нами сполна. Теперь авторъ приготовляетъ къ печати книгу съ такимъ заглавіемъ: *Современное собакофильство. Разсказы и разсужденія о соціально-этическомъ значеніи собакъ въ сожительствѣ ихъ съ человѣкомъ.*

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ И СТАТИСТИКА.

„Étude sur l'enseignement de l'economie politique dans les Universités d'Ablemagne d'Autriche", *par Henri St-Marc.*—„Die Arbeiterinnen- und Frauenfrage der Gegenwart", *von Clara Zetkin.*—„Общій очеркъ экономическихъ и торгово-промышленныхъ условій района владикавказской желѣзной дороги". *Ф. Щербины.*—„Пермскій край".—„Движение на населението въ Българското княжество прѣзъ 1889 година".—„Нѣкоторыя данныя объ урожаѣ хлѣбныхъ растеній въ Приамурскомъ краѣ въ 1891 г.".—„Краткій статистическій обзоръ пожарныхъ командъ Россійской имперіи". *Гр. А. Д. Шереметева.*

Étude sur l'enseignement de l'économie politique dans les Universités d'Allemagne et d'Autriche, par. Henri St.-Marc, professeur à la de faculté de droit de Bordeaux. Paris, 1892. Извѣстно, что въ отношеніи къ развитію экономической науки Франція значительно отстала отъ другихъ передовыхъ культурныхъ странъ. Въ экономической литературѣ ея до сихъ поръ не только преобладаютъ, но почти всецѣло царятъ отжившія доктрины, несостоятельность которыхъ доказана съ полною убѣдительностью. Лишь въ самое послѣднее время начинаетъ обнаруживаться поворотъ въ сторону болѣе правильнаго направленія, раздаются голоса въ пользу необходимости порвать съ безплодными традиціями старой школы, выйти изъ тѣсныхъ рамокъ этихъ традицій и внимательно присмотрѣться къ тѣмъ успѣхамъ въ развитіи экономическихъ знаній, какихъ достигло оно въ сосѣдней Германіи. Однимъ изъ выразителей этого новаго теченія въ средѣ молодыхъ французскихъ экономистовъ является Анри С.-Маркъ, профессоръ политической экономіи въ Бордо. Изданный имъ недавно *Этюдъ о преподаваніи политической экономіи въ германскихъ и австрійскихъ университетахъ* представляетъ съ этой точки зрѣнія не малый интересъ. Указавъ на значительные успѣхи разработки политической экономіи въ различныхъ странахъ, и особенно въ Германіи, и отмѣтивъ фактъ оживленнаго взаимодѣйствія въ средѣ экономистовъ нѣмецкихъ, англійскихъ и американскихъ, авторъ говоритъ: „Что же въ

это время дѣлаютъ французы? Какъ разъ
женіе порождается или усиливается у др
повидимому, останавливается. До 1870 го
ненія переводили на французскій языкъ,
экономистами сосѣднихъ странъ стремил
этого мы не только ушли всецѣло въ са
ваетъ хорошо, но стали восторгаться л
бываетъ вредно. Мы систематически игнор
мистовъ, и именно лучшихъ изъ нихъ, н
ними лишь по коротенькимъ, насмѣшли
замѣткамъ *Journal des Economistes*". Лиш
вѣсъ этому лейбъ-органу французскихъ
поклонниковъ доктрины *laissez faire*, со
Revue d'économie politique, гостепріимно от
ставителямъ другихъ направленій и пос
дѣйствовать развитію экономическихъ зн
ортодоксальныхъ экономистовъ. Анри С.-
главныхъ членовъ редакціи этого журнал
ручено было ознакомиться на мѣстѣ пу
преподаваніемъ политической экономіи в
австрійскихъ) университетахъ. Указанный
етъ собою результатъ этихъ наблюденій,
стоятельномъ знакомствѣ автора съ совр
ческою литературой.

Этюдъ этотъ распадается на три част
главленной „О духѣ преподаванія политиче
де всего, даетъ общую характеристику
реалистической) и школы австрійской, ко
дуктивной, но которую авторъ считаетъ
школой психологической и аналитическо
Отмѣтивъ далѣе роль нѣмецкой экономич
экономической политикѣ новѣйшаго время
съ значительною подробностью на хара
ставителей экономической науки въ Гер
рактеристики Шмоллера, Вагнера, Брента
Шанца, Шёнберга, Неймана, Менгера,
Сакса, Матайа. Авторъ оттѣняетъ выдак
разныя черты каждаго изъ названныхъ
приводитъ подробныя указанія относитель
нальныхъ работъ. Во второй части своей
довольно подробный обзоръ организаціи пр
номіи въ нѣмецкихъ университетахъ, ввод
интересныхъ указаній изъ практики
Третья часть посвящена сравненію изло
французской и выясненію необходимыхъ
разно съ признанными недостатками ея и
ситетовъ. Здѣсь авторъ, между прочимъ, л
вается на положеніи политической эконом
университетскаго образованія. Какъ то и
націи, игравшей столь значительную роль
экономической науки (достаточно вспомни
трудахъ Ж. Б. Сэя), преподаваніе полит
ситетахъ началось лишь въ самое недави

впервые декретомъ 26 марта 1877 года, а до тѣхъ поръ политическая экономія преподавалась лишь въ Collège de France да въ нѣкоторыхъ техническихъ учебныхъ заведеніяхъ (какъ Conservatoire des arts et métiers). Но этого мало: и по установленіи на юридическихъ факультетахъ каѳедры политической экономіи преподаваніе ея попало въ руки не спеціалистовъ-экономистовъ, а цивилистовъ и романистовъ, такъ какъ, по университетскимъ статутамъ, для занятія каѳедры на юридическомъ факультетѣ необходимо имѣть званіе „agrége la droit“ или, по крайней мѣрѣ, доктора правъ. И лишь съ теченіемъ времени явилась возможность замѣщать каѳедры политической экономіи лицами, получившими спеціальную къ тому подготовку. При опредѣленіи причинъ, тормазившихъ развитіе экономической науки во Франціи, указанному факту столь поздняго введенія преподаванія ея въ университеты должно быть удѣлено надлежащее мѣсто. С.-Маркъ указываетъ на необходимость нѣкоторыхъ дальнѣйшихъ реформъ въ программахъ французскихъ юридическихъ факультетовъ и выражаетъ надежду, что современемъ сгладится неравенство условій, среди которыхъ приходилось до сихъ поръ развиваться французской экономической наукѣ по сравненію съ Германіей, въ университетахъ которой уже болѣе столѣтія водворилось методическое изученіе политической экономіи.

Die Arbeiterinnen-und Frauenfrage der Gegenwart von Clara Zetkin. Berlin, 1893. Въ то время, когда Адамъ Смитъ писалъ свое знаменитое сочиненіе о *Богатствѣ народовъ*, женскій трудъ въ фабричной промышленности не имѣлъ еще примѣненія, а потому великій шотландскій экономистъ ни разу и не упоминаетъ о немъ въ своей книгѣ. Прошло сто слишкомъ лѣтъ неустаннаго развитія крупной промышленности, и въ настоящее время мы видимъ армію пролетаріевъ, составившуюся одинаково изъ представителей обоихъ половъ и всѣхъ возрастовъ. Работа на фабрикѣ со всѣми ея неизбѣжными послѣдствіями стала необходимостью и для женщинъ, которыхъ она этимъ самымъ оторвала отъ семейныхъ заботъ и домашняго очага, и для дѣтей, вовлеченныхъ тою же промышленностью, этою всевластною богиней современнаго намъ соціальнаго строя, въ омутъ безпросвѣтнаго механически-однообразнаго трудового существованія. Машина произвела революцію не только въ техникѣ производства, но и въ соціальномъ быту. Ея разрушительное вліяніе сказалось, прежде всего, на устояхъ семейной жизни: патріархальная семья, съ мужчиной-работникомъ и женщиной-хозяйкой во главѣ, уступила мѣсто новому укладу, при которомъ обѣ стороны направляютъ всю свою дѣятельность на добываніе средствъ къ жизни извнѣ, а ихъ заботы по дому и по домашнему хозяйству сокращаются до minimum'а, по возможности даже ввѣряются совершенно постороннимъ лицамъ. Процессъ, разрушившій патріархальную семью и вовлекшій женщину въ производство, съ обычною жестокою логичностью всѣхъ экономическихъ процессовъ, стремится идти еще дальше, стремится достигнуть своего крайняго предѣла: женскій трудъ, болѣе дешевый для предпринимателя и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ болѣе удобный, начинаетъ съ успѣхомъ конкуррировать съ мужскимъ и даже вытѣснять этотъ послѣдній, становясь на его мѣсто. Проистекающія отсюда экономическія затрудненія, а также тѣ печальныя физическія послѣдствія, которыя сказались на женскомъ организмѣ отъ этой непрестанной скачкѣ съ препятствіями въ удушливой и вредной атмосферѣ мастерскихъ, заставили, наконецъ, и общество, и законодательство обратить серьезное вниманіе на положеніе женщинъ-работницъ. Въ фабричномъ за-

конодательствѣ разныхъ странъ встрѣчаются уже нѣкоторыя ограниченія эксплуатаціи женскаго труда; эти ограниченія, однако, не всегда находятъ себѣ сочувствіе въ обществѣ и, какъ это ни странно, не находятъ сочувствія въ самыхъ различныхъ его кругахъ.

Передъ нами лежитъ теперь книжка, авторъ которой по своимъ взглядамъ принадлежитъ къ членамъ партіи, взявшей на себя дѣло представительства рабочихъ классовъ въ рейхстагѣ. Слѣдовательно, въ прогрессивномъ характерѣ основныхъ идей автора мы не имѣемъ права сомнѣваться. И что же? Законодательное ограниченіе примѣненію женскаго труда на фабрикахъ встрѣчаетъ здѣсь самое строгое порицаніе. Чѣмъ это объясняется? Отмѣтимъ въ краткихъ чертахъ главныя положенія книжки.

Фабричная промышленность наложила на женщину тяжелую работу, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, она уничтожила и ея зависимое, подчиненное положеніе въ семьѣ и поставила рядомъ съ мужчиной, какъ во всемъ ему равную, экономически-самостоятельную единицу. Фабрика вырвала женщину изъ семейной теплицы и выдвинула на арену міровой жизни. Вотъ въ чемъ состоитъ положительная сторона этого отрицательнаго процесса, вотъ почему на ряду съ его печальными послѣдствіями, уже сказавшимися такъ или иначе, мы вправѣ ожидать и нѣкоторыхъ благодѣтельныхъ. „Какъ машина освободила человѣка тѣмъ, что, благодаря облегченію и сокращенію труда, благодаря умноженію продуктовъ, сдѣлала возможнымъ болѣе высокій общественный порядокъ, такъ точно и женскій трудъ создаетъ экономическій фундаментъ, безъ котораго освобожденіе и уравненіе женщины дѣло немыслимое. Женщина, подобно мужчинѣ общественно-производительная, въ экономическомъ отношеніи стоящая на своихъ ногахъ, должна быть также уравнена съ нимъ въ политическомъ и въ правовомъ отношеніи“. Какъ хозяйка, она была крѣпостная отдѣльнаго мужчины, какъ фабричная работница, она попала въ зависимость отъ цѣлаго *класса* капиталистовъ, но потому, что сама стала принадлежать къ извѣстному *классу*, классу пролетаріевъ. „Участіе въ общественной жизни стало для женщины необходимостью, проявляющеюся по десять разъ въ день. Это ея право и ея обязанность... И, благодаря той роли, которую она играетъ въ производствѣ и которая съ каждымъ днемъ становится все значительнѣе, она получитъ, наконецъ, свои соціально-политическія права, захотятъ ли этого мужчины, или нѣтъ, получитъ ихъ даже противъ своей собственной воли“ (стр. 12, 19—22).

Сѣтованія на упадокъ семьи нашъ авторъ считаетъ въ значительной степени неосновательными. Женщина, въ роли воспитательницы своихъ дѣтей, кажется ему съ успѣхомъ замѣнимой воспитателями со стороны. Развѣ въ буржуазныхъ семьяхъ, безъ всякой къ тому необходимости, не входитъ все болѣе и болѣе въ обыкновеніе отдавать дѣтей на воспитаніе въ казенныя заведенія или поручать ихъ наемнымъ педагогамъ? Въ этомъ отношеніи дѣло можетъ, пожалуй, только выиграть. Въ провиденціальное назначеніе женщины и въ ея особенныя педагогическія способности г-жа Цеткина не вѣритъ и думаетъ, что профессіональные педагоги (изъ женщинъ тоже) болѣе пригодны для дѣла воспитанія, нежели часто совсѣмъ не подготовленные родители, тѣмъ болѣе, что этимъ способомъ въ семью скорѣе и легче проникаютъ прогрессивныя идеи новаго времени (см. стр. 29—38).

Но какъ бы ни смотрѣть на совершающійся процессъ, съ упованіемъ или съ печалью, самое опасное,—говоритъ нашъ авторъ, — это

стараться затормазить его, стать ему на дорогѣ. „Желать уничтожить или даже ограничить только женскій трудъ, это значитъ—обрекать женщину на продолжительную экономическую зависимость, на соціальное порабощеніе, на проституцію въ бракѣ или внѣ его. Это значитъ еще обременять мужчину двойнымъ количествомъ труда и, такимъ образомъ, по необходимости и его ставить въ болѣе зависимое положеніе. Поэтому непонятно, когда подобное требованіе заявляется съ соціалистической стороны; оно нисколько не менѣе реакціонно, чѣмъ стремленіе спасти мелкую, кустарную или ремесленную промышленность съ возстановленіемъ цеховъ. Если хотятъ уничтожить или, по крайней мѣрѣ, смягчить дурныя роковыя послѣдствія, являющіяся за женскимъ трудомъ, какъ тѣнь за свѣтомъ, пусть не противупоставляютъ, какъ враждебные, интересы мужского и женскаго труда, но, напротивъ, соединяютъ и въ общей массѣ, какъ интересы всего рабочаго класса, противупоставляютъ интересамъ капиталистическимъ".

Въ этомъ мы нѣсколько расходимся съ почтеннымъ авторомъ и думаемъ, что съ какого бы конца ни развивалось фабричное законодательство, всегда оно будетъ оружіемъ, направленнымъ противъ капиталистовъ и всегда будетъ доставлять рабочему классу все болѣе и болѣе значительныя побѣды. Вполнѣ понятно, что регулированіе свободы договора начинается сначала въ тѣхъ случаяхъ, когда эта свобода приводитъ къ *особенно-печальнымъ* въ глазахъ всего общества послѣдствіямъ, вполнѣ понятно, что его вниманіе останавливается раньше на *женскомъ* и *дѣтскомъ* трудѣ, нежели на мужскомъ. И пусть, скажемъ мы, будетъ ограничена сначала эксплуатація болѣе слабыхъ организмовъ, дальнѣйшая регламентація не замедлитъ явиться. Бояться остановить или затормазить процессъ освобожденія женщины отъ семейной зависимости значитъ быть недостаточно увѣреннымъ въ его непреложности, а, между тѣмъ, ни поворотъ назадъ, ни остановка на этомъ пути невозможны. Пусть же напрасныя опасенія не смущаютъ насъ въ наглядно-полезномъ, наглядно-необходимомъ дѣлѣ, каковымъ является, между прочимъ, регулированіе женскаго труда на фабрикахъ. Мы понимаемъ отлично, что нашъ авторъ возстаетъ противъ этого лишь въ цѣляхъ скорѣйшаго регулированія всякаго фабричнаго труда вообще, но, съ полнымъ уваженіемъ и симпатіей относясь къ конечнымъ широкимъ идеаламъ автора, мы не видимъ надобности игнорировать и болѣе мелкихъ, ближайшихъ, насущныхъ реформъ.

Общій очеркъ экономическихъ и торгово-промышленныхъ условій района владикавказской желѣзной дороги. Хлѣбная производительность и торговля. Сѣверный районъ. Составилъ Ф. Щербина. 1892 г. Судя по предисловію къ этому интересному изданію правленія общества владикавказской желѣзной дороги, первый опытъ подобнаго изслѣдованія сѣвернаго Кавказа былъ произведенъ имъ еще въ 1881 году для выясненія доходности проектированной тогда новороссійской вѣтви. Первые же годы эксплуатаціи этой вѣтви доказали правильность выводовъ, основанныхъ на изслѣдованіи. Такой удачный опытъ утвердилъ правленіе дороги въ той мысли, что всякія желѣзнодорожныя предпріятія должны обосновываться на тщательномъ изученіи экономическихъ условій края по спеціально приготовленной программѣ. На этотъ разъ такое изслѣдованіе было поручено извѣстному неутомимому изслѣдователю русской хозяйственной жизни, Ф. А. Щербинѣ. Нельзя не выразить благодарности правленію владикавказской дороги, что оно сочло возможнымъ на этотъ разъ опубликовать эту интересную работу.

Правленіе намѣрено произвести цѣлый рядъ подобныхъ работъ, которыя должны обнять не только хлѣбную производительность и торговлю всего района владикавказской желѣзной дороги, но также выяснить современное положеніе и условія развитія здѣсь скотоводства, винодѣлія и садоводства, табаководства, лѣсного хозяйства и даже минеральныхъ богатствъ края, т.-е. всего того, что можетъ дать грузы для желѣзной дороги.

Лежащій передъ нами первый выпускъ обнимаетъ собою сѣверный районъ владикавказской дороги и сообщаетъ свѣдѣнія не только о земледѣльческомъ производствѣ и торговлѣ хлѣбомъ, но и о заселеніи края, о размѣрахъ конкурренціи гужевой перевозки и способахъ борьбы съ этимъ отвлеченіемъ хлѣбныхъ грузовъ отъ желѣзно-дорожнаго пути. По достоинствамъ матеріала, это изслѣдованіе примыкаетъ къ работамъ земскихъ статистиковъ, но экспедиціонный способъ примѣненъ здѣсь, главнымъ образомъ, для уясненія деталей явленій, массовый же цифровой учетъ обоснованъ на данныхъ правительственныхъ статистическихъ комитетовъ; таковы, наприм., общія цифры населенія. Благодаря отмѣченной выше спеціальной цѣли изслѣдованія, описаніе хозяйственныхъ сторонъ жизни населенія коротко и даже отрывочно, но, тѣмъ не менѣе, оно сообщаетъ немало любопытнаго о земледѣльческой промышленности, торговлѣ и о движеніи грузовъ по сѣверному Кавказу.

Разсматриваемая работа г. Щербины обнимаетъ мѣстности, лежащія по обѣ стороны сѣверной части владикавказской желѣзной дороги и входящія въ районы трехъ портовъ—Ростова, Азова и Ейска. Районъ изслѣдованія заключаетъ въ себѣ свыше 2 милліоновъ десятинъ, до 230 тысячъ жителей, и состоитъ изъ небольшихъ частей Кубанской и Донской областей и Ставропольской губерніи. Населеніе здѣсь частію коренное, частію (до 40%) пришлое. Мѣстные переселенцы ведутъ свое хозяйство почти исключительно на землѣ, арендуемой у частныхъ владѣльцевъ, казаковъ и крестьянъ; но въ послѣднее время переселенія сюда значительно стѣснены станичными обществами, хотя земель, годныхъ для расширенія зернового хозяйства, еще достаточно.

Правленіе желѣзно-дорожнаго пути способствовало измѣненію формы здѣшняго хозяйства: возможность сбыта сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, открывшаяся съ проведеніемъ владикавказской дороги, вызвала быструю смѣну скотоводческихъ формъ формами земледѣльческими. Въ настоящее время распахано $^2/_3$ всѣхъ мѣстныхъ земель, причемъ больше $^2/_3$ посѣвной площади засѣвается озимою и яровою пшеницей; остальная треть приходится, главнымъ образомъ, на долю ячменныхъ и овсяныхъ посѣвовъ.

Какъ извѣстно, во время уборки хлѣбовъ здѣсь издавна не хватало рабочихъ рукъ, и сюда обыкновенно направлялись для заработковъ тысячи „косарей“ изъ центральныхъ губерній. Хотя въ неурожайные годы косари часто оставались безъ работы и возвращались домой Христовыхъ именемъ, но за то въ урожайные годы оставались на корню тысячи десятинъ хлѣба, несобраннаго благодаря недостатку рабочихъ рукъ. Интересно, что подъ давленіемъ этого не только крупные хозяева, но и крестьяне издавна ввели у себя усовершенствованныя земледѣльческія орудія. Такъ почти во всякомъ дворѣ здѣсь можно встрѣтить ручную вѣялку и сортировку; встрѣчаются также жатвенныя машины, конныя и даже паровыя молотилки, усовершенствованные плуги, желѣзныя бороны, а изрѣдка и сѣялки.

Говоря о конкурренціи гужевой перевозки, г. Щербина отмѣчаетъ,

что владикавказская дорога теряетъ болѣе милліона четвертей хлѣбныхъ грузовъ, идущихъ гужомъ къ Ростову, Ейску и Азову. Есть даже станицы, лежащія ближе къ желѣзной дорогѣ, чѣмъ къ Ейску, и все же сбывающія свой хлѣбъ, подвозя его на лошадяхъ къ этому порту. Выясняя средства, къ какимъ должно прибѣгнуть правленіе желѣзной дороги для уменьшенія конкурренціи гужевой перевозки: увеличеніе подвижного состава, устройство хлѣбохранилищъ на станціяхъ и т. п., г. Щербина весьма убѣдительно также доказываетъ, что правленіе должно принимать всякія мѣры, способствующія оживленію производительности края, такъ какъ это несомнѣнно вызоветъ притокъ грузовъ къ желѣзной дорогѣ. Такъ, онъ полагаетъ, что вполнѣ возможна и чрезвычайно полезна для желѣзной дороги организація правильной постановки рабочихъ рукъ на сѣверный Кавказъ; для этого необходимо завести сношенія съ оффиціальными учрежденіями и лицами мѣстностей, откуда идутъ на Кавказъ рабочіе, и вести своевременный учетъ предстоящаго урожая, т.-е. необходима текущая желѣзно-дорожная статистика. Ссуды подъ хлѣбъ уже и теперь практикуются желѣзною дорогой, но ихъ нужно упорядочить, необходимо выдавать ссуду подъ будущій урожай и т. д. Но самымъ радикальнымъ средствомъ для привлеченія грузовъ представляется устройство подъѣзднаго пути, направленіе котораго и намѣчено въ разсматриваемомъ изслѣдованіи и на приложенной къ нему картѣ сѣвернаго Кавказа.

Пермскій край. Сборникъ свѣдѣній о Пермской губерніи, издаваемый пермскимъ губернскимъ статистическимъ комитетомъ, подъ редакціей д. члена-секретаря комитета Д. Д. Смышляева. Томъ I. Пермь, 1892 г. Новое изданіе пермскаго губернскаго статистическаго комитета несомнѣнно займетъ видное мѣсто среди изслѣдованій, посвященныхъ изученію любопытнаго и своеобразнаго Пріуральскаго края. Выборъ статей, на нашъ взглядъ, очень удаченъ и каждая изъ нихъ представляетъ свой интересъ. Конечно, большею частью интересъ этотъ чисто-мѣстнаго свойства: многія статьи и замѣтки обратятъ на себя вниманіе только жителей Пермской губ. или изслѣдователей, спеціально заинтересованныхъ прошлымъ и настоящимъ этого края. Изъ такихъ статей укажемъ на солидную монографію свящ. А. Топоркова *О Васильевско-Шайтанскомъ заводѣ*, нѣсколько растянутую, но за то чрезвычайно подробно рисующую исторію и современное состояніе одного изъ большихъ уральскихъ горныхъ заводовъ. Не мало интересныхъ свѣдѣній найдутъ спеціалисты и въ статьѣ г. Чупина *По поводу поѣздки на Уралъ и въ Сибирь бригадира Бэера (1744—1746 гг.)*. Отмѣтимъ еще любопытную для археологовъ работу г. Теплоухова, собравшаго, изслѣдовавшаго и очень обстоятельно описавшаго остатки земледѣльческихъ орудій пермской чуди. Изъ статей, имѣющихъ общій интересъ, выдѣляются двѣ: *Благотворительность, какъ одинъ изъ факторовъ экономическаго благосостоянія и прогресса* (г. Красноперова) и *Неплательщики* (г. Солодовникова). Первая посвящена характеристикѣ современнаго филантропическаго движенія на Западѣ и горячему воззванію къ дремлющимъ силамъ нашей интеллигенціи. Авторъ пытается дать научное обоснованіе филантропіи, считая ее способною смягчить соціальное неравенство и придти къ народу на помощь въ тѣхъ случаяхъ, когда безсильны государственныя учрежденія. Г. Красноперовъ настаиваетъ на томъ, что филантропія эта не должна ограничиваться такими исключительными случаями, какъ бѣдствія послѣднихъ лѣтъ,—она должна быть постоянною и, такъ сказать,

„предупредительною". Какъ образчикъ формы, въ которой могла бы организоваться помощь нашему крестьянству, г. Красноперовъ приводитъ проектъ устава „пермскаго экономическаго общества", утвержденный правительствомъ еще въ 1882 г. Хотя уставъ дѣйствительно широко захватываетъ нужды края, отличаясь, притомъ, практичностью и осуществимостью, общество не собрало до сихъ поръ необходимаго числа членовъ и не состоялось. Другая отмѣченная нами статья посвящена мало извѣстной раскольничьей сектѣ *Неплательщиковъ*. Въ краткомъ очеркѣ авторъ ея знакомитъ публику съ оригинальнымъ проявленіемъ нашего сектантства, имѣющимъ не религіозную, а чисто-экономическую и соціальную подкладку. *Неплательщики* появились недавно. Сущность ихъ ученія сводится къ невѣрному толкованію реформы 1861 г., которую они понимаютъ какъ полное освобожденіе отъ всѣхъ обязательствъ къ правительству и обществу. „Сотворивъ землю и человѣка, Господь изгналъ послѣдняго за грѣхопаденіе изъ рая, но отдалъ ему въ обладаніе землю и завѣщалъ ему обрабатывать ее въ потѣ лица, за что она будетъ приносить трудящемуся надъ ней плоды. Это и есть, въ общемъ, тотъ истинный и святой горній законъ, по которому владѣть землею долженъ непосредственно рабочій или крестьянинъ". Если порядки съ теченіемъ времени наступили иначе, то виноватъ въ этомъ антихристъ. Впрочемъ, была попытка возвращенія къ „горнему закону"—это реформа 1861 года: желавшіе развязаться съ властью антихриста должны были отказаться отъ принятія уставной грамоты и тогда стали бы они свободны отъ всѣхъ обязательствъ передъ людьми. Но печать антихристова восторжествовала, и теперь, чтобъ спастись, остается только „отказаться отъ всего, не признавать ни законовъ, ни общества, ни власти..." и не платить никакихъ повинностей. Къ активнымъ протестамъ сектанты эти переходятъ рѣдко, но въ сопротивленіи властямъ оказываютъ чрезвычайное упорство и выдержку. Объ этой исчезающей сектѣ читатель найдетъ много любопытнаго въ небольшой замѣткѣ г. Солодовникова.

Въ заключеніе пожелаемъ пермскому статистическому комитету не ограничиться выпускомъ перваго тома своего изданія, а продолжать его въ томъ же духѣ и направленіи.

Движение на населението въ Българското княжество прѣзъ 1889 година. Издава статистическото бюро. София, 1892 г. Это новое изданіе статистическаго бюро Болгарскаго княжества состоитъ изъ массы чрезвычайно детальныхъ таблицъ о родившихся, умершихъ и вступившихъ въ бракъ въ Болгаріи въ теченіе 1889 года и представляетъ собою объемистый томъ in quarto. Хотя, конечно, число данныхъ по этому небольшому государству и не велико, но всесторонняя разработка матеріала придаетъ разсматриваемому труду болгарскихъ статистиковъ немалый интересъ. Такъ, напримѣръ, таблицы объ умершихъ заключаютъ въ себѣ свѣдѣнія (по всему княжеству и отдѣльно по округамъ и по городамъ) не только по мѣсяцамъ, когда произошла смерть, по возрастамъ умершихъ, но и по ихъ семейному состоянію, по продолжительности брачной жизни и по профессіямъ умершихъ. Не менѣе подробно разработаны и данныя о родившихся и бракахъ. Правда, составители разбираемаго труда не нашли возможнымъ дать свѣдѣній объ умершихъ по причинамъ смерти, но это, по всей вѣроятности, объясняется обычными недостатками такого рода данныхъ.

Такого рода публикаціи болгарскимъ статистическимъ бюро издаются уже девятый годъ; за этотъ періодъ какъ цифры умершихъ,

такъ и родившихся въ княжествѣ значительно возросли: въ 1881 году было 68 тысячъ родившихся и 33 тысячи умершихъ, а въ 1889 году уже эти цифры были 117 и 59 тысячъ, а годичный приростъ съ 35 тысячъ возросъ до 58 тысячъ. Средняя рождаемость для всей Болгаріи въ 1889 году была 36,4 на 1,000 жит., а смертность всего 18,5.

Въ разсматриваемомъ выпускѣ нѣтъ текстовой разработки интереснаго и богатаго цифрового матеріала. Было бы желательно, чтобы въ слѣдующемъ томѣ этихъ трудовъ болгарскихъ статистиковъ эти поучительныя данныя получили сравнительную текстовую разработку за все истекшее десятилѣтіе; тогда научная цѣнность ихъ изданія еще болѣе возростетъ.

Нѣкоторыя данныя объ урожаѣ хлѣбныхъ растеній въ Пріамурскомъ краѣ въ 1891 году. Благовѣщенскъ, 1892 г. Въ этой брошюрѣ (около 2½ печатныхъ лист.), составленной астрономомъ при пріамурскомъ генералъ-губернаторѣ г. Крюковымъ, составитель ея говоритъ, что имъ приступлено къ всестороннему изученію сельско-хозяйственныхъ условій Пріамурскаго края и что въ іюлѣ 1891 года съ этою цѣлью разосланы во всѣ его населенные пункты требованія доставить образцы всѣхъ хлѣбныхъ сѣмянъ текущаго урожая; вмѣстѣ съ тѣмъ были разосланы таблицы съ вопросами о количествѣ десятинъ, занятыхъ подъ каждымъ хлѣбомъ, о величинѣ урожая по пробнымъ умолотамъ, когда была жатва, и каковы мѣстныя цѣны. Наиболѣе существенный результатъ такого требованія представляютъ цифры средняго вѣса четверти зерна по различнымъ округамъ и вообще собраны, главнымъ образомъ, данныя, характеризующія *качественную* сторону хлѣбовъ. Насколько статистика Пріамурскаго края находится еще въ зачаточномъ состояніи, уже видно изъ того, что не только не выяснена величина площади посѣвовъ, но во всемъ Забайкальѣ и во многихъ округахъ Приморской области *неизвѣстно* даже *число селеній*.

Лежащая передъ нами брошюра констатируетъ, что земледѣліе есть главнѣйшее занятіе жителей Пріамурскаго края, за исключеніемъ немногихъ мѣстъ, гдѣ преобладаютъ рыболовныя занятія. Отсутствіе путей сообщенія дѣлаетъ крайне затруднительнымъ, даже въ случаѣ неурожая, доставку продуктовъ изъ одной области этого обширнаго края въ другую; благодаря этому, каждая мѣстность должна здѣсь заниматься производствомъ всѣхъ продуктовъ, хотя бы тому и не вполнѣ соотвѣтствовали мѣстныя условія. Повидимому, почти половина всѣхъ посѣвовъ края приходится на долю яровой ржи, затѣмъ уже идутъ пшеница, овесъ, гречиха, ячмень, озимая рожь и просо. Изслѣдованіе выяснило также чрезвычайную сорность и болѣзненность хлѣбовъ. Вообще же, привѣтствуя эту первую, крайне неполную попытку собрать статистическія свѣдѣнія о сельскомъ хозяйствѣ Пріамурскаго края, мы выскажемъ пожеланія, чтобы мѣстнымъ статистикамъ удалось собрать болѣе обстоятельный матеріалъ о жизни этой громадной, но еще и по настоящее время почти невѣдомой страны.

Краткій статистическій обзоръ пожарныхъ командъ Россійской имперіи. Составленъ графомъ А. Д. Шереметевымъ. Собственно въ этомъ объемистомъ томѣ, стоющемъ 4 рубля, читатель не найдетъ сколько-нибудь связнаго обзора заключающихся въ немъ данныхъ. Это не болѣе, какъ сборникъ сырого матеріала, характеризующаго составъ каждой изъ 3 тысячъ пожарныхъ командъ, разбросанныхъ по селамъ и городамъ земли Русской. Систематизація этого матеріала заключается, главнымъ образомъ, въ томъ, что онъ расположенъ въ

алфавитѣ губерній и городовъ и что въ концѣ этого перечня существующихъ пожарныхъ командъ дана сводная вѣдомость какъ ихъ, такъ и составныхъ частей пожарныхъ обозовъ. Самый матеріалъ собранъ путемъ личныхъ сношеній составителя книги съ лицами и учрежденіями, завѣдующими пожарными командами; „многіе отвѣты, по заявленію составителя, не отличаются надлежащею точностью и страдаютъ недомолвками", да и самая программа вопросовъ, повидимому, была неполна; по крайней мѣрѣ, въ печатномъ перечнѣ пожарныхъ командъ нѣтъ отвѣта на такой важный вопросъ, какъ стоимость ихъ содержанія. Во всякомъ случаѣ, въ качествѣ сырого матеріала, для справокъ лежащая передъ нами книга имѣетъ большое значеніе, такъ какъ въ ней опубликованы данныя о громадномъ большинствѣ русскихъ пожарныхъ командъ.

Изъ нея мы узнаемъ, что на все обширное пространство Россіи (Европейской и Азіатской), почти съ 600 тысячъ отдѣльныхъ поселеній, насчитывается 3,020 сколько-нибудь организованныхъ пожарныхъ командъ съ 84 тысячами пожарными служителями, менѣе чѣмъ съ 19 тысячами лошадей и съ 10 тысячами пожарныхъ трубъ; на всю Россію не насчитано и 170 паровыхъ пожарныхъ машинъ, тогда какъ, напримѣръ, въ одномъ Нью-Іоркѣ переписью 1890 г. насчитано ихъ больше половины этого числа (92), въ Чикаго—63 паровыхъ машины и т. д. Главная масса русскихъ пожарныхъ командъ — плохо организованныя сельскія (2,026), 590—городскихъ, 250—вольныхъ, 127—заводскихъ. Даже изъ городовъ не наберется и десятка достаточно обезпеченныхъ въ противупожарномъ отношеніи: Петербургъ, Москва, Варшава, Кіевъ, Осташковъ, Рыбинскъ, Рига, Астрахань, Благовѣщенскъ—и только. Не только въ уѣздныхъ, но и во многихъ губернскихъ городахъ правильно-организованныхъ пожарныхъ командъ не существуетъ. Подавляющее число селеній оказывается совершенно безпомощнымъ въ борьбѣ съ пожарами; сельскія пожарныя команды обыкновенно состоятъ изъ нѣсколькихъ разсохшихся бочекъ, безъ всякихъ пожарныхъ инструментовъ, безъ спеціально-пожарныхъ лошадей и людей. Впрочемъ, можно насчитать до двухъ десятковъ уѣздовъ, довольно удовлетворительно обезпеченныхъ въ противупожарномъ отношеніи.

ЮРИДИЧЕСКІЯ КНИГИ.

„О промысловомъ ученичествѣ вообще и о договорахъ промысловаго обученія въ особенности". *А. Ф. Ѳедорова.* — „Очерки первобытнаго права". *С. Гамбарова.* — „Къ вопросу объ изданіяхъ и комментаріяхъ литовскаго статута". *О. Пятницкаго*

О промысловомъ ученичествѣ вообще и о договорахъ промысловаго обученія въ особенности. А. Ф. Ѳедорова. Одесса 1892 г. Книга г. Ѳедорова дѣлится на три части. Первая (стр. 31—294) знакомитъ читателя съ законодательными актами, регулировавшими промысловое ученичество во всѣ времена и у всѣхъ народовъ. Вторая часть (стр. 295—408) посвящена выясненію „недостатковъ" временнаго промысловаго ученичества и средствъ къ ихъ восполненію. Содержаніе ея сводится къ слѣдующимъ положеніямъ. Промысловое ученичество все болѣе и болѣе вырождается въ простую работу малѣтнихъ. Обстоятельство это ставитъ ремесленныхъ учениковъ въ жалыя экономическія и нравственныя условія, не давая имъ, притомъ не только общаго элементарнаго образованія, но и никакихъ тех

ческихъ, профессіональныхъ познаній. Правительству необходимо, наконецъ, придти на помощь къ гибнущей мелкой промышленности (стр. 319). Первою его заботой должно быть введеніе принудительнаго общаго образованія въ средѣ ремесленнаго ученичества (стр. 326—327). Не предрѣшая его программы, г. Ѳедоровъ считаетъ, однако, безусловно необходимыми его элементами—ручной трудъ и рисованіе (стр. 335). Дальнѣйшій шагъ впередъ будетъ сдѣланъ широкимъ проведеніемъ въ жизнь спеціальныхъ техническихъ или профессіональныхъ школъ съ мастерскими, которыя „могутъ вполнѣ успѣшно замѣнить собою обученіе въ мастерскихъ частныхъ мастеровъ“ (стр. 364). Но „пока профессіональныхъ школъ будетъ недостаточно для полной замѣны промысловаго обученія, получаемаго исключительно практическимъ путемъ, успѣхи школьной дѣятельности будутъ находиться въ непосредственной связи съ условіями быта учениковъ у частныхъ мастеровъ“ (стр. 399). Такимъ образомъ, самъ собою возникаетъ вопросъ о законодальномъ урегулированіи отношеній тѣхъ и другихъ. Послѣднее и должно быть сдѣлано, но съ извѣстною осторожностью, обезпечивающею нѣкоторую свободу договаривающимся сторонамъ. Для того же, чтобы законодальныя опредѣленія примѣнялись на практикѣ, надзоръ за ихъ выполненіемъ долженъ быть порученъ какому-нибудь правительственному органу, напримѣръ, фабричной инспекціи, дѣятельность которой близко соприкасается съ указанною задачей. Въ послѣдней части своего сочиненія (стр. 408—495) г. Ѳедоровъ выясняетъ юридическое значеніе договора промысловаго обученія, знакомитъ читателя съ относящимися сюда опредѣленіями дѣйствующаго права и предлагаетъ рядъ необходимыхъ, по его мнѣнію, поправокъ. Такимъ образомъ, поставленную себѣ во введеніи (стр. 29) задачу авторъ благополучно приводитъ къ концу. Нельзя не подивиться олимпійскому спокойствію, постепенности и методичности, съ которыми онъ идетъ къ намѣченной цѣли. Каждый вопросъ трактуется обстоятельно, со всѣхъ сторонъ, причемъ обсуждаются sine ira et studio какъ существующія уже противуположныя воззрѣнія, такъ и возраженія, кои лишь могутъ возникнуть. Правда, авторъ почти не касается живого матеріала, въ изобиліи бывшаго у него подъ руками: его интересуетъ лишь идеальное построеніе юридическаго института, а отнюдь не бытовыя условія, среди которыхъ послѣдній призванъ дѣйствовать. Вѣроятно, поэтому и возможна та „объективность“, которою преисполнено разсматриваемое сочиненіе. Къ сожалѣнію, благодаря именно этому обстоятельству, солидный трудъ автора теряетъ всякую цѣну въ глазахъ читателя. Только изслѣдованіе *взаимодѣйствія* бытовыхъ условій и регулирующихъ ихъ законодательныхъ опредѣленій можетъ дать ясное понятіе о томъ, какія поправки необходимо внести въ дѣйствующіе уставы. Мы нарочно довольно подробно изложили выводы автора, чтобы показать, какихъ незначительныхъ результатовъ достигъ онъ въ своихъ изысканіяхъ. Между тѣмъ, передъ нами солидный томъ въ 500 стр. убористой печати, снабженный множествомъ примѣчаній и ссылками на русскіе, французскіе, нѣмецкіе, англійскіе, итальянскіе и даже испанскіе источники. Г. Ѳедоровъ изучаетъ законодательную исторію промысловаго ученичества въ 15 государствахъ новаго времени, изучаетъ подробно и обстоятельно, сообщая точныя даты изданія каждаго новаго устава и методично, по пунктамъ, передавая его содержаніе. Мало этого: авторъ забирается въ глубь вѣковъ и ищетъ (увы, тщетно!) излюбленнаго имъ института на берегахъ Ганга, въ

Палестинѣ, Римѣ и Греціи. Напрасный трудъ! Живой человѣкъ, интересующійся истиннымъ положеніемъ промысловаго ученичества, можетъ воспользоваться книгою г. Ѳедорова развѣ только какъ богатымъ библіографическимъ указателемъ по вопросу, трактуемому авторомъ.

Очерки первобытнаго права изслѣдованія. С. Гальперина. Спб., 1893 г. Изслѣдованія въ области первобытной культуры имѣютъ большой научный интересъ и въ обиліи появляются въ литературѣ Западной Европы. Наша историко-юридическая литература, въ лицѣ проф. Ковалевскаго, Муромцева, Зибера и нѣкоторыхъ другихъ ученыхъ, владѣетъ уже теперь въ данной области образцами работъ, вполнѣ стоящихъ на уровнѣ лучшихъ западно-европейскихъ изслѣдованій. Можно поэтому, по справедливости, утверждать, что если русскія изслѣдованія не особенно многочисленны, то вполнѣ цѣнны; они пріучили насъ строго относиться къ изученію вопросовъ ранней культуры. Сочиненіе г. Гальперина хотя и касается тѣхъ же вопросовъ, но совершенно не удовлетворяетъ какимъ-либо научнымъ требованіямъ. Это просто компиляція, составленная, правда, на основаніи большого списка литературныхъ пособій, но составленная безъ особой вдумчивости и безъ той научной широкой подготовки, какой непремѣнно требуютъ изслѣдованія научныхъ вопросовъ. Авторъ постоянно приводитъ массу свѣдѣній изъ жизни дикарей, цитируетъ усердно памятники древняго права; но, въ большинствѣ случаевъ, все это лишь простой перечень фактовъ, не сопровождаемый серьезными *собственными* выводами автора. Правда, г. Гальперинъ обильно пользуется выводами лучшихъ нашихъ писателей по затрогиваемымъ имъ вопросамъ, но весьма част
это только сводъ выводовъ и данныхъ, уже ранѣе всѣмъ извѣстныхъ Литературныя указанія, дѣлаемыя авторомъ (нерѣдко, впрочемъ, из вторыхъ и третьихъ рукъ), весьма обильны. Но эти указанія надо при нимать съ нѣкоторою осторожностью, такъ какъ авторъ то ссылает на плохія изданія памятниковъ (какъ, наприм., на совершенно неудовл творительное въ научномъ отношеніи изданіе *Русской Правды* Гим бурга), то указываетъ устарѣлыя нынѣ сочиненія. Языкъ изслѣ дованія также оставляетъ желать многаго и едва ли къ украшени стиля сочиненія могутъ служить, наприм., такія фразы: „*натурфор шество* удалено отъ изслѣдованія Зибера" (стр. 30) и т. п.

Въ общемъ, такимъ образомъ, *Очерки* г. Гальперина небезполезны какъ сводъ литературныхъ свѣдѣній по вопросамъ первобытнаго пра ва, но и только.

Къ вопросу объ изданіяхъ и комментаріяхъ литовскаго ста тута. Историко-библіографическая справка. С. Пташицкаго. Спб 1893 г. Небольшая книжка г. Пташицкаго касается важнаго историко юридическаго вопроса и даетъ не мало интересныхъ свѣдѣній. Авторъ разсматриваетъ, правда, весьма кратко, но довольно обстоятельно тотъ порядокъ, какой существовалъ въ Польшѣ при изданіяхъ зако новъ вообще, и въ частности останавливается на тѣхъ условіяхъ, п которыхъ былъ изданъ литовскій статутъ,— памятникъ, игравшій только большую роль въ литовско-русскихъ областях доступъ и въ чисто-русскіе памятники, какъ соборно торъ при этомъ приходитъ къ тому важному выводу, государственною властью со дня утвержденія статута года) признаны были одинаково законными два текста *скій* и что какъ русскія, такъ и польскія изданія, вп

1786 г., выходили въ свѣтъ на одинаковыхъ юридическихъ основаніяхъ, и что въ способѣ ихъ изданія съ формальной стороны нѣтъ ни малѣйшей разницы" (стр. 39). Какъ извѣстно, далѣе, вопросъ о *предпочтительности*, съ исторической точки зрѣнія, *одного* изданія памятника другому играетъ важную роль при установленіи вполнѣ точнаго текста столь значительнаго памятника, какъ литовскій статутъ. Г. Пташицкій и здѣсь вѣрно подходитъ къ разрѣшенію вопроса, вполнѣ справедливо утверждая, что „изданіе (статута) 1588 г., на *русскомъ* языкѣ, и есть *оригиналъ*, всѣ послѣдующія на польскомъ представляютъ собою переводъ. Слѣдовательно, вопросъ долженъ быть сведенъ къ точности перевода. Первый переводъ составленъ съ большою точностью, сохранены всѣ обороты, полонизированы даже русскія слова, какихъ не было въ польскомъ". Вопросъ объ изданіяхъ и комментаріяхъ литовскаго статута, какъ всякій сложный и важный историко-юридическій вопросъ, нуждается еще въ серьезномъ изслѣдованіи. Но справка по вопросу г. Пташицкаго представляется въ этомъ вопросѣ далеко не лишнею.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

„О теоріи растворовъ". *А. Горстмана.*—„Чудесное въ наукѣ". *Эмиля Дебо.*

О теоріи растворовъ. А. Горстмана, профессора Гейдельбергскаго университета (чтеніе въ обществѣ естественной исторіи и медицины 4 марта 1892 г.). Переводъ съ нѣмецкаго: „Ueber die Theorie der Lösungen von A. Horstmann" Н. С. Дрентельна. Спб., 1893 г. Книжка А. Горстмана служитъ продолженіемъ брошюры В. Оствальда: *О растворахъ* и *Современной теоріи растворовъ состава электролитическихъ растворовъ* С. Арреніуса (1890 г.), отчетъ о которыхъ въ свое время былъ данъ нами. Созданная въ послѣднее время трудами Вантъ-Гоффа, Арреніуса и др., теорія растворовъ обратила на себя большое вниманіе физиковъ и химиковъ, между которыми нашлось много послѣдователей, но нашлись также и враги, которые напали на теорію Вантъ-Гоффа. Нужно указать, что такія нападки дѣлались даже со стороны ученыхъ, считающихся авторитетами въ вопросахъ теоретической химіи, но при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что многія изъ этихъ нападокъ вызваны недоразумѣніемъ, каково, наприм., возраженіе Лошара Мейера относительно осмотическаго давленія. А. Горстманъ въ своей рѣчи спокойно и безпристрастно излагаетъ современное состояніе новой теоріи растворовъ, причемъ преимущественное вниманіе удѣляетъ тѣмъ ея сторонамъ, которыя подали поводъ къ недоразумѣніямъ. Установивъ въ началѣ своей рѣчи слѣдующее основное положеніе Вантъ-Гоффа: „растворенныя вещества при всякихъ измѣненіяхъ концентраціи показываютъ въ термодинамическомъ отношеніи свойства газовъ", онъ показываетъ далѣе, какъ на основаніи этого исходнаго положенія можно теоретически прослѣдить и объяснить въ согласіи съ опытомъ всѣ тѣ явленія, въ которыхъ существенную роль играютъ измѣненія концентраціи растворенныхъ веществъ, т.-е. явленія испаренія, замерзанія и т. п. въ растворахъ. Вкратцѣ далѣе онъ излагаетъ теорію Арреніуса и болѣе подробно разсматриваетъ осмотическое давленіе. Въ общемъ книжка А. Горстмана представляетъ довольно стройный очеркъ теоріи Вантъ-Гоффа и тѣмъ уяснятъ то значеніе, какое имѣетъ эта теорія въ наукѣ, а значеніе это немалое, ибо

нельзя не согласиться съ слѣдующими заключительны
А. Горстмана: „вообще вездѣ, гдѣ участвуютъ раствор
ная мысль теоріи Вантъ-Гоффа можетъ быть примѣнен
наблюдаемыхъ явленій въ закономѣрную связь, до
провѣркѣ. Этого до сихъ поръ не далъ въ равной
иной взглядъ на природу растворовъ—вотъ въ чемъ
теоріи Вантъ-Гоффа, которое долженъ признать и тот
ней необходимость еще многихъ поправокъ".

**Чудесное въ наукѣ (популярная физика). Эмил
1892 г. Ц. 3 р.** Популяризація точныхъ знаній пред
кую задачу и нужно много опытности и таланта, чтоб
шить ее. Для этого недостаточно одной только забав
затѣйливыхъ иллюстрацій, съ какими выступаетъ г.
стѣсняющійся на цѣлыхъ страницахъ, какъ говорится
пустого въ порожнее. Интересъ содержанія его научныхъ бесѣдъ отъ этого нисколько не выигрываетъ, а, между тѣмъ, благодаря неумѣстной болтовнѣ и совершенно ненужнымъ рисункамъ, книга разростается на нѣсколько лишнихъ листовъ, безъ которыхъ она могла бы быть значительно дешевле. Это заслуживаетъ тѣмъ большаго сожалѣнія, что, по существу своему, книга г. Дебо весьма богата содержаніемъ, такъ какъ авторъ касается въ ней почти всѣхъ наиболѣе интересныхъ физическихъ явленій, освѣщаемыхъ имъ съ опытностью человѣка, стоящаго на высотѣ современнаго уровня физическихъ знаній. Прежде всего, онъ говоритъ о такихъ удивительныхъ приборахъ, какъ фонографъ, телефонъ, телефонографъ и телефатъ, причемъ попутно сообщаетъ множество свѣдѣній изъ теоретической физики почти по всѣмъ отдѣламъ ея. Значительно же большую часть своей книги г. Дебо посвящаетъ ученію объ энергіи во всѣхъ ея видахъ, удѣляя при этомъ цѣлую главу для разъясненія понятія о физическихъ величинахъ. Правда, въ изложеніи всѣхъ, сообщаемыхъ г. Дебо, свѣдѣній мы не видимъ какой-либо системы, отчего они кажутся разрозненными и случайными, но, тѣмъ не менѣе, внимательное чтеніе его книги даетъ весьма много поучительнаго, въ особенности по отдѣлу прикладной физики. Во всякомъ случаѣ, книга г. Дебо принадлежитъ къ числу такихъ, по которымъ нельзя учиться, но изъ которыхъ можно многое узнать.

МЕДИЦИНА.

„Лекціи о сравнительной патологіи воспаленія". *Ил. Мечникова.*—„Руководство к леченію зубныхъ болѣзней". — „Свеклосахарное производство въ санитарномъ отношеніи". *К. П. Сумина.*

Лекціи о сравнительной патологіи воспаленія. Ил. Мечникова. Съ тремя таблицами и 65 рисунками въ текстѣ. Спб., 1892 г. Ц. 2 р. Изданіе въ русскомъ переводѣ лекцій извѣстнаго русскаго олога, завѣдующаго отдѣленіемъ Пастёровскаго института въ Пари читанныхъ въ апрѣлѣ и маѣ 1891 года, представляетъ не маловажн значеніе. Помимо практическаго примѣненія къ медицинскимъ цѣлям названный трудъ, какъ указывается въ предисловіи автора къ русс му изданію, стремится „установить прочную связь между патологіей зоологіей или, правильнѣе, біологіей вообще". Путемъ изученія па логическихъ явленій у низшихъ животныхъ біологія способствуетъ настоящее время болѣе обширному и точному пониманію сложны

нерѣдко загадочныхъ патологическихъ явленій воспалительнаго процесса. Лекціи эти не содержатъ, однако, полнаго изложенія знаменитой теоріи фагоцитовъ, хотя о послѣднихъ и часто упоминается, ибо относящіеся сюда вопросы (объ иммунитетѣ, выздоровленіи и атрофіи) будутъ изложены авторомъ въ отдѣльной работѣ. Теорія сравнительной патологіи воспалительныхъ процессовъ составляетъ общее содержаніе 12 отдѣльныхъ лекцій, изъ коихъ первая посвящена выясненію основного положенія, что „инфекція есть борьба между двумя организмами“ и что сравнительная патологія представляетъ вѣтвь зоологіи. Послѣдняя лекція заключаетъ обзоръ примѣненія изложенныхъ въ предшествующихъ главахъ фактовъ къ критикѣ теорій притяженія питательныхъ веществъ и поврежденія сосудистыхъ стѣнокъ, возраженій противъ біологической теоріи воспаленія и т. д. Согласно теоріи проф. Мечникова, цѣлительная сила природы вовсе не есть приспособленіе, достигшее совершенства, какъ доказываютъ частыя болѣзни и случаи преждевременной смерти, но „фагоцитный аппаратъ“, развивающійся по закону естественнаго подбора, находится на пути къ усовершенствованію. Это несовершенство, по мнѣнію автора, и дѣлаетъ необходимымъ вмѣшательство человѣка, не удовлетвореннаго функціей своей естественной цѣлебной силы. Защита организма противъ вредныхъ дѣятелей, сконцентрированныхъ въ фагоцитномъ аппаратѣ и соматической нервной системѣ, распространяется и на нервный аппаратъ психической дѣятельности: къ нервнымъ клѣткамъ, управляющимъ сокращеніемъ и расширеніемъ сосудовъ, присоединяются и клѣтки, производящія мысль и волевые акты. Подобно тому, какъ безсознательный реакціонный аппаратъ—цѣлебныя силы природы съ ихъ фагоцитами—далеко не совершененъ, не представляетъ совершенства и сознательный реакціонный аппаратъ—медицина. Вообще говоря, авторъ приходитъ къ заключенію, что развитіе зарождающейся отрасли зоологіи или біологіи — сравнительной патологіи еще впереди, хотя она уже теперь можетъ оказать услуги медицинѣ. Облегчая анализъ реакціонныхъ явленій, она указываетъ элементы, подлежащіе особенно тщательному охраненію въ борьбѣ организма противъ своихъ враговъ. Теорія фагоцитовъ, уничтожающихъ иные враждебные организму клѣточные элементы, представляетъ весьма интересный отдѣлъ философіи медицины и, дѣйствительно, можетъ содѣйствовать, какъ замѣчаетъ самъ авторъ, „рѣшенію одной изъ величайшихъ задачъ человѣчества“.

Руководство къ леченію зубныхъ болѣзней. Т. II. Вып. 1-й. Харьковъ, 1892 г. Въ Харьковѣ предпринято изданіе обширнаго руководства, составленнаго проф. Шефомъ младшимъ (въ Вѣнѣ) при содѣйствіи нѣмецкихъ ученыхъ, въ переводѣ д-ра Л. А. Говсѣева, подъ редакціей проф. В. Ѳ. Грубе. Все изданіе (въ 24 выпускахъ) составитъ три тома, каждый до 50 печатныхъ листовъ (15 руб. при подпискѣ до 15 марта 1893 г.) и будетъ окончено къ 15 августа будущаго года. Въ настоящее время началось уже печатаніе второго тома, первый выпускъ котораго заключаетъ въ себѣ изложеніе формакологическихъ свѣдѣній въ зубной практикѣ, обработанныхъ приватъ-доцентомъ Вѣнскаго университета H. Paschkis'омъ, а равно различныхъ способовъ пломбированія зубовъ.

Свеклосахарное производство въ санитарномъ отношеніи. К. П. Сулима. Дисс. Спб., 1892 г. Уже въ 70-хъ годахъ текущаго столѣтія въ мѣстныхъ и центральныхъ административныхъ инстанціяхъ возникло сознаніе необходимости законодательными мѣрами улучшить

санитарныя условія свеклосахарнаго производства въ Р
предмету въ Петербургѣ были уже закончены всѣ подго
боты, которыя затормазились въ министерствѣ финансо
ніемъ усилить кризисъ этой отрасли промышленности в
годовъ. Такимъ образомъ, нельзя не признать, что тема
сертаціи избрана весьма кстати. Авторъ въ введеніи с
кій очеркъ развитія и современнаго состоянія свеклосах
ленности въ государствахъ Европы и, главнымъ образомъ, въ Россіи, а
затѣмъ въ шести главахъ излагаетъ: свѣдѣнія по техникѣ сахароваре-
нія, описаніе санитарныхъ условій профессіональнаго труда въ свекло-
сахарныхъ заводахъ, условій найма рабочихъ, устройства жилищъ, про-
довольствія рабочихъ, организаціи медицинской помощи и заболѣвае-
мости рабочихъ. Подробной характеристикѣ сточныхъ водъ свеклосахар-
ныхъ заводовъ, съ указаніемъ способовъ ихъ очистки, посвящена заклю-
чительная глава. Сахарная промышленность, какъ извѣстно, представ-
ляетъ громадное сельско-хозяйственное, экономическое и санитарное
значеніе для Россіи, по размѣрамъ производства сахара занимающей
четвертое мѣсто въ числѣ европейскихъ государствъ, по отношенію
же къ потребленію сахара, наравнѣ съ Турціей, лишь *десятое* мѣсто
Большинство заводовъ сосредоточено въ юго-западномъ краѣ (въ Кіев
ской губ. 65 заводовъ и въ Подольской—45 заводовъ), а затѣмъ слѣ
дуютъ Царство Польское (41 зав.) и малороссійскія губерніи (38 зав.)
Въ періодъ 1884—1890 гг. общее число рабочихъ на свеклосахарныхъ
заводахъ колебалось отъ 94,289 чел. или въ среднемъ 385 чел. на
заводъ (свыше 75 тыс. мужчинъ, около 13 тыс. женщинъ и до 6½ тыс
несовершеннолѣтнихъ) до 81,699 чел. въ послѣдній изъ указанныхъ
годовъ, въ среднемъ 381 челов. на заводъ (свыше 71 тыс. мужчинъ
9 тыс. женщинъ и около 2 тыс. несовершеннолѣтнихъ). Вообще, съ
каждымъ годомъ, вслѣдствіе техническихъ усовершенствованій, количе
ство рабочихъ на свеклосахарныхъ заводахъ уменьшается. Не ограни
чиваясь одними лишь санитарными наблюденіями, авторъ сообщаетъ
разнообразные и въ высшей степени поучительные факты, на которыхъ
слѣдуетъ особенно подробно остановиться. Сахарное производство, раз-
виваясь на разумныхъ основахъ сельскаго хозяйства, представляло бы
очень выгодную для земледѣльческой Россіи промышленность. Къ со-
жалѣнію, однако, въ настоящее время преслѣдуются „исключительно
лишь коммерческія цѣли, возможно наибольшая прибыль производства",
причемъ почва подвергается слишкомъ хищнической эксплуатаціи об-
ширными плантаціями, что гибельно отзывается на общей производитель-
ности почвы и пр. По мнѣнію извѣстнаго знатока сахарнаго дѣла М.
Толпыгина, на болѣе успѣшное развитіе свеклосахарной промышленно-
сти неблагопріятно вліяютъ, между прочимъ, слѣдующія обстоятельства:
1) устройство заводовъ не соотвѣтствуетъ новѣйшимъ улучшеніямъ и
2) по рабочему вопросу и устройству заводовъ нѣтъ ясныхъ и одно-
родныхъ узаконеній, причемъ вредно отражается также малочисленность
фабричной инспекціи и т. п.

Къ этому авторъ разбираемой диссертаціи прибавляетъ отъ себя, что преимущественное вниманіе лицъ, занятыхъ техникою сахарнаго производства, направлено въ настоящее время на усовершенствованіе снарядовъ и машинъ и болѣе совершенную утилизацію пара, а, между тѣмъ, не обращается почти никакого вниманія на надлежащій *химическій контроль* во всѣмъ станціямъ переработки соковъ и, въ большинствѣ случаевъ, это дѣло поручается людямъ совершенно *не свѣдущимъ въ химіи*.

Къ аналогичнымъ общеинтереснымъ выводамъ приводитъ и знакомство съ самою техникой производства, причемъ по адресу остальныхъ отраслей русской промышленности можно было бы сказать: mutato nomine, de te fabula narratur... „Вообще, громадный прогрессъ и великія открытія бактеріологіи,— замѣчаетъ, наприм., д-ръ Сулима,— совсѣмъ почти не коснулись сахарнаго производства, гдѣ низшіе организмы играютъ слишкомъ важную роль, способствуя промышленности въ процессахъ оживленія костянаго угля и вредя ей возбужденіемъ процессовъ броженія въ сахарныхъ сокахъ, сиропахъ и патокѣ".

Можно было указать массу примѣровъ, что правильное развитіе фабричнаго законодательства и усиленія санитарнаго надзора едва ли не въ большей степени оказали бы услугу не столько рабочимъ, сколько самимъ фабрикантамъ и заводчикамъ. Существуютъ наблюденія, что микробы, наприм., являются сильными врагами сахарнаго производства и ихъ слѣдуетъ всѣми средствами избѣгать, предохраняя сахарные продукты отъ ихъ вліянія, а, между тѣмъ, „среди самаго завода ихъ нарочно культивируютъ въ квасильныхъ ямахъ и о какой-либо изоляціи сахарныхъ продуктовъ отъ вліянія микробовъ нѣтъ и помину, но рабочій, который сегодня работаетъ въ квасильномъ отдѣленіи, завтра работаетъ въ паточной ямѣ". Далеко не въ интересахъ одной лишь сахарной промышленности, понятно, слѣдуетъ отмѣтить особенно тотъ фактъ, что „новое направленіе въ сахарномъ производствѣ, уничтожая костокальни, повлечетъ за собою *улучшеніе гигиеническихъ условій* какъ по отношенію къ рабочему, такъ и относительно загрязненія водъ общественныхъ водоемовъ".

Не вдаваясь въ дальнѣйшія подробности, можно поручиться, что интересующіеся вопросами фабричнаго законодательства и промышленной гигіены, въ ихъ общекультурномъ значеніи, съ удовольствіемъ познакомятся съ результатами неблюденій, изложенными въ упомянутой диссертаціи. Сопоставляя вредныя условія на заводахъ съ соотвѣтственными наблюденіями по общей патологіи, авторъ приходитъ къ выводу, что „самый сладкій продуктъ производства—сахаръ—добывается рабочими очень горькимъ и тяжелымъ трудомъ". Весьма обстоятельно разработаны данныя объ условіяхъ жизни сельско-хозяйственныхъ и заводскихъ рабочихъ, о профессіональныхъ заболѣваніяхъ, о способахъ очистки сточныхъ водъ свеклосахарныхъ заводовъ и проч.

ТЕХНИЧЕСКІЯ КНИГИ.

„Практическій курсъ токарнаго искусства по дереву съ указаніемъ элементарныхъ пріемовъ обработки металловъ на токарномъ станкѣ и многими рецептами по отдѣлкѣ дерева". *М. А. Нетыкса.*

Практическій курсъ токарнаго искусства по дереву съ указаніемъ элементарныхъ пріемовъ обработки металловъ на токарномъ станкѣ и многими рецептами по отдѣлкѣ дерева. Пособіе для любителей, а также для техническихъ и ремесленныхъ училищъ и профессіональныхъ школъ. М. А. Нетыкса. Второе, совершенно переработанное изданіе съ 235 политипажами въ текстѣ и 3 литографированными таблицами. Москва, 1893 г. Ц. 2 р. 50 к. Книга г. Нетыкса представляетъ собою довольно подробный и обстоятельно составленный курсъ токарнаго искусства. Прежде всего, авторъ описываетъ токарные станки, приспособленія къ нимъ и уходъ за ними,

далѣе слѣдуютъ токарные инструменты и ихъ
читъ, а острить), различные вспомогательные и
Послѣ этого слѣдуетъ описаніе пріемовъ точен
трактуетъ авторъ о матеріалахъ, употребляемы
Съ особенною подробностью описаны различныя
вполнѣ достаточныя свѣдѣнія сообщаются такж
наго и минеральнаго происхожденія и о разны
слѣдуютъ: клей и замазка, инкрустаціи, рѣзны
собы украшенія поверхности токарныхъ издѣл
щаяся въ чисткѣ, шлифовкѣ, лакировкѣ, по
воскомъ. Достаточныя свѣдѣнія сообщаются о
воскахъ, но за то сказано всего нѣсколько сл
зированіи. Въ книгѣ довольно много различныхъ
отдѣлки дерева, рога, кости и перламутра. З
собы для подкрашиванія и окрашиванія въ тѣ
собы бѣленія кости и рога, металлизированія д

Таково содержаніе интересной и весьма пол
Написана она съ отличнымъ знаніемъ дѣла и
нымъ языкомъ, напечатана очень чисто и по с
быть причислена къ числу довольно изящныхъ
и заявляетъ въ своемъ предисловіи, что его
назначается какъ школьный учебникъ", тѣмъ
служить прекраснымъ учебнымъ пособіемъ для
ческихъ школъ, въ которыхъ преподается тока
момъ изложеніи встрѣчаются нерѣдко болѣе и
роховатости, правда, не искажающія смысла,
ющія пониманіе. Въ книгѣ встрѣчаются так
„тѣмъ *растянутье* получается эллипсъ" (стр.
тіе высохнетъ" и т. п.

Что касается рецептовъ, то авторъ заимсти
хорошихъ источниковъ, но онъ лично ихъ не и
ности въ томъ, что всѣ они одинаково практи
на себя.

Достоинство книги г. Нетыкса въ значительн
нечно, отъ того, насколько данные имъ рецеп
ными и въ какой степени на опытѣ оправдаетс
само собою разумѣется, требовать, чтобы всѣ с
торомъ, невозможно. Во всякомъ случаѣ, книга
бою полезный вкладъ въ нашу ремесленно-тех
заслуживаетъ серьезнаго вниманія со стороны
токарнымъ дѣломъ. При своихъ несомнѣнныхъ
ствахъ и прекрасной внѣшности книга стоитъ

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯИС

„Опредѣленіе древесины, вѣтвей и сѣмянъ главнѣйшихъ
породъ по таблицамъ". *М. Турскаю и Л. Яшнова.*— „П
ничество". *В. Н. Маракуева.* — „Географическое расп
ской Россіи и зависимость этого явленія отъ рельефа ея
Тарноскаю.— „Краткое практическое руководство къ пр
денію сельскаго хозяйства въ сѣверной и южной полосѣ
„Страхованіе отъ градобитія". *В. А.*

**Опредѣленіе древесины, вѣтвей и сѣмян
весныхъ и кустарныхъ породъ по таблица**

скій и Л. Яшновъ. 2-е изданіе. М., 1893 г. Цѣна 75 коп. Первое изданіе опредѣлителя лѣсныхъ деревьевъ и кустарниковъ вышло 8 лѣтъ тому назадъ и, повидимому, сочувственно принято было русскою публикой, интересующеюся изученіемъ лѣсной флоры. Въ книжкѣ 6 отдѣловъ: сначала указываются способы опредѣленія древесины, затѣмъ вѣтвей безъ листьевъ, съ листьями, съ цвѣтами и плодами, далѣе излагается опредѣленіе лиственныхъ кустарниковъ и, наконецъ, опредѣленіе сѣмянъ. Таблицы расположены въ дихотомической системѣ; каждому роду таблицъ предпосылаются замѣчанія, объясняющія соотвѣтствующую терминологію. Въ приложеніяхъ помѣщены списокъ породъ и алфавитные указатели названій. Кромѣ 75 политипажей въ текстѣ, имѣются 2 отдѣльныя таблицы рисунковъ, одна—съ изображеніемъ листьевъ, другая—съ изображеніемъ древесныхъ сѣмянъ.

Для педагогической литературы книжка гг. Турскаго и Яшнова является очень цѣннымъ пріобрѣтеніемъ и, кромѣ того, она, вѣроятно, не останется незамѣченною со стороны образованныхъ хозяевъ.

Практическое русское огородничество. Составилъ В. Н. Маракуевъ. М., 1893 г. Цѣна 50 к. Такъ озаглавлена книжка на титулѣ; на обложкѣ стоитъ заглавіе *Русское огородничество*, на корешкѣ *Парниковое огородничество*. Едва ли такое обиліе заглавій представляетъ удобства для публики, особенно если вспомнить, что имѣется въ продажѣ особая маленькая книжка того же автора подъ названіемъ *Сельское огородничество*. Предисловіе ставитъ книгѣ неосуществимую задачу—быть такою книгой, съ которою прямо „можно было бы работать“. Въ прямомъ противорѣчіи съ этими словами предисловія стоятъ цитируемыя на стр. 52 слова проф. Тимирязева: „Практики нельзя требовать ни отъ книги, ни отъ школы, ей учитъ только личный опытъ, да время, т.-е. сама жизнь“. Первый отдѣлъ книжки г. Маракуева излагаетъ общія свѣдѣнія объ устройствѣ огорода, обработкѣ, удобреніи, поливкѣ и мотыженіи. Во второмъ отдѣлѣ главное мѣсто отведено парникамъ и теплицамъ; въ описаніи клинскихъ крестьянскихъ теплицъ, кромѣ статьи г. Желѣзнова, автору слѣдовало воспользоваться трудами земской статистики (*Моск. Сборн.*, VII, стр. 1).

Въ книгѣ довольно много рисунковъ, изъ которыхъ обращаемъ вниманіе на планъ парника. Жаль, что краткое описаніе вредныхъ животныхъ (стр. 146—164) вовсе не снабжено рисунками. Если книга появится новымъ изданіемъ, что̀ весьма возможно, слѣдуетъ пожелать нѣкотораго пониженія цѣны. Распространеніе огородничества въ крестьянской средѣ заслуживаетъ усиленнаго вниманія какъ со стороны общественныхъ учрежденій, такъ и со стороны частныхъ лицъ—немногочисленныхъ представителей русской деревенской интеллигенціи.

Географическое распредѣленіе града въ Европейской Россіи и зависимость этого явленія отъ рельефа земной поверхности. В. А. Таргонскаго. М., 1893 г. Главный интересъ въ брошюрѣ г. Таргонскаго представляютъ поуѣздная карта градобитій и поуѣздныя таблицы страхованій и градобитій за 16 лѣтъ по свѣдѣніямъ московскаго общества взаимнаго страхованія посѣвовъ отъ града (авторъ принимаетъ ближайшее участіе въ дѣлахъ этого общества). Сдѣланныя авторомъ сопоставленія дѣйствительно подтверждаютъ зависимость между частотою мѣстныхъ градобитій и высотою мѣстности надъ уровнемъ моря. Авторъ могъ бы провѣрить этотъ выводъ еще анализомъ метеорологическихъ отмѣтокъ о градѣ и группировкою оффиціальныхъ свѣдѣній о градобитіяхъ (такою группировкой когда-то занимался К. С.

Веселовскій), но, конечно, эти работы потребовал
чества времени, и пока можно только поблагодар
опубликованіе матеріаловъ московскаго общества
помочь ознакомленію съ географическимъ распре
наго и, притомъ, совершенно неизбѣжнаго сельск
ствія, противъ котораго есть только одно средст
ніе. Кромѣ карты градобитій, брошюра снабжена
ческой карты Тилло и таблицей съ изображенія
формы.

**Краткое практическое руководство къ п
ству и веденію сельскаго хозяйства въ сѣвер
сахъ Россіи. Составилъ агрономъ К. Ф. Га
Спб., 1893 г. Цѣна 30 коп.** *Руководство,* напис
геномъ, оригинально по способу своего постро
вниманія и подражанія со стороны нашей педаг
ной литературы. Авторъ ограничивается разборо
имѣній, изъ которыхъ одно въ 500 десятинъ взят
полосѣ, а другое въ 2,000 десятинъ на степном
зація этихъ имѣній описана довольно детально и
мѣрными учетами доходности. Изложеніе весьма
лующее интересными практическими совѣтами.
осуществляетъ указанное въ предисловіи назначе
ствомъ „начинающему хозяину, не имѣющему ник
сложномъ дѣлѣ, за которое онъ намѣренъ принят
лица, покупающія большое имѣніе, совсѣмъ ничег
зяйствѣ, но *Руководство* Гагена прочитается не
практическими хозяевами, такъ какъ поможетъ и
пониманіи общей картины отдѣльнаго сельско-хо
тія. Жаль, что примѣры относятся къ слишкомъ
нымъ единицамъ и стоятъ лишь въ отдаленномъ
нію массы дѣйствительныхъ хозяйствъ. Цѣна наз
ныхъ листовъ) совершенно общедоступная, что о
вѣтствовать въ примѣненіи къ издательской фир

**Страхованіе отъ градобитія. Краткій очер
ванія отъ града въ Германіи и Россіи. В. А. Т
1892** г. Г. Таргонскій написалъ свою брошюру,
комить публику съ основаніями страхованія отъ
торыхъ частяхъ Германіи этотъ видъ страхован
чительное развитіе. Такъ, въ Баваріи, по увѣрені
быть сомнѣнія въ томъ, что въ скоромъ времени не
хозяйства, которое не было бы застраховано отъ
Къ сожалѣнію, въ Россіи страхованіе отъ града
очень туго; въ русскихъ частныхъ обществахъ за
чти совсѣмъ нѣтъ, а процентъ премій весьма вел
пробѣлъ въ народномъ хозяйствѣ можетъ, по м
правительственная субсидія; тѣмъ не менѣе, г.
отрицательно къ государственному страхованію
„какъ не допускающее схематическаго образа дѣй
съ успѣхомъ ведено правительственнымъ учрежденіе
гонскій приводитъ шесть аргументовъ въ пользу
страхованіе отъ градобитія должно исключитель
кахъ частныхъ обществъ. Съ нѣкоторыми изъ е
жительно не согласны. Такъ, мы думаемъ, что не

общества, но и государство можетъ вырабатывать страховой тарифъ „съ большею тщательностью и соображаясь съ разнообразными обстоятельствами“. Если нѣкоторыя земства, какъ, наприм., тверское, симбирское и за послѣднее время московское, могли выработать довольно сложные тарифы по обязательному страхованію, то почему же и государству не завести у себя такіе же тарифы? Затѣмъ мы не совсѣмъ понимаемъ, почему въ государственномъ учрежденіи, „гдѣ дѣятельность основана на чувствѣ долга и безъ всякаго (?) личнаго интереса“, дѣйствіе обязательно превращается „въ простую бюрократическую формалистику“ (стр. 61). Намъ кажется, что въ данномъ случаѣ многое будетъ зависѣть отъ общихъ основаній всего государственнаго строя, отъ развитія, наприм., гласности въ странѣ и т. д. Наконецъ, мы отказываемся раздѣлить убѣжденіе автора, будто государственное учрежденіе, въ которомъ принимаются на страхъ посѣвы крестьянъ и помѣщиковъ, должно непремѣнно обратиться въ какія-то казармы, гдѣ всякое критическое отношеніе къ распоряженіямъ начальства, а тѣмъ паче противорѣчіе должно быть тотчасъ же подавляемо (стр. 61). Мы держимся болѣе оптимистическихъ взглядовъ и думаемъ, что время, когда, по выраженію поэта, „и самъ Гомеръ не смѣлъ Омиромъ называться“, кануло въ вѣчность.

УЧЕБНИКИ И КНИГИ ДЛЯ ДѢТСКАГО И НАРОДНАГО ЧТЕНІЯ.

„Русская классная библіотека“. *Изд. Чудинова.*—„Элементарный учебникъ церковнославянскаго языка для начальныхъ народныхъ училищъ, церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты“. *А. Гусева.* — „Темы по предмету русскаго языка для старшихъ классовъ гимназій и военно-учебныхъ заведеній и для низшихъ классовъ духовныхъ семинарій“. *П. Кремлева.*—„Избранныя стихотворенія“ *А. В. Кольцова.*

Русская классная библіотека, издаваемая подъ редакціей Чудинова. Вып. XII—XIV. Спб., 1893 г. 12-й выпускъ *Русской классной библіотеки*, посвященный Кантемиру, составленъ довольно удачно: въ него вошли лучшіе тексты трехъ наиболѣе характерныхъ сатиръ, „письмо стихотворца къ пріятелю“, посвященіе и предисловіе автора, хорошо подобранныя примѣчанія, стихи Ѳеофана Прокоповича и Ѳеофила Кролика въ честь Кантемира, безъ которыхъ, впрочемъ, свободно можно было обойтись, и статья о сатирахъ Кантемира Галахова, изъ которой ученикъ можетъ вынести довольно цѣльное и полное представленіе о значеніи и характерѣ литературной дѣятельности перваго русскаго сатирика. Въ послѣдней статьѣ слѣдовало произвести нѣкоторыя сокращенія или, что еще лучше, замѣнить ее короткою компиляціей изъ изслѣдованій Стоюнина и Галахова: она слишкомъ растянута, увеличиваетъ безъ нужды объемъ и цѣну книги. 13-й выпускъ принадлежитъ къ числу наиболѣе отвѣтственныхъ: онъ посвященъ былинамъ. Въ нал чныхъ учебникахъ по исторіи русской словесности отдѣлъ о народ н й поэзіи вообще и былинамъ въ частности не удовлетворяетъ самымъ э ементарнымъ требованіямъ: повторяются давно отвергнутыя въ наукѣ с азки, игнорируются положительные результаты новѣйшихъ розыскан й и пр. Г. Чудиновъ избавилъ себя отъ сложной работы, не пожелалъ р зобраться въ новѣйшей литературѣ по русскому былевому эпосу и п шелъ по торной дорогѣ: повторяется старая, ни на чемъ не основ нная „ученая сказка“ о дѣленіи богатырей на старшихъ и младшихъ,

Микула, попрежнему, возводится въ санъ „*отца* воспроизводятся мнѣнія Ѳ. И. Буслаева о прои (стр. 128—133), О. Ѳ. Миллера—объ „единствѣ эпоса" (стр. 133—137) и пр. Выборъ текстовъ бы ховъ и историческихъ пѣсенъ сдѣланъ недурно, мѣчаній и объяснительныхъ статей является сс для школы, такъ какъ они воспроизводятъ мнѣ скихъ и покоренья Крыма", мнѣнія „покойной ми изложеніе которыхъ умѣстно въ историческом эпоса, а не въ учебникахъ для средней школы.

14-й выпускъ посвященъ Сумарокову. Г. Чу *Хорева, Синава и Трувора*, которыхъ лучше б *Димитріемъ Самозванцемъ*, и комедію: *Опекунъ*. ныхъ статей напечатано разсужденіе Корнеля о о *Расинѣ*, двѣ выдержки извѣстнаго труда о С Этотъ выпускъ можно было, не безъ пользы дл добрую половину и дать, вмѣсто совершенно лишн характерныя сатиры, басни и критическія статьи С ваясь только на драматическихъ сочиненіяхъ эт новъ, по нашему мнѣнію, впадаетъ въ большую неля и Фаге лучше было замѣнить коротким комъ псевдо-классической трагедіи и комедіи. П щему выпуску посвящено полемикѣ съ *Русскою М* ней добросовѣстной. Въ словарѣ г. Чудинова, *текстъ*, и мы указали на ошибочность этого; г. Буслаева, у котораго, однако, оказалось прави же сумняся", онъ теперь пишетъ (стр. 6): „авт считывая на разсѣянность читателей библіогра цитируетъ, наприм., указанное мною мѣсто (у опроверженіе меня, тогда какъ на самомъ дѣлѣ он етъ мои слова (текътъ, крикъ дятла)". Г. Чудин ваетъ „на разсѣянность читателей" или просто и текътъ—не одно и то же. Столь же добросовѣс ныя замѣчанія г. Чудинова.

Элементарный учебникъ церковно-славян чальныхъ народныхъ училищъ, церковно-пр школъ грамоты. Составилъ А. Гусевъ, препо ской гимназіи. Москва, 1892 г. Ц. 25 к. Пре никъ для начальныхъ народныхъ училищъ, церков и школъ грамоты, г. Гусевъ поступаетъ вполнѣ соблюдаетъ въ немъ строгую постепенность, т.-е переходъ отъ легкаго къ болѣе трудному. Такимъ одобрить, по нашему мнѣнію, порядка ознакомле вами церковно-славянскаго алфавита, изъ которы вы сходныя съ русскими и только потомъ нес знаки показываются въ учебникѣ г. Гусева тож буквъ, и это тоже весьма цѣлесообразно. Однак вольно обильнымъ матеріаломъ для чтенія и огра жется, всѣ достоинства разсматриваемой грамм дать только самыя важныя формы церковно-слав томъ, постоянно сравнительно съ таковыми же р служиваетъ вниманія, но ее надо было бы, на сти въ учебникѣ нѣсколько иначе, и во всякомъ

чтобы учащіеся, пройдя церковно-славянскую грамматику въ томъ видѣ, какого придерживается г. Гусевъ, не затруднились, какъ думаетъ онъ (предисл., стр. V), сдѣлать сознательный и буквальный переводъ статей, помѣщенныхъ въ III отдѣлѣ учебника, даже при помощи приложеннаго въ концѣ книги словаря малопонятныхъ словъ. Дѣло въ томъ, что въ книгѣ сообщаются только нѣкоторые падежи существит., мѣстоименій и числительныхъ и кое-что изъ спряженія церковно-славянскаго глагола, а, между тѣмъ, въ статьяхъ III отдѣла попадаются формы самыя разнообразныя. Вотъ почему формы *има, шедше, исполняй, волсви, руку моею* и другія должны остаться для учащихся совершенно непонятными; впрочемъ, и относительно формъ, о которыхъ говорится въ учебникѣ, слѣдуетъ замѣтить, что для ихъ пониманія одного сравненія съ русскими не всегда достаточно: такъ, напримѣръ, едва ли можно вовсе не упоминать о существованіи въ церковно-славянскомъ языкѣ двойственнаго числа. Кромѣ этого, странно, что, называя *юсъ малый*, г. Гусевъ совсѣмъ умалчиваетъ объ *юсѣ большомъ*, а страницы нумеруетъ славянскими цифрами, т.-е. буквами, причемъ понятіе о такихъ цифрахъ даетъ только на страницахъ 19 и 20. Во-первыхъ, неужели читатели славянскихъ книгъ никогда не встрѣтятся съ *юсомъ большимъ* и, во-вторыхъ, какъ обойдутся учащіеся по *Элементарному учебнику церковно-славянскаго языка* съ цифрами, стоящими на верху каждой страницы, начиная со 2-й?

Темы по предмету русскаго языка для старшихъ классовъ гимназій и военно-учебныхъ заведеній и для низшихъ классовъ духовныхъ семинарій. Составилъ П. Кремлевъ. Первый выпускъ. Ярославль, 1892 г. Цѣна 1 руб. Г. Кремлевъ слишкомъ много обѣщаетъ въ предисловіи къ своему сборнику темъ и слишкомъ мало даетъ въ самомъ сборникѣ. Въ предисловіи онъ признаетъ значеніе только за такою темой, которая касается предметовъ близкихъ, знакомыхъ и съ нѣкоторыхъ сторонъ интересныхъ для ученика, причемъ прибавляетъ, что только трудъ надъ обработкой подобной темы и освѣжаетъ ученика, „давая понять, въ то же время, что всякій трудъ въ самомъ своемъ процессѣ есть своего рода удовольствіе, а въ своемъ окончаніи — своего рода духовное торжество, лучомъ какого-то внутренняго свѣта озаряющее, укрѣпляющее и радостно успокоивающее психо-физическій организмъ человѣка“ (предисл., стр. III). Ужъ если дѣло дошло до озаренія и успокоенія психо-физическаго организма человѣка, то позволительно, кажется, ожидать очень многаго, а, между тѣмъ, достаточно познакомиться съ оглавленіемъ сборника темъ, чтобъ убѣдиться, что темы здѣсь, въ большинствѣ случаевъ, самыя избитыя, которыя съ незапамятныхъ временъ и на основаніи только одной рутины задаются во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто изъ учащихся не писалъ сочиненій на темы, вродѣ: „польза стекла“, „значеніе огня“, „причины побѣдъ грековъ надъ персами“, „взглядъ автора *Слова о полку Игоревѣ* на природу“ и т. д., а почти только подобныя темы мы и находимъ у г. Кремлева. Если въ разсматриваемомъ сборникѣ и найдется нѣсколько темъ не столь заурядныхъ, но за то онѣ не вполнѣ удовлетворяютъ поставленной цѣли г. Кремлева: едва ли, напримѣръ, съ какой-нибудь стороны для ученика можетъ быть интересна тема: „о вредѣ для молодого человѣка высокаго о себѣ мнѣнія“, гдѣ онъ долженъ превозносить „золотую середину“ (стр. 26), или тема: „при какихъ условіяхъ чтеніе книгъ полезно для ученика“,

гдѣ приходится благоразумно разсуждать о т
читать (стр. 32 и 33).

Такимъ образомъ, едва ли преподавателю с
никомъ темъ г. Кремлева и платить рубль за
давно извѣстно, или мало удовлетворительно. Г
прилагается составителемъ подробный планъ е
такое приложеніе весьма трудно, что-нибудь о
планы нужны для учащихся, тогда у послѣдни
самостоятельность въ работѣ; или планы нужн
интересно знать, какого же мнѣнія г. Кремлев

Избранныя стихотворенія Алексѣя Ва (1809—1842 гг.). Изданіе И. Ѳ. Жиркова. Кн и средняго возраста, цѣна 5 коп. Книжка раста, цѣна 5 коп. Книжка III для зрѣлаг Москва, 1893 г. Въ изданіи г. Жиркова нѣтъ такъ что для насъ является совершенною заг раздѣленіе произведеній Кольцова по возраста бора тѣхъ или другихъ стихотвореній. Такъ, н тельно не можемъ понять, какими соображеніям датель, когда помѣщалъ въ книжкѣ для младш симистическія стихотворенія, какъ *Доля бѣдня* (кн. I, стр. 17), *Пѣсня старика* (кн. I, стр. 2 стр. 26) и друг.; затѣмъ во II-й книжкѣ такія ческія, какъ *Разсчетъ съ жизнью* (кн. II, стр. метафизическія, какъ *Вопросъ* (кн. II, стр. 30)

Съ другой стороны, три книжки Кольцова
стоютъ 15 коп., всего на 5 коп. дешевле полна
кова, а если принять во вниманіе, что въ раз
выпущено больше 40 стихотвореній изъ 120 съ
ныхъ Кольцовымъ, и что біографія поэта въ
можно задаться вопросомъ, стоитъ ли вообще
даніе при существующемъ изданіи г. Солдатен

СПРАВОЧНЫЯ КНИ

„Энциклопедическій словарь". Изд. Ф. А. Брокгауза и И
энциклопедическій словарь". Изд. товарищества

Энциклопедическій словарь, подъ редак и Ѳ. Ѳ. Петрушевскаго. Изданіе Ф. А. Брок Спб., 1893 г. Полутомы 16, 17 и 18. Обширны ли на себя при очень неблагопріятныхъ усло Петр, левскій, подвигается довольно успѣшно. съ буквою Г, такимъ образомъ новая редакція нія словъ уже на двѣ буквы: В и Г. Мы имѣ мѣчать, что при новой редакціи все дѣло пошло какъ было желательно всѣмъ, кто понимаетъ з *скаго словаря*, какъ справочной книги, почти (ученому и простому учителю, и просто образова сеньевъ и Петрушевскій съумѣли привлечь къ *Словаря* очень многихъ выдающихся профессоро всѣмъ отраслямъ знанія и придали своему изд русскій, совершенно независимый отъ нѣмецка

Брокгаузомъ. Насколько самостоятельно составляется *Энциклопедическій словарь*, можно видѣть изъ того, что статьи о Гёте написаны русскими учеными: проф. А. Веселовскимъ, А. Бекетовымъ и Ѳ. Петрушевскимъ и далеко превосходятъ то, что напечатано о геніальномъ нѣмцѣ въ нѣмецкомъ изданіи. При составленіи объясненій словъ на буквы А и Б, весьма значительный перевѣсъ былъ на сторонѣ переведенныхъ съ нѣмецкаго. Теперь заимствованія и переводы занимаютъ ничтожное мѣсто, и, наоборотъ, г. Брокгаузъ, при новомъ изданіи своего *Conversations Lexicon*'а долженъ будетъ очень многое заимствовать изъ русскаго *Словаря*, да и не онъ одинъ, а такъ же г. Майеръ и французы, и англичане, и не только по вопросамъ, касающимся исключительно Россіи, но и по множеству статей научнаго характера. Изъ наиболѣе выдающихся статей мы отмѣтимъ, кромѣ вышеназванной: *Герценъ-Искандеръ*, *Гимназія*, *Гипнотизмъ*, *Голова*—въ смыслѣ должностного лица, рядъ статей по *Горному дѣлу*, отличныя статьи о *Гильдіяхъ*, *Геттеризмѣ*, *Глаголицѣ*, *Глетчерахъ*, *Гражданскомъ бракѣ*... Всего выдающагося въ этихъ трехъ выпускахъ мы не имѣемъ возможности перечислить, но считаемъ своею обязанностью отмѣтить,—то же далеко не всѣ, а лишь случайно нами встрѣченные,—нѣкоторые промахи и пропуски, напримѣръ: подъ словомъ *Губа* не объяснено, что словомъ этимъ называютъ на сѣверѣ „морской заливъ", въ объясненіи слова *Гумно* намъ показался немного страннымъ совѣтъ не ставить на гумнѣ овина,—этого и такъ нигдѣ не дѣлается. Не совсѣмъ ясно намъ, почему такія всѣмъ извѣстныя слова, какъ „гумно", находятъ мѣсто въ этомъ *Словарѣ*, а другія, менѣе понятныя,—нѣтъ, какъ наприм., *гуменце*, въ смыслѣ „тонзуры". Немного странное впечатлѣніе производитъ на читателя такое объясненіе: „*Гренадинъ*,—юфтовая красная, серизъ, кардиналъ, амарантъ, марронъ, шатэнъ, хризанилинъ, фосфинъ, хризотолуидинъ, рубіонитъ, моданилинъ, мольберъ, представляетъ нечистый фуксинъ, побочный продуктъ при фабрикаціи его. Въ водѣ онъ растворимъ..." Встрѣчаются неточности такого рода: „*Гизе*—мѣстность на лѣвомъ берегу Нила, почти напротивъ Каира (немного къ югу), извѣстная полемъ пирамидъ. Здѣсь стоятъ три самыхъ большихъ пирамиды, принадлежащихъ Хеопсу, Хефрену и Менкара... Теперь въ Гизе вицекоролевскій дворецъ, въ залахъ котораго помѣщается музей... парки, сады и частная вицекоролевская станція на желѣзной дорогѣ... Черезъ Нилъ перекинутъ великолѣпный мостъ..." Все это не совсѣмъ такъ: пирамиды, дѣйствительно, носятъ названіе „пирамидъ Гизе", но отъ дворца Гизе отстоятъ въ 12 килим. и находятся въ мѣстности совершенно пустынной. Двѣ первыя, правда,—„величайшія", третья вдвое ихъ меньше, и многія другія значительно ея выше и больше. Близъ пирамидъ нѣтъ ни садовъ, ни дворцовъ... Такой ошибки легко было избѣжать, справившись съ нѣмецкимъ *Conversations Lexicon*'омъ Брокгауза, гдѣ свѣдѣнія даны вѣрныя. Отъ Гизе до „поля пирамидъ" больше часа ѣзды по шоссе, обсаженному тѣнистыми деревьями. Съ нѣмецкимъ изданіемъ справляться необходимо.

Настольный энциклопедическій словарь, товарищества А. Гранатъ и К° (бывшее т-во А. Гарбель и К°). Выпуски 57—70. Москва, 1893 г. Альбомъ настольнаго энциклопедическаго словаря. Серія I. Безплатное приложеніе. Мы уже отмѣтили въ свое время, что съ переходомъ изданія въ распоряженіе новой редакціи *Настольный энциклопедическій словарь* значительно измѣнился къ лучшему, и теперь

мы съ особеннымъ удовольствіемъ можемъ сказать, что стоящимъ „русскимъ“ энциклопедическимъ словаремъ, въ которомъ большая часть богатаго содержанія написана и обработана совершенно самостоятельно и по самымъ новѣйшимъ даннымъ. Насколько богатъ этотъ словарь, можно судить по тому, что въ вышеуказанныхъ выпускахъ, составляющихъ пятый томъ *Словаря*, объяснено 5,765 словъ, въ этомъ томѣ помѣщено 94 рисунка и 88 портретовъ въ текстѣ, а во всѣхъ вышедшихъ пяти томахъ имѣется объясненіе 59,059 словъ, 494 рисунка, 572 портрета; кромѣ того, къ нимъ приложено много географическихъ картъ, видовъ городовъ и мѣстностей, изображенія костюмовъ и типовъ, пояснительныя таблицы къ статьямъ научнаго содержанія. И, наконецъ, редакція приступаетъ къ выпуску, въ видѣ особаго приложенія, вышеназваннаго *Альбома* снимковъ съ картинъ знаменитыхъ художниковъ. Въ первой тетрадкѣ, или въ „I серіи“, мы имѣемъ десять снимковъ, изъ коихъ одинъ съ картины Клода Лоррена *Похищеніе Европы*, одинъ — Леонардо да-Винчи *Благовѣщеніе*, два съ произведеній Л. Монтенья, три — Микель Анжело, два — Мурильо. Снимки сдѣланы съ оригиналовъ фотографическимъ способомъ и даютъ вѣрное понятіе о подлинныхъ картинахъ, насколько это возможно для фотографій. Помѣщенные въ текстѣ *Словаря* портреты исполнены отчасти фототипіей, отчасти въ снимкахъ съ хорошихъ гравированныхъ портретовъ, пояснительныя иллюстраціи сдѣланы тщательно и отчетливо. Изложеніе, вообще, очень сжатое, когда дѣло идетъ объ именахъ собственныхъ, о названіяхъ мѣстностей и городовъ. Статьи, касающіяся научныхъ понятій и терминовъ, изложены съ достаточною полнотой и знаніемъ, вполнѣ яснымъ языкомъ, доступнымъ большинству читателе

Изъ наиболѣе выдающихся статей этого рода мы назовемъ объясняющ слова: *лирика, литература, литературная критика* и *литературна собственность, малолѣтніе преступники, меркантилизмъ, мистицизм мозгъ*... При біографическихъ свѣдѣніяхъ о писателяхъ высказаны всегд короткія, но по большей части очень мѣткія и вѣрныя сужденія, х рактеризующія направленіе и литературное значеніе даннаго писател

По нашему мнѣнію, новая редакція *Настольнаго энциклопедическа словаря* вѣрно поняла свою задачу — дать, по возможности, полну „справочную“ книгу для огромнаго большинства читателей, не имѣющи возможности пользоваться дорогими иностранными *Словарями* этого род къ тому же, весьма неполными въ томъ, что касается Россіи, русск исторіи и русскихъ людей. Такая книга представляется насущно-нео ходимою, въ особенности для жителей провинціи, гдѣ за интересующе читателя справкой обратиться некуда и не къ кому.

ПЕРІОДИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ.

„Вѣстникъ Европы“, *іюль*.—„Русскій Вѣстникъ“, *іюль*.—„Русское Богатство“, *іюль*.—„Сѣверный Вѣстникъ“, *іюль*. — „Міръ Божій“, *іюль*.

Вѣстникъ Европы, *іюль*. *Господинъ Арсковъ* г. Корабчевскаго п должается и давать о немъ отзывъ преждевременно. Герой повѣ разсуждаетъ иногда, по всей вѣроятности, глубокомысленно, но довол невразумительно. „Безконечность и—я! —говоритъ господинъ Арсковъ. Вотъ два великіе полюса міросданія. Человѣческая душа уравновѣш вается только безконечностью. Это и есть смерть! То-есть *смерть* душа, уравновѣшенная безконечностью...“

„Эти мысли,—говоритъ г. Корабчевскій,—полал

ва; онъ даже забавлялся тѣмъ, что укладывалъ ихъ въ короткія и звучныя фразы, но въ глубинѣ души онъ имъ не вѣрилъ".

Короткія и звучныя фразы... конечно, это дѣло вкуса. Лично намъ языкъ самого г. Корабчевкаго кажется въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вычурнымъ и неправильнымъ. Приведемъ одинъ примѣръ: „Между тѣмъ какъ, вовсе какъ-то не интересуясь, зачѣмъ именно онъ могъ такъ поспѣшно понадобиться, и именно сегодня, дѣловитому адвокату, Арсковъ мысленно, какъ ему казалось—поучительно для себя, созерцалъ не лишенную характерныхъ чертъ личность Кидошенцова,—пролетка, завернувъ на Михайловскую площадь, остановилась у огромнаго, шестиэтажнаго дома".

Тутъ мы покуда господина Арскова и оставимъ. Другое беллетристическое произведеніе, повѣсть г-жи Виницкой, только начато въ іюльской книжкѣ *Вѣстника Европы*. Она называется *Безъ мужей* (у П. Д. Боборыкина есть повѣсть съ такимъ заглавіемъ). Первыя восемь главъ написаны интересно, мѣстами талантливо, но съ нѣкоторыми преувеличеніями и неправдоподобіями. Учительница Лиза, напримѣръ, по словамъ автора, принадлежитъ къ счастливымъ натурамъ. Такія натуры „на всякомъ поприщѣ трудятся не для славы и выгоды, а изъ любви къ своему дѣлу. Еслибъ судьба ее забросила въ тюрьму, и тамъ нашлась бы для нея возможность пріятно проводить время". Легко сказать: пріятно проводить время въ тюрьмѣ!

Мысль повѣсти, по скольку она выяснена въ восьми напечатанныхъ главахъ, правильнѣе—настроеніе автора, господствующее въ его разсказѣ, представляется намъ очень симпатичнымъ. Подождемъ конца.

Изъ статей седьмой книги *Вѣстника Европы* укажемъ на очеркъ М. М. Ковалевскаго: *Токвиллъ въ его воспоминаніяхъ, письмахъ и разговорахъ*. О воспоминаніяхъ знаменитаго французскаго мыслителя мы говорили уже въ *Библіографическомъ отдѣлѣ* нашего журнала. М. М. Ковалевскій находитъ, что эти воспоминанія едва ли уступаютъ по своему интересу надѣлавшимъ въ свое время столько шума мемуарамъ Талейрана. Въ перепискѣ и воспоминаніяхъ Токвилля находится много глубокихъ и вѣрныхъ замѣчаній о необходимости широкаго развитія самоуправленія, о вредѣ абсолютной власти, тѣсно связанной съ административною централизаціей и подчиненіемъ церкви государству. По мнѣнію М. М. Ковалевскаго, въ этомъ отношеніи и во многихъ другихъ, ближайшимъ указателемъ и образцомъ для Токвилля, какъ и для нѣкоторыхъ другихъ политическихъ мыслителей во Франціи,—его предшественниковъ доктринеровъ, такъ называетъ ихъ русскій ученый,—служила Англія.

Любопытны отзывы Токвилля о Россіи. „Россія, — писалъ онъ, — это своего рода Америка, только безъ знаній и свободы". По этому поводу М. М. Ковалевскій замѣчаетъ: „Простимъ Токвиллю его преувеличенія, его пристрастныя оцѣнки. Они вызваны недостаточнымъ знакомствомъ съ предметомъ и несбыточными опасеніями за будущее европейской культуры. Во всякомъ случаѣ, въ его злословіи больше искренности, чѣмъ въ тѣхъ любезностяхъ, какими обсыпаетъ насъ французская печать за послѣднее время. Токвилль не искалъ нашего союза и, тѣмъ не менѣе, признавалъ величіе въ нашемъ народѣ. Отмѣтимъ это сознаніе. Его достаточно для нашей гордости".

Русскій Вѣстникъ, *іюль*. Продолжающіяся въ этой книжкѣ статьи Н. П. Семенова *О крестьянскомъ сословіи въ Россіи* заключаютъ въ себѣ много интересныхъ и важныхъ данныхъ. Упомянемъ о томъ, что,

вопреки министерству внутреннихъ дѣлъ, тверской губернскій комитетъ предположилъ основать освобожденіе крестьянъ на выкупѣ ихъ надѣловъ, обязательномъ для помѣщиковъ. По настоянію Ростовцева, запрещеніе министерства внутреннихъ дѣлъ отмѣнено.

Г. Семеновъ является сторонникомъ общиннаго землевладѣнія. Онъ упоминаетъ о нерѣдкихъ случаяхъ перехода крестьянъ отъ подворнаго владѣнія къ общинному и приводитъ въ примѣръ пять единовременныхъ приговоровъ въ Корчевскомъ уѣздѣ, Тверской губерніи. Въ Самарской губерніи такіе случаи были въ сельскихъ обществахъ нѣмецкихъ колонистовъ. Относительно 165 ст. положенія, разрѣшающей выкупать надѣлы въ собственность, Н. П. Семеновъ выражается такимъ образомъ: „Приведенную статью можно поистинѣ назвать губительнымъ даромъ, поднесеннымъ нашему крестьянству, потому что укрѣпленіемъ земельныхъ участковъ въ собственность, да еще и отдѣльныхъ лицъ, отнимается у крестьянскаго сословія самое прочное его обезпеченіе—безусловная, исторически-сложившаяся *неотчуждаемость* тѣхъ земель, которыя крестьяне съ давнихъ временъ, какъ и нынѣ, не справляясь съ закономъ, считаютъ за собою крѣпкими. Сверхъ того, разрушается несовмѣстное съ правами *собственности* на землю *общинное* землевладѣніе, которое скрѣпляло семейный союзъ подъ властью главы его и подъ попечительствомъ міра, чѣмъ поддерживались добрые нравы и необходимая дисциплина, помогавшіе правительству въ охраненіи общественнаго порядка".

Въ средѣ редакціонныхъ коммиссій было не мало противниковъ общины (въ томъ числѣ и Н. А. Милютинъ). Ростовцевъ заявлялъ по этому поводу слѣдующее: „Нѣтъ, господа, ломать исторію я вамъ не позволю. Я не профессоръ и не буду вамъ объяснять, какъ образовалась у насъ община. Въ нашей литературѣ много объ этомъ разсужденій и споровъ; но у насъ община есть и, слѣдовательно нужна, мы и должны ее сохранить. Ломать мы ничего не дол да вы говорите о свободѣ, я вамъ уступаю: отворите какъ х роко ворота для выхода всякаго крестьянина изъ общины, майте общины,—пусть она останется".

Попрежнему интересны путевые очерки Е. Л. Маркова Въ высшей степени любопытенъ очеркъ г. Іонина *Семитряны* Въ немъ разсказывается о приключеніяхъ и громадной пре тельской дѣятельности англичанина Норта въ Чили.

Русское Богатство, *іюль*. Интересная статья В. В. Лесе не оконченная въ іюльской книжкѣ *Русскаю Богатства*, да ную характеристику Даніэля Дефо въ тѣсной связи съ общес и политическими событіями того времени.

Въ началѣ восемнадцаго вѣка англійскіе тори, признававш *ственное*" право королей, являлись сторонниками низложени стіи, якобитами. Виги поддерживали новую, ганноверскую стремясь дать представляемой парламентомъ народной волѣ ствующее значеніе въ государственной жизни. „Населеніе Ан падаясь на эти двѣ партіи, группировалось въ общихъ чертах образомъ, что коммерческій классъ и диссиденты придерживал ціповъ вигизма, тогда какъ духовенство и деревенское мелко ство (джентри) стояли за взгляды торіевъ, партія п называлась въ это время *церковною* или же *деревенс*

Дефо издавалъ газету *Обозрѣніе дѣлъ Франціи*. С время въ тюрьмѣ и оттуда, два раза въ мѣсяцъ, которую составлялъ исключительно самъ. Надо замѣт

дѣтельному постановленію парламента 3 мая 1695 года цензура въ Англіи была навсегда отмѣнена. Съ этого момента значеніе британской печати чрезвычайно поднялось, тонъ газетъ сталъ несравненно серьезнѣе и благороднѣе, появилась блистательная плеяда политическихъ писателей. Почти двѣсти лѣтъ благотворной дѣятельности англійской свободной печати, — замѣчаетъ г. Лесевичъ,— благословляются теперь не только всякимъ англичаниномъ, но и всякимъ образованнымъ европейцемъ.

В. В. Лесевичъ энергично и, конечно, вполнѣ справедливо осуждаетъ публицистическую дѣятельность знаменитаго автора *Робинзона Крузе*, который восхвалялъ либеральныя идеи, когда у власти были виги, и получалъ жалованье отъ тори, когда побѣда доставалась имъ, чтобы своими памфлетами преслѣдовать виговъ. Нельзя безъ негодованія и глубокой грусти читать, какъ позорно измѣнничалъ и шпіонилъ геніальный писатель. Пушкинскій Моцартъ говоритъ, что геній и злодѣйство не совмѣстимы; увы, примѣръ Дефо свидѣтельствуетъ, что въ этомъ отношеніи бываютъ и исключенія, да еще какія, потому что предательство и продажность похуже злодѣйства въ тѣсномъ смыслѣ этого слова.

Сѣверный Вѣстникъ, *іюль*. Всего интереснѣе въ этой книжкѣ петербургскаго журнала продолженіе труда г. Ковалевскаго, о которомъ мы уже упоминали: *Общественныя доктрины прошлаго вѣка*. Авторъ отмѣчаетъ, что противникомъ физіократовъ, требовавшихъ отмѣны цеховой организаціи, выступалъ Маратъ. „Въ каждомъ сословіи,—писалъ этотъ демагогъ,—не ставящемъ себѣ задачей удовлетвореніе честолюбія, а только обезпеченіе личнаго благосостоянія, добросовѣстность неразрывно связана съ возможностью упрочить свою репутацію. Отнята эта возможность, и необходимо наступаетъ конецъ обыкновенной честности. Всякое ремесло, всякая торговля вырождается въ открытое плутовство и интригу, такъ какъ съ отмѣною цеховъ исчезнетъ стимулъ къ производству мануфактуратовъ отмѣннаго качества въ видахъ упроченія репутаціи; каждый отнынѣ будетъ ставить себѣ цѣлью привлечь покупателя одною внѣшностью; можно ждать, что впредь всѣ будутъ искать какъ можно больше работы и работать какъ можно быстрѣе. Чтобъ избѣжать послѣдствій, какія для сбыта его продуктовъ произведетъ дурная о нихъ молва, ремесленнику ничто не мѣшаетъ переселиться въ другой кварталъ или въ другой городъ". Маратъ полагаетъ, что государство должно обезпечить всѣмъ потребителямъ возможность пріобрѣтенія мануфактуратовъ добраго качества, по крайней мѣрѣ, настолько, насколько эти мануфактураты принадлежатъ къ числу предметовъ необходимости. Желая подчинить всѣхъ, кто хочетъ быть самостоятельнымъ ремесленникомъ, опредѣленнымъ испытаніямъ для указанной цѣли, Маратъ, въ то же время, находитъ необходимымъ давать рабочимъ (подмастерьямъ) приличное жалованье, а по истеченіи трехъ лѣтъ надѣлять наиболѣе искусныхъ изъ нихъ необходимыми средствами къ открытію самостоятельнаго производства.

Въ общемъ,—говоритъ г. Ковалевскій,—„наказы 1783 года, хотя и не вполнѣ, отразили на себѣ довольно ярко вліяніе той теоріи государственнаго невмѣшательства въ экономическую дѣятельность, которую Гурнэ высказалъ въ извѣстномъ афоризмѣ *laissez faire* и которая на цѣлое столѣтіе опредѣлила собою характеръ господствующей экономической доктрины и политику европейскихъ правительствъ по отношенію къ промысламъ и торговлѣ".

Съ интересомъ читается замѣтка г-жи Венгеровой *Новая утопія*

(*Вильямъ Моррисъ и его послѣдняя книга*). Англійскій поэтъ кладетъ въ основу будущаго общества правильную организацію труда и примѣненіе искусства къ жизни. При современномъ порядкѣ вещей трудъ составляетъ утомительное бремя, потому что работникъ лишенъ того, что возвышаетъ всякій трудъ: надежды на отдыхъ, вѣры въ пользу того, что онъ дѣлаетъ, и удовольствія отъ самого процесса работы. Всякая работа должна быть привлекательна. Мы должны украшать жизнь, наполнять ее удовольствіями, умственными, нравственными, художественными и физическими. Свободный трудъ и красота — вотъ что должно характеризовать будущее общество.

Записки А. О. Смирновой, продолженіе которыхъ помѣщено въ іюльской книжкѣ *Сѣвернаго Вѣстника*, не заключаютъ въ себѣ ничего новаго и важнаго; но о Пушкинѣ русскому дорога, конечно, каждая мелочь. Ясный, проницательный и глубокій умъ Пушкина такъ и искрится въ его литературныхъ спорахъ, записанныхъ на-скоро г-жею Смирновой. Всѣ народы, говоритъ, напримѣръ, великій поэтъ, возражая Хомякову, заимствуютъ и сочетаютъ, болѣе или менѣе удачно, свою почву съ почвой другихъ народовъ. „Я не могу,—замѣчалъ Пушкинъ,—перестать быть русскимъ, не чувствовать какъ русскій, но я долженъ заставить понимать себя всюду, потому что есть вещи общія для всѣхъ людей. Библія—еврейская книга, а, между тѣмъ, она всемірна; книга Іова содержитъ всю жизнь человѣческую; та книга неизвѣстнаго автора, которою зачитывался Байронъ, переживетъ вѣка, а мѣстныя пѣсни никогда не могутъ быть вѣчны. Недостаточно имѣть только мѣстныя чувства,—есть мысли и чувства всеобщія и всемірныя. И если мы ограничимся только своимъ, русскимъ колоколомъ, мы ничего не сдѣлаемъ для человѣческой мысли и создадимъ только *приходскую* литературу".

Міръ Божій, *іюль*. *Весеннія грозы* Д. Н. Мамина-Сибиряка продолжаютъ интересовать читателей. Разсказъ ведется просто и задушевно. Остальная беллетристика *Міра Божія*—переводная: *Первые шаги на жизненномъ пути* Бальзака, *Месть Дѣнары* Киплинга, *Тайна богатой наслѣдницы* Безанта (этотъ послѣдній романъ былъ уже переведенъ и на русскій языкъ).

Г. Ивановъ въ статьѣ *Чувствительный путешественникъ* даетъ характеристику литературной дѣятельности Стерна и отмѣчаетъ его общеевропейское вліяніе. Извѣстно, что сантиментализмъ сильно увлекъ и нашего Карамзина. „У русскаго писателя съ теченіемъ времени исчезли лирическія увлеченія молодости. Идилліи, какими Карамзинъ грезилъ среди *счастливыхъ швейцаровъ*, разсѣялись окончательно въ эпоху, когда чувствительный путешественникъ превратился въ историка. Восторги предъ естественною свободой, предъ свободнымъ трудомъ бѣднаго поселянина были забыты, когда автору пришлось сказать свое слово по жгучему современному вопросу: о положеніи крѣпостныхъ въ Россіи и о будущей великой реформѣ—объ освобожденіи. Это былъ отступничествомъ отъ *грезъ молодости*, измѣною чувству и чувствительности... Жизнь и внѣшнія условія разсѣяли былую поэзію, но отнюдь не лишили ее первоначальнаго смысла. Найдутся другіе люди, способные устоять на разъ принятомъ пути. Вождемъ ихъ будетъ тотъ Стернъ, о немъ они также будутъ съ глубокою благодарностью вспоминать въ лучшія свои минуты и онъ внушитъ имъ задушевнѣйшія стремленія на пути отечественнаго развитія. Мы говоримъ о Радищевѣ.

Обычные отдѣлы журнала составлены также съ обычною *Міру Божію* тщательностью и разнообразіемъ.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 іюля по 1 августа 1893 г.

Лесгафтъ, П. Семейное воспитаніе ребенка и его значеніе. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к. 247 in 8.

Лесгафтъ, П. Протоколы спеціальной коммиссіи по вопросу о преподаваніи естествознанія въ техническихъ школахъ (элементарный отдѣлъ). Рефератъ по физическому образованію. Спб., 1893 г. 112 in 8.

Отчетъ по главному тюремному управленію за 1891 г. Изд. главнаго тюремнаго управленія. Спб., 1893 г. in 4.

Гарбель, А. Настольный энциклопедическій словарь. Вып. 71-й. Ц. 40 к. Москва, 1893 г. in 8.

„Путь - дорога“. Научно - литературный сборникъ въ пользу общества вспомоществованія нуждающимся переселенцамъ. Изд. К. М. Сибирякова. Спб., 1893 г. Ц. 3 р. 50 к. 590 in 8.

Фурнье, Альфредъ. Леченіе сифилиса. Перев. д-ра Л. А. Говсѣева. Изд. бр. Говсѣевыхъ. Харьковъ, 1893 г. Ц. 2 р. 50 к. 396 in 8.

Сельско-хозяйственный обзоръ Нижегородской губерніи за 1892 годъ. Выпуски 1-й, 2-й и 3-й. Изд. нижегородскаго губернскаго земства. Н.-Новгородъ, 1893 г. 54 in 8.

Матеріалы по оцѣнкѣ земель Нижегородской губерніи. Экономическая часть. В. VII. Горбатовскій уѣздъ. Изд. нижегородскаго губернскаго земства. Н.-Новгородъ, 1892 г. Ц. 2 р. in 8.

Межовъ, В. И. Русская историческая библіографія. Указатель книгъ и статей по русской и всеобщей исторіи и вспомогательнымъ наукамъ за 1800—1854 гг. Томъ III. Спб., 1893 г. X+514 in 8. Ц. 3 р. 50 к.

Отчетъ одесской городской публичной библіотеки за 1892 г. Одесса, 1893 г. 22 in 8.

Годичный отчетъ о дѣятельности учебнаго отдѣла общества распространенія техническихъ знаній, состоящаго подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Алексѣя Александровича за 1892 г. Москва, 1893 г. Ц. 30 к. 51 in 8.

Габричевскій, Г. Руководство къ клинической бактеріологіи для врачей и студентовъ. Съ 31 рис. въ текстѣ и съ 4-мя таблицами. Изд. К. Л. Риккера. Спб., 1893 г. 172 in 8.

Краткій учебникъ желѣзно-дорожной телеграфіи (для начинающихъ изучать передачу и пріемъ депешъ на аппаратъ Морза). Харьковъ, 1893 г. 25 in 16.

Hager, H. Руководство къ фармацевтической и медико-химической практикѣ. Вып. 17—18. Изд. К. Л. Риккера. Спб., 1893 г. in 8.

Брэмъ, А. Жизнь животныхъ. Популярное изданіе. Полутомъ I. Вып. I. Пер. со 2-го нѣмецкаго изданія подъ редакціей С. М. Переяславцевой. Одесса, 1893 г. Ц. 25 к. in 8.

Житецкій, Ир. А. Очерки быта астраханскихъ калмыковъ. Этнографическія наблюденія 1884—1886 гг. Москва, 1893 г. Ц. 1 р. 25 к. 73 in 4.

Коренблитъ, А. И. Нѣмецко - русскій технический словарь. Вып. XIII. Изд. К. К. Банза. Москва, 1893 г. in 8.

Лучинскій, Левъ. Тигровая шкура. Ком. въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Дѣйствіе происходитъ въ Туркестанѣ, въ наши дни. Ташкентъ, 1893 г. Ц. 70 к. 98 in 8.

Свирскій, А. И. Ростовскія трущобы. Ростовъ на-Дону, 1893 г. Ц. 50 к. in 8.

Беранже. Полное собраніе пѣсенъ. Подъ редакціей И. Ф. Тхоржевскаго. Вып. XXII, XXIII, XXIV и XXV. in 4. Тифлисъ, 1893 г.

Хидая. Комментаріи мусульманскаго права. Переведено съ англійскаго подъ редакціей Н. И. Гродекова. Т. I—XX+513 in 8. Ц. 2 р. Т. II — XXVIII+462 in 8. Ц. 2 р. Т. III—XXIV+423 in 8. Ц. 2 р. Т. IV—XX+319 in 8. Ц 1 р. Ташкентъ, 1893 г.

Фриманъ, Эдуардъ. Методы изу-

ченія исторіи. Восемь лекцій 1884 г. съ приложеніемъ вступительной лекціи объ обязанностяхъ профессора исторіи. Пер. П. Николаева. Изд. К. Т. Солдатенкова. Москва, 1893 г. Ц. 2 р. 238 in 8.

Мещерскій, И. И. Высшее сельско-хозяйственное образованіе въ Россіи и за границей. Спб., 1893 г. 403+XXXVII in 8.

Орловская губернія. Зима и весна 1892—1893 г. Выпускъ I. Виды на урожай и состояніе скота (до 1 іюня 1893 г.) Орелъ, 1893 г. 68 in 8.

Кальнингъ, И. Комментарій къ четвертому изданію россійской фармакопеи. Т. I, вып. 6. Москва, 1893 г. Ц. 70 к. in 8.

Кузьминъ, Г. Н. Правильное сельско-хозяйственное счетоводство. Херсонъ, 1893 г. Ц. 60 к. 40 in 16.

Извѣстія иркутской городской думы. 1893 года. №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10 и 11. Иркутскъ, 1893 г. in 8.

Комаровъ, А. Ф. Ариѳметическій задачникъ для начальныхъ городскихъ и сельскихъ училищъ. Воронежъ, 1893 г. Ц. 30 к. 156 in 8.

Шеллеръ, А. К. Савонарола, его жизнь и общественная дѣятельность. Изд. Ф. Павленкова. Спб., 1893 г. Ц. 25 к. 78 in 16.

Внѣшняя торговля по европейской границѣ. 1893 г. Май. Спб., 1893 г. 39 in 4.

Статистическія данныя по операціямъ государственнаго банка и сберегательныхъ кассъ за 1860—1892 гг. Спб., 1893 г. in 4.

Сельско-хозяйственный обзоръ по Воронежской губерніи за 1892—93 г. Изд. воронежскаго губернскаго земства. Воронежъ, 1892 г. 30 in 8.

Панаевъ, В. А. Изъ прошедшаго для пользы настоящаго. По поводу узкоколейныхъ дорогъ и удешевленія ширококолейныхъ. Спб., 1893 г. Ц. 50 коп. 66 in 8.

Летопис матице српске вомъ Саду, 1893 г. I.

Отчетъ общества для пособія нуждающимся сценическимъ дѣятелямъ за 1892 г. Спб., 1893 г. 60 in 16.

Діевъ, Гр. А. Армянскій вопросъ въ Турціи. (Изъ переписки со стамбульскимъ публицистомъ). Москва, 1893 г. Ц. 40 к. 78 in 16.

Jan Kollár. 1793—1852. Sbornik stati o živolě, pôsobeni a literarni činnosti pěvce „slávy dcery“ Na oslavu-jeho sto letych narozenin. Ve Vídni, 1893. 282 in 8.

Отчетъ комитета по изданію книгъ для народнаго чтенія, состоящаго при харьковскомъ обществѣ распространенія грамотности въ народѣ, съ 1 января 1892 по 1 января 1893 года. Харьковъ, 1893 г. 15 in 16.

Положеніе о государственномъ квартирномъ налогѣ (высочайше утвержденное 14 мая 1893 г.) съ поясненіями. Изд. И. В. Полякова, неоффиціальное. Кіевъ, 1893 г. Ц. 20 к. 24 in 8.

Псалти, Г. Г. Искусственный выводъ циплятъ (инкубація). Маріуполь, 1893 г. Ц. 10 к. 38 in 16.

Харьковскій сборникъ. Литературно-научное приложеніе къ „Харьковскому календарю“ на 1893 годъ. Подъ редакціей В. В. Иванова. Вып. VII. Харьков 1893 г. 476 in 8.

Гавалевичъ, М. Бабочка. Матеріа для повѣсти. Изд. С. Карцатовска Спб., 1894 г. 354 in 8.

Брокгаузъ, Ф. А., и Ефронъ, И. А. Энциклопедическій словарь. IX. Спб., 1893 г. in 8.

Лукьянскій. Опытъ прямого отвѣ на вопросъ: что дѣлается съ челов комъ, когда онъ заболѣваетъ холеро гдѣ гнѣздится въ немъ эта болѣзнь? С нитарная бесѣда съ читателемъ о х лерѣ. Москва, 1893 г. Ц. 80 к. 134 in 1

ОГЛАВЛЕНІЕ

„Библіографическаго отдѣла".

I. Книги.

Стр.

Беллетристика: „Путь-дорога". *Изд. К. М. Сибирякова.*—„Мозаика". *Е. Зеланда.*—„Свои—чужіе". *А. В. Крылова.*—„Русскій художественный архивъ".—„Притворная невѣрность". *А. С. Грибоѣдова.* — „Молодые супруги". *Его же.*—„Кто братъ, кто сестра". *Его же.*—„Звуки жизни". *О. Лурье* 353

Педагогика: „Le rôle social des Universités", *par Max Leclerc.*—„Древніе языки въ среднемъ образованіи". *М. Бреаля.* 359

Публицистика: „Армянскій вопросъ въ Турціи". *Г. А. Діева.*—Изъ эпохи великихъ людей". *Г. Джаншіева.*—„Элизе Реклю объ общественномъ строѣ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ". *А. Борзенко.*—„L'année littéraire, avec une préface par Henrik Ibsen", *par Paul Ginisty* 362

Исторія и біографіи: „Жизнь и труды М. П. Погодина". *Н. П. Барсукова.*—„Русско-византійскія изслѣдованія". *В. Васильевскаго.*— „Жизнь замѣчательныхъ людей". *Изданіе Ф. Павленкова.* 367

Путешествія: „Путешествіе по югу Россіи и сѣверному Кавказу". *И. Я. Акинфіева.*—„Путевые разсказы и замѣтки". *А. Филодумова.* 376

Политическая экономія и статистика: „Étude sur l'enseignement de l'economie politique dans les Universités l'Allemagne d'Autriche", *par Henri St.-Marc.*—„Die Arbeiterinnen- und Frauenfrage der Gegenwart", *von Clara Zetkin.*— „Общій очеркъ экономическихъ и торгово-промышленныхъ условій района владикавказской желѣзной дороги". *Ф. Щербины.*—„Пермскій край".—„Движение на населението въ Българското княжество прѣзъ 1891 година".—„Нѣкоторыя данныя объ урожаѣ хлѣбныхъ растеній въ Пріамурскомъ краѣ въ 1891 г.".— „Краткій статистическій обзоръ пожарныхъ командъ Россійской имперіи". *Гр. А. Д. Шереметева.* 377

Юридическія книги: „О промысловомъ ученичествѣ вообще и о договорахъ промысловаго обученія въ особенности". *А. Ф. Ѳедорова.* — „Очерки первобытнаго права". *С. Гальперина.*—„Къ вопросу объ изданіяхъ и комментаріяхъ литовскаго статута". *С. Пташицкаго* 386

Естествознаніе: „О теоріи растворовъ". *А. Горстмана.* — „Чудесное въ наукѣ". *Эмиля Дебо.* 389

Медицина: „Лекціи о сравнительной патологіи воспа
ея.—„Руководство къ леченію зубныхъ болѣзней". — „Свѣ
ство въ санитарномъ отношеніи". *К. П. Сумма* . . . .

Техническія книги: „Практическій курсъ токарнаго
съ указаніемъ элементарныхъ пріемовъ обработки металлов
къ и многими рецептами по отдѣлкѣ дерева". *М. А. Нет*

Сельское хозяйство: „Опредѣленіе древесины, вѣтв
ныхъ древесныхъ и кустарныхъ породъ по таблицамъ". *Л
кова.*—„Практическое русское огородничество". *В. Н. Ма*
ческое распредѣленіе града въ Европейской Россіи и завис
отъ рельефа земной поверхности". *В. А. Тарноскаго.*—„Р
руководство къ правильному устройству и веденію сельск
верной и южной полосѣ Россіи". *К. Ф. Гвена.*—„Страхов
В. А. Тарноскаго . . . . . .

Учебники и книги для дѣтскаго и народнаго чт
сная библіотека". *Изд. Чудинова.*—„Элементарный учебникъ
языка для начальныхъ народныхъ училищъ, церковно-прихо
грамоты". *А. Гусева.* — „Темы по предмету русскаго языка
совъ гимназій и военно-учебныхъ заведеній и для низшихъ
семинарій". *П. Кремлева.*—„Избранныя стихотворенія" *А.*

Справочныя книги: „Энциклопедическій словарь". *Б
и И. А. Ефрона.*—„Настольный энциклопедическій словарь
А. Гранатъ и К°. . . . . . .

II. Періодическія изданія.

„Вѣстникъ Европы", іюль.—„Русскій Вѣстникъ", іюль.—
іюль.—„Сѣверный Вѣстникъ", іюль.—„Міръ Божій", іюль .

III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію жур
съ 1 іюля по 1 августа 1893 г

Русская

ОБЪЯВЛЕНІЕ

отъ Распорядительнаго Комитета Высочайше IX съѣзда русскихъ естествоиспытателей и врач

На основаніи ВЫСОЧАЙШЕ утвержденнаго 4 іюня 1893 года П гг. министровъ, министромъ народнаго просвѣщенія статсъ-се Деляновымъ 19 іюня 1893 г. утверждены слѣдующія

ПРАВИЛА

для IX съѣзда русскихъ естествоиспытателей и враче

1. IX съѣздъ русскихъ естествоиспытателей и врачей въ Мо споспѣшествовать ученой и учебной дѣятельности на поприщѣ ес направлять эту дѣятельность, главнымъ образомъ, на ближайшее сіи и доставлять русскимъ естествоиспытателямъ случай лично собою.

2. IX съѣздъ, состоя, по примѣру предшествовавшихъ съѣзд тельствомъ г. министра народнаго просвѣщенія, находится въ вѣ московскаго учебнаго округа, отъ котораго зависятъ ближайшія устройству сего съѣзда.

3. Членомъ съѣзда можетъ быть всякій, кто научно занима емъ, но правами голоса на съѣздѣ пользуются только ученые, стоятельное сочиненіе или изслѣдованіе по естественнымъ наукам сихъ наукъ при высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Н званіе члена IX съѣзда не выдается.

4. Засѣданія съѣзда бываютъ общія и частныя (по секціямъ даніяхъ читаются статьи общеинтересныя и обсуждаются вопросы съѣзда; въ частныхъ засѣданіяхъ сообщаются и разбираются изс денія, имѣющія болѣе спеціальное значеніе для одной изъ отрас

5. Отдѣленія на съѣздѣ полагаются слѣдующія: a) по мат прикладной) и астрономіи, b) физикѣ, c) химіи, d) минералогіи и никѣ, f) зоологіи, g) анатоміи и физіологіи человѣка и животн этнографіи и антропологіи, i) агрономіи, k) научной медицинѣ гіенѣ.

6) Члены академіи наукъ, преподаватели университетовъ и заведеній (находящіеся внѣ столицы), желающіе принять участіе получать для этой цѣли командировки срокомъ отъ двухъ до смотря по разстоянію ихъ мѣстожительства отъ Москвы.

7) Съѣздъ имѣетъ быть съ 3 по 11 января 1894 г. въ здані

Доводя о семъ до всеобщаго свѣдѣнія, Распорядительный К ше проситъ со всѣми необходимыми заявленіями и за разъясне подробностей, касающихся ближайшей организаціи съѣзда, обра ста 1893 года къ предсѣдателю Распорядительнаго Комитета, К. Московскій университетъ.

Предсѣдатель Комитета *К.*

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

Н. ФЕНУ и К°

(С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Невскій пр., 40)

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ, МЕЖДУ ПРОЧИМЪ, СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ:

Арнольдъ, Ѳ. Русскій лѣсъ. Томъ I. Изд. 2-е. Спб., 1893 г. Цѣна 4 р. За 3 тома 14 р.

Архивъ князя Воронцова. Книга тридцать девятая. Письма къ князю М. С. Воронцову А. И. Левшина, А. П. Бутенева, И. В. Сабанѣева. Москва, 1893 г. Цѣна 3 р.

Вертранъ, Э. Уходъ за пасѣкой. Календарь пчеловода. Переводъ съ французскаго подъ редакціей Г. Кондратьева. Съ рисунками и 3-мя таблицами чертежей улья. Спб., 1893 г. Цѣна 90 к.

Веберъ, К. Корзиночное производство по выдѣлкѣ корзиночныхъ издѣлій и корзиночной мебели. Спб., 1893 г. Цѣна 75 к.

Вихревъ, Д. Элементарный курсъ рисованія для городскихъ училищъ. Съ 36-ю таблицами рисунковъ. Спб., 1893 г. Цѣна 60 к.

Воиновъ, Н. Краткое практическое виноградарство. Съ рисунками въ текстѣ. Изданіе 2-е, исправленное. Спб., 1893 г. Цѣна 25 к.

Воронковъ, Г. Дешевый лѣсомѣръ, дающій возможность измѣрять толщину дерева на извѣстной высотѣ, не прибѣгая къ срубанію. Спб., 1893 г. Цѣна 20 к.

Газалевичъ, М. Бабочка. Матеріалы для повѣсти. Переводъ съ польскаго Л. Горбачевскаго. Спб., 1893 г. Цѣна 1 р. 25 к.

Ганъ, И. Руководство къ правильному употребленію знаковъ препинанія съ задачами для упражненія. Изд. 5-е, вновь пересмотрѣнное и исправленное. Вильно, 1893 г. Цѣна 30 к.

Горбачевскій, Л. Карманный русско-нѣмецкій словарь, болѣе 3,000 употребительнѣйшихъ словъ. Спб., 1893 г. Цѣна 50 к.

Горбачевскій, Л. Карманный русско-нѣмецкій словарь, болѣе 3,000 употребительнѣйшихъ словъ. Спб., 1892 г. Цѣна 50 к.

Европейская библіотека, № 2-й. Избранныя мысли Сафира. Переводъ подъ редакціей П. Вейнберга. Спб., 1893 г. Цѣна 30 к.

Егоровъ, Я. Русская грамматика въ примѣрахъ или какъ научиться толково и грамотно писать по-русски. (Для семьи и школы и для самообученія). Отд. I—звукъ. Москва, 1893 г. Цѣна 10 к.

Зѣмбицкій, Ф. Очистка химическимъ способомъ воды для питья. Изъ гигіенической лабораторіи военно-медицинской академіи. Спб., 1893 г. Цѣна 60 к.

Избранные нѣмецкіе писатели для школъ съ введеніемъ, примѣчаніями и словаремъ Ѳ. Андерсона. Шиллеръ. Орлеанская дѣва. Спб., 1893 г. Цѣна 40 к.

Избранные нѣмецкіе писатели для школъ съ введеніемъ примѣчаніями и словаремъ О. К. Андерсона. Шиллеръ. Марія Стюартъ. Спб., 1893 г. Цѣна 40 к.

Кистеръ, М. Гимнастика: нарощеніе мышцъ гирями. Полное руководство, съ рисунками. Спб., 1893 г. Цѣна 25 к.

Кнейпъ, С. Уходъ за здоровыми и больными дѣтьми съ первыхъ дней ребенка до юношескаго возраста. Переводъ съ нѣмецкаго. Кіевъ, 1893 г. Цѣна 60 к.

Котельниковъ. Бесѣды по земледѣлію (выпускъ 1-й). О почвѣ и ея обработкѣ. Изданіе 5-е. Спб., 1893 г. Цѣна 30 к.

Кривошъ, В. Самоучитель русской скорописи (стенографія). Спб., 1893 г. Цѣна 1 р. 25 к.

Лѣсковъ, Н. Собраніе сочиненій. Т. 11-й. Спб., 1893 г. Цѣна 3 р.

Любимая книжка. Для малютокъ. Картинки на папкѣ. Москва, 1893 г. Цѣна 35 к.

Лякидэ, А. Новый всеобщій языкъ „Франоэзинъ“. Спб., 1893 г. Цѣна 20 к.

Мартосъ, Г. Начинающимъ велосипедистамъ безопасный велосипедъ. Обученіе и ѣзда на велосипедѣ. Дѣйствіе велосипеда на здоровье. Распространеніе велосипеда въ Россіи. Гонки. Дальнія поѣздки. Костюмъ велосипедиста. Уходъ за велосипедами и исправленіе легкихъ поврежденій. Спб., 1893 г. Цѣна 60 к.

Мещерскій, Н. Высшее сельско-хозяйственное образованіе въ Россіи и за границей. Спб., 1893 г. Цѣна 3 р.

Мокотовъ, А. Отголоски 60-хъ годовъ. Очерки и разсказы. Томъ I. Спб., 1893 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Мощанскій, А. Деревня Мохово. Бытовой очеркъ. Спб., 1893 г. Цѣна 10 к.

Пэнсскій, Н. Подробный спутникъ на всемірную выставку въ Чикаго съ приложеніемъ англо-русскихъ разговоровъ и картой пути. Спб., 1893 г. Цѣна 80 к.

Реуег. А., д-т. Неврозы кишечника у неврастениковъ. Кишечная неврастенія. Перев. съ нѣмецкаго А. Мендельсонъ. Спб., 1893 г. Цѣна 50 к.

Собраніе французскихъ авторовъ для школьнаго употребленія. Изданіе А. Алексѣева. Rollin Charles Biographies d'Homescélébres de l'antiquite. (Сократъ. Крезъ. Мильтіадъ. Деосфенъ. Порсенна. Югурта). Составилъ Ф. Крейсбергъ. Вып. 10-й. Спб., 1893 г. Цѣна 40 к.

Станиковичъ, К. Первые шаги. Романъ. Москва, 1893 г. Цѣна 2 р.

Торговая пересылка въ 1892 г. (Изъ „Вѣстника финансовъ"). Спб., 1893 г. Цѣна 75 к.

Циммерманъ, Э. Въ глубь Азіи. Поѣздка въ Самаркандъ. Съ рисунками въ текстѣ. Москва, 1893 г. Цѣна 25 к.

Яковлевъ, П. Борьба съ засухами и обезпеченіе хорошихъ урожаевъ хлѣбовъ и травъ посредствомъ простыхъ работъ. Съ 17-ю рисунками въ текстѣ. Спб. 1893 г. Цѣна 40 к.

Пересылка—по вѣсу и разстоянію. Частнымъ лицамъ—съ наложеннымъ платежомъ.

Въ пользу „Общества вспомоществованія переселенцамъ"

вышелъ и поступилъ въ продажу художественно-литературный

СБОРНИКЪ

„ПУТЬ-ДОРОГА",

въ который вошли статьи и стихотворенія: гг. Баранцевича, Барыковой, В. В., Гаршина, В. М. Гаршина (посмертное стихотвореніе), Гольцева, Засодимскаго, Златовратскаго, Кауфмана, Ковалевскаго, Кривенко, Лѣскова, Мамина-Сибиряка, Мачтета, Мережковскаго, Минскаго, В. П. Острогорскаго, Я. Полонскаго, Потапенка, Скабичевскаго, Вл. Соловьева, Л. Н. Толстого, Цебриковой, Чехова, Щедрина (автобіографическое письмо-факсимиле), Ядринцева, Яжула и друг. Изъ иностранныхъ писателей дали свои произведенія Бурже, Вильденбрухъ и Гартманъ (философъ).

Сборникъ украшенъ произведеніями художниковъ: Архипова, Бенъ, Васнецова, Ге, Дмитріева-Кавказскаго, Загорскаго, Зощенко, Касаткина, Киселева, бар. Клодта, Крамского, Лебедева, Малышева, Неврева, Орловскаго, Перешлетчикова, Пименка, Поленова, Рѣпина, Савицкаго, Шарлемана и друг.

Цѣна сборника 8 руб. 50 коп., съ пересылкой 4 руб., на лучшей веленевой бумагѣ 5 руб., съ пересылкой 6 руб.

Главный складъ изданія въ редакціи «РУССКАГО БОГАТСТВА», Литейная № 46.

СЪ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОЮ ЦѢЛЬЮ.

Въ книжныхъ магазинахъ Карбасникова, „Новаго Времени“, Карцева, Прянишникова, Думнова, Скорова и друг. поступило въ продажу

4-е значительно дополненное изданіе новой книги:

„ИЗЪ ЭПОХИ ВЕЛИКИХЪ РЕФОРМЪ“.

ИСТОРИЧЕСКІЯ СПРАВКИ.

Гр. ДЖАНШІЕВА.

Съ портретомъ **В. А. АРЦИМОВИЧА.**

СОДЕРЖАНІЕ: Посвященіе Бѣлинскому. Предисловія.—В. А. Арцимовичъ † 2 марта 1893 г.—ГЛАВА I. Объявленіе воли и его всеобъемлющее значеніе.—ГЛАВА II. Роль тверского дворянства въ крестьянской реформѣ.—ГЛАВА III. Сподвижникъ Царя-Освободителя Великій Князь Константинъ Николаевичъ.—ГЛАВА IV. Къ 30-лѣтію отмѣны тѣлесныхъ наказаній.—ГЛАВА V. Университетскій уставъ 1863 г.—ГЛАВА VI. Земское самоуправленіе.—ГЛАВА VII. Законъ о печати 6-го апрѣля 1865 г.—ГЛАВА VIII. Первые шаги безцензурной печати.—ГЛАВА IX. Судебные уставы Александра II.—ГЛАВА X. Предтечи гласнаго суда.—ГЛАВА XI. Открытіе „новаго суда“ въ Петербургѣ.—ГЛАВА XII. Открытіе новаго суда въ Москвѣ и въ провинціи.—ГЛАВА XIII. Учрежденіе мирового суда. Post-scriptum (либерализмъ и новый судъ). ГЛАВА XIV. Какъ возникло московское юридическое общество.—ГЛАВА XV. Двадцатипятилѣтіе „Вѣстника Европы“.—ГЛАВА XVI. Юбилейныя справки: 1) В. Д. Спасовичъ; 2) Н. И. Стояновскій; 3) А. М. Унковскій; 4) А. А. Головачевъ; 5) Е. П. Старицкій; 6) В. Н. Герардъ; 7) И. Я. Фойницкій.—ГЛАВА XVII. Скорбныя справки: 1) И. М. Остроглазовъ; 2) П. Н. Грековъ; 3) П. Я. Александровъ.

Стр. 583+LX и двѣ библіотечныя карточки.

Складъ въ конторѣ „РУССКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ“.

Цѣна 2 руб., съ перес. 2 руб. 30 коп.

Поступила въ продажу новая брошюра:

Гр. А. Діевъ.

АРМЯНСКІЙ ВОПРОСЪ ВЪ ТУРЦІИ.

(Изъ переписки съ стамбульскимъ публицистомъ).

Цѣна **40** коп.

Продается въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ Карбасникова, на Моховой; въ Тифлисѣ: въ Центральномъ книжномъ магазинѣ.

Египтѣ=отъ $^1/_{20}$ до $^1/_{60}$ піастра (піастръ=$5^5/_9$ к.).

Медисонъ (Madison), главный городъ сѣверо-американскаго штата Висконсинъ; университетъ, 10 324 жит.

Mediterraneum, mare M., латинское названіе Средиземнаго моря.

Медицина, medicina, наука о здоровомъ и больномъ человѣкѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ искусство сохранять здоровье, предупреждать и лѣчить болѣзни. Какъ наука, М. есть часть естествознанія, и движеніе ея во всѣ времена находилось въ прямой зависимости отъ успѣховъ послѣдняго. М. развѣтвляется на рядъ отдѣльныхъ наукъ, образующихъ двѣ основныя группы, изъ коихъ одна изучаетъ здоровый, другая—больной организмъ. Первая, физіологическая группа обнимаетъ анатомію съ гистологіей, физіологію съ физіологич. химіей; вторая, патологич. группа—патологію, нозологію, патологич. анатомію и этіологію, анамнестику и патогенію, симптоматологію, семіотику, діагностику и прогностику. *Прикладная М.* состоитъ изъ гигіены, профилактики и собственно науки о лѣченіи болѣзней или терапіи, которая распадается на общую и частную; послѣдняя имѣетъ задачей лѣченіе отдѣльныхъ видовъ болѣзней. Сюда же примыкаютъ: фармакологія, фармакодинамика, фармакогнозія и фармація съ рецептурой. Отдѣльныя вѣтви патологіи и терапіи суть: хирургія, гинекологія, акушерство, педіатрія, отіатрія, офтальміатрія, психіатрія, зубоврачебная наука. *Судебная М.* есть приложеніе медицинскихъ знаній къ вопросамъ права. Въ новѣйшее время все болѣе выясняется, что плодотворное изученіе и пониманіе болѣзней человѣка немыслимо безъ знанія патологіи животныхъ и даже растеній. И вотъ, на ряду съ сравнит. анатоміей и физіологіей, созидается, на нашихъ глазахъ, *сравнительная патологія*, въ рукахъ которой—будущее медицины (см. сл. *Мечниковъ*). — Въ древнія времена лѣченіе недуговъ было тѣсно связано съ религіознымъ культомъ. У индусовъ, арабовъ, египтянъ и грековъ лѣчили жрецы, которымъ это искусство было, по общему тогда вѣрованію, сообщено первоначально божественнымъ откровеніемъ. У грековъ храмы Эскулапа, сына Аполлона, были долгое время единственнымъ мѣстомъ, гдѣ страждущіе искали и находили исцѣленіе. Научная М. начинается съ Гиппократа (род. въ 460 г. до Р. Х.), который обладалъ геніальною наблюдательностью, ставилъ источникомъ всякаго знанія точное и систематическое изслѣдованіе у постели больнаго и такимъ образомъ является основателемъ *эмпирической* школы. Ей наука обязана массою цѣнныхъ, понынѣ не лишенныхъ значенія наблюденій. Изъ Александріи греческая медицина перешла къ римлянамъ, и Ѳемисонъ основалъ школу *методиковъ*, которые старались отыскать признаки, общіе различнымъ болѣзнямъ, свести послѣднія къ немногимъ типамъ и для каждаго типа найти соотвѣтственное лѣченіе. Цельсъ, около 30 л. до Р. Х., собралъ весь накопившійся къ тому времени запасъ знаній и критически освѣтилъ ихъ. За симъ слѣдуетъ въ I в. послѣ Р. Х. школа *пневматиковъ*, по ученію которой источникомъ всякой дѣятельности въ организмѣ служитъ воздухообразное начало, ...
Атенеемъ, ученикъ ...
Спарты, около 90 г. ...
ческую школу, ...
школъ древности. Въ ...
дистъ Галенъ, создав...
лѣзней и болѣзненны...
наступившихъ вѣков...
наукѣ служившій един...
X и XI вв. прогресс...
точивается въ рукахъ ...
ценны служить, вплоть ...
обширнѣйшимъ руко...
это же время не мал...
и сохраненію науки ...
которыхъ состояли ...
особъ. Съ эпохой реф...
печатанія совпадаетъ ...
М-ѣ, созданный возр...
слѣдовавшими одно ...
этой наукѣ. Достаточ...
(утверждаютъ, что р...
соч. объ устройствѣ ...
Тиціану), *Фаллопія* ...
(ум. въ 1579 г.). На ...
является личность *П*...
ваетъ арабскую и р...
дать М-ѣ болѣе шир...
Вся природа, учитъ ...
въ которомъ нѣтъ ...
существуетъ лишь ...
силу внутренняго при...
существо, паразитичес...
нымъ, индивидуальны...
развивающееся въ д...
Это ученіе является ...
современной теоріи ...
исцѣленіе Парацель...
индивидуально-специф...
ваемый самой жизн...
Цѣлебныя средства, ...
развивающія въ нѣдр...
жизненную энергію д...
слѣдующая *химіатр*...
отчасти къ Парацельс...
старалась привлечь ...
нической жизни. ...
естественно-научное ...
и утверждалъ, что ...
созидающимъ принци...
быть направлено к...
Архея, для чего онъ ...
вино, опій, ртуть ...
школа объясняла явл...
и гидравлики и, нахо...
Веруламскаго и Декар...
на часть прикладной ...
физики. Въ 17 вѣкѣ ...
крываетъ кровообраще...
„все живое изъ яйца“ ...
творцомъ новой физ...
идутъ великія анатом...
связанныя съ имена...
(см. соотв. слова). ...
(1624—1689) возвра...

дународную торговлю можно сравнить съ вѣсами (balance), вывозъ и ввозъ подобны чашкамъ вѣсовъ, и перевѣсомъ той или другой (торговымъ балансомъ) рѣшается вопросъ, приливаютъ ли деньги въ страну, которая въ такомъ случаѣ богатѣетъ, или они уходятъ изъ нея, и она бѣднѣетъ. 5. Благосостояніе населенія тѣмъ выше, чѣмъ шире область для приложенія его труда. 6. Хозяйственное процвѣтаніе страны находится въ прямомъ отношеніи къ размѣрамъ ея населенія. 7. Прибыль отъ вывоза значительнѣе, если предметомъ его служитъ не сырье, а обработанные продукты. 8. Наиболѣе выгодна торговля съ политически слабыми странами или съ находящимися въ полномъ подчиненіи колоніями. 9. Только планомѣрное вмѣшательство государства придаетъ торговлѣ ту форму, въ которой она наиболѣе полезна для страны. 10. Перевѣсъ въ торговлѣ сопровождается политическимъ преобладаніемъ.—Какъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ, Англія является мѣстомъ, гдѣ съ наибольшей отчетливостью можно прослѣдить ходъ развитія М-а какъ въ теоріи, такъ и въ практикѣ. Съ проявленіями его мы встрѣчаемся здѣсь уже въ XIV в. Первоначально правительство прибѣгало къ прямому воздѣйствію на денежное обращеніе. Былъ запрещенъ вывозъ благородныхъ металловъ; англ. купцамъ, возившимъ свои товары на континентъ, предписывалось продавать ихъ только въ опредѣленныхъ „складочныхъ мѣстахъ“ („staples“), какъ Антверпенъ, Брюгге, Труа (въ Шампани), Кале, и извѣстную часть выручки привозить обратно въ Англію въ видѣ монеты; иностранные купцы, пріѣзжавшіе въ Англію, обязаны были въ силу законовъ объ „истраченіи“ (statutes of employment; самый обширный изъ нихъ изданъ при Генрихѣ VI въ 1440 г.) расходовать свои деньги на покупку туземныхъ товаровъ и съ этой цѣлью были поставлены подъ бдительный контроль такъ наз. „хозяевъ“ (hosts) изъ мѣстныхъ купцовъ, „сыщиковъ“ (searchers), „надсмотрщиковъ“ (customers). Съ развитіемъ торговли и переходомъ операцій по ввозу въ руки англійскихъ же купцовъ (Merchants-Adventurers и др. компаній) эти мѣры становятся неудобоисполнимыми; является также сознаніе ихъ неразумности съ точки зрѣнія самого М-а, такъ какъ важна, вѣдь, не абсолютная цифра ввоза и вывоза благор. металловъ, а разница между ними (Мэнъ). Заботы правительства сосредоточиваются на достиженіи выгоднаго торговаго баланса путемъ расширенія отпускной и сокращенія ввозной торговли. Такъ какъ мануфактурныя издѣлія обладаютъ значительною цѣнностью и при небольшомъ сравнительно объемѣ легче могутъ быть доставлены на иностранные рынки, то развитіе мануфактурной промышленности признается одной изъ важнѣйшихъ государственныхъ задачъ. Съ этой цѣлью прибѣгаютъ прежде всего къ таможеннымъ мѣропріятіямъ: запрещается ввозъ мануфактурныхъ товаровъ, или они облагаются высокими пошлинами, вывозъ же ихъ поощряется при помощи премій. Чтобы расширить поле дѣятельности для туземной промышленности, запрещается вывозъ сырья, причемъ не послѣднюю роль играетъ соображеніе, что вывезенные сырые продукты вернутся назадъ обработанными, и денежная разница въ ихъ цѣнности достанется иностранцамъ; по тѣмъ же мотивамъ ввозъ сырья допускается безпрепятственно. Правительство, однако, не ограничивается одними мѣрами запрещенія и покровительства; чтобы довести до высокой степени совершенства отечественныя издѣлія и обезпечить т. о. за ними первенство на всемірномъ рынкѣ, оно поощряетъ иммиграцію искусныхъ мастеровъ, слѣдитъ при посредствѣ своихъ заграничныхъ агентовъ за всѣми появляющимися тамъ техническими усовершенствованіями, подвергаетъ промышленность строгой регламентаціи и контролю, которые простираются на самую технику производства, качество издѣлій, цѣну ихъ и пр. и по своей мелочности ни въ чемъ не уступаютъ прежнему надзору цеховъ и корпорацій. Далѣе, въ видахъ удешевленія товаровъ, оно старается сдѣлать дешевымъ создающій ихъ трудъ; сюда клонятся: запрещеніе вывозить хлѣбъ и установленіе таксы на предметы продовольствія рабочихъ, регулированіе самой заработной платы путемъ назначенія максимума, его поощрительныя мѣры къ размноженію народонаселенія и пр. Чтобы обезпечить сбытъ англійскимъ товарамъ, государство ревностно заботится о пріобрѣтеніи новыхъ колоній, которымъ не даетъ заводить собственныя мануфактуры, торговлю же съ ними оно объявляетъ монополіей своихъ купцовъ; старается заключать выгодные торговые трактаты съ другими странами. На ряду со всѣми этими мѣрами, поощряется судоходство и кораблестроеніе, основаніе большихъ торговыхъ компаній, снабжаемыхъ обширными привилегіями и монополіями (напр. Ость-Индская комп.) и пр. Аналогичной, въ основныхъ чертахъ, политикѣ слѣдовали Франція, Голландія, Испанія и др. страны. Апогея своего развитія М. достигъ въ XVII в. (навигаціонный актъ Кромвеля въ Англіи, система Кольбера во Франціи), затѣмъ начинается его упадокъ. Послѣдовательное проведеніе его началъ въ международной торговлѣ стало невозможнымъ, какъ только имъ стали руководиться большинство государствъ: пошли въ ходъ взаимныя торговыя репрессаліи, которыя нерѣдко приводили къ военнымъ столкновеніямъ. Съ другой стороны, сама промышленность, которая быстро шла впередъ въ своемъ развитіи, стала находить правительственную опеку чересчуръ стѣснительной. Начавшаяся въ жизни реакція противъ М-а отразилась и въ ходѣ экономическихъ идей и, идя crescendo, завершилась въ ученіи физіократовъ и Адама Смита. На практикѣ М. продолжалъ держаться до конца XVIII в., а многія изъ его положеній, въ смягченной и родственной ему формѣ протекціонизма, находятъ и теперь многочисленныхъ сторонниковъ. Основныя ошибки М-а заключаются въ преувеличеніи роли денегъ и торговаго баланса въ народномъ хозяйствѣ, въ возложеніи слишкомъ большихъ надеждъ на всемогущество правительственной опеки въ дѣлѣ содѣйствія экономическому процвѣтанію страны, въ одностороннемъ покровительствѣ торговлѣ и промышленности, въ ущербъ законнымъ интересамъ земледѣлія и рабочаго класса. Для правильной оцѣнки М-а слѣдуетъ, однако, помнить, что деньги и отнюдь не всѣми м-истами признавались единственной формой богатства; многіе изъ нихъ были

Михайловка, названіе многихъ крупныхъ селъ и слободъ Екатеринославской, Курской, Харьковской, Таврической и др. губ.; изъ нихъ при деревнѣ М-ѣ, Самарской губ., Бугурусланскаго уѣзда, по берегу р. Шунгуты находятся нефтяные ключи.

Михайловская, казачья станица области Войска Донскаго, Хоперскаго окр., на лѣвомъ берегу рѣки Хопра; 17848 ж. Ежегодно 3 ярмарки, изъ которыхъ самая значительная Крещенская или Богоявленская (съ 25 декабря до 12 января).

Михайловскій 1) Николай Константиновичъ, современный публицистъ и критикъ, род. въ 1842 г. въ г. Мещовскѣ Калужской губ. Происходя изъ бѣдной дворянской семьи, Н. К. получилъ образованіе въ горномъ корпусѣ, хотя полнаго курса и не окончилъ. Сначала М. мечталъ объ адвокатурѣ, но скоро литературныя наклонности взяли въ немъ верхъ, и съ 1860 г. онъ безповоротно отдается журналистикѣ. Первой статьей Н. К. была критическая замѣтка по поводу „Обрыва" Гончарова, помѣщенная въ журналѣ Кремкина „Разсвѣтъ" (1860). Затѣмъ работы его начинаютъ появляться на страницахъ различныхъ журналовъ („Современное Обозрѣніе" Тиблена, „Невскій сборникъ" В. Курочкина, „Недѣля"); но важнѣйшій періодъ его дѣятельности принадлежитъ „Отечественнымъ Запискамъ", въ которыхъ онъ сотрудничалъ съ 1868 г. до самаго ихъ закрытія. Въ послѣднее время М. принималъ участіе въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ", „Русской Мысли", „Русскихъ Вѣдомостяхъ" и „Русскомъ Богатствѣ". — Занятія юриспруденціей незамѣтно привели молодаго литератора къ изученію философскихъ системъ и прежде всего Гегеля и Прудона. Мало-по-малу изъ него выработался весьма своеобразный типъ *журналиста-мыслителя*. Характерную черту Н. К. составляетъ глубокое и вѣрное пониманіе насущныхъ потребностей своего времени. Онъ взялъ на себя нелегкую задачу стать просвѣщеннымъ посредникомъ между наукой и обществомъ и надлежащимъ образомъ уяснить тѣ вопросы, которые уже трактовались въ печати и обществѣ, но крайне сбивчиво. Позитивизмъ, теорія Дарвина, соціологическое ученіе Спенсера, педагогика, женскій вопросъ, тѣ или другія явленія литературы—все это находило талантливую, обстоятельную оцѣнку въ статьяхъ Н. К. Благодаря сильному, философски развитому уму и обширной эрудиціи, М. не только съумѣлъ популяризировать научныя и общественныя идеи, но и обогатить науку новыми выводами. Самостоятельное, критическое отношеніе къ западно-европейскимъ и отечественнымъ авторитетамъ ярко выступаетъ въ каждой работѣ М-аго, и это качество, несомнѣнно, имѣло большое воспитывающее вліяніе на русскаго читателя. Принимая, напр., основныя положенія позитивизма о границахъ изслѣдованія, классификацію наукъ Конта, его субъективный методъ въ общественной наукѣ, Н. К. отрицательно смотритъ на другія стороны ученія Конта. Но особенно много сдѣлалъ М. для соціологіи. Хотя взгляды его разсѣяны въ отдѣльныхъ статьяхъ, представляющихъ по большей части разборы сочиненій Спенсера, Южакова и др., тѣмъ не менѣе для всякаго очевидно, что авторъ вездѣ проводитъ одну и ту же стройную соціологическую теорію. М. ложеніемъ, что общ... какъ единый орга... играютъ лишь служ... цѣлому. Онъ горяч... индивидуума на сов... согласно Бэру, Миль... вѣстной степени сло... менѣе значительной... Соціальный прогрессъ... моническаго примирен... ности, такого порядк... ставитъ полную своб... входящей въ его сост... нія М-аго. Въ статья... тическихъ М. оста... чутко отзывающимся... и времени, по поводу... сказываетъ свое вѣс... подкрѣпленное солид... крупныя критическія... тральнаго романа (... Писемскаго, Достоев... скаго, Л. Толстого, ... на традиціяхъ 60-х... болѣе 30 лѣтъ же... рогѣ, служилъ, говор... правдѣ. Сочиненія М... торыя его работы су... изданіяхъ (критичес... Л. Толстомъ, всту... ранію сочиненій Г... Шелгунова, сборник... пр.). 2) М., Вас... род. въ 1834 г.; по... петербургской духов... гистра богословія; б... лавромъ казанской... въ Спасобочаринской... форовый иконостасъ... въ Россіи копѣечные... салъ очень много б... нальныхъ статей, ... житій святыхъ, об... лярныхъ книгъ для... содержанія и т. п. ... сочиненій наиболѣе в... словарь" (1869).

Михайловскій-Да... вичъ, военный исто... молодости, рано в... долго путешествовал... пр., занимался въ... и Италіи. Съ 1812 г... ведетъ почти непре... Въ компаніи 1812 ... Кутузовѣ и былъ ран... гг. — при начальни... 1828-29 гг. участв... наконецъ въ 1831 ... въ сраженіи против... 1835 г. онъ сдѣла... лемъ военно-цензур... членомъ военнаго со... повелѣнію онъ сост...

знанія и обратилъ особенное вниманіе на происхожденіе эпидемич. болѣзней. Въ XVIII в. развитію М-ы особенно способствовали: *Сталь*, разсматривавшій тѣло, какъ непосредственное орудіе души, anima, составляющей единственное дѣятельное и переходящее начало въ моментъ зачатія; *Гоффманнъ*, сводившій всѣ болѣзненныя явленія къ физическимъ и механич. законамъ; *Бёргавъ*, отличавшійся широтою философской мысли и необыкновеннымъ преподавательскимъ талантомъ; *Галлеръ* (1708—1777), оказавшій громадныя услуги анатоміи, физіологіи и ботаникѣ и создавшій *солидарную* теорію, которая объясняла жизненныя явленія, гл. образомъ, дѣятельностью плотныхъ частей тѣла, именно „раздражительностью" мышечной и нервной системы. *Гиссонъ* призналъ въ раздражительности основную органич. силу, присущую также крови, другимъ тканямъ и даже костямъ. Галлеръ отличалъ отъ раздражительности „нервную силу", сосредоточенную въ головномъ мозгу и нервахъ и направляющую всю жизнь въ организмѣ. Открытіе явленій электричества дало мощный толчокъ къ развитію М-ы и, между прочимъ, породило ученіе о тождествѣ жизненнаго процесса съ гальваническимъ. *Броунъ* (1735—88) смотритъ на жизненныя явленія, какъ на продуктъ внѣшнихъ раздраженій. Жизнь только и разнится отъ смерти фактомъ возбудимости; онъ зналъ лишь 2 болѣзни: стенію и астенію и, пропорціонально плюсу или минусу возбудимости, направлялъ лѣченіе. Съ этимъ ненаучнымъ ученіемъ, увлекшимъ неподготовленные умы, упорно боролись трезвые наблюдатели, каковы: *Гуфеландъ*, *Франкъ*, котораго „Epitome de curandis hominum" никогда не потеряетъ своего значенія; *Рейль*, написавшій замѣчательныя изслѣдованія о строеніи мозга и о лѣченіи лихорадки. Оживляющій толчокъ къ развитію М-ы дала шеллингская натурфилософія; въ особенности это отразилось на физіологіи. Къ этому же времени относится появленіе *гомеопатіи*. Основатель ея, *Ганеманнъ* (1755 — 1843), училъ, что болѣзнь—не есть органическій процессъ развитія, а нарушеніе динамич. равновѣсія въ тѣлѣ, что силами природы исцѣленіе совершиться не можетъ, и что одна болѣзнь изгоняется другою. Видоизмѣненіемъ гомеопатіи явилась *изопатія*, извратившая принципъ Ганеманна въ томъ смыслѣ, что болѣзнь излѣчивается тѣмъ, что вызвало ее: „similia similibus curantur". Начало XIX вѣка знаменуется необычайнымъ и всесторонннимъ развитіемъ анатоміи и физіологіи. Особенно выдаются имена *Биша* и *Бурдаха*. *Шёнлейнъ*, исходя изъ парацельсовскаго положенія, что болѣзнь есть низшая форма жизненнаго процесса, паразитирующая въ организмѣ, создалъ нозологическую систему, подобно Линнею, сгруппировавъ болѣзни на основаніи анатомич. и физіологич. признаковъ, географич. распространенія и пр. Экспериментальныя изслѣдованія *Орфила*, *Мажанди* и др. выдвинули *токсикологію*. Въ послѣдніе полвѣка во всѣхъ отрасляхъ М-ы сдѣлано больше, чѣмъ въ предшествующія 2 тысячелѣтія. Современная М. отличается, главнымъ образомъ, тѣмъ, что отрѣшилась отъ априористической, спекулятивной философіи и признаетъ лишь то, что открывается здоровыми пятью чувствами и трезвой логикой. Анатомія, съ помощью микроскопа, проникла въ строеніе тончайшихъ частицъ тѣла. Физіологія стремится—и съ успѣхомъ—свести всѣ жизненныя явленія къ физическимъ и химическимъ законамъ. Постукиваніе, выслушиваніе и другіе методы изслѣдованія больного человѣка значительно расширили кругозоръ врачебнаго наблюденія. Патологич. анатомія *Рокитанскаго* и „Целюлярная патологія" геніальнаго *Вирхова*, а равно позднѣйшія открытія *Конгейма*, *Мечникова* и др. озарили небывалымъ свѣтомъ сущность и происхожденіе болѣзней. Быстро совершенствуются также отдѣльныя вѣтви практич. М-ы, благодаря антисептикѣ, изобрѣтенію офтальмоскопа, ларингоскопа и пр. Нужно надѣяться, глядя на эти гигантскіе успѣхи, что въ будущемъ и *терапія* (особенно внутренняя—самая отсталая изъ всѣхъ мед. наукъ) получитъ, наконецъ, истинно-научную основу, и М. сдѣлается тѣмъ, чѣмъ должна быть: искусствомъ удлинять, облегчать и услаждать жизнь.

Медицинская статистика, наука, имѣющая цѣлью собираніе и разработку цифровыхъ данныхъ, касающихся рождаемости, заболѣваемости и смертности человѣческаго рода. *Общая М. с.* изслѣдуетъ продолжительность жизни и смертность людей въ различныхъ странахъ. *Частная М. с.* разсматриваетъ каждую отдѣльную болѣзнь по отношенію къ числу жителей въ отдѣльныхъ странахъ, смертность отъ нея, вліяніе улучшенныхъ гигіеническихъ условій и различныхъ способовъ лѣченія, различныхъ операцій и проч. Не ограничиваясь собираніемъ голыхъ фактовъ, М. с. старается воспользоваться ими въ видахъ улучшенія условій жизни. Статистика указала, напримѣръ, на смертность отъ *оспы* до и послѣ введенія оспопрививанія. Изслѣдуя, сколько выздоровѣло и сколько умерло въ различныхъ странахъ, въ одно и то же время, мы съ несомнѣнностью убѣждаемся въ благотворномъ вліяніи предохранит. прививокъ. Сравненіе цифръ выясняетъ далѣе, что надежнѣе, животная или гуманизированная лимфа и пр. М. с. выяснила важное значеніе для городовъ хорошей проведенной воды. Констатированіе громадной смертности дѣтей въ большихъ городахъ выяснило важность лѣтнихъ колоній для бѣдныхъ дѣтей въ деревнѣ или на морскомъ берегу. М. с. показала, что на извѣстной высотѣ люди не умираютъ отъ чахотки,—и это повело къ устройству высокихъ лѣчебныхъ станцій, гдѣ чахотка протекаетъ чрезвычайно благопріятно и излѣчивается чаще, чѣмъ при всякихъ другихъ условіяхъ. Согласно М. с-ѣ, многіе люди слѣпнутъ оттого, что въ первые дни ихъ жизни оставляютъ безъ лѣченія незначительное воспаленіе глазъ; многіе остаются глухими и глухонѣмыми только оттого, что не обращено было вниманія на катарръ средняго уха, остающійся нерѣдко послѣ кори и скарлатины. Уже изъ приведенныхъ примѣровъ видно, какую широкую область захватываетъ М. с., и какая важная роль должна быть отведена этой наукѣ.

Медичи, знамен. флорентинская фамилія, представители которой (*Медичисы*) уже въ XIII в., благодаря удачнымъ торговымъ предпріятіямъ, достигли богатства и могущества. Когда въ борьбѣ гвельфовъ и гибеллиновъ Флоренція стала во главѣ парт и

Мерино, донъ Джеронимо, испанскій партизанъ; род. въ 1770 г. Сперва былъ священникомъ, потомъ принималъ дѣятельное участіе въ борьбѣ противъ французовъ за независимость Испаніи и своею храбростью снискалъ себѣ извѣстность. Когда въ 1820 г. въ Испаніи была возстановлена конституція, онъ выступилъ противъ нея и принялъ участіе въ междоусобной войнѣ, какъ защитникъ абсолютизма. Послѣ смерти короля Фердинанда VII М. сталъ на сторону донъ-Карлоса и былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ его сторонниковъ. Послѣ пораженія карлистовъ удалился во Францію, гдѣ и умеръ въ 1847 г.

Мериносы, одна изъ длинношерстныхъ породъ овцы, даютъ тонкую шерсть, ради полученія которой и разводятся. Искусственнымъ разведеніемъ выработано нѣсколько главныхъ типовъ М-въ: 1) М. *электоральные* съ нѣжнымъ тѣлосложеніемъ, дающіе короткую суконную шерсть въ небольшомъ количествѣ (саксонская, нѣмецкая, благородная овца); 2) типъ *негретти*, представляющій противоположность первому, съ густою, грубою и короткою шерстью, съ толстою, складчатою кожею и сильнымъ костякомъ (американскій негретти, въ Россіи инфантадо); 3) М., представляющіе по консистенціи средній между двумя предыдущими типъ, дающіе длинную камвольную шерсть и наиболѣе отвѣчающіе современнымъ требованіямъ суконнаго производства (суасонъ, шатильенезъ, мошанская овца, рамбулье во Франціи, бальдебуковская овца въ Германіи, мазаевская въ Россіи). Родина М-овъ—Испанія, откуда они начали вывозиться только съ XVII в. Въ Россіи тонкорунное овцеводство получило начало при Петрѣ I, и въ настоящее время М-овъ насчитывается въ Европейской Россіи около $9^1/_2$ милліоновъ головъ, что составляетъ нѣсколько болѣе $^1/_5$ всѣхъ овецъ; они разводятся преимущественно въ южныхъ и юго-восточныхъ губерніяхъ и преобладаютъ надъ простыми лишь въ трехъ губерніяхъ: Таврической, Херсонской и Екатеринославской, при этомъ мериносовское овцеводство составляетъ принадлежность почти исключительно только крупныхъ хозяйствъ (напр., въ Кубанской области есть стадо въ 60 тысячъ головъ).

Меринъ, холощеный жеребецъ.

Мериносъ (Meurice), Поль, французскій писатель и поэтъ; род. въ 1820 г., былъ страстнымъ приверженцемъ В. Гюго и романтической школы. Онъ обработалъ для французскаго театра нѣсколько произведеній любимаго своего автора Шекспира. Кромѣ того, М. написалъ драмы: „Benvenuto Cellini“, „L'avocat des pauvres“ и др., а также передѣлалъ для сцены многіе романы Жоржъ Занда. Собственные его романы не имѣютъ значенія. Гораздо болѣе выдвинулся онъ какъ республиканецъ-журналистъ, представитель идей Виктора Гюго, въ „Événement“ 1848 года и въ основанномъ имъ вскорѣ съ Вакери „Rappel“.

Mérite (франц.), заслуга; „pour le M.“, прусскій орденъ, основанный въ 1667 г. подъ названіемъ „pour la générosité“ и переименованный затѣмъ (1740) королемъ Фридрихомъ II въ „pour le M.“; дается за военныя и гражданскія заслуги; въ 1842 г. Фридрихъ Вильгельмъ IV расширилъ орденскій уставъ, и съ тѣхъ поръ орденъ дается также ученымъ и дѣятелямъ искусства, какъ прусскимъ (не болѣе 30 лицъ), такъ и иностраннымъ.

Мерицизмъ, *жвачка*, ruminatio, весьма рѣдкое у человѣка болѣзненное явленіе, состоящее въ томъ, что пища, побывавъ нѣкоторое время въ желудкѣ, возвращается обратно въ ротъ, вторично и безъ всякаго отвращенія пережевывается и снова проглатывается. Предполагаютъ, что М. есть слѣдствіе плохаго перевариванія крахмалистыхъ веществъ: при этомъ желудочный сокъ содержитъ въ избыткѣ кислоту, которая раздражаетъ стѣнки желудка и вызываетъ усиленную перистальтику.

Меріонетширъ, небольшое (1 557 кв. км.) англійское графство въ наиболѣе гористой части Уэльса; жители (52 038) занимаются овцеводствомъ, добычей свинца, цинка и мѣди, частью земледѣліемъ (подъ пашнями 9% всей поверхности); обрабатывающая промышленность весьма слабо развита. Гл. г. Дольджелли.

Мерка, городъ въ восточной Африкѣ, на Сомалійскомъ берегу; старинный фортъ, рейдъ, 12 мечетей, около 6 500 жит.

Меркантилизмъ или *меркантильная* („*торговая*“) *система* обозначаетъ совокупность извѣстнаго числа хозяйственныхъ принциповъ, которые отводятъ первенствующую роль въ народномъ хозяйствѣ торговымъ и денежнымъ вопросамъ и, начиная приблизительно съ новаго періода европ. исторіи, имѣли особенно сильное вліяніе на экономическую теорію и политику европейскихъ странъ. Указанное предпочтеніе легко объясняется, если припомнить, что возникновеніе М-а совпадаетъ съ переходомъ отъ натуральнаго хозяйства къ денежно-мѣновому. Съ этимъ переходомъ было тѣсно связано значеніе, которое стала пріобрѣтать торговля; съ другой стороны стали испытывать ощутительную нужду въ деньгахъ какъ частныя хозяйства, такъ и еще болѣе правительства, которыя не могли справляться съ своими новыми расходами (гл. обр. на содержаніе постоянныхъ армій, веденіе многочисленныхъ войнъ и пр.) при помощи старыхъ способовъ (доходы отъ доменовъ, натур. повинности). Принципы М-а развивались весьма медленно и, порожденные чисто практическими запросами жизни, постоянно стремились приноровиться къ нимъ. Вотъ почему въ періодѣ наивысшаго даже разцвѣта этой системы мы не находимъ ея въ видѣ строго законченной доктрины; такое же разнообразіе и невыдержанность характеризуютъ ея приложеніе къ жизни въ отдѣльныхъ государствахъ и въ разныя времена. Основныя положенія ея, тѣсно между собою связанныя, сводятся къ слѣдующему: 1. Страна, какъ и отдѣльныя лица, тѣмъ богаче, чѣмъ больше денегъ въ ея распоряженіи. 2. Источникомъ пріобрѣтенія благородныхъ металловъ для тѣхъ странъ, которыя сами не добываютъ ихъ, является внѣшняя торговля. 3. Послѣдняя наиболѣе прибыльна въ томъ случаѣ, когда обмѣнъ туземныхъ продуктовъ на продукты чужихъ странъ производится своими купцами и на своихъ судахъ. 4. Богатство страны возрастаетъ тѣмъ быстрѣе, чѣмъ больше товаровъ она отпускаетъ за-границу и чѣмъ меньше ввезитъ ихъ оттуда; разница между цѣнностью тѣхъ и другихъ выплачивается наличной монетой; ими-

Стр.

XIV. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: Законъ о преслѣдованіи ростовщическихъ дѣйствій не распространяется на многіе виды ростовщичества.—Вѣроятное вліяніе закона на ростовщическія сдѣлки.—Перемѣны въ русскомъ таможенномъ законодательствѣ.—О вліяніи, которое будутъ имѣть эти перемѣны на русскую внѣшнюю торговлю и наше сельское хозяйство.—Квартирный налогъ.—Льготы населенію по уплатѣ продовольственнаго долга.—30-тилѣтіе «Русскихъ Вѣдомостей».—Заявленіе коммиссіи при с.-петербургскомъ комитетѣ грамотности. 129

XV. АВТОБІОГРАФІЯ Л. РАНКЕ.—**Евг. Н. Щепкина** 149

XVI. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ БАНКЪ.—**Вл. В. Бирюковича**. 170

XVII. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—**В. А. Гольцева** 199

XVIII. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ: I. **Книги:** Беллетристика.—Педагогія.— Публицистика.— Исторія и біографіи.— Путешествія. — Политическая экономія и статистика. — Юридическія книги. — Естествознаніе. — Медицина.— Техническія книги. — Сельское хозяйство.—Учебники и книги для дѣтскаго и народнаго чтенія. — Справочныя книги. II. **Періодическія изданія:** «Вѣстникъ Европы», *іюль*. — «Русскій Вѣстникъ», *іюль*. — «Русское Богатство», *іюль*. — «Сѣверный Вѣстникъ», *іюль*. — «Міръ Божій», *іюль*. III. **Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 іюля по 1 августа 1893 г.** 353

„РУССКАЯ МЫСЛЬ".

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Условія подписки на 1893 годъ

(четырнадцатый годъ изданія).

	Годъ.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста Россіи	12 р.	6 р.	3 р.	1 р.
За границу.	14 „	7 „	3 „ 50 к.	—

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: при подпискѣ, къ 1 апрѣля, 1 іюля и 1 октября по 3 руб.

Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 50 коп. съ каждаго годоваго экземпляра. Кредита и разсрочекъ по доставляемымъ ими подпискамъ не допускается.

За перемѣну адреса взимается слѣдующая плата: при переходѣ городскихъ подписчиковъ въ иногородніе, а равно иногородныхъ въ городскіе уплачивается по 50 коп. За перемѣну адреса на адресъ той же категоріи уплачивается 25 коп. При перемѣнѣ адреса на заграничный доплачивается разница подписной цѣны на журналъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Москвѣ: въ конторѣ журнала—Леонтьевскій пер., 21.

Въ Петербургѣ: въ отдѣленіи конторы журнала—при книжномъ магазинѣ Н. Фену и К°, Невскій просп., домъ Армянской церкви.

Редакторъ-издатель ***В. М. ЛАВРОВЪ.***

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine of five cents a day is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.